КОРНИЛОВСКИЙ УДАРНЫЙ ПОЛК

1917 1974

Материалы для истории

КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

Ответственный составитель материалов — **М. Н. Левитов**

Корректор — **К. М. Перепеловский**

Обложка работы сестры милосердия Корниловского Ударного полка
В. С. Левитовой

Схемы с подлинных работ
А. И. Маевского

Всем принявшим участие в издании материалов материально или присылкой своих воспоминаний приношу мою глубокую признательность.

Полковник Левитов

Отпечатано в типографии

SOCIETE D'IMPRIMERIE PERIODIQUES ET D'EDITION

32, rue de Ménilmontant, PARIS (20°)
Téléphone : 636-67-41

«Истинный сын Русского народа отдает Родине самое дорогое, что он имеет, — свою жизнь».

Генерал КОРНИЛОВ

Генерал - от - Инфантерии
Лавр Георгиевич Корнилов

Гнев, печаль и боль за поруганную РОССИЮ несли в сердцах своих Первые Добровольцы Вождю своему Генералу КОРНИЛОВУ, — ему, кто в страшные годы лихолетия произнеся имя РОССИЯ, взял в свои руки и высоко поднял падающее Ее Знамя. В атмосфере ненависти, презрительного равнодушия, предательства и трусости они смело пошли за ним.

Слава истинному сыну РОССИИ — Генералу КОРНИЛОВУ!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская свои материалы для Истории Корниловского Ударного полка, я считаю своим долгом предупредить читателя о цели и характере их изложения. Основной целью издания материалов является оставить грядущим поколениям память о любви чинов Корниловского полка к своей Родине — национальной РОССИИ — в проявленной ими жертве в боях с чуждой нам властью диктатуры интернационального большевизма, агента враждебной нам тогда Германии, Ленина.

Составлялись они с желанием исполнить завещанное нам нашими военными авторитетами с действительной объективностью. Из дальнейшего чтения читатель увидит, насколько это мне удалось.

Сбор материалов велся начиная с тяжелых условий нашей жизни в Галлиполи, продолжался в шахтах Болгарии в положении рабочего и затем во Франции, в условиях не менее тяжелых, с перерывом в пять лет во время второй мировой войны. Писались материалы без претензий на литераторство, так как вся моя жизнь прошла по жестокому пути трех лет первой мировой войны, трех лет войны гражданской, страданий в Галлиполи и скитаний по чужим странам в борьбе за существование.

Если выпущенная ранее книга «Корниловский Ударный полк», по мнению профессора, Генерального штаба генерала Н. Головина «составленная опытным писателем М. А. Критским, читается от первой до последней страницы с напряженным вниманием», то он же говорит и о другой стороне ее так: «Я же, как военный историк, хочу здесь обратить внимание на другую, еще не написанную книгу, но которая должна быть написана. Я говорю про «Историю Корниловского Ударного полка». Сохранить эту полную Историю Корниловской доблести нужно для возрождения РОССИИ. Весьма вероятно, что эта полная История не будет так легко читаться, как книга «Корниловский Ударный полк», но зато она сохранит для потомства все подробности повседневного героизма Полка».

Вот для этой-то Истории я и предлагаю свои Материалы.

Полковник Левитов.

1969 г. Париж.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящаю свой труд Вождю и Шефу Корниловского Ударного полка Генералу от инфантерии Лавру Георгиевичу КОРНИЛОВУ, первому командиру Полка Генерального штаба полковнику Неженцеву, Митрофану Осиповичу, всем его командирам, гг. офицерам и бессмертным его ударникам, вставшим в 1917 году на путь жертвенного служения в борьбе за честь и достоинство своего Отечества — национальной России против диктатуры международного пролетариата под водительством агента враждебной нам тогда Германии — Ленина.

ВСТУПЛЕНИЕ

Более полувека прошло с тех пор, как Великая Русская Империя закончила свою многовековую жизнь, Россия, как национальное государство, верим, только временно прекратила свое существование. Однако, как нечто духовно единое, как некая духовная реальность, как нечто культурно-самобытное, Россия продолжает жить. Она живет в сердцах всех русских людей, она живет под сводами наших храмов, в наших молитвах, в наших мечтах, надеждах, упованиях и, конечно, в нашей памяти, в наших воспоминаниях о былом.

Воспоминания эти имеют величайшую ценность: в них заложены ростки будущего. Из них, как из семян, до времени скрытых под спудом, вырастет в свое время величавое древо российской жизни, в них грядущие поколения русских людей найдут то бесценное и непреходящее, что оживит, одухотворит и освятит их национальную жизнь. И среди всего, что окажется достойным передачи будущему, что одинаково будет возвышать русское национальное самосознание, — одно из первых мест займут, конечно, русская военная история, русская военная традиция, русский военный быт и русская военная психология. В военных училищах и полках Императорской Армии происходила закалка верных присяге и воинскому долгу сердец, выковывалась единственная и неповторимая психология русского офицера и солдата. Эти «Орлиные гнезда» были объединены общей национальной идеей, общим духом, общими требованиями военной ди-

сциплины и общими воинскими традициями. Все эти особенности имел, конечно, и Корниловский Ударный полк, хотя и зародился он в революционные дни развала некогда славной победоносной Русской Армии с определенной целью: быть примером для Армии при прорыве позиций противника, жертвуя собой, что Полк и исполнял в дни Великой войны в 1917 году, за что весь состав его был награжден Георгиевскими крестами. Эти же особенности Полка помогли ему в конце 1917 года перейти на фронт гражданской войны, в зарождавшуюся Добровольческую Армию Юга России, стать в ней старейшим полком, развернуться в дивизию трехполкового состава и в Русской Армии генерала Врангеля получить за свои блестящие бои Георгиевское Знамя бывшего Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего в Великую войну. А затем полки дивизии были награждены Знаменами Св. Николая Чудотворца.

Поэтому я, как прослуживший в рядах этого прославленного полка всю гражданскую войну, чувствуя приближение конца своей жизни, считаю своим последним долгом на земле перед родным мне Корниловским Ударным полком запечатлеть и сохранить для будущего его жертвенное служение своей многострадальной Родине — Матери России, его быт и передать их истории в надежде, что она сумеет использовать их для славы грядущей России.

Полковник Левитов

Корниловский Ударный полк

В 1936 году в Париже вышла из печати книга «Корниловский Ударный полк». Историческую ценность ее профессор, Генерального штаба генерал Н. Головин (руководитель Высших военных курсов в Париже и заочных — во всех странах рассеяния Русского Общевоинского Союза) в своем предисловии к книге определяет так:

«Вниманию читателя предлагается книга «Корниловский Ударный полк». Составитель этой книги — опытный писатель. Интереснейший документальный материал в талантливом изложении М. А. Критского от первой и до последней страницы будет держать читателя в напряженном состоянии. Перед ним ярко предстанет крестный путь доблестнейших Корниловцев. Как драгоценные камни, блестят проявления высшего героизма на мрачном фоне братоубийственной войны. Не сомневаюсь, что читатель сам оценит книгу «Корниловский Ударный полк». **Я же, как военный историк, хочу обратить здесь внимание на другую, еще не написанную книгу, но которая должна быть написана. Я говорю про «Историю Корниловского Ударного полка».**

Выдержки из сохранившихся в руках Корниловцев документов, приведенные М. А. Критским в книге, **показывают, как нужна эта полная история.** Весьма вероятно, что эта полная История не будет так легко читаться, как книга «Корниловский Ударный полк», но зато она сохранит для потомства все подробности повседневнего героизма полка. Без этих подробностей, при этом в с е х подробностей, всякое изображение является условным и субъективным. **А между тем, сохранить эту полную картину Корниловской доблести нужно для возрожденной России.** Воинская доблесть — далеко не столь часто встречаемое качество, как это принято думать. Поэтому народ, в Армии которого много доблести, может взирать на свое будущее спокойно, несмотря на свое мрачное настоящее. А какую высшую доблесть проявили Корниловцы, — свидетельствует сухой язык цифр: с 25 мая 1917 года по 1 ноября 1920 года Корниловский Ударный полк, и впоследствии — полки Корниловской Ударной дивизии, выдержали 570 боев (в это число не входят бои, которые вели отдельные батальоны или роты) и потеряли убитыми 13.674 человек и ранеными 34.328, а всего 48.002 человека...

Неужели же в нас так мало национального самосознания, что мы допустим, чтобы время стерло в нашей памяти все морально красивое из нашего прошлого? Неужели наша эмиграция, празднующая каждый год

праздник Русской Культуры, не проникнется мыслью о настоятельной необходимости сохранить память о существеннейшей части этой культуры, — о Русской Доблести? Или же Корниловцам и теперь суждено, в своем желании сохранить для потомства повесть о геройстве своих павших соратников, быть столь же одинокими, как тогда, когда они вели кровавую борьбу за спасение России? Хочется верить, что книга «Корниловский Ударный полк» побудит русских людей, живущих за рубежом, поддержать начинание Корниловцев и это явится лишь первым шагом к напечатанию полковой «Истории Корниловского Ударного полка».

Профессор, Генерального штаба генерал **Н. Головин**»

Обстановка и причины для зарождения национально-патриотического движения для спасения бытия России и выдвижение Генерала Корнилова на роль Вождя ярко освещены в приводимой ниже статье генерала А. Драгомирова.

Корниловский Ударный полк — это детище Генерала Корнилова, результат его призыва Армии и русского народа бороться в наше смутное время за само бытие нашего Отечества, сначала за сохранение Действующей Армии, а потом уже и против захвата власти агентом Германии — Лениным во славу диктатуры мирового пролетариата. А потому для этого, перед изложением материалов для Истории Корниловского Ударного полка необходимо осветить личность Генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова как его Вождя и Шефа Полка.

В своей статье «Всемирное значение исторического подвига Генерала Корнилова» генерал Драгомиров написал:

«На долю нашего поколения выпал удел жить и творить условия жизни в обстановке, еще никогда небывалой в мировой истории. История знала много всяких конфликтов: религиозных, политических, экономических и социальных. Они периодически вносили потрясения в жизнь народов, которых они непосредственно касались. Результаты этих потрясений отражались в той или иной степени и на жизни других народов и вносили немалые перемены в естественный ход их собственной истории. Но никогда еще в мировой истории не было случая, чтобы все эти разнообразные потрясения происходили одновременно и одновременно же отражались на судьбах народов буквально всего земного шара. Для всего человечества наступила трагическая эпоха его жизни, когда все религиозные, духовные и моральные устои, на которых десятками веков строилась жизнь народов всего света, оказались поколебленными, и никакие другие, которые могли бы прийти к ним на смену, еще не выдвинуты. А между тем жизнь не терпит. Она ежедневно, ежечасно нуждается в привычных формах государственной и социальной жизни. Дилемма: «Быть или не быть» неотступно, мучительно тревожно стоит перед каждым человеком. Для всех нас, кого революция 1917 года застала на фронте, сразу выявив свой звериный, безбожный, антирусский и антиморальный лик, не было никакого сомнения, что она означала не только бесславный проигрыш Россией первой мировой войны, но еще и вступила на путь открытой борьбы против самых священных устоев, на которых многими столетиями, в невырази-

мых муках созидалась нашими предками «Святая Русь». Мало кто это понимал в начале революции, когда с преступным легкомыслием разрушалась Армия, призываясь не к защите своей Родины, а к защите революции. Даже теперь, после 37 лет, прошедших с того мрачного времени, мы вспоминаем с чувством негодования и мрачного отвращения о руководителях этого сознательного разрушения исторической России. И, наоборот, с величайшим благоговением и благодарностью думаем о тех, кто в годину повального помешательства сохранили ясность мысли, твердость убеждений и с открытым забралом выступили на борьбу не на жизнь, а на смерть против зачинщиков смуты, пытаясь спасти то, что еще было можно спасти.

И здесь, со всей исторической объективностью, мы должны по всей справедливости поставить на первое место Генерала Корнилова, который в качестве Верховного Главнокомандующего первым мужественно возвысил свой голос, призывая к спасению гибнущей Родины, и указал ряд мер, которые необходимо было для этого применять. Этот призыв привел к величайшему, еще небывалому в военной истории всех времен и всех народов позору «Быховского заключения Верховного Главнокомандующего всех Российских Вооруженных сил и его ближайших сотрудников».

Но этому «заключению» суждено было получить глубокий символический смысл, и воспоминание о нем стало для всех его перенесших предметом великой гордости. **В Быхове родилась величайшая идея 20-го века о борьбе против коммунизма. Здесь впервые возникла мысль о начале Белой Борьбы с оружием в руках для защиты поруганных святынь, за честь и достоинство России, за сохранение величайших ценностей Веры, Духа и Морали, на которых стояла Императорская Россия.** Вспоминая сегодня о Тебе, Лавр Георгиевич, я не могу даже пожелать Тебе «спать спокойно», так как Твое израненное и окровавленное тело не нашло себе пристанища ни на Русской Земле, за которую Ты отдал свою жизнь, ни на чужой. Сознавая всю колоссальную опасность Твоего подвига для судеб России, смертельные враги Твои рассеяли Твой прах по ветру, думая этим вычеркнуть из памяти народной самое имя Твое. Но и здесь они оказались плохими психологами. Твой прах разнесся по всему земному шару. Нет сегодня той точки на земле, на которой не взошли бы семена, Тобою брошенные, и где не шла бы отчаянная, местами открытая, местами в подполье, борьба за сохранение самых драгоценных основ Веры, Духа и Морали, на которых стояло и вновь будет стоять человечество, если оно сумеет, подобно Тебе, ясно увидеть, в чем заключается самая большая задача нашего времени, и найдет в себе ту силу воли, ту преданность идее и ту самоотверженную готовность отдать свою жизнь за них, которых Ты был таким ярким представителем и которые Ты нам завещал.

Дорогие друзья Корниловцы, рыцари Белой Борьбы! Ваши подвиги безмерны. Но перед вами стоит еще один, самый главный и самый трудный. Среди океана злобы людской, которая совершенно определенно стремится всячески вас развенчать, не останавливаясь перед низкой клеветой и извращением истины, умейте сохранить незыблемым тот священный огонь, который горит в ваших сердцах, воспламеняйте всех вас окружаю-

щих, в особенности молодых, идущих вам на смену наследников, завещав им донести ваш Белый Стяг до родной земли, не обращая никакого внимания на творящуюся вокруг вас дикую свистопляску».

Значение роли Корниловского Ударного полка в борьбе за честь России против рабства диктатуры Ленина-Сталина и других палачей нашего Отечества — велико, но оно может быть предано забвению с концом нашей жизни, и об этом напоминает нам в 1964 году из Аргентины бывший последний начальник штаба нашей Дивизии профессор, Генерального штаба полковник Месснер, Евгений Эдуардович, в своей статье, помещенной в бюллетене «Корниловцы», — органе нашей связи:

Законсервированный Дух

Не виню никого. Виню всех. Никто и все виноваты в том, что наши полковые колонны имеют только «голову» и не имеют «хвоста». Голова седая, а хвоста нет. «Не то важно, что эмиграция существует, важно то, что она вымирает», сказал однажды Сталин. Мы вымираем, это значительный, важный факт. Но мы еще существуем, — это тоже факт важный и значительный, потому что мы храним в душах своих, в полковых Объединениях, дух России, дух Белой Борьбы, дух нашего доблестного Войска. А мы, Корниловцы, храним еще и дух нашего (почему-то так редко поминаемого) полковника Неженцева и нашего Великого Генерала Корнилова.

Вот собрались мы в Париже, Брюсселе, Нью-Йорке, Буенос-Айресе и в других местах в день Полкового праздника. Провели этот день в добром воинском единении и, оторвавшись от будней, поднялись на высоту Корниловского духа. Это было радостно. Это было красиво. Но было бы еще великолепнее, если бы сумели мы сберечь этот дух не только для себя, но и для России, чтобы в будущей Русской Армии возродилась та красота, которою Корниловский полк и дивизия озарили мрачное время гражданской войны. Для этого бережения духа у нас нет преемственности возрастов берегущего кадра. Если не случится чуда, если Россия не освободится в самом скором времени, то некому будет донести до России то чудо, которое мы бережем: дух Корнилова. А донести надо. Мы окажемся дезертирами Корниловского долга, если не позаботимся о передаче Корниловского духа будущей Русской Армии. Теперь уже поздно искать смену и воспитывать ее. Но есть другая возможность не стать дезертирами долга, ибо если у Знамени часовые сменяются один за другим, непрерывной чередой, то караул у духа, у Корниловского духа, могут нести не только люди, но и души в строю там, на небе, души усопших Корниловцев. Умер Суворов, ушли к нему его генералы, офицеры, чудо-богатыри. Прошли десятилетия, и суворовский дух ожил в Русском войске: отыскал генерал М. И. Драгомиров текст суворовской «Науки побеждать», внушил ее своему офицерству, а через него всему Российскому офицерству, и пошла в 1914 году наша Армия драться по-суворовски. Этот же суворовский дух осенил Генерала Корнилова, а через него и всю Добровольческую Армию. Так, без физической преемственности поколений воинов стала реальностью духовная преемственность. Так, на фоне со-

бытий, происшествий, подвигов и быта вырисовывается дух славной Дивизии. Если уцелеет хотя бы один экземпляр такой книги и попадет в руки хорошего офицера будущей Русской Армии, то в ней начнет зарождаться и дух Корнилова. Скажу, что нам нужна такая книга, но едва ли найдется сейчас возможность написать ее, и поэтому я предлагаю: пусть каждый из нас вспомнит то Корниловское настроение, которое он пережил, как и каждый год, во время Полкового праздника. Пусть каждый проникнется твердым желанием еще раз послужить родному Полку, полковнику Неженцеву, Генералу Корнилову и Матушке России. Пусть это желание побудит каждого взяться за перо и написать все, что помнит он о битвах Полка и Дивизии, о переходах, биваках и дневках, о командирах, о товарищах, о подчиненных и о себе, о моментах смелости и о мгновениях робости, о бодрости и об унынии, о том, как умирали ради победы и как побеждали ради бессмертия России. Пусть каждый пишет просто, не витиевато, искренно и справедливо, не стесняясь стилем, не фантазируя, не привирая, не критикуя, не забираясь в стратегию, да и в тактике шагая не выше своей тогдашней должности. Словом — честно и от души. Тогда сумма этих записей даст грандиозную картину нашего Полка и Дивизии. Не беда, если не найдется желающего и способного превратить эти человеческие документы в полковую историю, — и необработанный материал станет «консервированным духом Полка и Дивизии, которым когда-либо воспользуются воины России и во славу тех Ее воинов, которые носят имя — Корниловцы».

Добавление составителя материалов к статье полковника Месснера

Но история требует не только объективности, а и описания деталей боевой жизни, и притом всех деталей. И как при этом скрыть от истории то, что доходило до нас о действиях нашего руководства, результаты чего ощущали мы? Весьма вероятно, что доходившее до рядов наших доблестных полков не было точным, но несмотря на это оно давило на мораль строевой части, отчего во многих случаях зависела победа или поражение. Дух строевой части — это залог не только точного выполнения приказа командования, но и залог успеха. Вот почему в моих материалах в некоторых случаях будут попадаться места с высказыванием взгляда на действия нашего высшего начальства.

Полковник Левитов

НАШ ПОЛК

Наш полк, наш полк — заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю,
Другим оно старо, для нас все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

О Знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою,

Чье сердце за Твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас безропотно терпеть лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,
Лихая удаль, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и Вере православной
В едином слове том сливается: НАШ ПОЛК.

Марш Виленского военного училища.
Слова Великого Князя Константина Константиновича,
Инспектора всех военных училищ.

Чтобы возможно ярче осветить жертвенное служение Корниловцев России, необходимо указать на причины начала нашего «смутного времени». Первой и основной причиной его было крушение Монархии. Этот вопрос хорошо разработан в листке «Наши задачи», профессора Ивана Александровича Ильина, стр. 397, ст. 160-я, 1952 г.

«Прошло 35 лет с тех пор, как в России так неожиданно, так быстро, в несколько дней, и притом столь трагически и столь беспомощно, сокрушился, отменился и угас монархический строй. Распалась тысячелетняя твердыня. Исчезла государственная форма, державно державшая и строившая национальную Россию. Священная основа национального бытия подверглась разложению, поруганию и злодейскому искоренению. И Династия не стала бороться за свой трон. Трон пал и никто тогда не поднял и не развернул упавшего Знамени; никто не встал под ним открыто, никто не стал за него публично. Как если бы никогда и не было дано присяги, как если бы угасли все священные обязательства Монархии и наверху, и внизу. Честных, и храбрых, и верных было не мало, но воля у них была как бы в параличе, и кадры их были рассеяны по всей стране. И началась отчаянная и гибельная авантюра, длящаяся и до сего дня и конца ей не видно еще. И вот, за все эти 35 лет я не знаю ни одной попытки осветить это трагическое крушение, объяснить этот государственный обвал, указать те исторические причины и те политические ошибки, которые привели Россию к такому крушению. Ибо, — скажем это открыто и недвусмысленно, — крушение Монархии было крушением самой России; отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не российская республика, как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось российское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа; а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный Анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, — больное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель.

В 1917 году русский народ впал в состояние черни. И возвращаясь мыслью, воображением и сердцем к дореволюционному времени, когда Россия оставалась Россией, органически и в то же время стихийно

росла и цвела, мы не можем не спросить себя, как же это тогда и в тесном династическом кругу, и среди чиновничества, и среди интеллигенции, и в народной массе, — как же это тогда люди не видели, что крушение Монархии будет крушением самой России? Как они не видели той спасительной политической формы, которая одна только и могла вести и строить русскую жизнь и беречь русскую культуру? Что это было за ослепление? Чего не хватало русским людям для того, чтобы мужественно пережить трудную годину и сохранить религиозно освященную и исторически оправдавшую себя государственную форму? Чего не хватало? Политического предвидения и разумения или верности, или дисциплины, или терпения? Ибо, в самом деле, мы твердо уверены в том, что если бы Государь Император предвидел неизбежный хаос, яд большевизма и дальнейшую судьбу России, то он не отрекся бы, а если бы и отрекся, то обеспечил бы сначала законно престолонаследие и не отдал бы народ в подчинение тому государственно беспомощному и заранее «обойденному слева» тому месту, которое называется «временным правительством». И в русских обывателях проснулось бы гражданственное начало: и русское крестьянство держалось бы иначе. Но предвидения не было, и государственное начало проснулось сразу лишь в героическом меньшинстве, решившем сопротивляться до конца... Из него и образовались Белые Армии».

(1952 г. 30 сентября)

Текст прощального приказа Государя Императора Николая 2-го Действующей Армии

В последний раз обращаюсь Я к вам, горячо любимые Мной войска. После отречения Моего от Престола Российского, власть передана временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия! Исполняйте же ваш долг, защищайте же доблестно вашу великую Родину, повинуйтесь временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы — только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь и да ведет вас к победе Св. Великомученик и Победоносец Георгий!

НИКОЛАЙ

Ставка, марта 8-го дня (ст. ст.) 1917 г.

* * *

По данным профессора Ивана Александровича Ильина:

«Это есть ни осуждение, ни обвинение. Но прошло 35 лет и ради восстановления монархии в России мы обязаны выговорить ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРАВДУ. Царствующая русская Династия покинула свой престол тогда, в 1917 году, **не вступая в борьбу за него**; а борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России. Конечно, **это оставление престола** имело свои психологические и нравственные основания.

И тем не менее историческая правда должна быть выговорена во имя будущего. В своем исследовании сенатор Корево ставит вопрос о том, имел ли Государь Император Николай 2-й право отречься от трона, и дает такой ответ: «В российских основных законах отречение царствующего Императора вовсе не предусматривается». Далее сенатор Корево указывает на то, что Государь передал право на престол Великому Князю Михаилу Александровичу, **не удостоверясь в его на то согласии. Право отречения за наследника Корево, по справедливости, отрицает совершенно.** Корево признает, что Великий Князь Михаил Александрович вступил на престол в час отречения Государя, что он от престола прямо не отказался, но немедленного восприятия власти тоже не осуществил и обусловил такое восприятие волей великого народа, **имеющего высказаться в Учредительном Собрании. Все это Корево считает полным нарушением основных законов. И в объяснение такого нарушения он ссылается на революционное насилие и измену.**

В действительности дело обстояло так, что Государь и Великий Князь отреклись не просто от права на престол, но от своей религиозно освященной, монархической и династической обязанности блюсти престол, властно править, спасать свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю. В труднейшие часы исторической жизни Монарх блюдет свою власть и властью ищет национального спасения. «Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазнителей».

Отречение Государя Императора Николая 2-го за себя и за сына-престолонаследника, с прощальным призывом к Армии «во имя счастья России верой и правдой служить временному правительству», — поставило бывших на фронте в тупик. Здесь я позволю себе кратко привести примеры из личных переживаний во время «февральской бескровной революции».

В Великую войну я служил в 178-м пехотном Венденском полку 45-й дивизии; первая весточка о начале революции была получена нами на походе, когда смененный на позиции, наш полк шел в резерв около гор. Риги. Подходит ко мне мой старый фельдфебель роты, которой я до этого командовал, полный Георгиевский кавалер, в чине подпрапорщика, подает мне большевистскую уже листовку с сообщением о беспорядках в Петрограде и спрашивает: «Как вы на это смотрите?» Не желая отвечать на содержание подпольной листовки, я говорю: «Нужно подождать официальных сообщений». Фельдфебель Мельников резко бросает свою папаху на шоссе и говорит: «Ничего хорошего из этого не получится».

Когда революция стала уже совершившимся фактом, однажды утром из штаба полка был получен приказ о принятии присяги временному правительству, по воле отрекшегося Государя Императора. Приказ есть приказ, и к тому же слышно, как бьет артиллерия врага. Но все же, несмотря на прощальное обращение к нам Государя Императора, на душе тревога. Выручает форма процедуры самой присяги: дневальные кричат: «Желающие расписываться в присяге, — выходи!» Часть идет расписываться, остальные продолжают спать, а писаря, по-видимому, заполнят пробелы.

Произошел первый надлом в Действующей Армии, а приказ № 1-й его расширил и узаконил. Все же, несмотря на это, наша 45-я пехотная дивизия настолько хорошо сохранилась, что была на подавлении первого восстания большевиков, 6 июля 1917 г., в Петрограде, успокоила крепость Кронштадт занятием фортов Ино и Красная Горка, а в августе была переброшена на усмирение Финляндии, — вернее для успокоения нашей матросни. Но здесь произошло новое несчастье: было объявлено, что Генерал Корнилов — изменник. Снова стали перебрасывать полки эшелонами в Петроград, но здесь выгружавшаяся часть нашего полка не ответила Керенскому на его приветствие и, быть может, поэтому нас не направили против якобы подходившего конного корпуса генерала Крымова, а через короткое время снова погрузили в эшелоны и отправили под уже сданную Ригу, ранее с успехом защищаемую нами от врага. Теперь же, самая свободная, без дисциплины, армия в мире решила сдать город вместе со связанными офицерами. Немцы реагировали на этот «подарок» своеобразно: всех конвоиров перепороли или расстреляли.

Перед погрузкой нашего полка в Финляндии, командир полка, доблестный полковник Апшеронского полка Комиссаров выстроил полк и сообщил: «В настоящее время события выдвигают во главу управления государством двух лиц — Керенского и Генерала Корнилова. Первого можно сравнить с пахарем, который не умеет пахать, а другое лицо — всем нам известный наш Верховный Главнокомандующий Действующей Армией Генерал Корнилов», и, не говоря о том, что происходит в Петрограде, он сообщает о переброске нас снова в Петроград. Первое сообщение командира полк выслушал молча, а на второе — двое солдат стали выкрикивать: «Так это, значит, они опять хотят послать нас на фронт? Большевиков мы здесь им усмирили и теперь в нас нет надобности!» В ответ на это командир командует: «Батальоны кругом и — по палаткам!» Такого рода информация о присходящем в Петрограде кому-то не понравилась и, по данным моего тогда младшего офицера, ныне ротмистра Даюна, проживающего в Париже, командиру предложили взять свидетельство о болезни и уехать. Мне же на следующее утро полковой адъютант кратко сообщил: «Командир сбежал». В данное время из участников этого похода живет в Нью-Йорке офицер 177-го пехотного Изборского полка нашей дивизии, ныне Корниловец, полковник Трошин.

В день нашего прибытия в Петроград и отъезда под Ригу произошло великое, на века незабываемое предательство Керенским Генерала Корнилова — Верховного Главнокомандующего Действующими Армиями.

Тогда в Петрограде, сведения из разных источников так осветили нам военную сторону этого положения: Генерал Корнилов выступил против Керенского и послал конный корпус генерала Крымова на Петроград, но по неизвестным причинам генерал Крымов один приехал к Керенскому, где и был убит в его кабинете. Эта версия неудачи похода конного корпуса на Петроград не была во мне поколеблена до появления в журнале «Вестник Первопоходника» за № 25, в 1961 году, статьи полковника Генерального штаба Колчинского, бывшего в то время в Ставке Верховного и к тому же родственника Генерала Корнилова, который придает походу

другое освещение, где низость предательства Керенским Генерала Корнилова усиливается во много раз. Я по этому поводу обменялся письмами с полковником Колчинским, но он утверждает изложенное им в журнале. По его данным, Керенский, перед объявлением Генерала Корнилова изменником, сам выпросил у него через Савинкова конный корпус генерала Крымова, который до этого был переброшен ближе к Петрограду с целью удара немцам во фланг, если бы они от Риги стали наступать на столицу. Керенский мотивировал свою просьбу еще и тем, что угрожает новое восстание большевиков, и к тому же он хочет уничтожить разного рода советы и очистить Петроград. С начала июля и по конец августа, когда было объявлено об «измене» Генерала Корнилова, 45-я пехотная дивизия за это время своими полками ликвидировала господство большевиков, Ленин бежал и должен был быть тоже ликвидирован нашей разведкой, но строгий окрик Керенского — не вмешиваться нам не в свое дело, спас его. Из запасных полков маршевые роты ежедневно шли на фронт, и вся обстановка говорила, что Керенский тогда в Петрограде был господином положения. Если принять за действительность версию полковника Колчинского, то получается, что движение конного корпуса генерала Крымова было преподнесено народу под видом похода против Керенского. Тогда является вопрос: почему он, Керенский, в то же время выбрасывает из Петрограда противобольшевистскую 45-ю дивизию? Ответ напрашивается определенный: Керенский осознал, что он зашел в тупик, понял он и силу агента Германии — Ленина, а потому он спасает его и идет на дьявольскую провокацию Генерала Корнилова. С этого времени все чаще начинаются разговоры с большевиками, их выпускают из тюрем и приглашают на совещания. Бездарность временного правительства развязала руки большевикам, они уже открыто разлагали Действующую Армию и в октябре «подобрали валявшуюся на улицах власть».

Происходившая тогда переброска нашей 45-й дивизии с подходом к Петрограду конного корпуса генерала Крымова явно указывала на какую-то игру, которая была полна многими противоречиями:

1) Почти два месяца полки 45-й дивизии не давали большевикам возможности действовать не только в Петрограде, но и в Финляндии, и теперь их почему-то выставляют под сданную Ригу, когда «противник» в лице конного корпуса был на окраинах города. К тому же, казалось просто смешным части, уже усмирявшие большевиков и два месяца охранявшие порядок, удалять, а «противника» подпускать к самому городу.

2) Потом, что могла сделать конница в таком городе как Петроград, когда там казаки при слабом первом восстании большевиков сильно пострадали, и потому все подходившие потом кавалерийские части направляли в Финляндию, а в город пустили наши полки, которые и могли все сразу усмирить своими решительными действиями.

3) Теперь уже детально были опубликованы результаты работы следственной комиссии по делу Генерала Корнилова и что же мы видим? Когда комиссия прибыла в Ставку и Генерал Корнилов дал ее членам прочесть ленту его разговора с Керенским, где было ясно, для какой цели Керенский выпросил конный корпус генерала Крымова, то комиссия не

знала, кого же она должна арестовать. И если и арестовала условно Генерала Корнилова, то сама вернулась в Петроград допросить и Керенского, который своим поведением смешал все карты. Комиссия так и не закончила следствия. (Смотри газету «Новое Русское Слово» от 21 и 28 октября 1956 г., статью Н. Уманцева, члена комиссии).

* * *

Здесь будет уместно ответить частично на вопрос профессора Ильина, — чего же не доставало русскому народу, чтобы не превратиться в «чернь»? С точки зрения строевого офицера, пробывшего почти всю Великую войну на фронте и повидавшего все прелести так называемой «бескровной» революции с приказом № 1-й, я прихожу к такому заключению: Действующая Армия, представляя собой лучшую часть Русского народа и являясь основной силой в защите страны от врагов внешних и внутренних, была скована дисциплиной, помимо прощального приказа Государя, — когда никто не мог предвидеть такого положения, а необходимо было бы на такой случай уставом разрешить командному составу полков, включительно до фельдфебелей, подобных указанному мной подпрапорщику Мельникову, выносить постановления для действий в духе присяги. Из своего участия в подавлении первого восстания большевиков в Петрограде с 5 июля 1917 г. я вынес впечатление, что для подавления революции вообще даже в то время было бы достаточно одной пехотной дивизии на Петроград и одной на Москву. Мало кто задается вопросом, почему гвардия, тесно связанная с монархией, не двинулась на защиту трона, хотя бы самовольно? Я сам слышал на Марсовом поле в июле 1917 г. от унтер-офицеров гвардии, что они ждали свои полки. Боязнь нарушить дисциплину во время войны лишила инициативы всех начальников, от мала до велика; все считали за лучшее воздержаться, подождать приказа, ну и дождались! Во время гражданской войны у меня был блестящий набег на 14-ю кавалерийскую дивизию 1-й конной армии Буденного, где нами было взято более 600 коней на коновязях и вся артиллерия с прислугой. Оказалось, что в артиллерии были офицеры Императорской Армии, и на мой вопрос, как они дошли до жизни такой, мне ответили: «Очень просто — все слушались приказов». Латыши, венгры, китайцы и еврейские части были нашими смертельными врагами, и мы мало брали в плен друг друга, но все же иногда я их спрашивал: «Что вас-то побуждает идти драться за большевиков?» Ответы всегда были такими же: «Мы исполняем приказы начальства». Конечно, можно не верить таким ответам полностью, но не надо никогда забывать, что все же Красную армию сформировали офицеры Императорской Армии, раздавленные позором революции и террором, но и бумажки с «приказами» заставили тысячи малодушных служить врагам России. Заветы Генералиссимуса Суворова хороши не только для решения задач чисто боевых, они оказались бы фактором спасения России и во время февральского бунта в Петрограде.

Крушение Императорской власти вызвало паралич управления в Дей-

ствующей Армии. Пользуясь этим, в нее хлынули тысячи агитаторов и из них самыми богатыми деньгами от Ленина — агента Германии и знающими, чего они хотят, были большевики. Их газеты и листовки заполняли все окопы, а временное правительство своим приказом № 1-й им содействовало. Весь ужас революции заключался в том, что ее вожаки воспользовались самым трудным временем для России, когда Армия, после поражения в 1915 году, была готова, напрягая все силы, нанести вместе с союзниками последний удар Германии. Они правильно оценили обстановку: победа над врагом внешним означала славу и величие России, ее небывалый подъем и, конечно, укрепление Самодержавной Монархии. Все это Керенским и Лениным не улыбалось, и они в полном сознании мерзости своего поступка дьявольски умело вонзили своей Армии нож в спину во имя торжества революции. Все это вылилось в бунт рабов, принесший позор национальной России и трехлетнюю кровопролитную гражданскую войну. Конечно, национально мыслящие люди возвысили свой голос, начали требовать прекращения бунта, за что гнев революции поднял на них свой меч на первых. Пусть ведают потомки наши, что братоубийственную войну начали не Вожди Белых Армий, а революционеры своим бунтом, физически уничтожая всех национально мыслящих. Первые добровольцы Генерала Корнилова подняли свое Знамя борьбы не только за честь национальной России, но и за то, чтобы показать всему миру, что они — не навоз для укрепления «пролетарской диктатуры».

Приводимая ниже статья помещается для ясности представления о ТВОРЦАХ нашей РЕВОЛЮЦИИ.

Из архива генерала Денисова письмо П. Н. Милюкова князю Павлу Долгорукову (исторический документ, никогда до сих пор не опубликованный).

«В ответ на поставленные вами вопросы, как я смотрю на совершенный нами переворот, чего я жду от будущего и как я оцениваю роль и влияние существующих партий и организаций, пишу вам это письмо, признаюсь, с тяжелым чувством. Того, что случилось, конечно, мы не хотели. Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или конституционной монархии, с Императором, имеющим номинальную власть, затем — преобладающего влияния в стране интеллигенции и равноправия евреев. Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот отразится неблагоприятно... Мы предполагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, что временную разруху в Армии мы остановим быстро и, если не своими руками, то руками союзников, добьемся победы над Германией, заплатив за свержение Царя лишь временной отсрочкой победы. Надо сознаться, что некоторые даже из нашей партии указывали на возможность того, что потом произошло, да и мы сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в Армии. Что ж делать, — ошиблись в 1905 году в одну сторону, теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда недооценили крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов. Результаты вы видите сами. Само собой разумеется, что вожаки совета рабочих депутатов ведут нас к по-

ражению финансовому и экономическому краху вполне сознательно. Возмутительная постановка о мире без аннексий и контрибуций, помимо полной своей бессмыслицы, уже теперь в корне испортила отношения наши со союзниками, подорвала наш кредит. Конечно, это не было сюрпризом для избирателей. Не буду излагать, зачем все это было нужно... Кратко скажу, что здесь играли роль, частью, сознательная измена, частью желание половить рыбку в мутной воде, частью — страсть к популярности. Конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, то есть на блоке Государственной думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами после начала войны. Вы знаете также, что наша Армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на неудовольствие и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему в последнюю минуту я колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю. Что же делать теперь, — спросите вы. Не знаю, то есть внутри мы знаем оба, что спасение России в возвращении к Монархии, знаем, что все события последних двух месяцев ясно доказывают, что народ не был способен принять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать этого не можем. Признание есть крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем и не можем соединяться с теми правыми и подчиняться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись, также не можем. Вот все, что я могу сейчас сказать».

Журнал «Вестник Первопоходника» № 27, декабрь 1963 г.

Ответ на приведенное безумие

МОЕ КРЕДО

Я ненавижу до страстей
Социалистов всех мастей,
Тех буревестников — певцов
«Приказа первого» творцов,
Мечтателей несбыточной идеи,
Что, власть приявши, не сумели
Не только счастье людям дать,
Но власть в руках-то удержать
И было там не власти смена,
А глупость, подлость и измена.
Ведь то они и иже с ними
России с карты стерли имя.

В стране чужой, где нужна квота,
Там, где живет свободный люд,
Нашли российские банкроты
Себе убежище, приют.
Но не уйти им от суда мирского,
Как не уйти от Божьего суда.
Вам, деды, бабушки, отцы,
Творцам «великой и бескровной»,
Вам всем, живые мертвецы,
Проклятье шлем мы общим хором!

Кап. Белый

(Корниловского Ударного полка капитан Руанет, сконч. в 1968 г.)

Этим заканчивается описание мной того положения в России, когда национально мыслящие люди стали выдвигать для спасения Родины лиц, обладающих силой воли и доказавших своей службой преданность ей, и таковым всюду был Генерал Лавр Георгиевич Корнилов.

Биография Генерала Л. Г. Корнилова

(По материалам журнала «Вестник Первопоходника» №№ 79-81, 1968 г.)

В Усть-Каменогорске, в Западной Сибири, в семье сибирского казака, отставного хорунжего Георгия Корнилова, 18 августа 1870 года, в день Св. Флора и Лавра, родился сын, нареченный Лавром. Мать его была казачкой Кокпетинской станицы. В семье было еще двое детей: сын Петр и дочь Анна. Кочевая служба отца приучила мальчика с детства переносить суровую сибирскую природу, выработала настойчивость силу воли, наблюдательность. Отставной хорунжий — волостной писарь — сам ходил за сохой, сеял, косил и вел все свое небольшое хозяйство. Начал Лавр свое образование с девяти лет в приходской школе. Семья переехала через Прииргышскую степь в Зайсан. В 1883 году, в возрасте 13 лет, он отправляется в Омск, в Сибирский кадетский корпус, оканчивает его первым в 1889 году и 19 лет поступает в Михайловское Артиллерийское училище в Петербурге. Настойчивый и независимый он в числе лучших учеников. Юнкера его любят, преподаватели видят в нем будущего прекрасного офицера. По ночам он выполняет частные чертежные работы, чтобы иметь возможность оплатить уроки иностранных языков. Начальник училища генерал Чернявский помогает ему окончить училище, встав на его защиту, когда ему грозило увольнение за независимость и резкий язык.

В 1892 году он с отличием оканчивает училище и, отказавшись от службы в гвардии, идет служить в Туркестан, в артиллерийскую бригаду. Поручик Корнилов честно служит и усердно занимается, готовясь к поступлению в Академию. Он изучает местные языки, обычаи и нравы, любим солдатами и уважаем туземцами. В то же время он зарабатывает, да-

вая частные уроки, чтобы помогать старику отцу. В 1895 году он первым выдерживает конкурсный экзамен и поступает в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба в С.-Петербурге и через три года упорной работы, в 1898 году оканчивает ее. По данным книги М. Бугураева «Михайловское Артиллерийское училище» «Омский кадетский корпус, Михайловское Артиллерийское училище и Николаевскую Академию Генерального Штаба Генерал Лавр Георгиевич Корнилов окончил первым и везде был записан на мраморную доску».

Уклоняясь от службы в столице, в Генеральном Штабе, капитан Корнилов снова едет в Туркестан, куда его влечет опасность и загадочность Востока. В том же 1898 году капитан Корнилов в городе Термезе, на афганской границе, в распоряжении известного исследователя Центральной Азии генерала М. Е. Ионова. Генерала сильно беспокоит новая афганская крепость Дейлади, построенная с помощью англичан в ущелье Гинду- Куш, в 50 верстах от границы. Ее вооружение и укрепления — полная тайна. Попытки наших разведчиков кончились очень печально, — они были посажены на кол. Корнилов просит у генерала трехдневный отпуск и, никому ничего не говоря, с тремя верными туркменами отправляется на разведку. Побрив голову, надев халат, с револьвером в кармане, убедив туркмен, что живым в плен он не попадет, он переплывает на бурдюках бурную Аму-Дарью. В совершенстве владея местным языком, он проникает в крепость, якобы желая служить в армии: на афганской заставе его спрашивают: «Кто ты такой?» «Великий Абдурахман, Эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк, и я еду к нему на службу», — отвечает Корнилов.

Сняв план крепости, кроки дорог, сделав пять фотографических снимков, молодой капитан через три дня представляет изумленному генералу результаты своего отпуска. Генерал Ионов представляет молодого офицера к ордену Св. Владимира с мечами, но вместо этого капитан Корнилов получает выговор с обещанием посадить его на 30 дней на гауптвахту за самовольную отлучку заграницу. Этот подвиг и рекордный пробег в 400 верст в три дня сразу выдвинули молодого офицера Генерального Штаба и ему стали давать серьезные и ответственные поручения. В 1899 году он изучает район Кушки, направление на Мейман и Герат и командируется на исследование китайского Туркестана и Кашгарии. С поручиком Кирилловым и несколькими казаками он прошел вдоль и поперек выжженную солнцем страну, занося на карту все извилины рек, дороги, колодцы и т. д. Через полтора года, возвратясь из экспедиции, полной опасности и лишений, он пишет и издает книгу «Кашгария» или «Восточный Туркестан». Имя его — в числе известных исследователей Азии. Критики предсказывают ему блестящее будущее. Он исследует малоизвестные области Восточной Персии — Харастан и Сейстан, куда не проникал еще ни один европеец. В 1901 году он отправляется в новое и опасное путешествие, в степь Отчаяния, — «Дашти Наумед». На карте Персии это белое пятно, ни один европеец живым оттуда не вернулся. В течение семи месяцев Корнилов с двумя казаками и двумя туркменами исходил эту пустыню вдоль и поперек, нанеся на карту колодцы, пути караванов, развалины древних

городов, и изучая жестокие нравы и обычаи диких племен, по ней кочующих. В Ташкенте Корнилов женился на Таисии Владимировне Марковиной и взял свою молодую жену в свадебное путешествие в пустыню!

С 1902 года подполковнику Корнилову поручается редактирование секретного издания штаба Туркестанского военного округа: «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», где помещаются отчеты о некоторых из его экспедиций. До 1903 года Корнилов командует ротой в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне, а затем командируется в Индию для изучения туземных языков, нравов и обычаев.

Русско-японская война застала его в Белуджистане. После долгих хлопот, почти закончив свое задание в Индии, он получил разрешение перейти в Действующую Армию начальником штаба 1-й стрелковой бригады, с которой он и участвовал в боях под Сандепу, Мукденом и Телином. Тут молодой ученый исследователь блестяще выдержал испытание на поле брани. В феврале 1905 года его бригада прикрывала отход Армии, отходившей от Мукдена, задерживая противника, что дало возможность Армии отойти. Но его бригада оказалась окруженной превосходными силами японцев. Презирая опасность, воодушевляя солдат, Корнилов ночью повел сильно ослабленную потерями бригаду в атаку и внезапным ударом сбил японцев, обратив их в бегство, вывезя всю свою артиллерию, пулеметы, знамена и всех раненых. К утру считавшаяся погибшей бригада присоединилась к Армии

После этого последовал приказ:

«8 сентября 1905 года. Утверждается: пожалование Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, по удостоению местной Георгиевской Думы за отличие в делах против японцев Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени... подполковнику Генерального штаба при управлении 1-й стрелковой бригады Лавру Корнилову за то, что 25 февраля 1905 года, получив приказание отвести от Мукдена собравшиеся к Мукденской станции из разных отрядов 1-й, 2-й и 3-й стрелковые полки, понесшие в предшествующие дни большие потери в офицерских и нижних чинах, подполковник Корнилов, достигнув окрестностей деревни Вазые около 3 часов пополудни, занял здесь позицию и в течение четырех часов удерживал натиск противника, обстреливавшего наше расположение сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем; за это время выбыли из строя два командующих полками, а во 2-м стрелковом полку осталось лишь три офицера. Выдерживая натиск противника, подполковник Корнилов собрал нижних чинов разных частей, отступавших кучками и поодиночке, отправляя их на север, вдоль железной дороги. Им было принято под охрану Знамя 10-го стрелкового полка, следовавшее с малым конвоем отдельно от полка, и забраны оставленные пулеметы. Около 7 часов вечера, пропустив значительную массу отходивших нижних чинов разных частей и обеспечив таким образом их отход, подполковник Корнилов приступил к очищению своих позиций. Деревня Вазые в это время была почти окружена противником. Усиленный огонь наших стрелков и атака в штыки 5-й роты 3-го стрелкового полка заставили японцев раз-

двинуться и открыть дорогу отряду подполковника Корнилова, вынесшему Знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север железной дороги».

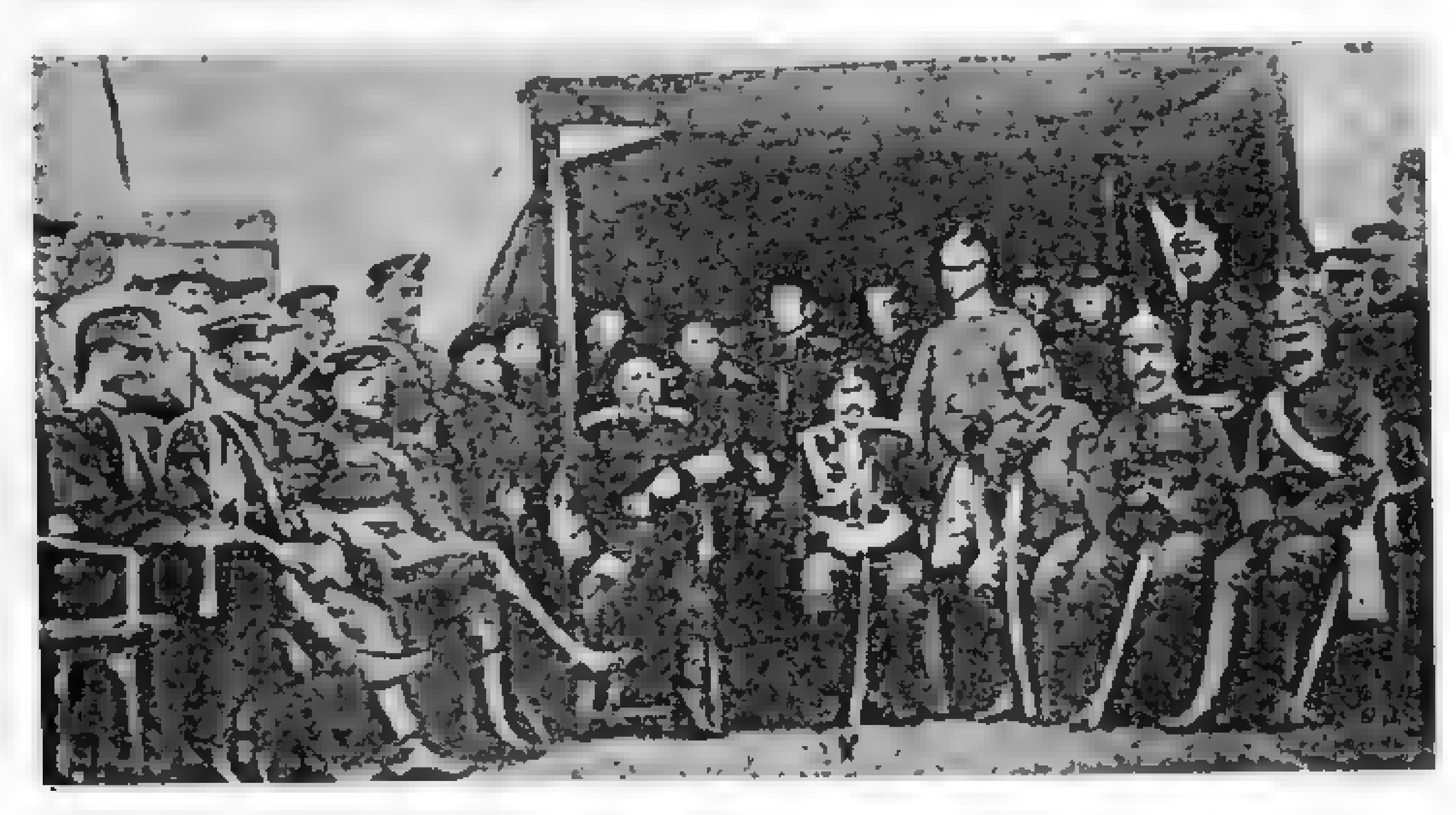
После окончания войны Корнилов получил назначение в Главное Управление Генерального штаба, где прослужил делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба в Петербурге. По

Генерал Л. Г. Корнилов
в Китае.

делам штаба он имел возможность объездить Кавказ, Туркестан и Западную Европу, а в конце 7-го года получил назначение на должность Российского Военного Агента в Китай. (См. фотографии: Генерал Корнилов в гостях в 1907 году, в Китае, у Шкуркина и осмотр им войск).

Отказавшись от перевозочных средств, верхом на коне, с тремя ординарцами-казаками проехал он весь путь от Иркутска до Пекина. В штабе

Иркутского военного округа до 1920 года хранилось его седло. Жадно впитывая новую культуру и совершенствуясь в языке, он собирает книги, рукописи, ковры, эмаль, богатейшую коллекцию китайских божков. Он знакомится с выдающимся синологом Шкуркиным и часто навещает его. Последний посвящает его во все тонкости китайского языка. Китайцы чрезвычайно дружественно относятся к нему, но ничего не открывают. Корнилов узнает, что в отдаленном городе китайцы принялись обучать свои отборные войска европейским приемам и употреблению оружия. Он решает осмотреть этот отряд. Одетый в пышный китайский наряд, в ша-



Генерал Л. Г. Корнилов
в Китае.

почке мандарина, он едет в город, где происходит обучение. Его принимают как посланника самого «сына неба» — Богдыхана, ему оказывают всевозможные почести, подробно докладывают об успехах обучения отряда, и весь отряд проходит перед ним церемониальным маршем. По окончании парада он благодарит власти за оказанный прием на чистейшем мандаринском языке, призывает на них благословение Конфуция и благополучно уезжает.

В 1911 году полковник Корнилов назначается командиром 8-го Эстляндского полка, стоявшего под Варшавой. Путь Пекин-Туркестан полковник Корнилов проделал верхом, в сопровождении нескольких казаков. Едва приняв полк, он получает новое назначение: командование 2-м Заамурским отрядом из двух пехотных и трех конных полков и производится в генерал-майоры. Служба Заамурских пограничных отрядов проходила в боевой обстановке: как только в полосе отчуждения железной дороги показывались шайки китайских разбойников-«хунхузов», погра-

ничные части выступали, сражались с ними и изгоняли их в глубь Китая. Отряды хунхузов были прекрасно вооружены, действовали внезапно и решительно, и пограничники несли потери. Были отряды хунхузов по несколько тысяч человек, с артиллерией и пулеметами. Одним из таких отрядов командовал Чанзолин, впоследствии — маршал и диктатор Северного Китая.

В 1912 году, по приказанию начальника округа Генерал Корнилов произвел дознание о злоупотреблениях интендантства, снабжавшего войска недоброкачественными продуктами. Было раскрыто вопиющее дело взяточничества. По постановлению прокурорского надзора были привлечены к ответственности помощник начальника округа генерал-лейтенант Сивицкий и другие видные руководители интендантства. Министр финансов Коковцев, в ведении которого находилась Пограничная стража, пытался скрыть непорядки в своем министерстве и добился 2 февраля 1913 г. Высочайшего повеления о прекращении дела. Начальник округа генерал Мартынов, не желая служить при таких условиях, вышел в отставку. Генерал Корнилов просил перевести его в военное ведомство. Просьба его была исполнена, и он был назначен командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, стоявшей во Владивостоке.

В 1914 г. началась 1-я мировая война. Генерал Корнилов выступает на австрийский фронт командиром 1-й бригады 49-й пехотной дивизии. После шести дней беспрерывных боев Генерал Корнилов назначается начальником 48-й пехотной дивизии.

Бои Корниловской дивизии от Львова до Карпат — это победный марш. Генерал Корнилов не раз лично ведет в атаку последний резерв дивизии. Личным примером беспредельной храбрости он не раз выводит дивизию из безвыходного положения. Солдаты и офицеры готовы идти за ним «в огонь и в воду». Германский Генеральный штаб отдает приказ уничтожить дивизию Корнилова. Три дивизии австро-германцев атакуют 48-ую дивизию. Дивизия несет тяжелые потери, половина состава убиты или ранены, уничтожена и брошена половина артиллерии. В критический момент дрогнула и стала отступать одна из частей, потеряв своих офицеров Резервов не было. Бросив на помощь полуроту сапер, Генерал Корнилов сам повел их на врага в штыки. Под ним убита лошадь; ушибленный, он снова бросается на врага, и враг бежит. У города Санно дивизия Корнилова окружена врагом, мало патронов и снарядов, солдаты устали от непрерывных боев. Дивизия переходит в атаку. Два последних резервных батальона повел в атаку сам Генерал Корнилов. Кольцо разорвано. Дивизия спасена. По допросу пленных австрийцев Генерал Корнилов определяет слабое место господствующей высоты в Карпатах, и дивизия его берет ее.

В конце апреля 1915 года прорыв нашего фронта по линии Тарнов-Горлица, отсутствие тяжелой артиллерии и снарядов заставили Русскую Армию отходить из-за Карпат. Между Зимградом и Дуклой, у деревни Ивна, огромные обозы отступающей нашей Армии были окружены врагом. Дивизия Корнилова атакует в двух направлениях — впереди австрийцы, в тылу — немцы. Генерал Корнилов ранен в руку, но остается в строю.

Главнокомандующий Венгерской Армии Эрцгерцог Иосиф Габсбургский разговаривает с пленным Генералом Корниловым.

После двухдневного кровопролитного боя дорога очищена и обозы уходят. Генерал Корнилов отправляет три полка на соединение с отступающей Армией, а сам с Рымникским полком прикрывает отход дивизии. С 25 апреля непрерывные атаки противника отбиваются поредевшим полком. Патроны на исходе. Полк прорывается штыковой атакой. Ночью Генерал Корнилов отпускает остатки Рымникского полка, а сам с одной ротой прикрывает его отход. Изнемогая от потери крови, погибают его последние чудо-богатыри — нет перевязочных средств. Через пять дней, 29 апреля «Орлиное Гнездо» взято австрийцами. Голодные, израненные, СЕМЬ человек взяты в плен: Генерал Корнилов, пять солдат и один санитар! Враг победил, но какой ценой! (См. фотографию допроса Генерала Корнилова в бытность его уже в плену командиром 7-го корпуса Венгерской Армии Эрцгерцогом Иосифом Габсбургским. Место беседы — деревня Буков около Перемышля, в мае 1915 г.).

Данные о побеге Генерала Корнилова из плена приводятся по докладам чеха Мрньяка в Праге.

Участие в организации побега принимали: 1) Франциmек Мрньяк, солдат Австро-Венгерской Армии, чех по национальности, санитар; 2) Доктор Гутковский, русский военнопленный, работавший в качестве врача в госпитале, где лежал Генерал Корнилов; 3) Константин Мартынов и 4) Петр Веселов — оба русские военнопленные, работавшие массажистами; 5) Димитрий Цесарский, вестовой Генерала Корнилова.

Франциmек Мрньяк доставил Генералу Корнилову подложные документы и солдатское австрийское обмундирование, Цесарский поменялся с Генералом Корниловым кроватями, а доктор Гутковский продолжал навещать и лечить подставного больного. Из лагеря Мрньяк и Генерал Корнилов вышли благополучно в 12 часов 11 июля (нового стиля) 1916 года, а в 13 часов того же числа они оба уже были на вокзале и вечером 12-го они были на конечной для них железнодорожной станции Карансебеш.

Первая правительственная телеграмма об их бегстве появилась 12-го с указанием примет беглецов, Генерала Корнилова и Мрньяка, который, как сообщалось, в забытом им письме к отцу извещал последнего, что он устраивает побег Генералу Корнилову за 20 тысяч крон. Только в лесу за станцией беглецы переоделись в штатское платье. Недалеко от румынской границы, потеряв компас 13-го, они блуждали и голодали. Мрньяк не выдержал и около деревни Варло в поисках пищи зашел в кантину «Барловица», где и был арестован жандармами. Генерал же Корнилов через два часа, под выстрелами пограничников перешел границу вплавь через реку и из ближайшего села телефонировал в русское посольство, которое выслало за ним автомобиль. Таким образом, по версии Мрньяка Генерал Корнилов находился в побеге 8 дней, из которых два дня — по железной дороге, а шесть дней пешком. В плену он пробыл всего один год и четыре месяца.

По прибытии в Россию Генерал Корнилов был награжден орденом св. Георгия Победоносца 3-й степени за бои на Карпатах, а сибирские казаки его станицы Каркалинской прислали своему доблестному станичнику на-

тельный крест и сто рублей денег. Затем Генерал Корнилов получил в командование 25-й армейский корпус.

Участь сообщников побега: Мрньяк был приговорен к смертной казни, которая после пересмотра дела была ему заменена заключением в крепости на 10 лет, откуда он с почетом и наградой был освобожден после победы. Остальные тоже были поначалу присуждены к смертной казни, но с победой пересмотр их дела заменил наказание двумя месяцами карцера. На суде русские военнопленные говорили в свое оправдание, что были обязаны это сделать, что судом было принято во внимание.

Благодарность Генерала Корнилова чехам

Проникнутый глубоким чувством благодарности к тому, кто помог ему выбраться из плена и возвратил его России, Генерал Корнилов отправился прежде всего к отрядам чешской дружины, чтобы приветствовать соотечественников того, кто пожертвовал для него свободой и, как думал Генерал Корнилов, своей жизнью. Далее Генерал Корнилов добился для своего освободителя почестей, каких еще, пожалуй, не имел ни один чешский солдат: мнимый мертвец Францишек Мрньяк был зачислен стрелком первого взвода первой роты первого полка чешской дружины и когда вечером в полку производилась «поверка», — военный обряд, который только чуткая и широкая русская душа сумела уложить так красиво в рамки военных обычаев, воину Мрньяку воздавалась трогательная военная почесть: дежурный унтер-офицер вызывал его имя, а взводный первого взвода первой роты первого стрелкового полка чешского легиона ежедневно отвечал: «Расстрелян австрийцами в Пресбурге за освобождение Генерала Корнилова». По окончании поверки пели «Отче наш», русский национальный гимн и наконец чешский — «Где домовов мой», звуки которого неслись далеко на запад, куда неслись и мысли добровольцев-стрелков и где в оковах, голодный, ежился от холода в сумраке крепостного каземата тот, кто был предметом ежедневной почести чехословацкого войска на Руси (перевел с чешского пехотный офицер).

В должности командира корпуса Генерал Корнилов 46 лет от роду был произведен в генералы от инфантерии и на этом закончилась его служба в Императорской Армии.

На вопрос, почему Генерал Корнилов примирился с падением Монархии и снова, как и ранее, продолжал служить России, нам ответит статья Генерального штаба полковника Колчинского, бывшего в штабе Верховного Главнокомандующего Генерала Корнилова, к тому же — его родственника, что усиливает достоверность сообщаемого.

Октябрь 1963 г. **Статья к 45-летию гибели Генерала Корнилова**

«Сорок пять лет тому назад гранатой, пущенной рукой русского революционера, был убит первый Командующий Добровольческой Армией Генерал Л. Г. Корнилов. Русское общество, сходясь в одном общем мнении относительно исторического значения Генерала Корнилова как во-

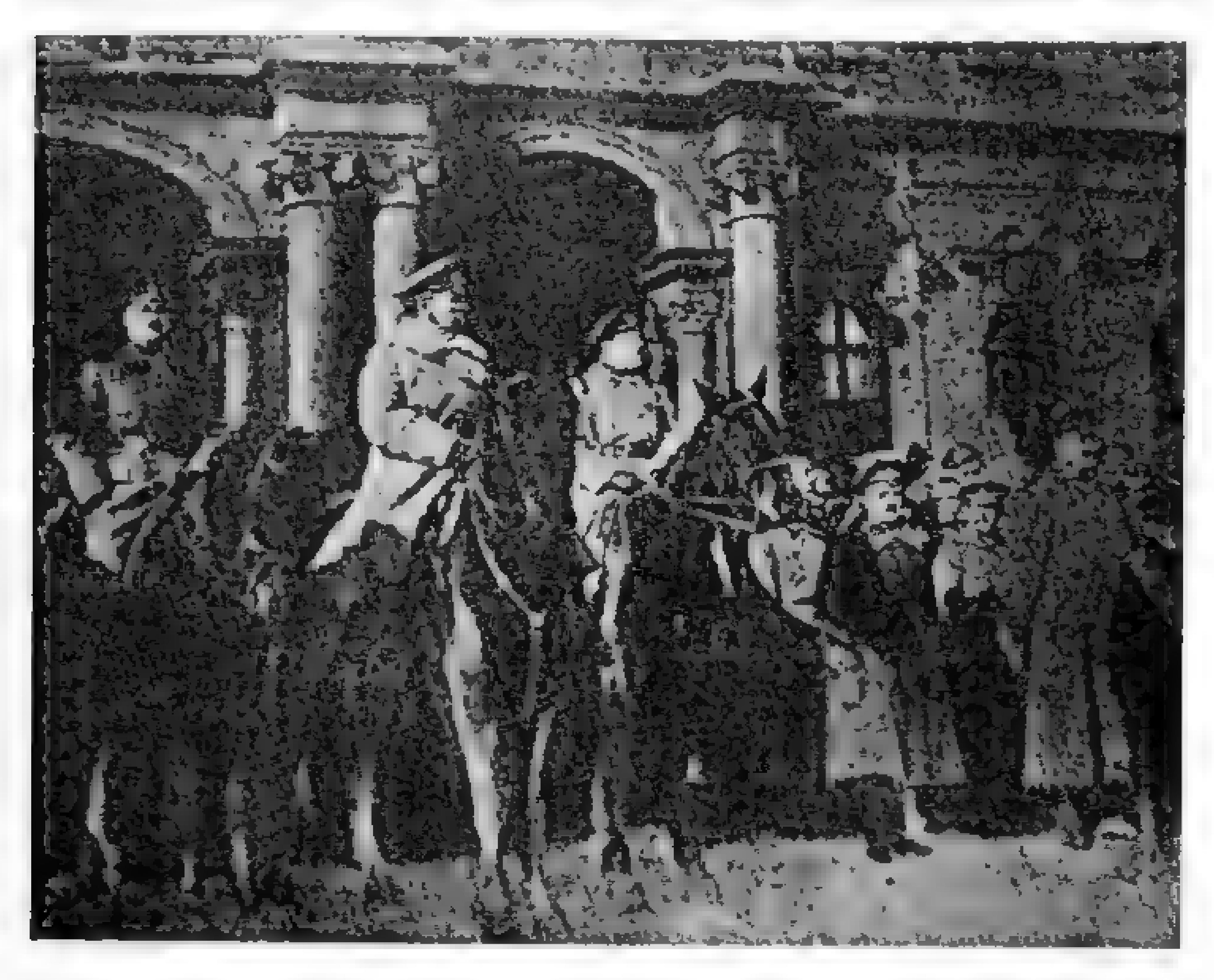
енного вождя и героя, в вопросе о его политических взглядах резко расходится и часто — в противоположные стороны. Одни готовы считать его за монархиста-реставратора, другие за приверженца республиканского строя. Особые условия политической обстановки, при которой пришлось выступить Генералу Корнилову, несомненно отразились на предвзятости этих мнений. Надо учесть то обстоятельство, что революция у нас разразилась в период напряженной подготовки нашего фронта к решительному наступлению 1917 года. Наша Армия, пополненная живой силой, материальной частью, сравнительно хорошо снабженная техническими средствами и уже обученная современным методам борьбы, имела почти абсолютные шансы на успех. Оставалось лишь одно — сохранить ее дух. Революция же с ее лозунгами свободы составила угрозу именно моральной подготовке Армии к предстоящему наступлению. Строевое начальство на фронте вполне отдавало себе отчет в грозной опасности проникновения политической пропаганды на фронт, но так как эта пропаганда шла с тыла, то необходимо было и борьбу с ней начать оттуда же. К нашему несчастью, революция у нас совпала с моментом смены Высшего Командования и при общей растерянности соответствующих мер принято не было. Временное же правительство в своей преступной игре на популярность и при полном невежестве в военном деле не только не препятствовало, но даже способствовало революционной пропаганде в войсках. В результате, на фронте возникли комитеты и всевозможные политические организации, которые заняли явно враждебную позицию в отношении командного состава».

* * *

Для более яркого освещения вопроса об отношении Генерала Корнилова к Монархии и республике я делаю дополнения на основании своих личных переживаний в то смутное время, когда я близко соприкасался с обстановкой, в которой протекала служба Генерала Корнилова, участвуя в подавлении первого восстания большевиков в Петербурге в рядах 178-го пехотного Венденского полка 45-й дивизии, начиная с 6 июля 1917 года и по конец августа, когда я из первоисточников узнавал о роли Генерала Корнилова во время его командования Петроградским округом. На первом месте стоит его основная служба в Императорской Армии, которую враги его стараются скомпрометировать тем, что он еще до назначения его на пост Командующего войсками Петроградского военного округа был связан с революцией и поэтому-то и был назначен на этот пост. Но документальный разбор вопроса говорит совершенно о другом, и для доказательства этого я привожу показания генерала Архангельского, как лица, непосредственно принимавшего участие в деле назначения Генерала Корнилова на этот пост. Вот копия его показания:

«Это назначение произошло при следующих обстоятельствах: за два дня до отречения Государя генерал Михневич, как начальник Главного Штаба, и генерал Архангельский, как начальник Особого отдела по назначению чинов Армии, поехали на заседание Комиссии по снабжению

Армии, чтобы там выяснить вопрос о снабжении боевого фронта. В результате переговоров все пришли к заключению о необходимости назначения в Петроград, который тогда являлся центром политической пропаганды, волевого начальника, дабы установить в городе порядок и умерить революционный пыл комитетов и рабочих. Генерал Архангельский предложил генералу Михневичу выставить кандидатуру Генерала Корнилова, овеянного боевой славой и популярного как в Армии, так и среди народных масс, особенно после его легендарного побега из австрийского плена. Эта кандидатура была тут же одобрена всеми присутствующими, не исключая и Керенского. По предложению генерала Архангельского тогда



Генерал Корнилов — Командующий Петроградским военным округом.

же было предложено послать две телеграммы: одну — командиру 25-го армейского корпуса, Генералу Корнилову, а другую — генералу Алексееву с просьбой испросить соизволения Государя на это назначение. На посланную генералом Алексеевым телеграмму Государь наложил резолюцию: «Исполнить». Это произошло накануне отречения Государя от престола. Таким образом, толки в эмиграции о якобы революционном назначении Генерала Корнилова не имеют никакого основания. Только после этого

генерал Алексеев предписал Генералу Корнилову ехать в Петроград. Таким образом, приехав в Петроград, Генерал Корнилов только исполнил волю Государя Императора и приказ своего начальства. О самовольном приезде для принятия участия в перевороте не может быть и речи (см. воспоминания генерала Лукомского, гл. 5-я, стр. 141 и 201). Выдвижение Генерала Корнилова Императорским Главным Штабом с утверждением этого самим Государем является исключительным подтверждением его блестящей службы Царю и Родине».

Что же касается верности Генерала Корнилова престолу до конца, то этот вопрос был для него решен, равно как и для всех чинов Армии тем, что сам Государь отрекся от престола за себя и за Наследника с призывом к Армии служить новому правительству верою и правдой и где им и высшим генералитетом было соблюдено правило: «Армия вне политики».

С этого момента для Генерала Корнилова начинается путь спасения своего гибнущего Отечества.

За время пребывания Генерала Корнилова в Петрограде ему по занимаемой им должности было поручено временным правительством объявить Государыне Императрице Александре Федоровне о положении Ее под арестом. Факт отречения Государя и все попытки найти ему Наследника провалились и сделали Армию законопослушной временному правительству. С врагами революции расправа была одна — мученическая смерть. Всей своей жизнью Генерал Корнилов доказал, что он к выполнению своего долга шел прямо и при выборе способа выполнения преследовал только пользу для России. Самым главным тогда в этой трагедии было спасение семьи Государя от смерти, но, как это ни печально, решение временного правительства не склонялось к этому. Трагически попавшему в этот круговорот Генералу Корнилову оставалось два выхода: отказаться от исполнения приказа, за что он, безусловно, был бы ликвидирован, или, заранее приняв на себя тяжелый крест от хлестких критиков, в доступной для того момента степени попытаться смягчить участь Царской семьи, так как при его отказе это с удовольствием выполнили бы представители «красы и гордости революции» из Балтийского флота с приемами, многим из нас хорошо известными, а возможно и с роковым исходом. Генерал Корнилов от начала и до конца был врагом Керенского, а потому был всегда под контролем, текста объявления приговора он изменить не мог, но превратил все это в сухое исполнение приказа. Теперь можно сочинять все, что угодно, но сейчас еще живы свидетели тех дней, которые передают, что они сами видели и слышали тогда. В 1919 году я с поручиком Андриановым был командирован в Крым от Корниловского Ударного полка в охрану Высочайших Особ, где я попал в конвой, как тогда называли, Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. Когда я ехал в Крым, эти мысли были у меня в голове, и я боялся, что Ее Величество, как мать Государя, не поймет подвига Генерала Корнилова и просто заявит мне, что в моих услугах не нуждается. Но при представлении Ее Величество подала мне руку, сказала, что хорошо знает Шефа моего полка, Генерала Корнилова,

и за все время моего пребывания в охране при встречах была ко мне внимательна. Даже в последний день Ее отъезда из России, когда я стоял в парке на охране участка и сделал Ей прощальный салют винтовкой. Она в ответ несколько раз склонила голову. И в этом я тогда видел и теперь вижу, что жертву Генерала Корнилова Она понимала.

Клеветники Генерала Корнилова приписывают ему якобы его грубость в обращении с Государыней, но это опровергается не только присутствовавшими при этом, но и самой Государыней, которая его благодарила после того, как Генерал Корнилов поговорил с Нею наедине. Предполагают, что Генерал Корнилов мог тогда сообщить Государыне о возможности отъезда в Англию, что было, теперь мы это знаем, правительством Англии аннулировано. Все показания о том времени лиц, близко стоявших к разбираемому здесь вопросу, до генерала Архангельского включительно, копия показания которого у меня имеется, удостоверяют, что во время процедуры объявления приговора Генерал Корнилов был не одним лицом и что он исполнил свою тяжелую миссию с максимальной тактичностью и с целью избавить семью Государя от расправы настоящей банды «красы и гордости революции».

Приписывается Генералу Корнилову и награждение унтер-офицера Кирпичникова «за убийство своего офицера». Это обвинение связано с желанием доказать, что Генерал Корнилов был связан с революцией заранее, а потому-то он и был первым революционным Командующим Петроградским военным округом. Показания генерала Архангельского и генерала Лукомского (см. гл. 5-ю, стр. 141 и 201) свидетельствуют, что лейбгвардии Волынского полка капитан Лашкевич был убит выстрелом с чердака и личность стрелявшего не было установлена. Что же касается унтер-офицера Кирпичникова, то он к этому убийству никакого отношения не имел, а Георгиевским крестом был награжден за боевые подвиги на фронте. Это награждение, как и других чинов батальона, состоялось согласно представлениям Действующей Армии. Генерал Корнилов прибыл в батальон именно в этот день награждения для вручения чинам батальона наград по этим представлениям. К этому надо прибавить, что унтер-офицер Кирпичников не был даже революционно-настроенным и пользовался репутацией строгого начальника, за что и получил от солдат кличку «мордобой». Впоследствии мы увидим его в Добровольческой Армии.

Многие знали тогда, как тяготился Генерал Корнилов своим сотрудничеством с временным правительством и как настойчиво он просился на фронт. Известно также и то, что именно в этот период у Генерала Корнилова возникла мысль о необходимости борьбы против развала Армии и именно здесь, в Петрограде, он понял, что причина этого развала — слабость и попустительство временного правительства, и ему не оставалось ничего более, как вступить с ним в открытую борьбу или же уйти. Так как в этот момент он не чувствовал за собой достаточной силы общественного мнения, он решительно настоял на своем уходе на фронт.

Попав снова на боевой фронт и ознакомившись с настроением солдатских масс и с их отношением к офицерскому составу, он первым поднял голос за уничтожение комитетов и вообще за полное изгнание

политики из Армии. В августе 1917 года мы видим Генерала Корнилова на посту Верховного Главнокомандующего. Облеченный доверием страны и Армии, он мог бы легко сыграть политическую роль, но он остается верен своей задаче защиты фронта и использует свое положение Верховного только для того, чтобы смело предъявить временному правительству ультиматум, известный под именем «Корниловской военной программы». На Московском совещании 12 августа 1917 года Генерал Корнилов говорил: «В наследие от царского времени свободная Россия получила Армию, в организации которой были недочеты, но тем не менее эта Армия была боеспособна и готова к самопожертвованию. Целым рядом законодательных мер, проведенных временным правительством после переворота, людьми, чуждыми духу и пониманию Армии, она была превращена в толпу. Политика разъедает Армию, и она сейчас существует автоматически. На фронте ее держат больше ротные котлы со щами, чем высокие побуждения. И несомненно, чем больше будут проникать в нее начала революционных свобод, тем это разложение будет идти сильнее и сильнее. Мы, офицеры, должны героическими усилиями остановить этот процесс разложения».

В конце августа 1917 года Генерал Корнилов делается жертвой возмутительной провокации со стороны Керенского. Взаимное отталкивание Генерала Корнилова и Керенского началось с самого начала революции и последний подозрительно относился ко все возрастающей популярности Верховного, а потому искал ему заместителя. Московское совещание (13-15 августа 1917 г.), куда временное правительство пригласило 1.925 делегатов, разделило их почти поровну на правых и левых, оставив правительство болтаться без опоры, что толкнуло Керенского в объятия к Ленину. Обе группировки уже наметили себе кандидатов в диктаторы, и от правых это был Генерал Корнилов (Генерал Головин, кн. 23, стр. 148). Ему на этом съезде выразили готовность выступить: 1) Военная лига, 2) Союз Георгиевских кавалеров, 3) Союз воинского долга, 4) Союз чести Родины, 5) Союз Добровольцев народной обороны, 6) Добровольческой дивизии, 7) Батальон свободы, 8) Союз спасения Родины, 9) Общество 1914 г. и 10) Республиканский центр (см. кн. генерала Головина № 23, стр. 136).

Правых встряхнуло обращение Генерала Корнилова к временному правительству: «Я, Генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого дня сознательного существования и доныне проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет». Такая популярность Генерала Корнилова впоследствии породила такой эпизод, единственный в истории: Главнокомандующий, обвиненный в измене и предательстве Родины и преданный за это суду, получил приказание от главы временного правительства Керенского продолжать командование Армиями! Таковым был Генерал Корнилов (генерал Головин, кн. 24, стр. 21). На стр. 10-й той же книги приведена телеграмма генерала Лукомского от имени Генерала Корнилова за № 6499 и ответом на нее было распоряжение временного правительства по радиотелеграфу, что все оперативные приказания Генерала Корнилов, а также и отдаваемые его именем, обязательны для всех.

Требования Генерала Корнилова, предъявленные им на Московском совещании временному правительству, и открытое признание правыми

Генерал Корнилов и Генерал Духонин
Ставка 1917 года

партиями Генерала Корнилова кандидатом в диктаторы усилили подозрения Керенского в отношении стремления Генерала Корнилова к свержению временного правительства, и он создает предлог для громкого и позорного дела — смещения Генерала Корнилова с должности Верховного Главнокомандующего, что будет разобрано в ходе описания формирования Корниловского Ударного полка.

Зарождение Корниловского Ударного полка

(По материалам книги «Корниловский Ударный полк»)

В марте 1917 года Командующим 8-й Армией, действовавшей в Галиции и Буковине, был назначен Генерал Корнилов. Новый Командующий начал с объезда своих войск. Во всех штабах ему докладывали, что власть офицеров парализована комитетами, дисциплина расшатана, боеспособность полков с каждым днем падает. В развале своей Армии Генерал Корнилов убедился, когда стал обходить окопы. Его острые глаза повсюду отмечали беспорядок и распущенность солдат, но то, что ждало его на одном боевом участке, превзошло все. Командующего никто не встретил, солдат не было. В зловещей тишине он шел по пустым окопам, всего в нескольких шагах от неприятельской линии. Корнилов шел и бормотал: «Предатели!.. Изменники!..» Потом обернулся к сопровождавшему его молодому капитану Генерального штаба Неженцеву и сказал: «Какой позор!.. Немцы следят за нами и даже не обстреливают... Точно издеваются над нашим бессилием. Я нисколько не удивлюсь, если сейчас наткнусь на них и они заиграют мне встречный марш...»

«В этих словах Генерала Корнилова было столько горечи, — рассказывал впоследствии капитан Неженцев, — что у меня все перевернулось в груди. Почувствовал я и то, что за Корниловым пойду хоть на край света».

В мае 1917 года для всех здравомыслящих русских людей на фронте стало очевидным, что Армия наша идет по пути разложения все ускоряющимся темпом. Об этом ежедневно доносили командиры частей Армии в высшие штабы, об этом шопотом, чтобы не подслушали «товарищи», говорили между собой боевые офицеры, об этом громко и подчас бурно рассуждали в заседаниях всевозможных комитетов. Между тем, страна, уставшая от трехлетней войны, жаждала скорейшего мира; мир могла дать только решительная победа над врагом, но Армия не желала наступать, а следовательно победа и желанный мир становились недостижимыми. И правители нового типа решили прибегнуть к своему излюбленному приему управления: в Армию со всех сторон потекли агитаторы, в одиночку и группами разъезжавшие на штабных машинах по фронту и говорившие, говорившие без конца... Казалось, Армия превратилась в сплошной митинг, собранный с целью уговорить серую солдатскую массу идти в наступление «во имя свободы и революции» и тем принудить врага к миру «без аннексий и контрибуций».

Но слова оставались только словами. Солдаты, слыша их сегодня,

Генерального штаба полковник Неженцев.

соглашались с ними, а завтра соглашались со словами другого агитатора, большевистского толка, говорившего диаметрально противоположное, и дело не продвигалось ни на шаг. Естественно поэтому, что внимание командного состава Армии, даже вне зависимости от общего положения в стране, было устремлено на разрешение задачи, как вывести Армию из того состояния прострации, в которое ее повергли наши доморощенные «управители». В это время и зародилась у некоторых из лучших офицеров Армии мысль о сформировании ударных штурмовых частей, составленных из добровольцев. Первый по времени проект подобного рода принадлежит капитану Генерального штаба Митрофану Осиповичу Неженцеву. Ему, как занимавшему в то время должность помощника старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 8-й Армии, яснее, чем кому-либо другому была видна картина развала Армии, так как он имел возможность изучать этот процесс не только по нашим источникам, но и по данным противника. Капитан Неженцев был ярким типом офицера-патриота, все силы духа и разумения своего посвятившего военному делу, которое он любил всеми силами своей души. По окончании Академии с началом войны он не идет на службу в штаб, а идет в строй, где в течение одиннадцати месяцев доблестно командует ротой и батальоном, за что награждается всеми боевыми наградами до Георгиевского оружия включительно, а потом и ордена св. Георгия. И если ко времени, о котором идет речь, мы встречаем его в штабе 8-й Армии, то это потому только, что он вынужден был пойти в штаб, чтобы не потерять прав офицера Генерального штаба.

Для более полного освещения личности полковника Неженцева, я привожу данные о нем и из других источников.

Доклад генерала Стогова в Париже в 14-ую годовщину первого боя Корниловцев. Париж, октябрь 1931 года.

«Сегодня, в 14-ую годовщину славного первого боя Корниловцев, наши мысли невольно переносятся к тому страшному в русской истории году, когда рухнула тысячелетняя русская государственность и лучшие представители великого русского народа, соблазненного утопиями и в страшных судорогах начавшейся болезни топтавшего в грязь все свое историческое прошлое, искали выхода в стремлении образумить народ, вдохнуть в него любовь к Матери-Родине и в жертву к вечной любви к родной земле принести свои личные блага и самую жизнь. Одним из этих лучших представителей русского народа был основатель и первый командир Корниловского Ударного полка капитан Генерального штаба Митрофан Осипович Неженцев. Помню его, скромного офицера Генерального штаба, служившего в штабе 8-й Армии сначала помощником адъютанта, ведавшего связью, а затем старшим адъютантом, ведавшим разведкой. И тогда уже капитан Неженцев проявлял свою, я бы сказал, душу. Так, он все время искал способов улучшить то дело, у которого стоял. Он не мог довольствоваться тем, что опыт и знания выработали до него, и плыть, так сказать, по течению, а старался найти что-то новое, что дало бы возможность еще лучше исполнять свой долг на службе Родине. Естественно, что человек с такими наклонностями не мог сидеть

спокойно в то время, когда рушились основы Государственности, а русская некогда великая Армия тяжело болела.

Еще в бытность Командующим 8-й Армией генерала Каледина у капитана Неженцева зародилась мысль создать такой отряд, который смог бы показать пример всей Армии и увлечь ее за собой в бой. Но осуществилась эта мысль только тогда, когда во главе 8-й Армии стал Генерал Корнилов. Он с радостью и со свойственной ему живостью ухватился за мысль капитана Неженцева и последним был быстро сформирован Отряд, получивший имя своего Командующего Армией, особую эмблему на рукав в виде черепа и скрещенных костей и девизом Отряда было доведение внешней войны до победного конца путем увлечения за собой всей Армии. Впоследствии Отряд вырос в Полк, а затем, во время Белого Движения, и в Дивизию.

По некоторым чертам своего характера Корнилов был очень схож с Неженцевым. Так, я хорошо помню, как, прибыв на службу в Петроград, в Главное Управление Генерального штаба, я слышал там, что незадолго до того полковник Генерального штаба Корнилов подал рапорт о том, что вследствие отсутствия работы он не считает свое дальнейшее пребывание в Управлении Генерального штаба полезным для Родины и просит дать ему другое назначение. Господа, это не шутка — подать рапорт в мирное время о том, что нечего делать... Но этот же случай показывает, что и начальство, пусть обладавшее многими недостатками, не стерло полковника Корнилова с лица земли за предерзостный поступок, а перевело его никак не на меньшую, а скорее на большую должность военного агента в Китае».

Воспоминания последнего начальника штаба Корниловской Ударной дивизии, ныне профессора военных наук, Генерального штаба полковника Месснера, Евгения Эдуардовича, о знакомстве с полковником Неженцевым.

«Штабс-капитан Неженцев, Митрофан Осипович, уже прошел два курса Императорской Военной Академии, когда был по мобилизации 1914 года, как все слушатели Академии, возвращен в свою часть, — в 58-й пехотный Прагский полк (стоянка в г. Николаеве). Мы, офицеры 15-й артиллерийской бригады, стоявшей в Одессе, не знали офицеров Прагского полка, и познакомился я с Неженцевым уже на походе. Первое впечатление было неблагоприятное: «момент»! («Моментами» строевые офицеры называли тех офицеров Генерального штаба, которые считали себя небожителями по сравнению с неимевшими высшего образования). Мы все, по приказу, надели солдатские гимнастерки и шинели, а Неженцев остался в кителе, а шинель переделал по фигуре. Его франтоватость увеличивалась еще тем, что он носил запрещенное офицерам пенсне (разрешались очки) и говорил растягивая слова и часто — с иронией. Но во всем этом не было ничего напускного, и за всем этим обреталась прекрасная офицерская душа: Митрофан Осипович был храбр, мужествен, твердой воли, но мягок и сердечен в отношении сотоварищей и подчиненных. На походе и в боях я, адъютант артиллерийского дивизиона, часто бывал вместе с ним в колонне, на наблюдательном пункте, в штабной избе, по-

тому что командир полка, полковник Кушакевич, используя его военные познания, назначил его на нештатную должность тактического адъютанта. В этой должности он оказался чрезвычайно ценным: обладая тактическим чутьем, знанием дела, находчивостью, он служил великолепным дополнением к своему полковнику, храбрецу, строевику, но не тактику. Было ясно, что Митрофан Осипович — большой военный талант, для которого боевой участок пехотного полка слишком малое поле деятельности. К лету 15-го года он был переведен в Генеральный штаб и получил штабное назначение. Расставшись с ним друзьями, мы стали изредка переписываться. В начале 17-го года я получил от него письмо: он решил формировать добровольческий ударный отряд в 8-й Армии и рекомендовал мне сделать то же в 4-й. Я ответил, что, хотя я и начальник штаба 15-й дивизии, я никому в Армии неизвестен и потому никто за мной не пойдет. За Неженцевым же пошли, потому что он умел заражать людей своей энергией, своим оптимизмом и своей уверенностью в полезности предпринятого им дела. А дело было, действительно, полезным и необходимым: развивающейся в Армии анархии противопоставить дисциплину, чувство воинского долга и солдатскую волю к победе. Для характеристики Неженцева необходимо привести два эпизода: после боя у Павельче Керенский прислал по пяти крестов на роту, — подполковник Неженцев отказался от них. Предлог отказа — все одинаково отличились, а настоящая причина отказа — презрение к адвокату — военному министру. Второй случай: после боя в Киеве против украинцев и большевиков Корниловский полк выпускают из захваченного красными города, но Неженцев не соглашается уйти с полком до тех пор, пока не было поездами отправлено в Екатеринодар Константиновское военное училище, — оно дралось плечом к плечу с Корниловцами, и Корниловец Неженцев не бросил юнкеров на расправу большевикам.

В первом бою Корниловского Ударного отряда, 25 июня 1917 г., у дер. Павельче, и командир Отряда и Отряд блестяще выдержали экзамен. Отряд был развернут в Полк, самый молодой полк Российской Армии. Через полгода он стал самым старым полком Добровольческой Армии.

Великолепны были верность и преданность Корниловцев Генералу Корнилову в смутные Могилевские дни и в опасные Быховские недели. Это оценил смещенный и арестованный Генерал и, вручая Неженцеву приказ о движении на Дон, благословил своих Корниловцев на ратные подвиги за честь России и Армии. Полковник Неженцев выполнил этот завет до смерти в бою, так же как и тысячи Корниловцев.

Смерть разделила их на одну только ночь: полковник Неженцев был убит 30 марта, а Полководец 31-го, но воинская слава соединила их навеки».

Послужного списка полковник Неженцев не оставил, и я уже в эмиграции обратился к его начальнику штаба отряда при формировании — полковнику Леонтьеву, Константину Ивановичу, — с просьбой помочь мне восстановить точно путь службы Митрофана Осиповича. В ответ на это, в 1965 году он пишет мне: «По этому вопросу я мало что могу

сказать, так как из штаба 8-й Армии полковник Неженцев, я и ротмистр князь Ухтомский, Николай Павлович, были временно командированы лишь на формирование Ударного Отряда (в это формирование никто не верил) и для участия с этим Отрядом в прорыве позиций, и на этом заканчивалась наша командировка. В такую краткую временную командировку штаб Армии послужных списков в штаб Отряда не передал. Сам же Митрофан Осипович был по характеру человеком замкнутым и мало говорил о своей службе. Да и времени для этих разговоров не было. Кругом кипела большая подготовительная и созидательная работа по сколачиванию и обучению прибывающих пополнений. В эту работу он был погружен весь без отказа не только в течение дня, но и просиживал ночи за составлением плана занятий на следующий день. Еще с большим вниманием относился он к подготовке офицерского состава. На пополнение Ударного Отряда прибывали почти исключительно молодые прапорщики, мало знакомые с солдатами и еще меньше знавшие боевую работу на фронте. Всю подготовку офицерского состава Митрофан Осипович взял в свои руки, и в этом он достиг больших успехов, что и показало наступление 24 июня. Полковник Леонтьев».

Я продолжаю по книге «Корниловский Ударный полк»

И вот у такого офицера, как капитан Неженцев, проникнутого глубочайшей любовью к Родине, горящего жаждой подвига во славу России и Армии, при виде такого позора и мерзости, которые творятся на фронте, является мысль создать отряд из людей, разделяющих его взгляды, людей с беззаветно мужественными сердцами и глубокопатриотическим чувством, как и у него самого. Его мечтой было во главе этого Отряда прорвать неприятельский фронт и примером своей высокой доблести в неудержимом порыве увлечь за собой ближайшие участки фронта. Под влиянием этой мысли капитан Неженцев представляет 5 мая 1917 года на имя генерал-квартирмейстера штаба 8-й Армии доклад (за № 8) об организации ударных батальонов. Приказом по 8-й Армии от 19 мая 1917 г. Генерал Корнилов разрешил формирование «1-го Ударного Отряда при 8-й Армии». Штаб же 8-й Армии весьма неохотно помогал формированию. Вербовать солдат-добровольцев капитану Неженцеву было разрешено лишь из запасных частей и среди тыловых учреждений, но отнюдь не с фронта. Только после усиленных хлопот капитан Неженцев добился разрешения вызвать с фронта шесть офицеров-добровольцев в чине штабс-капитана. Капитан Неженцев проявлял удивительную настойчивость: он все время обходил запасные батальоны и особенно часто навещал пулеметные курсы, которые находились в Черновицах, при штабе 8-й Армии. Главный состав офицеров Отряда были только что выпущенные прапорщики. Он подолгу беседовал с ними о революции и о Родине, об упадке дисциплины в Действующей Армии и о необходимости во что бы то ни стало поднять ее боеспособность. Сначала вид подтянутого штабного офицера в пенсне не особенно нравился, но потом офицеры прониклись уважением к нему, и к 10 мая к нему записались почти все

слушатели курсов, около 25 человек. Набирать же солдат Неженцев предложил молодым прапорщикам. Многие солдаты на все уговоры отвечали: «Вы, господин прапорщик, пороху-то еще не нюхали, вот понюхаете, тогда узнаете, что такое война!» Положение молодых, еще необстрелянных офицеров было пиковым: солдаты при них, не смущаясь и со всей откровенностью, разбирали доводы за и против продолжения войны, но молодые ударники упорно продолжали исполнять порученное им дело, и солдаты стали записываться в Отряд. К половине мая была сформирована почти полностью пулеметная команда. Вокруг этого основного ядра стали быстро формироваться и роты. Когда в ротах было уже по 90 человек, Генерал Корнилов согласился по просьбе капитана Неженцева дать Отряду свое Шефство, после чего он стал посещать своих ударников. Генерал Корнилов был небольшого роста, худощавый. Его черные волосы и смуглое, слегка скуластое лицо напоминали скорее монгола, чем русского. Поражали всех необыкновенная простота Генерала Корнилова и его доверчивая искренность при разговоре. Первое же посещение Командующего до сих пор хранится в памяти тех немногих оставшихся в живых, которые были при этом. В своих записках капитан Шинин вспоминает:

«После речи Генерала Корнилова в тот памятный день меня, как и всех одинаково, охватил форменный энтузиазм. Своим посещением и своими словами Генерал Корнилов забрал все наши души, всю волю, все чувства. За него мы были готовы идти на какие угодно лишения. Теперь, по прошествии стольких лет, я стараюсь уяснить себе, чем мог Генерал Корнилов вызвать такой восторг? Был он замечательным оратором? Нет, не то... Говорил он не плохо, но сила его была не в ораторском искусстве. Его слова об Отечестве? Может быть, да. Но о Родине каждому из нас говорили уже много и много раз, но сердец наших никто так не зажигал. Моя молодость? Но я был тех же 20 лет и при выпуске из школы прапорщиков, и находясь в запасном полку, и при отъезде на фронт, когда слышал такие же речи о Родине... Да, те же речи, но, видно, не такие люди, как Генерал Корнилов, их говорили...»

А другой доброволец из бывших солдат рассказывал:

«До войны я был рабочим, — наборщиком, — и, казалось, я должен был бы остаться у большевиков, а вот увидел Корнилова и пошел за ним в Добровольческую Армию».

У Генерала Корнилова был талант улавливать сердца.

В конце мая к капитану Неженцеву прибыли с фронта шесть штабс-капитанов: Гавриленко, Морозов, Петров, Савков, князь Чичуа и Скоблин. Многие из офицеров полков 8-й Армии стремились попасть в Ударный Отряд, но ограниченное число вакансий предоставляло право на это наиболее отличившимся, как, например, будущему командиру Корниловского Ударного полка, а затем — начальнику Корниловской дивизии штабс-капитану Скоблину. Он в первый же год войны, еще в чине прапорщика 126-го пехотного Рыльского полка был награжден орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия и золотым Георгиевским оружием.

С приездом штабс-капитанов Отряд был переведен в Стрелецкие Куты, где закипела работа по его развертыванию, обучению и сколачиванию. Все заняли свои должности, каждый стал совершенствоваться в своей специальности. Одновременно, незаметно для себя, ударники приобщались к соборному действу, и в этом действе сливались со всеми в единое целое, в единый как бы духовный Орден. Ибо воинская часть Русской Армии не была сборищем механически спаянных людей, а живым организмом, с единым духом, с единой, ему присущей жизнью. Полк держался духовной скрепой, духовным единомыслием. В полку блюли свои неписанные законы — традиции, свое прошлое — боевую летопись, свое настоящее — наименование и внешние отличия. В полку, как листья на дереве, менялись люди, появлялись новые, обновлялся весь состав, но невидимые корни продолжали его питать живительными соками, соборное действие полка оставалось неизменным.

На фронте полки еще жили, но были уже обречены. И вот в это трагическое время зарождается «1-й Ударный Отряд при 8-й Армии», впоследствии переименованный в Корниловский Ударный полк. Он зародился в пламени революции, когда воздух был насыщен верою в грядущую обновленную Россию, но с первых же дней своей жизни вместе с этой верой Отряд впитывал в себя боевые заветы Императорской Армии, которые ему прививали офицеры старых полков. Первый, непререкаемый завет был «жертвенная любовь к Отечеству», второй — «сам погибай, а товарища выручай!» Насколько капитан Неженцев придавал исключительное значение духовной скрепе между офицерами и солдатами своего Отряда, видно из того, что он писал в приказах:

«Трафаретного отбывания часов на занятиях мне не нужно. От вас, гг. офицеры, я требую, чтобы вы были в полной мере начальниками, но не теми, которые умеют только отдавать сухие приказания. Вы должны быть начальниками, показывающими вашим подчиненным пример воина, человека долга и порядка. Вы должны быть и в часы вашего досуга среди солдат, беседовать с ними, разъяснять все их сомнения, колебания... В Отряде должна быть прочная спайка, достигаемая взаимным доверием, общностью интересов и любовью к тому делу, для которого вы собраны. Пусть вся Россия знает, что у нее есть еще сыны, сказавшие: «Лучше смерть, чем рабство!»

Эти требования капитана Неженцева к офицерам 1-го Корниловского Ударного Отряда дали блестящие результаты, и о них генерал Стогов в своем докладе в октябре 1931 года в Париже, в день первого боя Корниловцев под Ямницей и Павельче, сказал:

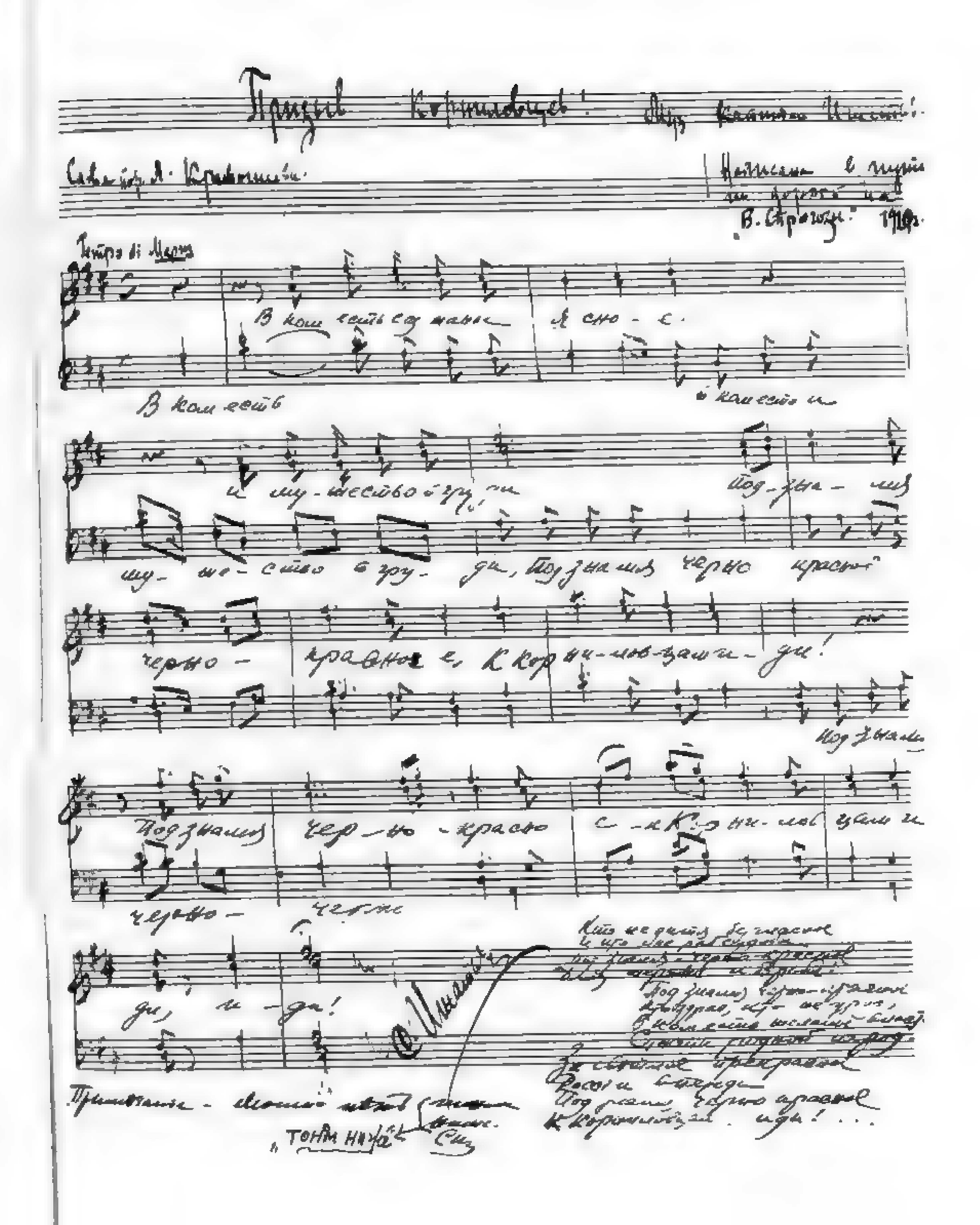
«Отметив характерные черты Шефа Корниловского Ударного полка и его первого командира полка капитана Неженцева, я считал бы свою задачу невыполненной, если бы не остановился несколько на том, что же дало, в конце концов, зарождение первого Добровольческого полка и как случилось, что было причиной того, что добровольческие части так доблестно и с таким выдающимся успехом сражались с большевиками. Особенно достойно удивления, если мы припомним, то, что впоследствии, при развитии действий, пополнение добровольческих частей получалось

из тех же пленных большевиков. Причина этого, вернее — одна из причин, — доблесть всего офицерского состава, наличие таких частей, как офицерские полки и роты, служившие во всем примером, и наконец особый уклад жизни, до предела сближавший офицера с солдатом, и действительно правы были Корниловцы, когда, вырабатывая правила ношения нагрудного полкового знака, написали в первом параграфе этих правил, что так как офицеры и ударники несли одинаковую службу рядовых бойцов, то и знак утверждается одинаковый как для гг. офицеров, так и для ударников. Вспомним время зарождения Корниловского Ударного полка, вспомним время добровольчества и скажем: «То было такое время, когда только совместная жизнь солдата и офицера давала полную уверенность в безотказной боевой работе».

* * *

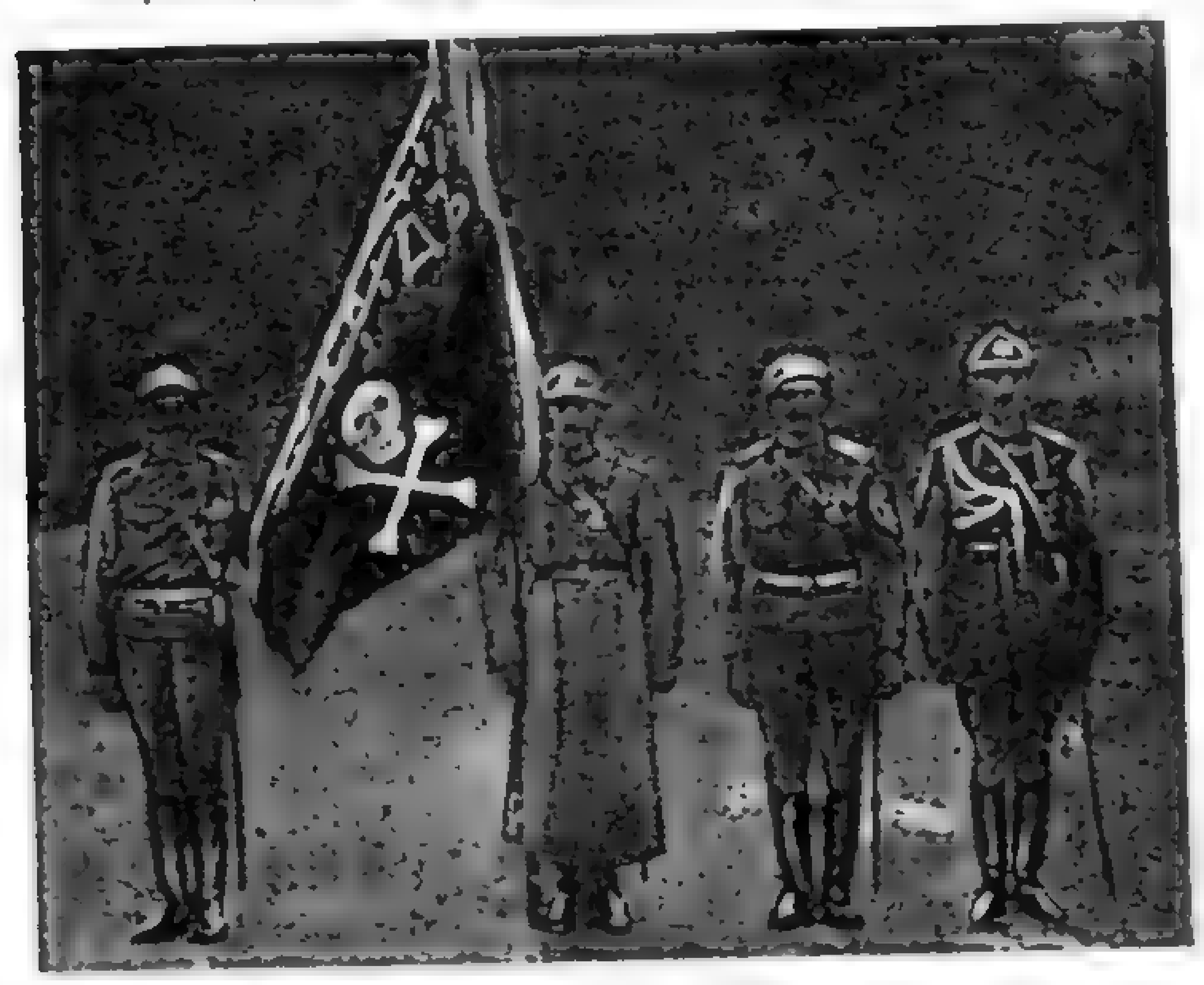
Закончил Отряд свое формирование в середине июня. Во главе Отряда, по приказу Генерала Корнилова, стал капитан Неженцев. Собственными усилиями, без какого-то ни было содействия штаба, он подобрал себе ближайших сотрудников среди своих друзей — единомышленников. Начальником штаба Отряда стал полковник Леонтьев, своим помощником назначил гвардии капитана Агапова, адъютантом — поручика князя Ухтомского, Николая Павловича, отбывавшего воинскую повинность в одном из гвардейских полков и призванного из запаса. Ныне князь Ухтомский постригся в монахи и одно время был настоятелем храма-памятника на Шипке («Орлиное Гнездо»), на горе св. Николая, в Болгарии, где доживали свой век многие наши инвалиды, в том числе и Корниловские. Отряд состоял из двух батальонов, по тысяче штыков в каждом, и трех пулеметных команд в 600 человек. (Должен от себя добавить, что от начала и до конца пулеметы были у Корниловцев излюбленным родом оружия и в них была их главная ударная сила). Команда пеших разведчиков была сформирована из пленных добровольцев — чехов, а в конные разведчики пошла сотня донских казаков, бывшая в распоряжении штаба 8-й Армии. Своим переходом в Отряд полковника Неженцева казаки вызвали такое неудовольствие штаба, что у них отняли коней, — идите, мол, пешком! И все-таки казаки ушли под начальством войскового старшины Дударева и войскового старшины Краснянского. При формировании Отряда наиболее тяжелое положение создалось с его продовольствием: штаб Армии категорически отказался снабдить Отряд хозяйственной частью. Капитан Неженцев поехал к Главноуполномоченному Красного Креста при 8-й Армии г. Лерхе, с которым был в хороших отношениях, и просил у него помощи. Лерхе немедленно откомандировал в распоряжение Неженцева санитарную летучку, которая и стала кормить Отряд за счет Красного Креста. Начальником хозяйственной части сделалась сестра милосердия, — пожилая женщина небольшого роста, которую прозвали «Крошка». Она оставалась начхозом вплоть до переформирования Отряда в полк, после чего перешла в полковой околодок.

10 июня был назначен смотр Отряда Командующим Армией Гене-


Призыв Корниловцев!

ралом Корниловым. Трехтысячный Отряд был построен в каре. На всех — стальные каски, черно-красные погоны, а на левом рукаве — суровая эмблема: на щите череп над скрещенными мечами, под ними граната. Череп белый, граната красная, щит темно-синий — национальные цвета России. Прокатилась отрывистая команда, музыка заиграла встречный марш. Смотр начался.

Генерал Корнилов вручил коленопреклоненному капитану Неженцеву



Первое Знамя Корниловского ударного полка.
Адъютант поручик князь Ухтомский.

черно-красное Знамя Отряда, полотнище, на котором белели слова «1-й Ударный Отряд». Генерал Корнилов произнес речь. Он сказал:

«Русский народ добился свободы, но еще не пробил час, чтобы строить свободную жизнь. Война не кончена, враг не побежден, под ним еще русские земли. Если Русская Армия положит оружие, то немцы закабалят на долгие годы всю Россию. Нашим детям и внукам придется работать на немцев. Мы должны победить. Победа близка. Австрийцы и немцы устали, уже столько времени они не переходят в наступление, мы же теперь, как никогда, сильны орудиями и снарядами. Один наш

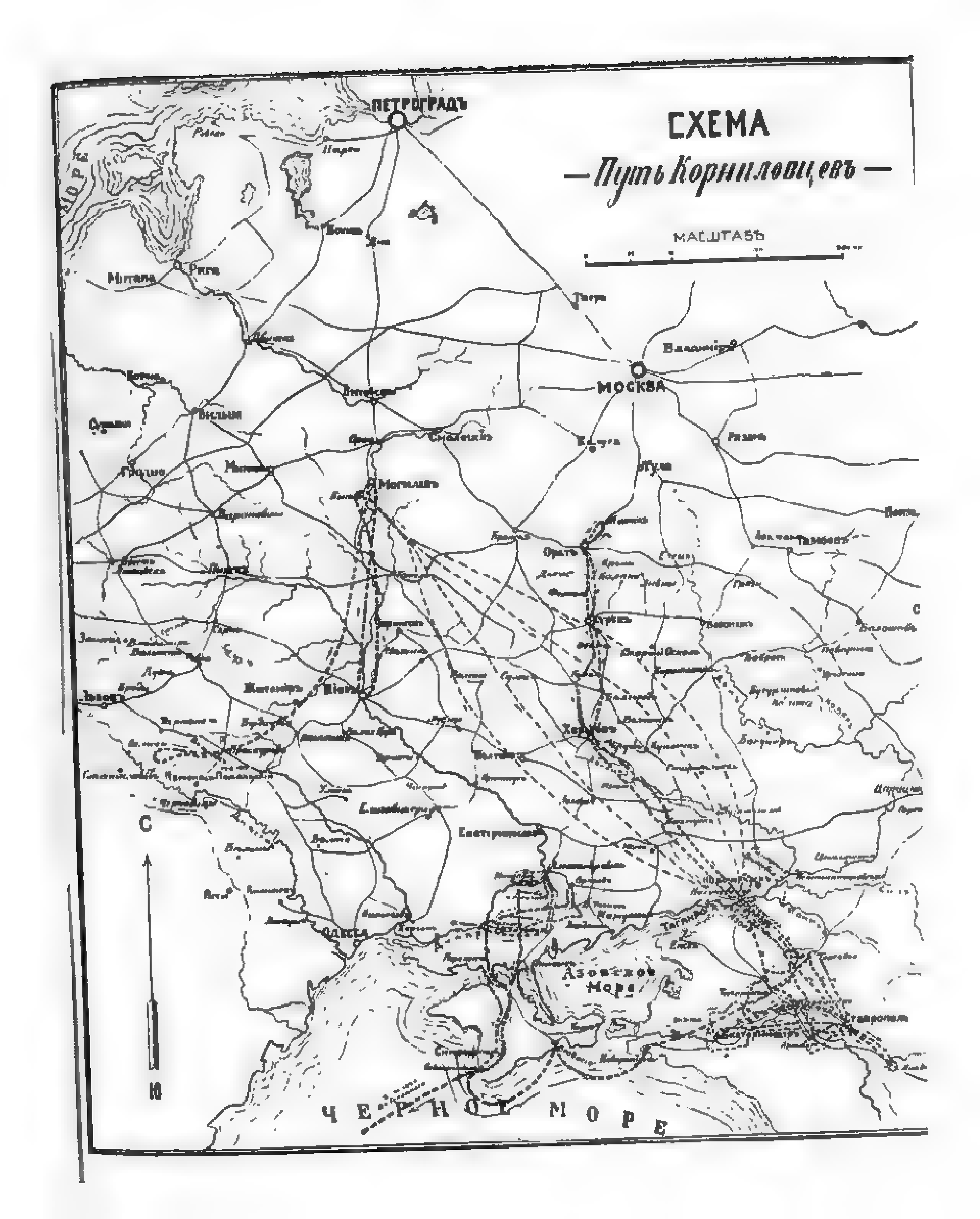
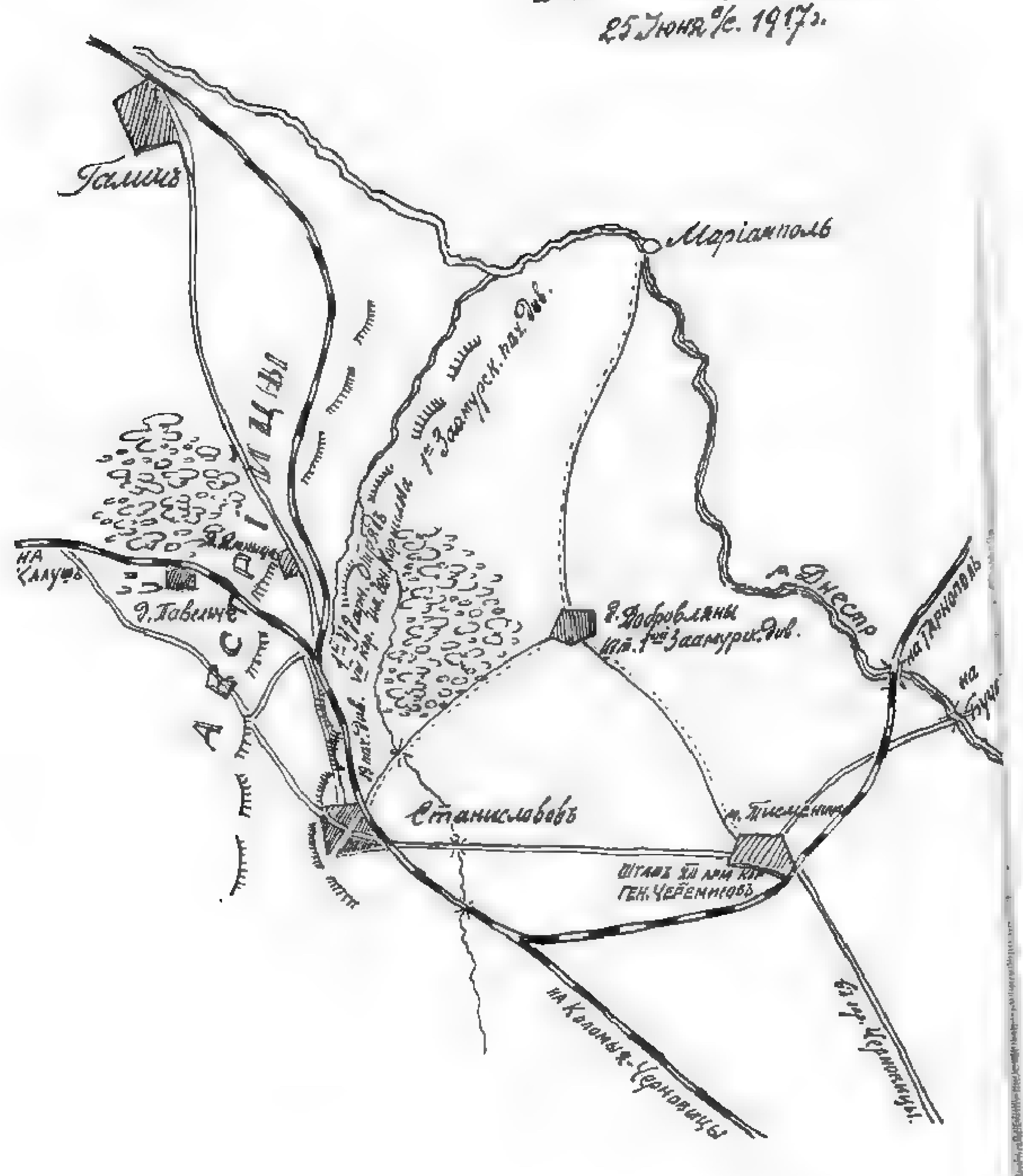


СХЕМА
— Путь Корниловцевъ —
МАСШТАБЪ
ПЕТРОГРАДЪ
МОСКВА
Рига
Могилевъ
Кіевъ
Харьковъ
Екатеринославъ
ОДЕССА
Таганрогъ
Ставрополь
Азовское Море
ЧЕРНОЕ МОРЕ
С
Ю


Бой подъ дер. Ямница
25 Іюня 1917 г.
Галичъ
Маріамполь
р. Днестръ
1-я Заамурск. пех. див.
д. Ямница
на Калушъ
д. Павелче
АВСТРІЙЦЫ
д. Добровляны
Шт. 1-ой Заамурск. див.
Станиславовъ
м. Тисменица
Штабъ XII арм. кор.
Ген. Черемисовъ
на Тарнополь
на Бучачъ
на Коломыя-Черновицы
въ г. Черновицы

сильный нажим, и враг будет сломлен. Не напрасны будут все великие жертвы, которые принес русский народ. Правда, устали и наши войска, этим пользуются и их смущают все те, кому не дорога наша Родина, ее честь и слава... Но **вы, добровольцы и ударники, поклялись воодушевить всех слабых духом.** На ваших рукавах нашит символ смерти — череп на скрещенных мечах. **Это значит — победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестие».**

С этого дня все ударники называли себя «Корниловцами». Это слово они начертали над своей эмблемой.

Боевое крещение КОРНИЛОВЦЕВ

Через несколько дней после смотра капитан Неженцев получил приказ выступить на фронт и, сменив в 12-м корпусе Заамурскую дивизию, которая должна была продвинуться вправо, занять линию Ямница-Павельче с ее укрепленным тет-де поном. Для части ударников фронт был таинственным и страшным местом, о котором знали понаслышке и которое каждый воображал по-своему. На всем пути жадно впитывали в себя прифронтовые картины. Проезжали мимо старых, запущенных окопов, опутанных ржавой, порванной проволокой на покосившихся серых кольях. Смотрели на трупы лошадей, и горячий июньский ветер доносил тошнотворный, сладковатый запах тления. Глубокой ночью Отряд стал сменять Заамурцев. С рассветом огляделись. Окопы были запущены и загажены, накаты со многих блиндажей сняты, бревна расколоты на костры для чая. Немедленно начали приводить все в порядок и строить новые гнезда для пулеметов и бомбометов. Через небольшие щели-бойницы изучали местность. За проволокой противника кое-где струятся столбики дыма. По намеченным целям пулеметы были пристреляны, и горе было той голубоватой фигурке (австрийская форма), которая вдруг показывалась и беспечно маячила. Короткая очередь из пулемета, — и фигурка падала. Был убит человек, но об этом не думалось, как на охоте после удачного выстрела. Однажды где-то впереди коротко прогремело. Над головой раздался хлопок, точно кто-то бросил сверху горсть гороха. Прапорщик, стоявший у пулемета, увидел, как унтер-офицер, первый номер на пулемете, на полуслове грузно осел, будто выдернули из него стержень. Насилу подняли страшно тяжелое тело с повисшими руками. Много раз потом ударники видели смерть, свыклись с ней, но первая смерть на войне и в такой непосредственной близости остается в памяти на всю жизнь. По ночам бомбометчики еле подымали тяжелые снаряды и вкладывали их в широкие и короткие стволы. С гулом вылетали снопы красного пламени, с грохотом поднимались над неприятельскими окопами столбы черного дыма. Ударники ходили в разведку, приводили пленных, которые показывали, что у них в полку удивлялись, откуда этих дьяволов принесло на фронт. Из соседних полков приходили комитетчики и с возмущением требовали прекратить стрельбу, грозя выбить Корниловцев из окопов в штыки. Комитетчиков выпроваживали.

Шесть дней провели ударники в окопах и стали уже ворчать на без-

действие. Наконец в середине июня было назначено общее наступление 8-й Армии. Согласно данным полковника Леонтьева, начальника штаба 1-го Ударного Отряда, бой у дер. Ямница начался 24 июня 1917 года. Прорвать фронт и нанести главный удар должен был 12-й корпус. Артиллерийская подготовка началась накануне. Впервые ударники услышали одновременный рокот сотен орудий. Казалось, что небо разверзлось непрерывными громовыми раскатами. Холод пробегал по спине, но поднималось и горделивое чувство за свою русскую мощь. Австрийских окопов уже не было видно, — все было застлано клубами пыли и дыма. Загремели и неприятельские батареи, но быстро, одна за другой, замолкали. Только наши артиллеристы никак не могли нащупать тяжелые немецкие батареи. Огромные снаряды сверлили небо и обрушивались то на окопы Корниловцев, то на соседей Заамурцев. Командир 12-го корпуса генерал Черемисов вызвал к себе капитана Неженцева и сказал ему, что по постановлению комитета его корпус не пойдет в атаку до тех пор, пока не будет взята группа тяжелых немецких батарей, скрытых где-то правее деревни Ямница, и что комитет со злорадством заявил — пусть эти батареи возьмут Корниловцы. «Так вот, голубчик, — закончил генерал, не глядя в глаза молодому капитану, — уж вы как-нибудь там постарайтесь...» «Слушаюсь!» — ответил капитан Неженцев.

В книге «Корниловцы», выпущенной в 1967 году к 50-летию Полка, бывший начальник штаба Отряда полковник Леонтьев рассказал, что он присутствовал при этом классическом ответе уже подполковника Неженцева командиру корпуса. Он же отмечает, что как само устное приказание командира корпуса, так и редакция приказа, говорили, что другие части перейдут в наступление «в случае успеха штурм-батальона, то есть Корниловцев». 23-го началась артиллерийская подготовка атаки, 24-го была выслана разведка, установившая, что проволочные заграждения врага и окопы разрушены частично. Тогда Корниловские минометы дополнили работу артиллерии. В 9 часов 45 минут взвилась ракета » «Наступать!» Громче прежнего и торопливей загрохотали орудия, застрочили пулеметы. Никто и не помнит, как окунулся в пороховую мглу и промчался до неприятельских окопов. Атака Корниловцев шла волнами, через каждые 3-5 минут одна команда за другой захлестывали австрийские окопы. Первая волна уже вынеслась на третью неприятельскую линию. Здесь австрийцы пытались перейти в атаку, но Корниловцы опрокинули их штыками и ворвались в последние их основные окопы. Отсюда был уже виден тыл противника. Прапорщик Шинин, командир пулеметного взвода, вдруг заметил в лощине серые пушки. Шинин закричал: «Взвод, живо — по батарее огонь!». Около батареи все смешалось, лошади упали. Корниловцы побежали к батарее. Свою задачу Корниловцы выполнили: они захватили 4 тяжелых орудия и два легких. За два часа боя они прорвали фронт противника глубиной в семь верст и подошли к изгибу железной дороги Калуш-Станиславов. С высокой насыпи Корниловцы увидели, как правее их и сзади продвигались с боем Заамурцы. «Слава Богу, Заамурцы пошли!» — раздавалось всюду. У соседей слева тоже слышалось оживление,

— ружейная и пулеметная стрельба. Уже реже, как при затишье грозы, доносились глухие раскаты.

Подполковник Неженцев получил приказание собирать свой Отряд и, укрывшись в ближайшей лощине, составить резерв корпуса. Быстро нашли большую котловину, и в нее со всех сторон стекались Корниловцы. У всех возбужденные, потные лица. Котловина загудела. Каждому хотелось рассказать, что пронеслось перед его глазами. Один все удивлялся австрийским окопам: «Грязи ни-ни, чисто, как в казармах, повсюду бетон... А в офицерских землянках, словно в барской комнате, — кресла, постели с бельем, на стенах портреты...» Наша артиллерия все же отлично справилась со своей задачей: все окопы были разбиты. Офицеры подсчитывали потери и добычу. Кроме орудий и зарядных ящиков, пулеметов и бомбометов, было взято в плен 26 офицеров и 831 солдат. Всем захотелось есть, послали в свои окопы за вещевыми мешками и скоро получили сообщение, что все оставленное имущество «сперли» подошедшие резервы. Выручили захваченные австрийские кухни. Пообедали. Офицеры сидели отдельной группой, ударники разбрелись по лощине и перемешались ротами. Кто лежал, кто переобувался. С нетерпением ждали, скоро ли пойдут на отдых, как обещал командир полка, в только что захваченную деревню Ямница.

Было уже семь часов вечера. Вдруг на фронте впереди Корниловцев сразу все стихло, как отрезало, — ни одного выстрела. Все смолкли, напряженно прислушиваясь. Так же неожиданно тишину разорвал сильнейший пулеметный огонь и ружейные залпы. По верху лощины, мимо Корниловцев стали пробегать солдаты, то в одиночку, то по несколько человек. На все крики они только отмахивались и торопились дальше. Офицеры взбежали наверх. По всей равнине в полном беспорядке отступали наши солдаты, за ними шли в касках сомкнутые цепи немцев со штыками наперевес. Как выяснилось впоследствии, это была «стальная» немецкая дивизия, спешно переброшенная по железной дороге для восстановления положения из фаланги Макензена. Штабс-капитан Скоблин закричал: «Корниловцы, вперед, в атаку!» Не разбираясь по ротам, Корниловцы, все как один, выскочили из котловины. Одни со штыками наперевес, другие с гранатами, все бросились на немцев. Произошло столкновение, и немцы побежали назад. Корниловцы преследовали их до полной темноты. Захватили пулеметы. Сами Корниловцы потеряли около трехсот человек, сто из них были заколоты штыками.

Так произошло первое боевое крещение Корниловцев, их первое соборное действо на фронте. От Командующего Армией была получена телеграмма: «Сердечное спасибо лихим ударникам, на деле доказавшим верность боевым заветам. Счастлив, что они в рядах Армии и горжусь, что они носят мое имя!» А 29 июня, перед развернутым Отрядом Генерал Корнилов объявил: военный министр Керенский приказал раздать по пяти крестов на роту и, обернувшись к адъютанту, сказал: «Дайте эти кресты!» Подполковник Неженцев выступил вперед и доложил: «Ваше Превосходительство, Корниловцы отказываются от этих крестов, так как

выделить отличившихся нет никакой возможности». «Я так и думал», — промолвил Генерал Корнилов.

Здесь я считаю своим долгом отметить, что в эмиграции, в 1963 году, была сделана попытка в печати развенчать Корниловцев и бой под Ямницей и Павельче приписать другим. Разбор этого вопроса изложен в информационном бюллетене «Корниловцы» № 55, за 1963 год. Париж, стр. 6. **Состав «1-го Корниловского Ударного Отряда» перед боем у сс. Ямница и Павельче:** Генерального штаба подполковник Неженцев, начальник штаба Отряда полковник Леонтьев, 2 войсковых старшин, 2 капитана, 9 штабс-капитанов, 4 поручика, 18 подпоручиков и 55 прапорщиков, 1.763 ударника (штыков в двух батальонах), знаменный взвод, три пулеметных команды, команда пеших разведчиков, команда конных разведчиков (сотня донцов), команда связи. Была еще и минометная команда.

При оценке боеспособности «1-го Корниловского Ударного Отряда», а впоследствии Корниловского Ударного полка и дивизии, никогда нельзя упускать из виду, что они были почти нормального состава. Исключением в гражданской войне были: в 1-м Кубанском Генерала Корнилова походе в Полку был чисто офицерский батальон четырехротного состава, после боев за г. Екатеринодар сведенный в одну офицерскую роту имени Генерала Корнилова. Во 2-м Корниловском Ударном полку сначала была офицерская рота большого состава, а после занятия г. Курска она развернулась в офицерский батальон трехротного состава, доходивший иногда до 750 гг. офицеров и просуществовавший до конца. В 3-ем Корниловском Ударном полку была одна и временами две офицерские роты малого состава. Запасный полк Дивизии имел кадр нормального состава.

Трофеи за бой у Ямницы и Павельче: четыре тяжелых орудия взяла атакой в лоб 7-я рота подпоручика Лахтионова. Два легких орудия, у которых пулеметы прапорщика Шинина перебили лошадей и разогнали прислугу, были взяты 1-й ротой. Обе батареи взяты с зарядными ящиками. Помимо этого, взято в плен 26 офицеров и 831 солдат. При отбитии же к вечеру контратаки взято 4 пулемета и до 3 тысяч пленных. По данным начальника штаба Отряда полковника Леонтьева, проживающего в 1969 г. в Аргентине, по донесению подполковника Неженцева в атаке деревень Ямница и Павельче трофеями Корниловцев были 14 пулеметов, 4 тяжелых и 2 легких орудия, 10 зарядных ящиков, взято в плен 26 офицеров и МНОГО СОЛДАТ. Потери Отряда за весь бой: 24 офицера и 506 ударников убитых и раненых.

Тот же полковник Леонтьев свидетельствует о том, что в этом бою Знамя Отряда было пробито осколком снаряда.

Награды только за этот бой: подполковник Неженцев, подпоручик Лахтионов и прапорщик Мазин — орден св. Георгия 4-й степени, 11 офицеров — орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, 1 офицер — орден св. Анны 2-й степени с мечами, 24 офицера — орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость. Все ударники получили Георгиевские кресты, и обе сестры милосердия — медали 4-й степ.

Свое описание этого боя в книге «Корниловцы» полковник Леонтьев заканчивает так: «Рожденный в огне первой мировой войны и в море

крови революции, он своими подвигами и сказочной храбростью показал, что не перевелись на Руси Суворовские чудо-богатыри. Генерал Корнилов и подполковник Неженцев воздвигли себе воистину памятник нерукотворный. Россия их не забудет! Слава им вовеки!»

РАЗВАЛ АРМИИ

(По книге «Корниловский Ударный полк»)

8-я Армия во время своего июньского наступления, так победоносно начатого Корниловцами, прорвала фронт австро-венгров на тридцативерстном пространстве, взяла Галич, Станиславов, Калуш, свыше десяти тысяч пленных, более ста орудий и, проникнув вглубь Галиции, уже угрожала Львову, 8-ую Армию двигала воля Корнилова, но остальные русские армии были уже бессильны. Немцы легко сбили 11-ую Армию и стали заходить в тыл 8-й. Наступили постыдные «Тарнопольские дни». Русские войска не отступали, а бежали при малейшем нажиме противника, бросая свои позиции, оружие и огромные склады военного снаряжения, не исполняя никаких боевых приказов. «На полях, которые нельзя было назвать полями сражений, — возмущался Генерал Корнилов, — царят сплошной ужас и срам, которых Русская Армия не знала еще с самого начала своего существования». Войска окончательно потеряли воинский вид и дух, тыл заразил фронт безумием и истерикой. Армия, чей язык — короткие команды и непреклонные приказы, вдруг стала во время революции слышать пространные увещания и уговоры, точно для выполнения своего долга у нее могла быть свобода выбора. Этот соблазн увеличила «Декларация прав солдата», уничтожившая начала принудительной дисциплины. «Вы — самые свободные солдаты мира!» — восклицал Керенский на митингах, и «Великая молчальница» сама превратилась в митингового оратора, стала обсуждать, какой ей сделать выбор: воевать или нет. До революции она сражалась «За Веру, Царя и Отечество», а теперь цель и смысл войны были утеряны. На митингах кричали: «Война выгодна только буржуям, капиталистам да господам офицерам, которые на нашей «ровушке получают чины», в газетах писали, что это Англия из-за соревнования с Германией вовлекла Россию в войну, а военный министр, разъезжая по фронту, заявлял: «Мы не хотим захватов, насилий, чужого достояния, мы хотим скорейшего мира!» «Мира — во что бы то ни стало», добавляли агитаторы. Армию, у которой может быть порыв только во имя победы, звали сражаться за мир. Да не проще ли было для скорейшего мира воткнуть в землю свои штыки? Так и сделали «самые свободные» солдаты. И с какой болью, с каким негодованием должен был телеграфировать Генерал Корнилов в Ставку и временному правительству: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, б е ж и т . . .».

Побежали даже те солдаты, которых Генерал Корнилов водил только

что к победам. Старые боевые командиры рыдали... Фронт был открыт. Чтобы спасти положение, временное правительство 7 июля назначило Генерала Корнилова Главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Генерал Корнилов немедленно потребовал проведения закона о восстановлении дисциплины и введения смертной казни на фронте. «Собщаю вам, стоящим у кормила власти, — писал он, — что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещаний и пожеланий прошло. Необходимо немедленное введение смертной казни... Меры кротости правительственной, расшатывая в Армии дисциплину, стихийно вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдержанных масс, и стихия эта проявляется в буйствах, насилиях, грабежах и убийствах... Смерть не только от вражеской пули, но от руки своих, непрестанно летает над Армией. Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели изменников, предателей и трусов».

Под этим требованием Генерала Корнилова подписался комиссар Армии, старый революционер Борис Савинков. Временное правительство пошло на уступки и удовлетворило требования Генерала Корнилова. Достаточно было нескольких смертных приговоров, утвержденных Генералом Корниловым, чтобы войска, почувствовав твердую власть, стали постепенно приходить в порядок. Их боеспособность вернулась, противник был остановлен. За все это время Корниловцы не имели ни одного дня отдыха. Отряд перебрасывали по всему фронту в наиболее угрожаемые места и только однажды, когда было приказано идти на выручку 47-й дивизии (что всегда бывало сопряжено с репрессиями в отношении бросавших окопы частей), 3-я рота под влиянием агитации вдруг заколебалась и отказалась выступить. По постановлению всего Отряда она была немедленно расформирована. Корниловцам пришлось побывать во всех корпусах 8-й Армии. Были корпуса, где на довольствии числилось тысяч двадцать человек, а на боевом участке оказывалось не более 800 штыков. Были и такие, которые совсем бросили свои окопы. Под Трембовлей, когда бежали Финляндские полки, а противник шел, как на параде, без выстрела, Корниловцам пришлось развернуть всего две роты и положение было сразу восстановлено. Приходилось Корниловцам крутыми мерами останавливать и возвращать в окопы даже славнейшие русские полки.

19 июля 1917 года Генерал Корнилов назначается Верховным Главнокомандующим Русской Армией.

Наконец 22 июля 1-й Ударный Корниловский Отряд при 8-й Армии стал на отдых в гор. Проскуров и немедленно приступил к развертыванию в полк. Слава Отряда уже разнеслась по России, и к нему на пополнение пришли издалека два отряда, сформированные на тех же добровольческих началах: Пермский батальон чести, поручика Канышевского, и легион смерти, поручика Кондратьева.

11 августа 1917 г. Генерал Корнилов подписал приказ за № 796, § 1-й которого гласил: «Корниловский Ударный Отряд считать переформированным в четырехбатальонный полк с 1 августа сего года». В книге «Корниловский Ударный полк» сказано, что с этого дня ведет свое стар-

шинство Корниловский Ударный полк, — самый молодой полк Русской Армии и самый старейший Добровольческой.

16 августа все Корниловцы за свои бои на Юго-Западном фронте были награждены Георгиевскими крестами. Командующий 7-й Армией приколол на грудь каждому Корниловцу этот символ храбрости и жертвенности за Отечество.

Здесь необходимо особо отметить, что такое старшинство Корниловского Ударного полка с 1 августа 1917 года все время критиковалось старшими офицерами полка, так как это лишало полк его славного прошлого в период действий его родоначальника, «1-го Ударного Отряда при 8-й Армии». В книге «Корниловцы», изданной к юбилею 50-летия Полка, профессор, Генерального штаба полковник Месснер так определяет это:

«10 июня 1917 р. Отряд получил Знамя и Шефство. Он назывался «Отрядом», хотя был, в сущности, полком, имея в своем составе 3.000 бойцов и три пулеметные команды. В приказе по 8-й Армии от 11 августа 1917 г. за № 796 (§ 1) было сказано: «Корниловский Ударный Отряд считать переформированным в четырехбатальонный полк с 1 августа сего года». Этот приказ не создал новую войсковую часть, но лишь переименовал Отряд в Полк, а поэтому за Полком осталось старшинство Отряда. Таким образом старшинство Корниловского Ударного полка считается с 10 июня 1917 года».

Генерал Корнилов и Керенский

Ранее помещенное описание «провокации Керенским Генерала Корнилова» касалось главным образом движения на Петроград конного корпуса генерала Крымова. Приводимое ниже осветит нам взаимоотношения Генерала Корнилова и Керенского при исполнении ими долга защиты страны от врагов внутренних и внешних.

Генерал Корнилов, принимая должность Верховного Главнокомандующего, поставил непременным условием «распространение принятых за последнее время мер на фронте и на те местности тыла, где расположены пополнения Армии». Правительство дало на это «принципиальное» согласие, но разнузданная солдатская тыловая масса вместе с выразителем ее настроений — советом рабочих и солдатских депутатов — яростно обрушилась на «контрреволюционера» Корнилова. Керенский, — министр-председатель, — считая себя представителем «революционной демократии», все время оглядывался на нее и, гоняясь за популярностью слева, всячески оттягивал решение вопроса оздоровления тыла. Чем тверже и решительнее настаивал Генерал Корнилов на своем требовании, тем все более Керенский начал опасаться нового Верховного. В нем ему мерещился новый русский Бонапарт, — генерал на белом коне. Уже через несколько дней после назначения Генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим Керенский стал подыскивать ему заместителя. Слухи об этом быстро распространились. Совет Союза казачьих войск, Союз офицеров Армии и Флота, Союз Георгиевских кавалеров вынесли постановление, что

Генерал Корнилов, как истинный народный Вождь, не может быть сменен и что он «единственный Генерал, могущий возродить боевую мощь Армии и вывести страну из тяжелого положения». К этому голосу скоро присоединились общественные деятели, противоставлявшие себя «революционной демократии». Председатель Государственной думы Родзянко от их имени телеграфировал Генералу Корнилову: «В грозный час тяжелого положения вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой. Да поможет вам Бог в вашем величайшем подвиге по возрождению могучей Армии и спасению России».

На Московском Государственном совещании, когда слово было предоставлено Верховному Главнокомандующему, Генерал Корнилов говорил, как и подобает солдату, — отрывисто, четко, как бы командуя:

«Как Верховный Главнокомандующий я приветствую Временное правительство, приветствую все Государственное совещание от лица Действующих Армий. Я был бы счастлив добавить, что я приветствую вас от лица тех Армий, которые там, на границах, стоят твердой и непоколебимой стеной, защищая русскую территорию, достоинство и честь России.

Но с глубокой скорбью я должен добавить и открыто заявить, что у меня нет уверенности в том, что Русская Армия исполнит без колебаний свой долг перед Родиной.

Моя телеграмма от 9 июля о восстановлении смертной казни на театре военных действий против изменников и предателей всем известна. Ближайшая задача этой телеграммы, причина, вызвавшая эту телеграмму, — это позор Тарнопольского прорыва, и доныне этот погром, которого Русская Армия за все время своего существования не знала, продолжается.

Позор Тарнопольского разгрома — это непременное и прямое следствие того неслыханного развала, до которого довели нашу Армию, когда-то славную и победоносную, влияния извне и неосторожные меры, принятые для ее реорганизации. Меры, принятые правительством после моей телеграммы, несомненно внесли некоторое оздоровление в Армию, но разрушительная пропаганда развала Армии до сих пор продолжается, и я вам приведу факты.

За короткое время, с начала августа, озверевшими, потерявшими всякий образ воина солдатами убиты:

Командир Стрелкового Гвардии полка полковник Быков (голоса: «Почтить память вставанием!»), того же полка капитан Колобов, убиты на ст. Калинковичи братья офицеры Абрамовичи, тяжело избиты и ранены командиры полков 437-го Сестрорецкого и 43-го Сибирского, поднят на штыки своими солдатами командир 299-го Дубенского полка полковник Пургасов (возгласы): «Повешены ли виновные?»). Но когда отказавшийся выдать зачинщиков и преступников полк был окружен сводным отрядом и комиссар обратился к ним с требованием выдать их, то пронесся плач мольбы о пощаде (возгласы: «Позор!»). Преступники были все выданы. Они преданы военно-полевому суду и теперь ждут решения своей участи (возгласы: «Правильно!»). После этого полк обещал смыть позор своей измены.

Приезд Верховного Главнокомандующего Генерала Корнилова
в Москву на Государственное совещание.

Так, перед лицом непоколебимой революционной власти, без единой капли крови было ликвидировано преступление и пресечена возможность его дальнейшего развития. Все эти убийства совершены солдатами в кошмарной обстановке безрассудного, безобразного произвола, бесконечной темноты и отвратительного хулиганства.

Несколько дней тому назад обозначилось наступление немцев против Риги. 56-й Сибирский стрелковый полк, столь прославленный в прежних боях, самовольно оставил свои позиции и, побросав оружие и снаряжение, бежал (возгласы: «Позор!»). И только под давлением оружия, после того как по телеграфу я приказал истребить полк, он вернулся (возгласы: «Правильно!», аплодисменты справа). Таким образом, с анархией...

Здесь председатель совещания А. Ф. Керенский прерывает Генерала Корнилова:

«Простите, Генерал! Я прошу собрание выслушать те места, которые говорят о великом несчастии и страданиях нашей земли, не сопровождая их недостойными знаками внимания».

Генерал Корнилов продолжает:

«Таким образом, с анархией в Армии ведется беспощадная борьба, и анархия будет подавлена, но опасность новых разгромов еще висит над страной, еще висит угроза новых потерь территории и городов, и угрожает опасность непосредственно самой столице. Положение на фронтах таково, что мы вследствие разгрома нашей Армии потеряли всю Галицию, всю Буковину и все плоды наших побед прошлого и настоящего годов. Враг в нескольких местах уже перешел границу и грозит самым плодородным губерниями нашего Юга, враг пытается добить румынскую армию и вывести Румынию из числа наших союзников, враг уже стучится в ворота Риги, и если только неустойчивость нашей Армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта.

В наследие от старого режима свободная Россия получила Армию, в организации которой были, конечно, крупные недочеты. Тем не менее, эта Армия была боеспособной, стройною и готовой к самопожертвованию. Целым рядом законодательных мер, проведенных после переворота людьми, чуждыми духу и пониманию Армии, эта Армия была превращена в безумнейшую толпу, дорожащую исключительно своей жизнью.

Были примеры, когда отдельные полки выражали желание заключить мир с немцами и готовы были отдать врагу завоеванные губернии и уплатить контрибуцию, считая по 200 рублей на брата.

Армия должна быть восстановлена во что бы то ни стало, ибо без восстановленной Армии нет свободной России, нет спасения Родины. Для восстановления Армии необходимо немедленное принятие тех мер, которые я доложил временному правительству. Мой доклад представлен, и на этом докладе без всяких оговорок подписались управляющий военным министерством Савинков и комиссар при Верховном Главнокомандующем Филоненко (возгласы: «Браво!»).

Я в кратких чертах доложу вам главные основы своего доклада. Выводы истории и боевого опыта указывают, что без дисциплины нет ар-

мии. Только армия, спаянная железной дисциплиной, только армия, ведомая единой, непреклонной волей своих вождей, только такая армия способна к победе и достойна победы, только такая армия может выдержать все боевые испытания.

Дисциплина должна быть утверждена и повседневной будничной работой армии путем предоставления соответственной власти начальникам, офицерам и унтер-офицерам. За ними должна быть обеспечена действительная возможность наладить необходимую внутреннюю работу, заставить солдат чистить и кормить лошадей, убирать свои помещения, невероятно теперь загрязненные, и тем спасти весь живой состав Армии от эпидемий и страну от мора.

Тем, кто целью своих стремлений поставил борьбу за мир, я должен напомнить, что при таком состоянии Армии, в котором она находится теперь, если бы даже, к великому позору страны, возможно было заключить мир, то мир не может быть достигнут, так как не может быть осуществлена связанная с ним демобилизация, ибо недисциплинированная толпа разгромит беспорядочным потоком свою же страну (возгласы: «Правильно», аплодисменты).

Необходимо поднять престиж офицеров. Офицерский корпус, доблестно сражавшийся за все время войны, в громадном большинстве сразу ставший на сторону революции и оставшийся верным ее делу и теперь, должен быть вознагражден нравственно за все понесенные им не по его вине унижения и за систематические издевательства (возгласы: «Правильно!»). Должно быть улучшено материальное положение офицеров, их семей, их вдов и сирот павших героев, причем справедливо отметить что это чуть ли не единственная корпорация в России, которая не требовала улучшения своего материального положения. А каково это положение, — покажет недавний пример того прапорщика, который был поднят на улице Петрограда упавшим от истощения сил вследствие голода, за неимением средств.

Я не являюсь противником комиссаров, я с ними работал как Командующий 8-й Армией и как Главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Но я требую, чтобы деятельность их протекала бы в круге интересов хозяйственного и внутреннего быта Армии, в пределах, которые должны быть точно указаны законом, без всякого вмешательства в область вопросов оперативных, боевых и выбора начальника. Я признаю комиссариат как меру необходимую в настоящее время, но гарантия действительности этой меры — это личный состав комиссариата из людей, демократизму политического мышления которых соответствуют также энергия и отсутствие страха ответственности, часто весьма тяжелой.

Армии без тыла нет. Все проводимое на фронте будет бесплодным, и кровь, которая неизбежно прольется при восстановлении порядка в армии, не будет искуплена благом Родины, если дисциплинированная, боеспособная армия останется без таковых же пополнений, без продовольствия, без снарядов и одежды. Меры, принятые на фронте, должны быть приняты также и в тылу, причем руководящей мыслью должна быть только целесоответственность их для спасения Родины.

Между тем, по моим сведениям, наша железнодорожная сеть в настоящее время в таком состоянии, что к ноябрю она не будет в состоянии подвозить все необходимое для армии, и Армия останется без подвоза. Я доложу вам телеграмму, только что полученную мною от Главнокомандующего Юго-Западным фронтом: «На фронте мучной голод, в магазинах базы муки нет совершенно. Прибытие от губернских продовольственных комитетов совершенно ничтожно. Все сухарные заводы бездействуют. Имеющиеся запасы сухарей начинают расходоваться впервые за все время войны на довольствие тыловых гарнизонов. Но их хватит не на долго. Считаю своим долгом донести об этом бедствии, как о чрезвычайном происшествии. В войсковом районе уже две недели тому назад пришлось перейти к войсковой эксплуатации местных средств района. Ныне, для временного спасения положения, во избежание голодных бунтов начальник снабжений Юго-Западного фронта одновременно с этим приказал в Киеве экстренным порядком организовать гарнизонные комиссии, которые под руководством губернских продовольственных комитетов приступили бы немедленно к заготовке в тылу района в случае надобности и к реквизиции. Вмешательство правительства, тем не менее, экстренно необходимо, ибо фронт так дальше жить не может».

Я приведу несколько цифр, которые могут очертить вам положение вопроса о снабжении Армии другими средствами, в частности боевыми средствами. В настоящее время производительность наших заводов, работающих на оборону, понизилась до такой стопони, что теперь в круглых цифрах производство главнейших потребностей Армии по сравнению с цифрами периода с октября 1916 года по январь 1917-го понизилось таким образом: орудий — на 60%, снарядов — на 60%.

Я приведу только эти цифры. Следовательно, если так пойдет и дальше, то наша Армия очутится в таком же точно положении, в котором она была в начале весны 1915 года, что вызвало, как вам известно, отход наших Армий из Польши, из Галиции и с Карпат.

Я подчеркну еще одну цифру. В настоящее время для успешных действий Армии ей необходимы «глаза». «Глазами» я называю самолеты. Для действия артиллерии ей нужны самолеты. Положение же нашего воздушного флота таково, что мы теперь не можем средствами, получаемыми с наших заводов, пополнять убыль в самолетах. Не имея возможности пополнять убыль, мы не в состоянии также пополнять и убыль в наших летчиках, потому что не на чем их учить. В настоящее время производительность наших заводов, работающих по авиации, понизилась на 80%. Таким образом, если не будут приняты меры, самые решительные, то наш воздушный флот, столько принесший для победы, вымрет к весне

Если будут приняты решительные меры на фронте по оздоровлению Армии и для поднятия ее боеспособности, то я полагаю, что разницы между фронтом и тылом относительности суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть. Но в одном отношении фронт, непосредственно стоящий перед лицом опасности, должен иметь преимущество: если суждено недоедать, то пусть недоедает тыл, а не фронт.

К тому, что я считаю долгом доложить вам, я присоединяю то, во что сердцем верил всегда и наличие чего я теперь наблюдаю: страна ХОЧЕТ ЖИТЬ. И как вражеское наваждение уходит та обстановка самоубийства великой независимой страны, которую создали брошенные в самую темную массу безответственные лозунги. Для действительного воплощения воли народа в жизнь необходимо немедленное проведение тех мер, которые я только что наметил. Я ни одной минуты не сомневаюсь, что эти меры будут проведены безотлагательно.

Но невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз совершалась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги, и чтобы порядок на железных дорогах был бы восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии.

Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа и я верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей Армии, ее былая слава будут восстановлены.

Но я заявляю, что времени терять нельзя ни одной минуты. НУЖНЫ РЕШИМОСТЬ И ТВЕРДОЕ, НЕПРЕКЛОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ НАМЕЧЕННЫХ МЕР...»

Речь Генерала Корнилова на Московском совещании, даже по заявлению Милюкова, произвела громадное впечатление. Через несколько дней мрачные предсказания Генерала Корнилова сбылись: немцы легко взяли Ригу, и в Казани был взорван военный завод с громадными запасами боеприпасов. К этому времени взаимоотношения между Генералом Корниловым и Керенским испортились настолько, что последний приводит в действие свой дьявольский план провокации Верховного Главнокомандующего. Генерал Корнилов и Керенский действовали в противоположных направлениях. Генерал Корнилов вышел из народных глубин, Керенский же из кругов типичной интеллигенции. Первый был человеком действия, второй — человеком фразы. Генерал Корнилов — сжатая пружина воли, Керенский — обнаженный комок нервов, подхлестываемых «медицинскими средствами». Первый служил России, второй — революции. Первый выдвинулся за свои боевые заслуги, второй был вынесен наверх революционной волной. Генерал Корнилов всю свою жизнь провел с солдатами, Керенский же не знал их совершенно, не отбыв даже воинской повинности. Генерал Корнилов был полон тревоги за Отечество и Армию, «вождь революционной демократии» полон подозрений и старался за революционную и свою власть. Один говорил: «Я лично не стремлюсь к власти и готов подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия», другой неустанно твердит: «Я им революции не отдам». Один хочет спасти Родину, другой спасает завоевания революции. Неизбежное столкновение между этими двумя столь противоположными людьми разразилось.

Началось оно так: Савинков, — военный министр, — от имени Керенского просит прислать войска в Петроград на случай восстания большевиков (см. в начале статью полковника Колчинского, где изложены детали провокации). Генерал Корнилов посылает конный корпус генерала Крымова. Вслед за Савинковым приезжает в Ставку бывший член временного правительства В. Н. Львов и тоже от имени Керенского говорит с Генералом Корниловым о реконструкции власти. Генерал Корнилов повторяет свою неизменную точку зрения о необходимости установления диктатуры, а для окончательного обсуждения вопроса просит Керенского и Савинкова приехать в Ставку. 26 августа Львов возвратился в Петроград и передал Керенскому пожелания Генерала Корнилова. Выслушав Львова, Керенский вдруг вообразил, что он наконец раскрыл «корниловский заговор» (от себя добавлю словами личного моего впечатления, полученного в эти дни мной от картины происходившего тогда в Петрограде: точнее — Керенский тогда не «ВООБРАЗИЛ», а «СООБРАЗИЛ», что настал момент, когда он движение конного корпуса генерала Крымова может объявить выступлением Генерала Корнилова против временного правительства).

Вся картина этого «заговора» ему стала «ясна»: конный корпус послан для политического переворота в Петрограде, глава правительства вызывается в Ставку для ареста, а пожелания Корнилова, переданные через Львова, — ультимативные требования Ставки!!!

Вечером того же 26 августа Керенский по телеграфу приказал Корнилову сложить с себя звание Верховного Главнокомандующего и выехать в Петроград. Генерал Корнилов отказался. Что же произошло на самом деле между Генералом Корниловым и Керенским? «Великая провокация», — по словам Генерала Корнилова, «великое преступление генерала», — по словам Керенского.

(Мое впечатление о том же, полученное тогда же в Петрограде: обращаю внимание читателя на то, что Керенский сам выпросил у Генерала Корнилова конный корпус генерала Крымова для борьбы с большевиками, а в то же время находившиеся там части 45-й пехотной дивизии, усмирившие первое восстание их в начале июля, теперь выбрасываются на фронт, а мирно шедший к Петрограду конный корпус превращается в наступление на революцию. В результате — убийство или самоубийство генерала Крымова и «великая провокация» сфабрикована).

«В основе событий, разыгравшихся 26 августа, лежит недоразумение», — говорили ближайшие сотрудники Керенского (врут: сами же выполняли провокаторские функции, выставляя противобольшевистские полки из Петрограда и крикливой, устной и в печати, пропагандой превращая войска генерала Крымова в «наступающих» на город. Эти господа лучше сказали бы, почему они с этого времени стали особенно усиленно выпускать из тюрем большевиков и чаще разговаривать с ними? Тогда Генерал Корнилов был для них искупительной жертвой для своих собратьев по революции).

Непосредственный свидетель этих событий профессор Милюков считает, что Керенский в этот день «потерял способность спокойной и хо-

водной оценки», а его душевное состояние, подготовленное долгими месяцами подозрений и страха, представляло собой «совершенно клиническую картину». «Понимал ли Керенский в эту минуту, — спрашивает Милюков, — что, объявляя себя противником Корнилова, он выдает Россию Ленину? Понимал ли он, что данный момент — последний, когда схватка с большевиками могла быть выиграна для правительства?. »

(Я, как участник этих событий в Петрограде в составе 178-го пехотного Венденского полка, свидетельствую, что тогда Керенский был там хозяином положения. Маршевые роты постоянно отправлялись на фронт, в Финляндии скопилось много казачьих и кавалерийских частей, а «краса и гордость революции» — матросня Балтийского флота — притихли и даже требовали, чтобы зачинщики зверств в дни революции были бы наказаны. Такое положение не давало повода Керенскому выпрашивать у Генерала Корнилова конный корпус генерала Крымова для подавления несуществовавшего выступления большевиков. К тому же конница не могла вести серьезных боев в Петрограде и если одновременно с нами тогда была там и 14-я кавалерийская дивизия, то она почти не выступала, а действовали лишь наши пехотные полки. Вообще же большевики, руководимые немцами, конечно не сдавались и действовали по всей России, но для борьбы с ними и с анархией нужна была диктатура, чего и требовал Генерал Корнилов. Лично же за себя Керенский имел основания опасаться потому, что в войсках Петрограда и Финляндии Генерал Корнилов имел все данные быть на его месте. Вот этот-то вопрос честолюбия Керенский и разрешил провокацией Генерала Корнилова. Что же касается разговоров или даже инструкций для действий чинам корпуса на случай стычек, то они, конечно, как и инструкции, бывшие для нас, были весьма суровыми и в первую очередь — для большевиков и для бандитов. При движении наших эшелонов на Петроград был случай, когда агитаторы, несмотря на заранее данное по станциям объявление не подходить к нашим поездам и агитацией не заниматься, все же предлагали нашим солдатам перебить нас, офицеров, за что сами были брошены под колеса паровоза. Обстрелявшие нас из пулеметов матросы, 14 человек, были все перебиты. Нащ первый привал в Петрограде в каком-то доме вместе с матросами тоже закончился для них печально, но в более легкой форме, — их просто штыками выбросили на улицу. Наши пулеметы и минометы не раз действовали, и только благодаря этому мы подошли к Народному дому и Петропавловской крепости без всяких инцидентов. За столь твердое поведение жители встречали нас восторженно. В один из первых дней наш полк проходил через Марсово поле, где, к нашему удивлению, мы увидели выстроенные запасные гвардейские батальоны с оркестром, но... без офицеров. Когда оркестр заиграл нам встречу, наш командир полка полковник Комиссаров приказал ему убраться. Встречавшие нас были страшно смущены, и их строй превратился в толпу. Я подъехал к стоявшим здесь унтер-офицерам и спросил их, где же их гг. офицеры. Один из них невпопад ответил мне: «Ваше высокоблагородие, а мы здесь ждали, что придут наши полки». Да, старые полки гвардии, казалось бы,

должны были бы стоять в столице на страже государственности хотя бы поочередно, и тогда бы этого бунта не было).

На вопросы Милюкова можно сказать, что Керенский хорошо все понимал, но это-то и было ему нужно. Ленина он все же считал за своего собрата, а в Генерале Корнилове он основательно видел врага анархии и, быть может, и революции.

Профессор генерал Н. Н. Головин говорит в своей книге 23, стр. 129: «Связь большевиков с германским Генеральным штабом была очевидна. Победа Керенского, которая по существу являлась победой большевиков, приводила к тому, что в офицерской среде прочно установилось убеждение, что Керенский и все умеренные социалисты являются такими же врагами России, как и большевики. Различие между ними было только в «степени», а не «по существу».

Вопреки обещанию, данному в Москве: «погубить душу, а родину спасти», Керенский душу свою спас, а родину погубил, отдав революцию тем, о которых сам знал, что они ведут Россию к гибели.

Что Россию Керенский погубил — это факт, но о спасении им своей души даже спорить нельзя: неужели он, осмелившийся своим революционным ножом ударить в спину нашей многострадальной Армии в момент, когда она имела силы прикончить врага, может кем-то быть прощен, не верю.

Если можно сосредоточить в одной хронологической точке то преступление Керенского перед Россией, о котором так много говорили, то это преступление было совершено в ту минуту вечером 26 августа 1917 года.

26 августа предрешило 26 октября

Полагаю, что в отношении самого Керенского большевики все же оказались джентльменами: Ленина в июльские дни, когда его местопребывание было открыто и ему грозила нормальная расправа, спас Керенский своим распоряжением нам «не в свое дело не вмешиваться» и он же в августе удалил Генерала Корнилова для их общего блага, а в октябре большевики выпустили Керенского. Даже заграницей такой вежливости не увидишь! С этого рокового дня для России все рухнуло: Армия окончательно разложилась, и с этого времени немцы начали переброску своих семи дивизий на Запад.

МОГИЛЕВСКИЕ ДНИ

За несколько дней до отрешения Генерала Корнилова от Армии Корниловский Ударный полк получил приказание грузиться в эшелоны для спешной переброски на Северный фронт, в местечко Уева, для охраны балтийского побережья. Четыре эшелона один за другим, на десятиминутном расстоянии, вышли из Проскурова и 25 августа прибыли в Могилев для дальнейшего следования, но здесь по приказу Верховного Корнилов-

цы были выгружены и полк стройными рядами вошел в город. Здесь Корниловцам, одновременно с Георгиевским батальоном, был назначен смотр Верховным Главнокомандующим. До Корниловцев уже дошли слухи, что Георгиевцы совершенно распропагандированы местным армейским комитетом. С особой тщательностью Корниловский полк стал готовиться к смотру. Когда Корниловцы построились, стоявшие рядом Георги-

Генерал Корнилов со своими сотрудниками на станции Быхов. 1) Генерал Корнилов, 2) Генерал Деникин, 3) Ген. Ванновский, 4) Ген. Эрдели, 5) Ген Эльснер, 6) Ген. Лукомский, 7) Ген. Кисляков, 8) Ген Романовский, 9) Ген. Марков, 10) А. Ф. Аладьин — член Государственной Думы, 11) Ген Орлов, 12) Брагин А. П., 13) Пол Пронин, 14) Никитин, 15) Иванов 16) И. В. Никоноров, 17) Полк. Новосильцев, 18) Роженко Вл. Е., 19) Ес. Родионов, 20) Соотс, 21) Клецанда.

евцы бросали на своих соседей недружелюбные, а вместе с тем и опасливые взгляды. Уже давно никто не видел такой подтянутой и внушительной воинской части. «Здравствуйте, Корниловцы!» — раздался знакомый волнующий голос. «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!» — единодушно ответили Корниловцы, и тотчас же грянуло громкое «ура!»

Генерал Корнилов подошел затем к Георгиевцам и поздоровался с ними, и те с перепуга, неожиданно для всех, тоже ответили по-старорежимному и тоже крикнули «ура!».

На другой день после смотра ошеломленные Корниловцы узнали о разрыве Ставки с правительством. Сжималось сердце, когда читали обращение Генерала Корнилова: «Русские люди, великая Родина наша умирает, близок час кончины... Очнитесь от безумия и вглядитесь в бездонную пропасть, куда стремительно идет Россия!..» Но эти драматические слова не дошли до Русской Армии. Корниловское воззвание задерживал телеграф и комитеты. Зато неслось «всем, всем!» Керенского: «Товарищи, час испытания вашей верности свободе и революции наступил...» Когда же до фронта докатилось, что Керенский настаивает на предании Генерала Корнилова военно-полевому суду, а министр внутренних дел Авксентьев прямо требует смертной казни для Генерала, который сам восстановил ее в Армии, то по всему фронту, на всех митингах разнеслось: «Смерть Корнилову, смерть изменникам!»

Не усумнились в своем Верховном Главнокомандующем лишь Корниловцы и Текинский конный полк. Они поклялись: «Умрем за Генерала Корнилова, но не выдадим!» Для подавления «Корниловского мятежа» новый «Верховный Главнокомандующий» Керенский приказал двинуть на Могилев отряд с ближайшего к Ставке участка Западного фронта. Чтобы предотвратить кровопролитие и распад Верховного управления Армией при двух Верховных Главнокомандующих, генерал Алексеев согласился принять на себя должность начальника штаба при Керенском и немедленно с чрезвычайной следственной комиссией выехал в Могилев. Генерал Корнилов, тоже больше всего опасаясь за фронт, переговорил с генералом Алексеевым и согласился подчиниться правительству, требуя только одного — гласного суда над собой. Вместе с своими ближайшими сотрудниками Генерал Корнилов переехал в гостиницу «Метрополь» на положение арестованных. Внешнюю охрану арестованных нес Георгиевский батальон, а внутреннюю охрану потребовали себе Текинцы, души не чаявшие в своем «Бояре», говорившем на их языке.

Потянулись томительные могилевские дни. Каждый день, возвращаясь с учения с оркестром впереди, Корниловцы проходили по улицам Могилева. Из окна «Метрополя» глядел на них Генерал Корнилов. Раздавалась команда: «Смирно! Равнение на-право, гг. офицеры!» С винтовками «на руку», церемониальным маршем шли Корниловцы. «Жандармы! Контрреволюционеры!..» неслось им вслед... Армейский комитет постановил разоружить Корниловцев. «Только попробуйте!» — ответили Корниловцы. Тогда комитет стал выносить постановления одно оскорбительнее другого, направленные против Генерала Корнилова. Корниловцы не выдержали и пошли за объяснениями в комитет, охраняемый караулом от Георгиевцев. Караул их не пропускал, и на шум выбежал председатель комитета и заорал: «Гони в шею эту сволочь!» Корниловцы мигом смяли караул и бросились наверх, где заседал комитет. Члены комитета выпрыгнули из окон со второго этажа на стеклянную веранду и многие из них сильно порезались. После этого Корниловцам стало невозможно ходить

по Могилеву в одиночку, сплошь да рядом происходили нападения на отдельных Корниловцев.

Несмотря на такую враждебность могилевского гарнизона, в Корниловский Ударный полк продолжали прибывать добровольцы. Шли простые русские люди, все те, в ком загорелось национальное чувство, кто почувствовал себя сыном России. В Ставку приехал сам Керенский. Корниловцы, проходя мимо своего Шефа, еще тверже печатали шаг, еще громче кричали «ура!»... Керенский решил стереть с полка ненавистное имя Генерала Корнилова и потребовал переименования Корниловского ударного полка в «первый Всероссийский Ударный полк». Корниловцы возмутились и просили отправить их на французский фронт. Учитывая, что Корниловский Ударный полк чуть ли не единственная сохранившаяся воинская часть на всем фронте, Керенский наотрез отказался выпустить Корниловцев заграницу. В это время в Ставке был Массарик, будущий президент Чехословацкой республики. После переговоров с ним было решено, что Корниловский полк войдет в состав 1-го Чешского Гуситского корпуса, формируемого из пленных чехов, и будет переименован в «Славянский Ударный полк», но с сохранением всех своих отличий и эмблем, вплоть до надписи «Корниловцы».

Чешский корпус стоял в резерве Главнокомандующего Западным фронтом, и Корниловцы получили предписание выехать туда немедленно. В это же время самого Генерала Корнилова Ставка решила перевести из Могилева в город Быхов. Корниловцы взволновались. Они готовы были перебить Георгиевский батальон и арестовать Керенского. Генерал Корнилов вызвал полковника Неженцева и приказал подчиниться требованию Ставки. Отказался Генерал Корнилов и от прощального парада полку. Корниловское гнездо было РАЗОРЕНО, и полк был оторван от своего Шефа, но глубоко запал в душу каждого Корниловца приказ бывшего Верховного Главнокомандующего:

«Сегодня я сдал должность Верховного Главнокомандующего Генералу от инфантерии Алексееву. В конце мая, когда наш русский солдат стал колебаться, ваш полк зародился; в конце июня, после славных Станиславских боев, ваше имя — носителей чести и доблести воинской — прогремело по свету. Будьте и впредь такими, как вы теперь. Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России. Живите, дышите только мечтой о Ее величии и славе. Бог в помощь вам!» Генерал Корнилов, 1 сентября 1917 года.

* * *

Итак, выступление Генерала Корнилова успеха не имело и победителем оказался явный провокатор Керенский, который на смех всему миру стал во главе многомиллионной Действующей Русской Армии, а генерал Алексеев согласился вынужденно быть его начальником штаба и убедил Генерала Корнилова подчиниться требованиям временного правительства. О причинах поражения здесь уместно отметить с нашей, Корниловской, точки зрения потому, что это явление и дало Белому Движению ту силу,

благодаря которой не только на юге России, но и всюду образовались очаги борьбы за честь России и эта борьба велась на полях нашей Родины три года, ведется и теперь из-за границы, хотя бы в простых рамках существования миллионной эмиграции. Одной из основных причин безуспешности всех усилий Генерала Корнилова сохранить Действующую Армию было то же самое, благодаря чему произошло перед этим и крушение Монархии: **ПАДЕНИЕ МОРАЛИ НА РУСИ.** Теперь уже точно известно, что сам Государь считал правильным не вмешивать Армию в политику, что продолжали делать и Его лучшие генералы после Его отречения, оберегая Армию от вредных попыток временного правительства разложить ее. Генерал Корнилов мог бы тогда играть политическую роль, но он этого не хотел и все свои усилия сосредоточил на сохранении боеспособности Армии, чем и ограничил свои требования. Если таковые и заходили не в сферу влияния Действующей Армии, то все же они прямо касались жизненных ее интересов. Кадры Армии и гражданское население это сознавали и начиная с Московского совещания многие слали Генералу Корнилову свои заверения поддержать его. К нашему глубочайшему стыду все это вылилось, как и при крушении Монархии, только в словоблудие и в дни провокации Керенского ни у кого не хватило мужества открыто поддержать Генерала Корнилова. Впоследствии все же создались те резервуары национальных сил, которые и повели борьбу за спасение Отечества уже со сменившими Керенского большевиками Ленина. На фоне этого мрачного времени Корниловский Ударный полк остается верным своему Шефу полка и уже и Вождю.

Об этом профессор, Генерального штаба генерал Н. Н. Головин говорит в своей книге № 21, стр. 130-136 с красочной убедительностью:

«Корниловское выступление открыло глаза на то, что сама «революционная демократия» своим поведением вызывает контрреволюцию. Психологическое значение неудачи Корниловского выступления и заключается в том, что гонения, которые испытали все, кто примкнул к этому движению или только сочувствовал ему, могут быть уподоблены тем ударам молота, которые придают раскаленному железу определенную форму. Сделавшийся душой Белого Движения патриотизм имел специфический отпечаток «психологии войны». Если можно так выразиться, — это был «военный патриотизм» с геройством и самопожертвованием, доведенный до наибольшей высоты, на одном полюсе, и с верою в решающее значение «силы» — на другом. Этим предрешалась главенствующая роль офицерства в Белом Движении и настроения последнего начнут играть доминирующую роль в среде патриотически настроенной интеллигенции. Неудача Корниловского выступления налагает несмываемую печать на офицерство. Как всякое выступление, оно вызывает в офицерстве некоторую депрессию, но дух его не был побежден. Затаив временно внутри себя свои идеи, офицерство стало еще непримиримее **Эти психологические последствия можно было ярче всего наблюдать в чинах Корниловского Ударного полка, той отборной войсковой части, которая была сформирована Генералом Корниловым еще во время его командования 8-й Армией.** В знак безусловной верности своему Вождю этот полк принял

наименование «Корниловского». При перемещении Генерала Корнилова на должность Верховного Главнокомандующего, этот полк всюду сопровождал, его, составляя как бы его личную гвардию. Хотя в этом полку были исключительно солдаты-добровольцы, но по мере нарастания розни в Русской Армии между офицерами и солдатами, этот полк принимал все более и более дух «офицерской части». Поражение Генерала Корнилова особенно сильно должно было отразиться на духе этого полка. Командир его полковник Неженцев приказал спороть «Корниловскую» эмблему, которую чины полка носили в виде нарукавного знака. В своем письме к Генералу Корнилову полковник Неженцев так объясняет этот поступок: «Я приказал снять эмблему, так как был бессилен бороться с темной солдатской массой... Но, сняв дорогую нам эмблему... мы ею прикрыли наш ум, наше сердце и нашу волю...»

(Здесь добавляю от себя: генерал Головин допускает неточность во времени, когда это было, и в форме, как это происходило. Это имело место не в первые дни поражения Генерала Корнилова, а когда Генерал Корнилов вышел из Быховской тюрьмы и с Текинским конным полком отбыл на Дон. Перед этим полковник Неженцев получил от Шефа полка инструкцию двигаться туда же и Корниловскому Ударному полку с приложением письма и благословения иконой Божией Матери. А так как Полку удалось только частично перебросить своих чинов на Дон с казачьими эшелонами, то остальным пришлось пробираться одиночным порядком. За Корниловцами всюду охотились и многие из них погибли, а поэтому им было разрешено спороть все вообще знаки воинского отличия. Но и эта, фактически нормальная для того времени мера считалась нами за временное преступление).

«Полковник Неженцев впоследствии доблестно сражался против большевиков и смертью своей запечатлел верность своим словам. Слова эти верны и по отношению ко всему офицерству. Потеряв из своей среды новую серию «ослабевших», оно еще крепче стало исповедовать идею служения Родине. По совершенно верному замечанию генерала Деникина, после Корниловского выступления появился в словаре революции термин «Корниловцы». Он применялся и в Армии и в народе, произносился с гордостью или с возмущением. Он выражал собою резкий протест против существовавшего режима и против всего того комплекса явлений, которые получили наименования «керенщины».

«Гонения, которым подвергалось офицерство после неудачи Корниловского выступления, прочно сковали между собой наиболее действенные элементы. Таким образом они увеличивали в этой среде «силу внутреннего притяжения». Исстрадавшееся и изверившееся в политических лидерах русское офицерство пойдет в своей массе только за военными Вождями. Среди же последних ближе всего к их сердцу будут те, которые проявили большую непримиримость к временному правительству. «Побежденный» Керенским Генерал Корнилов приобретает теперь в глазах офицеров такой ореол, который выдвигает его, как неспоримого главу контрреволюции. Заключение же в Быхове становилось своего рода мо-

ральным стажем для выдвижения на верхи Белого Движения. «Быховской программе суждено было лечь в основу Белого Движения».

«Перечитывая эту программу, нельзя не убедиться в том, что она носит исключительно «ВОЕННЫЙ» характер. Все изложенные в ней требования преследуют одну только цель: довести войну до победного конца».

Этим я заканчиваю описание выступления Генерала Корнилова по нашим данным, выступления, начатого по инициативе самого Керенского с целью якобы предупреждения выступления большевиков в Петрограде, когда там имелись войска: 45-я пехотная дивизия, 14-я кавалерийская дивизия и другие части, уже усмирявшие большевиков, когда Керенский был там хозяином положения.

Генерал же Корнилов выдвигает вместе с этим, как более реальную меру спасения положения, — объявление в стране диктатуры, так как временное правительство привело страну к катастрофе военной и политической.

Но уже в эмиграции нам стали известны и другие данные, освещающие эти события. Так, журнал «Часовой» нашел нужным, согласно завещанию генерала Краснова, объявить его письма по делу о выступлении Генерала Корнилова (см. №№ журнала 484, 485, 486, 487), где уже Генерал Корнилов является провокатором Керенского, где Генерал Корнилов подвергается жестокой критике со стороны известного военного писателя, но мало тогда известного генерала Русской Действующей Армии, — П. Н. Краснова. Журнал «Часовой» счел нужным поместить эти письма к 50-летию октябрьской революции с целью «честно и беспристрастно осветить для будущих поколений нашу трагедию с добавлением, что **генерал Краснов играл большую роль в событиях, предшествовавших большевицкому перевороту, начиная с попытки Генерала Корнилова спасти Армию и Россию»?!**

К моему глубокому сожалению, в имеющихся у нас материалах я этого не обнаружил, но я знал, что генерал выступил на войну 1914 года командиром 10-го Донского полка и к революции нормально был начальником кавалерийской дивизии. Был военным писателем, как будто воспринял революцию, как и все мы, согласно воле отрекшегося Государя Императора Николая 2-го. С подходом конного корпуса генерала Крымова к Петрограду генерал Краснов назначается его командиром, что и является целью разбора его действий с нашей точки зрения, — больших и малых участников тех кровавых событий нашего смутного времени.

Из этих статей генерала Краснова, озаглавленных журналом «Часовой» «Крушение Русской Армии», я приведу только те места, которые освещают роль заговора Генерала Корнилова и поведение самого генерала Краснова при выполнении им его служебных обязанностей.

Содержание первой статьи в журнале «Часовой» за № 484:

«В ночь на 26 августа 1917 года пришла из Ставки Верховного телеграмма, подписанная Корниловым. Я, генерал Краснов, был назначен

командиром 3-го конного корпуса, и Корнилов требовал моего немедленного прибытия в Ставку. 26 августа я уехал в Могилев.

В Ставке у Генерала Корнилова

28 августа в 4 часа утра я прибыл в Могилев. Когда я в 9 часов вышел, чтобы ехать в Ставку, Могилев имел обычный вид. На станции, как и всегда, толпились офицеры, было много солдат ударных батальонов с голубыми щитами на левом рукаве рубахи с изображением белой краской черепа и мертвых костей... Поразила меня еще их крайняя сдержанность, совсем не обычная для наших всегда так неумеренно болтливых офицеров. Так, ничего не зная о том, что происходит, я на штабном автомобиле отправился в штаб Верховного Главнокомандующего. После небольших формальностей меня пропустили в дом Верховного, где меня потребовали в кабинет начальника штаба. Начальник штаба **сбивчиво и неясно,** видимо сильно волнуясь, объяснил мне, что **только что Корнилов объявил Керенского мятежником, а Керенский сделал то же самое по отношению к Корнилову, что необходимо арестовать временное правительство и срочно занять Петроград** верными Корнилову войсками, тогда явится возможность продолжать войну и победить немцев. **С этой целью Корнилов двинул 3-й конный корпус,** который с приданной ему Кавказской Туземной дивизией разворачивается в Армию, командовать которой назначен генерал Крымов. Я же назначен принять от Крымова 3-й конный корпус, чтобы освободить его для командования Армией. Сложная работа разворачивания Кавказской Туземной дивизии в корпус шла на походе и не настоящем походе, а в железнодорожных эшелонах. На деликатное дело ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА были брошены части с только что назначенными начальниками.

(Помимо перечисленных генералом Красновым недочетов переброски конного корпуса, я, как участник событий этих дней в Петрограде в составе 45-й пехотной дивизии, был удивлен еще и тем, что для выполнения такой задачи в городе, как Петроград, назначается конница, когда практика предыдущего подавления первого восстания большевиков показала, что не казаки его подавили, а движение из Двинска 45-й пехотной дивизии, 14-й кавалерийской дивизии и других кавалерийских полков, причем последних направляли уже в Финляндию, как бы в резерв Петрограда. Полковник Левитов).

На мой вопрос, где же я могу догнать свой корпус, начальник штаба очень неуверенно стал говорить, что корпус может быть уже в Петрограде или в Пскове, в Пскове наверное, и что туземцы или в Павловске, или на станции Дно.

(Неудачное назначение конницы для столь крупной операции свержения временного правительства и к тому же переформирование корпуса в Армию на походе, в вагонах, говорит мне о другом: что цель-то движения была другой, о которой мы знали в Петрограде и о которой свидетельствуют наши материалы. И исходила она от Керенского, а потому движение происходило разбросанно, так как непосредственной опасности

со стороны большевиков Керенскому тогда не могло быть. Полковник Левитов).

В это время дверь кабинета начальника штаба распахнулась и в комнату быстрыми, твердыми шагами вошел невысокого роста генерал, аккуратно одетый, с коротко остриженными черными волосами и черными, нависшими над губами усами. Лицо его было смуглое, глаза узкие, быстрые и чуть косые, с сильным блеском. Я никогда раньше не видел Корнилова, но сейчас же узнал его по портретам. Я представился ему.

— С нами вы, генерал, или против нас? — быстро и твердо спросил меня Корнилов.

— Я — старый солдат, Ваше Высокопревосходительство, — отвечал я, — и всякое ваше приказание исполню в точности и беспрекословно.

— Ну вот и отлично. Поезжайте сейчас в Псков и постарайтесь отыскать там Крымова. Если его нет там, оставайтесь пока в Пскове. Я НЕ ЗНАЮ, как Клембовский? Во всяком случае, явитесь к нему. От него получите указания. Да поможет вам Господь! — Корнилов протянул мне руку, давая понять, что аудиенция кончена».

(На эту встречу генерала Краснова с Генералом Корниловым я особенно обращаю внимание читателя. Вновь назначенному на корпус, идущий на Петроград **якобы с целью переворота, Генерал Корнилов не говорит ни слова?** Из этого можно вывести опять только то, что говорят наши материалы: что конный корпус перебрасывался в спокойной обстановке. Я имел честь видеть Генерала Корнилова в боях, и до начала их и всюду он по складу своего характера проводил то, что ему было нужно. Однако Генерал Корнилов нашел нужным высказать мнение о генерале Клембовском, но несмотря на это все же не нарушил принципа власти на местах и предложил явиться и к нему, что тоже является лишним доказательством нормального движения конного корпуса. Но все же из-за этого время не остановилось: Генерал Корнилов и Керенский, каждый по-своему, действовали, — первый спасал гибнущее Отечество и **предлагал временному правительству** установить диктатуру, а второй спасал революцию, выпуская за это время большевиков из-под ареста. Сам Керенский давал в эти дни свободу действий большевикам, одновременно создавая искусственно предлог для удаления Генерала Корнилова с поста Верховного, и все наши данные говорят о том, что он остановился на провокации его движением конного корпуса, который сам же он и выпросил якобы для устрашения большевиков. Вопрос об установлении диктатуры открыто обсуждался Генералом Корниловым в обращении к Русскому народу, а Керенский, имея в своем распоряжении части, уже усмирившие большевиков в первых числах июля, почему-то выпросил конный корпус и, как тогда говорили, был недоволен тем, что командиром его был генерал Крымов и что в состав его входит Туземная дивизия. Мной пропущены из статьи все угрозы по адресу Керенского со стороны офицеров Ставки, на основании которых генерал Краснов вывел заключение, что войска идут на Петроград действительно с целью смещения Керенского силой. Мне кажется, что тогда Керенского ругали все, и особенно после Московского совещания, когда он оказался между двух стульев

и стал тогда милостиво разговаривать с большевиками. Полковник Левитов).

После разговора с Генералом Корниловым генерал Краснов пошел пешком в штаб Походного Атамана. На улицах толпилось много ударников из ударных батальонов, они щеголевато отдавали честь, чо были, видимо, смущены, собирались кучками и о чем-то шептались. В штабе Походного Атамана у генерала Краснова были старые знакомые и сослуживцы, и они подробно рассказали ему о том, что Керенский определенно ведет Армию к полному разложению и если он хочет оставаться у власти то солдаты покинут фронт и станут брататься с немцами. Керенский совершенно подчинился комитету совета солдатских и рабочих депутатов, того совета, который издал приказ № 1-й. России угрожает гибель. Спасти может только диктатура, и в решительную минуту, когда само существование России висит на волоске, Верховный взял на себя свергнуть Керенского и стать во главе России до Учредительного Собрания.

«Тут же мне показали приказ, — говорит генерал Краснов, — написанный в сильных, но в слишком личных тонах. «Сын казака-крестьянина» звучало как-то неуместно и не отвечало всему тону приказа, написанного не по-крестьянски. В прекрасно, благородно и смело написанном приказе звучала ФАЛЬШЬ. Я заметил ее сейчас же, а в штабе Атамана ее не заметили, но солдаты и казаки уловили ее сразу и потом только ее и видели. Приказ настойчиво звал к войне и победе. Керенский учуял это и его контр-приказ (?!), объявлявший Корнилова изменником, говоривший о завоеваниях революции, которые солдатами понимались как ничего не делание, пьянство и отсутствие какой-либо власти, сразу завоевал симпатии солдатской массы...»

(Из штаба Походного Атамана генерал Краснов вынес правильное впечатление о положении на фронте и в тылу и о необходимости ввести диктатуру. Неточностью является какой-то приказ, объявляющий Керенского изменником, — когда со стороны Генерала Корнилова, по данным наших материалов и научных историков, были «Обращение к Русскому народу», «Корниловская Военная программа» и требование введения диктатуры, на что частично правительство уже дало согласие. Самым же основным в вышеизложенном снова является желание генерала Краснова доказать, что Генерал Корнилов первым объявил Керенского изменником, а не наоборот. Если журнал «Часовой» нашел нужным поместить это только после трагической смерти генерала Краснова, то как будто не для одного только справедливого освещения происходившего тогда, а и для опровержения уже установленного положения о том, что сначала Керенский сместил Генерала Корнилова и приказал ему явиться в Петроград, но получил отказ).

Генерал Краснов продолжает: «Я считал, что замышляется (?!) очень деликатная и сильная операция, требующая вдохновения и порыва, для чего требуется некоторая театральность обстановки. Собирали 3-й корпус под Могилевым? Выстраивали его в конном строю перед Корниловым? Приезжал Корнилов к нему? Звучали победные марши над полем, было сказано какое-либо увлекающее слово, была обещана награда? Нет, нет и

нет! Ничего этого не было. Эшелоны ползли по железной дороге, часами стояли на станциях. Солдаты томились в вагонах, потом, на станции, толпами стояли около какого-то солдата-оратора. Они не видели своих вождей с собой и даже не знали, где они. Я помню, как граф Келлер повел нас на штурм Ржаведов и Топороуца. Молчаливо, весенним утром на черном пахотном поле выстроились 48 эскадронов и сотен и четыре конные батареи. Раздались звуки труб, и на громадном коне, окруженный свитой, под развевающимся своим значком явился граф Келлер. Он что-то сказал солдатам и казакам. Никто ничего не слышал, но заревела солдатская масса «ура!», заглушая звуки труб, и потянулись по грязным весенним дорогам колонны. И когда был бой, — казалось, что и он был тут же и вот-вот появится со своим значком. И он был тут, он был в поле и его видели даже там, где его не было. Крымов — неизвестно где. Тут все начальство осталось позади. Корнилов задумал такое великое дело, а сам остался в Могилеве, во дворце, окруженный туркменами и ударниками, как будто и сам не верящий в успех. Легенда о всаднике на белом коне, въезжающем победителем в город, слишком сильно въелась в народные умы, чтобы ею можно было пренебрегать, совершая переворот. Все это я высказал в штабе. Но меня разуверили и успокоили. Керенского в Армии ненавидят, Крымова обожают. Керенского защищать никто не будет. Но тогда мне еще менее было понятно, почему же в эту прогулку не пошел с нами сразу сам Корнилов» (?! когда сам-то генерал Краснов еще не трогался с места).

(Здесь генерал П. Н. Краснов теряет свой авторитет генерала и все его чисто солдатские выражения хороши только для красного словца, но никак не к лицу генералу, только что сказавшему своему Верховному Главнокомандующему: «Я — старый солдат и всякое ваше приказание исполню в точности и беспрекословно». Будь это опубликовано до смерти автора, я бы сказал, как это называется, но о труде покойника принято «мягче выражаться», что я и исполняю. Вот подобного рода повороты на сто восемьдесят градусов со стороны власть имущих и привели Россию к революции во главе с проходимцем Керенским.

Резкая критика своего Верховного среди офицеров его же штаба, хотя и состоявших в штабе Походного Атамана, равносильна пропаганде.

Я не раз перечитал, чтобы яснее понять, список поучений генерала Краснова своему Верховному с указанием, как ему нужно было бы поступать, равняясь на графа Келлера, только командира кавалерийского корпуса, обещая награды и сопровождая конный корпус генерала Крымова, оставив всю семимиллионную Действующую Армию в состоянии анархии на произвол судьбы?! Подобного рода театральность в поучениях для Верховного будет будущими поколениями строго осуждена, так как это противно присяге и достоинству офицера, только что давшего слово «исполнить всякое приказание в точности и беспрекословно».

Вместо этих поучений своему Верховному генерал Краснов лучше бы оставил для будущих поколений текст того приказа с объявлением Керенского изменником Генералом Корниловым, — был не приказ, а только ответ Керенскому с отказом сдать должность Верховного и приехать в

Петроград (26 августа Керенский по телеграфу приказал Генералу Корнилову сложить с себя должность Верховного и прибыть в Петроград. См. книгу «Корниловский Ударный полк», стр. 38-39).

Это 26-го, когда генерал Краснов только что получил приказание явиться в штаб Верховного, а конный корпус генерала Крымова уже подошел к Петрограду. Само движение конного корпуса, его переформирование и объявление Керенским Генерала Корнилова изменником говорят опять о том, что все это не свалилось, как снег на голову, а заранее подготовлялось в процессе, начиная с Московского совещания и требования Генералом Корниловым установления диктатуры, что, естественно для того времени, сопровождалось и со стороны Генерала Корнилова обращением к Русскому народу и временному правительству.

В дальнейшем, из статей журнала «Часовой» будут приведены только выдержки.

№ 484, стр. 5

Генерал Корнилов, по нашим данным, не был партийцем, а служил России. Монархистов он ругал за то, что они не помогли Государю, а республиканцев он ненавидел за то, что они предали Россию Ленину.

№ 485

Генерал Краснов прибыл на станцию Дно 29 августа. Разбор положения корпуса: генерал Крымов в Пскове, Павловск и Царское Село — перестрелка, ингуши остановились. Поведение петроградского гарнизона — сплошное колебание. Снова чтение генералом Красновым приказа солдатам Генерала Корнилова без указания его текста.

И здесь злая критика и ни малейшего желания собирать боеспособное ядро, пользуясь властью командира корпуса. Наоборот, он выводит заключение: «Ясно, что все предприятие Корнилова рухнуло, еще и не начавшись».

(Да и как могло оно начаться победоносно, когда его исполнители не оказались достойными своего назначения и только занимались злой критикой своего высшего начальника, а не работали по-воински для исполнения порученного им).

Стр. 6

Генерал Краснов арестован, после допроса освобождается. Генерал Бонч-Бруевич обещает ему поговорить с генералом Алексеевым о назначении его снова на корпус, что генерал Алексеев и утверждает. Командующим Северным фронтом назначается генерал Бонч-Бруевич, бывший уже тогда большевиком. Все это происходило в Пскове 30 августа. На стр. 7-й этого номера помещена статья близкого друга и соратника генерала Крымова, — Генерального штаба генерал-майора Гончаренко (псевдоним «Юрий Галич»), убитого чекистами: «В памятные осенние дни

семнадцатого года, когда после июльского восстания большевиков было решено на основе переговоров Керенского с Корниловым занять Петроград войсками с фронта, выбор Верховного остановился на генерале Крымове».

Далее дается блестящая аттестация прохождения службы генералом Крымовым, вплоть до его смерти. За Крымовым устанавливается репутация твердого и решительного начальника. Был он человеком прогрессивного образа мыслей и вместе с тем монархистом по убеждениям. Крымов очень остро переживал кризис клонящегося к закату режима. После описания всех трудностей переброски корпуса отмечается, что генерал Крымов на станции Луга на вопрос одного офицера: «Что будет завтра?» ответил: «Не знаю! Знаю только, что браунинг при мне». Не сознавал ли он, что не сила противника, а собственная слабость приведет к катастрофе? Движение на Петроград было приостановлено. Из столицы прибыли депутации. Во главе многих из них стояли старые офицеры. Так, например, мусульманскую депутацию возглавлял офицер с прекрасной боевой репутацией, бывший елисаветградский гусар, полковник Султан Гирей. В частях начались колебания. Прибывший от Керенского Генерального штаба полковник Самарин убедил Крымова в необходимости переговоров с Керенским, для координации действий. Крымов прибыл в столицу. Произошла непродолжительная беседа с Керенским. Вместо «координации действий» Крымов попал в западню. В тот же день Крымов покончил с собой. Во всей этой истории, в частности в крымовской смерти, много неясного. УБИЙСТВО или САМОУБИЙСТВО? Я не свидетель крымовской смерти и с понятной осторожностью отношусь ко всем слухам и версиям. Кто знал Крымова, тот едва ли заподозрит в нем будущего самоубийцу. Это не неврастеник, не идеалист и не слабонервный романтик, кончающий с собой в минуту аффекта. Крымов — человек силы воли, мужества, активный борец. Однако стыд за то неловкое положение, в котором он, Крымов, очутился, как заяц, весьма возможно заставил его прибегнуть к действию того самого браунинга, о котором он говорил накануне своим подчиненным. Крымов погиб и хоронили его с необъяснимой, какой-то ВОРОВСКОЮ поспешностью (Юрий Галич).

№ 486, стр. 4

По приказу Керенского генерал Краснов со своей Донской дивизией ведет перестрелку с большевиками у Гатчины, Царского Села и под Пулковым. Здесь уже получается, что сам генерал Краснов полностью был за Керенского, позабыв про Генерала Корнилова. Тут все смешалось — скоро была бита и карта Керенского, тогда Краснов стал торговаться с большевиками.

Стр. 6

В присутствии генерала Краснова сотник Карташев не подает руки Керенскому, заявляя ему, что он — «КОРНИЛОВЕЦ». Керенский быстро

уходит, бросив на ходу: «Накажите этого офицера!» За этим последовало назначение Керенским генерала Краснова командующим Армией, которую, очевидно, Генерал Корнилов разворачивал из корпуса, подошедшего к Петрограду. За этим Савинков предлагает генералу Краснову убрать Керенского и самому стать во главе наступления на большевиков. На это генерал заявляет: «Я не могу усмирить солдатское море из Петрограда, а лишь из Ставки, ставши Верховным Главнокомандующим». (Для Генерала Корнилова это было в минус, а для себя это было единственным возможным способом подавления бунта).

Стр. 7

Генерал Краснов полностью признается, что он не мог отказать Керенскому в помощи. Прогнать Керенского он тоже не мог, а данное слово Генералу Корнилову исполнял злой пропагандой против него и бездействием после прибытия на место назначения, к войскам.

В это время казаки торговались с большевиками, чтобы «поменять Керенского на Ленина», произошло соглашение, но генерал Краснов помог Керенскому еще раз убежать от большевиков, и за это А. Ф. в своих заграничных писаниях на английском языке обвиняет Краснова как будто тот хотел его продать большевикам. Получилось так, что своя своих не опознали. Обещание генерала Краснова вывести свою дивизию донцов на Дон спасло его.

№ 487, стр. 4

Разговоры с Троцким, в Смольном, с Дыбенко. Итог: 1 февраля 1918 года генерал Краснов прибыл на Дон, в Новочеркасск, но ни в поход с Генералом Корниловым, ни с генералом Поповым в зимовники он не пошел.

Да, учить Верховных — это легко, а как самому исполнить свой долг, как он обещал Генералу Корнилову, это не каждому было дано тогда, в наше «смутное время». Восстание Дона при содействии Добровольческой Армии снова выдвинуло генерала Краснова — он был выбран Атаманом Всевеликого Войска Донского.

* * *

После изложенного в журнале «Часовой» я помещаю материалы члена Чрезвычайной следственной комиссии Н. Украинцева, опубликованные в издающейся в Америке русской газете «Новое Русское Слово» 28 октября 1956 года.

ДЕЛО КОРНИЛОВА

Замечания члена Чрезвычайной следственной комиссии.

Случайно и с большим запозданием мне попала в руки газета «Но-

вое Русское Слово» от 12 августа 1956 года, в которой помещено письмо в редакцию А. Ф. Керенского по поводу «дела Корнилова».

В этом письме А. Ф. Керенский отвечает на вызов М. В. Вишняка «принять или опровергнуть показания Степуна о том, что в наболевшем «деле Корнилова» виноваты оба (Корнилов и Керенский) и притом одной и той же виной». Из текста видно, что вопрос поставлен так: лежал ли в основе «дела Корнилова» ЗАГОВОР генерала против Керенского или это был заговор Керенского против Корнилова. Освещая этот вопрос, А. Ф. Керенский мало что сказал от себя по этому поводу, но сделал много ссылок на показания третьих лиц, имевших или непосредственное, или косвенное отношение к этому делу. Заговор Корнилова в воображении Керенского состоит как бы из двух актов: во-первых, организация в Петрограде офицерских групп, которые должны были оказать активное содействие замыслам Корнилова, и, во-вторых, неудавшийся удар по Петрограду конного корпуса генерала Крымова. Наибольшее место в своем письме А. Ф. Керенский уделяет первому акту. **Как известно, для расследования восстания Генерала Корнилова была создана Чрезвычайная следственная комиссия, выводы которой не совпадают с выводами, сделанными в вышеупомянутом письме А. Ф. Керенского. Как бывший член этой комиссии, я УТВЕРЖДАЮ ЭТО СОВЕРШЕННО КАТЕГОРИЧЕСКИ.** Предварительно я считаю необходимым сказать несколько слов о составе этой комиссии. Назначена она была в ночь на 31 августа указом правительства, подписанным А. Ф. Керенским в кабинете министра юстиции А. С. Зарудного. Председателем комиссии был назначен главный военно-морской прокурор И. С. Шабловский. На пост главного военно-морского прокурора Шабловский был призван Керенским после февральской революции. Шабловский занимался адвокатурой в Риге и Прибалтийском крае, где и познакомился с Керенским. Этому личному знакомству нужно приписать столь неожиданное назначение гражданского юриста Шабловского на высший пост в военно-морском судебном ведомстве,

Назначение его председателем Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова, делу специфически политическому, было вполне логичным. Шабловский, помимо его опыта в политических делах, пользовался еще и доверием председателя совета министров Керенского. Одновременно с Шабловским и Керенским в прибалтийских судах в качестве военного защитника выступал тогда молодой военный юрист капитан Раупах. В 1917 году Раупах, уже полковник, был военным следователем в Финляндии. Февральская революция совершенно разрушила военно-судебный аппарат, была изменена подсудность, система наказаний, судебный процесс. Поэтому Раупах был без дела, часто приезжал в Петроград и здесь возобновил знакомство с Шабловским. И когда возник вопрос о назначении членов комиссии по делу Корнилова, то Шабловский рекомендовал Керенскому Раупаха. Если Шабловский и Раупах были в комиссии особо доверенными — хотя и не в одинаковой степени — лицами Керенского, то двое других: полковник Украинцев, то есть автор этой заметки, и гражданский следователь П. Л. Колоколов, были назначены по деловому признаку. Назначение чрезвычайной комиссии произошло в са-

мом спешном порядке. У Шабловского не было времени на выбор еще одного члена комиссии и он припомнил мою кандидатуру в помощники главного военно-морского прокурора и назвал меня. Потом выяснилась желательность иметь в составе комиссии гражданского юриста, и тогда Керенский назначил Аладьина. Избрание же гражданского следователя Керенский предложил Зарудному. Выбор Зарудного пал на Колоколова. Еще двух членов комиссия должна была кооптировать в свой состав по ТРЕБОВАНИЮ СМОЛЬНОГО, то есть совета рабочих и солдатских депутатов и с согласия Керенского.

Это были меньшевики: Либер и Крохмаль. Мы приняли их без большого восторга, так как видели в них не столько политических единомышленников и политических друзей Керенского, сколько «ОКО» советов, только что боровшихся с Корниловым и победивших его. Мы ожидали от них тенденциозного отношения к делу и боялись помех с их стороны в нашей работе. Однако очень скоро мы убедились, что оба они относятся к делу с полной объективностью и в дальнейшем и до самого конца между всеми нами существовало полное согласие как по всем частным вопросам, так, — и это особенно важно, — в основной оценке существа дела.

Я считаю ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНЫМ обратить особое внимание на такое единомыслие среди членов комиссии, столь различных по своему общественному и служебному положению, а также и по тому основанию, по которому они стали членами комиссии.

Теперь — о ЗАДАНИИ, ПОСТАВЛЕННОМ НАМ КЕРЕНСКИМ. Когда мы 30 августа очень поздно собрались в министерстве юстиции (Керенский, Зарудный, Раупах и я), то никто из присутствовавших не формулировал преступления Генерала Корнилова. Оно происходило у всех нас на глазах, видимым образом выражалось в походе конного корпуса с дикой дивизией на столицу и приобрело в многочисленных заголовках газет прочно сложившееся название: «Восстание Генерала Корнилова». Восстание — против кого? Совершенно очевидно, что понималось — против существующего правительства, возглавлявшегося Керенским, но ОТНЮДЬ НЕ ПРОТИВ КЕРЕНСКОГО ЛИЧНО, как это упрощенно формулируется М. В. Вишняком. Так нами это дело и было принято к производству, то есть как «Восстание Генерала Корнилова против правительства». Конкретно же предложение Керенского нам сводилось единственно к тому, чтобы мы по прибытии в Ставку АРЕСТОВАЛИ ГЕНЕРАЛОВ: КОРНИЛОВА, ЛУКОМСКОГО, РОМАНОВСКОГО и также всех тех старших чинов Ставки, которые имели отношение к операции движения корпуса на Петроград, и об исполнении этого предложения, а по существу — ПРИКАЗА, немедленно по телеграфу донести ему, чтобы он имел возможность довести до всеобщего сведения. Точное определение круга лиц, подлежащих немедленному аресту, не оставляло сомнения в том, что преступление Генерала Корнилова Керенский видел именно в движении конного корпуса на Петроград, а целью этого движения, очевидно, подозревалось (только подозревалось — по крайней мере нам об этом ничего определенного сказано не было) намерение в какой-то, пока совершенно невыясненной

форме, нанести удар по правительству. О том, должен ли этот удар вылиться в арест всех членов правительства или же одного Керенского, в ликвидацию их или же в требование от них отказа от власти и передачи ее Генералу Корнилову, — равным образом не было сказано ни слова, ни прямо, ни намеком.

Таким образом наша ГЛАВНЕЙШАЯ ЗАДАЧА представлялась нам в обязанности выяснить обстоятельства, вызвавшие директиву Генерала Корнилова о движении конного корпуса на столицу и непосредственную и основную цель этого движения. Когда все было готово, Керенский, сказал: «Сегодня день моего Ангела, и я не хотел бы ставить свою подпись под этим несчастным указом». Согласились на том, что указ будет датирован 31 августа. Таким образом, в документ большой важности был внесен без обоснованной причины легкий элемент обмана. Однако обмануть судьбу никому не удалось: рожденное в этот момент «наболевшее дело Корнилова» принесло много несчастий и не одному Керенскому, но ему — в первую очередь, — предчувствия его были правильны.

В 6 часов утра того же 31 августа с экстренным поездом мы втроем (Шабловский, Раупах и я) выехали в Могилев. В Могилеве, куда мы прибыли очень поздно вечером, мы прежде всего посетили генерала Алексеева в его вагоне, чтобы осведомиться, принял ли он уже командование от Генерала Корнилова, и предупредили его о том, что ему следует считаться с возможностью нашего постановления об аресте самого Генерала Корнилова и некоторых других чинов Ставки. Что касается передачи командования, то, по словам Алексеева, Генерал Корнилов беспрекословно подчинился приказу правительства, и передача командования произошла без каких-либо осложнений.

К Генералу Корнилову мы прибыли уже ночью. Он по-прежнему занимал губернаторский дом. Принял он нас немедленно в громадном и почти пустом кабинете. Генерал, конечно, уже ждал нас, был совершенно спокоен и безукоризненно владел собой. Мы, или точнее, Шабловский, сказали ему, что ввиду позднего времени мы хотели бы ограничиться на первый раз выслушанием от него в кратких словах объяснения по поводу известного ему события. И он действительно довольно кратко, связно, логично и убедительно нарисовал нам картину, во многом хорошо нам известную: развал Армии, злостная и безответственная агитация советов против войны и беспомощность правительства, требующего продолжения войны, но не умеющего или нежелающего защитить Армию от большевистского разложения. Затем Корнилов перечислил все меры, которые Главное Командование, ответственное за ведение войны, предлагало правительству в целях восстановления Армии, а также и те, которые оно принимало в тех же целях самостоятельно. **И, наконец, Корнилов дошел до самого важного, буквально поразившего нас своей неожиданностью.**

Он сообщил нам о своем соглашении с Керенским в целях обеспечения порядка в столице продвинуть к Петрограду крупную войсковую группу, которая была бы в состоянии в кратчайший срок ликвидировать беспорядки, если бы таковые возникли.

В изложении Корнилова было совершенно ясно, что очагом возможных беспорядков считались советы (совет рабочих и солдатских депутатов) и что под ликвидацией беспорядков понималась ликвидация именно советов, а также и то, что это так понималось не только в Ставке, НО И САМИМ КЕРЕНСКИМ.

В доказательство этого последнего обстоятельства КОРНИЛОВ ВЫНУЛ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА ЛЕНТУ РАЗГОВОРА ЕГО С КЕРЕНСКИМ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ. Дату этого разговора я, к сожалению, теперь забыл.

Мы читали эту ленту каждый про себя и, должен признаться, просто растерялись. Разговор, согласно содержанию ленты, шел именно об отправке корпуса к Петрограду с указанной выше целью, и Керенский в своих репликах этого не отрицал. Рассказывая о соглашении с Керенским, Корнилов не скрыл, что по вопросу о составе корпуса (дикая дивизия) и о командовании им (генерал Крымов) между ним, Корниловым, и Керенским существовало разногласие.

Ознакомившись с лентой, Шабловский сразу же прекратил дальнейшие объяснения Корнилова, в знак согласия кивнул головой и, когда было написано постановление об аресте, беспрекословно подписал его.

Мы вернулись на вокзал, передали генералу Алексееву для исполнения постановление об аресте Корнилова, отправили телеграмму Керенскому и заперлись в вагоне.

Мы читали и перечитывали ленту разговора, стараясь отыскать в нем какое-либо противоречие с показанием Генерала Корнилова. Действительно, некоторая условность в некоторых выражениях могла вызвать смущение, однако она легко объяснялась необходимостью для Генерала Корнилова известной конспиративности ввиду того, что разговор велся не непосредственно, а с помощью третьего лица, солдата-телеграфиста.

Такая же неточность имелась и в выражениях Керенского, очевидно по той же причине. Учитывая это обстоятельство, бывшая в наших руках лента, ЭТО ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, не оставляла сомнения в том, что конный корпус двигался в Петроград с ВЕДОМА и СОГЛАСИЯ ЕСЛИ И НЕ ВСЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ТО ЕГО ГЛАВЫ, И ТЕМ САМЫМ РУШИЛИСЬ ВСЕ ОБВИНЕНИЯ ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА. Преступление Главнокомандующего, как оно представлялось в Петрограде, превращалось в легальное действие, и мы, то есть комиссия, оказались в самом нелепом положении. Сомнения относительно нашего положения заходили так далеко, что мы не знали, в праве ли мы при таких обстоятельствах выносить постановления об аресте обвиняемых правительством генералов, и не представляли себе и того, куда может привести производимое нами следствие.

В сомнениях о нашем положении мы доходили до того, что обсуждали вопрос, не следует ли нам немедленно вернуться в Петроград и сложить свои полномочия. Если мы не сделали этого шага, то главным образом в сознании, что такой шаг был бы равносилен колоссальному политическому скандалу, который окончательно нарушил бы кое-как дер-

жавшееся равновесие политических сил в стране, причем произошло бы это явно в пользу большевиков.

Сейчас «дело Корнилова», событие величайшего значения для всего хода русской революции, мы все рассматриваем в исторической ретроспективе, с хладнокровием и рассудительностью шахматных игроков, которые, не торопясь, расставляют на своих досках затвердевшие фигуры Керенского, Корнилова, советов... А ведь тогда это были живые люди, заряженные революционной взрывчатой силой, действовавшие в раскаленной атмосфере. Чтобы понять наше положение, нужно учесть, что уезжали мы в Ставку не просто из нашего города, а из города осажденного и не вполне освобожденного. Отдавая нам распоряжение выехать немедленно, Керенский оговаривался: «Как только будет восстановлен путь». Нас провожали на рискованное дело, и мы не были уверены, примет ли нас Корнилов, и как примет (а ведь мы были должны арестовать его). (За этим идет перечисление ужасов: им дали взвод матросов гвардейского экипажа для охраны, в пути их не раз останавливали и говорили, что Могилев — это укрепленный лагерь и т. д.).

Приехав в Могилев, мы увидели, что все эти страшные картины восстания Главнокомандующего Армиями уступили место видам совершенно иного характера: вокруг Могилева ни одного окопа, в самом Могилеве ни одного лишнего батальона, Главнокомандующий безропотно сдает командование и так же покорно идет под арест, а настроение в местном совете таково, что неизвестно, кто кого имел больше основания опасаться, Генерал ли Корнилов совета или же совет — Генерала Корнилова. Эту первую ночь в Могилеве, в связи с тем впечатлением, какое на нас произвело содержание разговора по прямому проводу (лента) между Корниловым и Керенским, мы провели почти без сна. В результате всестороннего обсуждения **было решено продолжать следствие, как если бы этого разговора не было.**

Должен сознаться, что решение это оказалось невыполнимым и в продолжение всего следствия все внимание концентрировалось на вопросе, было или не было соглашение между Корниловым и Керенским. Продолжая следствие, мы допросили и арестовали многих, мы съездили в Новочеркасск и допрашивали там Атамана Каледина. Предприняли мы эту поездку потому, что в каком-то разговоре с Шабловским Керенский намекнул на подозрительность бесед Корнилова с Калединым во время Московского совещания. По поводу показаний всех допрошенных нами свидетелей я должен сказать, что никто из них не сказал ничего такого, чего мы не знали бы от самого Генерала Корнилова, которого мы допрашивали не один раз. Он давал свои показания очень мужественно, совершенно не считаясь с тем, что они могут быть использованы против него самого. Он говорил как Главнокомандующий в необыкновенное время, когда одними военными мерами нельзя было ни вести войну, ни тем более выиграть ее. Правительство он считал слабым и неспособным помочь Армии, а слабым делало правительство двоевластие. В лице некоторых членов правительства он видел чуть ли не изменников. Такое положение толкало его в политику. Он искал контакта с общественными деятелями,

старался поднять свой авторитет, так как без большого авторитета нельзя управлять развалившейся Армией. Врагом номер первый он считал петроградский совет. Хотя июльское восстание в Петрограде, организованное советами, и было подавлено, но дух советов остался тот же, и поэтому он считал себя обязанным принять меры предосторожности.

Ни от Генерала Корнилова, ни от кого другого из числа допрошенных нами лиц, мы не слышали угроз ни по адресу правительства в целом, ни по адресу Керенского в частности (в отношении Керенского за одним исключением). Не было также ни одного свидетеля, который показал бы, что ему было известно о заговоре Ставки против правительства или чтобы он слышал, что правительству угрожает, помимо опасности со стороны советов, опасность и с какой-то другой стороны.

Когда мы говорили с Корниловым о том, как он представляет себе будущее, то он рисовал его таким образом: правительство в конце концов будет вынуждено признать его программу по укреплению дисциплины и восстановлению Армии. Поймет оно также необходимость иметь сильную власть. Когда мы однажды спросили Корнилова, не мог ли бы удар Крымова, в случае захвата им Петрограда, обрушиться лично на Керенского, он ответил также вопросом с веселой улыбкой: «Думаете ли вы серьезно, что для ликвидации Керенского недостаточно одного-двух смелых людей, а требуется целый корпус?»

Самым важным свидетелем по делу мы считали Владимира Николаевича Львова, члена Государственной думы и одно время обер-прокурора Святейшего Синода. Скажу сразу, что несмотря на его такое высокое и ответственное общественное положение, он произвел на нас очень несерьезное впечатление, и мы были склонны считать его виновником трагического хода событий. Мы его допрашивали, по-моему, три раза, в последний раз в Зимнем дворце, во фрейлинских покоях, где он почему-то проживал. Самый факт неоднократного допроса свидетеля говорит о том, что свидетель почти наверное не вполне достоверен. Так оно и было на самом деле. Передаю кратко о роли Львова: первая его поездка в Ставку была после Московского совещания, когда он задал вопрос Генералу Корнилову: «Удовлетворяет ли его такое правительство и каким бы он хотел его видеть?» Генерал Корнилов говорил, что нужно сильное правительство и что нужно ликвидировать двоевластие, восстановить Армию. Слово «диктатор» в этот раз не упоминалось. На вопрос, какую роль в данном случае можно отвести Керенскому, Генерал Корнилов остановился на министерстве юстиции. Далее зашла речь о роли конного корпуса. В данном разговоре Генерал Корнилов считал Львова ПОСЛАНЦЕМ Керенского и был уверен, что он знаком с их договором, а потому стал объяснять, почему он хочет иметь во главе корпуса генерала Крымова. Разговор на этот раз закончился заявлением Генерала Корнилова: «Что он был бы рад, если бы Керенский приехал в Ставку, тогда все вопросы, а в том числе и вопросы о возможном правительстве, можно было бы обсудить более основательно». Вот после этого разговора Львов пошел по штабу НЮХАТЬ настроение и на вопрос есаулу Родионову, как он смотрит на приезд Керенского в Ставку, получил ответ: «Пускай приезжает,

я бы его на первом столбе повесил». Таковы показания об этом Генерала Корнилова, его адъютанта и есаула Родионова.

По возвращении к Керенскому Львов все подробно передает ему, но как о поездке по своей инициативе. Это было первое показание.

Я хорошо помню и последнее показание Львова. Оно начиналось буквально так: «Довольно я щадил Керенского!» Существенная разница между этим последним показанием и первым заключалась в том, что Львов признал, что поездка состоялась по прямому поручению Керенского и ярко изображает реакцию последнего на привезенные Львовым новости из Ставки. По словам Керенского, здесь уже было произнесено слово «диктатура». Когда же Керенский узнал что диктатором будет не он, то пришел в негодование.

Допрос Зарудного имел характер частного разговора, где выяснилось, что вопрос о диктатуре в правительстве официально не поднимался, но депутатами обсуждался. Участие в этих разговорах принимал и сам Керенский, считая, конечно, что такая власть может быть только в его руках.

Показанием Львова мы считали следствие почти законченным, оставалось допросить только одного председателя — А. Ф. Керенского. От него мы хотели получить ответы на следующие вопросы, без которых оставалось слишком много места для догадок, предположений и подозрений:

1) Существовало ли соглашение об отправке конного корпуса к Петрограду, когда именно оно состоялось и с какою, точно, целью? Если такое соглашение лишь выдумка Генерала Корнилова, то почему он, Керенский, не отрицал этого в разговоре по прямому проводу? Чем было вызвано его отрицательное отношение к генералу Крымову и носило ли пожелание отменить назначение генерала Крымова характер возражения или же ясно выраженного приказа Генералу Корнилову?

2) Поручал ли он Львову поехать в Могилев к Корнилову, с какой именно целью, и что именно доложил Львов об этой поездке? и

3) Велись ли среди членов правительства разговоры о возможности и желательности введения диктатуры, принимал ли в таких разговорах участие он, Керенский, какова была его позиция в этом вопросе и если такие разговоры велись, то в пользу чьей диктатуры высказывался он, Керенский?

Готовясь к этому допросу, мы отдавали себе отчет в том, с какими трудностями этот вопрос связан: ведь нам предстояло допросить — как-никак — главу правительства и нужно было предлагать ему вопросы, в которых он может усмотреть недоверие комиссии или сомнение в его словах. Поэтому было решено подготовить вопросник, в котором вопросы были бы формулированы так, чтобы исключить возможность для Керенского уклониться от точного ответа на вопрос, но вместе с тем так, чтобы формулировка вопроса включала в себя элемент особого уважения к высокому положению свидетеля. Вопросы, которые могли бы быть особенно неприятными председателю Совета министров, должны

были быть помещены в конце вопросника. Составление вопросника было поручено мне.

Керенский принял нас в Зимнем дворце, в царской библиотеке. В промежутке между двумя громадными окнами стояло большое деревянное резное кресло, напоминавшее трон. Мы сели за стол, а Керенский занял место на этом «троне». Если бы я хотел охарактеризовать позу Керенского на «троне», я должен был бы употребить слово «развалился». Это, конечно, мелочь, но по ней мы сразу почувствовали, что это неспроста, что таким способом нам дается понять, какая дистанция отделяет нас от столь важного свидетеля, оказавшего нам такую честь.

В знак уважения Шабловский вел допрос стоя. Приглашенная нами многолетняя стенографистка Государственной думы Туманова вела запись. Первые же ответы Керенского последовали в такой резкой форме, что Шабловский растерялся. Посматривая на лист-вопросник, он так изменил редакцию и весь смысл вопросов, что я совершенно не узнавал своей работы. Ответы на измененные вопросы только затуманивали то, что мы хотели осветить. Первым не выдержал Раупах. Он встал и попросил уточнить какой-то ответ. За ним последовал Либер. Тут Керенский окончательно утратил самообладание, вскочил и стал буквально кричать на нас. Мы молча переглянулись с Шабловским, и он решительно объявил перерыв. В этот момент Туманова встала и громким голосом сказала, обращаясь к Керенскому: «Мне стыдно за вас, Александр Федорович! Мне стыдно за то, как вы позволили себе обращаться с комиссией, исполняющей свой долг...»

Это был последний акт в работе нашей комиссии. Единодушно, как и во всех актах нашей комиссии, мы пришли к заключению, что объяснения Керенского для полного выяснения «дела о восстании Корнилова» необходимы, но, охраняя независимость нашу как органа судебно-следственной власти, обращаться с нами так, как это позволил себе Керенский, мы больше не допустим. На этом мы разошлись, а спустя несколько дней наступило 25 октября.

На основе собранного неполного, за отсутствием показания Керенского, следственного материала, комиссия была склонна сделать выводы, которые не укладывались в рамки дилеммы Степуна: или заговор Корнилова против Керенского, или заговор Керенского против Корнилова. Выводы комиссии опирались на такие соображения: двоевластие в стране было злом, как в глазах Керенского, так и в глазах Корнилова. Созданная революцией, никаким законом не предусмотренная фактическая власть советов успешно конкурировала с властью законного правительства Керенского и потому ликвидация ее для последнего была желательна. Была она желательна и для Корнилова ввиду безудержной пропаганды советов против войны, вести и выиграть которую было задачей, поставленной Корнилову. На этой почве и создалось соглашение Корнилова и Керенского, с обеих сторон неискреннее и с недоговорками, о конном корпусе для борьбы с советами. К этой цели Корнилов шел открыто, а Керенский к этой цели мог идти только скрыто. Корнилов торопился, считая, что «промедление времени смерти подобно», Керенского же оста-

навливали соображения идеологического порядка — желание сохранить чистоту своих революционных риз и практическая необходимость лавировать перед могучим совдепом. По тем же соображениям Керенскому было бы приятнее применить силу в качестве угрозы. Корнилов несомненно предпочитал короткую и грубую расправу. Оба понимали, что в результате ликвидации советов родится диктатура. Корнилов не скрывал, что при данной обстановке естественным диктатором может быть только военачальник. Для Керенского военный диктатор был неприемлем. Корнилов нарушил соглашение в пунктах: генерал Крымов, дикая дивизия и офицерские группы и начало приготовлений, направленных к той же цели и начатых по собственной инициативе до сговора. Керенский, вероятно, никогда полностью не доверял Корнилову и держал его под специальным наблюдением (Львов). Стороны все-таки СОГЛАШЕНИЕ ЗАКЛЮЧИЛИ, потому что в то время они нуждались друг в друге. Соглашение, заключенное такими партнерами, было обречено на разрыв с самого момента его заключения. Когда Корнилов начал решительно действовать, то Керенский под впечатлением доклада Львова, напуганный возможностью, что Генерал Корнилов первым придет к диктатуре, поднял крик: «Караул! Убивают!» **Наличие у Корнилова определенного плана вести борьбу с применением силы не только с совдепом, но и с законным правительством Керенского НЕ ДОКАЗАНО. НАСТУПЛЕНИЕ КРЫМОВА БЫЛО НАПРАВЛЕНО ПРОТИВ СОВЕТОВ. Керенский в своем письме в газету мысль о «соглашении» называет «выдумкой».** Ему была предоставлена легкая возможность убить такую мысль в самом зародыше, воспользовавшись правом и обязанностью дать в качестве свидетеля корректное и исчерпывающее показание следственной комиссии, на что комиссия, казалось бы, могла тогда твердо рассчитывать. Вместо этого он сорвал возможность пролить свет на вопрос не только государственный, но и лично его близко касающийся. Или это вышло бессознательно? Или он испугался могилевских фонарей, созданных бредом двух болтунов?

Н. Украинцев

Для полноты картины выступления Генерала Корнилова приводим статью из той же газеты «Новое Русское Слово» от 15 марта 1967 г.

КЕРЕНСКИЙ О «ДЕЛЕ КОРНИЛОВА»

В последнем номере журнала «Ю. С. Ньюз Ворлд Рипорт» опубликовано пространное интервью с А. Ф. Керенским по случаю 50-летия февральской революции. Многое, о чем говорил Керенский, русским читателям известно. Но одно место в интервью, касающееся дела Генерала Корнилова, заслуживает быть приведенным. А. Ф. Керенский высказал убеждение, что если бы временное правительство сохранило власть, весь ход европейской истории изменился бы и вторая мировая война была бы немыслима. При сильной демократической России приход к власти Гитлера был бы невозможен. «Было ли что-нибудь, что можно было сделать и чего вы не сделали, чтобы спасти демократическую Россию? — спросил интервьюер. — «За последние пятьдесят лет я часто думал об этом, —

ответил Керенский, — Я СОВЕРШИЛ ОШИБКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К «КОРНИЛОВСКОМУ МЯТЕЖУ». Возможно, что Корниловское дело сыграло роль фатальную». «В чем заключалось дело Корнилова?» — спросил журналист. — «Генерал Лавр Георгиевич Корнилов был в глазах многих русских людей героем. Я назначил его в июле 1917 года на пост Верховного Главнокомандующего вооруженными силами России. Были опасения, что он может организовать контрреволюционное движение и путем переворота установить режим диктатуры. Он двинул на Петроград кавалерийский корпус. Некоторым членам правительства казалось, что это первый шаг на пути к установлению «сильной» власти. Я снял Корнилова с поста Главнокомандующего и по настоянию генерала Алексеева принял на себя обязанности командующего всеми вооруженными силами. Казачий авангард под командой генерала Крымова наступал на Петроград и был остановлен у Луги, поблизости от столицы, в первую же ночь корниловского выступления. Корнилов сдался без сопротивления, был арестован и посажен в тюрьму с другими офицерами, которых подозревали в участии в заговоре. В результате дела Корнилова в настроении солдат и рабочих Петрограда и социалистических лидеров произошел поворот. Правительство, в результате, потеряло доверие, ослабло».

Впервые за 50 лет Керенский признал, что арест Генерала Корнилова **был фатальной ошибкой**, которая открыла большевикам дорогу к захвату власти.

Приводятся для сведения выдержки из разговора между Генералами Алексеевым и Корниловым, имевшего место 30 августа 1917 г. между 13 и 15 часами.

Генерал Алексеев: От всех Главнокомандующих в военном министерстве получены телеграфные запросы: кому они должны подчиняться? В такие минуты развала управления Армиями нужны определенные и героические решения. Временное правительство принимает решение вручить Верховное командование министру-председателю, с тем чтобы начальником штаба был бы назначен Генерал Алексеев. Подчиняясь сложившейся обстановке, повинуясь велениям любви к Родине, после тяжкой внутренней борьбы я готов подчиниться этому решению и взять на себя труд начальника штаба, но такое решение требует, чтобы переход к новому управлению совершился бы преемственно и безболезненно — преемственность нужна в мыслях по управлению войсками, чтобы не ломать уже сделанного и вести дело обороны по началам, вами принятым. Безболезненность нужна для того, чтобы в корень расшатанный организм Армии не испытал бы еще лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми. Высказанные мною сегодня условия по оздоровлению Армии исходят из начал, вами заявленных. Прошу очень откровенно высказать все, что можете, и указать, какой путь можно было бы избрать для перехода управления к другим лицам: если вы считаете, что минута для этого перехода созрела и требуется обстановкой, я могу, быть может, сегодня же вечером выехать в Смоленск и возможно спешно прибыть в Могилев. Лично я предпочитал приехать в Могилев для переговоров в качестве не занимающего официального положения в Армии, но времен-

ное правительство считает, что такое немедленное объявление нового состава Верховного управления положит предел неопределенному положению фронтов, а особенно Финляндии и тыла. Ожидаю вашего ответа и прошу сообщить, где находится Дитерихс.

Генерал Корнилов: Генерал Дитерихс, по моим сведениям, находится с генералом Крымовым. Незадолго перед тем, как я был вызван вами к аппарату, генерал Лукомский по моему поручению заготовил телеграмму министру-председателю, которую я вам прочту: «Представляется совершенно недопустимым, чтобы руководство по оперативной части из Ставки было прервано хотя бы на один день. Является безусловно необходимым немедленное указание в Ставку и на фронт о том, чьи распоряжения должны исполняться. Данные с фронта указывают на возможность возобновления серьезных операций противника. Генерал Корнилов, учитывая стратегическую обстановку и не допуская возможности, чтобы создавшимся положением мог бы воспользоваться противник и имея в виду лишь пользу Родины, поручил мне передать следующее:

1) Если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, он немедленно примет с своей стороны все меры к тому, чтобы успокоить те круги, кои шли за ним. Генерал Корнилов еще раз заверяет, что лично для себя ничего не искал и не ищет и добивается лишь установления в стране могучей власти, способной вывести свободную Россию и Армию из того позора, в который они ввергнуты нынешним правительством. Никаких контрреволюционных замыслов ни Генерал Корнилов, ни другие не питали и не питают.

2) Приостановить немедленно предание суду Генерала Деникина и подчиненных ему лиц.

3) Считать вообще недопустимым аресты генералов, офицеров и других лиц, необходимых прежде всего Армии в эту ужасную минуту.

4) Генерал Корнилов считает безусловно необходимым немедленный приезд в Ставку Генерала Алексеева, который, с одной стороны, мог бы принять на себя руководство по оперативной части, а с другой — явился бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку.

5) Генерал Корнилов требует, чтобы правительство прекратило немедленно дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, порочащих его, Корнилова, еще не сдавшего Верховного командования, и вносящих смуту в стране и в войсках. С своей стороны Генерал Корнилов обязуется не выпускать приказов к войскам и воззваний к народу, кроме уже выпущенных. Лукомский».

Дальше я продолжаю уже от своего имени: ответ по содержанию вышеприведенной телеграммы я прошу дать мне в возможно скорейший срок, так как от ответа будет зависеть дальнейший ход событий. Прошу ответить, когда вы рассчитываете быть в Могилеве. Ваш приезд необходим.

Генерал Алексеев: Приехать могу 1 или 2-го сентября, нужно — ускорю, хотя нахожусь в Петрограде без всяких вещей. Вашу телеграмму

сейчас предъявлю временному правительству, и от него будет зависеть, когда оно даст ответ. Я заинтересован только в том сейчас, чтобы отданы были распоряжения исполнять ваши оперативные указания и приказы по управлению войсками. Мольба о сильной, крепкой власти, думаю, есть общая мольба всех любящих Родину и ясно отдающих себе отчет в истинном ее положении. Поэтому вы можете быть убеждены в самой горячей поддержке вашего призыва, но каков будет результат, пока сказать не могу, я совершенно не ориентирован в общей внутренней обстановке управления. Как можно будет дать вам ответ, вызову вас к аппарату.

Генерал Корнилов: Состояние Армий и внутреннее состояние страны мне известно, почему я твердо и категорически заявляю, что нельзя ни на минуту откладывать вашего приезда в Могилев. Если ваш приезд будет отложен до 2 сентября, я слагаю с себя ответственность за дальнейшие события.

Генерал Алексеев: Я ускорю прибытие, но убедительно прошу держать в своих руках управление, чтобы устранить то безвластие, в котором находится сейчас Армия, и делать те распоряжения, которые подсказываются угрожающим положением на фронте. Здесь важны не только дни, но часы и минуты. С 16 июля, когда я в последний раз получил обстановку по документам Ставки, я руководствуюсь исключительно сведениями печати, но этот материал недостаточен для того, чтобы делать какие-либо распоряжения. Поэтому-то я так и настаивал на необходимости полнейшей преемственности в управлении войсками и думаю, что вы вполне со мной согласны, и ради Родины и судьбы Армии не прервете вашей оперативной работы. Эта моя просьба вытекает из интересов Армии, из стремления предотвратить или, по крайней мере, смягчить возможную новую катастрофу.

Генерал Корнилов: Я вполне разделяю ваше мнение, но для того чтобы я мог продолжать оперативную работу и создать положение, отвечающее обстановке, необходимо, чтобы правительство отменило бы свои распоряжения, в силу которых прекратились мои намеченные стратегические перевозки войск.

Генерал Алексеев: Постараюсь добиться этой отмены.

Комендант г. Могилева полковник Квашнин-Самарин.

* * *

В вопросу о критике выступления Генерала Корнилова генералом Красновым в должности командира конного корпуса, принятого им от генерала Крымова под Петербургом, по данным книги «Воспоминания Барона П. Н. Врангеля», выпущенной издательством «Посев» в 1969 г.

Страница 46-я: 6 сентября (1917 г.) из штаба фронта было получено приказание мне немедленно прибыть в город Яссы. Генерал Щербачев сказал мне, что вызвал меня, зная о том, что я находился в письменных сношениях с Генералом Корниловым и опасаясь, что в связи с этим и с последними событиями мне могут грозить осложнения. Здесь в Румынии, по его словам, я буду в безопасности. Через два дня после моего приезда

в Яссы была получена из Ставки телеграмма за подписью начальника штаба о моем назначении приказом Верховного Главнокомандующего командиром 3-го конного корпуса. Я решил немедленно ехать в Петербург.

Накануне большевиков

Прибыв в Петербург, я заехал домой переодеться и затем отправился в штаб округа. В дверях штаба я столкнулся с генералом Красновым, старым моим знакомым еще с японской войны, в последнее время командовавшим 2-й сводной казачьей дивизией. Он был чрезвычайно удивлен, узнав о моем назначении командующим 3-им конным корпусом. Оказалось, что он почти одновременно со мной также допущен Ставкой к командованию этим же корпусом и уже в командование вступил. Я ничего не имел против неожиданного осложнения и решил не торопиться с принятием корпуса и предварительно ознакомиться с обстановкой. Во главе округа стоял тогда только что назначенный на эту должность полковник Полковников, бывший начальник штаба Уссурийской дивизии, последнее время командовавший Амурским полком и с полком участвовавший в движении Генерала Корнилова на Петербург. Я передал ему об услышанном от генерала Краснова и спросил его, известно ли ему что-либо. Он ответил мне, что ничего об этом не знает, что здесь, очевидно, недоразумение, но так как из двух мое назначение является последним, то, по его мнению, я и должен принять корпус. Я (то есть генерал Врангель) ответил, что впредь до точного выяснения всего недоразумения и чтобы не ставить генерала Краснова в неловкое положение, я в корпус не поеду и буду в Петербурге ждать разрешения вопроса. От полковника Полковникова я узнал впервые и подробности событий последних дней. **По словам Полковникова, разрыв председателя правительства с Главнокомандующим был для частей корпуса и для самого генерала Крымова полной неожиданностью.** Телеграмма Керенского, объявлявшая Генерала Корнилова изменником, стала известна лишь на станции Дно. По словам Полковникова, прими генерал Крымов в эту минуту твердое решение безостановочно продолжать движение на Петербург, город был бы взят. Я спросил полковника Полковникова, каким образом он, участвовавший в наступлении Корнилова на Петербург, мог быть назначен командующим войсками Петербургского округа? Полковников отметил, что он и сам был удивлен назначению, и добавил: «Вот вы же назначены командиром 3-го корпуса и также, вероятно, этого назначения не ожидали». Потом от полковника Полковникова я узнал, что по условиям «политического момента и ввиду моей политической фигуры» военный министр Верховский не находит возможным мое назначение командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, что Верховный Главнокомандующий (Керенский) с ним согласился и что мне будет предложено другое назначение. Я ответил, что никакого другого назначения я не приму и буду ходатайствовать об увольнении меня в отставку. (Здесь интересно отметить, что в вопросах оздоровления Армии генерал Врангель отрицал «территориальные организации» и предлагал, если еще не поздно, чтобы пра-

вительство отказалось от так называемой «демократической армии» и «революционной дисциплины» и чтобы была проведена в жизнь так называемая «Корниловская программа»).

Но 25 октября в Петербурге прогремели первые выстрелы «Авроры», Керенский бежал, а его министры засели в Зимнем дворце под охраной женского батальона и детей юнкеров. Через день заговорили об измене Главнокомандующего Северным фронтом генерала Черемисова...

* * *

Из приведенных воспоминаний мы еще раз можем убедиться в том, что генерал Краснов был не прав в отношении его обвинений Генерала Корнилова в трех случаях:

Дав слово Верховному Главнокомандующему «исполнять все его приказания точно и беспрекословно», он тут же, по выходе от него, в штабе казачьих войск резко критиковал распоряжения Генерала Корнилова. Затем, догнав свой корпус под Петербургом и увидев обстановку, генерал Краснов не принял мер для устранения явлений, разрушающих дисциплину в войсках. Потом, с появлением у него Керенского, он принимает уже от него и назначение на конную армию покончившего с собой генерала Крымова.

Конечно, все это стало известно в Ставке Верховного и потому поспешили исправить ошибку назначением на конный корпус генерала П. Н. Врангеля, но... было уже поздно.

АГОНИЯ АРМИИ

Корниловцы уехали в Чешский корпус. В Русской Армии им уже не было места. Их сплоченность, дисциплина, боевой дух и верность России были непереносимы для разнузданной солдатской массы, еще державшейся скопом под обликом прежних полков. Сначала между Корниловцами и Чехами был некоторый холодок. Чехи плохо говорили по-русски, да и странно было Корниловцам чувствовать себя на своей же земле гостями у иноземцев, но натянутость отношений быстро прошла. Нашелся и общий язык в разговорах о Родине, правда — у Чехов о своей Родине-Чехии, у Корниловцев — о России, но помыслы и склад души были у тех и у других одинаковы. Несколько чехов и словаков настолько сдружились с Корниловцами, что не покинули наш Полк и во время гражданской войны, оставаясь в его рядах персонально, и из них была сформирована при Полку отдельная саперная рота под командой своего инженера. Корниловцам отвели район села Булдычево, близ станции Печановка. Здесь пришлось им пережить агонию Русской Армии. Страшна толпа, когда она чувствует свою безнаказанность, но толпа вооруженная еще страшнее. Местечки страдали от жестоких погромов, на улицах оставались разбросанные пожитки, между ними валялись трупы, в домах рыдали навзрыд опозоренные женщины и девушки. Особенно памятен остался

Корниловцам разгром имения князя Сангушко. Старый князь был заколот штыками, дворец его разграблен. Не был пощажен и знаменитый княжеский конский завод. «Режь и коли эту буржуйскую забаву!» — кричали в конюшнях, и двадцать белоснежных арабских жеребцов и кобылиц были прикончены, кровь из конюшен текла ручьями.

Здесь я помещаю и другое свидетельство о смерти князя Сангушко. «Описываемое трагическое событие, подтверждающее почти полный упадок воинского духа армии, произошло летом 1917 года, когда власть номинально возглавлялась А. Ф. Керенским, заслужившим кличку «главноуговаривающего», а фактически была в руках полубольшевистских солдатских и рабочих комитетов. Совершенно неожиданно полуэскадрон, стоявший ближе к замку князя Сангушко, получил приказание спешно двинуться в Славуту, так как замок князя громит ворвавшаяся в винные погреба и перепившаяся там пехота, оставшаяся без офицеров, которые были либо перебиты, либо скрылись. Выполняя полученный приказ, полуэскадрон широкой рысью двинулся к Славуте, где увидел отвратительную картину пьяной, отчасти вооруженной, отчасти побросавшей свои винтовки пехоты, расправлявшейся с польскими служащими замка. Уверенности, что небольшой отряд кавалерии сможет водворить порядок и отстоять замок, не было никакой. Чтобы прекратить мародерство, нужно было действовать без промедления.

Когда восьмидесятилетнего старика, князя Сангушко, служившего в России полвека тому назад в Кавалергардском полку, толпа вытащила из замка для расправы, колебаться, как следует действовать в дальнейшем, нельзя было. И лишь тогда старший офицер полуэскадрона подал команду: «Шашки вон, пики к бою!» Но кроме двух унтер-офицеров, выхвативших клинки шашек из ножен, команду никто не исполнил, и единственным выходом из создавшегося положения было резко повернуть налево кругом и отойти. Это вызвало радостный вой разнузданной солдатни, тут же прикончившей князя.

Продолжать войну с такими солдатами было делом немыслимым.

Очевидец».

«Врезались мне в память на всю жизнь два случая, — рассказывал штабс-капитан Канашевич. — Иду я и вижу, как около шоссе сидит вокруг костерка кучка солдат и что-то жарит. Прохожу мимо и вижу, — в нескольких шагах от них лежит телка. Она медленно задирает голову вверх и так протяжно и глухо мычит. Из ее зада был вырезан большой кусок мяса. Мерзавцы, они даже не потрудились ее пристрелить. А другой случай такой: я шел по дороге со своей ротой. Противник изредка стрелял тяжелыми снарядами. Все жители попрятались. Навстречу попадались бегущие без винтовок солдаты с перекошенными от страха мордами. Вдруг один из них подбежал к погребу, поднял дверцу. В глубине погреба сгрудилась целая семья. «Ах, так вашу так, прячетесь!» — заорал солдат, выхватил из-под пояса ручную гранату и бросил ее в погреб ...»

Бешенство и омерзение заливали Корниловцев. Многое им пришлось еще перевидать, особенно в братоубийственной войне, но если спросить

их, что они пережили самое страшное, они ответят: «Ужасна гражданская война... Тяжко было расставаться с Родиной... Но не было ничего мучительнее того времени, когда мы видели на Великой войне бесславную гибель нашей Армии, видели русских солдат, разбегавшихся с фронта со звериным оскалом на лицах... Теперь подыскивают оправдание этому ужасу, говорят: неизбежные последствия войны, кровь развращает людей... Но вот что поражало: солдаты, дольше всех воевавшие, по много раз раненные, были на фронте наиболее жалостливыми к людям и к полковому зверю. Они почти всегда держались вдали от комитетов, этих революционных дрожжей, и от всего революционного месива. Старые боевые солдаты были замкнуты, молчаливы, точно познали некую сокровенную тайну... Вот на митинге выступает солдат. Только и слышно: «Довольно нам воевать, довольно мы кровь проливали!» Спросишь его: «Да ты, брат, давно в окопах?» «Я-то?» «Да, ты-то» «Да он только что пришел с маршевой ротой, — ответит кто-нибудь из старых солдат и добавит: — А ведь смотри, как разоряется!..»

Война — грозное бедствие, но не фронт развращает людей, — как может развратить человеческие души верность законам Отечества, жертва за други своя, венчание кровью и честью на поле бранном?.. Людей развращает их собственная трусость, и распаленное воображение и самую любовь претворяет в разврат. На войне владычествует смерть. Для тыла нет ничего более гнетущего, чем смерть, на фронте нет ничего более торжественного, чем преодоление страха смерти.

В КИЕВЕ

В конце сентября Корниловцы со 2-м Чехо-Словацким полком, под общим командованием полковника Леонтьева, были спешно переброшены в Киев. Весь Киев бурлил. Сепаратистские течения украинцев-националистов усиливались. «Союз освобождения Украины» дошел до того, что послал приветственную телеграмму австрийскому генералу Пухало с пожеланием «дальнейшего победного напора славной австро-венгерской армии в самое сердце Украины, — в Киев, во славу Его Величества Императора Франца-Иосифа». В конце концов украинцы объединились с большевиками и под руководством генерального секретаря Петлюры и большевицкого комиссара Пятакова подняли восстание. Правительственный комиссар доктор Леонтьев от имени временного правительства вызвал к себе на помощь Корниловцев и Чехов. По прибытии отряда в Киев Чехо-Словацкий полк остался в предместье Киева, а Корниловцы должны были разместиться в Константиновском военном училище. Когда полк шел по городу и проходил мимо арсенала, всех удивило, что около него толпятся вооруженные рабочие. Только в самом училище полковник Неженцев узнал, что арсенал захвачен большевиками. Корниловцы немедленно приняли меры предосторожности и выставили охранение. В ту же ночь большевики повели наступление на Константиновское военное училище, но сразу были отбиты. В течение трех дней большевики повторяли свои

атаки, пытаясь овладеть училищем, обстреливали его даже артиллерийским огнем, но были всегда отбрасываемы с большим для них уроном. Здесь был убит командир 10-й роты поручик Григорьев. Украинский Георгиевский полк через парламентеров предложил полковнику Неженцеву сдать оружие, на что получил ответ классической фразой: «Придите и возьмите!» Украинцы пошли в атаку, но потерпели поражение. Были и у Корниловцев убитые и раненые. Окруженные со всех сторон Корниловцы оказались отрезанными от полковника Леонтьева и от штаба округа. Чехи под влиянием комиссара Макса объявили нейтралитет и уехали обратно. Начальник отряда тоже бросил Корниловцев на произвол судьбы. Власть в Киеве окончательно перешла к большевикам в блоке с украинской Радой. Начальник украинского штаба Павлюченко предложил Корниловцам перейти в подчинение украинской Рады и стать ее сердюцким (гвардейским) полком. Неженцев только рассмеялся и потребовал или отправить его полк на Дон, или же снова в Чешский корпус. Порешили на последнем. Но, опасаясь расправы украинцев с юнкерами Константиновского военного училища, которые все время помогали Корниловцам, Неженцев настоял, чтобы предварительно, до отъезда Корниловцев, было отправлено в Екатеринодар все училище. И только когда юнкера со своим начальником училища генералом Калачевым были погружены в эшелоны, Неженцев облегченно вздохнул.

Корниловцы, приехав на свою прежнюю стоянку, немедленно восстановили связь с Генералом Корниловым. Сообща с ним был выработан план дальнейших действий для встречи на Дону.

Уверенности у Генерала Корнилова, что ему удастся благополучно выбраться из Быховской тюрьмы, конечно, не было, и он на прощание послал Корниловцам образ с препроводительным письмом на имя полковника Неженцева.

В этом письме Генерал Корнилов писал: **«С твердой уверенностью в непоколебимой верности полка заветам, на основе которых он зародился, я шлю ему образ, которым епископ благословил меня, как старшего из Корниловцев. Шлю полку мое благословение на новые ратные подвиги за честь России и Ее Армии и мой сердечный горячий привет вам, всем офицерам и солдатам».**

Наконец 25-го из Ставки был получен приказ о переброске Корниловцев на Кавказский фронт. Неженцев выехал вперед, а его Полк стал спешно готовиться к погрузке на станции Печановка. Уже головная часть полкового обоза подтягивалась к станции, когда оставшийся заместителем полковника Неженцева капитан Скоблин неожиданно получил от генерала Духонина новое приказание о приостановке погрузки. Это приказание капитан Скоблин немедленно разослал с конными по всем батальонам, растянувшимся на походе, а сам еще оставался в штабе Полка, в доме священника. Уже темнело. Вдруг все комнаты озарились ярким светом, и в это мгновение разнеслись громовые раскаты. Огромный огненный столб над станцией, небо колыхалось от ежеминутных взрывов. При станции были взорваны громадные склады со снарядами. От станции, от поездных составов и от лежащего вблизи поселка не осталось камня на

камне. Охранная рота при складах, станционные служащие и местные жители были убиты. Опоздай капитан Скоблин вовремя остановить Полк, не остался бы в живых и никто из Корниловцев.

НА ДОНУ

25 октября ночью в Петрограде большевики подняли восстание. «Верховный Главнокомандующий Керенский», оставив в Зимнем дворце свое беспомощное правительство под защитой юнкеров и женского Ударного

Съ твердою увѣренностью въ непоколебимой
вѣрности полка завѣтамъ, на основѣ
которыхъ онъ зародился, я шлю ему
образъ, которымъ епископъ благословилъ
меня, какъ старшаго изъ Корниловцевъ.
Шлю полку моё благословеніе на
новые ратные подвиги за честь Россіи
и ея арміи и мой сердечный горячій
привѣтъ Вамъ, всѣмъ офицерамъ и солдатамъ.
Искренне Васъ любящій
Л. Корниловъ

Факсимиле письма Л. Г. Корнилова к М. О. Неженцеву.

батальона, рано утром умчался на автомобиле в Гатчину. Оттуда он через несколько дней бесследно исчез.

В должность Верховного Главнокомандующего вступил автоматически его начальник штаба генерал Духонин. Захватив власть, большевики стали готовить экспедицию для ликвидации Ставки и «Быховских узников». Во главе экспедиции был поставлен прапорщик Крыленко, назначенный советским правительством «Верховным Главнокомандующим».

Генерал Духонин, получив сведения о движении большевицкого отряда на Могилев, послал 1 декабря Генералу Корнилову телеграмму, в которой советовал ему и всем арестованным с ним генералам спешно

уезжать на Дон, чтобы избежать в Быхове большевистского самосуда. Сам же генерал Духонин решил остаться на своем посту до конца.

После совместного обсуждения и по настоянию Генерала Корнилова оставшиеся с ним под арестом генералы Деникин, Лукомский, Романовский и Марков выехали из Быхова рано утром 2 декабря, а в 10 часов вечера того же дня Генерал Корнилов вышел к своим Текинцам и во главе их двинулся в Донскую область. Перед своим отъездом Генерал Корнилов отправил генералу Духонину телеграмму: «Доношу вам, что сегодня

Генерал Корнилов в Ростове н/Дону среди офицеров своего полка в одной из казарм. Рядом с ним слева — полк. М. О. Неженцев.

покинул Быхов и отправляюсь на Дон, чтобы там снова начать хотя бы рядовым бойцом беспощадную борьбу с поработителями Родины». Георгиевский батальон, уже понявший всю правду Генерала Корнилова, обступил его и провожал пожеланиями: «Счастливого пути, господин Генерал! Ура Генералу!»

Узнав о бегстве Быховских узников, большевики немедленно отдали распоряжение выследить, по каким путям двигается Текинский полк, и

отправили ему вдогонку красные отряды и бронепоезда. Приближалась зима, наступила гололедица, кони подбились. Текинский полк попадал то в засады, то под огонь бронепоездов. Так прошли 400 верст. После одной переправы через реку Сейм полк попал в полузамерзшее болото и потерял много коней. Не желая больше подвергать опасности своих верных текинцев, Генерал Корнилов снял с них данную ими клятву не оставлять его, распрощался с ними и, переодевшись в крестьянский зипунишко, сел в поезд на одной из глухих станций.

(В журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка имеется название этого села, около которого Генерал Корнилов переправился через реку Сейм. Когда 2-ой полк при наступлении в 1919 году проходил это село, все жители из него убежали, — очевидно они боялись наших репрессий за то, что были замешаны в противодействии Текинскому полку при переправе через болотистый Сейм).

Генерал Корнилов благополучно прибыл в НОВОЧЕРКАССК 6 декабря 1917 г. по ст. ст.

На другой день после ухода Генерала Корнилова из Быхова генерал Духонин был зверски убит в Могилеве матросами из отряда Крыленко. Сам Крыленко безучастно глядел из окна своего вагона на гибель последнего Верховного Главнокомандующего Русской Армией.

До сего времени сохранилась у меня фотография — Генерал Корнилов в Новочеркасске среди офицеров своего Корниловского Ударного полка.

О Генерале Корнилове из книги «Воспоминания генерала А. П. Богаевского 1918 год. Ледяной поход».

«5 января 1918 г. я вступил в командование войсками Ростовского района. Фактически я исполнял роль Генерал-Губернатора. Официально Добровольческая Армия подчинялась мне. Это было сделано с целью не слишком афишировать в левых кругах независимость добровольцев, фактически же Генерал Корнилов с этим не считался и действовал совершенно самостоятельно, иногда только обращаясь ко мне, когда приходилось иметь дело с городским населением, и приглашая меня на более важные военные советы. С Генералом Корниловым я был вместе в Академии Генерального штаба. Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом, он был мало заметен в Академии и **только во время экзаменов сразу выделился блестящими успехами по всем наукам.** После окончания Академии он уехал в Туркестан, и я много лет его не видел, но хорошо знал о его выдающейся боевой деятельности в русско-японской кампании и во время Великой войны. По приезде на Дон я вскоре зашел к Генералу Алексееву, а затем и к Генералу Корнилову. Оба они, великие патриоты, уже ушли в лучший мир... Я не буду писать их биографий и хочу записать только некоторые свои личные воспоминания о них.

Судьба столкнула нас на Дону в самые тяжелые дни нашей общей жизни, **в которой они оба сыграли ИСКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ РОЛЬ.**

* * *

Лавра Георгиевича Корнилова я нашел в одном из небольших домов Новочеркасска, на Комитетской улице. Часовой, офицер-доброволец, подробно расспросил меня, кто я и зачем пришел, и наконец пропустил меня в маленький кабинет Корнилова.

Мы встретились с ним, как старые товарищи, хотя я и не был близок с ним в Академии. Главнокомандующий Добровольческой Армией был в штатском костюме и имел вид не особенно элегантный: криво повязанный галстук, потертый пиджак и высокие сапоги делали его похожим на мелкого приказчика. Разговор, конечно, сразу перешел на настоящее положение. В противоположность М. В Алексееву, Корнилов говорил ровно и спокойно. Он с надеждой смотрел на будущее и рассчитывал, что казачество примет деятельное участие в сформировании Добровольческой Армии, хотя бы в виде отдельных частей. О прошлом он говорил также спокойно и только при имени Керенского огонь сверкнул в его глазах.

Пребывание в Новочеркасске, видимо, тяготило его необходимостью обращаться по всем вопросам к Войсковой власти, хотя генерал Каледин во всем шел навстречу добровольцам. Мы дружески расстались после этого свидания, точно предчувствуя, что судьбе будет угодно в скором времени связать нас стальными узами вместе пережитого кровавого похода в южных степях... Но в оживленном разговоре, полном надежд и бодрости, со старым товарищем по Академии, я не думал, что через три месяца, на крутом берегу многоводной Кубани сам вложу восковой крестик в холодеющую руку своего начальника, убитого русской гранатой».

Прибытие Генерала Корнилова подняло дух Корниловцев-ударников, и они с твердой верой следовали его завещанию: «Истинный сын Русского народа отдает Родине самое дорогое, что он имеет — свою жизнь». Генерал Корнилов.

«Гнев, печаль и боль за поруганную РОССИЮ несли в сердцах своих первые добровольцы Вождю своему Генералу Корнилову, — ему, кто в страшные годы лихолетия произнес имя РОССИЯ, взяв в руки и подняв высоко падшее ее Знамя.

В атмосфере ненависти, презрительного равнодушия, трусости, предательства, они смело пошли за ним».

«Слава истинному сыну РОССИИ Генералу Корнилову!»

Возвращаюсь к описанию положения Корниловского Ударного полка после взрыва артиллерийских складов на станции Почаевка.

Всякая связь Корниловцев с прежней Ставкой была прервана, и было решено принять собственные меры к переезду на Дон. С согласия казаков, уезжавших эшелонами на Дон, Корниловцы стали с их эшелонами переправлять в Новочеркасск свой обоз, обмундирование, винтовки, пулеметы, патроны. Удалось Корниловцам отправить часть своего обоза и отдельным эшелоном с фальшивым удостоверением о принадлежности его к одной из кавказских частей. Сами Корниловцы решили пробираться небольшими группами или же одиночным порядком. Переезд Корниловцев, как и всех тогда добровольцев, был труден, за ними охотились, да и сами они выдавали себя своим видом среди опустившихся солдат. Мно-

гим удалось спастись буквально из-под расстрела. Один за другим съезжались Корниловцы в Новочеркасск. Начало сбора Корниловцев в Новочеркасске — конец ноября 1917 г. До этого туда прибыл полковник Неженцев. В середине декабря в Новочеркасске было до 500 Корниловцев.

По данным одного из старейших Корниловцев, капитана Данилина (от 5 июня 1966 г. из Венецуэлы), Корниловцы привезли с собой в Новочеркасск 32 пулемета, что было большим вкладом для добровольцев Генерала Алексеева, у которых их тогда не было.

Полковник Неженцев собрал свой полк, и Корниловцы стали первым полком в Добровольческой Армии. Помимо этого в Ростове был для полка сформирован полковником Симановским чисто офицерский партизанский батальон четырехротного состава имени Генерала Корнилова, который был потом, в станице Ольгинской, влит в полк первым батальоном.

Как и раньше, Корниловцы выделялись своей дисциплинированностью и внешней подтянутостью. Служба в полку была нелегка, особенно с того времени, когда весь полк был переведен в Ростов-на Дону. Кроме занятий, ежедневно приходилось нести караулы и ходить патрулями по городу. Тысячи офицеров, разбежавшихся с фронта, бродили по городу и с равнодушием смотрели, как какие-то чудаки в офицерской форме, с винтовками за плечами, несли гарнизонную службу и всегда находились в полной боевой готовности — на окраинах города было очень неспокойно, а к самому городу подступали красные отряды. По нашим данным, число офицеров, не пошедших тогда в Добровольческую Армию, доходило до 17 тысяч, что для начала гражданской войны было решающим фактором в боях с наступавшей на Ростов латышской дивизией Сиверса.

Против красных в районе гор. Таганрога действовал под начальством гв. полковника Кутепова небольшой сводный отряд по одной роте от всех формировавшихся полков Добровольческой Армии. От Корниловцев была сводная рота в 128 штыков, что было в два раза больше каждой роты других частей, при четырех пулеметах, во главе с капитаном Скоблиным. Этой роте пришлось прикрывать весь отряд со стороны Таганрога, захваченного местными большевиками. На этих позициях Корниловцы впервые увидели зверства большевиков. Однажды, по приказу полковника Кутепова была с боем занята небольшая станция Хопры. На перроне валялся труп старичка-начальника станции. У него был отрезан и вставлен в рот..., а на груди лежали проткнутые штыками фотографические карточки двух молоденьких прапорщиков, сыновей начальника станции. Если так расправлялись большевики с родителями офицеров, то над самими офицерами, взятыми в плен, красные палачи изощряли всю жестокость. Добровольцы стрелялись, но не сдавались. Около станции Синявка красные оттеснили отряд полковника Кутепова, но в этот момент совершенно неожиданно подошли на подмогу две сотни казаков из станицы Гниловской. Впереди казаков шел священник с крестом в руках. «Православные, ратуйте за церковь Христову, за дом Богоматери!» — призывал священник и поднял крест. «Тут казаки и мы, — вспоминает Корниловец-ударник, — набрались духу от поднятия креста и перешли в наступление. Ну

Корниловскій Ударный полкъ на фронтѣ Новочеркасскъ - Ростовъ

Ноябрь 1917 г. - Февраль 1918 г.

Матв. Курганъ
Денисовская
Покровское
Сух. Самбекъ
Тузловъ
Новочеркасскъ
Салы
Крымъ
Морская
Синявская
Мартыновъ
Ростовъ
Нахичевань
Аксай
Старочеркасская
р. Донъ
Манычская
Таганрогъ
Азовское море
Азовъ
Батайскъ
Ольгинская
Хомутовская
Злодѣйская

и начался бой!.. Мы не мало побили латышей и даже взяли у них 12 пулеметов».

В этих боях под Таганрогом рота капитана Скоблина понесла большую потерю: у хутора Арабишева был убит подпоручик Андреев, начальник пулеметной команды. На эту ответственную должность в полку он был назначен Неженцевым еще с первых дней зарождения 1-го Ударного Отряда. 30 января 1918 г. сводная рота капитана Скоблина была сменена ротой Корниловцев в составе 120 человек под командой штабс-капитана Заремба. Надо заметить, что это была первая чисто офицерская рота в рядах Корниловского Ударного полка.

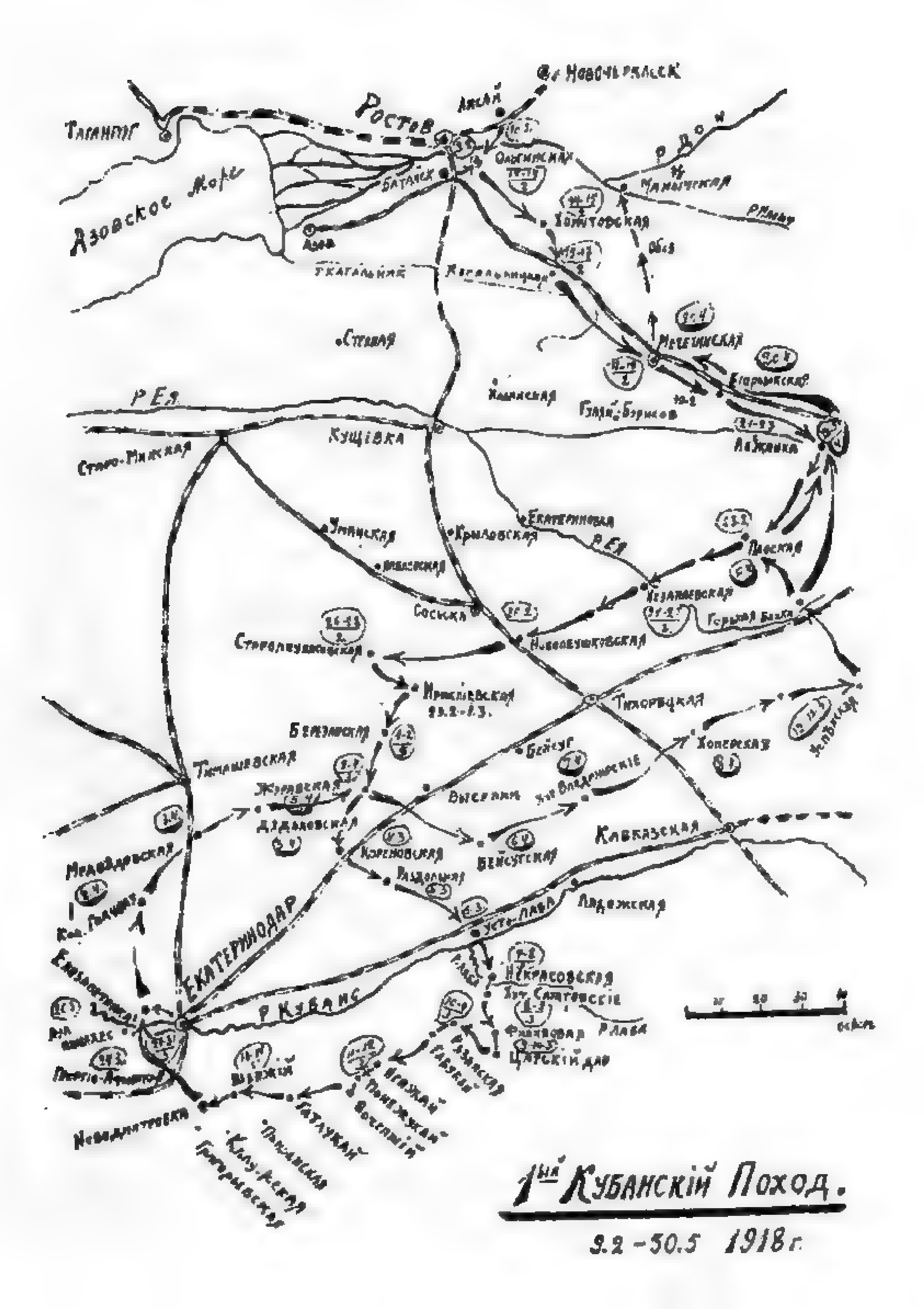
За время этих боев за станцией Хопры на Таганрогском направлении была и рота (3-я офицерская рота) офицерского партизанского батальона полковника Симановского имени Генерала Корнилова, который временами собирался там в полном составе четырех рот, представлявших собой внушительную силу около 500 штыков, но без пулеметов.

Особенно мне запомнились ночные переходы этого батальона в метель и сильные морозы, когда с рассветом мы увидели цепи латышей, преследующие нас. Батальон был остановлен и несколькими залпами замедлил движение противника, но в то же время из-за сугробов снега нас лихо атаковал справа эскадрон красных. Отделение взвода 3-ой офицерской роты быстро заняло участок сада, обнесенный плетнем, и стало в упор расстреливать подскочившую кавалерию, которая, видя нашу малочисленность, в свою очередь открыла огонь с коней, в результате которого был смертельно ранен прапорщик запаса. Наше хладнокровие и меткость огня обратили красных в бегство с большими для них потерями. После этого мы впервые могли убедиться в силе пулеметного огня роты нашего Корниловского Ударного полка, прикрывшего наш правый фланг и косившего латышей дивизии Сиверса.

В течение недели, по колено в снегу, без теплой одежды, офицерская рота полка защищала линию железной дороги Таганрог - Ростов-на Дону. Особенно досаждал Корниловцам бронепоезд красных, — не было ни ключа, чтобы отвинтить рельсы, ни подрывных шашек, чтобы взорвать полотно. Под пулеметным огнем приходилось загораживать путь бронепоезду шпалами. Только 7 февраля Корниловцев сменила морская рота в 17 человек и отряд есаула Грекова в 29 человек. На позиции около станции Хопры в то же время выступил весь Корниловский Ударный полк. На другой день на него обрушилась вся латышская дивизия Сиверса.

Полку было приказано в связи с общей обстановкой отходить к Ростову. Латыши преследовали Корниловцев и густыми цепями все время непрестанно вели атаки с фронта и с фланга. Фигура полковника Неженцева всегда появлялась там, где противник особенно наседал. Отбиваясь контратаками, Корниловцы к вечеру подошли к городу. Кругом слышалась артиллерийская стрельба. Огромными силами большевики сжимали Корниловцев в кольцо. Казачьи части больше не защищали своего Тихого Дона; они или расходились по домам, или же переходили на сторону большевиков. Даже роковой выстрел первого выборного Войскового Атамана генерала Каледина не встряхнул казачьи души. Когда Корниловцы

Участники 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода: сестра В. С. Левитова, сестра Таня Кунделекова и офицеры их роты.



Новочеркасскъ
Аксай
Ростовъ
Таганрогъ
Азовское Море
Азовъ
Батайскъ
Ольгинская
Р. Донъ
Манычская
Р. Манычъ
Хомутовская
Кагальницкая
Мечетинская
Егорлыкская
Р. Ея
Кущевка
Лежанка
Старо-Минская
Уманская
Крыловская
Екатериновка
Р. Ея
Незамаевская
Сосыка
Новолеушковская
Старолеушковская
Горькая Балка
Ирклiевская
Березанская
Тихорецкая
Тимашевская
Журавская
Дядьковская
Выселки
Бейсугъ
Хоперская
Кавказская
Кореновская
Бейсугская
Медвѣдовская
Усть-Лаба
Ладожская
Екатеринодаръ
Р. Кубань
Некрасовская
Р. Лаба
Царскiй даръ
Новодмитровка
Григорьевская
1ый Кубанскiй Походъ.
9.2 – 30.5 1918 г.

втянулись в город, в ту же ночь с 9 на 10 февраля по ст. ст. Генерал Корнилов решил вывести из Ростова всю маленькую Добровольческую Армию. Было объявлено брать с собой лишь самое необходимое. Корниловцы побросали свои чемоданы, запихали в вещевые мешки по смене белья, полотенце да мыло и выстроились в колонну. Крутился хлопьями снег. Сугробы, наметенные ветром, розовели розовым отблеском пылавших складов... Заскрипели колеса, заколыхались штыки — Армия тронулась в путь (см. схему).

Впереди шел Генерал Корнилов в генеральской форме, за ним развевалось трехцветное Знамя... Начался знаменитый «Первый Кубанский Генерала Корнилова ледяной поход».

Цель его определялась Генералом Алексеевым так:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божия... Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Генерал Корнилов, как командующий Добровольческой Армией и как первый инициатор борьбы с разрушителями национальной России и ее Армии, помимо речи на Московском совещании и потом своего манифеста, свое отношение к происходящему в данный момент определил в своей телеграмме генералу Духонину при выходе из Быховской тюрьмы так:

«Доношу вам, что сегодня покинул Быхов и отправляюсь на Дон, чтобы там снова начать, хотя бы рядовым бойцом, беспощадную борьбу с поработителями Родины».

Таким образом, выход в первый Кубанский поход явился у Генерала Корнилова и его Корниловцев продолжением борьбы, начатой ими в дни создания ударных частей, оформившейся в Быховской тюрьме и теперь продолжающейся в зависимости от соотношения сил противников. Обстановка для формирования Добровольческой Армии, как силы-продолжательницы ведшейся Генералом Корниловым борьбы, но только на новом месте и в условиях чисто гражданской войны, сложилась самым ужасным образом. Местные силы казачества, офицерства и иногородних уже спешили воспользоваться «свободами февральской» и не только разложились, но и были враждебны к национальному движению. Первый Атаман Всевеликого Войска Донского генерал Каледин при виде этого свою любовь к России выразил своим выстрелом, в надежде образумить казачество, но это не помогло. Надежды наших Вождей здесь тоже не оправдались, — процесс разложения национальной России зашел глубоко, засосав в свою муть не только пассивное население, но и патриотически настроенное, при виде грандиозных сил разрухи. Силы палачей России на самом деле превзошли все ожидания: «первая февральская» во главе со своим представителем Керенским за свое предательство и разрушение во время войны своей же родной Армии была с позором низвергнута Провидением через 8 месяцев. Она не только просто «пала» а своей преступной деятельностью создала благоприятный плацдарм для разрушительной работы большевиков Ленина, агента Вильгельма, о котором хорошо знали, что он не только пропушен врагом, для разрушения

ОСНОВАТЕЛЬ и ВЕРХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ

ГЕНЕРАЛЪ
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

АЛЕКСѢЕВЪ

† 25-го сентября 1918 года.

нашей Действующей Армии, но еще и снабжен миллионами золотых марок и готовым на месте штабом. При подавлении первого восстания большевиков в начале июля 1917 г. в Петрограде, Кронштадте и Финляндии я был в составе 178-го пехотного Венденского полка, принимавшего участие в подавлении, и видел разрушительную силу агента Вильгельма, подкрепленную золотом и бездарностью «Временного правительства». И теперь, когда я добровольно ехал в конце ноября на сборное место сил Генерала Корнилова, не раз и мою голову сверлила мысль о безнадежности положения при сравнении сил врага с нашей, представлявшей из себя жидкую цепь зайцев, проскакивавших через заставы безжалостных охотников за нашими черепами. На станции Зверево и я был пойман и ПРИГОВОРЕН к расстрелу, и так как у палачей было много работы, то меня под конвоем двух представителей «красы и гордости революции» поздно вечером погнали, без ботинок, за полотно, куда-то на свалку. Но здесь Бог был милостив, — молодость и озлобление взяли свое, — и на свалке очутился не я, а мои конвоиры. Ночь покрыла мое бегство, и через короткое время я был в Новочеркасске. Прибыл я на сборное место не только побывавшим в гражданской войне, но и спасенный волею судьбы. Таковыми были почти все собравшиеся там. Всем было ясно, что не мы начали братоубийственную войну, а разрушители России и ее Армии с их небывалым террором. Выхода для всех нас не было «смерть или победа» — вот первоначальный девиз добровольцев. Нейтралитет многих тысяч (17 т.) офицерства в Ростове и Донской области лег на нас большой тяжестью.

Обстановка, в которую попал Корниловский Ударный полк по прибытии в Ростов

В середине декабря, на конспиративном собрании генералов Алексеева, Корнилова, Каледина, Деникина и других было вынесено постановление — общими силами вести борьбу против большевиков, причем была учреждена конституция первой Российской антибольшевистской власти на Дону. **Схема ее была следующая:** 1) Генералу Алексееву вручалось управление, внешние сношения и финансы, 2) Генералу Корнилову — власть военная, 3) Генералу Каледину — управление Донской областью, 4) Верховная власть — триумвират. Но это постановление осуществить не удалосъ: Дон был ревнив к своей свободе и своим «завоеваниям революции». В частности, он оставлял за собой право иметь свою армию. Это привело к тому, что 26 декабря 1917 г. все вооруженные силы генерала Алексеева были официально переименованы в «Добровольческую Армию», во главе которой стал Генерал Корнилов. Отличительным знаком чинов Добровольческой Армии был установлен угол национальных цветов, носимый на левом рукаве шинели и гимнастерки.

27 декабря были впервые обнародованы цели Добровольческой Армии: 1) Создание организованной вооруженной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигавшейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим.

как в старину, 300 лет тому назад, вся РОССИЯ должна снова подняться народным ополчением на защиту своих оскверненных Святынь и своих потерянных прав. 2) Первая непосредственная цель Добровольческой Армии — противостоять вооруженному нападению на юг и юго-восток Рос-

Донской Войсковой Атаман
Генерального штаба Генерал от Кавалерии КАЛЕДИН.
Покончил жизнь самоубийством 29-го января 1918 г.

сии. 3) Но рядом с этой целью ставится другая: Добровольческая Армия должна быть той действенной силой, которая дает возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной РОССИИ. Новая Армия должна стать на страже гражданской свободы.

в условиях которой хозяин земли Русской, ее народ, выявит через посредство Учредительного собрания свою державную волю. Перед этой волей должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая Армия, и все, участвовавшие в ее образовании, будут беспрекословно подчиняться власти, поставленной Учредительным собранием.

В заключение воззвание призывало «встать в ряды Русской рати всех, кому дорога многострадальная РОССИЯ, чья душа исполнилась к ней сыновней болью».

Добровольцы с восторгом читали это обращение и с надеждой взирали на будущее.

Однако в то смутное время всякого рода постановления рушились перед жестоким развалом страны, и об этом так писал тогда в «Донской Волне» Николай Туземцев:

«Все эти вопросы обсуждались на экстренном собрании в Атаманском дворце. В заседании участвовали представители юго-востока и некоторые генералы Русской Армии. Атаман Каледин со своей обычной манерой говорить тихо, коротко и отрывисто, охарактеризовал разрушительную картину действий красноармейцев, захват ими Москвы и других центров и **высказал необходимость подачи помощи Москве. Такое неожиданное заявление Атамана, высказанное твердо и убежденно, не могло быть случайным, а явилось, очевидно, плодом долгих и серьезных размышлений. Все присутствовавшие на заседании, пораженные неожиданностью, молчали. Атаман высказал, что он прекрасно сознает, что «когда все крестьянство отравлено ядом большевизма» и «когда пожар восстания готов вспыхнуть на Дону», опасно и нецелесообразно отвлекать надежные войсквые части, но он настолько верил в правоту своего намерения и считал настолько важным оказание помощи страждущим героям, что находил поход на Москву целесообразным».**

По словам Туземцева, противники похода казаков на Москву, который собирался предпринять Каледин, считали, что юго-восток в данный момент должен отделиться от севера и создать крепкий союз с сильной армией, которая впоследствии может оказать действительную помощь России. А. М. Каледина поддержали генералы Алексеев и Сахаров, бывший на собрании. Генерал Сахаров настаивал на немедленной помощи России. Когда выяснилось, что большинство против похода на Москву, генерал Сахаров, бывший командующий одной из Армий, заметил иронически: «У вас, господа, своя политика, и дай вам Бог успеха!» А затем добавил: «Теперь такое время, когда личность имеет огромное значение. У вас, господа, такой величиной является А. М. Каледин. Группируйтесь и объединяйтесь вокруг него». Наступила пауза, которую нарушил генерал Алексеев, сидевший около молчавшего все время А. М. Каледина. Ни к кому не относясь, генерал сказал: «Россия гибнет, и никто не желает спасти ее. Нет героев, нет личностей, которые пожертвовали бы собой для спасения родины». Произнеся эти простые слова, такие жуткие, старый боевой генерал заплакал. Настроение создалось тяжелое. Атаман продолжал сидеть так же молча, но было ясно, что в душе его боролись

два чувства: любовь к гибнущей на его глазах РОССИИ и любовь к казачеству, правда еще сохранившемуся (?), но близкому к падению. Это была борьба Атамана — казака с казаком — гражданином гибнущей России. Чувствовалось, что Атаман ждет чего-то.

За этим следует выступление кубанца-черкеса Шахим-Султан-Гирея. Обращаясь почти исключительно к генералам Алексееву и Сахарову, он сказал: «Вы предлагаете перебросить крупицу казачьих войсковых частей в Москву. Мы не отказываем вам в этом. Героизм и самопожертвование личности имеет значение, но мы пойдем на героические поступки только в том случае, когда окружающая обстановка будет свидетельствовать о необходимости и целесообразности таковых. В противном случае это самопожертвование и бесполезно и гибельно для дела. Мы все уважаем и ценим генерала Каледина, **но решительно протестуем против похода на Москву.** Не Москва и Воронеж спасут теперь Россию и юго-восток, а наше объединение. Пока что наша задача — сохранить хоть один угол, откуда можно было бы начать борьбу в любой момент, когда масса, стряхнув с себя красный кошмар, **позовет нас на помощь** (?). А при существующих условиях самопожертвование обаятельных личностей, известных своей честностью и авторитетом, п р е с т у п н о».

Генерал Каледин встал, как-то особенно выпрямился и, медленно, отчеканивая слова, произнес: «Я — казак, и интересы казачества мне дороже всего. Установим на юго-востоке порядок и тогда увидим, войти ли нам в состав России как автономная область или же на началах федерации. Распоряжения свои о походе на Москву и Воронеж ОТМЕНЯЮ».

Что думал и на что рассчитывал донской казак и русский патриот генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин, мы не знаем. Во всяком случае, слезные мольбы его боевого товарища, генерала Алексеева, не помогли осуществить этот план. А может быть Каледин уже понял, что ему не только некого посылать на Москву, но даже нет частей для защиты родного Дона. Казакам-фронтовикам нужно было на своей шкуре испытать советский режим, чтобы потом восстать против него. Но Каледин до этого не дожил. Страшное сознание, что казаки перестанут его слушаться, привело его к с а м о у б и й с т в у.

Памяти Атамана Каледина

Когда над Родиной сплетались
Измена, трусость и обман,
Твои слова в Москве раздались,
Родной наш Белый Атаман.

Чтоб уберечь Русь от падения,
Не допустить ее развал,
Живые силы к единению
На подвиг жертвенный ты звал

Ты был один из самых славных
Сынов России скорбных лет.
По благородству нет вам равных
По доблести вам равных нет.

Порыв ваш долга крепче стали,
Был изумительный пример!
За вами шли и умирали
И гимназист и офицер.

Ты был из самых честных, смелых,
Прославивших наш темный век.
В скрижалях правды к слову «Белый»
Припишется: «Сверхчеловек».

Сергей Ленский

* * *

Перед сбором материала для 1-го Кубанского Генерала Корнилова Ледяного похода необходимо зафиксировать пройденные Корниловским полком этапы: 1) **ФОРМИРОВАНИЕ.** Здесь выделяется фигура полковника Неженцева, Митрофана Осиповича, ясно представившего себе в создании ударных частей единственное средство для поддержания разваливающихся частей фронта при наступлении. Его патриотизм, широкая подготовка офицера Генерального штаба и служба в разведывательном отделении штаба Армии помогли ему в осуществлении намеченного им. Здесь больше всего удивляет, что его сослуживцы по штабу отрицательно отнеслись к идее создания ударных частей и всюду ему мешали. 2) **Генерал Корнилов.** Своим положением и личным авторитетом он был основным стержнем этой идеи. Почему-то дело собирания добровольцев на Дону **приписывают исключительно** Генералу Алексееву, но это далеко не так. Пишущий эти строки был в рядах 45-й пехотной дивизии, подавившей в Петрограде первое восстание большевиков, и при объявлении Керенским Генерала Корнилова изменником высланной из Петрограда на фронт в конце августа 1917 г. за явные симпатии к своему Верховному Главнокомандующему. В те времена, в июле и в августе, я имел представление о действительно происходившем, начиная от г. Риги, Двинска, Петрограда, крепости Кронштадта, южной части Финляндии и г. Пензы, где стоял наш запасный батальон, и всюду я ощущал не только влияние Генерала Корнилова, но и где предпринимались реальные шаги для изучения на месте, в казачьих областях, **предполагаемых возможностей** сбора Корниловских сил. С этой целью я в конце сентября был переведен из полка в запасный батальон в Пензу и оттуда ездил по маршруту: Ростов на Дону - Кубанская область - Владикавказ - Баку и обратно. Доложив в Пензе своим о моих впечатлениях, я в ноябре снова пробирался в Ростов, не зная о намерениях Генерала Алексеева и считаясь только с передаваемыми предположениями почитателей Генерала Корнилова. Наш партизанский, чисто офицерский батальон имени Генерала Корнилова, 4-ротного состава, сформированный полковником Симановским — хорошо знакомым с Генералом Корниловым — еще до похода имел в своих рядах много офицеров из Пензы и с Северного фронта. **Я не хочу уменьшить этим значения роли Генерала Алексеева в деле формирования Добровольческой Армии, но хочу частично осветить прошлое и подтвердить, что по времени и масштабу начала борьбы за честь России Генералу Корнилову принадлежит первое место.** Генерал Корнилов и генерал Каледин еще до Быхова определили сборное место для национальных сил России, и не будь разложе-

ния Дона фронтовиками, формирование Добровольческой Армии имело бы другое значение. Содержание телеграммы Генерала Корнилова генералу Духонину: «Еду на Дон» и отъезд других генералов-быховцев туда же и известный еще до этого маршрут Корниловского Ударного полка на Ростов — все это говорит о том, что вопрос о формировании национальных сил был решен Генералом Корниловым до начала формирования Добровольческой Армии.

3) До разрыва Генерала Корнилова с Керенским немало полков и отдельных батальонов назывались «Корниловскими», но Шефство свое Генерал Корнилов дал только «1-му Ударному Отряду при 8-й Армии» с вручением ему и Знамени. Отряд и потом полк были нормальными, солдатскими, с нормальным же офицерским штатом, взятыми из маршевых батальонов из числа добровольцев и несмотря на это проявивших в борьбе за честь России исключительную жертвенность. В периоды смены власти не самоуничтожились, а собрались в указанном им месте около своего Шефа и достойно вступили в новый период борьбы на фронте уже ясно определившейся гражданской войны на юге России в составе Добровольческой Армии.

4) Бои за Ростов взяли от Корниловцев свою жертву, но шло и пополнение, хотя и ничтожное в сравнении с массой офицерства, скопившегося в Ростове и упорно не желавшего идти в Добровольческую Армию «зажигать светоч». Их было очень много, до 17 тысяч, и неизвестно даже, что они думали делать, как предполагали раствориться в той массе разложившейся, беспомощной черни. Быть может, морально убитые незаслуженным унижением творцов революции, они плюнули на все и на вся? Если сами они под влиянием пережитого не могли оценить значения того момента, то ведь наши авторитетные Вожди — Генерал Корнилов и Генерал Алексеев — разъясняли им и звали их в наши ряды. А сила в них была большая: их насчитывалось до 17 тысяч человек, да две тысячи офицеров Дона и если бы даже хоть одна четверть их пошла бы в наши ряды, то Добровольческая Армия увеличилась бы до 5 тысяч человек и тогда мы бы никуда с Дона не ушли, генерал Каледин и не подумал бы стреляться, а от латышской дивизии Сиверса ничего бы не осталось. Почему же все это так получилось? Этот роковой вопрос не разрешен и до сего времени. Частично мы разрешили его в боях под Орлом, где решалась судьба всех Вооруженных Сил Юга России, где навалилась на нас превышавшая нас во много раз численностью красная армия, созданная, по признанию уже теперь самих большевиков, «компартией (обычное первенство во всем) и специалистами военного дела (то есть офицерами Императорской Армии), ставшими верными сынами СССР». Какова же причина для такого прыжка: от службы верою и правдой самодержавной Монархии и до диктатуры пролетариата мирового коммунизма? Мне кажется, что ужасы небывалого развала Русской Армии творцами февральской бескровной и чистая работа ЧК Ленина были главной тому причиной.

5) В Ростове на Дону впервые появились в Корниловском Ударном

полку офицеры на положении рядовых ударников, из них и стали формировать офицерские роты.

* * *

Каким же было настроение в самом Корниловском Ударном полку и в офицерском батальоне имени Генерала Корнилова перед выходом в 1-й Кубанский Генерала Корнилова поход? Какая сила двигала этими людьми? Из описания формирования полка, его выдающейся боевой славы на фронте Великой войны ценой жертв, исчисляемых многими сотнями, пройдя через позор провокации их Вождя и Шефа полка Керенским, понеся большие жертвы при переходе на новый фронт гражданской войны и в боях за Ростов, Корниловцы-ударники не потеряли веры в своего Вождя и Шефа полка и уверенно шли за ним во имя спасения России. Свой шкурный вопрос давно был решен Корниловцами словами своего девиза: «Лучше смерть, чем рабство». Нейтралитет многих тысяч офицеров, скопившихся на Дону, сильно огорчал нас, но наших убеждений не поколебал. Враждебные нам силы Дона и дивизия латышей Сиверса сильней сплотили нас вокруг нашего Вождя Генерала Корнилова, превратив нашу преданность ему в болезненно обостренную обреченность. Это выражалось прежде всего в ясности понимания каждым из нас своего назначения: находящийся в строю должен поражать своего противника, что неминуемо влекло нас к смерти, а потому — выполняй свой долг без колебаний, с расчетом нанести противнику возможно больший урон.

Непосредственное сближение ударников с Генералом Корниловым укрепляло эти чувства, и мы просто искали случая, чтобы сделать ему что-либо приятное: на походе, проходя мимо него, мы шли твердым шагом, как на параде, а в бою вели атаки во весь рост, а иногда и под звуки своего полкового оркестра. Оборона г. Ростова стоила Корниловцам более ста человек убитыми и ранеными.

* * *

При наличии своего полкового хозяйства Корниловцы из Ростова через Нахичевань легко дошли до станицы Александровской — 5 верст, но перед станицей остановились. Оказывается, что казаки решили не пускать к себе добровольцев. Генерал Корнилов отправил для переговоров генерала Деникина и генерала Романовского. Только через два часа удалось договориться с казаками, пообещав им в бой с большевиками у станицы не вступать и рано утром оставить станицу. Отдых Добровольческой Армии охраняли партизанские отряды во главе с офицерским партизанским отрядом имени Генерала Корнилова полковника Симановского в составе четырех рот, оставленных в арьергарде почти под самым городом Нахичеванью.

(Здесь пропускается описание того, как в оставленном нами Ростове с рассветом началась довольно сильная стрельба, — это означало начало

расправы латышей и местных коммунистов с неугодным им элементом и главным образом с офицерством, не пожелавшим идти с нами).

10 февраля 1918 г. с утра началась переправа через реку Дон. Генерал Алексеев перешел реку пешком по мосту (понтонному), а Генерал Корнилов с генералом Романовским переехали и на том берегу пропускали части. К вечеру вся Добровольческая Армия сосредоточилась на ночлег в станице Ольгинской, выставив небольшие сторожевые части. Противник не преследовал нас. Богатая станица еще не была тронута войной, а потому накормила добровольцев хорошо и даже выразила желание пополнить наши ряды, что, впрочем, осталось только пустым пожеланием. Армия здесь простояла четыре дня, отдохнула, все мелкие части были влиты в более крупные и была, как говорится, подсчитана «наличность» всего.

Вся пехота была сведена в три полка:

1) Корниловский Ударный полк, — в него были влиты: партизанский офицерский имени Генерала Корнилова батальон полковника Симановского четырехротного состава, около 500 штыков, составивший 1-й батальон полка. Небольшого состава Георгиевская рота полковника Кириенко была влита в 3-й батальон полка. Полк развернулся в три батальона.

Его командный состав: командир полка Генерального штаба полковник Неженцев. Помощник командира полка капитан Скоблин. Адъютант поручик князь Ухтомский. Начальник связи капитан Морозов. Начальник хозяйственной части капитан Гавриленко.

Командир 1-го батальона полковник Булюбаш, бывший начальник Павловского военного училища. Командир 1-й офицерской роты капитан Миляшкевич, командир 2-й офицерской роты штабс-капитан князь Чичуа, командир 3-й офицерской роты штабс-капитан Пух, Роман Филиппович, командир 4-й офицерской роты капитан Пиотровский.

Командир 2-го батальона полковник Мухин. Командир 5-й роты штабс-капитан Томашевский, командир 6-й роты штабс-капитан Петров, командир 7-й роты поручик Салбиев.

Командир 3-го батальона полковник Индейкин. Командир 9-й роты капитан Лызлов, командир 10-й роты штабс-капитан Мамыкин.

Командир пулеметной роты есаул Милеев, помощник — капитан Рябинский.

Численный состав — тысяча сто человек, при 12 тяжелых пулеметах. Остальные 20 были переданы в другие части.

2) Офицерский полк.

Командир полка Генерального штаба генерал-лейтенант Марков. Три батальона разного состава, кавказского дивизиона и Марковской морской роты.

О пулеметах в томе 1-м истории Марковцев, на стр. 52, сказано, что их сначала у них вообще не было. В бою под станицей Кореновской добавочно от Корниловцев им были приданы пулеметы.

3) Партизанский полк.

Командир полка Генерального штаба генерал-лейтенант Богаевский (донец). Полк составлен из трех пеших партизанских донских сотен и из остатков Ростовского студенческого полка.

Артиллерийский дивизион.

Командир дивизиона — полковник Икишев. Из четырех батарей 2-орудийного состава.

Инженерный батальон, — чехословацкий.

Управлял им штатский инженер Кроль.

* * *

Всего в Добровольческой Армии оказалось около трех тысяч штыков, двухсот сабель при ста конях и 8 трехдюймовок. Боевые припасы были весьма скудными: шестьсот снарядов и по 200 патронов на винтовку.

Генерал Марков.

Форма Корниловского Ударного полка

Родоначальник Полка — «Первый Ударный Отряд при 8-й Армии» в 1917 году на фронте Великой войны имел общеармейскую форму с

добавлением на левом рукаве ЭМБЛЕМЫ, имеющей сверху по синему фону надпись: «КОРНИЛОВЦЫ». Под ней — череп со скрещенными костями, ниже — два белых скрещенных меча, под которыми рвущаяся граната красного цвета. По краям ЭМБЛЕМЫ — белая каемка.

Подбор цветов: белый, синий и красный обозначает собой Русский национальный флаг. На правом рукаве — черно-красный ударный угольник: черный цвет наверху, красный внизу.

Головным убором были каски французского образца с черепом на них.

С 26 декабря 1917 года все вооруженные силы генерала Алексеева были переименованы в «Добровольческую Армию», в отличие от «Донской» Армии, после чего было приказано всем чинам Добровольческой Армии, включая и Корниловский Ударный полк, носить на левом рукаве УГОЛЬНИК НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦВЕТОВ, то есть под ЭМБЛЕМОЙ.

Генерал Богаевский.

Погоны для ударников состоят из двух равных половин: сверху — черной и снизу красной, с белой опушкой всего погона. Пуговицы белые, серебряные. Фуражки, с переходом в Добровольческую Армию, ударники имели: верх красный, низ черный, с двумя белыми кантами. Шинели общеармейские, но потом должны были быть черными. Петлицы черно-

красные, с белой выпушкой, как на погоне. Пуговицы в один ряд, посередине, серебряные. Ремни белые. Кокарды общеармейские.

Для гг. офицеров

Гимнастерки черные с белым кантом на грудном разрезе и на обшлагах рукавов. Впоследствии предполагалась черная тужурка. Погон серебряный с белой выпушкой, просвет черно-красный, на погоне Шефская серебряная буква «К». Шаровары черные, галифе, с белым кантом. Фуражки, как и у ударников, но с тремя белыми кантами и с черным козырьком. Шинель предполагалась в будущем черной.

Погоны: походные, как и у ударников, а парадные — серебряные, с Шефской буквой «К».

Описание нагрудного знака Полка, утвержденного в эмиграции

Серебряный, с равными сторонами крест, покрытый черной эмалью с белой каймой по краям сторон. Этот крест положен на Знак 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода, изображающий терновый венец с положенным на него мечом, сделанный из оксидированного серебра с золотой рукояткой меча. На самый же крест, на его центр, положена полковая эмблема, сделанная, для удобства, из серебра.

Жетон Корниловского Ударного полка

Жетон серебряный, штампованный, и представляет собой копию эмблемы Полка с той только разницей, что рукоятки мечей опущены вниз и под ними надпись: «1917-18». Оборотная сторона гладкая, носится на цепочке. Размер 2 1/2 см.

Жетон
Корниловского Ударного
полка

Жетон был утвержден еще в России, а ЗНАК — в Париже, в 1932

году, когда на балу 1 мая Корниловцы преподнесли его за № 1-м своему командиру полка.

* * *

В станице Ольгинской был окончательно решен вопрос о дальнейшем движении Добровольческой Армии. Приводимая выписка из книги генерала А. П. Богаевского «Первый Кубанский поход» точно освещает это.

«В станице Ольгинской был решен вопрос о дальнейшем нашем движении в задонские степи, на зимовники. Корнилов принял это решение без ведома Генерала Алексеева. Последний, узнав об этом, настоял на том, чтобы был собран военный совет старших начальников для детального обсуждения этого вопроса. Мнения на совете разделились. Большинство стояло за движение на Кубань, где предполагалось найти еще не тронутые большевизмом станицы, сочувственное настроение населения и достаточное количество продовольствия. Екатеринодар был еще в руках кубанской власти, у которой было, по слухам, много добровольцев. Соединение с ними должно было значительно усилить Добровольческую Армию. Меньшинство, в том числе Корнилов и я, верили в то, что Дон скоро поднимется, испытав на себе всю прелесть советской власти, а потому не стоит идти так далеко, не зная еще точно, как нас встретят на Кубани. Опасения за то, что на богатых зимовниках мы не разместимся и будем голодать, казались нам неосновательными, а надежда на соединение с походным Атаманом, генералом Поповым, который двигался туда с донцами, еще более укрепляла нас в мысли о целесообразности движения на зимовники. Однако победило первое мнение — решено было идти на Кубань. Вечером 13 февраля в Ольгинскую приехал походный Атаман генерал Попов, с своим начальником штаба полковником В. И. Сидориным. Отряд генерала Попова насчитывал около 1.500 бойцов, главным образом конных, 5 орудий и 40 пулеметов. Приезд генерала Попова и его убеждения склонили Генерала Корнилова двинуть добровольцев на зимовники, и наш конный авангард, стоявший в станице Кагальницкой, по его приказанию был готов двинуться на восток. Однако, ввиду все же затруднительности размещения по квартирам обоих отрядов и снабжения их продовольствием, было решено не соединяться, а идти параллельными дорогами, поддерживая между собой надежную связь.

Утром 14 февраля мы выступили из Ольгинской. Со своими хозяевами я расстался без особого сожаления: **сварливая хозяйка представила счет за наше пребывание, а хозяин, старый урядник, часто приставал ко мне, прося совета, — идти ли ему с нами или нет, оседлал коня, выехал за станицу, но раздумал и вернулся.**

Больно было видеть уходящую куда-то в неизвестную даль нищую Добровольческую Армию и тут же, рядом, стоящих у своих домов почтенных, хорошо одетых казаков, часто окруженных тремя-четырьмя сыновьями, здоровыми молодцами, недавно вернувшимися с фронта. Все они смеялись, говорили что-то между собой, указывали на нас. **Проходя мимо одной такой особенно многочисленной семейной группы, я не выдержал**

и громко сказал: «Ну что же, станичники, не хотите нам помогать, — готовьте пироги и хлеб-соль большевикам и немцам. Скоро будут к вам дорогие гости». «На всех хватит», ответил мне при общем смехе семьи отец, пожилой, бородатый казак. Я оказался пророком: проезжая после ледяного похода в начале мая из Мечетинской станицы в Новочеркасск, на круг Спасения Дона, я был остановлен у станицы Ольгинской заставой германского пехотного полка. На окраине станицы немцы рыли окопы и ставили пулеметы».

В книге «Марковцы в боях и походах за Россию» вышеизложенное имеет другое освещение (см. стр. 128).

«Генерал Корнилов задержал свою Армию вблизи Ростова не только для того, чтобы ее переформировать и дать ей отдых, но, главное, чтобы не оторваться далеко от Новочеркасска, из которого уходил в степи отряд походного Атамана генерала Попова. Теперь казалась бесспорной общность судьбы Добровольческой Армии и донского отряда и общность их дальнейшей цели и, как следствие, — их полное объединение. Но потребовалось время для переговоров, в конце концов все же не приведших к положительным результатам. **Генерал Попов решил не оставлять территории Дона, а Генерал Корнилов не находил оснований оставаться на Дону, так как не видел никаких надежд на скорое оздоровление донцов.** Для Добровольческой Армии положительное решение этого вопроса устраняло бы и некоторую тревогу, вызываемую тем, что почти треть ее состава были донцы. Но этого не произошло: они остались с Генералом Корниловым. Из них, партизан мелких отрядов, был сформирован Партизанский (Алексеевский пехотный) полк, командиром которого был один из лучших донцов, — Генерального штаба генерал-лейтенант Богаевский. Сформированные два конных эскадрона тоже состояли главным образом из донцов.

(Не принято было рядовому офицеру рассуждать ни в Императорской Армии, ни в Добровольческой, но я все же позволю себе зафиксировать, как переживали это расхождение двух естественных союзников перед лицом общего беспощадного врага окружавшая меня среда и я сам. Снова, чтобы дать читателю возможность оценить реальность передаваемого мной, я должен указать на степень моего военного развития для этого. В Великую войну я с декабря 1914 г. — командир роты, около полутора лет «временно» или «за» командовал батальоном, в составе 178-го пехотного Венденского полка принимал участие в подавлении первого восстания большевиков в Петрограде в июле 1917 г., после, по Корниловской линии, ездил на Кавказ и Дон, в рядах Добровольческой Армии, до первого Кубанского похода, два раза ездил по тылам красных, один раз благополучно, а во второй раз был ранен кинжалом. В поход выступил в составе 3-й офицерской роты Корниловского Ударного полка на положении рядового. Принимал участие в пресловутой комиссии по регистрации скопившегося в Ростове офицерства. Все это вместе взятое дало мне возможность не только представлять себе реальную силу нашего врага, но и оценивать наши возможности. В нашем бывшем партизанском офицерском батальоне, ныне 1-м батальоне Корниловского Удар-

ного полка, расхождение сил Генерала Корнилова и генерала Попова переживалось очень тяжело и часто потом вспоминалось недобрым словом. Коллективное или личное решение Генерала Корнилова идти на Кубань

Сестра милосердия Полина Феодоровна Бешенова Георгиевского полка, влитого с выступлением в первый Кубанский поход в Корниловский Ударный полк.

считалось у нас самым целесообразным. Для руководства мысли об этом вспомним оценку каждого боя вообще Генералиссимусом князем Кутузовым: «Бой важен не сам по себе, а своими последствиями» Тогда Все-

великое Войско Донское блистательно провалилось, выстрел их выдающегося Атамана генерала Каледина точно определил это, и что мог сделать генерал Попов со своих зимовников и без базы? Действительность показала, что морально он, быть может, на какую-то часть Дона повлиял, но активности не проявил, потому что просто не мог ее проявить. И выступил только тогда, когда «товарищи» допекли казаков. Теперь коснемся вопроса, чего они тогда нас лишили и как мы это тогда себе пред-

Первопоходник 3-й роты
Корниловского Ударного полка
сестра Дина Романовна Дю-Буа
и доктор Буров.

ставляли: 1) Самым существенным тогда для нас было — это простое увеличение на одну половину нашей Добровольческой Армии; 2) При наличии двух Верховных Главнокомандующих генерал Попов, безусловно, им бы подчинился, что до него уже сделали выдающиеся генералы и офицеры Дона, а с этим создалось бы единство командования; 3) Две трети

отряда генерала Попова составляла конница, которой Добровольческая Армия почти не имела, а это получилось бы: 1.500 донских плюс 300 наших, а всего 1.800 шашек. Если к этому прибавить 5 донский орудий и 40 пулеметов, то всякий ефрейтор поймет, что мы тогда не просто бы отбрасывали противника, а уничтожали бы его. Кубанская Армия не ушла бы из Екатеринодара до нашего прихода, и была бы полная уверенность, что и Новороссийск был бы наш, - это окно к союзникам, которые для создания заслона против немцев дали бы нам много. **Вот что мы тогда потеряли с уходом степняков генерала Попова.**

Одна из старейших сестер милосердия 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода Варвара Сергеевна Левитова.

Я и теперь уверен в том, что при такой ситуации Дон безболезненней сбросил бы с себя иго красных, а нам при обратном наступлении оказал бы неоценимую услугу полного разгрома армии красных, представляя собой враждебно-активный их тыл. Да, февраль керенских полностью разложил Российскую Империю своими свободами, товарищи после только легко подбирали черепки когда-то славной Российской вазы.

Многие тысячи офицеров, скопившихся и болтавшихся в Ростове, и теперь нежелание генерала Попова соединиться с Добровольческой Армией оставили тяжелое впечатление среди ударников Генерала Корнилова. Полковник Левитов).

14 февраля 1918 г., в яркое солнечное утро Добровольческая Армия выступила из Ольгинской. В авангарде — Офицерский полк, Корниловский Ударный — в главных силах, Партизанский — в арьергарде. Корниловский офицерский партизанский полковника Симановского батальон

теперь составляет 1-й батальон Корниловского Ударного полка, он горд этим и старается в новом положении держать себя достойно. Надо полагать, что мы произвели хорошее впечатление на полковника Неженцева, так как батальон не слышал от него никаких наставлений или поучений. Вновь назначенный командиром батальона полковник Булюбаш, в прошлом начальник Павловского военного училища и, как говорят, быв-

В белом — сестра первопоходница Леля.
В черном — сестра Ася Гайдукова.

щий грозою юнкеров, держал себя у нас достойно и строго официально. С этого дня для батальона открылась его славная страница служения Родине в составе Корниловского Ударного полка. Весь состав его состоял из офицеров — добровольцев, пробравшихся на Дон через красные рогатки чудом, был он чисто офицерским и имел в своих рядах евреев-прапорщиков производства Керенского. Все они держали себя отлично и все

пали смертью храбрых в первом же походе. Сестрами милосердия были: в 1-й роте сестра Шура, во 2-й роте — курсистка Ростовского медицинского института Варвара Сергеевна Васильева (была три раза ранена; вышла в 1920 г. замуж за полковника Левитова, живет в Париже). В той же роте была и сестра Таня Кунделекова, убитая в 1919 г. под город. Купянском. В 3-й роте — сестра Дина Романовна Дюбуа, швейнарка, скончалась в Париже в 1962 г. Фамилия сестры милосердия 4-й роты осталась неизвестной. Во 2-м батальоне сестрой была Полина Федоровна, по мужу Бешенова, в 1969 г. жила в Париже, бывшая сестра Георгиевского полка. В пулеметной роте — Анна Константиновна Чубарина.

Сестра первопоходница Лена

Отношение к Генералу Корнилову: в офицерском батальоне было принято, когда на походе приближался Генерал Корнилов, мы шли в ногу и по-ротно, по мере его приближения подавалась команда «Смирно!» с равнением в его сторону. До нашего перевода в ряды Корниловского Ударного полка и теперь, будучи в его рядах, все мы были проникнуты к своему Шефу чувством глубокой преданности и восторга, доходившими до самозабвения и понятными только в отношении Вождей «Божией милостью», каковым и был для нас Генерал Корнилов.

Мы знали и Генерала Алексеева, его службу Царю и Родине, относились и к нему с отданием должного его рангу, но чувства энтузиазма он в нас не вызывал. Быть может, этому содействовало воздействие на нас звериных условий гражданской войны, где все чувства притупляются. Подобного рода чувство истинного восторга я испытал при встрече Государя Императора Николая Александровича в Вильно, в 1914 году, во время боев в Восточной Пруссии, и потом к Генералу Корнилову. Свежесть этого чувства сохраняется у меня и до сего дня.

15 февраля 1918 года. Ночевка в станице Хомутовской

Перед выступлением Армии красные, желая войти с нами в соприкосновение, сделали налет на наше охранение силой до двух эскадронов с пулеметами и одним орудием. Части по тревоге стали выстраиваться, и каждая от себя высылала заслон — от Корниловцев была послана 3-я офицерская рота — и противник быстро скрылся. В нашей кавалерии был один убитый и один раненый шашечными ударами. Со стороны красных действовали эскадроны 4-й кавалерийской дивизии старой Армии. Эта тревога была экзаменом для обоза, который хотел куда-то удирать, но быстро был приведен в порядок. Непролазная грязь выматывала силы, но настроение было бодрым. Об этом переходе в книге Марковцев говорится: «Для меня навсегда осталось загадкой, на чем базировался каждый из нас в своей бесконечной вере в Генерала Корнилова, и каким образом он чувствовал эту нашу веру в него? Тот, кому не пришлось в своей жизни видеть природного Вождя, никогда не поймет нашего чувства, нашей веры в него». Все это, быть может, выявилось очень просто и естественно: ведь недаром говорится, что «война родит героев». При отличной подготовке мирного времени Генерал Корнилов во время японской и Великой войн выдвигается в герои, а так как к его военной деятельности после революции ему по занимаемой им должности Верховного пришлось соприкоснуться и с политикой, то это и выдвинуло его на положение Вождя, и не простого, а выступившего на защиту самого бытия России в самый тяжелый для нее момент, хорошо нам известный.

До Ростова я не видел Генерала Корнилова, но шел за ним с момента предательства его Керенским.

Двадцать тяжелых верст пройдены. На окраине станицы Кагальницкой Генерал Корнилов пропускает свою Армию, все подтянулись и с восторгом приветствуют своего Вождя.

Остаток дня 15 февраля и 16-е провели в станице Кагальницкой, а 17 февраля перешли в станицу Мечетинскую.

Эти дни Армия шла по трудной дороге, но спокойно. За эти дни были получены сведения о районе зимовников, выяснившие бедность района средствами и жилыми помещениями, разбросанными на значительном расстоянии, что для нас было опасно в отношении связи. Это заставило Генерала Корнилова окончательно решиться на движение на Кубань, о чем им было объявлено в станице Мечетинской. Донские партизаны, имевшие возможность двинуться на присоединение к отряду генерала Попова, решили идти дальше с Добровольческой Армией.

Походному Атаману генералу Попову было послано предложение присоединиться к нам и идти дальше вместе, но генерал Попов не согласился, мотивируя свой отказ желанием донцов не уходить с Дона и дождаться на зимовниках его пробуждения. Этот отказ произвел на добровольцев тяжелое впечатление: отходил в сторону естественный союзник и положение становилось затруднительным, главным образом ввиду отсутствия у нас конницы.

Было мнение, что этому соединению помешало и честолюбие гене-

рала Попова, который знал, что Генерал Корнилов потребует рано или поздно подчинения себе «степного отряда» во имя единства командования — азбуки военного дела. Как бы то ни было, оба отряда разошлись

СХЕМА №4.

БОЙ У СЕЛ. ЛЕЖАНКА СТАВР. ГУБ.
21 ФЕВРАЛЯ 1918 Г.

в разные стороны и впоследствии действовали самостоятельно, без всякой связи друг с другом. (Это выписка из книги генерала Богаевского, в описываемый период командира Партизанского полка с небольшой груп-

пой офицеров и добровольцев Дона. Он понимал, что самостоятельно Дону, помимо Добровольческой Армии, не справиться с большевизмом).

Станица Мечетинская встретила нас приветливо, они еще не знали, что значит слово «месть большевиков».

Но вот другой пример в определении отношения к нам: в маленьком хуторке, в бедной крестьянской избе, на вопрос офицера: «А что, дед, ты за кого, — за нас, кадет, или за большевиков?» — старик хитро улыбнулся и отвечал: «Кто из вас победит, за того и будем».

Дед не ошибся в своем определении отношения русского народа к начавшейся гражданской войне, — право силы тогда решало все.

18 февраля: переход в станицу Егорлыцкую, последнюю станицу Донского Войска, находящуюся у станции Атаман, на линии железной дороги Батайск-Торговая.

21 февраля. Из Егорлыцкой Добровольческая Армия идет в село Лежанка, Ставропольской губернии. Холода сменились хорошей погодой, дороги подсохли и все приободрились. Шли бодро не только под влиянием погоды, но и потому, что был возможен бой с частями 39-й пехотной дивизии, только что бросившей турецкий фронт и расположившейся в Ставропольской губернии, терроризируя население. В авангарде — Офицерский полк, в главных силах Армии — Корниловский Ударный полк и юнкерский батальон, обозы и Партизанский полк — в арьергарде. Верстах в трех от селения дорогу Армии пересекал невысокий гребень, перед самым селением протекала река с дорожным мостом через нее и в версте вправо с плотиной против кирпичных печей; по берегам реки росли кусты и камыш, а само село стояло на бугре за рекой.

Появление Офицерского полка на гребне вызвало артиллерийский огонь противника по колонне; сначала редко, но потом все чаще рвались шрапнели-журавли смехотворно высоко в небе. По приказу Генерала Корнилова Офицерский полк пошел прямо на мост и правее его Корниловский Ударный с юнкерским батальоном на гать с кирпичными печами правее дороги. Партизанский полк шел левее Офицерского, составляя резерв Армии. 1-й офицерский батальон Корниловского Ударного полка развернулся центром на гать, шли спокойно по совершенно ровному полю озимой зелени. Красные стреляли редко, пулеметного огня не было. С приближением к гати и кирпичным печам с их громадными складами закрадывалось предположение, что товарищи подпустят нас к самой реке и перестреляют, как куропаток. Цепи заметно прибавляют шаг, купаться никому не хочется, а потому все берут направление к гати, ближайшие цепи сгущаются. 3-я офицерская рота уже бежит на переправу, наши пулеметы открывают огонь по окопам противника и помогают нам без задержки перескочить на ту сторону реки и занять кирпичные печи. Противник, не оказывая сопротивления, убегал к церкви. Корниловцы заняли западную часть села и вышли на южную. Пленных не брали, но патронов и винтовок собрали много. Жителей почти не было, только около изб безучастно бродили военнопленные австрийцы. Бой закончился быстро, стремительной лобовой атакой Офицерского полка с обходным движением Корниловцев и юнкеров. Противник был просто раздавлен, оставив

Офицерскому полку батарею с офицерами в погонах. Генерал Корнилов от начала наступления и до взятия гати находился со своим полком.

Интересен взгляд на этот бой генерала А. П. Богаевского:

«План боя был очень прост, да и трудно было предпринять здесь сложный маневр в наших несложных условиях. Он вполне соответствовал обстановке и заключался в решительном ударе с фронта с обходом фланга. Верховному Главнокомандующему, еще не так давно управлявшему 10-миллионной Армией, пришлось под Лежанкой решать одну из боевых задач, какие мне приходилось давать в окрестностях Красного Села юнкерам Николаевского кавалерийского училища, где я десять лет был преподавателем тактики. И он решил ее на 12 баллов (на «отлично»). Бой под Лежанкой был первым для Добровольческой Армии боевым экзаменом, и она блестяще его выдержала. Почти все остальные многочисленные бои похода имели такой же характер и план.

Но уже в этом бою ярко сказался недостаток у нас конницы: ни хорошей разведки, ни энергичного преследования не было. И в других боях мы постоянно это чувствовали.

Впервые за поход были в этом бою взяты в плен и преданы военно-полевому суду несколько офицеров-артиллеристов 39-й артиллерийской бригады. Суд их осудил, но помиловал, поверив тому, что они были взяты красными насильно, державшими их семьи заложниками. В Лежанке Генерал Корнилов приказал, для отличия от большевиков, нашить полоску белой материи на папахи и фуражки».

В этом бою, на участке Офицерского полка были убиты два конных в погонах. Один из них оказался прапорщиком Варваринского полка. При возвращении Добровольческой Армии на Дон через Лежанку офицеры видели его могилу с надписью: «Барон, прапорщик Борис Николаевич Лисовский».

Здесь я считаю своим долгом дать объяснение выражению: «Здесь впервые в бою под Лежанкой были взяты пленные».

К великому сожалению, на самом деле так это и было в самом начале гражданской войны. Истоки этого озверения имеют свое начало с пресловутой «февральской бескровной революции», прославившей себя зверствами матросов Балтийского флота, а потом и Черноморского, перешедших потом и на весь фронт Великой войны. С момента прихода к власти Ленина эта каинова мясорубка приняла грандиозные размеры, особенно со стороны опять-таки матросов, наемных палачей латышских и эстонских дивизий, знаменитого по своей жестокости организатора ленинской «Чека» — польского дворянина Дзержинского и персональных виртуозов по жестокости — китайцев, снимавших перчатки с кистей рук после опускания их в кипяток, венгров, под водительством известного палача Бела-Куна, Саенко — украинского чекиста и других, имя же им легион. Имел удовольствие тогда и я попасть в лапы этих изуверов в уже описанный мною переезд на Дон. От их же рук погибла не одна сотня пробиравшихся туда Корниловцев и добровольцев. Конечно, эти зверства вызвали отпор с нашей стороны, русских патриотов, но без изысканных художеств первоклассных палачей «бескровной февральской и непре-

взойденного палача и агента Германии Ленина. Когда мне говорят о «бескровной нашей революции», я всегда отвечаю — пусть эти господа спросят, сколько я видел пролитой крови во славу ее, хотя бы при подавлении первого восстания большевиков в Петрограде. С приходом на Русскую землю царства интернационала Ленина, которого в наши дни ученые мужи собираются провозгласить «величайшим гуманистом нашего века», эта карающая мера приняла широкий размах, где по желанию Ленина истреблялись люди не по персональной их верности России, но по принадлежности к сословию, которое было намечено к уничтожению. Помимо лично виденных мною зверств в Кронштадте, Петрограде и на станции Зверево, где я по милости судьбы был спасен, мне пришлось видеть эту дьявольскую жестокость, когда я находился в рядах партизанского офицерского отряда полковника Симановского, под станцией Хопры и в селе Батайске, около Ростова, где нашим раненым, захваченным большевиками, отрезали уши, языки и т. п. и в таком виде оставили их нам. Мы тогда просились в карательный набег, но нас не пустили, по-видимому уже начался наш отход из Ростова.

Латыши с первых дней революции были главной опорой Ленина. Это они ликвидировали очаги нашего сопротивления на всех фронтах и, начиная с первых дней своих подвигов, прославили себя жестокостью и грабежами. Их появление наши разведчики определяли по разграбленным церквам и разрытым могилам. Такова по жестокости была и дивизия Сиверса, которая тогда действовала под станцией Хопры в направлении на Ростов. Озверели и мы в те проклятые времена гражданской войны и потому, действительно, в половине 1-го Кубанского похода, от Ростова до Екатеринодара, в плен не брали. Это на деле выражалось в том только, что мы проходили, не пристреливая, мимо тех, кто просто лежал, быть может симулируя, но в бегущих от нас велась стрельба. За этот же отрезок времени наши раненые, попадавшие к большевикам, все бывали перебиты, а труп Генерала Корнилова после издевательств сожгли и выстрелили из пушки. В дальнейшем в Добровольческой Армии расстреливали большевиков из карательных отрядов, партизан и прославивших себя жестокостями в отношении наших пленных. Таковыми были тогда нравы гражданской войны. Полковник Левитов.

23 февраля — начало похода на Кубань

Стояла чудная теплая погода, дорога подсохла, колонны шли бодро и образцово. 12 верст прошли незаметно, и Армия расположилась в станице Плосской. Никто из жителей станицы не бежал от нас, казаки встретили нас приветливо и радушно: страха перед пришедшей Армией они не испытывали, кормили нас хорошо, и многие отказывались от платы за стол. Село Лежанка и станица Плосская на расстоянии только 12 верст друг от друга, но уже две разные психологии: крестьянская и казачья. Генералы Корнилов и Алексеев собирали сходы и призывали казаков помочь нам. Старики нам сочувствовали, но записывалось мало. Один степенный казак все жаловался на то, что Генерал Корнилов не объявляет

мобилизации: «Кто своей охотой пойдет с вами, у того большевики начисто разорят все хозяйство. А коли мобилизуете, родственники говорить будут — Корнилов забрал казаков силой, ну смотришь, их хозяйство и не тронут».

24 февраля Армия вошла в станицу Незамаевскую. Удачный бой под Лежанкой сильно поднял дух и укрепил веру в успех. Погода стояла хорошая, кормили тоже хорошо, к походам привыкли, а потому теперь не задерживались и ежедневно шли к намеченной цели — в Екатеринодар. Здесь старики проявили к нам особое уважение и дали пешую и конную сотни.

25 февраля, на походе, арьергарду — чехо-словацкому батальону — пришлось отбить атаку красной кавалерии, нанеся ей большие потери. За это дело Генерал Корнилов выдал батальону 5 тысяч рублей. Мы были недалеко от Владикавказской железной дороги, а потому, пройдя только 15 верст, Армия остановилась в станице Веселая. Неожиданно было объявлено выступление в 22 часа с указанием цели — перехода железной дороги и с приказанием соблюдать все меры предосторожности. Чтобы обмануть бдительность противника, мы двигались сначала на запад, на станицу Платовскую, а потом, после короткой остановки в хуторе Упорном, круто свернули на юг. Ночью нас никто не тревожил. В авангарде шли Офицерский полк, техническая рота, юнкерский батальон и батарея. При переходе речки Тихонькая Армия потеряла на починку гати два драгоценных часа. Железную дорогу стали переходить в ясное, солнечное утро, у станицы Ново-Леушковской. Армия переходила через переезд, красные это заметили, и их бронепоезд с дальнего расстояния (были подорваны рельсы) часто, но безрезультатно посылал свои снаряды. Хуже было на станции, которую заняли Корниловцы, прикрывая наш переход. Огонь бронепоезда не давал нам покоя, и только усилиями нашей батареи он был отогнан. Это был наш первый переход через железную дорогу. Отойдя 10 верст от железной дороги, Армия остановилась в станице Ново-Леушковской. За этот переход полк сделал более 60 верст, все устали и были рады отдыху. Ночью на нашу заставу Корниловского Ударного полка вышла колонна красных, без всякого охранения, с повозками, груженными оружием. Корниловцы их подпустили и расстреляли. Красные оставили на месте около ста трупов и повозки с винтовками и патронами.

27 февраля Корниловский Ударный полк в составе Армии перешел в станицу Ирклиевскую.

28 февраля Армия отдыхала. Всех интересовала Кубанская Армия, соединение с которой было целью нашего похода. Основным же пока вопросом являлось выяснение отношения к нам кубанцев: дадут ли они пополнение Добровольческой Армии или нет? Пока что мы видели только около трехсот добровольцев и хороший стол, а прошли ряд богатых больших станиц.

1 марта 1918 г. Корниловский Ударный полк в арьергарде Добровольческой Армии выступил в 17 часов, направление на станицу Березанскую. При подходе к станице выяснилось, что река пересекает ее и что перед нами шесть линий окопов противника. Головной в походном охра-

нении шла 2-я рота. Не успели цепи роты показаться на гребне перед окопами противника, как находившийся впереди командир роты, штабс-капитан князь Чичуа, был убит. В цепи при известии об этом снимали фуражки и крестились. Князь Чичуа был одним из первых добровольцев, явившихся к полковнику Неженцеву в Первый Ударный Отряд при 8-й Армии. Несколько человек отделились от роты и пошли за телом князя. Его положили поперек седла и повели коня под уздцы. Не верилось, что это качающееся, обвисшее тело — тот самый князь Чичуа, красивый мингрелец, который еще так недавно лихо джигитовал на этом же коне, или, радостный и улыбающийся, танцевал по кругу лезгинку.

Генерал Корнилов дает задачу полку: ударом в левый фланг противника сбить его, а из главных сил Офицерский полк разворачивается и идет прямо по дороге. Безостановочное движение Корниловцев с явным охватом левого фланга и выход Офицерского полка на гребень перед окопами настолько потрясли красных, что они стали бежать из своих окопов, не задерживаясь в резервных. Потери в полку: один убит и несколько раненых, но противник хорошо поплатился. Будь здесь у нас кавалерия, вся эта громадная толпа красных была бы уничтожена. На стороне красных были и местные молодые казаки, которые были захвачены нами и которым за их позор станице старики устроили настоящую порку.

2 марта 1918 г. из станицы Березанской Добровольческая Армия переходит в хутор Журавский, а Корниловскому Ударному полку приказано со 2-ой и 3-ей батареями выступить в 8 часов, перейти через станцию Выселки, выбить оттуда противника и, оставив там конный дивизион полковника Гершельмана, ночевать в хуторе Малеванном. При подходе полка к станции Выселки красные открыли артиллерийский огонь, но блестящей атакой 3-го батальона полковника Индейкина станция была взята. Наши потери — 10 человек, а трофеи — 30 пленных, два зарядных ящика и 4 пулемета. Полку был дан привал на три часа, после чего он выступил на хутор Малеванный, передав оборону станции конному дивизиону полковника Гершельмана. На место назначения полк прибыл в 19 часов, за это время красные выбили конный дивизион, и потому Корниловцы выставили заставы на станицу Кореновскую и станцию Выселки. Получилось опасное положение, и Генерал Корнилов решил отбросить нависшего над левым флангом Армии противника. Для этой цели были назначены: Партизанский и Офицерский полки с приданными последнему 5-ой и 6-ой ротами Корниловского Ударного полка под командой полковника Мухина.

3 марта атака Партизанского полка генерала Богаевского не удалась и только повторной атакой с подошедшими Офицерским полком и двумя ротами Корниловцев красные были разбиты. Отряд матросов в 150 человек был полностью уничтожен, красные понесли жестокое поражение, но и мы не были рады своей победе: из одного только Партизанского полка выбыло более 80 человек, — большинство из них убитыми, 33 из коих там же похоронили в братской могиле. Среди выдающихся партизан-донцов были убиты полковник Краснянский и есаул Власов. Чернецов-

цы тоже понесли здесь большие потери. На место полковника Краснянского был назначен полковник Писарев (командир 1-го корпуса в 1920 году). Во время этого боя Генерал Корнилов был в цепях и подвергся обстрелу из пулеметов. Ожесточение в этом бою объясняется тем, что помимо бывшей здесь большой группы матросов, участие в нем принимали части 39-й пехотной дивизии и, что хуже всего, кубанские казаки.

Генерал Богаевский так описывает критический момент отражения его полка красными: «В резерве у меня остался еще отряд есаула Лазарева, уже подошедший в это время к полю сражения. В случае контратаки противника этих сил не хватит для ее отражения. Оглядываюсь назад со своего кургана, но помощь уже близка: сзади, по обеим сторонам дороги, быстрым шагом, не ложась, двигались цепи генерала Маркова, за ними вдали видна конная группа с трехцветным флагом над ней, — то был Генерал Корнилов со штабом. На горизонте, со стороны хутора Малеванного быстро идет густая цепь, заходя во фланг и тыл противника, — очевидно Корниловцы полковника Мухина. Большевики растерялись и стали разбрасывать свой огонь. Одновременно бросились в атаку с криком «ура!» все другие наши части. Я подъехал к группе Генерала Корнилова, и мы вместе поехали вдоль железной дороги. Валялись трупы красных, стонали раненые. В одном месте мы попали под сноп пуль и были вынуждены переждать. При этом был ранен в ногу мой начальник штаба ротмистр Чайковский. Особенно жалко было мне несколько мальчиков — кадет Донского корпуса, погибших в этом бою... Какими молодцами шли они в бой! Для них не было опасности, точно эти дети не понимали ее. И не было силы оставить их в тылу, в обозе. Они все равно убежали бы оттуда в строй и бестрепетно шли в бой».

5-ая и 6-ая роты под командой полковника Мухина после взятия станции Выселки вернулись к Полку на хутор Малеванный. Здесь к полковнику Неженцеву приезжала депутация казаков станицы Кореновской с просьбой перейти полку в их станицу, чтобы не дать занять ее большевикам, приближающимся со стороны г. Екатеринодара. Исполнить просьбу не было возможности из-за общей обстановки, так как станция Выселки в этот момент была занята большевиками. Отношение кубанцев к нам тоже было довольно странным: в массе они радовались нашему приходу, кормили хорошо, часто отказывались от платы, но... позволяли своим симпатизирующим большевикам сражаться против нас в рядах красных, сами же давали ничтожное количество добровольцев нам и... очень охотно просили поскорей разбить большевиков и спасти их от грабежа и мести. Получалось так, что они хотели, чтобы кто-то за них все сделал, а они бы снова зажили привольно и счастливо, в мире и довольстве. Нам это было просто дико! Мы преклонялись перед теми кубанцами, которые, подобно немногим патриотам Дона, шли с нами в неизвестность.

Потери 5-ой и 6-ой рот при втором наступлении на станцию Выселки — 7 человек раненых. В станице Журавской Генерал Корнилов получил сведения, что как раз в этих местах кубанская правительственная Армия под начальством генерала Покровского понесла сильный урон в бою

с большевиками, покинула Екатеринодар и двинулась куда-то в предгория Кавказа. План Генерала Корнилова неожиданно рушился и в тот самый момент, когда добровольцы были от Екатеринодара всего в 80 верстах. Снаряды у добровольцев иссякли, непрерывные переходы измотали людей и лошадей. Положение становилось крайне тяжелым, но не таков был

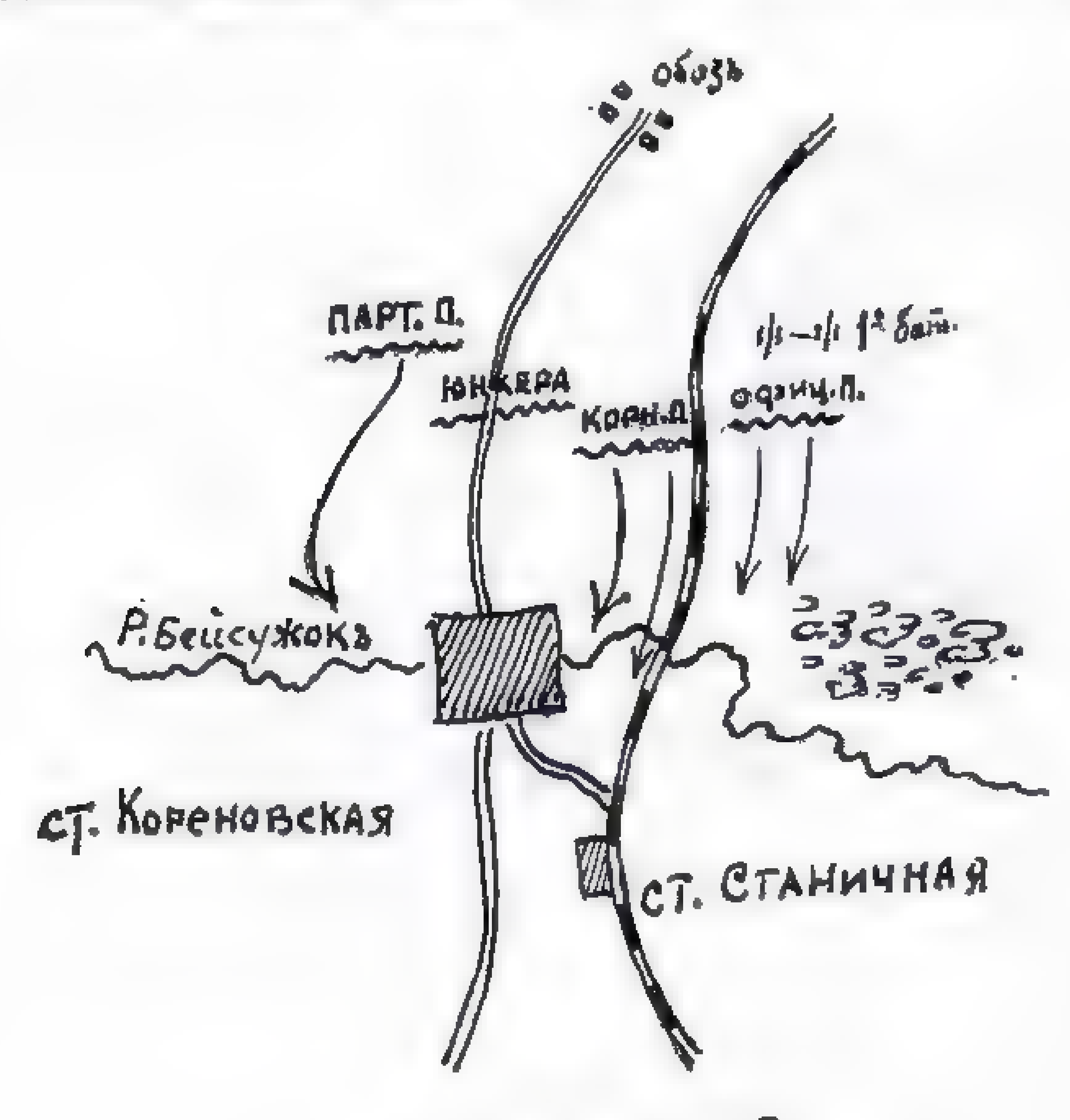


СХЕМА № 5.

Бой подъ ст. Кореновской
4 Марта 1918 г.

Генерал Корнилов, чтобы падать духом. Он знал своих Корниловцев, верил добровольцам и по его приказу 4 марта вся Армия снова двинулась вперед, на станицу Кореновскую. В ней была сосредоточена Таманская армия Сорокина в 14 тысяч штыков с большим количеством орудий и

бронепоездов. Свои боевые запасы Генерал Корнилов рассчитывал пополнить здесь.

4 марта. Бой у станицы Кореновской. О занятии станицы Кореновской армией Сорокина добровольцы знали, но наша малочисленная конница, к тому же на плохих конях, не решалась выдвигаться далеко вперед, и поэтому расположение противника не было выяснено. Корниловский Ударный полк получил для наступления участок: дорога на хутор Журавский — станица Кореновская включительно и до железнодорожного моста исключительно. Правее Полка и в авангарде движения был юнкерский батальон генерала Боровского, левее Корниловского Ударного полка и уступом назад — Офицерский полк, для которого железная дорога была включительно.

Партизанский полк генерала Богаевского — в резерве, с чехо-словаками и батареей полковника Третьякова. Станица и станция с участка нашего Полка не были видны, их скрывал от нас пологий бугор, между которым и станцией протекала неизвестной нам глубины река с мостом по нашей дороге и с железнодорожным солидным мостом на нашем левом фланге. За Корниловским Ударным полком находился Генерал Корнилов со штабом. Движение Офицерского полка было видно с нашего левого фланга: сначала полк шел по железной дороге и потом разворачивался влево, имея штаб полка в будке. Юнкерский батальон генерала Боровского, шедший в авангарде, прямо с хода развернулся и быстро пошел вперед. Артиллерия противника открыла по батальону сосредоточенный огонь. Правый фланг Корниловского Ударного полка, седлая дорогу, немного отставал от юнкеров, но середина его и левый фланг, а особенно 3-я офицерская рота, невольно приняли положение уступами назад и поэтому к окопам противника первыми стали подходить правофланговые части, не ожидая выравнивания общего фронта. Естественно, что поэтому юнкерский батальон и правый фланг Корниловского Ударного полка попали под сосредоточенный ружейный и пулеметный огонь, который стал буквально косить наши цепи. Это заставило наше командование остановить юнкеров под огнем, чтобы они не стали жертвой изолированного уничтожения. С подходом правого фланга Корниловского Ударного полка на линию юнкеров, они снова бросились в атаку, но силы правого фланга Корниловского Ударного полка были уже расстроены огнем противника, красные это видели и еще невиданными нами массами бросились в контратаку, и наши стали отступать. Здесь интересно привести описание этого момента генералом Богаевским, командиром Партизанского полка, находившегося в резерве Армии:

«Подтянув свои части к обозу, я спокойно наблюдал за ходом боя, думая, что, судя по началу, мне, как под Лежанкой, едва ли придется принять в нем участие. Однако, к своему удивлению, я неожиданно увидел, что юнкера и Корниловцы начинают отходить... Это было в первый раз за этот поход! За ними беспорядочной толпой шли большевики с криками и стрельбой. Артиллерийский огонь стал ураганным. Наступал критический момент боя... Генерал Корнилов, находясь в этот момент в сфере ружейного огня в районе своего полка, прислал мне приказание на-

ступать и атаковать Кореновскую с запада. Видимо, положение создалось весьма тяжелое: в бой было брошено все. Даже наш огромный обоз с сотнями раненых был с моим уходом оставлен без прикрытия. **Общая атака вышла удачной, Кореновка была взята».**

Первоначальное отступление под давлением небывалой массы огня и живой силы противника докатилось и до левого фланга Корниловского полка — до его левофланговой 3-ей роты, где я имел честь служить офицером на положении рядового в отделении доблестного штабс-капитана Доманицкого (убитого потом во 2-м Кубанском походе при взятии станицы Невинномысской) под начальством командира роты лихого штабс-капитана Пух, Романа Филипповича, прозванного «отцом Корниловского порыва». Это отделение штабс-капитана Доманицкого стало отходить не только под впечатлением общего отступления вправо, но под действием сильного пулеметного и артиллерийского огня с фронта и с левого фланга, чуть ли не в тыл, с бронепоезда, появившегося на нашей стороне моста и подошедшего по кустам со стороны Офицерского полка. Отделение отходило спокойно, и когда отступающие цепи полка вышли на линию 3-ой роты, — штабс-капитан остановил отделение в каких-нибудь ста шагах от бронепоезда. Тогда все наше внимание сосредоточилось на нем, так как он своими пушками сильно взвинчивал наши нервы. Между ним и нами, уступом назад на четверть версты, разливалось продолговатое болото, по другую сторону которого мы увидели цепь одних только голов. Мы тогда подумали, что это пластуны-кубанцы так спрятались от бронепоезда, который был отделен от них только полосой кустов. Только в эмиграции, из книги-истории Марковцев мы узнали, что это были не кубанцы, а тоже одно отделение 1-ой роты Офицерского полка. В версте позади, в будке, был их штаб полка, и почти там же — наша 4-я рота, в резерве. По-видимому, бронепоезду мешали кусты, росшие вдоль полотна железной дороги, и на нем не представляли себе, что творится вокруг, почему бронепоезд только и стрелял во фланг нашему полку. От этого огня пострадала наша 4-я рота, где был убит командир роты капитан Пиотровский. Отделение Офицерского полка получило задачу подорвать путь, а мы просто попали в безвыходное положение, так как были на виду у бронепоезда. У нас оказалось несколько ручных гранат, и мы решили жиденькой цепочкой атаковать, вернее напугать, стальное чудовище. В версте от себя мы видели около стога сена Генерала Корнилова с конвоем, но начисто отрицаем версию Офицерского полка, что здесь кто-то останавливал Корниловцев. Верно было только то, что за левым флангом нашего Полка был перевязочный пункт, к которому тянулся многочисленный поток раненых. Раздумывать времени не было, и мы с отчаяния бросились прямо на черта. Тогда я впервые за всю мою службу в Действующей Армии Великой войны и в Добровольческой побывал под картечным огнем артиллерии бронепоезда. Нам посчастливилось: местность, по которой мы бежали, шла уклоном вниз к полотну, а бронепоезд стоял перед мостом и на высокой насыпи, и поэтому его снаряды рвались позади и над нами. В это время наша шрапнель, — стреляли чем было, — замечательно накрыла его и он, пыхтя и почему-то

не стреляя уже даже из пулеметов, стал уходить за мост. Наше полное впечатление, что это мы напугали бронепоезд, но отделение Офицерского полка утверждает это в свою пользу. Они действовали в кустах, мы же шли открыто, отрезая поезду путь к отходу. Железнодорожный мост был важным объектом нашего общего внимания, а потому, не обращая внимания, в чей участок он был включен, все мы нацелились на него. Бронепоезд быстро отскочил назад на километр (версту), остановился и стал бить по мосту гранатами, но несмотря на это часть нашего отделения и пулемет перескочили мост. В это время вправо наши уже переходили реку, красные отступали и пулемету открылось широкое поле деятельности бить противника во фланг. Бронепоезд это учел и усилил свой огонь по мосту с продвижением на нас. Один пулеметчик был тяжело ранен, и около него произошло замешательство, а мы что было сил отскочили через мост, чтобы укрыться от огня, но мне все же осколком снаряда оторвало всю подошву на ботинке, и нога сначала совсем онемела.

Вторичный переход нами моста, как я это видел, состоялся после добровольного отхода бронепоезда за станцию, так как станица за это время была уже занята и наши части были недалеко от полотна железной дороги и грозили отрезать бронепоезду путь отступления. Офицерский полк в это время отбивал атаку на своем участке и вел наступление на небольшую рощу перед ним. В сильно потрепанном виде наше отделение снова перешло мост, оставшийся там пулемет бил по отступавшим красным. Происшедшее около него замешательство было вызвано тяжелым ранением одного офицера на нем, который при виде надвигавшегося на нас бронепоезда просил пристрелить его, но его сослуживцы не осмеливались это сделать. Тогда женщина-прапорщик, как после передавали — невеста раненого, благословила его и дала ему наган, из которого он и застрелился сам. Уже в эмиграции, в 1964 году в Париже, я прочел статью о действиях группы Офицерского полка и автор статьи, капитан Рейнтгарт, который тоже переходил мост в то же время, теперь задает вопрос участникам боя: «Каким образом мы видели там Корниловца, по приказанию которого он дал ему револьвер, из которого он застрелился, и как он мог оказаться там?» Я этой сцены тогда не видел, равно как и не видел перехода группы капитана Рейнтгарта через мост, но на вопрос его ответил подробным описанием, с указанием на то, что через мост тогда прошли следом за бронепоездом Корниловцы, которые были с пулеметом, приданным Офицерскому полку. Помимо этого, приехавший ко мне из Америки в 1969 г. наш пулеметчик капитан Ткаченко уточнил описанное мной. Оказывается, он не только хорошо знает трагически застрелившегося после перехода моста нашего пулеметчика, но и собирал трупы своих в этом месте после боя. Оба застрелившиеся были смертельно ранены, они это сознавали, и застрелившийся на глазах чинов Офицерского полка прямо сказал: «Я не хочу обременять наш санитарный обоз». Мне кажется, что, помимо этого, все же и переход в наступление на нас бронепоезда сильно подействовал на мораль доблестных Корниловцев.

Теперь перехожу к описанию действий Корниловского Ударного полка в его целом. Отступление Корниловцев сильно подействовало на полковника Неженцева. Однако они не были в этом виноваты. Казалось, что горячие юнкера думали, что это будет «бой под Лежанкой» и шли, не дожидаясь общей атаки, а потому были не только остановлены, но и понесли большие и ненужные потери. Вторая общая атака показала, что значит совокупность действий. Не нужно было торопиться еще и потому, что Офицерский полк далеко не вышел на нашу линию. Обходное движение Партизанского полка в большой степени облегчило наступление. Наш полк ворвался в восточную часть селения и при выходе имел еще раз серьезную стычку с подошедшим по железной дороге резервом красных. По началу обе стороны как будто не разобрались в том, кто против них, сближение было только на пользу нам, и красные стали было сдаваться, но наши горе-кавалеристы, по причине своей малочисленности, тоже пересолили здесь своим порывом: стали рубить в количестве каких-нибудь двадцати коней и получили нормальный отпор со стороны такой большой колонны красных, которая частично и от нашего огня ушла. Начало общего наступления было в 14 часов, в 16 часов Корниловцы были уже при выходе из станицы на станционный луг и здесь именно и произошла их стычка с резервом красных. А к 18 часам офицерский батальон Корниловского Ударного полка стоял в полутора верстах за станицей, около железной дороги, где через час отбил новую атаку красных вместе с их бронепоездом. Здесь на переезде на ночь от офицерского батальона были оставлены заставы.

На поверке многих не досчитались: был убит командир 4-ой роты капитан Пиотровский, потери Полка доходили до 150 человек убитыми и ранеными. Не радовали нас и снаряды, захваченные на станции. В своих воспоминаниях о 1-м Кубанском походе генерал Богаевский неточно указывает число наших потерь: 35 убитыми и около 100 ранеными. Помимо Корниловцев, много потеряли и юнкера. Я, как очевидец боя в интервале между Корниловцами и Офицерским полком, не могу согласиться с мнением генерала Богаевского, что участь боя решил Офицерский полк захватом моста и станции. Не буду возвращаться к деталям боя в этом месте, но уверен в том, что мои глаза видели: участь моста и станции была решена действиями Корниловского Ударного полка и Офицерского, которые разбили красных на своих участках, а середина между ними, вместе с железнодорожным мостом и станцией, сама провалилась, как печеное яблоко, хотя и с героическими и драматическими жертвами двух групп по 10-12 человек каждая в центре, при атаке моста. На станцию наша маленькая группа вышла без единого выстрела, когда Офицерский полк только выбивал красных из леса, что гораздо левее по фронту.

В итоге боя красные поздно вечером окончательно отступили к станции Платнировка. В Кореновке мы впервые точно узнали о падении Екатеринодара и о том, что Кубанская Армия отошла на аулы. Для Добровольческой Армии это было большим ударом: исчезла ясная и определенная цель, к которой мы так упорно стремились, пропала надежда на отдых и сильную поддержку верных кубанских казаков. И перед нами,

после 300-верстного перехода снова, как в первый день, встал вопрос: куда же идти? За предложение идти прямо на Екатеринодар, разбить противника и этим резко изменить настроение Кубани в нашу пользу стояли генерал Деникин и генерал Романовский. За предложение перейти Кубань и в горах, горных станицах и черкесских аулах дать отдых измученной Армии были Генерал Корнилов и все старшие генералы.

Станица Кореновская, как и большинство кубанских станиц, была обширная, с чистыми домиками, старой церковью и даже памятником участникам русско-турецкой войны, и имела вид уездного города. Однако немощеные улицы представляли собой в это время года настоящее болото. Значительную часть населения станицы составляли «иногородние» и этим отчасти объясняется такое упорство обороны Кореновской.

5 марта Добровольческая Армия отдыхала, пополняла свои артиллерийские припасы, увеличила число пулеметов. Направление дальнейшего движения Армии держалось в секрете. Здесь, как и всюду, Генерал Корнилов убеждал казаков, пока не поздно, помочь нам и этим спасти свои дома и казачьи вольности, дарованные им еще Императорами Российскими. Добровольцы были, но они не могли возместить число наших потерь.

С наступлением темноты Армия стала вытягиваться из станицы и переходить через железную дорогу в направлении на Усть-Лабу. В заставе на линии железной дороги на Платнировку была оставлена 3-я офицерская рота Корниловского Ударного полка.

Могила под КОРЕНОВКОЙ

Много погибло вас, юных, веселых,
Под Кореновской в жестоком бою,
Много легло пожилых и суровых
В мартовский день в незнакомом
краю.

Вы, не жалея здоровья и силы,
В бой за РОССИЮ с молитвою шли,
Здесь обрели вы сырую могилу,
Кровью политый участок земли.

Вас воспитала РОССИЯ святая —
Многострадальная честная мать.
В зимнем походе без меры страдая,
Шли на Кубань за нее умирать.

Путь пробивая к РОССИИ свободной,
Жизнь на алтарь положили свою.
Вас оставляем в могиле холодной
Под Кореновской, в казачьем краю.

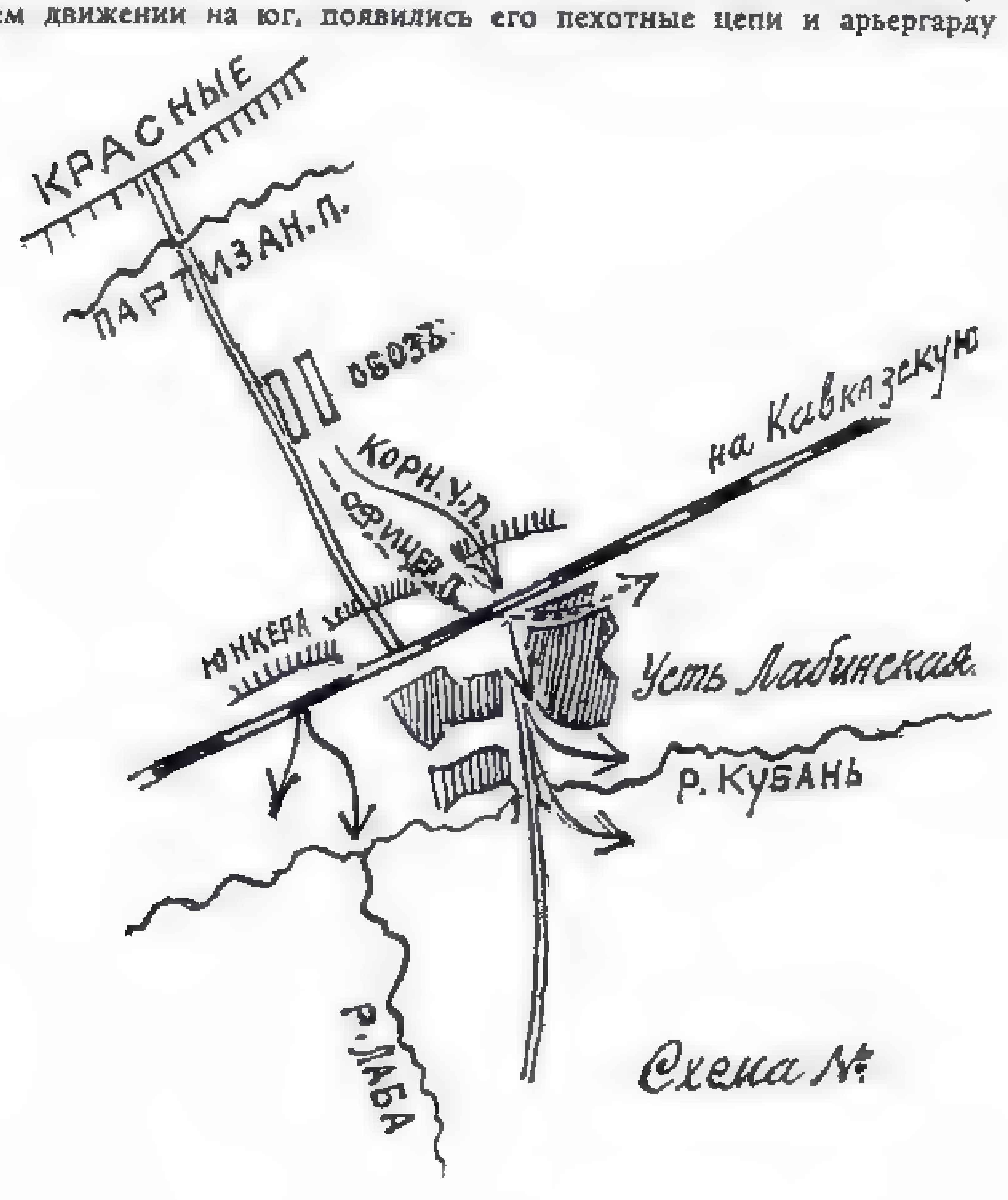
Спите спокойно, друзья боевые,
Здесь вы окончили путь боевой,
Вас не увидят друзья и родные, —
Вечная память вам, вечный покой!

Панас Хоменко

* * *

6 марта, еще до рассвета почти вся Армия перешла через полотно железной дороги. 3-я офицерская рота снялась с охранения в назначенное

ей приказом время, когда разъезды красных маячили повсюду. Роте пришлось рассыпаться и догонять Партизанский полк, шедший в арьергарде, довольно быстрым шагом. Надо полагать, что противник узнал о нашем движении на юг, появились его пехотные цепи и арьергарду при-



Бой у ст. Усть Лабинской
6 Марта. 1918 г.

шлось остановиться, чтобы пропустить нашу 3-ю роту на присоединение к своему полку, прикрыв ее от противника. С середины пути к Усть-Лабинской Корниловский Ударный полк шел в авангарде. Ему была дана задача взять станицу, захватить с налета переправу с мостом через Кубань

и оборонять ее до перехода всей Армии. Станица Усть-Лабинская — прославленная бесчисленными боевыми подвигами русских войск и горцев в полувековой героической борьбе за Кавказ. Река Лаба и ее впадение в реку Кубань в станице Усть-Лабинской послужили для нас местом нового тяжкого испытания, которое Добровольческая Армия выдержала с честью, выйдя после горячего боя на четыре фронта почти невредимой из смертельной опасности. Наше положение было отчаянным: впереди — огромная станица, за которой длинная, до трех верст, дамба с железным мостом через глубокую, с крутыми берегами, реку Кубань. Сзади энергично напирал Сорокин (командующий красной армией) с значительными силами. По железной дороге Екатеринодар-Кавказская большевики очень легко могли подвезти с обеих сторон свои подкрепления, артиллерию и бронепоезда. Мы же не знали ни сил противника, **ни того, цел ли мост. Если бы он был взорван, — наше положение становилось критическим.** Но выбора не было. Во что бы то ни стало мы должны были пробиться через станицу и перейти через реку Кубань.

Станица Усть-Лабинская была обнесена окопами с большим гарнизоном. Расстояние до нее Корниловцы прошли довольно быстро и уже к 13 часам начали бой за станицу. Удачное распределение полковником Неженцевым ударных сил Полка нарушило оборону красных, и они побежали, преследуемые жестоким пулеметным огнем. По улицам и огородам валялось много трупов. **Самым же эффектным в этом бою было молниеносное занятие нами тюрьмы и освобождение из нее группы офицеров с полковником Молодкиным во главе. Освобожденные тут же пополнили наши ряды. Основное ядро Полка свой главный удар направило на драгоценный для Армии мост, который и был захвачен невредимым.** Две роты офицерского батальона продолжали с восточной стороны станицы обстреливать красных, убегавших главным образом к кирпичным заводам на берегу Кубани.

Марковцы (Офицерский полк) в своей книге «Марковцы в боях и походах за Россию», в первом томе, на стр. 155, так осветили наше совместное движение в Усть-Лабинской:

«Юнкерский батальон был остановлен для прикрытия станицы с запада, а офицерская рота, не задерживаясь, продолжала наступление по улицам **вдоль северной окраины станицы, в восточном направлении.** Наконец красные исчезли перед ней, свернув в боковые улицы и скрывшись в садах и постройках. Роте было приказано выйти на восточную окраину станицы. При выходе в поле рота наткнулась на большое количество неприятельских трупов. Чьей жертвой они были, рота не знала. Она не знала, что здесь, сбив красных, прошли к переправе Корниловцы и чехо-словацкий саперный батальон. «Когда вы успели набить столько? — весело спросил подскакавший в этот момент генерал Марков. Роте пришлось ответить, что это дело не ее рук».

Так серьезный источник подтверждает успех Корниловцев.

В это время я был в связи у командира офицерского батальона полковника Булюбаш от 3-ей роты и был послан с приказанием к оставшимся ротам спускаться к реке, к мосту, с целью парирования удара красных

из подошедших эшелонов. Однако те, кому я передал приказание, не могли сразу его исполнить, так как по дороге в станицу и от кирпичных заводов противник перешел в наступление с явной целью отбросить нас от захваченного моста. Под нашим сильным огнем красные все же дошли до окопов в 300 шагах от окраины станицы, вырытых для ее обороны, и там залегли. Окопы плохо скрывали противника, и здесь произошло просто избиение красных, зарвавшихся, а может быть и расхрабрившихся слыша обстрел нашей Армии с востока, севера и запада. Я с одним офицером попал через сад в какой-то двор на самой окраине, стены в сарае были из плетня, мы проделали в них бойницы и увидели прямо против себя в 200 шагах, окопы, полные красными. Цель была — лучше и придумать нельзя. Первые же наши выстрелы вызвали среди них переполох, раненые поползли, назад, ответные выстрелы с их стороны, мы это хорошо видели, производились в стороны от нас, — нас они не видели. Выпустив патронов по 50, вычистив ими всех из окопов, мы выскочили на улицу, но ни противника, ни наших — никого не было, только влево, у Офицерского полка, шел бой с подошедшим с Кавказской эшелоном красных. Обескураженные этим, мы побежали в направлении к мосту, согласно ранее полученному приказанию.

Пусть читатель не удивляется тому, что при нашей бедности в патронах мы выпустили их по пятидесяти. Многие первопоходники говорят, что они ходили в атаки без выстрела и т. д., но все это — «от лукавого», — не всех это устраивало или просто были любители бить противника огнем, нежели штыком. К таковым принадлежал и я, потому что с мая 1915 года моя левая рука от ранения в плечо не поднималась, штыком я работать не мог, а стрелял отлично. Но для этого мы, любители, лучше без хлеба оставались, но пополняли свой запас патронов. Физически я был силен, а потому всегда носил цинку патронов и полный патронташ. И этот тяжелый груз не раз спасал меня.

В 24 часа Корниловский Ударный полк, пропустив через мост Армию, сам перешел по мосту, оставив для его охраны 2-ой батальон. Заночевал Полк в недалеко находящихся горевших Саратовских хуторах. Все жители хутора ушли с большевиками, а подожгли его, надо полагать, казаки, сводя с хуторянами свои счеты. Наша 3-я рота заночевала прямо во дворе одного сгоревшего дома, укрывшись от ветра хорошим деревянным забором. Перед рассветом я сменил дневального во дворе, где спала рота. Вдруг перед воротами остановился Генерал Корнилов и спрашивает: «Какая рота?» и, узнав, что это — 3-я офицерская рота Корниловского Ударного полка, продолжает: «Позвать ко мне капитана Пух», — командира роты, фамилию которого он знал. Капитан Пух подбегает и получает приказание: «В садах за вами уже накопились красные. Выбить их!» Рота уже вся была на ногах. Моментально были выбиты доски в заборе для прохода в сады, и мы двинулись туда еще в темноте. Все сады потонули в молочном тумане с реки, и противники друг друга не видели. Но только мы вошли в сады, как увидели перед собой массу красноармейцев, заполнивших собой все. Кто-то из наших крикнул по инерции: «Какого полка?» и свалка (другого слова не придумаешь) началась. Красные безусловно смя-

ли бы нас, если бы видели нашу малочисленность, но то, что нас скрывал туман и то, что инициатива атаки принадлежала нам, и спасло нас. Одиночки встретили нас стойко, один из таких выстрелил в меня в упор, но прострелил мне только шинель, и тут же его уложил мой сосед, который в свою очередь упал через несколько шагов с разбитой головой. Крики и стрельба создали впечатление ада, красные не выдержали и все побежали под обрыв, к топким лугам. Тут начался рассвет, и мы с высоты обрыва расстреливали противника, как куропаток. За некоторыми из нас насчитывали более чем по двадцати трупов, среди которых были, может быть, и живые, это нас не интересовало. После зверств латышей и матросов под Ростовом и Батайском мы в плен не брали, но и не пристреливали, нам нужно было, чтобы враг наш пал на поле боя. Первым спасшим меня был поручик Сахаров, который во 2-м Кубанском походе был зарублен кавалерией около станицы Невинномысской на реке Кубани. Он был пулеметчиком и прикрывал наш отход, кавалерия их окружила, а пулемет отказался работать. Винтовок у них в тачанке почему-то не оказалось и их зарубили. Вторым моим спасителем был павший с разбитой головой, он выскочил впереди меня и уложил стрелявшего. Труп его не был подобран, и фамилия его забыта. Так, переходя от одной атаки к другой, мы встретили утро. Потери Полка за бой у хутора Саратовского — 17 человек, потери же 2-го батальона неизвестны. Раненую нашу сестру Дюбуа перевязала сестра 2-ой роты Васильева-Левитова.

7 марта. Убитыми и ранеными за бой у станицы Усть-Лабинской Полк потерял 35 человек. Наступившее утро не принесло нам радости: мы узнали, что из-за недостатка динамита мост через Кубань после прохода Армии взорвали плохо, а потому противник накопил против него много артиллерии и все время нажимает на наш 2-ой батальон, бывший в охране его. В 1967 г. из Венецуэлы капитан Данилин, одним из первых поступивший в ряды родоначальника нашего Корниловского Ударного полка — 1-го Корниловского Ударного Отряда при 8-ой Армии, сообщил мне, что в эту ночь красные сделали удачный набег через мост на наш 2-ой батальон (наши проспали), взяли в плен раненого командира 6-ой роты Н. Н. Ровенского, поступившего в Отряд вместе с ним, и повесили его в Усть-Лабинской. Несмотря на это наши атаку красных отбили и не дали им возможности перейти через мост. **Вообще для Корниловского Ударного полка бой 6 марта был по своим результатам одним из самых блестящих. Обстановка для Армии сложилась в этот день самая рискованная: противник от нас не оторвался и все время нажимал на наш арьергард — Партизанский полк и юнкера кое-как выбили красных к западу от станицы; Корниловцы из авангарда лихо берут станицу Усть-Лабинскую, спасают из тюрьмы офицеров, выполняют главную их задачу по захвату моста через Кубань, отбивают первые атаки на станицу — вдоль берега с востока на мост, удерживают его до перехода всей Армии и оставляют свой 2-ой батальон для охраны его.** Офицерский же полк в этом бою только отбивает атаку красных из эшелона с востока. Трудно даже и представить себе картину, если бы Корниловцы не смогли бы своевременно захватить и удержать за собой мост! Мог бы быть полный разгром До-

бровольческой Армии! Но авторитет нашего Вождя и Шефа Полка Генерала Корнилова, блестящее командование своим Полком полковника Неженцева и мужество их ударного Полка, основную часть этого боя выполнили с полным успехом.

Не успела 3-я офицерская рота Корниловского Ударного полка до конца использовать свой успех разгрома противника, как ей пришлось снова наступать в составе своего офицерского батальона на станицу Некрасовскую, в десяти верстах от Усть-Лабинской. Оказывается, что Офицерский полк в нее еще не вошел, и потому Корниловский Ударный полк (без 2-го батальона) был послан в наступление на Некрасовскую.

Полковник Неженцев для бодрости духа своих ударников развернул Полк перед Шефом под звуки духового оркестра.

Офицерский полк видел эту картину и теперь так описывает ее в своей истории на стр. 159 первого тома:

«Рассвет застал 4-ю роту верстах в двух-трех от станицы Некрасовской, и одновременно она оказалась под ружейным и пулеметным огнем противника, занимавшего удобную позицию. Вскоре рота была остановлена. «Посмотри влево», — сказал офицер своему соседу: на копне соломы сидел Генерал Корнилов и наблюдал за противником. «Что же мы сидим?» с недоумением спросил офицер. Недоумение в 4-ой роте было общим. Но вот я слышу сзади музыку. Было как будто недалеко, но не видно еще за скатом. Наконец на скате появилась цепь Корниловцев с их эмблемами на рукавах около плеч. Я много уже слышал про них, но теперь впервые и воочию увидел этот знаменитый полк и как раз в бою. Не отрываясь, я смотрел на него, даже не слыша свиста пуль. А полк разворачивался к атаке, не изменяя шага. Мне кажется, что я смотрел на полк, разинув рот, до того удивительно, картинно, захватывающе и даже страшно было это зрелище. Цепи их были в 6-8 шагах интервала и, удивительней всего, они на ходу строились одна уступом за другой. Большевики встретили полк ураганным огнем, а Корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шагу не прибавили и, казалось, они чрезвычайно быстро приближаются к окопам большевиков. Вдруг пальба большевиков сразу прекратилась. Густыми цепями они поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло Корниловское «ура». Генерал Корнилов, стоя во весь рост на копне, смотрел в бинокль вслед своему полку. «Встать! — послышалось у нас наконец. — Вперед!» «Ну и Корниловцы! — заговорили в рядах нашей роты. — Показали себя как нельзя лучше!» Некрасовка была взята (из рукописи полковника Биркина)».

Спасибо доблестным нашим соратникам Марковцам за лестную для нашего полка аттестацию и особенно потому, что на фронте Великой войны Корниловский Ударный полк весь был солдатским с нормальным офицерским штатом, а теперь он был солдатским только на 2/3. Конечно, были и у нас неудачи, где грубая сила противника имела большой перевес, но мы никогда не забывали прощальные слова из приказа Генерала Корнилова и действительно несли на алтарь спасения своего Отечества «все наши мысли, чувства и силы».

Остаток дня Корниловцы могли поочередно отдохнуть. В Некрасов-

ской мы похоронили своих убитых. С участка 2-го нашего батальона от Усть-Лабинской, доносилась артиллерийская стрельба. С запада и с востока тоже стреляли, — Армия была в окружении.

8 марта. Мост у станицы Некрасовской на Лабе был сильно испорчен, а потому юнкерский батальон генерала Боровского переправился через реку по телегам, и вместе с Офицерским полком они отбросили красных. К полку присоединился и 2-й батальон. Теперь Армия из Некрасовской шла на Филипповские хутора. Часть из них горела, их поджигали казаки из мести за расстрелы или же это делали сами крестьяне, обманутые пропагандой большевиков. Жителей на хуторах вообще не было, они уходили с красными. Жуткая и неприятная картина похода среди горящих небольших хуторов. Велика была сила обмана большевистской пропаганды среди крестьян, всегда с завистью смотревших на старое население края-казаков, за их благополучие, хотя и сам они в большинстве тоже не плохо жили. Желание всех уравнять силой и вызвало то, что мы тогда видели. За Лабой начинается Майкопский отдел. Пройдя десять верст, полк остановился в Киселевских хуторах, в нескольких избах.

9 марта, в 7 часов, полк был собран по тревоге, наступление противника сдерживалось огнем сторожевого охранения. Отбив наступление, полк в 9 часов выступил, согласно приказу составляя левую колонну Армии, в направлении на хутор Царский Дар. Заняв хутор в 14 часов, полк приостановил наступление вследствие задержки движения Офицерского полка. В 19 часов полк выступил в селение Филипповское. Жители села все бежали с большевиками, бросив все свое имущество на произвол судьбы. Наша 3-я офицерская рота остановилась около волостного правления, где в полном порядке были сложены ящики с цинками ружейных патронов и... ящики с водкой. Конечно, мы тут же пополнили наши боеприпасы и не забыли про водку. К удивлению всех, наш лихой командир роты штабс-капитан Пух выстроил роту и заявил, что ночь обещает быть тревожной, а посему — все бутылки с водкой из карманов вон и тут же разбить о приклады. Как ни неприятно было это для некоторых, но приказ есть приказ, а потому зазвенело стекло и все успокоились.

Потери полка за день — 11 человек.

10 марта. В 4 часа Корниловскому Ударному полку было приказано перейти через реку Белую и сбить противника с бугров, что находились в двух верстах от реки. В голове шел 2-й батальон полковника Мухина. Как только батальон стал переходить мост, противник открыл сосредоточенный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. По-видимому, красные заранее пристрелялись к мосту, так как огонь покрывал его хорошо. Батальон тут же понес большие потери: был убит выдающийся офицер — командир батальона полковник Мухин, так же как и доблестный командир 6-ой роты капитан Петров и десятки чинов батальона. За 2-м батальоном колонной вбегает на мост и потом уже рассыпается офицерский батальон, командир которого полковник Булюбаш, стоя в конце моста, требовал лобовой атаки. 3-я рота оказалась правофланговой, половина ее попала правее дороги на станицу Рязанскую, где местность была покрыта кустарником. Из ближайших окопов, расположенных в долине,

до крутого обрыва, Корниловцы выбили красных, но дальше продвинуться не могли не только потому, что нужно было лезть на крутой, обрывистый берег под убийственным огнем, вырвавшим из наших рядов сразу же больше сотни жертв, но и потому, что справа Партизанский полк не продвигался, слева Офицерский полк отбивал атаки, а юнкера в арьергарде отходили к только что пройденному нами мосту перед превосходящими силами противника. Лазарет и обозы переправлялись на нашу сторону. Снаряды красных и даже пулеметы простреливали нас со всех сторон. Полк залег, и только половина 3-ей роты все продвигалась по кустам вперед, на правую сторону дороги. Положение Армии все ухудшалось, красные видели это и напирали, арьергарду пришлось спешно отступать, саперы, видя это, подожгли мост, и потому часть юнкеров была принуждена переходить реку прямо вброд. На флангах бой усиливался, но продвижения не было видно. К 14 часам полурота 3-ей роты, продвигавшаяся все время вправо от дороги на станицу Рязанскую, по рельефу местности и по стрельбе увидела, что она зашла за левый фланг красных, сидящих на бугре против нашего полка. Хорошо помню, как мы по два-три человека выползали из кустов, переползали через дорогу и, оказавшись в тылу у противника, открыли огонь с близкой дистанции по спокойно стрелявшим красным. Ближайшие к нам красноармейцы стали испуганно смотреть в нашу сторону, но меткие наши выстрелы точно подхлестывали их. Они смешались и пустились бежать вдоль своих окопов, увеличивая этим для нас цель. Мы двигались жиденькой цепочкой к их окопам, а они все больше очищали их. Вот здесь-то и произошло историческое знаменитое «ура», и что было его причиной, так и осталось точно не выясненным до сего времени. Предполагали: 1) По мнению командира Партизанского полка генерала Богаевского, продвигавшегося правее Корниловцев, будто бы Генерал Корнилов определил переломный момент боя и отдал приказание для общего наступления. 2) Все время наблюдавшая за нашим обходом наша 3-я рота увидела наш успех и перешла в атаку с криком «ура», которое подхватили соседи, а потом уже и вся Армия. 3) Будто бы в это время Генерал Корнилов получил сообщение о соединении с Кубанской Армией генерала Покровского, что вызвало восторг и подъем духа. Будто бы это сообщение привез разъезд кубанцев, чему трудно поверить: как мог он тогда пробраться к нам через сплошное кольцо окружавших нас красных?

Генерал Богаевский так описывает этот подъем духа:

«Так, с переменным успехом бой тянулся весь день. Но вот настал психологический момент перелома боя. Генерал Корнилов верно схватил минуту для приказа перейти в атаку. Только тот, кто тогда слышал наше «ура», может понять ту безумную радость, которая охватила всех нас... Сколько бодрости и светлых надежд влила эта весть в сердца утомленных бойцов... И когда долетела она до арьергарда, где генерал Боровский со своими юношами, как лев, отбивал атаки красных, капитан Капелька в безумном восторге вскочил на бруствер окопа с криком: «Ура! Кубанцы с нами!..» и пал мертвым, с пулей в лоб... Роковое предчувствие самого покойного, высказанное им накануне, оправдалось».

Командующий Кавказской Армией Вооруженных сил юга России Генерал-лейтенант Покровский. В 1922 г. подвергся вооруженному нападению в Болгарии и был зверски убит большевиками 9-го ноября.

Нам, гнавшим противника вдоль его окопов по бугру, картина общего энтузиазма была не только видна с высоты, но она поразила нас переменой боя: почти чуть не разбитые добровольцы стали победителями от которых в страхе бежали части, разбившие наш арьергард.

Не дожидаясь, пока наш полк поднимется на бугры, мы выбрались снова на дорогу и пошли в станицу Рязанскую, представляя из себя походную заставу. Когда мы вошли в станицу, она казалась мертвой, в избы мы не заходили, вышли на противоположную окраину и там дождались подхода нашего полка. Нерадостные вести узнали мы о потерях полка: убитыми и ранеными Корниловцы потеряли почти 200 человек. Через станицу Рязанскую около 18 часов полк направился в аул Хибунай, где мы и разместились по разбитым домам. Потом Корниловцы узнали от Партизан, что все же в Рязанской оставалась часть жителей, которые как-то неестественно, уж очень любезно ухаживали за ними. Оказалось, что они как мы сами убедились, проходя по аулам, вместе с большевиками принимали участие в избиении и разграблении мирных черкесов. Кто не успел бежать в горы, были перебиты, изнасилованы и даже замучены: наши нашли в одной печке старика с обгоревшими ногами, кучу человеческих внутренностей и т. п.

Вечером узнали и подробности о «соединении» с кубанцами: это просто была только связь с каким-то их разъездом, остатки же их Армии были в 80 верстах от нас, **вели непосильные бои и просили помощи.**

11 марта в 9 часов полк в авангарде выступил на аул Понежукай, куда прибыл к 15 часам.

12 марта в 18 часов полк в авангарде выступил в аул Гатлукай, куда прибыл в 24 часа. Вопрос с довольствием обстоит очень плохо. Черкесы охотно присоединяются к Армии.

13 марта в 9 часов полк выступил в аул Почепший, куда прибыл в 13 часов. Аул был сохранен более других. Здесь была окончательно установлена связь с генералом Покровским. Недалеко виден город Екатеринодар.

14 марта. Дневка в ауле Шенжий. Погода портится, идет дождь и снег. Суровая походная и боевая жизнь убивает все живое в человеке, не радуют и новые, чарующие виды Кавказа.

15 марта. День, который 1-му Кубанскому Генерала Корнилова походу дал название и «Ледяного». Здесь природа в союзе с противником восстала против Добровольческой Армии, и трудно было решить, что было тяжелей. С утра лазарет и обозы были направлены в станицу Калужскую, — место стоянки Кубанской Армии. Погода стояла ясная, дул холодный ветер. В авангарде Партизанский полк, за ним — Офицерский и потом наш, Корниловский Ударный, выступивший в 9 часов. Назначение перехода — станица Ново-Димитриевская, в 15 верстах. С началом движения холод усилился, дождь шел вперемешку со снегом, дороги развезло, и все простые стоки воды стали наполняться водой, а маленькие ручьи превратились в речки. Холод все усиливался, и к 15 часам промокшая одежда стала превращаться в лед и ломаться, как стекло. В 17 часов полк подошел к реке Черная. Мост через нее был залит водой со снегом, а станица

за ним занята красными. Офицерский полк стал переправляться на крупах лошадей, а полковник Неженцев повел Корниловцев правее, на гать, тоже залитую водой. Задержка в движении создала невыносимые условия для обледенелой, едва идущей Армии, добровольцы не выдержали, и на глазах противника зажглись костры. Начался обстрел артиллерией, снаряды ложились довольно точно и некоторые попадали прямо в костры, но это не смущало добровольцев. Лошадей у Корниловцев не оказалось, и полковник Неженцев приказал нам погреться в воде. Воля и молодость все победят — бросились мы, уцепившись друг за друга, и, придерживаясь предполагаемой середины гати, стали бороться со стихией. На наше счастье, красная артиллерия била по нашим тылам, а пехота их почти бездействовала. Наступление полк повел на западную часть станицы, с выходом по дороге на станицу Григорьевскую, на южную ее окраину. Повидимому, красным не было охоты выходить в такую погоду из теплых хат, и они встретили нас только около изб, но особого сопротивления не оказали. Нечеловеческим усилием Офицерский полк, переправившись, с успехом очищал станицу. За свою халатность противник поплатился, понеся большие потери. В 23 часа наш полк занял юго-западную часть станицы, выставив заставы на Григорьевскую. Повозки и даже часть лошадей оставили до утра перед мостом. Части генерала Покровского, выступившие из станицы Калужской, вернулись из-за такой погоды обратно.

В полку было 45 человек убито или ранено. По данным Офицерского полка, ими в этом бою было взято 8 орудий и до 1.000 убитыми.

Первое совместное действие в этом бою Добровольческой Армии с Кубанской было неудачным, — первый блин вышел комом: согласно приказу Генерала Корнилова в этом бою конница генерала Покровского должна была наступать тоже на станицу Ново-Димитриевскую со стороны станицы Калужской, но она в такую погоду, как гласит донесение, вернулась, а быть может и просто не выступала. Это было печальным фактом для первого раза: при наличии конницы в этом бою все три тысячи красных были бы уничтожены, а неисполнение приказа говорило о качестве Кубанской Армии.

16 марта. Дневка в Ново-Димитриевской. Переправа обоза через реку и приведение полка в порядок.

17 марта. В 18 часов противник перешел в наступление со стороны станицы Григорьевской, но легко был отбит. Небольшие хутора, окружающие Ново-Димитриевскую, остались в руках красных.

18 марта. С утра противник перешел в наступление, но был отбит. К 20 часам он снова наступал, и бой разыгрался у самой станицы, но огнем частей Армии противник к 23 часам был окончательно отброшен. Потери полка — 9 человек.

19 марта. На фронте спокойно. Состоялось соглашение Добровольческой Армии с Кубанской. Все части составляют одну Армию под начальством Генерала Корнилова. Армия разбита на три бригады: 1-я бригада генерала Маркова: Офицерский полк, командир — генерал Боровский, стрелковый Кубанский полк, командир — полковник Тунеберг, 1-я инженерная рота, 1-я и 4-я батареи. 2-ая пехотная бригада генерала Богаев-

ского: Корниловский Ударный полк, командир — полковник Неженцев, Партизанский полк, командир — генерал Казанович, Пластунский батальон, 2-я инженерная рота, 2-я, 3-я и 5-я батареи. 3-я бригада — кавалерия генерала Эрдели: 1-й конный полк, Кубанский полк, Черкесский полк и конная батарея.

В Корниловский Ударный полк были влиты юнкера Константиновского военного училища, которое наш полк под своей охраной погрузил в Киеве перед своих походом на Дон, — они теперь пополнили 3-ю офицерскую роту. Численный состав полка за поход сильно уменьшился, особенно большие потери были под Кореновкой, 150 человек, и под Филипповкой, 200 человек, при переходе через реку Белую. Все же юнкера и пополнение из Кубанской Армии довели состав полка до тысячи штыков.

20 и 21 марта. Приведение частей в порядок. За это время наш лазарет и все обозы прибыли из станицы Калужской в Ново-Димитриевскую, и здесь мы узнали о всех ужасах, пережитых ранеными во время ледяного похода. Медицинский персонал самоотверженно работал, но медикаменты все вышли, не стало уже и запаса простого персонального белья сестер милосердия. Не легче было и строевым врачам, сестрам и фельдшерам. Они не только подвергались общим опасностям, но и работали, перевязывая нас, во время нашего отдыха. Меня тогда поражало, как спокойно, с сознанием приносимой жертвы на алтарь Отечества умирали Корниловцы. Так, капитан Басов, умирая от ранения в станице Ново-Димитриевской, сказал сестре милосердия: «Совершается великое таинство — **умирает человек**, а там... смеются». Записано со слов сестры милосердия В. С. Васильевой-Левитовой. Таков был суровый закон войны: сраженный мужественно умирает, а оставшийся в живых, не падая духом, продолжает сражаться.

По материалам для истории Корниловского Ударного полка ко дню его печали

Бои за город Екатеринодар с 22 по 31 марта (включ.) 1918 г.

Начало операции штурма города ЕКАТЕРИНОДАРА

22 марта в 22 часа полк в авангарде бригады генерала Богаевского выступил на станицу Григорьевскую. До станицы было верст 10-12, дорога была ужасная: грязь по колено, с кусками льда, лужи превратились в сплошные болота. Люди и лошади измучились, вытаскивая пушки, поминутно завязавшие в грязи: жалкая дырявая обувь свободно пропускала холодную воду. Темно, холодно, у всех отвратительное настроение, а тут еще слухи от местных жителей, что Григорьевская сильно занята красными, и нам придется преодолеть упорное сопротивление. Перед самой станцией 1-й офицерский батальон Корниловского Ударного полка нарвался на окопы красных, мы стали рассыпаться, имея перед собой, как нам в темноте показалось, какую-то стену. Перед рассветом оказалось, что это была просто полоса нескошенной травы. Красные обстреливали

нас с дистанции не более 200 шагов, но мы лежали спокойно за нашим воображаемым прикрытием. В расположение 3-ей роты пришел полковник Неженцев, прилег около нас и стал при свете электрического фонаря выяснять наше расположение по карте. Выстрелы участились, но мы продолжали верить в наше прикрытие. В это время на линии нашей цепи кто-то был ранен и громко кричал о помощи. Как после выяснилось, это был ранен командир 2-ой роты полковник Минервин, Михаил Михайлович. Под сильным ружейным огнем с очень близкой дистанции два молодых офицера, поручик Ващенко и поручик Дрейман, вскочили из-за нашего укрытия, подхватили своего командира, но тут же, одной пулей, оба были смертельно ранены в мочевые пузыри. Скончались они, по свидетельству сестры милосердия их роты В. С. Васильевой-Левитовой, в страшных мучениях. Полковник Минервин остался жив (он скончался во Франции перед отъездом в Америку от разрыва сердца). Осветив обстановку, полковник Неженцев наметил направление для нашей атаки и, едва появились первые признаки рассвета, Корниловцы бросились в атаку. Красные встретили их ураганным огнем, пули их долетали в тыл и ранили многих в резерве: на перевязочном пункте около генерала Богаевского один раненый офицер был ранен вторично, а третьей пулей был убит. Адъютант его был ранен. Окопы красных оказались очень близко. Корниловцы ворвались в них молниеносно, по-видимому, это ошеломило красных, они побежали и этим избавили нас от лишних потерь. Был убит доблестный командир 5-ой роты капитан Томашевский. Всего в этой атаке было убито и ранено более 60 человек. Больше всех пострадала 3-я рота, куда были влиты юнкера.

23 марта в 4 часа вся станица была очищена от красных, полк стал в резерве бригады и получил большой привал. После отдыха 2-я бригада генерала Богаевского двинулась на станицу Смоленскую, имея Партизанский полк в авангарде, а Корниловский в резерве. До станицы было всего три версты. Приехал Генерал Корнилов и горячо благодарил свой полк за блестящую победу. Между тем, Партизанский полк генерала Казановича наткнулся на упорное сопротивление красных. Они занимали окраину станицы на другом, возвышенном берегу и встретили партизан жестоким ружейным и пулеметным огнем. Только с большими усилиями и потерями удалось к вечеру взять станицу. Ночью было получено приказание о выступлении на рассвете для одновременной атаки станицы Георгие-Афипской с 1-й бригадой генерала Маркова. По имевшимся сведениям там были сосредоточены большие силы красных и находились их склады со снарядами и патронами. Бой 1-й и 2-й бригад за станцию и станицу Георгие-Афипскую имел для нас большое значение и оценивается бывшими его участниками, как это естественно бывает, в свою пользу. Для большей объективности я нахожу нужным привести мнения из авторитетных для нас источников.

Мнение генерала Богаевского по его книге «Ледяной поход»

«Ночью я получил приказание выступить с рассветом и одновремен-

но с генералом Марковым атаковать станицу Георгие-Афипскую, где, по имевшимся сведениям, были сосредоточены большие силы красных и находились их склады со снарядами и патронами. Пройдя версты три, мы неожиданно попали под жестокий огонь с левого фланга. Оказалось, что

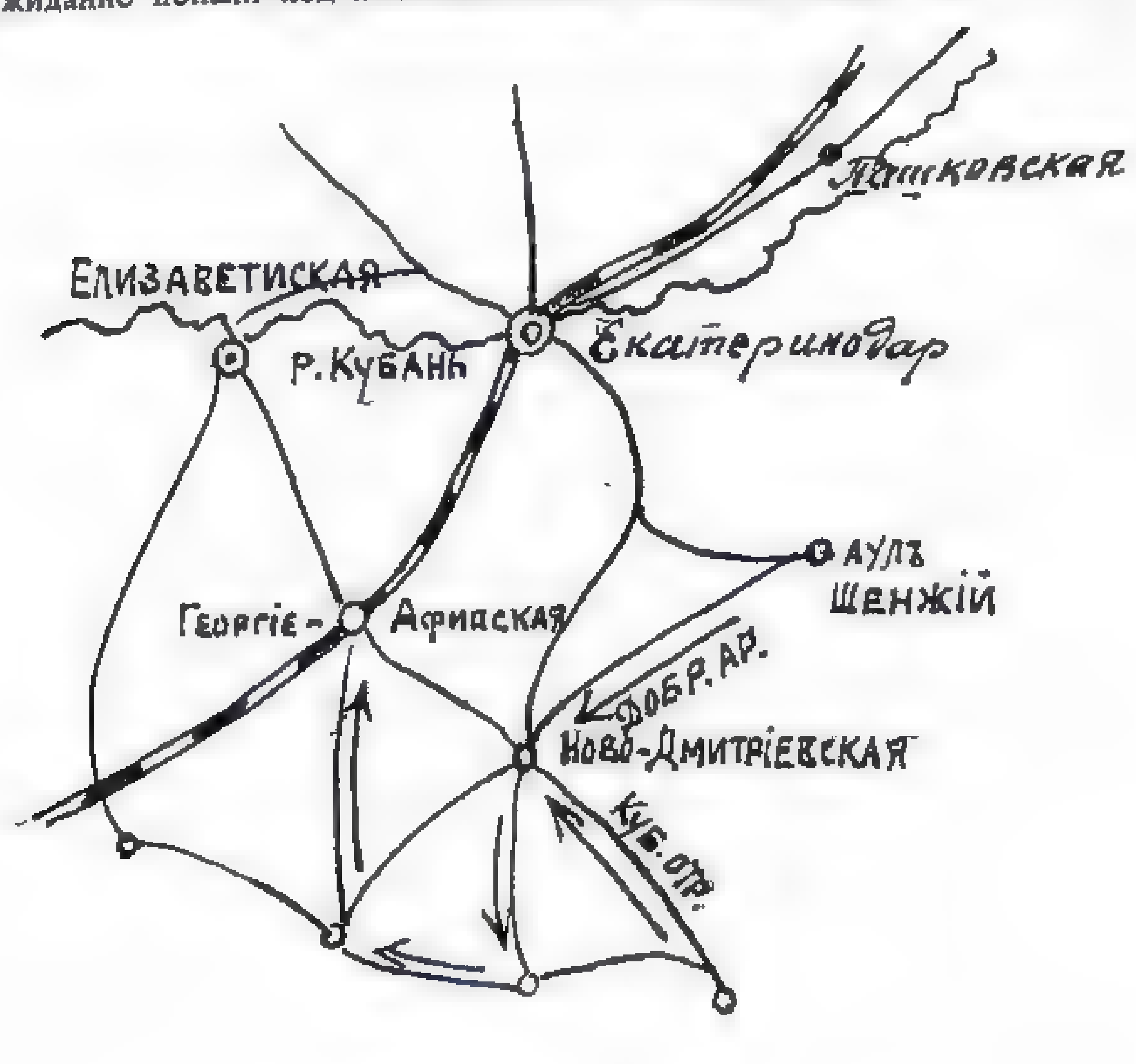


Схема №

Бой за Екатеринодаръ

Схема: «Бои за г. Екатеринодар».
Бой за станицу Георгие-Афипскую.

колонна красных шла от ст. Северной к Смоленской и, увидя нас, перешла в наступление, приперев нас к реке, вдоль которой шла дорога. Пришлось пережить очень неприятный час под расстрелом: деваться было некуда.

Однако меткий огонь моей батареи и переход в атаку партизан, спустя некоторое время заставили красных быстро ретироваться. Мы продолжали путь, попав еще раз под меткий артиллерийский огонь противника. Мои передовые части захватили в отдельной усадьбе десяток матросов, по-видимому сторожевую заставу, и немедленно их расстреляли. Из большевиков, кажется, никто не возбуждал такой ненависти в наших войсках, как матросы, — «краса и гордость революции». Их зверские «подвиги» были слишком хорошо известны всем, и потому этим негодяям пощады не было. Матросы хорошо знали, что их ждет, если они попадут в плен, а потому всегда дрались с необыкновенным упорством и, нужно отдать им справедливость, умирали мужественно, редко прося пощады. По большей части это были здоровые, сильные молодцы, наиболее затронутые революцией.

Направив свою бригаду для атаки западного конца станицы, в обход и тыл большевикам, я остался при артиллерии, так как отсюда было легче держать связь с бригадой генерала Маркова. Она неожиданно остановилась перед восточной окраиной станицы ввиду того, что река Шелш, протекавшая вдоль этой стороны, с крутыми берегами, с одним мостом, была непроходима вброд, а противник встретил генерала Маркова очень сильным огнем, который еще усилил подошедший бронепоезд. Только железнодорожная насыпь, за которой Марков быстро развернул бригаду, спасла ее от огромных потерь, а может быть и от полного истребления в открытом поле.

Смелой атакой моя бригада — Корниловский и Партизанский полки — взяла станицу Георгие-Афипскую, после энергичного ее обстрела и, в особенности, железнодорожной станции нашей артиллерией. От одного снаряда, попавшего туда, загорелся вагон с пушечными снарядами, который добровольцы едва успели потушить. Все же несколько снарядов, лежавших на земле, взорвались, и этим взрывом был почти на клочки разорван подвернувшийся кубанец с лошадью. Как только 2-я бригада захватила западную половину станицы и станцию, с востока ворвалась в нее и бригада Маркова, пользуясь тем, что растерявшиеся большевики стали метаться по станице и бросили оборону восточного моста, через который и вошла 1-я бригада. Снова победа была на нашей стороне. Помимо полного разгрома крупных сил красных (5 тысяч человек), мы захватили хорошую добычу, в числе которой находилось то, что для нас было дороже всего: до 700 артиллерийских снарядов. Собрав после боя на площади у железной дороги бригаду для встречи Генерала Корнилова, приехавшего благодарить ее, я с грустью увидел, как мало уже осталось в строю старых добровольцев, вышедших из Ольгинской. Прошло немногим больше месяца, а столько храбрых выбыло из нее, одни — навеки, другие, раненые, надолго. Их заменила новая молодежь, кубанские казаки, присоединившиеся к нам в попутных станицах».

Здесь Генерал Корнилов благодарность свою полку выразил в таких словах: «Спасибо вам, Корниловцы, за вечное дело!» Теперь трудно даже представить себе, какое впечатление произвели эти слова нашего Вождя и Шефа полка на измученных боем ударников. У многих катились слезы

из глаз от восторга, и гремело торжественное «ура». Торжество духа царило на поле брани.

Из книги Марковцев «Марковцы в боях и походах за Россию» (том 1, стр. 188)

«24 марта, бой у станицы Георгие-Афипской. 1-я бригада в 3 часа уже шла на сборный пункт. Смотр генералом Марковым Кубанского стрелкового полка сильно задержал бригаду, и она двинулась на Георгие-Афипскую только на рассвете. Дорога была тяжелая: густая грязь, вода в низинах и слабые мостики. Быстро светало. До станции оставалось еще две версты, но уже виднелись станционные постройки, стоящие на путях вагоны и можно было различить красные бронепоезда. Молчание. Колонна бригады стала разворачиваться: Офицерский полк взял направление правее станции, оставив 5-ю и 6-ю роты в резерве; левее его, фронтом на станцию, – Кубанский стрелковый полк. Местность ровная, покрытая мелким кустарником. Поражало продолжавшееся молчание противника и его бронепоезда, а затем и другого, появившегося из-за зданий. В это время к левой из ротных колонн полка подъехал Генерал Корнилов во главе своего штаба, с распущенным трехцветным флагом и группой текинцев, и обратился с каким-то указанием к генералу Маркову. Прошло несколько минут. Полк был от противника в версте. Вдруг сильный пулеметный огонь с бронепоездов обрушился на полк. Полк немедленно рассыпался и укрылся за дамбой, тянувшейся немного впереди. Первые потери: ранен в ногу начальник штаба Армии генерал Романовский, несколько текинцев упало с лошадей. Генерал Корнилов и штаб спешились и легли за валом. Правофланговой 4-й роте было приказано выдвинуться вперед с целью перерезать железную дорогу на Екатеринодар и охватить противника с его левого фланга. Рота не выдержала огня и остановилась. Но вот приказание: «Вперед!» Всего лишь верста разделяла противников, но ясно видимые цепи полка снова были встречены молчанием со стороны красных. Их бронепоезда застыли на двух крайних точках. Плохая примета! Значит, противник уверен в себе и готовит жаркую встречу. Батарея полковника Миончинского открыла огонь по бронепоездам. Ответный огонь красных по силе своей превзошел силу любого предыдущего боя. Цепи залегли. Зловещие стальные крепости красных маневрировали по линии и стреляли всей мощью своих орудий и пулеметов, не обращая внимания на рвущиеся вокруг них снаряды. Двинуться вперед прямо на бронепоезда офицерская цепь не смогла, она остановилась, не зная и не видя, что перед самыми позициями красных протекала речка Шелш, через которую был переброшен лишь один мостик: препятствие, которое, видимо, и давало такую силу сопротивлению красных. Уже Офицерским полком понесены большие потери. Было ровно 16 часов. Положение отчаянное. Генерал Корнилов продолжал оставаться на дамбе, наблюдая за боем.

Наконец он раздраженно сказал генералу Маркову: «Сергей Леонидович! Я просил вас о ночном налете, а вы закатили мне дневной бой!»

Это был упрек, даже более того — выговор. Генерал Корнилов не остался здесь больше, а уехал на левый фланг, где наступала 2-я бригада.

В создавшемся положении на участке всей 1-й бригады генерал Марков видел лишь одну возможность успеха атаки, это — в подавлении огня бронепоездов. Он приказывает полковнику Миончинскому отогнать красный бронепоезд, стоящий у станции, и при этом напоминает: бить по поезду, а не по зданиям, в одном из которых находился склад снарядов. Первый же снаряд батареи лег на насыпи под вагоном бронепоезда, а второй попадает в здание и... следует сильный взрыв. Генерал Марков воскликнул: «Эх, куда же ты стрелял! Я же предупреждал...» Этот невольный взрыв столь нужных Армии снарядов имел, однако, то немедленное следствие, что красные, сидевшие до сего времени крепко и уверенно на своих позициях, вдруг вскочили и бросились бежать через железнодорожную насыпь (по нашим данным, красные побежали не от взрыва на станции, а потому что в станицу и на станцию ворвалась 2-я бригада генерала Богаевского. Полковник Левитов). Бронепоезд дал ходу за ними и не вернулся. Мгновенно, с криками «ура!» рванулись вперед цепи 1-й бригады. Цепь Офицерского полка, поднявшись на железнодорожное полотно правее станции, увидела далеко убегающего противника. Далеко влево неслось «ура» 2-й бригады, которая обходила станицу Георгие-Афипскую с запада. Бронепоезд с пулеметами попал под огонь 5-ой роты и был взят. Бой кончился. Наступила ночь. В станицу одновременно вступали 1-я и 2-я бригады. Здесь полнота власти была у сестер милосердия: они задерживали проходивших здоровых и просили принести воды, хлеба, рвать простыни для перевязок и т. д. В этом бою потери Офицерского полка были большие, до 150 человек. Станцию и станицу обороняли до 5 тысяч красных при двух бронепоездах. Среди трофеев особую ценность составляли 700 снарядов».

В книге «Корниловский Ударный полк», на стр. 87 и 88 отмечается: «Корниловцы подошли к станции, но их встретил сильный отряд красных и бронепоезд. Полковник Индейкин, командир 3-го батальона, выдвинул во фланг им пулеметы и обратил их в бегство. Перед своим отступлением красные подожгли вагоны со снарядами. Корниловцы бросились на станцию спасать драгоценные для Армии снаряды. Командир Партизанского полка генерал Казанович говорил тогда: «В этом бою всех успехом мы были обязаны Митрофану Осиповичу Неженцеву и его Корниловскому Ударному полку».

Освещая роль Корниловского Ударного полка в бою под станицей Георгие-Афипской с разных точек зрения и служебного положения, приходиться согласиться, что роль свою обхода во фланг и тыл противника он выполнил блестяще. Более вероятно, что взрыв снарядов последовал от поджога красными при подходе Корниловцев к станции, и это было видно из того, что огонь все же удалось потушить и спасти снаряды. Взорвалось же только несколько из них, оказавшихся лежащими в горящей соломе, открыто.

Без угрозы красным с тыла, особенно оборонявшим мост, Офицерский полк мог и не перейти реку Шелш. Я, как участник этих боев, сви-

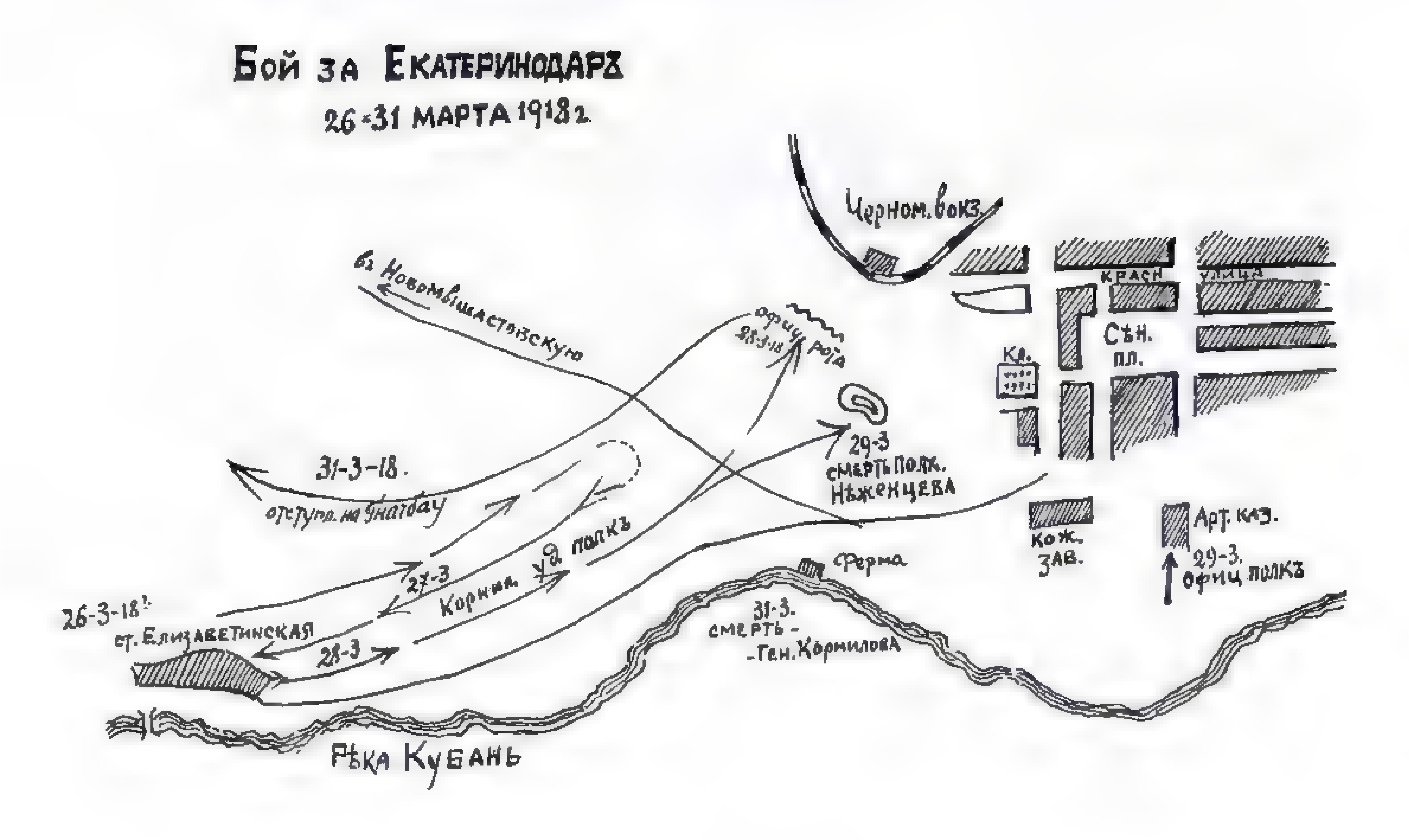
детельствую, что в словах благодарности Генерала Корнилова своему полку за взятие станицы и станции Георгие-Афипской чувствовался неподдельный его восторг от нашей работы. Личность полковника Неженцева, младшего в чине среди заслуженных командиров полков в генеральских чинах, все время остается в тени, но в то же время его любит Генерал Корнилов и ценят другие. Помимо того, что он — инициатор создания ударных частей в дни развала Русской Армии, он является и талантливым организатором основной силы ударников, которую он видел в пулеметах и артиллерии. Начиная с 1-го Ударного Отряда и до конца борьбы Корниловцев за честь России на родной земле, они всегда имели много пулеметов, умели владеть ими и в этом видели свою основную силу. Несмотря на то, что Корниловский Ударный полк в Ольгинской обогатился Партизанским офицерским батальоном имени Генерала Корнилова в составе четырех рот, среди которого было много заслуженных боевых строевиков, к полковнику Неженцеву, со стороны всех чинов его было восторженное отношение. Заканчивая обзор боя за станицу Георгие-Афипскую, я до сего времени с чувством восторга вспоминаю, как Генерал Корнилов благодарил нас: «Спасибо вам, мои ударники, за ВЕЧНОЕ дело!»

Громкое «ура» и слезы восторга были ответом нашему Вождю и Шефу полка. Каждый из нас знал, что Генерал Корнилов заслуженно получал свои высшие посты в Русской Императорской Армии, что в революционное время он первым открыто призывал своим манифестом всех русских патриотов к борьбе за спасение национальной России и первым не только наметил место для сбора Добровольческой Армии, но и сам прибыл туда вместе со своим полком. Вот та сознательная сила, которая влекла добровольцев к Генералу Корнилову.

Потери полка за этот бой были около 50 человек убитыми и ранеными.

Наступление на город ЕКАТЕРИНОДАР

С занятием Георгие-Афипской Добровольческая Армия вышла югозападнее Екатеринодара на линию железной дороги Новороссийск-Екатеринодар. 2-я бригада генерала Богаевского должна была перейти в аул Панахес, ожидание обоза отняло много времени, и Корниловцы выступили только после обеда. Сначала шли вдоль железной дороги, но потом пришлось свернуть в сторону, так как дальнейшему движению мешал своим огнем бронепоезд, с которым завязалась перестрелка. Дальше двинулись уже ночью, без дорог. Какой это был ужасный путь! Широко разливаясь по плавням, река Кубань затопила свой левый берег на много верст, и нам пришлось почти все время идти по воде, сбиваясь с дороги, попадая в ямы и канавы. Кругом, в нескольких местах горели брошенные хутора, подожженные черкесами, шедшими впереди нас, и это еще больше увеличивало ужас этой мрачной ночи. Мы прошли чуть больше десяти верст, отдохнули немного в ауле Панахес и рано утром **26 марта** повернули на станицу Елизаветинскую. Стало ясно, что атака Екатеринодара будет оттуда. Впереди Корниловцев шла конная бригада генерала Эрдели,


Бой за Екатеринодаръ
26-31 марта 1918 г.
Черном. вокз.
Красн улица
Сѣн. пл.
Кожж. зав.
Арт. каз.
29-3. офиц. полкъ
въ Новомышастовскую
офиц. рота
31-3-18.
отступл. на Гначбау
29-3 смерть полк. Нежинцева
27-3
Корнил. уд. полкъ
26-3-18 г.
ст. Елизаветинская
28-3
Ферма
31-3. смерть - Ген. Корнилова
Рѣка Кубань

которая неожиданным налетом захватила там переправу. В 9 часов из аула Попасли две роты Корниловского Ударного полка под командой капитана Миляшкевича были отправлены к переправе с целью охраны ее для нас. В 14 часов полк тронулся и в 18 часов стал переправляться через реку Кубань на пароме, вмещавшем четыре повозки и до 50 человек. Другой, поменьше, и несколько лодок поступили в распоряжение других.

Казаки хотя и встретили нас колокольным звоном, особенно рады нам не были: с нашим приходом они должны были нарушить весь уклад своей жизни. Быть может, большевики и не ожидали нас с этого направления, но с 20 часов началась уже перестрелка с нашим сторожевым охранением. Станица и переправа обстреливались артиллерийским огнем. Полк ожидал наступления на восточной окраине станицы, но с наступлением ночи расположился в самой станице. Вся ночь прошла в перестрелке. Работа на переправе кипела, без остановки переправлялся боевой обоз.

1-я бригада генерала Маркова осталась сзади для прикрытия главным образом походного лазарета и обоза.

27 марта 1918 г. В 5 часов противник перешел в наступление. Весь полк на позиции сдерживает его, ожидая подхода Партизанского полка. С подходом Партизан полк переходит в наступление, бригада обращает противника в паническое бегство вплоть до окраины города. По соображениям общего порядка атака на центр города была отложена, и бригада отошла в станицу, выставив сторожевое охранение от Партизанского полка. Станица была забита нашими обозами и казаками, прибывшими из соседних станиц. Наш полк пришел в станицу в 20 часов и разместился по квартирам. Здесь полк получил пополнение — 300 казаков под командой есаула Кисель.

28 марта с утра в полку произведена реорганизация, — он был сведен в два батальона. На 1-й батальон назначен полковник Индейкин (полковник Булюбаш был ранен за Филипповскими хуторами), на 2-й — есаул Кисель. В 14 часов получено приказание спешно двигаться на левый фланг Партизанского полка, которого сильно теснит противник. Корниловцы вышли на окраину станицы с оркестром и с развернутым Знаменем. Генерал Корнилов сам направил полк для наступления, и здесь большинство из нас в последний раз видели нашего Вождя и Шефа полка. Под звуки оркестра полк развернулся в боевой порядок, стремительно перешел в контратаку и стал теснить противника. Красные дрогнули и на всем фронте обратились в бегство. Тысячные толпы бежали от наших частей. Сопротивление оказывала лишь артиллерия противника, которой было очень много. К 20 часам полк достиг основных укреплений перед самым городом, но опять было получено приказание в город не врываться. Здесь полк понес большие потери. Части остались на занятых позициях. Ночь прошла в оживленной перестрелке. В числе раненых оказались командиры батальонов, полковник Индейкин и есаул Кисель.

Здесь я освещу немного подробней обстановку на участке 1-ой офицерской роты, куда я попал с остатками 3-ей офицерской роты. Когда наше наступление остановилось перед укреплениями красных на окраине города, участок роты имел направление на Черноморский вокзал и был

левофланговым. Около вокзала расположились несколько бронепоездов противника, и они косили нас во фланг. Красные из своих окопов, с расстояния в 500 шагов тоже поливали нас ружейным и пулеметным огнем, мы же лежали в случайных окопчиках, предназначенных, по-видимому, для сторожевого охранения, а потому мало укрывавших нас от огня Всем стало ясно, что если мы не выбьем красных, то нам придет нормальный и скорый конец. Приказ не врываться в город еще не был нами получен, и временно командующий ротой отдает приказание атаковать. Лихо все вскочили, не отставали от нас и казаки пополнения, и понеслись. Правда, чудеса бывают, но не всегда: бронепоезда от Черноморского вокзала не только мешали нас с землей, но и воодушевляли этим красноармейцев, видевших и без этого нашу малочисленность. Все же мы, как камешки на решете веялки, катились вперед, оставляя позади себя павших, но не достигнув цели на каких-нибудь 150 шагов, пали и мы. Вижу, как красные пачками выскакивают из окопов и бегут добивать наших. Я ранен в левую ногу осколком, осколком или пулей «гра», рана — ладонью не прикрыть, и вся нога парализована. Первая мысль — стреляться... Левая рука у меня с мая 1915 года не действует от ранения в плечо, а потому я все делаю правой: снимаю штык, тянусь к спуску, пуля сбивает только мою папаху. Лежащий рядом со мной казак ругает меня и обращает мое внимание на огонь наших пулеметов, который загнал всех красных в окопы, и раненые стали, отстреливаясь, отползать в наше исходное положение. Командир нашей роты тяжело ранен в живот, но легко раненные и его дотянули до окопчика. Если не ошибаюсь, — это был поручик Фабер, которого все же оставили в школе станицы Елизаветинской как тяжело раненного. По одной версии, его спасла местная учительница, а я слышал, будто бы спасла его организация Савинкова.

Стали наступать сумерки, артиллерийский огонь затих, и нас подобрали. Перевязочный пункт в Елизаветинской еще усилил наше представление о потерях за этот день. От когда-то славного, чисто офицерского батальона 4-ротного состава к Екатеринодару оставалась одна только рота и то с влитым пополнением из казаков, а сегодня и она пала на поле брани, сохранив лишь малый кадр для новых добровольцев. Кое-чем перевязали нам раны и троих на повозке отправили в дом какого-то казака. Болела рана, щемило сердце, а сознание твердило: не выдержим...

29 марта. Корниловский Ударный полк истекал кровью, напрягая последние силы. Привожу описание этого дня командиром нашей 2-й бригады генералом Богаевским:

«С утра 29 марта шла непрерывная перестрелка. Большевики прочно заняли окраины Екатеринодара, вырыли окопы и засели в них. По сведениям, полученным нами впоследствии, красных было в это время до 28 тысяч человек с 2-3 бронепоездами, 25 орудиями и громадными запасами патронов, ружейных и артиллерийских. И против таких сил мы имели около 4 тысяч бойцов и едва одну тысячу снарядов! Но все же большевики сознавались после, что четыре дня боя под Екатеринодаром стоили им более 10 тысяч убитыми и ранеными.

После полудня 29 марта подтянулись и все части бригады генерала

Маркова. Обоз с небольшим прикрытием был оставлен в станице Елизаветинской. Корнилов решил в 5 часов повторить атаку на Екатеринодар всем фронтом. Она удалась только на правом фланге. Марков после упорного боя овладел артиллерийскими казармами и начал закрепляться там, а на левом фланге (Корниловцы) мы понесли тяжкие потери и отошли на свои позиции. Во время атаки доблестно погиб командир Корниловского Ударного полка Генерального штаба полковник Неженцев, Митрофан Осипович.

Худощавый, небольшого роста, в пенсне на близоруких глазах, это был человек железной воли и мужества, не знавший страха. Генерал Корнилов очень любил его. В роковой день полковник Неженцев все время находился на холме, почти на линии своих цепей, под страшным огнем красных. Резерва у него уже не было. Узнав о взятии генералом Марковым артиллерийских казарм, он отдал полку приказ атаковать. Цепи поднялись и снова залегли (были почти одни вновь прибывшие кубанцы), не будучи в силах преодолеть ураганный огонь противника. Тогда Неженцев сам бросился к ним, поднял их и повел в атаку, но, раненный в голову, упал, поднялся, сделал еще несколько шагов и был убит второй пулей. Цепи снова залегли. Тело командира полка с трудом перетащили на холм, откуда он шел перед смертью. В этот вечер я осматривал позицию своей бригады. Выехав с фермы засветло, я не мог доехать до полков. Большевики открыли бешеный огонь, пришлось спешиться и выждать темноты.

Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием: «штаб Корниловского Ударного полка», почти на линии окопов. Крошечный «форт» с отважным гарнизоном, где только трое были живы, остальные бойцы лежали мертвыми.

Один из живых, временно командующий полком, измученный почти до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира полка полковника Неженцева. Он лежал тут же, такой же стройный и тонкий, на груди черкески тускло сверкал Георгиевский крест. От позиции большевиков было несколько десятков шагов. Они заметили наше движение, и пули роем засвистали над нами, впиваясь в тела убитых. Лежа рядом с павшим командиром, я слушал свист пуль и тихий доклад его заместителя о боевом дне».

Какие большие потери понесли в этот день Корниловцы, видно из рассказа сестры милосердия В. С. Васильевой-Левитовой. В наступившей темноте доктор Крошечкин и она с сестрой Таней, отправив очередной обоз с ранеными, пошли на хорошо им знакомые позиции полка. Раненые оказались настолько разбросанными в сторону красных, что они, подойдя к группе каких-то солдат, сразу узнали в них красноармейцев, которые тоже взяли их под подозрение и со штыками наперевес окружили их. Доктор стал уверять их, что они из их санитарного отряда, а сам, подмигнув сестрам, выхватил из кармана револьвер и, отстреливаясь, они бросились бежать. Ночь спасла их, но доктору Крошечкину красные все же раздробили пулей предплечье. По возвращении из похода он скончался от этой раны в Новочеркасске. Две же сестры, не найдя никого на по-

зициях, пошли на молочную ферму, где был штаб Армии, и им удалось сообщить о положении полка Генералу Корнилову, которого они видели тоже в последний раз.

«К ночи с 29-го на 30-ое, — продолжает генерал Богаевский, — наше положение было таким: генерал Марков занимал артиллерийские казармы и укреплялся там под сильным огнем противника; моя бригада (фактически один Корниловский Ударный полк, сильно потрепанный) оставалась на прежних позициях, подавленная большими потерями и смертью командира полка. Партизанский полк, разбросанный в разных местах, был не в лучшем состоянии. Конница генерала Эрдели отходила к садам. К большевикам, видимо, подошли подкрепления. **Их огонь не ослабевал. Утром привезли на ферму тело полковника Неженцева. Генерал Корнилов вошел к нему, долго, в тяжелом раздумье смотрел на него, перекрестил и поцеловал, как погибшего родного сына... Смерть эта сильно поразила его. Нередко в этот день, среди разговора, он говорил собеседнику: «Неженцев убит... Какая потеря!..» На другой день он сам отошел в лучший мир...»**

30 марта. Командиром Корниловского Ударного полка был назначен лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов, Александр Павлович, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка, принявший наш полк в 65 штыков. Генерал Корнилов приказал влить в полк 350 казаков Новомышастовской станицы под командой полковника Шкуратова.

Штурм Екатеринодара был предрешен Генералом Корниловым, который считал, что другого выхода не было. Все старшие начальники заявили, что рассчитывать на успех невозможно. Один только Генерал Алексеев был согласен с Генералом Корниловым и лишь просил отложить штурм на сутки, чтобы дать добровольцам хотя бы и сомнительный отдых. Генерал Корнилов согласился на это, и штурм был назначен на 1 апреля.

Смерть Генерала КОРНИЛОВА

Свидетель смерти Генерала Корнилова командир нашей 2-ой бригады генерал Богаевский так описывает этот трагический момент:

«**31 марта** около 7 часов утра я зашел к генералу Корнилову, чтобы доложить ему о результатах своего объезда позиции бригады накануне вечером, а также и последние утренние сведения. Лавр Георгиевич сидел на скамье, лицом к закрытому циновкой окну, выходящему в сторону противника. Перед ним стоял простой деревянный стол, на котором лежала развернутая карта окрестностей Екатеринодара и стоял стакан чая. Генерал Корнилов был задумчив и сумрачен. Видно было, что он плохо спал эту ночь, да это и было понятно: смерть Неженцева и тяжелые известия с фронта не давали, видимо, ему покоя. Он предложил мне сесть рядом с собой и рассказать то, что я видел. Невесел был мой доклад. Упорство противника, получившего, по-видимому, значительные подкрепления, огромные потери у нас, смерть командира Корниловского Ударного полка, недостаток патронов, истощение резервов... Доклад мой продол-

жался около получаса. Генерал Корнилов молча выслушал меня и мрачно углубился в изучение карты. Его последние слова, сказанные как бы про себя, были: **«А все-таки атаковать Екатеринодар необходимо, — другого выхода нет».**

В коридоре я встретился с кем-то из офицеров и мы стали разговаривать. Но не прошло и пяти минут после моего ухода от Командующего, **как раздался страшный грохот и удар, точно молния, от которого задрожал весь дом. Дверь из комнаты Генерала Корнилова раскрылась со страшным треском, и оттуда вылетел столб белой известковой пыли. Снаряд попал в эту комнату. Адъютант Генерала Корнилова и я бросились в нее и увидели ужасную картину:** Генерал Корнилов лежал на полу с открытыми глазами, весь покрытый белой пылью. Его голову поддерживал его адъютант, корнет Бек-Хаджиев, по левому виску текла струйка крови, правая нога была вся в крови, шаровары были разорваны. Генерал Корнилов тихо стонал. В комнате все было перевернуто вверх дном. В наружной стене, немного выше пола, как раз против того места, где сидел Командующий Армией, видно было отверстие, пробитое снарядом, который, видимо, разорвался, ударившись в стенку за спиной Генерала Корнилова. В комнате стояла столбом пыль, смешавшаяся с дымом разорвавшегося снаряда. Прибежавший врач немедленно распорядился принести носилки, на которые мы и положили еще дышавшего Генерала Корнилова и вынесли его на двор. Было чудное солнечное утро. Стрельба красных стала положительно ураганной. Снаряды все время разрывались около самого дома, и офицеры, которые несли носилки, не зная, куда деться от снарядов, быстро понесли его в небольшой сарайчик, крыша которого часто служила Генералу Корнилову наблюдательным пунктом. Я несколько задержался в доме, услышав, что в телефонной комнате, среди всеобщей суматохи, кто-то истерическим голосом кричал в телефонную трубку: «Все пропало, Корнилов убит!» Эту новость сообщал Маркову совершенно потерявший голову один из штабных офицеров. Вырвав у него из рук трубку, я очень невежливо обругал его и буквально вытолкал вон из комнаты. Но, к сожалению, тяжкое известие уже было передано на фронт. Выскочив на двор, я увидел, что носилки с Генералом Корниловым пытались протиснуть в узкую дверь сарайчика, который не только не представлял никакой защиты от снарядов, а наоборот, деревянный с соломенной крышей, послужил бы костром для всех, кто в него вошел, в случае попадания в него снаряда, что было вполне возможно. Я вспомнил, что в нескольких десятках шагов от дома, на крутом берегу Кубани, есть небольшая терраса, достаточно укрытая от выстрелов, и указал ее офицерам, которые несли носилки. Меня вновь кто-то задержал, и когда я через несколько минут пришел на террасу, то увидел такую картину: на носилках, по-прежнему с закрытыми глазами, чуть дыша, лежал Генерал Корнилов. Лицо его уже было обмыто. Около него стояли генерал Романовский, доктор, сестра милосердия и еще несколько человек. Когда я подошел, доктор, стоявший у изголовья носилок, **приподнял веки Генерала Корнилова и тихо сказал: «Кончается»... Еще один вздох, и Генерала Корнилова не стало.**

Кто-то сложил ему руки на труди крестом. Совершенно случайно я опустил руку в карман пальто и нашел там маленький крестик, машинально сделанный мной из воска свечи во время последнего Военного совета. Я вложил этот крестик в уже похолодевшие руки своего Вождя.

Так закончил свою жизнь один из ВЕЛИЧАЙШИХ русских патриотов, не побоявшийся открыто восстать против бездарного «временного правительства» и затем против большевиков. История отведет ему почетное место в рядах тех, кто боролся с проклятой советской властью, погубившей Россию. Добровольческая Армия потеряла в нем горячо любимого ВОЖДЯ, которому она безгранично верила, а Россия — верного, доблестного сына, положившего свою душу за ее спасение».

Книга «Корниловский Ударный полк» стр. 91

«31 марта в восьмом часу утра Генерал Корнилов разорвавшейся бомбой был убит в своей комнате на ферме. Погиб ВЕЛИКИЙ русский патриот. Ужасная весть, как ни хотели ее сначала скрыть, сразу облетела всю Армию. Добровольцы пали духом. Корниловцы этим вторым ударом были окончательно придавлены. У всех была одна и та же мысль: «Конец всему!»

Находясь раненым в станице Елизаветинской, я имел случай выпросить у текинцев из конвоя Генерала Корнилова небольшой отрезок с генеральским лампасом от его брюк, который они взяли у своего любимого Бояра на память. Этот отрезок, как драгоценная память о Вожде, хранится у меня до сего дня. Полк. Левитов.

КОРНИЛОВУ

1.

В мареве беженства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите: руки Корнилова
Русскую землю несут.

Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все,
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.

Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.

Есть умирание в теперешнем,
В прошлом бессмертие есть.
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.

Мы и живые безжизненны,
Он и бежизненный жив.
Слышу его укоризненный,
Смертью венчанный призыв.

Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ.
Слышите: сердце Корнилова
В колокол огненный бьет!

2.

Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажег
Над Русью бунт костры из муки,
Народ, как раб, на плаху лег.

И только ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Был мертвой родины достоин
В те недостойные года.

И только ты, подняв на битву
Изнемогавших, претворил
Упрек истории — в молитву
У героических могил.

Вот почему с такой любовью,
С благоговением таким
Клоню я голову сыновью
Перед бессмертием твоим.

Иван Савин

Гимн — марш Корниловского Ударного полка

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет,
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев:

Вперед, на бой! На бой, кровавый бой!

Русь могучую жалеем,
Нам она кумир.
Мы одну мечту лелеем —
Дать РОССИИ мир.

Припев.

Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!

Припев.

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг
И что в Быхове не пленник
Был, а верный друг.

Припев.

За РОССИЮ и свободу,
Если в бой зовут,

Гимн-Марш Корниловскаго Ударнаго Полка

Текст кап. Кривошеева   Музыка кап. Игнатьева

Продолжение - смотри текст гимна.

То Корниловцы и в воду
И в огонь пойдут.

Слова капитана Кривошеева.
Ноты капитана Игнатьева.

МОГИЛА КОРНИЛОВА

Над крутым обрывом у седой Кубани,
Далеко белея, крест стоит простой.
Здесь, на этом месте, у последней грани,
Раненный смертельно умирал герой.

Замолчало сердце, словно было радо
Отдохнуть, не биться трепетно в груди.
Кто заговорил там? Тише, слов не надо,
Жизнь уже осталась где-то позади!

Замолчало сердце... Оборвалась сказка...
Замерла, сверкая, чья-то песнь вдали...
Мимолетной гостьей пронеслася ласка...
Светлые виденья навсегда ушли...

Но с тех пор годами, верная завету,
В непосильной битве горсточка людей
В пламенном порыве, веруя в победу,
Гордо держит Знамя Родины своей.

Не сломить той веры, не залить рекой
Алой братской крови пламя в их груди,
Оттого, что светит яркою звездою
Белый крест далекий им на их пути.

З. Готгарт

Песнь Добровольческой Армии Юга России

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы, — Русские солдаты!

В нас дух отцов — богатырей,
И дело наше свято, —
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

Мужайтесь, матери, отцы,
Терпите, жены, дети,
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.

Не плачь о нас, святая Русь,
Не надо слез, не надо,
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада.

Вперед же, братья, на врага,
Ура! Полки лихие.
Господь за нас: мы победим,
Да здравствует Россия!

* * *

Тяжела и непосильна была для Добровольческой Армии операция за Екатеринодар, но вспоминая те героические дни борьбы за честь России, не только поешь гимн безумству храбрых, но и задаешь вопрос: чего не доставало тогда для успеха? Я, как участник 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода, второй раз выведенный из строя ранением 28 марта в бою под Екатеринодаром, с горечью сожалею:

1) Об отсутствии офицеров гор. Ростова на Дону, не пошедших с нами в поход; 2) Об отказе генерала Попова подчиниться Генералу Корнилову и 3) «Идешь на штурм — снимай коммуникации»: наличие Офицерского полка среди нас в первые дни штурма Екатеринодара решило бы все. Долг чести в отношении к раненым дорого обошелся нам.

При наличии среди нас 17 тысяч офицеров гор. Ростова или отряда генерала Попова мы могли бы до Кореновки включительно вести бои на уничтожение живой силы противника. Тогда штурма Екатеринодара могло бы и не быть. Офицеры думали, что все само собой образуется, а казаки хотели устроить свою жизнь без России, не послушали своих лучших представителей и пока что получили: в лице Генерала Корнилова лишились выдающегося Вождя, безрезультатно пролили реки крови российских патриотов и поставили под вопрос существование Добровольческой Армии.

Вступление в командование Добровольческой Армией Ген. Деникина

Донесение генералу Алекееву в станицу Елизаветинскую: «Доношу, что в 7 часов 20 минут в помещении штаба был смертельно ранен Генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками Добровольческой Армии. 31 марта. 7 часов 40 мин. № 75. Генерал Деникин».

Приехавший генерал Алексеев обратился к генералу Деникину: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помоги вам Бог!»

Приказ по АРМИИ

§ 1

«Неприятельским снарядом, попавшим в штаб Армии, в 7 час. 30 мин. 31 сего марта убит Генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести Ее позора. Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление. Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой Армии и славное командование ею известны всем нам. Велика потеря наша, но пусть не

Генерального штаба, Генерал-Лейтенант ДЕНИКИН,
командующий Добровольческой Армией с 31-го марта 1918 г.

смутятся тревогой сердца наши и пусть не слабеет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову, нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

В командование Армией вступить генералу Деникину».

Генерал от инфантерии Алексеев.

Одним из первых распоряжений нового Командующего Армией был приказ об **отступлении от гор. Екатеринодара.**

Не легко было ему начать свое командование таким приказом. Но обстановка требовала этого. Было решено отходить на север. Другого направления не оставалось: все другие пути преграждались рекой Кубанью или силами большевиков. 2-ой бригаде опять пришлось занять свое обычное место в арьергарде. Начали отход вечером, небольшими частями, чтобы не обнаружить своих намерений. Оставшиеся на месте части усилили свой огонь, и большевики отвечали тем же, опасаясь, видимо, нашего наступления. Во время этой перестрелки мы тоже понесли немалые потери, и между другими был убит доблестный офицер лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка есаул Рыковский. С наступлением темноты 1-я бригада генерала Маркова тронулась в авангарде, а 3-я конная бригада генерала Эрдели должна была прикрывать Армию на походе, жертвуя собой.

Корниловский Ударный полк в составе своей 2-ой бригады генерала Богаевского, **будучи в арьергарде Армии, снялся с позиции под городом поздно ночью.** Офицерский полк за бои под Екатеринодаром свои потери исчисляет в 50%, но у Корниловцев их трудно и подсчитать. В Ново-Димитриевской полк получил пополнение и к началу боев за Екатеринодар имел в своих рядах тысячу штыков. В Елизаветинской с есаулом Кисель поступило пополнение в 300 казаков. После боев за Черноморский вокзал и смерти полковника Неженцева полковник Кутепов принял полк в 67 штыков. По приказанию Генерала Корнилова в него вливают 350 казаков Новомышастовской станицы под командой полковника Шкуратова, а в колонию Гначбау полк прибывает в составе СТА штыков. Итак, Корниловский, Ударный полк за Екатеринодарскую операцию имел в своем составе: 1.000 плюс 300 плюс 350 итого 1.650 штыков. В момент же отступления полковник Кутепов имел 67 штыков. Исходя из этого расчета, потери полка считаются 1.583 человека.

В Екатеринодарскую операцию входят следующие бои: за станицу Григорьевскую, Смоленскую, Георгие-Афипскую и Екатеринодар.

Эта цифра потерь Корниловского Ударного полка говорит о том, что полк Генерала Корнилова от начала до конца, согласно словам его прощального приказа, нес на алтарь своего Отечества все свои мысли, чувства и силы. Результат этой жертвенности теперь заключался в многоверстном обозе, где тела Генерала Корнилова и полковника Неженцева лежали на одной повозке, а на остальных было до 1.500 раненых... Не всех их можно было взять, — и 64 тяжело раненных были оставлены в ст. Елизаветинской, где большевики почти всех их перебили.

Мои личные переживания за 31 марта

Весть о смерти Генерала Корнилова и вступление в командование Армией генерала Деникина рисовали в напряженном мышлении раненых мрачную картину будущего. Поздно вечером входит к нам хозяин дома, где мы лежали, казак станицы Елизаветинской, и говорит: «Армия отступает, я не могу отвезти вас, но даю вам пару коней, а править будет моя 14-летняя дочка». Уложил он на хорошо приготовленную телегу нашего тяжело раненного, помог нам обоим взобраться со своими костылями, вывел за станицу и попрощался с нами. Что побудило казака на такую большую жертву для нас — трудно сказать. Думали мы тогда, что это боевое товарищество спасло нас. Казачка знала свое дело, и мы в ту же ночь были в составе лазарета. Начиная с утра, по дороге, и днем, в колонии Гначбау, мы слышали вспышки стрельбы и испытали близкие разрывы снарядов. Хуже всего было видеть приведение в негодность бросаемого оружия, но особого паникерства мы не заметили. Полковник Левитов.

* * *

1 апреля 1918 г. Добровольческая Армия заняла небольшую колонию Гначбау, всего в 12 дворов. Противник это заметил, и его артиллерия стала ее обстреливать. Снаряды падали по всей колонии, наводя панику. Один попал в дом, где остановился генерал Алексеев и убил писаря. Настроение у всех было подавленное. Многие из молодых казаков последнего пополнения ушли потихоньку от нас и вернулись в свои станицы. Ушли несколько человек с генералом Гилленшмидт и бесследно пропали. Некоторые открыто говорили о безвыходности нашего положения и о необходимости спасаться любыми средствами. Однако им стали открыто возражать. Так, один воспитанник Виленского военного училища громко заявил: «Вы — как хотите, а я буду биться. Девиз нашего училища говорит: «Один в поле и тот воин!». Громко и уже с возмущением обрушились Корниловцы-офицеры на павших духом, обвиняя их в предательстве. Были и такие, которые пытались оправдать не пошедших с нами офицеров из Ростова, но их стали прямо называть предателями, и в дальнейшем разговоры об этом прекратились. Красные стали было наступать, но их отбили. Согласно распоряжению, все лишнее уничтожалось, обозы сокращались. Перед вечером противник снова повел наступление с юга, и мы, раненые, с замиранием сердца следили, как Корниловцы, пополненные музыкантами, в количестве не более ста штыков, стали жиденькой цепочкой подниматься на бугор, навстречу врагу. Цепь скрылась в наступившей темноте, послышалось жидкое «ура», замелькала чья-то конница... Наступили долгие минуты напряженного ожидания: кто же кого отбросил?

В это время обоз с ранеными быстро стали вытягивать и мы тронулись, похоронив в неизвестной могиле Генерала Корнилова и полковника Неженцева. Могилу сравняли, не оставив никаких признаков, только сняв

кроки с местности. Однако, как потом стало известно, большевики на другой день после нашего ухода с помощью местных жителей нашли могилу, вырыли тела и, бросив обратно тело полковника Неженцева, труп Генерала Корнилова отвезли в Екатеринодар, где долго издевались над ним и потом сожгли. По полученным после данным, тело Генерала Корнилова возили по Екатеринодару, забрасывая его всякой дрянью, повесили перед домом штаба армии и через день сожгли, а прах его выстрелили из пушки. С приходом же добровольцев, на берегу Кубани, около молочной фермы, где Генерал Корнилов скончался, был поставлен крест на его символической могиле.

Мало кто знал о намерениях генерала Деникина, но пока что Армия взяла направление на станицу Медведовскую.

Командир нашей 2-ой бригады генерал Богаевский так освещает в своих воспоминаниях этот переход:

«Колония Гначбау, оставившая у нас тяжелое воспоминание, осталась далеко позади. Артиллерийский огонь красных постепенно затих. Наша колонна длинной лентой обоза вытянулась по степи. Моя бригада — остатки Корниловского Ударного полка и Партизанского — в арьергарде, Марковцы впереди. Предстояло снова переходить железную дорогу. Для нас она была злейшим врагом: везде шныряли красные бронепоезда, на станциях стояли готовые эшелоны, и мы, с нашим ничтожным запасом снарядов были бессильны вступить с ними в серьезный бой. А ведь на переход всего 10-верстного обоза с ранеными нужно было не менее 2-3 часов.

3 апреля. Около 4 часов утра, пройдя 24 версты, наш авангард подошел в темноте к железной дороге у станицы Медведовской. Сторож у переезда был арестован нашим разъездом, и генерал Марков, приехавший с ним, заставил его, крайне перепуганного, успокоить по телефону эшелон большевиков на станции, слышавших подозрительный шум нашего движения и спрашивающих о нем сторожа. В это время части генерала Маркова уже развернулись к атаке станции. Все шло хорошо, но вдруг с последней раздались выстрелы: наш переезд вспугнул красных часовых. От станции отделился красный бронепоезд и тихо, с закрытыми огнями двинулся к переезду, где находились генерал Алексеев и генерал Деникин со штабом Армии и куда прошла голова обоза. Бронепоезд был уже в нескольких шагах от переезда. Вдруг генерал Марков закричал машинисту, чтобы он остановился, так как в противном случае «своих передавит» и, когда ошалевший машинист действительно остановил поезд, Марков схватил ручную гранату и бросил ее в паровоз. С поезда немедленно начался адский огонь во все стороны, ружейный и пулеметный. Офицерский полк во главе с генералом Марковым вступил в горячий бой с гарнизоном бронепоезда, который упорно защищался. Полковник Миончинский почти в упор всадил в паровоз гранату из своего орудия и разбил ему его переднюю часть, часть вагонов удалось поджечь. Когда раздались первые выстрелы, я поспешил со своими на помощь Маркову, с трудом обгоняя обоз по пахотному полю, уже по пути получив приказание генерала Деникина — поспешить на помощь.

Когда я подошел к бронепоезду, где уже находился штаб Армии, здесь уже все было кончено. Тушили горевшие вагоны, вытаскивали из бронепоезда снаряды и патроны, переносили раненых. Неутомимый Марков, герой этого блестящего дела, весело рассказывал генералу Деникину и штабу подробности боя. Севернее, генерал Боровский со своими юнкерами атаковал станцию и взял ее. Моя батарея понадобилась, чтобы несколькими выстрелами отогнать появившийся с юга новый бронепоезд. Обоз быстро переходил через железную дорогу и рысью въезжал в станицу, попадая по пути в сплошную полосу пулеметного огня со станции. Трофеи: 360 артиллерийских снарядов и до ста тысяч ружейных патронов, много пулеметных лент, перевязочного материала, продовольствия и одежды. В Офицерском полку 15 убитых и 60 раненых. Четырех убитых артиллеристов хоронят тут же, у переезда. Четыре взятых на бронепоезде орудия генерал Марков приказал не брать и испортить.

После небольшого отдыха в станице Армия двинулась в станицу Дядьковскую, еще 17 верст. В авангарде 2-я бригада.

4 апреля. Победа генерала Маркова всех окрылила и вера в генерала Деникина зародилась. Ночь в станице Дядьковской прошла спокойно. **Полковник Кутепов и старшие офицеры полка были заняты набором в свой полк всех, кто мог держать винтовку. Успех был полный: фактически сводная рота развернулась в пять рот (очень малого состава) по 50 человек, но среди них большинство были кубанцы. Это особенно радовало Корниловцев потому, что наши жертвы уже давали плоды, — светоч генерала Алексеева разгорается, и казачество, несмотря на наши неудачи, пополняет наши ряды.**

В станице Дядьковской добровольцы оставили вторую партию тяжело раненных, с медицинским персоналом, с деньгами на их содержание и предупреждением большевикам, что если они будут расстреливать наших, тогда и мы расстреляем их видных большевиков, находящихся у нас в плену. Тяжело было генералу Деникину решиться на такую меру, но другого выхода не было. Причина этой меры - безнадежность для самих тяжело раненных в предстоящих Армии тяжелых переходах, всегда под обстрелом и без средств лечения. К оставлению было предназначено 200 человек, но фактически оставили только 119, остальных увезли их сослуживцы. Из них, как после узнали, двое были все же убиты при невыясненных обстоятельствах и 16 умерли сами. Первая партия была оставлена в станице Елизаветинской по той же причине, соединенной с отсутствием транспорта и медицинского персонала, могущего погрузить их. В живых из этой партии остался только один, временно командовавший 1-ой ротой поручик Фабер, тяжело раненный 28 марта под Черноморским вокзалом, оставленный в живых по приказанию командарма Сорокина и впоследствии освобожденный из тюрьмы организацией Савинкова.

5 апреля. В 9 часов Армия выступила, оставив в станице тяжело раненных. Корниловский Ударный полк — в авангарде. В 16 час. полк прибыл в хутор Журавский, где был дан шестичасовый привал. В 22 часа приказано было выступить. Вся Армия — на подводах, генерал Деникин

решил громадными маршами, не жалея лошадей, оторваться от противника и выйти из-под удара. К 24 часам полк подошел к линии железной дороги Тихорецкая - Екатеринодар и занял участок фронтом на ст. Кореновская, а Офицерский полк — на станцию Выселки; через переезд стали быстро пролетать обозы.

6 апреля. К 4 часам вся Армия перешла железную дорогу, полк снялся и пошел в арьергарде. В 5 часов подошел бронепоезд красных, но части уже отошли от железной дороги, и его снаряды не наносили вреда. К 9 часам полк подошел к станице Бейсугской, где и стал на большой привал. В 11 часов Добровольческая Армия продолжала движение вперед и к 16 часам прибыла в хутор Владимирский. В 22 часа Армия выступила.

7 апреля. В 2 часа перерезали железную дорогу Тихорецкая - Кавказская и к 5 часам Армия достигла хутора Хоперского. В 11 часов противник повел наступление, которое было отбито. В 18 часов Армия продолжала движение и к 24 часам прибыла в станицу Ильинскую, где и стали по квартирам.

8 апреля. Приведение полка в порядок. Панихида по Генералу Корнилову. Бросается в глаза хорошее отношение казаков.

9 апреля. Дневка в станице Ильинской. Полк в сторожевом охранении.

10 апреля. В 18 часов противник повел наступление со стороны станицы Димитриевской, обстреливая станицу артиллерийским огнем. Ликвидировать наступление приказано бригаде генерала Богаевского (2-ой), который для наступления дал Корниловцам участок правее дороги Ильинская — Димитриевская, а Партизанскому полку левее. К 22 часам полк оттеснил противника к станице Димитриевской. Взяло было два пулемета. Красные оставили Димитриевскую и отошли на станицу Расшеватскую. В 24 часа Корниловцы вернулись обратно в станицу, став, по-прежнему, по квартирам.

11 апреля. Отдых в станице Ильинской. Противник не тревожит. Возвращаются в строй раненые Корниловцы, записываются добровольцами казаки-кубанцы. С притоком в Армию новых сил поднимается и настроение. Первоначальное чисто служебное отношение к новому командиру полка полковнику Кутепову сменяется чувством уважения за его жертвенную службу России. Полковник Кутепов, Александр Павлович, расположил к себе Корниловцев своей выдержкой и спокойствием. Он часто шел с цепями. Его коренастая фигура в фуражке, сдвинутой на затылок, всегда виднелась в наиболее опасных местах. В походе и на отдыхе заботы полковника Кутепова были прежде всего о своих солдатах. Пока не будет размещен на отдых весь полк до последней роты, пока не будут все накормлены, он не успокаивался. Конечно, не всегда это было, роль командира полка сводилась главным образом к боевой подготовке полка, к его подготовленности своевременно исполнить приказ начальника, но обстановка того времени во многом зависела от физического и морального состояния бойцов, на что командир полка и обращал сугубое внимание. Помимо того, что всегда кажется, что старого начальника, а особенно создателя полка и такого, каким был полковник

Неженцев, — заменить нельзя и момент вступления полковника Кутепова в исполнение обязанностей командира Корниловского Ударного полка происходил в исключительно тяжелых условиях: он принял полк в составе 67 человек, смерть Генерала Корнилова и полковника Неженцева и отступление от Екатеринодара, — все это вызвало падение духа, в лучшем случае сохранив в душе бойцов желание драться до конца. Все это могло исправить только реальное ощущение притока свежих сил на смену павшим и удачное руководство Армией. **Генерал Деникин своими непревзойденными тактическими приемами вывел Армию из окружения, спас ее, а формулировка генералом Алексеевым цели похода — «зажечь светоч» — осуществилась с оздоровлением казачества. Оставалось у Корниловцев, как и у всех частей Добровольческой Армии, одно непоправимое и невозвратимое — это невозможность свежим, почти сырым пополнением заменить павших первых добровольцев.**

И полковник Кутепов, перейдя к нам из Офицерского полка, на самом деле состоявшего только из офицеров, теперь, помимо ужасных потерь у нас, принял нормальный солдатский полк. Если и был в Корниловском Ударном полку офицерский батальон в четыре роты (почти 500 штыков) то в боях за Екатеринодар он окончил свое существование и теперь была только одна офицерская рота имени Генерала Корнилова, малого состава. Оставалось в славном Корниловском Ударном полку только: Шефство Генерала Корнилова и традиции полковника Неженцева. Все это вместе взятое и самого полковника Кутепова тянуло в свой родной Офицерский полк. Но долг службы в интересах спасения России привел командира Корниловского Ударного полка и его подчиненных к выполнению своего воинского долга в любых условиях, что при возрождении Армии породило в сердцах обеих сторон не только чувство глубокого уважения, но и дружбы до конца столь славной жизни генерала Кутепова, впоследствии командующего 1-ой Армией, в 1931 году похищенного большевиками в Париже.

12 апреля. В 9 часов Корниловский Ударный полк в составе 2-ой бригады выступил на станицу Успенскую, куда и прибыл в 18 часов.

13 апреля. Дневка в станице Успенской. Хорошее отношение казаков. В 14 часов приказано отправить один батальон в хутор Новолокинский, в распоряжение генерала Эрдели. Отправлено две роты 1-го батальона и одна 2-го, всего 160 штыков, под командой капитана Скоблина. Отряд прибыл в хутор к 20 часам. Генерал Эрдели приказал отряду приготовиться к наступлению.

14 апреля. Наступление отложено, и Корниловцам приказано вернуться в станицу Успенскую, куда отряд прибыл в 9 часов. В 18 часов отряду приказано снова выступить на хутор Новолокинский. К 23 часам отряд был на месте. Генерал Эрдели приказал в 2 часа атаковать противника и сбить его с бугров, что у Допятовского хутора. Правее будет действовать конная бригада генерала Эрдели и резерв — пластунский батальон Улагая.

15 апреля. Решено в 3 часа атаковать противника. Пользуясь темнотой, Корниловцы подошли к противнику почти на 50 шагов и несмотря

на ураганный ружейный и пулеметный огонь, ворвались в окопы и опрокинули в десять раз превосходивших их численностью красных. Наши потери из 160 человек — 60 человек убитых и раненых. Были ранены полковник Зазулевский, есаул Милеев, штабс-капитан Голубятников и другие. На занятой позиции оставались до 20 часов, а затем согласно приказу перешли в станицу Успенскую, где и стали по квартирам.

16 апреля. Отдых отряду. В 14 часов противник повел наступление со стороны Расшеватской. Полк выступил на позицию. До 20 часов Корниловцы с Партизанским полком сдерживали наступление красных, и когда части Армии выступили из станицы Успенской, полк в арьергарде двинулся на подводах. Направление неизвестно.

17 апреля. Движение продолжалось целую ночь. На рассвете переход через железную дорогу Новороссийск - Мирская. Неудачные обстрелы бронепоезда. Перейдя железную дорогу, части стали привалом в хуторе Ново-Баклановском, через четыре часа выступили и к вечеру пришли в станицу Плосскую, имея в арьергарде Офицерский полк. За время немногим больше суток Армия сделала больше 70 верст, проведя Офицерским полком серьезный бой. Люди и кони были измотаны до крайности, в особенности кавалерия. Станица Плосская оказалась не только первой станицей Кубани, в которую вошла в начале похода Добровольческая Армия, она оказалась и последней, из которой Армия вышла в конце похода. Произошло завершение полной восьмерки. До нашего санитарного обоза дошли радостные слухи: будто бы к генералу Деникину прибыла сотня казаков с Дона с просьбой двигаться на Дон и помочь восставшим в борьбе с большевиками. Об этом наш командир 2-й бригады генерал Богаевский так пишет в своих воспоминаниях о 1-м Кубанском походе:

«В станице Успенской у нас была большая радость: возвратился из Донской области Генерального штаба полковник Борцевич, посланный генералом Деникиным с разъездом из станицы Ильинской на разведку на Дон, и привел с собой депутацию от донцов из южных станиц — 17 человек. Отважный полковник Борцевич с опасностью для жизни пробрался туда и привез на Дон известие, что Добровольческая Армия жива и продолжает бороться с большевиками. Эта весть радостно всколыхнула донцов, которые уже опомнились от красного угара и возненавидели большевиков. Немедленно было решено восстановить связь с генералом Деникиным и полтора десятка смелых казаков вместе с полковником Борцевичем пробрались мимо красных отрядов и прибыли в станицу Успенскую. Все начальствующие лица собрались в станичной школе, и там старший из донцов (все это были простые казаки) в своей горячей речи заявил, что весь Дон уже поднимается и ждет к себе на подмогу Добровольческую Армию. (Не могу удержаться, чтобы не вспомнить с горечью тот момент, когда эти же самые донцы просто выставили нашу Армию с Дона и даже более того — уходивший от большевиков одновременно с Добровольческой Армией донской отряд генерала Попова не пошел с нами, лишив нас главным образом конницы и возможности быстрого захвата Екатеринодара и Новороссийска. И теперь — ирония судьбы — они

просят остатки этой же Армии СПЕШИТЬ ИМ НА ПОМОЩЬ! Полковник Левитов). Прибытие этой депутации окончательно решило вопрос о дальнейшем направлении нашего движения. Всякие колебания были кончены: «На Дон!» — было единогласное решение, отозвавшееся глубокой радостью в наших сердцах. Забыты были все пережитые страдания (но только не жертвы! Полковник Левитов) и невзгоды, у всех была одна мысль: скорей на север, где уже, по словам делегатов, «всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...»

18 апреля. В 15 часов части Добровольческой Армии выступили, имея в авангарде Офицерский полк, и перешли в селение Лежанка (Ставропольской губернии), куда пришли к 23 часам. Лежанка — это место первого большого боя Добровольческой Армии в самом начале 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода с когда-то славной на Кавказском фронте 39-й пехотной дивизией, теперь решившей проливать русскую кровь во славу 3-го интернационала мирового коммунизма с его диктатурой пролетариата, при поддержке нашего тогда врага, Германии, через своего агента Ленина и компании. Жители Лежанки хорошо запомнили разгром нами 39-й дивизии и за это время, надо полагать, научились делать различие между нами и большевиками; теперь они не знали, чем загладить свою вину перед нами и потому кормили нас на славу.

19 апреля. Дневка в Лежанке. Радостно было видеть среди раненых старых однополчан-Корниловцев в обстановке, сулящей нам успех. Отдыхать полку пришлось недолго, 2-я бригада получила приказ о выступлении с задачей разбить красных, наступающих на Мечетинскую. **Общая обстановка была такова: около Новочеркасска восстание казаков успешно расширялось, а южные станицы были скованы войсками красных и местными большевиками. Добровольческая Армия таким образом должна была играть роль ядра, около которого могли бы объединиться казаки. Но вместе с тем нужно было по-прежнему вести энергичную борьбу с большевиками, не давая им возможности мешать общей организации.**

Приказ генералу Богаевскому направлял 2-ую бригаду в тыл, с юго-запада, большевикам, наступавшим на Мечетинскую с запада.

20 апреля. Рано утром Корниловцы выступили в составе бригады в направлении на хутор Иловайский, при подходе к которому (около 12 часов) они были встречены противником. Полк развернулся и коротким ударом отбросил красных. В хуторе Иловайском полку был дан привал. Когда противник увидел продвижение нашей бригады во фланг и тыл ему, он спешно отступил на Гуляй-Борисовку. При этом было захвачено несколько пленных, от которых мы узнали, что большевики наступали тремя колоннами, причем когда их командующий узнал, что в Лежанке находится генерал Деникин, то отдал приказ об отступлении, а сам на автомобиле бежал. Вся масса красных, тысячи в четыре, рассеялась, и мы не могли их догнать. 2-я бригада остановилась на отдых в маленьком хуторе. В 20 часов бригада выступила, имея в авангарде Партизанский полк, в направлении на Гуляй-Борисовку.

21 апреля. В 5 часов бригада подходила к Гуляй-Борисовке. **Партизанский полк шел прямо, а слободу командир бригады атаковал Корни-**

ловским Ударным полком. Большевики, по-видимому, не ожидали нашего наступления. Суматоха поднялась по всей слободе. Из крайних хат началась беспорядочная стрельба. **Цепи Корниловцев во главе с полковником Кутеповым ворвались в нее, и через несколько минут все было кончено. Мы взяли в плен больше сотни большевиков, много оружия и всякого рода запасов. Наши потери были ничтожны.** По успеху этого ночного налета командир бригады генерал Богаевский вывел такое заключение:

«После станицы Крыловской я еще раз убедился в том, какое огромное значение имеют в гражданской войне ночные атаки: внезапность налета, полная растерянность противника, ничтожные потери у нас и большие трофеи, — вот результат такой операции. Но, конечно, они были возможны главным образом благодаря отличной сплоченности и втянутости в боевые действия добровольцев и малой организованности и плохому несению сторожевой службы со стороны большевиков».

Генерал Деникин был, видимо, очень доволен действиями 2-ой бригады и разрешил ей остаться в Гуляй-Борисовке и встретить здесь Пасху.

(Освещение этого дня по моим воспоминаниям: 1.500 раненых армейского лазарета, среди которых я был, и все обозы оставались в Лежанке под прикрытием 1-ой бригады генерала Маркова. Красные, очевидно, заметили уход 2-ой бригады и большими силами повели наступление на село с северо-востока и юго-востока. Лазарет и все обозы решено было после успеха 2-ой бригады у Гуляй-Борисовки перебросить в станицу Егорлыцкую. Переброска шла как-то с перерывами, где-то то и дело прорывались красные. Бой, начавшийся с утра, к обеду приблизился к самому селу, были заняты даже кирпичные заводы, и отделение лазарета, где я находился, оказалось отрезанным. Раненые все были на повозках, с винтовками в руках и с тревогой в душе ждали исхода боя. Тревога была и не только за себя, — ведь в Лежанке были генерал Алексеев и генерал Деникин. Была Великая суббота, и потому перед Пасхой в 14 часов в церкви шла служба. Наша повозка с лихим кучером, 14-летней дочерью казака станицы Елизаветинской, была около церкви, и я на костылях пробрался на службу. Там я увидел молящихся генерала Алексеева и генерала Деникина и, кроме нас троих, в церкви не было больше ни души. Спокойно и ровно шла служба, как будто ничего особенного вокруг нас не происходило. Минут через десять после моего прихода в церковь быстро вошел офицер, направляется к генералу Деникину и что-то ему докладывает. В ответ генерал Деникин четко произносит: «Начинайте». Я понял, что это значит, вышел из церкви и взобрался на свою повозку, положив около себя винтовку и запас патронов. 1-ая бригада перешла в наступление, сбила противника, и наше отделение лазарета стало выезжать по дороге на станицу Егорлыцкую. 1-ая бригада за эти два дня потеряла ранеными командира Офицерского полка генерала Боровского и заместившего его полковника Дорошевича и убитыми и ранеными более 150 человек. Командиром Офицерского полка был назначен полковник Хованский. Наше отделение лазарета продвигалось быстро и, по-видимому, это и было причиной несчастия с нашей повозкой: на обочине дороги оказалась довольно глубокая яма, наполненная водой. В

нее то и попала наша повозка, и мы все очутились в воде. Двое нас как-то боролись с болью и холодом, а вот бедняга тяжело раненный просто потерял сознание. Он был одним из тех, кого должны были оставить в Дядьковской. Пока нас уложили, время было уже за полночь.

22 апреля, день святой Пасхи. Еще не доезжая до церкви, мы увидели море огня от свечей в ней и в окружности, пели «Христос воскресе!». Нашу повозку остановили около церкви. Казаки и казачки быстро разгрузили нас двоих, а третьего подняли мертвым, умер он в первый день Великого Праздника, когда поется победный гимн: «Смертию смерть поправ!». Разместили нас хорошо, похристосовались и накормили. Настроение было смешанное, радостное от встречи Праздника Святой Пасхи и избавления от непосредственной угрозы смерти, и в то же время и грустное от смерти доблестного однополчанина. Полковник Левитов).

По записям тех дней Корниловский Ударный полк встретил день Святой Пасхи в Гуляй-Борисовке в исключительной обстановке радости, бодрости и веры в скорое избавление от проклятого большевизма. Такая вера и лихая удаль могут быть только в строевой части полка, где павшего в бою однополчанина провожают к могиле под траурный марш, а после того, как дали салют в его честь, обратно идут под бравурно-боевой. Армия, как и время, не стоит на месте, она совершенствуется и несет свою жизнь на алтарь спасения Отечества, заменяя павших здоровыми.

Здесь я считаю своим долгом помянуть добрым словом нашего кучера, лихую кубанскую казачку станицы Елизаветинской, которая точно выполнила наказ своего отца и довезла нас до конца. Хочется верить, что она в добром здравии и со своими двумя конями с обратным движением Добровольческой Армии благополучно добралась до своего дома.

23 апреля. Дневка в Андреевке. Сообщено об освобождении Новочеркасска.

24 апреля. Подготовка к выступлению.

25 апреля. В 4 часа полк на подводах выступил на Ново-Пашковскую, которая была занята противником. Шедшие в авангарде Партизаны выбили его, и бригада на подводах проследовала дальше, на станицу Екатериновскую, куда и подошла к 17 часам. После короткого упорного боя противник был отброшен с большими потерями. Части полка преследовали его до станицы Крыловской, откуда вернулись в Екатериновскую и расположились на ночлег.

26 апреля.. Дневка в Екатериновке. Прибыло пополнение незамаевских казаков, сто человек с есаулом Калабушкиным. Наступление противника на Екатериновскую отбивалось Корниловским Ударным и Партизанским полками. Стало известно о целях похода на завтра: наша 2-я бригада будет наступать на станцию Крыловская, 1-я бригада генерала Маркова, в центре, на станцию Сосыка, 3-я конная бригада генерала Эрдели — на станицу Леушковскую. Общая цель: добыть снабжение и вооружение для прибывающего в Армию пополнения.

27 апреля. В 6 часов полк в составе своей бригады обходным движением стал наступать на станцию Крыловская, часть же красных шла в это время от станицы Крыловской на станицу Екатериновскую. Коман-

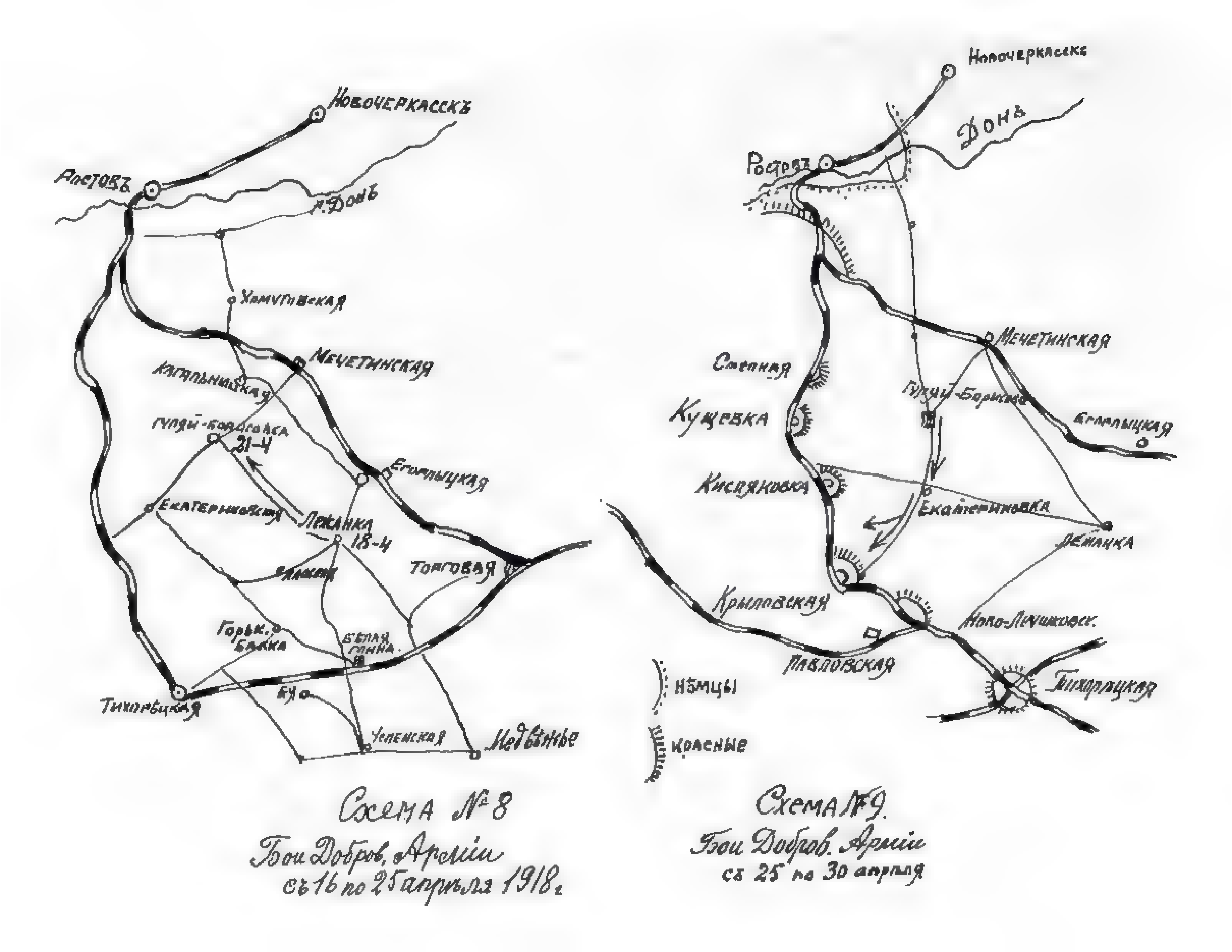


Схема № 8
Бои Добров. Арміи
съ 16 по 25 апрѣля 1918 г.

Схема № 9.
Бои Добров. Арміи
съ 25 по 30 апрѣля

дир бригады генерал Богаевский при нашем выходе из Екатериновки ночью оставил на этом направлении один батальон для обороны нашего правого фланга и тыла. Обстановка к рассвету была следующей: Корниловский Ударный полк атакует станцию, Партизанский полк — станицу, часть противника на станции в это время спала в эшелонах, а другая его часть, как сказано выше, завязала перестрелку с нашим батальоном, оставленным перед станцией Екатериновской. Наша артиллерия частью своих орудий открыла огонь по наступающим красным почти с тыла, и они в панике побежали на станцию Кисляковскую. Корниловцы в это время атаковали станцию. Наше появление здесь было для большевиков полной неожиданностью. Вся станция мирно спала, так же как и семь эшелонов красных войск, которые находились в поездах. Еще до восхода солнца бригада развернулась для атаки, и с первыми лучами солнца наша батарея открыла огонь по эшелонам. Трудно себе представить ту невероятную суматоху, которая началась на станции: крики, беспорядочная стрельба, свистки паровозов, все это слилось в невообразимый шум, прерываемый частыми и меткими выстрелами нашей батареи. Снаряды пронизывали насквозь вагоны, из которых в дикой панике, часто в одном белье, с неистовым гвалтом выскакивали большевики и бежали в поле по всем направлениям. Вскоре, однако, три поезда, один за другим, двинулись в направлении на станцию Сосыка. Все они попали в руки бригады генерала Маркова. Остальные четыре поезда двинулись на север, откуда вскоре появился бронепоезд, который начал осыпать нас издалека своими снарядами. В этом направлении был двинут Партизанский полк генерала Казановича, бывший в резерве. Значительной частью полка были молодые кубанские казаки, которым пришлось вступить в упорный бой с пехотой красных, наступавшей вместе с бронепоездом. Между тем, после короткого боя с большевиками, еще занимавшими станцию Крыловская, Корниловцы захватили ее, взяв богатую добычу, оружие, патроны и два орудия. Когда на станцию приехал генерал Богаевский, там было большое и радостное оживление: подсчитывали добычу, весело делились впечатлениями боя и спешили напиться чаю, которым буфетчик, только что угощавший им большевиков, также усердно угощал и нас. Однако опомнившиеся большевики решили отобрать станцию и целый день вели упорное наступление со стороны станицы. Раненый генерал Казанович с величайшими усилиями удерживал наступавших, хотя это и было очень трудно, так как молодые казаки под вечер и ночью уже начали уходить поодиночке в свои станицы. Была занята и станица Ново-Михайловская. Проведя на станции очень тревожную ночь, 2-я бригада на другой день отошла обратно к станице Екатериновской, испортив на станции все, что было возможно. Сам генерал Деникин, находившийся в это время со своим штабом в станице Крыловской, едва не погиб от красного снаряда, попавшего в дом, где он жил, и убившего одного из его вестовых. В итоге действий всех трех своих бригад Добровольческая Армия хорошо пополнилась боеприпасами.

28 апреля. Наступление противника на станицу Ново-Михайловскую было отбито частями полка. В 18 часов полк в составе бригады выступил

на подводах в станицу Мечетинскую. В арьергарде шел Партизанский полк.

29 апреля. В 4 часа достигли хутора Кугосийский, где полк стал на большой привал. В 11 часов выступили в станицу Мечетинскую, куда прибыли в 17 часов и стали по квартирам.

30 апреля. Стоянка в станице Мечетинской. Приведение полка в порядок. Потери полка за этот рейд — около 100 человек убитыми и ранеными.

Через несколько дней в станице Мечетинской состоялся Военный Совет, на котором был принят план дальнейших действий.

Уже стало определенно известно, что в районе Новочеркасска казаки поднялись и стали постепенно очищать от большевиков ближайшие станицы. Антибольшевицкое движение все больше и больше охватывало Донскую область, но генерал Деникин не хотел сразу возвращаться к Донской столице. Слишком много было еще дела на юге и потому было решено пока остаться на юге Донской области, что давало возможность надеяться на скорый подъем и на Кубани. Наступило временное затишье. **Добровольческая Армия приводила себя в порядок и отдыхала после своего тысячеверстного похода, залечивая свои раны. Первый Кубанский Генерала К О Р Н И Л О В А ледяной поход был закончен.**

В журнале «Вестник Первопоходника» за 1964 год, в статье Генерального штаба полковника К. Н. Николаева был задан вопрос: **«Нужен ли был поход?». На этот вопрос дает ответ генерал Деникин: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых стать против безумия и преступлений большевистской власти и принести свою жизнь и кровь за разрушенную Россию, — это был бы не народ, а Н А В О З».**

Каковы же были жертвы Корниловского Ударного полка за 1-й Кубанский поход?

Численный состав полка перед выходом в поход: с фронта Великой войны полк перебрался в Новочеркасск главным образом одиночным порядком в количестве 500 человек со своими 32 пулеметами и хозяйственной частью, прибывшей отдельным эшелоном. С переходом полка в ростовские казармы у него появляется офицерская рота в 128 человек, с которой капитан Скоблин впервые появляется от полка, с четырьмя пулеметами, у станции Хопры. Через несколько дней его сменяет солдатская рота капитана Заремба в составе 120 штыков. В станице Ольгинской с полком соединяется партизанский чисто офицерский батальон имени Генерала Корнилова 4-ротного состава, в 500 штыков, под командой полковника Симановского.

Итак, с выступлением в 1-й Кубанский Генерала Корнилова поход Корниловский Ударный полк имел: своих 1.120 человек плюс в станице Ольгинской в его ряды передана Георгиевская рота полковника Кириенко в составе 100 человек. Всего — **1.220 человек. Из привезенных своих 32 пулеметов ему пришлось передать в другие части, поэтому в начале похода у него в пулеметной роте было около 14 действующих пулеметов** и какой-то резерв, который не раз передавался Марковцам. Не мало полк

передал из своего обоза в другие части обмундирования, винтовок и боеприпасов.

Потери полка за поход убитыми и ранеными:

10 человек 21 февраля 1918 г. — село Лежанка,
6 человек 1 марта — станица Березанская,
10 человек 2 марта — станция Выселки,
7 человек 3 марта — второй бой там же,
150 человек 4 марта — станица Кореновская,
35 человек 6 марта — станица Усть-Лабинская,
17 человек 7 марта — атака 3-ей роты,
11 человек 9 марта — Царский Дар,
200 человек 10 марта — переход через реку Белую,
25 человек 15 марта — станица Ново-Димитриевская
9 человек 18 марта — там же,
1.583 человека — операция за Екатеринодар,
60 человек 15 апреля — хутор Допятовский,
6 человек 21 апреля — село Гуляй-Борисовка,
50 человек 27 апреля — рейд на ст. Крыловская,
50 человек — бои до 30 апреля.

Всего — 2.229 человек.

И это без указания потерь 2-го батальона полка по охране моста у станицы Усть-Лабинской, где красные ночной атакой отбросили его и он с большим трудом смог восстановить положение. Пополнение в походе полк получил: офицеры, освобожденные из тюрьмы в ст. Усть-Лабинской, юнкера Константиновского военного училища, 650 казаков в станице Елизаветинской из Кубанской Армии и добровольцы. Таким образом мы видим, что Корниловский Ударный полк только за 1-й поход убитыми и ранеными потерял двойное число своего первоначального состава. Такая жертва полка в борьбе за честь и достоинство национальной России против диктатуры интернационала агента Германии Ленина полностью является доказательством его верности заветам своего Вождя и Шефа полка Генерала Лавра Георгиевича Корнилова, павшего смертью храбрых в этом же походе вместе с доблестным нашим командиром полка Генерального штаба полковником Неженцевым, Митрофаном Осиповичем. **Вечная слава и вечный покой павшим в 1-м Кубанском Генерала Корнилове походе за честь национальной России.**

* * *

Как же рассматривают поход военные авторитеты, с мнением которых необходимо считаться, так как на основании этих мнений будет писаться будущая история Государства Российского?

Видный военный историк, профессор, Генерального штаба полковник

Зайцов говорит: «Первый Кубанский Генерала Корнилова поход, будучи типичным корволантом Петра Великого, является просто военно-исторической загадкой. Оставив базу, — говорит он, — идя в неизвестное будущее, добровольцы прошли сквозь большевицкое море туда, куда они хотели, что можно объяснить только силой духа и любовью к Родине первых добровольцев. Великая Россия, — заканчивает он описание похода, — родила горсть небывалых героев, и военная история, в сущности, еще не имеет примера такого необычайного подъема духа, который был проявлен в походе Генерала Корнилова».

Такими лестными словами заканчивает современный военный авторитет свою оценку 1-го Кубанского похода. И надо признать, что первых добровольцев двигала по их тернистому пути путеводная звезда, озарявшая конечную цель — Родину, **та звезда, чье имя — любовь к Родине,**

Похороны Генерального штаба полковника Неженцева
в Новочеркасске Н/Д.

честь и самопожертвование. Поход — неотъемлемое и драгоценное достояние национальной России, и какие бы новые испытания ни послала нам судьба, мы должны помнить, что в самые тяжелые дни русского лихолетия Господь помог Русскому народу в лице первых добровольцев защитить свою честь. Будем же бодро смотреть вперед, твердо веря в конеч-

ную победу правды над злом и в воскресение великой национальной РОССИИ.

Выписка из статьи В. Ларионова из журнала «Вестник Первопоходника» за № 31-32, 1964 года, **«Страница крови и чести»:**

«Мы погибнем, но за нами придут другие. Наше дело не умрет вместе с нами...» (В. М. Захарченко-Шульц).

Нет сомнения в том, что идеи, во имя которых боролись и умирали участники Кубанского Генерала Корнилова похода, были реальностью. Ведь не простое чувство самосохранения заставило юного ростовского студента бросить теплый отчий дом, а смертельно утомленного трехлетней войной офицера вновь шагать и шагать по южной степи, по невылазной грязи, опять подставлять, часто безнадежно и безответно, грудь и голову смертельному огню. Спасать жизнь можно было в то время иначе: приспособленчеством, спарыванием погон, коленопреклонением перед новыми богами. И лишь высокая идея, лишь любовь к родной стране до самопожертвования, лишь горечь отчаяния перед ее унижением заставили бросить семьи, близких, родных, бросить все на произвол судьбы и идти под свист пуль в неведомую даль... «За синей птицей», как писали тогда. Тогда, 46 лет тому назад, с гордостью носили маленький значок в память похода — меч в терниях «в воздаяние страданий и борьбы». Стерлась теперь у многих память эта, утерян или лежит на дне забытой шкатулки маленький заржавевший меч в терновом венце. А сами участники разбрелись по лицу земли... «Иных уж нет, а те далече...» Есть даже и такие, кто продали и предали все. Но умерла ли душа похода? Жива ли еще его идея? И если не жива, то какая же другая идея может быть творческой и созидательной в будущем? Какая же иная послужит стержнем грядущего воинства во имя тех же страданий и борьбы?

Нет, конечно! Белая идея жива, и кто бы ни были ее новые носители, они являются прямыми наследниками и последователями «ушедших в степи». Каждый восставший за правду, каждый принявший страдания за Россию — приобщится к Корниловской рати, к рыцарям тернового венца. Ведь действие, борьба — это меч. Тернии — это концлагери, тюрьма, пытки. Мученики за Россию не те, конечно, раздавленные Сталиным «растленные псы» — зиновьевы-апфельбаумы, розенфельды и гамарники, а другие, — безвестно удушенные в застенках, — имя коим легион. Кто они? Крестьяне, рабочие, краскомы, красноармейцы или студенты, не все ли равно? Не все ли равно кто они, отдавшие по завету Лавра Корнилова «мысли, силы и чувства Родине, — многострадальной России»...

Мы переживаем исключительно трудное время. Теперь, как никогда важен и нужен нам «светоч», «светлая точка» в охватившей нас тьме... Критерий для уяснения и отражения новых отравленных волн — идей, коими пытается добить нас враг. Все больше выясняется безвыходность его положения, пути отхода, коими он пытается спастись, меры для избежания национальной революции, народного гнева. Кощунственно вызваны тени великого прошлого: Генералиссимуса Суворова, фельдмаршала Кутузова... Петр Великий именуется предшественником убийцы Джугашвили. Расстреляны «презренные псы», лидеры «марксовой идеи». Но в

страшный грядущий час, час войны и революции, удержат ли верные лакеи капище сталинизма? Или победный народ, полыхающий гневом, поволочет тушинских воров по крови и грязи?.. Близится страшный час, решительный час гигантских сдвигов и общеевропейских обвалов, когда в крови и пламени решится судьба России. Встанет ли она? Устоит ли в буре? После 50 лет рабства, голода и казней, неслыханного в истории человечества подавления личности, унижения, предательства и пресмыкания. Дай Бог, чтобы острие национального самосознания скорее пронзило толщу народных масс, **чтобы идеи Корниловского похода стали достоянием всех, чтобы каждый русский знал о тех, кто боролся и погиб за счастье и славу Родины. Пройдут года, будет еще не мало походов и боев, но история Первого Кубанского похода останется одной из самых светлых страниц русского лихолетия,** где в каждой строке героизм, в каждом слове страдание и под каждой буквой — запекшаяся кровь, много крови, но ни капли грязи, кроме грязи вязкой и черноземной, весенней грязи вольных и широких кубанских степей».

КОРНИЛОВЦАМ

Террором, разгулом и битвами
Гремел восемнадцатый год,
Когда уходили с молитвами
Корниловцы в славный поход...

Одни (эта горсточка смелая)
Вели героический бой,
И знамя Корнилова белое
Их в степи вело за собой...

Не зная слепой безнадежности,
Одни, словно факел во мгле,
Шли рыцари, полные нежности
К восставшей, но милой земле...

Шли гордые силой бессилья,
Одетого в яркие сны
О гибели злого насилья
Под солнцем Российской весны...

Они умирали без ропота,
Шагая сквозь бури вперед,
И болью предсмертного шопота
Молились за грешный народ...

Могилы их снегом занесены
В степи, без имен, без креста,
Но вечною славой овеяны
И кроткою лаской Христа...

Господь нам судил испытанья,
Герои погибли, но вот
Мы видим, что в море страданья
Мечта их упорно живет.

Над тиной мещанства унылого,
Для тех, кто с борьбою знаком,
Бессмертное сердце Корнилова
Горит боевым маяком.

Приблизились дни долгожданные
Решения Русской судьбы,
И встанут соратники бранные
Для новой и грозной борьбы...

Зажженный божественным пламенем,
Проснувшийся к жизни народ
Пойдет под Корниловским знаменем
В последний крестовый поход...

И Русь со слезами суровыми,
Но с нежностью ласковых слов

Укроет венками лавровыми
Могилы погибших орлов...

М. Надеждин

ПРИКАЗ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Город Екатеринодар № 499 сентября 21-го 1918 г.

В воздаяние воинской доблести и отменного мужества, проявленных участниками похода Добровольческой Армии и Кубанского Добровольческого Отряда и понесенных ими беспримерных трудов и лишений устанавливаю «Знак отличия Первого Кубанского похода».

Знак 1-го Кубанского Генерала Корнилова ледяного похода.

Знаком отличия награждаются все ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ПОХОДА, выступившие 9-го февраля (ст. стиля) сего года из Ростова на Дону или 28-го февраля сего же года из города Екатеринодара, или же вступившие в ряды Добровольческой Армии на походе ее в период вре-

мени до 15 апреля сего года, при условии пребывания тех, других и третьих в рядах ее до 1-го мая сего года.

Лица, оставившие ряды Армии ранее 1-го мая сего года по случаю ранений, контузий или тяжелой болезни, удостоверенной надлежащим начальством, пользуются правом на награждение знаком отличия наравне с совершившими поход.

Знаки отличия, заслуженные павшими на поле брани, передаются потомству или ближайшим родственникам для хранения в память их, но без права ношения. Бежавшие из Армии, как во время похода, так и после 1-го мая сего года, лишаются права на награждение их знаком отличия. Списки лиц, награжденных знаком отличия, по представлении их надлежащим начальством объявляются в приказе по Армии.

«Знак отличия Первого Кубанского похода» устанавливается двух степеней, первой и второй.

Знак отличия первой степени состоит, согласно прилагаемому рисунку, из меча, обвитого терновым венком, и жалуется тем участникам Первого Кубанского похода, кои, находясь в строю или в полевых штабах, принимали действительное участие в боях с большевиками в качестве рядовых бойцов или руководителей боев и их ближайших помощников, а также медицинского персонала: сестер милосердия, санитаров, оказывавших помощь раненым на самом после сражения.

Знак этот носится на Георгиевской ленте, украшенной розеткой из лент национальных цветов.

Знак второй степени ничем не отличается от знака первой степени, только носится на Владимирской ленте и жалуется участникам похода, не принимавшим участия в сражениях.

Знак отличия Первого Кубанского похода носится на груди, левее всех степеней Георгиевского креста и медалей, но правее всех прочих знаков отличия.

Знак 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода состоит из венка оксидированного серебра, 30 мм. в диаметре, пересеченного снизу слева — вверх направо серебряным мечом, рукояткою вниз, 50 мм. длиной. Оборотная сторона гладкая, с набитым порядковым номером награжденного.

* * *

В период от 30 апреля до 9 июня 1918 года Добровольческая Армия не только представляла собой щит для задонских южных станиц, под прикрытием которого казаки формировали свои части и временно входили в подчинение генерала Деникина, но в то же время сама пополняла свои ряды, главным образом за счет восставшего кубанского казачества и прибывающих с Украины добровольцев.

Основным же вопросом в это время для Добровольческой Армии было принципиальное решение о ее дальнейшем существовании: ведь данная при поступлении подписка на четыре месяца кончилась, а дальнейшая служба предлагалась бессрочной под русским национальным флагом за

единую и неделимую Россию. Командирам частей было предложено объявить об этом с предложением несогласным подать рапорт об уходе.

Я (автор записок) провел этот период в госпитале в Новочеркасске, но из обмена мнений с однополчанами вынес впечатление, что вопрос о продолжении службы уже бессрочной прошел как-то незаметно. Обещания чинов и орденов в Донской Армии не смущали, потому что все это предлагалось самостийниками или зависимыми от нашего врага, оккупировавшего часть нашего Отечества. Даже карьеристов это не прельщало, потому что всем было ясно, что продолжение борьбы будет столь же ужасным и беспощадным, где нет надежды остаться в живых, а потому лучше было оставаться в своей славной Корниловской семье, где все делается по заветам нашего Вождя и Шефа полка Генерала Л. Г. Корнилова и создателя нашего полка полковника М. О. Неженцева. На инициаторов восстания на Дону и на Кубани тогда выпала тяжелая задача превратить частичный подъем в общий. Да, казачество поднималось, но както с оглядкой на силы красной армии и на то, не найдутся ли и теперь такие чудаки, которые все, что нужно, сделают за них, а они с удвоенной силой займутся говорильней, погубившей Генерала Корнилова, генерала Каледина и всю Россию.

С Украины тогда поступали и более «радостные вести»: там какие-то союзы офицеров через афиши призывали население «помочь им пережить это время для сохранения их» и т. д., но о борьбе... ни звука. Это явление можно зафиксировать под номером вторым, после настроения ростовского офицерства перед первым Кубанским походом. Но Бог был не без милости, и патриоты земли Русской текли отовсюду и заполняли наши ряды. Одним из блестящих примеров такого притока в Добровольческую Армию русских национальных сил был приход отряда полковника Дроздовского из Румынии, со своими пулеметами, артиллерией и бронеавтомобилем.

В книге «Корниловский Ударный полк» об этом событии говорится так: «Восстание донского казачества за свои попранные вольности разраcталось и ширилось. 23 апреля 1918 года Донское ополчение освободило свою столицу — Новочеркасск. Через день большевики перешли в контратаку и уже ворвались в предместье города, когда на помощь донцам неожиданно подоспел добровольческий отряд полковника Дроздовского, пришедший из Румынии, с Румынского фронта, на соединение с Добровольческой Армией. Красные были отогнаны».

Время уже ставило свои задачи данного момента: где же искать ключ к разрешению вопросов борьбы с большевиками? Генерал Краснов — Атаман Всевеликого Войска Донского — призывал генерала Деникина к походу на г. Царицын, обещая для этого усилить его только что начавшими восставать, под охраной Добровольческой Армии, станицами Задонья. По его мнению, это сулило: 1) Выход Добровольческой Армии на чисто русские просторы, где крестьяне уже недовольны правлением большевиков, и это движение отдалило бы добровольцев от немцев, 2) в Царицыне Добровольческая Армия нашла бы богатое вооружение, 3) взятие Царицына прерывало бы сообщения красных армий Кавказа с Москвой и 4) Добро-

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

МИХАИЛЪ ГОРДѢЕВИЧЪ

ДРОЗДОВСКІЙ

(+ 1 ЯНВАРЯ 1919 Г.)

вольческая Армия приблизилась бы к Самаре, куда базировался Чехо-Словацкий корпус, явно противобольшевицки настроенный (но подчинявшийся французскому генералу Жанену, продавшему потом большевикам Адмирала Колчака).

Генералы Алексеев и Деникин отдали должное этим заманчивым перспективам, но считали все это пока непосильным для Добровольческой Армии. Одним из доводов этого было то, что пассивность красных в данное время на Северном Кавказе — явление временное и что они неизбежно перейдут в наступление на Дон, а тогда незначительные донские части, стоящие против них, не будут в силах задержать противника. Дон, атакованный огромными силами с тыла, будет разгромлен и тогда ему не поможет и Добровольческая Армия. Силы красных, стоящие на южном фронте Дона, исчислялись такими цифрами: 1) В районе Азов-Батайск-Кущевка, частью против немцев, частью против Добровольческой Армии, стояла армия Сорокина в 30-40 тысяч человек при 80 орудиях и двух бронепоездах, 2) в районе Тихорецкая-Торговая — группа в 30 тысяч человек, при слабой артиллерии, полностью стоящая против Добровольческой армии, 3) между реками Манычем и Салом, с центром в станице Великокняжеской, — группа в 12 тысяч человек при 17 орудиях, висящая на фланге Добровольческой Армии, против которой стоял отряд донцов в 3 тысячи человек, подчиненный Добровольческой Армии, Кроме того, на Кавказе и в Ставропольской губернии стояли красные гарнизоны, цель которых была подавлять восстания и пополнять красную армию.

Помимо этого, преимущество сил красных было не только в этом, но и в их качестве: они состояли из частей регулярной армии, возвращающейся с Турецкого фронта, и имели в своем составе тысячи матросов Черноморского флота. Вся эта масса верила пропаганде комиссаров, что путь их домой, на север, может быть проложен только через уничтожение Добровольческой Армии.

С очищением от красной армии Северного Кавказа Добровольческая Армия будет иметь базу и пополнение, состоящее главным образом из конницы, имеющей теперь в гражданской войне громадное значение. Было и еще одно веское основание для движения Добровольческой Армии на Кубань: она наполовину состояла из кубанских казаков, стремившихся скорей освободить свои станицы. И как будто при соединении Армий в Ново-Димитриевской было обусловлено в первую очередь освободить Кубань, что тогда являлось уже моральным обязательством.

Примитивный взгляд рядовых добровольцев, поднявших борьбу против диктатуры большевиков под руководством агента Германии Ленина, для наших Вождей был тогда сложным и только с течением времени стал достоянием гласности. Знакомство с ним и в текущий 1971 год не потеряло своей актуальности при решении нами вопросов о способах ведения нами борьбы за освобождение нашей Родины под лозунгом «Единой и неделимой России».

Для этого я привожу выдержки, прямо касающиеся пережитого Корниловским Ударным полком, по данным генерала Антона Ивановича Де-

никина в его книге выпуска 1939 года: «Мировые события и русский вопрос».

Принципиальный взгляд генерала Деникина говорит:

«Всякое распространение большевизма по миру — это победа 3-го интернационала и задержка в деле освобождения РОССИИ». «Я не мог бы никогда питать уважения к вождю национального движения, который стал бы раздавать земли своей Родины».

Далее он пишет: «Предварительно я хочу восстановить в нашей памяти одну страницу прошлого, относящуюся к 1917-20 годам, когда под гром гражданской войны, в зарницах последнего акта войны мировой, создавались и менялись у нас внешние «ориентации», — весьма яркое отражение эмоциональной политики. Тем более, что современная обстановка во многом напоминает это прошлое. В сложнейшем переплете международных отношений того времени русская политика противобольшевицких фронтов имела возможности идти с немцами или с бывшими союзниками. Выбор – только до падения Германии.

Что делали тогда наши союзники? Они не имели русской политики. Они строили близорукие планы удержания Восточного фронта сначала в единении с большевиками, демобилизовавшими армию, потом с Украинской радой, уже приступившей к мирным переговорам с Германией. Они ставили ставку то на «барьеры» из окраинных новообразований, то на Белые фронты. Они то двигали Чехо-Словацкий корпус по бесконечному Сибирскому пути, исполняя фантастический план переброски его на Западный фронт, то возвращали его обратно для образования фронта на Волге, то освобождали его от тягот освободительной войны... Осенью 1918 года они категорически требуют увода германских войск из Прибалтики. В январе 1919 года благословляют формирование германского добровольческого корпуса генерала фон дер Гольца, а в июне требуют его роспуска, угрожая Германии суровыми санкциями. Они посылают свои войска в Архангельск, где были большие склады военных запасов и... богатые леса, и откуда безнадежна была диверсия против советов, а в отличные ближайшие базы, Ревель и Ригу, шлют только военных представителей. Они посылают войска в Одессу и в Крым, чтобы уже после первого столкновения с большевиками бросить все в 48 часов эвакуации... Посылали и в Батум и в Баку, где текла нефть и не было большевиков, но не дали ни одного человека на дрогнувший в это время Донской фронт... Они торопились с признанием всех новообразований, но не признали Адмирала Колчака. И только в 1920 году, в то время, когда лорд Керзон предложил Вооруженным Силам Юга сдаться на волю большевиков, Франция впервые признала «де факто» правительство Юга... во спасение Польши, так «благородно» отплатившей впоследствии своей благодетельнице... Но за всем тем союзники не захватили российской земли и оказывали Белым Армиям — преимущественно Англия — огромную материальную помощь, без которой не был бы возможен такой широкой размах Белого движения....

Что же делали тогда немцы? Были разные течения в германской общественности, в правительстве и в командовании по отношению к России

и большевизму. Но от начала и до конца, до своего падения, Германия твердо, определенно и без колебаний проводила политику разрушения России, поддерживая советскую власть во всем, что не противоречило ошибочно понимаемым немецким интересам. Отношение к державности России: Император Вильгельм прислал на Дон «высочайшее повеление»: «Знайте, что никакой «Единой России» не будет, а будут четыре царства: Украина, Великороссия, Восточный Союз и Сибирь. Я отлично знаю, что у вас думают, что вы присоедините к Киеву все остальное и таким образом объедините Россию. Мы это знаем, но мы этого не желаем и не допустим». Какая же разница в целях между Гитлером и Вильгельмом?

Отношение к русскому народу

Когда даже камни возопияли и гетманское правительство сделало жест, заявив в Берлине протест против большевицкого террора, германский министр иностранных дел Гинце ответил: «Императорское правительство воздерживается от репрессивных мер против советской власти, так как то, что делается в России, не может быть квалифицировано как террор; происходят лишь случаи уничтожения попыток безответственных элементов... провоцирующих беспорядок и анархию»...

Отношение к русским немецкофильским организациям

В Москве была разгромлена большевиками, причем было убито много офицеров, тайная военная организация немцефильского «Правого Центра», которую возглавлял генерал Девгирд, начальником штаба был Дрейер, а в самом штабе — офицеры германской миссии, «для связи»... Оказалось, что старший советник германского посольства Ритлер и начальник немецкой контрразведки Мюллер находились в тесном сотрудничестве с Караханом и Дзержинским и снабжали их списками адресов, где должны быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики «против советской власти».

Отношение к Добровольческой Армии

Когда сохранявшая строжайший нейтралитет Добровольческая Армия в августе 1918 года шла на Северный Кавказ и, следовательно, не могла представить никакой опасности ни в отношении оккупационных германских войск, ни в отношении образования Волжского фронта, был подписан дополнительный к Брест-Литовскому **секретный** договор, § 5-й которого гласил: «Германское правительство ожидает, что Россия применит все средства, которыми она располагает, чтобы немедленно подавить мятеж генерала Алексеева и чехословаков. С другой стороны, и Германия выступит всеми имеющимися в ее распоряжении силами против генерала Алексеева»...

При свете этих откровений, какая жестокая роль приходится на долю руководителей противобольшевицких организаций, работавших в контак-

те с немцами. И какой грех брали на душу те, кто настойчиво толкали нас к Волге, на Царицын, и одновременно обращались к генералу Эйхгорну с просьбой занять немецкими войсками Царицын, Торговую и Тихорецкую.

Царицын — гиблый мешок: с севера и юга — большевики, с востока большевики и Волга, с запада — немцы. Если бы немцы и не успели до своего падения сбросить нас в Волгу, то после их падения, в лучшем случае, маленькая Добровольческая Армия, насчитывавшая в то время всего 9 тысяч, лишенная базы, отрезанная от Черноморских портов и от связи с союзниками огромными расстояниями и стотысячной армией Сорокина, оставив в распоряжении большевиков весь юг России с его громадными человеческими и материальными ресурсами, могла бы, может быть, пробиться за Волгу, составить часть только что формировавшегося и мятущегося Волжского фронта. Тогда эти люди в своем неумеренном германофильстве могли заблуждаться. Но теперь, когда вскрыты все карты, заблуждаться уже нельзя. И если теперь в псевдо-научных трудах старательно причесывают историческое прошлое немецким гребешком и опорочивают, вопреки непреложным данным, пути Добровольческой Армии, то это не искание правды, а нечто другое: политическая борьба эмигрантского пораженчества с подлинно национальным течением.

В такой международной обстановке в 1918 году, двадцать лет тому назад, мне (генералу Деникину) предстояло принять решение: на Царицын или на Новороссийск? С немцами или с союзниками? Не давая никогда державам Согласия никаких территориальных или экономических обязательств за счет России, противясь всемерно имевшей характер скорее оккупации, чем помощи, я вел борьбу в сотрудничестве с ними, понимая, что помощь их нам вытекает из их же собственных интересов. Не говоря уже о мотивах стратегических, моральных и политических, самый факт последовавшего вскоре полного крушения Германии и сопряженных с нею надежд и возможностей не служит ли неопровержимым доказательством правильности этого решения?

Так или иначе, но мир пока на перепутье. На распутье и положение России среди держав. На международном игорном столе ставки на национальную Россию не видать. Поэтому так необходимо работать нам в этом направлении, воздействуя уже не на совесть партнеров, где там, в политике, СОВЕСТЬ! бросим иллюзии, но на их расчет. Конечно, тех, кто решил использовать несчастие России в своих интересах, тех не переубедишь. Но другие... Другие не могут не понимать, что скорейшее избавление России является не только нашим страстным желанием, но для многих из них и вопросом существования. Многие, впрочем, понимают, но не хотят для дела этого нести жертвы, пока судьба не ударит по ним больнее... **Чего стоила и будет еще стоить для Франции знаменитая фраза Клемансо в дни Одессы и Севастополя: «Ни одной капли французской крови!»...** Мы могли бы сказать, что не питаем ни к кому принципиальной вражды или принципиальной любви, но считали бы друзьями тех, кто помог бы нам освободить Россию, и врагами тех, кто пытался бы расчленять ее или захватывать русские земли...

Необходимо, чтобы это поняли и там, в России, те действенные силы, у которых под личиной советской таится русское сердце. Хотелось бы, чтобы через колючую проволоку большевицких заграждений дошел до них наш призыв: « П о т о р о п и т е с ь ! . . »

* * *

Итак, после освобождения Задонья от большевиков генерал Деникин решил идти снова на Кубань. Добровольческая Армия выросла до 9 тысяч штыков и сабель при 21 орудии, против же добровольцев скопилось более 80 тысяч красных войск.

В начале июня Добровольческая Армия была разбита на дивизии:

1-я пехотная дивизия, Генерального штаба генерал-лейтенант Марков.

1-й Офицерский полк,
1-й Кубанский стрелковый полк
1-й Офицерский конный полк,
1-я Инженерная рота,
1-я Офицерская батарея,
Отдельная конная сотня.

2-я пехотная дивизия, Генерального штаба генерал-майор Боровский.

Корниловский Ударный полк,
Партизанский пехотный полк,
4-й Сводный Кубанский конный полк
2-я Инженерная рота
2-я Офицерская батарея.

3-я пехотная дивизия, Генерального штаба полковник Дроздовский.

2-ой Офицерский стрелковый полк,
2-й Офицерский конный полк,
3-я Инженерная рота,
3-я Отдельная легкая батарея — 6 орудий,
Конно-горная батарея — 4 орудия,
Мортирная батарея — 2 орудия.

1-я конная дивизия, генерал от кавалерии Эрдели.

1-й Кубанский конный полк,
1-й Черкесский конный полк,
1-й Кавказский конный полк,
1-й Черноморский конный полк.

1-я казачья Кубанская бригада, генерал-майор Покровский.

2-й Кубанский конный полк,
3-й Кубанский конный полк,
Взвод артиллерии — 2 орудия.

Части, не входившие в состав дивизий:

Пластунский батальон,
6-дюймовая гаубица,
Броневики.: «Верный», «Доброволец» и «Корниловец»,
Радиостанция.

В течение месяца Корниловский Ударный полк пополнялся и вел ежедневно занятия. Прибывали отпускные и выздоравливавшие от ран.

Начальник 2-й пехотной дивизии
Генерального штаба
Генерал-майор Боровский.

поступали добровольцы. Позорный Брест-Литовский договор и германская оккупация всей Украины все же всколыхнули национальное чувство и те, кто не мог перенести национального унижения, тот брался за оружие против власти, называющей себя интернационалом и говорящей

теперь от имени российской нации и правящей ею. За это время Корниловский Ударный полк возродил 2-й батальон. — было только пять рот, главным образом из кубанцев. За май месяц Корниловцам пришлось воевать только один раз: 11-го числа полку было приказано выступить на Гуляй-Борисовку, откуда красные выбили конницу генерала Покровского. К вечеру того же дня Гуляй-Борисовка была взята Корниловцами. Потери полка убитыми и ранеными — 15 человек. Заместителем командира полка за это время был всегда полковник Шкуратов.

9 июня 1918 года начался 2-й Кубанский поход.

Корниловскому Ударному полку было приказано сосредоточиться в станице Егорлыцкой, откуда на другой день перейти в Лопанку. **12 июня** в 5 часов Корниловский Ударный и Партизанский полки выступили из Лопанки и подошли к селу Крученая Балка, где неожиданно обнаружили красных. Здесь генерал Деникин побывал в цепях полковника Кутепова, командира Корниловского Ударного полка, и об этом он так пишет в своей книге «Очерки Русской смуты», т. 3., стр. 158: «С большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в первом походе, живет и в начальниках и в добровольцах». 1-й батальон Корниловского Ударного полка лихой атакой выбил противника из села. Потери — 23 человека.

Сделав привал на 3 часа, Корниловский Ударный полк взял направление на станцию Торговая, подошел к ней к 2 часам и атаковал ее. **После короткого боя была одержана в этом походе первая крупная победа, были взяты пленные, орудия и большие интендантские запасы. Кроме того, захватом станции Торговая Добровольческая Армия отрезала Северо-Кавказскую красную армию от центральной России. Но в этот же день, в бою под станцией Шаблиевка, севернее Торговой, добровольцы понесли тяжелую утрату: был убит генерал Марков, начальник 1-й дивизии.**

Потери Корниловского Ударного полка в этом бою — 50 человек.

Доблестную службу генерала Маркова генерал Деникин так характеризует в своем приказе по Армии:

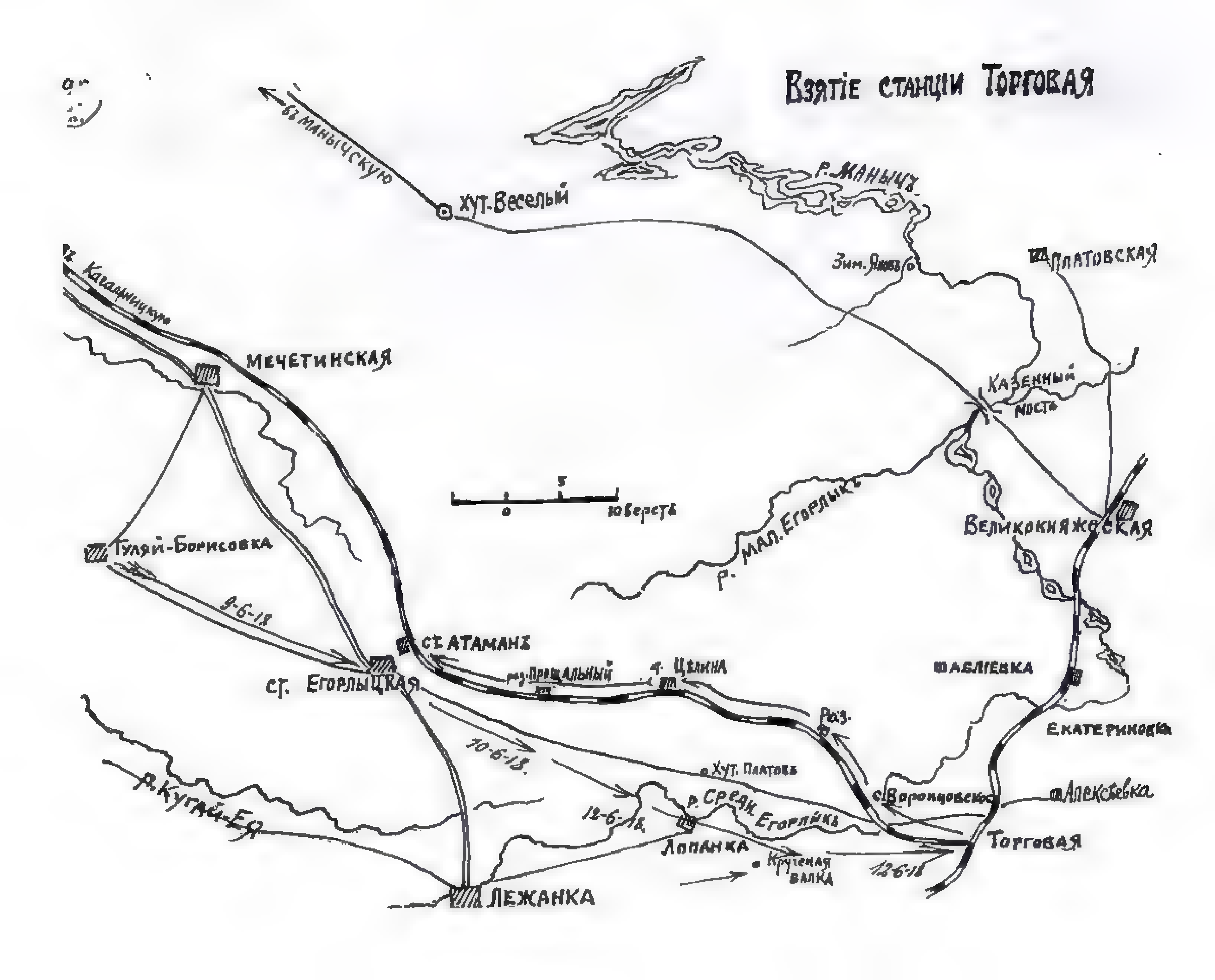
§ 1

«Русская Армия понесла тяжелую утрату: 12 июня, при взятии станции Шаблиевка пал смертельно раненный генерал С. Л. Марков.

Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Борыньей, Перемышлем, Луцком, Чарторийском... Добровольческая Армия никогда не забудет любимого генерала, водившего в бой ее части в Ледяном походе, под Екатеринодаром, у Медведовской...

В непрерывных боях, в двух кампаниях вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе было угодно, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки. Вечная память павшему!


Взятiе станцiи Торговая
въ Манычскую
Хут. Веселый
р. Манычъ
Зим. Яковъ
Платовская
въ Кагальницкую
Мечетинская
Казенный мостъ
0
5
10 верстъ
р. Мал. Егорлыкъ
Великокняжеская
Гуляй-Борисовка
9-6-18
ст. Атаманъ
ст. Егорлыцкая
раз. Прощальный
ф. Целина
Шаблiевка
Раз.
Екатериновка
10-6-18
Хут. Платовъ
р. Кугай-Ея
с. Воронцовское
Алексѣевка
р. Средн. Егорлыкъ
12-6-18
Торговая
Лопанка
Крученая балка
Лежанка

Индѣйкинъ

Автографъ полковника Индѣйкина.

§ 2

Для увековечения памяти первого командира 1-го Офицерского полка, части этой впредь именоваться «1-й Офицерский генерала Маркова полк».

* * *

На похоронах генерал Алексеев также подчеркнул исключительно блестящий путь служения генерала Маркова своему Отечеству.

Конец этого слова, обращенного к семье генерала Маркова, проникнут особой русской печалью, сопровождаемой простонародной обрядностью. Хриплым, сдавленным, прерывающимся голосом говорил генерал Алексеев: «Поклонимся же земно матушке убиенного, вскормившей и вспоившей верного сына Родины», и, упав на колени, отвесил ей земной поклон, а за ним и все присутствующие. «Поклонимся и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение Родине» и снова земной поклон. «Поклонимся и детям его, потерявшим любимого отца»...

Мы же, Корниловцы, должны добавить к вышеизложенному, что в дни развала Русской Армии перед лицом врага, когда генералом Корниловым велась борьба за самое бытие Российской Империи, генерал Марков был с нашим Вождем и Шефом полка. Он не просто разделял с ним казавшийся тогда позор Быхова, но и неустанно работал над планом борьбы за Россию в новых условиях. Это они, Быховцы, во главе с Генералом Корниловым не только создали этот план, но и обратились к стране с знаменитым Корниловским манифестом и потом сами пошли на намеченные ими позиции. Мы, участники военных действий в районе Петроград-Рига, знали об этом, и наши разведчики еще до начала формирования Добровольческой Армии собирали сведения на Дону, Кубани и Тереке о возможностях сбора там национальных сил. Блестящая подготовка офицера Генерального штаба, соединенная с исключительными природными качествами, дали нам в лице генерала Маркова и блестящего военачальника.

Смерть генерала Маркова вызвала изменения в командном составе, — на его место был назначен гв. полковник Кутепов, а на место последнего, командиром Корниловского Ударного полка, назначается полковник Индейкин, бывший в бою под Екатеринодаром командиром 1-го батальона полка. На Великой войне полковник Индейкин служил в сибирских частях. Он отличился в бою при взятии предмостного укрепления у реки Стоход и окончил войну кавалером ордена св. Великомученика и

Победоносца Георгия и командиром 23-го Сибирского стрелкового полка. По происхождению он был из крестьян Донской области, то есть «иногородним», а по образованию — семинаристом. Но семинарского у него ничего не было и, глядя на него, думалось: «Вот настоящий тип армейского офицера». Был он небольшого роста, усы носил длинные, подкрученные, а в военную форму был точно влит. Напористость была в нем необыкновенная и сказывалась даже в походке: ходил он всегда немного боком, левым плечом вперед, как будто на кого-то наступая. В атаках был он незаменим, — шел в цепи и отпускал такие крепкие словечки, что залечь под пулями мог у него только мертвый.

В момент своего назначения на должность полковник Индейкин лечился от ран, полученных в первом походе, в госпитале в Новочеркасске и принял полк только 15 июля. Во временное командование полком вступил капитан Скоблин. При нем в Торговой было закончено формирование 3-го батальона, командиром которого был назначен полковник Ильин, командирами рот: 9-й — поручик Дашкевич, 10-й — поручик Потло, 11-й — капитан Сапега и 12-й — капитан Франц.

16-17 июня. В эти дни возникла у станицы Егорлыцкой серьезная опасность глубокому тылу Армии, ликвидированная частями генерала Покровского, пластунским батальоном и переброшенным туда по железной дороге Корниловским Ударным полком. Потери полка исчислялись в 18 человек.

ПОЯВЛЕНИЕ БРОНЕВИКА «КОРНИЛОВЕЦ»

Статья полковника Корниловского Ударного полка Рябинского в юбилейной памятке «КОРНИЛОВЦЫ»

Впервые сидеть мне, Корниловцу-пулеметчику, в башне броневика — наслаждение. Не шагать, не нести на себе ничего, машина идет плавно, сидеть удобно, мягко, пулеметы не пылятся, обгоняемая пехота приветствует. Командир броневика штабс-капитан Гунько, получив задание, говорит четверым Корниловцам: «Отряд генерала Боровского сейчас будет атаковать Белую Глину; нам приказано ворваться в село, обстрелять артиллерию на окраине и напасть на штаб в селе. У большевиков есть броневик, иметь наготове бронебойные. В селе будет работать и Дроздовский броневик «Верный» с трехцветным флагом».

Мы подняли Корниловское Знамя, и «Корниловец» пошел в первое свое боевое дело. Вошли в село. Обстреляли бегущих красноармейцев и линейки. Вышли на церковную площадь. Несколько очередей по дому со штабным красным флагом. Вдруг на площадь выскакивает некрытый бронеавтомобиль с матросами. Мы первыми открыли огонь. Те дали несколько очередей — все мимо. Матросы разбежались. Назаров подошел к большевицкому броневику с надписью «Черный ворон», выбросил из него убитого матроса. «На полном ходу! — крикнул он нам весело и дал ход «Черному ворону». И снова крикнул: «Еще броневик!» и кинулся к

«Корниловцу», чтобы сесть за руль. Безклубов подал нам бронебойные ленты. На площадь с клубами пыли вылетел огромный броневик. «Отставить! — подает команду Гунько. — Это «Верный!».

Броневтомобили сошлись. Командиры поздоровались. Дроздовец, капитан Нилов, сообщает, что большевики отступают. «Верный» уходит. Гунько садится за руль, а Назаров ведет пленного «Черного ворона». Едем назад. По броневику защелкали пули, да так часто, что слились в сплошной треск. Я ранен в ухо. Федосенко через люк башни машет надетым на шомпол платком. К нам приближаются наши цепи. Подходит окруженный офицерами Кутепов и говорит стрелкам: «Смотрите, как вы разукрасили броневик». «Так точно, господин полковник, — говорит Гунько. — Среди всех этих попаданий нет ни одного большевицкого».

«Черного ворона» переименовали в «Партизана». Капитан Гунько был назначен командиром броневтомобильного дивизиона, состоявшего из машин: «Корниловец», «Верный» и «Партизан. По пути к Тихорецкой «Корниловец» имел несколько выездов: то он преследовал красных, то помогал опрокидывать их части. 1 июля «Корниловец» и «Верный» имели серьезный выезд на хутор Тихорецкий, продольным огнем по вражеским окопам способствуя атаке 2-го Дроздовского конного полка. В хуторе нас обстреляли родные Корниловцы, особенно их пулеметы. У Армавира «Корниловец» был поврежден снарядами с красного бронепоезда. Мы получили новую английскую машину, названную «Витязь». Я был ранен и эвакуирован. В бою на Ставропольском направлении «Витязь» врезался в самую гущу наступавших большевиков, был поврежден ручными гранатами, долго отстреливался, израсходовал все патроны, даже револьверные. Гунько предложил желающим выйти из машины, и сам решил взорваться. Вышел Федосенко (он был взят в плен и потом бежал из плена). «Витязь» взорвался, и в нем погибли: капитан Гунько, поручик Безклубов, унтер-офицер Назаров и доброволец Возген.

Броневик «Память Витязя» и восстановленный «Корниловец» образовали 4-й отряд броневых машин.

Бои за станцию Тихорецкую

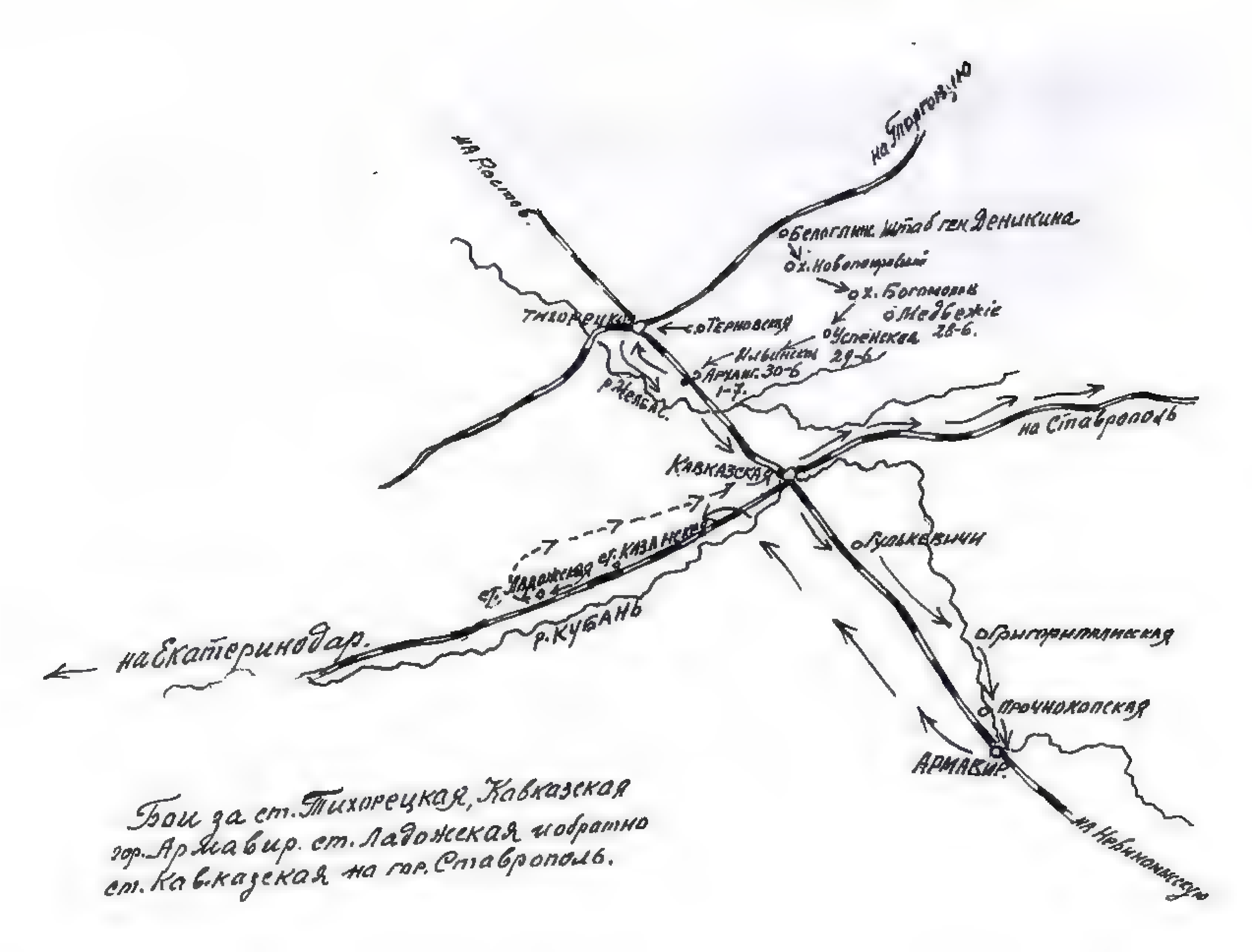
ПРИКАЗ

ВОЙСКАМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Село Белая Глина № 0284 27 июня 1918 г. 13 час. 40 м.

1) Разбитый под с. Белая Глина противник пытался 25 сего июня наступать на ст. Ея и станицу Ново-Покровскую и 26 июня на с. Привольное, но был отражен. В настоящее время силы большевиков сосредоточены в четырех группах:

Район станицы Невинномысской занимает отряд из трех родов войск



Бои за ст. Тихорецкая, Кавказская гор. Армавир. ст. Ладожская и обратно ст. Кавказская на гор. Ставрополь.

неизвестной численности, имеющий конные части в хуторах по реке Кавалерке и в хуторе Ново-Ивановском;

Район Кальниболоцкая-Терновская-ст. Тихорецкая занимается отрядом большевиков силой до 6-8 тысяч при многочисленной артиллерии и двух бронепоездах (потом оказалось, что бронепоездов было три);

Район ст. Успенская-Ильинская занимается отрядом (б. Думенко) силой до 2 1/2 тысяч при четырех орудиях;

Район с. Медвежье-хут. Богомолов занимает отряд до тысячи человек при двух орудиях (впоследствии там оказалось 4 тысячи пехоты и батарея 4-орудийного состава, взятая нами с тысячью пленных).

2) **Для предстоящей операции приказываю:**

а) Генералу Боровскому очистить от большевиков район Привольное-Медвежье-Успенская. 30 сего июня занять район Ильинская-сельцо Демьяновка. Колонне придается броневик «Верный».

б) Полковнику Кутепову 30 сего июня занять район станции Кальниболоцкая.

в) Полковнику Дроздовскому 29 сего июня перейти в станицу Ново-Покровскую, где сменить части 1-й дивизии.

г) Генералу Эрдели с 1-м и 3-м Кубанским казачьими и Черкесским конным полками, присоединив к себе при наступлении 1-й Черноморский казачий полк, 30-го занять район станицы Незамаевской.

3) При сосредоточении в указанных районах вести разведку и выяснить группировку главных сил противника:

а) Генералу Эрдели — в направлении на станицы Екатериновскую-Павловскую — Новолеушковскую-станцию Тихорецкую.

б) Полковнику Кутепову — на станицу и станцию Тихорецкую и ст. Терновскую.

в) Полковнику Дроздовскому — в направлении на станцию Порошино и сельцо Демьяновка.

г) Генералу Боровскому — в направлении на Терновскую-станцию Тихорецкую и станицу Архангельскую.

4) Штаб Армии остается в с. Белая Глина.

Командующий Добровольческой Армией

Генерал-лейтенант Деникин

После этого предстояла операция по овладению станцией Тихорецкой. Для того, чтобы при наступлении обеспечить тыл своей Армии, генерал Деникин решил предварительно обезвредить южную группу красных войск, висевших на левом фланге добровольцев.

«Удар по этой группе, — пишет генерал Деникин («Очерки Русской смуты», т. 3, стр. 171-172), — чтобы не задерживать общего наступления, требовал от начальников большой решимости и стремительности. Этими качествами обладал в высокой степени начальник 2-й пехотной дивизии генерал Боровский. И, кроме того, он никогда не вел речи о малочисленности своих войск, об их переутомлении и т. д.

Разговор наш 27-го был краток:

— Необходимо в три дня разбить большевиков у Медвежьего, Успенской и Ильинской, с тем чтобы 30-го сосредоточиться в районе Ильинской, так как 1 июля состоится общее наступление на станцию Тихорецкую...

— Слушаю!

— Александр Александрович, вы взвесили, что перед вами 115 верст пути и 6 тысяч красноармейцев?

— Исполню!

— Можете выступить завтра с рассветом?

— Выступлю сегодня к вечеру.

Мы простились. Вечером я провожал колонну Боровского, вытягивающуюся из Белой Глины, а 30-го пополудни к штабу, перешедшему в Ново-Покровскую, подъехал автомобиль: Боровский вдвоем с адъютантом, по дороге, по которой еще бродили разъезды большевиков, приехал с докладом из Ильинской.

«Рейд Боровского», как называли этот поход, протекал с быстротой поистине кинематографической».

* * *

Боевые действия Корниловского Ударного полка в этом «рейде» оперативная сводка от 28 июня 1918 г. излагает так:

«Колонна генерала Боровского 28 июня у хутора Богомолова была встречена противником силой до 5 тысяч пехоты при 4 орудиях. Доблестный Корниловский Ударный полк, под сильным ружейным огнем перейдя вброд по горло реку, захватил хутор Богомолов, разбил противника, оборонявшегося в окопах к западу от с. Медвежье, и овладел этим селом».

* * *

(В этом бою 28 июня принимал участие и я, пишущий эти строки, после выздоровления от ранения 28 марта под Екатеринодаром. Из Новочеркасска на фронт со мной выехал мой старший однокашник по Виленскому военному училищу, но вышедший в артиллерию, полковник Гетц. К вечеру 27-го мы наконец догнали Корниловцев недалеко от хутора Богомолова. Я сразу отправился в свою 1-ю офицерскую имени Генерала Корнилова роту, — остаток от славного Партизанского офицерского батальона имени Генерала Корнилова, влившегося с началом 1-го Кубанского похода в Корниловский Ударный полк. Командиром батальона был теперь первопоходник капитан Миляшкевич, который назначил меня командиром взвода в 1-ю роту, что после 18 месяцев командования мною батальоном в Великую войну было все же маркой. Взвод свой я нашел на улице, — его оставили без квартир. Я сразу оценил, что командир батальона занимает чересчур большой дом, и снова побежал к нему с просьбой потесниться. Узы первого похода сделали свое дело, и взвод оказался под крышей. К моей радости, в нем оказались два старых соратника по походам, а потому мы втроем засели за разговоры, подкрепляя их уни-

чтожением купленного жареного барашка. За разговорами мы и не заметили, как в предрассветной мгле стали строиться и как на столе от барашка остались одни только косточки. Правда первоначальное наше движение было тяжеловато, и мы только подшучивали: «Лишь бы только не в живот», то есть ранение в пустой живот легко проходит, а в полный — почти всегда смерть. Идти далеко нам не пришлось, офицерской роте было дано направление по дороге на какие-то обрывистые валы. Наступивший рассвет сразу все разъяснил: перед нами были сплошные окопы красных, очень красиво расположенные, как после говорили, по старым укреплениям, а перед этой умилительной панорамой протекала красивая извилистая речка среди подсолнухов и уже высоких хлебов. Эту очаровательную картину стали дополнять редкие, но точные выстрелы с этих проклятых высот. Красные как будто принимали нас за куропаток и выбирали кто пожирней. Совершенно не к месту подвернулась нам речушка, — перешли мы ее по пояс в воде, выскочили снова на дорогу, и дальше был довольно крутой подъем прямо на окопы противника.

Здесь стрельба пошла без выбора, - по площадям, как говорили у нас. Мы тоже начали отвечать, застрочили и наши пулеметы. Мой взвод стал уменьшаться, через минуту и меня пуля хватила в левую руку выше кисти, перебив мне обе кости и часть сухожилий, которые вывалились сизым клубком. Мое пожелание сбылось: в живот мне не попали, но руку починили сильно. Помню, как под огнем противника подбежал ко мне офицер с бинтом и начал перевязывать меня, а красные все мешали ему, шлепая своими пулями по подсолнухам. Не могу понять, почему мы делали перевязку стоя? В голове стало «туманить» от потери крови, и я свалился на обочину дороги, а мой санитар уже поднимался на бугры, за своими. Упадок сил подкрепил мне вид нашего Кубанского конного полка справа от нас, начавшего атаку по флангу красных. Отступление красных кончилось полным их разгромом, была взята батарея и около тысячи пленных.

Впоследствии, в 1919 году, уже во 2-м Корниловском Ударном полку из числа этих пленных у меня был денщик, Иван Никифорович Колесников, который так говорил про этот бой: «Все мы были собраны комиссарами из разбежавшихся чинов 39-й пехотной дивизии по Ставропольской губернии. Нормально вы не могли бы взять этой позиции, — вас было очень мало для этого, и мы это видели, но мы не хотели воевать и разбежались по хлебам, а стреляли только коммунисты».

За ворвавшимися в окопы красных ударниками потянулась и наша артиллерия. Подъезжает ко мне полковник Гетц, недоумевающе смотрит на меня и восклицает: «Как, уже?» Отвечаю с досадой: «У Корниловцев это нормально». Это уже третье ранение в Добровольческой Армии, два из них 28-го числа, которое принесет мне в будущем не мало неприятностей. Потери за этот бой у Корниловцев были велики — 135 человек, но зато результаты его оказались блестящими: село Медвежье было легко взято и не было потеряно время для дальнейшего исполнения задачи. Вновь поехал я в Новочеркасск на старое место в госпиталь, в помещение епархиального училища. Досадно было, что удалось только взглянуть, но

фактически не принять участия в походе в условиях многообещающих. М. Левитов).

ПРИКАЗ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Ст. Ново-Покровская № 0322 30 июня 1918 г. 12 час. 30 м.

1) Противник к вчерашнему вечеру занимал ст. Незамаевскую, Кальниболоцкую, Терновскую, дорогу из Терновской на Ильинскую и ст. Ильинскую, группируясь главными силами, до 6 тысяч человек при многочисленной артиллерии, в районе станции Порошинской и станицы Терновской. Перед станицей Тихорецкой устраивались окопы.

2) В течение сего дня 30 июня генерал Эрдели должен овладеть станицей Незамаевской, полковник Кутепов — станицей Кальниболоцкой, что им уже сделано, полковник Покровский должен 1 июля перейти в станицу Незамаевскую.

3) Завтра 1 июля приказываю овладеть станицей Тихорецкой и разбить противника, группирующегося в районе станицы Терновской-станции Тихорецкой.

а) Генерал Эрдели (1-я конная дивизия в составе 1-й бригады и 3-го Кубанского конного полка, 1-я конно-горная батарея и броневик «Корниловец») — к рассвету разрушить железную дорогу в районе станции Леушковской, овладеть станицей Ново-Леушковской, оставив там сильный заслон с артиллерией для обеспечения Армии со стороны станции Сосыка, остальными силами двигаться на станицу Ново-Рождественскую, откуда ударить в тыл Тихорецкой группе и разрушить железнодорожный путь Тихорецкая-Екатеринодар.

б) Полковнику Кутепову (1-я дивизия и броневик «Кубанец») — к рассвету выйти на дорогу хутор Николаевский-станица Тихорецкая и ударить в левый фланг и тыл противника, расположенного в районе ст. Порошинской, имея в дальнейшем своей целью преследовать противника через станицу Тихорецкую и атаку станции Тихорецкой с севера.

в) Полковнику Дроздовскому (3-я дивизия, броневой поезд и броневики «Доброволец» и «Партизан») — к рассвету подойти к позициям противника у станицы Терновской и атаковать противника, занимающего станицу Терновскую. В дальнейшем — быстрое наступление на станцию Тихорецкую вдоль железной дороги с целью овладеть этой станцией.

г) Генералу Боровскому — к рассвету выйти на линию южная окраина станицы Терновской — станицы Архангельской и атаковать левый фланг и тыл противника, расположенного в районе станицы Терновской, имея в дальнейшем целью атаковать станцию Тихорецкая с юго-востока К рассвету... (дальнейший текст приказа утерян).

Генерал КУТЕПОВ Александр Павлович.

Его служба РОССИИ заслуживает того, чтобы о ней знать подробно. Он последний Командир Лейб-Гвардии Преображенского полка в первую мировую войну. В Добровольческой Армии до 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода он начальник Таганрогского отряда. С выходом в 1-й поход он командует 3-ей ротой Офицерского полка. После смерти полковника Неженцева в бою под городом Екатеринодаром он назначается Командиром Корниловского Ударного полка. В начале 2-го Кубанского похода он назначается Начальником 1-й Дивизии на место павшего в бою генерала Маркова. В походе на Москву он Командир 1-го Корпуса Добровольческой Армии. В Русской Армии Генерала Врангеля он заканчивает Командующим 1-й Армией. В Галлиполи он Командиром Корпуса. После смерти Генерала Врангеля он назначается Великим Князем Николаем Николаевичем Начальником Русского Обще-Воинского Союза и на этом посту он был похищен большевиками в Париже 26 января 1930 г.

Вечная слава и вечный покой душе выдающегося сына РОССИИ Генерала К У Т Е П О В А.

Разбор действий группы генерала Боровского, в которую входил Корниловский Ударный полк

Уничтожив южную группу красноармейцев, дивизия генерала Боровского двинулась на Тихорецкую и 1 июля, как было назначено генералом Деникиным, совместными действиями частей Армии весь Тихорецкий район был окружен. Корниловскому Ударному полку предстояло окружение станции с юга, перерезав линию железной дороги на Кавказскую. Судя по тому, что из трех взятых Армией бронепоездов два были брошены именно на этом направлении, значит красные предполагали сюда отступать большими силами, которые Корниловцы отбросили, заставив их бросить всю материальную часть. После ожесточенного боя, продолжавшегося до поздней ночи, большевики потерпели полное поражение. Оперативная сводка от 2 июля гласила: «Трофеи Армии громадны, — захвачено три бронепоезда, аэроплан, много орудий (50), большое число огнестрельных и других боевых припасов (в том числе бронебойные), много интендантского имущества».

Досадно, что о потерях в людях, наших и противника, ничего не говорится. Корниловский Ударный полк за рейд генерала Боровского в 115 верст до Ильинской за три дня и плюс верст двадцать для обхода Тихорецкой с юга, с пересечением железной дороги на Кавказскую, бил противника молниеносными атаками, времени для маневра не было, а отсюда лишние потери. Судя по прибывшим в Новочеркасск раненым, четверть состава полка выбыла из строя, то есть до 300 человек.

* * *

В следующей операции по овладению Екатеринодаром на долю Корниловского Ударного полка вместе с частями 2-й дивизии выпала предварительная задача: овладеть станцией Кавказская, железнодорожным узлом, соединяющим Екатеринодар, Ставрополь и Армавир.

С такой же быстротой, как в своем первом рейде, генерал Боровский совершил с боями переход в 60 верст и овладел Кавказской. Потери — 75 человек. Развивая успех, Корниловский Ударный полк двинулся на юг, к Армавиру, захватил станцию Гулькевичи, откуда круто повернул на запад и, переправившись на правый берег Кубани, занял станицу Григориполисскую и ночной атакой разбил красных у станицы Прочноокопской, расположенной на высоком берегу Кубани над самым городом Армавиром. 14 июля утром с налета был взят город Армавир (потери — 120 человек), но через несколько дней генерал Боровский был вынужден оттянуть Корниловцев снова к Кавказской

Продвигаясь к Екатеринодару вдоль железнодорожной линии, Корниловский Ударный полк дошел до станции Ладожская. Станция была обнесена глубокими окопами. Корниловцы ворвались в них с большими потерями, но и в окопах большевики продолжали отбиваться ручными гранатами. «Да кто же вы такие, черти?» кричали Корниловцы. «Мы — чертова сотня товарища Жлобы; а вы — кто?» «Мы — Корниловцы!» отвечали наши и бросились в атаку с криком «ура!». Потери — 75 человек.

На самой станции командир роты капитан Морозов узнал, что в 4

верстах от станции застрял бронепоезд красных. Гурьбой по полотну шли к нему Корниловцы. Рядом, по дороге тянулась артиллерия, пулеметные тачанки. В темноте вырисовывалась на рельсах черная громада. Раздался окрик: «Стой! Кто идет?» Ответ: «Корниловцы!» и в один миг, с криками «ура!», офицеры забросали бронепоезд ручными гранатами. 6 дальнобойных орудий и 20 пулеметов были добычей капитана Морозова.

В полковых записях — воспоминаниях Корниловцев — имя капитана Морозова почти всегда упоминается с эпитетом «доблестный». И действительно, капитан Морозов со своей ротой, а потом уже и с 3-им батальоном, часто решал участь боя. Он был одним из первых прибывших на формирование Корниловского Ударного полка. Но всем своим видом он меньше всего был похож на «вояку». Морозов был страшно застенчив, и румянец то и дело заливал его щеки. Товарищем капитан Морозов был беспримерным, его душа была пронизана благожелательством к своим офицерам и солдатам. В Каменноугольном районе Корниловскому Ударному полку было приказано совместно с 4-м пластунским батальоном овладеть станцией Енакиево и Веровским рудником. Кубанский батальон был необстрелян еще и на помощь ему, для руководства операцией, был послан капитан Морозов. После упорного боя Корниловский Ударный полк взял Енакиево, а Кубанский батальон не выдержал артиллерийского огня и залег перед рудником. Командир батальона был контужен в голову и эвакуирован в тыл. Со станции до кубанцев доносился ураганный огонь бронепоездов, бивших по Корниловцам. Капитан Морозов решил оказать помощь своему полку, поднял цепи кубанцев и уже увлек их за собой, но был тяжело ранен в голову и впоследствии был эвакуирован в Египет. По данным полковника Бояринцева, капитан Морозов по излечении от ранения вернулся в полк, в Северной Таврии, в 1920 году, и был снова тяжело ранен, отчего у него отнялись ноги. Во время эвакуации из Крыма полковник Бояринцев видел, когда его вместе с ранеными грузили на пароход в Феодосии, но капитан Морозов был погружен на другой корабль. Впоследствии его брат писал, что капитан Морозов был выгружен в Константинополе, где и скончался. Слава и вечный покой воистину доблестному Корниловцу, — верному сыну национальной России!

Непосредственного участия во взятии Екатеринодара Корниловцы не принимали, так как были переброшены в Ставропольский район, где большевики с трех сторон угрожали Ставрополю, освобожденному партизанским отрядом Шкуро еще 8 июня. Сразу по прибытии в Ставрополь Корниловскому и Партизанскому полкам пришлось прямо из вагонов вступить в бой. Рисуется картина: полковник рукой указывает направление выгружающимся и тут же падает с раздробленным черепом. Красные шли тремя группами. Наш 3-й взвод врезался в китайцев, молодой подпоручик Недодаев с размаха засадил свой штык в китайца саженного роста. Тот судорожно схватился обеими руками за винтовку. На расстоянии шага глядели друг на друга безумными глазами два человека и оба шатались. Недодаев пытался выдернуть винтовку и не мог. Подбежал другой китаец и в упор выстрелил в офицера. Оба врага рухнули на землю... Потери полка — 137 человек.

Бои за Кавказскую-Гулькевичи и Армавир дорого обошлись Корниловцам, несмотря на богатство захваченного вооружения и все прибывающее пополнение. Все это требовало времени для приведения в порядок и на обучение, но времени обстановка не давала, начинались кровопролитные бои за Ставрополь и его район. В течение целого месяца Корниловцы вели бои в этом районе, то спускаясь к юго-западу от города, то поднимаясь на север. Особенно упорные бои были у Сенгилеевки и Терновки.

Во время этих боев в Ставрополь приезжал генерал Деникин. Он вызвал к себе полковника Индейкина и благодарил Корниловский Ударный полк за его боевую службу. Тогда же генерал Деникин просил передать полку икону Иверской Божией Матери, преподнесенную Главнокомандующему Ставрополем. Потери при Сенгилеевке и Терновке — 230 человек.

К сентябрю 1918 года юго-западная часть Кубанской области и Черноморская губерния были очищены от большевиков. Красные войска пробивались на восток, к г. Армавиру, в районе которого их в конце концов сосредоточилось до 70-80 тысяч при 100 орудиях. Для того чтобы выйти в тыл Армавирской группе красных, генерал Деникин приказал 2-й дивизии генерала Боровского атаковать станицу Невинномысскую. Атака Корниловцев началась как раз в тот день, когда командующий красными войсками Северного Кавказа Сорокин отдал приказ группе Гайчинца, расположенной в Невинномысской, взять Ставрополь. Потери полка — 76 человек.

Оперативная сводка сообщила: «В полдень 2 сентября 1918 г. доблестные части генерала Боровского несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника ворвались в станицу, и продолжая стремительное наступление, овладели ею и перекинули часть сил на левый берег Кубани. Громадные толпы противника в беспорядке бросились бежать к Армавиру. В момент атаки в Невинномысской находилось шесть большевистских штабов, в том числе и штаб Сорокина, который бежал верхом за Кубань...» Паника красных была так велика, что Корниловцы захватили не только обоз Сорокина, но и его оркестр.

Через несколько дней Корниловцам пришлось вновь брать Невинномысскую, так как красная конница Жлобы выбила из этой станицы оставленную там пластунскую бригаду. В этом бою на моих (пишущего эти строки) глазах был убит на площади станицы штабс-капитан Доманицкий, бывший моим отделенным в 3-ей офицерской роте, под командой которого мы в 1-м Кубанском походе, в бою под Кореновской 4 марта, ходили в атаку на бронепоезд около железнодорожного моста. Упал он, как подкошенный, и потом мне говорили, что пулевое ранение прямо в сердце было настолько незаметным, что его с трудом обнаружили. В его лице Корниловцы лишились верного и идейного последователя Генерала Корнилова. Потери полка — 60 человек.

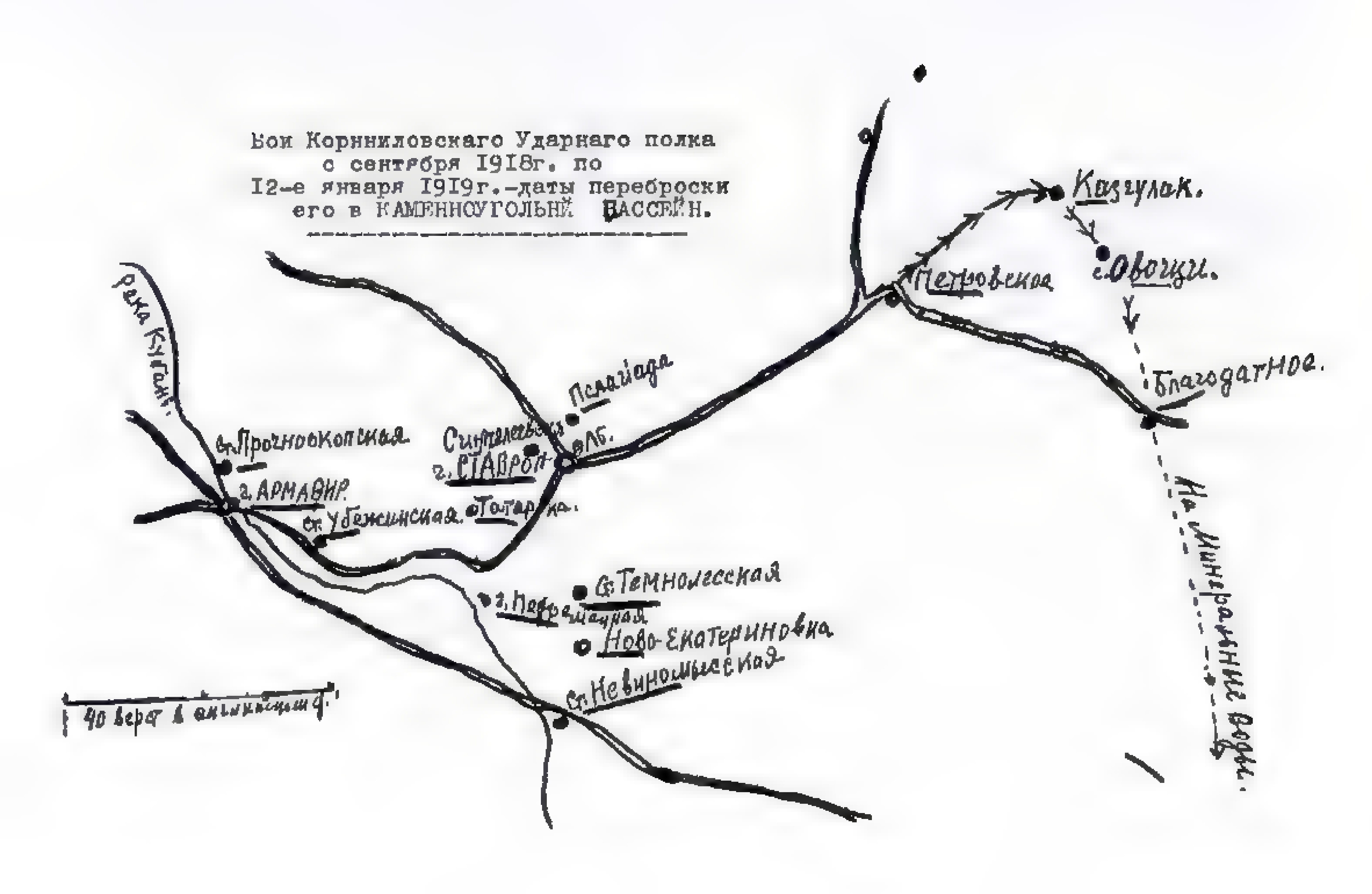
Когда Корниловский Ударный полк вел бои за Невинномысскую, три его роты под командой полковника Молодкина (этот самый полковник Молодкин, который в станице Усть-Лабинской был освобожден полком из тюрьмы с группой офицеров в 1-м Кубанском походе) приняли участие в бою по овладению городом Армавиром. Эти три роты были сначала

переброшены на подводах в станицу Убеженскую, расположенную на правом берегу Кубани, наискось против Армавира. Сильных боев тогда там не было. По утрам постреливал бронепоезд добровольцев. Днем обычно все было тихо, только из ближайших кустов бежавшие к красным казаки постреливали по своим виноградникам и баштанам из винтовок и пулеметов, чтобы «кадеты» не ходили туда, а один казак-богач стрелял даже из бомбомета. Казачки откармливали Корниловцев просто «на убой», часто свои кухни уезжали нетронутыми. Несколько раз Корниловцев вызывали в станицу Прочноокопскую с ее знаменитым фортом — старинным укреплением времен «кавказской линии», расположенным на мыску, выдающемся в реку против Армавира.

Рано утром 6 сентября подошли Дроздовцы и повели наступление на Армавир. Корниловцы тотчас же перешли мост через Кубань, быстро вошли в город и бегом пустились на окраину, где шел бой. Здесь отличилась 4-я рота, которая бросилась в штыки на бронеавтомобиль, расстреливавший Дроздовцев. Когда Армавир был взят и левый берег очищен от красных, Корниловские роты вернулись в Убеженскую. В этой станице Корниловцы были свидетелями того, как станичный сход творил суд и расправу над вернувшимися от большевиков казаками. Молодым казакам присудили по 25 нагаек, более взрослым по 50, а старикам, за то, что не нажили ума до седых волос, — по 75. Богатого казака, который от жадности защищал свой виноградник бомбометом, повесили.

Красная армия, окруженная добровольцами, решила перейти на правый берег Кубани и прорваться к Ставрополю. Начались жестокие бои. Большевики снова овладели Армавиром и форсировали реку южнее и севернее Невинномысской. С огромными потерями Корниловцам пришлось отходить на Ново-Екатериновку. Во время отхода 1-я офицерская рота имени Генерала Корнилова была в арьергарде полка. Противник преследовал нас не отрываясь, его кавалерия все время обходила наши фланги, пытаясь переходить в атаку, но наши пулеметы на тачанках успешно отбивали их. На одной из таких тачанок с пулеметом был поручик Сахаров, который в 1-м Кубанском походе, во время нашей атаки в Саратовских хуторах, ведшейся по личному приказанию Генерала Корнилова, уложил красноармейца, стрелявшего в меня в упор и тем, как я полагаю, спас меня. Теперь этот доблестный Корниловец погиб на наших глазах. Его тачанка почему-то сильно отстала от арьергарда и осталась в одиночестве. Этим воспользовалась красная кавалерия и атаковала тачанку. Пулемет, сделав несколько выстрелов, отказался работать, а винтовок у них не было. В пять минут их участь была решена, и они пали при исполнении ими священного долга прикрытия своего родного полка. Наши пулеметы с дальнего расстояния разогнали красную кавалерию, но контратаковать подходившую пехоту у нас не было сил. В бинокль никаких признаков жизни около тачанки обнаружено не было, перебиты были даже лошади. В Ново-Екатериновке полк недосчитался многих, потери были велики, **только за этот бой мы потеряли убитыми и ранеными 133 человека.**

Судьба не особенно жаловала в эти дни Белое Воинство, каждый бой уносил из его рядов сотни и сотни жертв, а в эти особенно тяжелые


Бои Корниловскаго Ударнаго полка
с сентября 1918г. по
12-е января 1919г.-даты переброски
его в КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ БАССЕЙН.
Река Кубань.
ст. Прочноокопская
г. АРМАВИР.
ст. Убежинская.
Татарка.
г. СТАВРОП.
Пелагиада
ст. Темнолесская
Ново-Екатериновка
ст. Невинномысская
Петровская
Казгулак.
с. Овощи.
Благодатное.
На Минеральные воды.
40 верст в английском д.

дни, 25 сентября была получена телеграмма о смерти Основателя Добровольческой Армии генерала Алексеева.

На похороны генерала Алексеева в Екатеринодар была отправлена 1-я офицерская имени Генерала Корнилова рота в составе 180 штыков (всего она имела 250 штыков). За день до отъезда роты мне, как ее фельдфебелю, доложили об исчезновении из секрета прапорщика Войцеховского. Из госпиталя в полк я вернулся дней десять тому назад и нашел в роте незнакомый мне на 3/4 офицерский состав. На занятиях я обратил внимание только на бледность лица Войцеховского. Поездка на похороны в Екатеринодар отвлекла нас от выяснения этого редкого для нас явления. На похоронах рота стояла на правом фланге, левее нас была какая-то часть гвардейского формирования. Калейдоскоп событий и это тяжелое событие для Добровольческой Армии как-то стушевались. Мы смотрели тогда на все примитивно практически: отдав должное большому Русскому патриоту генералу Алексееву, мы спокойно видели наше руководство в достойных руках генерала Деникина, но... и замечали что-то неприятное для нас: это чрезмерное засорение города здоровым мужским элементом. В данном случае я был далек от какого-либо упрека им, но виденное уже нечто подобное в Ростове на Дону до первого похода как-то тревожно воспоминалось. Вообще, — пуганый куста боится.

Похороны, черезчур переполненный город и положение на фронте привели меня в мрачное состояние, и я был рад отбытию в полк. Не успели мы доехать до полка в Ново-Екатериновке, как в Ставрополе узнали о новом постигшем нас горе: сбежавший перед нашим отъездом из сторожевки **прапорщик Войцеховский оказался провокатором: он оценил отсутствие в полку первой боевой единицы и, зная местность, провел красных в тыл полку. Не упустил он из вида и то, что полк рано утром всегда выходил на занятия без патронов, а потому атака была приурочена как раз к этому моменту. Здесь был убит полковник Лисовский, смертельно ранен адъютант полка поручик Пожаров-Романов и больше ПЯТИСОТ Корниловцев, главным образом убитых. Потери — 514 человек.**

Потери могли быть и большими, но Корниловцы все же лучше красных знали местность и инстинктивно, хотя и разрозненно, отскочили за гору, на окраине станицы, и там не только отбили красных, но контратакой выбросили их под обрыв, к Невинке. Роль предателя была раскрыта им самим: он имел маленький чемоданчик, оставленный им при переходе к красным в доме, где он стоял, и теперь пришел взять его. Хозяйка дома сразу его узнала и в ужасе ничего не могла ему сказать. Он же, взяв свое, тоже удалился молча. Среди ада братоубийственной войны предатель не смутился при виде стольких геройски павших Корниловцев и спокойно пошел подбирать свои тряпки! Не раз после этого я задавал себе вопрос: какое основание было для того, чтбы называть русский народ «народом-Богоносцем»? Недостойны были тогда русские этого...

Обстановка под Ставрополем все ухудшалась, армия Сорокина настойчиво пробивалась из окружения добровольцев. Корниловцы были переброшены в город Ставрополь, где погрузились в эшелоны и тронулись

на станцию Торговую для проведения операции по очищению севера губернии от красных банд. Не успели мы разгрузиться в Торговой, как нас снова вызывают в Ставрополь, где под селением Татаркой Дроздовцы понесли большие потери. Обратно полк прибыл довольно быстро, стал в Ставрополе по старым квартирам и мог до утра отдохнуть. С утра началась какая-то непонятная игра нашим положением в резерве: будто бы, по приказанию генерал-губернатора города Ставрополя наш полк должен был «дефилировать» по улицам для успокоения населения. Помню, что мы при известии об этом не мало чертыхались. Ирония судьбы: сотни Корниловцев в последний раз шли в рядах своего славного полка, даже восхищались его мощью, техникой и подтянутостью. Полк снова был хорошего состава: офицерская рота имени Генерала Корнилова имела 250 штыков, три солдатских батальона и десятка три пулеметов со своей артиллерией. На наше несчастие было даже жарко, хотя было 14 октября. Совершенно ненужная прогулка всех утомила, и в довершение всего полковник Индейкин получает приказ отбить наступление красных со стороны Татарки. 1-й батальон полка занял фронт левее полотна железной дороги, красные спускались от села густыми цепями. Как выяснилось после, это были матросы. Наша артиллерия открыла огонь, пулеметы поддержали, дошла очередь и до нас. Видно было, как полковник Индейкин с группой офицеров стоял на полотне железной дороги совершенно открыто. «Командир ищет смерти», — говорили тогда. Полк оставался на занятой позиции, приказания о переходе в атаку не было, вывели заключение, что будем только пассивно оборонять город. Ходили слухи, что Дроздовцы уже сильно пострадали, что красные подбили два наших бронеавтомобиля. Огневой бой разгорался. Позиция 1-й офицерской роты шла по ровному месту, убитых и раненых много. Хорошо видно, как матросы умело делают перебежки, местами поднимаются как бы для атаки, но сила нашего огня их косит. Здесь первая пуля пробивает мне ногу выше колена, нога онемела, но я остаюсь на месте, — фельдфебелю неудобно оставлять роту в такую минуту. Падает командир роты, — лихой капитан Пух, — у него раздроблена пятка. Через полчаса тяжело ранен его помощник, старый вояка — поручик Граков. Это ранение лишает его ноги. До этого, в Великую войну, на фронте против болгар он лишился глаза. В эмиграции, когда полк попал в Болгарию, он застрелился и был похоронен около селения Горно-Паничерево, за военными казармами, на кладбище военнопленных сербов.

Удар в правую мою ногу обнаружил второе, слепое ранение, и в сапоге уже хлюпает кровь. Приближается вечер. Вижу, что потери колоссальны и только наши пулеметы отбивают красных. Снова знакомый мне удар в кисть левой моей руки, и фонтан крови указывает, что это уже третье ранение, и нужно пока не поздно выходить из-под удара красных.

Почему-то близко оказались наши артиллеристы, и я при их содействии был погружен на повозку, переполненную такими же ранеными. Ехать пришлось через город, и было несколько неприятных минут, когда к нам приближались конные разъезды и мы не знали, чьи они. Погрузка раненых происходила где-то за городом. В дороге мы узнали, что крас-

ные заняли город на следующий день. В этом бою полк понес исключительно большие потери, — более 600 человек. О размере потерь Корниловского Ударного полка можно судить по 1-й офицерской роте имени Генерала Корнилова: из 250 штыков в братской могиле оказалось 70 человек. Раненые все были отправлены в гор. Ейск, где заполнили весь госпиталь. В Болгарии, в 1924 году, была получена из Ставрополя фотография нашей братской могилы, около которой сидела женщина в белом, с низко опущенной головой.

Нам, оторвавшимся от полка, картина рисовалась безотрадной. Инициатива явно переходила к противнику. Неясным оставался только вопрос, — что это:прорыв красных из нашего окружения или только сокращение своего тоже сильно разбросанного фронта с приближением своего тыла к Царицыну? Пока же, для выяснения создавшегося положения бесспорным оказалось, что успехи противника достаются ему дорогой ценой и что он тоже выдыхается. Его колоссальный перевес в силах на Ставропольском участке фронта был создан не по доброй его воле, а благодаря взятию нашими войсками 13 октября Армавира.

Остатки полка после оставления города Ставрополя заняли позицию у с. Пелагиада, немного севернее города. Через два дня большевики пытались прорвать наш фронт. Они повели наступление крупными силами. Высоты около этого села переходили из рук в руки, и хотя под конец они и остались за большевиками, но все-таки прорваться им через Корниловцев на этот раз не удалось, — Корниловский Ударный полк отошел на две версты и удержался со своими 25 пулеметами. Войска добровольцев и красных все время переходили поочередно в наступление.

22 октября добровольцы перешли по всему фронту в наступление. Корниловцам удалось выбить красных из Пелагиады и, взяв до тысячи пленных, подойти даже к подступам Ставрополя (потери полка — 67 человек), но...

31 октября красные сами перешли в наступление. Начало этого наступления обнаружил прапорщик Чернов, оно было театральным: из густого от мороза тумана перед ним точно встали видения пугачевских времен — одни всадники были в бурках и смушковых папахах, другие в церковных облачениях, из-под которых блестели шпоры, а один даже надел на голову митру. Пулеметы Чернова смели «видения», но за ними высыпали полчища красных. С гиканьем и криками они обрушились на Корниловцев. Пули взрывали землю, у прапорщика Чернова была переранена вся пулеметная прислуга. Он вынул замки из пулеметов, сунул их в карманы, взвалил на свои плечи тяжело раненного своего друга, подпоручика Стратоновича, и понес его вдогонку за своими уползавшими ранеными пулеметчиками. Он благополучно пересек небольшое поле с еще подергивающимися телами Корниловцев и наткнулся на своего командира полка полковника Индейкина. Он шел с опущенной головой, а следом за ним вел на поводу командирского коня его вестовой Санька, мальчуган лет двенадцати. До Чернова долетел плачущий голос Саньки: «Господин полковник, да садитесь же скорей на коня. Убьют ведь, смотрите, наших почти не видно...!» И действительно, реденькая цепь Корни-

ловцев маячила вдали от командира. Чернов, еле переводя дух от своей тяжелой ноши, не успел сказать: «Господин полковник, опасно...», как Санька опять застонал: «Да я ж вам говорю, садитесь скорее, вон уже большевики на буграх...» Полковник Индейкин вскочил в седло, поднялся на стременах и во всю мочь закричал: «Корниловцы, не отступать!» Потом, круто повернув своего коня в сторону большевиков, успел еще крикнуть: «Корниловцы, впе...» и, как сноп, свалился с коня. Пуля сразила его прямо в лоб. Тело убитого командира полка, совершенное раздетое, было найдено через несколько дней, уже после того, как Ставрополь был взят добровольцами. **Потери полка достигали 100 человек.**

Странное впечатление производит смерть на войне. Дома, когда умирает близкий человек, сразу прерывается обычная жизнь, наступает тишина, благолепие, надгробное рыдание. Со смертью главы семьи родные, как спицы без втулки, теряют опору, разбредаются. А на войне — погибает командир, тот центр, от которого тянутся нити, часто более крепкие, чем кровные узы, и нет места ни унынию, ни горести, боевая жизнь полка ни на одно мгновение не замедляет хода, тем же темпом, уже с новым командиром, она несется дальше...

1 ноября командиром Корниловского Ударного полка был назначен старейший Корниловец — молодой капитан Скоблин.

(Лично от себя добавлю, что сам полковник Индейкин стал напрасной жертвой, переоценив свои командирские возможности. Хотя и говорят, что «привычка — великое дело», но и она срывается, когда перестает оперировать реальностями. После боя у Татарки и особенно при обороне Ставрополя в полку могло остаться три неполных роты и если полк отбивал противника, то только пулеметами и артиллерией. Ночь и туман лишают командира возможности использовать эту силу, и он должен был видеть, что почти несуществующую пехоту и перебитых пулеметчиков никакая сила не бросит в контратаку. Он, как выдающийся командир полка, с большим боевым опытом на этой должности, своей горячностью лишил Добровольческую Армию и свой Ударный полк блестящего и верного сына России. Вечная и славная ему память! Полковник Левитов).

Потери полка с 15 октября у с. Пелагиада и до 1 ноября — 285 человек.

Подобно полковнику Кутепову под Екатеринодаром, капитану Скоблину пришлось принять лишь остатки полка, всего 220 штыков. Через несколько дней и от этого осталось только 117 штыков.

Красная армия, выбитая из Ставрополя, всей своей массой двинулась на север и разорвала кольцо добровольцев, пробившись через фронт 2-й дивизии. После этих боев под Ставрополем Корниловский Ударный полк был отправлен в Екатеринодар на отдых и пополнение. Весь полк со всей своей хозяйственной частью свободно разместился в восьми вагонах.

От начала 2-го Кубанского похода и до отправки полка на пополнение в Екатеринодар **полк понес потери в 2.693 человека убитыми и ранеными,** потеряв в последних боях своего доблестного командира полка

полковника Индейкина. Полк редко имел в своих рядах 1.200 человек и, если принять во внимание его большие потери, то можно смело сказать, что за 2-й Кубанский поход он ТРИ раза сменил свой состав. Главная сила полка, как и в первое время, была в пулеметах. Пополнялся же полк через свои вербовочные пункты главным образом пленными, от командования он и половины не имел. Для уменьшения потерь у нас многого не доставало, особенно броневтомобилей. Способ бить противника живой силой никогда не выгоден, а в те времена в особенности, так как техники все же больше было у красных. Выручала нас жертвенность добровольцев и сознательной части казачества. Крестьяне Ставропольской губернии, не в пример иногородним Кубани и Дона, относились к нам благожелательно, но реально помочь нам не могли, потому что мы заняли только часть их территории, да и та постоянно переходила из рук в руки.

Ноябрь 1918 года в Екатеринодаре

В городе Корниловцы расположились в здании городского училища и с места принялись приводить себя в порядок. Первые дни были отмечены радостными и печальными справками о своих родных и близких знакомых, служивших в нашем полку. Екатеринодар представлял собой тогда шумный военный лагерь, где элемент с деньгами позволял себе кутежи и неприятные для нас вольности. Сначала наше обмундирование не позволяло нам даже выходить в город, особенно на главные улицы, но потом мы принарядились и стали оценивать обстановку. Первый раз Корниловцы познакомились с этим городом в печальные дни 1-го похода с его окраин, второй раз — наша офицерская рота была здесь на похоронах генерала Алексеева и теперь остатки полка приехали пополниться и отдохнуть от своих ратных трудов. Ни первое знакомство, ни второе с третьим не радовали наше деловое сознание. С приездом многих выздоровевших от ран было решено подать генералу Деникину рапорт-письмо от оставшихся первопоходников с просьбой: для прекращения кричащего разгула среди покрывшего нас мрака гражданской войны просим назначить комендантом города помощника командира нашей офицерской роты поручика Гракова, еще не выздоровевшего от раны, полученной 14 октября, с обещанием сохранения должного чинопочитания ко всем военнослужащим. Ответ был отрицательным, хотя и с изложением причин отказа.

Мы понимали, что военным нужно время от времени встряхнуться, но это не должно было доходить до открытых кутежей воинских чинов, со стрельбой и чуть ли не рубкой на улицах. И как это ни печально, все эти явления, нарушавшие столь необходимую нам для ведения войны мирную жизнь рабочего населения, преподносились главным образом героями тыла или ловчилами с фронта. Радовало и поднимало настроение в полку возвращение Корниловцев из госпиталей и приток новых добровольцев.

Я — пишущий эти строки — прибыл в полк, залечив три свои раны.

полученные в бою за Ставрополь 14 октября, из г. Ейска примерно дней за десять перед отбытием полка снова на фронт. Госпиталь в Ейске, как мне тогда казалось, был заполнен только Корниловцами. Несмотря на бодрость и молодость, все же страдания были велики. Бедному нашему командиру роты капитану Пух все время оперировали его разбитую пятку. Он почему-то просил доктора, чтобы я присутствовал при операциях и поэтому я видел, как он при даче ему хлороформа считал до пятидесяти, снова считал, задыхался и вообще все переносил очень болезненно. В то же время тот же хлороформ не позволял мне считать дальше пяти, после чего меня резали спокойно. Ежедневный вид этих страданий расстраивал психику и у выздоравливающих и это часто бывало причиной преждевременного выхода из госпиталя. Средства и состояние наших костюмов не располагали к выходам на прогулки или развлечения, а потому ехали в полк, помимо причин и побуждения чисто патриотического, еще и по причинам вышеизложенным.

С прибытием в полк я снова был назначен фельдфебелем 1-й офицерской имени Генерала Корнилова роты. В это время в полк прибыли два выдающихся офицера, полковник Камионко и полковник Гордеенко, Карп Павлович. Полковник Камионко был назначен командиром 1-го батальона, а полковник Гордеенко — командиром нашей офицерской роты. Полковник Камионко, офицер славного Апшеронского полка, представлял собой образец офицера, а четкость и сила его голоса были удостоены нами двустишием: «Кто кричит так громко? Это наш полковник Камионко». В Каменноугольном бассейне он был взят от нас на формирование своего родного Апшеронского полка и, по словам его однополчанина, ныне — нашего, полковника Рябинского, погиб со своим полком в боях где-то в горах Кавказа. Полковник же Гордеенко с должности командира роты получил наш 1-й батальон и потом был удостоен высокой чести быть командиром нашего прославленного в Великую войну, а потом и в гражданскую, 1-го Корниловского Ударного полка. Его знание строевого дела, родная Корниловскому сердцу лихость и простота в обращении создали ему прочное положение на новом и почетном для него месте служения нашей Родине.

С прибытием пополнения со всех концов Корниловцам был устроен парад 26 ноября. Парад принимал сам Командующий Добровольческой Армией генерал Деникин. После молебна на площади перед собором, при массовом стечении публики, генерал Деникин благодарил полк за его жертвенную боевую работу, которой мы лишний раз подчеркнули, что достойны памяти своего Вождя и Шефа полка Генерала Корнилова. Несмотря на то, что в тот момент полк состоял из только что влитого пополнения, генерал Деникин остался доволен видом полка, а полк в свою очередь прокричал ему чисто русское свое громкое «ура». Конечно, генерал Деникин, как старый и опытный военный, не увидел в наших рядах, хотя и стройных, былого лихого Корниловского духа, но сказал нам хорошее, воодушевляющее слово, вспоминая наше славное прошлое. Корниловцы это поняли, и настроение от этого у нас тогда сильно поднялось. Мы, первопоходники, вспоминали гибель нашего Шефа полка вбли-

зи этого города, когда была возможна и гибель Армии, но генерал Деникин твердой рукой спас нас и теперь ведет нас к победам, которые хотя и даются нам ценой великих жертв, но в этом виноват не он, а наследие февральской революции, подкрепленной октябрьской, а ему тогда мы выражали свои чувства словами стихотворения первопоходника капитана Ю. Рейнгардта:

Посвящается генералу ДЕНИКИНУ

Когда в угаре пьяном большевизма,
Царили на Руси измена и хаос,
Сокрыв в своей груди огонь патриотизма,
Как некогда Титан, он нам его принес.

И на руках тогда толпа его носила
И все свои мечты покоила на нем;
И день и ночь хвалебные кадила
Перед его качались алтарем.

Но помощи ему в его порыве смелом
Никто не оказал, заботясь о себе,
Забывши Родину, занявшись темным делом,
Пока не пал Титан, измученный в борьбе.

Его судили все несправедливо-строго,
Стараясь на него потоки грязи лить,
За то, что он, Титан, не смог стать вечным Богом
И подвигом своим их низость искупить.

Пред алтарем его склоняясь одиноко,
Из чистых, белых роз плетя ему венец,
Я, как всегда, люблю его глубоко,
Былому Божеству не изменивший жрец.

Ю. Рейнгардт

Приезд в Екатеринодар от союзников английского генерала ПУЛЬ был большим событием. Почетный караул ему был выставлен от Корниловского Ударного полка. Настроение у всех было приподнятое, все тогда верили, что союзники нам окажут большую помощь. 6 декабря, в Войсковом собрании Кубанского войска Корниловцы в торжественной обстановке отпраздновали именины своего командира полка. Было много почетных гостей, англичане, министр иностранных дел Сазонов, именитые горожане. Говорили речи, полные веры в скорое возрождение России, с надеждой взирали на Корниловцев. В то же самое время эти самые Корниловцы — оплот и упование — сидели в громадной комнате напро-

тив, через улицу, и спокойно взирали на это пирщество, закусив чем Бог послал из ротной кухни. Быть может, и мы попали бы на этот пир, не хуже же, на самом деле, были мы других, только что прибывших и теперь попавших туда, но мы сами уклонились, — многие из нас так и не

Дочь Генерала Корнилова Наталия Лавровна
с братом Юрием в форме полка в 1918 году.

смогли освежить свой заношенный костюм, а поражать своей бедностью джентльменов-англичан национальная гордость не позволяла. Зависти к пирующим у нас не было, так как мы знали, что было достойное представительство.

За несколько дней до Рождества, когда все уже готовились к празднику, был неожиданно получен приказ готовиться к погрузке. Проводы были торжественные: была Наталия Лавровна Корнилова с братом Юрием и много родных и знакомых. За время отдыха полк ходил на место смерти Генерала Корнилова и полковника Неженцева, где была отслужена панихида. И теперь многие из нас, отрываясь от этих мест навсегда, с гордостью вспоминали наше историческое и в то же время трагическое прошлое. В то время в этих местах, в обстановке полной безнадежности, волею Вождя – Генерала Корнилова — была принесена великая жертва во имя спасения самого бытия России, зажигался светоч борьбы. Светоч разгорелся, и это было нашей гордостью. Отъезжали эшелоны Корниловцев весело, пели «Корниловец удалой, ты люби свой полк родной и для славы его не жалей ничего!»

Мужайтесь матери, отцы,
Терпите жены, дети,
Господь за нас — мы победим,
Да здравствует Россия!

Мужайтесь матери, отцы,
Терпите жены, дети.
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.

Состав полка был более 1.200 человек. Выгрузили Корниловцев в Ставрополе, а оттуда через несколько дней направили в село Петровское. По приказанию генерала Врангеля, тогда командира конного корпуса, Корниловский Ударный полк из села Петровское перешел в Малые Ягуры.

В Ставрополе были подсчитаны наличный состав и техническая часть, и оказалось, что полк насчитывает в своих рядах более тысячи человек. Не густо, но и это слава Богу. В Малых Ягурах полк поступил в распоряжение командира Корниловского Кубанского кóнного полка полковника Бабиева. Накануне красная кавалерия внезапным налетом пыталась овладеть Малыми Ягурами, и большевикам готовилось возмездие.

Вечером накануне Нового Года отряд полковника Бабиева растянулся по дороге на селение Каз-Чулак, занятое 9-м и 10-м советскими полками. Было приказано подойти к селению вплотную, окружить его пулеметами и по сигнальному выстрелу из гаубицы сразу открыть огонь из всех орудий и пулеметов. Подошли к селению. Шепотом пронеслась команда: «Стой!» Отдельными ротами с пулеметами селение было окружено. Быстро шло время напряженного ожидания. Хрустел снег под ногами, лаяли собаки. Вдруг блеснул сноп огня, рявкнула гаубица и, перебивая друг друга, загрохотали орудия и застрочили пулеметы. Через двадцать минут Каз-Чулак был взят. Светало. Около реки за селением столпились полураздетые люди. Одни стояли молча, другие метались и кричали истошным голосом. Некоторые бросались в воду, но их подхватывало течение и уносило под лед. На площади выстроили до 600 пленных. Их ряды обошел командир Корниловского Ударного полка и скомандовал: «Кто хочет служить Россиии вместе с нами, три шага вперед!» На месте остались стоять пять комиссаров. Много красноармейцев попряталось в селении и на этой почве происходило много комических сцен. Так прапорщик Чернов пошел раздобывать фураж. В одной скирде он

нашел закопавшихся в соломе трех мужчин. «Кто вы такие?» крикнул Чернов. «Ваше Бла... благородие... Мы за офицеров!» насилу заговорил один, лохматый, весь облепленный соломой. Чернов повел их к своему взводу. «Ваше Благородие, отпустите душу на покаяние, помилосердствуйте, не расстреливайте!» стонали пленные. Самый старший из них, лет около пятидесяти, вдруг протянул руку к Чернову и стал совать ему кошелек и царские пятирублевки-кредитки, приговаривая: «Ваше Благородие, яви Божескую милость, купи на эти деньги бубликов и пошли их моим детям на помин души по отцу... Адрес мой найдете в кошельке». «Да убери ты свои деньги! — вскипел Чернов. — Никто и не собирается вас расстреливать. А ты, коли хочешь, ступай ко мне во взвод ездовым. Но служить будешь не мне, не офицерам, а России. Понял? России! Чтобы Россия по-прежнему была великой, православной»... Пленные перекрестились.

(Мои впечатления об этом: бедный русский простолюдин, сбитый с толку пропагандой большевиков, сулившей ему золотые горы, рубил в куски первого попавшего ему под руку, показавшегося ему «врагом народа», но когда мнимый «враг народа» сам стукнет ему по лбу, как это случилось с вышеуказанными тремя пленными, тут их мозги сразу проясняются, результатом чего на этот раз было пополнение для Корниловского полка в 600 человек. Подобного рода случаи мы увидим потом и при ликвидации движения Махно, когда во 2-й Корниловский Ударный полк было влито из ставропольцев и махновцев пополнение, которое верой и правдой служило России в наших Ударных полках. Полковник Левитов).

В тот же день отряд полковника Бабиева направился к селению Овощи. Оно было укреплено окопами с проволочными заграждениями. Красные, думая, что к ним идет подкрепление, закричали было «ура», но потом спохватились и открыли стрельбу. Стремительной атакой 3-го батальона под командой капитана Морозова красные были выбиты из окопов. Входили Корниловцы в село под звуки Егерского марша, выдуваемого при сильном морозе на Георгиевских трубах, захваченных с оркестром красных.

(В этих боях я **КОМАНДОВАЛ временно** офицерской ротой полка и был свидетелем блестящей работы тоже Корниловского, но конного, Кубанского полка под командой уже тогда прославленного полковника Бабиева, сына генерала Бабиева, впоследствии начальника Кубанской конной дивизии. Красные в этом бою имели в своих рядах какую-то унтерофицерскую бригаду и дрались упорно, местами переходили в контратаки и снова возвращались в свои окопы. Поэтому офицерской роте было приказано ударом с нашего левого фланга помочь 3-му батальону. Передвигался тогда полк главным образом на подводах и потому движение по снежному полю Корниловского Ударного полка и Корниловского конного Кубанского представлялось внушительной силой. И вот на фоне этой картины 3-й наш батальон врывается в окопы красных, которые не думают уходить. Офицерская рота на виду у противника и под его обстрелом соскакивает с повозок, направляясь на усиление нашего левого

фланга, а левее роты сотня за сотней несется змейками конный полк полковника Бабиева, маскируясь легкими складками местности. Я был в восторге от согласованности удара конницы с пехотой и вообще от красоты этой живой картины. Удар во фланг и тыл противника был настолько молниеносным, что кончился полным разгромом красных. Сотни кубанцев, как стаи волков, выскакивали в тыл и рубили красных. В этом же бою я был свидетелем неоднократно виденного мною явления, которое у нас называется «судьбой». Когда офицерская рота оставила свои повозки и рассыпалась в цепь, ко мне подходит бледный прапорщик и просит разрешения остаться на повозке. По его лицу было видно, что с ним происходит что-то исключительное, и я дал согласие. Не успел он занести ногу на повозку, как я слышу легкий стон и вижу, как он сползает вниз и падает. Я не мог отставать в такой момент от роты и должен был быть на своем месте, а потому только по окончании боя узнал, что предназначенная ему пуля и здесь нашла его, что он и ПРЕДЧУВСТВОВАЛ. Вечная ему память! Полковник Левитов).

Два следующих дня отряд полковника Бабиева отбивал атаки красных на село Овощи, а 4 января 1919 года было получено приказание полку спешно выступить на присоединение к 1-й пехотной дивизии генерала Казановича. Большими переходами по 30-35 верст, в трескучие морозы, 7 января Корниловцы соединились с 1-й дивизией на хуторе Марвинском, откуда все двинулись на Минеральные Воды.

Сопротивление Северо-Кавказской красной армии было сломлено. Красноармейцы распылились. На своей русской земле, не смея заходить в станицы, они шли по железнодорожным путям и тысячами гибли от холода, голода и тифа. **Так бесславно гибли те, которые еще так недавно громили турецкую армию и штурмом брали Эрзерум.**

* * *

12 января по приказу Главнокомандующего началась переброска Корниловского Ударного полка в Каменноугольный бассейн, в отряд генерала Май-Маевского.

Переброска полка эшелонами, после боев и форсированных переходов, казалась нам увеселительной прогулкой. Путь лежал по хорошо знакомым нам местам, где мы оставили тысячи могил дорогих нам соратников. Каждая остановка вызывала воспоминания и бурно переживалась. Трудно было тогда определить, что, собственно, больше всего интересовало нас. Помимо остановок, которые привлекли внимание всех вообще, в пути все разделились на группы. Большинство спешило за дорогу подкормиться, подчиниться и выспаться, небольшие же группы подводили итоги пройденному нами пути и пытались осветить наше будущее.

Начало первого периода гражданской войны давило нас своими тяжелыми воспоминания, где легкость крушения Монархии, предательство февральской и жестокость интернационала октябрьской революций ничего хорошего не предвещали. Наличие морали определялось оружием в руках и силой, они творили суд и расправу, побежденному пощады не

было, но и победители были не в лучшем положении — шло обоюдное истребление. Враждующие стороны изощрялись друг перед другом, в лозунгах для привлечения в свои ряды бойцов. Наши противники в этом превзошли всех: они чуть ли не на год опередили нас в формировании своих сил, начав свою работу при поддержке Германии одновременно с февральской революцией, сразу же подкрепив свою теорию силами «чека». Их «грабь награбленное!» и «все — под топор!» переплюнули все лозунги своих противников, что и было самым заманчивым для разбушевавшейся черни. На долю нашего национального лозунга Добровольческой Армии остался самый невыгодный — «За Единую, Неделимую Россию!» Перед 1-м Кубанским Генерала Корнилова походом это хорошо восприняли офицеры города Ростова на Дону, которые не пошли с нами, но то же сделало и казачество, которое было за мир с большевиками. Время кое-что исправило: кое-кому большевизм не понравился, и теперь они пошли с нами, но то же время показало, что этих сил для нас мало и что их мы должны теперь искать по дороге на Москву.

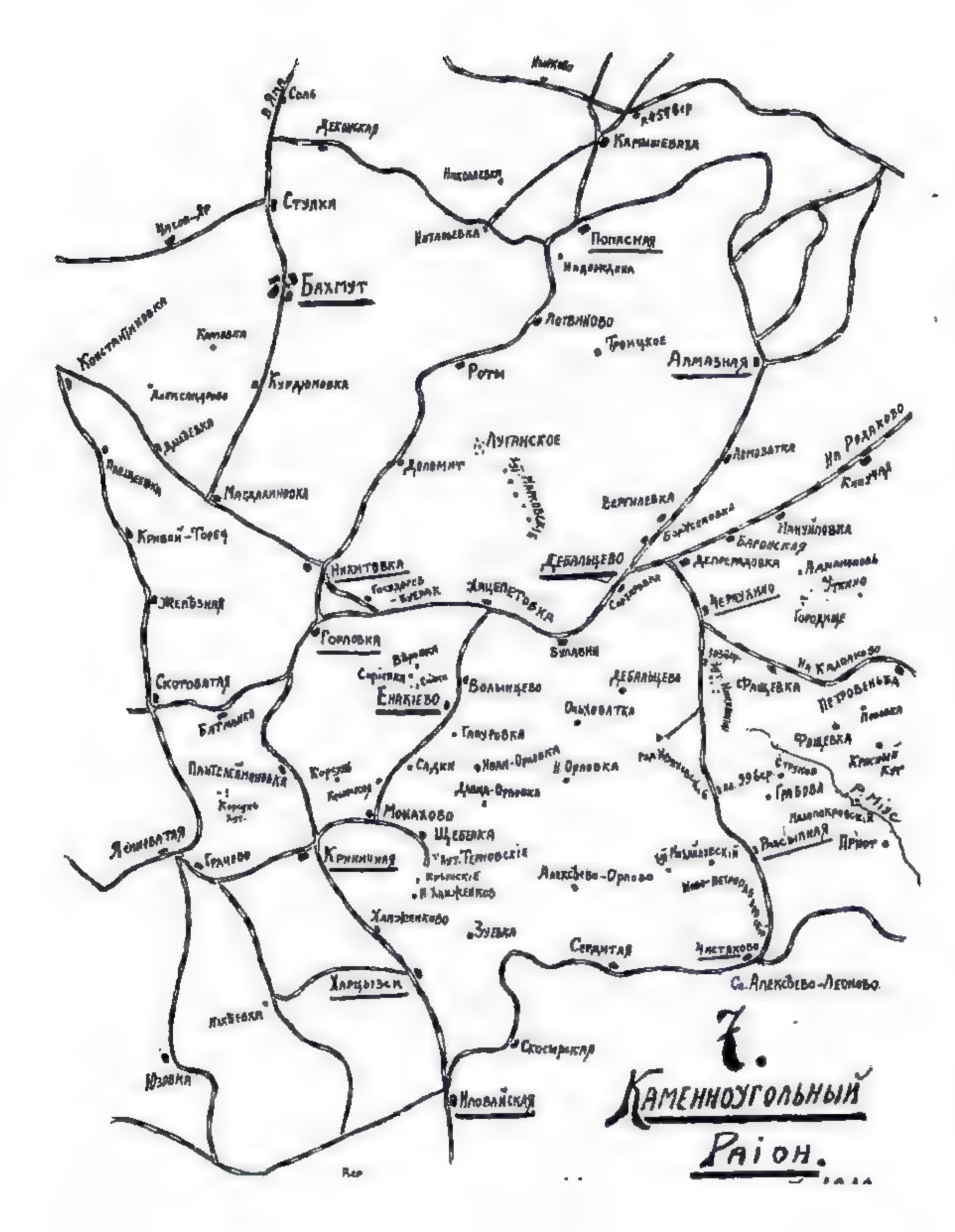
С этими думами мы пока что весело катили в Каменноугольный бассейн знакомиться с генералом Май-Маевским. Провожая нас на станции Минеральные Воды, генерал Деникин говорил нам: «Здесь вы свое дело закончили, — враг разбит, и теперь я посылаю вас для выполнения более трудной задачи».

Чтобы понять всю тяжесть предстоявшей нам обороны Каменноугольного бассейна, необходимо взглянуть на общую ситуацию Белого Движения того времени, которую я беру из информации 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза № 28, за 1969 год, выпущенной в Париже.

О том, что несправедливо забыто, но было жертвенно-кроваво

50 лет тому назад, в условиях исключительной жертвенности и героизма велась оборона Донецкого бассейна, о которой генерал Деникин писал так: «На западном фронте, в совершенно исключительной обстановке, корпус генерала Май-Маевского вел «железнодорожную войну», применяя особые методы тактики ввиду подавляющего превосходства сил противника. Пользуясь густой сетью железных дорог Донецкого бассейна, он занимал небольшими отрядами важные пункты по линии фронта и держал в тылу, на узловых станциях, бронепоезда и в вагонах резервы, которые бросались в угрожаемом направлении, с тем чтобы на другой день, а иногда и в тот же день переброситься в противоположный конец фронта. У противника создавалось впечатление нашей силы на всех направлениях, но это были одни и те же люди, бессменно, изо дня в день дерущиеся то там, то здесь, отдыхающие в пути, в вагоне, потерявшие представление о времени суток, истомленные физически, но полные мужества. Недели, месяцы по всему фронту гремели выстрелы, станции переходили из рук в руки, лилась кровь. Добровольческие части таяли, но продолжали бороться...»

Да, в те дни мы видели и знали только противника, но общая обстановка нам не была известна, как она была мало известна потом, в



Ступки
Бахмут
Константиновка
Курдюмовка
Попасная
Лотвиново
Троицкое
Алмазная
Роты
Луганское
Доломит
Ломоватка
Вергилевка
Мануйловка
Баронская
Кривой-Торец
Никитовка
Государев-Буерак
Хацепетовка
Дебальцево
Чернухино
Железная
Горловка
Скотоватая
Енакiево
Волынцево
Ольховатка
Фащевка
Петровенька
Садки
Пантелеймоновка
Монахово
Щебенка
Грабово
Рассыпная
Приют
Р. Міусъ
Ясиноватая
Грачево
Криничная
Зуевка
Сердитая
Чистяково
Ст. Алексеево-Леоново
Харцызск
Юзовка
Иловайская
7.
Каменноугольный
Раiон.

эмиграции, когда пришлось стать на работу в поисках куска хлеба и для воспитания своих детей. Вот именно для них, как и для себя на склоне лет, мы все вместе по возможности кратко вспомним далекое славное прошлое.

Победа союзников и уход немцев с Юга России вызвали сильный нажим красных на Дон, вторичный развал его, открылись новые фронты — Крымский и Одесский. Всюду были брошены наши небольшие кадры, а на помощь донцам была послана наша дивизия, без отдыха, прямо после тяжелых боев под Ставрополем. Произошли и два события: подчинение генералу Деникину всех сил Дона и появление союзников, а с ними широкие, УВЫ НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ НА ИХ ПОМОЩЬ, что выяснилось уже в январе. Штаб Главнокомандующего разбирал план для движения на Царицын для соединения с войсками Восточного фронта, когда выяснилась катастрофа на Дону. Когда же дрались на Кавказе, донцы, имея свои западные границы обеспеченными немцами, а южные — добровольцами, произвели большую работу по формированию вооруженных сил, до 76 тысяч штыков и сабель при 79 орудиях. Были начаты операции по овладению Царицыном и Камышиным и против линии 10-й советской армии Камышин-Поворино-Лиски и тут сразу наступил перелом. Красные направили с Восточного фронта 117 тысяч человек, а уход **немцев дал им возможность нанести удар группой Кожевникова, до 50 тысяч человек, в тыл Донской Армии со стороны Валуйки-Купянск на Миллерово. Фронт донцов рухнул. Кожевников двигался, встречая незначительное сопротивление.** Донская Армия, в силу внутренних причин, начала в некоторых своих частях терять боеспособность и несмотря на сопротивление, оказываемое сохранившимися частями, в том числе армией Коновалова, отрядом генерала Гусельщикова и активной группой донцов в Царицынском направлении, начала в конце января катиться к Новочеркасску. Генералу Деникину пришлось спасать Донской фронт, отложив операции на Царицын. Советский писатель так описывает появление 1-й дивизии на Дону в январе 1919 рода: «Высадившись в Мариуполе, она уже 27-го и 28-го повела наступление, правда отбитое, на Луганск, но зато задержала продвижение частей Кожевникона на участке Никитовка-Дебальцево. 5 февраля она прервала связь между Луганском и Бахмутом, захватив станцию Попасную, а на следующий день, ударом вдоль железной дороги в направлении на Миллерово принудила осадить назад левый фланг группы Кожевникова, которая была лишена возможности выполнить основную свою задачу. Так завязались бои за Донецкий бассейн, борьба за который является основным содержанием следующего периода кампании на Южном фронте».

Итак, появление одной, правда — с наилучшим боевым прошлым, дивизии, введенной по частям из-за плохой провозоспособности железных дорог, резко изменило положение на Донском фронте, а с начала февраля туда же потекли Кавказская дивизия генерала Шкуро, потом 1-я Кубанская генерала Покровского, 1-я Терская дивизия и другие части.

Появление помощи оказало решительное влияние на дух донцов, до 15 тысяч их прочно закрепились за разлившимся Донцом. Вполне сохра-

нившаяся их постоянная Армия примыкает у Луганска к 1-й дивизии, переформированной в Добровольческий корпус. К началу марта соотношение сил было таково: 42-45 тысяч Вооруженных Сил Юга России против 130-150 тысяч красных. Троцкий признает Южный фронт наиболее важным и ставит задачу: уничтожить группу, прикрывающую Донецкий бассейн, для чего, удерживая в центре линию Донца и Дона, нанести главный удар с северо-запада тремя армиями, направляя их на Ростов-Новочеркасск и одновременно угрожая тылу ударом на Великокняжескую. В середине марта красные оттеснили добровольцев в Каменноугольном районе. Блестящий рейд Шкуро от Дебальцева в тыл красным и затем по их тылам до Азовского моря восстановил положение. В конце апреля положение там опять оказалось весьма тяжелым, 4 мая противник опять был отбит контратакой. В течение этих месяцев и на других участках противник переходил в наступление по линии реки Донец, но был отбит генералом Калининым, генералом Секретевым и другими начальниками.

Но на Манычском фронте 10-я советская армия к середине апреля сбила наши боевые части, овладела Великокняжеской, перешла Маныч и Дон у Богаевской и очутилась в одном переходе от Новочеркасска, угрожая перерезать сообщения с Кавказом.

Генерал Деникин переброской сил с севера составил большую группу из донцов, кубанцев и терцев во главе с генералами Шатиловым, Шкуро и Улагаем и перешел в наступление. Сначала операцией руководил сам Главнокомандующий, а затем генерал Врангель, выздоровевший от тифа. 21 апреля началось наступление, а с 8 мая с 10-й армией было покончено и положение восстановлено. Красные поспешно отступили на Царицын, и их преследовала Кавказская Армия генерала Врангеля. Добровольческая Армия генерала Май-Маевского осталась в Донецком бассейне, где у красных в начале мая наступил моральный перелом, а в их тылу начались восстания разных повстанческих отрядов. Фронт красных дрогнул, и наши Армии пошли вперед, а оставшиеся красные партизаны временно притихли.

Вот кратко изложенная военная обстановка тех дней, а как их переживали добровольцы, мы знаем из строк истории одной из доблестных их частей:

«Зима с морозами, сильными туманами и периодическими оттепелями встретила подходящие со станции Минеральные Воды эшелоны добровольцев. Местность сильно пересеченная, с многочисленными глубокими оврагами, полное отсутствие лесов, изредка небольшие рощицы и мелкий кустарник по долинам маленьких реченок и в оврагах. Многочисленные железнодорожные линии и подъездные пути с частыми станциями и шахты с вышками и конусообразными холмами угольных отбросов. Среди населения – рабочие многочисленных рудников и промышленных предприятий, давно уже прекративших всякие работы. Эпидемия тифа к концу января приняла повальный характер. И без того редкие ряды бойцов совсем опустели, вопрос с продовольствием и фуражем был острый, теплое обмундирование отсутствовало, обувь пришла в пол-

ную негодность. Пополнение шло слабо, а в тылу начиналась настоящая разруха. Бродило масса здоровых, молодых мужчин в военной форме, не желавших отправки на фронт и старавшихся «примазаться» к каким-нибудь новым формированиям, к ОСВАГ-у или к одной из бесчисленных комиссий.

Санитарная часть не могла справиться с эпидемией тифа. Санитарные поезда с фронта часто не проходили дальше Ростова, а оставались там, на запасных путях, без присмотра. Кое-кто выживал, а многие так и пропали бесследно. Одни и те же станции, селения и хутора переходили из рук в руки. Пали на поле брани, умерли от ран и болезней или были изранены многие достойнейшие из достойных и храбрейшие из храбрых. Здесь нормально дрались один против десяти, а часто и против двадцати-тридцати. В подкрепление посылались роты в 20 штыков, под станцией Дебальцево взвод офицерской роты в составе СЕМИ штыков перешел в контратаку и задержал наступление красных. Все было сделано выше сил человеческих, не жалея себя и выручая соседа. Уже казалось, что больше выдержать нельзя, но доблесть и стойкость добровольцев сделали свое дело, и фронт красных дрогнул. Двинулись вперед усталые бойцы и к концу мая, достигнув и перейдя линию реки Донец, как 30 мая, где это было возможно, им прочли командиры

ПРИКАЗ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

Город Екатеринодар **№ 145** **30 мая 1919 года**

Безмерными подвигами Добровольческих Армий, Кубанских, Донских и Терских казаков и Горских народов освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русских народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной Власти и в нераздельном с нею едином Верховном Командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России.

Генерал-лейтенант Деникин

Полученный ответ гласил:

«С чувством глубокого волнения приветствую Ваше патриотическое решение, продиктованное Вам истинной государственной мудростью. Вы в пору государственного распада и морального разложения великого народа один из первых в ряду славных выступили под стягом Единой России. Ныне Вашим решением Вы подаете пример солдата и гражданина,

Адмирал К О Л Ч А К Верховный Правитель Русского Государства и Верховный Главнокомандующий Русских Армий.

превыше всего ставящего благо Родины и будущее ее исторических судеб. В великом подвиге служения России да поможет Вам Бог!

Верховный Правитель Адмирал Колчак

* * *

Нечего и говорить о том, как это подействовало на наши молодые сердца. Увы, жестокая действительность была другой и из книги генерала Деникина «Очерки русской смуты», том 5, стр. 98-101, мы узнаем, что 6 июня генерал собрал у себя атаманов и председателей правительств казачьих войск. Он убеждал их, что при такой розни, при тех центробеж-

ных стремлениях, которые существуют на юге, возможны, быть может, военные успехи, но совершенно невозможно возрождение России. Он призывал их идти вместе, признать Верховного Правителя, чтобы дать ему большую возможность во всеоружии сил и власти перед друзьями и недругами России защищать ее кровные интересы. Атаманы ответили ссылкой на «вековую несправедливость в отношении казаков» и на «систематическое отстранение казачества, составляющего оплот вооруженных сил юга, от государственного строительства». Они были согласны признать военное возглавление Адмирала, верховную же гражданскую власть оставляют за своими представительными учреждениями.

* * *

В те дни 1919 года мы были молоды. Воспитанные на чувстве оскорбленного национального достоинства после неудачной войны с Японией и поглощенные идеалом служения Отечеству, мы несли всю тяжесть служебного бремени в строю, с негодованием смотрели на массы ловчившихся по тылам здоровых людей и, **конечно, не могли даже предположить всего ужаса вышеприведенных строк генерала Деникина.** Древнегреческая пословица говорит: «Кого боги хотят погубить, того они лишают разума»... Да, с марта 1917 года значительная часть русских людей и офицерства лишились разума. Мы слышали: **«Нет Императора — нет смысла служить». На просьбу нашего начальника дивизии генерала Б. Казановича к графу Келлеру, не отговаривать офицеров от поступления в Добровольческую Армию, был ответ: «Нет, буду отговаривать! Пусть подождут, когда наступит время провозгласить Царя, тогда все мы вступим»** (см. «Архив Русской революции» Г. В. Гессена, т. 7, 1922 г., стр. 202).

Забыто было все, так четко нам втолкованное и ясно воспринятое в прекрасных военных училищах: повеление при отречении Императора продолжать честно служить Родине, данная присяга, немецкий и интернациональный сапоги, попирающие родную землю, завет Великого Императора «...Итак не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за род свой...»

К этим горьким строкам о непожелавших вступить в наши ряды я, пишущий эти строки, с поручиком нашего Корниловского Ударного полка Гриневским (скончался в 1972 г.), пробравшись через кольцо красных войск, ездили из гор. Ростова с призывом к офицерам на Минеральных Водах от генерала Алексеева и Генерала Корнилова перед 1-м Кубанским походом и получили на это в ответ, что они имеют свою «самооборону», которая на деле закончилась тем, что все они погибли от руки простого партизанского отряда красных. В числе их были видные русские генералы Радко-Дмитриев, бывший командующий 10-й Армией и как будто генерал Рузский.

Позор нейтралитета 17 тысяч офицеров, скопившихся в Ростове, всем известен. Но самым позорным, как мы увидим после, было, когда мы в Каменноугольном бассейне при ночных набегах обнаружили, что слу-

жившие у красных «гг. офицеры» с пулеметами охраняли в сторожевках спящих красноармейцев. Их поведение, когда они отбрасывали нас очередями из пулеметов, вызывало с нашей стороны всем понятное воздействие. В тех же местах мы увидим, что родной брат нашего начальника дивизии командовал тоже дивизией красных, действовавшей против нас. Хотя и редко, но были все же и такие волевые офицеры, которые отплатили красным за их принуждение открытым переходом к нам со своими солдатами.

Перехожу к описанию действий Корниловского Ударного полка по сохранившимся записям.

Оборона Каменноугольного бассейна

С падением гетманской и петлюровской Украины главное внимание большевиков сосредоточилось на Донецком районе. В своих приказах Троцкий прямо указывал, что поскольку советская республика является сейчас крепостью мировой революции, постольку ключ к этой крепости находится в Донецком бассейне. Против 3-6 тысяч добровольцев было собрано до 30 тысяч красноармейцев. В течение четырех месяцев Корниловский Ударный полк вел в Каменноугольном районе непрерывные изнурительные бои. У добровольцев, благодаря густой железнодорожной сети в этом районе, выработались здесь особые методы тактики: в тылу, на узловых станциях всегда стояли под парами поезда с подвижными резервами, которые перебрасывались в угрожаемом направлении. Прямо из вагонов добровольцы, как горох, рассыпались вдоль насыпи, отбивали атаки и в тот же день, бывало, сражались на противоположном конце фронта.

(Мои воспоминания о первом появлении Корниловского Ударного полка на этом фронте: головной эшелон с 1-м батальоном и штабом полка получает приказание приготовиться к разгрузке в пути, в поле. Эшелон идет тихо, поля хорошо занесены снегом, кое-где видны чьи-то разъезды. По правую сторону железной дороги отходила на нас лава. Пока мы выстраивались, она уже была около нас, это был Донской полк, командир которого что-то сообщал нашему командиру полка. Сразу бросилось в глаза, что донцы были намного лучше нас обмундированы и имели вид сытых и здоровых бойцов. В это время на возвышенности перед нами четко по белому снегу катились на нас цепи пехоты красных. Донцы продолжали отходить, а нам было приказано рассыпаться и переходить в наступление. Командир Донского полка задержался около штаба нашего полка, с каким-то недоверием смотря на наше решение, потом махнул рукой и пустился догонять своих. Стали посвистывать пули, и наш пустой эшелон дал задний ход. Для красных эта картина была принята за наше отступление. мы же пока занимали свои места, а они катились на нас, и тут-то заговорили наши пулеметы. **Они быстро произвели пристрелку, и мы впервые вступили в бой на новом фронте, — стрельба перешла на поражение.** Мы видели, как наши пулеметы струйками подбрасывают снег среди цепей противника и как красные замедляют ход... Наше

наступление ведется одной цепью с небольшим резервом. Расстояние при встречном движении все уменьшается, среди красных всюду замечается волнение, и под действием нашего огня они начинают отходить. Но здесь картина для них сразу меняется: под горку им было легко наступать, а теперь к нашему огню прибавилась тяжесть отхода в гору, который связывают, к тому же, еще и их раненые, — убитых они всех бросили. Мы преследовали противника, с наступлением ночи заняли станцию и в ней заночевали. Донцы участия в бою не приняли, а нам было приятно, что мы так лихо и удачно разбили красных на их глазах).

На фронт очень часто приезжал командующий отрядом генерал Май Маевский. Страдал генерал от своей тучности и не было для него большей муки, чем молебны и парады, когда он, стоя, утирал пот с лица и багровой шеи носовым платком. Но этот человек совершенно преображался, появляясь в боевой обстановке. Пыхтя, он вылезал из вагона, шел, отдуваясь, до цепи, но как только равнялся с нею, на его лице появлялась

Офицерская имени Генерала Корнилова рота Корниловского полка в каменноугольном бассейне: 1 — командир роты полковник Гордиенко, 2 — фельдфебель поручик Левитов и 3 — поручик Дашкевич.

бодрость, в движениях уверенность, в походке легкость. На пули, как на безобидную мошкару, он не обращал никакого внимания. Его бесстрашие настолько передавалось войскам, что цепи шли с ним в атаку, как на ученье. За это бесстрашие, за уменье сказать нужное ободряющее слово добровольцы любили своего «Мая». После того, как этот талантливый человек был назначен командующим Добровольческой Армией, он отор-

вался от непосредственного общения с войсками и всецело подпал под свой тяжелый недуг — з а п о й.

В Великой войне полки на линии огня всегда чередовались друг с другом: после боев их отводили в резерв, на отдых. В гражданской войне у добровольцев смены не было. Изо дня в день, теряя представление о времени, воевали безостановочно одни и те же люди. Корниловцы в Донецком бассейне в сущности отдыхали только в вагонах, во время переброски с места на место.

* * *

Перед изложением деталей обороны Каменноугольного района на участке Корниловского Ударного полка считаю необходимым, для ясности, обратить внимание читателей на бедность наших материалов для этого, так как журнал боевых действий 1-го Корниловского Ударного полка погиб уже в эмиграции. Основным историческим материалом для полка на этот отрезок времени являются сделанные мною выписки из «Истории Марковской артиллерийской бригады». За отсутствием здесь у Корниловцев своей артиллерии им всегда придавались батареи Марковцев, которые точно зафиксировали наши совместные действия. Корниловская же артиллерия, как это ни странно, после 2-го Кубанского похода была переброшена на фронт против Грузии, под Сочи и Адлер, и присоединилась к нам только в 1920 году. В боях на подступах к красной крепости Курск у них все же появилась и своя артиллерия.

Характер действий пехоты и артиллерии неодинаков и на почве этого в оценке боев может быть некоторое расхождение во взглядах, но общность совместных усилий будет выражать полную гармонию.

Радость первых боевых успехов сменилась печалью от своеобразного разрешения командованием вопроса о пополнении наших потерь: для начала было приказано освободить всех не достигших призывного возраста, что сильно ослабило нашу главную ударную силу, — пулеметную роту. А казаки должны были отправиться в свою Армию. После этого мы снова стали искать пополнений среди пленных. Исключением были крестьяне Ставропольской губернии, которые вступали в наши ряды по нормальной мобилизации.

Наша малочисленность перед противником окупалась излишними потерями, а они в свою очередь увеличивались от холода, плохого питания и непрерывных боевых действий и, как следствие всего, нас косил тиф.

В это тяжелое время был поднят в полку вопрос о посылке в Крым своих представителей для охраны Высочайших Особ Императорской Фамилии, то есть к Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне и Великому Князю Николаю Николаевичу. Были посланы я и поручик Андрианов. Я попал в конвой к Ее Величеству во дворце Харакс, а поручик Андрианов был назначен к Великому Князю Николаю Николаевичу во дворец Дюльбер. Пробыли мы там до отъезда Ее Величества и Великого Князя Николая Николаевича заграницу и воз-

вратились в полк перед выходом его из Каменноугольного района в мае 1919 года.

К маю месяцу состав частей корпуса генерала Май-Маевского на-

Приезд Генерала Деникина и генерала Романовского
в Каменноугольный бассейн в 1919 г.
Рапорт генерала Май-Маевского.

столько сократился, что его начальник штаба доносил Главному Командованию: «Нельзя требовать от людей невозможного... Быть может, в сотый раз части отобьют атаки противника, но сохранение остатков кор-

пуса добровольцев возможно лишь в том случае, если корпус будет своевременно выведен из боя...» Ставка, занятая в это время крупной операцией под Великокняжеской, не имела никаких свободных резервов и на все просьбы генерала Май-Маевского неизменно отвечала, что директивы о смене не будет. Для Корниловского Ударного полка вопрос с пополнением стал острым. Влитое в него пополнение в 120 человек 4-го Воронежского полка Южной Армии было недостаточным, и командир полка подал рапорт, в котором просил о сформировании **Корниловского запасного полка с целью обеспечения в действующем полку как командного состава, так и рядовых бойцов, воспитанных в Корниловском духе, которым всегда жил и был грозен врагам Корниловский Ударный полк.**

В том же докладе приводились данные, быть может более красноречивые, чем все описания боевых действий Корниловцев:

«С 1 января 1919 г. по 1 мая полк выдержал 57 боев, сопряженных с постоянными и часто крупными потерями. К 1 января в полку было 1.500 человек, это с пополнением из пленных в операции от Ставрополя до с. Овощи. За то же время из полка выбыло убитыми и ранеными 3.303 человека. Полагая средний численный состав полка в 1.200 человек, видно, что за четыре месяца полк переменил три состава. Убыль командного состава за те же четыре месяца выразилась в следующих цифрах: убыль командиров батальонов — 12 человек, командиров рот — 63. Кроме 75 человек командного состава за это время выбыло из строя 683 офицера, служивших в своем полку в качестве рядовых бойцов».

Ходатайство командира полка было удовлетворено Высшим Командованием.

* * *

Корниловский Ударный полк, Марковский пехотный полк, Марковский артиллерийский дивизион и 1-й конный генерала Алексеева полк составили 1-ю дивизию под командованием генерала Станкевича.

(С красной стороны одной из дивизий командовал его брат, бывший генерал Станкевич, который потом, при взятии гор. Орла был взят в плен 1-м батальоном 1-го Корниловского Ударного полка и повешен по приговору суда. Он уверял, что все время искал случая перейти к нам, но на вопрос: «Не поэтому ли вы так били нас в Каменноугольном бассейне?» ничего не ответил. Перед исполнением приговора он написал матери письмо, скрестил руки и долго думал, а потом сам накинул на себя петлю, и через две минуты врач констатировал смерть. После нашего отступления красные откопали его труп и похоронили около Московского Кремля. Мне тогда передавали, что у очевидцев создалось впечатление, что он осознал свое преступление и сам себя наказал, накинув на себя петлю).

Бои Корниловского Ударного полка в соединении с Марковской артиллерией

19 января 1919 г. 3-й батальон капитана Федорова Корниловского Ударного полка — на станции Хацепетовка.

20 января он с бронепоездком «Ермак» и одним орудием 1-й генерала Маркова батареи ведет наступление на станцию Дебальцево и к 14 часам занимает ее с боем. Сюда же, в распоряжение командира 3-го батальона прибывают и остальные три орудия 1-ой батареи. 1-й батальон Корниловского Ударного полка — на разъезде Доломит с двумя орудиями.

Оборона Дебальцевского узла

Оборона была возложена на 3-й батальон Корниловского Ударного полка с 1-й генерала Маркова батареей 4-орудийного состава. Направление фронта: Дебальцево-Попасная, Дебальцево-Родаково. Ввиду малочисленности пехоты вся оборона железнодорожного узла сводилась к постоянной охране соседних станций по двум направлениям, для чего туда выдвигались заставы силой до одной роты при одном орудии в каждой. При появлении неприятельских цепей обе заставы отходили на заранее подготовленную позицию в одной версте к северу от станции Дебальцево — сортировочная, куда подтягивались от станции Дебальцево-пассажирская две резервные роты с двумя орудиями и после этого весь отряд переходил в контратаку, отбрасывая красных и вновь занимая прежнюю линию сторожевого охранения. Когда противник не проявлял активности, Корниловцы сами ходили в набег.

21 января 1-й батальон Корниловского Ударного полка на разъезде Доломит, на участке к востоку от железнодорожного полотна, с двумя орудиями 3-й Марковской батареи; к ночи без сопротивления занимает станцию Роты. С темнотой эшелоны противника отошли на станцию Попасная, бросив часть своей пехоты, которая разбежалась.

2 января 1-й батальон Корниловского Ударного полка и 2-й 1-го Офицерского генерала Маркова полка заняли станцию Логвиново и после привала подошли к деревне Натальевка, где были встречены огнем противника при поддержке бронепоезда и наземных батарей. После короткого боя деревня была нами занята. Бронепоезд отошел на ст. Попасная. В темноте и наш отряд подошел к станции Попасная, захватив около 150 красных, выдвинутых вперед для охраны. Наше наступление оказалось настолько неожиданным, что, подойдя к станции, отряд обнаружил готовый к отходу воинский эшелон и принудил сдаться в плен 1.000 красноармейцев при 2 орудиях и 32 пулеметах. 3-я Марковская батарея сразу стала 5-орудийной с одним запасным орудием в обозе. И конский состав был сразу передан в батарею. Для развития удачного наступления полковника Булаткина 3-му батальону Корниловского Ударного полка капитана Федорова было приказано одной ротой о орудием занять станцию Алмазная, чтобы отрезать путь бронепоездам противника, отошедшим от станции Попасная. К вечеру рота без боя заняла станцию Алмазная, где узнали, что бронепоезда уже прошли. Остальные же роты 3-го батальона все время отбивали атаки от ст. Дебальцево со стороны Родаково и после нескольких контратак к вечеру отбросили красных заняв станцию Баронская.

23 января утром отряд (1-й батальон Корниловского Ударного полка

и 2-й батальон Марковцев) повел наступление двумя колоннами на станцию Камышеваха. Левая колонна — 2-й батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка и 1-й взвод батареи, правая — 1-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-м взводом батареи и 3-й отдельной гаубичной батареей полковника Медведева.

Левая колонна имела направление на станцию, правая — востоку на с. Камышеваха и Приволье, имея задачей обойти станцию с северо-востока и одновременно выслав по занятии села одну роту с одним орудием на разъезд железнодорожной линии Камышеваха-Родаково, чтобы отрезать бронепоездам путь отступления. После небольшого боя станция была занята и было захвачено несколько эшелонов с обмундированием и снаряжением. Орудие с ротой 1-го батальона всю ночь простояло на разъезде.

Знаменный взвод Корниловского Ударного полка.
Станция Харцызск 1919 г.

Для облегчения передвижения два орудия 1-й Офицерской генерала Маркова батареи были поставлены на платформе, что позволило 3-му батальону Корниловского Ударного полка продвинуть заставу к станции Баронская.

24 января 1-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-м взводом 3-й Марковской батареи и отдельной гаубичной — на станции Камышеваха.

6-я рота Корниловского Ударного полка с 1-м взводом Марковской батареи выступила с целью удара во фланг группе красных, сосредоточенной к северу от станции Бахмут. В связи с общей обстановкой выдвинутую роту с одним орудием 1-й батареи на ст. Алмазная оттянули назад, постоянная застава на этом направлении также передвинулась с разъезда Бережковка на ст. Мануйловка (3-й батальон Корниловского Ударного полка). По линии Дебальцево-Родаково противник с утра вел наступление при поддержке двух бронепоездов. Бой велся весь день и прекратился только после отхода бронепоездов противника под действием нашей артиллерии.

25 января утром на усиление Дебальцевского отряда прибыл штаб Корниловского Ударного полка с командой пеших и конных разведчиков и комендантской командой, которые сменили роты 3-го батальона на Родаковском направлении. Весь 3-й батальон Корниловского Ударного полка с одним орудием 1-й генерала Маркова батареи выступил походным порядком в тот же день на ст. Алмазная. После продолжительного боя батальон занял станцию, отбросив бронепоезда на восток, в район каменноугольных шахт.

26 января 1-й батальон Корниловского Ударного полка обороняет район станции Камышеваха с двумя орудиями 3-й Марковской батареи. 3-я рота с орудием той же батареи стояла на разъезде 454 Северо-Донецкой железной дороги, 1-я рота с одним орудием — к северу от станции, на железнодорожной линии к станции Лисичанск. К полудню противник силой двух полков повел наступление по линии Попасная-Купянск. Ввиду сильного тумана командир батальона, опасаясь за участь рот и орудий, выдвинутых вперед, решил развернуть роты вправо от полотна железной дороги. Однако вскоре выяснилось, что противник, пользуясь туманом, обошел значительными силами правый фланг Корниловцев и занял Камышеваху в их непосредственном тылу. Таким образом, под давлением в несколько раз превосходящего численностью противника три роты должны были отступить по полотну железной дороги. 3-е орудие, находясь в пехотной цепи, несколько раз картечью отбрасывало подходившую вплотную цепь красноармейцев. Потеряв половину своего состава убитыми и ранеными, командир 1-й роты решил отходить на станцию Попасная. Для погрузки раненых к цепям подошел паровоз с двумя вагонами. В это время противник бросился в атаку. Паровоз полным ходом двинулся назад и зацепил 3-е орудие, сорвав его со шкворня. Поднять орудие не представлялось никакой возможности, так как красные, быстро заняв полотно дороги, в упор расстреливали его прислугу. Потеряв трех упряжных лошадей, остаток орудийного расчета получил приказание отойти на ст. Попасная. Вечером на станции Попасная пропавшее орудие было заменено запасным, и к рассвету оно вступило на участок 1-го батальона Корниловского Ударного полка, занимавшего позицию в 7-8 верстах к северу от ст. Попасная. Оставленные на разъезде 454 Северо-Донецкой железной дороги 3-я рота и 5-ое орудие были внезапно атакованы красными. Орудие потеряло четырех упряжных лошадей и ввиду неблагоприятно сложившейся обстановки было решено оставить орудие, сняв замок

и порубив колеса. Обходным путем рота прибыла на станцию Попасная к рассвету 27 января. 3-й батальон Корниловского Ударного полка с одним орудием 1-й генерала Маркова батареи занимал ст. Алмазная.

27 января противник повел наступление с востока на ст Попасная (по линии Попасная-Алмазная). Ввиду отхода 2-го батальона Корниловского Ударного полка в район вокзала, выдвинутый на север 1-й батальон полка и 3-е орудие 3-й батареи получили приказание также отступить на станцию Попасная. Вследствие глубокого обхода с востока весь отряд оставил станцию Попасная и перешел на станцию Логвиново, куда поздно ночью прибыл батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка с отдельным конным орудием, с боем отступавший в течение целого дня от станции Нырково. 3-й батальон Корниловского Ударного полка по-прежнему на станции Алмазная с одним орудием Марковской батареи.

28 января к полудню противник повел наступление при поддержке бронепоездов. Несколькими повторными атаками большевики овладели станцией, стремясь в то же время перерезать линию железной дороги в тылу отряда полковника Булаткина. Путем маневра, сосредоточив большую часть своего отряда в ударную группу, полковник Булаткин отбросил с большими потерями обходную колонну красных и перешел в решительную контратаку на станцию Логвиново, которую занял после упорного боя (при отряде был бронепоезд, который во время боя уходил за снарядами, а потом, с подходом его и батальона Марковского полка отряд переходит в наступление и занимает станцию Логвиново). К вечеру отряд полковника Булаткина был сменен частями 2-го конного Офицерского генерала Дроздовского полка. 28 января противник атаковал и 3-й батальон Корниловского Ударного полка с запада, со стороны ст. Попасная, и с востока. Атаки к вечеру были отбиты, но тем не менее отряд немедленно оставил станцию и двинулся на ст. Дебальцево ввиду того, что станция Попасная была уже занята красными, и выдвинутый отряд рисковал быть окруженным, имея на 20 верст в тылу у себя противника, ведущего наступление непосредственно на ст. Дебальцево.

29 января 2-й батальон Корниловского Ударного полка был в корпусном резерве на станции Дебальцево, откуда был направлен на ст. Хацепетовка. 3-й батальон Корниловского Ударного полка подошел к станции Дебальцево в критический момент боя: противник последовательно занял станции Баронская и Депрерадовская и перешел в решительное наступление на ст. Дебальцево-сортировочная. Исключительно благодаря появлению в его тылу нерастерявшегося 3-го батальона Корниловского Ударного полка красные в беспорядке бежали толпой на север. В тот же день в Дебальцево прибыл 1-й батальон Корниловского Ударного полка с 3-й Марковской батареей.

(С 30 января по 6 февраля положение на фронте остается невыясненным).

7 февраля 1919 г. Из книги «Корниловский Ударный полк»: «11-я и 12-я роты полка под командой капитана Морозова, пользуясь густым туманом, сделали набег на ст. Мануйловка, где под прикрытием красной пехоты стояли два бронепоезда. Красноармейцы были разбиты, броне-

поезда захвачены, но вывезти их не могли только потому, что они во время боя потерпели крушение. 2-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-м взводом 3-й Марковской батареи получил приказание погрузиться на ст. Хацепетовка в эшелон. Ночью они прибыли на ст. Никитовка.

8 февраля к рассвету эшелон 2-го батальона с артиллерией был переброшен на ст. Дылеевка, где разгрузился и должен был перейти в направлении на ст. Константиновка. Но в момент выхода отряда со станции Дылеевка красные большими силами, при поддержке двух бронепоездов, перешли в наступление первыми. В течение целого дня 2-й батальон Корниловского Ударного полка отбивал атаки, сам неоднократно переходил в наступление и к вечеру все атаки красных были отбиты.

9 февраля рано утром отряд, то есть 2-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-м взводом 3-й Марковской батареи и с прибывшей из Никитовки на подкрепление 3-й ротой 1-го Офицерского генерала Маркова полка, перешел в наступление на ст. Никитовка. После упорного сопротивления красные были сбиты и отошли на ст. Константиновка. Артиллерии все время пришлось вести бой с бронепоездами, которые, отойдя к ст. Константиновка, остановились у семафора и в упор расстреливали нашу пехоту, не давая ей возможности идти дальше. Одно орудие, выдвинутое на линию пехоты, заставило бронепоезда отойти. Подбодренная этим пехота перешла в атаку и заняла станцию.

10 февраля 2-й батальон Корниловского Ударного полка с приданной ему артиллерией должен был ударом во фланг и тыл красным в направлении на железную дорогу на Бахмут помочь 2-му эскадрону 2-го Дроздовского конного полка, который 9 февраля под давлением красных оставил ст. Курдюмовку. Выступив часов в 7 утра, отряд совершенно неожиданно появился в тылу у красных у деревни Карловка, в 7 верстах от Бахмута, и обратил их в бегство. Положение было восстановлено, и 2-й батальон с артиллерией вечером погрузился на ст. Курдюмовка и через Никитовку 11 февраля утром прибыл на ст. Ясиноватая.

11 февраля 2-й батальон Корниловского Ударного полка эшелоном прибыл на ст. Ясиноватая. Противник, имея центр на линии железной дороги Попасная-Дебальцево, с занятием ст. Вергилеевка стремился охватить правый фланг Корниловского Ударного полка, расположенного к северу от Боржикова. Обход был ликвидирован ударом 3-го батальона полка со взводом 2-й батареи. В течение дня противник несколько раз возобновлял атаки и к ночи отошел на ст. Мануйловка. 2-й батальон Корниловского Ударного полка с 1-м взводом 2-й батареи со ст. Никитовка после короткого боя занял ст. Железная. Отряд продолжал наступление на север, занял ст. Кривой Торец и отбросил красных к станции Константиновка.

12 февраля. На участке Корниловского Ударного полка, 2-го взвода 2-й Марковской батареи и 3-й батареи день прошел спокойно.

13 февраля. В районе Дебальцево противник активности не проявлял. 2-й батальон Корниловского Ударного полка с приданной ему артиллерией занял ст. Константиновка.

14 февраля утром, пользуясь туманом, большевики стремились раз-

вить наступление на флангах 3-го батальона Корниловского Ударного полка со 2-м взводом Марковской батареи, оборонявшего дер. Комиссаровка. На левом фланге обходящий с востока противник был после короткого боя отброшен на север. 2-й батальон Корниловского Ударного полка со своей артиллерией — на ст. Константиновка.

15 февраля. На участке 2-го батальона Корниловского Ударного полка без перемен.

16 февраля. На участке 2-го батальона Корниловского Ударного полка противник пытался наступать на ст. Константиновка, но был отбит.

17 февраля 1-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-м взводом 2-й Марковской батареи произвел разведку и, обнаружив в районе дер. Мануйловка и с. Еленовская большие силы красных, вернулся в исходное положение. 2-й батальон Корниловского Ударного полка был окружен на ст. Константиновка и, пробившись на юг, отошел на ст. Кривой Торец. Противник продолжал преследование, перебрасывая свою пехоту на бронепоездах. На ст. Кривой Торец 2-й батальон под прикрытием 1-го взвода 2-й Марковской батареи погрузился в эшелон и вышел из-под удара противника. Взвод самостоятельно отошел на ст. Железная, где и присоединился ко 2-му батальону (надо полагать, что пулеметы на тачанках оставались с батареей).

18 февраля. 2-й батальон Корниловского Ударного полка снова перешел в наступление и занял ст. Константиновка, где в продолжение семи дней стоял почти без боев.

С 19 по 26 февраля положение на участке Корниловского Ударного полка не записано.

26 февраля с рассветом 2-й батальон Корниловского Ударного полка обнаружил обход ст. Константиновка. Опасаясь окружения, отряд отошел на южную окраину станции, откуда, развернувшись, перешел в контратаку, но цепи его были остановлены огнем подошедшего вплотную бронепоезда «Роза Люксембург». Одно орудие незаметно подошло к бронепоезду и на прицеле 20-30 попаданием повредило его. Подошедший с севера ремонтный поезд прицепил и вывез бронепоезд. Вечером отряд в эшелоне перешел на ст. Ясиноватая.

27 февраля противник энергично повел наступление на участке Корниловского Ударного полка. Корниловцы, обойденные слева, отошли на станцию Дебальцево-сортировочная. Ударом во фланг 1-го батальона 1-го Офицерского полка положение было восстановлено.

28 февраля красные снова повели наступление на оба фланга Дебальцевской группы. 3-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом 3-й батареи ударом во фланг к полудню восстановил положение.

1 марта 1919 г. 2-й батальон Корниловского Ударного полка с 1-м взводом 2-й Марковской батареи был погружен в эшелон и отбыл на ст. Никитовка.

2 марта с рассветом противник, совершив глубокий обход с северо-запада, подошел к поселку Дебальцево и после короткого боя занял поселок и станцию Дебальцево-пассажирская. 2-й взвод 2-й батареи, три орудия 3-й батареи и орудие 1-й гаубичной батареи отошли через разъезд

Булавин на ст. Хацепетовка вместе с частями Корниловского Ударного полка. Одна рота и команда пеших разведчиков полка, стоявшие в заставах впереди ст. Боржиково и дер. Вергилеевка, оказались отрезанными от своего полка и, выслав связь к 1-му батальону 1-го Офицерского генерала Маркова полка, донесли о занятии Дебальцево. На рассвете противник неожиданно повел наступление на ст. Никитовка (2-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом 2-й батареи).

Отряд разгрузился, перешел в контратаку, отбросил красных и занял ст. Курдюмовка, где снова погрузился в эшелон и к вечеру прибыл на ст. Хацепетовка и соединился с отступавшими частями своего полка от станции Дебальцево. После боя 2 марта Дебальцевская группа отошла по линии: станция Хацепетовка-хутора Никишины, а Корниловский Ударный полк с приданной ему артиллерией базировался на ст. Хацепетовка, по линии железной дороги Енакиево-Харцызск.

3 марта. Соприкосновения с противником не было.

4 марта. Положение без перемен.

5 марта. Согласно общей диспозиции части Корниловского Ударного полка и 1-го Офицерского генерала Маркова полка должны занять ст. Дебальцево и село Чернухино и восстановить прежнее положение, отбросив потивника за ст. Вергилеевка и Баронская. После 13 часов 1-й батальон 1-го офицерского полка со взводом 1-й батареи был выдвинут для содействия Корниловскому Ударному полку, встретившему упорное сопротивление со стороны красных на окраинах поселка Дебальцево. Особенно большие потери Корниловцы понесли от огня бронепоезда. Только после того, как взвод батареи открыл огонь с тыла, последний поспешно отступил по линии Дебальцево-пассажирская. Корниловский Ударный полк занял ст. Дебальцево и передовыми частями выдвинулся на ст. Вергилеевка со 2-м взводом 2-й Марковской батареи.

6, 7 и 8 марта противник ведет наступление, но повсюду отбит.

9 марта. Ночью выяснилось, что красные со стороны с. Луганское заняли ст. Хацепетовка. Части Корниловского Ударного полка были переброшены по железной дороге на рудник Булавин, где на рассвете, вместе с разгрузившимся (под пулеметным огнем) 4-м батальоном 1-го Офицерского генерала Маркова полка, 1-й батареей и 1-й гаубичной батареей вступили в бой. Только благодаря туману 2-я и 3-я батареи, получившие ночью приказание двигаться самостоятельно походным порядком на рудник Булавин для присоединения к Корниловскому Ударному полку, проскочили мимо подошедших вплотную к железнодорожной насыпи цепей красных. Расстояние между цепями и батарейными колоннами было настолько мало, что сорвавшееся с передка 3-е орудие не успели вновь одеть на шкворень, так как на дорогу бросились красноармейцы с криками: «Стой!» и, если бы не перешедшая в контратаку подошедшая застава Корниловского Ударного полка, орудие погибло бы. После выяснения обстановки боя, который благодаря сильному туману велся что называется «ощупью», противник был отброшен к Марковским хуторам.

10 и 11 марта. 11 марта противник атаковал ст. Хацепетовка, но удачной контратакой Корниловского Ударного полка был отброшен, и

ударники, следуя по пятам за бегущими красными, заняли с налета Марковские хутора.

12 марта. На участке Корниловского Ударного полка затишье.

13 марта. У села Ольховатка во время перехода Марковцев в контратаку с целью предоставить своей артиллерии и санитарному обозу выход — был убит доблестный помощник командира 1-го Офицерского генерала Маркова полка полковник Булаткин, один из самых выдающихся пехотных начальников. После неудачного боя на участке 1-го Офицерского генерала Маркова полка Корниловский Ударный полк получил приказание отойти в район ст. Енакиево. Марковцы отошли на ст. Сердитая.

14 марта. Отошедшие в ночь на 14-ое части Корниловского Ударного полка заняли оборонительную линию: ст. Монахово-каменноугольные копи-Н. Ханженково. На участке полка спокойно.

15 марта. Вечером 3-я батарея была взята с участка Корниловского Ударного полка, погрузилась в эшелон и отбыла на ст. Иловайская.

24 и 25 марта. В ночь на 25-ое 1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом батареи был погружен в эшелон на ст. Щебенка и отправлен в Енакиево. Немедленно по разгрузке батальон повел наступление на шахты Софиевка и Веровка и по занятии их две роты с орудием продолжали наступление на рудник № 8, а другие роты со вторым орудием преследовали противника, отступавшего на ст. Хацепетовка. К вечеру части отошли на ст. Енакиево.

26 марта. 1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом батареи вновь разделился: две роты с первым орудием повели наступление вдоль железной дороги на север и на ст. Хацепетовка, а две роты со вторым орудием наступали на разъезд Волынцево и, выбив из него противника, заняли деревню Убежище. К вечеру 2-й батальон Корниловского Ударного полка с приданной ему артиллерией ночевал на разъезде Волынцево.

27 марта. Противник повел наступление на ст. Енакиево с северо-востока. 1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом батареи отбросил его на восток, отойдя на ночь в с. Волынцево — д. Убежище.

1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом 2-й батареи с 27 марта по 3 апреля активно оборонял разъезд Волынцево-Убежище, а 3 апреля, будучи отрезанным красными, занявшими в тылу ст. Енакиево, отошел на колонию Иван-Орловку, откуда ночью перешел на ст. Щебенка.

4 апреля 1919 г. Корниловский Ударный полк с приданной ему артиллерией к вечеру занял оборонительную линию: Щебенка-каменноугольные шахты-Н. Ханженково.

5 апреля. Батальон Корниловского Ударного полка с 3-й Марковской батареей переходит со станции Монахово в наступление на с. Корсунь и после продолжительного боя занимает его, где и располагается по квартирам.

6 и 7 апреля. Тот же батальон ведет наступление на ст. Пантелеймоновка. К вечеру батарея возвращается в Корсунь.

8 апреля. 1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом

2-й Марковской батареи выступает на дер. Давыдово-Орловку, откуда, присоединив дивизион 11-го гусарского Изюмского полка, ведет общее наступление на колонию Иван-Горловку.

9 апреля. Батальон Корниловского Ударного полка с 3-й Марковской батареей вновь переходит в наступление на селение Пантелеймоновка, которое легко занимается пехотой.

12 апреля. 1-й батальон Корниловского Ударного полка с 1-м взводом 2-й батареи и с конницей повел наступление вдоль полотна железной дороги на ст. Енакиево и к 20 часам занимает южную окраину города. 3-й батальон Корниловского Ударного полка на рассвете выступает на север и с боем продвигается до ст. Енакиево.

13 апреля. С рассветом движение на Енакиево продолжается и после боя с броневиками противника в районе пассажирского вокзала последние отошли на север, а пехота противника была отброшена на линию рудники Веровские-ст. Волынцево. 3-й батальон Корниловского Ударного полка с 3-й Марковской батареей продолжал наступление в районе ст. Волынцево, где простоял до 15 апреля, когда по приказанию отошел к Енакиево, к рельсопрокатному заводу Балтийского общества.

14 апреля. 1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом 2-й батареи, смененный накануне 2-м Кубанским пластунским батальоном, перешел на левый фланг, атаковал Софийский рудник, занял его после короткого, но упорного боя и продолжал наступление на рудник № 8, но по приказанию отошел на ст. Енакиево, где расположился на ночлег.

17 апреля. Ввиду неожиданного отхода из Давыдово-Орловки частей 1-го конного генерала Алексеева полка, 1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом 2-й батареи спешно занимает оставленную позицию (деревню).

18 апреля. Те же силы отбивают атаки противника на с. Давыдово-Орловку. Имея успех на соседнем с Корниловцами участке 2-го Офицерского генерала Дроздовского конного полка, противник ударом во фланг с запада отбросил после упорного бя 2-й и 3-й батальоны Корниловского Ударного полка на станцию Щебенка. К вечеру, развивая наступление, противник атакует и станцию, но несмотря на большие потери, понесенные за день, Корниловцы в свою очередь переходят в контратаку, и красные прекращают попытки занять станцию.

20 апреля. Вследствие отхода главных сил Корниловского Ударного полка, 1-й его батальон отходит на хутора Терновские. 19 и 20 апреля противник безуспешно возобновляет атаки на станцию Щебенка.

21-24 апреля. 1-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом 2-й батареи занимает позицию у хуторов и вечером 24-го, после отбития атаки на хутора Терновские, согласно полученному приказанию отходит на ст. Зуевка. 21 апреля утром, благодаря оголению левого фланга участка 2-й батальон Корниловского Ударного полка с 3-й Марковской батареей отходит на ст. Монахово, где в распоряжение Корниловского Ударного полка поступает 2-й взвод 1-й генерала Маркова батареи. Взвод занимает позицию на левом фланге, на участке 3-го батальона Корниловского Ударного полка. Вечером противник густыми цепями переходит в

наступление в стыке 2-го Офицерского генерала Дроздовского конного полка и Корниловского Ударного полка на идущее параллельно фронту полотно железной дороги ст. Монахово-Кирпичная. После упорного боя противник отходит в исходное положение, с. Корсунь-д. Крынская. 22 и 23 апреля в районе ст. Монахово идут упорные бои. Днем 23 апреля на ст. Монахово прибывает со ст. Рассыпной 2-й взвод 2-й батареи, который со 2-м батальоном Корниловского Ударного полка переходит в с. Нижне-Ханженково, где и стоит до 24 апреля.

25 апреля в 15 часов 1-му и 2-му батальонам Корниловского Ударного полка со 2-й батареей приказано атаковать хутора Нижняя Крынка и Б. Черновские и, выдвинувшись на север, занять с востока ст. Щебенка. Корниловцы успешно выполнили задачу, но к вечеру получили приказание спешно отойти в с. Зуевка. На участке 3-го батальона Корниловского Ударного полка противник с раннего утра перешел в наступление и после того, как примыкавшие с запада части 2-го генерала Дроздовского конного полка отошли, левый фланг Корниловцев, 3-й батальон, был неожиданно охвачен с юго-запада и едва успел отступить на с. Ханженково, откуда вместе с приданной ему артиллерией, 2-й взвод 1-й Марковской батареи и 3-й батареей, расположился на ночевку на заводе «Президент».

26 апреля. 3-й батальон Корниловского Ударного полка занял позицию к северу от станции Харцызск. 2-й батальон Корниловского Ударного полка со взводом 2-й батареи со станции Зуевка наступает на хутора Нижняя Крынка и Терновские, занял их и к вечеру возвратился в село. 1-й батальон со взводом 2-й же батареи наступал на село Нижне-Ханженково и к вечеру отошел в Зуевку.

27 апреля с рассветом противник силой до двух полков атаковал с. Зуевка. Сдерживая упорный натиск с помощью интенсивного огня 2-й батареи и 3-го орудия 1-й генерала Маркова батареи, а также тяжелых орудий бронепоездов, стоявших на станции Харцызск, Корниловцы с прибытием 3-го батальона 1-го Офицерского генерала Маркова полка перешли в решительную контратаку, отбросив противника в исходное положение.

28 и 29 апреля. На участке ст. Харцызск и с. Зуевка противник активности не проявлял.

30 апреля. В с. Зуевка прибыла походным порядком Кубанская казачья дивизия конного корпуса генерала Шкуро, вместе с которой 1-й и 2-й батальон Корниловского Ударного полка повели наступление на ст. Ханженково-с.Ханженково-хут. Нижняя Крынка. К вечеру, заняв Н. Ханженково и х. Нижняя Крынка, Корниловцы расположились на ночлег и ночью, получив приказание, спешно отошли в с. Зуевка. 3-й батальон Корниловского Ударного полка с 3-й батареей, наступая по железной дороге, занял завод «Президент», откуда произвел попытку атаковать село Ханженково.

С 1 по 11 мая 1919 г. После смерти генерала Станкевича, скончавшегося от тифа, 1-ую дивизию принял генерал Колосовский, командир конного полка. Состав дивизии: Корниловский Ударный полк, 1-й Офицерский Марковский пехотный полк, Алексеевский конный полк, Марков-

ская артиллерийская бригада и Марковская инженерная рота со взводом железнодорожным и телеграфным.

Назначение генерала Кутепова — Александра Павловича — командиром 1-го армейского корпуса, составленного из 1-й и 3-й дивизий, считалось предвестником нашего перехода в наступление. После выздоровления от болезни прибыл командующий Добровольческой Армией генерал Врангель, который тут же, к общему огорчению, был назначен командующим Кавказской Добровольческой Армией. Командующим Добровольческой Армией стал генерал Май-Маевский.

Переход в наступление поднял дух Корниловского Ударного полка, перенесшего четырехмесячную оборону Каменноугольного бассейна, ведя почти ежедневные бои в сильные морозы, малочисленным составом, с плохим довольствием, плохо обмундированным и когда, в довершение

X — Генерал Врангель. XX — Ген. Май-Маевский.
На станции Харцызск парад резервному батальону и офицерской роте Корниловского Ударного полка 20. 4. 1919 г. Непосредственно с парада части пошли в бой.

всего, помимо убыли в боях, его ряды просто косил сыпной тиф. Заколдованный проклятый круг должен был быть прорван, и этим мы оправдывали все наши потери и невзгоды.

13 МАЯ 1919 Г. ПЕРЕХОД В НАСТУПЛЕНИЕ

Согласно диспозиции, ввиду перехода в общее наступление, 13 мая было приказано: Корниловскому Ударному полку со 2-й и 3-й Марковскими батареями занять станцию Щебенка и лежащие к востоку от

нее хутора Нижняя Крынка и Терновские, выдвинувшись на южные бугры у города Енакиево. Частями 1-го Офицерского генерала Маркова полка с 1-й генерала Маркова батареей и взводом 7-й гаубичной батареи занять сс. Давыдово-Орловка и Ново-Орловка и, в случае успеха, атаковать селение Новая Ольховатка. 1-му конному Офицерскому генерала Алексеева полку со 2-м взводом 7-й гаубичной батареи обеспечить правый фланг движения на север вдоль линии железной дороги Иловайская-Чернухино.

С рассветом 13 мая части полков переходят в наступление: 2-й и 3-й батальоны Корниловского Ударного полка с 3-й Марковской батареей атакуют ст. Щебенка и с боем занимают ее, преследуя отходящего к ст. Енакиево противника. 1-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-й Марковской батареей, выступив из Ново-Ханженково, с боем занимает хутора Нижняя Крынка и Терновские и, войдя в связь со своим 2-м батальоном, совместно с ним занимают к вечеру ст. Енакиево.

1-й Офицерский генерала Маркова полк с боем берет Давыдово-Орловку, хутора Михайловские и Ново-Орловку.

1-й конный генерала Алексеева полк у станции Рассыпной был встречен сильным огнем бронепоездов и отошел в исходное положение.

На ст. Енакиево в распоряжение командира Корниловского Ударного полка прибыла 4-я батарея, а 3-я Марковская ушла на перевооружение.

14 мая. Попытки противника наступать отбивались артиллерийским огнем.

15 мая с рассветом Корниловский Ударный полк повел наступление двумя колоннами на ст. Дебальцево. Правая колонна — 2-й батальон и 4-я батарея — двигалась к востоку от полотна железной дороги, имея значительный бой у с. Вольнцево, по занятии которого батальон и батарея расположились на отдых и вечером, по приказанию командира полка, перешли в Дебальцево. Левая колонна — 1-й и 3-й батальоны Корниловского Ударного полка со 2-й Марковской батареей — двинулись вдоль полотна железной дороги, встречая сопротивление только со стороны бронепоездов. У ст. Хацепетовка колонна вступила в бой против значительных сил красной пехоты. На решение боя повлияло удачное попадание 1-го орудия 2-й батареи в неприятельский бронепоезд, который отважно выдвигался вперед за свои цепи, несколько раз отбивая атаки Корниловцев. К вечеру колонна вошла без боя в с. Дебальцево. На участке Корниловского Ударного полка 1-я Марковская батарея занимает участок у ст. Боржиково.

18 мая. Корниловский Ударный полк со 2-й батареей, по обнаружении неожиданного отступления противника, выступил походным порядком на север с целью войти в соприкосновение хотя бы с арьергардом красных и после четырехчасового быстрого марша настиг у ст. Алмазная спешно уходящую колонну. С коротким боем Корниловцы заняли станцию и расположились на ночлег.

19 мая перед рассветом Корниловский Ударный полк со 2-й батареей спешно погрузился в эшелон и был переброшен на ст. Камышеваха, откуда, разгрузившись, продвинулся на север, до ст. Лоскутовка, и к полудню

20 мая через село Мирная Долина повел наступление на с. Устиновка.

Отбросив противника на северный берег реки Донец, Корниловцы к вечеру взяли деревню. На ст. Камышеваха 1-я генерала Маркова батарея погрузилась в эшелон и отправилась в распоряжение командира Корниловского Ударного полка.

21-26 мая. 3-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-й батареей занимал позицию в районе деревни Устиновка.

27 мая. На рассвете 3-й батальон Корниловского Ударного полка со 2-й батареей прибыл из Устиновки на ст. Переездная. Противник отошел от левого берега Северного Донца против железнодорожного моста, и части Корниловского Ударного полка и 1-го Офицерского генерала Маркова полка начали переправу. Корниловский Ударный полк со 2-й и 3-й батареями без боя заняли хутор Воеводовка, на левом берегу, у переправы, и через с. Беляевка к вечеру продвинулись до д. Кудряшевка.

28 мая. 1-й и 2-й батальоны Корниловского Ударного полка с 3-й Марковской батареей, выступив утром из Кудряшевки, продолжали движение до хутора Попова. 3-й батальон со 2-й батареей, выступив из с. Беляевка, к вечеру занял хутор Бутов.

29 мая. Корниловский Ударный полк со 2-й и 3-й Марковскими батареями выдвинулся через село Голубовка на хутор Грибков

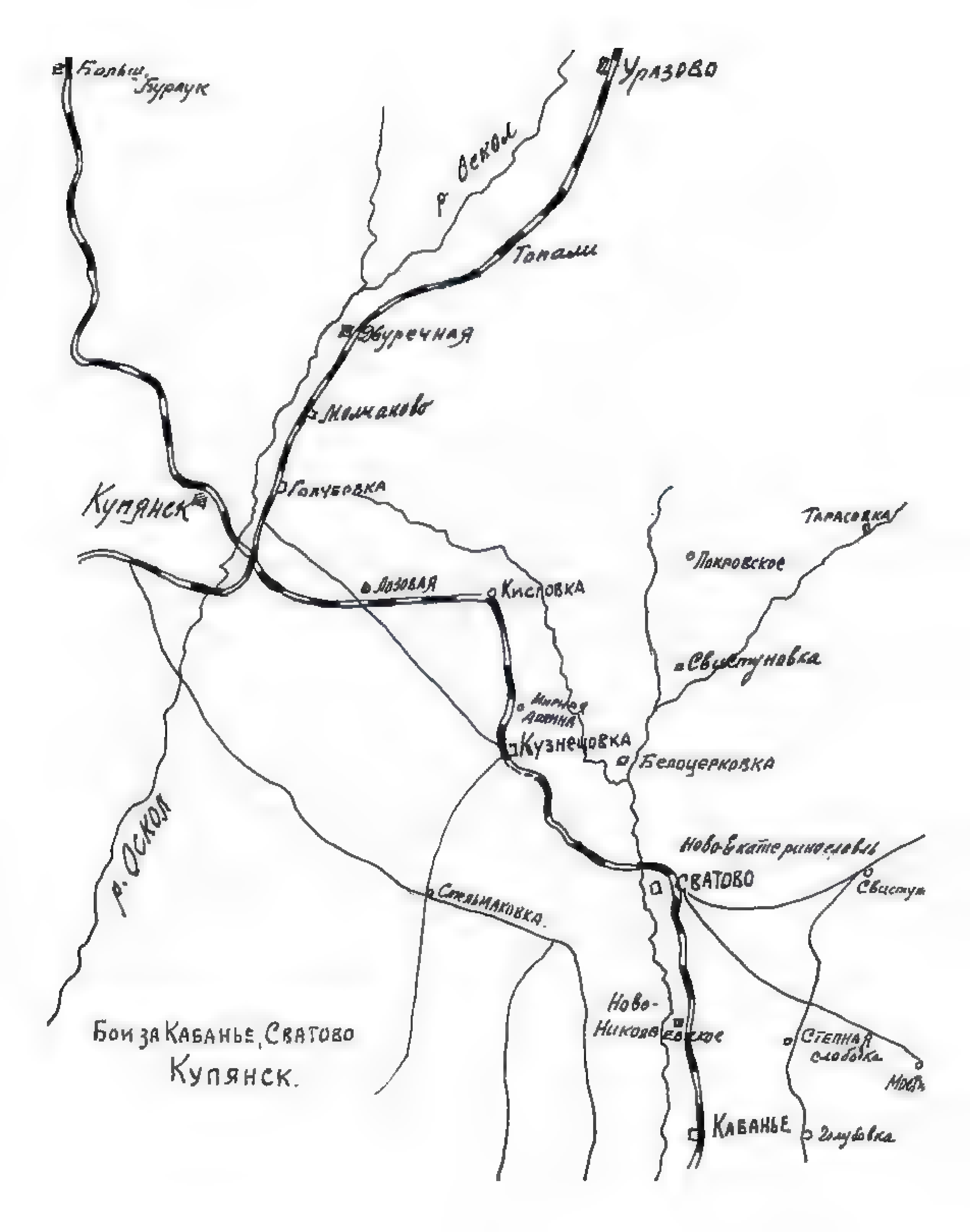
30 мая. Корниловский Ударный полк с приданной ему артиллерией, пройдя станцию Степная Слободка, вступил в бой с арьергардами противника у села Белоцерковка, после полудня занял село и расположился по квартирам.

31 мая. 1-й и 2-й батальоны Корниловского Ударного полка с 3-й батареей из Белоцерковки через ст. Сватово, Гончаровка и Кривошеевка переходят в с. Куземовка. 3-й батальон полка со 2-й батареей из Белоцерковки через д. Гончаровка переходит в село Мирная Долина.

1 июня 1919 года. ВЗЯТИЕ ГОРОДА КУПЯНСКА

Город Купянск был занят Терско-Кубанской конной дивизией. Я, пишущий эти строки, вернулся в свой Корниловский Ударный полк перед выходом его из Каменноугольного бассейна из своей вышеуказанной командировки в Крым и теперь, во время наступления конницы на Купянск, был послан с двумя ротами на поддержку терцам, которые продвигались успешно, и мы поэтому участия в бою не принимали. Уже в эмиграции ныне здравствующий участник этого боя есаул Терского войска Воробьев рассказал о том, что произошло с его полком за городом. В нескольких верстах от них, на их глазах, подошел эшелон, откуда выскочили рабочие и стали чинить железнодорожный путь, очевидно для бронепоезда. Лихие терцы решили их атаковать и жестоко за это поплатились: мнимые рабочие оказались красноармейцами, встретили атакующих ружейным огнем и отбили атаку. У терцев было несколько человек убитых и много раненых, а ремонтный поезд красных дал задний ход и ушел.

1-й и 2-й батальоны Корниловского Ударного полка с 3-й батареей перешли через хутор Песчаный на хутора Лозовые. 3-й батальон со 2-й


Больш. Бурлук
Уразово
р. Оскол
Топали
Двуречная
Мальцово
Голубовка
Купянск
Тарасовка
Покровское
Лозовая
Кисловка
Свистуновка
Мирная Долина
Кузнецовка
Белоцерковка
р. Оскол
Ново-Екатеринославль
Сватово
Стельмаховка
Ново-Никольское
Степная слобода
Кабанье
Голубовка
Бои за Кабанье, Сватово
Купянск.

батареей из села Мирная Долина прибыл и расположился в городе Купянске.

2 июня. 1-й и 2-й батальоны Корниловского Ударного полка с приданной им артиллерией выступили из хуторов Лозовые, прошли через город Купянск и к вечеру прибыли в дер. Шапковка 2-я.

1-ю дивизию от генерала Колосовского принял генерал Тимановский.

4 июня. Корниловский Ударный полк со своей артиллерией перешел через станцию Мопочиновка — д. Екатериновка в с. Большой Бурлук. 1-й взвод 7-й гаубичной батареи передан 3-му батальону Корниловского Ударного полка.

5 июня. 3-й батальон Корниловского Ударного полка со своей артиллерией переходит на станцию и село Большой Бурлук.

6 июня. Корниловский Ударный полк с 3-й батареей и 1-м взводом 7-й гаубичной батареи переходит из с. Большой Бурлук на ст. Белый Колодезь, куда прибывают по железной дороге 2-я батарея и 1-й взвод 4-й батареи со 2-м батальоном 1-го Офицерского генерала Маркова полка.

После полудня с севера появились бронепоезда противника, начавшие обстреливать станцию. За бронепоездами появился эшелон, высадивший до 1.000 человек пехоты, которая немедленно повела наступление. Понеся значительные потери, противник спешно отошел на север. Вечером команда пеших разведчиков Корниловского Ударного полка со взводом 2-й батареи была погружена в эшелон и отбыла на ст. Приколотное для ликвидации оставшегося в районе Ольховатки отряда красной пехоты, потерявшего связь с давно отступившими частями.

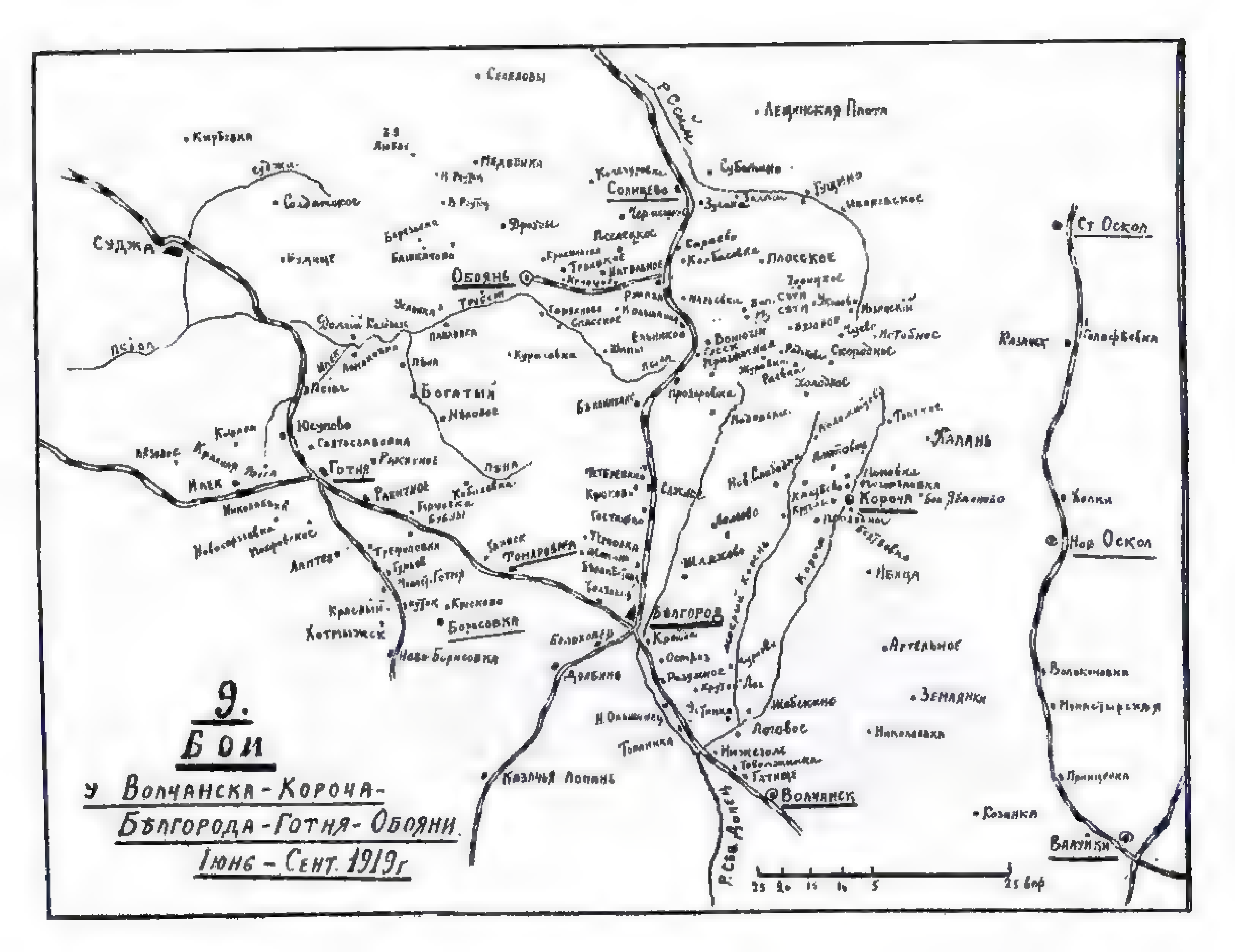
7 июня. При разгрузке на ст. Приколотное команда пеших разведчиков была встречена пулеметным огнем с северо-западных бугров с. Ольховатка. Находившийся в средней группе 2-й взвод 2-й батареи с близкой дистанции открыл огонь по цепям противника. Вскоре, будучи обойденной с обоих флангов, команда пеших разведчиков, неся большие потери, принуждена была прорваться на станцию Приколотное. Для ликвидации противника был послан отряд полковника Наумова, но красные, реквизировав в селе подводы, спешно отошли на север. К вечеру полковник Наумов без боя занял село Благодатное. Корниловский Ударный полк с 3-й батареей и 1-м взводом 7-й гаубичной батареи, наступая вдоль железнодорожной линии, после полудня занял без боя город Волчанск.

8 июня. На рассвете прибыли остатки команды пеших разведчиков со 2-м взводом 2-й батареи.

9 июня. Корниловский Ударный полк с приданной ему артиллерией с рассветом продолжает движение через ст. Гатище, с. Нижняя Таволжанка, с. Екатериновка, с. Маслова Пристань, подходит к селу Нижний Ольшанец и, отбросив противника, располагается на ночлег.

Согласно диспозиции Корниловскому Ударному полку и 1-му Офицерскому генерала Маркова полка 10 июня приказано взять город БЕЛГОРОД.

10 июня. 1-й Офицерский генерала Маркова полк с 1-й генерала Маркова батареей, взводом 2-й Марковской батареи и 4-й батареей должен был выдвинуться на линию Белгорода в селе Игумново и с востока ата-


9.
Бои
у Волчанска - Короча -
Бѣлгорода - Готня - Обояни.
Іюнь - Сент. 1919 г.
Суджа
Обоянь
Солнцево
Богатый
Готня
Ракитное
Томаровка
Бѣлгород
Борисовка
Хотмыжск
Ново-Борисовка
Долбино
Казачья Лопань
Волчанск
Короча
Калань
Ст. Оскол
Нов. Оскол
Валуйки
Землянки
Ахтырка
Ивня
Плоское
Юсупово
Святославовка
Ильек
Нижнее
Лопань
Борисовка
Кривцово
Шляхово
Прохоровка
Лещинская Плота
Субботино
Гущино
Холодное
Скородное
Казинка
Волоконовка
Наумовка
Чистобное
Казачье
Крапивное
Беловское
Муром
Шебекино
Разумное
Белоколодезь
Червоная
Березовка
Поповка
Ржава
Ивановское
Пселъ
Пена
Удычь
Ст. Оскол
Крюково
Р. Сѣв. Донецъ
Р. Сейм
Ракитное
Кочетовка
25 20 15 10 5 25 вер.

ковать старый город. Корниловский Ударный полк с 3-й батареей, взводом 2-й батареи и взводом 7-й гаубичной батареи наносит удар по линии железной дороги.

Имея бой с бронепоездами, Корниловский Ударный полк успешно продвигался к Белгороду и, выждав подхода 1-го Офицерского генерала Маркова полка, одновременно атаковал город. После короткого боя Белгород был взят.

(Мои воспоминания о взятии г. Белгорода. Версты за две до Белгорода 1-й батальон Корниловского Ударного полка стал разворачиваться. Офицерская рота оказалась правофланговой, и картина предстоящего боя мне представилась так: перед городом, параллельно движению батальона, протекала довольно широкая река, через которую виднелся мост, как раз против правого фланга цепи. Перед центром батальона и его левым флангом — между рекой и цепью — была небольшая роща. Местность для атаки моста была ровная, и перед мостом были видны окопы. По ту сторону реки проходила линия железной дороги, и против моста стоял бронепоезд. Перед рощей цепи остановились в ожидании, как нам тогда говорили, «волчьей сотни», генерала Шкуро, которая должна была одновременно с нами броситься в атаку на мост. Вышеописанная картина обещала, в лучшем случае, большие потери. Наша артиллерия почему-то не била по бронепоезду и «волчья сотня» не показывалась. Подождав с полчаса, командир роты отдает приказание для атаки моста. Цепи встают и полуоборотом направо, по совершенно ровной местности быстро идут к мосту. Красные открыли ружейный огонь, а бронепоезд — пулеметный. Все благоприятствовало красным в их обороне своей позиции, но тем, что они не хотели уходить из своего предмостного укрепления, они все погубили. Корниловцы с криком «ура!» уже ворвались в окопы, и через них лихо понеслась в атаку подоспевшая сотня генерала Шкуро. Общая свалка на мосту лишила, по-видимому, красный бронепоезд возможности стрелять и он тихо двинулся влево по нашему фронту и скрылся. Корниловцы воспользовались нерешительностью бронепоезда и быстро проскочили на другой берег).

Когда на площади в городе собрался весь полк, то среди выстроенных пленных оказался и начальник обороны красных, бывший унтер-офицер Императорской Армии. Командир полка приказал тут же расстрелять его, что и исполнил один из стоявших близко ударников, уложив незадачливого «главкома» обороны Белгорода на месте первым же выстрелом. Эта публичная казнь была вызвана тем, что красные угнали 60 видных граждан города в качестве заложников и расстреляли их в 10 верстах от города, по пути своего отступления. На следующий день их тела были доставлены в город и преданы земле в обстановке действительно общего озлобления против диктатуры большевицкого интернационала.

Общее положение после занятия города Белгорода

По донесению Командующего Добровольческой Армией генерала Май-Маевского генералу Деникину город Белгород был занят с налета

доблестными Корниловцами и Марковцами, не рассчитавшими лихого удара. Находящийся в 70 верстах к югу город Харьков был занят Дроздовским стрелковым полком на следующий день 11 июня.

Красные откатились на значительное расстояние от Белгорода, и все почувствовали, что город занят прочно.

11 июня начальник 1-й пехотной дивизии генерал-майор Тимановский принял на городской площади парад войск, освободивших Белгород от большевиков.

25 июня в Белгород прибыл Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенант Деникин, восторженно встреченный жителями, забросавшими путь его следования цветами. Ликование жителей носило самый искренний и даже трогательный характер. Генерал Деникин присутствовал на молебне на площади города и после молебна принял парад войск. На парад были выведены: весь 1-й Офицерский генерала Маркова пехотный полк, офицерская рота Корниловского Ударного полка, по взводу в пешем строю от каждой батареи 1-й артиллерийской бригады и конные части. Войска, отдохнувшие и пополнившиеся, производили самое лучшее впечатление. Генерал Деникин поздравил части 1-го армейского корпуса с выходом на большую Московскую дорогу; напомнил о былых боях и особенно о значении 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода и о роли в борьбе с большевиками офицерства; указал грядущие задачи и высказал полную уверенность в успехе зародившегося в таких трудных условиях и перенесшего столько испытаний дела освобождения Родины. Жители и войска долгим и громким «ура» ответили на речь Вождя. Действительно, положение советской власти казалось критическим. Значительная часть России была в руках Белых Армий. Население освобожденных областей, перенесших голод, холод и анархию, было явно настроено против большевиков, разрушивших хозяйство страны. Красная армия, несмотря на огромное свое превосходство в силах, не могла устоять перед немногочисленными, но сплоченными частями добровольцев. Сомнениям не было места, все сулило радостный конец гражданской войны. Маленький, пыльный уездный город Белгород зажил шумной жизнью. Веселая, оживленная толпа на улицах, открывающиеся магазины и кафе, всеобщее приподнятое настроение...

* * *

ПЕСНИ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

МОСКОВСКИЙ ПОХОД

С Иртыша, Кубани, Дона,
С Волги-матушки реки,
Развернув свои Знамена,
На Москву идут полки.

Впереди, на правом фланге
Красных шапок виден ряд,
То Корниловцы лихие,
То Корниловский отряд.

А у них на левом фланге
Черно-белый цвет видать,
Это их родные братья,
Это Марковцы спешат.

Из Румынии далекой
Пушки грозные гремят,
Проложив штыком дорогу,
То Дроздовцы там спешат.

На Ростов идут стеною
Партизаны-молодцы,
Тут студенты, гимназисты,
Алексеевцы юнцы.

А за ними мощной лавой
Мчатся конные полки,
Тут и терцы, и кубанцы,
И донские казаки.

Слава доблестному войску,
Слава доблестным полкам,
Убеленным сединами
Слава доблестным Вождям!

Последние две строчки каждого куплета повторяются.

* * *

Вспоили вы нас и вскормили,
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя, Святой Руси, земля...

Вперед, вперед смелее, родные поля опустели,
Добровольцы готовы в поход...
Так за Отчизну, к заветной цели
Пусть каждый с верою идет.

Добровольцы России Великой
Свято помнят заветы отцов,
Погибших за край свой родимый
Достойною смертью бойцов.

Пусть каждый верит и знает,
Блеснут из-за тучи лучи,
И радостный день засияет,
И в ножны мы вложим мечи.

Припев после каждого куплета:

Теперь же грозный час борьбы настал, настал,
Коварный враг на нас напал, напал,
И каждому, кто Руси сын,
На бой кровавый путь один, один, один...

* * *

(Да, так воспринимала Армия, полагая, что только от нее зависит успех победы над врагом. Она скоро забыла про те трудности в самом начале зарождения добровольчества, когда яд февральской революции все силы свои направил против борцов за государственность и, вдобавок, обанкротившись, передал власть диктатуре сброда интернационала, обильно снабженного деньгами и советниками из Германии. Действия этих сил все усиливались: наши тылы разлагались самостийными течениями, темные дельцы делали свои каиновы «гешефты», а наши союзники спе-

шили увозить свои базы, оплаченные нашим золотом и, если что перепало нам, то это исключительно только при содействии симпатизировавших нам военных.

Действительно радостным было только одно: Добровольческая Армия увеличилась теперь самое меньшее в три раза. Но и здесь не все было благополучно: отдаление Верховного управления от Армии и снижение качества ее в связи с постоянным притоком малообученного пополнения, — все это было признаком отрицательным. Здесь необходимо обратить внимание критиков выхода на Московскую дорогу в той части, когда они говорили, что Центральная Россия добровольцам ничего не даст. С этого момента, после неравных и изнурительных боев в Каменноугольном бассейне, они из малочисленных «цветных» полков превратятся в «цветные» дивизии трехполкового состава с хорошим количеством пулеметов и артиллерии, что дало им возможность бить многочисленные красные части до Орла включительно. И не вина Добровольческой Армии, что с этого рубежа, где решалась судьба всех Вооруженных Сил Юга России, самостийное течение все разложило у нее в тылу и что ее Командующий Армией генерал Май-Маевский погиб для нашего дела борьбы. Здесь была виновата не Россия, а просто такова была судьба ее национальных сил, против которых работали не только февральская революция и большевики Ленина, но и все наши так называемые союзники по первой Великой мировой войне. Полковник Левитов).

14 и 15 июня. 1-й батальон Корниловского Ударного полка полковника Гордеенко со взводом 1-й генерала Маркова батареи 15 июня со станции Беломестная повел наступление на с. Шляхово. После того, как красные были выбиты из ряда хуторов, селение Шляхово было взято, и отряд повел наступление на станцию Сажное. К вечеру Корниловцы соединились с батальоном 1-го Офицерского генерала Маркова полка со вторым взводом артиллерии, совместно взяли село Крюково и станцию Сажное, где 1-й и 2-й взводы 1-й генерала Маркова батареи соединились и вся батарея была придана Корниловцам.

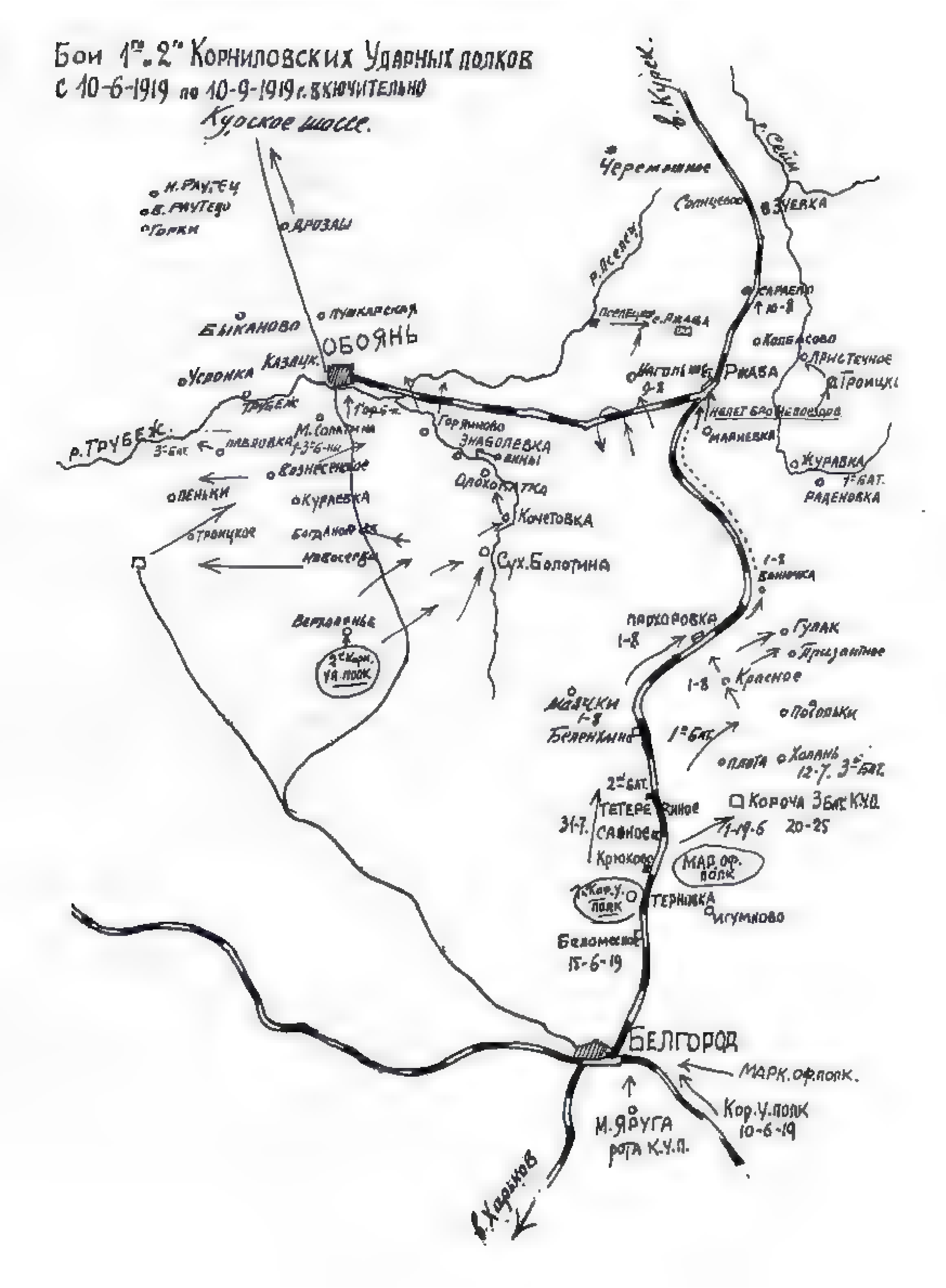
17-18 июня. По записям 1-го взвода 7-й гаубичной батареи от 17 июня взвод подошел во время боя к станции Сажное, но к вечеру Марковцы отошли, и взвод ночевал в селении Крюково. 18 июня 1-й Офицерский генерала Маркова полк взял с. Тетериново.

19 июня. 2-я Марковская батарея была придана 3-му батальону Корниловского Ударного полка и вместе они спешно выступили на город Короча, где обозначился сильный нажим красных. Сделав в один переход 50 верст, они заночевали в деревне Погореловка, — предместье города Короча.

20 и 21 июня. Противник большими силами повел наступление на г. Короча, но огнем артиллерии и контратакой 3-го батальона Корниловского Ударного полка был отброшен.

С 22 по 25 июня противник вел наступление на город, но всегда отбивался контратаками 3-го батальона и огнем артиллерии, оставляя убитых и раненых.

26 июня. С утра противник, как обычно, повел наступление с се-



Бои 1го 2го Корниловских Ударных полков
с 10-6-1919 по 10-9-1919 г. включительно
Курское шоссе.
в Курск
р. Сейм
Черемошное
Солнцево
Зуевка
Дроздовка
Обоянь
Быканово
Пушкарская
Казацк.
Усановка
р. Трубеж
Павловка
Вознесенское
М. Солотина
Пеньки
Курасовка
Троицкое
Кочетовка
Сух. Солотина
Горяиново
Знаменовка
Ржава
Сараево
Колбасово
Пристенное
Троицкое
Маяневка
Журавка
1й бат.
Раденовка
Прохоровка
1-8
Гулак
Призначное
Красное
Подольки
Холань
12-7. 3й бат.
Плота
1й бат.
Беленихино
2й бат.
Тетеревиное
Сабынино
Крюково
31-7.
Короча 3 бат. К.У.П.
20-25
Map. оф. полк
Кор. У. полк
Терновка
Игумново
15-6-19
Белгород
Марк. оф. полк.
Кор. У. полк
10-6-19
М. Яруга
рота К.У.П.
в Харьков

вера и с северо-запада на город. К 15 часам Корниловцы совместно с 1-м Офицерским генерала Алексеева конным полком его отбросили, после чего все разошлись по квартирам, и на позиции оставалась только артиллерия. Через непродолжительное время снова было замечено артиллерийскими наблюдателями наступление, артиллерия открыла огонь, спешно прибывший на подводах взвод Корниловцев в 15 человек двинулся по лощине и окончательно ликвидировал обход, взяв 70 человек в плен. Перешедшие было снова в наступление красные были отбиты атакой Корниловцев.

27 июня. Наступление противника было ликвидировано артиллерийским огнем.

28 июня. 3-й батальон Корниловского Ударного полка переходит в наступление, гонит противника и занимает с. Поповка, а затем и с. Платовец.

1 июля 1919 г. Вследствие неустойки у донцов на нашем правом фланге отряд отходит без давления противника в деревню Поповка.

2 июля. Батарея отходит в деревню Погореловка, Корниловцы же остаются в дер. Поповка, а также занимают село Катеево.

6 июля. 3-й батальон Корниловского Ударного полка с 4-й Марковской батареей перешел в наступление на с. Платовец. Вначале наступление развивалось успешно, но около 12 часов большевики пустили бронеавтомобили. Один из них прорвался к месту расположения передков батареи. Открыть по нему огонь было невозможно, так как там же находился резерв отряда. Корниловцы сначала опешили, но затем открыли пулеметный огонь и бросились в атаку. Броневик стал быстро отходить по дороге, которая проходила недалеко от батареи. Батарея открыла огонь и окончательно отогнала его. Попытки других броневиков приблизиться и прорваться сквозь цепи Корниловцев были отбиты огнем батареи. К вечеру Платовец был занят нами.

7 июля. 3-й батальон Корниловского Ударного полка был сменен 2-м батальоном 1-го Офицерского генерала Маркова полка, который расположился в деревнях Платовец и Поповка.

11 июля. 3-й батальон с приданным ему взводом 4-й батареи выступил ночью из города Короча на деревню Холань.

12 июля. 3-й батальон Корниловского Ударного полка занял дер. Холань, чем обеспечил правый фланг и установил связь с донцами. Оставив в Холань часть 1-го Офицерского конного полка, 3-й батальон вернулся в г. Короча.

Дальнейшие материалы излагаются по данным журналов боевых действий

Корниловских Ударных полков

Описание появления в Добровольческой Армии **2-го Корниловского Ударного полка**

Событие, которое не только Корниловцам, но и всем русским людям говорило о значении нашего выхода на большую Московскую доро-

гу, где мы надеялись получить поддержку, которая уже разрозненно пополняла наши большие потери, а теперь мы отмечаем вступление самостоятельной военной единицы, покрывшей себя в дальнейшем подвигами, достойными своего старшего брата, — 1-го Корниловского Ударного полка.

Во время обороны Каменноугольного бассейна, когда Корниловский Ударный полк в беспрерывных боях был обескровлен, по рапорту командира полка Главное Командование разрешило полку иметь свой запасный полк, который был создан главным образом из пленных, и он не только обучал их и пополнял наши ряды, но в критические минуты принимал участие и в боях. Теперь же Командование дало разрешение приступить к формированию действующего 2-го Корниловского Ударного полка. Для этой цели из запасного Корниловского полка выделяется батальон, которому было отведено место в бетонных казармах города Ростова на Дону. Командиром батальона назначается капитан Пашкевич, Яков Антонович. Им быстро был сделан удачный подбор лиц командного состава, и подготовка началась. Капитан Пашкевич, старый Корниловец, первопоходник, был начальником пулеметной команды в полку и отличался знанием боевого и строевого дела. С момента назначения его на формирование действующего полка он полностью отдается этому делу. Тогда нужно было быть не только хорошим организатором, так как деление нашей тыловой власти многому мешало. Так, например, мы от своих соратников Всевеликого Войска Донского не имели права принимать в свои ряды добровольцев и официально не могли ничего купить для обмундирования. Уменье все узнать и все согласовать помогло капитану Пашкевичу, а подобранный им кадр делал свое дело превращения сырого материала в Корниловцев. Психология запасного батальона скоро превратилась в настоящую подготовку формирования действующего полка. Если отбросить в сторону препятствия местного, тылового значения, то формирование протекало все же в благоприятных условиях.

После успехов на фронте, в частности у Корниловцев, большое количество пленных махновцев и красноармейцев направляются на формирование полка. Капитан Пашкевич не сторонится офицеров, перешедших к нам от красных, и усиленно собирает их. После взятия Харькова в Ростов прибывает до 350 офицеров из занятых мест, он испрашивает разрешение на набор офицеров из этой партии, едет сам к ним, набирает 240 офицеров и отправляет их к себе сразу же, не дожидаясь отзывов специальных комиссий по реабилитации. Полтора месяца усиленной работы и Ростов на Дону с изумлением отмечает появление вновь созданного полка, которому волей Главнокомандующего суждено было стать 2-м Корниловским Ударным полком. Родившись под счастливой звездой, имея такого командира-организатора и обладая колоссальным в сравнении с другими частями офицерским кадром, от полка только и ждали, как он покажет себя в боевой обстановке. Было много врагов формирования «цветных» полков, раздавались голоса, что в нем много красноармейского духа (тогда ведь добрая половина Армии не воевала, а сиде-

ла по тылам, «формировала» тоже и критиковала), но ничто не смущало кадр полка, и он работал не покладая рук.

19 июля 1919 года капитан Пашкевич доложил Командующему Добровольческой Армией генералу Май-Маевскому, что полк готов. Последовал приказ представить полк на смотр Командующему Армией. К назначенному дню почти весь Ростов собрался посмотреть на смотр молодого полка Командующим Армией. Полк построился в резервной ко-

Смотр 2-му Корниловскому Ударному полку
в г. Ростове генералом Май-Маевским.
X — командир Полка капитан Пашкевич, Яков Антонович.

лонне и своим грозным видом произвел внушительное впечатление. 1-й и 2-й батальоны были одеты в английское обмундирование с парусиновыми сапогами, а 3-й — в мешечное, все три были без шинелей. Офицерская сводная рота — в шинелях, но без эмблем, они были выданы им только после первых боев. Перед смотром приехала дочь Генерала Корнилова — Наталия Лавровна — с городским головой и благословила полк на ратный подвиг иконой св. Равноапостольного Князя Владимира, покро-

вителя 2-го Корниловского Ударного полка, день его празднования — 15 июля старого стиля.

Команда: «Смирно!», — прибыл Командующий Армией. Могущественный и молодецкий вид полка приводит Командующего Армией в восторг. Он говорит о борьбе с большевизмом и благодарит за отличный вид. Громкое «ура» было ответом на слово. В полку и в публике чувствовался сильный подъем духа. Смотр прошел отлично. Полк своим блестящим видом произвел действительно большое впечатление. Парад закончился скромным банкетом, где, по русскому обычаю, господа офицеры качали своего Командующего, а потом для того же передали его ударникам, что заставило капитана Пашкевича пережить несколько тяжелых минут: ведь у махновцев часто убивали ударом об землю, и этого все же побаивался командир, — в жизни все бывает, а особенно во время гражданской войны.

Генерал Май-Маевский сообщил, что полк должен будет принять участие в Курской операции.

13 июля из Корниловского Ударного полка прибыло 25 гг. офицеров для занятия некоторых командных должностей. Подбор этих 25 гг. офицеров 1-го Корниловского Ударного полка был сделан полковником Пешня, считавшимся заместителем командира полка полковника Скоблина, который и прибыл вместе с ними в Ростов, чтобы, как тогда говорили, принять 2-й полк. Однако Командование назначило полковника Скоблина на бригаду, полковника Пешня — на 1-й полк, а капитана Пашкевича, как создателя 2-го полка, утвердило в должности его командира.

Позже, когда к нашей бригаде под Орлом присоединился и 3-й Корниловский Ударный полк и было официально объявлено о наличии Корниловской Ударной дивизии, полковник Пешня вступил в исполнение обязанностей помощника начальника дивизии, а 1-й полк на законном основании принял полковник Гордеенко, Карп Павлович.

Во 2-м Корниловском Ударном полку командиром 1-го батальона был назначен поручик Левитов, командиром 2-го батальона капитан Щеглов и командиром 3-го батальона поручик Судьбинин.

Нельзя не отметить, что эта сдача готового уже состава полка вновь прибывшим прошла безболезненно. Не было даже и намека на нежелательность этого явления. 14-го было приказано приступить к погрузке.

15 июля началась погрузка. Из бетонных казарм, через Садовую улицу, полк направился на станцию грузиться. Пение отлично сколоченных рот, хотя и без шинелей, отличное вооружение и приличный духовой оркестр привели город Ростов в восторг, и публика устраивала овации. К вечеру полк тремя эшелонами отбыл на театр военных действий.

Полк сразу был поставлен на должную высоту и понятие в нем о долге и чести солдата стояло на должной высоте. Над воспитанием ударников неустанно работал кадр полка. Сам капитан Пашкевич и старые Корниловцы постоянно вели беседы с солдатами о России, о ее былом величии и теперешнем унижении, о целях и смысле борьбы, начатой Генералом Корниловым. Махновцы вели себя примерно. Не было случая, чтобы кто-либо продал выданную пару белья или другую принадлежность обмун-

дирования, они были всегда трезвы, исполнительны и добросовестно несли службу. По вечерам они собирались и пели песни. С особым подъемом пели «Кудеяра», должно быть относя к себе слова этой песни, и добровольческие.

КУДЕЯР

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан
Много добра понаграбили
Много зарыли в лесу.
Сам Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу...
В сердце разбойника лютого
Совесть Господь пробудил...

С особой любовью пели бывшие махновцы добровольческие песни:

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы — русские солдаты!

Мужайтесь, матери, отцы,
Терпите, жены, дети,
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.

В нас дух отцов — богатырей,
И дело наше право,
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

Не плачь о нас, святая Русь,
Не надо слез, не надо.
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада.

Вперед же, братья, на врага,
Вперед, полки лихие!
Господь за нас, мы победим,
Да здравствует РОССИЯ!

* * *

Естественно, что условия гражданской войны в России, разнородность состава полка, все это заставляло командный состав зорко следить и не убаюкиваться якобы хорошим настроением. Все ожидали массовых побегов в дороге, и этого же ждал сам командир полка. Надо заметить, что все нестроевые ударники не были обмундированы и что полк проезжал мимо родных мест доброй половины состава полка. Предположения эти частью оправдались. Недалеко от Харькова, из одного эшелона бросилось бежать на ходу поезда человек 10-12. Первыми заметили побег сами ударники и открыли по бегущим огонь. Поезд был остановлен, и большинство бежавших были задержаны в расположенной около полотна железной дороги деревушке, которая оказалась их родной деревней и куда, как они объяснили, они соскочили, чтобы взять белье и сапоги. Бежавшие были из числа необмундированных. Этот наглядный пример по-

казал, что работа кадра дала хорошие результаты и что все поставлено на должную высоту. Позже, за всю дорогу побегов не было.

Список командного состава 2-го Корниловского Ударного полка при выступлении:

Командир полка — капитан Пашкевич, начальник хозяйственной части — капитан Гавриленко, его помощник — поручик Мицкевич, полковой адъютант — капитан Гок. Командир офицерской роты — капитан Громыковский. 1-й батальон: командир батальона поручик Левитов, командиры рот: 1-й — прапорщик Казанский, 2-й — прапорщик Филиппов, 3-й — поручик Мирзаханов, 4-й — поручик Лелеков. 2-й батальон: командир батальона капитан Щеглов, командиры рот: 5-й — поручик Сгилев, 6-й — поручик Возовик, 7-й – поручик Вихма, 8-й — поручик Гринько. 3-й батальон: командир батальона поручик Судьбин, командиры рот: 9-й — штабс-капитан Галушко, 10-й — подпоручик Романовский, 11-й — поручик Романюк, 12-й — поручик Дмитриев.

Командир пулеметной роты поручик Лысань, начальник команды пеших разведчиков прапорщик Игнатьев, начальник команды конных разведчиков штабс-капитан Литвиненко, начальник команды связи поручик Бешенов, оперативный адъютант капитан Токарев, комендант полка поручик Егерь, заведующий оружием поручик Тельнов, старший врач доктор Косенко.

* * *

17 июля полк прибыл в г. Харьков, где предполагалось дожидаться прихода 1-го Корниловского Ударного полка, который должен был прибыть дня через два. Разместились в казармах Тамбовского пехотного полка.

20 июля. Прибыл 1-й Корниловский Ударный полк. Для встречи его было приказано 2-му Корниловскому Ударному полку построиться. Встреча была хорошая, радостная и... торжественная. Построился 2-й полк в центре города, развернутым строем. Издали донесся походный марш. Звуки нарастали. Показалась голова колонны. 1-й полк вел командир 1-го батальона полковник Гордеенко, Карп Павлович. Раздается команда 2-му Корниловскому Ударному полку: «Слушай на краул!» Винтовки замерли в руках ударников, оркестр заиграл встречный марш. 1-й Корниловский Ударный полк развернулся перед фронтом 2-го Корниловского Ударного полка. Полковник Гордеенко и капитан Пашкевич, держа шашки «подвысь», пошли друг к другу навстречу. Обнялись и расцеловались. Вернувшись на свои места, оба командира скомандовали: «К ноге» и «Стоять вольно!». Между фронтами сразу началась перекличка: здоровались, справлялись о друзьях. Чаще всего в ответ раздавалось: «Ранен», «убит». Явился старший Корниловец полковник Скоблин, а за ним и командир корпуса генерал Кутепов. Оба они пожелали молодому полку в его службе России быть достойным своего старшего брата, — 1-го Корниловского

Ударного полка. Настроение в полках было приподнятое, здесь каждый увидел и оценил действительную силу Корниловцев. Чины 1-го полка были рады увидеть такого мощного своего младшего брата, а кадр 2-го полка был счастлив показать своему родному полку результаты своих трудов. Подобного рода встреча имела большое воспитательное значение: 2-й полк увидел здесь своего старшего брата, только что вышедшего из боев, но лихого по виду и грозного по содержанию.

21 июля. Парад Корниловской Ударной бригаде. Резко выделяется 2-й Корниловский Ударный полк, так как 1-й полк к этому времени понес большие потери. Парад принимает генерал Май-Маевский. Командующий Добровольческой Армией сказал, что капитан Пашкевич назначается командиром 2-го Корниловского Ударного полка. Вечером в гостинице «Версаль» 2-й полк отпраздновал день своего выступления на фронт. На банкете присутствовал и командир корпуса генерал Кутепов с наштакором.

22 июля. Получено приказание 2-му Корниловскому Ударному полку грузиться и срочно прибыть на станцию Томаровка. Погрузка прошла быстро и к вечеру полк прибыл к месту назначения. Здесь узнали, что полк назначен в отряд генерала Третьякова, состоящий из 1-го и 4-го батальонов Марковского пехотного полка, Марковской инженерной роты, 10-го гусарского Ингерманландского полка и только что прибывшего на фронт вновь сформированного 2-го Корниловского Ударного полка.

Задача отряда: захватить железнодорожный узел, станцию Готня. По данным разведки у станции было четыре полка красных. Станция Готня, как железнодорожный узел, имела большое значение для фронта. По заданию нашему полку надлежало быть в резерве, а Марковцы должны были вступить в бой первыми, но по обстановке 2-й Корниловский Ударный полк первым вступил в бой. Ему было приказано в 5 часов начать движение через Томаровку вдоль полотна железной дороги, послав один батальон вправо для занятия селений Черкасское, Коровино и хутор Подымовка (был послан 1-й батальон), и сообразовать свое движение с ходом боя у Марковцев. Марковцы наступали левее нашего полка.

23 июля. На рассвете 2-й Корниловский Ударный полк походным порядком прошел через станцию Томаровка и к 6 час. 30 мин. сосредоточился на северо-западной окраине этого селения. Здесь, в будке железнодорожного сторожа находился генерал Третьяков с начальником его штаба, и сюда же прибыл командир 2-го Корниловского Ударного полка. Изменений в задании пока никаких не было. На левом фланге движения 1-го Офицерского генерала Маркова полка не замечалось. Марковцы или не торопились, или же продвигались без боя. Командир 2-го Корниловского Ударного полка все время был немного нервно настроен. Это было понятно, так как сегодня первое боевое крещение полка в бою с довольно туманной обстановкой. Генерал Третьяков приказал пустить в нашем направлении бронепоезд «Офицер». Медленно прошел он мимо нас и минут через пять скрылся из вида. Неожиданно раздался артиллерийский выстрел бронепоезда, послышалась ружейная, пулеметная и артиллерий-

ская стрельба. Бой начался. Полк спокойно расходился по-батальонно. На горизонте показался быстро скачущий в нашу сторону всадник. Подъезжает наш разведчик и докладывает командиру полка, что бронепоезд не может отходить и что его атакуют цепи красных и бронепоезда. Узнав обстановку, генерал Третьяков приказывает 2-му полку продвигаться самостоятельно и выручить бронепоезд «Офицер». С ним же случилось следующее: ему пришлось вступить в бой с отличным по боеспособности бронепоездом красных «Черноморец», который с первых же выстрелов сбил несколько вагонов вспомогательного поезда «Офицера» и, отрезав ему путь к отступлению, повел на «Офицера» атаку. На помощь «Офицеру» выехали «Иоанн Калита» и «Димитрий Донской». Большевики же в свою очередь тоже ввели в бой еще два бронепоезда. В направлении разъезда Бубны идет сильный бой бронепоездов. Бой усиливается, прибывают раненые. 2-й Корниловский Ударный полк идет вперед. По правую сторону железной дороги идет 2-й батальон, по левую — 3-й, направление на деревню Бубны, офицерская рота вдоль железной дороги. 2-й батальон с боем берет д. Герцовку и село Дмитриевку, 3-й с боем занимает д. Бубны, штаб полка с офицерской ротой и командой пешей разведки — в железнодорожной будке за разъездом Бубны. 1-й батальон без боя берет с. Черкасское и с боем Коровино. Потери: в 1-м батальоне убит ординарец командира батальона; трофеи: продовольственный склад. Во 2-м батальоне 1 убитый и 14 раненых; трофеи: два пулемета и кухня. В 3-м батальоне — 5 человек пленных. Итак, боевое крещение прошло отлично, задача на день выполнена. В этом бою с бронепоездами в книге «Корниловский Ударный полк» упоминается батарея полковника Петренко (6-я), которая потом, до конца гражданской войны остается со 2-м полком и отличается, как и вся Корниловская артиллерийская бригада, своей доблестной работой.

Кратко о формировании Корниловской артиллерийской бригады изложено в юбилейной книге Объединения Корниловского Ударного полка «Корниловцы». К глубокому сожалению, о работе Корниловских батарей будет говориться лишь в общих чертах, так как об их службе я не мог получить точных данных.

* * *

24 июля 1919 г. Бой за станцию Готня.

Противник обороняет станцию при поддержке трех бронепоездов. Наступали: 1-й батальон на хутор Подымовка, 2-й на с. Ракитное и остальной полк на ст. Готня. Фронтальной атакой станцию нельзя было взять, так как бронепоезда противника работали отлично. Справа в обход были пущены по лесу 9-я и 11-я роты и команда пеших разведчиков. Задача ими была выполнена отлично. Станция была атакована ими справа и в тыл, бронепоезда красных били на картечь по цепям, но испуганные работой разведчиков в тылу у себя и наступлением наших бронепоездов,

они отступили и ушли на станцию Юсупово. 1-й батальон без боя занимает хутор Подымовка, 3-й берет с боем Ракитное. Потери полка: несколько человек убитыми и 20 раненых. Трофеи: пленные и интендантские склады с обмундированием и несколько пулеметов.

Дни с 25 по 28 июля включительно описаны по данным Марковской артиллерийской бригады.

25 июля. 1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка в хуторе Подымовка, 2-й в с. Ракитное, 3-й — в Красная Яруга.

26 июля. 1-й в с. Раково, без боя, 2-й — в Ракитное и 3-й — на ст. Готня.

27 июля. 2-й батальон без боя в с. Бобровка, 1-й батальон — на старом месте, в с. Раково, к вечеру весь полк сосредоточивается в с. Бобровка.

28 июля. 2-й батальон без боя на ст. Юсупово, остальные части полка на старых местах.

29 июля. Ввиду общей перегруппировки 2-му Корниловскому Ударному полку приказано сосредоточиться в с. Дмитриевка. Перегруппировку полк делает под прикрытием 1-го батальона, которому приказано занять фронт: с. Яковлевка-шоссе, включительно, с. Раково исключительно. Перед выступлением полка из Бобровки — бой с наступающим противником, который был отбит, и полк к 3 часам ночи прибывает в с. Коровино.

30 июля. 1-й батальон занимает сторожевое охранение, а остальной полк переходит в с. Дмитриевка (Машино).

31 июля. Дневка. В 23 часа 1-му батальону приказано: «Сняться с линии сторожевого охранения».

Формирование 3-го Корниловского Ударного полка

С выходом Добровольческой Армии на Московскую дорогу фронт расширился и действующих полков было недостаточно. Формирование старых полков шло медленно и редко было удачным. Так, 4-я стрелковая дивизия, которой командовал в Великую войну генерал Деникин, на фронте гражданской войны просуществовала только 24 часа. Главное Командование решило развернуть цветные бригады в дивизии трехполкового состава, но без кавалерийского полка при дивизии, как это было в красной армии. 3-й Корниловский Ударный полк был сформирован в Харькове, для чего туда был прислан из запасного Корниловского полка учебный батальон из четырех рот и пулеметная команда. Командиром полка был назначен есаул Милеев. Его служебную деятельность резко критикуют, а потому я помещаю здесь печатные и письменные о нем отзывы. В книге «Корниловский Ударный полк» о нем говорится так:

«Был он родом из оренбургских казаков, и степная кровь сказывалась во всем: в бою он был исключительно храбрый офицер, но жестокий и беспощадный, струсившего человека он мог убить на месте, в мирной же обстановке был человеком разгульным и совершенно безудержным. С дисциплиной считался мало и своему начальству мог наговорить ка-

ких угодно дерзостей. Был ярым республиканцем. Как исконному Корниловцу, ему многое сходило с рук, но не обладая достаточным для командира полка авторитетом, он не смог поднять на должную высоту боеспособность своего полка и в конце концов был отставлен от командования полком. Милеев запил, а в Крыму, потрясенный Севастопольской эвакуацией, застрелился».

Для моих материалов по истории Корниловского Ударного полка было получено на мое имя письмо от полковника Рябинского с опровержением вышеизложенного. Полковник Рябинский в подробном описании быта и блестящей работы пулеметной роты есаула Милеева в 1-м Кубанском Генерала Корнилова походе, будучи его помощником, вместе с блестящим вообще отзывом о нем отзывается о своем командире с самой лучшей стороны. Позволю себе и я, как участник первого похода, засвидетельствовать исключительную жертвенность нашей пулеметной роты, которая, помимо отменной стрельбы, дала большой процент застрелившихся тяжело раненных, не желавших заполнять собой санитарный обоз, что тогда считалось высокой жертвенностью части.

В ответ на аттестацию есаула Милеева в книге «Корниловский Ударный полк» поступил на имя Возглавляющего Объединение чинов полка протест от адъютанта 3-го Корниловского Ударного полка капитана Патронова, Александра Федоровича, который пишет:

«Никто из Корниловцев не мог знать есаула Милеева лучше, чем знал его я. Есаул Милеев, офицер Оренбургского казачьего атамана Нагого полка, убедившись в полном развале своего полка, поступил в Могилеве в Корниловский Ударный полк младшим офицером в 8-ю роту. До моего прибытия в Корниловский Ударный полк в декабре 1918 года есаул Милеев сдал пулеметную роту подпоручику М. Сумайстортичу, приняв должность полкового адъютанта, каковым оставался вплоть до формирования 3-го Корниловского Ударного полка в Харькове. В бытность мою в 3-м Корниловском Ударном полку в должности командира офицерской роты, а потом полкового адъютанта, я сошелся с есаулом Милеевым очень близко. Его послужной список хранился у меня до 1944 года. Николай Васильевич, кадровый офицер, с высшим образованием, умный и чрезвычайно храбрый, любил выпить, как и большинство из нас, грешных, но был далеко не пьяницей, в бою всегда бывал спокоен, но решителен. Был он весьма честен и заботлив в отношении своих подчиненных. Это видно хотя бы из того, что все семьи офицеров и солдат, очутившиеся в Харькове без приюта, имели квартиру, пищу и одежду за счет полка, а офицеры, зачисленные в кадр полка, получали форму полка бесплатно. На первом же общем собрании гг. офицеров решено было преследовать самоснабжение, то есть грабеж мирного населения. Есаул Милеев был монархистом, как и большинство Корниловцев».

Из уважения к памяти старейшего Корниловца — есаула Милеева — я так подробно остановился на оценке его службы в книге «Корниловский Ударный полк» и к этому добавляю, что я сам знаю о нем: его послужной список говорит, что он был патриот, сразу же вступивший в

борьбу за честь России по призыву Генерала Корнилова, доблестный офицер, занимавший ответственные должности в полку: командира пулеметной роты и адъютанта, где требуются технические знания и хорошее общее образование. Если он при наличии в Корниловской Ударной бригаде более старших его в чине был выдвинут на должность полкового адъютанта и потом командира 3-го Корниловского Ударного полка, то, значит, начальство считало его достойным. Отвечать за дисциплину полка с месячной подготовкой — это абсурд. Что касается политических взглядов, то мы придерживались общего положения и не говорили об этом никогда.

Командир 3-го Корниловского Ударного **полка**
Есаул Милеев.

При отступлении из-под Орла я временно был назначен на его место и слабость полка видел не в лице есаула Милеева, а в общей обстановке, сложившейся для нас неблагоприятно. Тогда же в Орле я видел, как есаул Милеев расправился с теми, кто разбазаривал брошенный большевиками склад. Полковник Левитов.

Помимо учебного батальона из четырех рот, на формирование 3-го

Корниловского Ударного полка из 1-го Корниловского Ударного полка прибыли офицеры из 1-й офицерской имени Генерала Корнилова роты. Есаул Милеев в несколько недель сформировал полк, и 25 июля 1919 г. был отслужен молебен о ниспослании благополучия вновь сформированному полку. После молебна командующим полком была произнесена речь, призывающая офицеров и ударников к честному исполнению заветов Шефа полка Генерала Корнилова и особенно настаивающая на том, чтобы каждый чин полка проникся бы сознанием неприкосновенности чужого имущества, ибо лишь бескорыстным отношением к населению занимаемых областей Армия привлечет на свою сторону симпатии народа, с помощью которого мы добьемся скорейшего освобождения Родины от власти большевиков. Он призывал офицеров всюду и всегда подавать пример своим поведением и требовал неуклонного исполнения сего правила, как краеугольного камня будущего полка, обещая с своей стороны приложить все силы к тому, чтобы дать офицеру и солдату все необходимое, чтобы у них не было предлога незаконно брать у жителей недостающее.

26 июля был отдан приказ по формируемому 3-му Корниловскому Ударному полку с назначением офицеров на должности и объявлен офицерский кадр полка:

Есаул Милеев, Николай Васильевич, — командир 3-го Корниловского Ударного полка; штабс-капитан Голубятников, Виктор Петрович, — помощник командира полка; прапорщик Сосновский, Сергей Леонидович, — начальник хозяйственной части; прапорщик Зюков, Евгений Васильевич, — адъютант полка.

1-й батальон: штабс-капитан Старцев, Виктор Алексеевич, — командир батальона; поручик Андрианов, Павел Семенович, — командир 1-й роты; младшие офицеры: прапорщик Кузьминский, Владимир Савельевич, прапорщик Араповицкий, Владимир Алексеевич, прапорщик Бугаевский, Платон Димитриевич. Поручик Бондаренко, Григорий Николаевич, — командир 2-й роты; младшие офицеры: поручик Тагрин, Николай Александрович, прапорщик Потрясов, Павел Петрович, прапорщик Хлистунов, Николай Иванович. Поручик Панфилов, Георгий Иванович, командир 3-й роты; младший офицер: поручик Буц, Александр Федорович. Штабс-капитан Крутин, Иван Иванович, — командир 4-й роты; младшие офицеры: прапорщик Звоник, Михаил Иванович, прапорщик Полищук, Яков Антонович, прапорщик Иларионов, Яков Александрович.

2-й батальон: поручик Франц, Игнатий Игнатьевич, — командир батальона; поручик Рудаков, Сергей Сергеевич, — командир 5-й роты; младший офицер прапорщик Пушкаревич, Виктор Владимирович. Поручик Шленчак, Андрей Яковлевич, — командир 6-й роты; младший офицер Гришковский, Николай Яковлевич. Штабс-капитан Абрамов, Степан Григорьевич, – командир 7-й роты; младшие офицеры: поручик Ноздрин, Александр Григорьевич, прапорщик Дурнев, Борис Константинович. Штабс-капитан Подпорин, Николай Ефимович, – командир 8-й роты;

младшие офицеры: подпоручик Красновский, Иосиф Станиславович, прапорщик Квятковский, Григорий Яковлевич.

3-й батальон: штабс-капитан Скударев, Василий Алексеевич, — командир батальона. Подпоручик Тер-Саркисьян, Григорий, — командир 9-й роты; младший офицер подпоручик Добрышев. Прапорщик Середин, Федот Демьянович, — командир 10-й роты; младшие офицеры: подпоручик Протопопов, Николай Георгиевич, прапорщик Тимашев, Борис Васильевич, поручик Сушинский-Зеленюк, Павел Петрович. Подпоручик Малиновский, Леонард Космович, — командир 11-й роты; младший офицер прапорщик Матвеев, Георгий Иванович. Поручик Рекке, Андрей Фомич, — командир 12-й роты; младший офицер прапорщик Свищев, Леонид Николаевич.

Генерал Кутепов на молебне 3-го Корниловского Ударного полка в Харькове перед отправкой на фронт.

Пулеметная рота: подпоручик Малич, Степан Петрович, — командир роты; командиры взводов: подпоручик Патронов, Александр Федорович, подпоручик Дункель, Сергей, подпоручик Малышев, подпоручик Попов, Константин, подпоручик Мациота, Иван Тимофеевич.

Штабс-капитан Стржалковский, Владислав Станиславович, — начальник команды разведчиков; подпоручик Румнек, Владимир Карлович, — оперативный адъютант; подпоручик Заяц, Петр Гордеевич, — начальник команды связи; прапорщик Соболев, Николай Иванович, — комендант полка; подпоручик Доценко, Сергей Антонович, — командир нестроевой ро-

ты; подпоручик Коваль, Яков Никифорович, – квартирмейстер полка; чиновник военного времени Т. М. Верещагин – делопроизводитель хозяйственной части; чиновник военного времени Закопайло — казначей полка; чиновник военного времени А. Ив. Павловский — заведующий оружием.

В начале формирования полка особое внимание было обращено на улучшение быта офицеров и ударников. Самым тяжелым вопросом было обмундирование прибывающего пополнения из красноармейцев, которые были, буквально, без одежды и обуви. Особым успехом в этом направлении увенчались труды дочери нашего Шефа полка Генерала Корнилова, — Наталии Лавровны.

18 августа 1919 года был торжественно отпразднован полковой праздник. На Конной площади в Харькове, в присутствии Командующего Добровольческой Армией генерала Май-Маевского и командира корпуса генерала Кутепова был отслужен молебен, после которого состоялся парад полку. Обстановка на фронте требовала присутствия свежих частей и потому **19 августа** 1-й батальон в составе 200 штыков, под командой помощника командира полка штабс-капитана Голубятникова с командиром батальона штабс-капитаном Буракевичем был отправлен в распоряжение командира 1-го Корниловского Ударного полка на станцию Ржава.

23 августа. 1-й батальон 3-го Корниловского Ударного полка посылается на ликвидацию группы красных, прорвавшихся от г. Обоянь, для чего 1-я и 2-я роты с бронепоездом гонят противника у разъезда Ельниково, а 3-я и 4-я роты, посланные к деревне Новая Ольшанка, приняли на себя отходящего противника и довершили его разгром. Около 800 пленных, пулеметы и другое военное имущество были трофеями этого дня.

* * *

1 августа 1919 года. Общее положение на фронте Добровольческой Армии: наступление на линии Псел-Сейм и ликвидация прорыва красных в направлении гг. Купянск-Волчанск-Н. Оскол.

С этого только времени упоминается о Корниловском артиллерийском дивизионе полковника Роппонет, который потом развернется в Корниловскую артиллерийскую бригаду. В Корниловский артиллерийский дивизион в это время входили: 5-я и 6-я легкие батареи и 8-я гаубичная батарея полковника Джаксона. Поэтому с 1-м Корниловским Ударным полком по-старому работали батареи Марковской артиллерийской бригады.

* * *

1-й Корниловский Ударный полк с 1-й и 2-й Марковскими батареями — в районе станции Сажное-Волобуевка.

80-й пехотный Кабардинский полк с 6-й батареей — в промежутке

между 1-м и 2-м Корниловскими Ударными полками по линии узкоколейной железной дороги станция Сажное-г.Обоянь.

2-й Корниловский Ударный полк со взводом 7-й гаубичной батареи, 5-й батареей и 2-й батареей тяжелого артиллерийского дивизиона полковника Шмидта — с. Дмитриевка.

1-й Офицерский генерала Маркова полк в резерве, части его — в гг. Белгород-Короча.

1-го августа началось наше общее наступление.

За время Белгородского стояния части Добровольческой Армии отдохнули и теперь легко разбивали сопротивление большевиков. Части не только отдохнули, но и пополнились и собственными усилиями смогли создать при полках запасные батальоны, из которых в свою очередь стали появляться второочередные полки одноименного названия. Первым из них вышел на бранное поле 2-й Корниловский Ударный полк капитана Пашкевича, достойный своего старшего брата, 1-го Корниловского Ударного полка, имевший в своих рядах, как исключение в то время, офицерскую роту большого состава, за Курском развернувшуюся в батальон трехротного состава в 750 офицеров, который просуществовал до конца войны.

5 и 6 августа обозначился прорыв красных на стыке Добровольческой и Донской Армий. Красная конница заняла Валуйки и впоследствии угрожала Купянску, Волчанску, Белгороду и даже Харькову. Пришлось временно отказаться от наступления и сосредоточить силы на правом фланге для ликвидации прорыва. Войска перешли к активной обороне линии рек Псел и Сейм.

1 августа 1919 г. Согласно общей диспозиции на 1-й Корниловский Ударный полк с двумя батареями возлагалось овладение станцией Прохоровка и прилежащим к ней селом Беленихино.

1-му его батальону и 1-й генерала Маркова батарее, составлявшим правую колонну полка, было приказано: заняв к 11 часам 31 июля исходное положение на северной окраине села Шахово, ночью выступить через хутора, последовательно заняв сс. Доброй Надежды, Красное и Подольска. В последнем войти в связь с частями 2-го батальона Партизанского генерала Алексеева полка, после чего, повернув на северо-запад, выйти на линию станции Прохоровка, содействовать колонне 3-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка для атаки последней и одновременно занять с. Признанное, лежащее к востоку от станции.

Принимая во внимание, что батальону в течение суток предстоит переход в не менее чем 40 верст, командир батальона полковник Горденко предполагал с рассветом посадить пехоту на обывательские подводы. Ночью же батальон шел в колонне, поддерживая связь отдельными людьми с соседями слева. Пройдя селение Добрая Надежда к рассвету 1 августа батальон был неожиданно обстрелян ружейным и пулеметным огнем с восточной окраины с. Плота, куда направлялся 3-й батальон.

Коротким ударом противник был отброшен в село, в котором и был окончательно разбит вошедшим туда 3-м батальоном. Отряд же полков-

ника Гордеенко, захватив 2 пулемета и около ста человек пленных, продолжал движение через Новоселовка-с. Красное. Подходя к последнему, головной разъезд донес, что к северной окраине села приближаются красные, силой до полка. Батарея вместе с командующим отрядом и батальонными ординарцами рысью проскакала село и, снявшись с передков на противоположном конце села, открыла огонь. Противник, быстро развернувшись в цепи, бегом продвигался к селу, сосредоточив весь свой огонь на крайних мельницах, где находился наблюдательный пункт батареи. Несмотря на то, что раненый пулеметчик батареи продолжал отбивать красных, батарея была вынуждена оттянуть орудия в улицу, где и продолжала отстреливаться до подхода своей пехоты. Первая из прибывших рот сразу же перешла в контратаку и отбросила ближайшую цепь за мельницы. Отступив, красные залегли и начали окапываться. Ввиду того, что по звуку доносившихся выстрелов бой на левом фланге полка происходил значительно южнее, полковник Гордеенко решил атаковать противника с подходом 3-го батальона. К полудню прибыли роты 3-го батальона.

С первыми выстрелами батареи цепи ударников, поднявшись во весь рост, бросились с криком «ура» и смяли красных. Пытавшаяся отразить их огнем 6-орудийная красная батарея, не успев закончить пристрелки, была обнаружена и приведена к молчанию 1-м взводом нашей батареи. Спустя некоторое время, при движении вперед, на бывших позициях красной батареи был найден разбитый снарядом задний ход зарядного ящика. Несмотря на то, что во время атаки противник потерял пленными около 200 человек, цепи его отступали в относительном порядке вплоть до с. Подолька, где после удачного обхода нами его правого фланга, противник бросился в беспорядочное бегство. Вступив в село и пройдя площадь, батарея услышала несколько залпов на восточной стороне. Через несколько минут выяснилось, что спасавшиеся бегством за реку красноармейцы наткнулись на роту 2-го батальона Партизанского имени генерала Алексеева полка. 1-й батальон Корниловского Ударного полка продолжал преследование главной массы красных, уходящих на север; поэтому, согласно общей диспозиции, пришлось выделить взвод прикрытия для 2-го взвода батареи, оставленного для содействия 3-му батальону Корниловского Ударного полка, наступавшему на станцию Прохоровка. 1-й батальон Корниловского Ударного полка с 1-м взводом 1-й батареи, следуя через ряд хуторов, вышел на столбовую дорогу Холодное-Признанное-Прохоровка значительно восточнее с. Признанное, в котором собрались остатки красной стрелковой бригады. Вечером, после короткого боя в селе Признанном, части расположились на ночлег.

После описания действий **правой колонны полка** в составе 1-го батальона с 1-й офицерской батареей имени генерала Маркова, следует описание действий левой колонны, куда входили 2-й батальон и 2-я батарея Марковцев. Между обеими колоннами шел 3-й батальон Корниловского Ударного полка.

Левая колонна наступала из деревни Тетеревино, западнее железно-

дорожной линии Белгород-Курск. Отряду были приданы три бронепоезда. Полку ставилась задача выйти в первый же день на линию станции Прохоровка. Для использования элемента внезапности движение началось в 24 часа 31 июля. Обе колонны действовали довольно самостоятельно. Левая колонна двигалась беспрепятственно по дороге, параллельной железнодорожному полотну с запада. У разъезда Беленихино на рассвете наткнулись, по-видимому врасплох, на красных. Произошел короткий бой. Красные не выдержали огня и обратились в бегство, отступая главным образом на с. Малая Маячка. Батальон и 3 орудия продолжали движение вдоль полотна железной дороги. Сопротивлялся лишь красный бронепоезд, но наша артиллерия отогнала его. Станция и село Прохоровка были заняты почти без боя. В селе Прохоровка были захвачены значительные резервы красных, частью еще спавших по квартирам. Быстро пройдя селение, колонна столкнулась с сомкнутыми частями красных. Произошел короткий бой. Противник был настолько близко, что батарея сразу открыла огонь «на картечь», заработали и пулеметы. К вечеру был занят и хутор Вонючий, где и расположились на ночлег, пройдя в течение дня с боем около 30 верст. Приданные отряду бронепоезда, пользуясь замешательством красных, совершили в тот же день налет на станцию Ржава, откуда вывели несколько груженых эшелонов. По данным разведки, против 1-го Корниловского Ударного полка действовали 78-й, 79-й, 80-й и 81-й советские стрелковые полки с бронепоездами.

2-й Корниловский Ударный полк

1-й батальон полка к 4 часам сосредоточился в с. Раково. Остальной полк на старом месте, в с. Дмитриевское.

Полк выступил двумя колоннами: правая — 2-й и 3-й батальоны, офицерская рота и команды с 5-й и тяжелой батареями; левая — 1-й батальон и 1-й взвод 7-й батареи.

Получен приказ о наступлении на город Обоянь

Правая колонна выступила в 2 часа и должна была наступать по линии: с. Верхопение-Сухая Солотина-Кочетовка-Богдановка и Бурсовки. **Левая колонна** выступила в 4 часа через Меловое, д. Новоселовка, м. Богатое на д. Ивня (Троицкое с сахарным заводом).

Правой колонне противник оказал сопротивление только в селах Верхопение и Сухая Солотина. Потери полка здесь были 10 человек ранеными. Левая колонна (1-й батальон) встретила и разбила противника у с. Меловое, ворвавшись на плечах отступающих в окопы у с. Новоселовка и благодаря этому легко ликвидировав обход правого фланга от с. Новенькое. Разогнав обходящие цепи артиллерийским и пулеметным огнем и выбив противника из местечка Богатое, 1-й батальон через Новенькое наступал на с. Ивня и взял его с боем, отбросив противника на Курсавку.

Занятие села Троицкое (Ивня) оказалось, по-видимому, неожиданным для красных. В самом селе был задержан какой-то конный и судя по то-

му, что его сопровождали несколько ординарцев и по его внешнему виду можно было предположить, что он занимал какой-то командный пост. В течение ночи в селение приехали два-три разъезда красных с донесениями и приказаниями. Из рассказов всех этих пленных и из бумаг, захваченных у них, выяснилось, что значительные силы большевиков (как будто бы даже латышская дивизия) ночевали в с. Пены, верстах в 12 к западу от Ивня. Непосредственно же перед 1-м батальоном находилась кавалерийская бригада противника. Ночь прошла в ожидании налета. Положение колонна ухудшалось тем, что в течение ночи не удалось установить связи с полком (с правой колонной).

На ночлег полк (**правая колонна**) расположился в с. Сухая Солотина, а 1-й батальон (**левая колонна**) в с. Ивня (Троицкое). Переход более 43 верст.

1-й Корниловский Ударный полк

2 августа. Согласно полученному приказу 1-му батальону и батарее вновь предстояло пройти более 40 верст. Полковник Гордеенко решил отказаться от передвижения на повозках, так как подводчики-крестьяне в один голос заявили, что дорога будет проходить по бесконечным оврагам и балкам. Оставив обозы до распоряжения в с. Признанное, отряд по очень плохой дороге спустился на хутор Гусак, откуда навстречу ротам стали выходить сначала одиночки, а затем целыми группами безоружные красноармейцы. За час сдавшихся оказалось более 200 человек. Пленных собирали в команды, назначали из них старшего, которому выдавалась записка в штаб полка, и направляли их на станцию Прохоровка. На переходе между деревнями Камышевка и Сагайдачное из балки вышли сразу человек полтораста во главе с каким-то стариком-почтовым чиновником, который нес на палке маленький национальный флаг, а группа пела «Коль славен...» Под впечатлением этого случая, когда отряд беспрепятственно двигался, полковник Гордеенко отправил ординарца в обоз с приказанием выступать прямой дорогой в село Журавка, конечный пункт дневного перехода, но едва отряд успел спуститься в балку и втянуться в расположенное на дне ее с. Радьковка, как совершенно нежиданно начался пулеметный и ружейный огонь. Роты рассыпались в цепь и стали взбираться наверх. За отсутствием места только один взвод батареи мог стать на позицию. Тем временем батарейные разведчики, открыв ворота соседнего двора в надежде устроить на крыше дома наблюдательный пункт, стали вдруг быстро снимать винтовки — весь двор и хата были переполнены вооруженными красноармейцами. Заметив переполох, один из разведчиков-артиллеристов бросил во двор гранату. Раздался взрыв, и ошеломленные красноармейцы побросали винтовки, которые и были подобраны артиллеристами. Вскоре улица наполнилась пленными, которых для безопасности перевели во двор и выставили батарейный пулемет. Тем временем бой стал затихать, красные частью сдались, частью поспешно отступили на с. Журавка. По выходе отряда из селения было получено сообщение, что обоз в пути подвергся нападению противника возле ху-

тора Скоров и д. Журавка. Высланная на подводах рота собрала только часть обоза. Был убит заболевший прапорщик Евтушевский. Вместе с обозом отряд подошел к деревне Журавка и после короткого боя закончил разгром советского 79-го стрелкового полка.

2-й Корниловский Ударный полк

2-й батальон полка продолжал выполнение вчерашнего задания: идет в обход города Обоянь с северо-востока, через Кочетовку, Софроновку и Ольховатку, которую берет с боем. 3-й батальон со штабом полка, офицерской ротой и командами переходит в конечный пункт вчерашнего задания, с. Курсавку. 1-й батальон с утра приступает к выполнению приказа на 2 августа и для этого движется на Обоянь через село Павловку, но около Павловки получает приказ вернуться, **так как остальной полк только выходит на линию, и стать в селе Курсавка вместе со штабом полка.**

Из села Павловка стрельбы не было и присутствия противника на окраине не замечалось. Ночлег полка: 2-й батальон — с. Ольховатка, остальной — Курсавка, вместе со штабом полка. Опросом жителей из Обояни установлено, что к Обояни будто бы подходят со стороны Курска свежие части пехоты с Сибирского фронта.

1-й Корниловский Ударный полк

3 августа. 1-й его батальон получил задачу оказать поддержку левому флангу Партизанского имени генерала Алексеева полка при занятии последним сел Троицкое и Плосское. После занятия Пристенного отряд должен будет следовать на северо-запад вдоль течения реки Дон-Сеймица на село Прилепы и выйти к селу Колбасовка, лежащему вдоль полотна железнодорожной линии Белгород-Курск, севернее станции Ржава, и таким образом облегчить наступление левой колонны 1-го Корниловского Ударного полка. В пути, из опроса жителей было установлено, что в селе Пристенном находится только обоз под прикрытием роты пехоты. Поэтому начальник отряда просит командира батареи обратить главное внимание на мост через реку Дон-Сеймицу и по возможности уничтожить его. Совершенно случайно движение отряда было обнаружено разъездом красных. Посадив одну роту на повозки и взяв с собой взвод батареи, полковник Гордеенко быстрым аллюром подошел к Пристенному и, не ожидая подхода Партизан, атаковал село. Взвод батареи легко справился с возложенной на него задачей и несколькими гранатами уничтожил мост, произведя панику среди переправляющихся обозов. Паника распространилась и на пехотное прикрытие. Воспользовавшись повозками, оставшимися на левом берегу реки, красноармейцы начали сбрасывать с повозок имущество и покидать село на телегах. Оставив одну полуроту до подхода Партизан к селу Троицкому и послав приказание остальному отряду изменить направление в пути, полковник Гордеенко со взводом артиллерии и полуротой бросился преследовать противника, уходящего в

село Прилепы. Захваченные в плен красноармейцы сообщили, что обозы принадлежат пехотной бригаде трехполкового состава, которая 1 августа была спешно переброшена из Курска на ст. Солнцево. Вместе с подошедшими силами отряд атаковал Прилепы, и после упорного боя красные были отброшены на хутора, разбросанные среди труднопроходимой низины. Отходя, они уничтожили мост через маленькую, болотистую реку.

После двухчасового привала, оставив в селе одну роту, остальная часть отряда выступила на село Колбасовка, которое после незначительной перестрелки было взято. Заняв двумя ротами и взводом батареи позицию фронтом на юго-запад, в сторону станции Ржава (Клейнмихелево), на случай появления оттуда противника, полковник Гордеенко предоставил в распоряжение командира батареи полуроту пехоты для продвижения в сторону разъезда Сараево с целью уничтожения красного бронепоезда, оборонявшего станцию Ржава. Бронепоезд уже был, очевидно, кем-то предупрежден с разъезда по телефону, так что, едва успев спуститься к полустанку и стать на позицию, взвод должен был открыть огонь по идущему на всех парах с юга бронепоезду. Первая граната 4-го орудия попала в орудийную площадку, вслед за ней 1-ое орудие разбило пулеметный вагон. Бронепоезд продолжал путь, осыпая взвод из пулеметов. Следующая граната в 4-ом орудии заклинилась. Бронепоезд уже скрылся в ложбине, в то время как второй гранатой 1-го орудия была сбита труба на паровозе. С разъезда Сараево навстречу подбитому бронепоезду подошел паровоз и, взяв его на буксир, потянул к станции. Несколько дней спустя одним из крестьян было доставлено письмо на имя «начальника батареи», в котором команда красного бронепоезда в клятвенно-ругательной форме заверяла, что отомстит батарее за гибель своего командира и товарищей. Поздно вечером со станции Ржава было получено приказание, чтобы с рассветом 4 августа один из взводов батареи прибыл в расположение полка.

3-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка с приданной ему 2-й Марковской батареей с боем занял село Нижняя Ольшанка и двинулся на село Нагольное. Перейдя с боем линию железной дороги ст. Ржава-Обоянь и заняв с. Нагольное, Корниловцы начали выходить на северную окраину села, где были атакованы значительными силами противника. Нагольное, довольно большое село, было во многих местах перерезано оврагами. Батальон Корниловцев, небольшого состава, разбился на две части. Не выдержав натиска противника, Корниловцы стали быстро отходить. Красными было взято одно орудие, и для его спасения Корниловцы перешли в контратаку. Но силы были неравны, и они отступили. Ночевали в селе Нижняя Ольшанка.

2-й Корниловский Ударный полк

Полку было приказано взять г. Обоянь. Для выполнения этой задачи 2-й батальон должен был наступать на Обоянь с северо-востока, через Шипы на станцию Кравцово (по линии железной дороги Ржава-Обоянь)-д.

Бобрищево. Офицерская рота — по шоссейной дороге, а остальной полк с северо-запада, через сс. Павловку, Услонку, Трубеж и Казацкая Слобода. 2-й батальон дошел с боем до д. Бобрищево и за отсутствием связи с полком идти на Обоянь не смог. Офицерская рота подошла к окраине города, но мост через реку Илек был разрушен и поэтому переправиться на ту сторону было невозможно. 1-й и 3-й батальоны встретили противника в селе Павловка, около моста через Псел. В голове полка шел 1-й батальон. Он быстро сбил охраняющие мост части противника и при поддержке лихо работавшей артиллерии, под огнем пулеметов противника быстро пробежал мост, сбил противника с занимаемой им позиции и занял вторую половину села Павловка. Оставив 2-ю роту около переправы для прикрытия движения полка на запад, 1-й батальон продолжал наступление на Обоянь через дер. Услонка. Эту деревушку противник занял полком сибирских стрелков и, по-видимому, не думал ее отдавать, так как по буграм повсюду бегали телефонисты и проводили линии для артиллерийских наблюдательных пунктов. При поддержке нашей артиллерии, выехавшей прямо на открытые позиции, батальон легко сбил противника с окраин села, но в самом селении и по огородам завязался жестокий рукопашный бой. Противник приспособил для обороны церковь, большие кирпичные дома и большие огороды с каменными заборами. Ручных гранат в полку не было, и потому каждое такое укрепление приходилось брать атакой в штыки. Бой был настолько жестоким и лихим, что в одном только дворе только что взятого укрепления мной (командиром батальона поручиком Левитовым) с командиром полка (капитаном Пашкевичем) было насчитано 39 убитых красных и четверо наших. Здесь главным образом отличились пулеметчики-махновцы, про которых я не раз упоминал, как о больших специалистах этого рода оружия.

Обстановка сложилась так, что с втягиванием боевого порядка в село было нарушено движение, — никому не хотелось прыгать через заграждения огородов, а потому большая часть моего батальона двигалась вместе с резервом по дороге села, противник здесь себя не обнаруживал, но при подходе к церкви мы просто нарвались на ружейный и пулеметный огонь из укреплений прямо в упор. Наша неосторожность послужила нам в данном случае на пользу: она собрала сильный кулак для атаки вместе с пулеметами. Это стадное чувство при победном движении автоматически бросило всех нас в атаку прямо на центр, и получился чистой воды «наш ударный прием». Но так как нас все же было мало в сравнении с массой свежих сибирских стрелков, то этот недочет, глазом не моргнув, восполнили лихие пулеметчики-махновцы, покрыв всю штыковую свалку огнем своих пулеметов прямо с тачанок. Сила нашего удара была настолько молниеносна, что его не выдержали и свежие части красных, — мало кто из них укрылся от нашего губительного огня с близкой дистанции. Потери у них были исключительно большими. В этой каше пострадали от нашего пулеметного огня и свои: одному командиру роты пробили руку, помощнику командира другой роты пробили нос, и несколько ударников получили ранения. Наш успех в центре укреплений

быстро сломил сопротивление и на флангах, и при поддержке 3-го батальона Услонка и прилегающие высоты были очищены от красных, и полк продолжал наступление. Перед селением Трубеж противник пытался задержаться, но и здесь был отброшен. Цепи 1-го батальона без выстрела входили в Казацкую Слободу — окраину города. Все думали, что противник оставит город. Наши дозоры дошли до площади Свободы, но при дальнейшем продвижении к Курскому шоссе и к городу наткнулись на засевшего противника. Снова начался уличный бой. Красные впервые стали здесь применять уличные бои с применением укрепленных пунктов из церковных оград и крепких построек. В это время наша артиллерия обстреливала уходивший на Курск обоз, а левый фланг цепи перерезал Курское шоссе, отрезав санитарный обоз красной дивизии. Из-за первых баррикад и заборов противник был выбит с большими для него потерями, но дальнейшее продвижение затруднилось глубокими оврагами с крутыми берегами, которые шли как раз параллельно нашему фронту.

К этому времени 2-я рота, оставленная заслоном у переправы в с. Павловка, завязала бой с противником и довольно удачно отбила его наступление. Одновременно было обнаружено наступление противника и с северо-запада, по Курскому шоссе. Полк был, фактически, прижат к реке Псел. Наступление со стороны Курска отбивалось с большим трудом. Было решено атаковать город и соединиться, таким образом, со своим тылом. Город расположен в центре слияния двух рек, так что и с севера необходимо было входить в город тоже через мост. Было сделано несколько лихих атак, и противник после упорного сопротивления был отбит, но перед полком явилась новая преграда: довольно широкая речушка с одним большим мостом и с крутым, высоким противоположным берегом. В последних атаках были ранены: командир 1-го батальона поручик Левитов, командир 1-й роты поручик Казанский, командир 3-й роты поручик Мирзаханов и командир 4-й роты поручик Лелеков и до 150 ударников, что для трех рот было много. 2-я же рота, оставленная в Павловке для охраны моста, отбила красных с небольшими для себя потерями. Наступила ночь и всем стало ясно, что Обояни полку не взять. Мост же противник укрепил отлично, и атаки на него были бы бесцельны. Было приказано быстро переправить раненых у с. Павловка и затем отходить через ту же переправу. Противник был настолько подавлен, что при отступлении полка не сделал и попытки преследования. Отступление началось около 24 ч.

К вышеизложенному описанию боя 2-го Корниловского Ударного полка 3 августа 1919 года привожу описание его в журнале Марковской артиллерийской бригады:

«3 августа 1-й и 3-й батальоны 2-го Корниловского Ударного полка с налета захватили переправу через реку Псел и село Павловку. Красные обороняли лишь самое селение, расположенное на правом берегу реки, но Корниловцы стремительным натиском ворвались в селение и на плечах бегущих большевиков захватили неповрежденным мост через очень болотистый Псел. Оставив в прикрытии у с. Павловка одну роту и взвод тя-

желой батареи, полк двинулся по левому берегу на город Обоянь, до которого было 12 верст. Противника приходилось выбивать с каждого гребня. В каждом селении по пути он пытался оказывать сопротивление. Пехота шла цепями, артиллерия, все время меняя позиции, следовала за нею. Во время боя у села Трубеж был убит прапорщик 7-й гаубичной батареи Колесников.

По мере приближения к городу Обоянь сопротивление красных все усиливалось. Было уже занято предместье — Казацкая Слобода, — до окраины города оставалось лишь несколько сот шагов, но продвинуться вперед больше не удалось. Положение отряда было вообще очень щекотливым: справа была непроходимая болотистая река Псел, ближайшая переправа через которую была в селе Павловка, в 12 верстах сзади, весьма слабо прикрытая, и не было даже уверенности в том, что путь к ней не занят красными. Левый, почти неприкрытый фланг был слабым местом. Из рассказа пленных выяснилось, что значительные силы красных находятся в деревнях к северо-западу от Обояни, в частности — в Быково. Начало обозначаться стремление большевиков обойти левый фланг полка. К красным прибывали все новые и новые силы, а резервы полка все таяли. Было установлено прибытие на участок целой свежей дивизии и головного полка следующей. В артиллерии иссякли снаряды и пополнить их было неоткуда. Потери в пехоте росли. Артиллерийские позиции находились под ружейным и пулеметным огнем из домов города. При этих условиях командиром 2-го Корниловского Ударного полка капитаном Пашкевичем было принято решение скрытно отходить, дождавшись темноты, на село Павловка Напрягая все силы. Корниловцы не отошли ни на один шаг назад. Часов около 22 весь отряд постепенно, в порядке стал вытягиваться по дороге на Павловку. Темная, дождливая и безлунная ночь помогла отряду отойти незаметно для противника, и красные лишь к утру разобрали, что перед ними никого нет. Среди довольно многочисленных пленных, захваченных в течение дня 3 августа, обращали на себя внимание лучше других одетые солдаты сибирской дивизии, только что прибывшей с фронта против адмирала Колчака. Все они были с красными звездами на фуражках, у многих были жетоны с портретами Маркса. Некоторые из них держали себя победоносно и вообще не были похожи на встречавшихся раньше обтрепанных красноармейцев».

4 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

2-й батальон полка перешел в наступление на село Нагольное, расположенное к северу от полотна узкоколейной железной дороги Ржава-Обоянь. В итоге боя за Нагольное противник перешел в контр-наступление и 2-му батальону было приказано отойти на разъезд.

2-й Корниловский Ударный полк.

Около 4 часов полк закончил переправу у села Павловка. Полку было приказано: 2-му батальону оборонять с. Бобрышево. Офицерскому батальону по большой дороге хутор близ города Обоянь. Остальной полк в селе Павловка. Бой 3 августа был первым упорным боем для 2-го полка, и он его выдержал с достоинством. Потери полка за этот бой: 40 чело-

век убитыми и 250 ранеными. Трофеи: 300 человек пленных, 11 пулеметов, много телефонных аппаратов, санитарный обоз дивизии и много винтовок. В бою 3 августа полку пришлось иметь дело с только что прибывшей с фронта адмирала Колчака 7-й имени Троцкого железной дивизией. На 2-й батальон в селе Бобрышево был сделан ночной налет, который был отбит с большими потерями для противника. Потери были: ранено 5 офицеров и 8 ударников. Трофеи: 180 пленных и 4 пулемета. Около 10 часов красные появились на левом берегу реки Псел, против села Павловка. Густыми цепями они двинулись к переправе с очевидным намерением форсировать реку, но подпущенные на близкое расстояние, были встречены артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем и с огромными для них потерями отбиты.

80-й пехотный Кабардинский полк с танками занял было село Нагольное, но тоже отошел. В связи с этим 3-му батальону 1-го Корниловского Ударного полка со 2-й Марковской батареей приказано было занять позицию по железной дороге Ржава-Обоянь.

5 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

На участке полка спокойно.

2-й Корниловский Ударный полк.

В тылу, со стороны села Зорино замечен разъезд красных. 2-й батальон без давления со стороны красных отошел на станцию Кривцово. Ночью он был атакован 75-м и 76-м советскими полками. Атака была отбита.

6 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

Противник активности не проявлял.

2-й Корниловский Ударный полк.

2-й батальон под вечер снова отбил наступление противника подпустив его **пьяные цепи** шагов на сто. Противник отступил с большими потерями. В ночь с 6-го на 7-го полку приказано перейти в Зоринские хутора. Для охраны переправы прибыла полурота инженерной генерала Маркова роты. Ей оставили один взвод 5-4 батареи.

7 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

На участке полка спокойно.

2-й Корниловский Ударный полк.

Без перемен.

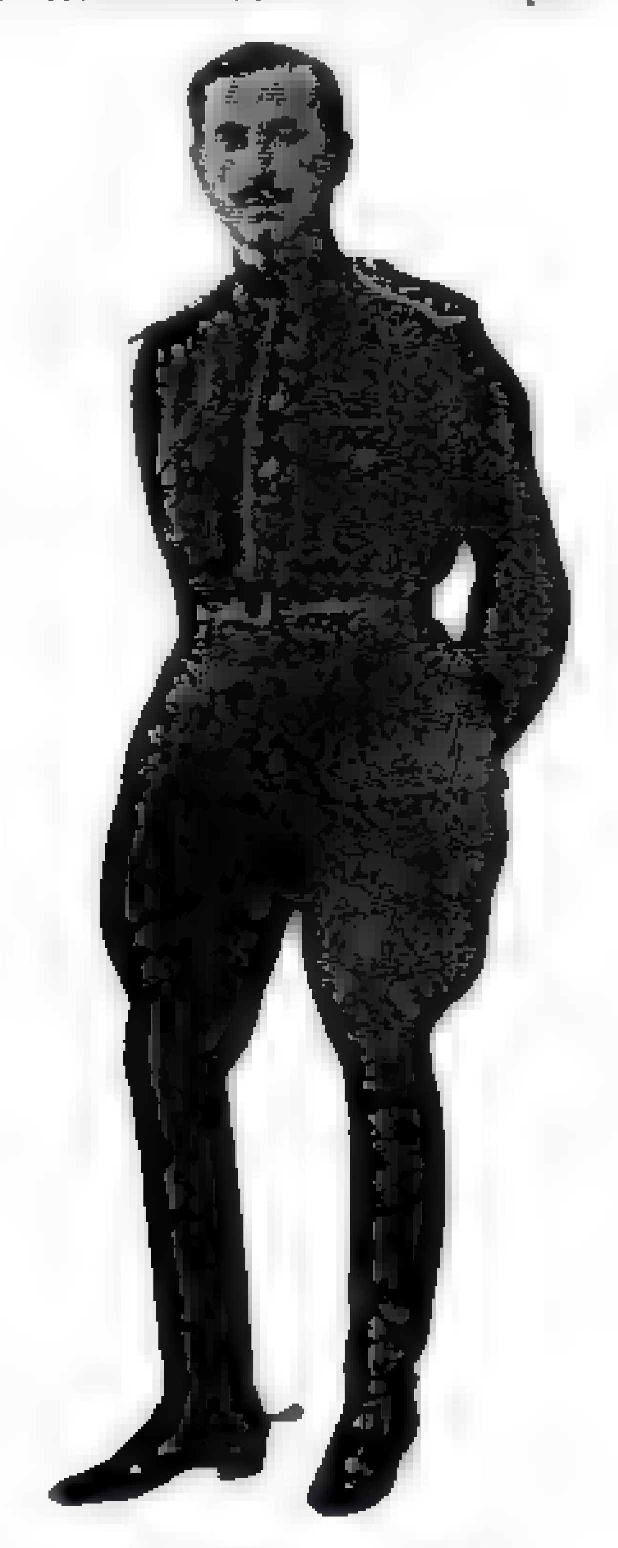
8 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

2-й и 3-й батальоны занимают ту же позицию.

2-й Корниловский Ударный полк.

С рассветом полк подошел ко 2-му батальону. Оставив небольшой отряд у переправы в Павловке и около шоссейного моста, полк с боем берет село Бобрышево и Красниково и переходит в наступление на г. Обоянь через деревни: Знобаловка, Спасское и Горяйново, имея задачей захватить переправу через реку Псел у города. Лишь в Горяйново красные оказали сопротивление. Вытесненные из самой деревни Корниловцами, она заняли высоты к северу от нее. Завязался огневой бой. Взвод гаубиц стал на позицию в деревне, а Корниловцы заняли северную окраину, но продвинуться дальше не могли. Приходилось ожидать результата

обхода города двумя батальонами 2-го полка. Часа три шла перестрелка и наконец на левом берегу р. Псел, недалеко от Обояни, показались цепи. Красные начали отступать, и скоро их отход превратился в настоящее паническое бегство. Преследовавшие их по пятам Корниловцы заняли неиспорченным большой деревянный мост через реку Псел. Однако в городе большевики еще оказывали сопротивление, и 7-й гаубичной батарее было приказано обстрелять город. С открытой позиции батарея открыла огонь Вскоре стало известно, что в город уже вошли Корнилов-



Генерал Пешня М. А.

цы. Ввиду возможного ночного нападения большевиков, весь отряд, пройдя город, расположился по квартирам в предместье Казачья Слобода. Одна рота была послана в сторожевку на хутор Нагольный. 2-й же батальон сделал ночной набег на село Трубеж. Были захвачены батарея и пленные.

9 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

В ночь на 9 августа отряд полковника Пешня, командира 1-го Корниловского Ударного полка, — 2-й и 3-й батальоны, 2-я Марковская батарея, 2-й взвод генерала Маркова батареи, два легких танка и один тяжелый, с бронепоездом «Офицер» заняли задолго до рассвета исходное

положение на участке 2-го батальона перед с. Нагольное. Коротким ударом противник был выбит из села еще до восхода солнца. Продолжая преследование. части отряда заняли с налета с. Пселецкое, окончательно разгромив красных и захватив около 700 пленных, и затем, повернув на восток, через с. Ржава (Марьевка), расположились на ночлег возле Марьевской рощи.

2-й Корниловский Ударный полк.

На площади города Обоянь был отслужен благодарственный молебен по случаю занятия города. На молебен были выведены войска. Присутствовало много местных жителей. Священником было сказано прочувственное слово. Красные в течение дня активности не проявляли.

10 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

Ранним утром, заняв разъезд Сараево и подождав подхода к селу Колбасовка 1-го батальона с батареей, полк разделился на две группы: 2-й батальон со взводом батареи перешел на ржавский сахарный завод, а 3-й батальон с батареей выступил на с. Старо-Черемошное, которое было взято после упорного боя.

2-й Корниловский Ударный полк.

1-й и 2-й батальоны с 5-й и 2-й тяжелой батареями выступили по шоссе на Курск. Произошел встречный бой у села Быкашево. Хутора Дрозды были заняты без боя. 3-й батальон со взводом 7-й гаубичной батареи двинулся через деревни: Трубеж, Услонка, Шевелево и Бошкатово. Последнее было занято после упорного боя.

11 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

День простояли в селе Старо-Черемошное. Ввиду чрезвычайно выдвинутого положения и возможности ночного нападения, 3-му батальону с батареей, когда уже стемнело, было приказано перейти на хутор Екатериновка. 11 и 12 августа 1-й батальон полка с батареей ходил из Колбасовки в село Пристенное для оказания поддержки Партизанскому генерала Алексеева полку при обратном взятии села Троицкое (Плосское).

2-й Корниловский Ударный полк.

Без перемен.

12 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

1-й батальон полка со 2-м взводом 1-й генерала Маркова батареи грузится на станции Ржава в эшелон и отбывает на ст. Белгород. 13-го разгружаются там и узнают, что разъезды красных были в 15 верстах от станции. Отряд перешел на разъезд Крейда и расположился на ночлег. 14 августа ему было приказано следовать вдоль полотна железной дороги Белгород-Волчанск до соединения со Сводно-стрелковым полком и продолжать дальнейшую ликвидацию глубокого прорыва красных. К 8 часам отряд вошел в связь со стрелками, занимавшими позицию к югу от села Постниково. По сведениям командира Сводно-стрелкового полка полковника Гравицкого, противник крупными силами занимал линию деревень Генераловка-Ястребово-Сердюкова-Мясоедово, имея выдвинутый авангард силой до одной пехотной бригады в селе Беловское. Предложив полковнику Гравицкому совместно атаковать красных и получив от последнего

категорический отказ, полковник Гордеенко, командир 1-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка, просит командира батареи открыть огонь, и Корниловцы самостоятельно опрокинули красных, заняв впереди стрелков глубокую балку и село Беловское. Вследствие полученного во время атаки приказания, что 1-й батальон поступает в распоряжение командира стрелкового полка, пришлось отказаться от начатого преследования. Вечером того же числа пришла отмена этого распоряжения о подчинении и с рассветом 15 августа, почти без сопротивления, 1-й батальон со взводом батареи начал продвижение вдоль полотна линии железной дороги. Поздним вечером отряд остановился на станции Ново-Таволжанка, откуда с рассветом выступил на город Волчанск, заняв его одновременно с казачьей дивизией генерала Шифнер-Маркевича. Вместо ожидаемой дневки, спустя два часа отряд должен был погрузиться для отправки в Белгород. 17 августа 1-й батальон на станции Ржава. Противник ведет ожесточенное наступление со стороны села Нагольное.

В ночь с 12-го на 13-ое 3-й батальон был окружен красными, и связи с ним установить не удалось.

2-й Корниловский Ударный полк.

Полк простоял в селе Бошкатово спокойно.

13 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

Без перемен.

2-й Корниловский Ударный полк.

Утром было обнаружено наступление большевиков. Со стороны хутора Дрозды послышались артиллерийские выстрелы. В 13 часов началась оживленная ружейная перестрелка. Разведкой было установлено, что красные двумя колоннами и одним ударным батальоном ведут наступление на самое село Бошкатово и на Рыбинские Буды. Вскоре стала наблюдаться пехота противника, мелкими группами и тщательно пользуясь складками местности накапливавшаяся в роще, что в версте к северу от северо-западной окраины села Бошкатово. Гаубица открыла огонь. Была вызвана и другая гаубица. По вновь выехавшему орудию красными был открыт интенсивный огонь, и пыль от шрапнельных пуль, дым от гранат совершенно окутали гаубицу, но потерь, по счастливой случайности, не было. Ружейные пули свистали и щелкали по земле. Многочисленный противник был близко. Обе гаубицы продолжали свою работу, обстреливая рощу и пехоту красных, появившуюся тем временем на широком фронте. Завязался упорный бой. Искусным маневром рота Корниловцев была выведена в обход левого фланга противника, и он, потрясенный уже огнем, не выдержал и поспешно отступил по всему фронту. В преследование были посланы разведчики, а батальон Корниловцев и гаубицы вернулись на квартиры, где спокойно и переночевали.

Налет большевиков на д. Паники. Отход сторожевого охранения (роты) в с. Драчево.

14 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

Полк ведет наступление на ржавский завод и берет его.

2-й Корниловский Ударный полк.

Наступление противника на с. Паника и с. Танеево с целью охвата наших флангов. На участке 3-го батальона день прошел спокойно.

15 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

Все попытки красных наступать на завод отбиты.

2-й Корниловский Ударный полк.

Утром 3-му батальону со взводом 7-й гаубичной батареи приказано отойти за реку Псел, в с. Павловка, куда прибыл и 2-й батальон полка. 2-я тяжелая батарея полковника Шмидта вследствие порчи орудия ушла с фронта. Стало известно, что значительные силы красных потеснили 80-й пехотный Кабардинский полк, занимавший фронт к северо-западу от Обояни и тем создали угрозу правому флангу 2-го Корниловского Ударного полка. 1-му батальону полка было приказано отходить через село Куличи в с. Зиновьево, 2-й батальон в с. Павловку. Остальной полк через хутор Нагорный прибыл в село Горчаково. Город Обоянь оставлен в 15 часов. С 16 по 21 августа красные несколько раз пытались наступать на с. Павловка, но каждый раз отбивались. Бои велись ежедневно. 18-го 1-й батальон перешел в Зорино.

18 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

1-й батальон, вернувшись, ведет наступление на село Нагольное, но безрезультатно.

19 августа. 3-й батальон со взводом батареи грузится на станции Ржава в эшелон для отправки через г. Белгород в г. Волчанск для ликвидации прорыва красных. В этот же день 1-й батальон 3-го Корниловского Ударного полка, еще незакончившего формирование, эшелоном отбывает из Харькова (месте формирования полка) в распоряжение командира 1-го Корниловского Ударного полка, на станцию Ржава.

С 19 по 22 августа на станции Ржава противник пассивен.

22 августа. 2-й Корниловский Ударный полк.

Наступление противника при поддержке двух автоброневиков на Горчаково и Зорино отбито. Взвод гаубиц был вызван в д. Белое для обстрела кирпичного завода, где было замечено скопление красных. Выполнив свою задачу, взвод вернулся в село Павловка.

23 августа. 1-й Корниловский Ударный полк.

Обнаружено наступление значительных сил красных со стороны Пселецкого в направлении села Нагольное, Нижнюю Ольшанку и далее, на ст. Ельниково. В то же время, нажимая с востока, красные пытались совершенно окружить 1-й Корниловский Ударный полк. Положение было очень серьезное. Бой шел весь день и закончился полной ликвидацией окружения. Красные понесли большие потери, было взято много пленных.

Справка из журнала военных действий 3-го Корниловского Уд. полка

23 августа 1-му батальону с приданным бронепоездом было приказано ликвидировать группу красных, прорвавшихся от гор. Обоянь и занявших в тылу 1-го полка с. Ольшанка и полустанок железной дороги. Для выполнения этой задачи 1-я и 2-я роты с бронепоездом двинулись вдоль полотна железной дороги и стремительным ударом опрокинули

противника у разъезда Ельниково. 3-я и 4-я роты, посланные к деревне Ольшанка, приняли отходящего противника и довершили его разгром. Около 800 пленных, пулеметы и другое военное имущество были трофеями этого дня.

(Помещаю описание этого боя 23 августа 1919 г. в истории 1-й генерала Маркова батареи).

23 августа перед рассветом на станцию Ржава ворвался красный бронепоезд, открыв огонь в упор из всех своих орудий и пулеметов, но с первым же нашим ответным выстрелом бронепоезд с той же быстротой умчался назад. Почти одновременно, с полотна узкоколейной железной дороги заставы донесли, что красные, выйдя из Нагольное, густыми цепями приближаются к железнодорожному полотну. Артиллерия открыла огонь, а батальон Корниловцев, ударив во фланг, отбил атаку с большими потерями для противника. Часть его раненых была найдена около самого полотна. Совершенно неожиданно, после восстановления положения было получено из штаба полка приказание возвратиться в поселок. Станция Ржава была оставлена, и части перешли в д. Марьевка (Марьино), что к юго-востоку от станции. Спустя некоторое время туда из Колбасовки отошел 1-й Корниловский Ударный полк и взвод 1-й Марковской батареи. Выяснилось, что прошлой ночью противник силой до одной пехотной бригады вошел в прорыв между 1-м и 2-м Корниловскими Ударными полками (точнее — на участке 80-го пехотного Кабардинского полка, который стоял между Корниловскими полками) и устремился на юг. Были предположения, что он занял станцию Прохоровка, так как телефонное сообщение с ней было прервано. Высланные из Марьино разъезды обнаружили на станции Ельниково пехоту противника. К полудню окружным путем была восстановлена связь со штабом дивизии. Согласно присланной диспозиции, для ликвидации прорыва 1-му Корниловскому полку было приказано занять с. Ольшанка-Дмитриевка, что к юго-западу от станции Ржава, и, оставив заслон в сторону Нагольное, **продвигаться на юг, к станции Ельниково.** Не успев выйти на южную окраину Ольшанки, в 3 верстах к западу от села, по столбовой дороге была обнаружена колонна повозок, быстро уходящих с юга на север. Обозначив одной ротой наступление на ст. Ельниково, батальоны развернули фронт на столбовую дорогу. Став на открытую позицию, взводы открыли огонь прямой наводкой по колонне. Неожиданное появление Корниловцев произвело на противника ошеломляющее впечатление. Повозки в беспорядке свернули на запад. Все поле покрылось соскочившими с повозок пехотинцами, и скоро к ним стали толпами присоединяться бегущие с юга большевики. Докончив разгром противника и соединившись с главным участником происходящего — учебным батальоном 1-го Офицерского генерала Маркова полка, который вместе с бронепоездами «Офицер» и «Слава Офицеру» наступал со стороны станции Прохоровка, 1-й Корниловский Ударный полк возвратился на станцию Ржава и деревню Колбасовка.

(От автора записок, полковника Левитова: после просмотра текста и карты мне стало ясно, что наступавший со стороны станции Прохоровка учебный батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка с

двумя бронепоездами не был единственным виновником разгрома красных ударом в лоб, так как от станции Ржава в направлении станции Ельниково действовал 1-й батальон 3-го Корниловского Ударного полка, тоже сопровождаемый бронепоездом. Удар этого батальона во фланг и тыл прорвавшимся красным, согласно записям в журнале военных действий этого полка, сопровождался большим успехом с захватом около 800 пленных с пулеметами и другим имуществом).

Включившись в железнодорожный телеграф, Марковцы подслушали информацию 13-й советской армии, из которой узнали, что Алексеевцы утеряли связь с Корниловцами и что на участке 1-го Офицерского генерала Маркова полка они потеряли две 42-линейные пушки

* * *

Продолжение описания действий 3-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка, погрузившегося в эшелон **19 августа:**

Батальон со взводом 2-й Марковской батареи был отправлен через Белгород на город Волчанск для ликвидации прорыва красных в направлении Купянск-Волчанск.

20 августа днем прибыли на ст. Волчанск, разгрузились и тотчас повели наступление на село Александровку. Отряд состоял из двух колонн: первая: Сводно-стрелковый полк, 3-й батальон Корниловцев со взводом батареи и одно орудие генерала Шкуро — двигалась по левому берегу реки Волчая. Левая колонна состояла из 4-го батальона 1-го Офицерского полка с двумя орудиями. Обе колонны находились под командой полковника Данилова. Противник не был обнаружен, однако, опасаясь подвергнуться внезапному нападению, начальник отряда не рискнул вводить весь отряд в Александровку, и отряд расположился под открытым небом. Корниловский же батальон со взводом батареи ночевал в селении.

21 августа была проведена операция окружения села Николаевка, где по предположению скопились значительные силы противника. 3-й батальон Корниловцев наступал с юго-запада, Марковцы со стрелками с запада, с северо-запада и с севера. С юга и востока наступала конница генерала Шкуро. Противника в селе не оказалось?!

22 августа 3-й батальон Корниловцев со своим взводом артиллерии перешел в деревню Грушевка.

23 августа — дневка.

28 августа батальон ночевал в д. Ново-Ивановка.

25 августа двинулись на Новый Оскол. По пути, переходя по мосту через реку Оскол, были обстреляны красными. По прибытии в город Корниловцы со взводом артиллерии вошли в подчинение командира Сводно-стрелкового полка полковника Гравицкого.

28 августа, после неудачной атаки высот около города Сводно-стрелковым полком, снова было приказано взять высоты к северу от города. На этот раз в лоб должны были наступать 3-й батальон Корниловцев и батальон Сводно-стрелкового полка. Для обхода левого фланга красных были назначены конные части. Наконец, специальные конные и пешие

части были назначены для порчи железной дороги к северу от города Новый Оскол, чтобы не дать возможности подойти с фланга бронепоездам красных. Этим частям предстояло переправиться на восточный берег реки Оскол. Взвод артиллерии получил задачу поддерживать левый фланг наступающих войск. Наступление началось весьма энергично. Корниловцы, несмотря на сильный огонь большевиков, без задержки продвигались к противнику, за ними следовали стрелки. Когда наступающая пехота прошла уже больше половины расстояния до противника, на полотне железной дороги вдруг показался бронепоезд красных, шедший полным ходом и стрелявший из четырех орудий и нескольких пулеметов. При дальнейшем продвижении бронепоезда он выходил во фланг и тыл наступающим частям. Артиллерийский взвод открыл огонь по бронепоезду, но несмотря на удачные разрывы гранат у самого бронепоезда, он продолжал двигаться вперед. Между тем, во взводе оставалось всего лишь 15 снарядов и то по большей части шрапнелей. А бронепоезд все приближался и когда от него до наступающих частей оставалось сажен двести, шрапнель с установкой на удар попала в буксу платформы. Платформа сошла с рельс, и бронепоезд остановился. Затем, отцепив две последние платформы, пошел назад, оставив, однако, у брошенных платформ охрану с пулеметами. Красные, воодушевленные своим бронепоездом, одновременно с его появлением перешли в контратаку и стали теснить сначала стрелков а затем и Корниловцев, понесших значительные потери. Попытка батарейной пулеметной команды атаковать и захватить платформы не удалась. Корниловцы и стрелки отошли в исходное положение. Наступление во второй раз тоже не увенчалось успехом. Отряд, посланный по западному берегу реки Оскол не успел выполнить своей задачи по порче полотна железной дороги.

31 августа 3-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка со взводом батареи погрузился в эшелон и отправился на присоединение к своим частям.

С 24 по 30 августа на участке 1-го Корниловского Ударного полка противник был пассивен. 31 августа 1-й батальон полка со взводом батареи занимает с боем село Пселецкое и хутор Богоявленский, где и ночует.

2-й Корниловский Ударный полк

С 23 по 25 августа включительно велись малые бои у с. Павловка. Оборона реки Псел сводилась, в сущности, к занятию более важных переправ. Вся же река лишь наблюдалась разъездами. Если иметь при этом в виду, что от 2-го Корниловского Ударного полка, составлявшего левый фланг 1-й пехотной дивизии, до ближайшей правофланговой части 3-й пехотной дивизии был такой же лишь наблюдавшийся прорыв в 50 верст, то станет вполне понятным, что противник мог воспользоваться для переправы через реку Псел любым бродом выше села Поповка.

26 августа в час было получено донесение, что у хутора Самарина части красной пехоты переправились на правый берег реки Псел. Для

ликвидации этой группы было отправлено две роты Корниловцев со взводом 7-й гаубичной батареи. Самый хутор Самарин очень быстро был очищен от красных, и большевики были прижаты к реке. Взвод занял позицию у южной окраины хуторов. Внезапно с возвышенного берега реки был открыт ожесточенный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Корниловцы не выдержали его и с северной окраины хуторов отошли на линию артиллерийского взвода. Весь огонь красных был сосредоточен по орудиям. Пришлось принимать меры для перемены позиции, но подать передки не представлялось возможным. Кое-как удалось завести орудия в ближайший сарай, туда же завели лошадей, укрыв таким образом взвод если не от пуль, то от взоров. Спустя некоторое время орудия, по одному, были скачены в овраг и оттуда быль открыт огонь. В овраге гаубицы были неуязвимы для ружейных пуль и снарядов легких орудий. Поддерживаемые интенсивным артиллерийским огнем гаубиц, Корниловцы перешли в атаку, и большевики было окончательно отброшены. Ночью обе роты и гаубицы вернулись в с. Павловка.

3-й Корниловский Ударный полк

26 августа, после молебна и смотра командиром корпуса 2-й и 3-й батальоны погрузились в эшелоны и отбыли на станцию Сумы, в отряд полковника Манштейна, Дроздовского стрелкового полка. Все надежды Корниловцев на скорое разворачивание своей бригады в дивизию с выходом своего 3-го полка на фронт — рухнули. Стало очевидным, что красную крепость Курск Корниловцам придется штурмовать только бригадой, а нашими трудами по формированию своего 3-го полка воспользовались другие.

С этого числа действия 3-го Корниловского Ударного полка не будут помещены вплоть до его присоединения к своей бригаде около города Фатежа.

* * *

27 и 28 августа на участке 1-го Корниловского Ударного полка без перемен. 2-й Корниловский Ударный полк 28-го выступил в д. Шипы.

29 августа. 1-й Корниловский Ударный полк — без перемен.

2-й Корниловский Ударный полк

К рассвету в с. Шипы собрался довольно значительный отряд: 2-й Корниловский Ударный полк, 80-й пехотный Кабардинский полк — два батальона, 7-й гаубичной батареи один взвод, 8-й гаубичной один взвод, 5-я легкая батарея и 6-й батареи один взвод. Всего 6 батальонов пехоты, 6 легких орудий и 4 гаубицы. Ночь провели в с. Шипы.

30 августа. 1-й Корниловский Ударный полк — без перемен.

2-й Корниловский Ударный полк

Третье наступление на гор Обоянь. С утра отряд перешел в наступление. В 6 часов артиллерия уже выехала на позицию и открыла огонь по дер. Красниково. Получилось эффектное зрелище массированного огня десяти орудий, — зрелище почти невиданное до сего времени в гражданской войне. Красные не выдержали артиллерийского огня и обратились в паническое бегство. Корниловцы продвигались настолько быстро, что скоро была утеряна связь пехоты не только с артиллерией, но и с начальником отряда, командиром 2-го Корниловского Ударного полка капитаном Пашкевичем. Результатом этого было то, что когда на подступах уже к городу были замечены цепи, то начальник отряда приказал открыть по ним огонь. К счастью, скоро выяснилось, что это свои, и огонь был прекращен. Когда же подходили к городу Обоянь, было замечено движение обозов на север. Взвод 7-й гаубичной батареи разогнал их. Город был занят Части войск, пройдя через него, стали располагаться по квартирам в Солдатской Слободе, но едва квартирьеры указали квартиры, как 3-му батальону 2-го Корниловского Ударного полка со взводом гаубичной батареи было приказано перейти в дер. Услонка. Выступили, выслав сторожевое охранение. Было уже совершенно темно. По пути пришлось пройти через д. Трубеж, расположенную на скате глубокого, с крутыми берегами, оврага, по дну которого протекала речка. По имевшиемся сведениям д. Трубеж занята противников не была. Но едва только охранение подошло к оврагу, со дна его раздались крики. Не разобрав, кто и что кричал, охранение открыло огонь, и на поддержку ему были высланы две роты. Взвод 7-й гаубичной батареи остановился на краю оврага. Вскоре выяснилось, что в овраге находится батальон большевиков, которые кричали, что они сдаются. Из расспросов пленных выяснилось, что в д. Трубеж помещается штаб красной бригады, который охраняется ротой латышей с пулеметами. Как бы в подтверждение слов пленных, с окраины деревни, на противоположном скате оврага, послышался сначала ружейный, а потом и пулеметный огонь. Командир батальона приказал батарее обстрелять деревню. Эффект от разрыва гранат с замедлителем был необычайным и сказался немедленно. Ружейный и пулеметный огонь с противоположной стороны прекратился; откуда-то из-за деревни открыла беспорядочный огонь легкая батарея красных, но несколько выстрелов в направлении ее вспышек привели ее к молчанию.

До 2 часов 31 августа Корниловцы очищали деревню от красных. Латышская рота, оказавшая упорное сопротивление, была все переколота. За деревней были найдены стоящие на позиции два легких орудия, передки были здесь же, здесь же паслись и лошади, которые были до того заморены, что не могли сдвинуть орудия с места. На лошадях гаубичного взвода орудия были доставлены в деревню. Трофеями этого ночного столкновения были. два легких орудия, девять пулеметов и 300 человек пленных. К 5 часам пришли в дер Услонка, где и стали по квартирам. Расположение 2-го Корниловского Ударного полка: 3-й батальон — Услонка. 1-й — Кулига, остальной полк в городе Обоянь.

31 августа. 1-й Корниловский Ударный полк в течение дня отбивал атаки противника на село Колбасовка. Под прикрытием двух бронепоездов красные подвезли три эшелона пехоты.

Наступление на г. Курск

К концу августа прорыв красных на Купянск и Волчанск был окончательно ликвидирован, и части Добровольческой Армии получили возможность продолжать прерванное наступление. С другой стороны, неудача красных в широко задуманной ими операции, для которой ими были собраны значительные силы, больно отозвалась на моральном состоянии красной армии, и без того сильно потрепанной нами на линии рек Сейм и Сеймица. Добровольческая Армия не встретила поэтому того сопротивления, которое можно было ожидать при взятии укрепленного района г. Курска. Оборудование позиций впереди Курска носило по масштабам гражданской войны довольно серьезный характер: первая укрепленная полоса, сооруженная верстах в 10-15 от города, впереди его, состояла из непрерывного ряда стрелковых окопов полной профили, усиленных проволочными заграждениями в 5 кольев. К окопам вели ходы сообщения, а позади окопов были оборудованы артиллерийские позиции с наблюдательными пунктами. Артиллерии было собрано значительное количество, до 8-дюймовых орудий включительно. Эти позиции несомненно представляли бы серьезную преграду для бедной техническими средствами Добровольческой Армии, но все же укрепления должны были защищаться л ю д ь м и, а людей, воодушевленных желанием победить или проникнутых истинной дисциплиной, у красных не было, и красная крепость Курск пала.

Здесь нормальным является вопрос: да, красные войска, несмотря на прибытие из Сибири их отличных дивизий, не смогли отбросить 1-й Добровольческий корпус и только сорвали на некоторое время наше наступление на Курск и, естественно, за время всех этих боев и мы понесли большие потери, - так с какими же теперь силами Командование бросило нас в решительное наступление на Курск?

Судя по журналам военных действий трех Корниловских Ударных полков и по личным воспоминаниям того времени можно вывести заключение, что **положительных данных для этого у Командования было много:**

1) Дух Добровольческой Армии не был подорван контрударом красных;

2) Помимо этого, наш выход из Каменноугольного бассейна дал нам возможность усилиться за счет противника людским составом, частично добровольцами, а главным образом пленными. За это время «запасный полк» 1-го Корниловского Ударного полка выделил кадры для 2-го и 3-го Корниловских Ударных полков.

2-й полк за время контрудара красных блестяще вел бои на левом фланге своего старшего брата в центре с городом Обоянь, а 3-й полк выступил на фронт в конце его, но к нашему глубокому сожалению на-

шими усилиями Командование подкрепило не нашу бригаду, а бросило его на левый фланг Дроздовской стрелковой дивизии, в отряд полковника Манштейна. Красную крепость Курск штурмовала Корниловская Ударная бригада. К моменту окончательного перехода в наступление Корниловцы, помимо своих трех действующих полков, имели в тылу при 1-ом полку свой запасный полк, а 2-й и 3-й полки имели свои запасные батальоны.

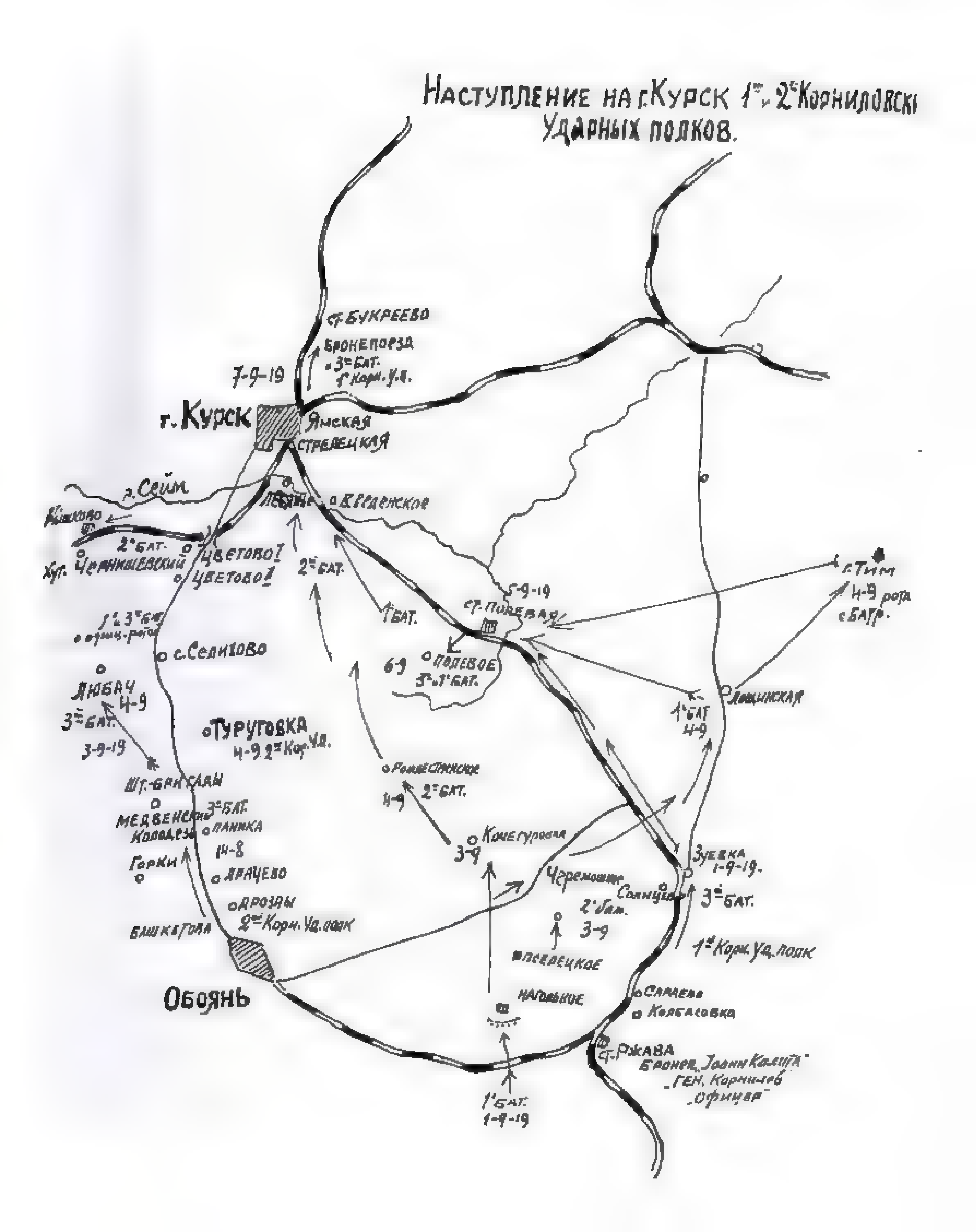
3) За время боев под гор. Обоянь наши журналы боевых действий впервые отметили появление у нас своих, Корниловских батарей. До этого нас сопровождали батареи Марковской артиллерийской бригады. Были во 2-м Кубанском походе у Корниловцев и свои батареи, но их тогда Командование отобрало у нас, и я их видел на «грузинском» фронте, за г. Сочи, у Адлера. Впоследствии они попали в отряд генерала Бредова, отступивший в Польшу, где их разоружили. Соединились они с нами только в Крыму.

4) Особенно хорошо вооружили нас тогда красные полки пулеметами, винтовками и боеприпасами. Одним только противник не мог поделиться с нами, — это обмундированием. Пленных его, исключая сибиряков, приходилось обмундировывать почти полностью.

При своем отступлении красные теряли веру в свои силы и все больше и больше стали сдаваться в плен, целыми группами. Это вливало в наши сердца дух бодрости, усиливало наши ряды и вооружало. Однако эти бои с нашей стороны носили на этом участке характер активной обороны, без использования наших успехов для скачка на следующий рубеж нашего общего наступления. А находившийся против нас укрепленный г. Курск часто напоминал нам о себе переброской своих резервов. Тогда мы ждали наступления на него. Падение морали в красной армии нас радовало, но сведения о сооружениях красной крепости Курск вызывали, по выражению ударников, неприятное чувство наподобие того, как будто бы по спине ползают мурашки. На все это наша ударная психология реагировала просто. жертвовать собой всюду одинаково необходимо: в походе, в дозоре или в атаке на крепость. Всюду в нашем сознании были слова нашего Вождя и Шефа полка Генерала Лавра Георгиевича Корнилова: «Страшна не смерть, а позор и бесчестие». Готовились ударники к дальнейшему движению тщательно. Корниловские полки имели тысячи по две человек, большие офицерские роты, в каждом полку было не меньше 60 пулеметов, появились даже команды конных разведчиков и походные кухни. Не было только интендантства для регулярного снабжения нас продуктами, — все делалось нашими начхозами или артельщиками, что часто было не в нашу пользу.

1-й Корниловский Ударный полк

1 сентября 1919 г. Согласно полученной 31 августа диспозиции части 1-го армейского (Добровольческого) корпуса переходят в решительное наступление с целью овладеть городом Курск. 1-й Корниловский Ударный полк движение центром по линии железной дороги в сопровожде-


НАСТУПЛЕНИЕ НА г. КУРСК 1го и 2го КОРНИЛОВСКИ
УДАРНЫХ ПОЛКОВ.
ст. БУКРЕЕВО
БРОНЕПОЕЗД
3й БАТ.
1й Корн. У. П.
7-9-19
г. КУРСК
Ямская
Стрелецкая
р. Сейм
Лебяжье
Введенское
2й БАТ.
Хут. Чернышевский
Цветово 1
Цветово 2
2й БАТ.
1й БАТ.
5-9-19
ст. Полевая
г. Тим
4-9 рота с батр.
6-9
Полевое
3й и 1й БАТ.
с. Селихово
Любач
4-9
3й БАТ.
3-9-19
Туруговка
4-9 2й Корн. У. П.
Рождественское
4-9
2й БАТ.
Лещинская
1й БАТ.
4-9
Медвенский Колодезь
3й БАТ.
Паника
14-8
Горки
Драчево
Дрозды
2й Корн. Уд. полк
Обоянь
Кочетуровка
3-9
Черемошное
Солнцево
Зуевка
1-9-19
3й БАТ.
2й БАТ.
3-9
1й Корн. Уд. полк
Псёлецкое
Нагольное
Сараево
Колбасовка
ст. Ржава
Бронев. "Иоанн Калита"
"Ген. Корнилов"
"Офицер"
1й БАТ.
1-9-19

нии бронепоездов: тяжелого «Иоанн Калита» и легких «Генерал Корнилов» и «Офицер».

1-й батальон полка со взводом 2-й Марковской батареи стоит на хуторе Богоявленском. 2-й батальон со взводом 1-й генерала Маркова батареи и особый отряд полка выступили в с. Старо-Черемошное, то есть в глубокий тыл красной дивизии, занимавшей позиции у сс. Нагольное и Пселецкое. 3-й батальон со взводом 2-й батареи прибывает из Нового Оскола на ст. Сараевка, где выгружается и переходит в с. Дежавка.

Успех первого дня наступления 1-го Корниловского Ударного полка привожу **по данным истории Марковской артиллерийской бригады.**

Успех 1-й генерала Маркова батареи. В бою при наступлении со 2-м батальоном 1-го Корниловского Ударного полка. К моменту выступления колонны, на соседнем с ней участке, слева, началась атака села Нагольное при поддержке трех танков. Командир батальона (2-го) получил донесение, что к западу от полевой дороги, на расстоянии не более двух верст, обнаружена красная батарея, усиленно стреляющая по атакующему село Нагольное 1-му батальону. Командир 2-го батальона имел приказание возможно скорее занять село Старо-Черемошное и потому от атаки батареи отказался. Ее атаковали в конном строю разведчики батареи, с капитаном Шперлингом во главе, и с боем взяли батарею противника. Однако красные опомнились и с подошедшим резервом перешли в контратаку. С помощью подошедшей роты Корниловцев, батарейного пулемета и огня отбитой батареи красные были отброшены. Результатом лихой атаки разведчиков батареи оказалось: 4 легких орудия, два пулемета Максима, одна телефонная двуколка, одна санитарная двуколка и две пулеметные линейки.

1-й Корниловский Ударный полк

2 сентября. 1-й батальон полка со взводом батареи после непродолжительного боя занял село Старо-Черемошное, хутор Шмаковский и д. Кочегуровку, где и ночует. В районе железной дороги полк вел упорный бой за обладание Зуевкой. Несмотря на присутствие трех танков и двух бронепоездов, красные оборонялись с большим ожесточением и несколько раз в течение дня переходили в контратаки. Только поздним вечером их упорство было сломлено окончательно и части расположились на ночлег на окраине села.

2-й Корниловский Ударный полк

3-й батальон полка переходит в Башкатово. По пути противник отбрасывается артиллерийским и пулеметным огнем. К вечеру отряд был в Башкатово и расположился на ночлег. В течение ночи из сторожевого охранения несколько раз приводили пленных. Большевики блуждали группами, не понимая обстановки, и охотно сдавались в плен.

1-й Корниловский Ударный полк

3 сентября. 1-й батальон – в д. Кочегуровка. С рассветом на участке бой продолжается с новым ожесточением, но мало-помалу противник ослабил свою настойчивость и, понеся большие потери, отступил на север. 2-й батальон получил приказание войти в соприкосновение с отошедшим перед нами противником, но, пройдя ряд хуторов и поселков, расположился на Постоялых дворах, в 15 верстах к северо-западу от станции Солнцево, не обнаружив красных, за исключением нескольких разъездов. Согласно диспозиции на 4 сентября по Корниловской Ударной бригаде полку надлежало закрепиться на линии хутора Анненков и ст. Солнцево, активно обороняя свой участок и ведя усиленную разведку впереди себя, ввиду того, что Партизанский Алексеевский полк занимал позиции значительно южнее и таким образом искривлял общую линию фронта.

2-й Корниловский Ударный полк

Полк идет на Медведский Колодезь. 3-й его батальон в 6 часов в с. Рыбинские Буды, но противника там не оказалось. К вечеру отряд перешел в д. Любач и с. Паника.

1-й Корниловский Ударный полк

4 сентября. На рассвете 2-й батальон полка со взводом батареи выступил из хуторов Постоялые Дворы на село Полное, или Рождественское, где должен был иметь двухчасовой привал, однако отдых был неожиданно прерван приказанием спешно прибыть на сборный пункт ввиду полученных от разъезда сведений, что значительные силы противника обнаружены в районе дер. Красноярка — хутор Анненков. Колонна отряда потянулась лентой по едва обозначенной летней дороге среди скошенных крестьянских полей. В долине виднелись одиночные хутора, переходившие в сплошную зелень скрывавшейся за горизонтом деревни Краснoярка. Вдруг из ближайших хуторов засвистели пули. Пехота быстро рассыпалась на выстрелы, выделив одну роту для обходного движения. Противник не ожидал таких стремительных действий со стороны Корниловцев и, обнаружив обход своего левого фланга, бросился обратно к дер. Краснoярка. Находившийся здесь временно командующий 1-м артиллерийским дивизионом капитан Шперлинг заметил столь спешное отступление противника и в конном строю, во главе разведчиков батареи и ординарцев батальона, бросился в атаку. Красные стали сдаваться. Пленных было взято более 400 человек и два пулемета Максима. Роты 2-го батальона встретили шествие пленных радостными криками «ура».

1-й батальон полка со взводом батареи идет в северо-восточном направлении, на Субботино, где, не встретив сопротивления противника и посадив пехоту на обывательские подводы, командир решил, вопреки диспозиции, продвигаться далее, на село Лощинская Плота, считая, что ак-

тивная оборона может быть в том случае, если имеется налицо противник, ввиду же его отсутствия необходимо идти вперед, до встречи с ним. Таким образом батальон выдвинулся вперед и без боя занял село Лощинская Плота, где выяснилось, что красные рано утром покинули село, направившись главным образом на железную дорогу, но без обозов, которые с небольшим прикрытием ушли в г. Тим. Расположив батальон в селе, командир с одной пушкой без зарядного ящика и с ротой пехоты продолжал путь к городу и на рассвете, подойдя к окраине, обнаружил хвост красной колонны, покидающей город и уходящей на север. Несколько выстрелов из орудия вызвали панику среди красных, и рота заняла город, где на городской площади имел место двухчасовой привал. Командир батальона получил приказ выступить в 8 часов на ст. Полевая, в районе которой по данным разведки сконцентрированы значительные силы красных (полагаю, что командиром батальона был полковник Гордеенко).

2-й Корниловский Ударный полк

В 14 часов полк, через Поярково, занял без боя с. Туру́совку. 3-й батальон — в с. Любач. 2-й батальон переходит в Сафроновку. При переходе в Сафроновку, которую красные пытались оборонять, конной атакой команды батарейных разведчиков 2-й запасной батареи было захвачено одно орудие с запряжкой и несколько человек пленных. В селе ими же была освобождена известная исполнительница русских песен Н. В. Плевицкая. Захваченное орудие стало четвертым орудием батареи. (Относительно освобождения Н. В. Плевицкой я слышал другую версию, которую она, живя долгое время при штабе 2-го Корниловского Ударного полка вместе с своим мужем, капитаном Левицким, не пыталась опровергнуть. После моего ранения под гор. Обоянь я вернулся в полк в г. Фатеж, где замещавший меня по должности командира 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка поручик Песчаник-Кленовой доложил, что при прорыве укрепленной полосы г. Курска им были заняты землянки красных вместе с начальником управления связи артиллерии капитаном Левицким. Из той же землянки вышла артистка Плевицкая, которая представилась ему сама и представила своего мужа, капитана Левицкого. Поручик Песчаник-Кленовой, бывший сам артистом, хорошо знал Плевицкую и тут же отправил ее на коляске в штаб полка. Полковник Левитов).

1-й Корниловский Ударный полк

5 сентября. 2-й батальон полка выступил из хутора Анненкова с приказанием войти в связь с действующими слева частями 2-го Корниловского Ударного полка, после чего утром 6 сентября овладеть селом Лебяжье, в котором по сведениям контрразведки проходит первая оборонительная позиция Курского укрепленного района.

К вечеру, с подходом 3-го батальона, 1-й и 3-й батальоны заняли станцию Полевая.

2-й Корниловский Ударный полк

Наступление красных на Турусовку было отбито. 3-й батальон с приданной ему артиллерией перешел в село Кондратьевка, куда и прибыл в полдень. Часов около 15 разведка донесла, что красные в значительных силах скапливаются в лощине перед деревней. Огнем гаубиц красные были рассеяны, и Корниловцы, перешедшие в наступление, вскоре вернулись, ведя большое число совершенно деморализованных пленных. Командир Корниловской Ударной бригады полковник Скоблин руководил боем.

В с. Медвенский Колодезь были собраны все начальники, начиная с командиров батальонов и батарей, для рекогносцировки укрепленных позиций красных у г. Курска. Батарее было приказано перед штурмом произвести с позиции у хутора Екатериновка пристрелку. К моменту пехотной атаки батареей должен был быть выделен взвод сопровождения для непосредственного следования за своей пехотой.

(В книге «Марковцы в боях и походах за Россию», во втором томе ее говорится, что из формировавшегося тогда их 2-го полка был послан в распоряжение командира 2-го Корниловского Ударного полка один батальон, который «под сильным огнем берет село Никольское и хх. Селиховские, захватив два 6-дюймовых, орудия, потеряв при этом до ста человек из 600 наличного состава».

Указанные пункты были центром движения 2-го Корниловского Ударного полка и дата этого боя указана 5 сентября, когда эти пункты были уже пройдены 2-м Корниловским Ударным полком и когда командиром его было собрано вышеуказанное совещание перед прорывом самих укреплений Курска. В журнале боевых действий этот бой батальон 2-го Марковского полка не занесен, и потому я предполагаю, что дата его боя была другой. Полковник Левитов).

1-й Корниловский Ударный полк

6 сентября. На рассвете 2-й батальон с приданной ему артиллерией подошел к селу Лебяжье, где выяснилось, что впереди села действительно возведены укрепления с двумя линиями проволочных заграждений. Кроме того, непосредственно около села имелась третья, естественная преграда — довольно широкая, болотистая река. Орудия быстро произвели пристрелку, и после нескольких очередей шрапнели ударники во весь рост бросились на проволоку. Красные почти без стрельбы очистили окопы, готовясь, очевидно, оказать сопротивление на окраине села, за рекой. Однако одна из рот батальона с налета овладела мостом и ворвалась в село. Большую поддержку оказали местные крестьяне, которые в момент атаки Корниловцев с большой жестокостью расправились с захваченными ими коммунистами и комиссарами. Не задерживаясь в селе, батальон продолжал движение к главной оборонительной линии, которая должна была

быть расположенной по линии железной дороги станция Пены-Курск. Имея около двух часов привала в хуторе Дворянском, батальон взял направление на село Толмачевка, в 7 верстах к югу от Курска, откуда, согласно диспозиции, отряду предстояло на следующий день начать штурм города. Подойдя в темноте к деревне, Корниловцы, после пятиминутной перестрелки с красным инженерным батальоном, заняли ее и расположились на ночлег.

1-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка со взводом батареи не выполнил задания 4 сентября: выяснилось, что станция Полевая занята большими силами красной пехоты при двух бронепоездах и трех наземных батареях, а переход из Лещинская Плота оказался слишком утомительным из-за черезчур изрезанного рельефа местности. Батальон заночевал на хуторах южнее станции.

5 сентября к вечеру, с подходом 3-го батальона станция Полевая была занята и

6 сентября с рассветом оба батальона атаковали и овладели селом Полевое, в 9 верстах к северо-западу от одноименной станции, откуда вновь перешли к полотну железной дороги Белгород-Курск и заняли исходное положение для предстоящей атаки города.

ПРОРЫВ УКРЕПЛЕННОЙ ПОЛОСЫ У ХУТОРА АННЕНКОВА

(См. схему штурма Курска в общем пакете Марковской арт. бригады)

1-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка со взводом артиллерии атакует позиции у самого хутора Анненкова в лоб, а 2-й батальон со взводом артиллерии обходит эти позиции с востока, поддерживая наступление. Красные обороняются слабо и, не выдержав артиллерийской подготовки, бегут, бросая артиллерию, обозы и т. д.

1-й батальон занимает село Лебяжье, а 2-й батальон, перейдя линию железной дороги Белгород-Курск, занимает село Введенское, на берегу реки Сейм.

2-й Корниловский Ударный полк

6 сентября. В журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка о прорыве Курской укрепленной полосы говорится: «Занявшими станцию Рышково и переправы через реку Сейм и атаковавшими укрепленную полосу были: 1-й и 3-й батальоны с офицерской ротой у села Селихово, а 2-й батальон — у хутора Чернишевский. Взято много пленных, пулеметов и орудий, одно — 8-дюймовое, состоявшее потом в резерве и брошенное при отступлении из-под Орла за отсутствием снарядов. Около 10 часов 2-й батальон с боем берет село Дьяконово. Артиллерия красных продолжала обстрел села до вечера.

Общий обзор атаки на участке 2-го Корниловского Ударного полка

По данным истории Марковской артиллерийской бригады, батареи которой сопровождали Корниловцев при взятии ими красной крепости Курск.

«Укрепленную полосу атаковали на участке 2-го Корниловского Ударного полка в 6 часов 30 мин. после трехчасовой артиллерийской подготовки. Огонь артиллерии расстроил красных, и они начали бросать окопы. Вследствие этого, пошедшие в атаку Корниловцы встретили слабое сопротивление (на самом же деле мы увидим действительную картину потерь при наступлении на г. Курск. в конце описания этой операции).

Большевики бежали к городу, бросив артиллерию, оставляя раненых, повозки, автомобили и т. д. Взвод батареи, назначенный для сопровождения пехоты, следуя непосредственно за цепями и расстреливая бегущих в беспорядке красных, миновал укрепленную полосу и по шоссе приближался к переезду на железной дороге Курск-Ворожба. К тому же шоссе начали сходиться роты и батальоны, сворачивающиеся для вступления в город. Тем временем большевикам удалось привести в порядок свои бегущие части и подвести резервы, которые и заняли позиции на возвышенном правом берегу реки Сейм, параллельно ей. Взвод снялся с передков у самого переезда, среди железнодорожных построек, и открыл огонь по колоннам, движущимся по шоссе, на прицеле 100. В это время с востока показался бронепоезд красных, также открывший огонь по колоннам, движущимися по шоссе. Пришлось огонь одного орудия направить по бронепоезду. Дело принимало серьезный оборот. Шоссе со всеми скопившимися на нем войсками, артиллерией, повозками, попало под перекрестный огонь. По сторонам шоссе было болото и свернуть было некуда. Вскоре одно орудие, стрелявшее по бронепоезду, заставило его отступить, и он скрылся. К этому времени другие батареи кое-как заняли позиции и открыли огонь. Бой стал принимать затяжной характер. Все были заняты происходившим впереди, как вдруг совершенно неожиданно, у самого переезда оказался красный бронепоезд, подошедший незаметно со стороны Льгова. Переполох на шоссе произошел невероятный, люди пытались укрыться в зданиях, за заборами, в канавах... У орудия, стоявшего у переезда, остались лишь поручик Гавриленко и два номера. Бронепоезд, бывший от орудия шагах в 20-30, открыл огонь из всех пулеметов по орудию и по шоссе. Ужасный вой пуль пронесся над орудием, которое в свою очередь выпустило гранату, но по ошибке — впустую. Следующая граната попала в котел паровоза, и он взорвался. Команда бронепоезда растерялась и стала выпрыгивать на полотно и спасаться бегством. Третья граната попала в пулеметную платформу и расщепила ее пополам. Воодушевленные эффектом попадания орудийные номера выползли из прикрытий и бросились с криком «ура» на бронепоезд. На нем были захвачены его командир, часть команды, 8 пулеметов, 5 панорам и другие трофеи. Это было ровно в 19 часов. Батарея постепенно вооружалась и снаряжалась. Бой затих. На ночь отошли в ближайшие деревни Цветково 1-ое и 2-ое».

Данные по книге «Корниловский Ударный полк» издания 1936 г.

«6 сентября Корниловские полки повели наступление на Курск. Полковник Пешня, командир 1-го полка, получил задачу вести наступление с двумя батальонами 1-го полка вдоль железной дороги Харьков-Курск, а капитан Пашкевич со 2-м Корниловским Ударным полком и приданному ему 1-м батальоном 1-го полка и сводным батальоном 80-го пехотного Кабардинского полка должен был **нанести главный удар** с юго-запада. 1-й полк действовал под прикрытием бронепоездов полковника Зеленецкого, а у 2-го полка было сосредоточено два дивизиона тяжелых орудий

Генерал Ерогин,
командир Корниловской Артиллерийской Бригады.

и два дивизиона легких под общим командованием полковника Роппонет.

Полковнику Роппонет было приказано сосредоточенным огнем своей артиллерии подготовить атаку Корниловцев. Курск был опоясан сильно укрепленной полосой в несколько рядов окопов и проволочных заграждений. Методично, через ровные промежутки времени, загудели по небу тяжелые снаряды. Вдогонку им мчалась, точно свора гончих, очередь легких батарей. С ревом врывался в землю снаряд, вокруг него неистовствовали шрапнели.

К вечеру 2-й полк ворвался в укрепленную полосу, красные бежали в Курск. Как всегда после боя, клокотанья и грохота, поражала внезапная тишина. По всему полю поблескивали ружейные гильзы, пулеметные ленты. В развороченных окопах и между прорванной проволокой припали

к земле убитые. Доносились глухие стоны раненых. За окопами, в кустарниках и овражках хоронились легкие пушки, а тяжелые орудия, как бы удивляясь тишине, стояли задрав дула. Сбившись в кучу лежали медные патроны. Серыми громадами застыли тракторы. Капитан Пащкевич доложил командиру бригады, что, по его мнению, из-за темноты сейчас врываться в город не следует. Полковник Скоблин согласился, тем более, что и от полковника Пешня было получено донесение, что его полк тоже остановился перед городом.

На следующий день, под пение труб и треск барабанов Корниловцы входили в освобожденный город. Улицы были забиты народом Для Корниловцев наступали те волнующие минуты, которые сразу искупали все лишения и ужасы братоубийственной войны Еще крепче утверждалась вера Корниловцев· только поднятый меч освободит от рабства измученную, оскверненную РОССИЮ».

БРОНЕПОЕЗДА

После доблестной Марковской артиллерии, нескольких вновь сформированных батарей Корниловских и гаубичных, сопровождавших в боях Корниловские Ударные полки, видную роль играли наши бронепоезда. Их роль была ограничена привязанностью действий только по линии железных дорог и там они были вершителями наших побед, уничтожая или отбрасывая однородные им по назначению стальные крепости красных. В информационном бюллетене Общества Галлиполийцев за № 61, в статье «Бронепоезда Добровольческой Армии», их действия при штурме красной крепости Курск, изложены так красиво, что их необходимо иметь в наших Корниловских материалах, а потому я их и привожу здесь с целью отдать должное нашим славным соратникам — бронепоездникам.

«На линии Белгород-Курск находился в первых числах сентября 1919 года бронепоездной дивизион в составе двух легких бронепоездов, — «Офицер» и «Генерал Корнилов», — и тяжелого — «Иоанн Калита». 6 сентября эти бронепоезда получили задание содействовать наступлению Корниловской Ударной бригады на Курск. Действиями бронепоездов руководил старший в чине полковник Александр Александрович Зеленецкий

Наступление наших войск началось из района станции Солнцево и ближайшей к ней станции Полевая, примерно в 25 верстах от Курска, которая была занята без боя. (Быть может бронепоезда и въехали на станцию без боя, но 1-й и 3-й батальоны 1-го Корниловского Ударного полка на рассвете 6 сентября взяли ее с боем, а потом и село Полевое, в 9 верстах от станции, и в тот же день снова вернулись на линию железной дороги около станции Полевая для наступления по линии железной дороги на Курск. Полковник Левитов).

Красные занимали позиции к югу от реки Сейм. Их бронепоезда стояли примерно в 3 верстах впереди этой позиции. Двигавшиеся впереди наших пехотных частей бронепоезда «Генерал Корнилов» и «Иоанн Калита» вступили в бой с неприятельскими бронепоездами, между тем как

бронепоезду «Офицер» было поручено охранять железнодорожную линию Солнцево-Полевая. Командир бронепоезда «Иоанн Калита» полковник Зеленецкий был с телефонистами на наблюдательном пункте, и вместе с ним был штабс-капитан Амасийский, который руководил в этот день стрельбой бронепоезда. Штабс-капитан Амасийский заметил вагон красного цвета, прицепленный, по-видимому, к составу советского бронепоезда. Он передал на «Иоанн Калита» указания для пристрелки по этой цели. После второго выстрела 5-дюймового орудия, наш снаряд попал прямо в намеченный красный вагон, и произошел очень сильный взрыв. По полученным позднее сведениям, в вагоне был груз пироксилина, предназначенного для разрушения пути и моста через Сейм. Передавали, что взрывом был убит один из командиров советского бронепоезда.

Под впечатлением взрыва два неприятельских бронепоезда поспешно отошли к реке Сейм, не успев уничтожить железнодорожный мост через ручей перед позицией красных. Под прикрытием огня бронепоезда «Иоанн Калита» бронепоезд «Генерал Корнилов» прошел по мостику через ручей и, остановившись на уровне окопов красных, открыл по ним продольный огонь из орудий картечью и из пулеметов. Когда эта стрельба прерывалась на короткое время, красные выбегали из окопов в нашу сторону, без винтовок, для сдачи в плен. Другие убегали в стороны от железной дороги по окопам. Так повторялось несколько раз. С наблюдательного пункта бронепоезда «Иоанн Калита» был вызван небольшой отряд из состава команды с двумя ручными пулеметами Льюиса для встречи и охраны сдающихся в плен. Около 600 человек было передано Корниловским частям. Бронепоезда оставались в таком положении до подхода нашей пехоты. Подошедшие части Корниловской бригады заняли оставленную красными позицию. Подошел и бронепоезд «Офицер», ранее охранявший тыл. Наступила темнота.

Около 23 часов 6 сентября, после совещания начальников, командовавший бронепоездным дивизионом полковник Зеленецкий решил произвести ночное нападение на Курск. На южном берегу реки Сейм, у начала моста было поставлено охранение от Корниловского Ударного полка с танком. Большой мост через Сейм оказался почти неповрежденным. Взорванный красными один стык рельс на мосту был быстро исправлен и подкреплен, и три наших бронепоезда благополучно перешли на северный берег реки Сейм.

Боевой частью бронепоезда «Офицер» в этот день командовал штабс-капитан Симмот, а поездом «Генерал Корнилов» — штабс-капитан Заздравный. Перед легкими бронепоездами шла пешая разведка, которой руководил лично командовавший дивизионом полковник Зеленецкий. Движение происходило без огней и в тишине, насколько это технически было возможно. Подойдя к входному семафору станции Курск, пешая разведка увидела два бронепоезда красных, но сама не была ими замечена. Разведчики были настолько близко к неприятелю, что могли в ночной тишине слышать спор у красных: одни хотели выехать вперед, а другие не хотели.

Бронепоезда «Офицер» и «Генерал Корнилов» открыли огонь одновременно, с расстояния около 20 сажен. Один наш снаряд попал в бронепоезд красных. Неприятельские бронепоезда устремились назад и скрылись между товарными составами. При первых выстрелах все освещение на станции погасло. Бронепоезд «Офицер» вышел вперед, выслал разведку для осмотра пути и двинулся вслед за неприятелем, подойдя к нему вплотную, бронепоезд дал три выстрела. Одним из этих выстрелов был подбит неприятельский паровоз и обварены паром два механика. Команда красного бронепоезда была частью перебита, частью бежала, но помощник командира бронепоезда «Кронштадский», не исполнял приказания выйти со своей площадки. Тогда штабс-капитан Шахаратов, исполнявший должность старшего офицера нашего бронепоезда, первым вскочил на неприятельскую боевую площадку. Советский помощник командира вышел ему навстречу, как будто с целью сдаться в плен, но внезапно проговорив: «Ну, пока суть да дело...», выхватил револьвер и в упор выстрелил в штабс-капитана Шахаратова, к счастью промахнувшись. Он был тотчас же убит подоспевшими чинами бронепоезда «Офицер».

Несмотря на возникшее на станции замешательство, красные пытались эвакуировать свои поездные составы, некоторые из которых стояли под парами. Но нашими снарядами были повреждены выходные стрелки, и вскоре произошло крушение. Второй неприятельский бронепоезд «Истребитель», сошел с рельс. Он был замечен благодаря пламени вспыхнувшего пожара, и бронепоезд «Офицер» обстрелял его с растоянии около 80 сажен. Тремя нашими выстрелами было подбито головное 42-линейное орудие противника, убиты находившиеся при нем трое красных и разбит сухопарник паровоза. В это время к бронепоезду «Офицер» подошел посланный от коменданта станции с требованием: «Прекратить стрельбу по своим!» Посланец был убит на месте.

Бронепоезда «Офицер» и «Генерал Корнилов» продолжали, по временам, открывать артиллерийский и пулеметный огонь по району станции, а «Иоанн Калита» дал несколько выстрелов в направлении города Курск. Красные не только оставили станцию, но у них возник беспорядок и в городе. Наши бронепоезда оставались на станции Курск, примерно до 2 часов 7 сентября. К этому времени вода в их паровозах была на исходе, а пополнить ее на станции не представлялось возможным. Кроме того, с рассветом красные могли опомниться и заметить, что на станции нет никаких наших войск, кроме трех бронепоездов. Полковник Зеленецкий приказал оставить станцию Курск и отойти к нашему расположению. При этом был вывезен первый из подбитых нами красных бронепоездов, «Кронштадтский», состоявший из двух двухорудийных бронеплощадок и одного паровоза. Вооружение его состояло из четырех трехдюймовых орудий образца 1914 года, с запасом около 1.500 снарядов, и восьми пулеметов. Орудия были установлены в закрытых башнях, имеющих круговое вращение посредством зубчатой передачи, работой одного человека. Весь боевой состав этого советского бронепоезда был сделан тщательно и, по-видимому, был недавно выпущен с завода. Команда бронепоезда состояла из матросов Балтийского флота. Второй бронепоезд, сошедший с рельс и

подбитый, вывезти ночью не удалось. Позднее выяснилось, что на станции Курск находился и третий бронепоезд, «Черноморец», многократный противник наших бронепоездов, отличавшийся очень сильным вооружением. Вследствие происшедших крушений он не мог приблизиться к месту боя. На рассвете наши три бронепоезда благополучно вернулись в расположение наших войск. За ночное дело на станции Курск, последовало награждение чинов команд Георгиевскими крестами и медалями (чего в Корниловских Ударных полках не было до перехода их в Русскую Армию генерала Врангеля).

Действия наших бронепоездов позволили нашим пехотным частям захватить подготовленную неприятельскую позицию к югу от Курска и занять город без боя. При этом нашим войскам досталось много военного имущества. Если бы не произошло ночного нападения на ст. Курск, то красные оказали бы, вероятно, упорное сопротивление перед самим городом.

В 9 часов 7 сентября бронепоезд «Офицер» снова занял оставленную красными станцию Курск совместно с частями 1-го Корниловского Ударного полка. Вследствие крушений, красные не могли произвести эвакуации станции. На ней остались составы с грузом военного снабжения, обмундирования и съестных припасов, а также подбитый ночью боевой состав советского бронепоезда «Истребитель», вооруженный одним 42-линейным орудием и двумя трехдюймовыми.

После очистки путей бронепоезд «Офицер» продвинулся около 17 часов 7 сентября до станции Букреевка, примерно в 10 верстах к северу от Курска, и нагнал там отступавший 1-й Курский советский полк. После нашего обстрела красные сдались. В этом бою было взято около 500 пленных».

ВЗЯТИЕ ГОРОДА КУРСКА

1-й Корниловский Ударный полк

7 сентября 1919 г. 1-й батальон полка со 2-м взводом 1-й генерала Маркова батареи наступал на город и после небольшого боя вошел туда. В самом городе боя не было. 2-й батальон полка с 1-м взводом 1-й генерала Маркова батареи легко опрокинул красные заставы против себя, перешел железную дорогу Пены-Курск и занял слободу Ямская и расположенный в ней городской вокзал города Курска. Большевики не успели эвакуировать города, и большие запасы обмундирования, белья и провианта остались в распоряжении Добровольческой Армии.

2-й Корниловский Ударный полк

На участке полка противник отступал с небольшими задержками. Наша артиллерия обстреливала северную часть города, где скопились отступающие красные. Часть полка в город не попала, охраняя левый фланг от удара противника. В селе Дьяконово было спокойно. Около полудня

было получено сообщение, что наши части вошли в город. Красный Курск стал Б Е Л Ы М. Это известие произвело большое впечатление среди Корниловцев и населения. Был освобожден первый губернский город. Если самый город красные, будучи разбиты в многочисленных боях, предшествовавших штурму укреплений Курска, сдали сравнительно легко под действием быстроты нашего удара и качества нашего огня, то все же наши потери за эту операцию были велики. Записи полков за это время почти не упоминают о своих потерях и о них мы можем знать только, откуда они пополнялись. Так, после Белгорода 1-й Корниловский Ударный полк через свой «запасный полк» создал 2-й и 3-й Корниловские Ударные полки, которые уже до штурма Курска были на фронте. На Курск же наступала только Корниловская Ударная бригада в составе 1-го и 2-го полков, 3-й же полк командование взяло от нас на участок Дроздовцев, в отряд полковника Манштейна, который потом присоединился к своей дивизии только под Орлом.

В истории Марковцев, в ее втором томе, говорится, что батальон формировавшегося тогда их 2-го полка был придан 2-му Корниловскому Ударному полку и еще до атаки укрепленной полосы принимал участие в бою у хуторов Селиховых, потеряв там убитыми и ранеными сто человек из своего состава в 600 человек. Хутора Селиховы были тогда в центре движения 2-го Корниловского Ударного полка, значит и потери Корниловцев были там не малые. Ныне здравствующий (февраль 1970 года) командир тогда офицерской роты 2-го Корниловского Ударного полка полковник Иванов К. В. вспоминает, что при атаке полка на проволочные заграждения в одном месте ударники не могли их прорвать и ему с офицерской ротой пришлось их выручать, поддержав ударников своей лихой офицерской атакой. И все это было под ружейным и пулеметным огнем. В материалах для истории Корниловского Ударного полка имеется письмо адъютанта офицерского батальона поручика Бондарь А. Еф., в котором он вспоминает о том, как под Курском к нам перешли от красных два капитана, оба кадровые офицеры, высокие и красивые. Один был назначен в офицерскую роту, а другой получил солдатскую, и при штурме укреплений Курска оба они погибли на проволоке.

Да, пехоте не так легко обошелся прорыв укреплений Курска, как это освещают бронепоездники и даже артиллеристы.

Потери Корниловцев за операцию на Курск были настолько велики, что обильно подходившее пополнение не успевало пополнять убыль. Своим ударом по Добровольческой Армии красные тогда не только сорвали наше наступление на Курск в первой его стадии, но и нанесли нам большие потери. Только качество наших войск и действительность огня сломили сопротивление красных, которым не помогли ни сибирские стрелки, ни укрепления Курска.

За время движения Корниловского Ударного полка от Белгорода до Курска он стал бригадой, а с выходом на фронт и 3-го полка стал фактически дивизией трехполкового состава, где каждый полк имел свой запасный батальон, значение которых для дела пополнения убыли было очень велико. Наши потери с выходом на Московскую дорогу стали

уменьшаться с зарождением собственной Корниловской артиллерийской бригады, создаваемой за счет противника. До этого нас полностью обслуживали доблестные Марковские батареи. Если наши потери за время обороны Каменноугольного бассейна определялись сменой тройного состава полка, то путь от Купянска до Курска равен смене одного состава 1-го и 2-го Корниловских Ударных полков, что при нормальном их составе равняется 3 тысячам человек.

Парад войскам в городе Курске

8 сентября. На параде был один батальон от Корниловской Ударной бригады и батареи Марковцев Парад принимал генерал-лейтенант Кутепов, который передал им от Командования ОСОБУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ. Участники этого парада передавали, что их особенно поразила искреняя радость жителей Курска, заполнивших все прилегающие улицы.

1-й Корниловский Ударный полк

3-й батальон переходит на станцию Букреево для обеспечения города от внезапного нападения.

2-й Корниловский Ударный полк

1-й батальон переходит в Гремячий Колодезь и 2-й — в Мокве.

9 сентября. 1-й полк без перемен, а 2-й полк переходит в село Татарниково и на ночлег располагается в селе Нижне-Медведское.

10 сентября. 3-й батальон 1-го полка с батареей занимает дер. Дерновка и станцию Золотухино.

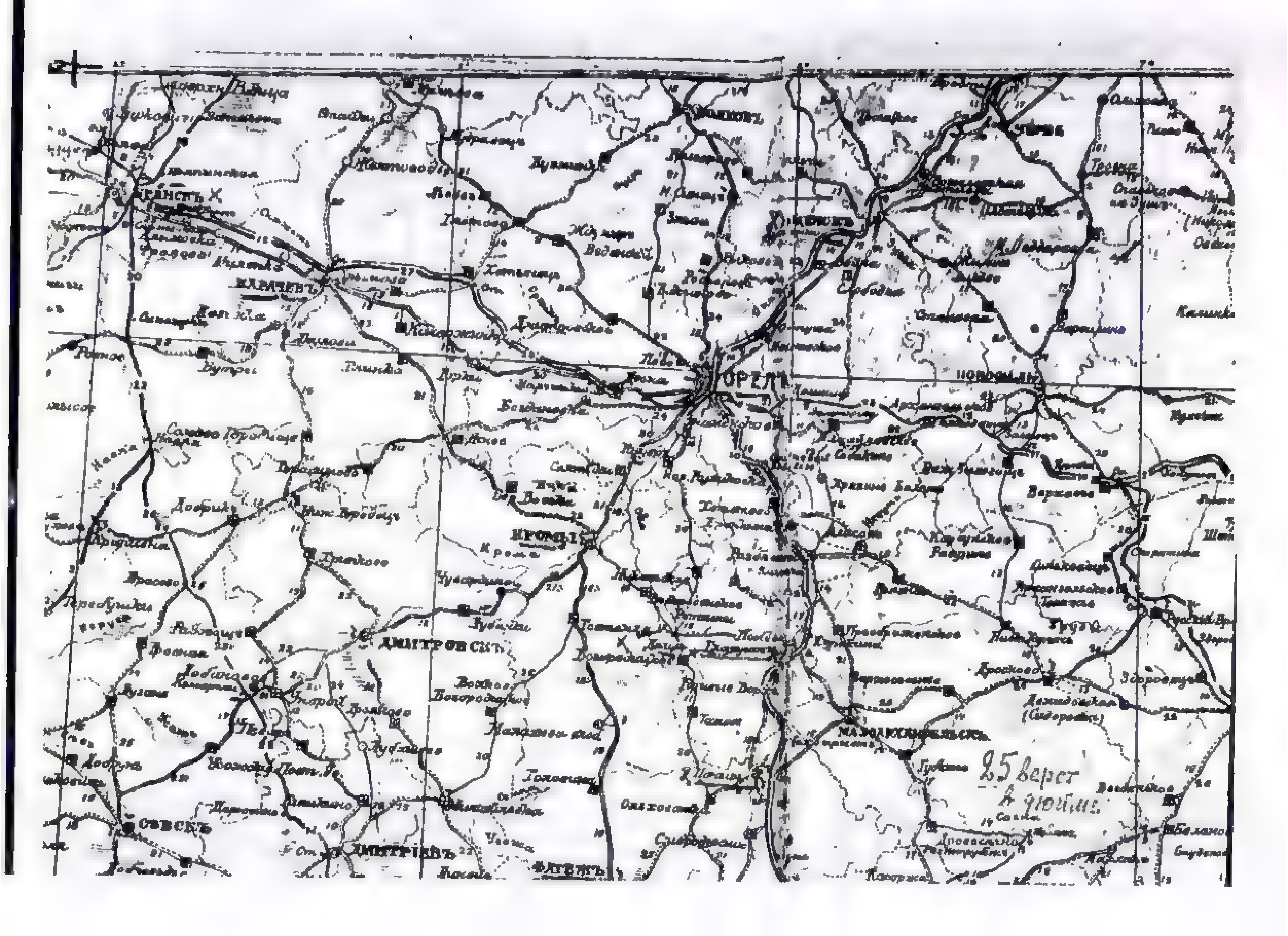
2-й Корниловский Ударный полк переходит через село Дреново в село Большая Жировка. Бой с отходящим противником. На ночлег 2-й батальон расположился в селе Жировец, а 3-й батальон в селе Ситное.

1-й Корниловский Ударный полк

11 сентября. 1-й батальон полка переходит на хутор Родительский, а 2-й — на хутор Мошин.

2-й Корниловский Ударный полк

Полк идет на г. Фатеж. 2-й его батальон в обход без боя занимает село Ржава. В полк после Курска все время прибывает пополнение и его офицерская рота разворачивается в батальон из трех офицерских рот. Численность батальона — 750 человек, временами превышая это число. Этот батальон в составе трех рот просуществовал до оставления нами Родины, и я считаю своим долгом осветить его жертвенную службу России в рядах нашего доблестного 2-го Корниловского Ударного полка по письму его адъютанта поручика Бондарь, Алексея Ефимовича, присланному мне



ОРЕЛЪ
КРОМЫ
ДМИТРОВСКЪ
МАЛОАРХАНГЕЛЬСКЪ
КАРАЧЕВЪ
БРЯНСКЪ
СЕВСКЪ
ДМИТРIЕВЪ
ФАТЕЖЪ
НОВОСИЛЬ

для материалов по истории уже в эмиграции, в 1963 году, из Люксембурга:

2-й Корниловский Ударный полк формировался капитаном Пашкевичем, Яковом Антоновичем, в Ростове на Дону в первой половине 1919 года, и в то же время там была сформирована и первая офицерская рота этого полка. В эту роту вошли офицеры, добровольно прибывшие из освобожденных районов, прилегающих к землям Войска Донского; другие — по призыву через воинские присутствия, перешедшие добровольно из местностей, занятых красными, и те из офицеров, кто был взят в красную армию и послан на фронт, и которые при первом удобном случае, рискуя жизнью, переходили к белым. Последних часто считали пленными, что порождало ошибки и недоразумения очень печальные. Вся эта человеческая сила, ясно, не была красной но, попав в Ростов, должна была пройти через контроль воинских разведывательных комиссий У кого были документы, послужные списки, кто находил знакомых поручителей, получали удостоверения, подтверждающие чин, имя и фамилию. У кого не было на руках никаких документов и не было поручителей, те получали удостоверение: «именующий себя» таким-то. С такими «ярлыками» они отправлялись в так называемые «цементные казармы» в Ростове и там-то и было положено капитаном Пашкевичем начало формирования 2-го Корниловского Ударного полка и при нем — первой офицерской роты. Лично с каждым разговаривая и осматривая, капитан Пашкевич отобрал около 250 человек. Это и была та офицерская рота 2-го Корниловского Ударного полка, которая потом развернулись в офицерский батальон. Первым командиром роты был назначен первопоходник капитан Громыковский, а его помощником — капитан Иванов, Константин Васильевич, офицер лейб-гвардии Преображенского полка, который на первом смотру перед командиром полка четко произвел ротное учение. Выправка, стройность, четкость и быстрота расчета, повороты, — понравились и нам, рядовым офицерам, и произвели хорошее впечатление и на командира полка. Тогда же были здесь назначены из состава роты отделенные и взводные командиры и фельдфебель. Назову тех, кого помню поименно: командир 1-го взвода поручик Нашивочников, фельдфебель подпоручик Вакуленко, Петр, — из старых прапорщиков запаса. В 1-м взводе отделенным был назначен и я. Командиром взвода был и штабс-капитан Плохих, Федор. Никто никого раньше не знал, может быть отдельные офицеры, знавшие друг друга по местожительству. До формирования роты поверхностное знакомство произошло в казармах, где мы жили в довольно скудной обстановке, подвергаясь ночным нападениям и нашествиям блох, клопов и кое-каких других насекомых. Как будто сейчас вижу поручика Григуля, Петра Яковлевича, худого, но необычайно подвижного, воюющего при свете стеариновой свечи с нашествием особого рода иноплеменников. Подтянутого, сосредоточенного, мало разговаривающего, аккуратно выбритого, с четким пробором, капитана Иванова, Константина Васильевича. Спали рядом, не зная ни друг друга, ни нашей дальнейшей службы.

После выхода Добровольческой Армии на линию Белгород-Харьков

вошла во 2-й полк и сила человеческого материала, давшая возможность на ходу, в боях и походах развернуть вторую и третью офицерские роты. В самом Харькове, когда полк прибыл на фронт, к нам влилось столько офицеров, что взводы 1-й офицерской роты разбухли до 80 человек. Много офицеров было из народных учителей, землемеров Харьковской землеустроительной комиссии, артистов театра Корш, студентов, техников, служащих земских управ, учителей городских училищ, семинаристов, — словом — все то молодое, живое, что училось, служило, строило Россию в мирное время. Все то, что в первую мировую войну приняло на свои плечи офицерские места после первого кровавого года войны, когда кадр Действующей Армии мирного времени был уничтожен. Вся эта молодая Россия — сыны Ее, призванная в Армию начиная с 1914 года, окончив школы прапорщиков и военные училища, довела войну, вызванную немцами, до самого 1917 года и в революцию образовала то, что называлось Белой Армией. Часто мы слышим или читаем упреки, замечания, а то и прямые обвинения в грабежах, мародерстве, насилиях, раздевании. Возможно, что в обстановке гражданской войны это бывало, но мы знаем, что в офицерских ротах 2-го Корниловского Ударного полка, если это и было, то лишь как исключение. Имелся не только строгий приказ по полку на этот счет, но и сами офицерские роты строго следили за собой. Стыдились на ходу сорвать яблоко или горсть вишен. И в то же время жалования никакого не получали, и снабжение было слабое. Обмундирование мы получили из мешкового материала: штаны и такие же гимнастерки, причем и материал этот был третьего сорта и качества. Летом с этим как-то мирились и справлялись, а вот к зиме – б е д а... Шили из брезентов, захваченных на железнодорожных станциях, обмундировывались за счет пленных. По дороге на город Обоянь, Курской губернии, вспоминаю колоритную фигуру поручика Григуля, шагающего по шоссе в л а п т я х и о н у ч а х. А чтобы научить его обматывать как следует онучи на ноги, пришлось вмешаться мне, тут же свернув с шоссе, под копной, ибо ноги он страшно набил от неумения обернуть онучи. Так в лаптях, его здесь вскорости и ранило.

На путях на Обоянь и на Курск, после упорных, кровопролитных боев, особенно после боя под Танеевкой и у леса того же названия, зародилась мысль о своих пулеметах (то есть собственных, при роте или батальоне), о своей повозке, постоянно находящейся под рукой командира. Танеевка, бой у леса, подтвердили эту мысль. Офицерская рота получила задание выбить красных из Танеевского леса, к которому от нашего участка вел ров, балка, а направо и налево были поля скошенной и связанной в копны пшеницы. Ротой командовал капитан Громыковский. По всему фронту полка шли упорные бои. Загвоздка была вся в том лесу. Красные укрепились, срезали по опушке деревья до аршина и более и на них установили пулеметы, а впереди, перед оврагом, были окопы, занятые пехотой. Атака в лоб, поведенная по оврагу к лесу и пшеничным полям, от копны к копне, не дала нужного результата, захлестнулась, так как красные пулеметы нас буквально косили. Здесь были убиты: капитан Громыковский, командир роты и несколько офицеров, среди которых по-

ручик Добровольский, гражданский инженер. Командование ротой и участком принял капитан Иванов К. В. Капитан Плохих получил приказание пройти с двумя взводами в обход леса и ударить во фланг красным, засевшим в лесу, на опушке и за лесом. А мы из-за копен перед лесом продолжали демонстрировать наступление, перебегая от копны к копне. Красота была видеть капитана Плохих со своей полуротой, быстро, чуть ли не бегом, охватывающей фланг красных, которые заметили это только тогда, когда наши бросились на них на «ура». Мы, конечно, не упустили момента и тоже бросились в атаку. Этого удара красные не выдержали и, бросив все, драпанули. Тут мы захватили пулеметы Максима и Виккерса и большой запас лент и патронов. Кое-что оставили себе, а остальное забрал в пулеметную роту поручик Лысань, который был на этот счет «глазаст» и не упускал случая укрепить и расширить пулеметное дело, **ибо пулеметы по большей части решали и венчали дело в боях.**

С этого времени началось особое сближение и внимание к нам капитана Пашкевича, командира полка. В офицерскую роту текло пополнение, и скоро она развернулась в батальон 3-ротного состава, командиром которого был назначен капитан Иванов, Константин Васильевич. Я нарочно называю его по имени и отчеству, потому что у нас был еще один капитан Иванов, Виктор Павлович, который перешел к нам от красных после Обояни вместе с другим офицером. Она они были кадровые офицеры, стройные, высокие, красивые. Вскоре тот офицер, чью фамилию я не упомню, получив в полку солдатскую роту, брал Курск с нею и там, на проволочных заграждениях и погиб. Капитан Иванов, В. П., получил 1-ю офицерскую роту, 2-ю роту — штабс-капитан Плохих, и 3-ю роту — капитан Панасюк. Официально, по приказу, за офицерским батальоном не была зафиксирована собственная пулеметная команда, но она фактически существовала и действовала во всех боях. В офицерском батальоне, численность которого доходила до 750 человек и более, было, конечно, достаточно офицеров-пулеметчиков. Моего взвода поручика Нашивочникова тоже взяли от нас: сначала дали ему солдатскую роту, а потом он получил и батальон. В одном из последующих боев он пал смертью храбрых за честь России. Был он отличный, спокойный, выдержанный и заботливый офицер из народных учителей

К Орлу мы подходили уверенно, буквально сметая на своем пути красных. Офицерский батальон почти всегда был в резерве полка. Бросал его командир полка туда, где по ходу боя случалась задержка, неустой, упорство красных, где нужно было достигнуть успеха. Командир полка любил и ценил нас, но, как командир полка, он любил и ценил весь полк свой, который уверенно вел от победы к победе, не щадя своих сил и не жалея себя. Где бы мы ни были, будь то на походе, будь то в разгаре боя, он при первой же возможности приходил или приезжал к нам. Часто на походе идет он с командиром батальона, обмениваются мнениями, что-то обсуждают, и вдруг: «Ну что, господа, приуныли! Затянем-ка песню!» Головная рота затягивала любимую песню Пашкевича «Вот несется трубач, на рожке играя, он зовет верных сынов на защиту края.

Марш вперед, Россия ждет!», и сотни российских глоток подхватывают так, что невольно сжимается сердце и по телу бегут мурашки. А пели — Господи, Твоя воля — так пели, что мне, любителю пения, певшему и поющему еще и теперь, кажется, что такого пения я больше не услышу... Нет, слышал потом, в Париже, могучее, красивое, стройное, но уже отшлифованное для сцены и для запада, пение хора красной армии под управлением Александрова. Было кому петь и было из чего создать хор. А голоса какие были!!! Любимая песня всего батальона и командира полка была: «Оседлаю коня, коня быстрого, и помчусь, полечу легче сокола...» и конец ее: «Но увы, нет дорог к безвозвратному! Никогда не взойдет солнце с запада»... Плакать хотелось и от чувств, вложенных в эти простые слова, и от красоты пения. А через минуту, — разухабистую, с присвистом и хрюканием...

Где-то на походе, после совещания командира полка с командиром батальона, мне было предложено, как адъютанту офицерского батальона, написать мотивированный рапорт о необходимости создать пулеметную команду при офицерском батальоне и конную связь, которые фактически уже тайно существовали и очень хорошо работали. Адъютантство в нашем батальоне не было похоже на понятие, заключающееся в этом слове. Походная канцелярия была вся в шапке и за голенищами сапог. В походе, в бою, в строю — за командиром батальона, со связью, пешей и конной. Конная — сбоку, справа и слева, несколько впереди, как глаза и щупальцы. Врезалось в воображение не стирающееся временем: на вороном коне, с черной окладистой, широкой русской бородой полковой конной связи (от эскадрона штабс-капитана Литвиненко) штабс-капитан Чепурин, Виктор Викторович, весьма часто бывший с нами для связи со штабом полка. Наш — офицерского батальона — конный связной — прямая противоположность первому: рыжий, громадный, с рыжей большой бородой, и на сером, в яблоках жеребце, голос его — громоподобный бас, который помнится и до сего дня.

Итак, рапорт был написан, исправлен, подписан и подан по команде, командиру полка. **Приказ с утверждением и разрешением свыше появился только в Крыму.** Были отпущены солидные средства на покупку лошадей, инвентаря, тачанок, сбруи. Начальником пулеметной команды офицерского батальона был утвержден подпоручик Бондарь, Артем Потапович; действительной службы мирного времени вахмистр кавалерийского полка Императорской Армии, он был отличный офицер, боевой, смышленый, смелый, распорядительный и, как хозяин-хуторянин, предусмотрительно заботливый. Он так поставил пулеметную команду, таких подобрал лошадей, тачанки, сбрую, отличных пулеметчиков и ездовых, что залюбуешься такой стройной, четкой командой не только на параде, но особенно в бою и на походе. Подпоручик Бондарь часто сам ковал подковы, оси, подковывал лошадей, чинил сбрую. И эта офицерская пулеметная команда, неразрывно связанная с офицерским батальоном, во всю Крымскую эпопею, начиная с выхода за Перекопский вал, в боях под Токмаком два месяца, в заднепровской операции и на крестном пути отступления, показала себя с наилучшей стороны.

В Орел офицерский батальон вступил трехротного состава, со своей пулеметной командой и своей конной связью. Трудно сказать, сколько было пулеметов в команде — 12 или больше? Заботой каждого командира в офицерском батальоне было иметь это оружие, так как в бою пулемет — это нужная и желанная машина. Верно, что возить, таскать их и боеприпасы к ним трудно и заботливо. Когда шли вперед, этот вопрос разрешался относительно легко: подводы получались по наряду от полка. Основным вопросом была подготовка высококачественных пулеметчиков на смену выбывающим. Далее, у нас была своя кухня, отлично организованная подпоручиком Башевым, Павлом, и на ее подводах возились и запасные пулеметы, отдельные части к ним и патроны. Не могу забыть печального конца этого бесхитростного, простого деревенского человека, офицера, до крайности заботливого в отношении своих подчиненных и своих обязанностей. Когда мы погрузились на пароходы в Новороссийске для переезда в Крым, душа подпоручика Башева не выдержала, и он покончил с собой, перерезав себе горло Был у нас и свой оружейный мастер, он же и фельдфебель 1-й офицерской роты, подпоручик Вакуленко. В мирной жизни он был опытным старым механиком паровозостроительного завода. Упомяну об одном характерном случае, когда знания этого старого офицера помогли полку как нельзя лучше: где-то необходимо было спешно перебросить полк на несколько десятков верст в районе железных дорог. На ближайшей станции нашелся только один заброшенный паровоз и разрозненные эшелоны вагонов. Подпоручик Вакуленко получил паровоз, починил его, вручную набрали воды и топлива, и сцепку эшелона тоже произвели вручную, собственными усилиями. Через некоторое время наш старик подкатил со свистом на паровозе к готовому составу вагонов, выглядывая из паровоза черный, как арап, от сажи и копоти, но с довольным, сияющим лицом. Рядом с ним стоял командир полка, не менее черный от копоти, но тоже довольный. Быстро погрузились, набив собой вагоны, как сельди. Покатили и через два часа благополучно достигли цели. Вскоре подпоруч. Вакуленко был назначен заведующим оружием полка. Скажу только одно, что 2-й Корниловский Ударный полк со своим офицерским батальоном ни разу не терпел поражения в бою против красных, как при движении вперед, в лучшую пору, так и при вынужденном отходе назад. Ожесточенно неоднократно наседали на нас и с фронта и с тыла пехота и кавалерия красных, но взять, разбить нас не могли. Атаковывали нас и латышские части, курсанты, китайцы и буденновцы, но полковник Пашкевич держал свой полк в кулаке, не разбрасывая при отходе. Даст, бывало, такой отпор наступающим на нас, что те сами давали драпа в ту сторону, откуда пришли, мы же, быстро подобрав свои потери, отходили к намеченному пункту».

Судьба некоторых офицеров офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка

Командир офицерской роты капитан Громыковский — убит,
Постоянный командир офицерского батальона полковник Иванов, К. В., живет в Париже,

Капитан Иванов, В. П. был ранен, был курсовым офицером Корниловского военного училища, проживает в Нью-Йорке.
Штабс- капитан Плохих, погиб в Крыму.
Поручик Дудниченко, проживает в Париже.
Капитан Панасюк, погиб в бою под Каховкой, в 1920 году.
Поручик Озерной, погиб в Северной Таврии в 1920 году, под м. Большой Токмак. Неразорвавшийся снаряд попал ему прямо в грудь.
Поручик Лобанов скончался в Париже и похоронен на кладбище под Парижем, в местечке Святой Женевьевы, на Галлиполийском участке.
Капитан Старченко, был командиром 2-го батальона, после тяжелого ранения остался без ноги. Скончался в Нью-Йорке в 1963 году.

Добавление от составителя материалов

При описании своих подвигов жертвенного служения России Корниловцы мало отводили места для того, чтобы дать читателю представление о том, кто же, в каком количестве и с какой верой в правоту своего дела поднялись на борьбу с агентом Германии — Лениным с его диктатурой мирового пролетариата? Письмо поручика Бондарь, Алексея Ефремовича, частично это освещает. В то же время описание боеспособности 2-го Корниловского Ударного полка в лице его офицерского батальона поможет дать понять в дальнейшем и то, как и почему Корниловская Ударная дивизия 3-полкового состава не была уничтожена в боях под Орлом сорока двумя полками красных, в числе коих были отборные дивизии латышей, эстонцев, червонного казачества, с большой прослойкой коммунистов, китайцев, венгров-спартаковцев, еврейских частей и т. п.

При чтении этого можно пожалеть только об одном: почему эта чисто русская сила не собралась своевременно на призыв Генерала Корнилова, генерала Алексеева и других патриотов на борьбу с чуждой нам властью при содействии и на средства нашего тогда врага — Германии. Все мы знали, что для успеха боя необходимо быть в известное время и в известном месте сильней противника! Да, знать то знали, но немногие решились, не щадя своей жизни, явиться на призыв наших Вождей, а почти все остальные «выжидали событий» или же... «продали шпагу свою». Полковник Левитов.

* * *

Нижеизложенное приводится по личным впечатлениям составителя записок:

«С выходом на Московскую дорогу и с притоком поступающего после Курска пополнения в полки незнакомого нам элемента резко повысилась дисциплина с переносом тяжести на особое внимание к населению. На этой почве во 2-м Корниловском Ударном полку произошел трагический случай: при прохождении цепью г. Фатежа около капитана Пузанкова выходит на крыльцо дома некто в шинели без погон. На вопрос капитана Пузанкова: «Кто ты?» незнакомец тоже грубо отвечает на «ты»,

именуя себя офицером. В пылу боевой обстановки капитан Пузанков ударил неизвестного револьвером. В этот момент из дома выбегает женщина, оказавшаяся женой неизвестного, и кричит: «Грабят!» Проезжающий мимо адъютант полка капитан Гок просит обоих мужчин в штаб полка. Итог этого — военно-полевой суд, который приговаривает капитана Пузанкова к расстрелу. Капитан Пузанков был первопоходником, что особо у нас ценилось. В этот день я прибыл в полк после выздоровления от ранения, полученного под г. Обоянью, и к своему удивлению нашел в полку ни разу не виданное мной у Корниловцев явление: состояние бунта. Основная причина его — состав суда и исполнители его приговора были из числа нового пополнения, оказавшие необоснованное доверие к пострадавшему во время боевой операции. На наш взгляд, вышедший из дома в военной форме должен был взят нами в плен и с первого же момента должен был подчиняться или же быть готовым к принуждению с нашей стороны, отвечающему обстановке, что и сделал капитан Пузанков. Назначенный снова командиром своего 1-го батальона, я принял все меры, чтобы невинная жертва нашего первопоходника осталась в наших сердцах в целях сохранения молодого полка. Момент этот тяжело переживался и был забыт только под тяжестью нашего отступления из-под Орла. Это — одна сторона дела капитана Пузанкова, которую наблюдали участники занятия г. Фатежа. Но в Париже, уже в 1965 году я узнал от поручика Д., который, очевидно, мог наблюдать исполнение приговора суда, и дополнение к этому, которое шло за капитаном Пузанковым будто бы с Курска. Оно сводилось к тому, что якобы еще в Курске капитан Пузанков прямо на улице отобрал у какой-то дамы ценное ожерелье. Поверить этому трудно, так как его полк в город не входил и, если бы это видели, то тут же и арестовали бы.

Перед расстрелом капитан Пузанков отказался от того, чтобы ему завязали глаза, и снял с себя сапоги со словами: «Они еще пригодятся Добровольческой Армии», после чего спокойно подставил свою грудь под залп.

Мы тогда не могли понять причин для столь сурового приговора, потому что курский «грабеж» и сцена в боевой цепи в г. Фатеже были истолкованы с пристрастием. Оправданием для приговора могло быть только пресечение бандитизма в части, но тогда в рядах 2-го Корниловского Ударного полка его не было и потому некого было и устрашать расстрелом. Мое личное впечатление остается таким, что в этом печальном эпизоде были кем-то сгущены краски, когда для наказания по обстановке того времени можно было бы обойтись и без расстрела». Полковник Левитов.

* * *

11 сентября 1919 г. 3-й Корниловский Ударный полк получил приказание о присоединении к своей Корниловской Ударной бригаде. Поэтому 11 сентября считается датой наличия на фронте Корниловской Ударной дивизии 3-полкового состава.

В командование дивизией вступил полковник Скоблин. Своим помощником он просил назначить полковника Пешня, а командиром 1-го Корниловского Ударного полка был назначен полковник Гордеенко, который в должности командира 1-й офицерской имени Генерала Корнилова роты и командира 1-го батальона доказал, что он был достойным чести командовать старейшим полком Добровольческой Армии. Начальником штаба Корниловской Ударной дивизии стал Генерального штаба полковник Капнин.

* * *

В момент такой перемены в жизни Корниловцев необходимо кратко сказать о тех, кто был удостоен стоять во главе их дивизии.

Полковник Скоблин, Николай Владимирович, был одним из шести штабс-капитанов, прибывших при формировании «1-го Ударного отряда при 8-й Армии» в мае 1917 г. к капитану Неженцеву на командные должности. До этого он в первый же год войны в рядах 126-го Рыльского полка в чине прапорщика имел Золотое оружие, а потом и Георгиевский крест. Как на фронте Великой войны в «1-м Ударном отряде» — родоначальнике Корниловского Ударного полка, так и в гражданскую войну он был заместителем командира отряда и потом полка, капитана Неженцева. В конце 2-го Кубанского похода он назначается командиром Корниловского Ударного полка. С выходом на Московскую дорогу при нем полк смог выделить из себя кадры для формирования 2-го и 3-го Корниловских Ударных полков, которые при окончательном переходе в наступление на Курск были на фронте. Отступление до Новороссийска, в Русской Армии генерала Врангеля бои с красной армией, за что дивизия получает Георгиевское Знамя и потом ее полки — Николаевские Знамена, а батареи — Трубы с Николаевскими лентами. Боевое командование дивизией его закончилось ранением в бою 15 сентября 1920 года. После эвакуации в Галлиполи начинается его путь в эмиграции, где он стоит во главе уже сводного Корниловского Ударного полка.

Генерал Пешня, Михаил Александрович. В книге «Корниловцы», выпущенной к юбилею Корниловского Ударного полка в 1967 году, последний начальник штаба Корниловской Ударной дивизии, Генерального штаба полковник Месснер дает такой отзыв о нем:

«Кадровый офицер, получивший отличное офицерское сознание в Виленском тогда еще юнкерском училище (выпуска 1907 года), заслуживший в Великую войну Георгиевское оружие, полковник, впоследствии генерал-майор Пешня был славен своей невозмутимостью во всех обстоятельствах жизни полка в бою, в соединении с храбростью и пониманием боевой обстановки и великолепным командованием полком. Став помощником начальника дивизии, он сдал полк достойному заместителю — полковнику Гордеенко».

Дополнительно к вышеизложенному помещаю некролог генералу Пеш-

ня от имени Марковцев и Корниловцев, составленный Возглавлявшим тогда Объединение Корниловцев полковником Бояринцевым.

«Париж, 1962 г.

Светлой памяти генерала Пешня

4 сего декабря исполняется 25 лет со дня смерти генерала Михаила Александровича ПЕШНЯ. Роль покойного в Белом движении вообще, а в жизни Корниловцев и Марковцев, в частности, настолько велика, что воскресить его светлый образ в памяти современников и в назидание идущим нам на смену поколениям является их моральным долгом.

Родился Михаил Александрович в 1886 году. По окончании в 1907 году Виленского юнкерского училища он вышел в 73-й пехотный Крымский полк. Качества спортсмена (М. А. окончил высшую фехтовальную школу) гармонично сочетались в нем со всей его внешностью: стройный, всегда подтянутый, он был олицетворением образцового строевого офицера по призванию. Мировая война 14-18 гг. выявила эти качества особенно полно, и они получили высокую оценку в форме награждения молодого офицера всеми боевыми орденами, включая Георгиевское оружие. Два тяжелых ранения придавали еще больше блеска этим наградам. Революция застала Михаила Александровича в должности командира одного из вновь сформированных полков, в чине полковника. На его глазах начался развал Императорской Армии, Знамена которой когда-то реяли почти во всех столицах Европы,, а теперь поникли под тяжестью позора. Все его существо восстало против тех, кто был виновником этого позора, — большевиков. При первой же возможности он пробирается на Дон, где началась вооруженная с ними борьба. Прибыв в Корниловский Ударный полк, он получает назначение командиром 3-го батальона. Трудно было удивить Корниловцев храбростью, но бесстрашие полковника Пешня, его ледяное спокойствие и хладнокровие в самых тяжелых обстоятельствах боевой обстановки сразу открыли ему их восхищенные сердца. Иллюстрацией может служить то, что при первых же выборах в Суд Чести гг. Офицеров Михаил Александрович был избран его председателем. Через год полковник Пешня уже командир 1-го Корниловского Ударного полка. Вскоре он назначается помощником начальника дивизии. Его военные дарования и мужество дают ему чин генерал-майора и орден св. Николая Чудотворца 2-й степени. Много славных страниц вписал генерал Пешня в историю Корниловской Ударной дивизии, орошая их кровью своих ранений. Когда в Крыму началась агония Белой Армии, генерал Пешня получает назначение на должность начальника Марковской дивизии, обескровленной в страшных боях. В день выхода приказа об этом назначении он снова ранен, как будто сама судьба не хотела, чтобы он расстался со своими Корниловцами. Поэтому, в фактическое командование дивизией он вступил незадолго до эвакуации Крыма, вернее — уже на пароходе. Авторитетность нового начальника дивизии, его железную волю и организаторские способности Марковцы почувствовали сра-

зу. Уже на пароходе закипела работа по реорганизации дивизии, сводимой в один полк. В Галлиполи Марковский полк стал образцовой школой, в которой расцвели курсы самого разнообразного назначения, вплоть до общеобразовательных. Михаил Александрович входил в каждую мелочь жизни полка. Когда открылась возможность посылки из Галлиполи в Европу молодежи для окончания или получения высшего образования, и здесь он не был безучастен к ее судьбе. Все это способствовало тому, что Марковцы отдали своему командиру любовь, безграничное доверие и уважение. Его имя стало собирательным центром, к которому они тянулись, как к своему Знамени, когда жизненные обстоятельства рассеяли их по всем странам. Не мало способствовало его популярности и то, что генерал Пешня, их командир, добывал себе средства к жизни таким же тяжким трудом, как и большинство из них: то за станком на заводе, то за рулем такси, отдавая нужное время своим соратникам. Служа примером для других, он не забывал пополнять и свои военные познания, блестяще окончив курсы генерала Головина. Несомненно, что такая нагрузка и свела его преждевременно в могилу. Умер генерал Пешня в госпитале «Лярибуазьер» после операции печени. Гроб с останками покойного был перевезен в собор Парижа на рю Дарю и утопал в венках и цветах. Отпевание совершал целый сонм духовенства. Почетными часовыми стояли, сменяясь, Корниловцы, Марковцы, Алексеевцы и другие. Огромный храм не мог вместить всех пришедших отдать последний долг Белому Генералу и выразить беспредельное сочувствие его осиротевшей вдове — Марии Николаевне — и всем тем, кто в лице покойного потерял защитника чести русского имени, стойкого борца за национальную идею. Катафалк с гробом, сопровождаемый бесконечной вереницей автомобилей, направился после отпевания в городок под Парижем — Севран, — где жил Михаил Александрович. На местном кладбище вырос новый могильный холм, у изголовия которого стоит памятник, свидетель славы и скорби нашей. Сама могила неизменно покрыта свежими цветами, которые часто приносит из Парижа Мария Николаевна после своего трудового дня.

Торжественная панихида по случаю 25-летия смерти рыцаря Белой Идеи была отслужена 8 декабря 1962 года в Париже, «в церкви Знамения Божией Матери». Подписано «Марковцы и Корниловцы».

На панихиде присутствовали: начальник Русского Обще-Воинского Союза генерал Лампе, представители всех частей Добровольческого Корпуса и вдова покойного Мария Николаевна. Церковь была переполнена молящихся, и панихида носила исключительно торжественный характер, что говорило о больших заслугах генерала Пешня в борьбе за честь РОССИИ. Полковник Левитов.

* * *

Полковник Гордеенко, Карп Павлович. В юбилейной книге «КОРНИЛОВЦЫ» последний начальник штаба Корниловской Ударной дивизии Генерального штаба полковник Месснер дает ему такую аттестацию: «Полковник Гордеенко был природой создан для командования полком:

храбрость, отвага, решимость, находчивость, энергия -- внутренние свойства этого офицера, а внешними были: высокий рост, отличное сложение, мужественное лицо и громовой голос».

В записях того времени о назначении полковника Гордеенко командиром 1-го полка сказано так: «Командиром 1-го Корниловского Ударного полка назначен полковник Гордеенко, который с должности командира офицерской имени Генерала Корнилова роты и командира 1-го батальона доказал, что он достоин чести командовать старейшим полком Добровольческой Армии».

Выдержки из некролога полковника Гордеенко

«29 июля 1969 г. в госпитале города Грасс (Франция) скончался полковник Гордеенко, Карп Павлович. Родился он в 1891 году, общее образование получил в Ялтинской гимназии. По окончании Владимирского военного училища 12 июля 1914 года произведен в подпоручики с назначением в 1-й стрелковый полк, откуда был переведен в 13-й особого назначения полк, которым он временно командовал в 1917 году. За время войны имел все награды, до Георгиевского оружия включительно. В гражданскую войну он был награжден орденом св. Николая Чудотворца 2-й степени и был удостоен чести в Северной Таврии принять из рук генерала Врангеля Георгиевское Знамя, награду дивизии за ее подвиги в борьбе за честь и достоинство национальной РСССИИ. Службу свою в борьбе в рядах Корниловского Ударного полка он начал в октябре 1918 года, с должности командира офицерской имени Генерала Корнилова роты. Во время обороны Каменноугольного бассейна, где полк в упорных боях три раза сменил свой состав, он со своей прославленной офицерской ротой действительно проявил чудеса доблести воинской, за что был переведен на должность командира 1-го батальона. С ним он принимает участие во взятии гг. Белгорода и Курска, покрыв себя и свой батальон заслуженной славой нашего Корниловского удара. Во время боев за город Орел он назначается командиром прославленного Корниловского Ударного полка, с которым в первом же бою в этой должности он разбил латышскую бригаду, — три стрелковых полка, — нанеся ей большие потери. С этим же полком он с достоинством прошел наш крестный путь отступления до Новороссийска, успешно командовал им в Крыму и Северной Таврии до последнего боя на Юшуньских позициях, где и получил четвертое ранение. После он перенес все невзгоды изгнания, начиная от Галлиполи, Болгарии и Франции, где, занимаясь тяжелым трудом фермера, жил на юге. Оторванность его от центра Объединения полка в Париже лишала его возможности принимать участие в его жизни, и только с предательством Скоблина он просил наше Командование вновь назначить его на полк, но ему даже и не ответили. Несмотря на это он всегда радушно принимал у себя своих однополчан. В юбилей 50-летия полка он приезжал в Париж на торжество.

Перед смертью его моя семья навестила его в госпитале города Грасс.

Он был очень тронут этим и, предчувствуя свой близкий конец, просил передать всем поклон и уверение в том, что по-старому всех любит и помнит. Через несколько дней предчувствия его оправдались и он скончался.

Похороны состоялись на кладбище города Грасс.

Мир праху его и покой душе верного сына РОССИИ!

Считаю своим долгом отметить, что Корниловцы всюду служили панихиды и молились о душе своего доблестного командира полка, воина Карпа, сопровождая это соболезнованиями на мое имя. Полковник Левитов.

* * *

Генерального штаба капитан, а потом полковник Капнин, Константин Львович.

Состоявший при штабе дивизии полковник Рябинский в юбилейной книге «КОРНИЛОВЦЫ» так оценивает работу своего начальника штаба

Начальник штаба Корниловской Ударной Дивизии
Генерального штаба полковник Капнин.

назначенного начальником штаба Корниловской Ударной дивизии по собственному желанию: «Как офицер Генерального штаба полковник Капнин — осторожный, «себе на уме», внимательный, находчивый, быстро разбиравшийся в самой сложной обстановке, никогда не терялся и неиз-

менно пребывал в спокойном расположении духа; вид имел озабоченный, но не суетливый; все приказы, приказания, распоряжения редактировал сам. Советников, а таких всегда много бывает в штабах, выслушивал и с иронической улыбкой говорил: «Да?.. Думаете?..» Однажды офицер штаба соседней дивизии сказал ему по телефону: «Наш начальник дивизии считает нужным, чтобы один батальон Корниловцев был в промежутке между дивизиями...», тут полковник Капнин его оборвал: «Позвольте начдиву Корниловской самому распоряжаться своими батальонами».

Удивляла всех его трудоспособность. Он был добродушен, но не очень добр; с чинами штаба не сходился, но и не чуждался их; снисходил к слабостям подчиненных, а в дивизии был авторитетом. Начальник дивизии обыкновенно соглашался с мнениями этого талантливого офицера Генерального штаба». Полковник Рябинский.

От себя должен добавить, что за долгое время своего пребывания в должности помощника командира 2-го Корниловского Ударного полка, а потом и его командира, я часто соприкасался с полковником Капнистым, и действительно он меня поражал, особенно своей трудоспособностью. Полковник Левитов.

Таков был штаб Корниловской Ударной дивизии.

3-й Корниловский Ударный полк

26 августа 1919 года. После молебна и смотра командиром корпуса 2-й и 3-й батальоны полка погрузились в эшелоны и отбыли на станцию Сумы, на участок Дроздовской стрелковой дивизии, в отряд полковника Манштейна. К этому времени красные прорвались в стыке между 1-м армейским корпусом и 5-м кавалерийским, безостановочно продвигались и угрожали городу Сумы.

28 августа вечером, с участка 1-го Корниловского Ударного полка прибыл и присоединился к полку его 1-й батальон, а 28-го полк в полном составе выступил в 14 часов и, двигаясь походным порядком, к вечеру присоединился к отряду полковника Манштейна у деревни Николаевка (участок Дроздовской дивизии).

30 августа. Полк ведет наступление в двух направлениях: 2-й батальон с бронепоездом и тремя пулеметами двинулся на север, вдоль железной дороги, и, тесня бронепоезд красных, к вечеру занял разъезд Тохтяный. 1-й и 3-й батальоны с офицерской ротой были двинуты на северо-восток, к деревне Речки Заняв Речки с боем, захватили пленных, обоз и канцелярию Кубанской советской бриг.

31 августа. 1-й батальон присоединяется к отряду полковника Манштейна для наступления на станцию Ворожбу, западнее железной дороги. 3-й батальон и офицерская рота были встречены восточнее железной дороги 2-й Кубанской советской бригадой и вступили с ней в бой, длившийся до 6 часов. Отбив успешно наступление, батальон двинулся на Белополье и далее на Ворожбу, куда и прибыл к вечеру того же дня. Туда же прибыли и другие батальоны

1 сентября 1919 г. 6-я и 7-я роты двинулись вдоль железной дороги

и заняли станцию Клепалы. 5-я и 8-я роты заняли сторожевое охранение у деревни Ворожба. 3-й батальон занял станцию Волфино. 1-й батальон двинулся на селение Теткино и к вечеру занял его.

2 сентября. Полк сосредоточился на станции Ворожба. Полк вышел из подчинения полковнику Манштейн и, оставив в его отряде 1-ю, 7-ю и 11-ю роты, двинулся по железной дороге на ст. Коренево. Высадившись на ст. Волфино, 2-й батальон с двумя бронепоездами двинулся на ст. Глушково и занял ее.

4 сентября. На ст. Глушково прибыли 1-й и 3-й батальоны и 7-я рота.

5 сентября. Полк повел наступление на ст. Коренево и после горячего боя с появившейся пехотой противника занял ее.

6 сентября. Полк с боем занимает линию деревня Малеевка — станция Колонтаевка.

7 сентября. С утра полк двинулся далее, по пути поднял и увлек за собой дрогнувших Олончан и, стремительно перейдя в атаку, занял станцию Артаково и Льгов, а затем форсировал реку Сейм и занял и город Льгов. При форсировании реки полк понес большую потерю в лице командира 3-го батальона штабс-капитана Скударева.

При занятии города полк взял трофеи: несколько сот пленных, лошадей, пулеметов, повозок и оружия. В г. Льгове полк простоял 8 и 9 сентября.

10 сентября. Полк переходит в деревню Правоправку.

11 сентября. Полк с боем продвигается и занимает линию деревень Сетное-Покровское-Шуклино. Правым флангом полк соединяется с частями 2-го Корниловского Ударного полка. Таким образом заслужив боевую славу, полк соединился со своими старшими братьями. На этом заканчивается разрозненное действие Корниловских Ударных полков и в будущем они будут действовать в составе своей дивизии.

ФОРМИРОВАНИЕ КОРНИЛОВСКОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ

По данным полковника Гетц к 50-летию Корниловского Ударного полка помещенным в книге «КОРНИЛОВЦЫ»

Приступая к изложению сохранившихся в памяти событий жизни Корниловской артиллерийской бригады со дня основания и до конца ее существования после трехлетней борьбы, я приношу братскую благодарность инициаторам издания сборника, полковнику Левитову и профессору, Генерального штаба полковнику Месснеру, за приглашение принять участие в составлении юбилейной памятки ко дню 50-летия Корниловских частей. Приношу искреннюю благодарность и всем Корниловцам, давшим материалы и советы для составления настоящих записок. Вместе с тем я позволяю себе перед лицом Истории засвидетельствовать те чувства искреннего уважения и, больше того, восхищения исключительной доблестью и мужеством ударников. Мы, артиллеристы, были восторженными свидетелями их дел на протяжении всей войны с ее непрерывными боями.

Не было такого положения, из которого с честью не мог бы выйти храбрый ударник, искусно водимый своими командирами, ни превосходство врага в подавляющем количестве, ни недостаток вооружения, ни ограниченный запас патронов, ни благоприятствующая врагу обстановка боя, не могли воспрепятствовать Корниловцу-ударнику вырвать из вражеских рук победу, обильно политую Корниловской жертвенной кровью. Тот победоносный дух, которым был пропитан Корниловский Ударный полк от рядового до командира, побуждал и нас, артиллеристов, быть достойными сподвижниками своих братьев-ударников. Глубокое доверие к ним сплошь и рядом толкало нас на рискованные выходы на открытые позиции, даже впереди своих цепей, и на движение вместе с наступающей пехотой. Здесь

Командир 6-й батареи Корниловской Артиллерийской бригады полковник Гетц, Викентий Иванович.

осуществлялось на деле сопровождение своей пехоты не только огнем, но и колесами, на чем так настаивала тактика артиллерии. Благодаря установившейся традиции боевого товарищества, операции полка почти всегда проходили с громадным успехом даже в период отхода Добровольческой Армии, когда общая обстановка могла подорвать эту высокую боеспособность...

Говоря о доблести ударников, я имею в виду и славный конный дивизион во главе с полковником Ковалевским и сапер полковника Добровольского. **Все эти подвиги не принесли конечной победы, но они отра-**

зили любовь к своему Отечеству и готовность на жертвы, а для военной истории показали образцы высокого уменья побеждать вмале. Пусть же пришедшие после нас прочтут на страницах этого сборника о делах воинов под черно-красным Знаменем на пути к достижению их великой и заветной цели освобождения РОССИИ от красного ига.

Корниловская артиллерийская бригада

Формирование бригады производилось по мере накопления средств, поступавших из той добычи, которая захватывалась во время боевых действий. Этот источник снабжения в течение первого года был единственным. 1-я батарея бригады может считаться прародительницей всех восьми батарей. Через это горнило проходил главным образом командный состав бригады и пропитывался духом добровольчества, уверенного в своей непобедимости. Сама же батарея пережила пертурбации: выйдя в 1-й Кубанский Генерала Корнилова поход 3-й батареей в составе дивизиона генерала Икишева, вернулась из похода под именем 2-й отдельной батареи с командиром подполковником Ерогиным. Она стала 1-й Корниловской батареей, выделившей из своего состава 2-ю, 3-ю и 4-ю батареи. Образовавшийся 1-й дивизион был сперва на фронте против грузин, а во время действий у г. Изюма соединился с Корниловской артиллерийской бригадой. 2-й дивизион пошел на Киевское направление, 3-й дивизион образовали две Марковские батареи, переименованные в 5-ю и 6-ю Корниловские. 4-й дивизион был гаубичный — 7-я и 8-я батареи. В конечном итоге, после многих переформирований бригада к ноябрю месяцу имела следующий законченный состав:

Командир бригады генерал-майор Ерогин

1-й дивизион — полковник Королев; 1-я имени Генерала Корнилова батарея — полковник Пио-Ульский; 2-я батарея — полковник Глотов.

2-й дивизион — полковник Гегела-Швили; 3-я батарея — капитан Шинкевич; 4-я батарея — полковник Поспехов.

3-й дивизион — полковник Роппонет; 5-я батарея — полковник Петренко; 6-я батарея — полковник Гетц.

4-й дивизион — полковник Джаксон; 7-я батарея — полковник Халютин; 8-я батарея — полковник Мальм.

В Крыму, в Русской Армии генерала Врангеля бригада имела:

1-й дивизион в составе 1-й и 2-й батарей работал с 1-м и 3-м Корниловскими Ударными полками;

3-й дивизион в составе батарей 5-й и 6-й работал со 2-м полком.

Ограниченность места не позволяет описать действия всех батарей, а потому я коснусь только батарей, в которых протекала моя служба. Это ставило меня в положение живого свидетеля и участника событий а именно: я был начальником орудия в 1-й батарее, старшим офицером в 4-й и командиром 6-й батареи.

Общая оценка действий всех батарей по отзывам нашей пехоты, как главного судьи, выше всех похвал: бригада в полном своем составе добросовестно и успешно разрешала возлагаемые на нее задачи. В наступлении

она прокладывала путь своей пехоте, в обороне — своим мощным огнем она прикрывала боевой порядок и отражала врага, нанося ему громадные потери. Почти всегда взаимные усилия венчались успехом, а зачастую и полным разгромом противника. Никогда не случалось, чтобы надламывалась воля к победе, уступая неприятелю, и только оперативные причины заставляли поворачивать вспять, но и в этом случае сохранялась боеспособность и решимость продолжать бой.

1-я имени Генерала Корнилова батарея

Эта батарея была участницей 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода. Боевой дух она сохранила до конца своего существования, она ковала для Корниловской артиллерийской бригады дух удали, инициати-

Первопоходник, полковник Пиоульский,
командир 1-й батареи Корниловской Артиллерийской Бригады.

вы, искусство глазомера и полевых способов ведения стрельбы. Здесь выработались приемы подвижной войны и упразднилась тяжеловесность способов регулярной войны, что поглощало много времени и терялся один из важных моментов открытия огня — его своевременность.

6-я батарея

Сформировалась из Марковских, на походе на Москву; батарея погибла при общем отходе в ноябре 1919 г. К счастью, ее обоз сохранился и она была восстановлена полковником Гетц. В Русской Армии за свои

блестящие действия она была награждена Николаевскими трубами с национальными лентами, а командир ее, полковник Гетц, орденом св. Николая Чудотворца 2-й степени. Особенно блестящие бои этой батареи были в Северной Таврии против конного корпуса Жлобы, под с. Большой Токмак, заднепровская операция с отбитием атаки на сторожевое охранение 2-го Корниловского Ударного полка конницы красных с тремя бронеавтомобилями, один из которых был разбит, а второй подбитым был взят на буксир третьим.

Доблесть офицеров артиллерии

Лицо бригады представляли ее командиры и старшие офицеры, на которых лежала ответственность за боевые действия и репутацию ее безопасности и подготовки. Среди рядовой массы офицерского и солдатского звания не мало было таких, которые по своему качеству не уступали своим командирам, но недостаток места не позволяет о них всех писать.

Командир бригады генерал Ерогин, Лев Михайлович, — коренной офицер 33-й артиллерийской бригады. По мобилизации ушел во второочередную 70-ю бригаду старшим офицером одной из батарей. В 1916 году получил в командование 6-ю батарею 19-й артиллерийской бригады. Награжден орденом св. Георгия за участие с батареей в переправе через Вислу, где он совместно с другими батареями бригады удерживал тет-де-пон без прикрытия пехоты, отбиваясь картечным огнем, пока не подошли на помощь свежие части пехоты. В Великую войну полковник Ерогин был награжден Георгиевским оружием, а также и орденом Почетного Легиона. В гражданскую войну был участником 1-го похода. Генерал был прекрасный стрелок: батарея в его руках была усовершенствованным инструментом в точности и быстроте пристрелки и способа развить огонь, который для противника был непреодолим. Скромный, добрый и душевно привлекательный, на службе требовательный, вне службы — благосклонный, старший руководитель. Трагически закончил свою жизнь в эмиграции: жил в Польше, а с началом наступления большевиков, когда советы заключили договор с Гитлером, принужден был бросить все и уходить без средств передвижения. Измученный этим походом, заболел и скончался в Варшаве, где и похоронен.

Командир 3-го дивизиона полковник Роппонет, Юрий Николаевич, — офицер 31-й артиллерийской бригады, командовал батареей во время Великой войны. Пользовался авторитетом среди своих подчиненных, знаток артиллерийского дела. Распорядительный и храбрый в бою. Благодаря своим способностям выдвинулся в ряду Корниловских начальников и сумел установить с пехотой те отношения боевого товарищества, которые шли на пользу дела и укрепляли чувства взаимного доверия и уважения. В бригаде занимал почетное место председателя Суда Чести.

Командир 1-го дивизиона полковник Королев, Федор Павлович, коренной офицер 52-й артиллерийской бригады, кавалер ордена св. Георгия Победоносца и Георгиевского оружия. Прославленный офицер в боях со взводом горной батареи в Великую войну. Участник 1-го Кубанского Ге-

нерала Корнилова похода. Всегда спокойный, в любой обстановке. Этим спокойствием благотворно действовал на окружающих. Крещенный огнем и дымом сражений, стал высокого стиля боевым начальником.

Командир 2-го дивизиона полковник Гегела-Швили, Соломон Давидович, — офицер 22-й артиллерийской бригады, награжденный всеми боевыми орденами и Георгиевским оружием за боевую работу. В Корниловской артиллерийской бригаде принял дивизион в Правобережной Украине. Обаятельный в офицерской среде и в отношениях с подчиненными был душой офицерского круга и общества, в котором ему приходилось вращаться.

Командир 5-й батареи полковник Петренко, Яков Михайлович, — кадровый офицер с большим боевым и строевым опытом, знавший артиллерийское дело. В бою шутливо спокоен: пролетавшие пули называл «пчелками». Авторитетен в офицерской среде и на хорошем счету у начальства.

Командир 6-й батареи полковник Гетц, Викентий Иванович, — офицер 4-й артиллерийской бригады. По окончании Виленского военного училища в 1911 году берет вакансию в артиллерию. После командования батареей на фронте 1-й Мировой войны и должности начальника Школы траншейной артиллерии прошел в Корниловской артиллерийской бригаде разные стадии: конного вестового при командире батареи, фуражира (короткое время), наблюдателя, начальника орудия 1-й батареи, старшего офицера 4-й батареи и наконец командира 6-й батареи. Такая игра судьбы удовлетворяла его натуру. Батарея за время его командования заслужила Николаевские трубы с лентами, обильно политыми кровью, особенно под Сладкой Балкой, когда одной неприятельской очередью были убиты оба старших офицера, шесть человек ранено и 19 лошадей выведено из строя. Кавалер ордена св. Николая Чудотворца.

Командир 4-го дивизиона полковник Джаксон, Павел Александрович, — кадровый офицер с большим опытом. Его служба в роли командира дивизиона не могла войти в установленные положением рамки законченного подразделения бригады: его командование оказалось номинальным из-за разбросанности батарей, составлявших дивизион. Но когда ему удавалось собрать вместе свои батареи, полковник Джаксон проявлял высокие качества боевого начальника. Вообще же он был глубоко идейным и не гнался за карьерой. Помнится, как он, прибыв в Добровольческую Армию, долго работал на кухне, исполняя там самую черную работу, и никогда не обижался, что ему, полковнику, в батарее не нашли другого дела.

Командир 1-й имени Генерала Корнилова батареи полковник Пио-Ульский, Антоний Георгиевич, — доблестный офицер 18-й артиллерийской бригады. К началу 1-го Кубанского похода прибыл в чине штабс-капитана. Полный энергии, он в ноябре 1919 года становится командиром батареи. Его молодость и порыв как нельзя лучше соответствовали носителю и продолжателю боевой славы, каким должен быть командир 1-й батареи, считавшейся очагом и примером доблести. Все эти качества, привле-

кательная наружность, воспитанность и манеры светского человека импонировали молодежи, вызывая в них подражание своему командиру. За боевые отличия в Крыму произведен в полковники. Кавалер ордена св. Николая Чудотворца 2-й степени.

Командир 2-й батареи полковник Глотов, Ефим Александрович, — кадровый офицер, участник 1-го Кубанского Генерала Корнилова ледяного похода. Во время своего командования батареей проявлял качества достойного командира, каким обязан быть честный офицер и Корниловец по духу. К сожалению, связь с ним порвалась давно и потому нельзя было полностью изложить его деятельность. Он был одним из первых награжден орденом св. Николая Чудотворца 2-й степени за отличие при выходе Русской Армии с Перекопа в Северную Таврию.

Командир 7-й батареи полковник Бялковский, Николай Петрович, — кадровый офицер 7-й артиллерийской бригады, служил в одном из Финляндских артиллерийских дивизионов, где, командуя горной батареей, получил орден св. Георгия Победоносца и Георгиевское оружие. При посадке в Новороссийске на пароход сумел погрузить орудие, за что был удостоен командовать 7-й батареей Корниловской артиллерийской бригады. В одном из первых боев в Крыму пополнил свою батарею захваченными у большевиков орудиями, из которых тут же лично открыл огонь по противнику. Генерал Кутепов, наблюдая его действия, приказал представить его к ордену св. Николая, а батарею — к Николаевским трубам. Имел французский орден Почетного Легиона.

Наш боевой состав всех должностей и званий отличался высоким духом. Молодежь, пришедшая к нам на пополнение, скоро усвоила премудрости военного дела и не снижала боеспособности, а скорее повышала ее.

Из особо выдающихся полковник Гетц приводит следующих: полковник Мутсо, Карл Иванович. В Добровольческой Армии начал службу рядовым в чине капитана. Подполковник Смогоржевский, Донат Александрович, старший офицер 1-й имени Генерала Корнилова батареи, из вольноопределяющихся 52-й артиллерийской бригады, украшенный четырьмя Георгиевскими крестами. Действительно, он был солдат, в ранце которого находился маршальский жезл. Дослужившись до полковника в своей батарее, он в ней же и пал за честь своей Родины в октябре 1920 года, под Рогачиком. Полковник Корбутовский, Петр Алексеевич, — офицер 3-й артиллерийской бригады, пять раз раненый. В 5-й батарее Корниловской артиллерийской бригады был старшим офицером. Скромный герой, но офицером был выдающимся. По окончании войны он в Болгарии окончил богословский факультет университета и стал преподавателем истории и русского языка. С приходом большевиков он оказался в чине «врагов народа» и был выслан в СССР на десять лет, в лагерь каторжных работ. После освобождения попал во Францию совершенно больным, от чего и скончался.

В числе особо доблестных заслуживает упоминания поручик 1-й имени Генерала Корнилова батареи Попов, Александр, один из первых ка-

валеров ордена св. Николая Чудотворца. Убит в конце августа 1920 года под Каховкой.

В этот венок я вплетаю гирлянду из тринадцати крестов ордена св. Николая Чудотворца, добытых его кавалерами, и Николаевские трубы, полученные 1-й, 5-й, 6-й и 7-й батареями.

Вместе с тем благодарю Создателя за ниспосланную мне милость принять участие в борьбе за мою и нашу дорогую Родину. Нам же, Корниловцам, выпала особая честь получить погон с инициалом «К» и, возлагая на себя его, пережить момент своего возрождения, привлекшего упования и чаяния национальных сил к освобождению порабощенной большевиками РОССИИ. Вопреки проискам темных сил, мы верим, что наступит развязка с «чарами врага» и если не мы, то наша молодая смена увидит РОССИЮ великой и свободной.

Полковник Гетц

* * *

12 сентября 1919 года. 1-й Корниловский Ударный полк занимает село Смородинное. 2-й его батальон остается на хуторе Моншина.

2-й Корниловский Ударный полк — город Фатеж, 2-й батальон — село Солдатское.

3-й Корниловский Ударный полк — дневка на занятой позиции.

13 сентября. 1-й Корниловский Ударный полк в сопровождении бронепоездов идет на станцию Поныри.

2-й Корниловский Ударный полк. 1-й батальон — с. Ржава, 2-й — с. Солдатское, остальной полк — в Фатеже. На фронте поиски разведчиков.

3-й Корниловский Ударный полк к вечеру занимает линию сс. Сухачево, Солдатское и Шахово.

14 и 15 сентября. 1-й и 2-й полки — поиски разведчиков.

3-й полк. 15 сентября участок полка занимается частями 2-го полка. Полк следует через город Фатеж в резерв дивизии, в село Сергиевское, куда прибывают из отряда полковника Манштейна наши 1-я и 11-я роты. С этого момента полк полностью вошел в состав своей дивизии.

16 сентября. 1-й полк продолжает движение на Орел по линии железной дороги при поддержке трех бронепоездов, одного танка и артиллерии. Противник после Курска под давлением такого мощного кулака не оказывает упорного сопротивления.

2-й полк. Штаб полка — г. Фатеж, 2-й батальон — с. Солдатское, 3-й — с. Ржава. Получен боевой приказ о наступлении. Все приободрились, так как несмотря на приток пополнения — офицерская рота развернулась в чисто офицерский батальон трехротного состава, более 750 человек — и как будто бы имея возможность добить противника, мы топтались на месте. К нашему несчастью, при дивизии не было совершенно кавалерии и быть может поэтому ходили слухи, что генерал Мамонтов, возвращаясь из своего знаменитого рейда, ударит по тылам красных на нашем участке.

Рейд генерала Мамонтова продолжался с 28 июля по 8 сентября. Ге-

нерал громит сейчас тылы красных и, вероятно, от г. Ельца ударит одновременно с нами по тылам красных, на г. Малоархангельск и г. Орел. Во всяком случае, наша медлительность говорила рядовой массе, что наше командование по каким-то причинам стоит в нерешительности. Согласно приказу 2-й батальон выступил на Покровское — Гаево — Желен (Лактионово). В 13 часов батальон встретился с противником у д. Нижний Реут и после артиллерийской подготовки заставил его отступить на с. Желен. Во время разведки был убит адъютант батальона поручик Бергольц, который со своим разъездом встретился с «чертовой сотней». 1-й батальон из с. Ржава выступил в 11 часов и без боя занял дер. Ясенки. На ночь батальон остановился в с. Петроселки. Штаб полка — Свапские дворы по шоссе.

3-й полк остается на старом месте, в резерве.

17 сентября. 1-й полк — поиски разведчиков.

2-й полк. На рассвете 2-й батальон с командой пеших разведчиков переходит в с. Высокое и разведка в село Родогоща. 3-й батальон — с. Малахово, откуда противник отходит, преследуемый артиллерийским огнем. 1-й батальон — Ниже-Морозиха — бой. Взято два пулемета на тачанках вместе с лошадьми и пленные. Красные перед 2-м батальоном отошли на с. Зорино и пока что занимают: Студенок-Бобров-Макарово-Андросово-Михайловка. По показаниям перебежчиков, в этих селах расположено четыре стрелковых полка: 55-й, 61-й, 66-й и 67-й, в полках по 200-250 штыков. В селе Бобровка стоит «чертова сотня». Перед 1-м и 3-м батальонами противник отошел на с. Ефратово. Влево от полка, в районе Генеральщина должен быть Самурский полк Дроздовской дивизии. Связи с ним нет.

3-й полк. Полку приказано продвинуться в село Слоновое.

18-го сентября. 1-й полк с бронепоездами идет центром по линии железной дороги, встречая слабое сопротивление, которое, однако, все крепнет. Пока красные не подвели свежих частей, а отступающие от Курска совершенно деморализованы. В книге «Корниловский Ударный полк» находим описание одного эпизода, подтверждающего разложение частей красных: «Поручик Редько, лихой офицер, командир взвода 1-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка (в это время этот батальон имел в строю тысячу человек), получил письмо из д. Миловка с предложением сдачи. Он отвечает согласием и обещанием никого не тронуть. В ответ ночью сдается рота красных в 150 человек. После этого поручик Редько занимает сс. Верхние и Нижние Столбецкие, где он нарвался на красных и с отчаяния атаковал их. Ему сдалось здесь ни много, ни мало — три тысячи человек». Трудно этому поверить, но теперь мы знаем, что сами советские источники утверждают факт разгрома в эти дни 55-й и 9-й стрелковых дивизий 13-й армии.

2-й полк. Полку приказано активно оборонять занимаемый им участок.

3-й полк. Полку приказано выделить один батальон в резерв начальника дивизии, занять линию дд. Гремячее — Лебедиха — Воронец, что и было выполнено полком, гнавшим перед собой противника. 1-й его батальон из с. Становое перешел на ст. Поныри.

19 сентября. 1-й полк. С выходом полка на линию г. Малоархангельск и ст. Поныри сопротивление противника все растет. Ожидается серьезный бой за город и для этого к станции Поныри подтягивают из резерва части 3-го полка.

2-й полк. За этот день на участке 1-го батальона произошло исключительное по важности событие: впервые нам было сообщено о готовящемся окружении и уничтожении Корниловской Ударной дивизии. Разыгралось это событие следующим образом: 1-му батальону, которым постарому командовал я, было приказано из села Морозихи перейти на какой-то небольшой хутор. По прибытии туда под вечер я сразу узнал от разведчиков, что по дороге, со стороны красных на нас идет в колонне не меньше эскадрона конницы Мной было приказано скрытно занять хутор, окружив его изнутри кольцом, впустить кавалерию и без стрельбы обезоружить ее. Лихие Корниловцы, чувствуя свой перевес во всех отношениях, устроили противнику настоящую мышеловку С близкой дистанции в бинокль было видно, что кавалерия идет спокойно и даже не думает высылать разъезда. С подходом противника стало темно. Когда добрая половина перешла линию нашей обороны, красные обнаружили нас, задние успели повернуть и скрылись, а остальные без выстрела были обезоружены.

Среди пленных оказались один полковник, два ротмистра и 15 солдат. Пришлось всех накормить ужином. Офицерам у себя я предложил яичницу и между прочим, помимо интересовавших меня ближайших расположений и намерений противника, я узнал о готовящейся грозной для нас операции окружения нашей дивизии через прорыв между нами и Дроздовцами латышской стрелковой дивизией, эстонской, кавалерийской дивизией Червонного казачества, особыми еврейскими полками при поддержке 9-й, 55-й и 7-й стрелковых дивизий. Рано утром пленные были отправлены в штаб полка и вскоре я получил от офицеров письмо из Харькова. В письме они благодарили за радушный прием, но создавшееся для них в Харькове положение заставляло их усомниться в правоте их перехода к нам. Да, не все было у нас в тылу поставлено серьезно, особенно при разборе поведения офицерства, озлобившего нас своим отказом идти за Генералом Корниловым и тем втянувшего нас в длительную и кровавую гражданскую войну. Да и другое всегда нам вспоминалось — это Каменноугольный бассейн, где мы в набегах на красных в сильные морозы встречали гг. офицеров за пулеметами, охранявшими красную банду. И в этом случае я с болью в душе взирал на эту милую тройку, давшую красным возможность иметь на эскадрон полковника и двух ротмистров — не плохо! Затмила революция мозги так, что не могли они различить, где национальная Россия, а где интернационал самого низкого сорта. Генерал Деникин в своих трудах говорит, что эта группировка красных не была для него секретом, но что более опасным он считал Воронеж и потому отдал единственный свободный у него конный корпус генерала Шкуро туда, на левый фланг Донской Армии, а у нас им было решено парировать удары противника соответствующим расположением частей.

3-й полк. С 19 по 25 сентября полк занимает прежнее положение.

20 сентября. 1-й полк. Упорные бои полка под командой полковника Пешня - полковник Гордеенко был болен — ведутся за г. Малоархангельск. Части 55 й стрелковой советской дивизии разбиты, г. Малоархангельск и Поныри взяты. Красные оставили большие трофеи.

2-й полк. 2-му батальону приказано совместно с командой пеших разведчиков и взводом артиллерии сделать набег на Макарово — Андросово — Коренки. Отряд выступил в 7 часов, разогнал противника в указанных селах и вернулся почти без потерь.

Бои Корниловской Ударной дивизии в Орлово-Кромской операции с 6 октября по 10 ноября 1919 года (числа по новому стилю)

22 мая 1962 года в Париже, в «Доме Белого воина» Екатерины Сергеевны Фишер состоялось открытие карты «Максимального продвижения Вооруженных Сил Юга России при наступлении на Москву в 1919 г.». Представителем в комиссии от Корниловцев было предложено быть мне. Предполагая, что на карте будет нанесен маршрут продвижения за большой отрезок времени, мной был просмотрен соответствующий по объему материал. В итоге, по техническим возможностям, все свелось к нанесению на прекрасно исполненной карте в 2 1/2 на 4 метра только одной линии фронта вышеуказанного названия. При открытии карты подполковник Щавинский сделал краткий доклад о величии подвига Вооруженных Сил Юга России, чтобы достигнуть этого рубежа в борьбе за честь России с войсками красной армии. Этот доклад из каждого маленького по размерам обозначенного на карте участка воинского соединения сделал настоящую картину нашего крестного пути. Это укрепило меня в необходимости, в пределах для меня доступных, закончить мою работу по сбору материалов для одной из славных страниц Корниловской Ударной дивизии именно на этом рубеже нашего максимального продвижения на Москву в центре Добровольческой Армии, хотя и содержащих описание начала рокового исхода всей кампании Вооруженных Сил Юга России.

Обычно считают, что доблесть войск и их жертвенность проявляются только в победоносных боях, а не там, где им приходится отступать, хотя бы даже и не по их вине. Так было под Орлом, где Корниловцам в итоге жестоких и беспрерывных боев пришлось отступать, проявив при этом исключительную жертвенность и свой ударный порыв.

Сложившаяся перед этой операцией обстановка

Перед тем как переходить к описанию соотношения сил, необходимо осветить ПОЛИТИЧЕСКУЮ обстановку, о которой мы тогда мало что знали, но которая сыграла главную роль в поражении Белой Армии при наступлении на фронте Воронеж-Орел-Киев. Этой силой оказалась политика польского маршала Пилсудского в отношении национальной России. В этот отрезок времени Польша была в состоянии войны с Лениным, что сильно ослабляло большевиков, и они легко уговорили Пилсудского

приостановить военные действия и дать им возможность разбить Добровольческую Армию. Генерал Деникин в своей книге: «Кто спас советскую власть» и потом, уже в 1964 году, К. М. Перепеловский на основании изучения соответствующих документов смог в газетной статье подтвердить, что, действительно, спасителем советской власти в ту эпоху явился именно маршал Пилсудский. В сентябре 1919 года маршал Пилсудский так формулировал эту свою сделку с большевиками: «Содействие Деникину в его борьбе против большевиков не соответствует польским государственным интересам». В декабре того же 1919 года последовало еще одно подтверждение его ненависти к России: «В основу политики начальника государства (Пилсудского) положен факт, что он не желает допустить, чтобы в России восторжествовала реакция» (!). Эту политику Пилсудского разделяла и Франция, пославшая в Польшу 400 своих офицеров и большое количество вооружения.

Следствием этого было заключение перемирия Польши с большевиками, чтобы дать Ленину возможность разбить Добровольческую Армию переброской сил с польского фронта. А потом, в 1920 году, последовало и заключение польско-советского мира, что в свою очередь дало Ленину возможность всю красную армию бросить на Русскую Армию генерала Врангеля и овладеть Крымом.

В этой массе переброшенных с польского фронта красных войск основную ударную силу представляли дивизии: латышская, эстонская, кавалерийская Червонного казачества, отдельные специальные бригады из мадьяр Белакуна, с еврейскими полками с прослойкой китайцев и других палачей. Из них самыми значительными по количеству и по боеспособности и первыми поступившими на службу к Ленину были латыши. Они войдут в историю «смутного времени на Руси» как первые палачи ее по времени выступления с Лениным, а потом с Троцким, на всех фронтах нашей гражданской войны, и как самые свирепые усмирители восстаний.

Под этой охраной наемников Ленина работала всем известная своим уничтожением всего русского «чрезвычайная комиссия» — ЧЕКА — Дзержинского, польского дворянина, как и сам Ленин; за ним идет его заместитель, тоже польский дворянин Менжинский; латыши: Петерс, Лацис, Александр Ейдук, которые держали в страхе и под своим контролем всю красную армию.

Источники, использованные для описания Орлово-Кромской операции:

Журнал боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка;

Записки командира 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка полковника Левитова;

Календарь боевых действий 3-го Корниловского Ударного полка;

«Очерки Русской Смуты» генерала Деникина, том 5;

«Разгром белогвардейских войск Деникина» советского полковника в отставке К. В. Агуреева, советское издание 1961 года;

«Гражданская война. 1918 год» профессора полковника Зайцова.

Цель подробного разбора этих боев: осветить исполнение своего воинского долга Корниловской Ударной дивизией в эти решающие дни в борьбе за честь и достоинство Р О С С И И.

Советское издание полковника в отставке Агуреева по времени и указанию действующих в операции частей почти всегда совпадает с данными журнала боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка.

Значение выхода на российские просторы Добровольческой Армии было велико. Корниловский Ударный полк развернулся в дивизию 3-полкового состава, которая, подходя к Орлу, достигла своего максимального расцвета сил. Думаю, что именно это и побудило командование назначить ее в центр наступления на Москву.

Для освещения обстановки, которая складывалась тогда на фронте Добровольческой Армии, я привожу взгляды на это влиятельных лиц обеих сторон:

Из труда генерала Деникина «Очерки Русской Смуты», т. 5, стр. 233:

«Группировка противника (то есть под Орлом) **не была для нас секретом, но ввиду отсутствия у нас резервов, парировать намеченные удары можно было лишь соответствующей группировкой войск. Удар с линии Орел-Севск, выводивший противника на фронт Корниловской и Дроздовской дивизий, не внушал мне опасений. Угроза же со стороны Воронежа левому флангу Донской Армии была более серьезна.** Поэтому, не приостанавливая наступления Добровольческой Армии на линию Брянск-Орел-Елец, 17 сентября 1919 года я вновь предписал Донской Армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, чтобы сосредоточить надлежащие силы на левом фланге, против Лиски и Воронежа. В состав Донской Армии была передана конница генерала Шкуро, находившаяся в Воронежском районе. **Выполнение этих планов сторонами приводило к встречным боям, развернувшимся в генеральное сражение на пространстве между Десной-Доном и Азовским морем, сражение которому было суждено решить участь всей кампании».**

Взгляд на то же ЦКП во главе с Лениным, из книги Агуреева, стр. 22:

«Определить направление главного удара и основную группировку Армий генерала Деникина было довольно трудно, так как его Армии располагались в одну линию. ЦК пришел к выводу, **что Добровольческая Армия является основой всех ВС Юга России, разгром которой повлечет за собой поражение и остальных Армий».**

Стр. 28 того же автора: **«Гениальный план разгрома Армий генерала Деникина был создан ЦКП во главе с Лениным и профессиональными специалистами в лице бывших офицеров русской армии, перешедших на сторону советской власти и ставших верными патриотами своей родины».**

Добавлю от себя, что эти **«верные патриоты советской власти» представляли из себя мозг красной армии, и число их профессор, Генерального штаба полковник Зайцов определяет в таких цифрах: «За 1918 год в красной армии офицеров Императорской Армии было 22.315. К 15 августа 1920 года эта цифра доходит до 48.409, то есть 10%** состава старой Ар**мии. Но в 1918 году основной состав ком. состава красной армии все-**

таки были офицеры старой Армии. Всего офицеров Генерального штаба в красную армию поступило 20% общего числа 1.396».

17 сентября старого стиля генерал Деникин предписал продолжать наступление центром на Орел. В это время ЦК уже в третий раз посылает большое пополнение, уделяя особое внимание Южному фронту, то есть против Добровольческой Армии, куда в сентябре и октябре, за период подготовки и начала наступления, было послано 270.118 человек и отдельные части.

Полковник Иванов Константин Васильевич,
командир офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка.

22 сентября нового стиля 1919 г. главком красной армии подписал директиву за № 4474 и 4476 о переброске на Южный фронт специальных отборных частей для создания ударной группы, и секретно армиям Южного фронта даются тактические указания: «Отказаться навсегда от кордонной системы, от равномерного распределения войск по фронту» и т. д.

В дальнейшем, в описании ежедневных боев полков Корниловской Ударной дивизии мы увидим исполнение решений обеих сторон и их последствия. Теперь же для ясности представления качественного и количественного соотношения сил приведу данные для этого:

Состав Корниловской Ударной дивизии при подходе к линии город Малоархангельск — станция Дьячья:

При штабе дивизии были: эскадрон для связи, один танк, инженерная рота, комендантская команда, разведка.

1-й Корниловский Ударный полк: офицерская рота, более ста штыков; 1-й батальон — 1.000 штыков; 2-й и 3-й батальоны — 1.200 штыков, **всего 2.300 штыков.** 120 пулеметов — согласно требованиям на патроны, две легких 3-дюймовых батареи, одна 4,8-дм. батарея, одна собственная легкая батарея, команда конных разведчиков и команда пеших разведчиков. Полк сопровождался тремя бронепоездами: тяжелым — «Иоанн Калита» и легкими — «Генерал Корнилов» и «Офицер».

2-й Корниловский Ударный полк: офицерский батальон трехротного состава — 750 штыков, со своей пулеметной командой (неофициальной); три солдатских батальона — 1.500 штыков, **всего 2.250 штыков.** 85 пулеметов, две легких батареи, одна 6-дюймовая батарея, одна 4,2-дюймовая батарея, один эскадрон, команда пеших разведчиков и один бронеавтомобиль.

3-й Корниловский Ударный полк: офицерская рота — 100 штыков, три солдатских батальона — 1.500 штыков, **всего 1.600 штыков.** 60 пулеметов, две легких батареи, команда конных разведчиков и команда пеших разведчиков.

Всего в строю полки дивизии имели: 6.150 штыков, три эскадрона конных разведчиков, три команды пеших разведчиков, 265 пулеметов, три тяжелых и семь легких батарей. Помимо этого, в распоряжении штаба дивизии: три бронепоезда, один танк, один бронеавтомобиль и эскадрон для связи.

В описании морального состояния полков Корниловской Ударной дивизии нужно отметить, что оно было отличным несмотря на разнородный офицерский и солдатский состав. После того как красные своими прорывами на Купянск и Белгород сорвали наше первое наступление на Курск и Орел, мы ответили им ликвидацией этого прорыва и 1-й и 2-й полки снова перешли в наступление на север, успешно атаковали красную крепость Курск, взяв богатую добычу и пополнив свои ряды, и продолжали свое движение на г. Фатеж, г. Кромы и г. Орел. На линии города Фатежа молодой 3-й Корниловской Ударный полк с участка Дроздовской дивизии, из отряда полковника Манштейна, впервые входит третьим полком в состав своей Корниловской Ударной дивизии. Это и успешные бои вселили в сердца ударников уверенность в успехе. Смущало командный состав только то, что у нас полностью отсутствовала кавалерия, без которой мы не истребляли противника, а только отбрасывали его, и еще то, что на линии Фатежа, без видимой у нас причины, мы потеряли много времени в ожидании чего-то...

Красная армия — по данным профессора полковника Зайцова («1918 год», стр. 181): «В основу формирования красной армии лег штат ЦК № 220, утвержденный в ноябре 1918 г.: дивизия — трехбригадного состава, бригада трехполкового, полк — три батальона, при 15 батареях 4-орудийного состава и одним кавалерийским полком на дивизию».

Войска же Орловской ударной советской группы были, по утверждению советского полковника Агуреева, хорошо укомплектованы и вооружены. Таким образом советские дивизии превышали наши в три раза, к тому же отсутствие у нас кавалерийского полка при дивизии лишало нас не только охраны висевших в воздухе наших флангов, но и простого освещения больших разрывов между соседями. Думаю, что это и привело командование Корниловской Ударной дивизии к беспрекословному исполнению приказа двигаться на Орел, не останавливаясь. Хотя еще до занятия г. Кромы намерение противника окружить нас ударной группой было известно нам из опроса пленных офицеров Генерального штаба советской армии.

В том, что касается моральных качеств бойцов обеих сторон, между ними можно поставить знак равенства, в частности между Корниловцами и бойцами советской ударной группы: Корниловцы имели в 1-м и 3-м полках по одной офицерской роте, а во 2-м полку — три роты большого состава. Советская ударная группа была составлена из войск, составлявших опору советской власти: дивизий латышской и эстонской, особой бригады, где были еврейский пластунский и особые полки из венгров и китайцев, с очень большой прослойкой коммунистов из ЧЕКА, и все это было взято из резерва, после отдыха. Они были хорошо обмундированы для зимы и обеспечены боеприпасами. К тому же известный им колоссальный перевес их в силах действительно поднимал их дух, и если бы не губительное действие наших пулеметов, то они могли бы совершенно нормально исполнить приказ своего командования: разбить и уничтожить нас под Орлом.

Разбирая соотношение сил в боях под Орлом, я должен с болью в душе отметить, что полное отсутствие у нас кавалерийских частей лишало нас многого, несмотря на нашу малочисленность в сравнении с советской ударной группой. Пехота с кавалерией не просто отбрасывает противника, а уничтожает его живую силу. Что было бы с 9-й и 55-й советскими дивизиями под Орлом, оставившими только Корниловской пехоте 8.500 человек пленными, если бы нам была придана хотя бы одна кавалерийская дивизия?! Второе, и не менее досадное явление имело место в те решающие дни — это отсутствие должного управления Добровольческой Армией. С момента взятия Орла мы сразу пошли по указке противника. Как будто советская ударная группа свалилась нам как снег на голову! А советский Генеральный штаб очень боялся, что мы не сдадимся так скоро. Из-за этой боязни штаб их фронта с передачей эстонской дивизии ударной группе тут же подтягивает в резерв 45-ю стрелковую дивизию. Вдобавок к этому требует: «Не разбрасывать своих сил, а бить на избранном направлении, на узком фронте, стремительно и решительно,

придерживаясь тактики маневрирования». Напоминали указания Ленина о том, что «деникинские армии чрезвычайно способны на быстрые налеты, авантюры и отчаянные предприятия».

К нашему глубокому сожалению, воля нашего командования в это время была кем-то парализована. Неужели генерал Май-Маевский забыл свою славу — Каменноугольный район и Курск? Упустив инициативу из своих рук, он в свой приезд к нам 8/12 октября, в дни ужасных боев 2-го Корниловского Ударного полка обещал: «Взять ворону (то есть красных) за хвост» и, даже воочию видя обстановку, крикнул, отъезжая: «До свидания в Туле!». Оказалось, что, действительно, им тогда был намечен удар по центру обходившей нас группы, но что это было? Действие этого контрудара было не только смехотворно по численности сил, для этого назначенных, — два батальона 3-го Марковского полка, но и не было даже согласовано по времени, да к тому же и вообще сильно запоздало и, как после увидим, закончилось лишним разбрасыванием сил. А нужно было бы сразу после получения сообщения о намерении красных окружить нас их ударной группой тут же решиться на контрудар Корниловской Ударной дивизией, что было тогда возможно.

Наличие здесь риска, которого так боялись красные, всегда нас выручало, и если временами риск брал от нас лишние жертвы, то в итоге Орлово-Кромская операция с простым отражением атак противника взяла от нас много упущенного времени, застала нас совершенно неподготовленными к зимней кампании, и сразу же от г. Кромы мы стали нести такие же потери от морозов вдобавок к потерям от активной обороны. Наш Корниловский удар в стыке двух советских армий, 13-й и 14-й, благоприятствовал нам в том отношении, что несогласованность действий обеих советских армий вообще с честью вывела бы нас из окружения при наличии у противника небывалого перевеса в силах, имевшего к тому же, помимо кавалерийских полков при каждой стрелковой дивизии, еще и кавалерийскую дивизию «Червонного казачества», в которой, как я указал ранее, только в одном эскадроне служили один полковник и два ротмистра Императорской Армии. Про эту дивизию сам полковник Агуреев говорит, что она имела отличный конский состав, много пулеметов и шесть орудий.

Эти недочеты управления Добровольческой Армией генерал Деникин увидел в лице генерала Май-Маевского, но увольнение его в ноябре 1919 г. упущенного времени не вернуло. Об этом в своих «Очерках Русской Смуты», т. 5, стр. 237, генерал Деникин пишет:

«До поступления генерала Май-Маевского в Добровольческую Армию я знал его очень мало. После Харькова до меня доходили слухи о странном поведении Май-Маевского и мне два-три раза приходилось делать ему серьезные внушения. Но только теперь, после его отставки, открылось многое: со всех сторон, от гражданского сыска, от случайных свидетелей посыпались доклады и рассказы о том, как этот храбрейший солдат и несчастный человек, страдавший недугом запоя, боровшийся, и не поборовший его, ронял престиж власти и выпускал из рук вожжи управ-

ления. Рассказы, которые повергли меня в глубокое смущение и скорбь. Личность Май-Маевского перейдет в историю с суровым осуждением... Не отрицаю и не оправдываю. Но считаю долгом засвидетельствовать, что в активе его имеется тем не менее блестящая страница сражений в Каменноугольном районе, что он довел Армию до Киева, Орла и Воронежа, что сам по себе факт отступления Добровольческой Армии от Орла до Харькова при тогдашнем соотношении сил и общей обстановке не может быть поставлен в вину ни Армии, ни командующему. Бог ему судья!»

Обстановка перед Орлово-Кромской операцией

Для того, чтобы в деталях чтения о ежедневных боях этой операции с 6 октября по 10 ноября 1919 года не ускользнули бы от внимания цели обеих сторон, о них нужно кратко доложить:

Реввоенсовет красной армии решает переходить в наступление против Вооруженных Сил Юга России и для этого:

1) Усиленно шлет пополнение и снаряжение;

2) Принимает решение разгромить Добровольческую Армию как главное ядро всех Вооруженных Сил Юга России, начав с уничтожения лучшей ее Корниловской Ударной дивизии;

3) Для этой цели 13-я и 14-я советские армии получают все в увеличенном размере, а для окружения Корниловской Ударной дивизии создается особая интернациональная ударная группа из латышской дивизии с кавалерийским полком, кавалерийской дивизии Червонного казачества, «особой» стрелковой бригады из еврейского пластунского полка, Фастовского полка с венграми-спартаковцами и китайцами и 1-го Киевского того же состава,

4) Цель этой ударной группы — прорваться между Корниловской и Дроздовской дивизиями для удара с тыла по Корниловской;

5) На усиление советской ударной группы ей придается эстонская дивизия со своим кавалерийским полком для удара с запада. С севера должны наступать 9-я и 55-я стрелковые дивизии со своими кавалерийскими полками. А со стороны Дроздовской дивизии 7-я стрелковая советская дивизия должна охранять правый фланг ударной советской группы;

6) Продвижение Добровольческой Армии сначала должно быть остановлено, и только тогда начинается переход в наступление;

7) Разворачивание советской ударной группы должно происходить под прикрытием войск на фронте.

В дальнейшем мы увидим, как при движении Корниловской Ударной дивизии на Орел ее левофланговый 2-й Корниловский Ударный полк, начиная от станции Дьячья, испытывает результаты плана реввоенсовета об уничтожении Корниловской Ударной дивизии, ведя упорные бои и меняя фронт с северного на западный и южный.

Наш план действий на этом участке, как мы уже знаем, генерал Де-

никин формулировал так: «Группировка противника не была для нас тайной, но ввиду отсутствия у нас резервов, парировать намеченные удары можно было лишь соответствующей группировкой войск». Более опасным наше командование считало Воронеж, куда был отдан конный корпус генерала Шкуро и куда вышел из своего рейда генерал Мамонтов, не будучи использован при этом для уничтожения какого-либо участка фронта красных ударом с тыла и с фронта.

* * *

Настало время встречных боев обеих сторон. Корниловская Ударная дивизия при своем движении от станции Малоархангельск — станция Дьячья, через город Кромы, на Орел имела против себя:

55-ю стрелковую советскую дивизию — 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии;

1-ю сводную бригаду — 3 стрелковых полка;

9-ю стрелковую дивизию — 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии;

гарнизон города Орла;

ударную группу:

латышскую дивизию — 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии;

эстонскую дивизию — 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии;

кавалерийскую дивизию Червонного казачества — 6 кавалерийских полков (1.700 шашек, 6 орудий и 32 пулемета);

отдельную стрелковую бригаду - 3 стрелковых полка.

Итого, не считая частей 7-й стрелковой дивизии, которая действовала против Дроздовцев, не только охраняя фланг и тыл ударной советской группы, но полки которой действовали и против 2-го Корниловского Ударного полка вместе с латышами, **было 42 стрелковых полка и 10 кавалерийских полков.**

Ударная советская группа прибыла в район Карачев — Навель — ст. Хотынец 6-8 октября.

Командный состав Корниловской Ударной дивизии:

Начальник дивизии — полковник Скоблин;

Его помощник и командующий 1-м полком за болезнью полковника Гордеенко — полковник Пешня;

Командир 2-го полка — капитан Пашкевич;

Командир 3-го полка — есаул Милеев;

Командир Корниловской артиллерийской бригады полковник Ерогин;

Начальник штаба дивизии — Генерального штаба полковник Капнин

1-й Корниловский Ударный полк, за командира полка — полковник Пешня, — на правом фланге дивизии. **С 6 по 10 октября включительно** бои в районе города и станции Малоархангельск. Главными силами полк базируется по линии железной дороги Курск-Орел, имея в своем распоряжении бронепоезда: «Иоанн Калита», «Генерал Корнилов» и «Офи-

цер». 55-я советская стрелковая дивизия разбита и бежит оставляя много пленных.

2-й Корниловский Ударный полк, командир полка капитан Пашкевич, Яков Антонович, адъютант полка — капитан Гок, Анатолий Петрович. **6 октября.** 1-й батальон, командир батальона поручик Левитов, берет станцию Дьячья с боем. Бой за станцию Дьячья представляет собой один из видов молниеносных ударов пулеметного огня по центру противника. Наши полки почти всегда отличались своей беспечностью охранения, так оно было и под станцией Дьячья. У противника же к моменту подхода батальона к станции, очевидно, его совершенно не было. Но у него там была уважительная причина: раздавался обед! Его походное охранение сосредоточилось около своей кухни, среди построек станции, а две его бригады расположились табором по долине болотистого ручья, по обе стороны захолустного мостика, и с азартом атаковывали кухни. Не могу даже теперь понять, как мы очутились тоже в очереди у кухни красных у станции, а в это время десяток тяжелых наших пулеметов бешено поливали толпу двух бригад 9-й стрелковой дивизии с возвышенности железнодорожного полотна. Бегство противника было на редкость красочным. Жиденькая цепь нашей полуроты лихо сменила и здесь красных у кухонь, но за мост не пошли в связи с невыгодным для нас рельефом местности. Будь это в Великую войну, — кричали бы: «Кавалерию!»... Увы, ее у нас в этих боях не было, и не подошла еще и артиллерия.

2-й батальон полка штабс-капитана Померанцева — хутор Гранкин и село Макарово, 3-й батальон капитана Щеглова в селе Верхне-Муханово и офицерский батальон, командир — капитан Иванов, К. В., — на фронте Караськово. Командир пулеметной роты поручик Лысань, командир команды конных разведчиков капитан Литвиненко, пешая разведка и команда связи поручика Бешенова — со штабом полка.

7 октября. 2-й полк. Штаб полка и офицерский батальон — с. Ефратово. 1-й батальон с утра и до 23 часов бой с наступающим противником; 2-й батальон с боем берет сс. Покровское-Чернь; 3-й батальон с боем с. Чернодье. 9-я стрелковая дивизия красных все время переходит в наступление при поддержке Орловского гарнизона. **Потери полка велики, ранен командир полка капитан Пашкевич. Во временное командование полком вступает капитан Щеглов.**

8 октября. 1-й батальон отбивает атаки с 5 часов утра до ночи при содействии офицерской роты, легкой батареи и тяжелой, помогавшей от Жерновца. Взято в плен 400 человек семи разных полков и отдельного маневренного батальона. Офицерская рота поручика Озерного, посланная из резерва на левый фланг 1-го батальона, при подходе к цепям была атакована кавалерией. Красиво развернувшись под огнем атакующих, выдержанным залпами и губительным огнем пулеметов рота отбила противника с большими для него потерями. Потери батальона — 35 человек. Успех был достигнут главным образом благодаря огню 20 пулеметов, маневрированию и упорству противника, ведшего атаки в одном

направлении. От Командующего Армией получена благодарность 1-му батальону за успех.

9 октября. С утра 3-й батальон был сменен 2-м и ушел из Ломовца на позицию северо-западнее Зиновьево. На этом участке спокойно.

10 октября. Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку взять г. Кромы. Движение полка: 1-й батальон на Спасское-Косаревка, восточная окраина Речица, хутор Загнелецкий и слобода Стрелецкая. 3-й батальон на Зиновьево — Добрынь-Речица-Б. Колычева — г. Кромы. 2-й батальон на Ломовец-Клоки, произошел встречный бой, решил который 1-й батальон выходом в стык двух бригад. Все усилия противника задержаться на линии города были парализованы пулеметным и артиллерийским огнем. Город Кромы и все намеченные пункты были заняты полком.

3-й Корниловский Ударный полк, командир полка есаул Милеев, составляет центр дивизии.

6 октября с боем занимает село Никольское, с. Колинник, Воейково (Приятное). 1-й его батальон придан 2-му полку и со станции Поныри прибыл на станцию Дьячья, составив полковой резерв.

7 октября отмечено, что у станции Дьячья 2-й Корниловский Ударный полк встретил упорное сопротивление.

8 октября к вечеру противник принудил 3-й полк отойти в село Никольское-Лозовец.

9 октября утром 3-й батальон с командой пеших разведчиков восстановил положение. В этом бою был убит адъютант полка поручик Зюков.

10 октября. Приказано занять села Вишневецк, Богородицкое, Плоское и Балмасов. Полк только в темноте исполнил задание.

Действия красной армии по книге советского полковника Агуреева

6 октября 1919 г. 9-я стрелковая дивизия переходит в наступление и берет сс. Кривцово, Зиновьево и станцию Дьячья (брать указанные пункты нечего было, так как нас там не было. 1-й батальон 2-го Корниловского полка подошел туда, когда красные уже были там на станции). С подходом главных сил противника, после трехдневных кровопролитных боев, отошли на свое положение.

55-я стрелковая дивизия наступала с рубежа с. Скворчея-Рагузино на Косаржу и к исходу 9 октября вышла без боев на линию Диргов-Столбецкое-Юдино (Переходное). В это время части 2-й отдельной бригады, располагаясь между 9-й и 55-й стрелковыми дивизиями, пассивно отсиживались.

9 октября. Южный фронт получил директиву: а) Ударную группу развернуть на линии северо-западнее Кромы — Дмитриевск на фронте не более 20 верст. б) Направление на железную дорогу между Малоархангельском и Фатежем. в) Развертывание производить под прикрытием войск на фронте Кромы — Дмитриевск. 55-й стрелковой дивизии приказывалось разгромить противника, наступающего на Орел. Замысел рев-

военсовета заключался в том, чтобы сначала остановить продвижение Добровольческой Армии, а потом уже перейти в контрнаступление на Курск. В тот же день реввоенсовет Южного фронта подписал директиву: 13-й армии составить ударную группу из: латышской стрелковой дивизии (с кавалерийским полком), отдельной стрелковой бригады, бригады червонного казачества (которая тогда же развернулась в кавалерийскую дивизию) — 1.700 сабель, 32 пулемета и 6 орудий, с подчеркиванием, что конский состав был отличным.

Все это под общим командованием начальника латышской дивизии Мартусевича (там же была сосредоточена эстонская стрелковая дивизия и 14-я кавалерийская дивизия). Ударная группа имела большой боевой опыт, и среди личного состава было много коммунистов, только в латышской дивизии их было 1.400 членов РКП. Ударная группа была самая боеспособная на Южной фронте, чего не учитывало деникинское командование. Ударной группе под прикрытием войск 13-й и 14-й армий сосредоточиться в районе Дмитровск — Кромы, вечером 10 октября нанести удар Турищево — Молодовое и развить наступление в юго-восточном направлении, на участке между Малоархангельском и Фатежем, для захвата железной дороги Орел — Курск. Реввоенсовет указал, как нужно действовать против деникинских войск. «Поскольку противник ведет наступление не на всем фронте, а лишь на отдельных направлениях изолированными одна от другой группами, — говорилось в директиве командования фронта, — наши войска должны использовать такой маневр, чтобы сосредоточенными ударами стрелковых соединений и особенно конницы по флангам и тылу врага разгромить его **Категорически требую от командиров и начальников ударной группы при выполнении поставленных задач не продвижения линиями, а нанесения сосредоточенными силами фланговых ударов главным силам противника, действующим на важных направлениях, имея в виду, что успеха можно добиться только маневром. Обращаю особое внимание на целесообразное использование для ударов во фланг и тыл противника конницы, сосредоточивая ее в крупных соединениях на флангах, обеспечивая в то же время таким образом стыки».**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бои Корниловской Ударной дивизии с 6-го по 10-ое включительно показали, что встречное наступление началось. На правом фланге дивизии идет наш самый сильный кулак из 1-го полка с бронепоездами (тремя), громит 55-ю стрелковую дивизию и берет массу пленных.

В центре дивизии — молодой 3-й полк. На его участке особый сводный учебный батальон и 2-я сводная стрелковая бригада противника прорывают участок полка, но положение восстанавливается. В этот момент в полку было только два батальона, так как один батальон был согласно приказу передан 2-му полку в резерв.

На левом фланге — 2-й полк, известного нам отличного состава, встречает сильный напор 9-й стрелковой дивизии с ее конницей. Удачно

отброшенные у станции Дьячья две бригады этой дивизии, но за отсутствием у нас конницы избежавшие уничтожения, по-видимому, оправились и снова всей массой эти дни вели наступление на полк. Однако сила огня 2-го Корниловского Ударного полка все время отбрасывала превышавшую его в десять раз массу красных, и 10 октября полк взял город Кромы. Потери полка были велики, а самым печальным было то, что был ранен командир полка капитан Пашкевич. Это печальное явление усиливалось тем, что, имея офицерский батальон в 750 человек, не было помощника командира полка по строевой части, то есть подготовленного преемника командира полка. Впоследствии это упущение было устранено во всех трех полках. Резерв полка, состоявший из батальона 3-го полка, в дело не вводился и был отправлен обратно.

Эти бои показали, что три офицера, сдавшиеся с эскадроном около г. Фатежа, и попавший в плен при взятии г. Кромы полковник Генерального штаба были правы в своих показаниях о готовившемся сильном ударе в прорыве между нами и Дроздовской дивизией. В связи с сложившейся обстановкой начальник Корниловской Ударной дивизии просит командование со взятием Орла передать свой участок Алексеевцам, с тем чтобы своей дивизией в полном составе ударить по скоплению красной армии за нашим левым флангом, но ему в этом было отказано.

Полковник Агуреев отмечает, что в это время обстановка 13-й советской армии, особенно на Орловском направлении, все ухудшалась. Части 9-й стрелковой дивизии и сводной стрелковой бригады не выдержали удара Корниловской бригады и 10 октября оставили г. Кромы и станцию Еропкино. 55-я стрелковая советская дивизия почувствовала обход и стала быстро отходить на север (просто бежала, оставив до 8 тысяч пленных). Войска 13-й армии потеряли почти всякую боеспособность.

Здесь красные правильно называют нашу дивизию «бригадой», так как у них дивизии были девятиполкового состава.

1-й Корниловский Ударный полк. 11 и 12 октября. Противник отходит, оставляя много пленных. 12-го бои у ст. Стишь.

2-й Корниловский Ударный полк. Потери за **10 октября** были значительны, пленных мало, взято только 10 пулеметов и продовольственные склады в городе. В числе пленных одной из советских бригад бывший полковник Генерального штаба Императорской Армии. От него узнали, что к Карачеву уже подошла латышская дивизия, разъезды которой сегодня были у них. Штаб 2-го полка — в г. Кромы. 1-й батальон с боем взял села Каменец и Агеевку. Жители уверяют, что разъезды латышей сегодня были около г. Фатежа, об этом говорят в Карачеве. 12-го 2-й полк выходит на линию: 1-й батальон — Хмелевая — Ольховка (Ольшанка), 2-й — с. Коровье Болото, 3-й батальон — сс. Себякино — Пикалово. Штаб полка в с. Спасское.

Главные силы красных отходят на г. Карачев.

3-й Корниловский Ударный полк занимает линию сс. Живково-Козлово. 12 октября 1-й и 3-й батальоны с боем занимают село Лаврово.

2-й батальон атакует село Михайловка, чем способствует 1-му полку занять станцию Стишь.

Действия красной армии

11 октября. Командованием 13-й армии приказано: Ударной группе с утра 11 октября сосредоточиться на фронте река Крома, от устья (с. Голубица) до города Кромы, и далее по ее притоку до деревни Шарикино и энергично наступать на г. Фатеж и станцию Поныри, чтобы отбросить противника в восточном направлении. 9-я стрелковая дивизия, 2-я стрелковая бригада и 55-я стрелковая дивизия должны были развернуться в направлении г. Малоархангельск. Части ударной группы выдвинулись на линию Молодовое — Турищево и с утра 11-го начали медленно и нерешительно продвигаться к рубежу Шарикино-Кромы, хотя противника здесь не было.

Лишь 12-го 1-й полк Червонного казачества под командой Григорьева, прикрывавший правый фланг ударной группы, встретил подразделения 83-го Самурского полка, лихой атакой разгромил белых и занял д. Мелихово. Было зарублено около ста человек и 78 взято в плен.

13 октября нового стиля

1-й Корниловский Ударный полк. Движение с боем на г. Орел вдоль линии железной дороги Курск – Орел в сопровождении трех бронепоездов и одного танка. В 17 часов цепи в городе, батальон с эскадроном идут на г. Мценск. Противник бежит, оставляя много пленных.

1-я рота поручика Редько, Макара Ивановича, составляет правый фланг полка и занимает село и станцию Золотарево.

2-й Корниловский Ударный полк. Приказ — взять г. Орел. 1-й батальон с боем по шоссе берет село Кукуевка, но дальше мост через реку взорван. За рекой окопы полной профили с проволокой. Подошедший к мосту наш бронеавтомобиль был подбит и с трудом отъехал за укрытие. Фонтаны земли от наших снарядов, сносивших окопы красных. Дан сигнал для атаки. Торжественная минута: местность, казавшаяся до этого почти мертвой, оживает, как муравьи бегут ударники к указанным разведкой бродам через реку, пулеметы строчат по окопам, прикрывая огнем наши цепи, все настроены решительно, до штыкового удара включительно. Напряжение все усиливается и... вдруг оно радостно спадает: огонь противника прекратился, от проволоки разведка дает сигнал: «Путь свободен!». Под действием нашего огня противник не выдержал и бросил окопы вместе с городом. 3-й батальон с боем берет сс. Саханское и Звегинки, отбросив бронепоезд красных в занятый нами город, где он и сдался.

3-й Корниловский Ударный полк. 13 октября 1-й его батальон капитана Андрианова был придан 1-му полку и вместе с ним двинулся на г. Орел. С небольшим боем они вошли в город в 17 часов. Остальной же

полк, преодолевая серьезное сопротивление у хутора Гать, к вечеру достигает города.

С этого числа на фронте Корниловской Ударной дивизии появляется 3-й Марковский пехотный полк, к этому времени едва закончивший формирование. Его 2-й батальон выгружается из эшелона на станции Становой Колодезь и походным порядком направляется на г Кромы.

13 октября 1919 г. Штурм г. Орла Корниловской Ударной дивизией

Тактическая часть штурма описана в труде «Орлово-Кромская операция», но я хочу к ней добавить чисто видовую сторону наступления с участка 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка. Батальон двигался в авангарде полка по шоссе Кромы — Орел. За батальоном шла команда пеших разведчиков, в версте за ней — штаб полка с офицерским батальоном, бронеавтомобиль и артиллерия — две батареи 3-дюймовые, одна 6-дюймовая и одна 42-линейная. Левее, на запад, и уступом назад наступали 3-й и 2-й батальоны полка. Правее — 3-й и 1-й полки. Разведкой и показаниями пленных было заранее установлено, что за хутором Кукуевка, по ту сторону реки, проходит полоса укреплений обороны города Орла. В моем распоряжении была хорошая подзорная труба и, не доходя Кукуевки, я стал осматривать обстановку общего нашего движения. Прямо перед батальоном, по шоссе через реку был небольшой мост, по ту сторону плохо замаскированная линия окопов с проволочными заграждениями. Вправо, за рекой Окой было видно движение левого фланга 3-го Корниловского Ударного полка, а еще правее, к линии железной дороги, видно движение левого фланга 1-го Корниловского Ударного полка с тремя бронепоездами, артиллерией и обозами. С отличных наблюдательных пунктов противника картина движения трех полков должна быть хорошо видна. То, что попало в поле зрения моей трубы — картина для масштабов гражданской войны была потрясающей. Строевые части не особенно пользовались маскировкой, а артиллерия, обозы и растянутое движение бронепоездов по линии железной дороги красочно говорили о силе и мощи нашего удара. При подходе к Кукуевке и у нас завязалась перестрелка с заставами противника. Батальон берет направление правее шоссе, на хутор, и накапливается в его садах и огородах, за которыми протекала небольшая река, а на возвышенности за ней были укрепления.

Все усиливавшееся сопротивление красных, начиная с боев у станции Дьячья и города Кромы, а к тому же и сведения о движении ударной интернациональной группы в прорыв за нашим левым флангом, обязывали быть осторожными, и поэтому батальон не бросился изолированно в атаку, а стал ожидать не только поддержки артиллерии, но и приказания командира полка. Шедший за нами по шоссе бронеавтомобиль лихо понесся прямо на мост, но получил такую встречу, что едва отполз за укрытие. В это время артиллерия обеих сторон вступила в свои права. Красная что-то нервничала и разбрасывала снаряды, наши же

снаряды эффектно и дружно разрушали намеченные цели. Одновременно пришло приказание переходить в наступление.

К изложенному уже в основном описании боя я должен добавить, что переход через реку и начало подхода к окопам хотя и под слабым огнем все же сильно взвинчивали нервы, а ожидание жаркого дела подтянуло всех. Реку и подъем к окопам быстро проскочили, и можно было опасаться, что такой темп измотает силы ударников еще до самой схватки в окопах, и тогда могло получится местное отступление. Однако картина нашего общего наступления настолько потрясла уже сильно потрепанные нами советские части, что они не выдержали и оставили свои окопы без штыковой схватки. Полковник Левитов.

В 17 часов Орел взят окончательно. Штаб 2-го полка — на окраине города, 1-й батальон — слобода Некрасовка, 3-й — Солдатская, 2-й — село Сабурово. Около 23 часов двум ротам 1-го батальона приказано занять села Киреевку и Воробьевку. С боем и под проливным дождем села были взяты. Трофеи: 4 пулемета, пленные и обозы «особого» еврейского полка. Потери у красных велики. За день 1-й батальон сделал с боем 29 верст. Из опроса пленных выяснено, что ударная группа красных уже прошла на юго-запад, в прорыв между нами и Дроздовской дивизией.

Настроение скверное, связи влево, с Самурцами, нет. Изменение направления фронта с северного на юго-западное говорит за то, что показания пленных об окружении нас ударной интернациональной группой оправдываются.

13 октября. Действия красной армии

Ударная группа выходит на рубеж в районе города Кромы. Прикрывавшие Орловское направление части 9-й стрелковой дивизии, 55-й дивизии и 2-й отдельной стрелковой бригады разрозненно отступали, теснимые Корниловскими полками. Оборона города была малочисленна и слаба (?!). В результате, Корниловские полки вошли в город Орел. После того как обнаружилось, что командование 13-й армии неспособно управлять своими войсками, ударную группу, которая успешно действовала в полосе 14-й армии и поднимала боевой дух красноармейцев, командование фронтом 13 октября переподчинило реввоенсовету 14-й армии, которая стала главной силой в разгроме Добровольческой Армии. Части 13-й армии: 9-я и 55-я стрелковые дивизии и все части Орловского гарнизона были сведены под командой коммуниста Солодухина в 9-ю стрелковую дивизию (плюс 2-я стрелковая бригада).

14 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Налет на г. Мценск, где был захвачен и расстрелян комендант города бывший генерал Сапожников. Впоследствии, когда в полк вернулся болевший командир полка полковник Гордеенко, он ругал за это как за промах в деле разложения противника, указывая на то, что после этого красные перестали сдаваться. В данном случае я полагаю, что на красные

войска подействовало успешное продвижение к нам в тыл их ударной группы и вообще небывалый их перевес в силах против наших трех полков, а не расстрел изменника-генерала.

Офицеры 1-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка капитан Туркин, пулеметчик, и поручик Вислоцкий, тоже пулеметчик, сообщили дополнительно к этому, в Париже, в 1962 году, следующее:

1-й батальон 1-го полка составлял правый фланг дивизии и при движении за станцию Золотаревку им был захвачен в каком-то населенном пункте помощник командующего 13-й советской армией; ранее, в Каменноугольном районе он командовал советской стрелковой дивизией, а у нас там же против него нашей дивизией командовал его родной брат, скончавшийся от тифа. Оба брата были были в генеральских чинах, под фамилией Станкевичи.

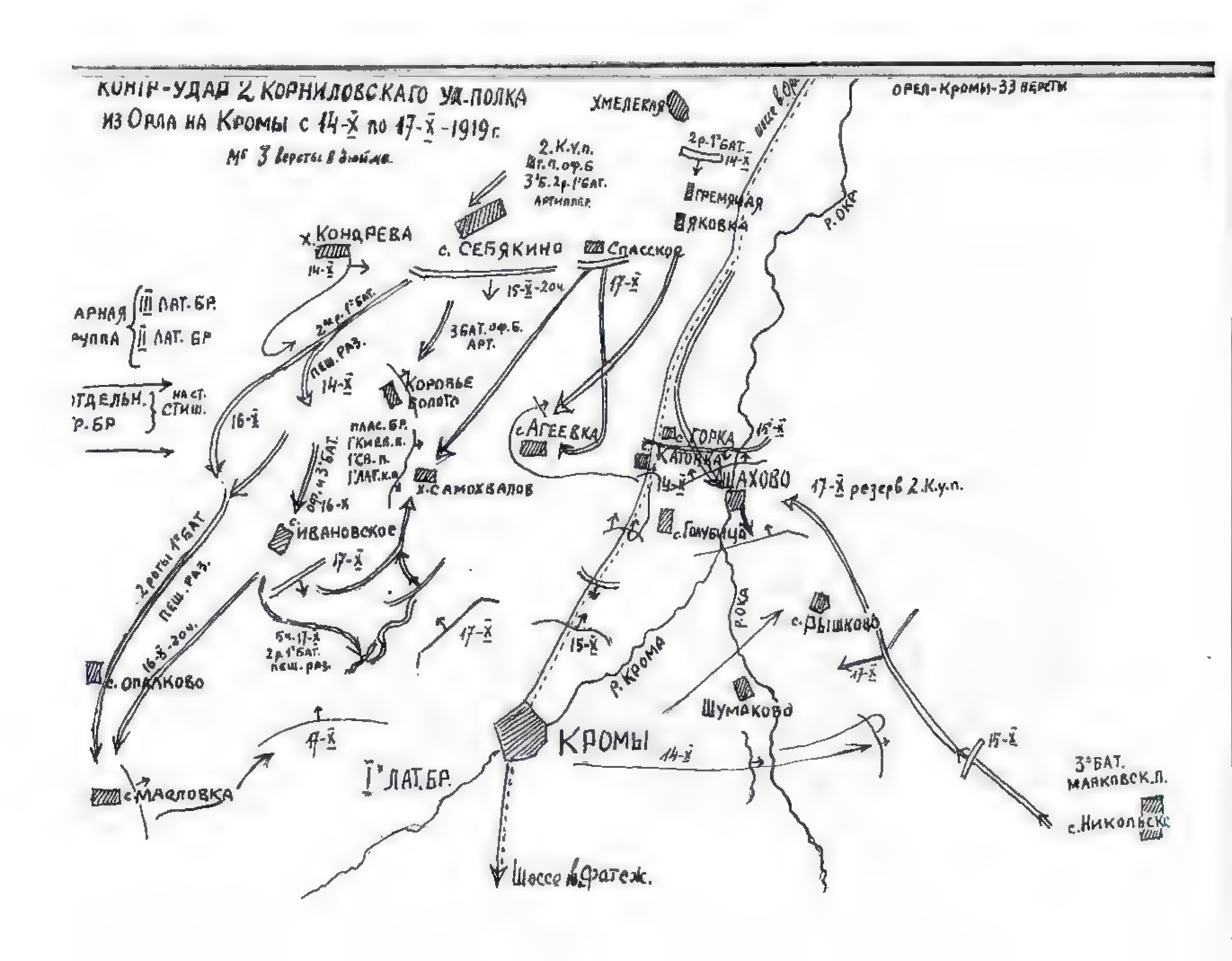
Из штаба нашей дивизии его вернули после допроса в распоряжение командира 1-го батальона поручика Дашкевича. Бывший генерал Станкевич уверял, что он все время искал случая перейти к нам и теперь только он представился. Факт перехода не соответствовал действительности, и на вопрос поручика Дашкевича: «Поэтому то вы, в ожидании перехода, так хорошо нас били всю зиму в Каменноугольном бассейне?» ответа не последовало. По окончании допроса поручик Дашкевич объявил бывшему генералу Станковичу приговор суда: повешение. Станкевич сам подошел к виселице, попросил написать матери письмо, долго стоял в задумчивой позе, сам надел на себя петлю, и через пять минут врач установил смерть. После, из советской печати мы узнали, что большевики труп его откопали и с почестями похоронили где-то около кремлевской стены в Москве.

На параде в Орле были только резервные батальоны полков. Настроение у всех было двоякое: и радостное и тревожное. Жителей города было много, при виде танка, разрушавшего трибуну с красными флагами, толпа ревела от восторга, войскам кричали «ура», хотя все знали о создавшемся положении.

14 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

В Орле — парад Корниловской Ударной дивизии, а донесения говорят, что город Кромы 13-го вечером был занят латышами и разъезды их около Фатежа. Улица, где было открыто комендантское управление капитана Ростомова, заполнена добровольцами, но прием идет слабо. Впоследствии мы увидим, как эти толпы непринятых заполняли все эшелоны при отступлении.

Читатель подумает: не измена ли работала при приеме добровольцев? Рассказ поручика Дудниченко уже в 1963 году, в Париже, частично разъясняет осторожность коменданта. По его словам, по занятии Орла от офицерской роты, где состоял Дудниченко, была назначена застава на железную дорогу. С наступлением темноты к ним приходит из города прапорщик, — фамилия им забыта, — в чистенькой форме и просит принять его в полк. В это время сосед поручика Дудниченко шепчет ему: «Это не прапорщик, я его знаю, — это мой ротный писарь в Великую войну», и тут же, обращаясь к просителю, говорит, называя его по фа-


КОНТР-УДАР 2 КОРНИЛОВСКАГО УД.-ПОЛКА
ИЗ ОРЛА НА КРОМЫ С 14-X ПО 17-X-1919 г.
Мб 3 версты в дюйме
ОРЕЛ-КРОМЫ-33 ВЕРСТЫ
Хмелевая
2.К.у.п.
Шт.п. оф.б
3ᵉб. 2р.1ᵉбат.
артиллер.
2р.1ᵉбат.
14-X
Гремячая
Яковка
х. Кондрева
с. Себякино
Спасское
15-X-20ч.
17-X
3 бат. оф.б.
арт.
Коровье болото
пеш. раз.
14-X
16-X
пласт. бр.
с. Агеевка
с. Горка
Катовка
Шахово
17-X резерв 2.К.у.п.
х. Самохвалов
с. Ивановское
с. Голубица
р. Ока
с. Рышково
17-X
15-X
р. Крома
Шумаково
КРОМЫ
14-X
2 роты 1ᵉбат.
пеш. раз.
16-X-20ч.
с. Оралково
с. Масловка
Iᵃ ЛАТ. БР.
III ЛАТ. БР.
II ЛАТ. БР.
Отдельн.
на ст. Стиш.
3ᵉбат.
Маяковск. п.
с. Никольское
Шоссе на Фатеж.

милии: «Ты помнишь меня?» Прапорщик бледнеет и едва выговаривает. «Нет, не помню». Вопрос и ответ снова повторяются. Узнавший своего писаря не хотел, по-видимому, суровой расправы со своим старым солдатом и тихо попросил послать его сменить наблюдателя. Новоявленный прапорщик был послан, но, конечно, сбежал, — провокатору не удалось на этот раз втереться к Корниловцам. Вспоминается подобный случай во 2-м Кубанском походе, где тоже прапорщик Войцеховский поступил в офицерскую роту, потом сбежал из сторожевого охранения, и на следующую ночь красные напали на полк и это обошлось полку в 500 человек убитыми и ранеными.

Две роты 1-го батальона посланы на г. Кромы, в село Агеевку, заслоном от занявших г. Кромы латышей. 2-й батальон полка посылается туда же через села Хмелевая-Агеевка-Яковка, где приказано остановиться у переправы через реку Ицку на Катовку. Противник за это время занял сс. Катовка, Агеевка и Себякино пехотой, кавалерией и артиллерией. Части исключительно латышские.

Получена телеграмма от Командующего Добровольческой Армией генерала Май-Маевского: «Орел — орлам!». Но и только! А мы думали тогда, что к этому будет приложен и приказ для контрудара.

3-й Корниловский Ударный полк ночью занимает для обороны и участок 2-го полка, который начал перебрасываться в тыл дивизии против занятого латышами 13 октября города Кромы.

14 октября. Действия красной армии

Ударная группа заняла город Кромы и вышла на линию Шарикино-г. Кромы, разъединив части 1-й и 3-й пехотных дивизий белых и угрожая тылу Корниловских пехотных полков, передовые подразделения которых уже продвинулись на 20-25 верст севернее Орла, и вынудила их остановить дальнейшее наступление на север. Орловская группа деникинцев перешла к обороне. В это время части 13-й армии переформировались и частью сил вели упорные бои (просто она была разбита и активности не проявляла).

На восточном же фронте складывалась обстановка, при которой вряд ли было нужно думать о наступательных действиях.

В результате ожесточенных боев войска Южного фронта добились значительных результатов, остановив наступление Добровольческой Армии на Московском направлении. В результате умелых действий советских войск (и скажу от себя — перевеса в силах более, чем в десять раз) белогвардейские полки, особенно именные: Корниловские, Дроздовские, Марковские и Алексеевские, — понесли большие потери (см. стр. 80 книги полковника Агуреева).

Командование белых недооценило силы ударной группы, появившейся в районе Орла. Поэтому деникинцы не обращали внимания на движение и сосредоточение наших войск. Но когда ударная группа вошла в район города Кромы, на стыке 1-й и 3-й пехотных дивизий 1-го ар-

мейского корпуса деникинцев, и стала угрожать их тылам, особенно Корниловским полкам, занявшим Орел, против нее было уже поздно что-либо предпринимать. Своевременное сосредоточение и выдвижение ударной группы как нельзя лучше влияли на войска 13-й и 14-й армий в районе Орла. Советское командование умело противопоставило свои силы деникинцам.

Когда в районе Орла действовала отборная пехота белогвардейцев, против нее были соответственно поставлены наиболее устойчивые и боеспособные соединения Южного фронта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бои Корниловской Ударной дивизии с 11 по 14 октября включительно

За это время Корниловская Ударная дивизия берет г. Орел. Таким образом приказ генерала Деникина от 17 сентября 1919 г. по старому стилю о продолжении движения на Орел успешно выполняется. Все те, кто не имел представления о действиях красной армии, ликовали, но имевшие возможность получать секретные штабные сводки ждали решительных боев.

Меня только удивляло поведение населения города Орла, которое отлично знало о подходе в прорыв между Корниловской и Дроздовской дивизиями стратегической интернациональной ударной группы, но несмотря на это на параде в Орле 14 октября при виде танка, единственного при Корниловской Ударной дивизии, разрушавшего трибуну с красными флагами, радостно кричало «ура!» Правда, 9-я и 55-я стрелковые дивизии и сводная стрелковая бригада — **21 стрелковый полк** – с их кавалерийскими полками были так разбиты, что советское командование признало штаб 13-й армии неспособным управлять своими войсками, и 9-я и 55-я стрелковые дивизии и гарнизон города Орла были сведены в одну, 9-ю стрелковую дивизию, а ударную группу отобрали от 13-ой армии и подчинили 14-ой. Помощник командующего 13-й армией генерал-майор Станкевич был пойман на участке 1-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка в районе с. Золотаревка и повешен по приговору суда. При налете на город Мценск был расстрелян пытавшийся организовать оборону города генерал Императорской Армии Сапожников. У красных тоже было тревожное положение, которое так освещается ими: «Наступление частей 1-го армейского корпуса генерала Кутепова на Брянском и Орловском направлениях ставило под угрозу сосредоточение стратегических резервов, перебрасываемых с Западного фронта в район Навеля-Карачева» (это результат соглашения маршала Пилсудского с Лениным, по которому польская армия тогда прекратила военные действия, чтобы большевики могли разбить нас). «83-й Самурский полк Дроздовской дивизии 9 октября берет г. Дмитровск. Итак, и в полосе 14-й армии наши войска вместо наступления отходили на север и на северо-запад. 13-я ар-

мия несмотря на большое превосходство в силах не выполнила директивы фронта. 1 октября советские войска оставили г. Воронеж».

Здесь уместно вспомнить о рейде генерала Мамонтова по тылам красных в тот же период нашего наступления от Курска на Орел. За ним Корниловцы следили с большим вниманием и почему-то предполагали, что генерал Шкуро должен был соединиться с ним в районе г. Ельца и нанести удар красному фронту с тыла, соединив таковой с наступлением Добровольческой Армии. Теперь, когда все препятствия к этому, военного и самостийного характера, известны, все же остается под сомнением вопрос: почему генерал Мамонтов, имея с занятием г. Ельца, в своем корпусе 15 тысяч бойцов с максимальным запасом боеприпасов, вышел из своего блестящего рейда по тылам красных как-то «бесцветно», минуя даже Воронеж, только с нажимом на тылы 33-й и 16-й стрелковых советских дивизий, а не ударил с тыла красным навстречу Добровольческой Армии?

Конец рейда генерала Мамонтова — 8 сентября 1919 г. стар. ст.

15 октября. 1-й Корниловский Ударный полк — перестрелка.

За бои под Орлом Корниловская Ударная дивизия взяла: 8 тысяч пленных, 150 пулеметов, 21 орудие, один бронепоезд и большие запасы боеприпасов. Думаю, что материальной части было взято гораздо больше, так как ее никто не подсчитывал, — все думали только о создавшемся положении. Брали только патроны, снаряды и меняли пулеметы. Потери в дивизии все же были велики, и особенно во 2-м Корниловском Ударном полку.

15 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

При наступлении на город Орел, начиная со станции Дьячья, города Кромы и теперь, на 2-й полк легла самая тяжелая задача: противодействовать намерениям красных разбить и уничтожить нашу дивизию под Орлом. С утра следующего дня после занятия Орла полку приходится с боями возвращаться по тому же шоссе на город Кромы, по которому он наступал на Орел. В этих боях полк в свою очередь глубоко вклинился в тыл латышам, обошедшим его и уже перешедшим реку Оку.

Противник — в окопах на противоположном, правом берегу реки Оки, у селения Шахово. 2-й батальон полка выбивает его, занимает Шахово, но на ночь отходит в д. Горки. Посланные до этого две роты 1-го батальона заняли д. Агеевку. На рассвете остальные части полка выступили из Орла и к вечеру прибыли в с. Себякино.

15 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Полк занимает фронт и ушедшего 2-го полка: дд. Киреевка, Воробьевка, станция Саханская, имея 2-й батальон в резерве, в Орле.

15 октября. 2-й батальон 3-го Марковского пехотного полка через село Никольское идет на село Рышково, где сталкивается с латышами и после короткого боя отбрасывает их. Потери батальона — четверть его состава.

15 октября. Действия красной армии

Реввоенсовет Южного фронта 15 октября 1919 г. поставил задачу войскам 14-й и 13-й армий: перейдя в решительное наступление, разгромить противника и не дать ему закрепиться в районе Орел — Новосиль. Далее указывается: **14-й армии разгромить противника у Севска и Дмитровска, обеспечить и поддержать правый фланг ударной группы. Наступление ударной группы повернуть на восток, в общем направлении на станцию Еропкино, причем левым ее флангом бить на Орел. Ударной группе не позже вечера 16 октября выйти на железную дорогу Орел — Курск.**

Кроме того, для удара по Орловской группировке противника была привлечена эстонская стрелковая дивизия под командой Пальвадре, развернувшаяся на фронте Вербник (15 верст ю.-з. ст. Хотынец) и Мощное (10 верст ю.-з. ст. Хотынец) — от Орла 45 верст. Наступление на Орловскую группу противника, которую советское командование считало наиболее опасной, развертывалось с юга, запада и севера (то есть только против одной Корниловской Ударной дивизии из трех полков! Добавлю, что к эстонской стрелковой дивизии по железной дороге из Смоленска через Брянск подходила еще и эстонская бригада).

По нашим данным, в составе советской ударной группы мы тогда обнаружили:

латышскую дивизию, — 9 стрелковых полков; 1-я и 2-я бригады в г. Кромы, 3-я бригада в с. Шахово;

латышский кавалерийский полк при дивизии — в с. Коровье Болото;

эстонскую стрелковую дивизию — 9 стрелковых полков — Хмелевая;

эстонский кавалерийский полк — Агеевка;

1-й Петроградский — с. Коровье Болото;

86-й стрелковый полк — с. Коровье Болото;

Еврейский пластунский — с. Коровье Болото;

8-я кавалерийская дивизия Червонного казачества — 4 полка — Кромы, Дьячья, Поныри;

Пластунская бригада — 3 стрелковых полка — с. Коровье Болото;

1-й сводный стрелковый полк — с. Коровье Болото.

Итого — 25 стрелковых и 6 кавалерийских полков.

* * *

Ударная советская группа основными своими силами была действительно направлена на ст. Стишь и Орел. 9-я стрелковая дивизия (сводная из 9-й и 55-й) и 2-я отдельная бригада с севера — на Орел и Малоархангельск. Помимо этого, 7-я стрелковая дивизия не только охраняла тыл и фланг ударной группы, как ей было приказано, от Дроздовцев, но одна ее бригада действовала у с. Коровье Болото, где был убит в бою с нами командир этой бригады. Части ударной группы, 25 стрелковых полков, 6 кавалерийских полков и одна бригада 7-й стрелковой дивизии,

эти 34 полка нарочито подсчитаны мною, так как против них до выхода из Орла 20 октября 1-го и 3-го наших полков активно оборонялся только один 2-й Корниловский Ударный полк. Силы были явно неравные, противник просачивался где хотел, но, как мы увидим дальше, своевременно приказов своего командования не выполнял. Оборонялся упорно, но продвигался медленно, несмотря на свое превосходство, по-видимому сила нашего пулеметного и артиллерийского огня пугала их. Наше положение в стыке двух советских армий часто облегчало наши контрудары, — чувствовался разнобой в действиях частей красной армии.

* * *

16 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Попытки противника наступать на Орел отбиваются.

2-й Корниловский Ударный полк.

По показаниям жителей противник сосредоточил в Верхних Хуторах, Коровье Болото и Опальково: 1-й Киевский стрелковый полк, еврейский пластунский полк в 900 штыков, 1-й сводный — 600 штыков, пластунскую бригаду и 1-й латышский кавалерийский полк. В частях много латышей, евреев, венгров и даже китайцев. В прорыве к Дроздовцам управление уже 14-й советской армии. Две роты 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка берут с. Шахово. 3-й его батальон с артиллерией, перейдя мост через реку на окраине селения Коровье Болото, был атакован большими силами противника, артиллерии пришлось сразу же бить на картечь. Офицерский батальон лихой атакой с левого фланга одной ротой и ударом с фронта отбросил противника. С правого же фланга пешая развездка прошла лесом в тыл противнику, а другие две роты 1-го батальона, находившиеся с полком, но переправлявшиеся правее его, тоже глубоко зашли во фланг и тыл противнику. Особенно пострадала от них латышская кавалерия, приготовившаяся к атаке на центр нашего наступления. Потери противника были очень велики, в плен обоюдно не брали. Здесь был убит командир одной из бригад 7-й стрелковой дивизии. Было взято 7 пулеметов, штаб Киевского полка, две кухни, подвижной лазарет с медицинским персоналом и много всего осталось по лесам и кустам. Об упорстве обеих сторон в этом бою начальник команды связи капитан Бешенов рассказывал: «Я должен был сообщить командиру полка о результате действий офицерской роты, наносившей удар противнику с севера. Часть домов села были заняты ротой, я вбегаю в дом, из окна которого стрелял офицер по густым цепям, — 16 человек еврейского полка лежали по дороге его выстрелов, а вышедшая в колонне из леса рота тоже еврейского полка была уничтожена пулеметами. Две роты 1-го батальона продолжали движение на юго-запад, заняли село Опальково, но из Масловки их встретили сильным огнем, и они, будучи измотаны боем и большим переходом, отошли на присоединение к полку в село Ивановское, взятое около 2 часов 17 октября, тоже с боем. Кромы были прочно заняты латышами. 2-й батальон атаку противника отбил, был в 3 верстах от Кром, но контратакой был отброшен и остановился в селе

Шахово. За истекший день 2-й Корниловский Ударный полк глубоко вклинился в расположение латышей латышской стрелковой бригады и кавалерийской дивизии Червонного казачества, отбросив их части в жестоких контратаках на запад и на юг, до окраин с. Масловка, что далеко за городом Кромы, и с боем взял село Ивановское, на уровне города с запада. Прямо с севера на юг вел атаку 2-й батальон, а за рекой Окой, на восток от города, у села Бошково, 2-й батальон Марковского пехотного полка имел бой с латышами. Что же касается правого фланга 2-го Корниловского Ударного полка на северо-западе, то он до самой железной дороги Орел — Карачев был свободен для противника.

С присоединением к нам 2-го батальона 3-го Марковского пехотного полка мы узнали о появлении на нашем фронте этого вновь сформированного полка, два остальных батальона которого были направлены на станцию Дьячья, что на юг от г. Кромы. 2-й его батальон сдерживал противника у дер. Шумаково, в 5 верстах к юго-востоку от с. Шахово, левого фланга 2-го Корниловского Ударного полка, и не переходя реки Оки, идет на соединение ко 2-му полку, а не продолжает отбивать обход красных.

16 октября на участке **3-го Корниловского Ударного полка** атаки противника отбиваются огнем.

16 октября. Действия красной армии

На рубеже Вербник — Мощное эстонская стрелковая дивизия с запада и 9-я сводная (из 9-й и 55-й стрелковых дивизий) с севера стали наступать на Орел. Деникинское командование бросило главные (?) силы против ударной группы: с севера шли Корниловские полки (от автора записок: это было бы самым правильным решением для нанесения противнику громадных потерь, но, к сожалению, был брошен только один 2-й Корниловский Ударный полк). Белое командование недооценило силы ударной группы. Дроздовцы в стыке 3-й стрелковой бригады 41-й дивизии и 3-й стрелковой бригады 7-й дивизии немного продвинулись у Дмитровска, но с подходом 2-й стрелковой бригады 7-й дивизии они были отброшены. В это время 2-й и 3-й бригадам латышской ударной группы, наступавшим на Орел, и отдельной стрелковой бригаде, наступавшей на Стишь, белогвардейцы оказывали ожесточенное сопротивление (2-й Корниловский Ударный полк). Населенные пункты: Горки, Агеевка, Коровье Болото и другие несколько раз переходили из рук в руки. Наши части упорно продвигались и в районе Богдановки соединились с эстонской стрелковой дивизией. Когда Южный фронт получил и 45-ю стрелковую дивизию в резерв, тогда эстонская дивизия с 9-й стрелковой дивизией стали в исходное положение для атаки Орла.

17 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

На фронте артиллерийская перестрелка.

17 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

В 5 часов полк из села Ивановского наступает на г. Кромы. Две роты его батальона, только что прищедшие от села Опальково, и остат-

ки пешей разведки назначаются для атаки латышей в окопах, местами — с проволокой. Две роты доходят до противника под сильным ружейным и пулеметным огнем, несут большие потери, и встреченные ручными гранатами, отходят. Разведка где-то залегла.

Противник переходит в наступление, офицерский батальон прикрывает отход полка на хутор Самохвалов, совершаемый согласно приказу по полку. Оказывается, временно командующий полком капитан Щеглов, посылая остатки двух рот 1-го батальона и пешей разведки в атаку на Кромы, имел уже приказ полку на 17 октября, где говорилось об отходе полка на хутор Самохвалов, соединенном с атакой города Кромы с целью осветить там обстановку. Содержание этого приказа не было сообщено атакующим, и в результате мы понесли ненужные, лишние потери.

С этого момента, согласно приказу по дивизии, 2-й Корниловский Ударный полк начинает выходить из своей прогулки по тылам красных, двигаясь опять на Орел. У хутора Кондрева наш санитарный обоз был захвачен красной кавалерией. Произошло трагическое недоразумение: правильно шедший обоз был по ошибке обстрелян своей же заставой и свернул на первую попавшуюся дорогу, где и была кавалерия противника. Полевыми дорогами полк направился в село Спасское, присоединив по дороге две роты 1-го батальона, бывшие до этого со 2-м батальоном полка. Убитых и раненых за этот день в полку — 250 человек.

2-й батальон 3-го Марковского полка, вошедший в связь с левым флангом полка, где отбил атаки латышей у с. Шахово, перешел в резерв 2-го Корниловского Ударного полка.

17 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Противник отбивается огнем.

18 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Противник усиливает свою активность.

18 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Полку снова приказано наступать на Кромы. 1-й батальон — остатки четырех рот — с боем гонит противника на Агеевку. В 3 верстах от с. Коровье Болото батальон был атакован со стороны с. Себякино, отступил на три версты и занял бугры у реки Добрая, до реки Ицки, фронтом на запад и юго-запад. 2-й батальон Марковского полка отступил под давлением из села Шахово, обход противника ликвидировал 3-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка. 2-й и 3-й батальоны полка на линии Котово — Шахово перешли реку и погнали противника. Наши потери велики: убит только что прибывший из госпиталя после ранения командир 3-го батальона поручик Судьбин, исключительно выдающийся Корниловец, ведший в этом бою свой батальон в атаку сидя на коне. В 17 часов полку приказано отходить на сс. Спасское-Яковка.

18 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Попытки противника наступать.

18 октября. Действия красной армии

2-й и 3-й латышским бригадам и отдельной бригаде, наступавшим

с юга и с запада, от города Кромы на Орел (то есть на 2-й Корниловский Ударный полк) и на станцию Стишь, белогвардейцы оказывали ожесточенное сопротивление. Населенные пункты: Горки, Коровье Болото, Агеевка и другие несколько раз переходили из рук в руки. Наши части упорно продвигались вперед.

19 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

В ночь с 19-го на 20-е, согласно приказу, части полка без боя оставляют г. Орел под прикрытием небольшого арьергарда. Направление отхода — вдоль железной дороги Орел — Курск.

19 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Для выхода из окружения полк по приказу начальника дивизии переходит из села Спасское, через Кнубрь — Лаврово, в Сретенское. При переправе через реку Оку у с. Кнубрь противник атакует с юга; в арьергарде 1-й батальон с трудом сдерживает латышей и у Лаврово избегает окружения. Хутор Ступин занят противником. 2-му батальону 3-го Марковского полка приказано выбить его, батальон приказ выполняет, но ночью латыши отбросили его в село Любаново, где сосредоточился 2-й Корниловский Ударный полк, за исключением его 1-го батальона. Ночлег: штаб полка, офицерский батальон, 2-й и 3-й батальоны, артиллерия и команды селе Сретенское, 1-й батальон со 2-м батальоном 3-го Марковского полка — в Лаврово. Потери полка за день — около 200 человек. 1-й и 3-й полки оставили город Орел и отошли на станцию Стишь.

19 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Ведя ежедневные бои, полк занимает позицию: Костомаровка — Киреевка — Телегино — станция Саханская. Хлынувшая из Карачева на юг волна интернациональных частей красной армии обходит Орел и угрожает отрезать железную дорогу на Курск, подойдя к станции Становой Колодезь. Ночью полк оставляет г. Орел и отходит к железнодорожному пути.

19 октября. Действия красной армии

К исходу 19-го части ударной группы, эстонская дивизия и 9-я сводная стрелковая дивизия были готовы к штурму Орла. Белогвардейцы, понеся большие потери и пытаясь сохранить кадры, в ночь на 20 октября решили вывести войска вдоль железной дороги в район станции Стишь, оставив только часть сил в городе.

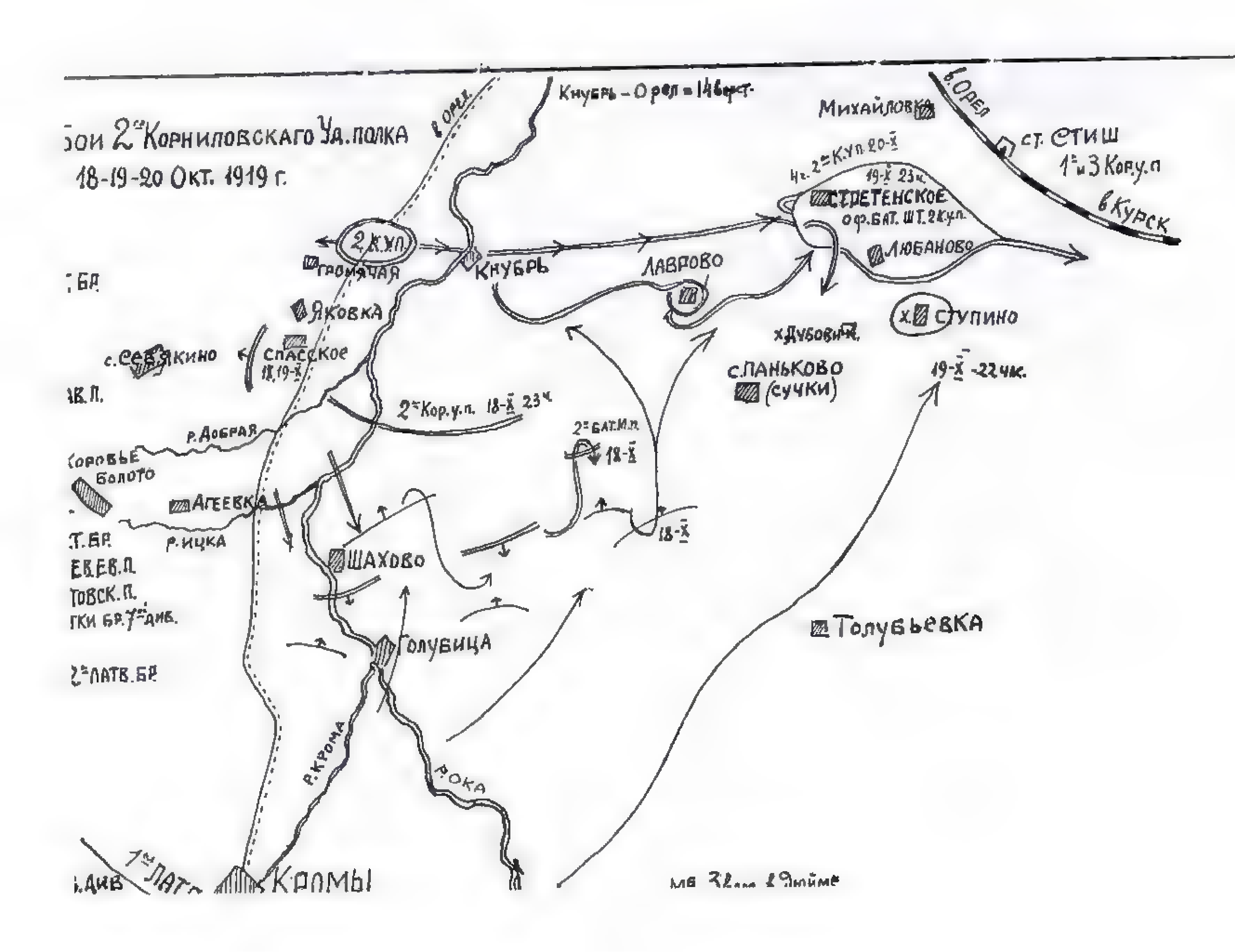
20 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

В 4 часа полк выступил на станцию Стишь и далее на юг, на станцию Рептина. Соединение полков морально ободрило ударников, но отсутствие теплой одежды невыносимо.

Идет обычная картина исхода жителей из города. Непринятые своевременно добровольцы теперь заполняют пути и препятствуют быстроте маневра.

20 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Утром полк переходит в наступление на запад от железной дороги,



Бои 2го Корниловскаго Уд. полка
18-19-20 Окт. 1919 г.
Кнубрь – Орел = 14 верст.
в Орел
Михайловка
в Орел
ст. Стиш
1й и 3 Кор.у.п
в Курск
ч. 2 К.у.п. 20-Х
19-Х 23 ч.
Стретенское
оф. бат. шт. 2 К.у.п.
Любаново
2 К.у.п.
Гремячая
Кнубрь
Лаврово
х. Ступино
х. Дубовик
с. Паньково
(сучки)
19-Х -22 ч.
Яковка
с. Севрякино
Спасское
18,19-Х
2й Кор.у.п. 18-Х 23 ч.
р. Добрая
Коровье болото
2й бат. И.п.
18-Х
Агеевка
р. Ицка
Шахово
18-Х
Голубица
Голубьевка
р. Крома
р. Ока
Кромы
1й Лат.
2й латв. бр.

входит в соприкосновение с противником и к вечеру занимает позицию: дд. Стишь — Колодезь — Жидково.

20 октября. Действия красной армии

Левый фланг эстонской дивизии переходит в подчинение 13-й армии и наступает на Орел и на Малоархангельск.

Левый фланг эстонской дивизии и 9-я сводная стрелковая дивизия с отдельной бригадой повели наступление на оставленный город и к 12 часам заняли его.

С утра 20 октября советские войска с трех сторон повели наступление на Орел и **после жарких боев** к 12 часам освободили его. Деникинцы потерпели первое крупное поражение. Войска 13-й и 14-й армий подошли к станции Стишь. Все попытки белых разгромить левый фланг 14-й армии, то есть части ударной группы и 7-й стрелковой дивизии, потерпели полный крах. (Стр. 96 книги полковника Агуреева).

Директивы командования Южным фронтом: «Наступать на Курск, дабы окончательно уничтожить зарвавшегося противника в районе Орел-Ливны. 14-й армии — ударной группой на Фатеж — Курск, 13-й армии — эстонской стрелковой дивизией на г. Малоархангельск, 9-й стрелковой дивизией через Орел на Ливны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АВТОРА ЗАПИСОК

Бои Корниловской Ударной дивизии с 15 по 20 октября

С 13 на 14 октября части латышской дивизии полностью захватили, вернее — очистили от обозов, г. Кромы и с 15-го имели бои со 2-м Корниловским Ударным полком в полном его составе. Как мы видели из описания деталей боев Корниловской Ударной дивизии за этот отрезок времени, ликвидацию обхода ударной советской интернациональной группой командование дивизии возложило на один только 2-й Корниловский Ударный полк. 1-й же и 3-й ее полки фактически обороняли город Орел на фронте от станции Золотаревка до станции Сахановка включительно против разбитой сводной стрелковой советской дивизии (из 9-й и 55-й). **Несмотря на отличный людской и огневой состав 2-го Корниловского Ударного полка, задача была дана ему все же непосильная: один против 34 стрелковых и кавалерийских полков.**

Сдерживая удар латышей по шоссе от города Кромы на Орел 2-м батальоном с двумя ротами 1-го батальона, с остальным составом полк отбросил противника на запад и на юг до сс. Масловка, Опальково и Ивановское включительно, то есть отрезал город Кромы с запада. Временно командующий полком отказался от атаки города Кромы, по-видимому, он увидел насыщенность фронта противника в небывалом превосходстве и местами уже укрепленного проволокой, а потому решил сократить свой фронт отходом полка на линию 2-го батальона, сс. Шахово — Агеевка,

безрезультатно атаковав окопы красных около самого города двумя слабыми ротами, только что присоединившимися к полку утром после отхода от с. Опальково.

Несмотря на колоссальные потери полка и на очевидность наличия против него небывалого превосходства отличных частей красных, настроение было бодрым, ждали какого-то решения командования. Сначала надеялись на свои силы, то есть что одновременно с нами будет брошен наш 1-й полк, как самый сильный по составу и огню, а 3-й с тремя бронепоездами оставят для обороны г. Орла, если вообще таковая была необходима. Но проходили дни, в лихих контратаках полк таял и было видно, что наше командование выпустило инициативу из своих рук. Мы только отбрасывали противника в одном месте, а он занимал своими резервами только что оставленное нами. Это не могло продолжаться бесконечно, и 2-й Корниловский Ударный полк, отбрасывая ежедневно контратаками красных, блестяще закончил выполнение непосильной для него задачи отражения охвата советской ударной группой Корниловской Ударной дивизии в Орле. В ночь с 19 на 20 октября 1-й и 3-й Корниловские Ударные полки без боя оставили город и только 20-го красные атакой двух дивизий (эстонской и 9-й сводной) против слабого арьергарда Корниловцев заняли его. 2-й же полк до самого момента соединения с дивизией ежедневно отбивал бешеные атаки латышей с запада, юга и даже с востока.

Очень жаль, что документы штаба Корниловской Ударной дивизии погибли в Париже в связи с делом похищения генерала Миллера, а за действия штаба 1-го армейского корпуса и штаба Добровольческой Армии ответил один генерал Май-Маевский своим увольнением. До сего времени как-то не верится, неужели не в силах был генерал Деникин, вернее — его штаб, зная об ударе на нас, перебросить если не корпус Шкуро, то с других, менее опасных участков фронта Вооруженных Сил Юга России хотя бы одну кавалерийскую дивизию? Если генерал Май-Маевский был тогда невменяем, то у него был же его штаб Армии и, помимо этого, штаб 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. В мою задачу не входит выяснение того, «кто виноват», я только собираю материалы для истории Корниловской Ударной дивизии, но в подготовке Орлово-Кромской операции и в неиспользовании своих наличных сил кто-то даст ответ перед своей совестью. Я не говорю «перед историей», так как все истории пишутся и материалы для них собираются авторами под своим углом зрения, а нам хотелось бы знать нашу добровольческую оценку этой решившей участь всех Вооруженных Сил Юга России битвы за Орел.

Смягчающим для нашего командования в те дни было обстоятельство, о котором мир официально узнал спустя десять лет, — это перемирие Польши Пилсудского и Лениным, состоявшее в том, что Пилсудский прекратил военные действия против красной армии с определенной целью: дать красной армии возможность бросить все резервы на Добровольческую Армию для ее разгрома. В дипломатических материалах об этом сказано так: «Маршал Пилсудский не мог допустить, чтобы в Рос-

сии восторжествовала реакция». В дальнейшем мы увидим, что Пилсудский проделал то же самое и в конце 1920 года, заключив с Лениным на этот раз уже мир, с той же целью: чтобы красная армия всей своей массой могла бы разбить Русскую Армию генерала Врангеля в Северной Таврии и в Крыму.

С соединением всех полков Корниловской Ударной дивизии ежедневные бои продолжались с особым ожесточением.

21 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Продвижение противника около станции Стишь остановлено.

21 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Приезд Командующего Добровольческой Армией генерала Май-Маевского. Части полка были построены около полотна железной дороги. Его хвастовство, что мы возьмем «ворону», то есть красных, «за хвост», горечью отозвалось в сердцах всех Корниловцев. Не сделав своего дела, не ответив на маневр красных контрударом в момент нашей полной мощи, теперь уже поздно было говорить об этом, находясь в половинном составе, притом измученном до предела и полуодетом. Присутствовавший на параде командир 3-го артиллерийского дивизиона полковник Роппонет, видя в поведении генерала Май-Маевского невиданный нами до сего момента отрыв его от действительности, расплакался. Искренне обрадовались Корниловцы, увидев приехавшего своего командира полка, полковника Пашкевича, еще слабого от ранения, который со слезами на глазах обходил остатки своего полка, успокаивал и обещал скоро вернуться с пополнением. Здесь мы имели случай поздравить его с производством в полковники.

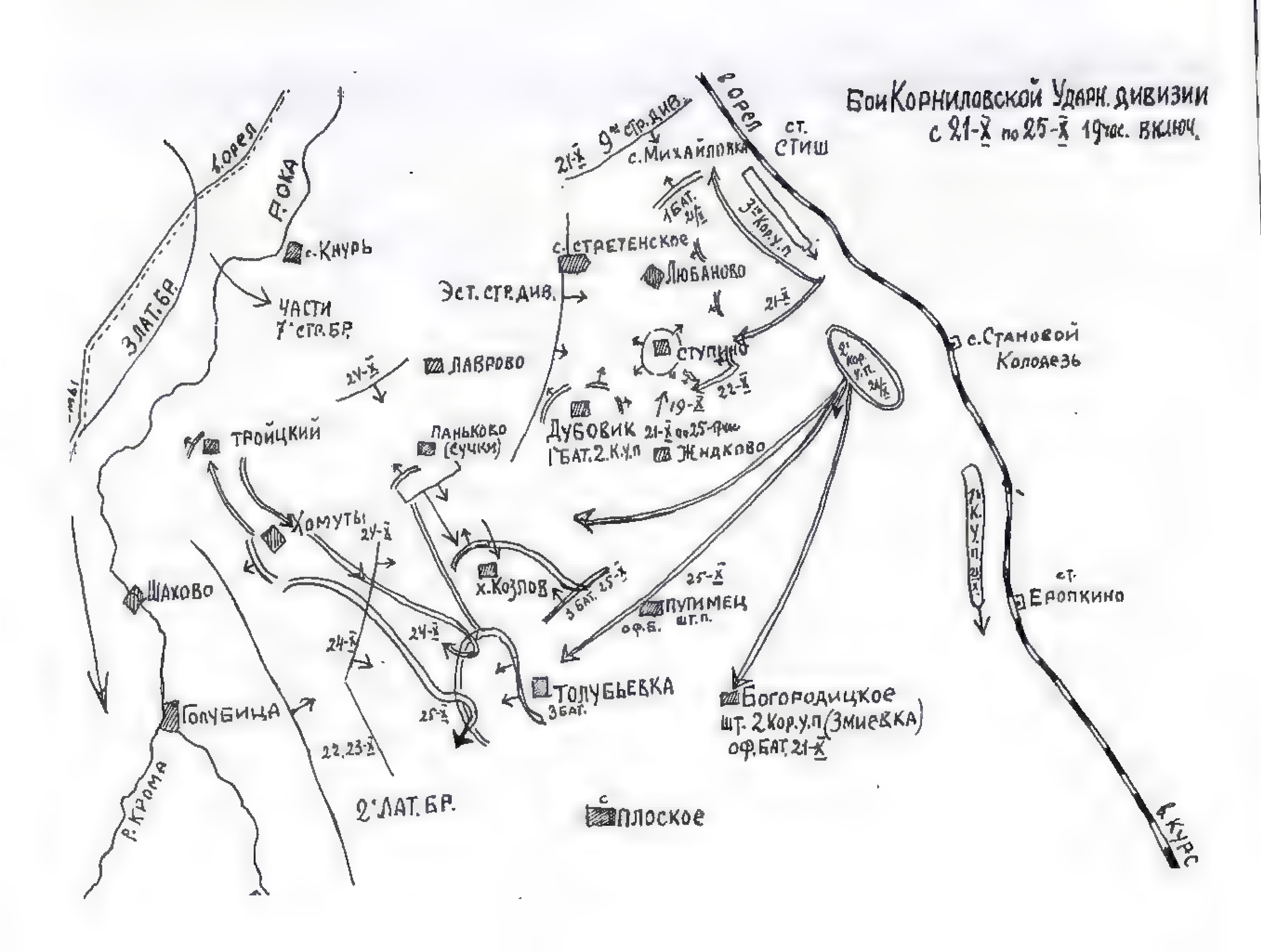
В 15 часов полку было приказано: 1-му батальону занять хутор Дубовик. В момент занятия его в мое распоряжение поступает батарея полковника Думбадзе. Видя, что я не имею коня, он мне подарил хорошего вороного жеребца. Противник уже наступал, и мне пришлось разворачивать свой батальон. Наши пулеметы бешено заработали, и в это время пуля попадает моему вороному прямо в лоб. Сначала он стал на дыбы, потом опустился на колени, зарыв голову в землю, захрипел и подох. Так немного послужил вороной в рядах ударников. Бой все разгорался, противник был отбит при содействии отличного огня батареи полковника Думбадзе, но мы израсходовали на это из трофейных запасов до 50 тысяч патронов. 2-му и 3-му батальону было приказано занять с. Толубеево, а офицерскому батальону со штабом полка и командами – с. Богородицкое. Я не присутствовал на проводах генерала Май-Маевского, но командир офицерского батальона капитан Иванов, К. В., передал нам, что при отходе поезда генерал крикнул провожавшим: «До свидания в Туле!»

3-й Марковский пехотный полк.

Из истории Марковской пехотной дивизии мы теперь знаем, что два его батальона, 1-й и 3-й, выгрузились на станции Дьячья.

21 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Полк продолжает наступление и выдвигается на линию: с. Михайловка — 1-й батальон, и 3-й — с. Любаново.


Бои Корниловской Ударн. дивизии
с 21-X по 25-X 19 г. включ.
в Орел
ст. Стиш
21-X 9-я стр. див.
с. Михайловка
1 бат.
3-й Кор. у.п.
с. Стретенское
Любаново
Эст. стр. див.
21-X
Ступино
22-X
19-X
Дубовик
21-X по 25-X
1 бат. 2. К.у.п.
Жидково
с. Становой Колодезь
2-й Кор. у.п.
1-й К. У. п.
ст. Еропкино
в Курс
в Орел
р. Ока
с. Кнурь
Части 7-й стр. бр.
3 лат. бр.
24-X
Лаврово
Троицкий
Паньково (Сучки)
Хомуты
24-X
х. Козлов
3 бат. 25-X
25-X
Пупимец
шт. п.
оф. б.
Шахово
24-X
24-X
Толубьевка
3 бат.
Богородицкое
шт. 2 Кор. у.п. (Змиевка)
оф. бат. 21-X
Голубица
25-X
22, 23-X
р. Крома
2-я лат. бр.
с. Плоское

21 октября. Действия красной армии

Войска 13-й и 14-й армий подошли к станции Стишь. Эстонской дивизии приказано развивать наступление на Малоархангельск.

Для достижения полного успеха командование потребовало: «Не разбрасывать своих сил, а бить на избранном направлении сосредоточенно, кулаком, на узком фронте, стремительно и решительно, то есть придерживаясь тактики маневрирования». Латышской дивизии наносить удар на Фатеж. Командование напоминало указание Ленина о том, что деникинские армии чрезвычайно способны на быстрые налеты, авантюры и отчаянные предприятия.

22, 23 и 24 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Полк продолжает отходить по линии железной дороги в резерве дивизии.

22 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

1-й батальон на старом месте, в хуторе Дубовик, 2-й — хутор Ново-Троицкий - дер. Хомуты, 3-й в с. Панькова.

Наступление противника на левый фланг полка отбито. По фронту — артиллерийская стрельба. Справа, в селе Стишь и Монастырская, 3-й Корниловский Ударный полк. Наступление батальона 3-го Корниловского Ударного полка на хутор Ступин с севера отбито латышами. Здесь я прошу обратить внимание на то, что хутор Ступин был занят во второй половине дня 19 октября частями латышской стрелковой дивизии, стремившимися ударом с юга отрезать 2-му Корниловскому Ударному полку путь отступления к железной дороге. В этом хуторе латыши, будучи окружены нами со всех сторон, отбили все атаки Марковского батальона 19-го вечером и 22-го — 3-го батальона 3-го Корниловского Ударного полка и потом, после нашего общего отхода, они соединились с частями эстонской дивизии, наступавшими от Орла. Сами же латыши здесь в наступление не переходили.

23 октября. Бой с наступающим противником.

24 октября. На участке полка остатки полков 7-й советской стрелковой дивизии и отдельной стрелковой бригады перемешались между латышскими полками и обозначили две группы: одна наступала по шоссе от Орла на Кромы — 3-я латышская бригада, а другая — с запада на участок полка, на село Лаврово, это сводная советская бригада. От хутора Дубовик 1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка наступление эстонцев отбил. В районе хутора Козлов наш 3-й батальон три раза отходил. Потери его, 150 человек, для его малого состава были очень велики. При отбитии атак в полку израсходовано большое количество огнеприпасов. Справа — 3-й Корниловский Ударный полк, а слева должен был быть 3-й Марковский пехотный полк, но связи с ним не могли установить.

22 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

С утра на всем участке полка упорный встречный бой с превосход-

ными силами эстонской стрелковой дивизии. Потери полка огромны — 400 человек, но на правом фланге полка отбиты все атаки, и полк успешно гонит противника на север. К вечеру полк отходит на старую линию, где и удерживается, ведя бои в районе Михайловки до 27 октября. В это время в полк прибывает пополнение, составившее 4-й батальон. Обращаю внимание читателя на то, что причина больших потерь полка в этот день заключается в том, что его левый фланг впервые здесь познакомился с эстонской стрелковой дивизией.

23 октября. Алексеевцы оставили г. Новосиль.

22 октября. Действия красной армии

На левом фланге 14-й армии, на фронте Дмитриевск — Кромы, части 7-й стрелковой дивизии и ударной группы встретили упорное сопротивление белогвардейцев. 3-й Марковский и 2-й Корниловский полки потеснили левый фланг 1-й латышской бригады и к исходу 22-го заняли г. Кромы (От автора материалов: Кромы были тогда заняты только двумя батальонами 3-го Марковского пехотного полка. 2-й же Корниловский Ударный полк в эти дни отбросил латышские части и части отдельной стрелковой бригады; бой успешный, но с большими для нас потерями велся на фронте Дубовик — Ново-Троицкий — Хомуты — Паньково).

Из района Орла на Кромы наступала 3-я латышская бригада ударной группы, чтобы ликвидировать разрыв между 1-й и 2-й латышскими бригадами.

24 октября. Части 3-й латышской бригады выбили Марковцев из г. Кромы. Однако противник перешел в наступление на Опальково (?) и вынудил наши части без боя оставить г. Кромы и отойти в район Федоровки. (От автора материалов: советские источники бои 23-го и 24-го соединили, а по данным тех дней получилось, что 3-й Марковский полк не вошел в оставленный город Кромы по тактическим соображениям и только 24-го был там. Будь на месте батальонов 3-го Марковского полка 1-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка, исход сражения мог бы измениться).

(Латыши, как и 9-я стрелковая дивизия, испытав силу Корниловцев, страшно боялись обходов. Еще раз с горечью приходится отметить отсутствие у нас кавалерии и то, что командование сразу же из Орла не бросило 1-й и 2-й Корниловские полки, как самые сильные, а бросило на такую массу красных, да и к тому же по частям, только один 2-й полк для активной обороны такого большого участка Орел — Кромы — Опальково).

25, 26 и 27 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Полк продолжает отходить вдоль железной дороги в резерве дивизии.

25 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Полк отбивает противника огнем в районе: 1-й батальон — хутор Дубовик, 2-й батальон — Толубеево, офицерский и 3-й батальон, команды и штаб полка — Путимец.

26 октября. Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 74.

1-му батальону оборонять Дубовик, 3-му — Кнубрь — М. Быстрицу. 2-му батальону, выслав роту в Шахово для связи с 3-м Марковским полком, — на Нестерево — Лысовку и хутор Ново-Троицкий. Офицерский батальон, две роты 1-го Корниловского Ударного полка и команда пеших разведчиков — за 3-им батальоном, по дороге на Путимец — Козлов. При наступлении выяснено, что на фронте Паньково (Сучки) — хутор Ново-Троицкий латышские стрелки, смененные 1-м Киевским и 1-м Фастовским полками, ушли в неизвестном направлении. Несмотря на упорное сопротивление 1-го Киевского и 1-го Фастовского полков они были сбиты. Полк занял указанный приказом фронт. Слева — Черноморский конный дивизион, в д. Шумаково. Связи с Марковским полком нет. **Наступление на Кромы не удалось.**

26 октября Дроздовская стрелковая дивизия оставила г. Дмитровск.

26 октября левый фланг 2-го Корниловского Ударного полка в с. Кнубрь; через г. Кромы до Дмитровска по воздушной линии 62 версты.

27 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

По телефону приказано приказ № 76 не исполнять, а отходить: 1-му батальону на Нестерево — Плосское и хутор Введенский. 2-му батальону по тому же пути в Червяк Знаменский. Штаб полка и остальные его части в Сергиевское (Озерное). Всю ночь перехода лил холодный дождь.

25, 26 и 27 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Полк удерживает свои позиции.

25, 26 и 27 октября. Действия красной армии

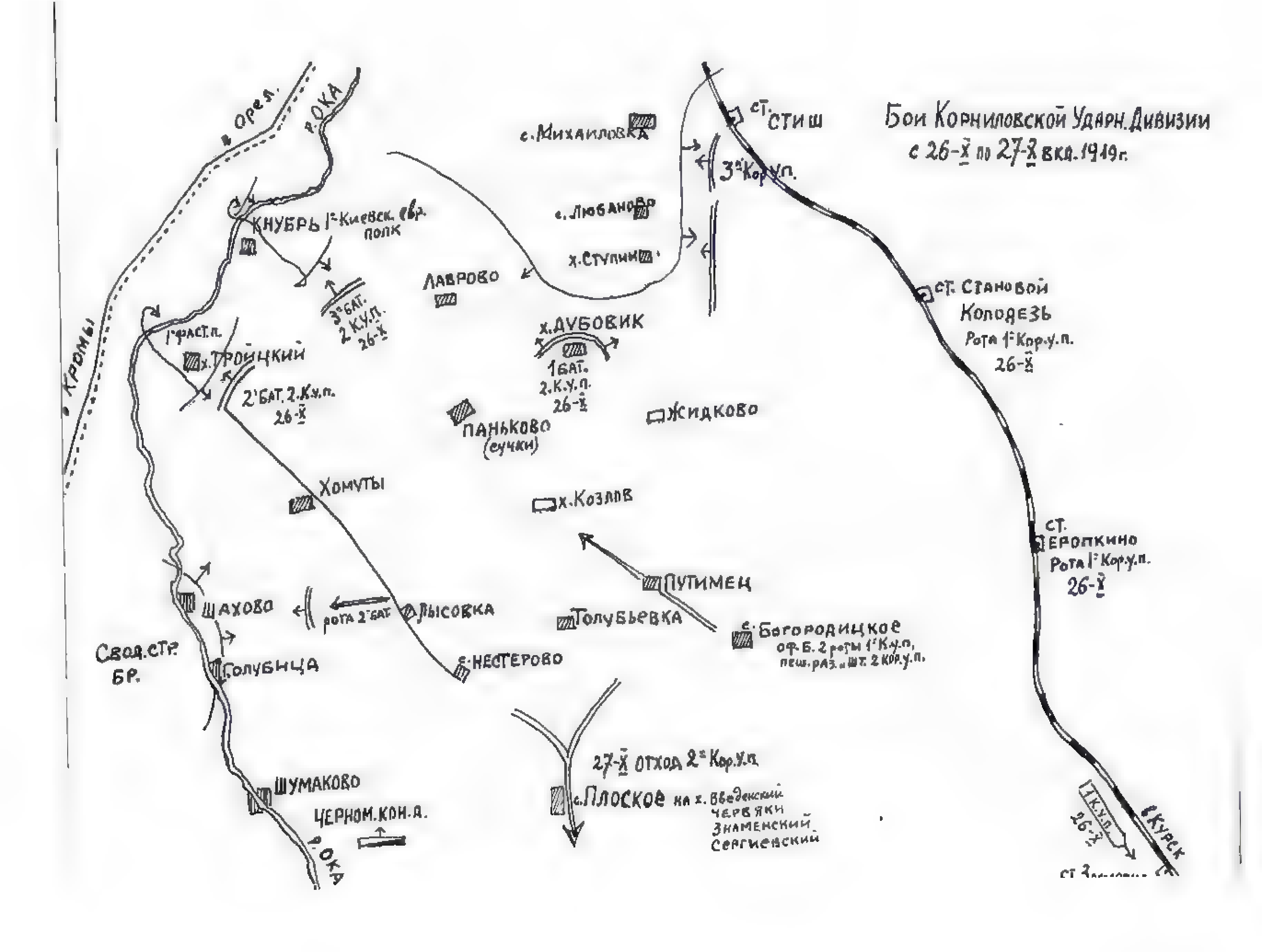
О боях в полосе Кромы — Стишь и о значении их Ленин сказал: «Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту. Никогда еще не было таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «Корниловские», где треть состоит из офицеров, наиболее контрреволюционных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое свое восстановление своей помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте. Победа под Орлом показала, что перелом наступил».

27 октября. Реввоенсовет республики 27 октября приказал войскам Южного фронта наступать на Орловском направлении, на Курск. Штурмом взяли станцию Стишь (сильно приукрашено, так как в это время Корниловцы отходили на линию станции Дьячья).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бои Корниловской Ударной дивизии с 21 по 27 октября

Со взятием Орла красная армия направляется: ударная группа (ла-



Бои Корниловской Ударн. Дивизии
с 26-X по 27-X вкл. 1919 г.
Орел
Кромы
р. ОКА
КНУБРЬ
1-й Киевск. свд. полк
с. Михайловка
с. Любаново
х. Ступин
Лаврово
3-й бат. 2 К.У.П. 26-X
1-й фаст. п.
х. Троицкий
2-й бат. 2 К.У.П. 26-X
х. Дубовик
1 бат. 2 К.У.П. 26-X
Паньково (сучки)
Жидково
Хомуты
х. Козлов
ст. Стиш
3-й Кор. У.П.
ст. Становой Колодезь
Рота 1-й Кор. У.П. 26-X
ст. Еропкино
Рота 1-й Кор. У.П. 26-X
Путимец
Шахово
рота 2-й бат.
Лысовка
Голубьевка
с. Богородицкое
оф. Б. 2 роты 1-й К.У.П., пеш. раз. и шт. 2 Кор. У.П.
Свод. стр. бр.
Голубица
с. Нестерово
27-X отход 2-й Кор. У.П.
с. Плоское
на х. Введенский Червяки Знаменский Сергиевский
Шумаково
Черном. кон. д.
1 К.У.П. 26-X
Курск

тышская стрелковая дивизия, отдельная стрелковая бригада, содействующие им части 7-й стрелковой дивизии и кавалерийская дивизия Червонного казачества) на город Фатеж; эстонская стрелковая дивизия на г. Малоархангельск; 9-я стрелковая дивизия на Ливны. На фронте Корниловской Ударной дивизии событие: приехал Командующий Добровольческой Армией генерал Май-Маевский. Состоялся даже парад около железной дороги, но несмотря на обычную для генерала лихость — устроить смотр войскам под огнем противника — встреча ему была прохладной. Его уверения об окружении противника были приняты за плохой анекдот, не помогло ему и его хлесткое выражение: «До свидания в Туле!» Расходились части с парада в подавленном настоении от вида закатившейся звезды когда-то блестящего боевого генерала. Прямо с парада части пошли на свои участки. Катившийся вал красных, уверенный в разгроме нашей дивизии, всюду был отброшен.

23 октября г. Новосиль был оставлен Алексеевцами, а 24-го сдан Воронеж. Оба фланга Корниловцев по-старому висят в тревожной неизвестности. 1-й Корниловский Ударный полк все время идет по линии железной дороги своими основными силами в резерве дивизии, оставляя отдельные роты для отбрасывания противника. 3-й и 2-й Корниловские полки отбрасывают латышскую и эстонскую дивизию на запад. 3-й полк здесь впервые имеет дело с эстонской дивизией, несет 400 человек потерь, но удерживает свои позиции до общего нового отхода 27 октября. 2-й полк своим 1-м батальоном до отхода удерживает на своем правом фланге бешеные атаки эстонской дивизии и отдельной стрелковой бригады с севера и запада. Остальные же его три батальона сами атакуют красных в западном направлении и доходят, правда — с большими потерями, до реки Оки. В это время, 23 и 24 октября, два батальона 3-го Марковского пехотного полка с юга, от станции Дьячья, почти без боя занимают г. Кромы, но красные бросают против них освободившуюся после занятия Орла 3-ю латышскую бригаду, и Марковцы отходят на станцию Дьячья. Очевидно, на параде генерал Май-Маевский и говорил про этот удар на Кромы, но все это оказалось мыльным пузырем, и наш штаб дивизии оказался прав, прося об ударе дивизии на ударную советскую группу в момент, когда эстонская стрелковая дивизия находилась в 45 верстах от Орла, — тогда успех разгрома основной ударной советской группы был бы обеспечен. Несмотря на то, что 2-й и 3-й Корниловские полки успешно отбрасывали противника и окружения не произошло, но превосходство в силах у красных дало им возможность через Кромы сделать новую попытку: ударом на Фатеж и Поныри отрезать нам путь отступления на Курск.

26 октября Дроздовцы оставили г. Дмитровск, который от левого фланга дивизии находился в 62 верстах. Все это вынудило дивизию к новому отходу 27 октября.

28 и 29 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Полк в резерве дивизии расположен по линии железной дороги и к

западу от нее с целью парировать новый обход ударной группой противника, начавшей свое движение на г. Фатеж.

28 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

К 12 часам полк занял указанную ему позицию 27 октября. Справа — 3-й Корниловский Ударный полк в с. Никольское, на фронте спокойно Слева обстановка невыяснена.

29 октября. 2-й Корниловский Ударный полк, 3-й Марковский пехотный полк и Черноморский конный дивизион составляют группу полковника Пешня.

Приказ по группе за № 77: «2-му Корниловскому Ударному полку с 3-м Марковским полком и Черноморским конным дивизионом занять фронт: Рятежи — Спасское — Гостомля — Ломовец. Слева — 83-й Самурский полк, хутор Опойковский — Хользеев (15 верст от Гостомли), связи нет. Полку к 11 часам сосредоточиться у станции Дьячья и ударом на север разбить группу противника, отбросив ее на северный берег реки Кромы, и занять фронт: Родина — Важиво — Б. Кольчиво — Колки. К 18 час. 30 мин. штаб полка на ст. Дьячья, 2-й батальон — Муханово, две роты 3-го батальона — в Павловку. По фронту перестрелка».

Батальон 3-го Марковского полка берет с. Караськово.

28 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

В ночь на 28 октября полк отходит на юг. После кошмарного перехода под проливным дождем полк занимает: с. Козьмодемьянское — Червяк Знаменский, где закрепляется и ведет бои 29-го и 30-го, отбивая атаки красных.

28 октября. Действия красной армии

Эстонская дивизия заняла станцию Становой Колодезь. Стр. 98 книги полковника Агуреева: «28 октября 2-я латышская бригада, бригада Павлова, эстонская стрелковая дивизия и 2-я стрелковая бригада 9-й стрелковой дивизии, сменив части ударной группы, вели ожесточенные и кровопролитные бои в районе станции Стишь. В это время эстонская стрелковая дивизия подошла к ст. Стишь — Колодезь.

30 октября. 1-й Корниловский Ударный полк.

В резерве дивизии.

30 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Приказ полку № 78, ст. Дьячья: «Полку с 9 часов наступать и выбить противника из Муханово — Жерновец и преследовать его на Гостомлю и Ломовец. 2-му батальону в 9 часов начать наступление через шоссе на Чернодье и выслать разведку на Ломовец — Рожково — Чернь. 3-й батальон через Муханово аа Жерновец, по занятии которого выслать разведку на Гостомлю и Слободку. Штаб полка в Монастырщине, с офицерским батальоном и командами. 1-й батальон в резерве группы на станции Дьячья».

К 22 часам Жерновец взят. В Жерновце 3-й и офицерский батальоны,

штаб отряда и полка. 2-й батальон в Чернодье. 3-й батальон взял орудие и 50 снарядов.

3-й Марковский пехотный полк занимает Караськово — Зиновьево.

30 октября. 3-й Корниловский Ударный полк.

На 1 ноября полк должен занять: Воейково — Никольское — Лозовец — Червяк Знаменский.

30 октября. Действия красной армии

От автора записок: советские источники умалчивают о боях в районе станции Дьячья в своем продвижении на Фатеж и Поныри. Эти дни показали, что прорыв их ударной группе удался, но что разгрома трех Корниловских Ударных полков не произошло несмотря на такой их перевес в силах, как один против десяти. Лично я уверен, что мог бы для ударной группы получиться и больший конфуз, если бы первоначальная просьба штаба Корниловской Ударной дивизии о передаче Орла Алексеевцам была удовлетворена, и тогда дивизия в полном составе могла бы обрушиться на советскую ударную группу. Но здесь против нее был тот же 2-й Корниловский Ударный полк со слабым 3-им Марковским полком.

За это время больших боев 1-й и 3-й полки понесли меньшие потери, а 3-й, хотя и потерял в бою с эстонцами 400 человек, тут же мог получить пополнение, которого хватило и на сформирование четвертого батальона. Действия под Орлом 9-й стрелковой дивизии (сводной из 9-й и 55-й), имевшей почти чисто русский состав, были спасением для Корниловцев. Наступление она вела только под наганами чекистов. Равноценными с янычарами Ленина по ненависти к нам были и наступившие русские морозы: они стали уносить из наших рядов такие же жертвы, как и первые.

1 ноября нового стиля. 1-й Корниловский Ударный полк.

В резерве дивизии. Центром движения является железная дорога.

1 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 79. Жерновец: «Полку занять Гостомлю — Ломовец, разведку на Чернь — Похвастнево — Красниково. 3-й батальон в 11 часов на Гостомлю и одну роту на шоссе высота 119 и разведку на Бельдяжки Рассоховец. С 9 до 11 часов помочь 2-му батальону ударом во фланг и тыл противнику. 1-й батальон поручика Левитова на участке Караськово — Зиновьево, где временно подчинить себе 3-й Марковский полк, командир которого отрешен от командования за неисполнение боевых приказов, и Черноморский конный дивизион. Офицерский (2-го Корниловского Ударного полка) батальон и 3-й батальон 3-го Марковского полка — в резерве».

1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка совместно с 3-м Марковским полком выбил противника из Караськово, отбил наступление на Зиновьево, захватил хутор Спасский и был на окраине села Добрыни, откуда спешно должен был идти снова на Зиновьево и выбивать

оттуда противника, занявшего село с северо-запада. Противник отступил на Полесье, бросив пулеметы и раненых. 2-й и 3-й батальоны заняли Гостомлю и Ломовец, но контратакой противника были выбиты и ушли на свои старые позиции. В этих боях были разбиты самые лучшие латышские полки, 2-й и 3-й, и дело доходило до штыковых атак. В этом бою особенно отличился со своим батальоном штабс-капитан Померанцев.

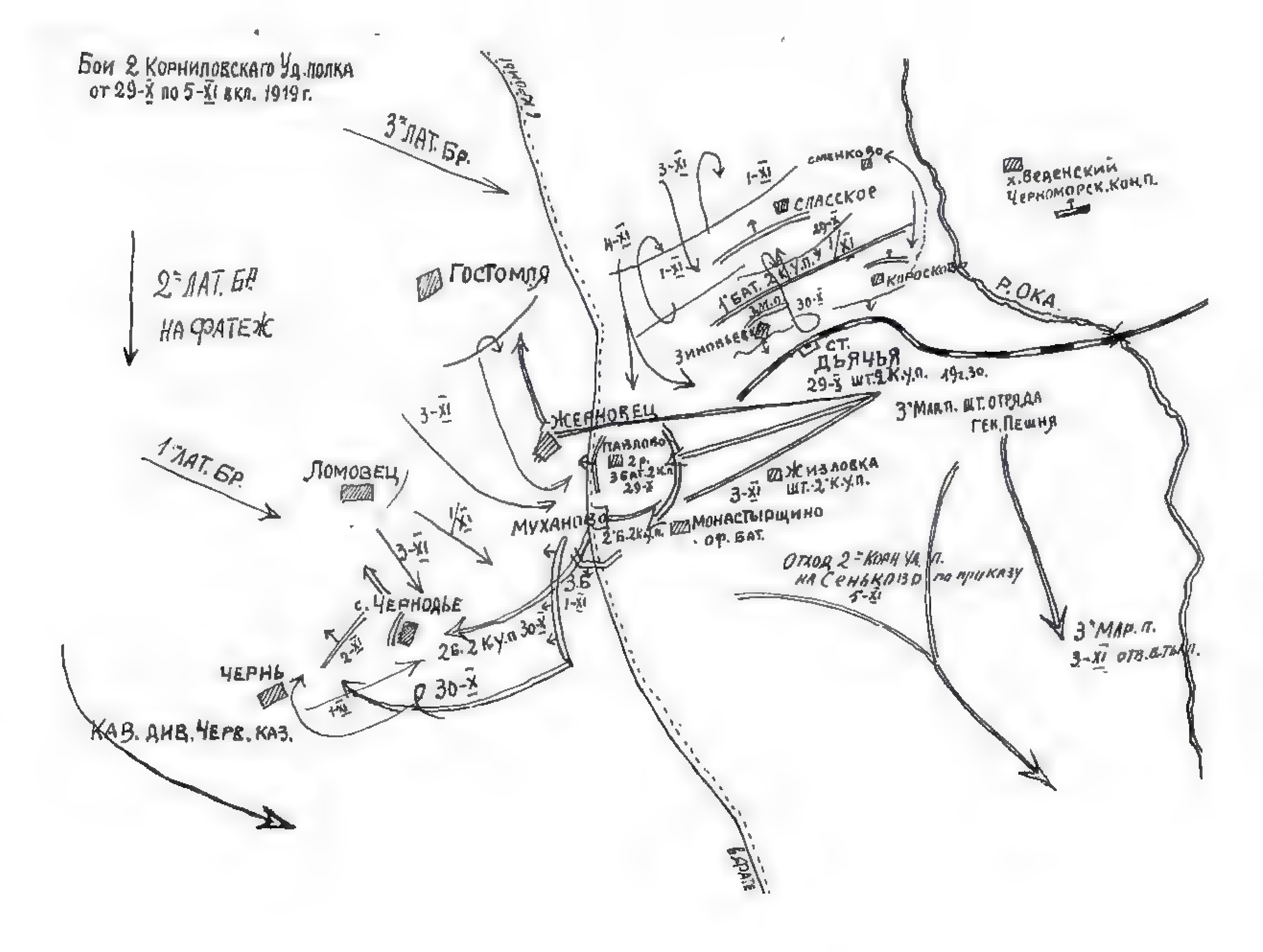
1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка, 3-й Марковский пехотный полк и Черноморский кавалерийский дивизион назначен объединять поручик Левитов.

(От поручика Левитова: когда я прибыл в штаб 3-го Марковского полка, то смещенного командира полка там уже не было. Не видел я и его заместителя, и встретил меня адъютант полка капитан Лукьянов, Ипполит Петрович. От него я узнал о расположении полка, связался по телефону с командирами батальонов, сделал распоряжения на следующий день и утром, совместно с моим 1-м батальоном 2-го Корниловского Ударного полка отбросил наступавших латышей. Если полковник Наумов, командир 3-го Марковского полка, заявил полковнику Пешня, что он не верит своим солдатам, то я нашел их действия совершенно нормальными и потому никаких репрессий против них с моей стороны предпринято не было.

Уже в эмиграции, в Париже, при переписке собранных мной материалов для истории Корниловского Ударного полка я заинтересовался вопросом отрешения от должности командира 3-го Марковского полка за неисполнение «боевых приказаний». Сам я тогда только подходил со своим 1-м батальоном 2-го Корниловского Ударного полка к станции Дьячья, и полковник Пешня послал за мной командира конного эскадрона капитана Литвиненко, который присутствовал при встрече полковника Пешня с полковником Наумовым. Поэтому я обратился к капитану Литвиненко, Петру Даниловичу, с просьбой оставить мне письменное свидетельство об этой встрече, что он незадолго до своей кончины и исполнил.

Оказывается, полковник Пешня, будучи всегда исключительно выдержанным в обращении со всеми, спокойно обратился к полковнику Наумову с вопросом: «Почему вы оставили г. Кромы?» На это полковник Наумов ответил: «Я не верю своим солдатам». Это так потрясло полковника Пешня, что он резко закричал на полковника Наумова: «Я отрешаю вас от командования полком за неисполнение боевых приказов!»

Конечно, полковник Пешня знал и о другом, то есть о своеобразном командовании им полком, о чем свидетельствует и его подчиненный тогда подполковник Павлов, командир 3-го батальона: что полковник Наумов в бою за город Кромы находился на таком расстоянии от своих двух батальонов, что в течение суток не мог установить с ними телефонной связи. Следовательно, он не мог даже видеть, как держали себя его солдаты в первом для них бою. Помимо этого, полковник Наумов должен был знать, какое значение для нас тогда имел город Кромы


Бои 2 Корниловскаго Уд. полка
от 29-X по 5-XI вкл. 1919 г.
3 ЛАТ. БР.
2 ЛАТ. БР.
НА ФАТЕЖ
1 ЛАТ. БР.
ГОСТОМЛЯ
ЛОМОВЕЦ
ЖЕРНОВЕЦ
ПАВЛОВО
2 р. 3 бат. 2 К. п. 29-X
МУХАНОВО
2 б. 2 К. у. п.
МОНАСТЫРЩИНО
оф. бат.
ЖИЗЛОВКА
шт. 2 К. у. п.
с. ЧЕРНОДЬЕ
2 б. 2 К. у. п. 30-X
ЧЕРНЬ
30-X
3 б.
КАВ. ДИВ. ЧЕРВ. КАЗ.
СПАССКОЕ
1 БАТ. 2 К. у. п.
ЗИМОВЬЕВСКИЙ
СТ. ДЬЯЧЬЯ
29-X шт. 2 К. у. п. 19 ч. 30.
3 Мар. п. шт. отряда Ген. Пешня
Р. ОКА
х. Веденский
Черноморск. Кон. п.
Отход 2 Корн. уд. п. на Сенькозо по приказу 5-XI
3 Мар. п.
3-XI отв. в тыл.
КРОМЫ
БАРАТЕ

и какие усилия он должен был приложить для того, чтобы своевременно оказать нам поддержку в этом пункте, а не отсиживаться где-то).

1 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк.

С утра возобновились атаки красных, и части 1-го батальона, занимавшие Червяк Знаменский, были оттеснены.

2 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Полк продолжает оставаться в резерве дивизии.

2 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 80, 1 ноября, Монастырская: «Полк к часу занимает: Жерновец — Чернодье. Вправо 1-й батальон полка с 3-им Марковским полком и Черноморским кавалерийским дивизионом занимает Караськово-Зиновьево. 3-й Дроздовский полк своим правым флангом занимает село Ждановку (12 верст от Чернодье). (Этот полк, упоминавшийся в составе войск для удара на г. Кромы 23 и 24 октября, только теперь упоминается и то на основании данных штаба группы, а не 2-го Корниловского Ударного полка, который связи с ним не имел). Полку приказано удерживать занимаемые пункты, и при первой попытке противника наступать, контратакой отбросить его за Гостомлю — Ломовец, заняв последний. 2-му батальону атаковать и удерживать Чернодье. Офицерский батальон и штаб полка — Монастырщино».

Из Чернодье противник был отброшен, но попытка наступать на Ломовец успеха не имела. Потери полка за эти дни очень велики. Наступили сильные морозы, и большинство «бесшинельных» выбыло вследствие отмораживания конечностей. На фронте артиллерийская перестрелка.

2 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Положение восстанавливается и до 5 ноября полк с успехом отбивает противника.

2 ноября. Действия красной армии

2-я бригада 9-й сводной стрелковой дивизии наступала на г. Малоархангельск для поддержки эстонской стрелковой дивизии.

3 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Полк в резерве дивизии.

3 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Красные с утра вели наступление на Караськово — Зиновьево. Наступление отбито. Во время наступления 3-й Марковский полк получил приказание о выходе его из подчинения командиру 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка поручику Левитову и об отходе в глубокий тыл на формирование?!

2-й полк занимает: Караськово — Зиновьево — Жизлово (Павлово) — Жерновец — Чернодье. Штаб полка и офицерский батальон — Монастырщино.

2-й батальон выбит из Чернодье. 3-й батальон выбит из Жерновца. Латышская стрелковая дивизия и кавалерийская дивизия Червонного ка-

зачества напрягают все свои силы для разгрома левого фланга Корниловской Ударной дивизии с целью отрезать ей путь отступления на Курск.

3 ноября (новый стиль). 3-й Корниловский Ударный полк.

Атаки красных отбиты.

3 ноября. Действия красной армии

Утром 14-я армия — 1-я и 3-я латышские бригады — должны были прорвать фронт противника на участке Чернь — Чернодье.

8-я кавалерийская дивизия Червонного казачества, под командой Примака, которая имела 1.700 шашек, 32 пулемета на тачанках, 6 орудий и хороший конский состав, должна была выйти в прорыв между Дроздовской и Корниловской дивизиями и ударить на станцию Дьячья и дальше на юг. Деникинцы были выбиты из Чернь и Чернодье. 8-я кавалерийская дивизия Червонного казачества, взорвав мост на реке Свата, двинулась на восток, на станцию Поныри, в селе Студенка разбила 3-й Дроздовский полк, захватила батарею, 9 пулеметов и обоз. На г. Фатеж совершил налет 60-й кавалерийский полк, уничтожил 30 офицеров, взорвал железную дорогу Поныри — Возы и водокачки, захватив несколько 8-дюймовых орудий (только одно из числа взятых нами под Курском и брошенное за отсутствием снарядов), два трактора, эшелон с обмундированием (?) и многое другое. Командиром кавалерийского полка был Крицняк. Таким образом рейд был очень удачным. Такой способ действий, когда пехотные части прорывали оборону, а в образовавшийся прорыв вводилась конница, был осуществлен впервые. Действия конницы развертывались не в отрыве от пехоты, а в полном взаимодействии с ней.

4 ноября нового стиля. 1-й Корниловский Ударный полк.

Противник занял селение Поныри — 15 верст длиной - с запада, глубоко обойдя Корниловскую Ударную дивизию с городом Фатежем включительно. Однако ротами 1-го Корниловского Ударного полка противник был от селения Поныри отбит.

4 ноября нового стиля. 2-й Корниловский Ударный полк.

1-й батальон — Караськово — Зиновьево. 3-й батальон — Жизловка (Павловка) - Н. Муханово — Монастырщина. 2-й батальон — Верхне-Муханово, офицерский батальон и штаб полка — Жизловка — Ладыжно. По фронту полка бой с наступающей латышской дивизией. Положение критическое: резервы все израсходованы, а противник вводит в бой все новые и более крупные части. Сначала противник занял Караськово — Зиновьевку — Павловку, но контратакой 1-го батальона был выбит, и положение было восстановлено. Только отменная доблесть полка и артиллерии могли преодолеть все трудности природы — был сильный мороз — и отбить во много раз превосходящего противника. Условия борьбы стали для нас страшно тяжелыми: с одной стороны, противник ввел в дело отличные свежие части из резерва, а с другой — началась зима и застала нас без теплого обмундирования. Тяжелые условия отняли у многих надежду на контрнаступление, а местное население в этом было даже уве-

рено, что не ускользало от наблюдения бойцов и скверно отзывалось на них. Командный состав частей ругал высшее начальство за бездействие, так как подкрепления не было видно и управление отсутствовало. Фронт был накануне развала, это все чувствовали и напрягали все усилия к его удержанию, но действительность была неизбежна и неумолима, — отступление началось.

4 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк.

На участке полка без перемен.

4 ноября. Действия красной армии

Ударная группа перешла в решительное наступление.

5 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк.

5-го и 6-го полк начинает выдвигаться от железной дороги к Фатежу с целью прикрытия левого фланга дивизии.

5 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Полк занимает прежний фронт. Обнаружен глубокий обход красной кавалерией Червонного казачества. В связи с общей обстановкой полку приказано с наступлением темноты отходить в с. Сеньково.

6 ноября. В 12 часов полк в Сеньково. Поручику Левитову — 1-й батальон и сводный батальон из рот 1-го и 3-го полков — активно оборонять Лечиково — Гремячее; 3 й батальон — Сагин, 2-й — в резерве с пешей разведкой — селение Сеньковские Выселки и Озерки. Офицерский батальон и штаб полка — с. Сеньково. Слева прорыв конницы, справа — 3-й Корниловский Ударный полк у станции Глазуновка.

3-й Корниловский Ударный полк

5 ноября полку приказано вечером отходить к станции Глазуновка. Красные, обойдя дивизию с запада, заняли селение Поныри.

6 ноября. К рассвету полк занимает станцию Красная Слободка — Кунач — Глазуновка. 4-й его батальон занимает Александровку и В. Гнилушку.

7 и 8 ноября. Полк занял село Ольховатка, отбросив оттуда противника на село Самодуровка (по донесениям разъездов 2-го Корниловского Ударного полка бой протекает с переменным успехом).

7 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Приказ полку за № 83, от 7 ноября 1919 г.: «Противник держится пассивно. 1-й полк занял район с. Ольховатка, противник отошел на Самодуровку. Нами заняты Фатеж — Липецы. Справа 3-й полк, слева — 1-й. 2-му полку приказано занять фронт: железная дорога исключительно — Сеньково — Битюк Гнилецк включительно. Поручику Левитову: 1-й батальон полка и две роты 1-го полка со своей артиллерией к утру занять Сеньково — Сеньковские Выселки. Штабс-капитан Померанцев: 2-й батальон и команда пеших разведчиков со своей артиллерией — к утру занять фронт Битюк Подоляне — Гнилец, включительно. Поручик Вихма: 3-й батальон – к утру занять Сабуровку».

Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 84, 8 ноября: «В Битюк Подоляне полк встретил упорное сопротивление и к вечеру занял фронт: Сеньково, две роты, Сеньковские Выселки — хутор Подоляне. Приказываю занять Битюк Подоляне — Сабуровка.

1-му батальону сосредоточиться и оборонять Озерки. 2-му из хутора Подолянский выступить на Битюк Подоляне, а остальному полку на Сабуровку. Левее — 1-й Корниловский Ударный полк в районе Самодуровки вел бой с переменным успехом, справа — 3-й Корниловский Ударный полк оставил станцию Малоархангельск».

Погода была отвратительная: шел дождь, а потом дождь и гололедица. Разведкой обнаружены значительные силы противника в Битюк Подоляне и Сабуровке. В 12 часов полк перешел в наступление. 2-й батальон после нескольких неудавшихся атак на Битюк Подоляне понес значительные потери и отступил. 3-й батальон и команда пеших разведчиков тоже встретили в Сабуровке значительные силы красных пехоты и кавалерии. Несколько раз наши занимали окраины Сабуровки, понесли большие потери и стали отступать. Положение было критическим: с фронта пехота противника перешла в контратаку, а слева пошел в атаку кавалерийский полк красных и стал рубить 3-й батальон. Сначала началось настоящее бегство, но потом кавалерия была остановлена сомкнувшейся 3-й ротой офицерского батальона штабс-капитана Панасюка и остановившейся 5-й батареей. Тут же к ним присоединилась 1-я офицерская рота и по их примеру все стали сбегаться в группы и отбивать рубившую кавалерию. Положение полка было безвыходное и вряд ли бы кому удалось уйти от свежей кавалерии, но выдающаяся выдержка и примерное мужество штабс-капитана Панасюка и 5-й батареи, остановившейся и встретившей кавалерию огнем с дистанции в 400 шагов, спасли положение, и остаткам отступавших удалось уйти на Поныри. Когда атаки кавалерии были отбиты и части полка преследовались лишь отдельными разъездами, произошла неприятность: были брошены два тяжелых 6-дюймовых орудия. Брошена была батарея при обстановке уже нормального боя. За батареей следовали в полном порядке две офицерские роты, и подобное отношение к делу возмутило всех. Командир офицерского батальона капитан Иванов, К. В., подал рапорт о привлечении командира этой батареи к ответственности.

До селения Поныри, длина которого 15 верст, полк, без 1-го батальона, добрался с северной стороны к 22 часам, южная же часть селения к этому времени была занята противником. Поэтому полк направился на станцию Поныри, где связался со штабом дивизии и ориентировался в обстановке.

1-й же батальон оставался на месте без всяких указаний. За ходом боя не позволяли следить падавший снег и туман. Телефонная связь была порвана кавалерией. Первый разъезд батальона был отрезан кавалерией противника, а второй не нашел на месте штаба полка. На все это ушла ночь. С утра противник вел разведку, потом перешел в наступление, но был отбит и до ночи был пассивен. Командир батальона решил оставить

Озерки и в 24 часа выступил вместе с батареей полковника Думбадзе на Поныри.

7 и 8 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк.

Утром полку было приказано отойти на линию г. Малоархангельск, что и исполняется под огнем наступающего противника. Полк занял линию: г. Малоархангельск — село Протасово. К вечеру появляется противник, но изнуренные Корниловцы все же отбивают атаку красных и в течение двух суток удерживают город.

9 и 10 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк.

Из книги советского полковника Агуреева: «В районе по шоссе Кромы — Фатеж части Корниловской пехоты оттеснили 3-ю бригаду латышей ударной группы на север».

В эти дни в полк возвратился его командир, полковник Гордеенко, и полк из резерва дивизии переходит на левый ее фланг, и, по словам командира полка, за этот день три латышских полка были просто разгромлены. Собственно, это и нормально, так как 1-й Корниловский Ударный полк, отходя от Орла в резерве и без особых потерь, имел самое большое количество пулеметов. Все свидетельствуют, что здесь латыши еще раз получили урок от Корниловцев. Как жаль, что в битве Орел — Кромы командование не рискнуло использовать против ударной группы красных все полки дивизии. Обошедший нас тогда противник должен был быть сам обойден. Изречение Фельдмаршала Кутузова говорит нам: «Выигрыш боя важен не сам по себе, а своими последствиями». Если бы латыши и эстонцы и не были бы уничтожены, а только отброшены, этим был бы уничтожен порыв всей красной армии, и тогда 1-я конная армия Буденного не пошла бы на прорыв. Для нас это было все: надежда на приток пополнения и на продолжение с весной похода на Москву. Не было у нас резервов, но бил же красных генерал Май-Маевский в Каменноугольном бассейне и без них, значит, теперь он был далек от действительности нависшей над нами угрозы под Орлом.

9 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк.

Дорога ночью для 1-го батальона была ужасна: гололедица и снег с сильным ветром в лицо убивали все живое. Грязь была настолько глубока, что местами на руках перетаскивали не только орудия, но даже и лошадей. К 6 часам стали втягиваться в село Поныри, а навстречу, с юга, шли разъезды красных, но все так замерзли, что драться никто не мог, и после отборной ругани разъезды скрылись, батальон стал по квартирам, а далее на юг по квартирам же стояли красные. Разъезд нашей команды конных разведчиков случайно нашел нас и передал приказание двигаться на станцию Поныри, в трех верстах от села, куда батальон и прибыл еще до рассвета и тут же в составе полка двинулся на юг, вдоль железной дороги. Часам в 12 полк расположился: 2-й батальон — в с. Смородинное, 1-й батальон в Становое, остальной полк со штабом полка в с. Матвеевка.

10 ноября: справа — 3-й Корниловский Ударный полк в с. Яковлевка, Коровино, слева — 1-й Корниловский Ударный полк в д. Ржава, се-

вернее Фатежа. Командир 1-го батальона поручик Левитов вступил во временное командование 3-м Корниловским Ударным полком. Батальон принял поручик Мирзаханов. Командир 3-го Корниловского Ударного полка есаул Милеев был отрешен от командования полком; официальная причина — он не мог поднять боеспособность полка на должную высоту, но на самом деле он разошелся во взглядах с начальником дивизии полковником Скоблиным.

9-10 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк.

По приказу город Малоархангельск оставлен, и полк отходит к дд. Пересуха — Армянка — Озерны, откуда тоже ночью отходит на линию: Гнилая Плота — Никольское и через несколько часов идет на д Гнилец, Заболотовка, Архангельское, каковые и занимает к вечеру 10 ноября. Полк составляет правый фланг дивизии, правее — Алексеевцы; связи с ними нет, по данным штаба они отступают на г. Щигры.

Красная армия

Заключение автора материалов: итак, приказ командования красной армии ударной группе: ударом от города Кромы на восток, в общем направлении на станцию Еропкино, не позднее 16 октября перерезать линию железной дороги Орел — Курск был исполнен с большим опозданием на 24 дня, только 10 ноября, у станции Поныри, и все же окружения Корниловской Ударной дивизии не получилось Колоссальный перевес в силах и удачный маневр красных не дал им ожидаемого «молниеносного разгрома» Добровольческой Армии, и основной причиной тому было мужество и доблесть Корниловской Ударной дивизии в боях под Орлом.

По-моему, здесь и закончилась Орлово — Кромская операция, а с ней и участь всего фронта Вооруженных Сил Юга России. Явная недооценка нашим командованием силы интернациональной ударной группы под Орлом, колоссальный перевес в силах, минимум один против двадцати, отсутствие у нас резервов, особенно кавалерии, исключительно большие потери в рядах 2-го Корниловского Ударного полка, два раза — Орел-Кромы и станция Дьячья — принимавшего на себя главный удар всего прорыва красных, и отсутствие зимнего обмундирования, все это создало то, что называется **П Е Р Е Л О М О М.** Отсюда началось не бегство, а отход с лихими и весьма большими контрударами и, Бог знает, не будь самостийных раздоров с генералом Деникиным и неладов среди генералов, быть может красная армия и была бы разбита.

Орлово — Кромское сражение, начавшееся 6 октября с линии село Поныри и станция Дьячья, закончилось на той же линии с отходом от Орла 10 ноября 1919 года.

Несмотря на плохо разрешенный у нас вопрос о привлечении добровольцев, таковые все же были из числа жителей г. Орла и пленных, но при определении потерь за это время процент таковых был взят без них, что увеличивает наши потери ровно на число этих добровольцев. Основ-

ное же пополнение за это время шло из наших запасных батальонов. Потери Корниловский Ударной дивизии с 6 октября по 10 ноября достигали:

1-й полк — 25%, то есть 725 человек; 2-й полк - 60%, — 1.560 человек; 3-й полк — 35%, — 646 человек.

Орлово — Кромская операция, решившая участь всех Вооруженных Сил Юга России, в трудах генерала Деникина так оценивается им:

«На тернистом пути Добровольческой Армии было ТРИ этапа: **Орел — ее СЛАВА; Новороссийск — ее несчастье; Галлиполи — ее испытание.** На всех этих этапах развевалось трехцветное Знамя. Оно двигало на подвиг, оправдывало жертвы и будило надежды. Этот символ Родины неотделим от Армии. В нем ее смысл, духовная сила и будущее».

Генерал Деникин, на которого пала вся тяжесть возрождения Добровольческой Армии после смерти Генерала Корнилова и который вывел ее на Московскую дорогу, является для нас большим авторитетом и потому, если он бои за Орел назвал «СЛАВОЙ» Добровольческой Армии, то из этого мы можем сделать заключение, что в боях за Орел добровольцы дрались с противником, превышавшим их численность в двадцать раз, с предельной жертвенностью, выполняя свой долг перед национальной РОССИЕЙ. В центре их была Корниловская Ударная дивизия, доблесть которой, проявленная в Орлово — Кромской операции, дает мне основание осветить, как вообще держали себя Корниловцы в боях. Данные для этого берутся из собранных мною материалов для истории Корниловского Ударного полка, до сего времени нигде не опубликованных и потому я надеюсь, что они явятся моим скромным подарком ко дню 50-летия прославления Корниловцев в борьбе за честь РОССИИ по завету их Вождя и Шефа полка Генерала Лавра Георгиевича Корнилова, в котором он призывает нас: «Все наши мысли, чувства и силы отдать Родине — многострадальной РОССИИ». Если кто забыл про это, то слова поэта — добровольца Ивана Савина напомнят им об этом.

КОРНИЛОВУ

В мареве беженства хилого,
В зареве казней и смут,
Видите — руки Корнилова
Русскую землю несут.

Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все.
И отошли и оставили
Пепел в полночной росе.

Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.

Есть умирание в теперешнем,
В прошлом бессмертие есть.
Глубже храните и бережней
Славы Корниловской весть.

Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив.
Слышу его укоризненный
Смертью венчанный призыв

Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ
Слышите, — сердце Корнилова
В колокол огненный бьет!

Иван Савин

* * *

«Характерные последствия Орлово — Кромского сражения для русского народа», — выписка из журнала «Перекличка» за 1964 г., стр. 11.

«Последнее издание советской истории гражданской войны тиражем в 40 тысяч... Это означает, что история гражданской войны не предназначалась для широкого распространения (тираж классиков по 300 тысяч). Из 3-го тома этой истории мы узнаем «современное» сравнение сил воюющих сторон, более нормальное, нежели все прежние сказки: Южный фронт протяжением в 1.130 в. Вооружение весной 1919 года: у красных — 4.416 пулеметов, 892 орудия, у белых — 2.236 пулеметов, 545 орудий. За этим следует более интересное для нас: «Фотография — вступление в Харьков латышской дивизии 12 декабря 1919 года. Павловская площадь, толпа в видимом смущении: вступают «чужие», «янычары». Это они решили Орловские бои в октябре 1919 года, навалившись на белых силою в 70 тысяч бойцов, вместе с эстонцами, китайцами, червонными казаками, спартаковцами Белакуна, особыми бригадами с еврейскими полками».

Помимо этого, Орел обороняли и потом на него наступали: 9-я стрелковая дивизия со своим кавалерийским полком, 55-я стрелковая дивизия с кавалерийским полком, отдельные стрелковые бригады трехполкового состава и гарнизон города. И вся эта внушительная сила более чем за месяц беспрерывных упорных боев не могла окружить и уничтожить только три полка Корниловской Ударной дивизии **без кавалерии.** Да к тому же тогда **спасал Ленина** польский маршал Пилсудский, слепой ненавистник национальной РОССИИ, тем, что прекратил на это время войну Польши с большевиками, а за ним следуют: ЧЕКА польского дворянина Дзержинского и все янычары из инородцев.

На все — СУДЬБА! За свой грех бунта, называемого «революцией», во время кровопролитной 1-й мировой войны, когда лучшие сыны РОССИИ защищали свою Родину на фронте, РОССИЯ должна была понести наказание и несет его уже более 50 лет, обливаясь слезами и кровью. Но Бог милостив, вечная РОССИЯ изживет и это очередное лихолетие и снова станет на свои исконные исторические пути величия и славы, сохраняя добрую память о своих славных Корниловских Ударных полках, жизнь свою не щадивших в борьбе за нее с палачами народов Российской Империи Лениным и его чекистами.

* * *

Описанием Орлово — Кромской операции, после освещения обстановки, в которой она протекала, я поставил себе задачей ответить на вопрос, в какой степени Корниловская Ударная дивизия в указанной решающей битве исполнила свой воинский долг?

Я использовал для этого главным образом свои, Корниловские материалы: журнал боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка, календарь боевых действий 3-го Корниловского Ударного полка: путь

1-го Корниловского Ударного полка освещен данными из истории Марковской артиллерийской бригады, батареи которой сопровождали нас до Орла, включительно; затем — книгу «Корниловский Ударный полк», «Очерки Русской Смуты» генерала Деникина и труды профессора, Генерального штаба генерала Головина и профессора, Генерального штаба полковника Зайцова; воспоминания советского маршала Буденного и книгу полковника советской армии Агуреева, которые послужили мне для изложения намерений командования красной армии. Все же остальное описано мной, а потому, конечно, носит субъективный характер. Только моя служба в рядах Корниловского Ударного полка, от офицера на положении рядового и до командира 2-го Корниловского Ударного полка на законном основании, так же как и мое участие в битве под Орлом, могут быть смягчающими в сторону объективности.

И принимая все изложенное за действительно происшедшее в те решающие дни Орлово — Кромской битвы, я прихожу к заключению, что **Корниловцы, в пределах человеческих сил, в этой битве исполнили свой воинский долг перед РОССИЕЙ и под Орлом действительно дрались КОРНИЛОВЦЫ - ОРЛЫ.**

Бывший командир 2-го Корниловского Ударного полка
полковник Левитов, М. Н.

Париж, 1970 г.

ОТСТУПЛЕНИЕ КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИИ

Описание Орлово-Кромского сражения заканчивается 10 ноября по новому стилю 1919 года. Далее пойдет почти беспрерывное отступление с небольшими остановками для контратак или для необходимого отдыха. В подборе материалов для истории Корниловского Ударного полка я руководствовался целью выразить мнение о происходивших тогда событиях лиц, близко стоявших к ним, и главным образом самих Корниловцев-ударников. Изложение причин, вызвавших поражение всех Вооруженных Сил Юга России, начавшееся на нашем участке, будет освещаться в рамках наших, Корниловских действий и суждений. Представления о реальных возможностях у руководящих операциями штабов и у исполнителей часто очень резко расходятся и, как следствие того, зарождается незаслуженное поражение. Успех красной армии при переходе в контрнаступление на линии Орел — Воронеж обусловлен не только этим. В книге «Корниловский Ударный полк» приводится много причин этого, но большую часть из них мы оставим в стороне, так как нам было далеко до зверств и пропагандных лозунгов красной армии, а постараемся воспроизвести впечатления и переживания строевых ударников, зафиксированные в те дни. Бои успешно ведутся не только тогда, когда руководство ими находится в искусных руках, но и в одинаковой степени зависят и от возможностей строевых частей. Нам часто преподносились боевые приказы с громким названием: такому-то «ПОЛКУ», когда фактически он был не больше состава роты. Отсутствие точных данных о силе и на-

мерениях противника приводило и к тому, что своевременно не использовали и свою силу; особенно ярко это бросилось нам в глаза, когда можно было вести бои на уничтожение живой силы противника приданием нам кавалерийских частей. Первой и основной причиной отступления Корниловцев от Орла был невероятный перевес в силах противника, доходившего до 42 стрелковых и кавалерийских полков, против наших трех Ударных полков, что красные могли тогда сделать, благодаря заключению перемирия с Польшей Пилсудского. Второй причиной была потеря инициативы командованием Добровольческой Армии при наличии точных данных о роли советской ударной группы.

Несмотря на это Корниловцы с 6 октября по 10 ноября нового стиля вели бои в районе Орла.

ОБСТАНОВКА НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ ДОНСКОЙ АРМИИ

24 октября красными был взят г. Воронеж, и только 15 ноября 1-я конная армия Буденного берет станцию Касторная, создавая тем угрозу возможности отступления Добровольческой Армии на Ростов. Эта угроза с данного момента сознавалась и у нас, а до 10 ноября мы вынуждены были подчиняться только силе противника нашего фронта и вести упорные ежедневные бои, отбиваясь от небывалого для нас превосходства в силах противника, имевшего отличную конницу, которой у нас совершенно не было. Не нам судить, почему в боях за Воронеж и Касторную наши не разбили Буденного, но наши бои за Орел могли быть успешными для нас только при условии наличия у нашего командования инициативы, которая могла бы своевременно использовать силу Корниловской Ударной дивизии в ее полном составе и разбить обошедшую нас советскую ударную группу. Этого не произошло, и отход начался. Не легко давалось нам и наступление, но теперь, во время арьергардных боев, особенно, когда вера в успех была подорвана, только сила нашего огня и марка «ударных» частей не позволяли красным уничтожить нас.

Отступление ярче обнаружило все наши отрицательные явления тыла: самостийность, действия анархиста Махно, растерянность тыловых учреждений, несвоевременная мобилизация, самоснабжение за счет населения и обычные заторы железнодорожных путей. Все это ставят теперь в большой минус командованию Вооруженными Силами Юга России; но могло ли оно тогда справиться с этим в условиях гражданской войны и особенно самостийных течений? Возможно, что и могло, но только так, как ответил генерал Май-Маевский генералу Врангелю, который спросил его о причинах, почему мы не побили красных. Генерал Май-Маевский ответил на вопрос так: «Если бы мы поступали так, как поступают большевики, то, возможно, и разбили бы красных». Это было перед смертью генерала Май-Маевского, в те дни, когда Русская Армия генерала Врангеля покидала Крым. Революция своим предательством во время войны породила российский хаос, который большевики использовали для себя, а потом силой ЧЕКА (всероссийской чрезвычайной комиссии Дзержин-

ского) вздернули всех на дыбу и этим создали многочисленную красную армию. Такой метод действий для Вооруженных Сил Юга Россиии был неприемлем, и потому мы должны были покинуть Родину. Все же остальное, неизбежное для гражданской войны, было у нас на 95% по нужде. Для красоты действий большевиков вспомним, как дворянич Ленин пригласил к себе в заплечные мастера полки латышей, эстонцев и польского ученого, тоже дворянина, Дзержинского, ненавидевшего все русское. Не забудем вспомнить и про их лозунги: «Грабь награбленное!», «Всех — под топор!», «С нами или против нас!» и т. д. Перед 1-м Кубанским походом мы только с сожалением оставили в Ростове-на-Дону 17 тысяч офицеров, не пожелавших записаться к нам, а пришедшие красные тут же подозрительных расстреляли, а остальные создали им ту красную армию, перед которой нам теперь пришлось отступать. Все это приводится для того, чтобы еще раз поведать миру, почему национальные силы во время гражданской войны не победили большевиков.

Вот с такими разбросанными мыслями отступали полки Корниловской дивизии в морозы и под звуки придорожных телеграфных проводов, которые хорошо помнятся и до сего времени.

9 ноября н ст. 1919 г. Действия красной армии.

Приказ 13-й советской армии о дальнейшем наступлении нацеливал главные силы на разъединение Курской группировки от Касторненской с целью занятия обоих пунктов. В этот день войска 13-й советской армии эстонской стрелковой и 9-й стрелковой дивизиями, взаимодействуя с войсками 14-й советской армии — ее ударной группой из латышской дивизии и 8-й кавалерийской дивизии Червонного казачества, ведут упорные бои с Корниловцами.

3-й Корниловский Ударный полк отходит на линию сс. Гнилец - Заболотное — Архангельское, занимая последнее с боем.

2-й Корниловский Ударный полк 3-м батальоном наступает на село Поныри с целью занятия его южной окраины. 1-й батальон — на Ольховатку.

1-й Корниловской Ударный полк наступает на с. Теплый Колодезь. С этого числа 14-я советская армия направляет из своей ударной группы 8-ю кавалерийскую дивизию Червонного казачества на г. Льгов, а латышскую дивизию в обход г. Курска с запада.

13-я советская армия эстонской дивизией седлает железную дорогу на Курск с севера, а 9-й стрелковой дивизией в обход Курска с востока. Поэтому противник все время обходит правый фланг Корниловской Ударной дивизии.

10 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк на походе глубокой ночью, в мороз и вьюгу, несмотря на осмотр эскадроном конных разведчиков впередилежащей деревни, подвергся удару эстонской дивизии во фланг и с трудом, полевыми тропинками, прибыл на участок 2-го Корниловского Ударного полка.

Показание поручика Долгополова, Евгения Акимовича, конного эс-

кадрона 3-го Корниловского Ударного полка о том, как могли части эстонской дивизии неожиданно атаковать полк во фланг.

При подходе к оврагу перед окраиной деревни, которую мы должны были пройти мимо, не заходя в нее, поручик Долгополов был послан с разъездом осмотреть ее, так как деревня была перпендикулярна нашему движению и тянулась с юга на север. Он, как опытный разведчик, переправившись через овраг, не поехал по улице деревни, а двинулся «задами», через огороды. Проехав так часть деревни, он свернул на линию домов и стал опрашивать жителей о том, есть ли здесь какие-нибудь воинские части. Некоторые говорили, что ничего не знают, другие будто бы видели, что прошли какие-то солдаты, а на вопрос, белые или красные, отвечали, что теперь тут не разберешь, кто проходит, так их много здесь. По ответам было видно, что они не хотят говорить правды. Тогда поручик Долгополов поехал вдоль улицы по направлению к полку, всюду было тихо, в избах не было света, чувствовалась тревога. Он снова свернул на огороды и поехал навстречу полку. Была полная тишина. Когда он проехал деревню, из нее раздалась четкая команда и последовали залпы по голове колонны полка. В это время эскадрон уже прошел деревню, а головная часть полка выходила из оврага. Остается предположить, что об отсутствии в деревне красных командиру полка было доложено по данным дополнительного разъезда, который осмотрел деревню, проехав по ее улице перед самым вступлением в нее эстонцев. Конечно, полный осмотр отсутствовал, и я должен сказать, что причиной этого были непрерывные бои в течение месяца, мороз и ночной переход полка с центрального участка дивизии на ее левый фланг. Неприятным в этом было то, что есаул Милеев уехал, не сдав полка временно назначенному командиром полка поручику Левитову, который нагнал полк на походе, перед этой деревней. Полковник Левитов.

МОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ БОЯ

Я только что прибыл в полк, временно заменив отстраненного от командования его командира полка, есаула Милеева, и тут же началось выступление ночью, в снежную бурю. Эскадрон конных разведчиков, я со штабом полка, связные и несколько пулеметов составляли голову колонны полка. Эскадрон заблаговременно осмотрел деревню, противника в ней не обнаружив, и полк, пересекая деревню, без остановки продолжал движение. Перед деревней и вдоль нее был непроходимый глубокий овраг с единственной гатью на дороге. Когда я с эскадроном и пулеметами был уже за деревней, в самой деревне поднимается сильная стрельба. Я со своими останавливаюсь, посылаю добровольно вызвавшегося казака узнать, что случилось, и через каких-нибудь 15 минут он возвращается и докладывает, что эстонская пехота атаковала головной батальон, со стороны которого была слышна слабая стрельба. В колонне находился помощник командира полка капитан Франц. Тогда и теперь, в эмиграции,

в Париже, в 1964 году, ныне здравствующий командир эскадрона уверяет, что деревня при ее осмотре была пуста.

Моя жена, сестра милосердия В. С. Левитова, так освещает этот момент: ее санитарная повозка шла за головным батальоном, и при подходе к деревне красные атаковали нас в левый фланг. Перешедший батальон и одно орудие покатились в овраг, к гати. Эстонцы взяли несколько десятков наших в плен, и ее в том числе, но в этот момент с нашей стороны по эстонцам и нашим пленным прошла одна пулеметная очередь, от которой все разбежались, в том числе и наши пленные. Сестра попала в дом священника, была там принята как сестра его семьи и потом соединилась с нами, когда мы взяли Ростов на один день. Отрезанная же часть за это время выяснила, что деревня вся наполнена пехотой эстонской дивизии. Первоначальная попытка открыть по деревне огонь из всех наших пулеметов, находившихся с эскадроном, блестяще провалилась, потому что они отказались работать, — замерзли. Мысль пробиваться через густо наполненный эстонцами фронт с непроходимым оврагом, с потерей всех пулеметов и конского состава, была отброшена. В этот момент со стороны, куда мы должны были двигаться, в темноте показался разъезд, мы подпустили его вплотную и взяли в плен. Он, оказывается, шел от кавалерийского эстонского полка при их дивизии. Когда я установил, что четыре наших батальона не рискуют переходить в атаку через единственную гать на дне оврага, я решил двигаться по маршруту согласно приказу. При приближении к ближайшей деревне мы встретили конную заставу, сбили ее и к нашему огорчению установили, что мы плотно окружены кавалерией. Начинался рассвет, и мы, заняв несколько домов на отлете и отогрев пулеметы, начали отстреливаться. В таком положении прошел день и ночь до рассвета следующего дня, с наступлением которого мы увидели со стороны нашего движения кавалерийскую лаву, от которой красные отскакивают. Мы сочли ее за высланную нам поддержку и с успехом прорвались к своим. Вышли мы на участок 2-го Корниловского Ударного полка. 3-й же полк вышел тоже на этот участок, оставив в овраге сорвавшееся с гати орудие.

ПЕРЕМЕНЫ В КОМАНДОВАНИИ ПОЛКАМИ КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИИ

После только что прибывшего после болезни перед г. Фатежем командира 1-го полка полковника Гордеенко, возвратился после ранения и командир 2-го полка полковник Пашкевич. Командиром 3-го полка был назначен командир 3-го батальона 2-го полка капитан Щеглов, который стал принимать полк с хозяйственной части и с запасного батальона, оставив за себя капитана Франц. Я же был назначен в свой 2-й полк на должность помощника командира полка по строевой части. Несмотря на это мне, до Курска включительно, пришлось снова иметь дело с частями 3-го полка, который часто подчинялся командиру 2-го полка полковнику Пашкевичу. Последним моим соприкосновением с 3-м полком было успешное отражение удара красных на Курск о востока, накануне остав-

ления его нами. По какой то счастливой случайности у меня до сего времени сохранилась полевая книжка с моими распоряжениями частям 3-го Корниловского Ударного полка, находившимся в моем подчинении.

Второй командир 3-го Корниловского Ударного полка полковник Щеглов Василий Павлович, принявший Полк после есаула Милеева при отступлении от города Орла.

10 ноября. 2-му Корниловскому Ударному полку, согласно приказу № 87 О: «Продолжение выполнения задачи».

Бои за с. Теплый Колодезь.

11 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк отбивает наступление противника. 2-й Корниловский Ударный полк отбивает противника артиллерийским огнем. А по данным книги советского полковника Агуреева Ольховатка была занята после жестокого боя. 1-й Корниловский Ударный полк по приказу отходит на с. Ржава и г. Фатеж.

12 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк обороняет свой участок. 2-й полк — противник пассивен. С наступлением темноты полк по приказу отходит в село Родительское, переход — 20 верст. 1-й полк — г. Фатеж.

13 ноября. 3-й полк — хутор Матвеевка — село Золотухино. Противник наступает.

2-й Корниловский Ударный полк. Приказ № 89 О — полку перейти в село Смородинное и занять фронт: Дерлово — Сергеевское — Бычки. 2-й батальон — через Гнилушки в Дерлово, вести разведку на Скородное — Степное. 3-й батальон — в Родительское и 1-й — в Сергеевское. Дополнительно: 2-му батальону перейти в Лукашевку. К селу Родительское полк подходил на рассвете и указанный фронт занял только в 10 часов.

14 ноября По книге советского полковника Агуреева 9-я советская стрелковая дивизия вышла на линию Золотухино — Щигры.

3-й Корниловский Ударный полк отбивает наступление противника и, согласно приказу, вечером выступил на Уколово — Воробьевка. В сохранившейся моей полевой книжке того времени моим приказанием 3-му батальону 3-го полка было переходить в наступление и вторым — отходить после на Сухую — Солотину.

2-й полк. В Сухая Неполка полк прибыл в 7 часов. На Донское с 16 часов противник перешел в наступление. В 17 часов 40 мин. штаб полка с резервом переходит в Служное (Коренная Пустынь). 2-й батальон — в Федоровку, 1-й батальон — в Шушскую. В 12 часов 2-й батальон отбивает атаки противника артиллерийским огнем. Мороз доходит до 15 градусов, что страшно тяжело для плохо одетой Армии.

1-й Корниловский Ударный полк в село Глебово, в 5 верстах к востоку от г. Фатежа, а противник к вечеру занимает город.

По данным советского полковника Агуреева их ударная группа повернула своей 8-й кавалерийской дивизией Червонного казачества на Льгов и заняла его, а латышская дивизия продолжала движение в обход Курска с запада.

15 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк согласно приказу с утра переходит на станцию Коренная Пустынь. Здесь сосредоточивается вся Корниловская Ударная дивизия.

2-й Корниловский Ударный полк в 5 часов 40 мин. 2-м батальоном переходит в Сухую Неполку. 1-й его батальон занимает Дмитриевское. Штаб полка с остальной частью — Коренная Пустынь.

3-й полк в с. Воробьево.

2-му полку приказано занять Зиберево - Шеховцево — высоту 121,7, включительно.

3-й полк частью своих сил занимает с. Мащенка — Тазово — Прилепье.

К вечеру этого числа: 2-й полк занимает выс. 121,7, включительно, 2-й батальон Зиберево, офицерский и сводная рота 3-го полка — с. Телятино.

15 ноября конный корпус Буденного занял село и станцию Касторная, 150 верст от Курска по воздушной линии.

16 ноября. Отход Корниловской Ударной дивизии на линию Никольское — Монахово. На фронте спокойно. 3-й полк эшелоном перебрасывается в г. Курск.

17 ноября. Противник, двигаясь восточнее Курска, занимает село Долгая Клюква, создав угрозу для фланга дивизии. Утром 3-й Корниловский Ударный полк получил приказ, согласно которому он должен наступать на с. Долгая Клюква. Малочисленный полк разбивает противника и преследует его до темноты. Затем полк возвращается в г. Курск и ночью оставляет его согласно приказу отходить по шоссе на г. Обоянь.

2-й Корниловский Ударный полк. От 2-го батальона караулы на станцию Поздрачевку и Букреевку. Противник пассивен. Поступило пополнение из запасного батальона 800 человек, благодаря чему был создан даже 4-й батальон. Настроение немного приподнялось, но сдача Курска для всех была очевидна, и никто не верил в его оборону. От пойманных красных узнали, что им 18-го приказано взять Курск.

1-й Корниловский Ударный полк обороняет Курск с северо-запада.

18 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк переходит реку Сейм и останавливается в деревне Ломаково, где задерживается до ночи. Под прикрытием оставленной в Ломакове офицерской роты полк отходит в ночь на указанную линию, но занять ее уже не пришлось, так как красные, обойдя Курск с востока, заняли означенные хутора. Сводный же батальон полка, который пошел по железной дороге Курск — Белгород, был уничтожен противником до одного человека. Потери полка - более 500 человек. Помимо погибшего батальона, было 180 человек убитыми и ранеными.

2-й Корниловский Ударный полк. 2-й батальон: Семеновка — Виногробль, 1-й — в Сапогово. Вновь взятые в плен красные подтвердили о приказе им 18-го взять Курск. С утра противник большими силами повел наступление на Курск с северо-востока и с северо-запада. Последовал приказ оставить город.

1-й Корниловский Ударный полк на левом фланге дивизии сдерживает наступление латышей и несет большие потери. По приказу полк отходит.

19 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк на рассвете, подойдя к хутору Турусовка, был встречен огнем противника. Не первое уже это было испытание для Корниловцев и, развернувшись, остатки полка в количестве около ста человек пошли пробиваться через хутор Турусовка, чтобы выйти на шоссе на Обоянь. Отходя затем на юг, к с. Матвеевка, они ночуют там вместе с полками дивизии. Со стороны Курска противник не наступал. Стоял сильный мороз.

2-й Корниловский Ударный полк в ночь выступает на Селиховы Дворы, Медвенский Колодезь. Этой же ночью противник совершал параллельное нашему движение к востоку от шоссе на Турусовку и Поярково, где имел бой с 3-им полком.

1-й Корниловский Ударный полк спокойно отходит на Медвенские Дворы. Сильные морозы и наш огонь, по-видимому, сильно охладили порыв красных.

Занятие красными г. Курска. Общее впечатление от занятия города главным образом эстонской стрелковой дивизией. Гибель наших бронепоездов (по книге советского полковника Агуреева, стр. 122):

«В приказе революционного совета Южного фронта после занятия Курска между прочим говорится: «Много усилий пришлось отдать красной армии для разгрома Юденича и Колчака, но самым грозным врагом был и остается Деникин со своей Добровольческой Армией. В войсках генерала Деникина из-за неудач на фронтах резко увеличились противоречия. Кубанцы окончательно выходили из повиновения Деникину, тыл Деникина пылал в огне вооруженной борьбы, в армию партизан вливались все новые и новые силы, расширяя фронт боевых действий против Деникина». На стр. 123, в отделе об использовании конницы говорится: «Особый интерес представляет опыт использования конницы, фронтовой, армейской и дивизионной. Например, 8-я кавалерийская дивизия Червонного казачества 14-й армии была в ноябре дважды введена в прорыв для развития успеха пехоты. Первый раз 3 ноября, после прорыва частями 1-й и 3-й латышских бригад обороны противника на рубеже Чернь — Чернодье, и второй раз — в районе Фатежа, в период выхода в район города Льгова. Указывается и на объединение артиллерии в большие группы. Так в 12-й армии была создана специальная артиллерийская группа».

Стр. 124 и 125 книги полковника Агуреева: «Командование Южного фронта требует усиления темпа наступления и ставит задачи: 14-й армии — наступать на всем фронте, стремясь отрезать противника от переправы на реке Сейм; после форсирования реки Сейм выйти на рубеж реки Псел от Михайловки, Сум, Обояни до станции Ржава; в дальнейшем, основными силами овладеть Харьковом. 13-й армии — настойчиво теснить противника, выйти на линию ст. Ржава, Окуни, Становая и овладеть г. Купянском. Нацеливая основные силы на Харьков и Купянск, командование стремилось вбить мощный клин между Добровольческой и Донской Армиями. Для удара на главном направлении привлекалось четыре армии из пяти».

Стр. 217 того же автора: «На Ростовском направлении войска 14-й армии, имея 41-ю, 46-ю и латышскую стрелковые дивизии в первом эшелоне, а 7-ю и 57-ю стрелковые дивизии в резерве, развернули общее наступление в направлении на Харьков. Командующий 14-й армией И. П. Уборевич стремился соединениями, действовавшими на правом фланге армии, обойти Харьков с запада, направляя непосредственно на Белгород и Харьков лишь латышскую стрелковую дивизию».

ОСТАВЛЕНИЕ Г. КУРСКА КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИЕЙ

18 ноября 1919 г. Показания пленных оправдались. С утра красные большими силами повели наступление на Курск: с северо-запада латышская стрелковая дивизия, с северо-востока эстонская стрелковая дивизия и с востока, в обход города, с целью перерезать железную дорогу Курск-Белгород, наступали части 9-й стрелковой дивизии.

На всех направлениях полки Корниловской Ударной дивизии с большими потерями для себя, переходя в контратаки, сдерживают противника. 3-й полк теряет полностью один батальон, шедший по железной дороге. 2-й Корниловский Ударный полк сдерживает эстонскую дивизию. 1-й полк переходит в контратаки на латышей и несет большие потери. К вечеру получен приказ оставить город.

19 ноября. Последние части Корниловской Ударной дивизии выходили из города на юг в 5 часов, — было еще темно. Противник небольшими частями занимал город, куда его части вошли днем без боя. Здесь интересно отметить отношение населения города к происшедшей перемене. В те времена, как и всегда вообще, оно подчинялось силе. Центральная электрическая станция сразу заработала, местные большевики высыпали навстречу, наши сторонники притихли и пали духом. Однако радостной встречи не произошло даже у большевиков: в город вступали латышские части, не говорившие по-русски или по-украински, «ЧЕКА» и «янычары» Ленина, и вместо радостной встречи появился ужас на лицах. Большинство жителей поняли, в ком основная сила Ленина, но было поздно. Потери у нас были до того велики, что заставили задуматься о нашем положении очень многих из числа самых стойких наших начальников. Было установлено, что 3-му полку на самом деле шло пополнение в 600 человек, но оно было атаковано кавалерией красных и уничтожено.

Наши бронепоезда: «Иоанн Калита», «Москва», «Вперед за Родину» и несколько площадок «Офицера» достались красным. Не хотелось верить в гибель наших красавцев-бронепоездов! Да, не напрасно так сильно трубили красные о своей курской победе, их трофеи и на самом деле были велики. Бронепоезда и эшелоны с ранеными были направлены прорываться на Льгов в то время, когда железная дорога Курск-Льгов была перерезана кавалерией, а сам Льгов был сдан одновременно с Курском. Очевидцы из числа раненых, находившихся в этих эшелонах и спасшихся, рассказывают об этом так: санитарный поезд и несколько товарных направились в ночь сдачи Курска, согласно приказу, под прикрытием трех бронепоездов и двух площадок «Офицера», прорваться на Льгов. Надежды на благополучный исход задачи не было, так как только что произведенная бронепоездом «Москва» разведка обнаружила большие заносы, но другого выхода тоже не было. Ветка на Белгород была перерезана еще к вечеру 4 ноября. Верст около двадцати бронепоезда прошли с большими остановками и невероятными усилиями. С рассветом были обнаружены непреодолимые заносы, и к тому же пришлось вступить в бой с появившимся уже противником. После долгих и безрезультатных попыток с кем-либо связаться и добыть рабочих из окрестных деревень решено было

все бросить и уходить на юг. Бронепоезда были подорваны, некоторым из раненых удалось спастись, а большинство тоже было оставлено. Говорят, что при виде всего брошенного многие не выдерживали и уходили с рыданиями.

В книге «Дроздовцы в огне», на стр. 159, командир 1-го Дроздовского стрелкового полка генерал Туркул дает свои показания по делу гибели наших бронепоездов:

«Отход втягивал нас как бы в громадную воронку. **Утром я получил приказ взорвать виадуки** под Льговом и отходить. Мы снялись под тягостный гул взрывов. На станции, уже верстах в четырех от Льгова ко мне подбежал телефонист: «Господин полковник, вас просят к телефону из Льгова». Странно! Льгов оставлен, кто может просить меня к телефону? Подхожу к аппарату. «Кто у телефона?» Раздается голос точно из потустороннего мира: «Говорит бронепоезд «Генерал Дроздовский». «Откуда вы говорите?». «Со Льгова. Со мной еще три бронепоезда От Льгова есть железнодорожная ветка на Брянск и на Курск. На Курской ветке сбились наши бронепоезда, им не удалось прорваться на Курск — Харьков, они выскочили на Льгов».

Я и теперь не понимаю и никогда не пойму, как наш штаб, не проверив, что не все наши бронепоезда проскочили, **мог отдать приказ взорвать льговские виадуки.** Без них бронепоездам не двинуться, и все четыре попадут в руки красных. С батальоном и всеми подводами, какие только были у нас, я спешно двинулся обратно. Командир тяжелого бронепоезда «Генерал Дроздовский», в английской шинели, почерневший от машинного масла, встретил меня на железнодорожных путях. На его бронепоезде мы подались на ветку к застрявшим бронепоездам. Там была наша «Москва», там был мощный «Иоанн Калита». Ничего не сделать, никак не спасти, не вывезти, когда виадуки, развороченные взрывами, превращены в груды камней и щебня. Бронепоезда приходится бросить. Мы совещались на рельсах и решили взорвать все четыре. На подводы погрузили снаряды, замки от орудий, пулеметы, патроны. На рассвете мы быстро ушли. За нами гремели тяжелые взрывы, — **мы сами взорвали наших броневых защитников.** На другое утро подкатил шедший за нами бронепоезд «Дроздовец». Я помню, как капитан Рипке, совершенно бледный и спокойный, так мне казалось, молча сидел в углу на вокзале. И все мне казалось, что ему нестерпимо холодно. Через день капитан Рипке застрелился. Не вынес потери бронепоездов... Я помню, как у его желтоватой руки, свесившейся со скамьи, сидел на корточках пулеметчик, мальчик вероятно из гимназистов или кадет. Он сидел скорчившись, зажав худыми руками лицо, и его мальчишеские плечи тряслись от рыданий».

С подлинным верно. Полковник Левитов.

Такова истинная картина гибели наших бронепоездов по книге генерала Туркула «Дроздовцы в огне», выпущенной им в 1937 году Таким образом погибли два тяжелых бронепоезда — «Иоанн Калита» и «Генерал Дроздовский» — и два легких — «Москва» и «Вперед за Родину».

20 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк переходит в д. Драчево.

2-й Корниловский Ударный полк. Дневка в с. Медвенский Колодезь. Стычки с передовыми частями красных.

1-й Корниловский Ударный полк идет в том же направлении.

21 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк утром прибывает в г. Обоянь. Полк сводится в батальон в сто штыков.

1-й Корниловский Ударный полк отходит параллельно движению 2-го полка.

22 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк занимает позицию к востоку от Обояни, в дер. Зорино — Спасское.

2-й Корниловский Ударный полк. Стоянка в Обояни. Перестрелка с наступающими разведчиками красных.

1-й Корниловский Ударный полк — на левом фланге дивизии.

23 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк отзывается в г. Обоянь.

2-й Корниловский Ударный полк — Обоянь, перестрелка с противником.

1-й Корниловский Ударный полк — на старом месте.

24 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк. Получен приказ об отходе в 20 часов. В с. Васильевка — остановка. Противник наступает.

2-й Корниловский Ударный полк. Около 20 часов латышский полк повел наступление с северо-запада на г. Обоянь. В это же время был получен приказ об оставлении Обояни и об отходе на юг. 3-й Корниловский Ударный полк уже начал движение из города. Атаку латышей принял на себя офицерский батальон 2-го полка. Под прикрытием вьюги латыши подошли близко, но нарвались параллельно своему фронту на овраг (то, что произошло при нашем наступлении с 1-м батальоном 2-го полка) страшной глубины и с крутыми берегами, благодаря чему обороняющиеся подпустили противника на ширину оврага и открыли огонь с дистанции в сто шагов. Впоследствии выяснилось из показаний пленных латышей, что их потери были так велики, что заставили командира этого полка «рвать на себе волосы» за рискованное нападение на Корниловцев. Вооружены и одеты латыши были отлично. Ручные гранаты имелись почти у всех и в достаточном количестве. На этот раз их цепи отошли, и противник ограничился обстрелом переправ и станции из 42-линейных орудий. Наш отход закончился в порядке и спокойно.

1-й Корниловский Ударный полк тоже отходит на юг.

25 ноября. 3-й полк спокойно стоит в с. Васильевка, а в ночь на 26-ое отходит в с. Солотино, где и стоит 26-го и 27-го. Сюда прибыло пополнение из Харькова и полк развернулся в два батальона.

2-й полк переходит в Зоринские хутора.

1-й полк — в резерве дивизии.

26 ноября. 3-й полк стоит спокойно на старом месте.

2-й полк — Зоринские хутора. Небольшие стычки с частями эстонской бригады.

1-й полк — без перемен.

27 ноября. 3-й полк — спокойно.

2-й полк. С 9 часов наступление эстонской бригады. После упорного

боя, длившегося чуть ли не весь день, противник к вечеру отошел. Действия нашей артиллерии отменны. В ночь на 28-ое переход в Верхопенские и Покровские хутора.

1-й полк отходит без давления со стороны противника.

28 ноября. 3-й полк в ночь на 29-ое отходит на д. Верхопенское.

2-й полк. Один батальон в сторожевке на Верхопенских хуторах, остальной полк со штабом полка в хуторах Покровский и Ильинский.

29 ноября. 1-й полк на восток от центрального участка 2-го полка в с. Сухая. Эстонцы с наступлением темноты удачно атаковали полк. Сестра милосердия этого полка Васса Яковлевна Гайдукова (Ася) так рассказывает об этом: «Разместив раненых, медицинский персонал направился в отведенную ему избу. Не успели они войти, как под окнами раздалась стрельба и крики. Хозяйка дома с криком стала их просто выгонять, но хозяин заступился и стал прятать их «под печку». Кто знает, что представляет из себя это убежище, тот поймет, с какими трудностями туда нырнули четыре человека. Тут же врываются большевики и на ломаном русском языке приказывают всем выходить. Это были эстонцы. Они стали винтовками шарить и под печкой. Но в это время снова началась стрельба, и эстонцы убежали. Корниловцы контратакой отбили их. Часть раненых была перебита. О переживаниях спасшихся под печкой распространяться не приходится, образ их спасителя — русского крестьянина — остался у них на всю жизнь. Отсюда 1-й Корниловский Ударный полк вышел на правый фланг дивизии. Вообще дивизия в ожидании налета кавалерии все время старается быть в огневой связи.

2-й Корниловский Ударный полк. На участке полка спокойно.

3-й Корниловский Ударный полк — на запад от 2-го полка, в с. Верхопенье.

30 ноября. 1-й Корниловской Ударный полк. Спокойно.

2-й Корниловский Ударный полк. С 15 часов противник повел наступление по шоссе на Верхопенские Дворы, к вечеру был отбит и продолжал только обстрел наших позиций из 48-линейных орудий. На Верхопенских Дворах остались на ночь наши 2-й и 3-й батальоны. Отошедший противник предпринял свежим латышским полком ночной налет. Сначала оба батальона были выбиты, но при поддержке офицерского батальона перешли в контратаку и разогнали латышей, нанеся им большие потери. Были взяты пулеметы.

3-й Корниловский Ударный полк. Село Верхопенье. Бои с эстонцами.

1 декабря 1919 г. 1-й Корниловский Ударный полк. На участке полка спокойно.

2-й Корниловский Ударный полк. На участке 2-го и 3-го полков латыши перешли в наступление и сбили наших. 2-й и 3-й батальоны остановились в версте от Верхопенских Дворов, а 3-й Корниловский Ударный полк оставил село Верхопенье, бросив своих раненых. После подхода резервных батальонов полк перешел в наступление, сбил латышей и захватил оба пункта, отбив раненых 3-го полка (командира офицерской роты и других).

3-й Корниловский Ударный полк. После бешеных атак полк отходит в д. Сырцово, выбивает оттуда зашедшую нам в тыл группу красных и отходит в д. Пенки.

2 декабря. 1-й Корниловский Ударный полк. Перестрелка.

2-й Корниловский Ударный полк. Попытки противника наступать отбиты.

3-й Корниловский Ударный полк. Противник наступает.

3 декабря. 1-й Корниловский Ударный полк. Отход на г. Белгород.

2-й Корниловский Ударный полк. Отход в с. Яковлевка. Часть артиллерии за недостатком конского состава отправлена на погрузку в Белгород.

3-й Корниловский Ударный полк. Полк переходит в с. Ольховатку.

4 декабря. 1-й Корниловский Ударный полк отходит без боя на Белгород.

2-й Корниловский Ударный полк. На участке полка противник ведет наступление. Приказание — в бой не втягиваться, почему полк, отстреливаясь, отходит по шоссе на хутор Терны.

3-й Корниловский Ударный полк остается в селе Ольховатка.

5 декабря Корниловская Ударная дивизия сосредоточивается в г. Белгороде. Приказано грузиться в эшелоны для переброски в Харьков. Обозы под прикрытием конных разведчиков походным порядком идут туда же. С Белгорода начинается, как принято выражаться в военной среде, настоящий «драп», но только не панический, а просто тактический. Ходили сначала какие-то слухи, что около Белгорода остановимся и дадим бой, а тут с места в карьер погрузка и откат на Харьков. Настроение какое-то притупленное от морозов и беспрерывного отступления. Жители Белгорода были связаны с нами узами дружбы, силу ЧЕКА Дзержинского они хорошо знали с момента нашего вступления в город при нашем наступлении, когда красными было взято до 60 человек заложниками, которых они и расстреляли при своем бегстве. Теперь картина изменилась, и все жители считали себя заживо погребенными. Да, под Орлом судьба Вооруженных Сил Юга России была решена, и теперь каждый из нас понимал, что ждет нас, и потому решал, как дороже продать свою жизнь. Тогда и мы все считали себя обреченными, вопрос мученического конца для каждого из нас был вопросом только времени, но несмотря на это деловое отношение к окружающей обстановке не покидает Корниловцев, они часто шутят и все время в работе согреваются от мороза.

Командир 2-го полка уехал в Харьков, чтобы сделать отбор из своего запасного батальона для пополнения.

6 декабря. Угроза удара противника с запада. Переброска дивизии произошла в полном порядке: 2-й Корниловский Ударный полк — эшелонами по железной дороге, а 1-й и 3-й полки с обозами и артиллерией — походным порядком. К вечеру противник был задержан и 2-й полк ночью прибыл в Харьков.

Марковская пехотная дивизия идет на Муром.

3-й Корниловский Ударный полк из села Ольховатка отходит 5 декабря в хутор Яхонтово, куда прибывает офицерская рота в 70 человек.

Утром 6-го полк переходит в сс. Марьевка — Андреевка и, простояв до вечера, отходит на Белгород, который оставляется в ночь на 7-ое. Через село Таврово полк приходит в д. Нелидовку, где и ночует.

7 декабря. 2-й Корниловский Ударный полк рано утром выгрузился и стал в городе. **Описание пребывания полка в Харькове с 7 по 11 декабря:** шли усиленные занятия с пополнением и разбивка по ротам. Полк получил достаточно обмундирования. Вследствие полного отсутствия какого-либо наблюдения высшего начальства за запасным батальоном и полного игнорирования требований интендантством запасный батальон превратился во что-то ужасное. Не так давно командир полка уехал оттуда, оставив там около 800 человек здорового элемента, хотя и раздетого, а теперь к его приезду почти ничего не осталось. Обмундирования так и не дали ничего, довольствие было скверное, заразных больных тифом не изолировали и иногда отказывались принимать их в лазареты, а потому и смертность была колоссальной. Каждый день в казармах умирало до 20 человек. Командир запасного батальона на все свои требования получал отовсюду одни лишь отказы. Только такие офицеры, как командир полка полковник Пашкевич, могли все достать при таком положении. В Харьков он приехал на три дня раньше полка, получил временное назначение комендантом Харьковского района и, воспользовавшись этим, произвел в Харькове мобилизацию, достал несколько сот комплектов обмундирования и таким образом дал полку 300 человек пополнения. Вообще же необходимо отметить, что тылы совершенно не имели должного управления. С грабежами у нас по тылам и при наступлении не совсем было благополучно, а когда «публика» почуяла отступление и отсутствие управления, то дело пошло полным ходом. Доходило до того, что некоторые под разными предлогами спешили опередить свои части и с целью грабежа набрасывались на предназначенные для эвакуации города. Некоторые из таких получали в этих налетах ранения и увечия. Но нередко такие господа заканчивали свою деятельность очень печально, когда с подходом действующих полков они попадали в руки их командиров. Были и такие артисты, которые входили в доверие честных командиров полков, как, например, командир запасного батальона 2-го Корниловского Ударного полка поручик Тельнов, до этого перебежавший от красных в экипаже, но и такие попадались. Поручик Тельнов был предан суду командиром полка и приговорен к расстрелу. Судебный процесс затянулся до нашего переезда в Крым, где Тельнов, узнав о приговоре, бежал, артистически перешел на участке Марковского полка на Перекопе к красным как будто посланный разведчиком в их тылы, где получил в командование батальон, действующий на польском фронте, с которым он бежал, перейдя границу Пруссии. Несмотря на это он все же были выдан большевикам, которые упрятали его в Соловки, где он и был расстрелян. Свидетелем этого на Соловках был профессор Ширяев, который в своей книге «Неугасимая лампада» описал конец Тельнова, где такой же заключенный интеллигент из числа пресмыкающихся спешил клещами вытащить золотые зубы у еще незастывшего трупа Тельнова.

За время пребывания 2-го полка в Харькове для нас картина про-

исходящего на фронте Вооруженных Сил Юга России стала ясна: кубанцы почти все вышли из подчинения генералу Деникину, Донской фронт играл в самостийность, терцев было мало, Добровольческая Армия понесла большие потери, но духом была еще сильна.

8 декабря. 3-й Корниловский Ударный полк отходит по линии сел Черемошное — Соловьево. Отношение жителей к нам резко отрицательное, а в селе Черемошное был убит крестьянами артельщик офицерской роты, поехавший к старосте с просьбой собрать для полка хлеба. **В ночь на 9 декабря** полк отошел через село Стрелечье, где имел небольшой привал, в село Липцы, откуда в ночь на 10-ое отошел в Русские и Черкесские Тишки. В ночь на 1-ое продолжал отходить на Харьков и утром 12-го вошел в город. Заняв восточную часть города, полк выставил сторожевое охранение в городе, прикрывая проходящие части дивизии от могущих быть нападений со стороны местных большевиков, начавших к этому времени открыто свою деятельность. В 15 часов полк оставил город и отошел по Чугуевскому шоссе в хутор Залкин, где и заночевал. **13-го утром** полк двинулся в село Рогань и далее, на село Старо-Покровское, которое и занял ночью. В Рогань — встреча с Марковцами.

Путь 1-го Корниловского Ударного полка за эти дни в деталях не сохранился, но он все время действовал в составе своей дивизии.

10 декабря генерал Врангель был назначен Командующим Добровольческой Армией.

Выписка из журнала «Перекличка» № 154 за 1964 год, статья **«Гражданская война:** «Последнее издание советской истории гражданской войны издано в СССР небольшим тиражем; это означает, что «история гражданской войны» не предназначается для широкого распространения. В третьем томе этого издания имеется интересная для нас фотография занятия города Харькова 12 декабря 1919 года. «Павловская площадь, толпа в смущении, вступают ЧУЖИЕ, «Янычары». Это они решили Орловские бои в октябре 1919 года, навалившись на белых силой — вместе с эстонцами, китайцами и червонными казаками — в 70 тысяч бойцов».

Все это верно, но все же журнал позабыл поместить в число «навалившихся на нас под Орлом: еврейский полк, части 7-й стрелковой дивизии, 2-й отдельной стрелковой бригады, 9-й и 55-й стрелковых дивизий и, **что самое главное, — при содействии Польши Пилсудского перемирием с Лениным, давшим ему возможность снять войска с его фронта.** Полковник Левитов.

12 декабря. Отход из Харькова. **2-й Корниловский Ударный полк** к вечеру прибыл в Безлюдовку. Обоз едва дотянулся, так как снег стаял и сани пришлось менять на колеса, что удавалось с большим трудом. Опустел когда-то хорошо знакомый нам Харьков, все приуныли и все еще не верили в наш отход. Отовсюду неслись тяжелые вздохи взрывов, которые ясно говорили об отступлении как о факте, уже совершившемся.

13 декабря. Переправа по железнодорожному мосту через реку Уда, на станцию Жизловка. После окончания переправы мост был взорван и провалился. В провал моста бронепоезд пустил несколько платформ, груженных камнем (в сохранившейся моей полевой книжке есть донесение

командиру 2-го Корниловского Ударного полка из хутора Старольский за № 249 о переправе через реку Уда). Латышская дивизия заняла Харьков.

14 декабря. 1-й Корниловский Ударный полк идет в составе дивизии.

3-й Корниловской Ударный полк, расположившись в селе Старо-Покровское, занял позицию по реке Уда и охранял мост через реку в двух верстах западнее села, держа связь влево с частями дивизии в селе Большая Покровка. Уничтожить мост не удалось ввиду отсутствия подрывных средств.

2-й Корниловский Ударный полк переходит в деревню Аксютовка и д. Воровое. В районе Мерефы слышна сильная артиллерийская стрельба, там наступали части латышской дивизии.

15 декабря. 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки на прежних местах. **3-й Корниловский Ударный полк** к вечеру подошел к реке Уда и под прикрытием нашего артиллерийского огня занял противоположную деревню Ново-Покровское, выставив сторожевое охранение по берегу реки и у моста. В тылу полка находился большой лес, тянувшийся до города Змиева, где расположился штаб дивизии. В лесу, верстах в семи от с. Старо-Покровское, находилась деревня Мохначи с населением, сплошь настроенным в пользу большевиков, и первый наш транспорт с ранеными был там ограблен. Связь со штабом дивизии пришлось поддерживать конными по фронту, через 1-й полк.

16 декабря. В ночь с 15-го на 16-ое 1-й и 2-й полки отходят к г. Змиеву. 2-й полк стал по квартирам в слободе Замостье. Получен приказ об отходе вечером за город. Разведка противника с наступлением темноты подошла и завязала с 1-м полком перестрелку в районе станции. Жители очень доброжелательно настроены к нам, и некоторые поступили в полк добровольцами. Повсюду слышны взрывы артиллерийских складов и мостов. Около 17 часов 2-й полк выступил и через город направился в село Беспаловка. После прохода частей городом мост через реку Мож был сожжен и к этому же времени артиллерия противника стала обстреливать город с северо-востока. В Беспаловку полк прибыл в 24 часа.

16 декабря. 3-й Корниловский Ударный полк занимает то же положение. К вечеру в полк приехали подрывники с приказанием уничтожить мост через реку Уду. На глазах у часовых большевиков, в ясную зимнюю ночь мост был насколько возможно подорван, и подрывники уехали в село Старо-Покровское. В эту ночь был отдан приказ отойти на станцию Щебалинка. Находившиеся правее полка **части Марковцев еще 12 декабря оставили Чугуев** и отошли на юго-восток. Полк не получил приказа об отходе и простоял весь день 14 декабря в селе Старо-Покровское, ведя артиллерийскую перестрелку с противником через реку. Только ночью на 15 декабря поехавшие через бывшее расположение 1-го полка — с. Красное — подрывники обнаружили, что левее полка противник перешел через реку и занял деревню, занятую до этого нашими частями. Тогда же обнаружилось по бросаемым ракетам, что противник обошел полк и справа. Временно командующий полком капитан Франц отдал тотчас приказ обозу под прикрытием полуроты двигаться через лес на деревню Мохначи. Полк, состоявший в это время из одного сводного батальона в сто шты-

ков, офицерской роты в 70 штыков и 6-й батареи, был поднят по тревоге и приготовился к выступлению. Когда обоз подошел к лесу на расстоянии полутора верст от села, то был встречен огнем в упор противника, занявшего опушку леса вдоль села Старо-Покровское, и принужден был отойти обратно к селу. Тогда был двинут в атаку батальон, но атака, встреченная с дистанции в сто шагов ураганным огнем, не имела успеха. Бросаемые справа, слева и позади села Ново-Покровское ракеты убедили в том, что полк окружен, и кольцо вот-вот сомкнется. После обстрела батареей опушки леса офицерская рота с остатком батальона ринулась в атаку и отчаянным порывом прорвала кольцо противника и вошла в лес в количестве 56 офицеров и 30 ударников. Батарея, пулеметы и обозы остались у противника, а остатки полка через лес двинулись к Змиеву, обходя могущую быть окончательной гибелью полка деревню Мохначи. Только около Змиева, в пригородном хуторе, капитан Франц узнал от жителей, что наши уже более суток как оставили город, и остатки полка, сделав нечеловеческие усилия, прошли около 90 верст и на рассвете 19 декабря нового стиля догнали части дивизии на станции Балаклея, откуда через два часа вместе с отходящей дивизией двинулись на ст. Савинцы, где и ночевали.

17 декабря. 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки в Ново-Борисоглебске.

18 декабря. Ново-Серпухов (ст. Балаклея). К дивизии присоединился 3-й полк (остатки).

19 декабря. Дивизия на ст. Савинцы.

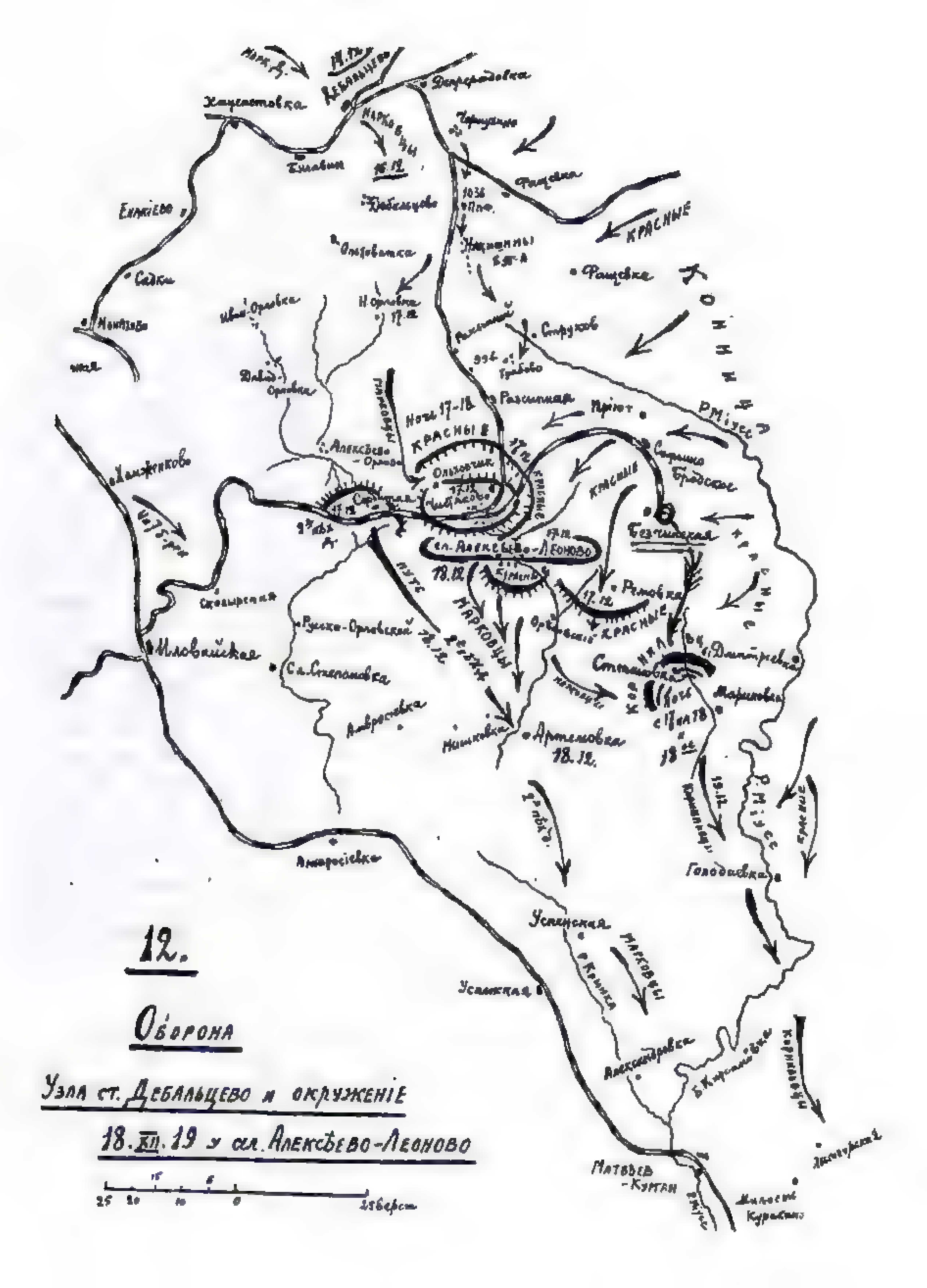
20 декабря. Дивизия в городе Изюм. К востоку — Марковцы. **1-й Корниловский Ударный полк** частью занимает с. Стратилатовку. **2-й полк** стал по квартирам в слободе Замостье. Жители встретили нас очень хорошо, все сочувствовали нашему положению, некоторые вступили в полк добровольцами. Вечером было приказано оставить город. Около 23 часов полк остановился на ночлег в селе Малая Камышеваха.

3-й Корниловский Ударный полк переходит на ст. Закомельская, грузится в эшелон и отправляется на ст. Харцызск для пополнения, куда прибывает только 26-го. На ст. Дебальцево эшелон пришлось бросить, так как походным порядком через Енакиево на станцию Харцызск можно было скорее пройти, чем проехать, — настолько пути были забиты.

21 декабря. Одному батальону **2-го Корниловского Ударного полка** с командой конных разведчиков было приказано сменить части 1-го полка в с. Стратилатовка. При входе в это селение части 2-го полка встретили вместо своих противника и после короткой перестрелки погнали его за Северный Донец, на восток.

23 декабря. В книге советского полковника Агуреева говорится, что «21 декабря нового стиля под Камышевахой эстонская дивизия вела два дня жестокий бой».

23 декабря н. ст. С 13 часов противник повел наступление на 2-й Корниловский Ударный полк со стороны Изюма на Стратилатовку и М. Камышеваху. После упорного боя противник был сбит и отступил с большими потерями. Были захвачены пулеметы и пленные. В 24 часа



Дебальцево
Хацепетовка
Енакіево
Садки
Ханженково
Иловайское
Ст. Степановка
Амвросіевка
Артемовка
18.12.
Ремовка
Безчинская
Мариновка
Голодаевка
Успенская
Александровка
Матвеев
-Курган
Ольховчик
Алексеево
-Орловка
сл. Алексѣево-Леоново
18.12
Марковцы
Красные
Красные
Ночь 17-18
Р. Міусъ
Р. Міусъ
Марковцы
12.
Оборона
Узла ст. Дебальцево и окруженіе
18.XII.19 у сл. Алексѣево-Леоново
25 20 10 0 25 верст

полк сосредоточился в Малой Камышевахе и выступил затем на хутор Долченсков, куда прибыл **утром 24-го.**

25 декабря эстонская дивизия заняла Барвенково.

26 декабря. Остатки **3-го Корниловского Ударного полка** прибыли на станцию Харцызск, где их ожидал запасный батальон, пришедший туда же.

26 и 27 декабря полки Корниловской Ударной дивизии на ст. Краматорская, Константиновка и ст. Горловка.

Отсюда для Корниловской Ударной дивизии на нашем пути на Ростов навсла угроза со стороны других частей советской армии, которым их командование дает следующее задание: «Ударной группе фронта в составе конной армии и 9-й и 12-й стрелковых дивизий под командованием Буденного была поставлена задача — быстро выдвинуться в район Донецкого бассейна, отрезать пути отступления Добровольческой Армии в Донскую область и **занять Таганрог.** Замысел операции полностью соответствовал идее стратегического рассечения Армии Деникина на две части. Главный удар должны были нанести войска 13-й советской армии ударной группой фронта и 8-й армией в направлении **на Попасная — Таганрог** (стр. 144 и 149 книги полковника Агуреева). «25-26 декабря, на линии Драновка — Нижнее развернулось ожесточенное сражение двух ударных группировок **при численном превосходстве БЕЛЫХ.** (Мое замечание: здесь допущена большая неточность, которую можно обнаружить хотя бы при сравнении состава 1-й конной армии Буденного с уходящими с фронта нашими полками кубанцев, горсточкой терцев и нежелающими переходить в атаки донцами. В это время 1-я конная армия Буденного состояла из 6-й и 11-й кавалерийских дивизий по четыре бригады в каждой, что составляет 16 кавалерийских полков, где эскадроны доходили до 250 шашек и при каждом взводе имелось **по два пулемета,** и с приданной армии артиллерией.

Все это говорит о том, что если и было превосходство, количественное и качественное, — то на красной стороне. Полковник Левитов).

Продолжение по книге полковника Агуреева: «29-го освободили Дебальцево, 30-го Никитовку и Горловку, 31-го Иловайскую. Буденновцы вышли в район Алексеево и почти полностью уничтожили Марковскую дивизию».

Да, это был трагический факт, причиной которого было полное переутомление Марковцев, слабое охранение растянувшейся колонны дивизии и трудность движения по местности, пересеченной оврагами.

(Из книги Буденного: «Мой пройденный путь», стр. 368: «27 декабря 1919 года, в районе Бахмута 11-я кавалерийская дивизия отбросила Марковскую дивизию». Стр. 369: «6-я кавалерийская дивизия в районе Алексеево отрезала Марковскую дивизию и в результате жестокого боя три полка (это состав наших дивизий) были почти уничтожены»).

28 декабря. Со станции Горловка **1-й и 2-й Корниловские Ударные полки** с патронами и пулеметами поехали эшелонами на ст. Бесчинскую, а обоз был отправлен походным порядокм. Артиллерия была тоже погружена в эшелоны.

29 декабря. Ст. Бесчинская. Все станции по пути следования эшелона

были забиты брошенными составами. Поезда с обмундированием и продовольствием грабились войсками и жителями, техническое имущество сжигалось, а артиллерийские склады были приготовлены к взрыву. Всюду тяжелая и безотрадная картина отступления.

28 декабря. 3-й Корниловский Ударный полк. Под командой командира полка капитана Щеглова на ст. Харцызск прибыл запасный батальон и расположился по квартирам. **29 декабря** прибыли две его роты под командой полковника Грудино, оставленные для охраны железнодорожной станции г. Харькова. В этот день полк развернулся в три батальона нормального состава и пулеметную роту. 30-го декабря полк переходит в с. Кутейниково, где ночует.

Досаднее всего было видеть, что артиллерийских запасов и обмундирования было достаточно для Армии, а она зачастую отступала за неимением снарядов и мерзла без обмундирования. Выгружаться пришлось не ожидая обоза, пулеметы и патроны тащили на себе. Оба полка стали в д. Ремовка. В это же время дивизии конной армии Буденного, сменяя друг друга, громили Марковскую дивизию, и нависшая угроза застает и 1-й со 2-м полком в таком беспомощном состоянии.

К тому же 30 декабря около 15 часов со стороны хутора Михайловского показались разъезды противника и примчалось несколько наших конных. Через несколько минут стало известно, что все почти повозки нашего обоза отрезаны кавалерией Буденного и только часть обоза с конными ускользнула на юг. С большим трудом удалось добыть немного подвод под пулеметы и патроны, а все остальное пришлось бросить. Наступление кавалерии было отбито огнем наших лихих пулеметчиков и непревзойденной нашей артиллерии. Наши потери были только от огня артиллерии Буденного. С наступлением 'темноты дивизии было приказано отойти в с. Степановка. Таким образом 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки, несмотря на свое критическое положение из-за отсутствия своих боевых обозов, при первой встрече с кавалерией Буденного дали ей достойный отпор. И в дальнейшем читатель не раз увидит, как прославленная конница Буденного не раз роняла свою славу при встречах с Корниловской Ударной дивизией.

В этот день Марковская дивизия была окружена в с. Алексеево — Леоново и потеряла большую часть своего состава. Этот печальный факт заставил всех нас подтянуться и держаться в кулаке. В книге «Марковцы в боях и походах за РОССИЮ», том 2-й, стр. 197, они свои потери в бою под Алексеево — Леоново исчисляют в 900 человек убитыми и оставленными на поле боя ранеными; по показаниям бежавших из плена от красных из этого числа было 400 пленных. Было потеряно 12 пушек и 50 пулеметов. Всего Марковцы за отступление потеряли 21 орудие.

ПРИКАЗ КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИИ

с. Степановка № 060 18 декабря ст. ст. 1919 г. 22 ч.

В районе х. Михайловской — Ремовка - Алексеево — Леоново сосре-

доточено не менее дивизии конницы, которая, возможно, атакует нас на походе. Приказываю:

1) **Полковнику Биттенбиндеру** — части Марковской дивизии — ровно в 3 часа выступить от церкви с. Степановки и через Мариновку и Голодаевку двигаться на Лысогорскую, где стать на ночлег на южной окраине. Обозы из Голодаевки не позже 6 часов 19 декабря ст. ст. отправить в Лысогорскую.
2) **Поручику Левитову — 2-й Корниловский Ударный полк** — в 3 часа 19 декабря выступить из Степановки и двигаться вслед за Марковцами также на Лысогорскую и стать на ночлег в восточной части села, выставив сторожевое охранение на восток и по дорогам на Лютенский и Новоселье Тузловский.
3) **Полковнику Гордеенко — 1-й Корниловский Ударный полк и Корниловская батарея** — двигаться в арьергарде, прикрывая походное движение дивизии. Сторожевого охранения, обеспечивающего с. Степановку, не снимать до тех пор, пока все части дивизии не уйдут из Степановки. Двигаясь вслед за дивизией, перейти в Лысогорскую, где расположиться в западной части села, выставив сторожевое охранение на север и по дороге из Лысогорской на перекресток больших дорог, что северо-западнее Лысогорской, верстах в пяти.
4) **Ротмистру Ковалевскому.** Из Мариновки выслать один эскадрон в Куприанов Тузловский для разведки оттуда на Миллерово, Дьяково и Новоселовку.
   Штабу дивизии перейти в Лысогорскую и стать в центральной части.
5) **Капитану Щеглову — 3-й Корниловский Ударный полк, учебная команда и обозы дивизии** — выступить из Голодаевки в 4 часа 19 декабря и перейти в село Каршин Анненский, что верстах в десяти от Лысогорской, где и стать на ночлег, выставив ближайшее охранение на восток, север и запад.
6) Всем начальникам не допускать растяжения своих колонн и при налете конницы отражать ее залпами, целясь в голову лошади.

П. п. Полковник Скоблин

Верно: Наштадив Корниловской капитан Капнин

(Подлинный сохраняется при черновике в тетради № 10)

19 декабря ст. ст. 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки — Лысогорская, **3-й Корниловский Ударный полк** — Матвеев Курган.

20 декабря ст. ст. 1-й и 2-й полки — Б. Крепкая, **3-й** — Каменный Мост.

21 декабря ст. ст. Для Корниловской Ударной дивизии — дневка с выдвижением **3-го Корниловского Ударного полка** в Мокрый Чалтырь.

22 декабря. 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки — Генеральский Мост, **3-й полк** — Армянский Монастырь.

23 декабря. 3-й Корниловский Ударный полк — хутор Монастырский, где полк пробыл на отдыхе до 25 декабря.

24 декабря. Корниловская Ударная дивизия — г. Нахичевань. Населе-

ние города в большинстве составляли армяне, обосновавшиеся здесь просто богато. Настроение у всех убийственное. После 17 декабря, когда у деревни Ремовка 1-й и 2-й полки огнем отбили атаки кавалерийской дивизии Буденного, красные оставили нас в покое и, по-видимому, занимали свои участки для атаки Таганрога — Ростова — Нахичевани и Новочеркасска. Корниловская Ударная дивизия в это время находилась в резерве Добровольческого корпуса генерала Кутепова. Настроение Корниловцев было сосредоточено главным образом на поддержании своей боеспособности. Наше отступление от Орла до Нахичевани ясно говорило о безнадежности нашего положения, вдаваться в детали которого не позволяло исключительное переутомление, и каждый на своем месте принимал все меры, от него зависящие для того, чтобы дороже продать свою жизнь. Мы использовали по дороге брошенные артиллерийские склады и брали снарядов сколько могли поднять повозки нашего бедного боевого обоза, сильно пострадавшего у хутора Мануйловского. Несмотря на столь трагическое наше положение мы имели пополнение: помимо присоединения к полкам их запасных батальонов, группами проскакивали через красный фронт наши спасшиеся при отступлении от Орла, среди которых была и сестра милосердия Васильева, по мужу Левитова. Остатки 3-го полка были слабы, но его командир полка — капитан Щеглов — в Екатеринодаре собрал уже достаточно Корниловцев, для того чтобы довести свой полк до нормального состава. Запасный полк дивизии в это время в Азове пополнился шахтерами, и после мы его увидим в составе дивизии в тяжелых боях под Батайском, где он заменит 3-й наш полк, отведенный в Екатеринодар на присоединение к своему новому составу.

25 декабря ст. ст. 1919 г. — 6 января н. ст. 1920 года — день праздника РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА только мысленно вспомнили — вдали гремели раскаты боя, а **всюду массы нашей казачьей конницы спешили за Дон.** В 23 часа было получено сообщение, что столица Донской области Новочеркасск взята красными. Корниловской Ударной дивизии приказано выступить на помощь донцам, с целью взять город обратно. Оценивая обстановку с точки зрения боеспособности казачьих частей, особенно кубанских, из которых с нами остались только немногие доблестные части, мы не видели смысла в контрударе на Новочеркасск, но оставив свое мнение при себе, готовились к выступлению.

8 января нов. ст. 1920 г. Рано утром Корниловская Ударная дивизия выступила согласно приказу из Нахичевани на Новочеркасск **для содействия донцам при их наступлении на свою столицу, Новочеркасск.** Привожу взгляд на это из книги «Корниловский Ударный полк», по-видимому самого начальника дивизии генерала Скоблина, который во время издания книги был еще в наших рядах в Париже (стр. 152).

ПОД РОСТОВОМ

«Наспех собранная Ставкой конная группа из казачьих частей никакого сопротивления Буденному не оказывала. Начальник оперативного

отделения Донского штаба доносил· «Донские части, хотя и большого состава, совсем не желают и не могут выдержать самого легкого нажима противника... Кубанских и терских частей совершенно нет». Преследуя отступавших казаков, Буденный все время обходит Добровольческую Армию, и она отступала на Ростов, постоянно находясь под фланговым ударом справа всей его 1-й конной армии. Под Ростовом генерал Деникин решил дать отпор противнику. Корниловская Ударная дивизия в этом бою составляла резерв 1-го Добровольческого корпуса и была поставлена в предместье Ростова, — Нахичевани. Весь сочельник и первый день Рождества доносился до Корниловцев грозный гул боя. **Утром 26 декабря по ст. ст.** (8 января 1920 г.) полковник Скоблин получил приказ двигаться всей дивизией в Новочеркасск и совместно с 4-м Донским корпусом генерала Мамонтова атаковать противника и выбить его из только что захваченной им столицы Дона. Недалеко от Новочеркасска, в Александровской станице, Корниловцы встретили казаков. Непрерывная лавина всадников текла к переправе через Дон. Скоблин всполошился. «Стой! — закричал он. — Куда едете?» Лавина продолжала двигаться. Наконец от одного офицера Скоблин добился ответа, что 4-й корпус переправляется за Дон и идет в станицу Ольгинскую. Скоблин поскакал к генералу Мамонтову. После того как взволнованный Скоблин передал генералу, какая боевая задача возложена на них обоих, Мамонтов, разглаживая свои усы, решительно заявил, что генералу Кутепову он не подчинен «Да разве в этом дело? — заговорил Скоблин, — надо спасать Новочеркасск, а я всецело перейду в ваше подчинение». «Половина моего корпуса уже на том берегу, я не могу вернуть казаков обратно... **Брать Новочеркасска не буду!**» «Прошу вас переговорить по прямому проводу с генералом Кутеповым», — предлагает Скоблин. «Повторяю вам, я Кутепову не подчинен...» «Тогда я соединю вас непосредственно со Ставкой, переговорите с ней, Ваше Превосходительство». «Хорошо!» — нехотя согласился генерал Мамонтов.

Ставка подтвердила приказание генерала Кутепова. «Я уже рассказал полковнику Скоблину, в чем дело. Добавлю, что, опасаясь оттепели и порчи переправ, я в случае неудачи погублю весь корпус. Категорически заявляю — брать Новочеркасска не могу!» Так закончил разговор со Ставкой генерал Мамонтов.

Полковник Скоблин соединился со штабом корпуса, где к проводу подошел генерал Кутепов. Скоблин рассказал о создавшемся положении и запросил, что ему делать теперь. «Николай Владимирович, — застучал аппарат, — дай дивизии отдых на несколько часов и возвращайся обратно в Нахичевань. Твоя новая задача — оборонять подступы к Нахичевани. На твоем левом фланге будет Терская дивизия генерала Топоркова, с ним войди в связь». «Александр Павлович, — стал докладывать Скоблин, — я вижу по всему, что Ростова нам не удержать. Чтобы выгадать время для эвакуации города, тебе будет достаточно местных сил, **а мне разреши перейти за Дон здесь, в станице Александровской. Кроме этой переправы, другой до самого Ростова нет»**. Генерал Кутепов повторил свое приказание.

Через несколько часов Скоблин снова соединился со штабом корпуса и вызвал начальника штаба корпуса генерала Достовалова, чтобы узнать, не изменилась ли обстановка под Ростовом и остался ли в силе приказ командира корпуса. Начальник штаба кратко обрисовал положение на фронте: на левофланговом участке боя, на фронте Добровольческого корпуса, все атаки отбиты. Дроздовцы и конница генерала Барбовича сами перешли в наступление и уже гонят противника. В центре — прорыв Терской дивизии ликвидирован, и только на правом фланге сильная неувязка: Донской корпус, прикрывавший Новочеркасск, сдал город и отхлынул за Дон, а корпус Мамонтова самовольно бросил фронт. Приказание генерала Кутепова остается в силе.

Корниловская дивизия выступила В арьергарде шел 3-й полк. В Нахичевань были высланы конные разъезды. Когда Корниловцы уже подходили к Нахичевани, к начальнику дивизии подъехал разъезд: «Господин полковник, — доложил офицер, — Нахичевань занята большевиками». «Как — занята? Да вы пьяны, поручик!» «Никак нет, Нахичевань занята...» «Быть не может! Вам померещилось... Немедленно поворачивайте и проверьте». «Слушаюсь!» 1-й и 2-й полки продолжали двигаться походным порядком. В арьергарде послышалась стрельба: большевики из Новочеркасска догнали наш 3-й полк... Как только авангард дивизии стал втягиваться в Нахичевань, он на первой же улице наткнулся на свой вторично посланный разъезд. Офицер, ординарцы и кони были перебиты. Только доложили об этом начальнику дивизии, как на улице загремел броневик, сзади него шли, пригибаясь, красноармейцы. Завизжали пули. Не оставалось никакого сомнения в том, что Нахичевань была в руках большевиков. Очевидно, за те несколько часов, когда Корниловская дивизия двигалась на Нахичевань, на фронте перед Ростовом разразилась катастрофа. Так оно и оказалось: связь с Терской дивизией донесла, что терцы вновь разбиты большевиками. Положение Корниловцев создалось отчаянное, они оказались отрезанными от переправы через Дон, оба моста, один впереди, в Ростове, другой — позади, в Александровской, были уже захвачены большевиками.

2-й Корниловский Ударный полк повел уличный бой, — более страшный, чем всякий бой в открытом поле. Из-за всякого угла, из подворотен, из окон летят пули. Ударяясь об камни, они рикошетом наносят страшные рваные раны. Гулкими перекатами среди стен громыхают выстрелы. Тут только полковник Скоблин вспомнил, что в самой Нахичевани есть деревянный настил через реку, так называемый «Таганрогский мост». Во что бы то ни стало надо было перехватить этот мост ранее большевиков. Скоблин взял с собой роту Корниловцев и бегом бросился к мосту. С противоположного берега по ним забили выстрелы, стреляли казаки. «Господин полковник, — закричал кто-то, — смотрите, казаки тащат солому, сейчас подожгут мост!» «Вперед, за мной!» — скомандовал Скоблин. Вихрем пронеслись Корниловцы через мост, разметали горящую солому и с отчаянной руганью набросились на казаков. Заикаясь и весь дрожа, хорунжий пытался объяснить Скоблину, что он принял Корниловцев за большевиков. Запрыгали по настилу подводы, артиллерия, за ними перешли

мост 1-й и 2-й полки. 3-й полк пробиться к переправе уже не мог и был вынужден переходить Дон по льду. На середине реки был смертельно сражен пулей временно командующий полком капитан Франц.

На другой день рано утром полковник Скоблин поехал разыскивать штаб корпуса. По дороге он встретил молодого адъютанта, причисленного к Генеральному штабу. Капитан передал начальнику дивизии конверт с приказанием командира Добровольческого корпуса. Скоблин пробежал приказ и весь побледнел. Выпустив трехэтажное ругательство, он набросился на капитана: «Как, приказ об отходе моей дивизии через Александровскую переправу вы доставляете мне только сегодня? Почему вчера не доставили его мне? Из-за вашей трусости у меня убитых только 600 человек... Расстреливать таких офицеров!» Скоблин помчался к Батайску. Когда он подскакал к станции, штабной поезд медленно отходил. «Задержать поезд!» – закричал Скоблин. Поезд остановили. Вне себя Скоблин вскочил в вагон командира корпуса. «Николай Владимирович, — это ты? Слава Богу! Твоя дивизия цела?» Генерал Кутепов обнял Скоблина и поцеловал. Скоблин, возмущаясь, стал рассказывать ему, что перенесла его дивизия. «Ты потерял половину дивизии, а я почти весь свой корпус... Катастрофа... Поезжай обратно, — твоя задача защищать Батайск. Когда успокоишься, спокойно обо всем переговорим...» Медленно, шагом поехал Скоблин к своим Корниловцам».

Советский полковник Агуреев в своей книге издания 1961 года так освещает занятие Ростова и Нахичевани:

«Вечером 8 января н. ст. 1920 года 6-я кавалерийская дивизия ворвалась в Ростов-на-Дону, а 4-я кавалерийская дивизия освободила Нахичевань. На следующий день в Ростов вошли части 33-й стрелковой дивизии. Шли упорные уличные бои».

8 и 9 января н ст. 1920 года. По журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка:

8 января 1920 года Корниловская Ударная дивизия выступила рано утром на Новочеркасск и, дойдя до хутора Большелогского, узнали, что идет полное отступление казаков и что надежды на переход в контрнаступление нет. На ночлег полк в составе дивизии перешел в станицу Александровскую.

9 января. В 3 часа дивизии приказано выступить и идти на Нахичевань, на старые квартиры. В авангарде дивизии шел наш 2-й полк. При подходе к городу в нем была обнаружена кавалерия Буденного (здесь считаю долгом отметить доблестную службу разъезда конного дивизиона штаба дивизии. Я в это время по занимаемой мной должности помощника командира 2-го полка по строевой части был при авангарде, который, хотя и заметил большое скопление на окраине Нахичевани чьей-то кавалерии, двигался нормально. Донесение об этом командиру полка дошло и до начальника дивизии, и недалеко от авангарда показался в темноте кавалерийский дивизион нашей дивизии, где, по-видимому, был и начальник дивизии. До меня донеслось приказание: «Очередные, — вперед!». Я видел, как из общей колонны выехало несколько всадников, к кому-то они подъехали и, проезжая рысью мимо меня, снимали фуражки и кре-

стились. В предрассветной мгле было видно, как они подъехали к неизвестной кавалерии на окраине города, как затем глухо застучали выстрелы и засверкали шашки. Минут через 15, когда наш авангард навалил груды кавалерии красных и взял броневтомобиль, мы увидели и наших **убитых Г Е Р О Е В**, которые самоотверженно исполнили свой долг при срочной и запутанной операции. Полковник Левитов, Париж, 1964).

Приказано пробиваться к переправе. Сначала трудно было разобраться в обстановке, так как из-за Дона по нас стреляли наши же казаки, но потом связь восстановили и мы ворвались в город. Наступил рассвет, и мы заняли нужную нам часть города, в районе переправ через Дон, и стали переправлять обоз. Все попытки красных наступать были отбиты. Нами было много набито коней, взят один броневик, четыре пулемета, пленные кавалерии Буденного и еврейского полка (здесь интерес представляет, как мы взяли броневик. У красных было шикарное положение для контратаки: мы поднимались по крутому берегу реки, а они шли в атаку под прикрытием броневика прямо с возвышенной окраины Нахичевани. Красная кавалерия нами была уже отброшена, и улицы сплошь были ею завалены. Она здесь попала в невыгодные условия: накопив большие силы перед городом, им пришлось в беспорядке спасаться от нашего огня, взбираясь на возвышенность по льду — был мороз, скапливаясь в улицах без малейшей возможности использовать пулеметы. Наши же пулеметчики, как и всюду, использовали силу своего огня. Однако на выручку красной кавалерии появился броневик с каким-то еврейским полком Их порыв по обледеневшему скату в нашу сторону преподнес им сюрприз: их броневик, и без того взятый под сильный сосредоточенный наш пулеметный огонь, закрутился и в таком вертящемся состоянии прямо сполз в наше расположение, отчаянно стреляя куда попало. Еврейскому полку, подобно его собрату в боях под Орлом, лихо попало, хотя с маленьким отступлением: здесь их почему-то брали в плен.

Главной целью боя была переправа дивизии через Дон. Обстановка для таковой сложилась весьма неприятная. На окраине Нахичевани хотя и отбросили противника, но все же это были его передовые части, а артиллерия продолжала свой огонь по нашему расположению. В арьергарде наш 3-й полк едва сдерживал натиск врага. С противоположной стороны Дона по нас была открыта стрельба, и казаки стали поджигать мост и только прямое вмешательство начальника дивизии устранило это препятствие. Переправа началась.

После окончания переправы всех обозов и 1-го полка нам было приказано отступать. Отступление прошло под сильным артиллерийским огнем, но в полном порядке, по так называемому понтонному мосту. От огня красных и здесь мы несли потери. Один из числа тяжелораненных здесь, поручик Диадюн, 2-го полка, спустя почти сорок лет, узнав мой адрес, написал о том, как он встретился со мной при переправе. Привожу содержание его письма по памяти: после ранения он лежал на мосту в каком-то потустороннем забытьи, сознание его стало пробуждаться и уже определяло, что с ним происходит. В это время я проходил мимо него и, увидев его, остановился и спросил: «Вы ранены?» По его словам, он в

этот момент испытывал такое блаженное состояние, что решил мне не отвечать и не подавать признаков жизни. Я будто бы внимательно его осмотрел и пошел дальше. Санитарная повозка все же подобрала его, и он в итоге попал на излечение в Египет, откуда потом переехал во Францию. Он до сего времени заинтересован определением своего состояния, которое было у него тогда при нашей встрече. Не раз и со мной были подобного рода переживания в моменты тяжелых ранений, когда жизнь едва теплилась и организм боролся за нее не в полном своем составе, где все в строгом порядке подчиняется одно другому, а порознь, то, что еще не было лишено жизнеспособности. Полковник Левитов).

У переправы, на левом берегу Дона, нас сменил батальон 1-го Корниловского Ударного полка, а мы пошли по дороге на Батайск.

После переправы через Дон нам тут же пришлось развернуться и идти цепями, так как красные заняли южную окраину города и с высот его вели по нас сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Наш броневик застрял на переправе и был оставлен арьергардом. Было видно, как из Ростова все полотно линии железной дороги было забито поездами, которые едва-едва двигались перекатами по сто шагов. Настроение у всех какое-то безразличное. Все видели, что кубанских частей нет, нас мало, а Донская Армия смотрит на нас косо. Жители по пути отступления почти все в один голос говорили о расхлябанности нашего тыла и непригодности такого аппарата к жизни.

2-й Корниловский Ударный полк занял северо-западную часть Батайска и выставил сторожевое охранение на Ростов: линия железной дороги, включительно, — село Койсуг, исключительно. Потери полка за этот бой: 20 убитыми и 60 человек ранеными.

3-му Корниловскому Ударному полку и здесь пришлось понести большие потери. Будучи в арьергарде, он сдерживал красных, наступавших на нас с тыла, от Новочеркасска. Один его батальон переправился через Дон прямо по льду, перешел в станицу Ольгинскую и там остался на ночлег. В этом бою был убит выдающийся Корниловец капитан Франц, поступивший в полк с самого начала его формирования. Теперь, почти все отступление от гор. Фатежа он временно командовал полком за полковника Щеглова.

28 декабря — 10 января н. ст. Батайск. Ночью со стороны железнодорожного моста, вдоль полотна, кавалерия Буденного сделала налет, и наша дивизия чуть было не оставила Батайска. Это не было удивительно: непроглядная морозная ночь, безостановочное отступление, малочисленность состава и к тому же нервы износились почти у всех. При первом сообшении о появлении кавалерии перед сторожевым охранением 2-го Корниловского Ударного полка я поехал на заставу около железной дороги. В 20 часов красные повели атаки, которые были лихо отбиты. Убитые и раненые кавалеристы были около самых окопов. Около меня свалился вместе с конем здоровый детина в хорошей шубе, в офицерских сапогах и несмотря на то, что он был смертельно ранен, с отборной руганью произнес: «Эх, немного не добрался до своего Батайска». Минут через десять он скончался. С него я взял, как военный трофей, шикарную

златоустовскую шашку с золотой княжеской короной на клинке, с инициалами «П. Х.», выпуска с завода 1893 года, — год моего рождения. Покойный был, по-видимому, настолько пьян, что плохо осознал случившееся с ним. Эта шашка и другая, донская, взятая мной под г. Фатежем от командира эскадрона Червонного казачества, полковника Императорской Армии, вместе с его младшими офицерами в чине ротмистра, доехали со мной до Парижа и теперь, в 1965 году, украшают комнату моего внука.

С 29 по 31 декабря ст. ст. 1919 г. Стычки с разведывательными партиями красных и исправление окопов, оставшихся от обороны большевиками Батайска от немцев в 1918 году. Ближайший к Батайску железнодорожный мост в направлении к Ростову был взорван.

30 декабря остатки 3-го Корниловского Ударного полка перешли в с. Койсуг.

1920

Год неравной борьбы Вооруженных Сил Юга России с диктатурой интернационального пролетариата.

1 января ст. ст. 3-й Корниловский Ударный полк был сменен запасным Корниловским полком (почему-то иногда называемым 4-м Корниловским Ударным).

1-5 января ст. ст. За это время 2-й Корниловский Ударный полк был сменен юнкерами, отошел в юго-восточную часть Батайска и в этом направлении нес сторожевое охранение. Батайск красные все время обстреливали из Ростова, ежедневно выбрасывая тысячи снарядов. И у нас артиллерия была довольно сильна и отвечала тем же.

3 января ст. ст. 3-й Корниловский Ударный полк погрузился в эшелон и выехал в станицу Тимошевскую на пополнение. Таким образом на фронте Батайск — Койсуг остались 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки со своим запасным полком, составленным почти исключительно из шахтеров Донецкого бассейна.

6 января ст. ст. Батайск обороняют: юго-восточную часть — 2-й Корниловский Ударный полк; северную часть, до железной дороги, исключительно, — 1-й Корниловский Ударный полк; северную и северо-западную часть от железной дороги, включительно, и до Койсуга, исключительно, — юнкера; Койсуг — запасный полк дивизии.

Красные сегодня особенно усердно обстреливали Батайск и пытаются наступать. К вечеру все их попытки к наступлению отбиты.

6 января 3-й Корниловский Ударный полк прибыл в станицу Тимошевскую, где и пробыл до 14 февраля.

Наступил период решительного перехода красной армии в наступление, а потому необходимо возможно подробней установить соотношение сил обеих сторон и роль Корниловской Ударной дивизии в этих боях. Для приблизительного определения соотношения сил необходимо вспомнить организацию обеих армий для избежания фантастического и постоянного преувеличения большевиками наших сил. Красные армии не имели корпусов, а составлялись из дивизий, число которых в армии было не менее трех и более, в зависимости от задания армии. Дивизии имели

по три бригады, бригады — по три полка. При дивизии по штату должно быть 15 батарей и, что для нас было очень важно, дивизии имели каждая свой кавалерийский полк.

Состав 1-й конной армии Буденного

На Донецкий бассейн 1-я конная армия Буденного наступала в составе: 4-й кавалерийской дивизии 3-бригадного состава — 6 кав. полков,
6-й кавалерийской дивизии 4-бригадного состава — 8 кав. полков,
11-й кавалерийской дивизии 4-бригадного состава — 8 кав. полков.

При переходе за Дон ей были приданы на усиление: 12-я стрелковая дивизия 8-й армии и 9-я стрелковая дивизия 13-й армии, автоотряд Свердлова — 15 машин с пулеметами и Авиотряд — 12 самолетов. Кроме того — четыре бронепоезда: «Красный кавалерист», «Коммунар», «Смерть директории» и «Рабочий».

Полки 1-й конной армии имели по пяти эскадронов, плюс разведывательный эскадрон из лучших бойцов. На эскадрон — 4 пулемета, в полку отдельная пулеметная команда. На кавалерийскую бригаду одна 4-орудийная батарея. При кавалерийской дивизии артиллерийский дивизион из четырех батарей 4-орудийного состава.

1-я конная армия Буденного всегда отличалась силой своего огня, особенно пулеметного, на тачанках. Если она и несла большие потери при наступлении, то она хорошо и пополнялась, мобилизуя поголовно все население, начиная от своих партизан и до наших пленных, включительно, которые умудрялись, до нашего переезда в Крым, снова перебегать к нам. Но самым главным для успеха красной армии был превосходно поставленный ее звероподобный аппарат ЧЕКА или ГПУ при строевых частях и в тылу, чего у нас совершенно не было, а к тому же и сознание армейской массы в ее численном превосходстве над нами. **Психология толпы всюду одинакова — она подчиняется силе.**

Что же из себя представляли «Силы Юга РОССИИ»? Раздираемые самостийными течениями в тылу, тормозившими действия фронта, они в боях Воронеж — Орел потеряли веру в успех. Если и дрались мужественно, то по инерции, наперед зная, что смерть лучше рабства в лапах красного интернационала.

Не отступая от поставленной мной задачи сбора материалов для истории Корниловского Ударного полка, я и здесь приведу только состав Корниловской Ударной дивизии в данный момент. По данным книги «Корниловский Ударный полк», стр. 157, в трех полках дивизии было 415 офицеров и 1.663 солдата. С уходом 3-го Корниловского Ударного полка на формирование и приходом «запасного полка дивизии» под командой поручика Дашкевича это число повысилось приблизительно до 2.500 человек. К этому нужно прибавить около ста пулеметов с девятью батареями. Временами к Батайску подходили два бронепоезда. Участок фронта Корниловской Ударной дивизии — от с. Кулешовка, исключительно, где начинался участок Дроздовской стрелковой дивизии, и до Батайска, включительно. С этого времени Добровольческий корпус генерала Кутепова вошел в подчинение Донской Армии.

Переход красной армии в наступление

Согласно приказу Шорина 1-я конная армия Буденного с приданными ей стрелковыми дивизиями переходит в наступление. В книге Буденного «Мой пройденный путь» он так говорит об этом: «**3/16 января** был отдан боевой приказ 1-й конной армии **на форсирование Дона и занятие Батайского плацдарма.** Однако, начав 17 января н. ст. наступление, конная армия (6-я кавалерийская дивизия) **даже в пешем строю не смогла развернуться в Батайских болотах,** не смогла использовать ни артиллерии, ни пулеметов. В одну из атак в направлении на Батайск Ворошилов попал под сильный артиллерийский огонь противника. Целая очередь снарядов, обрушившаяся на атакующих, проломила лед и Климент Ефремович вместе с лошадью (?) оказался в воде. Бойцы под градом пуль помогли Ворошилову выбраться из воды и спасли лошадь. Не имея успеха, конная армия к ночи отошла в исходное положение».

Журнал боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка за это число отмечает только усиление артиллерийского огня под Батайском и попытки красных наступать, которые были отбиты артиллерийским и пулеметным огнем.

5/18 января 1920 г. В той же книге Буденный пишет: «С утра 18-го части конармии снова форсировали Дон и пошли в наступление **В направлении на Батайск наступали 12-я стрелковая дивизия из Ростова и 6-я кавалерийская дивизия (а по нашим данным, на Батайск из ст. Гниловской наступала еще и 9-я стрелковая дивизия). Они весь день, при активной поддержке бронепоездов, вели тяжелые бои, но успеха не имели.** По Нахичеванской переправе перешли 4-я и 11-я кавалерийские дивизии. Совместными действиями, при поддержке правофланговой 16-й стрелковой дивизии 8-й армии, они в упорном бою выбили противника из станицы Ольгинской и преследовали его до темноты в направлении станицы Хомутовской».

Сам противник здесь утверждает, что под Батайском 12-я стрелковая дивизия с 6-й кавалерийской дивизией (а по нашим данным и с 9-й стрелковой дивизией, из станицы Гниловской), несмотря на активную поддержку бронепоездов, были отбиты Корниловцами. Но в этом бою и Корниловцы понесли большие потери: пострадал наш необученный молодой «запасный полк дивизии», и был дважды ранен командир 1-го полка полковник Гордеенко. Во временное командование полком вступил штабс-капитан Челядинов, который в свою очередь был ранен, и на его место вступил поручик Дашкевич, а «запасный полк» принял штабс-капитан Филипский.

6/19 января. Из книги советского полковника Агуреева, стр. 178: «19 января, перегруппировав свои силы, конная армия и 16-я стрелковая дивизия перешли в наступление, **стремясь овладеть Батайском,** хутором Злодейским и Хомутовской. К этому времени к Батайску и хутору Злодейскому подошла конница противника и **на всем фронте,** от **Батайска до Хомутовской развернулись ожесточенные бои. Имея сильное превосходство в живой силе** (?!) и особенно в технике, деникинцы стали теснить наши части к Дону. Сдерживая натиск белогвардейцев, советская конница

и пехота **с боями отступали на север, удерживая подступы к Нахичеванской переправе и Ольгинскую.** Понеся большие потери и не добившись решающего успеха, противник был вынужден отойти на рубеж Батайск — хутор Злодейский — Хомутовская, оставив часть сил 3-го Донского корпуса в районе Ольгинской.

О том же из книги Буденного, стр. 389: «С рассветом 6/19 января 4-я и 11-я кавалерийские дивизии перешли в энергичное наступление, имея задачей выйти на линию Кагальницкая, Азов, Кулешовка, **Койсуг, Батайск, хутор Злодейский.** 6-я кавалерийская дивизия использовалась для развития успеха 4-й и 11-й кавалерийских дивизий. Однако **противник, заняв выгодные позиции у Батайска и сосредоточив крупные силы конницы, артиллерии и пулеметов, при активной поддержке бронепоездов сковал наши части сильным огнем и сорвал наступление.** На ночь дивизии отошли: 4-я кавалерийская дивизия в Нахичевань, 6-я и 11-я в Ольгинскую, куда к вечеру подошла и 16-я стрелковая дивизия 8-й армии. Всю ночь противник штурмовал Ольгинскую, стремясь выбить из станицы наши части».

ОПИСАНИЕ БОЯ 6/19 ЯНВАРЯ 1920 Г. ПО ЖУРНАЛУ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 2-го КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

(На участке Добровольческого корпуса генерала Кутепова)

6/19 января еще до рассвета казачьи разъезды обнаружили большое движение через Нахичеванскую и Аксайскую переправы. Действительно, красные с рассветом повели наступление кавалерией от станицы Ольгинской на хутор Злодейский, в обход Батайска. К этому времени 2-й Корниловский Ударный полк закончил смену 1-го Корниловского Ударного полка, который был отведен в направлении на хутор Злодейский для содействия кавалерии. К станице Хомутовской, как тогда передавали, противник шел беспрепятственно, а от хутора Злодейского ему навстречу выступил Терский конный корпус генерала Топоркова и к этому же времени, часам к 12, стала подтягиваться по линии железной дороги к южной части Батайска и кавалерийская бригада генерала Барбовича. Передовые части генерала Топоркова были сначала отброшены красными, и вся масса кавалерии Буденного пошла за ними на хутор Злодейский. Но в это время части генерала Топоркова сами перешли в наступление почти одновременно с генералом Барбовичем и при поддержке бронепоездов и 1-го Корниловского Ударного полка нанесли удар кавалерии Буденного от южной части Батайска в восточном и северо-восточном направлениях. Все поле боя хорошо наблюдалось с правого фланга 2-го Корниловского Ударного полка, так как представляло из себя сплошную равнину, покрытую неглубоким снегом, с камышами до Дона и небольшими возвышенностями к хутору Злодейскому. К этому времени и пехота красных перешла в наступление 12-й стрелковой дивизией с севера на Батайск и на Койсуг, но была отбита запасным полком дивизии и батальоном 2-го полка. Остальные батальоны 2-го Корниловского Ударного полка согласно приказу перешли сами около 14 часов в наступление прямо на восток, вдоль Дона, которое отличалось особой красотой. Все громадное поле от железной до-

роги у Батайска и до станицы Ольгинской было покрыто массой кавалерии и только у Батайска — пехотой. Артиллерии разных калибров и пулеметов с обеих сторон было достаточно, и от их работы все гудело и клокотало. Со стороны красных, как тогда определяли, было не менее 15 тысяч шашек (4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии) и 12-я, 9-я и 16-я стрелковые дивизии. С нашей же стороны — конница генерала Топоркова, Сводный Кубанско-Терский корпус, не более 1.500 шашек, кавалерийская бригада генерала Барбовича в 1.000 сабель и Корниловская Ударная дивизия в составе 1-го, 2-го и запасного полков численностью в 1.600 штыков на фронте хутор Злодейский, исключительно, Батайск и Койсуг. Было немного юнкеров. Со стороны ст. Егорлыцкой действовал 4-й Донской корпус генерала Мамонтова, который в это время опасно заболел, и корпусом командовал генерал Павлов. Этот участок Донской Армии с нашего участка не наблюдался, а потому мы о его действиях знаем по их данным.

Начало нашей атаки было до того энергично, такое громкое «ура» катилось отовсюду, что бой несмотря на явное превосходство сил противника и подавленное состояние наших войск обещал нам успех. Было видно, как наша конница почти сплошной шеренгой атаковала красных, сбивала их и стойко шла под губительным огнем пулеметов. С наступлением сумерек красные были разбиты и отброшены на нашем участке за Дон, откуда через наши головы их артиллерия из Ростова осыпала все поле боя снарядами. 2-й Корниловский Ударный полк ударом вдоль Дона, от Батайска на Нахичевань, добивал в полутьме бегущие части прославленной 1-й конной армии Буденного. На плечах бегущих легко можно было бы ворваться в Ростов и Нахичевань, но это не входило в нашу задачу и нам было приказано отойти на старые позиции. Потери нашей пехоты были невелики, но конница, особенно терцы, понесли большие потери. Был ранен и сам генерал Топорков.

Успех кавалерии генерала Барбовича и конницы генерала Топоркова пожинал 2-й Корниловский Ударный полк, своим ударом вдоль Дона отрезая путь бегущим к Ростову красным, забирая брошенные орудия и пулеметы. Такое количество фактически подобранного оружия — всего полком было взято 15 орудий и несколько десятков пулеметов — было возможно взять, помимо доблести нашей кавалерии и казачьей конницы, еще и потому, что луга были все же плохо проходимы для конницы, а тем более для артиллерии.

7/20 января. В журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка за это число отмечено, что ст. Ольгинская была взята Донской Армией.

8/21 января. На фронте Корниловской Ударной дивизии все атаки 9-й и 12-й стрелковых дивизий были отбиты.

8/21 января по книге Буденного: «Жестокие бои разыгрались 21 января. На правом фланге была брошена в бой 9-я стрелковая дивизия, находившаяся ранее в армейском резерве. Полки этой дивизии, действуя юго-западнее Ростова, весь день штурмовали хутора Обухова и Усть-Койсуг. В центре перешла в наступление 12-я стрелковая дивизия. 3-я бригада этой дивизии несмотря на ураганный пулеметный и артиллерий-

ский огонь противника и зыбучие болота **переправилась через реку Койсуг в двух верстах от Батайска. Однако вследствие неуспешных действий других частей дивизии** и под давлением во много раз превосходящих сил противника бригада отошла».

За этот же день две бригады 4-й кавалерийской дивизии и вся 6-я кавалерийская дивизия Буденного совместно с 31-й и 40-й стрелковыми дивизиями атаковали Ольгинскую, участок Донской Армии, и взяли ее, но контратакой были отброшены за Дон.

Описание этого же дня советским полковником Агуреевым: «Подтянув свежие силы, 21 января н. ст. конная и 8-я армии вновь перешли в наступление. В бой были введены 4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии и пять стрелковых дивизий (из них 9-я и 12-я, находившиеся в подчинении конной армии, 31-я и 40-я дивизии 8-й армии и 21-я — 9-й армии). **От устья Дона до ст. Манычской шли ожесточенные бои.** 9-я и 12-я стрелковые дивизии, наступая от устья Дона до Батайска, встретили упорное сопротивление Дроздовской, Корниловской и Алексеевской (один только полк) дивизий «Добровольческого корпуса» и, не добившись успеха, к вечеру отошли на исходные рубежи» (9-я и 12-я стрелковые дивизии имели 18 стрелковых полков и два кавалерийских полка при дивизиях, а наши дивизии имели максимально 7 полков малого состава. Остальные же части красной армии действовали на участке Донской Армии и, тоже не имея успеха, были отброшены за Дон).

9-10/22-23 января. На фронте спокойно. Красное командование решило, по-видимому, оставить нас в покое и придумывало нанести удар где-то в другом месте.

Итак, приказ командующего Юго-Западным фронтом Шорина, отданный 3/16 января 1920 г. 1-й конной армии Буденного с приданными ей стрелковыми дивизиями к 9 января ст. ст. полностью провалился. По этому поводу между командующим фронтом Шориным и командующим 1-й конной армией Буденным произошло бурное объяснение, откуда мы можем частично узнать о причинах неудачи и о потерях 1-ой конной армии Буденного. Сначала приведу **материалы из книги Буденного «Мой пройденный путь»:**

Стр. 385: Излагаются раздоры между командующим 8-й армией и 1-й конной по вопросу, что последняя не должна была брать Ростова и Нахичевани, так как этот участок был отведен 8-й армии, и это дошло до командующего Юго-Западным фронтом Шорина в неприятном освещении для 1-й конной армии.

Стр. 388: Ревсовет 1-й конной протестовал против того, что Шорин посылает армию для удара в лоб на укрепившегося противника и где она попадает в болотистую местность. Попытавшись наступать, не могли вытянуть с собой ни одной пушки, ни одной пулеметной тачанки (?!). Конная армия лишилась своего главного качества — подвижности и маневра. Несмотря на очевидную нецелесообразность наступления на Батайск, мы вынуждены были выполнять директивы Шорина.

Стр. 389: Не имея успеха 17 января н. ст. Буденный просит Шорина отменить директиву о наступлении на Батайск. Шорин отказался, но обещал дать указания о наступлении правофланговых дивизий 8-й армии.

Стр. 391-392: Убедившись в бесполезности лобовых атак на Батайск и Ольгинскую, Буденный просит Шорина отменить атаку Батайска со стороны Ростова. Однако **Шорин отклонил эту просьбу и заявил, что конная армия утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах.** Это неслыханное оскорбление, брошенное Шориным по адресу героических бойцов конармии, возмутило нас до глубины души. Мы заявили, что конармия тонет и гибнет в Батайских болотах по вине командования фронтом и что до тех пор пока он, Шорин, не приедет в Ростов, посылать армию в бесцельное наступление не будем.

Стр. 392 и 393: После этого Буденный адресуется по линии политической, к Сталину, с обвинениями Шорина и с предложением оборону Ростова и Нахичевани возложить на 8-ю армию, а 1-ю конную перебросить в район станицы Константиновской, где легко переправиться и наступать на юго-запад

Стр. 393-394: Приезжал в 1-ю конную армию сам Шорин, смотрел части и заявил, что порядок использования армий он находит правильным и будет придерживаться этого порядка и в дальнейшем. **Конная армия должна взять Батайск.** На этом разговор Шорина с Буденным закончился. В тот же день командование конармии обратилось с телеграммой к Ленину, Сталину и Троцкому. На следующий день главком приказал командующему Кавказским фронтом «отменить лобовые атаки на фронте 8-й и конармий». Таким образом по политической линии Буденный имел успех и Шорин был смещен.

Стр. 403: В разговоре со Сталиным по телеграфу Ворошилов сказал: «Мы все несказанно рады, что Шорин смещен. Если приедете в Ростов, то на месте убедитесь, что простого смещения, да еще с повышением для него, недостаточно. Мы все считаем его преступником. Его неуменьем или злой волей загублено более 40% лучших бойцов, комсостава и комиссаров и до 4.000 лошадей. Одна и самая важная просьба, не терпящая ни одного дня отлагательства: для сохранения состава конармии наставайте (?) на немедленном откомандировании в наше распоряжение 9-й стрелковой дивизии. Наше поражение является следствием отсутствия прикрытия пехотными частями флангов и закрепления достигнутых рубежей. Вторая просьба: **укажите на крайнюю необходимость срочного пополнения конармии».**

Полным же признанием колоссальных потерь 1-й конной армии служит содержание письма самого Буденного Ленину.

Стр. 398: «Станица Богаевская на р. Дон, 1 февраля н. ст. 1920 г. Глубокоуважаемый вождь, Владимир Ильич! Простите меня за то, что я обращаюсь к вам с этим письмом. Я очень хочу вас лично видеть и преклониться перед вами как перед великим вождем всех бедных крестьян и рабочих, но дело фронта и банды Деникина мешают мне сделать это. **Я должен сообщить вам, товарищ Ленин, что конная армия переживает тяжелое время. Еще никогда мою конницу не били так, как били теперь белые. А били ее потому, что командующий фронтом поставил конную армию в такие условия, что она может погибнуть совсем.** Мне стыдно вам это говорить, но я люблю конную армию и т. д...». Далее идут обвинения Шорина во всех смертных грехах.

Теперь постараемся с нашей, Корниловской точки зрения взвесить и разобрать причины временного успеха Вооруженных Сил Юга России в трагических для нас условиях отхода от Орла на 700 верст и отката за Дон с оставлением в Ростове и Новочеркасске больших запасов вооружения и снабжения.

Первым и основным положительным фактором наших успехов явился моральный подъем в казачьих частях перед лицом совершившейся трагедии нашего поражения усилиями и руками главным образом самостийных течений, почти уничтоживших единство командования. Донские части были настолько потрясены этим, что когда-то славный 4-й корпус генерала Мамонтова, оставивший свою столицу без боя, теперь позволил генералу Сидорину почистить его обозы, в результате чего было поставлено в строй около 4.000 человек. Добровольческий корпус генерала Кутепова был численно слаб, но ему для бодрости нужен был отдых, который он и получил, пока красные громили в качестве победителей Ростов, Нахичевань и Новочеркасск.

Напрасно красные считают, что условия местности им препятствовали. Они были почти одинаковы для обеих сторон. С высот Ростова и Нахичевани красные своим артиллерийским огнем отлично прикрывали свои переправы туда и обратно, а равнина от Дона до линии на нашей стороне станица Ольгинская — хутор Злодейский и Батайск была одинаково малоприятна и нам, так как в первую очередь не имела укрытий от огня. Да, высоты у нас на линии ст. Ольгинская — хутор Злодейский частично скрывали переброску наших резервов, но их нельзя и сравнивать с высотами правого берега Дона, представлявшими собой настоящую крепость, тогда как наши были лишь слегка холмистой местностью. Напрасно и преувеличение нашей численности и вооружения. Все это было тогда и теперь известно и служит красным плохим прикрытием их средневековых методов подчинения народов Российской Империи своей интернациональной диктатуре.

Не вдаваясь в тонкости оценки соотношения сил, тогда нам казалось, что защищать Родину обязывает нас наш долг, а потому мы и дрались до конца по завету нашего Вождя и Шефа полка Генерала Корнилова, пока наши руки могли держать оружие. У вас же, товарищи буденные, было другое: безумство пропаганды неосуществимого, небывалое, зверское ЧЕКА и неограниченная власть иностранным полкам, которые создали неограниченные же ресурсы и, это никогда не надо забывать, что вы нас всегда давили своей массой. И теперь, несмотря на наш временный успех, мы сознавали, что вы раздавите нас, но в полном сознании правоты своего дела несли свои жизни на алтарь нашей Родины. Этим были заражены даже ваши прославленные пролетарии — шахтеры Донецкого бассейна, из которых был составлен «запасный полк Корниловской Ударной дивизии» и которые доблестно дрались с вами за национальную РОССИЮ под Батайском и до Новороссийска. Вечная и славная память этим доблестным героям за их хотя и кратковременный, но патриотический порыв, к тому же проявленный в условиях безнадежности успеха.

Освещение обстановки дает четкое представление о том, какую блестящую роль играли Корниловцы в этих боях при обороне Батайска и

Койсуга. И в уменьшенном составе двух полков, при поддержке своего запасного полка из шахтеров, бодрые духом, они нанесли противнику колоссальный урон и были достойны предоставленного им отдыха в резерве.

11 января ст. ст. 1920 г. Смена Корниловской Ударной дивизии Алексеевцами и переход в резерв 1-го армейского корпуса Добровольческой Армии в Каял. 2-му полку была отведена Задонская слобода при станции Каял. Здесь части разобрались и приободрились, приступили к строевым занятиям и тактическим учениям. За это время известия о победе донцов на р. Маныч породили даже надежды на новое наступление. Екатеринодар же со своим правительством навевал совершенно противоположное настроение.

31 января. Приезд генерала Деникина. Полки радостно встретили своего старого соратника и Главнокомандующего. Его речь встряхнула многих и заставила смотреть на все происходящее более разумно.

1 февраля. Приготовления к выступлению в поход.

2 февраля. Выступление на Койсуг. До Батайска полки доехали в эшелонах и с рассветом пошли походным порядком на Койсуг. Стоял сильный мороз, и все передвижения были скованы им.

3 и 5 февраля. На фронте Корниловской Ударной дивизии Батайск-станица Елисаветовская все атаки красных отбиты. Отдых заметно поднял настроение, и бои ведутся дружно.

6 февраля. Добровольческий корпус генерала Кутепова переходит в наступление. Получен приказ Корниловской Ударной дивизии наступать на г. Ростов через ст. Гниловскую, которую предположено взять ночной атакой. В авангарде 1-й Корниловский Ударный полк, за ним — 2-й Корниловский Ударный полк, правее — запасный Корниловский полк и 1-й Марковский пехотный полк. Уступом за левым флангом 2-го Корниловского Ударного полка, «ящиками», — кавалерия генерала Барбовича. В 24 часа движение частей началось. Стоял сильный мороз, который с трудом переносили только хорошо одетые, а остальные согревались движением. Движение происходило по ровной, болотистой местности, местами заросшей камышом. Пехотные полки шли в колоннах по-батальонно, а кавалерия — «ящиками». Морозный туман окутывал собой все это величественное движение компактной массы войск.

7 февраля. Перед станицей Гниловской Корниловцы перешли Дон и подошли к высокому, обрывистому берегу. Стали на него взбираться, лошади скользили, падали, в темноте круча казалась бесконечной. Капитан Ширковский со своим батальоном взял стоявший бронепоезд, а остальные батальоны 1-го Корниловского Ударного полка забрали в плен Бахчисарайский полк имени Ленина со всеми его орудиями и пулеметами. 2-й полк стал в резерве дивизии в станице, а запасный Корниловский полк с 1-м Марковским были направлены на Темерник, — пригород Ростова. Красные перешли в наступление от Таганрога. Конница же красных, не предполагавшая, что мы так быстро заняли станицу, подошла к ней в колоннах и была в упор расстреляна нашими резервами. Бронепоезда красных в это время шли оттуда же в сопровождении пехоты с целью выхода нам в тыл. Противник и здесь был подпущен вплотную и отбит огнем.

Продвижение 1-го Марковского и запасного Корниловского полков встретило упорное сопротивление со стороны Темерника. На участке Корниловцев взвод Марковской батареи прямой наводкой стрелял по батарее красных, которая и была взята Но несмотря на это наша атака дальше вокзала не продвинулась.

Кавалерия генерала Барбовича ушла на север.

На следующий день 1-му и 2-му Корниловским Ударным полкам приказано взять Ростов и Нахичевань.

8 февраля. К утру наши части удерживали Темерник, а красные были по ту сторону железной дороги, в улицах Ростова, выставив всюду пулеметы. С начала наступления наша артиллерия от темерницкой церкви открыла по позиции противника ураганный огонь и посбивала почти все пулеметы. Полки перешли в атаку, красные были отброшены и стали отходить, прикрываясь пулеметами. Правофланговому 2-му Корниловскому Ударному полку был дан участок от Дона, включительно, до Садовой улицы, исключительно, а в Нахичевани - Соборная улица, включительно. Левофланговому 1-му Корниловскому Ударному полку — от Садовой до окраины города, включительно, и так следовать на Нахичевань, до ее восточной окраины. Местами противник оказывал упорное сопротивление, но всюду мы его успешно сбивали. С наступлением темноты полки прошли г. Нахичевань, а к 23 часам были разведены по квартирам, выставив сторожевое охранение на восток и на север. Движения донских частей со стороны ст. Аксайской так и не было до окончания операции. 8-я советская армия была разбита, трофеями одних только Корниловцев были 13 орудий, 74 пулемета, три бронепоезда и до тысячи пленных. Помимо этого, кавалерией генерала Барбовича им было сдано до 800 пленных.

Запасный Корниловский полк понес большие потери в первый день наступления, — 200 человек убитыми и ранеными. 2-й Корниловский Ударный полк потерял 60 человек, 1-й Корниловский Ударный полк — до ста человек. Был ранен временно командующий полком капитан Дашкевич, и в командование полком вступил штабс-капитан Ширковский. Потери 1-го Марковского полка были до ста человек (см. том 2-й их книги «В боях и походах за Россию»).

Здесь уместно привести мнение командира эскадрона лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка ротмистра Е. Оношкович-Яцына, изложенное им в журнале «Военная Быль» № 78, за март 1966 г В великолепной статье «Взятие Ростова 7 и 8 февраля 1920 года» он описывает тот же бой только с виденного им на его участке и из этого делает заключение, что «вся тяжесть боя легла на кавалерийскую бригаду генерала Барбовича, точнее — на один Сводно-гвардейский полк, состав которого по данным автора был в 240 шашек с двумя пулеметами в его эскадроне (должно быть и во втором эскадроне было столько же)». Или: «Действия Сводно-гвардейского полка остались неизвестными, а они были решающими, так как полк прошел по тылам противника (только атакой сбил его цепь), окончательно его деморализовав и уничтожив его боеспособность» (?!).

В своих материалах для истории Корниловского Ударного полка я с самого начала предупредил читателя, что буду освещать действия Корни-

ловцев в их узких рамках с целью избежать упрека от суждений о действиях других частей. Но в данном случае я в большой переписке с ротмистром Е. Оношкович-Яцына хотел доказать беспристрастность записей в наших полковых журналах, на основании которых я описываю этот бой. Да, действия кавалерийской бригады генерала Барбовича в этом бою были блестящими. По их данным, на их участке им сдались два бронепоезда, — по виду они были вооруженными вспомогателями. И в дальнейшем кавалерийская бригада действовала, как мной приведено выше в описании этого боя. Если сравнить численный состав кавалерийской бригады генерала Барбовича с четырьмя пехотными полками, прибавив к ним Корниловскую артиллерийскую бригаду, Марковскую батарею при 1-м Марковском пехотном полку, более ста пулеметов только в трех Корниловских полках, Корниловский конный дивизион и по эскадрону в каждом полку, захват станции и станицы Гниловской с бронепоездом и пленение полка пехоты в полном составе, со всеми его пулеметами и артиллерией, и учтя наши потери убитыми и ранеными, то... все это будет далеко от утверждения того, что «вся тяжесть боя» легла на один кавалерийский полк с четырьмя пулеметами.

Надеюсь, что беспристрастный читатель примет во внимание все вышеизложенное мной и, отдав должное действиям кавалерийской бригады генерала Барбовича, не забудет и о действиях четырех полков пехоты и их огневой силы. Большая переписка с ротмистром Е. Оношкович-Яцына с приложением письма его однополчанина, ротмистра Раух, хранится у меня в материалах. Полковник Левитов.

9 февраля. 8 февраля, когда 8-я советская армия потерпела полный разгром, было днем больших надежд на продолжение нашего наступления, но судьба была к нам безжалостна, она как будто шутила над нами, скрыв от нас то, что происходило за нашим правым флангом, где наступала 1-я конная армия Буденного. День 9-го начался поступлением все еще радостных известий: были подсчитаны большие трофеи, с рассветом сторожевое охранение 2-го Корниловского Ударного полка неожиданно обнаружило на своем участке большое количество брошенных пулеметов, винтовок и патронов, по-видимому под действием нашего губительного пулеметного огня в момент уже ночного боя за восточной окраиной Нахичевани. Я, по должности помощника командира 2-го Корниловского Ударного полка, обследовал свой участок и попутно был свидетелем сбора брошенного. Лошадей живых не было, на них, надо полагать, удрали ездовые; много повозок стояло груженных патронами и пулеметными лентами, было даже несколько ящиков с новыми винтовками. Совесть не позволяла лишить ударников возможности отдохнуть после двухдневного боя при таком морозе, а потому сбором брошенного занимались немногие, и все же к вечеру было доставлено в полк 11 исправных пулеметов и десятка три повозок, груженных пулеметами, большим количеством пулеметных лент, ящиков с новыми винтовками и другим ценным добром. Таким образом, в узких рамках нашего боевого участка все было настроено победно, и под впечатлением этого я отправился с вечерним докладом к командиру полка полковнику Пашкевичу. Здесь-то я одним из первых узнал о всех превратностях нашей жестокой судьбы. В ответ на

мой радостный доклад я получил приказание: «Завтра рано утром дивизия оставляет Ростов. Полку кратчайшим путем переходить на другой берег Дона и двигаться на Батайск». Удивлению моему не было границ, я не знал еще о действиях 1-й конной армии Буденного и потому наивно спросил: «Почему же отступаем?». Командир опустил голову и нервно шагал по комнате. Я не утерпел и вторично задал ему тот же вопрос. Обычно исключительно тактичный в обращении со мной, — но на этот раз и успехи дня не спасают меня, — командир остановился и порывисто выпалил: «Вас не спросили!» Я поворачиваюсь и с тяжелой думой ухожу.

10 февраля. Из Нахичевани через Ростов, по Садовой и Таганрогскому проспекту, 2-й Корниловский Ударный полк к 4 часам переправился через Дон и в составе дивизии берет направление через Батайск на Койсуг. Жители Ростова были поражены нашим отступлением без боя, и некоторые из них бежали вместе с нами. В Ростове выяснилось, что большевики сожгли один наш госпиталь с нашими больными и ранеными. В Койсуге полки стали по своим квартирам и заняли свои позиции.

11, 12 и 13 февраля — Койсуг.

14 февраля. 2-му Корниловскому Ударному полку приказано перейти в Батайск. Не успел полк стать по квартирам, как противник повел наступление на Койсуг и занял его северную окраину. По приказанию начальника дивизии полк наносит удар красным во фланг, между Койсугом и Батайском, гонит их и доходит почти до Дона. После боя полк разместился в Койсуге. В этом бою наш запасный полк снова понес большие потери.

15 и 16 февраля. На фронте Корниловской Ударной дивизии Батайск-Койсуг затишье. Под ст. Ольгинской идут сильные бои, и Марковцы понесли большие потери.

17 февраля. Без давления со стороны противника наша дивизия отходит на станцию. Каял. 2-й полк занимает Батайск.

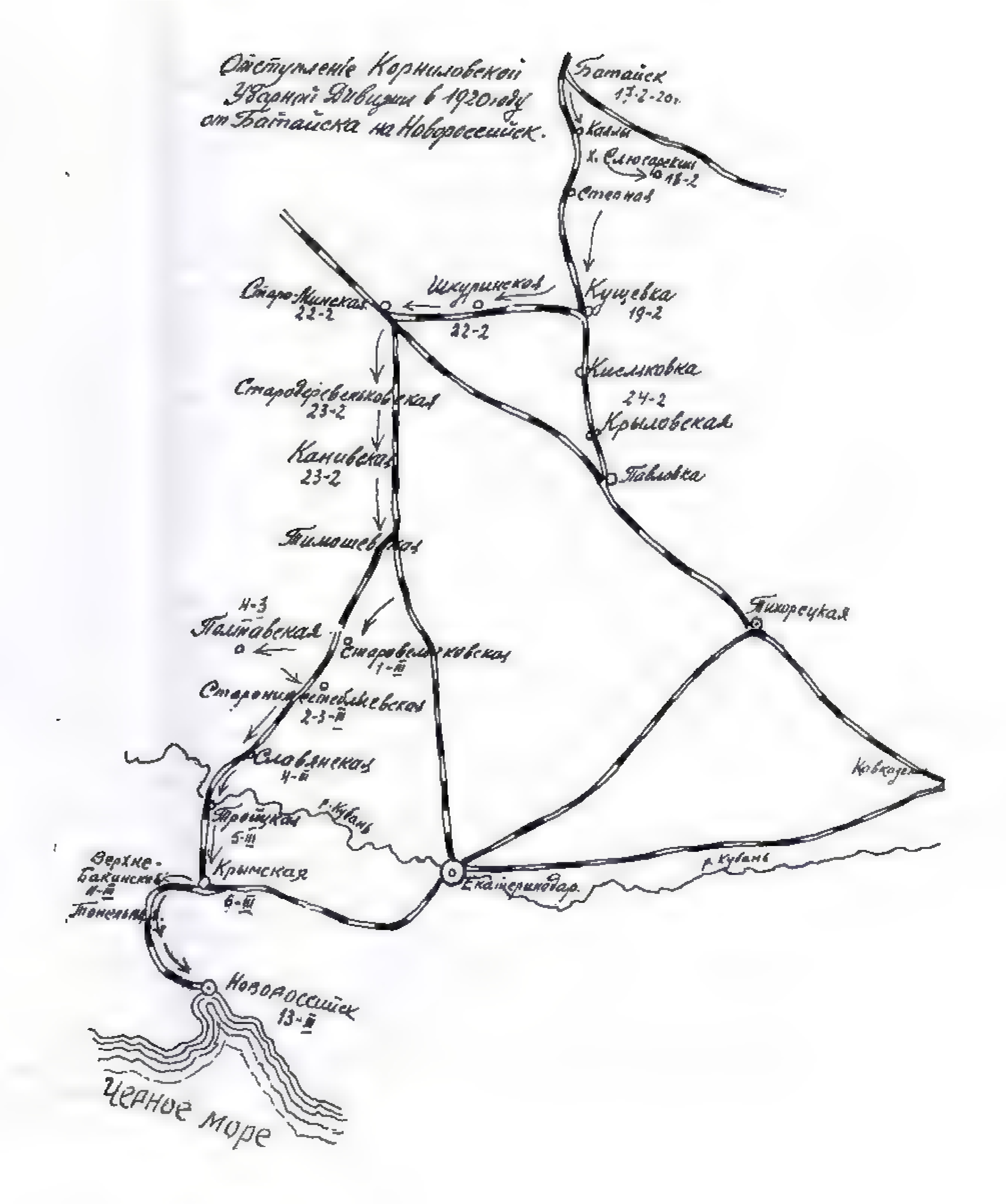
18 февраля. Переход на хутор Слесаревский.

19 февраля. Станица Кущевка. Перед нами полная картина отступления Армии: идут громадные обозы, гонят стада и косяки, едут со своими кибитками калмыки и кое-где тянутся отступающие части. Станичники сильно поднажились за гражданскую войну и спокойно ждут большевиков. Погода испортилась, стоит невылазная грязь, и при виде всей этой картины отступления у всех настроение отвратительное.

20 февраля. 2-й Корниловский Ударный полк и остатки запасного полка, который в ночном бою был почти уничтожен, — в станице Шкуринской. Вправо, в Кущевке, - кубанцы, влево, в станице Староминской, — 1-й Корниловский Ударный полк. К вечеру противник занял Кущевку.

21 февраля. На участке 2-го Корниловского Ударного полка в ночь с 20-го подошедшие пехотные части красных повели наступление на станицу и к 8 часам, обойдя левый фланг полка, подходили к полотну железной дороги, но резервными батальонами были отброшены за реку Ею. К вечеру противник снова занял половину станицы, но ночной атакой полк отбросил его и взял в плен командира красной бригады. Приказано отходить на станицу Новоминскую.

22 февраля. В час 2-й Корниловский Ударный полк оставил станицу


Отступление Корниловской Ударной Дивизии в 1920 году от Батайска на Новороссийск.
Батайск
17-2-20 г.
18-2
Степная
Кущевка
19-2
Шкуринская
Старо-Минская
22-2
22-2
Кисляковка
24-2
Крыловская
Павловка
Стародеревянковская
23-2
Каневская
23-2
Тимошевская
Тихорецкая
4-3
Полтавская
Старовеличковская
1-III
Старонижестеблиевская
2-3-III
Славянская
4-III
р. Кубань
Троицкая
5-III
Крымская
6-III
Верхне-Бакинская
11-III
Тоннельная
Екатеринодар
р. Кубань
Кавказская
Новороссийск
13-III
Черное море

Шкуринскую и пошел не полевой дорогой — была страшная грязь, — а по полотну железной дороги через станицу Староминскую, куда прибыл на рассвете. Противник не преследовал.

23 февраля. Станица Стародеревянковская и ст. Канивская.

24 февраля. 2-му Корниловскому Ударному полку приказано перейти в ст. Крыловскую, которая занята Кубанским конным полком. При подходе обнаружилось, что красная пехота уже подходит к станице Крыловской, а их конница пошла на хутора, что восточнее станицы. Наступление было остановлено. Полк расположился в станице, а противник засел по ту сторону реки Челбасы, в продолжении станицы. Станица вся простреливалась ружейным и пулеметным огнем, а артиллерия противника затрудняла движение в нашем тылу.

25 февраля. С утра идет бой на реке с пехотой противника, и их конница обходит наш правый фланг с юго-востока. К вечеру 2-й полк отошел за реку Средние Челбасы, в хутор Угря, где и соединился с дивизией.

26 февраля. Станица Брюховецкая. Корниловская Ударная дивизия в резерве командира Добровольческого корпуса генерала Кутепова. Во 2-м Корниловском Ударном полку его запасный батальон сведен в роту и влит в офицерский батальон.

1 марта 1920 г. Корниловская Ударная дивизия в станице Старовеличковской в составе 1-го и 2-го полков со своей артиллерией. 3-й же Корниловский Ударный полк по-старому в Екатеринодаре и его окрестностях, где хорошо пополнился.

2 и 3 марта. Дивизия в станице Старонижестеблиевской.

4 марта. Корниловцам было приказано занять станицу Полтавскую и пропустить мимо себя все части и обозы корпуса. Только что Корниловцы расположились на привал в станице, как подверглись атаке конницы красных 16-й дивизии. Бой был коротким: заполнивши собой всю станицу, они неожиданно для себя встретили тоже всюду губительный отпор Корниловцев и, не выдержав, отскочили с большим для себя уроном. 2-й батальон 1-го полка захватил знамя 96-го Кубанского советского конного полка. В 18 часов дивизия перешла в ст. Славянскую. Здесь и в следующих станицах чувствуется доброжелательное к нам отношение и полное раскаяние за свое поведение в отношении нас. Конечно, это запоздалое и голое сочувствие не изгладило в наших сердцах горечь измены казачьих самостийников, оставивших нас и своих патриотов в самый критический момент боев на фронте Воронеж — Орел. И не просто оставивших нас, а временами хотелось открыть огонь по этим изменникам, когда на наших глазах несколько их сотен со своим старым Штандартом, с трубачами, песнями и в пьяном виде тянулись мимо нас по своим родным кубанским полям в сторону красной армии Ленина, чтобы помочь ей добивать нас во славу диктатуры мирового пролетариата. Все это было до того тяжело переживать, что быть может и сердечное теперь раскаяние казаков последних станиц не радовало нас. Оно запоздало...

5 марта. В 18 часов в станице Троицкой Корниловцы перевалили через реку Кубань. С тяжелыми думами смотрели Корниловцы на многоводные и раздольные воды исторической реки Кубани, на берегах которой

мы и ее верные сыны пролили во имя общей нашей Матери РОССИИ в недавнем прошлом столько крови, добились славных побед и вот теперь, по милости ее изменников — самостийников, в последний раз смотрим на ее могучие воды с глубокой верой в то, что пройдут времена измен и предательств, сбросит РОССИЯ большевизм и вновь разольется по кубанским просторам привольная и свободная жизнь.

Противник не преследует.

6 марта. С 9 часов дивизия переходит в станицу Крымскую.

7-10 марта. Станица Крымская. Пришли сообщения об оставлении Екатеринодара и гибели у Елизаветинской переправы через Кубань нашего 3-го Корниловского Ударного полка. Прибыл сам его командир полка — капитан Щеглов — и подтвердил все ранее сообщенное. Первый раз этот полк истек кровью в длительных и кровопролитных боях от Орла до Донецкого бассейна. Из Батайска он был отправлен в район Екатеринодара на пополнение, избежав таким образом все тяжелые бои за Ростов и отход до станицы Крымской. Было точно известно, что полк хорошо пополнился и вдруг — какая-то непонятная и бесславная гибель полка?! В связи с общей катастрофой капитан Щеглов не был предан суду и даже не был отстранен от командования полком, снова возродив его в Крыму. Календарь боевых действий 3-го Корниловского Ударного полка так кратко освещает этот трагический эпизод: по приказанию командования Донской Армии полк 3 марта в 20 часов выступил из Екатеринодара для переправы на другой берег реки Кубани у станицы Елизаветинской. По дороге полк имел привал у места смерти Генерала Корнилова и потом стал по квартирам в Елизаветинской. В станице никаких средств для переправы не оказалось. В 8 часов 4 марта полк двинулся на станицу Марьинскую, в которую и прибыл в 12 часов. Простояв там два часа и не найдя переправы и там, полк повернул обратно в станицу Елизаветинскую. Под самой станицей полк был обстрелян редким ружейным огнем из леса, что северо-западнее станицы. В самой же станице уже были квартирьеры красных, взятые нами в плен. Под прикрытием 2-го батальона должна была начаться у аула Хаштук переправа на левый берег Кубани на единственной лодке, вмещавшей 7 человек. К утру удалось переправить 201 человека. С восходом солнца переправившиеся остатки полка двинулись к аулу Панахес, где имели несколько часов отдыха. В 13 часов 5 марта двинулись на станцию Северскую, куда прибыли в 18 часов 5 марта и, погрузившись в эшелон, 8 марта прибыли в станицу Крымскую, где и соединились со своей дивизией (от составителя записок: я, как первопоходник и переправлявшийся тогда у станицы Елизаветинской с левого берега на правый на маленьком пароме, теперь о переправе здесь 3-го нашего полка, но уже в другой обстановке, на левый берег, держусь иного мнения. Если был приказ заведующего переправой от Донской Армии, касающийся только переправы полка, а не обороны таковой «жертвуя собой», то это был не боевой приказ, а потому можно было в исполнении его допустить разного рода приемы и, в первую очередь, использовать телефон и конную разведку для определения наличия переправы, а потом уже и удержания таковой до подхода полка. Без этих

данных лучше было бы подождать очереди для переправы через железнодорожный мост, где была надежда на сохранение личного состава, так как все остальное все равно нужно было бросить при эвакуации. Бесспорно, что для выполнения боевого приказа мы должны жертвовать собой, но для выполнения простых перебросок части мы должны сохранять наши силы.

Для полноты картины происшедшего с 3-им Корниловским Ударным полком привожу показание полковника Румянцева, Николая Кузьмича, присланное им мне в 1970 году из США. После выздоровления от тяжелого ранения, полученного им в рядах 1-го Корниловского Ударного полка при наступлении на Курск, он назначается в 3-й Корниловский Ударный полк на должность помощника командира полка по строевой части. «В момент моего прибытия полк стоял верстах в 30 от Екатеринодара, и здесь я впервые познакомился с полковником Щегловым. Он — кадровый офицер, но почти всю первую Великую войну провел на нестроевых должностях. До этого в боях с ним мне не приходилось быть. Полк только что был пополнен. Старых офицеров, знакомых по 1-му полку, было очень мало, и таким образом весь состав 3-го полка был мне незнаком. Потом полк был переведен в Екатеринодар, где ему был сделан смотр генералом Деникиным, и в конце февраля 1920 года полк выступил в 20 часов в станицу Елизаветинскую. Дату помню хорошо, так как трагическая переправа была с 3 на 4 марта. Здесь у меня происходит первое расхождение с командиром полка, как и у части старших офицеров полка, из-за решения о переправе через Кубань. Мы настаивали, чтобы переправу делать в Екатеринодаре, он же отдал распоряжение идти по берегу Кубани на станицу Елизаветинскую. Полковник Щеглов был упрям и мало считался с мнением своих помощников. Постараюсь быть объективным. Итак, полк выступил из Екатеринодара на Елизаветинскую в полном составе, с двумя орудиями. При подходе к Елизаветинской было обнаружено, что ни переправы, ни средств для переправы не было. Командир шел в голове полка, а мне было приказано быть в арьергарде. Не найдя переправы, полк двинулся дальше. Станичники относились к нам, не скажу, чтобы враждебно, но очень и очень осторожно, с опаской. Сведения о дальнейшем нашем движении были разноречивы, одни говорили о переправе в 10-15 верстах, другие отрицали это. Я предлагал полковнику Щеглову оставить полк у станицы и выслать конный разъезд для поисков переправы, самим же, на месте, заняться подысканием перевозочных средств. Мне было разрешено оставить несколько конных и полуроту, сам же повел полк дальше. Оставшись, я выслал конных для освещения окрестностей и станицы. Была найдена одна лодка в исправном состоянии, на 15 человек, и ялик, на 3-4 человека. Часа через четыре было получено сообщение, что полк возвращается. К этому времени лодка и ялик были доставлены к нам на берег. С подходом полка началась переправа. Она шла интенсивно. Сам полковник Щеглов переправился на одной из первых лодок для приема переправляющихся. Сначала были переправлены сестры милосердия, больные и инвалиды. Все садились в лодку «налегке», забрав только винтовки, патроны и медикаменты. К сожалению, и мне пришлось

бросить ящик с моими документами и фотографиями со времени моего детства и первой Мировой войны. Часть конных была выслана на розыски средств переправы. Время близилось к рассвету, когда я получил донесение от заставы, что красные приближаются к станице. Часть людей, видя, что надежды на переправу нет, стала уходить вдоль реки от станицы, а часть тронулась в станицу. Сейчас мне это тяжело вспомнить, я пишу и нервничаю. Насколько еще память не изменяет, в полку было 800-900 человек, переправилось же 300-400. Переправили и три легких пулемета, так как пулеметчики не хотели с ними расставаться. Были брошены орудия, пулеметы и все остальное. Последние лодки уже обстреливались красными. Я лично переправился с казначеем, поручиком Серебряковым, держась за хвост коня. Артиллеристы, испортив орудия, переправились тоже держась за лошадей. К счастью, утро было туманное, что избавило нас от прицельного огня красных. Говорили, что были и утонувшие, в последнюю минуту. Выбравшись на берег, мы были встречены полковником Щегловым, который распределил нас в ауле по домам, где мы обсушились и были накормлены. Затем мы тронулись на станцию Тонельную. По дороге к нам присоединились несколько чинов полка, переправившихся в других местах реки. Боев по пути не было, случались только стычки с зелеными. На станции Тонельная полку было приказано остаться в арьергарде до получения приказания. Командир полка послал в Новороссийск для выяснения обстановки и получения дальнейших распоряжений. Не помню, сколько мы стояли в Тонельной, но стояли спокойно, и только наши заставы имели перестрелки с зелеными. Получив распоряжение, полк тронулся в Новороссийск, куда и прибыл благополучно. Мы пришли одними из последних, поэтому некоторым пришлось грузиться на другие транспорты. Наконец мы тронулись. Описывать, что творилось в Новороссийске, не приходится. Некоторые, вместе с другими отставшими Корниловцами, под командой полковника Грудино пошли вдоль берега и потом присоединились к полку уже в Курман-Кемельчи. Это все, что осталось в моей памяти об этом периоде моего пребывания в полку. Незадачлив был для него этот период...»

Полковник Румянцев.

В Русской Армии генерала Врангеля полк окреп, получил за свои бои Николаевское Знамя, а в последнем бою на Юшуньских позициях, на Сиваше, генерал Кутепов благодарил его за отличное отражение красных. На следующий же день, при переходе 3-го полка в контратаку на моих глазах, полковник Щеглов был ранен. Полковник Левитов).

10 марта. Носятся слухи о приказе нашей дивизии двигаться на Темрюк, где удерживать Таманский полуостров и потом там же грузиться для переброски в Крым. Но... в то же время полурота офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка назначается в распоряжение помощника начальника дивизии полковника Пешня для несения комендантской службы в Новороссийске. Во 2-й Корниловский Ударный полк были влиты остатки Кавказского стрелкового полка с конной сотней.

11 марта. К 20 часам 2-й Корниловский Ударный полк прибыл в ст. Тонельная (дер. Верхне-Баканская).

12 марта. Разъезды и небольшие группы противника с утра повели наступление, но были легко отбиты. К вечеру была замечена большая колонна красных, спускавшаяся с гор против правого боевого участка полка. С наступлением темноты на усиление сторожевого охранения был послан батальон с конной сотней, с помощником командира полка поручиком Левитовым для объединения действий. При подходе отряда к сторожевому охранению выяснилось, что разведки не велось. Конной сотне было приказано осветить местность перед фронтом участка, а двум ротам и всем пулеметам подошедшего батальона — всего около 20 пулеметов — усилить участок обороны. Едва успели роты занять свои места, а конная сотня продвинуться шагов на 300, как красные стали в упор ее расстреливать и бросились на нее в атаку. Оказалось, что сотня нарвалась на залегшие и приготовившиеся к атаке цепи красных, имевших один полк для удара нам во фланг. Наша пехота расположилась по самой окраине села, вдоль изгородей и завалов. Красные наступали бригадой и при подходе к окраине селения сошлись со своей обходной колонной, а в этот-то момент наша конная сотня их лихо атаковала согласно приказу поручика Левитова и заставила их обнаружить себя преждевременно. Бросившись в атаку, красные части еще больше сошлись, имея перед собой только конную сотню, которая в два счета повернула и скрылась в улицах деревни, а красные, по инерции, гурьбой ринулись за ней, опьяненные такой легкой победой. Местность перед селением была ровная, как стол, подходившая к нашей позиции не очень широкой полосой, имевшей по краям почти непроходимые обрывы. Красные были подпущены нами шагов на 250 и встречены убийственным пулеметным, ружейным и артиллерийским огнем. Конечно, их «ура» сразу прекратилось и они бросились назад. Преследовать их были посланы две роты под командой капитана Померанцева. На спуске под обрыв они догнали задержавшийся батальон красных, который и сбросили вниз штыками. Убитыми и ранеными противник понес большие потери, были взяты пленные и перебежчики из числа взятых красными до этого в плен Марковцев и Дроздовцев. Наши потери — 4 убитых и 8 раненых. Благополучный исход этого боя дал возможность спокойно выбраться из села многочисленной коннице и нашей дивизии со всеми обозами, которыми были забиты улицы. Трудно даже представить себе другой исход этого боя, так как выход из села пересекался многими оврагами и обрывами.

13 марта. С 3 часов 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки стали стягиваться на сборный пункт, к станции. С рассветом полки уже шли по крутой горной дороге на Новороссийский перевал. Противник не преследовал, а конные его части шли почти параллельно нашему движению: мы шли через хребет к юго-востоку от железной дороги, а красные — к северо-западу от нее. При спуске обеих сторон с перевалов в долину реки Цемес, в районе села Мефодиевка, завязался бой. С начала его все части с обозами ринулись к Новороссийску, а их была такая лавина, что о правильной эвакуации нечего было и думать. Нашей дивизии пришлось остаться в арьергарде. Противник начал спускаться в долину, а его артиллерия с высот вела по нас довольно сильный огонь. Несколько

наших бронепоездов, наша артиллерия и флот быстро ликвидировали наступление красных, разогнав одним артиллерийским огнем всю их конницу и батареи.

(В этот исторический момент, под гром настоящей канонады, со мной происходило то, что мне, добровольцу Великой войны и Добровольческой Армии с самого начала ее зарождения, казалось совершенно лишним: я был произведен сразу в штабс-капитаны, капитаны и подполковники. Младшим офицером я никогда в Великую войну не был. По прибытии на фронт, в 178-й пехотный Венденский полк, в конце 1914 г. я сразу же, в чине прапорщика, получил роту и потом более года командовал батальоном «временно» или «за» уже в чине поручика с конца 1915 года. Многие ранения и революция привели меня поручиком на положение рядового офицера в офицерский батальон Корниловского Ударного полка, потом я — фельдфебель офицерской имени Генерала Корнилова роты, имел честь быть от полка в конвое Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны; за этим я — командир батальона 2-го Корниловского Ударного полка, был короткое время временно за командира полка в двух полках и потом почти все отступление, от г. Фатежа до Новороссийска, провел в должности помощника командира полка по строевой части у выдающегося командира полка полковника Пашкевича, Якова Антоновича, в полку, где до конца сохранялся офицерский батальон. Я считался старым поручиком, и это спасало мое положение среди моих многочисленных подчиненных, старших меня в чине, и я ни разу не испытывал от этого ущемления моего самолюбия. И вот теперь, под салют артиллерийской канонады, до морской 12-дюймовой артиллерии, включительно, ко мне подъехал начальник штаба нашей дивизии Генерального штаба полковник Капнин и передал мне, с поздравлением, приказ о моих производствах и погоны подполковника. Я был настолько поражен этим показавшимся мне неподходящим к данному моменту производством, хотя давно мной и выслуженным, что был даже смущен. Выручил меня своим поздравлением ныне здравствующий ротмистр Доюн, мой младший офицер по Великой войне, теперь перешедший в кавалерию генерала Барбовича. Такое исключительно радостное совпадение встряхнуло меня, и я пришел в себя. Поэтому в дальнейшем повествовании буду именовать себя на законном основании подполковником Левитовым).

После разгрома таким артиллерийским огнем красных дивизия благополучно миновала Мефодиевку и подошла к Новороссийску. Здесь нам сообщили, что для нас назначен транспорт Добровольного Флота «Корнилов», который едва удалось погрузить углем и вырвать из рук спекулянтов, пытавшихся грузить его табаком.

Отсюда подполковник Левитов назначается от 2-го Корниловского Ударного полка с разъездом обследовать дорогу к своему транспорту. Был еще день, когда я тронулся в путь, получив все инструкции от командира полка полковника Пашкевича. До этого бой и другие события отвлекали внимание от обстановки в Новороссийске, но теперь она предстала пред нами во всей своей трагической красоте. Бронепоезда, пущен-

ные под откос, взорванные, изуродованные столкновением, являли жуткую картину, понятную только полевым войскам. Все пространство, насколько видел глаз, было заполнено главным образом брошенными обозами, артиллерией и массой кавалерии, уходящей по берегу моря к Сочи. Облака дыма от пожаров и мощные взрывы создавали фон развернувшейся трагедии — поражения Вооруженных Сил Юга России. Город «битком набит» брошенными обозами и проходящей кавалерией, и режет глаза, когда проходят сотня за сотней здоровых молодцов, сменивших здесь все свое потрепанное обмундирование на новое, и с приторочённым добавочным добром, но... без оружия. Мне казалось, что на лицах всех, не потерявших самообладания при виде этой ужасной картины, было написано какое-то скорбное выражение, говорящее: «Потерявши голову, — по волосам не плачут! Не послушали Генерала Корнилова, оставили в одиночестве генерала Каледина, не могли поднять на борьбу русский народ, значит — неси свой крест до конца».

Вопрос: не ошиблись ли они направлением, так как без оружия едут только сдаваться, а они как будто выбираются на сочинскую дорогу спасения? Неужели и здесь у этих несчастных копошатся в голове мысли, что кто-то их спасет?! Да, с этим явлением мы имели несчастье встретиться по всей России в самые первые дни зарождения борьбы за Ее честь, и теперь, в конце, мы видим то же самое... И это, неоднократно позорившее нашу Родину падение морали, отмечается у нас под мрачным названием «смутного времени», то есть того положения, когда управление страной попадает в руки международных проходимцев, а обезумевший народ, уничтожая друг друга, идет за лозунгом: «Грабь награбленное!»

Отделявшее полк от пристани расстояние версты в три мне удалось преодолеть только к вечеру. На пристани я получил подтверждение, что 2-й Корниловский Ударный полк остается в арьергарде, где он в данное время стоит, батальон 1-го Корниловского Ударного полка — тоже на окраине города, дивизия грузится, а арьергардам отходить по приказанию. Здесь начальник дивизии подчеркнул, что при погрузке 1-й полк станет шпалерами, пропустит всех, а потом погрузится сам. Отправив донесение, я дождался приказания об отходе 2-го Корниловского Ударного полка и, получив его около 21 час., отправился к полку. К этому времени главная масса отступавших уже покинула город, и я, последний раз проехав на своем «верном коне боевом», быстро доехал до полка. Небывалое шествие полка началось: сняв седла и уздечки, мы отпустили наших верных товарищей-коней на волю. На позиции нашей артиллерии затрещали взрывы динамита, с винтовками на плечах и легкими пулеметами и на лямках — с тяжелыми, шла живая могучая сила, закаленная в боях и по-старому верная заветам своего Вождя и Шефа полка Генерала Корнилова. Вместе с полком идет и приданный ему кубанский пластунский батальон. Особенно тяжело было расставаться с оружием, сознавая, что оно еще пригодилось бы, но обстановка неумолимо требовала этого. Брали только то, что можно было унести на себе.

При подходе полка к своему транспорту «Корнилов» нам заявили, что места для нас нет. Тогда полковник Пашкевич потребовал к себе

начальника штаба дивизии и прямо заявил ему: «Господин полковник, с нами пулеметы и винтовки, а потому без нас пароход не отойдет!» После доклада начальнику дивизии погрузка началась.

Был полностью погружен и приданный нам пластунский батальон. Места, действительно, почти не было, как не было и порядка при погрузке. Набралось много какой-то тыловой публики, а для фронтовой части определенного места не оказалось. Из числа посторонних администрация парохода отказалась погрузить 10 офицеров и 60 казаков, которые почти без слова упрека уходили в горы, а некоторые, по выходе с пристани, стрелялись. Транспорт был до того переполнен, что в нижних трюмах без воздуха невозможно было сидеть, и некоторые покончили с собой самым примитивным способом. И только на рассвете транспорт «Корнилов» вышел в море.

В городе слышалась редкая ружейная стрельба, а у Геленджика довольно оживленная ружейная и пулеметная перестрелка. О переживаниях фронтовиков в момент отъезда говорить не буду, так как понять их может только фронтовик. Одно можно сказать, что отступление открывало нам всю гнусность, дряблость и продажность нашего тыла. Новороссийск же с его колоссальными складами и с многочисленным личным составом всевозможных учреждений, взобравшимся на наш транспорт, отшлифовали ужасную картину и придали ей законченный вид.

Оставалась одна только, последняя пядь родной земли в нашем распоряжении — это Крым. Как утопающий хватается за соломинку, так и у большинства из нас надежда зацепилась за этот маленький клочек земли, и каждый из нас, качаясь на волнах Черного моря, как бы подводил итог пройденному нами крестному пути и думал о возможном еще сопротивлении и о своем и общем исцелении в способах ведения борьбы. Та же мысль была у высшего командного состава. Глядя на эту перемешавшуюся массу, наши начальники искали способа приведения ее в надлежащий вид для продолжения борьбы. Даже малоопытный взгляд штатского человека видел, что состав тыловых учреждений колоссален и требует решительных мер к его сокращению. Решение было принято и было приступлено к его выполнению.

Велись разговоры и о причинах поражения Вооруженных Сил Юга России, и все видели их в отсутствии единой власти в руках генерала Деникина, в то время как у нашего противника было не только единство власти и цели, но и звероподобное ЧЕКА польского дворянина Дзержинского, спасшего своими мерами своего собрата, русского дворянина Ленина. Союз двух дворян, подкрепленный американским жидом Троцким, создал дьявольскую силу на гибель и позор национальной России. Полное истощение физических и моральных сил было таково, что пережитую катастрофу Новороссийска и свою представляли в обычных жестоких военных выражениях: «Сегодня ты, а завтра я». Таковы законы войны.

15 марта. Транспорт «Корнилов» прибыл в Феодосию. Необходимо было произвести дезинфекцию и немного разгрузиться. Переход с транспорта на берег решено было использовать для фильтровки всех погрузившихся и для препровождения болтающихся на пополнение полков ди-

визии. Для этого недалеко от пристани был выбран громадный двор с высокими «крепостными» стенами, дорога к нему охранялась шпалерами офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка и тогда было приступлено к разгрузке. Полки в этом дворе разместились по своим участкам, а всю остальную публику стали фильтровать. Большинство не ожидало такой меры, а предполагало спокойно выгрузиться где-нибудь в районе Константинополя, а тут — на тебе! Феодосия и предложение пожаловать в такую-то роту Корниловского Ударного полка! Вся эта толпа сомнительных сразу ощетинились и пытались «на арапа» выскользнуть на свободу. Все стали засыпать контролеров страшными фразами, указывая на занимаемые ими высокие посты и на связи со Ставкой, но этот номер для многих не прошел и им пришлось пока что пожаловать в какой-либо полк. Как только первый их натиск потерпел фиаско, сразу все это заюлило и стало определять высоту стен, окружавших двор. Картина, свидетелем которой я был, дала нам полную характеристику всем этим господам и их роли в Армии. Пять штаб-офицеров и несколько обер-офицеров, вследствие неопределенности их положения в Армии и за отсутствием у них надлежащих документов, была назначены в офицерский батальон 2-го Корниловского Ударного полка. Часть из них явилась командиру батальона, а часть занялась исследованием высоты стен. Через некоторое время вся эта теплая компания соединилась, оживленно и таинственно что-то обсуждая. Затем они принялись что-то быстро перекладывать в своих чемоданах, выбрасывая все ненужное, после чего, пользуясь отсутствием надлежащего надзора, стали пытаться взять барьер — стену и бежать. Группа наших офицеров наблюдала это и хохотала. Самым рьяным спортсменом оказался один старец, который минимум раз пять пытался преодолеть стену и каждый раз срывался. Наконец их остановили, и старче не выдержал и, махнув рукой, сказал: «Черт побери, а как бы на самом деле не пришлось служить!» В следующую ночь все они сбежали.

Итак, первое доброе начинание встретило отпор. Последующая борьба облегчилась, так как у подобного рода господ, действительно, оказались солидные связи и их понемногу выручили.

На питательном пункте дивизия получила горячую пищу и вечером приступили к погрузке на старый транспорт.

16 марта. Около 3 часов отчалили и направились в Севастополь. Наша артиллерийская бригада осталась в Феодосии. Все любовались Ливадией — резиденцией Государя Императора Николая 2-го, Хараксом, Ай-Тодором, Дюльбером, Кореизом, Симеизом и т. д. Памятники искусства еще сохранились и блистали своей красотой. Я же имел случай вспомнить о своем пребывании здесь в охране Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны от Корниловского Ударного полка. День был хороший, играл оркестр и все как-то приободрились. В 18 часов транспорт «Корнилов» прибыл в Севастополь. При проходе мимо крейсера «Генерал Корнилов» его экипаж с оркестром был выстроен для встречи на палубе. Корниловцы-ударники и Корниловцы-моряки приветствовали друг друга и громкое «ура» далеко разносилось по заливу. Встречать нас на пристань приехал наш бывший Командующий Добровольчес-

кой Армией генерал Май-Маевский. Мне тяжело было видеть его после битвы за Орел, и поэтому я уклонился от участия во встрече. Позади за нами осталась трагедия неудавшейся борьбы в течение двух лет за Россию. Теперь все наши чувства и мысли были направлены к тому, как сложится дальнейшая борьба на этом последнем клочке родной земли?

НАЧАЛО КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ

17 марта 1920 г. (ст. ст.). Корниловская Ударная дивизия выгрузилась и стала по квартирам в Севастополе. В Крыму у всех царило представление, что мы просто «драпнули» и что теперь мы не боеспособны, а потому чины Армии генерала Слащева смотрели на нас свысока.

18 марта. Утром дивизия погрузилась в эшелоны для отправки в Симферополь.

19 марта. По прибытии Корниловцы расходятся по отведенным им местам. 2-й полк получил казармы Крымского конного полка. Идет чистка казармы, и начались строевые занятия. Последовал ряд приказов о поднятии на должную высоту воинского звания и дисциплины. Занятия и ликвидация нескольких шаек из компании легкой наживы сделали свое дело, и Армия стала крепнуть и готовиться к новой борьбе. Приказ Добровольческому корпусу № 93.

20-27 марта. Занятия и баня. Командиры полков во главе с начальником дивизии ездили на военное совещание, где обсуждался вопрос о решении генерала Деникина оставить занимаемый им пост. Старшие начальники упрашивали его не делать этого, но он категорически отклонил просьбу, подчеркнув этим бесполезность продолжения борьбы в создавшихся условиях. После совещания генерал Деникин отдал приказ за № 2899, — Феодосия, — следующего содержания:

«22-го марта ст. ст. генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

Низко кланяюсь всем, кто верно следовал за мной в страшной борьбе. Да даст Господь победу Армии и спасет РОССИЮ.

Генерал-лейтенант Деникин».

В тот же день генерал Деникин отбыл на крейсере в Константинополь, а генерал барон Врангель вступил в командование вооруженными силами и возглавил управление Крымом.

Прощальное слово генерала Деникина при уходе его с поста Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России 22 марта 1920 г.

«Всем шедшим со мной в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу Армии, спаси РОССИЮ».

После этого отношение старых добровольцев к генералу Деникину выражалось словами капитана Ю. Рейнгарт:

Когда в угаре пьяном большевизма
Царили на Руси измена и хаос,
Сокрыв в своей груди огонь патриотизма,
Как некогда Титан, он нам его принес.

И на руках тогда толпа его носила
И все свои мечты покоила на нем;
И день, и ночь хвалебные кадила
Перед его качались алтарем.

Но помощи ему в его порыве смелом
Никто не оказал, заботясь о себе,
Забывши Родину, занявшись темным делом,
Пока не пал Титан, измученный в борьбе.

Его судили все, несправедливо, строго,
Стараясь на него потоки грязи лить,
За то, что он, Титан, не смог стать вечным Богом
И подвигом своим их низость искупить.

Пред алтарем его склоняясь одиноко,
Из чистых белых роз плетя ему венок,
Я, как всегда, люблю его глубоко,
Былому Божеству не изменивший жрец.

Ю. Рейнгарт

28 марта. Парад по случаю приезда нового Командующего Армией генерала Врангеля, который на нем сказал: «Я с честью выведу вас из создавшегося положения». Это подбодрило многих, и положение стало казаться не столь уже безнадежным. Таким образом и генерал Врангель обещал только «с честью вывести из создавшегося положения», что фактически было аналогично с мнением генерала Деникина.

29-30 марта. Приготовления к празднику Св. Пасхи. Красные сделали попытку наступать и поэтому был получен приказ о нашем выступлении. Остатки 3-го Корниловского Ударного полка поехали эшелоном, 1-й и 2-й полки остались на месте для встречи Пасхи.

31 марта. Благодаря хозяйственной части встреча праздника была хорошо обставлена: в казарме были устроены общие столы, на которых красовались яйца, куличи, колбаса, ветчина, вино и даже жаркое. Приехал начальник дивизии, поздравил с праздником, и только после этого началась застольная трапеза. К 8 часам полки уже подходили к станции для погрузки в эшелоны, а к 19 часам были на месте назначения, на станции Курман-Кемельчи. Приятно было видеть и слышать, что население Крыма находило в нас не шайку разбойников, как это чувствовалось в Севастополе, а регулярные части Добровольческой Армии. К 24 часам полки стали по квартирам в сс. Курман-Кемельчи и Бузлак.

1-3 апреля 1920 г. Отдых. Приказ о смене Крымского корпуса генерала Слащева на Перекопе.

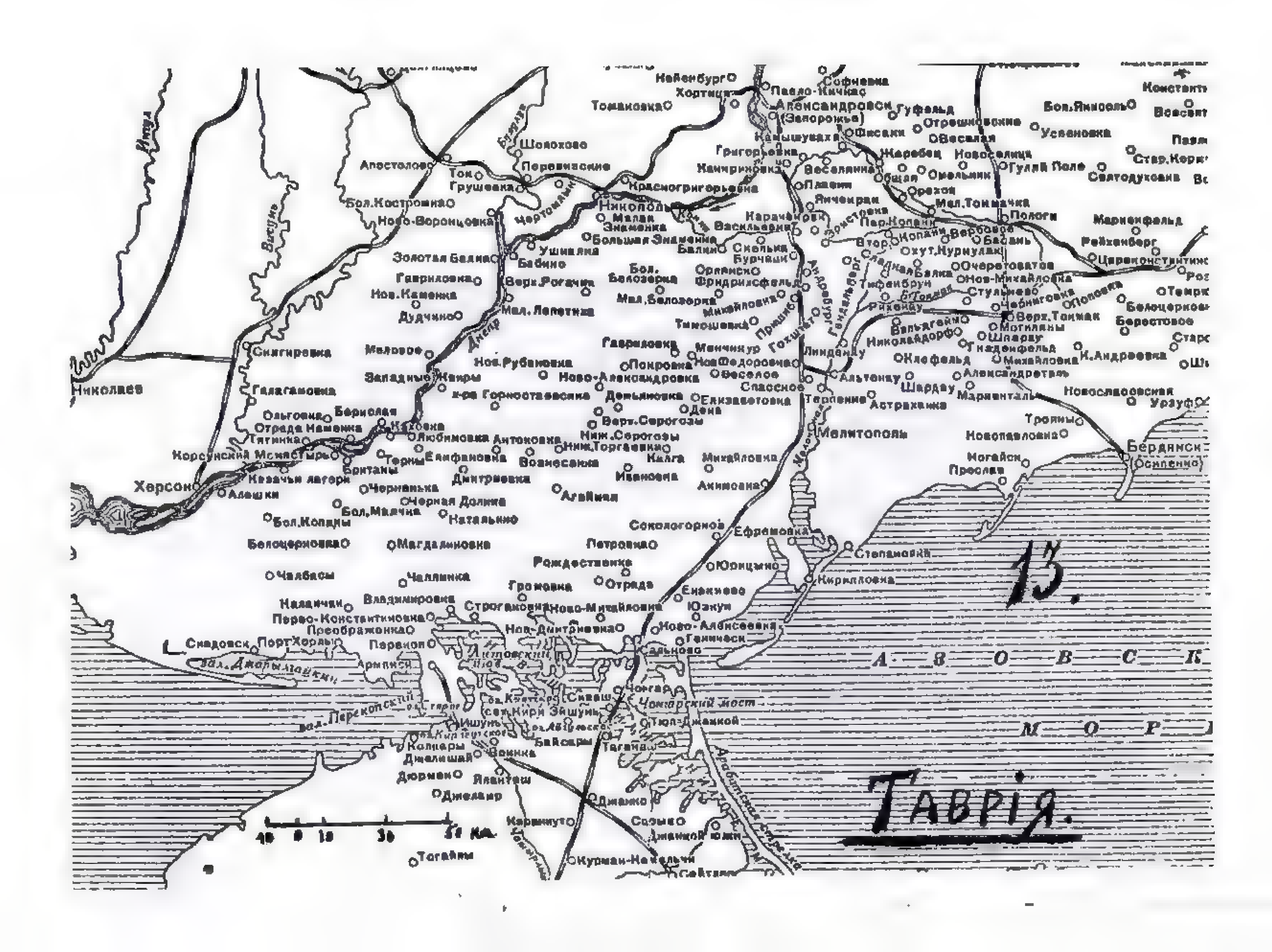
4 апреля. Переход в село Павлово, в 42 верстах, совершен бодро. Великое дело для солдата — отдохнуть, подкормиться и сходить в баню. Помогла и чудная погода Крыма.

5 апреля. К вечеру дивизия прибыла в село Ново-Ивановка.

9 апреля. Утром выступление и к 20 часам ночлег в хуторе Бесчинском.

Главнокомандующий Русской Армией
Генерал барон П. Н. Врангель

10 апреля. К 12 часам дивизия сосредоточилась и расположилась в маленьком, грязном, полуразрушенном, не имеющем достаточно воды го-



13.
Таврія.
А З О В С К
М О Р
Херсон
Николаев
Алешки
Корсунский Монастырь
Казачьи лагери
Бериславь
Каховка
Любимовка
Антоновка
Британы
Терны
Епифановка
Дмитриевка
Вознесенка
Чернянька
Черная Долина
Бол.Маячка
Натальино
Бол.Копаны
Белоцерковка
Магдалиновка
Чалбасы
Чаплинка
Владимировка
Строгоновка
Громовка
Рождественка
Петровка
Отрада
Ново-Михайловка
Нов.Дмитриевка
Каланчак
Перво-Константиновка
Преображенка
Перекоп
Армянск
Скадовск
Порт Хорлы
зал. Джарылгачский
зал. Перекопский
Ишунь
Воинка
Колчеры
Джелишай
Байсары
Таганаш
Дюрмен
Ялантош
Джелаир
Каранкут
Джанкой
Курман-Кемельчи
Тогайлы
Сольчо
Чонгар
Чонгарский мост
Тюп-Джанкой
Сальково
Геническ
Ново-Алексеевка
Юзкуй
Еникиево
Юрицыно
Ефремовка
Сокологорное
Акимовка
Михайловка
Кирилловка
Степановка
Мелитополь
Терпение
Астраханка
Альтенау
Шардау
Мариенталь
Новоспасовская
Новопавловка
Троицы
Ногайск
Преслав
Бердянск
Урзуф
Спасское
Веселое
Покровка
Ново-Федоровка
Елизаветовка
Дена
Гавриловка
Ново-Александровка
Демьяновка
Верх.Серогозы
Ниж.Серогозы
Ниж.Торгаевка
Калга
Ивановка
Агайман
Мал.Белозерка
Бол.Белозерка
Михайловка
Тимошевка
Менчикур
Верх.Рогачик
Мал.Лепетиха
Бабино
Ушкалка
Золотая Балка
Гавриловка
Нов.Каменка
Дудчино
Меловое
Западные Каиры
Нов.Рубановка
Горностаевка
Днепр
Снигиревка
Галагановка
Ольговка
Отрада Каменка
Тягинка
Апостолово
Ток
Грушевка
Бол.Костромка
Ново-Воронцовка
Шолохово
Перевизские
Чертомлык
Никополь
Малая Знаменка
Большая Знаменка
Красногригорьевка
Томаковка
Нейенбург
Хортица
Павло-Кичкас
Софиевка
Александровск
(Запорожье)
Камышеваха
Григорьевка
Каменноватка
Веселянка
Плавни
Янчекрак
Васильевка
Балки
Скельки
Бурчацк
Орлянск
Фридрихсфельд
Карачекрак
Гохштат
Пришиб
Линденау
Андребург
Молочная
Гуфельд
Фисаки
Отрешиновские
Веселая
Жеребец
Новоселица
Гуляй Поле
Общая
Омельник
Орехов
Мал.Токмачка
Пологи
Пер.Копани
Втор.Копани
Верхоцвий
Басань
Охут.Нурнулак
Очереповатое
Ново-Михайловка
Стульнево
Чернигова
Поповка
Тифенбрун
Рикенау
Верх.Токмак
Вальдгейм
Николайдорф
Могилевы
Шпарау
Гнаденфельд
Клефельд
Михайловка
Александреталь
К.Андреевка
Усеиновка
Бол.Янисоль
Святодуховка
Стар.Керменчик
Мариенфельд
Рейхенберг
Царевоконстантиновка
Белоцерковка
Берестовое
Константиновка

родишке Армянск. Это уже фронт, откуда местами был виден знаменитый Перекопский вал и слышалась артиллерийская перестрелка.

11-16 апреля. Строевые занятия. Приезд Главнокомандующего генерала Врангеля, который заявил, что все слухи о переговорах с большевиками — ложь и что борьба с ними будет продолжаться. Со стороны англичан было предложено посредничество для мирных переговоров с большевиками, и при отказе они грозили прекратить все поставки нам Генерал Врангель с достоинством отверг эти предложения, и англичане порвали с нами. Начались работы по укреплению Перекопского вала. Полкам были указаны их участки, и на них они стали рыть окопы полной профили и делать пулеметные гнезда. Участок дивизии: от разрушенного городка в центре вала — Перекопа — и до Перекопского залива. Для обороны он был пригоден, но имел тот большой минус, что вообще все это огромное старое турецкое укрепление с его валом и рвом, где воды теперь уже не было, может быть глубоко обойдено справа, по мелким Сивашам (род залива), с выходом даже в тыл г. Армянску, почему теперь прежнее значение этого крепостного сооружения теряется. Предполагаю, что поэтому-то генерал Слащев Перекопского вала не укреплял, на нем не оборонялся и при наступлении красных впускал их на полуостров, определял их маневр и всегда потом отбрасывал их обратно. В бытность мою в охране Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны весной 1919 г. красные так углубились до Акманайских позиций и судьба Крыма висела на волоске, почему Ее Величество и Великий Князь Николай Николаевич согласились на предложение англичан выехать заграницу. От такой обороны генерал Кутепов отказался, и было решено отбивать атаки красных на валу и на Сивашах. Флота у красных не было, и за море мы были спокойны.

19 апреля. Корниловская Ударная дивизия занимает Перекопский вал от г. Перекопа до Перекопского залива. 1-й полк от города до Собачьей Балки, исключительно. 2-й Корниловский Ударный полк сменил 136-й пехотный Таганрогский полк и приступил к укреплению позиции. Проволочное заграждение было усилено не только перед рвом, но и в глубине его, по склонам; не забыли вынести заграждение и далеко по заливу, с загибом в наш тыл, — это на всякий случай. Погода стояла все время чудная, поднимающая настроение, но только с питанием стало слабо, почему пришлось сократить и наряды на работы.

28 апреля. Приказ генерала Врангеля о переименовании «Вооруженных Сил Юга России» в «Русскую Армию», произвел большое впечатление. Положительным в этом было то, что было прекращено самостийное деление власти в военном аппарате, но для нас было печальным уничтожение Добровольчества которое, собственно, и положило начало борьбе с большевиками.

30 апреля. До сего времени в Добровольческой Армии награждения чинами и орденами за боевые отличия были весьма редким исключением. Теперь же генерал Врангель отдал приказ об учреждении ордена Св. Николая Чудотворца, для награждения им отличившихся в боях солдат и офицеров, и также Николаевских Знамен, Штандартов и труб для отли-

чившихся частей Армии. Орден Св. Николая — темно-бронзовый крест с надписью: «Верою спасется РОССИЯ», на ленте национальных цветов. Знамена и Штандарты — цвета полков, с ликом Св. Николая, имеют на обратной стороне вензель части и увенчаны восьмиконечным крестом и национальными лентами. Надпись на полотнищах: «ВЕРОЮ СПАСЕТСЯ РОССИЯ».

Список чинов 2-го Корниловского Ударного полка, награжденных Георгиевскими крестами в 1920 г.

1 — Фельдфебель Бирюков, Козьма, — 1-й степени, № 33.507 — убит.
2 — Подпрапорщ. Корженко, Федор, — 2-й степени, № 79.549.
3 — Мл. унт.-оф. Боцман, Егор, — 3-й степени, № 310.972.
4 — Ударник Белов, Никита, — 4-й степени, № 255.655.
5 — Ударник Бреславец, Василий, — 4-й степени, № 254.961.
6 — Мл. унт.-оф. Булгаков, Алексан. — 4-й степени, № 255.670.
7 — Ст. унт.-оф. Бандуров, Егор, — 4-й степени, № 255.680.
8 — Ст. унт.-оф. Березовский, Дмитр., — 4-й степени, № 255.653.
9 — Ударник Бабин, Семен, 4-й степени, № 255.651, — убит.
10 — Подпрапорщ. Волков, Иван, — 4-й степени, № 255.669.
11 — Подхорунж. Гаврилов, Иван, — 4-й степени, № 254.080.
12 — Ст. унт.-оф. Галущенко, Деомид, — 4-й степени, № 255.668 самов. отл.
13 — Мл. унт.-оф. Герусов, Николай, — 4-й степени, № 254.960, убит.
14 — Мл. унт.-оф. Гибадудин, Зейнат, — 4-й степени, № 254.982.
15 — Мл. унт.-оф. Григорьев, Петр, — 4-й степени, № 254.659, убит.
16 — Мл. унт.-оф. Горбунов, Митроф., — 4-й степени, № 255.050, без вес. проп.
17 — Мл. унт.-оф. Душечкин, Иван, — 4-й степени, № 253.184.
18 — Вахмистр Ермаков, Козьма, — 4-й степени, № 254.058.
19 — Ст. унт.-оф. Еремин, Евгений, — 4-й степени, № 254.076, убит.
20 — Ударник Жарков, Иван, — 4-й степени, № 254.087.
21 — Ст. унт.-оф. Зудлов, Шериф, — 4-й степени, № 255.660.
22 — Ударник Кудрявцев, Борис, — 4-й степени, № 254.068.
23 — Ст. унт.-оф. Крикунов, Михаил, — 4-й степени, № 253.187, в бегах.
24 — Фельдфебель Королев, Иван, — 4-й степени, № 254.661.
25 — Ст. унт.-оф. Климов, Карп, — 4-й степени, № 255.671, убит.
26 — Ст. унт.-оф. Лебедев, Михаил, — 4-й степени, № 253.176, убит.
27 — Мл. унт.-оф. Махно, Александр, — 4-й степени, № 255.694.
28 — Ст. унт.-оф. Митин, Александр, — 4-й степени, № 254.083.
29 — Ст. унт.-оф. Мельник, Петр — 4-й степени, № 254.067.
30 — Мл. унт.-оф. Мартынов, Григорий, — 4-й степени, № 254.955.
31 — Ст. унт.-оф. Мухлыгин, Павел, — 4-й степени, № 254.698.
32 — Мл. унт.-оф. Степанов, Иван, — 4-й степени, № 254.695.
33 — Ст. унт.-оф. Стребличенко, Пав., — 4-й степени, № 254.674, умер
34 — Ударник Семин, Павел, — 4-й степени, № 254.092.
35 — Подпрапорщ. Севрюгин, Илья, — 4-й степени, № 255.657.

36 — Ефрейтор Сорокин, Тимофей, — 4-й степени, № 255.679.
37 — Подпрапорщ. Сотников, Сергей, — 4-й степени, № 253.188.
38 — Ефрейтор Сайковский, Болесл. — 4-й степени, № 254.678.
39 — Подпрапорщ. Неласов, Павел, — 1-й степени, № 254.662.
40 — Мл. унт.-оф. Нестеров, Андрей, — 4-й степени, № 255.674.
41 — Фельдфебель Писклов, Николай, — 4-й степени, № 254.059.
42 — Ст. унт.-оф. Пустосветов, Никол., 4-й степени, № 254.095.
43 — Ударник Плешаков, Филипп, — 4-й степени, № 253.380.
44 — Ефрейтор Рябченко, Михаил, — 4-й степени, № 254 057.
45 — Мл. унт.-оф. Рожков, Александр, — 4-й степени, № 255.665.
46 — Ст. унт.-оф. Ромашкин, Емельян, — 4-й степени, № 254.100.
47 — Мл. унт.-оф. Трубицын, Михаил, — 4-й степени, № 254.987.
48 — Ст. унт.-оф. Ткачев, Василий, — 4-й степени, № 254.672, умер.
49 — Ст. унт.-оф. Фридланд, Александр, — 4-й степени, № 254.656.
50 — Ударник Фомин, Яков, — 4-й степени, № 254.690.
51 — Ст. унт.оф. Ховрин, Василий, — 4-й степени, № 253.398.
52 — Мл. унт.-оф. Цакун, Иван, — 4-й степени, № 254.665.
53 — Мл. унт.-оф. Штепа, Василий, — 4-й степени, № 255.659.
54 — Ст. унт.-оф. Павл. — 4-й степени, № 253.
55 — Ст. унт.-оф. Ерошенко, Федор, — 4-й степени, № 255.02, умер.
56 — Мл. унт.-оф. Кудин, Дмитрий, — 4-й степени, № 255.673, убит.
57 — Ефрейтор Мирошников, Антон, — 4-й степени, № 255.06.
58 — Подпрапорщ. Кацман, Михаил, награжден по представлению командира полка, утвержденному генералом Кутеповым в Галлиполи, за взятие действующих пулеметов, сейчас же использованных для отражения атаки противника.

* * *

Вследствие болезни начальника дивизии и его помощника, в дивизии произошли перемены лиц командного состава:

7 мая командир 2-го Корниловского Ударного полка полковник Пашкевич назначен временно командующим дивизией, а его помощник, подполковник Левитов, — временно командующим 2-м Корниловским Ударным полком.

9 мая. На участок 2-го Корниловского Ударного полка прибыл генерал Врангель, который в своей речи подчеркнул, что Русская Армия скоро пойдет вперед.

Описание выхода за Перекоп беру из моей брошюры (Париж, 1970 г.). **«К юбилею ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ боя КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИИ 25 мая 1920 года и выхода за Перекопский вал в Северную Таврию»** по журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка.

«Задача командного состава — ставить войска в наивыгоднейшее положение, роль войск — драться, стремясь заставить противника сложить оружие, или нанести ему больший урон, сохраняя свои силы. Успех с

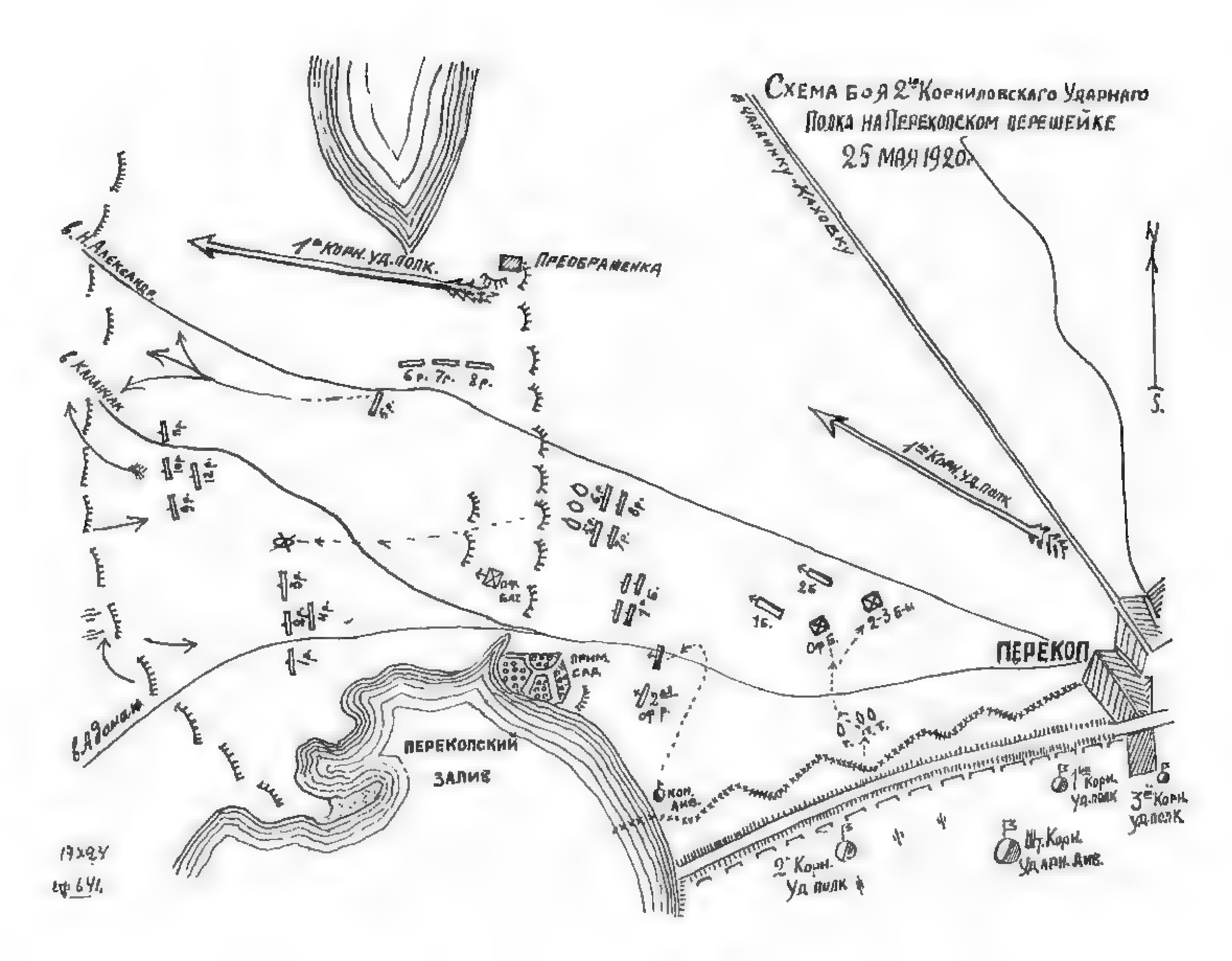


Схема боя 2го Корниловскаго Ударнаго
Полка на Перекопском перешейке
25 мая 1920 г.
в Чаплинку - Каховку
N
S.
1й Корн. уд. полк
1й Корн. уд. полк.
Преображенка
в Н. Александр.
в Каланчак
в Адамань
6 р. 7 р. 8 р.
Оф. бат.
2-3 б-н
1 б.
2 б.
Оф. б.
ПЕРЕКОП
Прим. сад
Перекопский
Залив
Ком. див.
1й Корн. уд. полк
3й Корн. уд. полк
2й Корн. уд. полк
Шт. Корн. ударн. див.
17х24
ф 641.

малыми потерями — лучший, радость начальника. Бой ценен не сам по себе, а своими последствиями. Генералиссимус Светлейший Князь КУТУЗОВ.

* * *

15 мая начинается подготовка к прорыву укреплений красных. Правый участок Корниловской Ударной дивизии, от города Перекопа, включительно, до Собачьей Балки, отводится 1-му полку, а далее влево, до залива, — 2-му полку. 3-й полк — в резерве, за 1-м полком. Почти ежедневно противника тревожили и производилась разведка подступов к его позиции. В этой разведке принимали участие все: от обычного наряда до командиров батальонов, танкистов и командиров полков, включительно. Артиллерия изучала свои участки и вела пристрелку. На участке полка были проведены две дороги через вал и ров: для пехоты и кавалерии. Обычные проходы расширены и в проволочных заграждениях сделаны необходимые удобства. Готовили запасных пулеметчиков, формировались специальные команды для разрушения проволочных заграждений, штудировалась сигнализация ракетами с артиллерией и полотнищами с авиацией, пополнялись склады боеприпасов и расширялись перевязочные пункты. Несмотря на то, что питание было весьма слабое, все делалось с полным сознанием значения для нас первого после долгого перерыва боя с нашими старыми знакомыми — латышами.

Боевой состав 2-го Корниловского Ударного полка на 24 мая 1920 года: батальонов — один офицерский и три солдатских, ударников в командах 380, пулеметов тяжелых 22, легких 32, пулеметная команда офицерского батальона 21 пулемет, шашек 9.

24 мая 1920 г. получен боевой приказ Корниловской Ударной дивизии за № 10. 2-му Корниловскому Ударному полку с тремя орудиями 6-й Корниловской батареи, тремя тяжелыми танками и Корниловским конным дивизионом была поставлена задача: 25 мая в 2 часа 25 мин. занять исходное положение по гребню высоты, что северо-восточнее хутора Кошары, и по проходе танков через исходное положение полка, в 3 часа 30 мин, начать стремительную атаку позиций противника, нанося главный удар между хутором Преображенка и приморским садом. По овладении позицией противника закрепить таковую. По имеющимся сведениям, на фронте полка находятся части 42-й стрелковой и 13-й кавалерийской латышской дивизий. Здесь я позволю себе вспомнить характерный для боевой обстановки случай, происшедший со мной 24 мая, в день выхода полка за ров 25-го. Штаб 2-го Корниловского Ударного полка располагался в хуторе Кула, в двух верстах за валом. Отдав последнее распоряжение, я с моим ординарцем Лебеденко, бывшим адъютантом Махно, карьером полетел к валу через огороды. Какую-то канаву мой конь не взял и полетел. Лебеденко через меня тоже, но я устоял на ногах, а он упал вместе с конем. Стоявшая на огороде старуха говорит: «Эх, барин! Плохая примета!» Знал и я, что плохая, но скоро позабыл про это. Не забыла про это только судьба: через три дня, по дороге на Каховку, на

кургане «Черная Могила», первым же снарядом был убит Лебеденко с конем и мой вороной, а я устоял и только был легко контужен.

В 23 часа 24 мая полк приступил к занятию исходного положения. 1-й батальон, пулеметные команды, артиллерия, танки и боевой обоз были собраны на правом фланге участка полка для перехода через ров по дороге, сделанной специально для пропуска всех родов войск. Мне запомнился момент, когда переправлявшиеся через ров и вал с особым удовольствием смотрели на нашу главную опору в атаке, — на танки, около которых хлопотали русские офицеры, собираясь в последний для них путь и заботливо проверяя исправность своих стальных гробов. Батальоны, — офицерский, 2-й и 3-й, переправлялись на участке 2-го по пешеходной тропе. Конный дивизион — по тропе у залива.

25 мая около 2 час. 30 мин. полк занял исходное положение. В первую линию прорыва укреплений противника была назначены 2-й и 3-й батальоны с тремя танками и одним сопровождающим орудием от 6-й батареи. Ночь была темная и теплая, ветер дул с севера. Луна взошла в 3 часа. На фронте противника тишина. Красные, по-видимому, не подозревали близости момента атаки. В 3 часа 30 мин. танки прошли расположение полка, двигаясь развернутым фронтом на интервалах около 200 шагов. Вследствие северного ветра шум танков противнику не был слышен. У всех чинов полка вера в успех атаки была полная. Вдруг со стороны противника стали доноситься одиночные выстрелы секретов, потом раздался частый ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Наша артиллерия с вала открыла в свою очередь заградительный огонь по Преображенке и по приморскому саду и батареям противника. Вера в успех атаки стремительно влекла в бой весь полк, и первые цепи почти обгоняли танки. Пулеметный огонь противника был настолько силен, что и мне и находившимся со мной конным пришлось кубарем спешиться. Я приказал резервным батальонам залечь. Здесь нас выручила маленькая неточность движения: путь следования полка был по склону морского берега, пересекаемого под косым углом от противника к нам пологим оврагом, а потому, как это бывает при ночных движениях, полк уклонился к морю, воспользовавшись незаметно для себя складкой местности, что спасло нам многие десятки жизней. В 4 часа 30 мин. 2-й батальон выпустил ракету, — условный знак прорыва позиции и перенесения артиллерийского огня. В прорыв, для развития успеха был направлен весь полк. В это время 1-й полк только подходил к противнику у хутора Преображенка. Посланный с донесением о прорыве первой укрепленной линии полевой адъютант полка поручик Горонескуль возвращался вместе с временно командующим дивизией полковником Пашкевичем, который был в восторге от того, что его полк первым нанес поражение противнику и движением 2-го батальона с одним танком помогает своему старшему брату штурмовать хутор Преображенку. Для этого 2-й батальон с танком меняют свое первоначальное северо-западное направление на северо-восточное. Танк принял участие с 1-м полком в занятии хутора, а 2-й батальон, видя, что противник всюду бежит, взял свое первоначальное направление на вторую укрепленную линию. Танк же продолжал свое дви-

жение на участке 1-го полка и при наступившем рассвете стал жертвой снарядов тяжелой красной батареи. Началось наступление Корниловской Ударной дивизии на вторую укрепленную линию противника. Общее направление 2-го полка было прямо на запад. Расположение батальонов: 2-й – на правом фланге, 3-й – в центре и 1-й с двумя танками на левом фланге. 6-я Корниловская батарея на линии батальонов, конный дивизион за левым флангом 1-го батальона, по дороге на с. Адамань, офицерский — в резерве полка. В 5 час. 30 мин. на участок полка прибыла 3-я гвардейская батарея и 8-я гаубичная. В 6 часов на участке 2-го батальона взвилась красная ракета: противник переходит в атаку! Красная артиллерия развивает бешеный огонь по своей первой линии, нами уже пройденной. Наша артиллерия не остается в долгу; усиленная батареями, прибывшими с Перекопского вала, она месит атакующих красных и не забывает отвечать артиллерии противника. Пулеметные команды, исключая находившуюся с офицерским батальоном, силою огня своих 54 пулеметов косят латышей. Батальоны 2-го полка идут, не задерживаясь, навстречу врагу. Дерзость перехода красных в контратаку со второй линии отвечала идее фланкирующего расположения таковой, построенной с целью отрезать от Перекопского вала части, выходящие в Северную Таврию. Очень часто красные не учитывали при наступлении на нас качества и силы нашего огня. Подобного рода просчет получился у них и в данном случае: сорвать наш выход из Крыма фланговым ударом по частям, фактически еще не развернувшимся, им не удалось. Помимо сокрушительного огня с нашей стороны и эффектного, быстрого движения навстречу врагу трех батальонов, с офицерским в резерве, левофланговый наш батальон с двумя танками, несмотря на то, что перед ним окопы красных оказались прикрытыми болотом и латышской батареей, берет их вместе с орудиями Бегущие в это время от 2-го и 3-го батальонов красные при виде прорыва их укреплений на их правом фланге отступают, не задерживаясь, на Кончак. Досадно, что здесь у нас не было кавалерии в резерве, а наш конный дивизион устремился на Адамань. Хотя на участке 1-го батальона оба танка не ворвались в укрепленную линию, только подошли близко, все же половина успеха принадлежит им. Здесь противник, как сказано выше, имел перед своими укреплениями болото и латышскую батарею. Наступивший рассвет ясно обнаружил малочисленность нашей пехоты в сравнении с ними, но танки и пулеметы их подавили, и на этом участке они даже не переходили в контратаку. Особенно самоотверженно оборонялась стоявшая прямо за окопами латышская батарея под командой молодого латыша. Вся ее прислуга была перебита ружейным и пулеметным огнем, а сам командир тяжело ранен. Когда же наша сестра милосердия хотела перевязать его, он с отборной руганью отказался и спустя немного подох. Дорого мы заплатили за эту батарею: она разбила один танк, который сгорел вместе с экипажем, и от нее же пал смертью храбрых офицер-первопоходник, командир орудия 6-й батареи, сопровождавшей цепи. Действуя с большой отвагой, танки при обоих прорывах сыграли решающую роль, но по своим техническим свойствам и вооружению они бессильны бороться днем с артиллерией. С наступлением рассвета и общим

порывом вперед они невольно вышли из подчинения своему прямому начальнику, командиру 2-го Корниловского Ударного полка: один не вернулся со 2-м батальоном на свой участок после демонстрации на хутор Преображенка, пошел по участку 1-го полка и там погиб от снарядов тяжелой батареи красных. Шедшие же в центре участка полка с 3-м батальоном хотя и сыграли свою роль, но, очутившись перед болотом, дали латышской батарее возможность учесть их слабость и дерзким огнем с близкой дистанции разбить один из них вместе с его героическим экипажем.

В 7 часов к хутору Преображенка подошел Сводно-кавалерийский полк генерала Барбовича и повел преследование уже разбитого противника через участок 2-го полка. Ввиду того, что бой закончился еще до полного рассвета, авиация участия в нем не принимала. Наш конный дивизион занял с. Адамань.

Таким образом прорыв с Перекопского вала был сделан 1-м и 2-м полками Корниловской Ударной дивизии, а 3-й полк дивизии оставался все время боя в резерве за 1-м полком, по дороге на Перекоп, на линии самого вала. Он составлял резерв нашей дивизии, обеспечивая наш правый фланг, где наступление Марковцев и Дроздовцев через Сиваши встретило сильное сопротивление противника. Временно командующий дивизией полковник Пашкевич ликовал: дивизия с небольшими потерями, первой из всех атакующих частей прорвала укрепления, а его полк имел счастье быть из первых первым за окопами противника. Потери 2-го полка были: убиты и ранены 5 офицеров и 7 ударников, сгорели 2 танка с их экипажами и большие потери были в артиллерии. Небольшие потери полка я приписываю исключительно условиям ночного боя, дружному налету на противника и силе нашего огня. Из лиц командного состава был ранен командир морского батальона полковник Тарасевич. Трофеи полка: 5 легких орудий (английских), 10 пулеметов и 150 пленных.

Прорыв укрепленных позиций красных на Крымском перешейке интересен для нас с двух точек зрения, тактической и моральной Тактически, — ход боя на прорыв укреплений соответствовал характеру ударных частей и был проведен, как мы видели, с максимальной точностью, дерзновением всех родов войск и сознанием исполняемого нами воинского долга перед национальной Россией. Моральная сторона боя будет относиться исключительно к Корниловцам, дабы избежать упрека при обобщении говорить за других. Суть освещения этой стороны боя в общих чертах сводится к следующему:

В Крым мы прибыли после тяжелого поражения, равного, пожалуй, дням гибели под Екатеринодаром нашего Вождя и Шефа полка Генерала Л. Г. Корнилова. Главным в этом, т о г д а и т е п е р ь, было тягостное для нас сознание, что народы Российской Империи, в массе своей, быть может из животного страха пошли в ряды нашего врага, чуждого им и нам интернационала. Тогда, до 1-го Кубанского похода, до 17 тысяч офицеров, находившихся в Ростове и Нахичевани, уклонились от похода с нами, а положение на Дону определил своим выстрелом большой русский патриот генерал Каледин, один из немногих верно оце-

нивший безнадежность самостийных построений вне решения общего Российского вопроса. Теперь, то есть после 1-го Кубанского похода, когда стало ясным его значение и когда цель его — «зажечь светоч» — была осуществлена и вся Россия узнала о целях обеих борющихся сторон, то, несмотря на это, по выходе Добровольческой Армии на Московскую дорогу мы встретили интернациональную красную армию, по выражению советских источников созданную Лениным (это, конечно, жест партийной вежливости) и военспецами Императорской Армии, ставшими «верными сынами своей советской родины». Что это именно так, это мы особенно хорошо узнали в битве под Орлом, когда карьеристы и шкурники из числа «бывших» использовали все ресурсы страны, спокойно переданные Керенским Ленину, и создали совместно с чекистами подавившую нас своей численностью красную армию. Под давлением этой массы, отбиваясь с мужеством, достойным Императорской Армии, мы принуждены были пережить Новороссийскую катастрофу, сконцентрировавшую в своей точке все неудачи Вооруженных Сил Юга России. Они критикуются под тяжестью пережитого поражения или нежелания признать его. Критика жестокая, доходящая в своих суждениях до возможности чуть ли не повернуть наше поражение в победу на полях и водах Новороссийска!

Жестокий лик войны для нас, Корниловцев, всюду был одинаков, всюду лилась русская кровь, но под Новороссийском он был особенно тяжел, подводя итог пройденному нами пути. Операция эвакуации из Новороссийска переживалась нами как желание использовать в борьбе все возможности и этой последней возможностью был Крым.

Первые дни в Крыму были для нас полны тревог: произошла смена Верховного Командования с переименованием «Вооруженных Сил Юга России» в «Русскую Армию», с критикой, изображавшей нас чуть ли не бандой. Отказ генерала Деникина, как бы к нему ни относиться, имел в своем основании признание невозможности продолжать борьбу в такой форме, и первое обращение к нам Главнокомандующего генерала Врангеля обещало нам только с честью вывести нас из создавшегося положения, другими словами — был выражен тот же взгляд. Отвергнутое им с презрением предложение англичан о посредничестве для переговоров с врагом было встречено в Армии с восторгом, так как отвечало настроению всех: драться на родной земле до последней возможности. Сознание, что в Крыму мы должны иметь дело со старым, во много раз сильнейшим врагом нас не смущало, но вот оценка выполнения нами в последних боях своего воинского долга сильно коробила нас. Собственно, что же произошло? Плохо были одеты и истощены, но все это было и под Орлом, где плюс к этому многие были и без шинелей. А ведь дрались временами с врагом, превышавшим наши силы чуть ли не в двадцать раз! Одно только в позорящей нас клевете было правдой: что много мы бросили материальной части при эвакуации в силу создавшихся условий, а конский состав был полностью оставлен. Но сила духа Корниловских полков была на высоте, и дезертирства не было. Все это переживалось и взвешивалось в душе

каждого Корниловца, отливаясь в старое наше настроение — «умереть или победить».

И 25 мая 1920 года это настроение должно было вылиться в действие. Я мало знал, чтобы кто-либо твердо верил в наш полный конечный успех борьбы при таком соотношении сил обеих сторон, но желание нанести возможно больше вреда власти извергов интернационала было общим. Не забывали мы в этих переживаниях и наших жестоких критиков. Победой в первом бою нам хотелось сказать им: жив дух ударников Генерала Корнилова, да здравствует РОССИЯ!

Первый бой в Крыму эти надежды оправдал и укрепил нас в старой преданности заветам горячо нами чтимого нашего Вождя и Шефа полка Генерала Лавра Георгиевича Корнилова, определившего требования нашей службы в борьбе за честь России в своем знаменитом прощальном приказе: «...Будьте в впредь такими, как вы теперь. Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России. Живите, дышите только мечтой о Ее величии, счастье и славе. Бог в помощь вам!» 1 сентября ст. ст. 1917 г. Генерал Корнилов.

Длинный и кровавый путь от Станиславских боев в июне 1917 года и до штурма Перекопских укреплений красных 25 мая 1920 года проделал Корниловский Ударный полк, развернувшийся с выходом на Московскую дорогу в мощную дивизию трехполкового состава с двумя стами шестьдесятью пятью пулеметами и славной Корниловской артиллерийской бригадой, почти всегда усиливаемой батареями наших доблестных артиллеристов-Марковцев. Недоставало нам только своей кавалерии, а наш конный дивизион был слаб для обслуживания всегда громадных просторов нашего фронта. Отмечен этот путь борьбы Корниловцев за честь России могилами 13.674 убитых, во главе со своим Вождем Генералом Корниловым, и полит он обильно кровью 34.328 раненых... Такова сила любви Корниловцев к РОССИИ по заветам своего Вождя.

Успех боя 25 мая 1920 года, по определению Фельдмаршала Князя Кутузова, был ценен для нас не сам по себе даже, но особенно своими последствиями: он влил в нас ту силу, с которой мы достойно вели борьбу с поработителями национальной России и которую генерал Врангель оценил врученными нам наградами: дивизии — Георгиевского Знамени и полкам — Николаевских Знамен.

Заканчивая описание боя Корниловской Ударной дивизии, я с чувством гордости свидетельствую, что заветы нашего Вождя и Шефа полка и здесь мы выполнили достойно.

Быв. командир 2-го Корниловского Ударного полка полк. Левитов.

* * *

За отсутствием у меня журнала боевых действий 1-го Корниловского Ударного полка, я помещаю воспоминания одного из его офицеров, — поручика Михаила Юрьевича Бердника, приславшего мне их к юбилею этого боя.

ОЧЕРК МИНУВШЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Захват неприятельской батареи.

Ночь на 25 мая 1920 года была необычна для Крымской Армии генерала Врангеля. Ни один человек на фронте в эту ночь не заснул, и с наступлением темноты все боевые единицы всех родов войск пришли в движение. Это движение было заранее предопределено и разработано в деталях, начиная от штаба Главнокомандующего и всех крупных боевых соединений до полковых штабов, включительно. Наш 3-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка, стоявший в резерве, с заходом солнца присоединился к полку и в 11 часов ночи был на Перекопском валу в ожидании дальнейшего движения. В полночь полк в полном составе, соблюдая абсолютную тишину, двинулся в темное пространство ночи на территорию, занятую красными частями. Из своего крымского убежища мы выходили на широкий простор Таврии. Первые заставы красных находились около села Преображенка, их линии не имели вида беспрерывных укреплений позиции, какие имела на Перекопском валу Армия генерала Врангеля. Открытое и безлесное пространство не защищало пехоту красных от нашего артиллерийского огня, но все их главные силы находились вне достижения наших батарей, примерно на расстоянии 4-5 верст от линии наших позиций. Ночным маршем, сохраняя непрерывную связь с соседями, мы медленно продвигались по целине к противнику, и часа через два весь полк залег в ожидании рассвета, чтобы в скрывающем нас тумане атаковать красных, сломить их сопротивление и преследовать их отступающие части до окончания распыления первой оборонительной линии. Лежа в темноте, мы потеряли представление о времени, но было, вероятно, близко к рассвету. Позади нас слышался громыхающий лязг наших наступавших танков, идущих с прикрытыми огнями по заросшей проселочной дороге. На всем фронте широкого наступления царила гробовая тишина, и вдруг совсем невдалеке начались частые вспышки артиллерийских огней, и в ночную темноту стали ложиться снаряды по заранее пристрелянным расчетным площадям воображаемых опасных участков, может быть занятых невидимым противником. Батарея красных нервно переносила огонь с одного квадрата на другой, кладя снаряды близко к участку скрытого темнотой нашего полка, но никого, к счастью, не задевало. Шум наступающих танков приближался ближе и ближе, и батарея противника перенесла огонь на расчетную дистанцию танков и на время оставила нас в покое. Темный покров ночи стал сменяться бледно-серым молочным туманом, и начали вырисовываться неясные очертания ближайших предметов. Полк был поднят на ноги, и мы двинулись вперед, идя почти рядом с движущимися танками. Батарея красных беспрерывно, но беспорядочно и нервно вела огонь по разным направлениям. Быстро приближался рассвет. Танки были уже обнаружены, и батарея встретила чудовища неистовым огнем. В глубоком молчании шло наступление, не было слышно ни пулеметного, ни винтовочного огня, и только артиллерийская дуэль батареи с нашими танками разрывала тиши-

ну исчезающей ночи. Среди одинаковых разрывов мы отметили сильный взрыв, происшедший где-то впереди от нас, к линии наступающих танков, и вскоре по цепи получили подтверждение, что один наш танк был подорван и быстро загорелся, оставленный командой. Теперь мы ускорили наше движение, стремясь подойти к линии противника как можно скорей, обнаружить его силы и войти с ним в боевое соприкосновение. На нашем пути был встречен стоявший в стороне объятый пламенем наш танк, внутри которого беспрерывно рвались патроны пулеметных лент и резерва. Яростный огонь красной батареи неожиданно прервался и затих. Мы не знали, что в этот момент среди молочного тумана красные артиллеристы увидели неожиданно выросшие как из-под земли фигуры Корниловцев, в упор расстреливавших прислугу орудий. В один момент батарея смолкла, ее команда быстро, в смертельном страхе кинулась к лошадям, бросив все орудия и зарядные ящики в руки ворвавшихся храбрецов.

Это был первый грозный шквал сокрушительной атаки лучших передовых частей 1-го Ударного полка, укомплектованных старыми боевыми офицерами и ударниками, прошедшими суровую школу войны от ледяного похода до Курска и Орла. Все было брошено противником на месте, винтовки и патроны в беспорядке валялись на мокрой земле вместе с шинелями и покрывалами, забытыми в панике. Во всех направлениях были растянуты катушки артиллерийских проводов, от толстых кабелей до тончайших, в иностранных миниатюрных, изящных катушках. Как нити паутины, они тянулись по полю на целые километры на различные наблюдательные пункты, в штабы и квартиры командиров и комиссаров. Видно было богатство и разнообразие артиллерийского снабжения по сравнению с убожеством и нехватками нашей телефонной связи, не позволяющей нашей артиллерии как следует наладить связь наблюдательных пунктов. Так наши союзные предатели из Лондона и Парижа снабжали наших врагов «последним словом артиллерийской техники», в чем можно было убедиться по имевшимся металлическим ярлычкам и надписям на английском и французском языках. Наблюдение всего этого было мимолетным... Еще минута, и батарея снова открыла огонь, еще более быстрый и нервный, чем был слышен до сих пор. Идущая сзади пехота узнала потом, почему снаряды не рвались на нашей стороне, а где-то глухо утопали в ближайшем тылу красного расположения и как будто все время углублялись в глубину позиции красных. Впереди прозвучало мощное «ура», и по цепи передали, что передовыми дозорами вместе с нашими артиллеристами захвачена в плен неприятельская батарея из шести орудий в полной исправности. Орудия были быстро повернуты на 180 градусов, и сам доблестный командир Корниловской батареи, Георгиевский кавалер полковник Бялковский, Николай Петрович, преследовал огнем отступающие красные полчища, не жалея вражеских снарядов, посылая их в спину «драпающего» врага. Уже совсем светало. Весеннее солнце показалось на горизонте, холодная утренняя роса искрилась на светлой траве, отражая косые лучи солнца. Впереди шла трескотня пулеметов и беспорядочный ружейный огонь, неся смерть и сокрушение

отступающим красным частям, в большинстве случаев состоявшим из оплота красной армии — латышей.

Наш 3-й батальон 1-го Корниловского полка шел медленно и уверенно в направлении молчавшей батареи. Первые ряды пулеметной команды наткнулись на искусственные заграждения из мешков с землей и декоративные прикрытия из зеленых ветвей, стоящие около орудий и зарядных ящиков. Чины команды осматривали детали убежищ и глубоко врезанных в землю землянок, ища подходящего оружия для своего резерва. В земляных углублениях стояли тяжелые артиллерийские ящики со снарядами и много нераспечатанных патронных ящиков в белой деревянной обшивке. Пробуя поднимать ящики, я сразу обнаружил разницу в весе одинаково сделанных и немедленно вскрыл более легкие. Какова же была наша радость, когда, срывая крышки, мы обнаружили сложенные рядами куски прекрасного белого сала, пересыпанного солью. Вероятно никто из нас более года не только не пробовал, но даже и не видел маленького куска сала, питаясь каждый день, в обед и вечером, керченской «камсой». От такого счастья была на время забыта боевая обстановка и, разбивая ящики с салом, мы набивали им наши походные сумки и снабжали им всех подходивших. Сало успевало исчезать не только в сумках, но и во рту уже достаточно проголодавшихся в походе бойцов. Наша остановка продолжалась недолго. О неожиданном кормовом подкреплении было немедленно сообщено хозяйственной части батальона, и мы быстрым шагом покатились вперед, за волнами рассыпного строя идущих впереди нас батальонов. Нашей целью было как можно скорей оттеснить и рассеять сброшенные с первой оборонительной линии силы красных, уничтожить их боеспособность и помочь своим фланговым движением соседней, Марковской дивизии, геройски дерущейся с сильной пехотой и артиллерией красных на хорошо устроенных позициях Гул артиллерийской канонады доносился до глубокой ночи. Сомкнув батальоны, пехота пропустила кавалерийские и казачьи части, посланные вдогонку отступающему врагу, и снова замаршировала по степным просторам Северной Таврии, захватывая и увеличивая плацдарм будущих боев с красными — Троцким, Буденным, Жлобой, Дыбенко и другими, захлебнувшимися в, крови «углубления революции». Нашим Белым Вождям не было суждено выполнить задачу освобождения родной земли от интернациональной нечисти. Несмотря на геройство и доблесть лучших сынов России, Армия генерала Врангеля через семь месяцев неравной борьбы с хорошо вооруженными полчищами латышей, китайцев, военнопленных немцев и мадьяр снова перешла в Крым через Перекоп, чтобы отплыть затем к чужим берегам и не оставить своих защитников на мучения и позорную смерть. 1-го Корниловского Ударного полка, 3-го батальона полковника Злуницына поручик Бердник, Михаил Юрьевич.

* * *

С чувством глубокой признательности я помещаю вышеприведенную статью поручика Бердника с описанием деталей доблести нашего про-

славленного 1-го Корниловского Ударного полка, где и я имел честь долгое время служить в борьбе за честь России. Полковник Левитов.

26 мая ст. ст. 1920 г. 2-й Корниловский Ударный полк получил приказание продвинуться в хутор Спендиаровка, куда полк прибыл в 13 часов и сменил на позиции 3-й Марковский полк. Офицерский батальон расположился западнее полка. Со стороны противника, на высоте, что южнее с. Чаплинка, были видны наблюдательные посты красных. 1-й полк расположился по дороге на Чаплинку, куда подходят резервы красных. Ночь прошла спокойно.

27 мая. Получен приказ овладеть Чаплинкой. Около 6 часов 2-й Корниловский Ударный полк сосредоточивается в хуторе Спендиаровка. В 9 часов был сделан налет на Чаплинку аэропланов, сбросивших бомбы на противника. Разведка выяснила, что противник занимает южную окраину Чаплинки, западнее большой дороги. Кроме пулеметов и двух батарей, из них одна тяжелая, у противника имелось четыре броневтомобиля. В 12 часов 2-й полк с 5-й и 6-й легкими и 8-й 6-дюймовой батареями выступил на Чаплинку. За правым флангом полка следовал дивизионный резерв, — 3-й Корниловский Ударный полк с двумя легкими и одной тяжелой батареями. Левее 2-го полка, на село Преображенка двигался 1-й Корниловский Ударный полк. По выходе 2-го полка на высоту, что южнее Чаплинки, к востоку показалась конница генерала Морозова, идущая на Каховку. При развертывании 2-го полка противник открыл сильный огонь. День был очень жаркий, чувствовалась усталость, но около 14 часов лихой атакой красные были выбиты из Чаплинки. После этого 3-й полк через Чаплинку идет на село Преображенка (северо-западнее Чаплинки). После занятия нашими полками села 2-й полк занимает для ночлега хутора Анциферова, на север от Чаплинки.

28 мая. Корниловской Ударной дивизии приказано взять Каховку. 2-й Корниловский Ударный полк в 10 часов идет на хутор Балтазаров, на север, противник конницей на большом расстоянии обтекает его с обоих флангов, но от обстрела нашей артиллерией отскакивает, сосредоточиваясь к востоку, против конницы генерала Морозова.

На участке 1-го полка конница тоже отступает. С подходом авангарда 2-го полка к хутору Балтазаров временно командующий полком подполковник Левитов и командир артиллерийского дивизиона полковник Роппонет поспешили выехать на доминирующую над местностью очень высокую могилу, оставшуюся с татарских времен. Не успела группа добраться до вершины, как в ее центре грянул разрыв снаряда. Красные должно быть заранее пристрелялись и первым же снарядом накрыли нас. Все исчезло в дыму и пыли. Я, — подполковник Левитов, пришел в себя лежа на земле. Мой вороной конь сидел на задних, качал головой, а потом и упал. Соображаю, что дело плохо, а потому собираю все свои силы и встаю. За мной лежит убитый конь моего ординарца, а сам ординарец сидит, как будто стараясь не упасть. Беру его за плечо и спрашиваю: «Лебеденко, что с тобой?» Бедняга откидывается назад и умирает. Бывший адъютант Махно, перешедший к нам где-то за Курском, он был трезв и честно служил России, заняв у меня беспокойное и опасное место орди-

нарца, тоже убитого своего предшественника. Итак, предсказание старухи перед боем 25 мая за Перекопом теперь сбылось. Тогда Лебеденко упал вместе с конем, упал и мой вороной, а я соскочил с него на ноги, а теперь оба коня с Лебеденкой убиты, а меня Бог спас. Судьба!..

Не успели снести убитого с могилы, как к ее подножию ворвался красный броневик. Наши пулеметы и шедший около батальон, находясь от него в каких-нибудь 200 шагах, открыли по нему сосредоточенный огонь. Град пуль, по-видимому, произвел свое впечатление на красных. Их пулеметы давали недолет и только подняли перед нами гряды земли, даже не ранив никого. Наши бросились на ура, но он все же удрал. После этого Лебеденко похоронили в усадьбе одного хуторянина.

29 мая. Ночь прошла спокойно. Около 10 часов приехал командир корпуса генерал Кутепов. Генералу Морозову было приказано атаковать хутор Тельников, а 2-му Корниловскому Ударному полку содействовать атаке. Для этого полк в 12 часов перешел на хутор, что в 3 верстах северо-западнее Натальино, и открыл огонь во фланг в тыл противника, находившегося перед фронтом генерала Морозова. Для обеспечения своего левого фланга по большой дороге был пущен 2-й батальон полка с 6-й батареей, двумя пушками Гочкиса и двумя броневиками. В 17 часов 2-й полк, совместно с конницей генерала Морозова, атаковал красных в направлении западнее хутора Тельникова офицерским, 1-м и 3-м батальонами. Противник был отброшен на Малую Каховку. На ночлег полк расположился на хуторе Тельникова, что на большой дороге и севернее на 3 версты хутора Каменный Колодезь.

В полку за эти бои потери были незначительны. У красных в этом бою был убит командир 4-го кавалерийского полка и его ординарец.

Возвратился после болезни начальник Корниловской Ударной дивизии полковник Скоблин. Полковник Пашкевич принял 2-й Корниловский Ударный полк, а подполковник Левитов вернулся на свое место помощника командира полка по строевой части. На фронте против Корниловской Ударной дивизии осталась латышская кавалерийская дивизия. За время нашего отсутствия на хуторе латыши испортили все колодцы, которых было всего только три.

30 мая. Корниловская Ударная дивизия выступила в 9 часов для занятия М. Каховки. На линии хутора Терны встретили арьергарды противника, которые спешно отходили, часть — на Каховку, а часть — на северо-восток, вдоль Днепра. При занятии 2-м полком М. Каховки противник с правого берега обстреливал его пулеметным и артиллерийским огнем. 1-й и 3-й батальоны преследовали противника, отходившего на восток. Около села Любимовки настигли его и несколько лодок с комиссарами были пущены огнем ко дну. В 21 час батальоны присоединились к полку.

31 мая. Дневка. На фронте артиллерийская перестрелка.

* * *

Из журнала боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка, который вел бывший командир Кавказского полка полковник Бржезиц-

кий, Александр Иосифович, помещается только «Общий вывод из всей операции Перекоп — М. Каховка»:

1) План операции разрабатывает тот начальник, который должен его выполнить. Утверждает и дополняет его высший штаб.

2) При наступлении не давать коннице задач, подобных пехоте, а давать соответствующие ее роду оружия.

3) Вследствие малочисленности у нас танков, применять их только ночью.

4) Связь пехоты с техническими частями неудовлетворительна.

5) Необходима большая интенсивность в организации тыла.

Заключение: операция прошла блестяще и без особых потерь. Полковник Бржезицкий. Хутор Кочкуровка.

* * *

1 июня 1920 г. Корниловская Ударная дивизия отводится в резерв в село Натальино. 2-й Корниловский Ударный полк выступил из Каховки в час. С 4 часов до 13 — большой привал в х. Топилов. За отсутствием мест в Натальино 2-й полк расположился в х. Кочкуровском.

2 июня. Появление желудочных заболеваний. Вода достается из глубоких колодцев.

3 июня. Прибыло сто человек пополнения из числа военнопленных, захваченных 25 мая.

4 и 5 июня. Строевые занятия. Запрещение продажи вишен, появившихся в изобилии.

6 июня. Смотр дивизии Главнокомандующим. Было видно, что генерал Врангель доволен работой Корниловцев.

7 июня. Прививка противохолерной вакцины.

8 июня. Продолжение прививки. Горячая пища два раза в день.

9 июня. Строевых занятий нет.

10-11 июня. Занятия и поверка огнеприпасов.

12 июня. Согласно приказу по дивизии от 11 июня за № 4 назначено выступление на Нижние Серагозы в 6 часов 30 мин.

Дальнейшее осветит нам статья полковника Левитова, выпущенная им в Париже в 1963 году под заглавием: «Разгром конного корпуса Жлобы 19 и 20 июня 1920 года».

Прошли века, изменились масштабы и способы защиты РОССИИ, и теперь, в недалеком прошлом, мы видим, как в Северной Таврии, в 1920 году, 2-й Корниловский Ударный полк отбивает атаки конного корпуса Жлобы красной армии, защищая последний клочок родной русской земли от диктатуры международного пролетариата.

«Мои впечатления о разгроме конного корпуса Жлобы 19 и 20 июня 1920 года в Северной Таврии по должности помощника командира 2-го Корниловского Ударного полка по строевой части».

Изречение Генералиссимуса Кутузова: «Задача командного состава — ставить войска в наивыгоднейшее положение, а роль войск — драться, стремясь заставить противника сложить оружие или нанести ему боль-

ший урон, сохраняя свои силы. Успех с малыми потерями — лучший, радость начальника. Бой ценен не сам по себе, а своими последствиями».

Для ликвидации успешного продвижения Русской Армии по линии Перекоп — Каховка красное командование перебросило в район станции Пологи значительные силы пехоты и кавалерии с целью — ударом на г. Мелитополь разбить наши слабые части на этом участке и в дальнейшем выйти в тыл каховской группе. С получением донесений об этом от разведки штаб Армии решает парировать этот удар быстрой переброской частей, освободившихся после занятия Каховки. Среди них была и Корниловская Ударная дивизия, отведенная из Каховки в резерв, в с. Натальино. Переброска Корниловской Ударной дивизии из села Натальино началась 12 июня, и за пять дней 2-й Корниловский Ударный полк сделал 160 верст, прибыв в село Троицкое в 19 часов 17 июня. К этому времени определился и состав красных войск, в свою очередь спешивших на г. Мелитополь. На участке Корниловской Ударной дивизии это был конный корпус усиленного состава.

18 июня 2-й Корниловский Ударный полк со своей артиллерией выдвигается в колонию Орлово — Тиге. Присутствие противника обнаружено в колонии Тигервейде. Сторожевое охранение приказано выставить на север, восток и юго-восток. 1-й и 2-й батальоны полка занимают северную часть колонии, выставив от себя указанное сторожевое охранение, а 3-й и офицерский батальоны со штабом полка и артиллерией остаются в юго-западной части ее со своим добавочным охранением от офицерского батальона.

После установления телефонной связи и получения донесений от командиров батальонов об исполнении приказания, я должен был проехать по их участкам и проверить. Полк растянулся по колонии версты на три, плюс черта сторожевого охранения, и моя поездка затянулась часов до трех 19 июня. По возвращении я доложил командиру полка о положении и, не закусив, завалился, не раздеваясь, спать. Не успел я заснуть, как в северной части колонии была открыта стрельба, которая по своему характеру ничего хорошего не говорила: начиналась в разных местах, велась беспорядочно и быстро прекращалась. Слышались разрывы ручных гранат, которых мы не имели. Телефонная связь была прервана. Не спрашивая разрешения командира полка, я понесся с одним только ординарцем на место боя. Не успел я отъехать и версты, как увидел скачущие наши кухни и каких-то всадников, снующих по единственной улице колонии. Встречные кавалеристы сначала подозрительно смотрят на нашу скачку, а потом и преграждают нам дорогу. Картина стала для нас ясна: мы среди красных. Ординарца они от меня отбили, но я все же решил пробиться на выстрелы своих батальонов. Подлетавших черезчур близко ко мне красных приходилось отбивать выстрелами из нагана. Стало немного светать, и я увидел группы Корниловцев, выглядывавших из-за солидных заборов и редко стрелявших в мечущихся, уже с узлами награбленного добра, удиравших красных. В это время с северо-восточной стороны, вдоль колонии, батарея красных открыла огонь с близкой дистанции. От первого контакта со своими у меня сложилось впечатление,

что действует кавалерия красных и что за первой прорвавшейся слабой частью должна последовать атака главными силами противника, которая пойдет не по одной же улице колонии, куда было обращено внимание наших! Для выяснения обстановки я спешу со двора через сад осмотреть, что делается в том направлении, куда удирали красные кавалеристы. Слабый рассвет с туманом все же позволил мне увидеть в бинокль следующую картину: в версте на северо-восток от колонии батарея красных ведет огонь по расположению полка, а в направлении на восток, среди зелени высоких хлебов на нас движется по-эскадронно масса кавалерии, тыл которой был прикрыт туманом. Отдаю приказание срочно собрать ко мне пулеметы, а ротам резерва изменить направление на главный удар, оставив минимум для расправы с одиночками на улице. Собравшиеся еще при мне пулеметы первым своим огнем накрыли батарею, которая прекратила огонь и, полагаю, что она и была брошена в силу этого. Я видел силу и первого обстрела пулеметной батареей противника — его наступавших колонн кавалерии. В первый момент фронт противника замер от неожиданности, а потом, как будто очнувшись, смешался и бросился наутек, оставляя группами раненых и убитых.

Несмотря на прекрасные действия 1-го и 2-го батальонов, я не верил, что атака красных сорвалась, и потому карьером полетел к командиру полка с докладом и с просьбой усилить северную часть колонии офицерским батальоном. Рассвет сделал свое дело, — открыла огонь по отступающим и наша артиллерия. Сила и дальность ее огня окончательно расстроили противника, командир полка это видел и мою просьбу об усилении отклонил. Раненые и убитые были из состава двух полков корпуса Жлобы, но сколько сил было во второй линии, из-за тумана и быстрого отступления противника выяснить не удалось. Позже выяснилось, что действовала Таманская кавалерийская бригада при четырех орудиях, два из которых, шедших с атакующими, были нами взяты, так же как и два пулемета. Успех занятия северо-восточной части колонии красными объясняется тем, что впереди должен был своими разъездами освещать местность эскадрон штаба дивизии, утомлением чинов полка усиленными переходами за последние шесть дней и тем, что противник был информирован о нашем расположении в колонии. Быстрота лихого ночного налета и действия конной артиллерии красных создали им иллюзию успеха, за что батарея заплатила своей гибелью, из ворвавшихся кавалеристов редко кто удрал с награбленными узлами, а смело наступавшее ядро кавалерии за свою самоуверенность, помимо разгрома, поплатилось изрядными потерями. Красным все же удалось взять несколько наших в плен из наших разъездов, но на следующий день, после разгрома корпуса Жлобы, мы их отбыли. Оказывается, их срочно доставили в штаб корпуса красных, и, судя по взволнованным разговорам конвоя, и по ходу допроса, было видно, насколько их ошеломил такой резкий отпор противника, как будто и незначительного по силам, но губительного по огню. Допросы и споры красных между собой велись весь день, но в оценке вопроса о наших силах ясности не добились. В итоге, быстро катившаяся на Мелитополь красная лавина остановилась, потеряв 24 драгоценных часа, что дало воз-

можность нашему командованию уточнить детали нашего контрудара на утро 20 июня 1920 года.

Бой с Таманской кавалерийский бригадой в составе 1-го и 2-го кавалерийских полков при двух батареях, начавшийся в 5 часов 19 июня положил начало фактическому разгрому корпуса Жлобы на следующее утро. С нашей стороны этот удар принял на себя 2-й Корниловский Ударный полк, по сложившимся обстоятельствам оправдавший определение Фельдмаршалом Кутузовым ценности боя: «Бой ценен не сам по себе, а своими последствиями», то есть в данном случае полк не только наказал дерзкого противника, но и задержал его на месте на сутки, предоставив тем самым нам право на следующее утро выбрать для себя удобное место точно в тылу всего конного корпуса Жлобы, который в бою с Корниловской Ударной дивизией получил первый и сокрушительный удар.

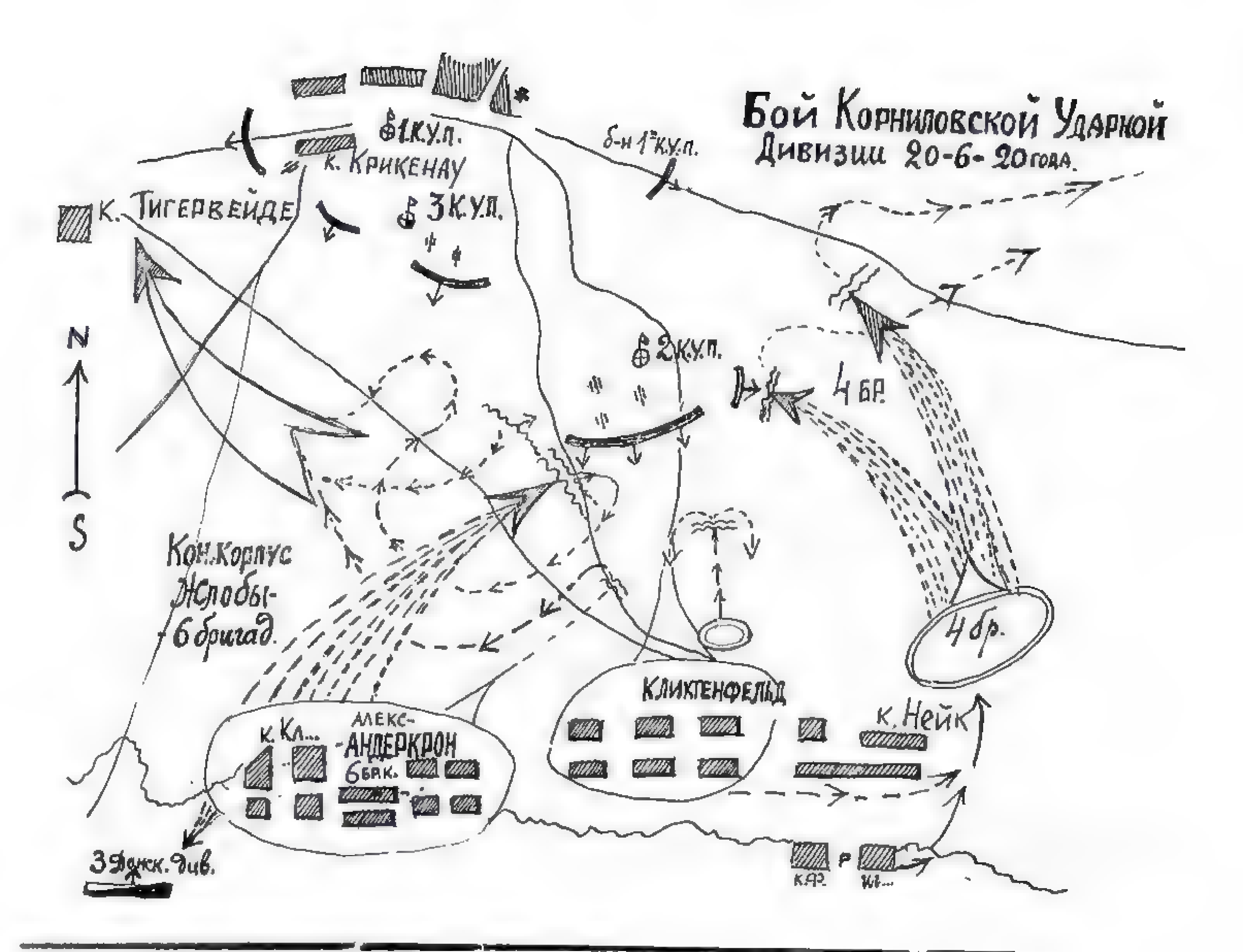
К 6 часам 19 июня бой под колонией Орлово-Тиге закончился. Разбитая кавалерия противника скрылась в направлении колонии Рикенау, а 1-й Корниловский Ударный полк был отведен в дивизионный резерв в колонию Альтенау. Трофеями, указанными для начальства, были: 2 орудия, 1 зарядный ящик, 2 пулемета и масса винтовок. Наши потери: убиты врач и четыре ударника, ранены четыре офицера и пятнадцать ударников.

Согласно записи журнала боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка, за отличия в этом бою были представлены к производству в следующие чины и к ордену Св. Николая Чудотворца: подполковник Померанцев, подпоручик Маншин, подпоручик Косович, подпоручик Носиков, фельдфебель Морозов, старший унтер-офицер Халидулин. Мое представление не записано в журнале, но оно состоялось: командир полка по-джентльменски уклонился от руководства боем, приписав успех такового мне, и я в срочном порядке получил производство в полковники за боевые отличия.

15 июня 1963 года в Париже поручик Дудниченко рассказал мне о своем впечатлении о бое в Орлово-Тиге: «Я был назначен в связь к командиру полка от офицерского батальона. С начала стрельбы на северо-восточной окраине колонии и около южной части ее, в расположении штаба полка и офицерского батальона были красные кавалеристы. Одному нашему часовому ударом шашки снесли треть головы, был убит врач. Были видны искры от встречных ударов шашек красных и наших».

Таким образом выясняется наличие кавалерийских дозоров красных и на южном конце колонии, там, где мы не ожидали противника и где на ближнем расстоянии было поставлено слабое сторожевое охранение. Безусловно, тревога и здесь была, но сила двух батальонов и трех батарей почти этого и не заметила. Как ни самоуверенны были красные кавалеристы, но сила огнестрельного оружия в руках Корниловцев всегда дорого им обходилась.

19 июня 1920 г. в 23 часа 2-й Корниловский Ударный полк получил приказ по дивизии за № 17 для операции по окружению конного корпуса Жлобы: «2-й Корниловский Ударный полк в 2 часа 20 июня выступает за 1-м Корниловским Ударным полком в колонию Тигервейде, должен


Бой Корниловской Ударной
Дивизии 20-6-20 года.
1 К.У.П.
к. Крикенау
б-н 1 К.У.П.
к. Тигервейде
3 К.У.П.
2 К.У.П.
4 БР.
N
S
Кон. Корпус
Жлобы-
6 бригад.
4 бр.
Клиптенфельд
Алекс-
Андеркрон
к. Кл...
6 бак.
к. Нейк
39 донск. див.

пройти через нее и через колонию Рикенау и в дальнейшем наступать на Лихтфельд — Александеркрон».

Все обозы и кухни полк отправил назад, в с. Троицкое, и выступил за 1-м полком точно в 2 часа. Движение Корниловской Ударной дивизии происходило со всеми мерами предосторожности, и за все время движения 2-го полка до Рикенау, включительно, только один раз раздалось несколько выстрелов в походном охранении: в темноте произошло недоразумение между своими. Согласно приказу полк, пройдя Рикенау, идет уже в авангарде на юг, по дороге на Лихтфельд. По той же дороге за ним шел 3-й полк. Не пройдя и трех верст в этом направлении, часов в 8 можно было в бинокль наблюдать массовое движение красной конницы за колониями Клефельд — Александеркрон, направлением на юг, то есть, согласно диспозиции, — против 3-й Донской дивизии. Полк начал разворачиваться для боя с кавалерией. Направление: 1-й батальон — вдоль дороги, 2-й левее, 3-й в резерве и офицерский батальон уступом за левым флангом. Батальоны идут в резервных колоннах, с развернутыми ротами в две шеренги, все пулеметы (52) в интервалах рот, офицерская пулеметная команда — 21 пулемет — со своим батальоном, две легкие батареи и одна 6-дюймовая — прямо за полком, на ближних дистанциях.

На участке 3-й Донской дивизии красная артиллерия начинает бить по донцам, а донская, — о ужас! — начинает бить по офицерскому батальону... С первых же попаданий была убита сестра милосердия и несколько офицеров были убиты и ранены. Командир полка, обращаясь к командиру 5-й батареи полковнику Петренко, говорит: «Не разобрались! Заставьте их замолчать!» После выяснилось, что 5-я батарея со второго выстрела перевернула орудие донской батареи, и стрельба по нам прекратилась. «Печальный обоз недоразумения» повез в Мелитополь раненых обеих сторон.

Красные сразу прекратили наступление на донцов, наша артиллерия бьет по красным, наш броневтомобиль лихо катит по дороге на Лихтенфельд, и эскадрон штаба Корниловской Ударной дивизии идет на рысях туда же. Но спустя минут пятнадцать, при виде всей массы противника перед собой, наши горячие головы неслись карьером обратно, под прикрытие своей пехоты. Артиллерия красных по-кавалерийски бьет часто и разбрасывает снаряды. Высокий хлеб хорошо маскирует наше движение. Однако командир полка, оценив силу движения на нас массы красной кавалерии, приостанавливает наше движение, батареи почти соединяются с пехотой и пулеметы все в первой линии.

Отчетливо наметились две громадных группы для удара по нашим флангам, а на центр полка шло не меньше десяти эскадронов. Напряжение бойцов было предельным, но вера в силу своего действительно внушительного огня и, вдобавок, компактное наше расположение обещали нам успех. В это время из Рикенау быстрым шагом выходил на наш правый фланг 3-й Корниловский Ударный полк, располагаясь уступом за нами, и оттуда же выходил батальон 1-го Корниловского Ударного полка для прикрытия нашего левого фланга уступом назад версты на две.

Первыми нас атаковали в лоб сотни кубанцев. Сначала они шли змей-

ками, потом, на расстоянии версты, когда вышли на нашу возвышенную местность и увидели нас, все лихо развернулись в две шеренги, почему-то надвинули на глаза кубанки, выхватили шашки и понеслись на нас в атаку. Картина была В Н У Ш И Т Е Л Ь Н А Я. Наша пехота молчала, била только артиллерия. Я почти с ужасом смотрел на мчавшихся на нас не так давно наших славных союзников, земли которых совместно с ними освободила Добровольческая Армия дорогой ценой, и теперь одна только минута отделяет нас от начала исполнения нами своего воинского долга. Летели кубанцы на нас лихо, даже сохраняя равнение в сотнях. Среди наших по их адресу кое-где неслась отборная ругань, но преобладало уверенное в себе гробовое молчание. Красные были уверены в успехе удара по нашим флангам, а мы, в большинстве не видевшие еще этой угрозы, твердо верили в мощную силу нашего огня, несмотря на выдвинутое положение полка. Начало каждой атаки во многом зависит от выбора

Разгром конного корпуса Жлобы.
20. 6. 1920 г.

момента шока, и это особенно важно для кавалерии. Атакующие нас с фронта не согласовали во времени своего удара с фланговыми, они начали его минимум минут на 20 раньше, не дождавшись эффекта действий на флангах, и этим сами себе подписали полный разгром. Расстояние быстро сокращалось, неслось уже русское «ура», и в ответ ему неслись русские же пули.

Уничтожение «себе подобных» началось. Лавина пулеметного огня понеслась навстречу грозно сверкавшим клинкам в руках озверевших красных, мчавшихся на прекрасных конях, хотя и неповинных в нашем кровавом споре, но одинаково обреченных на смерть. Первая половина версты, разделявшая противников, вычистила наполовину же атакующих, их

победный крик смолкает под силой огня Корниловцев, темп атакующих выдыхается, роковой перелом начался, и только немногие храбрецы нашли свою смерть шагах в ста от центра обороны 2-го Корниловского Ударного полка.

Первая сцена центральной атаки закончена, на оба фланга полка начинают давить более мощные кулаки красной конницы. Артиллерия бьет прямой наводкой, тяжелые пулеметы перемещаются на фланги и ведут пристрелку, сила огня снова заглушает гул несущихся в атаку красных. 2-й Корниловский Ударный полк не меняет своей позиции и только загибает оба фланга и усиливает их главным образом тяжелыми пулеметами. Атакующие частично захватывают и участки 3-го полка и батальона 1-го полка. По густоте атакующих наш образовавшийся треугольник было видно, что противник решил уничтожить выдвинувшийся 2-й Корниловский Ударный полк. Но и здесь они не учли того, что сила огня Корниловцев была в полном взаимодействии. Артиллерия красных растерялась, по-видимому все время меняла позиции, да и высокие хлеба отлично маскировали нас, а потому все наше внимание сводилось к отражению атак. На этот раз они были более настойчивы и возобновлялись по несколько раз, соединяясь с новой фланговой атакой. В итоге настойчивых атак красных, результаты для них были всюду печальными: фронтальная атака была снова отбита огнем, а фланговые, очутившись каждая в отдельности под нашим перекрестным огнем, благодаря своевременному прикрытию флангов 2-го Корниловского Ударного полка штабом нашей дивизии, тоже захлебнулись. Не помогли им и попытки повторных атак.

У меня тогда и теперь не было и нет впечатления, что Жлоба с первого же момента появления у него в тылу Корниловцев искал, в какую сторону ему можно было бы ускользнуть. Судя по его действиям, это далеко не так. После первой неудачной лобовой атаки кубанцев на центр 2-го полка он повторяет ее, соединяя ее с двумя другими мощными атаками: слева — ШЕСТИ бригад и справа — ЧЕТЫРЕХ бригад на фланги и тыл 2-го Корниловского Ударного полка, считая, по-видимому, его главными силами с нашей стороны, которые он и надеялся уничтожить.

Своей левофланговой и самой многочисленной группой из 6 кавалерийских бригад управлял сам Жлоба. Фланги 2-го полка оказались хорошо прикрытыми, кавалерия красных отбита, но она пытается более глубоким ударом сломить наше сопротивление. Но когда и эта попытка провалилась, то с этого момента можно считать, что Жлоба со своей самой большой группой обратился в бегство, как и все части его корпуса. В это время 3-я Донская дивизия энергично гнала перед собой оставленный Жлобой заслон, который при своем отступлении тоже разделился на две группы и, обтекая 2-й Корниловский Ударный полк, уходил на присоединение к своим. Конец боя для 2-го Корниловского Ударного полка, как и начало, ознаменовался стычкой, где тоже «своя своих не познаша»: с окраины колонии Лихтенфельд на нас посыпались редкие, но чрезвычайно меткие ружейные выстрелы. По обстановке и качеству огня было видно, что это наши казачьи части, почему мы не отвечали и только послали разъезды для связи.

На этом бой для 2-го Корниловского Ударного полка с прикрывавшими его фланги 3-м Корниловским Ударным полком и батальоном 1-го Корниловского Ударного полка закончился. 1-й полк, после отражения атаки у колонии Рикенау, преследовал красных на колонию Тигервейде и дальше.

Командование искусно поставило Корниловский треугольник во главе со 2-м Корниловским Ударным полком, вынудило Жлобу атаковать отличную пехоту, которая своим мужеством и богатством огня не только нанесла ему громадные потери, но и разделила на две части, бросившиеся в ужасе от поражения в приготовленные для них мешки. Можно было только пожалеть о том, что для полного уничтожения разбитых жлобинцев у нас не было здесь достаточно кавалерии. Быть может, незнакомым с условиями боя пехоты с кавалерией покажется, что трофеев у Корниловцев было маловато для такого разгрома: 5 орудий и несколько десятков пулеметов, про лошадей даже и не говорится, а разбито было около 8 тысяч кавалерии. Дело в том, что последний шок атаки кавалерии на пехоту решает холодное оружие, когда пулеметы с артиллерией отстают, при неудаче атаки им легко укрыться, к тому же пехота не может преследовать кавалерию, дело ограничивается огнем и простым продвижением. Обычно трофеями пехоты бывает все разбитое ее огнем. Чудная зелень полей тоже укрыла много красных, здоровых, раненых, убитых, и много всякого оружия. Помимо этого, уменьшение количества трофеев произошло из-за желания частей восполнить все оставленное в Новороссийске. Так, во 2-м Корниловском Ударном полку при выходе его за Перекоп 25 мая было около 52 пулеметов, плюс офицерская команда и 9 коней в команде конных разведчиков, а после разгрома Жлобы оказалось: 85 пулеметов, без офицерской пулеметной команды, эскадрон капитана Литвиненко, сотня войскового старшины Попова, В. Д., команда связи, лазарет и хозяйственная часть, все сильно пополнившиеся. Поэтому понятно, когда Жлоба, сломив свою мощь и волю на Корниловцах, стал переходить от одного нашего удара к другому, путаясь в приготовленном ему мешке, конечно, не думая уже здесь о повторных атаках, как на Корниловцев, когда ездовые у него для быстроты рубили постромки, бросая орудия и пулеметы, — трофеи здесь увеличивались сами собой, но это было уже на участках других дивизий.

В итоге боев с конным корпусом Жлобы 19 и 20 июня 1920 года 2-й Корниловский Ударный полк был в авангарде дивизии и оба раза отбивал его массовые атаки с такой силой, что это явилось основным поражением красных. Здесь, для ясности, я должен оговориться, что атаки, ночная, 19 июня, и фронтальная, 20-го, отбивались исключительно 2-м полком, а фланговые — совместно с 3-м полком и батальоном 1-го полка, прикрывавшими его фланги. Удачное построение треугольником фронта Корниловцев полностью способствовало использованию нами силы своего огня, а она была внушительной: сила центра в бою с конным корпусом Жлобы равнялась семи батальонам и имела 12 3-дюймовых и 3 6-дюймовых орудий, 103 пулемета, 29 шашек и 1 бронеавтомобиль.

Думаю, что такой силы огня товарищ Жлоба не ожидал и потому так настойчиво, повторными атаками, глупо обескровил свой корпус.

Потери 2-го Корниловского Ударного полка в бою 19 июня: убито 5, ранено 19 человек. В бою 20-го: убито 7, плюс сестра милосердия, ранено 24 человека. Отбито 6 человек нашего конного дивизиона, взятых в плен красными во время ночного налета на Орлово-Тиге. Потери 1-го и 3-го Корниловских Ударных полков не записаны.

* * *

Теперь, для объективности суждения о роли Корниловской Ударной дивизии в разгроме Жлобы, приведу приказ по дивизии за № 93, от 22 июня 1920 г., с Большой Токмак.

§ 1

Объявляю приказ 1-му армейскому корпусу от 20 июня 1920 г., № 3735: «Сегодня Корниловцы, Дроздовцы и 2-я конная дивизия вновь явили свою беспримерную доблесть, выдержку и высокий воинский дух. Многочисленная отборная конница красных разгромлена. Взято 29 орудий, больше 130 пулеметов, пленные, обоз и большая добыча. В этом исключительном по обстановке бою части соперничали в доблести, а начальники — в искусстве управления. От всего сердца благодарю генералов Витковского, Скоблина, всех командиров полков и артиллерийских бригад и всех начальников за блестящее руководство частями. Генералов, офицеров и солдат сердечно благодарю за исключительно лихую работу. П п. генерал-лейтенант Кутепов».

§ 2

Объявляю копию телефонограммы наштакора 1-го армейского от 21 июня № 3736: «Срочно оперативная сводка к 24 час. 20 июня 1920 г. По дополнительно полученным сведениям сегодняшний бой разыгрался следующим образом· Корниловская дивизия в 5 час., отогнав разъезды противника, прошла Тигервейде и заняла Рикенау, откуда начдив решил, во исполнение поставленной ему задачи, вести наступление на Лихвельд. Шедший во главе 2-й Корниловский Ударный полк обнаружил, что район Лихвельд, Александеркрон и Клефельд занят значительными силами конницы противника, из коих около бригады, при поддержке своей артиллерии, стоявшей на обоих берегах реки Юшанки, вели бой с 3-й Донской дивизией, наступавшей с юга. Две конные бригады красных стояли в резерве. Корниловская артиллерия, выехав на открытые позиции, открыла ураганный огонь по Лихтенфельду и Александеркрон. В это время в эти деревни ворвался наш броневик «Екатеринославец». Здесь поднялась паника, и громадная масса конницы противника из этих колоний бросилась частью на запад, частью на восток. В районе к северу от Штейнфельд до четырех бригад красных, приведя себя в порядок, развернули лаву и повели наступление на запад, на 2-й Корниловский Ударный полк,

который частью своих сил переменил фронт и, развернувшись фронтом на восток, дружным залповым огнем встретил атаку противника. Красные, несколько отойдя, снова повели наступление на Рикенау, но и здесь были встречены выдержанным огнем батальона 1-го Корниловского Ударного полка и уже в некотором беспорядке уклонились на Моргенау. 3-й Дроздовский полк огнем ружейным и 30 пулеметов отбросил противника от Моргенау, причем преследование вел командир полка полковник Манштейн с сорока своими ординарцами и с частью полка на тачанках. Противник, отброшенный Дроздовцами к Николайдорфу, в панике бросился на северо-восток, в направлении на Гиршау, но на полпути был атакован конницей генерала Морозова, который совершил обходное движение через Большой Токмак и Ландескроне, выйдя во фланг этой группе противника. Красные, смятые 2-й конной дивизией, поддержанной еще и 3-й Донской дивизией, наступавшей от Шпенфельда на север, были смяты окончательно и, рассеявшись, начали пробиваться на восток.

Другая группа красных, до шести бригад, под командой Жлобы, повела энергичное наступление из района к северо-западу от Лихтенфельда на северо-восток, на части 2-го Корниловского Ударного полка и на 3-й Корниловский Ударный полк, который, разворачиваясь на бегу, бросился на поддержку 2-го полка. Неоднократные атаки Жлобы были отбиты, после чего он, уклонившись на север, пытался со стороны Тигервейде атаковать Рикенау. Два батальона 1-го Корниловского Ударного полка, несмотря на подавляющее превосходство сил противника, отбросили красных, которые уклонились в промежуток между Рикенау и Тигервейде. В район к западу от Фистенвардера красным преградил дорогу 1-й Дроздовский полк. Попытка Жлобы атаковать Дроздовцев была совершенно безуспешна, и он в полном беспорядке, имея в своих рядах обрубивших постромки обозных и артиллеристов, повернул на запад, в направлении на Линденау, а затем, параллельно преследуемый Корниловцами, в полном расстройстве бежал на север, в направлении на Гальбштадт. Здесь ему преградил путь батальон Самурцев, встретив его огнем пехоты и танков. Жлоба бросился на Большой Токмак. Отбитые отсюда частями 13-й дивизии и бронепоездами, красные отскочили на юг, причем впереди своей беспорядочной массы конницы Жлоба ехал на автомобиле. Встреченный залповым огнем Дроздовских частей, перешедших затем в контратаку и захвативших с прочими трофеями и автомобиль Жлобы с помощником его начальника штаба (сам он пересел на коня и успел ускакать), и под ураганным огнем 12 орудий Дроздовских батарей противник уже в совершенном беспорядке повернул на север. Бронепоезда снова встретили Жлобу жестоким огнем, и он беспорядочной массой бросился на восток, на Черниговку, сопровождаемый во все время своего движения огнем бронепоездов, дошедших до станции Стульнево.

Трофеи 1-го корпуса велики. Подсчет их еще не закончен. Пока выяснено, что нами взято 29 орудий, 130 пулеметов, штаб 2-й конной дивизии Жлобы во главе с начальником штаба, пленные, масса обозов и всякое имущество. Предварительным опросом пленных устанавливается, что разбит весь корпус Жлобы, состоявший из 1-й и 2-й кавалерийских

дивизий в количестве 11 кавалерийских полков, отряд Блинова, в составе 6 полков, и двух кавалерийских бригад 40-й дивизии (минимум 6 полков), приданных три дня тому назад корпусу Жлобы. Всего в корпусе было 7-8 тысяч шашек. Лихтенау, 1 час 30 мин. 21 июня 1920 г. № 3736. **Достовалов».**

§ 3

Объявляю копию телеграммы наштакора 1-го армейского корпуса от 21 июня № 3736: «Из полученных дополнительных сведений установлено, **что вся тяжесть вчерашнего боя с группой Жлобы легла на Корниловскую дивизию.** При подходе Корниловцев к Лихфельду выяснилось, что 3-я Дондивизия под давлением частей сил Жлобы отходила на юг. Корниловцы немедленно атаковали красную конницу с тыла. Обнаружив наступление Корниловцев, Жлоба оставил против донцов одну бригаду, а остальными пятью бригадами со всех сторон обрушился на Корниловскую дивизию. Оправившиеся в это время донцы снова повели наступление на север, причем интенсивным артиллерийским огнем обстреливали окруженных со всех сторон Корниловцев. Корниловцы первые нанесли жестокое поражение Жлобе, причем лишь благодаря исключительной доблести и сплоченности частей, Корниловцам самим в первый момент боя удалось выйти из критического положения. Дивизия, имея вырвавшийся вперед в районе Лихфельд 2-й полк, неоднократно отбивала энергичные атаки приведших себя в порядок западной и восточной групп красной конницы. Причем Корниловцы, простреливаемые насквозь пулеметами и артиллерией обеих групп Жлобы, кроме того, в течение двух часов несли одновременно потери от огня 3-й Донской дивизии с юга.

Блестящими контратаками западная и восточная группы Жлобы были неоднократно отбрасываемы. 7-я Корниловская батарея 1-го Отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона, несколько раз находясь под угрозой быть захваченной в плен выходившими в тыл конными массами, безостановочно стреляла на картечь. Под ударами Корниловской дивизии Жлоба дрогнул и его группы, обращаясь постепенно в беспорядочные массы, неотступно преследуемые Корниловцами, бросились частью на север, где были встречены Дроздовцами, 2-й конной дивизией и генералом Калининым. Вчера Корниловцы взяли не три, а пять орудий, а всего корпус взял 31 орудие. № 3749, 21 июня 1920 г. Генерал Достовалов».

* * *

Заканчивая описание боев с конным корпусом Жлобы, я хочу не забыть о своих впечатлениях общего порядка:

1) До сего времени я не знаю точно, кто фактически был автором маневра разгрома Жлобы. Исполнители же этого блестящего плана тоже не ударили лицом в грязь, — вся операция была не только проведена со знанием дела, но вдобавок и с малыми потерями.

2) Не знаю также и того, что за шляпа был у Жлобы начальник штаба, позволивший после отпора его бригаде у колонии Орлово-Тиге утром

19 июня так халатно отнестись к охране движения своего корпуса, что пропустил ночью на 20 июня целую Корниловскую Ударную дивизию в тыл и центр своего боевого расположения. Если бой у колонии Орлово-Тиге задержал движение корпуса на сутки, значит для этого были серьезные основания и все же по существу этого вопроса им ничего не было сделано, то есть не была освещена обстановка ближайшего расположения и силы уже подошедшего противника.

Вот и получился жестокий урок: многократные атаки, ведшиеся с чисто кавалерийским размахом и с правильной оценкой — изолированно уничтожить главный кулак противника у себя в тылу — привели только к поражению и все потому, что начальник штаба Жлобы не знал, с кем он имеет дело. А дело оказалось очень простым: против Жлобы были его старые знакомые по 1-му и 2-му Кубанским походам. — Корниловцы.

Судьба командира кавалерийского корпуса Жлобы

В 1942 году и в 1943 году, по предложению Военно-политического союза генерала Туркула я провел 8 месяцев на юге СССР и там, находясь в районе г. Змиева и г. Харькова узнал от местных жителей о судьбе товарища Жлобы. Разгрома его корпуса ему не простили, и его военная карьера закончилась. Остаток своей жизни он коротал где-то на хуторе, на границе Кубанской и Донской областей, занимаясь хозяйством. Первый раз Корниловцы познакомились с его «чертовой сотней» около Армавира, где она дралась с особой отвагой. Потом Бог привел нас встретиться с ним в условиях его военного ореола, — командующего фактически двумя кавалерийскими корпусами. Судьбе было угодно, чтобы мы в обоих случаях его побили.

* * *

Прошло уже полстолетия с того времени, когда остатки Добровольческой Армии, переименованные в «Русскую Армию» генерала Врангеля, снова проявили жертвенные подвиги на последнем клочке своей Родины в борьбе с диктатурой агента Германии Ленина при выходе из Крыма с занятием Каховки и особенно это было проявлено в блестящем бою со сводным корпусом Жлобы 19 и 20 июня 1920 г., что до сего времени не забыто и обсуждается в печати. Привожу выдержки из статьи Ю. Сречинского, помещенной в газете «Новое Русское Слово»:

«На страницах НРС идет интересный спор между А. Бериславским и П. Маргушиным о том, как расценивать операцию крупных сил красной конницы в Северной Таврии в июне-июле 1920 г. П. Маргушин утверждает, что конная группа под командованием Д. Жлобы подверглась поголовному разгрому. А. Бериславский оспаривает это и пишет, что окружения и тем более разгрома не было, у белых просто не имелось достаточно сил для окружения, и группа выполнила поставленную ей задачу — «отвлечения внимания белого командования от каховского направления». Теперь, о самой операции: директива командования Юго-Западного фронта от 25 июня гласит: «Из частей 1-го конного корпуса, 40-й стрелковой

и 2-й кавалерийской дивизий составить ударную группу под общим командованием комкора 1-го конного т. Жлобы...» Какова была численность конницы ударной группы? Советские источники дают разные но явно заниженные цифры. 1-й конный корпус и 40-я стрелковая дивизия с двумя кавалерийскими бригадами были переданы Кавказским фронтом Юго-Западному одновременно, и в объяснительной записке дана численность конницы этих двух подразделений: 7.500 сабель. К этому надо прибавить 2-ю кавалерийскую дивизию имени Блинова. Кроме того, группе Жлобы были приданы части 4-го полка, кавалерийской школы.

Сводный корпус, атакованный с фронта, флангов и тыла и понесший большие потери в личном составе и вооружении, отдельными группами прорвался на северо-восток и восток. К 6 июля избежавшие разгрома части сводного корпуса были собраны в районе станции Волноваха и выведены в армейский резерв. 6 июля, при передаче в армейский резерв, были подсчитаны остатки ударной группы: в 1-м конном корпусе Жлобы осталось 1.615 сабель, во 2-й кавалерийской дивизии имени Блинова — 656, в двух кавалерийских бригадах 40-й стрелковой дивизии — 600. Итого 2.871. Была потеряна вся артиллерия, 38 орудий, и 150 пулеметов из 180».

На этом заканчивается описание одного из славных боев 1-го армейского корпуса Русской Армии, где Корниловская Ударная дивизия нанесла врагу первый и сокрушительный удар.

Пользуюсь случаем и помещаю выдержку из той же статьи Ю. Сречинского, защищающего честь пехоты Русской Армии:

«А. Бериславский напрасно так недоброжелательно и презрительно относится к белой пехоте Русской Армии генерала Врангеля. Только что вступивший в командование Южным фронтом Фрунзе доносит Ленину 1 октября 1920 г.: «...На нашем правом фланге противник пассивен, но на всем остальном фронте продолжает рядом сильных ударов громить 13-ю армию». Именно белой пехотой были уничтожены лучшие красные части. В мартовских боях 1920 года на подступах к Крыму эстонская дивизия была разбита настолько основательно, что фактически перестала существовать. Были почти полностью уничтожены и другие лучшие красные дивизии. К сведению А. Бериславского: латдивия была в это время сосредоточена в Бериславле, на правом берегу Днепра, напротив Каховки, и готовилась к форсированию реки, которое было осуществлено только в августе. Теперь понятно, почему Корниловская дивизия могла — без всякого риска — быть переброшена против ударной группы Жлобы: после завершающих крымских боев от латдивизии, насчитывавшей в апреле 1920 года свыше 8 тысяч человек, осталось едва 1.000. Был окружен и уничтожен 25 июля полностью, вместе с интернациональной бригадой, лучший полк красной армии — 5-й латышский особый. Этот полк был награжден двумя почетными красными знаменами, первый раз за защиту Казани, 7 августа 1918 г., второй — за защиту Петрограда против армии генерала Юденича. Этот полк в латдивизию не входил и стоял обычно в Москве, являясь главной опорой совласти в столице. В июле 1920 г. полк, в количестве 2.000 человек (Корниловская дивизия в это

время насчитывала 1.670 штыков) был переброшен на юг и уничтожен в бою у Янчекрака. От полка осталось всего 54 пайки, взятых в плен.

Были разгромлены две бригады курсантов, отличавшиеся высокой боеспособностью. Я привожу здесь названия только лучших частей. Недаром осторожный Фрунзе начал наступление против Русской Армии генерала Врангеля только после того, как добился более чем четырехкратного превосходства в силах и **недаром Пилсудский поспешил заключить мир и освободить красные силы на польском фронте, опасаясь победы генерала Врангеля».**

21 июня 1920 г. 1-й Корниловский Ударный полк с боем занял линию от Гиршау, включительно, до железной дороги, исключительно. **3-й Корниловский Ударный полк** — от железной дороги, включительно, до Шензе, включительно. **2-й Корниловский Ударный полк** к 10 часам в Александрополь, где и расположился в качестве дивизионного резерва. В 13 часов получено от наштадива сообщение, что: 1) Противник ворвался в Большой Токмак; 2) 1-я бригада 13-й дивизии обороняет северную окраину Шензе и Фиренштенау. Приказом по дивизии за № 93 бронепоезда «Георгий Победоносец» и «Иоанн Калита» полагать в составе дивизии.

22 июня. С 21-го на 22-ое командир 1-го Корниловского Ударного полка полковник Гордеенко с двумя батальонами занимает колонию Вальтгейм; 520-й и 521-й советские стрелковые полки почти уничтожены, взято в плен здоровыми 500 человек, 96 раненых и похоронено около 100 человек. В этом бою был убит доблестный командир Корниловского конного дивизиона капитан Натус. Среди особо отличившихся был поручик Васильев, Анатолий, взявший с несколькими всадниками с ручными гранатами броневик, за что он был награжден орденом Св. Николая Чудотворца. Судьба этого исключительно храброго офицера в эмиграции была трагична. Он затосковал по родине, как и все мы, и решил покончить с собой. Выстрел его услышали жители дома и, вбежав к нему в комнату, увидели такую картину: пуля вошла в один висок и вышла в другой, а Васильев ползает по полу, ища свой револьвер, и умоляет вошедших дать ему его, чтобы покончить с собой. Он выжил, но остался слепым на оба глаза. Впоследствии за него вышла замуж ухаживавшая за ним сестра милосердия-бельгийка, и он потом, уже после второй мировой войны, скончался от разрыва сердца, побывав перед смертью в Париже на празднике сорокалетия Корниловского Ударного полка.

23 июня. 3-й Корниловский Ударный полк в резерве дивизии. **1-й Корниловский Ударный полк занимает** и его участок фронта.

2-й Корниловский Ударный полк в 2 часа получает приказ по дивизии, где полку ставится задача: с тремя батальонами, 5-й и 6-й Корниловскими батареями и Корниловским конным дивизионом овладеть с. Сладкая Балка. 3-й батальон прибыл из дивизионного резерва в 5 часов, и в то же время полк выступил по назначению. По данным полковой разведки, пехота красных силой в одни полк занимала высоты в трех верстах южнее с. Сладкая Балка. Около 8 часов полк развернулся на высоте в четырех с половиной верстах севернее Большого Токмака: 2-й батальон вдоль большой дороги, 3-й за его правым флангом и офицерский

в полковом резерве, по большой дороге. 5-я батарея, обогнав цепи полка, спустилась в долину реки Чингар, конечно не с целью атаковать противника, а для занятия выгодной позиции. Красные не выдержали столь стремительного наступления и, преследуемые артиллерийским огнем, стали отходить восточнее Сладкой Балки, через В. Куркулак, в северо-восточном направлении. Трофеи: 15 человек пленных штаба 46-й стрелковой дивизии и одна повозка с канцелярией той же дивизии.

24 июня. Согласно приказу начдива, полку приказано оставить Сладкую Балку и отойти главными силами на Большой Токмак, выставив сторожевое охранение от высоты 49,1, включительно, и до реки Чингул. Сторожевое охранение назначено от 2-го и 3-го батальонов. По сводке, красные сегодня до железной дороги г. Орехов-ст. Пологи не обнаружены. От Корниловского конного дивизиона выслан разъезд на Сладкую Балку.

25 июня. Разъезд 2-го Корниловского Ударного полка донес, что застава противника в 25-30 коней с двумя пулеметами обнаружена на южной окраине хутора Верхний Куркулак. По показаниям подводчика, возвращавшегося из местечка Малая Токмачка в Сладкую Балку, из последней в село Вербовое ехали на подводах латыши и китайцы. Нами производятся работы по устройству опорных пунктов. 1-й батальон 2-го полка отправлен в резерв дивизии, на восточную окраину Б. Токмака.

26 июня. Полки Корниловской Ударной дивизии на своих местах. 2-й полк роет окопы. Сладкая Балка свободна от противника.

27 июня. Сладкая Балка и хутор Скелеватый заняты противником.

28 июня. На участке **2-го Корниловского Ударного полка** со стороны хутора Очеретоватый разъезд красных обстрелял наши окопы. 3-й батальон сменен офицерским и отошел в резерв.

3-й Корниловский Ударный полк, занимавший Нижний Куркулак, был отведен в резерв дивизии, а на его месте остался Корниловский конный дивизион. Противник несколькими полками пехоты и кавалерии с четырьмя броневиками в тот же день вытеснил конный дивизион и занял Куркулак. **1-й полк** продолжает занимать свой участок на правом фланге дивизии. **3-й Корниловский Ударный полк** занял хутор Скелеватый, там ночевал и потом отошел обратно в колонию Шензе, где и стоял до 7 июля.

Центральным участком обороны Корниловской Ударной дивизии был Большой Токмак, разработка плана которой была штабом дивизии поручена офицеру 2-го полка полковнику Бржезицкому. План исходил из задания: активно оборонять участок от высоты 60,18, что в 5 верстах северо-восточнее Б. Токмака, и далее на запад, по высоте долины реки Чингул, тоже включительно. Состав 2-го полка: 4 батальона, 85 пулеметов, отдельная офицерская пулеметная команда, 21 пулемет, 6 легких и 3 6-дюймовых орудий. Временами полку придавались три тяжелых танка и два бронеавтомобиля. Задача полку: прикрывать местечко Б. Токмак и станцию железной дороги. В дальнейшем, как мы увидим, противник стремился наносить сильные удары сначала по прямой от Сладкой Балки с особо усиленным нажимом на высоту 60,18, а потом, после кровопролитных и неуспешных для него боев, потеряв веру в успех на этом направле-

нии, он переносит центр наступления своими свежими полками по линии реки Куркулак на Старый Мунталь, где тоже в серии настойчивых атак с применением многочисленной артиллерии он не добился успеха (см. схему № 5 в журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка).

29 июня. Около 11 часов красные, силой до одного батальона с пулеметами и одним эскадроном, повели наступление на участок 2-го полка из Сладкой Балки. После обстрела пулеметным и артиллерийским огнем красные отошли. В то же время кавалерия противника заняла северную окраину хутора Нижний Куркулак. В 12 часов нами выслан конный дивизион на Старый Мунталь. В 24 часа получено донесение от конного дивизиона, что Дроздовцы занимают Тейфельберг, имея конный пост на бугре южнее упомянутой колонии. Красные занимают Вальдорф и бугры, что северо-западнее этой колонии, и обстреливали артиллерией южную окраину Нижнего Куркулака и конный пост Дроздовцев.

3-й Корниловский Ударный полк с конным дивизионом пытался отбить Куркулак. Под огнем восьми неприятельских батарей Корниловцы подошли к Куркулаку. Подпустив их на близкую дистанцию, красные открыли жесточайший огонь из пулеметов, тщательно замаскированных в заборах и изгородях. Такого огня Корниловцы не выдержали и отступили. Кто пытался поднять раненого, — сваливался рядом с ним замертво. 180 человек было выхвачено из рядов Корниловцев, из них 60 офицеров. Красные подобрали раненых, сволокли их в одну хату и сожгли.

30 июня. Перед рассветом со стороны противника доносился стук колес и шум моторов. Не успела разведка выяснить происходившее, как вслед за шумом моторов последовала внезапная атака по всему фронту 2-го Корниловского Ударного полка с охватом обоих флангов. 138-я советская стрелковая бригада в составе 412-го, 413-го и 414-го стрелковых полков при 4 легких и 4 тяжелых орудиях и двух бронеавтомобилях атаковала правый фланг полка, где был 1-й батальон. Атака была произведена с обходом правого фланга батальона и высоты 60,18 стремительным движением одного стрелкового полка и конницы красных на северо-восточную окраину Большого Токмака. Обходу фланга предшествовала атака двух полков с фронта и прорыв позиции 1-го батальона двумя броневиками. Благодаря выдержке Корниловцев, фланг батальона от обхода был обеспечен, и после отражения двух повторных атак батальон, неся огромные потери от огня броневиков, отошел на северо-восточную окраину Большого Токмака, имея фронт на восток. Артиллерия и броневики противника жестоким огнем обстреливали новое расположение батальона. Одновременно 137-я советская стрелковая бригада в составе 409-го, 410-го и 411-го стрелковых полков при 6 легких и 2 тяжелых орудиях и двух броневиках с конницей атаковала левый боевой участок полка, где были расположены 2-я и 3-я офицерские роты. Здесь атака была также произведена с обходом по долине реки Чингул левого фланга полка, причем конница красных пошла прямо в тыл участка. Одновременно с охватом фланга кавалерией три стрелковых полка атаковали 2-ю и 3-ю офицерские роты с фронта. При этом два броневика и здесь прорвали фронт, и

3-я рота, будучи окруженной со всех сторон, во главе с командиром роты капитаном Плохих пробилась сквозь ряды красных и, понеся большие потери, отошла и заняла позицию в полутора верстах северо-восточнее Большого Токмака, где артиллерия красных и броневики производили жестокий обстрел новых позиций. Неравный бой на обоих участках длился около часа. Противник при поддержке своей артиллерии и броневиков продолжал вести стремительное наступление на новое расположение батальонов. Около 5 час. 30 мин. утра полковой резерв в составе 2-го и 3-го батальонов и двух офицерских рот, выдвинувшись на северо-восточную окраину Большого Токмака, застал положение обоих участков в вышеописанном состоянии. Имея в виду, что на восточной окраине не было дивизионного резерва, восстановление положения началось с левого фланга противника ударом 3-го и офицерского батальонов по 138-й советской стрелковой бригаде. Здесь красные дрогнули и стали отходить, но выехавшие их броневики своим огнем приостановили наше наступление. Это красные использовали, и обе бригады вновь перешли в наступление. Однако, на их несчастье, наши пулеметы и здесь показали свою силу, сметая перед собой все. Они остановили красных и парализовали их порыв. На этот раз наш 2-й Корниловский Ударный полк учел эффект огневого удара и одновременно и дружно ударил в штыки. Противник был опрокинут и бежал. Для нашей артиллерии было большое поле деятельности, сводившееся главным образом к подавлению артиллерийского огня красных и охоте за броневиками. Досадным явлением в этом бою было то, что наши броневики и танки опоздали, не было и кавалерии, а потому наши измотанные ударники исполнили только свой долг: отбили в неравной борьбе массы красных, но преследовать их не могли. Трофеи: 4 человека пленных, много винтовок и убитых. Наши потери: убито офицеров 6, ударников 4, ранено офицеров 51, среди них командир 2-го батальона, оставшийся в строю до конца боя, и ударников 58. Лошадей убито 6, ранено 5. После боя прибыл в 9 часов батальон 1-го Корниловского Ударного полка и расположился уступом за правым флангом полка (см. схему № 6). Идет переброска 1-го полка на участок Нижнего Куркулака.

На участке 2-го полка противник, отступая, оставил около 10 пулеметов на тачанках и броневик по дороге на Сладкую Балку. Около 19 часов противник вел пристрелку по правому участку 2-го полка.

30 июня и 1 июля 1920 г. Бой у колонии Нижний Куркулак 1-го и 3-го Корниловских Ударных полков освещается в книге «Корниловский Ударный полк» следующим образом:

«1 июля 1920 г. Бой у Н. Куркулака 1-го и 3-го Корниловских Ударных полков. К 3-му полку был подтянут 1-й полк и было приказано вновь атаковать Куркулак. 1-й полк (временно командовал полком подполковник Дашкевич, 1-м батальоном подполковник Ширковский, 3-м — поручик Лясковский, поднятый в этом бою на штыки) должен был вести атаку с северо-запада, 3-й полк с востока, а с юга должен был наступать Самурский полк, но по неизвестным причинам его там не оказалось. 3-й и 4-й батальоны 1-го полка, продвигаясь к Куркулаку, наткнулись на густые цепи красных, засевших в окопах. Заградительный огонь 16 орудий

пресекал все попытки взять окопы с налета, и наступление батальонов приостановилось.

Тогда подполковник Дашкевич, заменивший уехавшего в отпуск полковника Гордеенко, приказал 2-му батальону подполковника Лебедева атаковать Куркулак ст юга, а 3-му и 4-му батальонам «во что бы то ни стало сломить сопротивление красных». Дыханием смерти всегда веет от этих коротких слов... Получив такой приказ, Корниловцы в конце концов прорвались через огневую завесу, овладели окопами и, преследуя красных, захватили западную окраину Куркулака. Красноармейцы стали сдаваться. Корниловцы уже сгоняли пленных и собирали вражеские пулеметы, как вдруг с северной окраины хутора выскочили три броневика, а за ними свежие резервы красных. Броневики открыли пулеметный огонь и начали косить Корниловцев. Пленные схватили брошенное оружие и присоединились к своим. Корниловские роты сразу потеряли почти всех своих офицеров и были окружены. Напрягая последние силы, они все-таки прорвались и в полном беспорядке стали отступать. Неудача постигла и 2-й батальон, атаковавший Куркулак с юга. Здесь под защитой жестокого артиллерийского огня красные сами перешли в наступление и контратаку и отбросили Корниловцев. Положение создалось угрожающее. Тогда не потерявший присутствия духа подполковник Дашкевич бросил свой последний резерв — 1-й батальон. Три роты этого батальона под начальством подполковника Ширковского пошли в атаку на южную окраину Куркулака, а одна рота с пешими разведчиками устремилась к западной окраине. На карту была поставлена честь полка, и разведчики с 1-м батальоном ворвались в селение. Но борьба не кончилась. Каждый дом, подвал, забор, пришлось брать с боем. Повсюду были сделаны бойницы, и красные стреляли с боков и с тыла. Защищалась с таким упорством 1-я стрелковая Уральская дивизия, пришедшая с Мурмана, с Северного фронта, и также бригада красных курсантов. 1-й Корниловский Ударный полк потерял 61 офицера и 130 ударников, четверть своего состава. Все раненые 3-го и 4-го батальонов, поневоле брошенные при отступлении, лежали с размозженными черепами, — их добили красные. Двести уральцев и курсантов, взятых в плен, были тут же расстреляны, остальных триста пленных отправили в тыл. Большевики пытались снова овладеть Куркулаком. Они сосредоточили до сорока легких и тяжелых орудий и перед своими атаками развивали ураганный огонь. Выпустив до двух тысяч снарядов, 46-я советская дивизия шесть раз подряд ходила в атаки, а два кавалерийских полка одновременно наступали во фланг Корниловцам, и все эти атаки разбились о стойкость 1-го и 3-го Корниловских Ударных полков»

О роли Самурского полка говорится только, что он был послан для наступления на Куркулак с юга, но участка его в бою не находим. Фронт Корниловского Ударного полка периодически обстреливался в разных местах. Ночь прошла спокойно.

1 июля ст. ст. Броневик красных около 8 часов обстрелял участок офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка, но огнем артиллерии был отогнан. В 10 часов одна офицерская рота с броневиком

была послана на разведку и установила, что позиция красных находится в 4 верстах от наших окопов и западнее большой дороги. На участке 2-го Корниловского Ударного полка находится три броневика и четыре танка.

2 июля. В 6 часов утра Корниловский конный дивизион, поддержанный тяжелым броневиком, сделал налет на сторожевое охранение противника, который в панике бежал, оставив одну повозку и пару лошадей. День прошел спокойно. Около 20 часов противник обстрелял участок полка артиллерийским огнем.

3 июля. Около 7 часов красные двумя стрелковыми полками, 3-м трудовым и 412-м стрелковым, повели наступление густыми цепями при поддержке двух броневиков и сильного артиллерийского огня на левый участок 2-го Корниловского Ударного полка. Быстрым подходом полкового резерва с двумя броневиками противник был встречен контратакой, и, понеся большие потери, отошел. В этой атаке отмечаются лихие действия наших броневиков: «Генерал Слащев» и «Капитан Добровольский», которые были высланы навстречу двум броневикам красных, наступавшим вместе с пехотой цепью и пулеметами на тачанках. Обе наши машины, обогнав наши цепи, молниеносно понеслись на бронемашины красных. Когда расстояние стало уменьшаться, красные машины стали отходить, оставляя свою пехоту без прикрытия. Видя, что машины красных быстроходнее, «Слащев» открыл огонь из орудия. Вторым выстрелом машина красных была подбита и захвачена нами. Вторая бронемашина красных была преследуема и скрылась, после чего наши броневики открыли огонь по цепям противника с тыла. В этой атаке своими доблестными действиями броневики много способствовали общему успеху атаки. Около 9 часов противник с подошедшими резервами, 413-м и 414-м стрелковыми полками, повел повторную атаку на правый боевой участок. Одновременно с этим 406-й, 407-й и 408-й стрелковые полки с 12 орудиями и конницей повели наступление из колонии Старый Мунталь на Большой Токмак, в тыл полку.

Быстрым выдвижением на левый боевой участок полкового резерва с двумя танками и двумя броневиками, при поддержке всей артиллерии, противник, понеся большие потери, был отброшен. После этого, в направлении на Старый Мунталь, для усиления инженерной роты, были высланы бронеавтомобили «Генерал Слащев» и «Капитан Добровольский», 2-й батальон и из дивизионного резерва батальон 1-го Корниловского Ударного полка. Жестокий бой длился весь день. Желая поддержать свою Мунтальскую группу, противник снова повел атаку на левый боевой участок полка. Под стремительным ударом полкового резерва из двух батальонов противник был отброшен. Ввиду того, что наша конная группа, вышедшая в тыл противника, в направлении на Блюменталь, обозначила движение на юг, в связи с этим около 17 часов 2-й батальон нанес удар с фронта на хутор Нижний Куркулак, где вся группа красных, будучи окружена нашей конницей и броневиками, после отчаянного сопротивления была взята в плен или рассеяна. В этом бою вновь отмечаются лихие действия наших броневиков, которые отрезали красным путь отступления на север, чем весьма содействовали общему разгрому их. Боем уста-

новлено наличие: 3-го трудового полка, 412-го, 413-го и 414-го стрелковых полков 138-й бригады и 406-го, 407-го и 408-го стрелковых полков 136-й бригады. Трофеи: один броневик в полном вооружении, 200 пленных и две лошади. Наши потери: ранено 4 человека. Потери и трофеи нашей кавалерии, батальона 1-го Корниловского Ударного полка и инженерной роты неизвестны. В последних боях колоссально увеличиваются наши потери при отсутствии броневиков, танков и кавалерии, так как противник всюду давит нас своей массой.

4 июля. Наша конная разведка установила, что противник занимает позиции севернее и восточнее Сладкой Балки. Ночь прошла спокойно. Боевой состав 2-го Корниловского Ударного полка на 4 июля: штаб-офицеров 8, обер-офицеров 253, ударников 406, батальонов 4, команда конных разведчиков, сотня войскового старшины Попова, пулеметная рота 55 пулеметов, офицерская пулеметная команда 20 пулеметов, ударников в пулеметных командах 387.

5 июля. Разъезд от 2-го Корниловского Ударного полка, высланный на Сладкую Балку, установил, что она занята конной заставой противника. В полк прибыло 24 человека пополнения из старообрядцев, которые составили команду разведчиков.

6 июля. По данным от местных жителей, противник сосредоточил к северо-западу от Сладкой Балки до тысячи шашек при двух танках (?) и броневиках. На участке Корниловской Ударной дивизии ночь прошла спокойно.

7 июля. Сладкая Балка занята на северо-западе двумя конными заставами. В ночь с 7-го на 8-ое 3-й Корниловский Ударный полк сосредоточивается в Фридендорфе и ведет 8-го наступление на Вальгхейм.

8 июля. Рекогносцировка наших позиций командным составом. Решено главную линию обороны Большого Токмана сделать сторожевым охранением, отражение же атак противника перенести на северную окраину местечка, действуя главным образом танками, броневиками и артиллерией.

9 июля. Противник ведет себя пассивно. Прибыла конница генерала Бабиева (кубанские казаки).

10 июля. Около 14 часов на правом участке 2-го Корниловского Ударного полка появились пешая и конная разведка противника с пулеметной тачанкой. Наш фронт охраняется от конной дивизии.

11 июля. На фронте Корниловской Ударной дивизии спокойно.

12 июля. В час ночи 2-й Корниловский Ударный полк получил приказ по дивизии за № 11. Обстановка была следующей: противник для перехода в наступление около городов Александровска и Орехова сосредоточил значительные силы. Задача: нашему 1-му армейскому корпусу, совместно с конницей генерала Бабиева, приказано уничтожить ореховскую группу красных. Корниловской Ударной дивизии, — активно обороняя свой прежний участок, перейти левым флангом в наступление. Поэтому 2-му Корниловскому Ударному полку приказано одним батальоном с батареей и четырьмя танками оборонять участок позиции в районе высоты 60,18, а тремя батальонами, конным дивизионом с двумя бата-

реями и двумя броневиками ровно в 4 часа 12 июля перейти в самое энергичное наступление на Сладкую Балку, овладеть ею и затем пропустить через себя конницу генерала Бабиева. По овладении Сладкой Балкой один батальон выслать в район высоты 60,18.

Сосредоточение и движение. Сборный пункт был назначен на большой дороге в 4 верстах севернее Большого Токмака. Ровно в 4 часа отряд от полка под командой помощника командира полка полковника Левитова выступил в следующем порядке: два броневика, 2-й батальон, Корниловский конный дивизион, боевой обоз пулеметной роты и боевой обоз полка. Позади полка следовала конница генерала Бабиева. Для обороны высоты 60,18 был назначен 1-й батальон, 3-я тяжелая батарея и четыре танка.

Разворачивание и действия отряда. 409-м полком красные обороняли высоты, что в версте к югу от Сладкой Балки. Полк развернулся на высоте в трех верстах южнее села. По одному эскадрону Корниловского конного дивизиона было выдвинуто на фланги отряда. Около 6 часов отряд повел наступление. Несмотря на сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, красные были сбиты и отброшены на Сладкую Балку, где подошедшие резервы их, 410-й и 411-й стрелковые полки, под прикрытием сильного артиллерийского огня с фронта и со стороны хутора Очеретоватый оказали упорное сопротивление. Несмотря на это, красные были опрокинуты Корниловцами и преследуемы конницей генерала Бабиева. По количеству взятых в плен 137-ю стрелковую бригаду противника можно было считать уничтоженной. Около 7 часов Сладкая Балка была занята, и вся наши конница устремилась на север. Около 20 часов в Большой Токмак возвратились: офицерский батальон, 2-й батальон, 6-я батарея, 3-й батальон, 5-я батарея и штаб отряда. В Сладкой Балке были оставлены конный дивизион и два броневика. Трофеи: 500 пленных. Потери: 7 человек и 2 лошади ранены. Боем были обнаружены: 409-й, 410-й и 411-й стрелковые полки 137-й бригады 46-й стрелковой дивизии.

1-й Корниловский Ударный полк на правом фланге дивизии, 3-й — в Нижний Куркулак. На фронте оживление с обеих сторон.

13 июля. Около 13 часов со стороны хутора Очеретоватый показались разъезды противника, которые оставались перед фронтом боевого участка 2-го Корниловского Ударного полка все время. Конница красных, около 4 эскадронов с тремя орудиями, заняла Сладкую Балку. Корниловский конный дивизион и два броневика присоединились к полку. Приняты меры предосторожности. Весь полк ночевал на северной окраине м. Большой Токмак.

14 июля. Ввиду занятия красными Сладкой Балки, полку приказано двумя батальонами с двумя легкими батареями восстановить положение. Остальными силами, то есть двумя батальонами, одной тяжелой батареей и четырьмя танками оборонять участок позиции в районе высоты 60,18. Отряд 2-го полка выступил в 4 часа в следующем порядке: 3-й батальон, 5-я батарея, 2-й батальон, 6-я батарея, Корниловский конный дивизион, пулеметная рота и броневик. Отрядом командовал помощник командира полка по строевой части полковник Левитов.

Группа красной конницы занимала Сладкую Балку, хутор Куркулак и хутор Ильчиков. В состав этой группы входили 12 полков, в каждом из которых от 60 до 200 шашек. Всего было около 2.000 шашек. 3-й и 4-й кавалерийские полки при двух батареях обороняли высоты, что в версте к югу от Сладкой Балки.

Несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь красных, противник был сбит и стал отходить к северо-восточной окраине Сладкой Балки, охватывая правый фланг отряда. В то же время конница красных, расположенная в хуторе Куркулак и хуторе Ильчиков, стала обходить левый фланг отряда. Быстрым выдвижением рот 2-го батальона с пулеметами и самоотверженными действиями 6-й батареи охват был ликвидирован. Батальоны продвинулись, заняли северо-восточную окраину Сладкой Балки и закрепили ее за собой. Будучи окруженным с трех сторон конницей, отряд в течение дня отбивал попытки красных атаковать его. При отражении атак конницы красных отмечаются самоотверженные действия 6-й легкой батареи полковника Гетц, которая в этом бою потеряла убитыми двух старших офицеров батареи и ранеными 12 солдат и 9 мулов. Потери отряда: 35 человек убитыми и ранеными. Около 20 часов со стороны высоты 60,18 появилась конница красных, которая после обстрела нашей артиллерией скрылась. 3-я тяжелая батарея вела пристрелку по батареям красных, обстреливавшим участок 1-го Корниловского Ударного полка. Дополнительно выясненные потери 2-го полка: убито 2, ранено 11 человек. Боем было установлено наличие в Сладкой Балке 3-го и 4-го кавалерийских полков и в хуторе Очеретоватый 273-го стрелкового полка. На фронте 2-го полка и отряда ночь прошла спокойно. На фронте 1-го и 3-го Корниловских Ударных полков без перемен.

15 июля. Около 6 часов конница красных, силой до полка, повела наступление на высоту 60,18, но огнем рот 1-го батальона была отбита. Вслед за конницей показались пехотные цепи, которые, будучи обстреляны тяжелой батареей, залегли. Из резерва полка подошли офицерский батальон, четыре танка и одна легкая пушка. По фронту участка редкая ружейная, пулеметная и артиллерийская стрельба. Около 11 часов красные открыли по участку уже сильный огонь, очевидно подготавливая атаку. Видя стойкость рот 1-го батальона, красные в атаку не пошли.

Во время огневой подготовки был смертельно ранен в голову командир полка полковник Пашкевич, Яков Антонович. В 11 часов он скончался. Мы лишились старого Корниловца-первопоходника, доблестного идейного борца за национальную историческую РОССИЮ, выдающегося знатока пулеметного дела, создавшего свой полк, выведшего его на поле брани 15 июля ст. ст. 1919 года и прославившего его в боях за Курск и Орел. 25 мая 1920 года, во время блестящего прорыва укреплений красных при выходе в Северную Таврию с Перекопа он стоял во главе Корниловской Ударной дивизии, за что получил орден Св. Николая Чудотворца. В бою с конным корпусом Жлобы он первым со своим полком нанес ему главный удар, и теперь, приготовив все для полкового праздника своему любимому полку ко дню 15 июля ст. ст. Св. Князя Владимира, вместо встречи его пал на ПОЛЕ ЧЕСТИ. Но и здесь, в последние

минуты своей жизни с нами, он проявил выдающие качества начальника: он видел, что его славный полк волей начальника, выполняя свой долг, был разделен пополам, в пунктах, находящихся друг от друга в 15 верстах, под ударами сильнейшего врага, и своей близостью к передовой линии на высоте 60,18 хотел точней определить удар противника, использовать для контрудара силу своего огня и тем сократить нашу очередную кровавую жертву своему Отечеству. В первую мировую и в эту гражданскую войны он имел много ранений, но сегодня разделил участь большинства ударников нашего бессмертного Вождя и Шефа полка Л. Г. Корнилова. Вместо торжества своего полкового праздника мы проводили прах нашего героя-командира полка на вокзал для предания его тела земле в Симферополе, отбили все атаки красных и на высоте 60,18 поставили железный православный крест.

В книге «Корниловский Ударный полк» так описывается этот роковой день: «Непрерывные и жестокие бои постоянно разыгрывались около высоты 60,18, господствующей над Большим Токмаком. На этой высоте 15 июля, в день полкового праздника, был убит командир 2-го Корниловского Ударного полка полковник Пашкевич. Погиб из-за своей всегдашней рачительности: в тяжкие боевые дни Пашкевич носился по всему фронту своего полка на отбитой у Жлобы мотоциклетке. 15 июля с самого утра красные повели наступление на Большой Токмак, стремясь овладеть колонией Шензе и высотой 60,18. Выдержанным огнем Корниловцев, при содействии артиллерии и бронепоездов, атака была отражена, и красные отступили с такой поспешностью, что не подобрали своих раненых. Выстрелы стихли, и все замерло в знойной тишине. Через несколько часов у противника загрохотали пушки, красные выскочили из кукурузы и целой дивизией повели наступление на высоту 60,18. 2-й батальон 2-го полка стал поспешно рассыпаться по склонам холма, но густые цепи красных уже обходили холм. Командир офицерского батальона полковник Иванов, К. В., приказал начальнику офицерской пулеметной команды подпоручику Бондарь, Артему, как можно скорее выдвинуть пулеметы во фланг наступающему противнику. Бондарь побежал выбирать позиции для своих пулеметов. Бросился туда, сюда, — все места были малоподходящи. Красноармейцы показались уже в тылу у Корниловцев. Тогда Бондарь вскочил в седло и карьером помчался прямо на цепь красных. За ним загремела тачанка с тремя пулеметами. Бондарь и тачанка вихрем промчались через цепь ошеломленных красноармейцев и скрылись из вида. Ошеломлены были и Корниловцы, никто ничего не понимал, но уже через несколько минут пулеметы Бондаря заклокотали сзади красноармейцев. Точно невидимая коса прошлась по их рядам. Корниловцы, восхищенные такой отвагой своего офицера, вскочили и со штыками наперевес ринулись на красных. Толпы красных уже в панике побежали назад и скрылись далеко под холмом в густой кукурузе. На выстрелы прикатил полковник Пашкевич. Ему непременно нужно было самому удостовериться, насколько был отогнан противник. Полковник Пашкевич сошел с мотоциклета и стал спускаться с холма, прошел через цепи Корниловцев, вышел к сторожевому охранению, постоял около него

и спустился еще ниже. Из кукурузы раздался залп, и полковник Пашкевич свалился. **Скончался он на руках сестры милосердия Екатерины Глик по дороге в госпиталь, пытаясь перекреститься и произнести слова: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». В Корниловском журнале боевых действий было записано: «15 июля наступление противника было отбито, но дорогой ценой: пал смертью храбрых командир 2-го Корниловского Ударного полка полковник Пашкевич. Потеря не только для Корниловцев, но и для всей Русской Армии».**

Общие потери Корниловской Ударной дивизии за время боев в районе Большого Токмака дошли до 2.000 убитыми и ранеными. Корниловская Ударная дивизия истекала кровью.

В журнале боевых действией 2-го полка сохраняются фотографии: креста с железной решеткой на высоте 60,18, где был смертельно ранен полковник Пашкевич, полковник Пашкевич в гробу; он же живым (снимок сбоку на параде в Ростове на Дону, перед отправкой полка на фронт, во время смотра его генералом Май-Маевским) и зарисовка, тоже сбоку, сестры милосердия В. С. Левитовой — у штаба полка он смотрит в бинокль на Перекопский залив.

На участке 1-го Корниловского Ударного полка противник был тоже отбит. Помощник командира 2-го Корниловского Ударного полка полковник Левитов, объединявший в этот день отряд полка в бою у с. Сладкая Балка, был вызван в Б. Токмак и назначен командиром полка.

1-й батальон с двумя танками в 19 часов переходит в наступление с высоты 60,18 и далеко отбрасывает противника. Ночь проходит спокойно.

16 июля. На участке Корниловской Ударной дивизии противник всюду пытается наступать. На рассвете эскадрон красных сделал налет на Сладкую Балку, но своевременно был обнаружен заставой 3-го батальона, огнем которой был отбит и в панике бежал. В течение ночи на хутор Очеретоватый высылались разъезды от Корниловского конного дивизиона, которые доносили, что они соприкасались с разъездами красных и вели с ними перестрелку. Около 10 часов было замечено накапливание пехоты в лощине, что северо-восточнее высоты 60,18. В 15 часов красные густыми цепями повели наступление на эту высоту, но были встречены сильным огнем. После обстрела 1-й батальон стал отходить с целью дать возможность произвести охват слева выдвижением из полкового резерва офицерского батальона, а справа развернувшимся батальоном 1-го полка. Заметив это движение наших батальонов на флангах, красные в панике бежали, понеся большие потери.

Около 17 часов 2-й и 3-й батальоны в Сладкой Балке были внезапно атакованы со всех сторон конницей в количестве 2.500 шашек и двух батальонов пехоты с артиллерией. Учитывая, что они окружены превосходными силами на расстоянии 16 верст от своего полка, батальоны стали отходить на Б. Токмак. По пути отступления противник не раз бросался в атаки с фронта и тыла, но благодаря храбрости отряда и распорядительности и самоотверженности начальствующих лиц батальоны пробились через кольцо красных, нанеся им большие потери. Отход сопровож-

дался беспрерывными атаками конницы, отчаянными контратаками наших батальонов и лихими действиями 5-й батареи полковника Петренко. Противник каждый раз отбрасывался нами с огромными для него потерями. Не раз происходили рукопашные схватки, которые заканчивались полным разгромом красных. С такими ожесточенными боями батальоны

Полковник Левитов,
командир 2-го Корниловского Ударного полка

прочищали себе путь к высотам, что в 3-4 верстах севернее Б. Токмака, куда они прибыли около 20 часов и заняли окопы своего боевого участка. 2-й и 3-й батальоны были отведены в полковой резерв. Наши потери: 40 человек без вести пропавших из числа военнопленных, только что поставленных в строй, 27 человек раненых и 5 убитых. В дальнейшем мы

увидим, что наша конница отбила этих 40 человек, они пришли снова в «свой» полк и отлично дрались до конца.

17 июля. Противник сосредоточился большими силами в районе хутора Очеретоватый и в 3 часа 30 мин. повел наступление на высоту 60,18. Оборонявший высоту 1-й батальон 2-го полка встретил атакующих огнем и сам с подошедшими двумя танками, направленными на фланги, перешел в контратаку и стремительным ударом отбросил красных на восток, нанеся им большие потери. Особенно много потерь им нанес огонь наших батарей.

Получен приказ по дивизии за № 012: «2-му Корниловскому полку с Корниловским конным дивизионом и двумя легкими и одной тяжелой батареями сегодня в 6 часов начать наступление с высот, что в 3 верстах севернее Б. Токмака, и выбить красных из Сладкой Балки и хутора Ильчикова. К вечеру занять для обороны фронт: хутор Сорочин, исключительно, — Блюменталь, исключительно, войдя в последнем в связь с генералом Агоевым, а вправо с 1-м Корниловским Ударным полком. Главные силы — в Сладкой Балке».

В 6 часов полк выступил на сборное место по большой дороге на Сладкую Балку. В голове колонны двигался Корниловский конный дивизион, затем 2-й батальон, 6-я батарея, 3-й батальон, 5-я батарея, 1-й батальон, офицерский батальон, пулеметные команды по своим батальонам, 1-я тяжелая батарея и обозы. В таком порядке полк около 10 часов без боя вошел в Сладкую Балку, выставив сторожевое охранение фронтом на север и северо-восток. Установлена связь с конницей генерала Агоева и 1-м Корниловским Ударным полком. Противник, узнав о нашем наступлении, вышел из района Сладкой Балки в сторону Вербовое за два часа до нашего прихода.

3-й Корниловский Ударный полк из Лянскрона переходит в Вернерсдорф и Скелеватое, ночует в Вернерсдорфе. Затем переходит в Петропавловскую для наступления на село и станцию Пологи, занимает их, но потом отходит в Петропавловскую, где отдыхает три дня.

18 июля. В д. Сорочин высылается разъезд, который противника там не обнаружил. В 17 часов получена телефонограмма следующего содержания: «Оставаясь главными силами в районе Сладкой Балки и поддерживая связь с генералом Агоевым, немедленно выдвинуть один сильный батальон с эскадроном Корниловского конного дивизиона в Вербовое и выбить оттуда противника, если бы он там оказался; батальону, особенно с севера, вести охранение и поддерживать связь с хутором Очеретоватый (с 1-м полком) и Петропавловской (генерал Барбович) и 3-м полком. Иметь в виду, что вчера генерал Барбович разбил конницу красных в районе Блюменфельд, а сегодня пошел на Жеребец. Орехов удерживают Дроздовцы».

В 17 часов 45 мин. 2-й батальон с эскадроном выслан в Вербовое. Строевые занятия с 19 до 21 часа. Население Сладкой Балки встретило нас радушно. На фронте Корниловской Ударной дивизии спокойно. Во 2-й полк прибыли 40 человек, захваченных красными в плен при отступ-

лении наших двух батальонов из Сладкой Балки 16 июля. Они были отбиты нашей кавалерией и вернулись в полк с неподдельной радостью.

19 июля. Прибыло пополнение из пленных, захваченных 12-го в бою у Сладкой Балки. Батальоны водились в церковь. Получен приказ по дивизии за № 013: «2-му полку с двумя легкими и одной тяжелой бареями и эскадроном Корниловского конного дивизиона с получением приказа перейти в район хутора Работин и занять для обороны участок: с. Вербовое, исключительно, хутор Работин, большая дорога г. Орехов-Б. Токмак, включительно. Держать связь с 1-м Корниловским Ударным полком в Вербовом, Дроздовцами в Орехове и генералом Агоевым в Первой Копани. По прибытии 1-го Корниловского Ударного полка в Вербовое притянуть свои части оттуда в район хутора Работин».

Около 14 часов 2-й полк выступил из Сладкой Балки и в 16 часов без боя занял хутор Работин, заняв фронт согласно приказу по дивизии. В 19 часов из Вербовое прибыл 2-й батальон полка. В полковом резерве 2-й и офицерский батальоны. Переход — 9 верст. День прошел спокойно. На хуторском сходе крестьяне ознакомились с законом о земле и другими приказами командования Русской Армии. Крестьяне сильно нуждаются в литературе и ею интересуются. Вообще надо отметить, что дело забрасывания пропагандной литературы в Добровольческой и Русской Армиях велось очень плохо, вернее — почти не велось.

20 июля. Ночь прошла спокойно. Противник не обнаружен. По словам жителей и перебежчиков, противника в Малой Токмачке и Орехове нет. В связи с уходом конницы генерала Агоева из Первой Копани установлена связь с конным постом 3-го Марковского полка на высоте между Ореховом и Ново-Андреевкой. Около 20 часов наши были в Орехове и противника не обнаружили. Аэропланы красных бросали газеты и прокламации. Строевые занятия с 19 часов до 21 ч. Есть случаи заболевания оспой. По словам перебежчиков, настроение мобилизованных подавленное, и они выражают полное недовольство коммунистическим строем. В прифронтовых селах население с нетерпением ждет нашего прихода. Пополнение из пленных держит себя бодро и сражается героически, — это можно судить по ожесточенным боям 12 и 16 июля под Сладкой Балкой.

21 июля. Ночь прошла спокойно. Разъезды, высланные на Орехов и Малую Токмачку, были обстреляны одиночными выстрелами конных. Утром же, по словам жителей, красных там не было. Противника в Первой Копани тоже нет. День прошел спокойно. Строевые занятия с 15 до 17 часов.

22 июля. Ночь прошла спокойно. Горячая пища два раза в день. Противник не обнаружен. Боевой состав 2-го Корниловского Ударного полка на 22 июля: офицеров 349, ударников 1.018, нестроевых — 126. Пулеметов в пулеметной роте 50 и в офицерской пулеметной команде 20. Винтовок 851. Пополнения при полку 100 человек.

23 июля. На участке 2-го полка спокойно. Наши разъезды донесли, что в Орехове находится Дроздовская дивизия, в Малой Токмачке 2-я кавалерийская дивизия. На фронте Корниловской Ударной дивизии спо-

койно. Сведений о противнике не имеется. Строевые занятия с 18 до 20 часов.

24 июля. На участке 2-го полка спокойно. К 3 часам Марковская дивизия занимала линию: Блюменталь-Гохгейм-Эристовка-Карачекрак-Васильевка. Вправо от 2-го полка 1-й Корниловский Ударный полк занимает Вербовое, Дроздовцы — Сладкую Балку. 2-я конная дивизия выступила из Орехова в 7 часов, прикрывая отход Дроздовской дивизии. 2-му Корниловскому Ударному полку приказано выполнять ту же задачу, то есть оборонять участок от села Вербовое, исключительно, до дороги Орехов-Сладкая Балка, включительно. В 11 часов разъезд донес, что Орехов свободен от наших войск. В 17 часов получено донесение о занятии красными Малой Токмачки отрядом в 200 человек пехоты и 200 конных. К югу от железной дороги показались одиночные всадники красной конницы. Получен приказ по дивизии об отходе полка в Большой Токмак и занятия позиции по высоте 60.18, включительно, до реки Чингул, тоже включительно. В 23 часа 2-й Корниловский Ударный полк выступил из хутора Работин на Большой Токмак.

25 июля. В м. Большой Токмак 2-й полк прибыл в 9 часов. Высота 60.18 занята заставой с пулеметами от 2-го батальона, а на большой дороге у реки Чингул — застава от офицерского батальона. Полк расположился на северной окраине местечка. В 22 часа в распоряжение полка прибыл броневик «Капитан Добровольский» и в 24 часа — два танка. Около 22 часов доложили, что Марковцы под давлением превосходных сил противника оставили Гейдельберг.

3-й Корниловский Ударный полк переходит из Петропавловки в Либенау и потом на западную окраину Б. Токмака.

За этим в журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка имеется разбор этой операции, для сокращения пропускаемый, и я перехожу к выводам из нее:

1) При постановке задачи не было учтено наличие железнодорожного узла Пологи, вследствие чего задача нашим ударным группам была поставлена просто как на разгром живой силы противника.

2) Запоздалое овладение узлом Пологи дало возможность противнику перебросить 20-ю кавалерийскую дивизию и этим затянуть операцию.

3) Вследствие дальности узлов друг от друга, — до Александровска три перехода, до Пологи один, — и разновременного начала операции против узлов, противник имел возможность делать перегруппировку сил для контрудара и выводить свои части из-под нашего удара.

4) Все указанные в выводах недочеты решающего значения на ход операции не имели. Операция по своим трофеям и последствиям была блестящая. Удар, нанесенный пехоте и коннице противника, дал ему возможность перейти к активным действиям только после пополнения разбитых или подхода новых частей.

26 июля. 3-й Корниловский Ударный полк: переход в Тифенбрун, наступление на Блюменталь, отход от Блюменталя, ночевка в Нижнем Куркулаке.

На фронте **1-го и 2-го Корниловских Ударных полков** спокойно.

27 июля. Около 9 часов разъезды красных показались против высоты 60.18. После обстрела нащей заставой они скрылись. Ночь прошла спокойно.

28 июля. На фронте 2-го Корниловского Ударного полка в 9 часов со стороны Сладкой Балки показались цепи противника, которые после обстрела их нашей артиллерией залегли в балке у колодцев. В 17 часов появились конные разъезды. В стороне хутора Нижний Куркулак было видно движение пехоты и обозов. В 23 часа 3-му полку был передан броневик «Капитан Добровольский» для атаки противника, занимавшего хутор Нижний Куркулак. Отдано распоряжение 2-му Корниловскому Ударному полку быть к рассвету в полной боевой готовности. Ночь прошла спокойно.

29 июля. Около 6 часов противник в составе: 7-го, 8-го, 371-го, 411-го, 412-го, 413-го и 414-го стрелковых и 46-го кавалерийского полков при 18 орудиях разного калибра повел наступление густыми цепями на фронте 2-го Корниловского Ударного полка, направляя главный удар вдоль большой дороги на высоту 60.18. Сбив наши заставы, противник под прикрытием сильного артиллерийского огня к 8 часам занял наши окопы и высоту 60.18 и продолжал движение на Б. Токмак. К 9 часам противник подошел к северной окраине версты на полторы, развив сильный артиллерийский огонь как по расположению батальонов, так и по местечку.

Действия 2-го Корниловского Ударного полка. Ко времени отхода наших застав 3-й и 1-й батальоны с 6-й легкой и 3-й тяжелой батареями и двумя танками развернулись на северной окраине местечка Большой Токмак по большой дороге, а 2-й батальон с 5-й легкой батареей и одним танком развернулся на северо-восточной окраине его. В таком положении батальоны ожидали подхода противника, который поражался метким огнем нашей артиллерии. Подпустив противника на 300-500 шагов, батальоны открыли ружейный и пулеметный огонь, после чего в сопровождении танков повели стремительную контратаку. Противник не выдержал и начал отходить, неся большие потери убитыми и ранеными, которых оставлял на поле боя неубранными. Около 10 часов положение было восстановлено и полк занял свои окопы. Противник преследовался пулеметным и артиллерийским огнем. Взято 30 пленных и много винтовок. Наши потери: 2 убитых и 29 раненых. Убито 10 лошадей.

Выйдя из сферы артиллерийского огня, противник привел свои части в порядок и снова пытался переходить в наступление по всему фронту полка, но артиллерийским огнем был остановлен. Пехота противника залегла, а его артиллерия в течение всего дня вела обстрел наших окопов.

3-й Корниловский Ударный полк после занятия хутора Нижний Куркулак повел атаку на Нижний Мунталь. Туда же с юга вели атаку и донцы. Они взяли 500 пленных и 4 орудия. В этом бою был убит доблестный командир Корниловского конного дивизиона ротмистр Ковалевский. На фронте **1-го Корниловского Ударного полка** наступление красных отбито. Пленными установлено участие в бою полков из состава 1-й, 42-й и 46-й стрелковых дивизий красных.

30 июля. Около 7 часов, в том же составе, что и 29 июля, и еще усиленный 372-м стрелковым полком и 4 броневиками, противник повел наступление на весь участок 2-го полка семью густыми цепями, направляя главный удар вдоль большой дороги и на высоту 60.18. Сбив наши заставы, противник под прикрытием сильного артиллерийского огня занял около 8 часов наши окопы и высоту 60.18 и продолжал двигаться на Б. Токмак. К 9 часам противник подошел к самой окраине местечка, где к этому времени развернулся со своей артиллерией и танками весь 2-й Корниловский Ударный полк. В полковом резерве находился 2-й батальон. Подпустив противника на 300 и даже на 100 шагов, батальоны с танками повели стремительную контратаку. Противник и на этот раз не выдержал и стал отходить. К 10 часам положение было восстановлено. В 14 часов противник группировался северо-восточнее высоты 60.18. День закончился спокойно: Трофеи: 5 пленных и много винтовок. Наши потери: 2 убитых и 39 раненых. Броня и огонь выручают...

3-й Корниловский Ударный полк и 6-я пехотная дивизия вели наступление на Гейдельберг. Вправо, на участке 1-го полка спокойно.

31 июля. Около 8 часов противник силой до одного батальона при 4 орудиях повел наступление на высоту 60.18. К 9 часам он сбил заставу и занял высоту. Подошедшие две роты 1-го батальона восстановили положение. В 14 часов противник силой уже около двух полков при 4 орудиях повел наступление вдоль большой дороги. Метким огнем наших батарей противник был остановлен. В это же время было видно движение колонн и обозов со стороны колодцев на Нижний Куклулак. Около 18 часов противник сильным артиллерийским огнем обстрелял обе заставы. Обстрел продолжался до 20 часов 30 мин. Наша тракторная батарея била по колодцам. **1-й Корниловский Ударный полк** был сменен Кавказским офицерским полком и выступил на присоединение к 3-му Корниловскому Ударному полку для атаки Нижнего Куркулака. Штаб Корниловской Ударной дивизии прибыл на станцию Мунталь. 2-й Корниловский Ударный полк перешел в подчинение 6-й пехотной дивизии. За день 2-й полк имел одного пленного и потерял 20 человек ранеными.

АВГУСТ

1 августа. В течение дня со стороны Сладкой Балки и хутора Очеретоватый перед фронтом 2-го Корниловского Ударного полка показалась партия разведчиков, которая после обстрела пулеметным и артиллерийским огнем скрылась. Около 20 часов бывшие гвардейские офицеры, состоящие на службе в советской армии, прислали письмо с предложением перейти к нам на службу. Письмо осталось без ответа. Ночь прошла спокойно.

2 августа. Около 7 часов красные двумя цепями повели наступление на высоту 60.18, но огнем были отброшены и залегли. В 16 часов застава донесла, что противник свое охранение оттягивает назад. В течение дня идет артиллерийская перестрелка. Ночь прошла спокойно.

3 августа. В 9 часов красные силой около двух батальонов повели наступление на высоту 60.18, но после обстрела подались назад. Около 20 часов они вновь пошли в наступление при поддержке артиллерийского огня. После обстрела нашей артиллерией скрылись.

4 августа. В 2 часа заставами была замечена сигнализация из Большого Токмака на Сладкую Балку. В 3 часа заставу обстрелял разъезд противника, который после этого скрылся. Ночь прошла спокойно.

5 августа. С утра противник силой около двух батальонов повел по всему фронту 2-го полка наступление, под натиском которого заставы отошли на северную окраину местечка. Полк, без танков, перешел в наступление и занял свои окопы. В 16 часов полк сменился, передав позицию Самурскому пехотному полку. В помощь Самурцам оставлено три роты с двумя орудиями 6-й батареи, под командой полковника Померанцева. В 20 часов полк прибыл в расположение свое на западной окраине Б. Токмака. В 24 часа полк переведен в колонию Старый Мунталь. **3-й Корниловский Ударный полк** отошел от Куркулака в Старый Мунталь и с 5-го на 6-ое в Б. Токмак.

6 августа. Помещаемое ниже описание боя резко отличается от изложенного в книге «Корниловский Ударный полк», на стр. 183. Журнал боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка излагает действительную картину происходившего, которая говорит о постигшей нас трагической неудаче, когда наши же авионы разбомбили конную бригаду генерала Клочкова в самый критический момент перехода красных в контратаку на 2-й Корниловский Ударный полк с обходом его конницей. Роль 1-го полка из-за его опоздания свелась к пассивному наблюдению. Отбил все атаки противника и ликвидировал обход красной кавалерии 2-й полк.

Обстановка боя

Дроздовцы из Ново-Нассау должны были наступать на Новый Мунталь. Задача 1-му и 2-му Корниловским Ударным полкам с их артиллерией, с 12-м и 18-м Донскими полками и с двумя бронеавтомобилями под командой генерала Пешня: не позже 8 часов сего числа перейти в решительное наступление в направлении на Новый Мунталь, охватывая его в востока, с целью уничтожить противника в этом районе. Коннице в начале боя быть в кулаке за пехотой для нанесения удара в нужный момент в важнейшем направлении.

Сосредоточение и движение

Сборный пункт 2-го полка и отряда — западная окраина колонии Старый Мунталь. В 8 часов 30 мин. 2-й Корниловский Ударный полк выступил со сборного пункта без трех рот и 6-й батареи, оставленных Самурскому полку. Конница на сборный пункт опоздала. 1-й Корниловский Ударный полк тоже своевременно не вышел на сборный пункт и выступил из колонии только в 9 часов 30 мин.

Действия 2-го Корниловского Ударного полка

Около 10 часов, выдвинувшись на высоты, что в 4 верстах северо-западнее колонии Старый Мунталь, противник открыл по колонне артиллерийский огонь. Под прикрытием огня своих батарей полк двинулся дальше уже под фланговым огнем артиллерии красных со стороны колонии Нижний Куркулак. Около 13 часов, под сильным артиллерийским огнем со стороны колонии Нижний Мунталь полк развернулся: 3-й батальон вдоль дороги, правее — 2-й и 1-й батальоны, полковой резерв, офицерский батальон, — за левым флангом полка, и начал теснить передовые части противника. Приблизившись на 1.000-1.200 шагов, полк попадает под сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, носивший характер заградительного. Кроме этого, со стороны красных беспрерывно выезжали для обстрела четыре броневика. Принимая во внимание слабость полковой артиллерии, — 5 орудий, — и несмелые действия наших двух броневиков, полку приходилось нести большие потери в людях и отбиваться больше ружейным огнем. Противник на фронте полка был в превосходных силах и отличался стойкостью. Около 15 часов, когда полк сблизился и был готов перейти в атаку, конница противника повела атаку на левый фланг полка, а четыре наших аэроплана в это время с успехом бомбили нашу же конную бригаду донцов, убив одного командира полка, ранив другого командира полка и самого командира бригады генерала Клочкова, нескольких чинов его штаба и человек десять казаков, разогнав в эту критическую минуту главный наш козырь в операции не только для отражения обходившей нас красной кавалерии, но и для обхода атакуемой нами пехоты, с целью ее уничтожения. Атаку красной кавалерии отбил офицерский батальон, счастливо расположенный за левым флангом полка. Затем полк повел энергичное наступление на южную окраину колонии, и упорное сопротивление противника было сломлено, несмотря на то, что 10 его орудий бомбили Корниловцев. Колония Новый Мунталь была занята нами.

Действия соседей

Наша конница все же нанесла удар в левый фланг противника. 1-й же Корниловский Ударный полк после опоздания на сборный пункт был как бы в резерве, хотя, судя по ходу боя, его место было в тесном взаимодействии со 2-м своим полком для облегчения выполнения поставленной задачи уничтожения живой силы противника. В трагический момент бомбежки нашими аэропланами своей конницы, совпавшей с переходом в атаку на наш левый фланг красной кавалерии, присутствие 1-го полка было особенно желательно. Мне, как командиру 2-го Корниловского Ударного полка, картина была ясна: трагический разгром аэропланами нашей конницы сорвал выполнение нами задачи на уничтожение живой силы противника. Это усиливалось еще и тем, что 2-й полк перед уходом из Б. Токмака ослабили, оставив Самурцам три роты с легкой батареей под командой лучшего командира батальона полковника Померанцева и отобрав потом и тяжелую батарею. В этом бою и два броневика действова-

ли слабо, боясь, повидимому, многочисленной артиллерии красных и четырех своих противников.

Со стороны противника в бою участвовали: 2-я и 16-я кавалерийские дивизии, одна стрелковая бригада из двух полков и 3-й интернациональный батальон из мадьяр-спартаковцев при 4 тяжелых и 16 легких орудиях и четырех броневиках.

Наши потери: убиты 1 офицер и 6 ударников, ранены 15 офицеров и 84 ударника, без вести пропали 1 офицер и 4 ударника. Пленных не было, но оружия и убитых красные оставили много.

К вечеру 2-й Корниловский Ударный полк оставался на занятой им позиции за колонией Нижний Мунталь; один батальон 1-го полка занял с батареей бугры, что северо-западнее Вальдорфа, остальные его батальоны оставались за правым флангом 2-го полка. 3-й Корниловский Ударный полк из Б. Токмака перешел обратно в Старый Мунталь, то есть был в резерве дивизии.

7 августа. К часу 2-й Корниловский Ударный полк перешел в колонию Старый Мунталь. Был получен приказ о занятии участка от реки Чингул, вкключительно, до дороги на Нижний Мунталь, тоже включительно.

В 22 часа полк сменил на позиции заставы 3-го Корниловского Ударного полка, который совместно с 1-м полком выступил на северо-западную окраину Б. Токмака. Ночь прошла спокойно.

8 августа. Около 10 часов красные силой в 500 человек мадьяр, сибирских стрелков, с двумя эскадронами и при одном броневике, повели наступление на правый участок 2-го Корниловского Ударного полка со стороны Нижнего Куркулака. Выдвинутые 2-й и офицерский батальоны, при поддержке 6-й легкой и 3-й тяжелой батарей, остановили продвижение противника. В 14 часов, силой одного стрелкового полка при двух броневиках красные повели наступление из колонии Нижний Мунталь, в обход левого фланга полка. Высланный 3-й батальон, при поддержке нашей артиллерии остановил противника. Броневики противника неоднократно выезжали для обстрела наших цепей, но каждый раз залповым огнем рот прогонялись. Около 15 часов красные пытались под прикрытием сильного артиллерийского огня перейти в наступление, но пулеметным и артиллерийским огнем были остановлены. Во время артиллерийской подготовки красных был тяжело ранен и вскоре скончался доблестный командир батальона полковник Померанцев. Без рисовки и показного усердия перед начальством он всегда ровно, спокойно и пунктуально исполнял самые трудные задачи. Его подчиненные видели в нем идейного борца за Русь Святую и шли за ним в огонь и в воду. Владел он собой поразительно и часто, будучи ранен, до конца боя не эвакуировался или вообще залечивал раны в строю. На этот раз он был тяжело ранен в живот. Когда его везли на санитарной повозке с передовой линии, я сопровождал резерв полка, выдвигаемый на левый фланг. Подъехав к повозке, я увидел по лицу полковника Померанцева, что дела его плохи, но не подавая вида тревоги, спросил, как он себя чувствует. Он довольно спокойно ответил: «Красные упорно хотят нас выбить. Дело мое плохо, —

прощайте!» Я пытался его ободрить, сказал, что мы скоро еще увидимся, но к вечеру мне сообщили о его кончине.

Всю ночь около 14 пулеметов противника вели перестрелку с нашими заставами.

Соседи: 3-й Корниловский Ударный полк обеспечивал правый фланг 2-го Корниловского Ударного полка и затем перешел в Б. Токмак. 1-й полк в 11 часов был передвинут на хутор Молочный и выдвинулся на «Шесть могил». 2-й Донской казачий полк к 13 часам выдвинулся на левый фланг полка, со стороны Молочного. 3-я тяжелая батарея своим метким огнем сбила две батареи противника. Во 2-ом полку было убито 4 человека и ранено 21. Около 22 часов застава № 3 донесла, что в подсолнухах скопилось около 300 кавалеристов при 12 пулеметах.

9 августа. Разъезды противника при пулеметных тачанках всю ночь вели перестрелку с нашими заставами. Около 5 часов противник одним стрелковым полком при 200 кавалеристах и 12 орудиях повел наступление по всему фронту 2-го полка. Огнем наших батарей, а также пулеметным и ружейным 1-го и 3-го батальонов, противник был остановлен и залег. В 10 часов, усилившись 3-м интернациональным полком, 8 орудиями и двумя броневиками, он снова перешел в наступление, поддерживаемый сильным артиллерийским огнем. Ведя атаку, противник 1-м интернациональным полком охватывал левый фланг полка. К означенному пункту были подтянуты 3-й и офицерский батальоны с двумя броневиками, но последние в момент атаки испортились. При вторичном подходе броневика «Могучий» полк стремительной атакой отбросил и обратил в бегство противника, оставившего на поле боя 50 убитых и раненых, по преимуществу мадьяр. Были взяты в плен здоровыми 5 мадьяр. У нас были сильно контужены командиры 1-го и 3-го батальонов, убит командир 1-й роты, 2 офицера ранено, убито 6 ударников и 45 ранено. Отмечаются доблестные действия известного начальника офицерской пулеметной команды поручика Бондарь, Артема, офицера из вахмистров кавалерии, и командиров 5-й и 6-й наших батарей, все время работавших под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника. В течение минувшей ночи на левом фланге полка были вырыты окопы, благодаря чему полк понес сравнительно мало потерь.

Соседи: 1-й Корниловский Ударный полк был на «Шести могилах» и в течение всего боя вел себя пассивно, почему 2-й полк и был атакован в свой левый фланг. 3-й Корниловский Ударный полк из Б. Токмака выступил на Фирстенау, Фабричную и Шензе. Его офицерский полубатальон ушел на формирование.

10 августа. Ночь прошла спокойно. С 15 до 16 часов редкая артиллерийская стрельба со стороны противника. Около 20 часов было замечено движение цепей противника со стороны колонии Нижний Мунталь, на заставу № 4 и далее влево. Одновременно с этим по дороге из колонии Нижний Мунталь шел броневик к заставе № 3. Огнем застав и выдвижением броневика «Могучий» противник был вынужден отойти и залег. Ночью перед заставами №№ 3 и 4 были слышны голоса и движение тачанок. Приняты меры предосторожности.

11 августа. В 4 часа противник повел наступление на левый участок 2-го полка, но огнем был отбит и залег на расстоянии 1.000 шагов. В 7 часов 30 мин. противник в составе: 1-й сибирской бригады, 3-го интернационального полка, 1-го полка бригады 46-й стрелковой дивизии, при большом количестве артиллерии, вторично повел наступление на левый фланг полка, с заходом в тыл ему. Наши цепи встретили противника сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем и, перейдя в контратаку, отбросили его. После этого красные еще несколько раз переходили в контратаки. Жестокий бой длился не менее двух часов. Под сильным натиском противника окопы не раз переходили из рук в руки. Около 9 часов положение было восстановлено, и стремительной атакой с выдвижнием из резерва 1-го и 2-го батальонов и двух рот офицерского батальона, при поддержке всей артиллерии и броневиков, выдвинутых на фланги, противник был сбит и обращен в паническое бегство на северо-запад, оставив на поле боя много раненых и убитых. После преследования противника донской конницей 46-я стрелковая дивизия была полностью захвачена. Рассеяв красных, наши цепи вернулись на Бельдорф, где полк построился и походным порядком был направлен на Тифенбрун, куда прибыл в 13 часов, выставив сторожевое охранение на север и северо-запад.

Вальдорф и Тифенбрун противник, в связи с неудачным наступлением, оставил без боя. В этом бою был ранен доблестный командир 3-й пулеметной команды поручик Власенко. Снова большое мужество и храбрость проявили 5-я батарея полковника Петренко и 6-я полковника Гетц, которые, находясь под действительным ружейным и пулеметным огнем, все время били на-картечь, и броневик «Могучий», прорвавшийся к орудию противника, где он переранил всю прислугу и лошадей и, за невозможностью вывести орудие, снял с него замок. О всех чинах 2-го Корниловского Ударного полка я, как его командир, должен отметить, что они и здесь показали себя достойными ударниками Генерала Корнилова. Наши трофеи: одно орудие, много пулеметов и винтовок, 140 пленных. Наши потери: убито 4 офицера, 9 ударников и 17 лошадей, ранено 15 офицеров и 38 ударников.

Резко замечается необходимость в коннице, которая могла бы отрезать всю левофланговую группу красных, стремившихся зайти в тыл полку, и этим избавить нас от лишних потерь.

Около 18 часов со стороны Блюменталь показались разъезды красных. Выдвинутыми броневиками противник был отогнан. Соседи на левом фланге, — 6-я пластунская сотня, расположенная на «Шести могилах», в течение боя вела себя пассивно. Правый фланг обеспечивал наш 3-й полк.

12 августа. Ночь прошла спокойно. В 16 часов со стороны Блюменталь двигалась пехотная цепь, человек 200, и разъезды в направлении к Тифенбрун. Огнем артиллерии противник был разогнан и залег в 4-5 верстах от расположения 2-го полка.

13 августа. В 5 часов 2-й Корниловский Ударный полк, оставив в Тифенбруне 6-ю пластунскую сотню 2-го Донского полка, двинулся в Ста-

рый Мунталь, откуда, сдав свой участок 1-й Донской бригаде, проследовал в село Троицкое, в котором и расположился на ночлег.

3-й Корниловский Ударный полк направлен в Серагозы через Троицкое и Демьяновку.

Отсюда начинается переброска Корниловской Ударной дивизии на занятую противником К А Х О В К У.

ВЫВОДЫ ЗА ПЕРИОД С 26 ИЮЛЯ ПО 13 АВГУСТА 1920 ГОДА

В журнале 2-го Корниловского Ударного полка вывода за этот период нет. Надо полагать, что донесение в штаб дивизии за это время было послано без такового из-за тяжелых боев, особенно для 2-го Корниловского Ударного полка. Поэтому я восполню этот пробел с точки зрения его командира, избежав всех поправок штаба дивизии.

Возвращение 1-й Армии из рейда на Пологи — Орехов противник счел за наше поражение, быстро вошел в соприкосновение с нами на наших старых позициях, подтянул резервы и стал беспрерывно вести атаки на высоту 60.18 и колонии Куркулак — Нижний Мунталь, сосредоточив здесь для поддержки пехоты сильную артиллерию и броневики.

Сначала красные все время вели атаки на м. Большой Токмак, начиная с 29 июля на высоту 60.18 и большую дорогу на с. Сладкая Балка. Противник, по-видимому, не смог понять того, что мы после рейда даже усилились, и настойчиво вел атаки до 5 августа включительно, поломав себе зубы на этом участке. Осознав это, он перебрасывает свои резервы левее, и 2-й Корниловский Ударный полк тут же, после отражения атаки 5 августа, был сменен в течение ночи и переброшен через Б. Токмак в Старый Мунталь. Бои, начиная с 29 июля и до 5 августа, включительно, велись в обстановке перехода инициативы к противнику и его значительного перевеса в силах, особенно в артиллерии. Мы же могли ему противопоставить свою сплоченность, облегчающую всякий маневр, и качество наших пулеметов и нашей превосходной артиллерии. Танки и броневики были малочисленны и редко бывали с нами в нужные минуты, но когда они работали с нами, наши потери были в 3-4 раза меньшими.

И за все это время на участке нашей дивизии наше командование не могло сосредоточить достаточной силы для окружения и уничтожения двух-трех бригад противника, - все сводилось к отбрасыванию красных, правда, с огромными для них потерями от нашего огня, а иногда и от штыков. Наше командование, перебрасывая Корниловскую Ударную дивизию под колонию Нижний Мунталь, не ошиблось в своих данных: потерпев неудачу в лобовых атаках на Большой Токмак, противник сосредоточил все свои силы на самом левом фланге дивизии, где произошли вновь кровопролитные для 2-го Корниловского Ударного полка встречные бои.

Отлично задуманная операция на уничтожение живой силы противника 6 августа встретила ряд непредвиденных и даже роковых затруднений и при наличии данных выполнить ее с успехом, она закончилась про-

стым отбрасыванием его. Предполагалось, что удар на группу красных центром у колонии Новый Мунталь нанесут: в авангарде, прямо на колонию наступает 2-й Корниловский Ударный полк, за ним, в резерве группы генерала Пешня, 1-й Корниловский Ударный полк, левее 2-го полка какая-то часть Дроздовской стрелковой дивизии наносит удар из Нассау тоже на Новый Мунталь, и за левым флангом 2-го полка Донская конная бригада генерала Клочкова для удара, по возможности, с тыла противнику. **На деле же получилось:** 2-й Корниловский Ударный полк в авангарде выступает своевременно. 1-й полк опаздывает с выступлением на час. Дроздовцев, по невыясненным причинам, вообще за этот день не было на отведенном для них участке. Донская конная бригада, хотя и опоздала с выступлением, все же подошла уступом назад за левым флангом 2-го полка, когда полк с большим трудом преодолевал сопротивление красных и когда красная кавалерия шла в атаку на его левый фланг и тыл, но здесь произошло невероятное: наши четыре аэроплана с присущей им лихостью разнесли с большими потерями всю бригаду донцов, которые и были «ГВОЗДЕМ» в данной операции и выполнили бы свой долг окружения противника, но они сами рассыпались от огня своих же, и командование группы генерала Пешня собирало их. Однако этот страшный момент для 2-го полка был удачно ликвидирован его резервом, удачно расположенным за левым флангом офицерским батальоном с его отличной пулеметной командой в 20 пулеметов.

Несмотря на то, что полк имел только пять орудий и у него оставили в Большом Токмаке три роты, колония Новый Мунталь была взята. 1-й Корниловский полк так и остался в резерве. Операция на окружение сорвалась, а имела все данные для блестящего ее выполнения. Со стороны противника у колонии Новый Мунталь в бою против 2-го Корниловского Ударного полка участие принимали: 2-я и 26-я кавалерийские дивизии, одна стрелковая бригада из двух полков и 3-й интернациональный батальон, составленный из мадьяр-спартаковцев, при 4 тяжелых и 16 легких орудиях и четырех броневиках.

7 августа 2-й Корниловский Ударный полк для сокращения фронта был переведен из Н. Мунталь в Старый Мунталь. Противник все время ведет наступление. 9 и 10 августа снова на участке 2-го полка красные ведут наступление силами 1-й сибирской бригады, 3-го интернационального полка, 1-го полка бригады 46-й стрелковой дивизии, при большом количестве артиллерии. Наши окопы переходили из рук в руки, и напряженный бой длился с 7 до 9 часов. При содействии броневиков и всех сил полка противник был отброшен с большими для него потерями. За это время конная бригада донцов ударила по частям 46-й стрелковой дивизии с тыла, захватив почти все, что осталось от этой дивизии, — так это записано в журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка. Это является лишним подтверждением необходимости конницы для совместных действий с пехотой при решении задач на уничтожение живой силы противника. 12 августа было только слабое наступление красных, а 13-го Корниловская Ударная дивизия стала перебрасываться на Каховку для ликвидации там прорыва. Сообщение о нем объяснило,

почему красные, не считаясь со своими потерями, нанесенными им разгромом Жлобы и рейдом Пологи-Орехов, гнали остатки своих потрепанных частей в атаки ежедневно. По-видимому, прорывом на двух отдаленных участках, имевших каждый кратчайшее расстояние для перехода в Крым, они предполагали ликвидировать нас еще на полях Северной Таврии, но на этот раз они просчитались. Полковник Левитов.

БОИ ЗА КАХОВСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

14 августа. В 7 часов 2-й Корниловский Ударный полк в составе своей дивизии выступил из села Троицкое в село Елизаветовку. В Б. Ивановке двухчасовой привал. В 17 часов полк направляется далее по назначению. В 22 часа полк прибывает в Елизаветовку и располагается на ночлег, выставив сторожевое охранение на запад, юг и север, что ясно говорило о неопределенности положения.

15 августа. В 8 часов полк выступил из Елизаветовки в Демьяновку, куда прибыл в 12 часов. Около 16 часов полк в составе дивизии двинулся по дороге из Демьяновки на Нижние Серагозы.

Временно я прерываю выписки из журнала боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка и ознакомлю читателя с 29-й главой книги «Корниловский Ударный полк», стр. 186, под заглавием:

КАХОВКА

В августе атаки красных в районе Большого Токмака стали выдыхаться. Последнюю сильную атаку они повели из Куркулака на Старый Мунталь, подступы к которому защищал 2-й Корниловский Ударный полк. Горячий бой длился два часа, но в это время Донской конный корпус овладел колонией Тифенбрун, расположенной к северу от Куркулака, и красные стали стремительно отступать. Их казаки перехватили. Ближайший к Токмаку район был очищен от красных, и бои перенеслись к с. Васильевка, недалеко от города Александровска. Не так благополучно сложилась обстановка на левом фланге Русской Армии: под прикрытием огня дальнобойных орудий, поставленных на высотах правого берега Днепра, красные навели понтонный мост через Днепр и овладели Каховкой. Сюда из Бериславля были переброшены три стрелковые дивизии, 51-я, 52-я и латышская, с шестью батареями. Укрепив каховский тет-де пон, красные двинулись в Таврию, оттесняя конный корпус генерала Барбовича. Они уже заняли дер. Нижние Серагозы и создали угрозу перерезать железную дорогу Севастополь — Мелитополь. Генерал Кутепов, к этому времени назначенный командующим 1-й Армией, решил в помощь генералу Барбовичу перебросить из Большого Токмака всю Корниловскую Ударную дивизию. Через два дня Корниловцы уже были в одном переходе от противника. Корниловцам была придана 1-я конная дивизия и два полка 6-й пехотной дивизии. Все эти части образовали ударную группу под общим командованием генерала Скоблина. 15 августа ударная

группа получила приказ перейти в наступление. «Корниловцы, — писал в своем приказе генерал Скоблин, — положение очень серьезное... Только от вас зависит, останется ли Русская Армия в Северной Таврии или принуждена будет ее очистить... Превозмогите У С Т А Л О С Т Ь (скажу от себя, что недаром приказ по дивизии подчеркнул: «превозмогите усталость», а она была от предыдущих ежедневных боев такой, что Корниловцы просто валились с ног) и покажите еще раз, что Корниловская дивизия действительно Ударная»...

Полки стали готовиться к бою. 1-м полком продолжал командовать временно капитан Дашкевич, в командование 2-м полком после смерти полковника Пашкевича вступил полковник Левитов, и только в 3-м полку оставался старый командир, полковник Щеглов. К часу дня все распоряжения были закончены и полки потянулись к Верхним и Нижним Серагозам, откуда было приказано выбить противника. Когда Корниловцы стали разворачиваться в боевой порядок, хлынул проливной дождь. Перед глазами стояла сплошная водяная стена, и она скрыла от красных приближение Корниловцев. Ливень прекратился так же сразу, как начался, но за это время Корниловцы успели подойти к курганам и буграм, где укрепились красные. Несмотря на внезапность Корниловской атаки, первый бой под Н. и В. Серагозами кончился вничью. Красные, хотя и были сбиты со своих позиций, но под самыми селениями проявили большую стойкость. В 3-м полку был легко ранен полковник Щеглов и его заменил полковник Пух, тоже легко раненный. Только со второго дня Корниловцы стали теснить красных. Красные отступали, но отбивались упорно, каждый раз на месте боя оставались сотни убитых и раненых красноармейцев. Большие потери несли и Корниловцы (не забудем, что оборона Большого Токмака взяла от Корниловской Ударной дивизии больше двух тысяч убитыми и ранеными). Когда Корниловская дивизия к вечеру 20 августа, после целого ряда непрерывных атак, прижала наконец красных к Днепру, она была совершенно обескровлена, — в ней оставалось всего около шестисот штыков (это автором сильно уменьшено, так как в дивизии было три полка и один запасный, плюс к этому полки перед походом получили из своих запасных батальонов пополнение). Тем не менее ударной группе генерала Скоблина было приказано без всякой передышки не только отбросить красных за Днепр, но и взять Бериславль, висящий по ту сторону над Каховкой. Генерал Скоблин в ответ на это приказание немедленно послал донесение, помеченное 20-м августа, 23 часа 40 минут, в котором писал: «От самых Серагоз мы били красных исключительно благодаря Корниловской дивизии. На своих плечах она вывозила все тяготы и дралась за всех. Теперь, после семидневных непрерывных боев, Корниловская дивизия уменьшилась на две трети, выбыл из строя почти весь командный состав. Люди изнурены до того, что не в состоянии двигаться. Артиллерия своей блестящей работой неустанно помогала Корниловцам, но у нее осталось очень мало снарядов, не более сорока на орудие Несмотря на все мои просьбы, снарядов не высылают. Очевидно, инспектор артиллерии не понимает, что при подавляющем числе противника наше небольшое количество штыков может быть возмещено только огнем ар-

тиллерии. Только против моей группы не меньше 7-8 тысяч красных (51-я советская стрелковая дивизия при переброске на станции Апостолово имела до 24 тысяч в своих девяти полках, при форсировании красными Днепра была в резерве и потому при столкновении теперь с нами ее численность должна быть старой). Их убыль пополняется непрестанно. И доблесть Корниловцев имеет предел. Раз приказано, они идут на верную

1-го Корниловского Ударного полка подполк. Челядинов. Сербия, 1935 г.

смерть, но сейчас, в данный момент, атаковать Каховку не могут. В крайнем случае, ваше приказание об атаке могу начать приводить в исполнение только в 4 часа 21 августа, но что из этого выйдет, — не знаю... Если атаку отложить на завтра, то, чтобы облегчить бой и уменьшить потери, прошу вашего ходатайства перед комкором 2-го о следующем: во-первых,

послать аэропланы для непрерывной бомбардировки батарей противника и всех мостов, и, во-вторых, доставить к полудню не меньше 2 тысяч снарядов». Через 20 минут, в 24 часа, генерал Скоблин получил такое приказание: «Приказываю в 4 часа 21 августа атаковать Любимовку, — село восточнее Каховки, — и безостановочно развивать успех на Каховку, подготовляя выделение одной дивизии (?!) для занятия Бериславля тотчас после взятия Каховки. Дивизию направлять по понтонному мосту. Ваш правый фланг и тыл будет обеспечивать конница генерала Татаркина которая сосредоточивается в Софиевке. Генерал-лейтенант Барбович».

К 4 часам ночи Корниловцы подходили к Любимовке. Они были еще верстах в трех от укрепленной полосы, когда 2-й корпус начал атаку западных укреплений каховского плацдарма. Красные всполошились на всем фронте, и неожиданность Корниловского удара была сорвана. Когда Корниловцы развернулись для атаки, впереди сразу засверкала непрерывная лента огней. Разрывы снарядов, вой осколков, свист пуль в темноте страшнее, чем днем. Все-таки Корниловцы подбежали к проволочным заграждениям. Ножниц не было. Стали бить по проволоке прикладами, рвать руками. Из окопов полетели ручные и зажигательные гранаты. 1-й полк залег под проволокой. 2-му полку удалось прорваться за проволоку, с криком «ура» он бросился за проволоку, но захлебнулся в свинцовом потоке. 2-й полк пытался атаковать еще раза два и, совершенно обессиленный, он свалился между проволокой. В 5 часов ночи Корниловцы выбрались из проволоки и отошли назад за бугры. Жутко было смотреть на измученные, осунувшиеся лица. Глаза были воспалены, руки сочились кровью, одежда вся была в клочьях. Во 2-м полку осталось СТО штыков, в первом около СТА ПЯТИДЕСЯТИ. Тремя пулями в живот был ранен капитан Дашкевич. На его место стал подполковник Челядинов.

Атака Каховки с налета не удалась. После длительных переговоров между штабами было решено произвести перегруппировку и, сосредоточив большую часть пехоты на западной окраине каховского тет-де пона, снова атаковать красных. Атака была назначена на 23 августа, в 2 часа ночи. На левом фланге атакующих 13-я и 34-я пехотные дивизии получили задачу взять хутор Терны, — опорный пункт каховского тет-де пона, и Малую Каховку. На правом фланге Корниловцев 6-я пехотная дивизия двухполкового состава и спешенная 2-я конная, наступая на Любимовку, должны были привлечь на себя внимание противника. В центре, вдоль дороги из Чаплинки на Каховку, была поставлена Корниловская Ударная дивизия (точнее — 3-й и запасный полки с остатками 1-го и 2-го полков). Ей было приказано прорвать фронт и овладеть Каховкой. В авангарде дивизии шел 3-й полк с тремя танками и двумя бронеавтомобилями. Непосредственно за 3-м полком — запасный Корниловский полк. Затем 1-й и 2-й полки в резерве дивизии. Танки быстро прорвали четыре линии проволочных заграждений, и Корниловцы ворвались в окопы. Выбивая из них красных и преследуя их, Корниловцы захватили 20 пулеметов и несколько орудий, но страшный ночной бой нисколько не утихал. Остальные наступавшие дивизии залегли под проволокой, и красные всеми силами обрушились на Корниловцев. Их расстреливали спереди, из Каховки,

и из Бериславля, сзади, из хутора Терны, и с фланга, из Любимовки. Все танки были подбиты, они в темноте наткнулись вплотную на неприятельскую батарею. От прямого попадания танк «Сибиряк» запылал, как факел, у танка «Сфинкс» был разбит мотор и разорвана гусеница, у танка «Урал» лопнул корпус, два полевых орудия, сопровождавших танки, были еле вывезены, так как прислуга и кони были перебиты. Маленькую кучку Корниловцев обступили с трех сторон, особенно наседали латыши На помощь был брошен последний резерв, — Корниловская инженерная рота, но уже силы были слишком неравны. До 5 часов Корниловцы отбивались от яростных атак и наконец под прикрытием огня своей артиллерии выбрались из этого ада. Корниловская дивизия была почти добита. На перекличке редко кто отзывался. Все Корниловские полки были сведены в роты. В сводной роте 1-го Корниловского Ударного полка осталось сто семь человек, в сводной роте 2-го Корниловского Ударного полка — сто двадцать и в сводной роте 3-го полка — девяносто два.

Примечание составителя записок: таково освещение боев за Каховку по книге «Корниловский Ударный полк», изданной в Париже в 1936 году. Думаю, что по прочтении этого у читателя явится двоякого рода мысль: 1) Роковая развязка борьбы приблизилась, и предел человеческих возможностей наступил; 2) Здесь снова доминирует какое-то упорное нежелание организаторов боев **истреблять живую силу противника в поле совместными ударами пехоты с кавалерией,** которая в этих боях имелась в достаточном количестве, но она все время была на охране наших флангов.

А укрепления брать все же нужно было при содействии техники, а не голыми руками, как это было под Любимовкой.

Продолжаю описание этих же боев по журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка, который составлялся во время боев, велся специально назначенными для этого офицерами и представлялся в штаб дивизии, а копии отсылались в исторический отдел Русской Армии.

15/28 августа. Около 16 часов 2-й Корниловский Ударный полк в составе дивизии двинулся по дороге из Демьяновки на Нижние Серагозы и, пройдя 8-10 верст, залег, находясь все время боя в дивизионном резерве, уступом за правым флангом 1-го Корниловского Ударного полка. Дивизии было приказано при содействии 1-й конной дивизии и 6-й пехотной двухполкового состава дивизии овладеть Ново-Александровкой и Верхними и Нижними Серагозами. Стойкость 51-й советской стрелковой дивизии помешала выполнить эту задачу.

Согласно данным штаба 2-го корпуса, против нас должна была находиться только одна бригада 51-й стрелковой дивизии, то есть три свежих полка из дивизии Блюхера, прибывшей из Сибири, со станции Байкал, на Байкальском озере. Корниловская Ударная дивизия возвратилась в с. Демьяновку в 24 часа. Во время сильной огневой подготовки был ранен доблестный командир 3-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка полковник Бржезицкий, Александр Иосифович, и его заместил капитан Балашев.

3-й Корниловский Ударный полк из боя под Серагозами отходит

тоже в Демьяновку. Его командир полка, полковник Щеглов, легко ранен. Потери во 2-м полку: 5 убитых и 2 раненых.

16/29 августа. 2-му Корниловскому Ударному полку приказано овладеть Ново-Александровкой и развивать наступление далее на юг, с целью разгрома 51-й советской дивизии, и занять Нижние Серагозы. В 6 часов полк выступил западнее села Демьяновка по дороге на Ново-Александровку и двинулся в следующем порядке: два броневика, 1-й и 2-й батальоны, 5-я и 6-я легкие батареи, 3-й и офицерский батальоны и тяжелая 6-дюймовая батарея. 51-я советская стрелковая дивизия обороняла восточную окраину села. Полк развернулся в трех верстах от Ново-Александровки. С расстояния в 600 шагов полк был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем. Стремительным ударом в штыки противник был опрокинут в село, откуда красные после трехчасового боя были выбиты и разрезаны на две группы. Одна из них отходила на север, где натолкнулась на нашу конницу и вступила с ней в бой, другая в сторону Верхних Серагоз. Весь день противник обстреливал западную окраину села артиллерийским огнем и не раз переходил в атаку, но огнем наших пулеметов и артиллерии каждый раз отбрасывался с большими для него потерями. В 17 часов противник превосходными силами в сомкнутом строю, под прикрытием артиллерийского огня повел интенсивное наступление на юго-западную окраину села с целью произвести охват слева и соединиться со своей группой, отступавшей на север. Здесь выяснилось, что против нас была не одна 151-я бригада 51-й стрелковой дивизии, а и 153-я бригада той же дивизии, то есть против нас было уже шесть свежих полков. Это и было причиной, почему в первый день встречи с противником бой у нас кончился вничью.

Полк подпустил противника на 200-300 шагов, открыл сильный ружейный и пулеметный огонь и перешел в контратаку. Противник в беспорядке бежал, оставив на месте боя сотни убитых и раненых. На плечах противника полк ворвался в Верхние Серагозы. Около 20 часов полк втянулся в селение на ночлег. Из командного состава 2-го Корниловского Ударного полка были ранены командир 1-го батальона поручик Кленовой и командир 2-го батальона полковник Алексеев, который был ранен, когда я подъехал к нему, чтобы отдать приказание: пуля выбила ему глаз и, пройдя через горло, лишила его дара слова, отчего он потом, уже в эмиграции, в Болгарии, застрелился. Был ранен и командир офицерского батальона, полковник Злотников, оставшийся до конца боя в строю. Всего было ранено 23 офицера и 56 ударников, убитые не были записаны. Трофеи полка: 4 орудия, 7 зарядных ящиков, 4 пулемета, пленные, 30 здоровых лошадей и другая военная добыча. При своем отступлении противник был отрезан и сбит в лощину, в бесформенную массу, но из-за усталости наших частей и пользуясь темнотой и деревней, он отступил на юг и ушел из-под удара. При наличии в полку одного-двух эскадронов возможен был захват всей группы красных с их артиллерией. В этом бою Корниловцы наблюдали, **в какое стадо баранов превращает паника войска, даже превышающие своего наступающего противника численностью во много раз.** Когда 2-й Корниловский Ударный полк расколол на две

части войска красных, одна из них стала отходить на север, то есть в свою сторону, нарвалась там на нашу кавалерию, но все же ушла. Вторая же была отброшена на юг, то есть по их представлению — на нашу сторону, — что грозило им уничтожением. это они поняли и обратились в такое паническое бегство, которое было достойно представления в цирке. Красное сибирское войско побросало все мешавшее бегу, стараясь маскироваться заборами и огорожами, и потому все ограды вдоль дороги были разрисованы комическими сценами прыжков и задних частей тела положительно на всех заборах. Я с небольшой группой своих ординарцев и конных разведчиков выбирали в этой массе начальство в кожаных тужурках, прямо как баранов. Но все же им удалось оторваться от нас по нескольким причинам: 1) 2-й Корниловский Ударный полк должны были сопровождать несколько броневиков, но они подъехали, когда все было уже кончено. Я в присутствии помощника начальника дивизии генерала Пешня в резких выражениях просил предать командиров машин суду; они же ссылались на полное физическое истощение их команд. Я указывал на свой офицерский батальон, гнавший вместо них такую тучу красных и, конечно, не могший уничтожить их. 2) Я не знаю причин, почему отошедшую на север группу красных не уничтожила кавалерия. Быть может, ей это было не по силам? Но в этом случае получилось то же и в отношении группы, отступившей на юг, которую мы, пехота, не могли переловить полностью. В этом все же виноваты опоздавшие броневики, которые в обоих случаях могли бы парализовать движение противника. 3) Наступившая ночь не только скрыла от нас эту орду, но и позволила их начальникам сделать попытку прорваться, минуя нас стороной, чтобы соединиться со своей группой, отступившей на север.

Полковник Левитов.

17/30 августа. Ночь прошла спокойно. Обстановка на фронте: противник занимает Нижние Серагозы и участок верст на шесть к западу. 1-я конная дивизия должна была выступить в 9 часов из Рубановки на Торгаевку, обеспечивая правый фланг нашей дивизии. 6-я дивизия занимала восточную окраину Верхних Серагоз до разрытого большого кургана. Ей было приказано в 9 часов перейти в наступление на Нижние Серагозы и далее на Торгаевку, обеспечивая наш левый фланг. Корниловской Ударной дивизии приказано было разбить противника, занимающего Нижние Серагозы, уничтожить его и преследовать на Торгаевку. 1-му Корниловскому Ударному полку — в 10 часов перейти в наступление, охватывая Нижние Серагозы с западной стороны и действуя противнику во фланг. В 10 часов 2-й Корниловский Ударный полк перешел в наступление на Нижние Серагозы. В трех верстах севернее Нижних Серагоз полк развернулся и был встречен выдержанным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Несмотря на ураганный огонь, упорство и стойкость противника, полк перешел в атаку. Видя нашу настойчивость, красные дрогнули и отошли в село, откуда после продолжительного боя на улицах были выбиты и стали быстро отходить на Торгаевку, оставляя на поле боя сотни раненых и убитых. На пути отступления противник пытался

задержаться атаками, но успеха не имел. У Торгаевки противник залег и дал упорный бой, переходя неоднократно в контратаки. Огнем пулеметов и решительными действиями 1-го батальона противник был сбит и обращен в паническое бегство, оставляя тоже много раненых и убитых. В 21 час полк вошел в Торгаевку и расположился на ночлег. В этом бою конница генерала Барбовича вела себя пассивно.

18/31 августа. Ночь прошла спокойно. 2-й Корниловский Ударный полк в составе дивизии около 9 часов двинулся в Анастасиевку через Вознесенку, — оба села с прилегающими хуторами были заняты противником. 6-я пехотная дивизия вела наступление влево от дороги на Анастасиевку. Для обеспечения правого фланга 6-й дивизии, которая при преследовании противника охватывалась с правого фланга последним, полк развернулся и повел наступление во фланг и тыл красным. Противник оказал и здесь особенно упорное сопротивление, подпуская наши цепи на 100-150 шагов и в упор их расстреливая. Под давлением огня нашей артиллерии и лихой атаки противник с численным перевесом был сбит, что дало возможность 6-й дивизии продолжать преследование разбитого противника далее на запад. Здесь противник понес огромные потери убитыми и ранеными. В этом бою всю группу, действующую против полка, при наличии конницы можно было бы полностью уничтожить. Одна только команда конных разведчиков 2-го Корниловского Ударного полка в десять всадников захватила ШЕСТЬ пулеметов. Вообще встречать противника с близкой дистанции — дело рискованное, при неустойке кончающееся полным разгромом. Наши трофеи: 11 пулеметов и другая военная добыча. В 18 часов полк, построившись в селе Черемисове, что у большой дороги Антоновка-Торгаевка и к югу от Вознесенки, проследовал в хутор Федоровку, где расположился на ночлег. Ранено офицеров 19, ударников 69, убито офицеров 2.

19 августа/1 сентября. Ночь прошла спокойно. В 9 часов полк, развернувшись около большой дороги, повел наступление на хутор Анастасиевка. Под действием решительной атаки и меткого огня артиллерии противник быстро отошел на запад. В 16 часов хутор Анастасиевка был занят нами. В 22 часа, оставив 1-й батальон в Анастасиевке, с остальными тремя батальонами и тремя батареями полк перешел в Ново-Николаевку на ночлег.

20 августа/2 сентября. Ночь прошла спокойно. На рассвете обнаружено движение противника на Ново-Николаевку с охватом левого фланга 6-й пехотной дивизии. 2-му Корниловскому Ударному полку приказано остановить наступление красных и развивать наступление далее на запад, двигаясь вправо от дороги Антоновка-Каховка. В 8 часов полк был переброшен в хутор Антоновка, где развернулся в боевой порядок. Противник проявил необыкновенную стойкость, открыл сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь и подпустил наши цепи на близкое расстояние. Несмотря на это, полк повел отчаянную атаку с главным ударом во фланг и тыл противнику. Последний, с превосходством в силах, стал отходить, отдавая каждую пядь земли с большим сопротивлением и громадными для себя потерями. Под вечер полк занял

деревню Злобин. В 24 часа полк перешел в дер. Лукьяновка и расположился на ночлег. И здесь противник имел большие потери. В полку ранено 18 офицеров и 36 ударников и убито 3 офицера. Тяжело ранен доблестный командир 2-го батальона поручик Романюк.

С получением приказа от генерала Барбовича о наступлении никакого ночлега, собственно, не получилось. На все просьбы начальника Корниловской Ударной дивизии отложить начало наступления на 24 часа был получен приказ генерала Барбовича следующего содержания: «Приказываю **в 4 часа 21 августа ст. ст. атаковать Любимовку (село восточнее Каховки) и безостановочно развивать успех на Каховку, подготовляя выделение одной дивизии для занятия Бериславля тотчас после взятия Каховки. Дивизию направить по понтонному мосту. Ваш правый фланг и тыл будет обеспечивать конница генерала Татаркина, которая будет сосредоточиваться в Софиевке... Генерал-лейтенант Барбович».**

Я не хочу отступать от поставленной мною себе цели сбора материалов для освещения всего происходившего в обстановке именно того времени, а потому, помимо записи журнала боевых действий, я приведу и наши взгляды на это: генерал Барбович считался тогда опытным кавалерийским начальником, к которому мы впервые попали в подчинение в этой операции на Каховку. В конце 2-го Кубанского похода и потом, в заднепровской операции, мы были в подчинении столь же доблестного кавалериста, генерала Бабиева. Но, да простят меня наши соратники, их взгляды на совместные действия пехоты с кавалерией стоят на разных полюсах. Генерал Бабиев находил место и создавал обстановку именно для совместного удара двух родов войск, гармонично применяя каждый из них по назначению. Генерал же Барбович в данной операции за семь больших боев четырех полков Корниловской Ударной дивизии и двух полков 6-й пехотной дивизии только охранял наши фланги и ни разу не воспользовался случаем добить разбитого противника. Результатом этого было то, что мы только «вогнали 51-ю советскую стрелковую дивизию в то самое предмостное укрепление, которое нам же и нужно было брать». К штурму же Любимовки мы подошли не только с большими потерями, но и измотанными до предела ежедневными тяжелыми боями, когда люди просто падали. По всем данным мы тогда знали, что на нашем фланге к плавням болталось только 400 шашек той же 51-й стрелковой дивизии.

Что же касается того, что генерал Барбович отдал убийственный для себя и для нас приказ об атаке Любимовки без техники и без отдыха, с включением штурма крепости по ту сторону Днепра — города Бериславля и с выделением для этого несуществующей какой-то дивизии, быть может все той же единственной Корниловской Ударной, то предполагали тогда, что для этого могли быть две причины: 1) полное бездействие 2-го корпуса за все время его обороны этого района, почему он и не учел сил переправившегося противника, не дал подходящим для штурма войскам схем укреплений и информации о характере обороны, а потому и не сосредоточил на нашем участке просимые нами танки. Вышеизложенное отношение 2-го корпуса к штурму Любимовки передалось и генералу

Барбовичу, который к тому же не был хорошо знаком с возможностями нашей ударной группы и потому подписал подобного рода приказ.

Вывод: приказ 2-го корпуса и протесты перед атакой Любимовки начальника Корниловской Ударной дивизии и двух его командиров полков были настолько далеки друг от друга в оценке обстановки, что невольно задаешь себе вопрос: как это могло быть в работе одного и того же боевого участка? Итак, приказом генерала Барбовича все просьбы начальника Корниловской Ударной дивизии были отброшены, и Корниловцы должны были ночной атакой с налета штурмовать укрепления Любимовки, то есть отбросить противника, как в простом бою в поле.

Прошу читателя обратить внимание на то, что 2-й Корниловский Ударный полк пришел в Лукьяновку в 24 часа 20 августа, а в 3 часа 21-го уже было назначено наступление для прорыва укрепленного любимовского района. Значит, на отдых на первом попавшемся месте полк имел не больше полутора часов. Истощение всех было таково, что все валились с ног и к происходящему кругом относились безразлично.

21 августа/3 сентября. Полку было приказано наступать по правую сторону большой столбовой дороги на Каховку и овладеть высотами, что южнее Любимовки верстах в двух, и южной частью села Любимовки. Влево по дороге наступал 1-й Корниловский Ударный полк, вправо — 6-я пехотная дивизия двухполкового состава.

В 3 часа 2-й Корниловский Ударный полк выступил по назначению с восточной окраины села Лукьяновка. Еще до рассвета полк подошел к укреплениям противника с окопами полной профили, с несколькими рядами проволочных заграждений и с хорошо пристрелянными рубежами для пулеметного и артиллерийского огня. С подходом полка к проволоке по нему был открыт бешеный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Несмотря на потери и огонь сорока пулеметов с фронта и с правого фланга, полк, **за отсутствием всякой технической помощи,** с голыми руками приступил к прорыву проволочных заграждений. Потеряв во время этой работы 2/3 своего состава и почти весь командный состав, полк после блестящих побед теперь в таком виде не удержался и бросился на ура в окопы. Под действием небывалого губительного огня с бросанием ручных гранат и при большом численном перевесе противника, который встретил нас контратакой, нам пришлось отступить и залечь перед проволокой.

Только третья атака на окопы удалась, и противник здесь их очистил, но было уже поздно, — был получен приказ начальника дивизии об отступлении вследствие неудачи 1-го Корниловского Ударного полка и 6-й дивизии, на участке которой не было даже сильного огня, а она должна была атаковать как раз тот укрепленный форт, который, будучи вынесен вперед из общей линии обороны, косил 2-й полк массой своих пулеметов. В этом бою пропал без вести помощник командира полка и он же командир морского батальона полковник Тарасевич и был тяжело ранен командир офицерского батальона полковник Злотников. В 21 час Корниловская Ударная дивизия выступила на хутор Топилов, что по дороге Чаплинка-Каховка, в 12 верстах от последней.

Потери только 2-го полка: ранено 32 офицера и 276 ударников, без вести пропало 15; все убитые оставлены на поле боя. Наши потери здесь уменьшены, так как быстрота выхода полка по приказу из укреплений противника, где его резервы уже подходили с флангов и могли легко нас уничтожить, не дала времени сделать подсчета и вынести убитых.

Дополнение к вышеизложенному от командира 2-го Корниловского Ударного полка: бой под селением Любимовка требует дополнения к сухим записям журнала, к тому же заполнявшегося в кошмарных условиях кровопролитного для нас боя, где 2-й Корниловский Ударный полк и его старший брат — 1-й Корниловский Ударный полк — принесли громадную жертву неумению организовать штурм укрепленного тет-де пона Каховки. Дело в том, что наше командование решило уничтожить укрепленный плацдарм красных у Каховки и с этой целью к селу Любимовка подходили с тяжелыми боями: в центре — Корниловская Ударная дивизия, 6-я пехотная дивизия двухполкового состава и кавалерийская дивизия генерала Барбовича. 20 августа перед Любимовкой, на линии села Анастасиевка, которую 2-й Корниловский Ударный полк взял с боем, укрепившиеся красные оказали упорное сопротивление. Здесь, как и всюду, сила нашего пулеметного огня и артиллерийского огня, соединенного с атакой пехоты, сбили противника. Силы красных во много раз превышали наши, но все же они были сильно расстроены и потому **отступали стадом,** хотя и не бежали. Вправо 6-я пехотная дивизия не была видна. За нами были кавалерийские части генерала Барбовича, и я надеялся, что наше командование воспользуется моментом и пустит кавалерию в атаку с целью уничтожить такую большую группу красных и не дать ей укрыться за укрепления плацдарма, которые мы же и должны были штурмовать. Однако конной атаки не последовало, красные вошли в основную линию укреплений, а мы остановились по приказу в маленьких хуторах перед ней. Вечером был получен приказ об атаке укреплений у села Любимовка до рассвета 21-го. Мы уже действовали в районе 2-го корпуса, где, полагаю, все приказы исходили от него и где к этому времени и наша ударная группа перешла в подчинение генерала Барбовича. О сопровождении пехоты техникой при штурме указаний не было, а мы не имели даже шанцевого инструмента, чтобы преодолеть отличное проволочное заграждение. О том, что перед нами находятся отличные проволочные заграждения с окопами полной профили, пристрелянные, мы знали от пленных и перебежчиков, но послать свою разведку за неимением у нас времени мы не могли. Настроение у командного состава штурмующих частей было убийственное и, не сговариваясь, командиры 1-го и 2-го Корниловских Ударных полков после неудачной просьбы оказать им поддержку танками отказались от атаки. Это был единственный случай отказа за все время существования Корниловской Ударной дивизии. В ответ на это, помимо отказа в поддержке техникой, было передано: согласно письменному показанию офицера 1-го Корниловского Ударного полка полковника Бояринцева, сам генерал Скоблин собрал всех начальствующих лиц 1-го полка, до командиров рот, включительно, и прочел им приказ

генерала Врангеля об атаке Каховки — Любимовки, где говорилось, что атаковать необходимо «хотя бы ценой Корниловской Ударной дивизии».

Мне же, командиру 2-го Корниловского Ударного полка, было прислано письменное приказание такого содержания: «Если полк не атакует, то по приказанию штаба Главнокомандующего командный состав его будет предан военно-полевому суду». Кто отдавал эти приказы, почему они были двух вариантов, — последующие события не дали нам возможности выяснить, но они сделал свое дело, и Корниловские Ударные полки пошли на штурм с одними винтовками в руках. Самым тяжелым для нас было то, что наша главная сила — пулеметы и артиллерия — должны были бездействовать из-за темноты, за исключением бесполезных попыток стрельбы по тылам.

Прямо по дороге на Любимовку был направлен 1-й Корниловский Ударный полк, правее — 2-й полк, а еще правее — 6-я пехотная дивизия известного нам слабого состава. Левее же 1-го полка, как мы после увидели, был только спешенный эскадрон кавалерийской дивизии генерала Барбовича.

Движение ночью по ровной местности и в определенном направлении сначала шло нормально, но потом движение 1-го полка было встречено сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Полк сразу понес большие потери: был тяжело ранен тремя пулями в живот временно командующий полком капитан Дашкевич, и полк залег перед проволокой. В командование полком вступил подполковник Челядинов.

2-й полк своим правым флангом подвергся сильнейшему обстрелу из окопов, особо сильно укрепленных и вынесенных вперед, которые должна была атаковать 6-я пехотная дивизия. Поэтому первые два батальона 2-го полка изменили свое направление с северного на восточное и пошли в атаку, подошли к проволоке, и вот здесь-то и сказалось отсутствие техники. **Колья, где было можно, вытаскивали, но проволока все же скрепляла полосы заграждений и здесь мы понесли самые большие потери.** Два раза бросались Корниловцы в атаку и только на третий раз ворвались в окопы. Красные здесь не выдержали и очистили окопы. **Начался рассвет, и мы обнаружили наши ужасные потери и прорыв только на участке 2-го полка, для заполнения которого уже не быле свободных батальонов.** В это время мне был доставлен из штаба нашей дивизии приказ об отходе. Отдав соответствующее распоряжение, я ездил с ординарцем вдоль окопов с целью разыскать без вести пропавшего командира морского батальона и моего помощника по строевой части полковника Тарасевича, но безрезультатно, — глубокие гряды посеянного здесь картофеля укрывали убитых или тяжело раненых и потому мы спешно убирали кого могли. Здесь же был тяжело ранен и полковник Злотников, командир офицерского батальона.

Противник не стрелял, и только его артиллерия стала усиливать огонь и было заметно, как по окопам на флангах, на прорванном нами участке, зашевелились резервы красных. Чтобы избежать полного нашего уничтожения, пришлось быстро отступать, унося горечь незаслуженного поражения. Противник не воспользовался нашим положением и, подобно

тому, как мы его не атаковали накануне кавалерией при его отходе за проволоку укреплений, так и он теперь дал нам возможность после трудностей ночного боя и потери более 300 человек отойти, разобраться и укрыться под защиту своих пулеметов.

Этот штурм каховских укреплений у села Любимовки выявил два больших недочета со стороны командования: 1) При отсутствии в предыдущих боях у противника кавалерии (было всего 400 шашек при 51-й советской стрелковой дивизии) наша кавалерия ни разу не была использована для организации боев на уничтожение живой силы противника, а подобных случаев для этого было не мало. В результате бывших до Любимовки больших боев противник убедился в нашей малочисленности и если и отступал перед силой нашего огня и жертвенностью войск, то не пал духом, справедливо определяя свою силу в том, что его ни разу не истребили и дали ему возможность своими массами усилить гарнизон укреплений. 2) После того, как мы только загоняли противника в его укрепления, а не истребляли в поле, какие данные могло иметь наше командование для атаки с налета? Оно не могло не знать наших физических и технических возможностей для атаки ночью и, несмотря на протесты двух командиров полков Корниловской Ударной дивизии, подтвердило приказание, сопроводив его угрозой репрессий (кому?), а не смягчающим указанием на создавшееся положение.

В журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка сохранилась копия моего рапорта начальнику нашей дивизии от 21 августа 1920 г.

Командир 2-го
Корниловского
Ударного полка
21 августа 1920 г.
хутор Сподин.

Начальнику Корниловской Ударной дивизии

Рапорт

В тяжелую пору жестоких боев с сибирскими стрелками, мадьярами и конницей красных, цеплявшимися при своем отступлении за каждый хутор и каждую складку местности, полк бил врага не зная страха, и лихие дела последних боев свидетели тому. Полк быстро таял, но упадка духа не было ни у гг. офицеров, ни у ударников. Из девятисот штыков и пулеметчиков за несколько дней боев осталось около двухсот пятидесяти штыков и ста двадцати пулеметчиков, и на это никто не обращал внимания, — все лихо работали, и полк в бою 20 августа лихим ударом во фланг и тыл противника перед участком 6-й пехотной дивизии погнал его, хотевшего прорваться на Ново-Николаевку. За эти бои полк захватил около 20 пулеметов, 4 орудия и 7 зарядных ящиков. Сотни трупов против-

ника устилали путь полка. В решительный же момент, когда остаткам бойцов, окрыленным неудержимым порывом покончить с наглым противником, нужно было оказать поддержку техническими средствами и хорошей разработкой плана окончательного удара, — этого не оказалось. Артиллерию оставили почти без снарядов, броневтомобили ломались на каждом шагу, а танки оставались во 2-м корпусе, который имел задание демонстрировать наступление. В довершение всего эвакуация из дивизионного лазарета в тыл была на наших подводах и отказ приемщикам дивизии дать подводы — лишили полк самого необходимого транспорта, почему при отходе после штурма укрепленной позиции у села Любимовка полк оставил противнику старейших бойцов, так как 2/3 было ранено или убито. О переутомлении непрерывными боями и колоссальными переходами никто и не заикался. При таком состоянии приходилось штурмовать Любимовку. Я, как солдат, хотя и не имею права критиковать действия начальника, но, как командир полка, считаю долгом просить Ваше Превосходительство для пользы дела довести это до сведения высшего командования и в подтверждение мое засвидетельствовать работу полка в период, мною описываемый.

Полковник Левитов.

Полковник Бояринцев, офицер 1-го Корниловского Ударного полка, на мою просьбу осветить этот бой в 1963 году, в Париже, так отвечает: «Атаку Любимовки я помню отлично, она была первым этапом для овладения Каховкой. Корпус генерала Витковского не сумел вовремя помешать образованию в Каховке угрожающего нам тет-де пона и **его повторные атаки стоили нам дорого, особенно принимая во внимание двух- и трехнедельные бои, которые вела дивизия без перерыва до перехода на Каховское направление. Тактически было правильно брать Каховку после овладения Любимовкой. Но ошибкой была ставка на беспредельность героизма атакующих, вымотанных в предшествовавших боях и очень ослабленных потерями.** Мы буквально спали на ходу и засыпали мертвым сном на привалах. Разбудить людей для дальнейшего движения стоило большого труда. Все чувства были так притуплены, что сравнительно равнодушно был принят приказ об атаке сначала Любимовки, а потом Каховки. Помню обстановку, когда Скоблин вызвал в голову походной колонны командный состав и прочел приказ генерала Врангеля: «Каховка должна быть взята хотя бы ценой Корниловской дивизии»... Уходили мы от Любимовки в отчаянном настроении. Но даже и оно не могло побороть желания спать... спать... спать. В себя пришли в Николаевке (под Мелитополем), но пополнение, пришедшее в дивизию не было таким, чтобы возродить настоящее лицо Корниловцев. Все эти «воспоминания» меня так взволновали, что я... кончаю письмо. Полковник Бояринцев».

Помещаю сообщение о том, **как переживал штаб нашей дивизии неудачу атаки на Любимовку.**

Париж, 1 мая 1967 г. Вчера был первый день праздника Св. Пасхи и, как обычно, Корниловцы ходят друг к другу, чтобы поздравить с праздником, или собираются организованными группами на взаимные

поздравления. Так у меня в семье вчера была сестра милосердия 1-го Корниловского Ударного полка Васса Яковлевна Гайдукова, приехавшая из старческого дома. Для нее полк — это ее семья, сама она была в его рядах четыре раза ранена, а две ее сестры пали смертью храбрых в его рядах. Прошло 50 лет с тех пор, как началась гражданская война, а мы все вспоминаем ее победы и поражения. Вспомнила и сестра В. Я. Гайдукова про кошмар боя под Любимовкой около Каховки на Днепре, в Северной Таврии, 21 августа 1920 года по старому стилю, в день ее Ангела. Она перевязывала раненых около штаба нашей дивизии и видела, как помощник начальника дивизии генерал Пешня, в ужасе от результатов этого боя, ходил и все повторял: «**А кто же будет отвечать за ужасы этого боя?**» Прошло с тех пор 47 лет, а яркость пережитого нами в этом бою жива своей изумительной жертвенностью Корниловских Ударных полков, которые в упорной атаке почти все пали. Ужасы этого заключались не в том, что наши жертвы были так велики, а в том, что командование не вняло доводам начальника нашей дивизии и командиров 1-го и 2-го полков, отказавшихся при таких условиях от атаки, и только после второго приказа они должны были двинуть свои полки на проволоку укреплений Любимовки. Что побудило штаб 2-го корпуса пустить нас в атаку в момент, когда наша главная сила — артиллерия и тяжелые пулеметы — не могли действовать, а ударники едва двигались?! Да, эта операция спасла тогда Армию от разгрома, но, по-нашему, этого можно было добиться и без столь кошмарных жертв, которые были принесены нами в боях под Любимовкой и Каховкой.

Полковник Левитов.

Считаю своим долгом поместить в своих материалах и переживания в бою под Любимовкой тех, кто был непосредственным исполнителем этого жестокого приказа: «Ценой Корниловской Ударной дивизии атаковать, не считаясь с доводами командования дивизии».

«Люксембург, 1964 г. Дорогой Михаил Николаевич! Я обещал вам дать свою заметку — свидетельство, как участник боя и атаки Любимовки в 1920 году. Не берусь судить о том, насколько мне удалась эта работа в смысле ее пригодности как материала для описания боевых действий нашего родного 2-го Корниловского Ударного полка. Исполнил свой долг и написал то, что знал, чувствовал, пережил и чему был свидетелем как чин офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка. Многое я выпустил, как личные переживания и личные чувства по отношению к тем людям, коим я обязан жизнью, с которыми свела судьба на службе Родине во 2-м Корниловском Ударном полку с начала его формирования. Буду удовлетворен, если я хоть чем-либо малым помог вам в вашей нелегкой задаче по сбору материала, приведению его в порядок и т. д. Вы делаете большое и нужное дело в невероятных условиях, но это наш долг чести на службе Родине. Храни вас Господь!...»

Для того, чтобы яснее представить себе атаку Любимовки, автор письма кратко вспоминает напряженные бои: наш прорыв за Перекоп, в Северную Таврию, разгром двух корпусов Жлобы в 8.000 шашек, где

2-й Корниловский Ударный полк нанес ему первое поражение, и продолжает:

«Большой Токмак... Каждодневные напряженные бои с лучшими красными частями велись почти два месяца. 15 июля 1920 года, в день нашего полкового праздника, — гибель основателя 2-го Корниловского Ударного полка и его командира, полковника Пашкевича. Командование полком принимает его помощник, полковник Левитов. Потери Корниловцев неисчислимы, а свежих сил взять неоткуда. А боевая обстановка такова, что остается только драться до последнего патрона и до последней капли крови».

После описания причин, заставивших наше командование перебросить нашу дивизию для ликвидации прорвавшихся красных от Каховки, он продолжает:

«В половине августа Корниловцы уже атакуют холмы и курганы красных у Верхних и Нижних Серагоз. Красные, отступая, стойко дерутся. В конце концов они прижаты к Днепру. Корниловцы в беспрерывных, бессменных боях понесли колоссальные потери и дошли до предела напряжения всех человеческих сил. Начиная с Перекопа, с 24 мая, вплоть до 21 августа, — это без трех дней три месяца беспрерывных боев, напряжения всех возможных и невозможных человеческих сил, без оглядки назад: везде враг, везде одно и то же: бой, атака, победа или смерть. Притока свежих сил нет, нет передышки, нет и не может быть отдыха. По всей вероятности, необходимость общей боевой обстановки, просто нужда, заставили высшее командование отдать Корниловцам приказ: «во что бы то ни стало взять Любимовку и безостановочно развивать успех»... А Любимовка-то окопана в несколько рядов колючей проволокой. В окопах сидят свежие бойцы, пулеметные гнезда повсюду. Честно спрашивая, что у нас, получивших приказ атаковать, было в тот момент? Порыв, голые руки вымотанных до конца людей с винтовками и те, что на тебе, носимые патроны... Прошло с того времени ровно сорок четыре года, написано много и прочитано не мало и нашей и советской военной литературы. Но все еще не сказано последнее заключительное слово. Его скажет в свое время история, которая будет брать нужное ей беспристрастное суждение из приказов, боевых журналов, описаний, показаний. Так вот еще одно показание, если оно достойно приобщения к архиву Корниловских частей.

АТАКА ЛЮБИМОВКИ

К Любимовке, как видим, мы подходили «не с парада», к полуночи 20 августа. В 3 часа ночи выступили, чтобы занять исходное положение согласно приказу: «в 4 часа 21 августа атаковать Любимовку». Какой-то куцый час — полтора для подготовки и отдыха. Тот, кто участвовал вообще в боях, тот, кто воевал в гражданскую войну, те поймут с двух слов, что в данном случае отдыха, как такового, даже и в полтора часа не было. Тут уже где застала команда: «Стой!», садись или ложись прямо на

дороге, что было или что случайно достал — закусил, запил. Вследствие предельной усталости не хотелось и думать, что скоро снова в атаку. Какая-то апатия, безразличие и к самому себе и к тому, что происходит вокруг. Внезапности атаки не получилось. Мы еще не подошли в исходное положение к Любимовке, а красные уже всполошились по всему фронту. Наш соседний корпус начал атаку западных укреплений раньше нашего подхода к месту атаки. В темноте мы бросились в атаку, нас встретили таким ураганным огнем, что только держись!.. Голыми руками и винтовками рвали, валили с кольями проволоку, помогая ногами, неистово крича «ура». Наша 1-я офицерская рота нашла или случайно набрела на проход, затянутый колючей проволокой на деревянных кольях, раскидав эти колючие козлы и образовав проходимые ворота. А дальше опять темень, проволока и беспредельный огонь. Офицерский батальон 2-го Корниловского Ударного полка занял окопы противника, но какие и что впереди, справа, слева, — неизвестно и не видно. А убийственный ружейный и пулеметный огонь со стороны красных не прекращался, но нет с их стороны и контратаки. Я был СКОШЕН пулеметной очередью, повалившись и повиснув на проволоке. Получил рану в левую руку, около самого сгиба локтя, и в левую ногу, в область паха. Оба ранения навылет. Теперь мне стало известно, что был приказ об отступлении. Тогда, за проволокой, придя в себя и какими-то нечеловеческими усилиями, здоровой рукой и ногой отвязавшись от проволоки, мне казалось, что наши впереди или распространились вправо, влево. Но странное затишье, нарушаемое отдельными выстрелами, говорило другое, что наши отошли, бросив убитых и раненых. Долго я мучился, в темноте ползая в поисках разгадки, но лишь находя убитых и раненых, повисших на проволоке, ощупью, как слепец, хватаясь здоровой рукой. Вся моя жизнь быстро прошла в моем разгоряченном воображении, от младенчества и когда стал осознавать, помнить себя зрелым, молодым здоровым человеком, под Сарыкамышом, Кеприкейскими мостами, Огнотом, в атаке и взятии Эрзерума, потом — Ростов на Дону, путь до Орла и обратно, до 21 августа 1920 года, когда очутился я на поле битвы на родной земле, у родного Днепра, за колючей проволокой, ночью, раненый и забытый. Если отошли и не вернутся наши, — на рассвете придут красные и, измучив, добьют. Такого печального, страшного конца нельзя спокойно представить себе мысленно и сейчас, а каково было самочувствие раненых за проволокой тогда? Стоны, крики, проклятия, молитвы... **Никогда не забыть этой ночи.** Можно по этому поводу написать целые страницы и не выразить ими и сотой доли того, что пережил и перечувствовал. Не было видно конца ночи, а ведь с 4 часов до рассвета всего только два с лишним часа. Который был час, не знаю, но стало светать и можно было уже различать предметы, видеть поле боя в дымке предутреннего тумана. Чу!.. Что-то как бы двигается, что-то шелестит и потом затихает... Сердце готово выскочить от страха, если это приближаются красные, и от радости, если свои. Принятое заранее решение живым в руки противнику не попадать как бы забыто, но карабин с собой и не бросается, правая рука и нога могут еще действовать и могут избавить от зверств и мучений врага,

которыми гражданская война, к сожалению, изобиловала. Молился горячо, урывками, как умел, надеясь на помощь Божию, и она пришла... Пришла в лице командира 2-го Корниловского Ударного полка полковника Левитова. Как сейчас вижу: в расстегнутой шинели, с плеткой в руке, сзади несколько человек цепочкой идут за ним. «Не волнуйтесь, успокойтесь! Вынесут!» и пошел дальше быстрым шагом, что-то или кого-то ища. Пока собирали нас, вывели, вынесли, уже успело показаться солнце. На арбах с сеном повезли к большому стогу сена, где оказался перевязочный пункт и где распоряжалась наша незабвенная сестра милосердия Варвара Сергеевна. Страшный и жалкий вид представляли мы собой: ободранная одежда, вся в крови, исцарапанные руки и лица, рваная обувь, грязные, измученные, испачканные кровью... Сестра с санитаром еще больше украсила меня. Чтобы быстрее сделать перевязку у поля боя, ножницами разрезали левый рукав моей добротной кожаной куртки и левую штанину и без того изодранных штанов. Дальнейшее последовало обычным порядком, целый обоз раненых потянулся в тыл. Большевики и обоза с ранеными не оставили в покое: красный аэроплан налетел, снизился и пустил пулеметную очередь по обозу. Обоз, как бешеный, помчался врассыпную по полю. Нашу арбу на кочке качнуло в сторону, наклонило, и мы высыпались на землю, как горох, а подвода умчалась. Кто-то привел обоз в порядок, выброшенных подобрали и благополучно довезли до эвакопункта на железной дороге. **Итог:** задача не была выполнена, а Корниловцы обескровлены и сведены в роту. Славный офицерский батальон 2-го Корниловского Ударного полка повис на проволоке у Любимовки. Там же целиком, во главе с командиром, полковником Тарасевичем, погиб не менее славный МОРСКОЙ батальон полка. Полковник Тарасевич являлся заместителем командира полка. Его так тщательно и искал за проволокой полковник Левитов, как своего заместителя. Там же, у Любимовки погиб командир офицерской роты штабс-капитан Панасюк. Полковник Злотников, являясь заместителем командира офицерского батальона полковника Константина Васильевича Иванова, был смертельно ранен под Любимовкой, а до этого он был легко ранен.

Укрепленные позиции голыми руками не берут. Курск тоже был укреплен, но там, что называется, на плечах красных мы въехали в город (добавлю от себя о взятии нами красной крепости Курск: там картина была совершенно другой, где еще до подхода к укреплениям Курска в ряде боев мы не только разбили противника, но и деморализовали его, включая и подвезенных знаменитых сибирских стрелков «имени Троцкого». К тому же у нас тогда была довольно сильная по масштабам гражданской войны артиллерия и три доблестных наших бронепоезда. Уже это одно говорит нам, что эти два боя НЕСРАВНИМЫ. Полковник Левитов). **Там действовала наша артиллерия, бронепоезда, бронеавтомобили, пулеметы. А что было и действовало у Любимовки? Ничего, кроме винтовок и легких пулеметов (в небольшом количестве). Не было сделано ни одного артиллерийского выстрела. Приказ есть приказ и в боевой обстановке он еще строже. Командиры 1-го и 2-го Корниловских Ударных полков знали эту обстановку и требовали для успешного выполнения приказа**

«атаковать Любимовку» исполнить их просьбу и дать танки для прорыва, как это было на Перекопе. Танки были, но их не дали и приказали: «Атака должна быть проведена хотя бы ценой Корниловской Ударной дивизии». Приказ был исполнен, Корниловская дивизия уничтожена, а Любимовка не взята. Пришлось штабам ждать и перестраиваться. Танки потом дали, дали и броневики и назначили атаку на 23 августа в 2 часа ночи. Но погибших, утерянных, повисших на проволоке у Любимовки СЛАВНЫХ БАТАЛЬОНОВ, особенно офицерского и морского, во главе с их командирами, и вообще всех Корниловцев, геройски погибших у Любимовки, НЕ ВОСКРЕСИТЬ. Ни Любимовка, ни Каховка не были взяты. Поздно... «Промедление смерти подобно»...

Алексей Ефремович Б о н д а р ь

2-го Корниловского Ударного полка, 1-й роты офицерского батальона, его адъютант. Подпоручик с 1916 года.

Люксембург, 1964 год.

* * *

22 августа/4 сентября. В 8 часов 2-й Корниловский Ударный полк прибыл в хутор Топилов.

23 августа/5 сентября. Около часа ночи разъезд противника силой в 50 коней прошел наши заставы и с расстояния одной версты открыл по дивизии сильный пулеметный огонь. Огнем броневиков и наших застав разъезд был отброшен.

Получен приказ по Корниловской Ударной дивизии за № 027 от 22 августа, 21 час 30 мин. «Командарм (должно быть 2-й корпус, который в это время был переименован во 2-ю Армию генерала Драценко) приказал взять укрепленную каховскую позицию. Начало наступления в 2 часа 23 августа. 6-я пехотная дивизия в ЧАС 23 августа откроет демонстративный артиллерийский огонь до 2 часов. Влево наступают 13-я и 34-я пехотные дивизии на хутор Терны — Малая Каховка — Бериславль. Вверенной мне дивизии приказано в 2 часа 23-го перейти в наступление вдоль дороги Чаплинка — Каховка **на Каховку**, прорвать фронт красных и овладеть Каховкой. По прорыве позиции оказать возможное содействие 34-й пехотной дивизии при овладении хутором Терны.

1) **Полковнику Пух:** 3-й Корниловский Ударный полк и три танка (Ага, здесь и танки нашлись, но поздно, — людей-то не стало. Полковник Левитов). Наступать 1/2 версты к востоку, параллельно дороге Чаплинка — Каховка, прорвать танками проволочное заграждение и стремительно наступать на Каховку и овладеть ею, стараясь захватить в свои руки переправу. По овладении Каховкой, не менее двух танков направить в сторону Любимовки для отражения контратаки противника со стороны последней. Необходимо придать особое значение правильности направления.

2) **Капитану Миляшкевичу.** Запасный Корниловский Ударный полк. Следовать непосредственно за 3-м Корниловским Ударным полком, проявляя полную инициативу в содействии ему по прорыву укрепленной позиции и овладению Каховкой.

3) **Полковнику Челядинову.** 1-й Корниловский Ударный полк. Следовать непосредственно за запасным полком, самостоятельно оказывая поддержку в случае экстренной необходимости и полное содействие 3-му Корниловскому Ударному полку по прорыву укрепленной позиции и овладению Каховкой.

4) **Полковнику Левитову.** 2-й Корниловский Ударный полк.

Оставаясь в моем резерве, следовать непосредственно за 1-м Корниловским Ударным полком.

5) При движении соблюдать тишину и не курить.

6) **Командиру артиллерийской бригады полковнику Роппонет:** назначить взвод артиллерии исключительно для прикрытия танков.

7) Передвигать всю артиллерию в зависимости от успеха всех полков.

8) Броневым автомобилям быть в моем резерве, но с началом наступления быстро выдвинуться вперед по дороге на Каховку и выбить противника из окопов на линии Терны, действуя вправо и влево от дороги.

9) Если будут получены ракеты, то бросать их в том случае, когда необходимо указать свое местоположение своей артиллерии во избежание поражения.

10) Эвакуация на Чаплинку.

11) Я буду следовать в общей колонне.

12) Заместители: полковник Левитов и полковник Челядинов.

13) Сборный пункт в 2 часа 30 мин. на северной окраине хутора Топилова.

Генерал-майор П е ш н я».

(Отсутствие подписи самого начальника дивизии генерал-майора Скоблина и командира артиллерийской бригады генерала Ерогина не выяснено)

* * *

В 2 часа 2-й Корниловский Ударный полк выстроился на северной окраине хутора Топилова и двинулся в резерве дивизии за 1-м полком. В момент подхода 3-го Корниловского Ударного полка к укрепленной полосе противник открыл меткий артиллерийский огонь. При содействии танков и резервных полков 3-й полк прорвал укрепленную полосу и двинулся с танками по направлению на Каховку. В приказе для атаки укрепленной позиции всем участвующим полкам (кроме дивизионного резерва) было приказано содействовать прорыву и ни одному полку не была дана задача на развитие успеха после прорыва. Естественно, после прорыва стремление всех частей на Каховку, что создало для прорвавшихся полков фланговую угрозу с обеих сторон и парализовало дальнейшее продвижение. Желательно было бы после прорыва одним полком с танком или броневиком развивать успех вправо вдоль окопов, а другим полком влево, по окопам. В этой атаке полки совершили последнее свое героическое усилие, снова прорвали укрепленную полосу, но вынуждены были отойти согласно приказу по дивизии. Ход этого боя был разобран

по данным книги «Корниловский Ударный полк». И в этом жестоком бою полки Корниловской Ударной дивизии прорвали укрепления, но сила артиллерийского огня с того берега Днепра не только парализовала наше дальнейшее продвижение, но и не дала другим дивизиям где-либо прорвать позиции красных. Потери нашего дивизионного резерва — 2-го Корниловского Ударного полка малого состава — всего около 150 человек — были: 11 офицеров и 69 ударников убитых и раненых исключительно артиллерийским огнем. По выходе 2-го полка из укрепленной полосы он около 11 часов прибыл в хутор Топилов и занял позицию. В 23 часа полк выступил на Ново-Репьевку.

И в этом бою укрепленную полосу красных обороняли сибирские стрелки и латыши с мадьярами.

От составителя материалов: Операция по ликвидации прорыва у Каховки дорого обошлась Корниловцам, — вместо полков, на подводах ехали сводные роты. Несмотря на наличие танков, 3-й и запасный наши полки принуждены были отступить из прорыва под действием сильного артиллерийского огня с того берега и справа, — из неочищенной полосы укреплений. Артиллерийский огонь был настолько силен, что во 2-м Корниловском Ударном полку, находившемся в резерве, было убито и ранено 11 офицеров, 69 ударников и 60 лошадей. И это — из остатков полка, насчитывавшего после атаки Любимовки не более 150 человек. Все три танка были разбиты. Да, мало приказать, но нужно еще и организовать прорыв укрепленной полосы. Упущенный случай, — когда в бою перед Любимовкой и до этого, еще в нескольких, ему подобных, когда наша кавалерия не атаковала разбитые пехотой силы противника и позволила им укрыться в своих укреплениях. Это было большим упущением. И то, что не поняли основательных доводов командиров 1-го и 2-го Корниловских Ударных полков и не отложили атаку на Любимовку до подхода танков, тоже нужно отнести к непонятному расходу наших слабых сил и боеприпасов. Хуже всего было то, что до сего времени высшие штабы не учли, в чем заключается сила наших ударных частей. Как бы ни были беззаветно храбры ударники, но все же и они пробиваются пулями и к тому же их ряды всегда малочисленны. Главная же их сила заключается в поражении врага превосходным огнем своих пулеметов и непревзойденной нашей артиллерии, несмотря на скромность наших боеприпасов. В умелых руках этот род огня, как показали наши бои под Орлом с латышами, под Ростовом на Дону с 1-й конной армией Буденного и при разгроме конной группы Жлобы в 8.000 шашек перед Мелитополем, — приносил нам успех над врагом, превышавшим нас (у Орла) не менее, чем в двадцать раз.

Общий подсчет потерь 2-го Корниловского Ударного полка за бой у селения Любимовка: убито и ранено 111 офицеров и 327 ударников и много лошадей. Плюс Каховка: 11 офицеров, 69 ударников и 60 лошадей. Итог потерь Корниловской Ударной дивизии за поход на Каховку представляет из себя тяжелую картину. Если общие потери Корниловской Ударной дивизии за бои в течение двух месяцев в районе Большого Токмака доходили до ДВУХ ТЫСЯЧ человек (см. книгу «Корниловский Удар-

ный полк», стр. 185), то в походе на Каховку, за семь основных боев было 3.216 человек убитыми и ранеными. Эта цифра исходит из такого расчета: по записи журнала боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка точный подсчет потерь полка равнялся 804 человекам и более ста лошадей. В дивизии было три номерных полка и один запасный полк и, в итоге, после боев эти полки имели по одной сводной роте, а потому, помножая 804 на четыре, мы имеем 3.216 человек убитыми и ранеными.

Пусть знают русские люди, с каким самопожертвованием дрались Корниловцы за честь и достоинство национальной РОССИИ против диктатуры мирового пролетариата Ленина, созданной на деньги Вильгельма II-го и руками интернационального сброда.

Трудно представить себе всю высоту доблести Корниловцев, заключающейся в этой траурной цифре и проявленной в условиях совершенно безнадежных, а потому вдвойне заслуживающей преклонения.

Командир 2-го Корниловского Ударного полка, командовавший им во время прорыва у Любимовки и Каховки, полковник Левитов.

* * *

Приказ Корниловской Ударной дивизии № 028, 24 августа ст. ст. 1920 г.

ЕЛИЗАВЕТОВКА.

Завтра полкам выступить из Елизаветовки и самостоятельно следовать: **1-му Генерала Корнилова полку, артиллерийской бригаде и инженерной роте,** под общим командованием полковника Гордеенко, — в д. Ново-Николаевку, где и расположиться по квартирам на отдых. **2-му Генерала Корнилова полку** следовать в д. Спасское. **3-му Генерала Корнилова полку** — в д. Федоровка, где стать по квартирам для отдыха.

В местах стоянок занять самое широкое квартирное расположение. Безотлагательно соединиться телефоном с наштадивом в д. Ново-Николаевке.

Командиру 3-го Генерала Корнилова полка принять в Федоровке от Донского корпуса 500 человек пленных, из которых 100 человек взять для 3-го полка. 100 человек отправить в Спасское во 2-й Генерала Корнилова полк, а остальных 300 человек — в штадив в Ново-Николаевку. На местах расположения частей немедленно приступить к интенсивной работе по приведению их в боевой вид, которым Корниловцы всегда гордились, чтобы вновь славная доблесть Корниловская загорелась ярким светом, по которому равнялись бы другие полки многострадальной Русской Армии. С Богом, за работу!

Временно исполняющий должность начальника дивизии

генерал-майор П е ш н я .

Временно исполняющий должность начальника штаба (подпись неразборчива, но надо полагать за полковника Капнина д. б. капитан Месснер).

Подлинный этого приказа и приказ об атаке Каховки сохранились в журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка.

24 августа/6 сентября. В 8 часов 2-й Корниловский Ударный полк прибыл в село Димитриевку. Большой привал и выдача горячей пищи. В 22 часа полк прибыл в Ново-Репьевку. Ночлег. Выдача горячей пищи. Переход — 50 верст.

25 августа/7 сентября. В Нижние Серагозы полк прибыл в 16 часов. Переход — 25 верст.

26 августа. Дневка.

27 августа. Елизаветовка. Переход — 38 верст.

28 августа/10 сентября. Полк выступил в с. Спасское, на место пополнения. Прибытием в Спасское и соседние с ним села Корниловская Ударная дивизия закончила свой один из самых тяжелых походов, — рейд по ликвидации прорыва красных у Каховки. «Бой, — сказал Кутузов, — важен не сам по себе, а своими последствиями». Корниловцы осознали предупреждение их начальником дивизии о значении боев за Каховку и своими жертвами и в этом рейде доказали свою верность национальной РОССИИ, но... полной победы в этих боях они физически не могли дать, и виною тому было отсутствие у военного командования представления о возможностях вверенных ему войск и упущение возможностей в нескольких боях этой операции уничтожить силы противника по частям, располагая кавалерией, и таким образом через это создавая своим войскам посильные условия для основного сражения — штурма Каховско-Любимовского укрепленного плацдарма. Однако в этих боях, где Корниловская Ударная дивизия от начала и до конца была в центре боев, противнику был нанесен такой сокрушительный удар, что он счел за лучшее остаться за своими укреплениями, а не воспользовался нашими неудачами, чтобы загнать нас за Перекопский вал и тем ликвидировать действия Русской Армии в Северной Таврии.

Выводы из этого рейда, изложенные в журнале боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка, я не буду приводить здесь, так как они содержат в себе перечисление всех наших усилий и недостатков, описанных выше и, если что и нужно еще раз подчеркнуть, это снова повторить призыв обратить внимание на действия нашей кавалерии, которая только охраняла наши фланги и упустила случаи атаковать противника 17-го, 18-го, 19-го и 20-го августа.

Вообще жизнь не останавливается, а военная в особенности и, проводив своих павших героев до могилы с печальным маршем, войска возвращаются под бравурно-веселый, вливающий в бойцов свежие силы и бодрость для исполнения ими своего воинского долга перед Отечеством.

29 августа/11 сентября. Корниловская Ударная дивизия стала по квартирам в районе сел Федоровка и Спасское. Наши запасные батальоны и командование Русской Армии срочно направили в дивизию пополнение, которое было весьма разнообразно: прибыли добровольно наши старые части из Польши, из отступившей туда Армии генерала Бредова; небольшая часть, состоявшая из оставшихся за бортом после сокращения Армии, — была холодно встречена нами; основная же масса пополнения состояла из пленных, выразивших желание бороться в наших рядах с большевиками; была даже партия матросов. 2-му Корниловскому Ударному полку, вместе с другим пополнением, были присланы прибывшие из Бредовской Армии

со своими Знаменами 133-й Симферопольский и 75-й Севастопольский пехотные полки. Знамена их, еще Императорской Армии, были в эмиграции отправлены из Болгарии в Сербию для хранения в особо устроенном храме, и участь их после 2-й мировой войны нам неизвестна. Севастопольский полк составил в полку 4-й батальон под командой своего командира, полковника Силина, в прошлом офицера 137-го пехотного Нежинского полка.

Разбивка пополнения, вооружение и снаряжение заняли всех, и работа, как говорится, кипела.

30 августа/12 сентября. Строевые занятия и пригонка обмундирования.

31 августа/13 сентября. Строевые занятия под музыку, — подготовка к смотру дивизии генералом Врангелем.

1/14 сентября. Смотр Главнокомандующим Русской Армией генералом Врангелем Корниловской Ударной дивизии. Смотр состоялся в селе Федоровка, и его ожидали с большим нетерпением не только старые Корниловцы, но и бывшие красноармейцы. Генерал Врангель, генерал Кутепов и иностранные представители произвели на войска большое впечатление. Полки дивизии, артиллерия, пулеметы, конный дивизион, инженерная рота, все пополнили свои ряды. 3-й Корниловский Ударный полк особенно много принял к себе бывших красноармейцев, и в его рядах было что-то около 2 тысяч человек. День был солнечный и хороший, и это поднимало настроение. Корниловцам генерал Врангель привез награду — Георгиевское Знамя бывшего Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего в войну 1914-17 гг. Начался обход фронта. Гремел Преображенский марш, неслось русское «ура», — все слились воедино в желании сражаться до конца за РОССИЮ. После обхода фронта и молебна началась церемония прибивания полотнища Знамени к древку. Первый гвоздь вбил генерал Врангель, за ним генерал Кутепов, генерал Писарев, — командир корпуса, начальник Корниловской Ударной дивизии генерал Скоблин и потом командиры полков.

Георгиевское Знамя для дивизии было передано 1-му Корниловскому Ударному полку. Дивизия взяла на караул, и генерал Врангель с большим подъемом сказал С Л О В О :

«Орлы ратные, К О Р Н И Л О В Ц Ы ! Сегодня впервые после зачисления в ваши славные ряды довелось мне увидеть вас. Сегодня привез я вам, достойнейшим из достойных этой чести, Знамя бывшего Георгиевского батальона. Это Знамя вручил батальону храбрых сам Корнилов, чье бессмертное имя носите вы, бессмертные Корниловцы. На этом Знамени начертаны слова: «Благо Родины превыше всего». Их хранил в своем сердце Корнилов, их теперь храните вы, Корниловцы. Благо Родины, это то, что заставляет вас пренебрегать холодом и голодом, это то, за что лучшие сыны ее уже три года орошают своею кровью ее поля. Это то, ради чего вы несетесь через тучи пуль, не считая врага. Я вручаю вам это Знамя храбрейших. На нем изображен орел, расправивший свои могучие крылья — ваш прообраз. На нем Георгиевские ленты и Георгиевский крест, украшающие груди русских храбрецов. Достойнейшая награда увенчивает вас, орлы-Корниловцы, и я знаю, что вы вполне достойны ее. О Р Л Ы !

Одним криком, криком русского солдата, могучее Корниловское У Р А нашей страдалице Матери — Р О С С И И!».

Грянуло «ура!» Главнокомандующий вручает Знамя коленопреклоненному командиру 1-го Корниловского Ударного полка полковнику Гордеенко. С поднятой рукой полковник Гордеенко раздельно и громко произносит слова клятвы и передает Знамя коленопреклоненному знаменщику. С крайнего правого фланга 1-го полка отделяется офицерская рота и с двумя офицерами — ассистентами подходит к Знамени. Древко с развер-

Орден Св. Николая 2-й степени.

нутым Знаменем заслуженный офицер-знаменщик кладет на плечо и под торжественные звуки полковых оркестров полотнище заколыхалось вдоль всего фронта. Рота со Знаменем доходит до своего места и останавливается. Начался церемониальный марш. Идут полки, держат равнение, печатают шаг. Мелькают цветные рубахи, порыжевшие, стоптанные сапоги.

У многих ударников верхних рубах нет, вместо них шерстяные фуфайки. Бросился в глаза мужественный солдат в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в потертых защитных штанах и в английских желтых ботинках. Рядом с ним другой, вовсе без штанов, в одних вязаных кальсонах. Зато у всех тщательно пригнана амуниция, вычищено оружие.

В иностранных мундирах, в брюках со складкой, стоят блестящие представители бывших союзных армий и щелкают затворами кодаков, запечатлевая на пленках НИЩУЮ АРМИЮ.

Орден Св. Николая Чудотворца на Знамени.

Рысью промчался конный дивизион, прогромыхала артиллерия, и парад кончился. Никто тогда не думал, что этот парад был последним Корниловским парадом на русской земле.

Ударник Дегтярев в своих воспоминаниях этот парад описывает так: «Прибытие Главнокомандующего, его пламенная речь и неподражаемый его вопль (иначе нельзя выразиться): «Орлы — Корниловцы!» сопровождались для меня непрерывной нервной дрожью и доходившим почти до взрыва

внутренним рыданием... Мошный хриповатый голос Главнокомандующего казался надорванным и как бы выражал собой надорвавшуюся Добровольческую Армию... «Орлами — Корниловцами» перед ним стояли пленные, попадавшие к нам раздетыми и босыми. Они теперь еле прикрывали свою наготу полосатыми, из сарпинки, рубахами».

Помимо награждения Георгиевским Знаменем Корниловской Ударной дивизии последовали награды Николаевскими Знаменами и Орденом Святого Николая Чудотворца.

В ПАМЯТЬ СЛАВЫ КОРНИЛОВСКОЙ УДАРНОЙ ДИВИЗИИ В БОРЬБЕ ЗА ЧЕСТЬ РОССИИ В КРЫМУ И В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ В 1920 году НИКОЛАЕВСКИМИ ЗНАМЕНАМИ были награждены **1-й, 2-й и 3-й Корниловские Ударные полки.**

Корнилсвской артиллерийской бригады 1-я, 3-я, 5-я, 6-я и 7-я батареи — серебряными трубами с лентами Ордена Св. Николая Чудотворца.

Военному Генерала Корнилова училищу — серебряные трубы с лентами Ордена Св. Николая Чудотворца.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Орденская Николаевская Дума в заседании 15 ноября 1921 года под председательством генерал-майора Скоблина и членов: полковников Роппонет, Левитова, Петренко, подполковников Гончарова и Никитина и капитана Чапова постановила:

За неоднократные боевые исключительные подвиги, личную беззаветную храбрость и мужество, известные всей Армии, и частое личное руководство боевыми операциями, дававшее всегда победу Армии над противником, просить Главнокомандующего Армией генерал-лейтенанта барона Петра ВРАНГЕЛЯ принять Орден Святого Николая Чудотворца 2-й степени.

Председатель Орденской Николаевской Думы генерал-майор Скоблин.
Члены:

Корниловского артиллерийского дивизиона полковник РОППОНЕТ.
Корниловского Ударного полка полковник ЛЕВИТОВ.
Корниловского артиллерийского дивизиона полковник ПЕТРЕНКО.
1-го генерала Алексеева авиотряда подполковник ГОНЧАРОВ.
Марковского пехотного полка подполковник НИКИТИН.
Технического полка танковой роты капитан ЧАПОВ.

Награжденные Орденом Св. Николая Чудотворца 2-й степени

Корниловской Ударной дивизии

Начальник дивизии генерал Скоблин. Его помощник генерал Пешня.

1-го полка

Полковник Гордеенко.
Полковник Дашкевич.

2-го полка

Полковник Пашкевич.
Полковник Левитов.

Полковник Ширковский.
Полковник Челядинов.
Штабс-капитан Тавровский.
Штабс-капитан Гаев.
Штабс-капитан Стороженко.
Подполковник Федоров.
Подполковник Лебедев.
Капитан Пинский.
Подпоручик Сироткин.
Капитан Натус.
Капитан Васильев.
Подпоручик Силин.
Капитан Редько.
Поручик Лясковский.
Подполковник Померанцев.
Полковник Злотников.
Капитан Старчиков.
Капитан Нашивочников.
Штабс-капитан Панасюк.
Поручик Рекке.
Подпоручик Жуков.
Подпоручик Бондарь.
Подпоручик Дяйкин.
Подпоручик Рауп.
Фельдфебель Морозов.
Старший унтер-офицер Морозов.
Капитан Трошин.
Поручик Власенко.
Поручик Романюк.
Поручик Маньшин.

3-го полка

Полковник Щеглов.
Подпоручик Средний.

Корниловской артиллерийской бригады

Полковник Роппонет.
Полковник Петренко.
Полковник Бялковский.
Полковник Пурпиш.
Полковник Гетц.
Полковник Глотов.
Подполковник Смогоржевский.
Подполковник Пио-Ульский.
Штабс-капитан Маруков Гай.
Поручик Акишев.
Поручик Попов.

2, 3 и 4 сентября ст. ст. Строевые занятия и лекции митрополита Антония.

Состав 2-го Корниловского Ударного полка после пополнения: офицеров и солдат в строю — 1.303. В хозяйственной части — 158. Всего 1.461. Казенных лошадей в строю — 107, в хозяйственной части — 20. Повозок в строю — 17, в хозяйственной части — 10. Без чего полк не может тронуться. Обывательских лошадей в строю — 220, в хозяйственной части — 48. Обывательских повозок в строю — 110, в хозяйственной части — 20. Подводчиков на довольствии — 130 человек. Рогатого скота — 50 голов.

С 5 по 20 сентября. Строевые и тактические занятия, стрельба боевыми патронами по мишеням. Лекции армейского проповедника и приезд труппы артистов во главе с Павлом Троицким.

3-й Корниловский Ударный полк из самого слабого превратился в самый многочисленный благодаря широкому гостеприимству пленных. Его состав определялся числом гораздо больше 2 тысяч штыков. 1-й Корниловский Ударный полк тоже имел более 1.500 штыков. Самым трудным было пополнение пулеметных команд: пулеметов было достаточно, но выдавались они хорошо подготовленным командам. В противном случае они были только обузой, лишним грузом.

* * *

Итак, Корниловская Ударная дивизия свои громадные потери под Каховкой пополнила, но по качеству она была уже не той, 3/4 ее состава были бывшие красноармейцы. Своим поведением во время занятий и несения служебных обязанностей они внушали доверие, но среди них были и такие, что всюду шли просто за сильным, не вдаваясь в оценку общей обстановки. В дальнейшем, при оценке боевых качеств Корниловской Ударной дивизии необходимо принимать все это во внимание.

Маршал совсоюза В. К. Блюхер

Начиная с 15 августа (28-го нов. ст.), в боях за Верхние и Нижние Серагозы и Каховку Корниловцам пришлось иметь дело с 51-й стрелковой сибирской дивизией товарища Блюхера, который за свои подвиги во имя диктатуры 3-го интернационала был расстрелян Сталиным, при Хрущеве посмертно реабилитирован и теперь, в 1963 году, о его талантах выпущена книга, с которой нам не мешает познакомиться, чтобы лишний раз преклониться перед доблестью Корниловцев-ударников, достойно сражавшихся за честь России с противником, во много раз превосходящим их численно и технически.

Василий Константинович Блюхер родился 19 ноября 1889 года в семье крестьянина Ярославской губернии, около Рыбинска. До 14 лет он работал в деревне и окончил сельскую школу. Далее следует жизнь петроградского рабочего, его знакомство с большевиками, тюрьма, и в 1914 году он на фронте, в рядах 19-го пехотного Костромского полка. В 1915 году он тяжело ранен под Тарнополем и признан негодным к военной службе Для него снова начинается жизнь рабочего и увлечение политикой, которая и привела его после октябрьского переворота к формированию красногвардейского отряда против атамана Дутова. В итоге успешных боевых действий в Сибири он — начальник 51-й стрелковой дивизии. Несмотря на то, что участь Русской Армии генерала Врангеля была решена заключением мира поляков с большевиками, Блюхер со своей дивизией сделал для нас под Каховкой то же самое, что латышская и эстонская дивизии под Орлом, где поляки Пилсудского тоже помогли Ленину разбить Добровольческую Армию заключением перемирия, хотя в гораздо меньшем масштабе. Недаром на лицевой стороне медали побед советского союза в гражданскую войну красуется и К а х о в к а. Мы, Корниловцы, не в обиде за все это на Блюхера, потому что платили ему тем же и, временами, в размерах гораздо больших. Но Ленину с Троцким это было только приятно — порабощенного быдла им не было жалко, а потому они за все его подвиги первому дали в 1918 году орден Красной звезды и в 1935 году звание маршала советского союза. Конечно, сельская школа не могла дать ему того, чтобы стать «Маршалом». В книге для его прославления так об этом и сообщается: **«Одни природные дарования не смогли бы сделать Блюхера полководцем армии нового типа. В годы гражданской войны он упорно и настойчиво учился на собственном опыте и на опыте других, с большим уважением относился к старым военным специалистам и внимательно прислушивался к их советам»**. Другими словами, — он шел на

поводу у своего штаба, который состоял из офицеров Императорской Армии, что, конечно, является положительной стороной Блюхера.

Ликвидация Сибирского фронта и выход Русской Армии на просторы Таврии являются причиной переброски 51-й стрелковой дивизии Блюхера на Южный фронт. Эта дивизия в 93 эшелонах 1 июня 1920 года начала переброску со станции Ангара, около озера Байкал, в Сибири, и 21 июля головными эшелонами приступила к разгрузке на станции Апостолово, в одном переходе от Каховки. Общее сосредоточение дивизии закончилось в последних числах августа.

Боевой состав 51-й стрелковой дивизии **на 15 июня 1920 года:** людей — 23.689, лошадей - 6.850. Комсостава - 1.038, из строевых бывших офицеров 347, что составляет 39% комсостава, получившего хотя бы минимальную специальную подготовку, остальные 61% не имеют и таковой. **Штаб 51-й стрелковой дивизии:** начальник штаба Белицкий, слушатель старшего курса Академии красного Генерального штаба. Старшим помощником по оперативной части В. А. Баранов, бывший офицер, в красной армии с 1918 года, все время на штабных должностях. По административной части — В. И. Островский, бывший офицер, в красной армии с 1919 года, беспартийный. Штаб в техническом отношении оборудован весьма высоко и работает продуктивно. Дивизия имеет: ВЧК, ревтрибунал, политотдел и полевую комиссию по борьбе с дезертирством, вполне оборудованные и проявляющие достаточное количество энергии (прошу читателя обратить внимание на то, что все атрибуты советской власти налицо).

«После выгрузки на станции Апостолово 51-я стрелковая дивизия была включена в 13-ю советскую армию, в правобережную ее группу, и 3 августа 1920 г. начала сосредоточиваться в районе Бериславля. Не ожидая конца сбора дивизии 13-я армия повела наступление 6 августа. Ударами по сходящимся направлениям силами правофланговой группы из района Бериславля и левобережной группы из района Александровска намечалось охватить живую силу противника в Северной Таврии и разгромить ее между Днепром и Перекопским перешейком. В ночь на 7 августа части 52-й стрелковой дивизии и латышской дивизии успешно форсировали Днепр, захватив Каховку и Алешки, и начали продвигаться в направлении Мелитополя. Вслед за ними на левый берег Днепра двинулась и 51-я стрелковая дивизия, **которая немедленно приступила к созданию обороны в районе Каховки. Это наступление было остановлено в самом начале, и 52-я дивизия вместе с латышской дивизией в беспорядке отошли за позиции 51-й дивизии. Все попытки врангелевцев сбросить дивизию в Днепр успеха не имели. Эти бои и положили начало героической обороне Каховки и ее плацдарма, в удержании которого решающую роль сыграла 51-я стрелковая дивизия.** Прочно закрепившись на каховском плацдарме, части дивизии в период второго наступления 13-й армии с 21 августа наголову разбили противостоящие части врангелевцев и 27 августа вышли в район Серагоз. **Наступление левобережной группы** и на этот раз не имело успеха, что позволило Врангелю бросить основные свои силы, в том числе и конный корпус (громко сказано!) Барбовича против 51-й советской стрелковой ди-

визии. **В упорных и кровопролитных боях, развернувшихся в районе Серагоз 28 и 29 августа, героические полки 51-й стрелковой дивизии понесли большие потери и организованно отошли в исходное положение.** Все попытки противника ворваться на плацдарм на плечах отходящих частей оказались безуспешными».

Обращаю внимание читателя, на то, что состав ударной группы Русской Армии, наступавшей на Серагозы, состоял из: Корниловской Ударной дивизии 3-полкового состава и своего запасного полка, всего не более 2.500 штыков, 120 пулеметов и 24 легких орудий, взятых прямо из тяжелых боев за м. Большой Токмак и колонию Куркулак; 6-й пехотной дивизии 2-полкового состава, численностью не более 800 штыков при двух батареях; и кавалерийской дивизии приблизительно в 500 сабель. Вся тяжесть ликвидации прорыва легла на Корниловскую Ударную дивизию, физическое истощение которой доходило до того, что люди спали в цепи и на привалах их было трудно поднять (см. показания полковника Бояринцева). Если сравнить численный состав ударной группы Русской Армии с составом 51-й стрелковой дивизии Блюхера, то последняя была сильнее в четыре раза по числу штыков и в два раза превосходила нас в технике. Да, она обескровила Корниловскую Ударную дивизию в боях под Любимовкой и Каховкой на заранее укрепленной ими позиции и где они вместе с 52-й латышской дивизиями еще больше превосходили нас численно и в артиллерии, особенно ее огнем с правого берега Днепра, для борьбы с которой у нас не было дальнобойных орудий.

До того, как 51-я стрелковая дивизия укрылась от нас за проволоку своей укрепленной полосы у Любимовки и Каховки, она была жестоко бита нами, понесла большие потери убитыми и ранеными, пленными и техникой и должна благодарить судьбу за то, что, как я еще до чтения книги о Блюхере отметил, наше командование не могло или не сумело использовать кавалерию с целью организовать бои на уничтожение живой силы противника в поле, чтобы не допустить ее укрыться за проволоку укреплений. Красные для поднятия авторитета своих «полководцев» частенько преувеличивают наши силы, допуская сравнение их девятиполковых дивизий с нашими трехполковыми. Из советской книги «Блюхер» выпуска 1963 года мы узнаем, что 51-я стрелковая дивизия не только нанесла нам большие потери, но и сама была сильно потрепана Корниловцами и потому, как сказано на 20-й странице книги, она получила большое пополнение, отчего численный ее состав увеличился до 33.324 человек. На вооружении она тогда уже имела: 499 пулеметов, 43 орудия и 10 бронемашин. Таким образом дивизия Блюхера стала представлять собой мощную ударную силу, что и определило ее исключительную роль в ходе решающих операций по разгрому войск генерала Врангеля.

Что 51-я стрелковая дивизия пополнилась пригнанными ей органами Ч Е К А русскими рабами, — это понятно, но вот что Корниловская Ударная дивизия после этого в течение двух недель имела пополнение, на 2/3 состоявшее из солдат красной армии, которые геройски дрались в наших рядах до Севастополя, — этому не поверят товарищи Блюхера, но этот факт нашей силы и в будущих боях подтверждают записи наших

журналов боевых действий полков Корниловской Ударной дивизии. Простой русский народ любит свою национальную Родину, защищает ее, но теперь коварный враг взорвал его изнутри дворянином-помещиком Лениным, присланным к нам Вильгельмом 2-м в запломбированном вагоне, с миллионами золотых марок и со специалистами германского Генерального штаба. Эти силы без труда сбросили за борт жизни преступника Керенского, наплевали на честь русского народа и силой ЧЕКА Дзержинского, тоже польского дворянина-помещика, захватили все богатства РОССИИ и гнали народ на УБОЙ. Но когда эти гонимые волей судеб попадали в ряды Белых Армий, они брали винтовки и жертвенно шли на борьбу против своих поработителей. Без их помощи Добровольческая Армия прекратила бы свое существование еще при выходе с Кубани в Донецкий бассейн. И эти национальные силы вели борьбу до предела человеческих возможностей и тогда, когда само высшее наше командование объявило эвакуацию, чтобы своим существованием в чужих краях продолжать борьбу с большевизмом за свободу своего народа. —

В ряде жестоких боев Корниловцы бьют 51-ю советскую стрелковую дивизию и загоняют ее в каховский укрепленный район, где благоразумно отсиживались 52-я и латышская дивизии. Общая обстановка дела нашей борьбы, по-видимому, отвлекла Главное командование Русской Армии от контроля над крупными операциями, а потому **атаки Любимовки и Каховки превратили Корниловские Ударные полки в роты. Но несмотря на это, значение пролитой здесь русской крови было велико.** С окончания атаки на Каховку, 24 августа ст. ст., и до 14 октября, когда началось общее наступление красных, гарнизон Каховки сидел довольно смирно и все укреплял плацдарм. Это дало командованию Русской Армии возможность произвести заднепровскую операцию и с достоинством покинуть Родину перед во много раз превосходящими нас силами красных. В дальнейшем, при отступлении из Таврии в Крым, Корниловская Ударная дивизия встретится с 51-й стрелковой дивизией только на Перекопе, где характер наших арьергардных боев уже велся под впечатлением приказа об эвакуации.

ЗАДНЕПРОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(Числа по старому стилю)

Для более объективной оценки действий Корниловской Ударной дивизии в этой операции я буду чередовать тексты из книги «Корниловский Ударный полк» и из журнала боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка, добавляя и уточняя со своей точки зрения командира полка кажущиеся недочеты. Полковник Левитов.

Страница 197 книги «Корниловский Ударный полк», Заднепровская операция: «Каховский плацдарм создавал постоянную угрозу всему тылу Русской Армии. Генерал Врангель решил форсировать Днепр и, очистив от красных его правый берег, закрепиться на нем. Но для того, чтобы приступить к заднепровской операции, необходимо было предварительно обез-

опасить северный и восточный участки своего фронта. Для этого генерал Врангель разделил всю Русскую Армию, общей численностью в 25 тысяч штыков и 8 тысяч шашек, на две Армии. Во главе 1-й Армии остался генерал Кутепов, а 2-ю был назначен возглавлять генерал Драценко. Генералу Кутепову было приказано разбить восточную и северную группы красных, после чего генералу Драценко произвести заднепровскую операцию. В течение сентября 1-й и Донской корпуса, входившие в состав 1-й Армии, свою задачу выполнили блестяще. Они не только разгромили противника, но и выпрямили свой фронт от Мариуполя до Кичкасской переправы. Для заднепровской переправы руки были развязаны. Форсировать Днепр было решено в двух местах: в районе Никополя и в районе Александровска. Для переправы у Александровска были выделены из 1-й Армии Корниловская Ударная дивизия, Марковская пехотная и Кубанская казачья генерала Бабиева дивизии. 21 сентября 1-й и 2-й Корниловские Ударные полки были погружены в эшелоны и направлены в г. Александровск. 3-й полк со всеми обозами дивизии двинулся туда же походным порядком. Александровск жил нервной, напряженной жизнью. Он постоянно обстреливался тяжелыми снарядами, летевшими с правого берега Днепра. Глубокой ночью Корниловские полки выгрузились на городской станции и разошлись по квартирам. Против города, посередине Днепра тянется верст на десять остров Хортица, покрытый густым кустарником и лесом и отделенный от правого берега Днепра неглубоким рукавом Речище, шириной в 40-50 метров. Остров обороняли Марковцы, неоднократно отбивая атаки красных. 23 сентября на острове собрали начальствующих лиц Корниловской Ударной дивизии, чтобы на месте разобрать план переправы через Речище. Рассмотрев через кусты характер берега, все уселись на одной полянке и уткнулись в карты, выбирая места для батарей и батальонов перед атакой. Ветер подхватил у кого-то разворачиваемую карту, и белый лист мелькнул над кустами. Сразу же у красных затрещал пулемет, и на головы посыпались срезанные ветки. Все убедились в бдительности противника днем. Было решено с наступлением темноты перевести на Хортицу по понтонному мосту всю Корниловскую Ударную дивизию и артиллерийскую бригаду и в ту же ночь разведчикам отыскать брод и отметить его вехами, чтобы по ним вести штурмующие колонны. Перед намеченным бродом поставить две батареи так, чтобы можно было бить по неприятельским окопам. Начало атаки было назначено на 5 часов утра.

О том же по журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка: «В 14 часов 21 сентября полк выступил со станции Федоровка и погрузился в эшелон. В 20 часов эшелон отошел в город Александровск. Боевой обоз направлен походным порядком.

22 сентября. В 2 часа полк прибыл на вокзал г. Александровска. В 12 часов выгрузился и разместился по квартирам в южном поселке, что возле вокзала и к востоку от него. В 18 часов смотр полка корпусным интендантом.

23 сентября. Ночь прошла спокойно. В 18 часов был отслужен молебен, на котором присутствовал командир корпуса генерал Писарев. Молебен был перед иконой Божией Матери Курской-Коренной. С этой ико-

ной, очень чтимой в России, у Корниловцев связано много радостных и тревожных воспоминаний. Эта икона поочередно пребывала полгода в г. Курске и полгода в монастыре Коренная Пустынь. Оба эти пункта Корниловская Ударная дивизия проходила при наступлении на Орел и при отступлении, в последнем случае сначала через монастырь, а потом через

Генерал П. К. Писарев
командир 1-го Армейского корпуса Русской Армии в 1920 г.

город. До сего времени неизвестно, почему при нашем отступлении икона не была вывезена и осталась в монастыре. Но после нашей Новороссийской эвакуации два монаха доставили ее через красный фронт в Крым, и поэтому теперь Корниловцы молились перед ней. Состав дивизии на 2/3 был из

пленных, и меня поразило, с каким религиозным подъемом они молились. Их поведение в заднепровской операции показало, что молитва их была за дарование победы нашему христолюбивому воинству, доказав это в последующих боях.

Вечером командный состав дивизии был приглашен на чашку чая генералом Писаревым, где мы ближе познакомились с ним.

24 сентября. Рекогносцировка острова Хортица ввиду предстоящего форсирования рукава Днепра — Речища — начальствующими лицами до командиров рот, включительно.

Продолжение по книге «Корниловский Ударный полк»: «Ночью остров Хортица оживился. Разговоры вертелись вокруг предстоящего купанья. В одной яме собрались Скоблин, Гордеенко, Челядинов и поручик Федоров, командир 3-го батальона, на которого пал жребий переправляться первым. Все изощрялись в остротах над Федоровым, давая ему счастливые советы, как делать по воде перебежки и чем укрываться от пуль. Около деревьев понуро дремали оседланные лошади. Стояли тачанки с пулеметами, за обрывом длинной лентой тянулись пушки и зарядные ящики. Мулы уткнулись в торбы, раздавался мерный хруст. «Ваше Превосходительство, — доложили Скоблину, — орудия у переправы готовы: наведены и заряжены». Скоблин посмотрел на часы, — время тянулось медленно... В 4 часа 30 мин. Скоблин приказал приготовить людей и разбудить всех, кто спит Корниловцы вставали, потягивались, по телу пробегала мелкая дрожь. К 5 часам густой колонной, без кашля и стука винтовками, 3-й батальон подошел к реке. «Ну, ребята, вперед!» сказал Федоров, и одновременно по цепочке побежала команда к батареям: «Огонь!» Пушки заревели. Батальон пробежал песчаную отмель и около самой воды вдруг остановился: не было никакой вехи. Разведчик ошибся и повел батальон не к тому месту. Командир полка полковник Гордеенко выругался и приказал тут же бросаться в воду. Через короткое время весь 1-й полк был уже на правом берегу Днепра. Оттуда уже доносились голоса: «Батарея, — влево и дальше...» 3-й и 1-й батальоны с двух сторон ворвались в колонию Нижне-Хортица и без боя забрали в плен полк красноармейцев, беззаботно спавших по избам. С такой же легкостью пешие разведчики взяли в плен роту красных, стоявшую в заставе на кургане. Беспорядочные выстрелы красных прекратились, батарея, по-видимому, снялась с позиции. 1-й полк, выставив сторожевое охранение, стал поджидать переправы остальных полков. Чины 2-го полка перешли вброд, навесив свои брюки и сапоги на штыки, а 3-й полк вышел из воды совсем сухим, ему было разрешено переправиться на крупах лошадей Кубанской дивизии генерала Бабиева. К переправе подъехал генерал Кутепов. Узнав, что 1-й полк уже занял Нижнюю-Хортицу, генерал Кутепов верхом переправился через брод и поблагодарил выстроившихся Корниловцев за их лихую переправу.

Тремя колоннами потянулись Корниловцы на запад. На рысях их обогнала Кубанская дивизия и скрылась из вида. Когда вечером Корниловцы подходили к с. Орловка, севернее его, за селом Томаковка, были видны разрывы шрапнелей: генерал Бабиев отбивал тринадцатую атаку конницы Гая (2-я советская конная армия)».

Продолжение о том же по журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка:

25 сентября. В 20 часов 24 сентября был получен приказ по Корниловской Ударной дивизии за № 030, от 24 сентября, 17 часов. В ночь на 25 сентября Корниловской Ударной дивизии приказано форсировать реку Речище и атаковать красных, обороняющих колонию Нижне-Хортица, Разумовка, колонию Блюменгарт и развивать наступление далее в направлении деревни Томаковка, имея конечной целью занятие района дд. Томаковка — Анастасиевка.

Задача: полку с 3-м Корниловским артиллерийским дивизионом приказано выступить из Александровска в 22 часа 24 сентября. К 4 часам 25 мин. сосредоточиться на острове Хортица, в затылок 1-му полку. С началом форсирования 1-м полком реки двинуться вслед за ним через реку Речище и быстро выйти на бугор с курганами, что над словом «Нижне» надписи колонии Нижне-Хортица (на 3-верстной карте), после чего наступать на колонию Блюменгард (Капустяны) с целью обеспечить фланг 1-го Корниловского Ударного полка во время его действий против колонии Нижне-Хортица и разбить противника, занимающего район кол. Блюменгардт (Капустяна), кол. Шенеберг.

Сведения о противнике: на правом берегу Днепра, на участке против Кичкасской переправы и острова Хортица расположилась 3-я советская стрелковая дивизия. Ниже по течению реки 85-я советская стрелковая бригада, части 2-й конной армии двигались из г. Никополя на с. Томаковка. Бригада курсантов находилась в резерве 3-й советской стрелковой дивизии, — ее положение не выяснено.

Описание брода реки Речища: брод для переправы через реку Речища находился в юго-восточной оконечности острова Хортица. Глубина брода от полутора метров до двух с половиной. Ширина 15-20 сажен, длина по фарватеру 20 сажен. Берега пологие и песчаные. Течение 2-3 версты в час. Ветер восточный, холодный. Переправляться пешим путем.

В 23 часа 24 сентября полк построился в южном поселке Александровска и двинулся по назначению, за 1-м Корниловским Ударным полком. В 4 часа 25 минут полк подошел к месту переправы и, встав в затылок 1-му полку, залег. В 5 часов 3-й Корниловский артиллерийский дивизион, заранее выдвинутый к самой переправе, открыл очередями бешеный огонь по противнику. Сосредоточение полка на вышеозначенном месте и установка артиллерии на свои позиции противником обнаружены не были. Затем 1-й полк переправился на другой берег. Вслед за 1-м полком перешел вброд и наш 2-й полк и тут же, выйдя на берег с курганами, что в 2-3 верстах от колонии Нижне-Хортица (Капустяна), двигаясь вправо от балки-Капустяна. Колония Блюменгардт занята без боя. Противник быстро отступил на юг и запад. В 10 часов полк вошел в Блюменгардт и, подождав боевые обозы, двинулся на Шенеберг. По ранее полученным сведениям колония Шенеберг была оставлена большевиками, и полк вошел в нее без боя. В 15 часов полк выступил в дивизионном резерве за 1-м полком на село Томаковку, которое занималось противником. В 20 часов полк прибыл в хутор Котельник и остановился на ночлег в восточной части, а западную

занял 1-й полк и штаб дивизии. Потери 2-го полка: при переправе утонул один ударник. Переход — 40 верст.

Продолжение по книге «Корниловский Ударный полк»: «От перехваченных по дороге красноармейцев генерал Скоблин узнал, что из г. Никополя навстречу Корниловцам двигается 1-я советская стрелковая дивизия. Оставив в Орловке 2-й Корниловский Ударный полк для заслона Кубанской дивизии, 3-й Корниловский Ударный полк отправил в Томаковку и поехал туда сам. Генералы Скоблин и Бабиев решили завтра, 26 сентября, совместными силами атаковать конницу Гая, отходившую главными силами к югу, в село Анастасиевку. Красные предупредили атаку. С утра со всех сторон начался ружейный обстрел Орловки. Небольшие конные разъезды маячили по буграм, то подскакивая к селу, то быстро скрываясь из вида. От одного захваченного разъезда была выяснена обстановка: Корниловская дивизия была окружена конницей Гая, ее разъезды перехватили часть Корниловских обозов и порубили телеграфный взвод штаба дивизии. День прошел в неопределенном положении. Из Томаковки доносилась стрельба. Гай продолжал атаковывать кубанцев. Когда день уже клонился к вечеру, из-за бугра выскочили три эскадрона красных и поскакали вниз, к селу, на отдельно стоявший в сторожевом охранении 1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка. Одновременно из балки выехали в тыл батальону три броневика и начали из пулеметов косить Корниловцев. Из резерва бросились на выручку остальные батальоны полка, а Корниловские батареи сосредоточили огонь по красным, но кавалеристы все же успели врубиться в сомкнувшиеся роты. Командир батальона капитан Трофимюк, обливаясь кровью от сабельных ударов, с револьвером в руках пробился сквозь всадников, но 68 Корниловцев было зарублено или уведено в плен. На поле боя осталось убитыми до 200 красных. У многих кавалеристов в застывших руках были зажаты трофеи: черно-красные Корниловские фуражки. На выстрелы из Томаковки примчался на тачанке генерал Бабиев, за ним шла на помощь вся его дивизия. Принцип взаимной выручки генерал Бабиев соблюдал свято. Оба начальника дивизий, генерал Скоблин и генерал Бабиев, совместную атаку села Анастасиевка отложили на следующую ночь. В Анастасиевку втянулись две дивизии Гая. Корниловцы должны были атаковать село, а кубанцы — отрезать красным путь отступления».

Продолжение о том же по журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка:

26 сентября. Ночь прошла спокойно. На рассвете авангард конницы противника стремился сбить наши сторожевые заставы 4-го батальона с высот, что восточнее разъезда Орловка и к югу от железной дороги. Огнем застав батальон отбросил противника. К 10 часам полк был подтянут к разъезду Орловка и занял позицию по высотам. 3-й батальон фронтом на юг. Весь день противник большими силами вел атаки на участок полка, стараясь охватить нас с флангов, но удачными маневрами батальонов и энергичными действиями артиллерии противник бывал вынужден с потерями отходить назад.

В 18 часов противник перешел в решительное наступление по всему фронту полка и одновременно с этим три броневика скрытно спустились

по балке почти к полотну железной дороги и, зайдя в тыл 1-му батальону, открыли по нему ураганный огонь, а три эскадрона кавалерии внезапно выскочившие из балки, повели быструю атаку во фланг. Батальон, ясно сознавая безвыходность своего положения, стал упорно защищаться. Но назойливый противник, невзирая на наш огонь, врезался в ряды батальона и начался рукопашный бой. Наша артиллерия била сосредоточенным огнем по броневикам, подбила один из них и заставила скрыться два других. Подошедшие на выручку 4-й, 3-й, 2-й и офицерский батальоны своими решительными действиями быстро опрокинули противника и, преследуя его артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, обратили его в бегство на юг. Около 20 часов, оставив 3-й батальон с одним орудием в сторожевом охранении, полк отошел в село Катешино на ночлег. В этом бою необыкновенное мужество и храбрость проявил помощник командира 1-го батальона есаул Колесников (скончался 27 марта 1972 г. в Париже), который с револьвером в руках отбивался от красных до подхода наших резервов, получив 18 шашечных ударов.

Потери 1-го батальона: 21 убитый, 15 раненых и 35 пленными. Ввиду ожесточенности противника, в плен красных не брали. Потери же полка, включая и вышеуказанные потери 1-го батальона, были около ста человек. Трофеи: один броневик и около 20 коней с седлами.

(Мои впечатления о бое у разъезда Орловка. Участок, отведенный 2-му Корниловскому Ударному полку для обороны в окружении нас 2-й конной армией Гая, охранялся 1-м батальоном, фронтом на восток, и 3-м батальоном фронтом на юг. Промежуток между ними был в полторы версты. Три батальона были в резерве. Попытки противника с самого утра атаковать участок полка в разных местах заставили меня подтянуть мой резерв в три батальона с артиллерией к железной дороге, к переезду Орловка, и держать его, не переходя полотна линии железной дороги. Сам же я со своими ординарцами направился посмотреть на 1-й батальон, главное — на его настроение, так как после пополнения в Федоровке он на 3/4 состоял из взятых в плен красноармейцев. Нажим красных на этот участок совпал с моим приездом туда. Красные усилили артиллерийский огонь по батальону, быть может увидев мою группу в 10 коней, а потому я приказал отвести их за бугры. Огонь стал переходить в беглый. Настроение всех ударников было бодрым. Я тогда решил прервать свое наблюдение и отправился к резерву для выполнения своих обязанностей. Однако это было уже не так просто, беглый огонь красных по-кавалерийски сосредоточился как раз там, где были кони конвоя, и мой ординарец лишь с большим трудом смог подъехать ко мне. По дороге я увидел начало атаки трех красных броневиков и трех эскадронов в тыл и левый фланг 1-го батальона. Здесь наша артиллерия открыла огонь, и резерв полка под командой моего помощника полковника Бржезицкого уже выходил через полотно железной дороги на поле боя.

Несчастье 1-го батальона состояло в том, что мы за неимением при полках достаточно конных не могли освещать все скрытые подступы к нему, и противник удачно воспользовался этим. Три красных броневика заехали почти в тыл 1-му батальону, осыпая его градом пуль, а три эскад-

рона под их прикрытием шли в атаку на карьере прямо во фланг. Огонь красной артиллерии и броневиков был сконцентрирован на участке 1-го батальона и наносил сильное поражение собиравшимся в группы. Атаки кавалерии скоротечны и не представляют из себя затруднений, если поддерживаются таким огнем, как в данном случае. Не прошло и пяти минут, как все смешалось в общей схватке. Кавалерия рубила, а наши отбивались, пробиваясь навстречу нашему резерву. Полного успеха у красных не было, так как один броневик был подбит нашей артиллерией, а другой, тоже подбитый, был взят третьим на буксир, и таким образом они уже не могли помочь своей кавалерии уничтожить крупные группы наших отступавших. Красные рубили только тех, кто до этого был ранен или не успел присоединиться к большим группам. Но и из таких одиночек были исключительные герои, и первое место среди них принадлежит есаулу Кубанского войска Колесникову, помошнику командира 1-го батальона. Пока у него были патроны для нагана, он отбивался выстрелами, получая все же легкие шашечные удары, но когда патроны кончились и охотники за ним это подметили, тогда дело пошло хуже. Сначала кто-то ранил его выстрелом и он упал, потеряв сознание. Придя в себя он видит такую сцену: стоят перед ним два кавалериста, один собирается вскочить на коня, а другой хочет его «рубануть». Есаул Колесников напрягает все свои силы и правой рукой хватает шашку красного прямо за клинок, а той спокойно крутит ее и еще приговаривает: «Отпусти, сволочь, все равно зарублю». Но на все воля Божия, которая чудесным образом решила здесь судьбу двух бойцов. Получилось так, что красный кавалерист не обратил внимание на то, почему его товарищ удрал, и спокойно разворачивал клинком ладонь мужественному есаулу Колесникову. Эта семнадцатая рана, нанесенная есаулу, повернула боевое счастье в другую сторону: перед идущими в контратаку нашими тремя батальонами неслись на тачанках наши пулеметы и впереди них команда конных телефонистов с ее начальником капитаном Бешеновым, которая как раз подлетела к месту казни есаула Колесникова. Красный стрелой вскочил на коня и бросился в первый свободный проход, но он оказался для него западней: он скакал между нашими идущими резервами и навстречу головной части конной дивизии генерала Бабиева. Наши лихие конные телефонисты преследовали его, около полотна железной дороги он почему-то бросил коня и думал было укрыться среди шпал, наложенных здесь в большом количестве, но оказался близко около полковника Бржезицкого, который и уложил его выстрелом. Есаул Колесников поправился, в эмиграции отработал 25 лет на заводе Рено в Париже, имеет сына, инженера-химика (скончался 27 марта 1972 г. в Париже). Мой внук, глядя на его изуродованную ладонь и на следы шашечных ударов, спрашивал, как он не умер от такой боли? В ответ на это я рассказал внуку историю ранения есаула Колесникова в первую Великую войну на турецком фронте, когда турок загнал ему в мягкие части тела свой штык и там его оставил и как при общем сочувствии казаков этот штык тут же вытянули. Сам же есаул Колесников все время был здоров и только в глубокой старости стал прихварывать. Его спаситель, капитан Бешенов, тоже жив и под старость купил себе дом недалеко от Парижа и занимается небольшим хо-

зяйством и рыбной ловлей. Полковник Бржезицкий, достойно наказавший современного защитника «равенства, братства и свободы своей интернациональной диктатуры пролетариата», до глубокой старости жил в старческом доме на юге Франции, где и скончался.

Что касается всего состава 1-го батальона, включая и его молодых ударников из пленных, то они во главе со своим командиром батальона капитаном Трофимюком выполнили свой воинский долг. Это относится и к попавшим в плен, которых мы на следующий день отбили, всех 35

Капитан Бешенов — начальник команды связи
2-го Корниловского Ударного полка.

человек, и я не поставил им это в вину, так как этот короткий своеобразный бой, где они храбро защищались, ошеломил их, а сила огня машин и ужас рубки обезоружили их. В следующих боях они вели себя как старые Корниловцы. Ни с чьей стороны в этом бою я не видел упущений, в пределах наших возможностей и здесь мы сделали все, от нас зависящее. От Буденного, под Ростовом на Дону, и до Жлобы, — все были жестоко наказаны нами за дерзость упорных атак на Корниловцев. Данный бой я считаю простым лихим налетом противника, обошедшимся красным дороже, чем нам. Жаль только было, что этот бой потревожил конную дивизию генерала Бабиева, который и на этот раз показал, что он по-старому свято хранит чувство взаимной выручки в бою.

Привожу выдержки из письма командира 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады, стоявшей в момент атаки на позиции за левым

флангом 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка. Командиром 6-й батареи тогда был доблестный полковник Гетц, Викентий Иванович, мой однокашник по Виленскому военному училищу, по окончании которого он вышел в артиллерию. Его батарея была дежурной и стояла на позиции. Противник и ее не оставил в покое и открыл по ней ураганный огонь. По словам полковника Гетц, столбы дыма и земли от взрывов прямо на батарее сначала лишили ее возможности открыть огонь, но потом она могла все же полностью разбить один броневик красных, а другой только подбить, и его увез третий броневик на буксире. На батарее были значительные потери. Полковник Левитов).

27 сентября. По журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка. Ночь прошла спокойно. Обстановка на фронте: разбитый противник отступил на юг и силой не менее 1.500 коней, с одним бронепоездом и двумя бронеавтомобилями, остановился на ночлег в селе Анастасиевка.

27 сентября. По книге «Корниловский Ударный полк». Окружение конницы Гая началось еще до рассвета. Пять верст до Анастасиевки прошли быстро. На востоке уже розовел горизонт и светлые полосы потянулись по небу. 2-й и 3-й полки построились густой резервной колонной, а 1-й полк развернулся для атаки. Батареи стали на позицию. Каждый батальон 1-го полка наметил для себя участок села, и Корниловцы двинулись широким шагом. Сторожевого охранения у красных не было, их заставы всполошились, когда Корниловцы были уже около крайних хат. Где-то затрещал пулемет, трубы заиграли тревогу. По улице понеслись отдельные всадники, затарахтели грузовики. Из переулка выскочил броневик и наткнулся прямо на Корниловцев. В нем открылась дверца, из нее высунулся по пояс грозный, усатый человек и разразился площадной руганью. Он был тут же пристрелен. Пока Корниловцы атаковали село, кубанцы рубились с красными эскадронами, выскакивавшими из села. Один всадник схватил Бабиева за конец его красного кубанского башлыка и с криком: «Ага, попался!» уже замахнулся шашкой, но свалился сам от удара Бабиева. Генерал Бабиев при атаке держал поводья в зубах, а шашку в левой руке, правая была у него отнята. Добыча победителя была большая: 6 орудий, 3 броневика, грузовые машины, тачанки с пулеметами, кони, пленные. Были отбиты и взятые накануне в плен Корниловцы. Все они были в одном белье. Конница Гая отошла на Никополь.

В Анастасиевку прилетел летчик и передал приказание: Кубанской и Корниловской дивизиям двигаться безостановочно на Никополь. Корниловская дивизия пошла вдоль полотна железной дороги, а Кубанская левее ее, по плавням. Верстах в шести от села Чернышевка произошел встречный бой с 1-й советской стрелковой дивизией, спешившей из Никополя на помощь коннице Гая. Корниловцы, хотя и выиграли бой без особого напряжения, понесли потери до 250 человек, среди которых были подполковник Челядинов и поручик Федоров. Перед самой Чернышевкой красные еще раз пытались оказать сопротивление. Пока головной полк вел бой, остальные два полка остановились около насыпи. Вдруг по полотну стали рваться гранаты, а над колонной шрапнели. С хвоста колонны передали, что в тылу показалась конница. Генерал Скоблин поднял 2-й полк и повел его на вы-

стрелы, выслав вперед свой конвой. Вскоре подскакал офицер конвоя и доложил, что какая-то конница с пышными хвостами на пиках разворачивается на лугу за ручьем. Корниловцы побежали к ручью и уже приготовились дать залп, но конница повернулась и ускакала на широком галопе. Тут только Скоблин опознал в скакавших один из полков Бабиева. Генерал Бабиев потом рассказывал, что он никак не мог предположить, что Корниловцы в такой короткий срок прошли с боем 15 верст и очутились перед Чернышевкой, но, увидев такую решительность пехоты начать бой с кавалерией, он сообразил, что перед ним, наверное, Корниловцы и потому вывел полк из-под обстрела. В полночь обе дивизии, Корниловская и Кубанская, втянулись на ночлег в Чернышевку. Генерал Скоблин пропускал мимо себя входившие в село полки. Около него и офицеров штаба собрались старые и пожилые крестьяне. «Видно, что солдаты!» — одобрительно говорил один старик. Всем хотелось выяснить, каково отношение крестьян к Русской Армии. Крестьяне отвечали уклончиво. Закона о земле, опубликованного генералом Врангелем, никто из крестьян не знал, и они ничего о нем не слышали. Когда офицеры стали излагать содержание этого закона, то услышали в ответ: «Закон хороший, сходный, а кто его знает, каков он будет на деле...» В прочность и силу Русской Армии крестьянин не верил, а потому и не придавал значения никаким словам и хорошим законам. Не задумывался он и о том, кто и каким образом может упрочить нужный для него порядок. Для деревни все имевшие власть были «паны», и на гражданскую войну они смотрели как на драку «панов», и при комиссарах и при генералах у мужиков одинаково трещали чубы.

На рассвете Корниловская Ударная дивизия с конной дивизией генерала Бабиева атаковала конницу Гая в Анастасиевке, выбив ее, и тут же двинулась преследовать ее. Подойдя к Трем Могилам, что к югу от балки Оленева, 2-й полк получил приказание вести наступление на Чернышевку. Вправо наступал 1-й Корниловский Ударный полк, влево конница генерала Бабиева. К 10 часам полк подошел к Могилкам, что к югу от устья балки Оленева, в ожидании момента выступления 1-го полка. По приходе на Могилки конница красных, 3-4 эскадрона с одним броневиком, перешла в наступление. Огонь пулеметов и артиллерии разогнал противника, оставившего в одиночестве совершенно новенький броневик, только что прибывший из Москвы как подарок от рабочих какого-то завода, с запасом динамита на случай его уничтожения.

(От автора: это происходило на моих глазах. Отступающая конница отскочила по прямой от нас, броневик же почему-то, очевидно плохо ориентируясь на местности, спокойно спустился в широкую балку с высоким берегом с нашей стороны и с топким ручьем посередине и направился, как нам казалось, в обход нашего фланга. Я в это время со своими ординарцами выехал как раз на высокий берег балки и, видя эту картину, отдал приказание, чтобы одно орудие на карьере было здесь. Но орудию действовать не пришлось: увидев нас, броневик стал искать, где бы ему переправиться. Видно было, как он торопился, быстро меняя места, потом выехал на параллельную ручью дорогу, команда его выскочила и побежала через болотистый ручей. Как-то получилось, что восторгу нашему не было

конца от такого прекрасного подарка, именовавшегося «Калиныч», и мы даже не стреляли по его хозяевам. Командир 2-го Корниловского Ударного полка полковник Левитов).

После этого 2-й полк повел безостановочное наступление на Чернышевку, громя противника огнем. У балки Успенкова противник задержался, открыл сильный огонь и бросился на нас в контратаку. Батареи, выдвинутые на линию цепей, открыли по красным огонь на картечь, а 4-й батальон перешел в наступление. Противник был отброшен на конницу генерала Бабиева и потерпел полное поражение. Самое село Чернышевка было занято без боя.

Перед самым Никополем красные оказали сопротивление только у села Красногригорьевка. Сбитые со своих позиций Корниловцами, они попали под удары кубанцев и потеряли пленными до двух с половиной тысяч человек и все свои обозы. Никополь был занят без боя. Корниловцы и кубанцы расположились в городе со своими трофеями. Одних только пленных было до четырех тысяч человек. В тот же день к Никополю подошла конница генерала Науменко, переправившаяся через Днепр южнее Никополя, у села Ушкалка. Там же переправилась и пехота генерала Скалона. По словам генерала Науменко, красные атаковали пехоту и препятствовали ее продвижению вперед, сам же генерал Науменко сразу оторвался от своей пехоты и пошел к Никополю.

29 сентября из штаба 2-й Армии прилетел летчик и передал приказание: генералу Науменко объединить всю конницу и идти с ней на узловую станцию Апостолово, где разбить красных, после чего повернуть на Бериславль и Каховку; генералу Скоблину спешно идти назад к Александровску, так как красные теснят Марковцев и угрожают переправам на Хортицу. С грустью расстался генерал Бабиев с Корниловцами, осиротелыми почувствовали себя и они. Перед Скоблиным стал мучительный вопрос, какой дорогой идти на Александровск? Если перейти на левый берег Днепра здесь, у Никополя, то одна переправа займет двое суток: был всего один небольшой паром и несколько лодок. Кроме того, переправа тотчас будет обнаружена красными и они перейдут в наступление. Полк, который был бы назначен для защиты переправы, оказался бы в исключительно невыгодных условиях: переправа внизу, а над нею возвышается гора. Если идти к Александровску старой дорогой, то придется пробиваться через всю 2-ю конную советскую армию, сомкнувшуюся за Никополем. В случае затяжных боев красные за это время смогут овладеть переправами у Хортицы и тогда Корниловцы рискуют потерять всю свою артиллерию и обозы. Генерал Скоблин остановился на таком решении: под прикрытием дивизии немедленно переправить через Днепр пленных, раненых и обозы, а самой дивизии с наступлением темноты выступить из Никополя по старой дороге, налетом сбить конницу противника и открыть себе путь на Александровск. Сплошной колонной двинулись Корниловцы из Никополя. Люди шли в строю без обычной на походе растяжки, не было и отстававших, — все понимали грозную опасность Корниловская конная сотня, выбросив от себя разъезды, на рысях пошла вперед. Показались огни Красногригорьевки, колонна задержалась, поджидая донесения от конного разъезда. Вдруг сле-

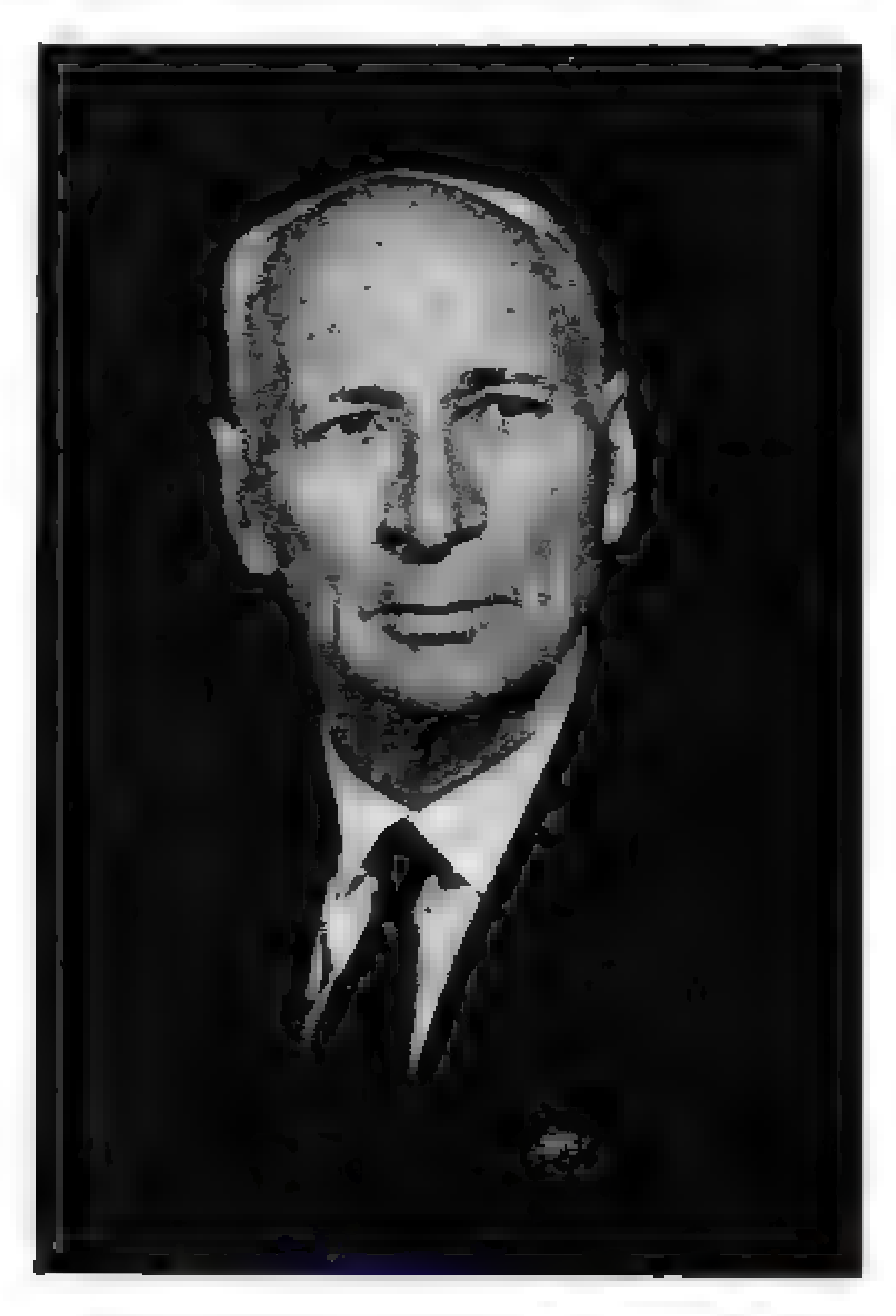
ва, в поле, показался какой-то конный. Он выехал на дорогу, повернул к селу и поскакал. Ординарцы начальника дивизии быстро догнали всадника. Перепуганный крестьянин, верхом на лошаденке без седла и с веревочным недоуздком, рассказал, что он местный житель и что красные взяли его проводником и велели ему указать дорогу на станцию Апостолово. В Чернышевке конницы Гая тоже не было, она выступила из этого села часа за три до прихода Корниловцев. На улице еще тлели в кострах головни, валялось разбросанное сено, пахло свежим навозом. Гай, по-видимому, обнаружил движение генерала Науменко на Апостолово и двинулся со своей дивизией туда же. Дорога на Александровск была свободна. Остаток ночи Корниловцы провели беззаботно. Многие поджигали «перекати-поле», и подхваченные ветром круглые горящие шары носились над степью. На заре, после 40-верстного марша был сделан привал около развалин сгоревшей и разграбленной усадьбы. Почерневшие дымоходы торчали памятниками среди груд мусора и обвалившихся стен, дорожки и клумбы заросли травой. С оголенных деревьев тихо падали листья. Среди безмолвной тишины вскоре затрещали костры, и люди в полном изнеможении валились около них. Через два часа отдыха Корниловская дивизия уже снова шла. Второй привал и обед были назначены через двадцать верст, в Строгановских хуторах. Из высоты донесся шум мотора, и на ясной синеве осеннего неба четко обозначился аэроплан. Он сделал несколько кругов над колонной и опустился. Летчик передал приказание генералу Скоблину двигаться как можно скорее на Александровск. Летчика обступили офицеры. На их вопросы, почему он так смело и решительно опустился на землю, он ответил, улыбаясь, что распознает красных и белых не столько по коду, сколько по тому, как относятся к аэропланам проходящие колонны: белые, в большинстве случаев, сохраняют порядок и свое движение, а красные расползаются во все стороны.

В Строгановских хуторах сорок дворов были поделены между всей Корниловской дивизией. Жители, переселенные сюда из Великороссии еще во время крепостного права, оказали полное радушие. Хозяин дома, степенный старик, бывший солдат, осведомился у Скоблина, сколько человек будет обедать. «Вы не беспокойтесь, ничего не готовьте. Мы сами справимся», сказал ему Скоблин, но старик решительно запротестовал и угостил на славу офицеров и ударников на разных половинах своей хаты. «Среди всеобщей ненависти и озлобления, неизбежных спутников междоусобной войны, — вспоминал генерал Скоблин, — радушие и ласка нашего хозяина были совершенно необычны тем более, что у него не было никакого противного подлаживания к нам. Он не поносил красных, не восхищался белыми. Отнесся к нам просто, по-человечески, как к усталым, измученным людям».

30 сентября, в 11 часов, Корниловцы подошли к позициям Марковцев. После 70-верстного похода все заснули как убитые.

1 октября рано утром Корниловцы и Марковцы получили приказ отбросить красных на север, как можно дальше от переправ. Красных отогнали верст на пятнадцать. Летчик привез приказание — продолжать энергичное наступление, но уже в 3 часа дня было получено новое приказание:

с наступлением сумерек идти в Александровск с таким расчетом, чтобы закончить переправу через Днепр до рассвета. Корниловцы ничего не понимали и, угрюмые и печальные, потянулись назад к переправам. В первую очередь были пущены обозы и часть артиллерии. Полки расположились в немецкой колонии, верстах в трех от Речища. Колонисты недоумевали, почему белые, так успешно дравшиеся с красными, теперь отступают. К назначенному времени переправа на левый берег Днепра была закончена. В городе к генералу Скоблину явился временно исполняющий должность начальника штаба дивизии капитан Месснер. Вместо обычного вороха оперативных телеграмм он молча протянул всего ТРИ.



Профессор военных наук,
Генерального Штаба полковник Месснер Евгений Эдуардович,
последний Начальник Штаба Корниловской Ударной Дивизии
в Северной Таврии в 1920 г.

Первая гласила: «Поляки заключили мир с Советами. Красные начали переброску сил на фронт Русской Армии. Головные части конницы Буденного и две пехотные дивизии уже подошли к станции Апостолово». **Вторая телеграмма:** «Снарядом в бою под Апостоловым смертельно ранен генерал Бабиев. Не приходя в себя, он скончался. Части 2-й Армии с боль-

шими потерями в людях и в материальной части переправились обратно на левый берег Днепра, не успев даже разрушить свой мост». **Третья телеграмма:** «Красная Кубанская дивизия численностью до 5 тысяч сабель на северо-восточном участке фронта проникла глубоко в наш тыл и с налета овладела Большим Токмаком, где захватила и уничтожила все наши интендантские и артиллерийские склады. Противник продолжает свой рейд по тылам».

Продолжение по журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка. Боевые записи 2-го Корниловского Ударного полка за время заднепровской операции почти тождественны с вышеизложенными данными из книги «Корниловский Ударный полк», а потому из них берутся только отдельные эпизоды. После отражения атаки красной кавалерии на 1-й батальон 2-го полка, он до самого Никополя не имел больших потерь и только при отходе из него для конвоирования больше чем четырех тысяч пленных был назначен 1-й батальон, что значительно уменьшило боеспособность полка.

30 сентября 2-й Корниловский Ударный полк прибыл в 19 часов в Ново-Николаевку, где и заночевал.

1 октября. Дивизии поставлена задача: овладеть колонией Кронсталь, Арбузовкой, Михайловкой и Шенгорст. Около 9 часов 2-й Корниловский Ударный полк повел наступление на Кронсталь, выбил оттуда противника, двинулся на Арбузовку и после упорного сопротивления противника овладел ею. У высоты, что к северо-востоку версты на четыре-пять, полк по приказанию остановился для обеспечения левого фланга 1-го Корниловского Ударного полка и для этого около 14 часов офицерский и 3-й батальоны были выдвинуты к западу от Арбузовки для отражения атак конницы и пехоты противника, наступавшего в тыл дивизии со стороны Томаковки. Другие два батальона, 2-й и 4-й, оставались на прежних высотах и сдерживали сильнейший натиск красных, наступавших со стороны севернее Томаковки. С наступлением темноты полк в составе дивизии выступил в Александровск. В этом бою было ранено 95 и убито 5 человек. Среди убитых были доблестный командир 3-го батальона поручик Нашивочников и его адъютант, подпоручик Честной.

2 октября в 8 часов полк прибыл в Александровск и расположился на старых квартирах. Переход был в 55 верст: Шенеберг-Арбузовка-Александровск, и ударники были сильно утомлены.

Этим числом заканчивается заднепровская операция, обнаружившая прибытие частей красной армии с польского фронта после подписания теперь уже МИРА. Ненависть Пилсудского к национальной РОССИИ была настолько велика, что он решил развязать руки Ленину, чтобы он имел возможность разбить Русскую Армию генерала Врангеля, рискуя впоследствии отдать ему и Польшу, что и случилось при Сталине во вторую мировую войну. Перевес красной армии в силах, как и в боях под Орлом, теперь решил участь Русской Армии определенно: она должна была покинуть родную землю. С этого числа начались арьергардные бои с целью дать возможность провести эвакуацию в обстановке, исключающей катастрофу.

3 октября. В 8 часов 2-й Корниловский Ударный полк прибыл в г. Александровск и погрузился в эшелоны для следования на станцию Пришиб. Обозы были направлены походным порядком в село Михайловку. В 12 часов получено приказание разгружаться и отправляться походным порядком в Камышеватку. В 15 часов обозы прибыли обратно, и полк по их прибытии выступил по назначению. В 23 часа полк прибыл в Камышеватку и занял позицию. Сторожевое охранение выставили на Жеребец и Внуково. Противник, силой до тысячи сабель, находился в районе сел Яковлевка-Щербаковка, но заметив наш приход в Камышеватку, под прикрытием ночной темноты быстро проскользнул на север и увел с собой большие обозы, захваченные им в Большом Токмаке. Переход — 28 верст.

4 октября. День и ночь прошли спокойно.

5 октября. В 8 часов полк в составе дивизии выступил в Васильевку. В Янчекрак — большой привал. В 24 часа батальоны разошлись по квартирам в Васильевке. Обозы прибыли на рассвете. Дорога была тяжелая и грязная. Люди пришли сильно уставшими и промокшими от дождя. Переход – 34 версты. Всего в строю: 138 офицеров, 43 пулемета и 392 ударника (это без 1-го батальона).

6 октября. В 9 часов полк вышел из Васильевки и в 18 часов прибыл в Балки. Ночлег. Переход — 24 версты.

7 октября. В 9 часов полк вышел из Балки и в 18 часов разместился по квартирам в с. Белозерки. На переходах пища выдавалась два раза в сутки. Переход — 24 версты.

Здесь к полку присоединились 21 ударник, бежавшие от красных. Оказывается, когда 1-й батальон конвоировал из Никополя более 4 тысяч пленных по плавням Днепра, то шествие такой большой колонны растянулось на много верст и наш малочисленный батальон растворился по зарослям плавней среди нескольких тысяч конвоируемых им пленных. Несмотря на такую обстановку, пленные шли спокойно, но на хвост этого шествия красные партизаны или же их регулярные части сделали нападение и отрезали небольшую часть пленных, среди которых оказались и наши конвоиры. В свою очередь и наши учли спасительность плавней и бежали в сторону нашего движения до соединения с полком.

8 октября. В 9 часов 2-й полк выступил из Белозерок и в 17 часов прибыл в Верхний Рогачик, где поступил в дивизионный резерв.

Приказ Корниловской Ударной дивизии

Верхний Рогачик № 031 8 октября 1920 г. 18 час.

Карта — 3 версты

Согласно директиве штакора 1-го вверенная мне дивизия 8 октября с. г. в 18 часов прибыла в Верхний Рогачик. Дивизии приказано занять и упорно оборонять участок от села Большая Знаменка до Малой Лепетихи (оба включительно).

Правее — 42-й Донской стр. полк, занимающий участок Малая Зна-

менка (Каменка) — Балки (оба включительно): левее — временно части 6-й пехотной дивизии, которая 9 октября будет сменена Дроздовской стр. дивизией.

Сведения о противнике будут сообщены дополнительно. Во всяком случае иметь в виду, что со стороны противника на участке Нижний Рогачик-Ушкалка заметно оживление.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) Полковнику Щеглову (3-й Корниловский Ударный полк, 4-й артиллерийский дивизион, отдельный Корниловский конный дивизион), сменив части 6-й и 7-й пехотных дивизий, 8 октября занять и упорно оборонять участок Большая Знаменка-Малая Лепетиха, оба включительно, ни в коем случае не допуская переправы противника на левый берег Днепра. Поддерживать самую тесную связь с соседями вправо и влево. Разбить для обороны участок на три сектора. Схему расположения частей на участке и схему обороны участка представить мне не позже 10 сего октября. Штаб полка и участковый резерв — колония Ольгофельд.
2) Полковнику Гордеенко (1-й Корниловский Ударный полк и 1-й дивизион артиллерийской бригады), оставаясь в Верхнем Рогачике, составлять мой резерв. Командам конных и пеших разведчиков полка в течение 9 и 10 октября познакомиться с боевыми участками дивизии в таком порядке: 9-го разведать участок и подступы к нему от Большой Знаменки до Ушкалки (оба включительно), 10-го — от Ушкалки до Малой Лепетихи (включительно). Отчет о разведке участка и подступов к нему на случай боя полковник Гордеенко представит мне не позже 14 часов 11 октября.
3) Полковнику Левитову (2-й Корниловский Ударный полк и 3-й артиллерийский дивизион), оставаясь в Верхнем Рогачике, составить мой резерв. Командам конных и пеших разведчиков полка в течение 9 и 10 октября познакомиться с боевым участком дивизии с таким расчетом: 9-го Малая Лепетиха — Ушкалка (оба включительно), 10-го — Ушкалка (исключительно) — Большая Знаменка (включительно). Отчет о разведке участка и подступов к нему представить мне не позже 14 часов 11 октября.
4) Генералу Ерогину — организовать артиллерийскую оборону участка, наладить правильное и своевременное питание патронами и снарядами частей дивизии. Свои соображения по этим вопросам представить мне к 12 часам 10 октября.

5) Дивврачу — организовать в Верхнем Рогачике перевязочный пункт и наладить дальнейшую эвакуацию больных и раненых на Мелитополь. Совместно с комендантом штаба озаботиться устройством в расположении полков бани. Последняя должна быть налажена в самый кратчайший срок.
6) Все запасные батальоны и хозяйственные части полков перевести в село Веселое, с которым будет установлена телефонная связь.
7) Дивинту, оставаясь в Мелитополе, организовать подвоз продуктов и хлеба своими средствами до расположения хозяйственных частей полков, до села Веселое, где открыть полевой расходный склад. Каждые три дня, по

телефону или по телеграфу, доносить мне, что выдано частям дивизии и какова наличность на складе. Принять все меры к своевременному снабжению частей продуктами. В селе Веселое организовать хлебопечение.

8) Начальнику связи штадива принять в свое ведение телефонную сеть на участке дивизии; кроме того, немедленно установить связь с селом Веселое, 42-м Донским полком и Дроздовцами, а также наладить самую прочную связь с полками.

9) Штадив — в Верхнем Рогачике.

Подлинный подписали: Генерал-майор Скоблин
Вр. и д. начальника Штаба Генерального штаба капитан Месснер
Верно: Капитан Полянин.

* * *

Бои за Нижний Рогачик представляют из себя один из самых тяжелых периодов боевой жизни Корниловской Ударной дивизии, а потому описание их сначала помещается по книге «Корниловский Ударный полк».

Заднепровская операция оставила в душе Корниловцев горький осадок: опять все усилия, жертвы и победы оказались бесплодны. Энергия иссякала. Воля к победе надламывалась. Душа и тело требовали хоть кратковременного отдыха. Вместо этого Корниловская дивизия из Александровска сразу была послана для ликвидации налета неприятельской кавалерии на Большой Токмак. Только что дивизия пришла походным порядком в село Камышево, как было получено новое приказание — изменить направление и перейти в район Большой Знаменки для смены частей 2-й Армии. В дождь, снег, по непролазным дорогам потянулись Корниловцы снова к Днепру. 8 октября 1-й и 2-й полки были сосредоточены в селе Верхний Рогачик, а 3-й полк, сменив 6-ю и 7-ю пехотные дивизии, стал на позиции около деревень Ушкалка и Бабина. В Знаменку был послан сводный отряд из нескольких рот под командой полковника Пух. Настроение у Корниловцев было тревожное, все чувствовали нарастание событий. По дивизии был отдан приказ к неуклонному исполнению: полковых дам и сестер милосердия отправить в тыл. Не поднял настроения и отряд генерала Бредова, прибывший из Польши на пополнение Русской Армии. 13 октября 1-й полк получил срочно приказание немедленно выступить на помощь 3-му полку, в районе которого противник, накопив большие силы, переправился на левый берег Днепра. 1-й полк встретился с красными, уже сильно продвинувшимися за Днепр. 1-й батальон погнал одну группу красных на село Нижний Рогачик, а 2-й батальон оттеснил другую группу на деревню Ушкалка. Остатки 3-го полка были спасены. К вечеру было получено приказание — совместными действиями 1-го и 3-го полков произвести ночное наступление на Нижний Рогачик и овладеть им. 1-й полк пошел по левому берегу реки Рогачик, а 3-й полк должен был идти по правому. 1-й батальон не прошел и версты, как заметил колонну противника, двигающуюся навстречу ему по соседней дороге. Корниловцы притаились. Когда красные поравнялись с ними, две роты ударили в тыл красных, а две во фланг. Ошеломленные красные частью сдались, частью бежали назад.

Преследуя их, Корниловцы вошли в Нижний Рогачик, но были вынуждены сразу остановиться на южной окраине села: их встретили крупные силы противника. Всю ночь к красным прибывали свежие части с правого берега Днепра и накапливались в ста шагах от Корниловцев.

14 октября. Атаковать красных без 3-го полка полковник Гордеенко не решался, между тем противник сам повел атаки. До 5 часов Корниловцы отбивались и уже понесли большие потери, а 3-го полка все не было. Красные стали охватывать левый фланг полка, и полковник Гордеенко приказал отступить на бугры около села.

Командир 5-й роты подпоручик Пинский, желая избежать артиллерийского обстрела, уклонился от указанного пути отступления и повел свою роту другой дорогой. Внезапно налетела неприятельская кавалерия и рота была изрублена. К Пинскому подскакал кавалерист и выстрелом из нагана прострелил ему голову и левый глаз, причем пуля осталась во рту. Пинский очнулся, когда два кавалериста, ругаясь и чертыхаясь, отрезали ему шашкой палец руки, чтобы снять с него обручальное кольцо, и такова была сила воли у этого офицера, что он не издал ни одного стона, притворясь мертвым. После того, как красные ускакали, он нашел в себе силы доползти до полка. Поручик Пинский хотя и поправился от ранений уже в Константинополе, прожил не долго и скончался в Белграде, завещав свою фуражку и шашку Корниловскому Ударному полку.

(При переезде к брату в Польшу подпоручик Пинский был у меня в Болгарии, чтобы попрощаться, и тогда тоже поделился со мною подробностями его собственной трагической судьбы и его роты. Я в свою очередь рассказал ему, что мне пришлось увидеть, когда я взял Нижний Рогачик. Судьба и здесь нас не баловала: противник просто давил нас своим превосходством в числе, а мы были измотаны до предела и вели последние арьергардные бои. Полковник Левитов).

Спасся еще один офицер. Он шел в дозоре, когда на него наскочили два кавалериста. От первого удара шашкой он упал. Кавалеристы продолжали бить и колоть его, лежащего, потом соскочили с коней и принялись раздевать его Сняли с него сапоги, галифе, стали стаскивать гимнастерку. «Ишь как разукрасился золотопогонник!» сказал один, рассматривая офицерские отличия. «Жаль только, — промолвил другой, — что перемазали в крови новенькую одежду. Надо было бы сначала раздеть, а уж потом рубить». Офицер потерял сознание. Пришел он в себя, когда около него хлопотали два пехотных красноармейца. Они поддерживали его за плечи и лили из фляжки воду ему на голову. «Ну и изуродовали тебя эти сволочи кавалеристы», сказал один красноармеец. «На, испей воды! — а потом спросил: — Хочешь идти к своим?» Офицер кивнул головой. Красноармейцы подняли его, поставили на ноги и сказали: «Иди вот в эту сторону, ваши там, недалече. Авось как-нибудь доползешь». Офицер молча пожал руки своим врагам-спасителям и побрел, шатаясь и опираясь на винтовку. В околодке у него насчитали двадцать ран.

В ночном бою в селе Рогачике 1-й полк потерял половину своего состава. Генерал Скоблин выехал к месту боя, приказав 2-му полку немедленно идти туда же.

* * *

Привожу показания полковника Бояринцева, бывшего в этом бою в должности командира 3-го батальона 1-го полка.

«13 октября поздно вечером все командиры батальонов 1-го полка были вызваны в штаб полка. Ознакомив нас с положением на фронте, где наш 3-й полк с трудом сдерживал давление красных, переправлявшихся через Днепр, полковник Гордеенко прочел директиву штаба дивизии. По диспозиции 2-й полк должен был оставаться в резерве в Верхнем Рогачике, а 1-му полку приказывалось выступить на рассвете следующего дня на помощь 3-му полку. Оперативный план предусматривал обходное движение на Нижний Рогачик, заключительной фазой которого должен быть прорыв к переправе через Днепр, отрезая от нее красные полки. Одновременно 3-й полк должен атаковать Нижний Рогачик с фронта, гоня красных в мешок между собой и 1-м полком. Марш последнего был сделан с таким расчетом, чтобы захождение в тыл Нижнего Рогачика можно было начать с приближением сумерек. Полк в походной колонне, не встречая сопротивления, скрытно занял исходную позицию на буграх южнее Нижнего Рогачика. Впереди простиралась ровная, как стол, местность, упиравшаяся в деревню. Слева были видны темные заросли плавней на Днепре, поросшие камышом и кустарником. Где-то справа была слышна редкая стрельба, не то на участке 3-го полка или отряда полковника Пух, не то даже дальше, у Марковцев. Равнину пересекал ручей, уходя в плавни. 5-я рота капитана Пинского получает приказание рассыпаться вдоль этого ручья. Сумерки сгущаются. В направлении плавней маячат наши конные дозоры связи. Перевязочный пункт готовится к приему «гостей». Наконец 1-й батальон полковника Ширковского получает приказание атаковать Нижний Рогачик и захватить переправу через Днепр. Как на параде, разворачивается батальон. Спускаясь с бугров, его роты растворяются в сумерках. В напряженной тишине мы ждем. Внезапно эту тишину разрывает бешеная стрельба и крики «ура»: роты бросились в атаку. На фронте 3-го полка по-прежнему тишина. По интенсивности огня можно судить, что атака 1-го батальона не была неожиданностью для красных. Вместе с тем огонь не приближался и не удалялся. Было ясно, что Ширковский напоролся на крупные силы, продвигаться к переправе не может, но за деревню зацепился. Тот факт, что артиллерия обеих сторон молчит, но время от времени слышны разрывы ручных гранат, тоже был показателен: идет бой на короткой дистанции. «Видно, Ширковскому жарко», говорит полковник Лебедев, командир 2-го батальона. «Надо выручать!» отвечаю я. В это время подходит к нам полковник Гордеенко и, обращаясь ко мне, говорит: «Бери-ка свой батальон и, на-рысях, на помощь Ширковскому!» Сгустившаяся темнота дает возможность вести батальон развернутым фронтом. Выйдя на линию огня и левого фланга 1-го батальона (он висел в воздухе), нам представилась жуткая картина: идет не бой, а свалка. Корниловцы и красные перемешались так, что был трагикомический случай: командир 2-й роты капитан Редько вскочил в какой-то двор, полный солдат. «Какая рота?» спрашивает он. «Вторая», отвечают ему, и Редько, в полном

сознании своего права, начинает командовать этой ротой, пока не выяснили, что рота красная. Одну сторону занимали роты 1-го батальона, а противоположную красные. Не только стреляли почти в упор, но и ругались витиевато. В этом кромешном аду нахожу Ширковского. Увидя меня, этот бесстрашный человек с железными нервами почти заплакал, обнимая меня, — мы были с ним очень дружны: «Ах как хорошо, что тебя прислал Карпуша!» несколько раз повторил он. «Выкрутимся, Митя!» старался я его подбодрить.

В это время какой-то ударник подвел к нам старика, местного жителя. По его словам, пехота красных целый день переправлялась через Днепр и ею набита вся деревня. Конница же уходила в плавни. Пробиваться к переправе было безрассудно. Условились с Ширковским оставаться на месте до тех пор, пока 3-й полк не начнет атаку с фронта. Угрозу с фланга и со стороны плавней я закрою своим батальоном.

Перевалило за полночь. Перекатами шла стрельба. 3-й полк все молчал, а наши потери росли. Часа в два ночи увели раненым моего помощника, штабс-капитана Миловидова. Спустя еще некоторое время повисла плетью и моя раненная рука. Фельдшер наложил повязку, а батальон принял старший из ротных командиров подпоручик Новицкий. Предупредил его: на случай отхода не прижиматься к плавням, а идти открытым местом, не отрываясь от 1-го батальона, так как в плавнях, возможно, прячется красная конница. Найдя еще раз Ширковского, я пообещал ему доложить подробно командиру полка об обстановке и настоять или на отводе наших батальона из Нижнего Рогачика до рассвета, когда они попадут в ловушку, или на необходимости атаки 3-м полком с фронта, согласно диспозиции. Выслушав мой доклад, полковник Гордеенко посылает распоряжение: 1-му и 3-му батальонам отойти в исходное положение. Примерно через полчаса в штаб полка прибыл со своим адъютантом генерал Пешня. Ознакомившись с обстановкой, он карьером полетел в 3-й полк. Произошло драматическое объяснение между ним и полковником Щегловым. Мораль 3-го полка была сильно поколеблена неудачными попытками еще днем овладеть Нижним Рогачиком (почти целиком погиб батальон капитана Андрианова). Между тем 1-й и 3-й батальоны 1-го полка, оторвавшись от Нижнего Рогачика, начали отходить на бугры, к исходному положению. С фронта 3-го полка послышалось «ура». Полковник Гордеенко бросился навстречу своим батальонам и закричал: «Батальоны назад, в деревню, 3-й полк наступает (атакует)!» Налево кругом, и батальоны вновь бросились в деревню, а меня увезли на санитарной повозке в Верхний Рогачик, где оставались наши обозы. О дальнейшем развитии боя за Нижний Рогачик я знаю от уцелевших его участников. 1-й и 3-й батальоны снова зацепились за окраину деревни и снова попали на стальную стену пулеметов. Надвигался рассвет. На фронте 3-го полка прекратились не только крики «ура», но и не было слышно даже стрельбы. Положение батальонов 1-го полка стало трагическим. Спасительная ночь уходила. Наступил полный рассвет. Батальоны стали отходить, расстреливаемые на ровном месте перекрестным огнем пулеметов. Ширковского это не смущало, и он продолжал отходить по равнине, хотя и нес тяжелые потери, но поручик Но-

вицкий с 3-м батальоном, оторвавшись от 1-го батальона, стал инстинктивно искать укрытия прижимаясь к плавням, забыв мое предупреждение. Когда его батальон отошел на некоторое расстояние от деревни, из плавней вырвалась красная конница и началась рубка. Часть попала в плен, спаслись единицы. Та же конница заскакала в тыл 5-й роте, тоже погибшей почти целиком. Полк, меньше чем в половинном составе, был оттянут в резерв, а на его место был выдвинут 2-й полк. Бой за Нижний Рогачик закипел снова, но уже днем. Полковник Бояринцев».

По журналу боевых действий 2-го Корниловского Ударного полка. С 9 по 12 октября на фронте спокойно.

13 октября. Противник переходит в наступление. В 4 часа 1-я рота офицерского батальона поступила в распоряжение командира 3-го полка и была отправлена в Большую Знаменку, в группу полковника Пух. С 18 часов полк принял полную боевую готовность. В 20 часов полк перешел на северо-западную окраину села Верхний Рогачик и разместился по квартирам.

14 октября. В 4 часа 3-й и 4-й батальоны под командой полковника Силина отправлены в колонию Ольгофельд для усиления 3-го Корниловского Ударного полка. В 8 часов полк в составе двух батальонов. 1-го и 2-го, с 5-й и 6-й батареями выступил в колонию Ольгофельд. В 12 часов полк прибыл в колонию и получил задачу овладеть Нижним Рогачиком.

2-й Корниловский Ударный полк в полном составе, кроме 1-й офицерской роты, находившейся в отряде полковника Пух, двинулся согласно приказу на Нижний Рогачик. Холодный октябрьский ветер бился в коротких полах английских шинелей, надувал однобокими пузырями фуражки и посвистывал на кончиках острых штыков. Вокруг шелестели засохшие листья обезглавленных подсолнухов. Перед самым наступлением сделали привал. Ударники, заправляя полы шинелей под колени, уселись в котловинках спиной к ветру. Все потирали глаза, покрасневшие и распухшие от бессонной ночи, ветра и пыли. Вяло принялись за скромный завтрак из хлеба и сала Офицеры ушли на рекогносцировку. Начальство вернулось По лощинам, овражкам и балочкам ударники потянулись гуськом за своими командирами. В стороны, на пригорки, были высланы дозоры. Оттуда сразу открылся вид: впереди — почерневшие избы, белая колокольня, ветряные мельницы упираются в днепровские плавни, вокруг — обнаженные поля, по серому небу низко ползут свинцовые тучи. Беспросветно было и на душе. Коченея от холода, дозоры всматривались в серую мглу. Раскачиваемые ветром стволы подсолнухов казались наступающей пехотой, скачками пронесшаяся на горизонте стая собак померещилась кавалерией. Охватывала жуть. Дозоры объехал полковник Левитов, не отрывая глаз от бинокля. Наконец из одного овражка показался весь полк, он рассыпался веером и побежал в гору. Бой начался. Красных сбили с горы. Над наступающими низко стлались белые облачка шрапнелей, быстро разгоняемые ветром. Оторвавшись от Корниловцев, красные, подкрепленные резервами, перешли в контратаку. Из-за Днепра полетели тяжелые снаряды. Широкие столбы черного дыма с землей вздымались к свинцовым тучам, и тогда многие крестились мелкими частыми крестиками. Левый фланг полка стал

отступать, рота, стоявшая на правом фланге, заметила это, когда она осталась в одиночестве. Ударники бросились наутек. То и дело падали раненые, они кричали и хватались за развевавшиеся полы шинелей и мелькавшие сапоги... Сзади неслось улюлюкание. Корниловцы остановились как только увидели показавшуюся из-за холма резервную офицерскую роту.. Сердце еще колотилось, но у всех точно камень свалился с души. Офицерская рота шла стройной цепью, со штыками наперевес. Застрекотал люис. Только что бежавшие Корниловцы закричали «ура» и теперь покатились обратно красные, а за ними Корниловцы. Из плавней забила беглым огнем батарея красных. 13-я рота дала несколько залпов по плавням и залегла. Люди отдыхали. Где-то недалеко залегли и красные. Началась перестрелка. Легко раненные Корниловцы, точно пустые зерна, относимые на току ветром, скрывались из глаз за пригорком. Один ударник только что обернулся к соседу, как увидел его лежащим уже неподвижно, — на его смуглом виске виднелось черное пятнышко. К убитому подошел его земляк, сокрушенно покачал головой, перекрестился и сказал: «Царство ему небесное!», а потом обшарил карманы убитого и вытащил бумажник и хлеб, который тут же стал есть. Стрельба у красных усилилась. Над стеблями кукурузы стали видны тонкие струйки пара, поднимавшиеся от клокотавших пулеметов. Красные поднялись и цепями, одна за другой, пошли на Корниловцев. 13-я рота стала отходить, но уже в полном порядке, непрестанно отстреливаясь. Следом за Корниловцами ползли раненые. Вспоминая этот бой, ударник Дегтярев записал свои впечатления о том, как воевали отдельные ударники из бывших красноармейцев: «Был и у нас один ударник из пленных, который все время выбегал вперед и становился стрелять с колена. А история этого ударника такова: в 19-м году он попадает в плен к белым и назначается во 2-й Корниловский Ударный полк, участвует в походе на Орел, но при отступлении заболевает тифом и остается в г. Харькове. По выздоровлении он отправляется к себе на родину, в Пензенскую губернию, где долго скрывается от повторных мобилизаций и от налетов заградительных отрядов, но в конце концов был вынужден идти служить. Его отправляют на Южный фронт, он снова попадает в плен и опять оказывается во 2-м Корниловском полку, но уже со своим меньшим братом и несколькими земляками». А вот был и еще ударник, бывший пленный, мой земляк — Тихомиров. Получил он некоторое образование, слыл за белоручку и имел наклонность тереться около штаба, но вот попал на позицию и показал себя примерным героем. Последний раз я его видел уже к концу боя, — он бежал впереди меня, заряжая на ходу винтовку, а за несколько дней до того он вытащил из кармана сторублевую царскую бумажку и говорит: «Если меня убьют, обязательно забери деньги, не хочу, чтобы они доставались красным»..

Бой под Рогачиком длился до самого вечера. Много раз противники сходились вплотную, и Корниловцы даже врывались в село. Офицеры-пулеметчики даже вскочили в один двор и со своими лопатками набросились на красных. Хозяин двора стоял около клети, глядел на свалку и только приговаривал: «Чи красные, чи белые?» Корниловцы захватили все село, когда уже стемнело. **Посреди села, на площади около церкви, были поло-**

жены трупы всех взятых в плен Корниловцев, раздетых и перебитых. Холодным светом освещала луна искаженные лица. Корниловцы прошли село и остановились перед плавнями, полосой в несколько верст перед Днепром, заросшей кустарником и лесом. Никто не знал, ушли ли красные за Днепр или же притаились где-нибудь здесь. Корниловцы дали несколько залпов по плавням и разошлись по избам. Не раздеваясь, с винтовками под боком, все сразу завалились спать. Даже когда подъехали кухни, редко кто зазвенел своим котелком. Поставленные посередине улицы снятые с передков пушки охраняли тяжелый сон Корниловцев.

В этом бою и 2-й Корниловский Ударный полк понес большие потери убитыми и ранеными, около 200 человек. Трофеями полк тоже не мог похвалиться, так как в плен здесь не брали из-за жестокости со стороны красных, а собирать брошенное противником из-за усталости и ночного времени просто не было сил. Большое количество убитых и раненых, брошенных красными на поле боя, свидетельствовало о силе нашего огня, особенно пулеметного, и нашей превосходной артиллерии.

15 октября. На рассвете кавалерия противника сделала налет на Нижний Рогачик. О присутствии таковой 2-й полк знал от 1-го полка и к тому же воочию убедился в ее работе по многочисленным трупам как в самом селе, так и в поле. Поэтому, несмотря на полное переутомление от пережитого в бою 14-го, все были на-чеку. Артиллерия с вечера заняла соответствующие позиции на этот случай, а за ней наши 64 пулемета тоже устроились поудобней для боя с кавалерией. Передвижение в большом количестве кавалерии в условиях, для нее весьма неподходящих, по кустам и зарослям плавней, дало нам возможность обнаружить ее намерения и принять соответствующие меры. К ее подходу к селу почти все были на своих местах и потому красные были встречены нами всей мощью нашего огня с близкой дистанции. От пленных узнали, что вслед за кавалерией переправились две стрелковые дивизии, которые, услышав начало боя, спешили к селу. Уверен, что передвижения по плавням были затруднительны, и потому все это двигалось по центральной дороге от переправы к селу и благодаря этому само попадало под действие приготовленного нами здесь огня. Пока артиллерия красных вела пристрелку по нашим батареям и пулеметам, мы уже свое дело сделали, смешав передовые части красной пехоты. Ее повторные попытки наступать успеха не имели, мы загнали ее в заросли и громили артиллерией переправу. В это время был получен приказ начальника дивизии об оставлении Нижнего Рогачика и переходе в колонию Ольгофельд.

«Значит, опять где-нибудь неувязка», думали Корниловцы 2-го полка, покидая Нижний Рогачик, так дорого им доставшийся.

Отходом нашим противник не воспользовался, и полк выступил из села, имея нормальное распределение огня в ожидании налета больших сил кавалерии противника. По прибытии в колонку Николайсберг в 17 часов он тут же был вызван в Верхний Рогачик. Не доходя версты до села, полк, к своему удивлению увидел, как к югу от него разворачивается полк кавалерии и идет на нас в атаку. Моему удивлению не было предела, и я срочно, через конных, отдал приказание колонне строиться к отражению

атаки со стороны Верхнего Рогачика. Противник артиллерии не имел, а потому шаблонное построение полка прошло быстро и красные были встречены огнем в упор и просто сметены с поля боя. Профессор, Генерального штаба полковник Е. Э. Месснер в своей статье: «Немного о тактике» высказывает сожаление о том, что Корниловцы мало описывают в своем бюллетене эпизоды, создавшие славу Корниловских Ударных полков и дивизии, и к таковым он относит переход колонной 1-й Корниловским Ударным полком с острова Хортица на правый берег Днепра и... «как полковник Левитов построил свой полк в каре для отбития конницы подле Верхнего Рогачика. Все это и многое другое чрезвычайно важно для прославления Корниловской Ударной дивизии и чрезвычайно поучительно для учебников тактики в будущем».

В этих боях был и сам полковник Месснер, тогда временно замещавший нашего начальника штаба дивизии полковника Капнина.

(Упрек правилен, но он частично смягчается всеми препятствиями, сопровождавшими нас в эмиграции, и что теперь я исправляю перепечатыванием своих трудов пока что на машинке. Полковник Левитов)

Эта вторая кавалерийская атака за день на полк была довольно легко нами отбита. Первая — ранним утром, из плавней, — была встречена дружным пулеметным и артиллерийским огнем, потому что полк еще не двигался, и все стояли на своих местах в ожидании этой атаки. Успех же отражения второй атаки заключался в обычном для 2-го полка распределении пулеметов и артиллерии в походной колонне, что часто и совершенно справедливо отмечается в нашем журнале боевых действий. Особенно строго это соблюдалось при наличии у противника кавалерии. Каждая пулеметная команда шла со своим батальоном, а батареи — через один или два батальона. Такое распределение огня легко и на все сто процентов могло быть использовано в любом направлении, до каре, включительно, избегая в то же время опасного скопления от огня противника. Растянувшаяся походная колонна всегда имела при себе заранее приданные средства огня, а потому, смотря по обстановке, занимала свои места с подходом батальонов или же на линии, где их застала тревога.

Вот что теперь, в Париже, в 1965 году, дополнил к описанию этого боя 2-го полка капитан Кривошеев, бывший тогда при штабе дивизии и как раз передававший мне от начальника дивизии приказание отходить из Нижнего Рогачика в Верхний Рогачик через колонию Николайсберг, где 1-й Корниловский Ударный полк должен был остаться в арьергарде (это определение места полку тогда не отвечало назначению, так как положение почти полного окружения дивизии обязывало ждать ударов противника отовсюду). Дополнительно к этому тот же капитан Кривошеев сообщает и то, почему 2-й Корниловский Ударный полк по выходе из колонии Николайсберг был атакован с юга, от Верхнего Рогачика, где должны были находиться штаб дивизии, лазареты и обозы. Капитан Кривошеев еще до начала атаки привез мне в колонию Николайсберг приказание изменить движение по выходе из колонии, взяв направление на восток, по полевой дороге, на указанную высоту, куда отступала сводная группа полковника Пух, окруженная кавалерией, и куда выехал сам начальник дивизии со

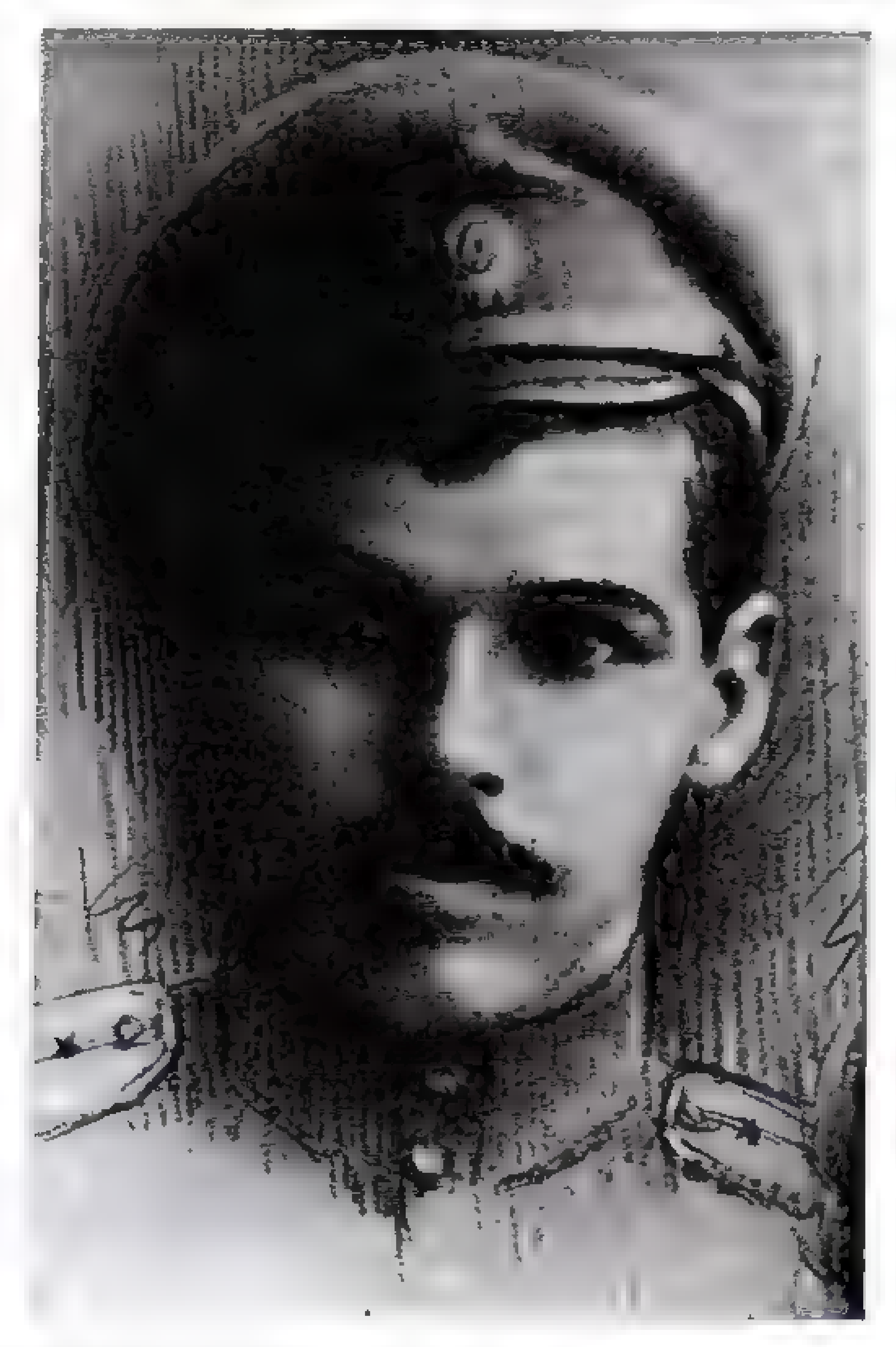
своим конным дивизионом. Когда, после передачи мне приказания, капитан Кривошеев возвращался, то он видел, как красная конница пошла в атаку на 2-й Корниловский Ударный полк, то есть прямо в лоб полку, а в это время помощник начальника дивизии генерал Пешня «удирал» с группой конных из Верхнего Рогачика, а сам капитан Кривошеев едва не попал под удар атаки красных. Оказывается, что отступавшая к Верхнему Рогачику сводная группа полковника Пух был полностью окружена конницей, часть которой подошла к самому Верхнему Рогачику, но увидев идущий туда же с севера 2-й Корниловский Ударный полк, она лихо его атаковала и так же лихо от него и отскочила, будучи встречена сильным пулеметным и артиллерийским огнем. В данном случае части дивизии знали, что действует конница в больших соединениях, а потому применяли на походе распределение пулеметов и артиллерии по-батальонно. Даже такая неожиданная атака противника имела дело с нашим моментально построенным каре, углы которого были заполнены по батальону пехоты со своими пулеметами и артиллерией. Таким образом атака противника в любом направлении всегда имела против себя 2/3 всего огня полка, если не больше.

В этот день, около 18 часов, по дороге на село Большая Знаменка и недалеко от той высоты, куда с похода был направлен 2-й Корниловский Ударный полк, был ранен начальник дивизии генерал Скоблин, и во временное командование дивизией вступил генерал Пешня. В этот исключительно тяжелый для Корниловской Ударной дивизии день даже ранение начальника дивизии было отмечено короткой фразой, хотя управление его дивизией в этом бою, при колоссальном превосходстве сил противника, не могло дать лучшего, и мы с достоинством отходили. **Если где человеческие силы и сдавали, то только потому, что, не забудьте, с момента пополнения после штурма Каховки былое упорство Корниловцев ушло в прошлое. Несмотря на это, нужно удивляться тому, как вчерашние красноармейцы жертвенно умирали за честь национальной РОССИИ.**

Описание ранения генерала Скоблина привожу с точки зрения трех лиц, где общим является только факт ранения, но обстановка обрисовывается в зависимости от места их наблюдения.

По традиции опрос мнений в военной среде начинают с младшего, а потому я и привожу копию записи по затронутому вопросу офицера 1-й офицерской роты 2-го Корниловского Ударного полка поручика Дудниченко, роты, переданной в эти дни в отряд полковника Пух. «1-я офицерская рота 2-го Корниловского Ударного полка была назначена в распоряжение полковника Пух, командовавшего группой из трех рот 3-го Корниловского Ударного полка, одной инженерной роты под командой полковника Добровольского и одной 4-орудийной батареи, охранявших село Знаменка на Днепре. В первую ночь по нашем прибытии в Знаменку мы испытали очередной набег местных коммунистов, скрывавшихся в днепровских плавнях, и в ту же ночь нам пришлось оставить село и расположиться на ночлег в огромном разрытом кургане (могиле), отстоявшем от села в двух верстах. Спать мы могли под открытым небом только тесно прижавшись спиной к спине и с винтовками в руках. Несмотря на то, что был октябрь месяц, спать нам было тепло, потому что (о чем мы узнали, когда

проснулись) мы были изрядно притрушены снегом. Рано утром мы были разбуждены кавалерийским сигналом: «В атаку!». То был сигнал красной конницы, этой ночью перешедшей Днепр. Был страшный туман и до при-



Подполковник Роман Филипович ПУХ в бытность его командиром 3-ей офицерской роты Корниловского Ударного полка в 1-м Кубанском походе. Потом в Северной Таврии он был помощником командира 3-го Корниловского Ударного полка.

ближения к нам противника ближе, чем на ружейный выстрел, мы ничего не предпринимали, так как не знали, да и не ждали ничего подобного.

Когда мы спустились с кургана, туман оказался менее густым, чем он был наверху, и тем явственней представилась нам действительность нашего положения. По всему фронту нашего участка, от края до края, мы увидели несметные силы красной кавалерии, которая подходила к нам все ближе и ближе. Наконец дистанция между нами уменьшилась до того, что мы стали ясно слышать их крики и брань по нашему адресу. В ответ на это мы на минуту останавливались, давали два-три залпа то в одну, то в другую сторону, и продолжали отступать. Мы несли огромные потери убитыми и ранеными. Всех раненых нашей роты мы подбирали на пулеметные тачанки и нагружали их столько, что нельзя было уже и стрелять из пулеметов. У всех пулеметчиков, сидевших на конях, было по два-три человека раненых. Наша артиллерия при безостановочном отходе пехоты не могла стать на позицию всей батареей сразу и стреляла одним орудием, меняя позицию каждые пять минут. Красные обнаглели до того, что покушались идти на нас в атаку. Мы тоже пытались применить строй, принятый для отражения кавалерии, но нам это не удавалось, так как составлявшие группу части 3-го полка были деморализованы тем обстоятельством, что первый из храбрейших и храбрых не выдержал и на тачанке исчез. Через несколько минут был ранен и заместитель полковника Пух полковник Удовицкий, который тоже оставил нас. Все солдатские части, составлявшие группу, прильнули к офицерам, ища у них защиты и спасения, но увы, многими из нас овладела паника. Даже такой огромной воли человек как штабс-капитан Малик вынул револьвер и приготовился. Начальник пулеметной команды офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка бесстрашный подпоручик А. П. Бондарь 1-й, который тоже вез на своем коне двух раненых офицеров, приказал для прикрытия отхода всей группы к селу выставить пулеметы на мельницу, но напрасно... На нашем правом фланге инженерная рота, оставленная своим командиром, обращается в бегство... Фланги кавалерии противника все больше и больше смыкаются и грозят отрезать нас от села. В этот поистине страшный момент на нашем левом фланге появляется наш Корниловский конный дивизион с начальником дивизии во главе и с криком «ура» бросается на правый фланг противника, а в это же время на нашем правом фланге командир 1-го батальона 3-го полка капитан Марченко с револьвером в руках останавливает бегущую инженерную роту. Во всем наступлении красных происходит замешательство, и мы входим в село. Мы спасены, но ранен генерал Скоблин, начальник нашей дивизии, который в этом бою в последний раз подал нам пример беззаветной храбрости и тем спас многие, многие жизни для того, чтобы продолжать еще неоконченную борьбу за освобождение великой РОССИИ. Поручик Дудниченко, Париж, 1937 г.».

Теперь я кратко приведу свое впечатление о ранении генерала Скоблина с точки зрения командира 2-го Корниловского Ударного полка.

После отражения 2-м полком атак кавалерии и пехоты у Нижнего Рогачика полк оттягивается начальником дивизии в Верхний Рогачик. 1-й полк, бывший в это время в резерве дивизии, был оставлен в колонии Ольгофельд, в арьергарде. Не доходя до Верхнего Рогачика 2-й полк был атакован со стороны этого селения кавалерийским полком красных. Со-

здавалось впечатление, что Верхний Рогачик уже занят красными, но потом узнали, что красные скорей всего были из группы, атаковавшей отряд полковника Пух. Нашим огнем противник был разбросан во все стороны и исчез. В этот момент мной и было получено приказание выдвинуть полк на высоты к северо-востоку от Николайсберг. Полевой дорогой полк подходил к месту назначения, прикрываясь с севера легкой, параллельной движению возвышенностью. Я с командой конных разведчиков ехал по северному склону ее на уровне головы своего полка и хорошо видел впереди себя, в верстах может быть двух, генерала Скоблина со своим начальником штаба тогда капитаном Месснером в сопровождении своего конного дивизиона. С севера всюду маячили разъезды красных и слышались редкие артиллерийские выстрелы. Об отходе группы полковника Пух я тогда еще не знал. Остановившись для осмотра местности в бинокль, я увидел такую картину: наш конный дивизион в походной колонне как будто смешался и часть его отскочила в сторону красных. Минут через десять узнали, что начальник дивизии ранен, но отступавшей группы полковника Пух еще не было видно от меня.

Полагаю, что разгром моим полком красной кавалерии под Верхним Рогачиком и наше движение на высоты в сторону отступавшей группы полковника Пух красные заметили и отказались от общей атаки подобно тому, как и разбитая нами этим утром под Нижним Рогачиком их стрелковая дивизия. По данным того времени, поведение полковника Пух, начальника горячего, часто игравшего по пустякам со смертью, объяснялось тем, что он, видя неминуемую гибель отряда, — ведь он был окружен кавалерией красных в расстоянии не менее десяти верст от резерва дивизии и потому, не получая ответа на свои просьбы о помощи, он решил сам воздействовать на начальника дивизии. А может быть еще и потому, что у отступающих тогда не было ни телефона, ни конной связи, так как все было занято под раненых. Вообще же здесь противник навалился на нас основными своими силами в колоссальном перевесе в его пользу и нам оставалось только почетное отступление. Нелегок был путь Корниловца при наступлении, но при отступлении тяжесть его увеличивалась в несколько раз, особенно с моральной стороны, и не каждому, измученному и измотанному в ежедневных боях дано природой побороть в себе это чувство в нужный момент. К тому же полковник Пух только в Крыму вернулся к нам после тяжелого ранения в бою под Ставрополем в сентябре 1918 года с раздроблением пятки, перенеся несколько операций, но, несмотря на это, от ходьбы он страдал.

Взгляд рядового бойца на роль его начальника не всегда совпадает с требованиями обстановки. В данном случае порыв полковника Пух для спасения своего отряда был рассчитан правильно, и его отряд движением моего 2-го полка был спасен.

Мнение о том же временно исполнявшего обязанности нашего начальника штаба дивизии тогда капитана, а ныне профессора, Генерального штаба полковника Евгения Эдуардовича Месснера. В частном письме ко мне он так освещает это: «Генерал Скоблин предполагал с высоты стоявшей

перед нами мельницы осветить картину происходящего, но был ранен разъездами противника».

Вывод: появление начальника дивизии со своим конным дивизионом и 2-го Корниловского Ударного полка в направлении отступления отряда полковника Пух оказало своим маневром с отбитием атак красных благотворное влияние на исход боя и, полагаю, что это согласованное появление в нужное время и в определенном месте было не без участи начальника отступавшей в окружении группы Корниловцев полковника Пух. Полковник Левитов.

* * *

16 октября. В 4 часа 2-й Корниловский Ударный полк в составе дивизии прибыл в Ново-Екатериновку. Сторожевое охранение от полка выставлено на северо-запад и северо-восток.

17 октября. В 13 часов полк с боем перешел в село Рубановка. Переход — 12 верст.

18 октября. Из Рубановки Корниловская Ударная дивизия идет на Нижние Серагозы, откуда после часового привала — в село Агайман. От себя добавлю, что переход Нижние Серагозы - Агайман прошел для нас без боя, но мы были свидетелями блестящего для нас боя наших частей с пехотой и особенно с кавалерией красных. По пути на Агайман, когда стало едва светать, пехотная часть красных спешила в колонне опередить нас. Двигалась она быстро и, по-видимому, ворвалась в интервал между нами и нашими сеседями. Мы готовились отбросить их, но в это время с запада от нас по красным был открыт сильный артиллерийский и пулеметный огонь, красные смешались и в это же время с севера какая-то наша кавалерийская часть понеслась на них в атаку. В десять минут все было кончено, и мы продолжали наше движение спокойно. После мы узнали, что это были наши старые знакомые, — латыши. Полковник Левитов.

Днем же перед нами разыгралась картина другого масштаба. Обстановка к этому дню сложилась так, что на участке нашего движения 1-я конная армия Буденного опередила нас и едва не ворвалась в Крым, но, получив отпор на перешейках, сама оказалась прижатой нами к Сивашам и должна была прорываться через отступающую 1-ю Армию генерала Кутепова. Перед нами, прямо на Агайман, сам генерал Кутепов вел всю подчиненную ему конницу и Дроздовскую дивизию, составлявшие его ударную группу. Я мог наблюдать верст на пять все поле боя. Полки красной конницы развернулись раньше наших, и их излюбленный прием — устрашать врага блеском своих шашек, задолго до шока извлеченных из ножен, действительно производил довольно мрачное впечатление. Стальное громадное поле, зловеще сверкая, катилось в нашу сторону с юга. Наши шли «ящиками». Как после выяснилось, за этими «ящиками» маскировались 8 настоящих бронеавтомобилей и 22 «форда» с пулеметами. Когда расстояние между противниками сократилось до нормального перехода в атаку, наши кавалерийские «ящики», стали разворачиваться, как бы выбрасывая вперед свое содержимое, — броневики. Эффект был поразителен, красные смеша-

лись на близкой дистанции перед нашей кавалерией и, поливаемые огнем пулеметов и артиллерии, обратились в бегство. В этом бою одна из дивизий 1-й конной армии Буденного сильно пострадала. Сам же Буденный не был захвачен Дроздовцами только потому, что автомобиль, на котором он удирал, был принят за броневик. Его брошенным нетронутым обедом воспользовались наши артиллеристы, отдав должное гусям с яблоками и прочему.

Этот бой показал, что 1-ю Армию генерала Кутепова, пока она в кулаке, красным не разгромить. Хотя общее положение от этого не менялось, но сознания наличия у нас данных для почетного выхода из критического положения возросло, и все приободрились. **Я опять должен отметить здесь поражавшее меня в последних боях явление: это упорство бывших красноармейцев драться на нашей стороне.** Они часто шли без шинелей, с соломой под рубахой, но с винтовкой в руках. В этом для меня открывалась вся трагедия русского народа, поддавшегося сначала разложению нашей милой так называемой «интеллигенции», а потом силой чекистов Дзержинского и обманом агента Германии Ленина загнанного в красную армию для борьбы с нами.

19 октября. В 20 часов Корниловская Ударная дивизия через с. Отрада шла на село Рождественское, которое занималось 14-й кавалерийской дивизией красных, тоже выходившей из-под нашего удара с тыла. В селе Отрада для Корниловской Ударной дивизии квартир для ночлега не оказалось. Назначенная для освобождения села Рождественское конница из-за переутомления просто не могла двигаться, и потому Корниловцам было приказано продолжать движение и занять квартиры 14-й советской кавалерийской дивизии. В авангарде шел 2-й Корниловский Ударный полк. О том, кто и какими силами занимает село Рождественское, командир полка при выходе из села Отрада не знал. Только в пути, от подводчиков и наших конных разведчиков было установлено наличие в селе 14-й кавалерийской дивизии Буденного. Застигнутый врасплох противник в панике бежал, обозначив попытку несколькими эскадронами отбросить нас. Конечно, кавалерию Корниловцы переловить не могли, но трофеи были приятные: только нами было взято более 250 коней с седлами, одна батарея в полной запряжке, остальные орудия были брошены перед незначительными препятствиями, были захвачены офицеры-артиллеристы, много раненых, повозки с провизией и разным полезным для нас грузом. Переход — 42 версты.

Благодарность Командующего 1-й Армией генерала от инфантерии К У Т Е П О В А за взятие села Рождественка (копия с собственноручно написанной им):

«Несмотря на 80-верстный переход при тяжелых условиях, все время ведя бои, доблестные Корниловцы блестяще выполнили возложенную на них задачу, чем дали возможность конкорпусу расположиться на ночлег. **Благодарю родных Корниловцев за блестящие действия, еще раз подтверждающие их доблесть.**

Командарм 1-й генерал КУТЕПОВ».

Этот ночной бой пехоты с кавалерией настолько интересен, что я приведу отзыв о нем начальника штаба нашей дивизии, ныне профессора, Генерального штаба полковника Евгения Эдуардовича Месснера и свой.

В информационном бюллетене «Корниловцы» № 49 за октябрь-декабрь 1961 года, в статье «Нападение с налета», после общего освещения положения прорвавшейся конницы 1-й конной армии Буденного через 1-ю Армию генерала Кутепова полковник Месснер пишет:

«В селе Отрада генерал Кутепов сказал, что селение не может вместить всех войск, но пока что Рождественка занята одной из дивизий Буденного, а потому Корниловской Ударной дивизии ставится задача выгнать оттуда красных, чтобы там мог стать на ночлег конный корпус. Корниловцам ночевать тоже там же, в Рождественке. Утомленные за сутки переходом, пошли Корниловцы «застилать постели» кавалерии. Когда мы подходили к Рождественке, исполняющий обязанности начальника дивизии (раненого) генерал Пешня сказал мне: «Устали мы, чтобы драться... Давайте спугнем красных. Несколько выстрелов по селу из пушек, и красные зададут лататы». Я поехал распорядиться, чтобы одна из батарей открыла бы огонь. Но лишь только я возвратился к генералу Пешня, как к нему приехал офицер из головной заставы и доложил: «Красные не выставили сторожевого охранения, не имеют даже постов у входа в село. Головная застава остановилась в ожидании приказания, входить ли ей в село». Выслушав это, полусонный генерал быстро пришел в себя, в нем проснулся охотничий азарт. «Прикажите батарее огня не открывать! 2-й полк, вперед! Быстро!... Захватим их спящими». И он поспешил к головной заставе. Я послал штабного офицера на батарею и со штабом нагнал начальника дивизии. Когда мы уже были у входа в село, раздался артиллерийский выстрел, посланный офицер опоздал на несколько секунд. Дальнейших выстрелов не последовало. 2-й полк ворвался в село, вытаскивая из хат сонных буденовцев, захватывая поседланных лошадей. Начальник дивизии и командир полка принимали деятельное участие в этой чистке села. К сожалению, артиллерийский выстрел разбудил часть красной дивизии, и ее полки, ночевавшие подальше от входа в село, куда мы ворвались, успели улепетнуть. Но нам все же достались сотни пленных и множество лошадей. Если бы генерала Пешня не соблазнила мысль накрыть сонного противника, если бы мы не взяли село с налета, то, вероятно, завязался бы бой. Мы понесли бы потери, мы бы не нанесли противнику столько урона и, может быть, до утра не очистили бы село для ночлега в нем конницы и для собственного отдыха. Неожиданность нападения и скорость нашего удара дали нам быструю победу без малейших потерь. Подпись: Полковник Месснер».

Теперь позволю себе и я привести свое, тогда записанное впечатление об этом лихом налете моего 2-го Корниловского Ударного полка на село Рождественка после ряда тяжелых боев и больших форсированных переходов. В селе Отрада около полуночи мной был получен приказ от начальника дивизии занять село Рождественку. Предполагалось, что мы оставались в окружении конницы противника, но в пунктах неопределенных. Люди и лошади едва волочили ноги. До села было около 8 верст. С голов-

ным батальоном был мой помощник по строевой части полковник Лысань, Антон Евтихиевич, я же был с главными силами полка. Не доходя до села двух верст, мы получили донесение от наших конных разведчиков и от побывавших в селе наших каких-то квартирьеров, посланных, повидимому, кавалерией по первоначальному распоряжению, и от них узнали, что в селе стоит 14-я кавалерийская дивизия красных и части ее собираются в поход на север. В это время подскакивает ко мне и полковник Лысань с аналогичным докладом, дополненным тем, что головной батальон полка теперь уже в огородах села и что движение противника нача лось. Получив от меня приказание наступать не останавливаясь, он ускакал. В это время раздается артиллерийский выстрел. Меня это так удивило, что я сам решил узнать, почему мои батареи вдруг открыли огонь. Минут через пять, по пути, я встретил группу всадников и, приняв их за наших артиллеристов, спрашиваю довольно резко: «Кто приказал вам открывать огонь?». «Это я», отвечает мне генерал Пешня. Я был очень удивлен его присутствием здесь и его вмешательством в мои обязанности, не сдержался и ответил ему «Ваше Превосходительство, может быть разрешите мне исполнение полученного приказа мне и закончить?» Генерал что-то мне ответил, но я уже ехал на место начавшегося боя. После об этом генерал Пешня мне не напоминал, и я отношу это к тому, что я с ним был однокашником по Виленскому военному училищу Несмотря на то, что противник был хорошо покрыт почти в упор ружейным и пулеметным огнем, он все же сделал попытку двумя эскадронами атаковать полк в левый наш фланг. Это ему не удалось, так как к этому месту и подходил центр полка, наперерез красным. Отрезанная от своего пути следования масса красных бросилась все же на север через дворы и огороды, но это было не так просто сделать коннице и особенно артиллерии с обозами. Наступал рассвет, и мы воочию могли убедиться в успехе нашего налета. Неудачный артиллерийский выстрел у нас, в шутку и сгоряча, называли «предательским». С ним все село зашумело, как муравейник. Не будь его, — это было бы вторым номером разгрома нами конного корпуса Жлобы. Происшедший здесь со мной случай характеризует, насколько красные были ошеломлены. Наступивший рассвет застал меня посередине довольно широкой улицы, передо мной группа ударников кому-то указывает руками в моем направлении. Я подъезжаю к ним и вижу: несколько красных офицеров ищут старшего начальника, ведшего этот бой. Отвечаю, что это я, и тут же спрашиваю их, какой они дивизии и где их начальник дивизии. Ответ: «Здесь была 14-я кавалерийская дивизия Буденного, а ее начальник только что убежал через огороды». Один из них вдруг говорит мне: «Разрешите в память блестящего для вас боя преподнести вам ценную для нас плетку». Чтобы прекратить ненужный разговор, я, не спрашивая даже, почему она была ценной для них, взял ее, а им отдал свою, калмыцкую. Плетка оказалась самой простой и до сего времени хранится у меня, как память о действительно блестящем деле 2-го Корниловского Ударного полка в особо критический для него момент. Я только напомнил красным офицерам о том, что некоторые полки 14-й кавалерийской дивизии совместно с 45-й пехотной дивизией, где я служил в первую великую войну,

ведь усмиряли первое восстание большевиков в Петрограде, и спросил, как теперь они дошли до жизни такой? Ответ одного из них был таким: «Да, так, все слушались приказов». Отъезжая, я сказал им, что наше положение им известно, а потому нам пленные не нужны и поэтому лучше было бы с места боя им зайти в первую попавшуюся избу.

Трофеи превзошли все наши ожидания: только нами было взято согласно записи в журнале боевых действий полка 250 лошадей с седлами (с тем, что взяли другие наши полки и кавалерия доходило до 600), батарея в запряжке, остальные орудия тоже были брошены перед незначительными препятствиями, и много повозок с ценным для нас грузом провианта. Досадным было только то, что мы не устроили погони за начальником 14-й советской кавалерийской дивизии, но виной тому было полное истощение физических сил Корниловцев. Мой помощник — полковник Лысань — после подтвердил слова красных офицеров: по его словам, когда он с це-

Подполковник Лысань А. Е. командир пулеметной роты 2-го Корниловского Ударного полка и в Крыму помощник командира этого полка.

пями головного батальона был около середины села, прямо на него на карьере в тумане налетели два красных кавалериста с заводным шикарным конем. Выхватив свой маленький испорченный револьвер, он закричал им: «Стой»!, и красные кубарем спешились. На вопрос, куда они скакали, ответили, что ищут начальника 14-й кавалерийской дивизии и что вот его конь. Конь был действительно красавцем.

Пусть не смущают читателя небольшие расхождения в описании боя нашим начальником штаба дивизии Генерального штаба полковником Месснером и моим, - оба отвечают действительности, но только наблюдения наши велись с разных занимаемых нами должностей. Генерал Пешня, как начальник дивизии, имел, конечно, право вмешаться, я же вести детали

боя согласно полученному от него же приказу, что считал своей привилегией, о чем и осмелился напомнить своему начальнику. Полковник Левитов.

20 октября. Начиная с утра красная кавалерия повела яростные атаки на село Рождественское и Отрада. У нас отбивала атаки наша кавалерия, принимала участие и Корниловская артиллерийская бригада, а мы имели на окраине села дежурные батальоны. А в Отраде, как сообщалось, Дроздовцы отбили до 11 кавалерийских атак. Надо полагать, что товарищ Буденный был сильно обижен на нас за Агайман и Рождественку.

В 10 часов Корниловская Ударная дивизия выступила из села Рождественское в имение Струково, в Крыму.

Остаток дня, ночь и следующий день Корниловцы были в походе, останавливаясь только на небольшие привалы. Большинство ударников 2-го Корниловского полка были на повозках, очередь на повозки соблюдалась строго, но часто, в критические минуты, когда противник наседал, приходилось спешиваться, артиллерия по-орудийно отстреливалась Повозки шли в 5-6 рядов. С наступлением ночи, когда подобного рода движение «выматывало душу», прикрывавшая нас конная застава на карьере, молчком, пересекая наше движение, пронеслась куда-то к своим. Полк спешился, пулеметы выдвинулись вперед, подравнялась и артиллерия, обозы строго держались в порядке, движение почти приостановилось. Действительно, навстречу нам в темноте двигалась масса чьей-то кавалерии. Я со своим ординарцем, поручиком Дяйкиным, выехал немного вперед. Ясно стали доноситься слова: «Спокойно, товарищи, спокойно!» Расстояние настолько сократилось, что я крикнул ближайшим всадникам: «Какого полка?» Ответ: «Такого-то советского кавалерийского полка!» Рев нашего ружейного, пулеметного и артиллерийского огня был ответом на это. Кого я спрашивал, — лежали вместе с конями. Минута, когда я в гробовой тишине кричал: «Какого полка?», действительно была торжественной по своей трагичности. Ее и теперь, в 1963 году, в Париже, поручик Дудниченко вспоминал так: «Когда полк выстроился и шум кавалерии все нарастал, нервы у всех напряглись до предела, мой вопрос произвел такое впечатление, что один старый ударник, физически крепкий, — упал в обморок».

Сила нашего огня все смела. Сопровождавший меня поручик Дяйкин хотел по моему приказанию узнать у ближайшего лежавшего красного подробности, но он был уже мертв, пришлось взять его огромную кожаную сумку. Оказалось, что ее владелец был интендантом какой-то красной кавалерийской дивизии и что они, как сказали раненые красные, шли на прорыв из нашего оружения. Дальше ночной поход продолжался нормально, но по-старому, в несколько рядов.

21 октября. День принес с собой опять массу неприятностей: кавалерия противника все время нас преследовала, и наша артиллерия снова по-орудийно становилась перекатами на позиции и отгоняла красных. По ровной степи мы подходили с северо-запада к станции Алексеевка и казалось, что мы скоро укроемся от противника обещанными укреплениями Чонгарского перешейка. Однако и красные учли это положение и их пехота спешила наперерез нам с севера с целью закупорить узкий проход на полу-

остров и прижать нас к водам лимана. В этот критический момент казавшаяся до этого мертвой станция Ново-Алексеевка ожила: беглый огонь нашего бронепоезда без промаха косил красных, сметая передовые их цепи, но их заполняли бегущие за ними. Строевой части полка пришлось остановиться, пропуская вперед, к Чонгарскому перешейку, наш обоз. Наша артиллерия тоже открыла огонь, затрещали пулеметы, и противник сначала смешался, а потом стал бежать назад, преследуемый артиллерийским огнем. Не скажу, чтобы с радостью Корниловцы проходили за окопы с жидкой проволокой так называемых «Чонгарских укреплений», они их мало интересовали, а давила их горечь неудачи выхода на просторы Северной Таврии и приближавшийся конец Белого Движения юга РОССИИ. Это проклятое настроение усиливалось тяжестью перехода по Чонгарскому перешейку: сильно морозило и пронизывающий до костей морской ветер убивал в человеке все живое, превращая его просто в автомат, да еще плохого качества. К моей группе всадников присоединился полковник Роппонет, командир нашего 3-го артиллерийского дивизиона, всегда тонный и подтянутый, а теперь, от холода, мороза и истощения представлявший из себя сосульку. Моя жена, сестра милосердия Корниловского Ударного полка, вручила ему из своей запасной сумки теплое белье с требованием срочно добавить к тому, что у него было, для избежания рокового исхода. В этой ужасной обстановке меня более всего удивляли все те же ударники из недавних пленных красноармейцев. Полураздетые, с набитой под рубахами соломой, они не отставали от нас и гордо несли свои винтовки.

Во время перехода командиры полков и артиллерийских дивизионов направились, согласно приказу, на рекогносцировку района действий Корниловской Ударной дивизии на своих старых позициях на Перекопском перешейке. 2-й полк продолжал движение на имение Струково и

21 октября старшие начальники здесь узнали о неизбежности эвакуации Русской Армии. Оборона была теперь необходима только для нормальной посадки на суда. Днем 2-й Корниловский Ударный полк прибыл в именье Струково. Переход — 105 верст (Агайман — Струково).

22 октября. Дневка.

23 октября. Корниловская Ударная дивизия выступила в с. Воинка.

24 октября. В 8 часов 2-й Корниловский Ударный полк прибыл в Воинку и разместился по квартирам. Дневка. Переход — 25 верст.

25 октября. В 8 часов 2-й Корниловский Ударный полк выступил из Воинки и в 15 часов прибыл в город Армянск. За неимением мест полк на ночлег расположился в лазарете и около него. Переход — 35 верст.

В полк прибыл из Египта, по выздоровлении, взвод офицеров. Получено приказание Корниловской Ударной дивизии занять старые свои позиции по Перекопскому валу, сменив там гвардейские части. На правом фланге дивизии, по Сивашам, фронтом на восток стал 3-й Корниловский Ударный полк. Правую половину Перекопского вала, фронтом на север, — 1-й полк и левую часть вала — 2-й полк.

Из-за сильного артиллерийского огня 2-й Корниловский Ударный полк мог сменить гвардейцев только с наступлением темноты. При смене выяснилось, что красные режут наше проволочное заграждение. Ввиду этого,

сменяемому гвардейскому полку было приказано с его 14 пулеметами занять наш правый фланг, а 2-му полку с его 60 пулеметами все остальное, влево от него, очистить район заграждений от противника и только тогда освободить задержанный гвардейский полк. Еще до утра гвардейцы отошли в резерв.

* * *

Перед общим наступлением красной армии создаются 4-я и 6-я советские армии и образуется Южный фронт, во главе которого поставлен М. В. Фрунзе. План наступления Фрунзе сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить Русскую Армию в Северной Таврии, не дав ей возможности уйти в Крым через перешейки Перекопский и Чонгарский. В общем наступлении на Крым принимали участие: 6-я, 13-я и 4-я армии, 1-я конная армия Буденного, 2-я конная армия Гая и банды Махно.

Командующий 6-й армией товарищ Корк (1887-1937), эстонец по происхождению, в 1908 году окончил Чугуевское пехотное училище, а в 1914 году — Академию Генерального штаба и в Императорской Армии имел чин подполковника. После занятия Крыма товарищ Корк был командующим 15-й стрелковой дивизией и впоследствии начальником Академии Генерального штаба имени Фрунзе. В благодарность за свои подвиги во славу диктатуры мирового пролетариата он был расстрелян Сталиным, после смерти которого реабилитирован.

Для атаки Перекопа назначается известная уже нам 51-я стрелковая дивизия Блюхера, которая для этого усиливается ударно-огневой бригадой, отдельной кавалерийской бригадой, кавалерийскими полками 15-й и латышской дивизий и автоброневой группой.

25 октября/7 ноября. Фрунзе приказал взять Перекопский вал. Для этого Блюхер, объединявший на Перекопе всю ударную группу, разделяет ее: 1) Ударно-огневой и 152-й стрелковой бригадам штурмовать Турецкий вал; 2) 153-ю стрелковую и две кавалерийские бригады он выделяет в ударную группу для наступления через Сиваши на Литовский полустров и для выхода в тыл перекопских укреплений.

Для подготовки штурма Перекопа вели огонь 55 орудий и 8 орудий сопровождения. Начало операции 7 ноября в 22 часа.

26 октября/8 ноября. С утра противник в течение трех часов вел из двадцати батарей разного калибра настоящую подготовку к штурму вала. Наши старые окопы не только не были улучшены, но частично уже развалились или их теперь разбили красные. Линия окопов шла по самому гребню вала, а убежища были на нашем склоне его, таким образом снаряды противника попадали в обращенный к нему скат вала или перелетали через вал и рвались уже за валом, что и спасало нас. Но беда была с подвозом, — десятки лошадей были разорваны в клочья. Часов с десяти, насколько хватал глаз, цепей двенадцать красной пехоты покрыли все поле перед нами, — **штурм начался.**

На участок приехал временно командующий дивизией генерал Пешня и отдал приказание не стрелять до подхода красных до самого рва. Перекопские укрепления состояли из громадного, массивного старого турецкого

вала и глубокого рва перед ним, когда-то наполнявшегося водой из залива, но теперь сухого, укрепленного проволочными заграждениями по обоим его скатам и расположенного на север от вала, то есть в сторону противника. С подходом пехоты красных их артиллерия всю силу своего огня переносит на наш тыл. Используя это, ударники заполняют собой окопы по гребню вала и подносят боеприпасы. Красные, по-видимому, были уверены в силе своего артиллерийского огня и быстро катились на нас. Их явный громадный перевес в силах и наше отступление воодушевляли их. Быть может и наше гробовое молчание создало у них иллюзию того, что мы уже перебиты, а поэтому «перли» они веселые, с воинственными криками. Я даже простым глазом видел, что первые цепи были в зипунах, подтянуты и, как после говорили оставшиеся на нашей проволоке, это была какая-то лучшая дивизия имени товарища Фрунзе. Первая цепь была уже на расстоянии 300 шагов от нас, у пулеметчиков уже чесались руки, но приказания стрелять не было. Красные совершенно осмелели, и некоторые подбегали ко рву. Хотя мы и были уверены в себе, но все же нервы были сильно напряжены и первым нарушил наше молчание сам начальник дивизии генерал Пешня, отлично знавший пулемет и взявшийся за него сам. Эффект огня не менее 60 пулеметов и четырех батальонов, это только на участке 2-го полка,- был поразителен: сраженные падали, задние цепи напирали и тем подбадривали остатки передовых цепей, которые местами добегали до рва. Наше преимущество, несмотря на нашу малочисленность, было в том, что артиллерия красных не могла бить по нам из-за близости к нам их стрелков, а пулеметы противника могли бы отлично поражать нас, но они почему-то только тянули их, а не стреляли через головы своих. Может быть они не имели опыта в подобного рода применении своего оружия? Нам повезло и в том отношении, что с подходом красных ближе ко рву и валу, они ясно себе представили все значение для них такого препятствия, которое, как они убедились, не могла разрушить даже их многочисленная артиллерия. Через четверть часа вся атакующая масса смешалась и залегла. Худшего положения для красных нельзя было придумать и нарочно: для нас, с высоты вала, они представляли отличные цели, без возможности где-либо укрыться, и вот здесь-то они и понесли самые большие потери. Наша артиллерия тоже била по ним, но не так, как всегда. Оказывается, что, помимо повреждений от огня артиллерии противника, она частично была отозвана вправо, на участок Дроздовской дивизии, где красные прорвались через лиман. До самого вечера вся эта масса не двигалась под нашим огнем, наполняя воздух криками раненых. Мне довелось читать в изданной в СССР истории гражданской войны описание атак на Крым, где сообщалось, что их потери в это время были до 25 тысяч человек и что Перекопский вал они взяли штурмом и бомбами уничтожали нашего брата в железобетонных убежищах, которых мы там не имели, а были у нас простые землянки, прикрытые досками с землей. Но несмотря на это, все поле было покрыто убитыми и ранеными во имя интернационала пролетарской революции Ленина и Троцкого, наше же положение все ухудшалось.

В книге «Блюхер» так описывается это наступление:

«6 ноября нового стиля, накануне празднования третьей годовщины великой пролетарской революции, мы были готовы к штурму. К полю сражения подтягивались 15-я и 52-я стрелковые дивизии. Вместе с 153-й стрелковой бригадой и отдельной кавалерийской бригадой перекопской группы они намечались для нанесения удара через Сиваш на Литовский полуостров, во фланг и тыл Перекопской позиции. 152-я стрелковая и огневая ударная бригады готовились к лобовой атаке Турецкого вала. М. В. Фрунзе приехал в штаб 51-й стрелковой дивизии, расположенной в Чаплинке, для личного руководства операцией. На защиту Перекопа Врангель сосредоточил лучшие части. В ночь на 8 ноября, когда страна праздновала третью годовщину октября, 15-я и 52-я стрелковые дивизии и 153-я и отдельная бригада 51-й стрелковой дивизии в пронизывающем морозе, утопая в болотах Сиваша, расстреливаемые артиллерийским и пулеметным огнем, таща на себе пулеметы и орудия, двинулись в атаку на Литовский полуостров. Рано утром 8 ноября они добрались до окопов белых и, прорвав проволоку, штыками выбили войска генерала Фостикова (это был отряд кубанцев с двумя пулеметами).

Под Турецким валом на артиллерийских позициях царило молчание. Густой туман покрыл Турецкий вал. Напряжение нарастало. С Литовского полуострова непрерывные запросы: «В чем дело?»

В девятом часу туман медленно рассеивается и все наши 65 орудий открыли беглый огонь. **С Турецкого вала белые нас засыпали огнем. Семикилометровое пространство под валом и на валу превратилось в сплошное море воронок. Около 12 часов полки ударной и 152-й бригад с 453-м полком ринулись на штурм.** Неся огромные потери, они все быстрее и ближе подходили к Турецкому валу. На Литовском полуострове белые бросают в атаку 13-ю и 34-ю дивизии (напоминаю, что дивизии Русской Армии были трехполкового состава, а у красных девятиполкового, с одним кавалерийским полком на дивизию. К этому времени эти две наши дивизии были не больше двух батальонов). **Около 18 часов вновь атакуем Турецкий вал. В первых рядах идут броневики. У самого рва, встретив неожиданно проволоку, пехота вновь остановилась. Целый день беспримерного боя не принес еще победы, но цель была уже близка. Около 200 орудий белых и до 400 пулеметов поражали наши части».**

(Число орудий на нашем участке преувеличено в десять раз, а число пулеметов — в четыре раза. Перекопский вал занимали только два Корниловских Ударных полка, а третий полк стоял лицом на восток, к Сивашам, для обеспечения от удара оттуда).

За бой 26 октября/8 ноября 2-й Корниловский Ударный полк потерял убитыми 8 человек и ранеными 40 человек. Было убито 35 лошадей. Все ранения были от артиллерийского огня.

27 октября/9 ноября. Корниловская Ударная дивизия к часу покинула Перекопский вал и отступила на Юшуньские позиции. Ночь была темная и беззвездная. В арьергарде дивизии был оставлен батальон полковника Трошина, который к часу тоже оставил Перекопский вал. Об этом так написано в книге «Корниловский Ударный полк»: «Вечером 26-го октября ст. ст. полковник Левитов вызвал к себе полковника Трошина и передал

ему, что с наступлением темноты вся Корниловская Ударная дивизия получила приказание отойти на Юшуньские позиции, а его 2-й батальон назначается в арьергард. Чтобы не обнаружить перед противником своего отхода, необходимо до последнего момента постреливать из винтовок. Неприступный Перекопский вал стал пустеть. Увозят пулеметы, уходят роты одна за другой. Полковник Трошин растянул свой батальон по окопам. Зловещую тишину изредка нарушал одиночный выстрел. Наконец снялся и 2-й батальон. Без одного огонька папиросы Корниловцы прошли через Армянский Базар и глубокой ночью втянулись в первую линию Юшуньских укреплений».

В журналах боевых действий всех трех полков Корниловской Ударной дивизии отмечено, что эти укрепления были плохо приспособлены для обороны.

Посмотрим, как этот штурм Перекопских позиций освещает штаб Блюхера: **«Ночью, около 24 часов (26 октября/8 ноября) Фрунзе приказывает возобновить атаку и требует захватить вал во что бы то ни стало. Вновь бросаем изнуренные части на штурм и около 3 часов 27 октября/9 ноября неприступный Перекоп пал».**

На самом же деле Перекоп был оставлен Корниловцами без боя и еще до подхода красных, согласно приказу от 26 октября/8 ноября, в 24 часа.

Интересно, что писал Блюхер в своих донесениях командующему 6-й советской армией о причинах неудачи штурма Перекопских укреплений: «Взять Перекопскую укрепленную позицию налетом не удалось. Противник обеспечил себя хотя и небольшим гарнизоном, но снабженным колоссальной материальной частью. Позиции приспособлены к тактическим условиям местности. Это делает перешеек почти неприступным».

В одной шикарно изданной истории СССР я читал такое же измышление о штурме Перекопских укреплений, где красные будто бы выкуривали офицеров бомбами и огнеметами из бетонных укреплений, каковых на самом деле на Перекопском валу не было, так же, как не было и «ЛЕГЕНДАРНОГО ШТУРМА ПЕРЕКОПСКОГО ВАЛА КРАСНЫМИ» в 3 часа 27 октября/9 ноября.

28 октября. На рассвете противник крупными силами, при поддержке сильного артиллерийского огня, перешел в наступление на фронте дивизии. Несмотря на малочисленность полка и усталость людей от продолжительных и тяжелых переходов, сопровождавшихся беспрерывными и непосильными боями, полк с мужеством сдерживал натиск. Однако правофланговый 1-й полк атакой красных со стороны Дроздовской стрелковой дивизии был выбит из первой линии. 3-й полк оказался под угрозой удара с тыла. В это время временно командующий дивизией генерал Пешня берет от 2-го полка броневик и приказывает по телефону 3-му и 2-му полкам переходить в контратаку. Я, командир 2-го полка, осмелился было указать на опасность неустойки слабого 3-го полка, и тогда 2-й полк будет прижат к заливу, но в это время мне доложили, что 3-й полк уже выходит за проволоку для атаки.

Я тогда считал атаку ненужной и рискованной, но неуместной поспешностью командира 3-го полка был поставлен в необходимость под-

ставлять и свой полк под пули красных, а не отбросить их еще раз силой своего огня. Когда 2-й полк выходил за проволоку, 3-й полк жиденькой цепочкой, во главе со своим командиром полка полковником Щегловым, на коне, уже двигался на окопы красных под вой пулеметов противника. Бесполезность контратаки в создавшихся для нас условиях тяготила меня. Снаряды и пули градом обрушились и на 2-й полк, который спокойно и дружно шел в контратаку. Занятый судьбой своего полка, я не обращал внимания на действия 3-го полка, но когда посмотрел на его участок, то увидел печальную картину отступления его, теперь уже без командира полка, раненного в этой вылазке. Тут и я приказал отходить под прикрытием пулеметов в свои окопы.

Проходя через проволочное заграждение, я остановился, чтобы еще раз взглянуть на обстановку на участке 3-го полка, но здесь пришел конец и моему командованию доблестным 2-м Корниловским Ударным полком. Пуля попала мне в левый пах, пробив толстую сумку с картами, и остановилась в позвоночнике спинного хребта. Она сбила меня с коня, почти мгновенно парализовав обе ноги. Через 8 лет, в Болгарии, доктор Берзин сделал мне операцию и преподнес мне на память о Родине русскую остроконечную пулю с погнутым концом, нанесщую мне тринадцатую рану в борьбе за честь и достоинство национальной РОССИИ. Одновременно со мной был тогда ранен и мой помощник полковник Лысань, Антон Евтихиевич, тоже в пах, но навылет. В командование полком вступил полковник Трошин, его помощником стал капитан Возовик.

В этом бою из лиц командного состава были ранены: временно командовавший дивизией генерал Пешня, и во временное командование дивизией вступил командир Корниловской артиллерийской бригады генерал Ерогин; командир 1-го Корниловского Ударного полка полковник Гордеенко, и полк принял подполковник Ширковский; командир 3-го Корниловского Ударного полка полковник Щеглов и его помощник полковник Пух, и полк принял полковник Минервин.

Несмотря на неудачу, дивизия все же удержалась на своем участке.

В книге: «Марковцы в боях и походах за РОССИЮ», стр. 345, они рисуют картину их подхода к правому флангу нашей дивизии для смены нас и неправильно указывают распределение полков, которые на самом деле занимали участки так: на правом фланге дивизии, до озера Соленого, стоял 1-й полк, левее — 3-й полк и на самом левом фланге стоял 2-й полк, до самого Перекопского залива.

28 октября генерал Врангель собрал представителей русской и иностранной печати и осведомил их о создавшемся положении, сказав: «Армия, сражавшаяся не только за честь и свободу Родины, но и за общее дело мировой культуры и цивилизации, армия, только что остановившая занесенную над Европой кровавую руку московских палачей, оставленная всем миром, истекла кровью. Горсть раздетых, голодных, выбившихся из сил героев продолжает отстаивать последнюю пядь родной земли. Их силы приходят к концу, и не сегодня, так завтра они могут быть сброшены в море. Они будут держаться до конца, спасая тех, кто искал защиты за их штыками. Мною приняты все меры для того, чтобы на случай несчастья вы-

везти всех, кому грозит кровавая расправа. Я вправе надеяться, что те государства, за общее дело которых сражалась моя Армия, окажут гостеприимство несчастным изгнанникам».

29 октября на рассвете, под сильным нажимом противника Корниловская Ударная дивизия согласно приказу стала отходить на Юшунь. Оттуда, в связи с осложнившейся обстановкой, дивизия отходит далее на юг, по дороге Юшунь — Симферополь — Севастополь.

* * *

После изложения последних боев за Перекоп и оставления нами Крыма по нашим данным, нас должен интересовать и взгляд на это нашего противника, который я беру из газеты «Русская Мысль» от 7 декабря 1965 года, изложенный в статье Д. Прокопенко.

ВЗЯТИЕ ПЕРЕКОПА

К сорокапятилетней годовщине.

6-й советской армией, штурмовавшей перекопско-юшуньские позиции белых в ноябре 1920 года, командовал Корк (1887-1937). Эстонец по происхождению, он окончил в 1908 году Чугуевское военное училище, а в 1914 году — Академию Генерального штаба. В старой Армии имел чин подполковника (делаю вставку: в 1937 году за свою службу в красной армии был расстрелян. Теперь, вероятно, записан в синодик красных главковерхов: «репрессирован», «реабилитирован»). О взятии Перекопа и юшуньских позиций Корк сделал доклад в Екатеринославской гарнизонной военно-научной аудитории 1 ноября 1921 года («Этапы большого пути», военное издательство министерства обороны СССР, Москва 1963 г.).

«Войска 6-й армии вечером 29 октября подошли к Перекопу. 1-я и 2-я конные, 4-я и влитая в 4-ю 13-я армии подошли в район Чонгарского полуострова несколькими днями позже. Позиции белых делились на три группы: Турецкий вал (главные укрепления), далее — ряд юшунських позиций (сила их в глубине), а к востоку — сивашские позиции, по южному берегу Сиваша (Гнилого моря), эти укрепления были слабыми. Белое командование не имело в виду того, что северо-западная часть Сиваша оказалась сухой. Лето и осень 1920 года отличались сухостью, не было почти ветров с востока, и вода поэтому ушла к юго-востоку. Сведения об этом состоянии моря стали поступать в красные штабы только после 29 октября.

Силы сторон. В общей сложности у Врангеля имелось на Перекопском перешейке до 13 с половиной тысяч бойцов пехоты, до 6 тысяч бойцов кавалерии, около 750 пулеметов, 180 орудий и 48 броневиков (прошу читателя обратить внимание на то, что занимали Перекоп в это время только два полка Корниловской Ударной дивизии, 3-й полк был в резерве, уступом назад, к югу, и фронтом к Сивашам, для охраны нашего тыла, и плюс

к этому все три полка при отступлении от Днепра понесли громадные потери и уменьшились на 2/3 своего небольшого состава, то есть в общей сложности дивизия имела не более 1.200 штыков. Пулеметов в трех полках могло быть не больше СТА, а что касается нашей Корниловской артиллерийской бригады, то из ее состава в три дивизиона в последнем бою за Перекоп часть их была взята для отбития атак красных со стороны Сиваша. Кавалерии на Перекопе не было даже и наших полковых конных эскадронов. Вообще командарм 6-й красной армии намного преувеличил наши силы на Перекопе с определенной целью увеличить заслуги своей армии, когда на самом деле нашу судьбу тогда решил Пилсудский при поддержке Франции заключением мира, как во время битвы под Орлом, когда Пилсудский заключил с Лениным перемирие, и красная армия давила нас своим колоссальным превосходством. Полковник Левитов).

Силы красных: 34.833 бойца пехоты, 4.352 — кавалерии, 965 пулеметов, 165 орудий, 3 танка, 14 броневиков и 7 самолетов.

Если сопоставить силы сторон, — докладывает Корк, — то бросается в глаза сразу же наше численное превосходство над Врангелем: пехотой мы превосходили его более чем в два раза, конницы же у Врангеля было больше, но здесь нужно учитывать наличие 1-й и 2-й конных армий, которые могли быть переброшены в любой момент на Перекопский перешеек с целью форсирования его и продвижения в Крым. Что касается артиллерии, то в общей сложности у противника как будто имелось превосходство, но его артиллерия была чрезвычайно разбросана. Если мы сопоставим количество артиллерии на ударных направлениях, то превосходство в артиллерии было на нашей стороне.

Итак, сравнивая численность сторон, следует признать, что громадное превосходство было на нашей стороне».

Высшее красное командование полагало, что борьба за Перекоп будет позиционной, как в «империалистическую» войну. Но, узнав, что северо-западная часть Сиваша проходима, командарм 6-й решил нанести главный удар через Сиваш и Литовский полуостров на Армянск. Подготовка к операции сводилась к следующему: 2 бригады 51-й стрелковой дивизии должны были нанести удар на Турецкий вал, а другие две бригады с 1-й кавалерийской наступать в обход правого фланга белых, занимающих Перекопский перешеек. 52-я и 15-я дивизии должны были выйти в тыл противнику через Сиваш и Литовский полуостров. Латышская дивизия была оставлена в армейском резерве.

Военные действия начались в ночь с 7 на 8 ноября. 51-я дивизия из-за тумана начала артиллерийскую подготовку по Турецкому валу в 10 часов утра, а в 2 часа наступающие начали резать проволоку, но были отбиты сосредоточенным огнем белых. В возобновленной в 18 часов атаке красные понесли большие потери и отхлынули. Белые контратакой опрокинули красную бригаду (153-ю), которая обходила их правый фланг.

В ночь с 7 на 8 ноября другие красные части начинают наступление на Литовский полуостров и продвигаются вглубь его, несмотря на энергичные контратаки белой пехоты с бронемашинами.

Итак, к 18 часам 8 ноября красные не имели успеха ни перед Турец-

ким валом, ни на Литовском полустрове, так как белые все время переходили в контратаки. Но выход двух стрелковых дивизий во фланг и тыл белых, занимавших Турецкий вал, создал для них критическое положение. Красное командование отдает приказ штурмовать вал двумя бригадами, а остальным частям — наносить удар в направлении на Армянск. Штурм вала начался в 2 часа ночи (152-я стрелковая и огневая бригады), но на нем оставались только арьергарды белых, которые уже начали свое отступление... Турецкий вал был взят без больших потерь (вообще без потерь).

Утром 9 ноября повсюду начались упорные бои, но резервы белых (с конницей Барбовича) не могли задержать продвижение красных. 51-я дивизия вечером 9 ноября подошла к первой линии юшуньских позиций... Прорыв юшуньских позиций 10 и 11 ноября. Здесь начинается серия решительных боев, от которых зависит судьба Крыма. В своем приказе генерал Барбович говорит: «Ни одного шага назад быть не может, это недопустимо по общей обстановке, мы должны умереть, но не отступать». В прорыве принимают участие: 51-я, 52-я и 15-я стрелковые дивизии, а потом и латышская. Корк, ввиду сильных морозов и отсутствия пресной воды в этой полосе, приказывает пройти все юшуньские пояиции в одни сутки, не считаясь с потерями. Задача не была выполнена полностью, но все же 10 ноября 51-я дивизия прорвала три линии, здесь белые защитники поддерживались артиллерией с судов (как командир 2-го Корниловского Ударного полка, занимавшего самый левый фланг позиций белых, до самого Перекопского залива, свидетельствую, что стрельбы наших судов в этих боях не видел и о ней не слышал. Полковник Левитов).

На левом же фланге смогли овладеть лишь первой укрепленной линией. Утром 11 ноября латышская и 51-я стрелковые дивизии атаковали последнюю линию и прорвали ее. Ряд атак белых не мог остановить движение, и красные заняли железнодорожную станцию Юшунь около 9 часов утра. На левом фланге красных белые готовили решительный удар для ликвидации наступления. Яростные атаки чередовались с обеих сторон. Около 11 часов белые части при поддержке офицерских (каковых тогда уже не было) Корниловской и Дроздовский дивизий возобновили контратаки и потеснили красных. Тогда Корк приказывает двум бригадам ударить в тыл... Сопротивление белых было сломлено и они начали постепенный отход...» — Операция по овладению перекопско-юшунськими позициями к вечеру 11 ноября была закончена, — заявляет Корк, — и вместе с этим была решена участь врангелевской армии». Дальнейшее движение вглубь Крыма шло без боев.

По Корку потери красных — 45 лиц командного состава и 605 красноармейцев. Он объясняет такие малые потери соединением маневра с атакой и стремительностью наступления, что не позволяло противнику приводить в порядок свои части. Общая же цель — уничтожение противника — достигнута не была, так как конница своевременно не прорвалась вперед (здесь Корк для поднятия своего авторитета вспомнил определение ценности боя по мнению авторитетов Императорской Армии: «Успех с-малыми потерями — радость начальника!», но на самом деле у Корка этого

не могло быть, и советский маршал Блюхер был как будто другого мнения о тех же боях. В книге «Маршал Блюхер», стр. 199, в приказе по 51-й Московской дивизии от 9 ноября 1920 г. за № 0140/опс, село Чаплинка, § 4, о потерях при взятии Перекопа говорится так: «Комбригам действовать решительно, главные препятствия в наших руках. Помнить, что энергия в преследовании **ВОЗНАГРАДИТ ЗА ТЯЖЕЛЫЕ ПОТЕРИ,** понесенные в боях за неприступные позиции Турецкого вала. Подписано: Начдив 51-й Блюхер, наштадив Генерального штаба Дадяк». Итак, по данным красных, они штурмом взяли Перекопский вал в ТРИ часа **9 ноября, выбивая нас из бетонных укреплений,** когда у нас вообще таковых не было, да и выбивать-то было некого, так как **последний батальон полковника Трошина оставил вал по приказу в 24 часа 8 ноября.** Осмелюсь и я, хотя бы по своей скромной должности командира 2-го Корниловского Ударного полка, защищавшего тогда левую часть Перекопского вала, уверить товарища Корка в том, что потери только перед валом должны быть в десять раз больше. Особенно сожалеть Корку о том, что они нас не истребили, не стоило бы, но зато сберегли приготовленные баллоны с газом на тот случай, если бы генерал Врангель не оценил безнадежность нашего положения и не приготовил бы корабли для желающих патриотов РОССИИ покинуть свою Родину. И все же приходится верить в то, что возмездие существует: прославленные советские герои этих боев Корк и Блюхер за измену своей Родине заслуженно получили от своего вождя по пуле в затылок. Полковник Левитов).

* * *

ПУТЬ В ЭМИГРАЦИЮ

ПРИКАЗ

Правителя Юга России и Главнокомандующего Русской Армией

Севастополь. 29 октября ст. ст. 1920 г.

Русские люди!

Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочок Русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделил с Армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага. Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда стоят в полной готовности в портах согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед Армией и населением сделано все, что в пределах

сил человеческих. Дальнейшие пути наши полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем сил и разума одолеть и пережить русское лихолетие.

Генерал ВРАНГЕЛЬ

Этот приказ явился не только признанием нашего военного поражения, но и выполнением обещания, данного генералом Врангелем при вступлении в командование Русской Армией — «вывести нас с честью из создавшегося положения».

После этого печального приказа генерал Врнагель в своем обращении к свободному миру излагает цели и значение нашей борьбы, из чего мы вывели заключение, что борьба продолжается и в новых условиях нашего скитания.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Русская Армия ведет борьбу не только за освобождение и благо РОССИИ, но и за мировую культуру. **При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго задержать волну красного интернационала, которая зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится и до НОВОГО СВЕТА.**

Генерал ВРАНГЕЛЬ

В это время наши бывшие союзники парили в облаках своей победы и им не только не было дела до нас, но они были даже рады тому, что отпадение крупного ПАРТНЕРА увеличит их паи при получении контрибуции с побежденных. И потому наша морская армада в составе 126 судов с грузом в 135.693 человека, с небольшим запасом провианта и обмундирования шла по волнам притихшего Черного моря пока что под лозунгом «ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ!»

Свежесть впечатлений от последних боев в неравных условиях, горечь за принесенные жертвы и ужасы предстоящих скитаний по чужим странам, — все это вместе взятое естественно вызвало у Корниловцев вопрос: каковы же причины были нашего поражения?

Первая причина: это то, что Ленин опередил нас в формировании своих сил, начав собирать их со дня своего прибытия в Россию после революции, имея поддержку не только золотом Вильгельма, но и его штаба. В дни провокации Керенским Генерала Корнилова первый передает власть Ленину, который уже готовым своим аппаратом занимает все центры России с неограниченными запасами пополнения и снабжения, при прямом содействии дьявольски жестокого аппарата принуждения ЧЕКА Дзержинского, руками главным образом латышей, эстонцев, венгров и евреев. Когда же началось Белое Движение, после отречения Государя за себя и за Наследника, Действующая Армия осталась верной ее принципам воспитания «вне политики», что использовал сам Государь, и это положение сохраняли

его высшие генералы с целью предотвращения Армии от развала перед лицом врага, стоявшего на нашей земле.

Таким образом возглавление Действующей Армии все свои усилия направляло на ее сохранение, но этого, по милости республиканских властей, не произошло, и позор разложения вообще всего государственного аппарата свершился. Без особой борьбы Ленин все принял при содействии Керенского, и только тогда Генерал Корнилов, имея за собой заверения многих военных организаций о поддержке его при открытом выступлении, решился действовать. Но произошло то же позорное явление среди русского народа, особенно среди интеллигенции, аналогичное тому, что мы видели при отречении Государя: тогда присягавшие, а теперь — обещавшие поддержать, трусливо попрятались. Это ужасное для русского народа выявление подобного рода малодушия нельзя особенно строго осуждать, потому что оно было стихийным, общеимперским революционным развалом страны в дни великой войны, когда мораль «цвета» нашей революционной головки дошла до того, что она подняла свою каинову руку на свою же русскую Действующую Армию и вонзила ей в спину свой революционный нож. Яд этого разложения коснулся всех. Основная же масса народа в ужасе от происходящего уклонялась от всякой ответственности и подчинялась только силе. Самостийники спешили использовать удобный для них случай, но уголовный элемент и ненавидящие все русское со своими лозунгами «диктатуры мирового пролетариата» били своей палкой все пассивное и загоняли его в свое стойло. Старые большевистские лозунги: «Все под топор!», «Грабь награбленное!» и т. п. создали силу Ленину.

В эти дни мы могли наблюдать только первые признаки сбора национальных сил на открытую борьбу с Лениным, начатую Генералом Корниловым, генералом Алексеевым и их единомышленниками.

Все трудности этого мы хорошо знаем из начала наших материалов, достоверность которых подтвердил своим выстрелом генерал Каледин и смертью на поле чести запечатлели Генерал Корнилов, полковник Неженцев, генерал Марков, полковник Дроздовский и другие патриоты. Враг намного опередил нас в формировании своих сил и в захвате территории. Мы же, как зайцы, проскакивали через рогатки красных на места сбора национальных сил, известные только немногим. Но и там их ожидало враждебное отношение самостийников, и только крестный путь 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода встряхнул русских патриотов, которые и поднялись на борьбу за честь РОССИИ.

Вторая причина: самостийность и тылы. Два года открытой и кровопролитной борьбы вывели нас на большую Московскую дорогу, создали фронт длиной в 1.300 верст и довели Добровольческую Армию до Воронежа, Орла и Киева, но к этому времени и враг создал колоссальную армию, и наши Вооруженные Силы Юга России разлагались усилиями самостийных и большевистских агентов, почему будучи разбиты, мы оставили Ростов-на Дону и Новочеркасск. Но при этом не надо забывать, что был у нас и тыл, наша база, который жил обособленной жизнью, желая лишь одного: чтобы все было сделано кем-то другим, предоставив тыловикам право наслаждаться всеми радостями мирной жизни, не рискуя искалечить

себя или, не дай Бог, принести себя и свою жизнь в жертву на благо Родины. Для более ясного понимания этого не надо никогда забывать поведения офицерства, заполнявшего собой Ростов-на Дону, Нахичевань и Минеральные Воды перед 1-м Кубанским походом и не пошедшего с нами, несмотря на то, что их присутствие в наших рядах сразу изменило бы ход борьбы в нашу пользу. Риск выступления Генерала Корнилова еще мог кое-кого из особо осторожных задержать, но почему же они не пошли к нам, когда им для выбора борьбы с Лениным к началу 2-го Кубанского похода были предложены: чисто монархическая Южная Армия генерала Иванова, казачьи Армии, которые все страдали, исключая Добровольческую Армию, от недостатка офицеров, а Южная Армия просто в самом начале формирования прекратила свое существование по причине своей малочисленности, послужившей поводом к прекращению ей субсидий генералом Красновым. Нерешительность довела офицеров до того, что потом они, попадая к нам в плен, объясняли свою службу «интернационалу мирового пролетариата» формации Ленина-Троцкого как бы службой РОССИИ?!

Как это ни печально, но за свою горькую чечевичную похлебку офицерство создало красную армию, которая и задавила нас своей м а с с о й.

Третья причина: общая неспособность февральской революции с самого начала справиться с положением была фактом, результат чего переваривался в ужасах гражданской войны.

Четвертая причина: пропаганда. Частично можно согласиться с тем, что у нас дело пропаганды почти отсутствовало и если и было, то только понятное самому ОСВАГУ, но никак не массам для нашего пополнения.

Пятая причина: политический контроль. В Действующей Армии он полностью отсутствовал, а в тылу для проверки пленных выливался в хаос из-за отсутствия у нас ясности цели для всех составных сил юга РОССИИ. Добровольческая Армия была за «Единую и Неделимую РОССИЮ», а казачество с Украиной -- за свою независимость. В то же время у Ленина мы видели единство цели только его партии, подкрепленное непревзойденной по жестокости силой ЧЕКА Дзержинского руками элемента, ненавидевшего все русское.

Как это ни печально, но в эти дни наши союзники по великой войне 1914-18 гг. принесли нам не мало огорчений. Пребывавший в Румынии союзный штаб по настоянию правительства Франции отменил начавшееся формирование нашего Добровольческого корпуса для Добровольческой Армии, который был распущен и только небольшой отряд полковника Дроздовского, отказавшийся подчиниться, с боями пробился к Добровольческой Армии, соединившись с ней после 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода. В это же время взятые нами в плен чехо-словаки, по-братски принятые нами, были собраны в корпус, который отблагодарил нас за это тем, что под командой французского генерала Жанен занял всю нашу железную дорогу через Сибирь, от Урала до Владивостока, лишив этим Армию адмирала Колчака возможности маневра и снабжения. Закончилось это позорное хозяйничанье тем, что Верховный Главнокомандующий Русской Армией адмирал Колчак был выдан генералом Жанен большевикам на расстрел с захватом чехами многих тонн русского государст-

венного запаса золота, из которого были созданы в Чехии «Банки легионеров».

Англичане одной рукой сначала помогали, но потом не только резко бросили нас в Крыму и Армию генерала Миллера на севере, но и грузили в портах доставленное нам и топили его, отплыв от берега на две версты. Подобное отношение наблюдалось нами и в начале эмиграции, на Лемносе, где продовольствие просто топили, чтобы его не съели с голода их бывшие союзники. Но это было отношением к нам правительства Англии, в котором не имели успеха настояния Черчилля помочь нам, а в то же время, особенно представители английского флота, делали для национальных сил РОССИИ все, что они могли. Здесь же уместно отметить и особо враждебное к нам отношение Польши Пилсудского, в поддержке которой видную роль играла Франция, пославшая в Польшу больше 400 офицеров и снаряжение. Свою ненависть к национальной РОССИИ Пилсудский особенно ярко проявил, когда Добровольческая Армия под Орлом вышла в тыл красной армии, и Пилсудский помог ей, заключив «перемирие» с Лениным, чтобы дать ему возможность разбить нас. Потом, уже при выходе Русской Армии из Крыма в Северную Таврию был заключен и мир, но на этот раз уже с целью дать возможность Ленину добить нас. Об этих печальных для Польши усилиях Пилсудского была выпущена генералом Деникиным небольшая брошюра под заглавием: «Кто спас советскую власть?», где детально изложены все усилия Пилсудского против Добровольческой Армии Юга РОССИИ. Возмездие за предательство все же существует в нашем мире, и исполнение этого мы видели еще при нашей жизни, особенно во время 2-й великой войны в наказании не только Польши с ужасами истребления Сталиным в Катыни польского офицерства, но и всех бывших союзников РОССИИ, жестоко покинувших ее в дни гражданской войны с явной целью торжества интернациональной диктатуры большевизма Ленина.

Заключение

И в этой ужасной обстановке мы в большинстве думали: гражданскую войну не мы начали, мы только защищали наше право быть гражданами Российской Империи и не признавали «диктатуры международного пролетариата Ленина», уничтожившего не только всех национально мыслящих, но и все устои, на которых строилась и чем жила национальная РОССИЯ.

Мы, ударники Генерала Корнилова, не мудрствуя лукаво, по его завету несли на алтарь чести РОССИИ самое дорогое для нас, — наши жизни, что и исполнили многие десятки тысяч, будучи убитыми или ранеными и теперь ли было нам прекращать борьбу? И потому мы твердо и сознательно шли на новые для нас тяжкие испытания до конца.

Путеводная звезда

Праздники наши... Далекое... Бывшее...
Снега сугробы... На речке каток...

Щеки румяные, пальцы застывшие,
Матери нежно-суровый упрек.

Времени мало уже до сочельника,
Дни будто в сказке прошли...
Видели все: из ближайшего ельника
Елку вчера привезли!..

Будут на елке подарки всем розданы,
Радости сколько! В трескучий мороз
С темного неба, покрытого звездами,
Спустится тихо Христос!..

С этой наивной, детскою верой
Вышли в пургу и мятель...
Отняли радость — солдатская серая,
В старых заплатах шинель,

Отняли радость окопы, сражения,
Взрывы снарядов, стрельба, пулемет...
Нам оставалось одно утешение —
Все для РОССИИ и все за народ.

Вдруг закружило... Нежданными вьюгами
Все занесло, — и поля, и леса,
И по РОССИИ, больной и поруганной,
Смерти прошла полоса.

Жизнь оказалась такою раздвоенной,
Родина там, позади...
Всюду по миру рассеялись воины
С вечной надеждой в груди.

Пусть же рождественской ночью холодной
В сердце рассеется грусть:
С детства сияла звездой путеводной
Наша святая Великая РУСЬ!

Автор: поручик А. Генкин, Дроздовского стрелкового полка. Скончался в 1964 году во Франции.

* * *

Поэтому, несмотря на столь трагическое положение, мы твердо верили в то, что лозунги Добровольческой Армии: «За Единую, Неделимую РОССИЮ» и Русской Армии генерала Врангеля, начертанные на Николаевских Знаменах: «Верою спасется РОССИЯ», со временем восторжествуют.

Знают Корниловцы, как коротка их жизнь для сроков Истории, а по-

тому по завету своего любимого Вождя и Шефа полка Генерала Лавра Георгиевича Корнилова они несут на алтарь своей Родины — многострадальной РОССИИ свои жизни, чувства и силы, а, умирая, твердо верят, что смутное время пройдет и снова Святая Русь станет на свои исконные пути во всем величии и славе.

Сначала равномерный стук моторов, общий колоссальный вид уходящей в неизвестность русской морской армады, хаос людской массы, до предела изнуренной, израненной и морально убитой, — все это смешалось в голове каждого в сплошной сумбур. Но вся эта масса людей, казавшаяся для постороннего взгляда в весьма неприглядном виде, была не такова в своем основном составе. За ее плечами была трехлетняя война 1914-17 гг. и гражданская, с октября 1917 года по ноябрь 1920 года. Это русское национальное воинство и в военном поражении нашло в себе мужество и силу воли смело смотреть в глаза действительности, что помогло ему здраво, со своей точки зрения, оценить наши ошибки в прошлом и взвесить наши возможности на будущее в условиях нашей печальной действительности.

ПОТЕРИ КОРНИЛОВЦЕВ

по книге «Корниловский Ударный полк»

Открытая вооруженная борьба национальных сил с интернационалом кончилась. Долгие, страшные годы два меча рассекали тело России. Земля дымилась кровью. Нет ничего ужаснее братоубийственной войны, и не дай Бог испытать ее ни одному народу. Все Корниловцы были переранены, и много тысяч их легло на родных полях.

С 25 июня 1917 года по 1 ноября 1920 года, то есть за 40 месяцев своей борьбы с большевиками, Корниловские полки выдержали 570 боев (в это число не входят бои, которые вели отдельные батальоны или роты) **и потеряли убитыми 13.674 человека, ранеными 34.328, а всего — 48.002 человека.**

Для Корниловцев эти цифры не безличны, а для посторонних — это «имена же их, Ты, Господи, веси...»

Детали потерь

	Убито	Ранено	Всего
Начальников дивизии		2	2
Командиров полков	4	15	19
Командиров батальонов	64	125	189
Командиров рот	472	1.100	1.572
Младших офицеров	4.781	11.500	16.281
Ударников	8.327	21.500	29.827
Военных чиновников	15	48	63
Докторов	3	12	15
Сестер милосердия	8	26	34
ИТОГО	**13.674**	**34.328**	**48.002**

— Слушай!..

С каждым годом редеет цепь часовых, завороженных мечтой об Отечестве. Смены не видно. За разводящего — смерть...

От непосильного труда в шахтах, на заводах, от вечной гоньбы за куском хлеба в городах, открываются старые раны. В душе нарастает тревога: когда же прозреет народ и скинет ярмо? Неужели напрасны все жертвы? В чем наша вина? Тяжелым камнем легли на душу укоры: «Грязными руками вы довершали белое дело Корнилова!..»

И великим оправданием прозвучали проникновенные слова русского писателя Ивана Бунина:

«Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, — да святится во веки его память! Под триумфальными вратами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата... В дикой и ныне мертвой русской степи, где почиет белый ратник, — тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где те врата, где то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо там гроб Христовой могилы. И только ей одной поклонюсь я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее».

Будем ждать этого дня!.. Слушай!..

Нерадостно жить, если нет воспоминаний, озаряющих душу внутренним светом. Тягостны воспоминания Корниловцев о всех годах их борьбы с большевиками. В течение трех лет Корниловцы прикасались к ранам России. Отечество было предано, святыни осквернены, права человека попраны, вековой уклад народа поруган. В смерче ненависти и злобы крутилась вся страна. Страшное право жизни и смерти было у каждого вооруженного, и грани между жизнью и смертью были стерты. Самый героизм и пафос Белой борьбы были омрачены братской кровью. Но и этот мрак пронизывает свет. Воспоминание о нем унесли с собой оставшиеся в живых и павшие в боях Корниловцы. С ним легче было умирать и легче жить теперь в изгнании

Этот свет России Бога живаго, свет немеркнущий. Он горел в призыве сельского батюшки, взывавшего: «Православные, ратуйте за Церковь Христову, за дом Богоматери!» Он сиял у матерей и отцов, благословлявших сыновей своих на ратный подвиг. Он светился на Пасхальной заутрене в распечатанном храме. Он струился в радостном перезвоне колоколов в освобожденных городах. Он озарял сестер милосердия. Он преображал махновцев, он был у красноармейцев, дававших напиться израненному белогвардейцу. Россия Бога живаго, — она шире государственных границ... Она выше политических идеалов. Она богаче всех богатств, скрытых в ее недрах. И не напрасны были жертвы, принесенные во имя ее воскресения. Кровью и духом приобщились к ней соборно белые ратники — Корниловцы...

ЭВАКУАЦИЯ

Корниловская Ударная дивизия под командой командира артиллерий-

ской бригады генерала Ерогина 2 15 ноября прибыла в Севастополь и приступила к погрузке на транспорт «Саратов».

В этот же день к генералу Врангелю в гостиницу Киста явились представители от полков 1-го армейского корпуса во главе с генералом Манштейном для принятия Знамен этих полков, стоявших в помещении Главнокомандующего. Генерал Врангель вышел к ним, бледный, в черной черкеске, и сказал собравшимся: **«Я сожалею, что не могу сказать этого всем и прошу вас передать всем то, что я скажу. Сейчас я убедился в том, что Европа и Америка нас предали. Результаты налицо:** в моем распоряжении кораблей настолько мало, что я не могу на них посадить даже все остатки славной Армии, которая, истекая кровью, подходит к Севастополю. Куда

Кильватерная колонна транспортов в дни последней эвакуации из Крыма в 1920 г.

мы идем, я не знаю так как на мои вопросы, которые я рассылал в течение двух дней со дня юшуньской катастрофы, ответов нет. Я продолжаю по радио вести переговоры и думаю, что они увенчаются успехом Где мы пристанем, я не знаю, но где бы это ни было, я прошу передать эту просьбу частям, сохранять безусловный порядок, дисциплину и, самое главное, уважение друг к другу. Потому что я в состоянии говорить за вас только тогда, когда буду уверен, что мы и там останемся такими же, как и здесь, твердо веря в нашу идею и в то, что вина в нашей катастрофе не в нас самих»

К утру 13 ноября стали подходить к городу части 1-й Армии генерала

Кутепова и погрузка началась. Утром 14 ноября в Севастополе было совершенно спокойно, по городу ходили патрули юнкеров. На рейде стоял крейсер «Генерал Корнилов». Днем караулы и заставы стали стягиваться к Графской пристани. Около 2 часов дня туда подошел генерал Врангель и поблагодарил юнкеров за службу. Затем **он снял Корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной земле и на катере отбыл на крейсер «Генерал Корнилов».**

За ним на «Херсон» погрузились юнкера. **Последним сошел с берега начальник обороны Севастопольского района генерал Стогов. Он остановился, перекрестился и заплакал.** На берегу была масса народа. Люди благословляли и плакали.

Это было около 3 часов дня, а в 4 часа 45 минут большевики вошли в город.

По данным штаба Главнокомандующего, из Крыма ушли все морские транспортные средства и боевые корабли, — всего 126 судов. На них было погружено около 135 тысяч человек, и среди них до 70 тысяч бойцов с пулеметами и винтовками. Пароходы вышли в море переполненными до крайности, все трюмы, палубы, мостики, решетки у труб, все было буквально забито и наполнено людьми. Слава Богу, море было совершенно спокойно. С тяжелым чувством покидали Белые воины русскую землю, на которой они три года боролись с врагами РОССИИ, — коммунистами и большевиками. Там оставались дорогие могилы, многие оставили там свои семьи, не зная, какая участь их постигнет, но отчаяния не было. Пароходы отходили, взоры всех были обращены на удаляющийся берег родной земли, не зная, увидят ли они ее когда-нибудь опять. **Начало смеркаться, на далеком берегу кое-где зажглись огни, все туманнее становились очертания берега. Вот погас и последний огонек. П р о щ а й, Р О С С И Я!..**

Пароходы начали приходить в Константинополь с 15 ноября по 23-е включительно. Пароходы подходят к Царьграду. Развертывается широкая, прекрасная панорама Константинополя, видна и Св. София. Вот стоят на рейде величественные «Генерал Алексеев» и «Генерал Корнилов». У трапа появляется генерал Врангель. Главнокомандующий здоровается с войсками. Несется единодушное «ура». И в то же время на всех пароходах выкинуты флаги: «Хлеба и воды!» На пароходах продолжалась давка, грязь и холод. Международная полиция следила, чтобы русские не сходили с пароходов. Правовое положение офицеров и солдат все еще выяснялось. Несмотря на это, французы на глазах своих бывших союзников сгрузили с прибывших из Крыма судов: 45.000 винтовок, 350 пулеметов, 12.000.000 ружейных патронов, 330.000 снарядов и 60.000 ручных гранат. Продовольствия: 300.000 пудов зерна, 20.000 пудов сахара, 17.000 пудов чая, 1.500 пудов табака и разных других продуктов 50.000 пудов. Обмундирования и белья: 42.000 шинелей, френчей и шаровар, 340.000 рубах и кальсон, 640.000 пар носков, 285.000 полотенец, 58.000 пар обуви, 592.000 килог. кожи, 53.000 пар перчаток, 140.000 одеял, сукна и мануфактуры 810.000 метров и другое имущество, **а всего на сумму в 69.075.888 франков того времени.**

Непрерывно работали лебедки, пустели трюмы, а вместе с этим Рус-

1920
1970
1920
ГАЛЛИПОЛИ
1921
ЛЕМНОСЪ
БИЗЕРТА
ЧАТАЛДЖА

ская Армия все более обездоливалась и переходила в материальную зависимость к чужому, хотя бы и другу.

«Приказ по войскам 1-й Армии № 1, 5/18 ноября 1920 года, Константинополь, «Алмаз». § 1. Приказываю, в каждой дивизии распоряжением командиров корпусов всем чинам, за исключением офицеров, собрать в определенное место оружие, которое хранить под караулом. § 2. В каждой дивизии сформировать вооруженный батальон в составе 600 штыков с офицерами, которому придать одну пулеметную команду в 60 пулеметов. § 3. К исполнению приступить немедленно и об исполнении донести. Генерал-лейтенант Кутепов».

Приказ № 3 говорил о том, что 1-я Армия сводится в 1-й армейский корпус под командованием генерала от инфантерии Кутепова. В состав корпуса должны войти: 1-я пехотная дивизия, 1-я кавалерийская дивизия и технический полк. Начальником 1-й пехотной дивизии был назначен генерал-лейтенант Витковский. По Мраморному морю шли «Саратов» и «Херсон» к Дарданеллам, где, теперь это уже было ясно, ждал Армию ее тернистый путь. Когда 22 ноября 1920 года, миновав водный простор Мраморного моря, в маленькую бухту полуразрушенного городка Галлиполи, расположенного на северо-востоке Галлиполийского полуострова, прибыли первые два парохода с частями 1-го армейского корпуса, с ними прибыл и генерал Кутепов. Французский комендант города заявил, что все части корпуса не могут поместиться в городе и должны расположиться в лагере, для которого отведена долина в 6 километрах от города. Генералу Кутепову подали лошадь и дали проводника для осмотра будущего лагеря в долине «роз и смерти», названной так потому, что в протекающей там реченке водились маленькие ядовитые змеи и вдобавок к ним небольшие породы удавов. В долине было две небольших турецких фермы и кое-где росли деревья, а вдали возвышались горы полуострова. При виде этого у генерала Кутепова невольно вырвалось: «И это все?!» Но, как ни печальна была картина, лагерь нужно было устраивать. На второй день французы выдали палатки и немного необходимых инструментов.

Генерал Деникин в своих воспоминаниях дал такую оценку Галлиполи: «На тернистом пути Добровольческой Армии было три этапа: Орел — ее слава; Новороссийск — ее несчастье и Галлиполи — ее испытание. На всех этих этапах развевалось трехцветное Знамя. Оно двигало на подвиг, оправдывало жертвы и будило надежды. Этот символ Родины неотделим от Армии. В нем ее смысл, духовная сила и будущее».

Корниловская Ударная дивизия была сведена в полк, которому в лагере было отведено место на правом фланге дивизии. Само место представляло из себя равнину, имеющую по бокам большие холмы, впереди протекал ручей и где-то далеко в горах были видны деревья и кустарники. Несмотря на то, что все грузы пришлось до постройки узкоколейки носить на себе, все же лагерь был построен довольно скоро, но оборудование его немного затянулось. Набиты были палатки до отказа. Особенно тяжело было семейным, часть которых вырыла для себя простые землянки. Первое время особенно тяжело было переносить полуголодный паек, и от этого

ГАЛЛИПОЛИ 1921 г.

1) Генерал Скоблин Николай Владимирович.
2) Бывший командир 1-го Корниловского Ударного полка полковник Гордеенко Карп Павлович.
3) Полковой священник Отец Леонид Розанов
4) Адъютант полка капитан Копецкий Леонид Васильевич.
5) Подполковник Челядинов.

Половина лагеря Корниловского Ударвого полка в Галлиполи.

сильно пострадали черепахи, которые шли на пищу (смотри «Лагерь Корниловского Ударного полка»).

Помимо всех этих недочетов, нас давили горечь военного поражения и измена наших союзников, забывших, какую жертву мы принесли для их победы на фронте первой великой войны 1914-18 гг., и теперь не только забывших про нас, но и отобравших от нас весь наш флот и все наши запасы за нищенский кусок хлеба, да и во время гражданской войны не мало потрудившихся на пользу Ленина и Пилсудского. Все это давило на мораль, которую нужно было поддержать для своего престижа. Это большое и основное дело было неразрывно связано с именем командира нашего корпуса генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова, который был хорошим военным психологом, и потому принятые им меры придали его корпусу вид, достойный его прошлого. Он высоко ставил офицерский мундир и в приказах говорил: «Офицер во всех случаях жизни должен быть офицером. Никакой труд не может быть унизительным, если работает русский офицер». Главный его успех заключается в том, что он сумел свою любовь к Родине и свою веру в конечный успех дела перелить в павшую духом Армию. Он говорил: «Наш долг перед Родиной обязывает нас быть сплоченными, дисциплинированными и обученными». И все это для того, чтобы донести наши Знамена в РОССИЮ. Это же руководило генералом Кутеповым и во всех его сношениях с французами. Когда на запросы французского командования генерал Кутепов давал уклончивые ответы, а на категорические требования отвечал не менее категорическими отказами, — все понимали, что он, действуя так, защищает достоинство Русской Армии, а вместе с ней и РОССИИ. Именно так он характеризуется и Главнокомандующим в его приказе по случаю годовщины пребывания корпуса в Галлиполи; «Величием духа, всесокрушающей силой, непоколебимой верой в правоту нашего дела и безграничной любовью к Родине и Армии, он неизменно, в самые трудные дни нашей борьбы вселял в свои части тот дух, который дал им силы на Родине и на чужбине отстоять честь родных Знамен. История в будущем оценит генерала Кутепова, я же высказываю ему мою безграничную благодарность за неизменную помощь и дружную поддержку, без которой выпавший на мою долю крест был бы непосилен». Характерно и то, что в то время как часть русской заграничной общественности обливала имя генерала Кутепова потоками грязи, все русские общественные деятели, побывавшие в Галлиполи и видевшие, что было им там сделано, и те отношения, которые создались между командиром и его корпусом, прониклись к нему глубоким уважением.

Наш Корниловский Ударный полк остался в составе 1-го армейского корпуса, а потому в дальнейшем все относящееся к корпусу будет касаться и его и для экономии места детали нашей полковой жизни я сокращу до минимума.

Командиром полка был назначен генерал Скоблин, к тому времени немного поправившийся от ранения, полученного под Рогачиком. Командиром 1-го батальона — полковник Гордеенко, задержавшийся в Константинополе по ранению на Юшуньских позициях. Командиром 2-го батальона — полковник Левитов, М. Н., не пожелавший остаться в Константинополе

по ранению пулей в пах, оставшейся в позвоночнике и удаленной только через 8 лет в Болгарии. Его помощником был назначен полковник Иванов, К. В., бывший командир офицерского батальона 2-го полка. 3-им батальоном — полковник Щеглов, В. П., тоже немного подлечившийся от ранения на Юшуньских позициях. Начальником хозяйственной части стал полковник Гавриленко, А. А., адъютантом полка — капитан Копецкий и командиром конного эскадрона — ротмистр Копецкий.

Восстановление нормальной жизни в полках 1-го корпуса вызвало оставление его рядов некоторыми его чинами. Причины ухода были весьма разнообразны: потеря веры в продолжение борьбы, желание устроиться в новоявленных республиках, появившихся после революции, на работу в Америку, а небольшая часть, поддавшись пропаганде французов, вернулась в СССР. Приказ по корпусу не противился этому и только дал определенный срок, после которого уходящие считались преступниками. **Всего в Галлиполи прибыло 26.590 человек,** и за все время через беженский лагерь прошло 4.650, из них офицеров 1.244 и солдат 2.406, то есть **ушло менее одной седьмой части корпуса.** Нельзя сказать, чтобы это прошло безболезненно: часто с уходящими старыми соратниками прощались с искренним сожалением от того, что в дальнейшем их дороги расходятся, а с солдатами, особенно из последнего пополнения пленными, расставались дружески, с благодарностью им за то, что они помогли нам в последних боях с честью их закончить. С этим отходом своя часть, свой полк снова стали дорогими, снова тщательно поддерживалась своя форма и свои праздники и впоследствии занятия велись нормально, а от парадов были даже в восторге. Характерно, что количество ушедших в беженцы в Корниловском, Марковском и Дроздовском полках, составленных из дивизий тех же наименований, было меньшим, чем в Алексеевском, в который были влиты остатки Алексеевского и Самурского полков и частей 13-й и 34-й пехотных дивизий.

Со стороны французов принимались все меры для распыления корпуса, не останавливаясь не только перед угро́зой лишения пайка, но и перед применением военной силы, сопроводив последнюю маневрами военных судов, стоявших в бухте. В этой борьбе корпус выдержал экзамен на политическую зрелость. Участь его была решена. Он окончательно осознал себя Армией, Русской Государственной Армией, носителем идеи русской государственности. Остались люди, крепкие духом и верные идее борьбы за счастье и возрождение Великой и Неделимой РОССИИ. С этим окончательно прекратились все разговоры о беженцах.

ПИТАНИЕ

В Константинополе оно было отчаянным. Все вывезенные нами запасы из Крыма были отобраны «союзными комиссиями». Если и оказывалась помощь, то только из источников благотворительных, так, например, один киловый хлеб выдавался на 16 человек или две галеты на два дня. В Галлиполи все питание французы взяли в свои руки. В залог за это были взяты все вышеуказанные наши запасы продовольствия и наши корабли,

среди которых была и плавучая ремонтная база нашего Черноморского флота большой ценности. Общая же стоимость питания 1-го армейского корпуса за десять месяцев обошлась французам в семнадцать миллионов франков, что за вычетом отобранного у нас является полностью оплаченной нами. Избегая всех резкостей со стороны наших бывших союзников в желании распылить нас угрозой сокращения пайка, таковой всеми исследователями этого вопроса признан неудовлетворительным даже для таких «изгоев», в каких нас тогда превратили. Для улучшения питания и с нашей стороны были приняты меры. Так Корниловский Ударный полк арендовал клочок земли и ему удалось собрать с него какой-то урожай. В Дарданельском проливе была организована рыбная ловля, которая, благодаря строгим мерам французов смогла своими уловами только оплатить купленные снасти. Вопрос с обмундированием обстоял тоже весьма остро, так как отступление в морозы и эвакуация превратили все в тряпки. Французы из захваченного в Константинополе все же выдали часть для 1-го армейского корпуса, что дало нам возможность прикрыть свою наготу. Подробный расчет всего приведен в книге «Русские в Галлиполи», изданной в 1923 году. Помимо этого, помощь шла из благотворительных учреждений Бельгии, Греции и особенно из Америки. В наших записях того времени отмечено, что французы встретили прибытие майора Дэвидсона в Галлиполи недружелюбно, но все же отвели для склада привезенного помещение. С начала деятельности майора Дэвидсона до 1 августа всех грузов прибыло около 1.500 тонн (93.000 пудов).

Эта помощь, существенная и широкая, нашла себе достойную оценку в прощальных словах командира корпуса в приказе от 3 октября 1921 года: «В ближайшие дни уезжает из Галлиполи представитель американского Красного Креста майор Дэвидсон. Он прибыл в Галлиполи в самое трудное для нас время, когда наши больные, наши женщины и дети не имели ни крова, ни одежды, ни достаточного питания, ни медикаментов. Щедрая помощь продолжалась во все время пребывания майора Дэвидсона в Галлиполи. Друзья познаются в несчастье, и мы знаем, что от нас уезжает наш добрый друг, о котором мы всегда будем вспоминать с чувством глубокой признательности».

Широта и размах американской помощи были основной чертой деятельности майора Дэвидсона.

Питательные пункты, устроенные иностранными и русскими благотворительными учреждениями, характерно отразились особенно на детях: они как будто возмужали и стали проявлять зрелое понимание идеи Родины, что мы можем видеть в приводимом здесь стихотворении ученицы 3-го класса гимназии «Терек»:

В глубоком ущелье, где замок царицы,
Злой Терек угрюмо течет.
Летит он, как птица, и сильно пенится,
И жутко, так жутко ревет.

Кругом него горы. Высокие скалы
Теснятся одна близ другой.
И дикие козы, и тут же шакалы
Играют над бездной крутой.

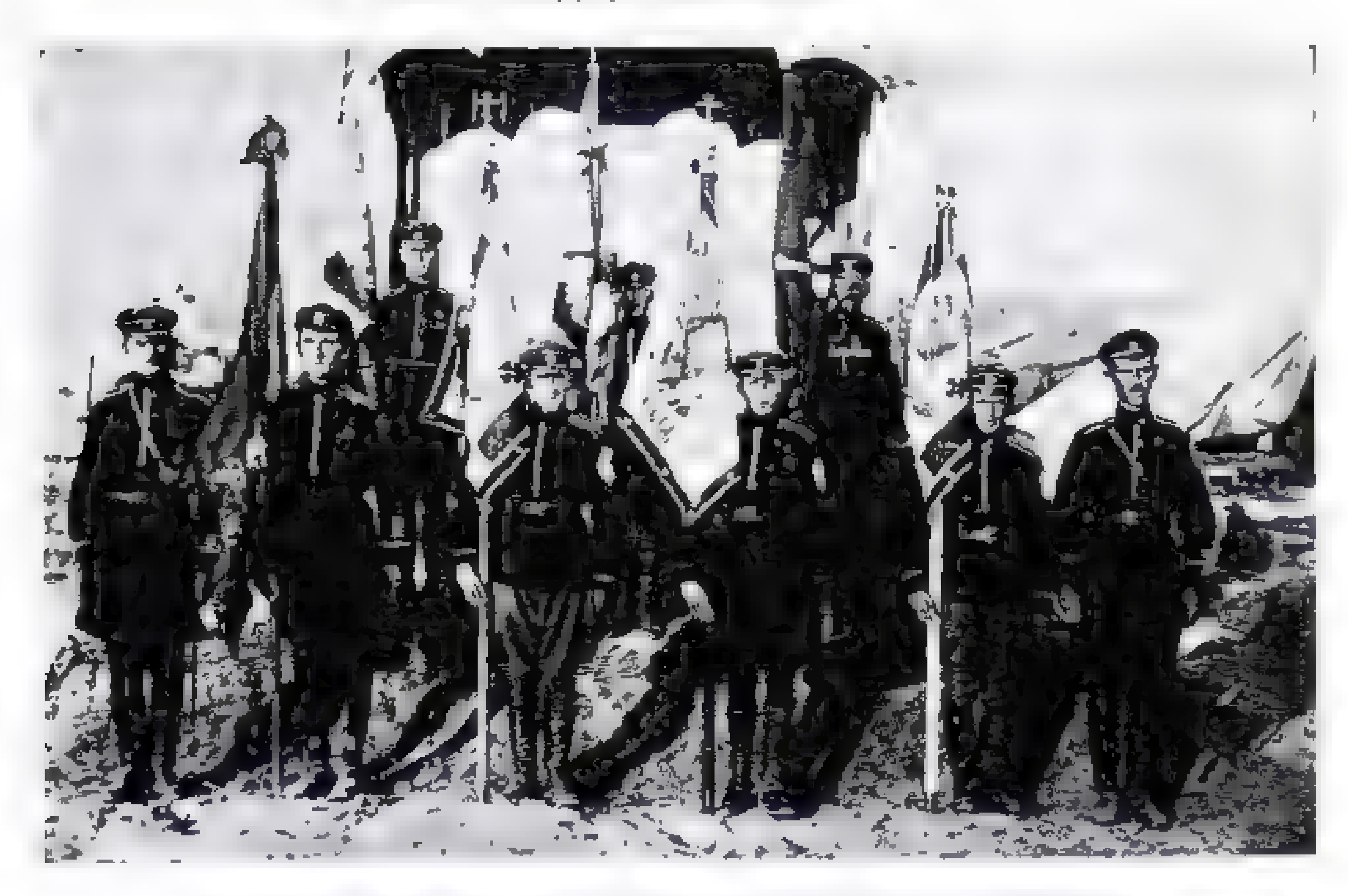
Утрата общения с Родиной, необычайная и тяжелая обстановка и желание быть там, в далекой РОССИИ, со своими, оставленными там, толкает мысль ученицы 3-го класса к крику души:

НА РОДИНУ

Солнце скрылось. Звезды засверкали.
Где-то колокол упрямо зазвонил.
Чья-то песня слышится в тумане, —
Это ведь поет на башне муэдзин.

Долго, скучно тянутся напевы,
Вторит эхо где-то далеко.
На деревьях птицы уже сели.
Но на сердце что-то не легко.

Боже милостив! Скорее бы на волю!
Убежать на Родину скорей.
И забыть тяжелое бы горе,
И обнять подругу юных дней.



Знамена Корниловского Ударного полка в Галлиполи.

ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

Хотя и на пустой желудок, но с появлением построенной нашими инженерами узкоколейки приведение лагерной жизни в порядок пошло ускоренным темпом. Было подобрано и использовано нами все брошенное

после войны турками и союзниками. Несмотря на невыносимую тесноту в палатках, было приказано построить сплошные кровати, чтобы не спать на земле. Кустарники и леса в горах сильно пострадали от этого. Несмотря на все эти препятствия, жизнь нашего полка, как и всего корпуса, приняла вид опрятного лагеря. Перед передней линейкой полка была построена «знаменная будка», где помещались: наше Черно-Красное Знамя, врученное полку в первую великую войну, в 1917 году, самим Генералом Корниловым; Георгиевское Знамя бывшего Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего в великую войну; Знамя 75-го пехотного Севастопольского полка, Знамя 133-го пехотного Симферопольского полка; Николаевское Знамя 1-го Корниловского Ударного полка; Николаевское Знамя 2-го Корниловского Ударного полка; Николаевское Знамя 3-го Корниловского Ударного полка и флаг Корниловской Ударной дивизии (см. фотографию).

Все это в основном было исполнением приказов генерала Врангеля и генерала Кутепова.

Приказ генерала Кутепова при высадке

«Для поддержания на должной высоте доброго имени и славы русского офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой земле, приказываю начальникам всех степеней строго следить за выполнением всех требований дисциплины. Вверенный мне корпус должен быть образцовым в войсках Русской Армии и пользоваться тем же уважением иностранцев, каким пользовалась Русская Армия».

Приказ генерала Врангеля от 1 декабря 1920 г.

«По устройстве войск на новых местах главной заботой начальников всех степеней должно быть создание прочного внутреннего порядка во вверенных им частях. Дисциплина в Армии и на Флоте должна быть поставлена на ту высоту, какая требуется воинскими уставами, и залогом поддержания ее должно быть быстрое и правильное отправление правосудия».

Указанная генералом Врангелем цель: «Русская Армия должна продолжать борьбу за освобождение РОССИИ» являлась как бы завершением всех мер воспитания корпуса в Галлиполи.

Для проведения всего намеченного в жизнь, в Галлиполи было: 6 военных училищ и 14 офицерских школ. Добавочно к этому было создано несколько общеобразовательных курсов, чтобы дать молодым возможность пополнить свое специальное военное и общее образование и приобрести другие знания. Для детей была образована гимназия имени генерала Врангеля, в которой учились 159 мальчиков и 49 девочек. В полках продолжали функционировать Суды Чести, для солдат в Корниловском Ударном полку была создана учебная команда, начальником которой был назначен полковник Будилович.

Галлиполи 1921 г.- Знамена Корниловского Ударного полка
на молебне в лагере.

Парад в ГАЛЛИПОЛИ,
к месту молебна несут СЕМЬ ЗНАМЕН Корниловского Ударного полка

Отношение Армии к Главнокомандующему

Разрешение этого вопроса зависело от признания страны, давшей нашему флоту право пользоваться ее флагом. Таковой была Франция. Из вышеизложенного мы видели, что все ее усилия сводились к скорейшему распылению нашей Армии мерами, далекими от взаимных дружеских отношений, существовавших до прихода у нас к власти большевиков Ленина. Генерал Врангель все свои усилия направлял к признанию нас Армией. Для этого он должен был доказать преданность ему Русской Армии. С этой целью был намечен приезд генерала Врангеля, который и прибыл в Галлиполи 18 декабря на броненосном крейсере «Прованс» вместе с французским адмиралом де Бон. Почетный караул, выставленный на пристани в Галлиполи из чернокожих, подтверждал как будто слухи о признании нас Армией, и это создало в нас чувство исключительного напряжения. В таком состоянии напряженности и произошла первая встреча Главнокомандующего со своими войсками. Генерал Врангель, которого все привыкли видеть в серой черкеске, был в Корниловской форме и казался переутомленным. Чувствовалось, что эта встреча волновала и его, привыкшего в самые тяжелые минуты сохранять спокойствие. Войска к этому времени уже приобрели строевой вид, хотя и пестрели в сборных одеждах. В ответах Главнокомандующему чувствовалось, что прежняя связь не только не утеряна, но укрепилась еще сильнее. При такой напряженности генерал Врангель обращается к войскам: «Вы исполнили свой долг до конца, — сказал он, — и не ваша вина, что мы уступили превосходящему силой врагу. Виноват в этом мир, который нас не поддержал. Вам — мой низкий поклон! Я не хотел ехать к вам до тех пор, пока не выяснится наше положение и три дня тому назад я получил сообщение, что до тех пор пока мы снова сможем вступить в борьбу, мы, как Армия, сохраняем свой состав и организацию. Дайте же мне, вашему ходатаю перед иностранными державами и такому же изгнаннику, как и вы, право говорить от вашего имени. Сплотитесь, чтобы я знал, что все это — выражение вашей воли...» Эта речь, произнесенная в присутствии адмирала де Бон, произвела колоссальное впечатление. Всем стало ясно, что только благодаря исключительной преданности Армии и напряжению всей воли Главнокомандующего, Армия оказалась признанной с сохранением своего лица.

Войска восторженно провожали своего Главнокомандующего. Однако и здесь судьба оказалась жестока к Русской Армии: смена кабинета Лейга и вступление Бриана на пост премьер-министра Франции ознаменовались прямым поворотом прежней политики. Армия стала рассматриваться как сборище простых беженцев. Открыто подчеркивалось, что политическое значение «крымской авантюры» кончилось и на очереди стоит вопрос о материальном устройстве этих людей, **«сидящих на французском пайке».**

Несправедливость этого политического и экономического заключения нашего бывшего союзника настолько очевидна в сравнении с действительностью того времени, что и спустя 50 лет звучит незаслуженной ненавистью со стороны представителя Франции, забывшего нашу жертву в победе над нашим общим врагом.

Все эти перемены быстро передавались в Армии. Между Главнокомандующим, с одной стороны, и генералом Шарпи и верховным комиссаром Франции Пелле, с другой, началась резкая переписка, в которой генерал Врангель проявил исключительное достоинство и мужество. В сознании солдат он стал уже не только ходатаем и представителем, он становился уже заложником во вражеском стане, заложником, который не сгибался и гордо отражал все удары во имя сохранения Чести и достоинства Армии. И это новое настроение было проявлено во второй приезд Главнокомандующего, 15 февраля, и вылилось в настоящий триумф. Создавшееся положение не вызвало ни разочарования, ни охлаждения. Был холодный день, все небо было покрыто тучами, каждую минуту мог пойти дождь. И в тот самый момент, когда Главнокомандующий сошел с автомобиля, тучи разорвались и яркое солнце осветило всю равнину. Это совпадение еще более усилило и обострило общее чувство. Многие солдаты и офицеры не могли сдержать своего нервного напряжения, многие плакали. **Это был настоящий ТРИУМФ.**

Речь Главнокомандующего не открыла новых горизонтов. Резко охарактеризовав собравшихся в Париже «учредиловцев», указав на друзей, «которые уверяли нас в своей любви во время наших побед, а теперь отвернулись от нас», сказав об объединении парламентских деятелей, поддерживающих его, генерал Врангель перешел к самой главной части своей речи: что же ожидает Армию?

«Как это солнце прорвалось сквозь темные тучи, — почти кричал он, — так осветит оно и нашу РОССИЮ... Не пройдет и трех месяцев, как те, которые нами пренебрегают, попросят сами помочь им... И я поведу вас вперед, в РОССИЮ... Держитесь!..»

После отъезда генерала Врангеля атаки против Армии усилились, и период борьбы нотами сменился борьбой действиями. Были предприняты все меры для распыления и разложения Армии, вплоть до провокационных воззваний о неповиновении начальникам. Эти действия сопровождались уменьшением пайка, почти ежедневными уколами по самолюбию и завершились требованием, предъявленным Главнокомандующему сложить свои полномочия. Французы нашли, что наибольшим препятствием к достижению их целей является сама личность Главнокомандующего. Генерал Врангель ответил категорическим отказом и заявил, что только физическое лишение свободы оторвет его от Армии. Арестовать его французы не посмели.

В декабре прибыл в Галлиполи новый французский комендант, подполковник Томассен, с новыми инструкциями от командира французского оккупационного корпуса. Комендант пригласил к себе в управление генерала Витковского, временно заменявшего генерала Кутепова, серьезно заболевшего, и предъявил ему требования: «Русская Армия больше не является Армией, а лишь беженцами; генерал Врангель — простой беженец; в Галлиполи никакого корпуса нет, и поэтому он приказывает сдать ему все имеющееся оружие». На это генерал Витковский ему ответил: «Русская Армия и после эвакуации осталась Армией, генерал Врангель был и есть наш Главнокомандующий, в Галлиполи расположены не беженцы, а войска,

а на него генерал Витковский смотрит как на офицера союзной Армии и коменданта соседнего гарнизона». Подполковник Томассен заявил тогда, что он примет суровые меры, и пригрозил генералу Витковскому арестом. На это генерал Витковский ответил, что русские войска поступят так, как он им прикажет, и ушел. По возвращении в штаб генерал Витковский приказал принять меры на случай тревоги. Казармы французского гарнизона (сенегальцы) оплелись проволокой.

Так продолжалось до праздника Рождества Христова, когда во время богослужения в церковь пришел подполковник Томассен с чинами своего штаба и после окончания службы поздравил генерала Витковского с праздником. Французы признали силу и решимость нашу и ничего не предприняли. Но, несмотря на это примирение, началось сокращение пайка и жалобы французов на то, что довольствие наше обходится им в 40 миллионов франков в месяц. А насколько это правильно, читатель может судить по подсчету, приведенному в статье «Снабжение корпуса».

В то же время, наружно, местное французское командование сохраняло корректное отношение к русским властям.

Учитывая все вышеописанное, генерал Врангель искал выхода из создавшегося положения, и таким выходом оказался переезд Армии в славянские страны.

Церковный вопрос

В Галлиполи церковь явилась желанием русского воинства сохранить свой нравственный образ и тем выразить свой протест против насилия. Первая служба была совершена нашим духовенством в греческом храме, предоставленном местным митрополитом. В записях того времени отмечено, что пел лучший в корпусе хор Корниловского Ударного полка, регентом которого был капитан Игнатьев, Симеон Димитриевич. Греческий митрополит не только предоставил свой храм для богослужений, но и сам призывал своих прихожан оказывать нам помощь. Одинаково дружелюбно относилось к нам и местное армянское духовенство. Затем стали строиться и полковые церкви и в лагерях. Из готового материала для них были только бараки, а все остальное делалось самым примитивным способом из консервных банок. Богослужебные книги и иконы писались и рисовались на местах. Так, икона Божией Матери в церкви Корниловского Ударного полка написана сестрой милосердия Левитовой.

Подчеркивается, что в деле устройства храмов необыкновенно ярко проявилась вся религиозность русского человека. В самом городе в большие праздники войска принимали участие в крестном ходе «выноса плащаницы» и других, что усиливало торжественность. Так, в Пасхальную ночь вокруг греческого храма собралось греков, армян и русских войск около 20 тысяч человек. Вообще, объединение православных церквей благотворно отразилось на жизни русских в Галлиполи.

Кладбища

Первых двух скончавшихся ударников мы похоронили около правого фланга нашего лагеря. После похорон 27 чинов других частей на гречес-

Церковь в лагере Корниловского Ударного полка.

Галлиполи. Хор Корниловского Ударного полка капитана Игнатьева считался первым. Впоследствии он его улучшил и под названием «Кубанского казачьего хора» с успехом давал концерты в Европе и Америке.

ком и армянском кладбищах был куплен свой участок для корпуса, около города. Участок был приведен в порядок и было приступлено к постройке памятника по проекту подпоручика Н. Н. Акатьева. По этому случаю последовал приказ по 1-му армейскому корпусу за № 234, от 20 апреля 1921 года, § 1-й которого гласил:

«Русские воины, офицеры и солдаты! Скоро исполняется полгода нашего пребывания в Галлиполи. За это время многие наши братья, не выдержав тяжелых условий эвакуации и жизни на чужбине, нашли здесь безвременную кончину. Для достойного увековечения их памяти воздвигнем памятник на нашем кладбище... Воскресим обычай седой старины, когда каждый из оставшихся в живых воинов приносил в своем шлеме земли на братскую могилу, где вырастал величественный курган. Пусть каждый из нас внесет свой посильный труд в это дорогое нам и святое дело и принесет к месту постройки хоть один камень. И пусть курган, созданный нами у берегов Дарданелл, на долгие годы сохраняет перед лицом всего мира память о русских героях...»

16 июля 1921 года состоялось открытие и освящение памятника с большим торжеством в жизни корпуса. Выдалось яркое солнечное утро, почти весь корпус собрался у кладбища. Со Знаменами и оркестрами окружили его части войск, участвующие в параде. В ограде — духовенство, почетные гости: местные французские и греческие власти, представители населения, дамы и дети. Во время богослужения протоиерей Миляновский произнес прочувственную речь, сказав: «Путник, кто бы ты ни был, свой или чужой, единоверец или иноверец, благоговейно остановись на этом месте: оно свято, ибо здесь лежат русские воины, любившие Родину и до конца стоявшие за Честь ее...» За этим он просил власть имущих сделать так, чтобы этот клочок земли был русским и чтобы здесь всегда реял бы русский флаг. Перед окроплением святой водой с памятника был снят покров, трубачи заиграли «Коль славен», и тяжелая громада, вместившая в себе все двадцать тысяч принесенных камней, поднялась над кладбищем, сверкая белизной мраморного фронтона с надписью на русском, французском, турецком и греческом языках: «Упокой, Господи, души усопших! 1-й корпус Русской Армии своим братьям-воинам, за Честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920 и 1921 и в 1854-1855 гг., и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену». Затем акт об этом был передан мэру города с просьбой принять памятник на свое попечение. Присутствовавший среди гостей французский комендант сказал: «Я горд, что мне удалось сегодня отдать воинскую честь доблестным павшим солдатам дружественной Армии». Мусульманский муфтий сказал: «Для магометан всякая гробница священна, но гробница воина, сражавшегося за свое Отечество, особо священна, какой бы веры ни был этот воин». После возложения венков войска прошли церемониальным маршем перед теми, кто уже не увидит Родины.

Всего на этом кладбище погребено 255 человек. Над умершими до этого в лагере пехотной и кавалерийской дивизий были поставлены свои памятники, фотографии которых здесь и приводятся.

Впоследствии на большом кладбище происходили торжественные воз-

ложения венков, присланных от Королевы Эллинов, от Великой Княгини Елены Владимировны, от Главнокомандующего, от В. З. С. и В. С. Г. и т. д.

Список чинов Корниловского Ударного полка, похороненных на большом кладбище: могила № 10 — поручик Акрашев, Иван Ефимович, № 30 — поручик Булава, № 21 — вольноопределяющийся Богутский, Михаил Трофимович, № 76 — подпоручик Денисов, Константин Яковлевич, № 105 — подпоручик Иванов, Иван Федорович, № 108 — Ивашкевич, Никанор Михайлович, Омской губернии, № 113 — Калашникова, Варвара Васильевна, жена капитана Калашникова, № 127 — ударник Клементьев, Василий

Галлиполи. Памятник на кладбище 1-го Армейского Корпуса, на котором погребено 255 человек.

Васильевич, № 148 — младший унтер-офицер Кузьминов, Михаил, № 180 — поручик Мельник, Иван Агапьевич, № 225 — ударник Петренко, Павел Иванович, № 245 — поручик Рицк, Владимир Михайлович, № 252 — ударник Русин, Николай Матвеевич, Тобольской губернии, № 273 — корнет Соболев, Валентин Федорович, № 276 — капитан Стебельский, Борис Владимирович, № 278 — капитан Стрепков, Всеволод, № 330 — поручик Скляревский, Иван Андреевич. **Всего — 17 человек.**

Общественная жизнь

При корпусе были созданы профессиональные кружки, в которых к концу пребывания в Галлиполи было 2.000 человек: Общество офицеров

Генерального штаба — 50, союз инженеров — 33, союз участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода — 253, союз Кавалеров Ордена Св. Георгия Победоносца — 385.

Тогда же возникло и Общество Галлиполийцев. Его задача: поддержать в дальнейшем единение тех, кто был тогда в Галлиполи. 27 сентября 1921 года состоялось первое собрание, положившее начало Общества. На съезде был выбран Совет Общества, почетным председателем Общества был избран генерал Врангель, почетным председателем Совета Общества — генерал Кутепов.

Художественная деятельность

Она проявилась в украшении церквей иконами, собраний портретами генералов Корнилова, Алексеева, Деникина, Врангеля и других. Передние линейки в полках украсились стойками для Знамен, перед которыми были изящно выложены из камней эмблемы полков.

Из литературного творчества особо популярной была «Устная газета», заменявшая информацию. К августу были даже журналы: «Огни», Корниловского Ударного полка, «Шакал», Марковского, «Луч», Теле-Радио отдела, «Сергиевец», Сергиевского артиллерийского училища, «Веселые бомбы», Дроздовского артиллерийского дивизиона, «Константиновец», «Изгой», Марковского артиллерийского дивизиона и другие.

Театры

Их было два: корпусный, в городе, и другой, в лагере. Помимо этого были меньших размеров и полковые театры, которые были даже более популярными, так как в них играли СВОИ. В нашем полку гвоздем были: прекрасный хор капитана Игнатьева, артистка Плевицкая и оркестр. Так, в сохранившейся печати отмечается: «Лучшими из хоров были Корниловский и Алексеевский». Первым русским концертом в Галлиполи был концерт хора Корниловского Ударного полка, устроенный им на третий день по прибытии в Галлиполи, в армянской церкви. Сначала было исполнено «Отче наш» (музыка Чайковского) на греческом языке. Потом хор стал петь в греческой церкви на их языке. Прекрасное исполнение произведений русских церковных композиторов в переводе песнопений на родной их язык привлекло много греков исключительно для того, чтобы послушать пение. Хор давал концерты в греческой церкви, армянской школе и в греческом клубе. Концерты всякий раз проходили с большим успехом, привлекая местное население, главным образом греков. С таким же успехом играл и духовой оркестр Корниловского Ударного полка под управлением капельмейстера Вейнера.

Лилась по Галлиполи и русская песня. Наибольшее развитие получили русские патриотические песни. Так, Корниловцы после молитвы вечером пели свой гимн-марш:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет,
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев:

Вперед на бой, вперед на бой,
На бой, открытый бой!

Верим мы — близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, — да!

Припев.

Русь могучую жалеем,
Нам она кумир.
Мы одну мечту лелеем:
Дать России мир.

Припев.

Русь поймет, кто ей изменник
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а верный друг.

Припев.

За Россию и свободу,
Если в бой зовут,
То Корниловцы и в воду
И в огонь пойдут.

Припев.

Написан капитаном Кривошеевым в 1918 году.

Очень популярен у Корниловцев и «Призыв» того же автора, который они поют в походах. Мотив очень ритмичен и тоже скомпанован в полку.

Призыв

В ком есть сознанье ясное
И мужество в груди,
Под Знамя черно-красное
К Корниловцам иди.

Под Знамя черно-красное
Кто здрав и не урод,
В ком есть желанье властное
Спасти родной народ.

Кто не дитя безгласное
И кто не раб судьбы, —
Под Знамя черно-красное
К Корниловцам иди.

За светлое, прекрасное
России впереди,
Под Знамя черно-красное
К Корниловцам иди!

Студенческая песнь

Вспоили вы нас и вскормили,
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили,
Тебя, святой Руси земля!

Мы были мечтою счастливы,
Мечтою тебе посвятить
Души и ума все порывы
И кровью тебя оросить.

Припев:

Теперь же грозный час борьбы
настал,
Коварный враг на нас напал,
И каждому, кто Руси сын, кто Руси
сын,
На бой кровавый путь один, путь
один.

Студенты России великой,
Мы помним заветы отцов,
Погибших за край наш родимый
Достойною смертью бойцов.

Припев.

Пусть каждый верит и знает:
Блеснут из-за тучи лучи,
И радостный день воссияет,
И в ножны мы вложим мечи.

Припев.

Вперед, вперед смелее!
Приюты наук опустели,
Студенты готовы в поход!
Так за Отчизну, к заветной цели,
Пусть каждый с верою идет.

Припев.

❦

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы — русские солдаты!

В нас дух отцов богатырей,
И дело наше право, —
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

Мужайтесь матери, отцы,
Терпите жены, дети, —
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.

Молись о нас, святая Русь,
Не надо слез, не надо,
Молись за павших и живых,
Молитва нам награда.

Вперед же, братья, на врага!
Вперед, полки лихие!
Господь за нас, мы победим,
Да здравствует Россия!

Спорт

Выкованный годами непрерывной борьбы дух Армии не мог примириться с вынужденным бездельем и настоятельно искал выхода из создавшегося положения и находил его в спорте.

Обучающими спорту были офицеры-инструктора, окончившие в Петербурге Главную гимнастическо-фехтовальную школу. Особо популяр-

ными были выступления футбольных команд, города и лагеря. Всего в корпусе было 23 футбольные команды. Были моменты, когда весь корпус был увлечен игрой в футбол. 30 марта состоялся розыгрыш кубка 1-го корпуса, первенство которого долго оспаривалось, и в конце мая его выиграла команда Корниловского Ударного полка под командой поручика Рыбалко. Но затем «общая сборная» команда победила Корниловцев.

Отношение жителей

На первом месте по симпатиям к нам были наши единоверцы-греки. Местный митрополит и вообще греческое население сделали для нас много хорошего. Ими были предоставлены нам церкви, помещения для лазаретов и частные квартиры.

Галлиполи. Футбольная команда Корниловского Ударного полка.

Турки, несмотря на их положение побежденных, тоже встретили нас по-братски, и это было не только со стороны живших в городе, но и в окрестностях. В дни приезда генерала Врангеля в Галлиполи они встретили его поднесением «дастархана», что делается у них только в отношении особо видных гостей.

Армяне были более сдержанны, но все же предоставляли церковь для служб, с нашим духовенством ими была установлена связь и в торжественных случаях они приглашали наше представительство.

С евреями у нас никаких отношений не было. Редко наши снимали у них квартиры. Это спокойный народ, и они жили своей, замкнутой жиз-

нью. За все время нашего пребывания в Галлиполи у них с русскими столкновений не было.

Одним из официальных подтверждений всего вышеизложенного является следующее письмо, присланное местным греческим префектом Главнокомандующему:

«Позвольте мне от лица населения, возглавляемого мной здесь, выразить вам те чувства, которые переполняют наши сердца и которым только границы возможного не позволяют вылиться в более реальные формы. Если изумленный грандиозной борьбой и сверхчеловеческой духовной силой, которую ваша Армия проявляла до сих пор, весь цивилизованный мир обратил свои взоры на ее доблестного вождя, то, несомненно, имевшие счастье видеть вас вблизи, все видевшие последние испытания вашей Армии, твердо убедились, что нет ничего невозможного для тех, кто, достигнув последних границ терпения, сумел напрячь всю силу воли для борьбы с невзгодами и для возрождения к новой жизни и к новым победам. Именно такое мнение имеет о вашей Армии здешнее население. Отличительные черты этой Армии — храбрость, великодушие, самоотверженность и другие благородные проявления человеческой души, и здешнее население гордится возможностью дать приют этой Армии и счастливо высказать чувства старой благодарности, которые оно питает к народу, представляемому вашей Армией».

От высоты проявления духа в Галлиполи перехожу к описанию условий, в которых протекала жизнь живущих в лагере. Отдельные эпизоды в жизни Корниловцев послужат дополнением к общей трагедии, пережитой нами.

Лагерь полка, как указано выше, был на правом фланге дивизии, лицом к ручью, пересекавшему долину «роз и смерти». Что касается роз, то мы их почти не видели, но всякой смертоносной гадины там было не мало, и о ней-то я и хочу сказать пару слов.

Мне, как командиру батальона, хотя и полагалась большая палатка, но из-за ребенка мне пришлось от нее отказаться и перебраться в землянку, которую по-дружески выкопал мне начальник связи моего 2-го полка, теперь сведенного в батальон, капитан Бешенов со своими ударниками. Сам я не мог принять участия в этой работе, так как мое слепое ранение в пах едва стало позволять мне ходить. За время земляных работ было вырыто 42 кобры, — это небольшие змейки в две-три четверти, как будто с обрубленными хвостами, обладающие способностью высоко прыгать и жалить, но в то время, когда мы их откопали, они были полусонными в своих глубоких норах, — просыпаются они в жару, — а потому мы их теперь уничтожили без вреда для нас. Второй экземпляр нашего вредителя был более серьезным и встретиться с ним нам пришлось при следующих обстоятельствах: около моей землянки была брошенная землянка с проваленной крышей, но передняя ее часть была приятным местом для отдыха на скамейке. В один прекрасный день я слышу крик жены оттуда: «Змея!» Выбегаю из своей землянки с шашкой в руке, вижу с ними же бегут живущие в землянке рядом офицеры конного дивизиона, подбегаю к землянке и ничего подозрительного не вижу в сухих ветках, которыми землян-

ка была забросана. Беру палку и бросаю ее в кусты, а оттуда в моем направлении, с высокого поднятой головой, вылетает змея. Ударом шашки мне удалось почти отрубить ей голову, и она бешено закрутилась. Оказалось, что это был местный желтобрюх, немного больше трех метров

Галлиполи 1921 г.
Командный состав 1-го батальона Корниловского Ударного полка.

длиной, с довольно солидным туловищем. Тогда мы предполагали, что его кто-то испугал на бугре и он бросился в землянку. Потом в Марковском полку был зафиксирован более серьезный случай. Один из солдат, собирая дрова в горах, «почувствовал» какое-то постороннее влияние на него, стал осматриваться вокруг и, взглянув на дерево, увидел здоровую голову удава с выпущенным жалом и гипнотизирующего его. Солдат был без оружия и поэтому решил спасаться бегством. Его душевное потрясение от гипноза было настолько тяжело, что в госпитале его лечили от «горячки». В мою землянку заползали иногда очень вредные сколопендры, которые больно кусались. Будучи разрубленными пополам, их половинки разбегались в разные стороны, гремя своей чешуей. Были и безобидные вредители, — это шакалы, которые подходили к лагерю, рылись в ямах с отбросами, стучали банками и жалобно выли и плакали. Более близко я познакомился с ними во время своей трехдневной прогулки с полковником Бржезицким и полковником Рябинским на место неудачной высадки англичан с французами, где мы видели большие кладбища, потопленные суда и турецкие тяжелые орудия, подарок немцев. Ночевать в населенных

пунктах мы не могли из-за отсутствия денег и плохого состояния наших костюмов и поэтому, вспомнив наше боевое прошлое, мы ночевали в турецких окопах. Тут-то шакалы и устраивали нам настоящие концерты, как будто выпрашивая у нас подачку, но увы, у нас у самих желудки были до предела пусты и взывали о том же. Все это убивало нас морально и физически, и только опыт трех лет мировой войны и столько же войны гражданской и сознание, что спасение наше в единении, помогли нам пережить испытание в Галлиполи.

Эвакуация из Галлиполи

За время пребывания в Галлиполи много было слухов о возможности возобновления вооруженной борьбы с большевиками на полях нашей Ро-

Галлиполи, 1921-й год.
1-я рота Корниловского Ударного полка.

дины, – до Кронштадского восстания, включительно, но все это не осуществилось, причинив нам очередное тяжелое разочарование.

Наконец появилось вполне определенное указание о том, что Главнокомандующим заключено соглашение о нашем переезде в славянские страны, сначала в Сербию и Болгарию. Весна оживила эти надежды. Наконец лед тронулся. 4 августа начал грузиться кавалерийский лагерь. 31-го в Варну уехали Дроздовцы и Алексеевцы. Корниловскому же Ударному пол-

ку долго пришлось дожидаться своей очереди: наступил сентябрь, потом, как на зло, в ноябре подул сильный норд-ост, растрепавший остатки лагеря и порвавший в клочья много палаток, а вскоре пошел и снег. Жить становилось все труднее. В воспоминаниях это отмечается так: «Каким же нужно было обладать запасом духовной силы, выдержки и дисциплинированности, чтобы не прийти в уныние от сменявшихся постоянным разочарованием надежд. Строевая жизнь шла своим чередом: стояли часовые у своих Знамен, сменялись караулы. В годовщину нашего пребывания в Галлиполи была получена радостная весть: приезжает Главнокомандующий, а за ним приходят корабли для переброски оставшихся. 25 ноября в Болгарию уехал Марковский полк, а 27-го пришел большой пассажирский пароход «Ак-Дениз», на который погрузился и Корниловский Ударный полк.

Мне до сего времени вспоминается картина: когда полк из долины лагеря вышел на возвышенность, командир полка остановил его и сказал: «Предлагаю всем еще раз взглянуть на место, где мы перенесли много невзгод, но может быть в будущем мы увидим худшее». Попрощались с большим кладбищем и погрузились на пароход. Несмотря на мрачное будущее, все же на душе было радостно от того, что лед все же тронулся. Бог не без милости, и мы может быть не встретим на новых местах того, что перенесли в Галлиполи. Но это были настроения данного момента, а прощальный приказ генерала Кутепова так его освещает: «Глубоко убежден, что наступит время, когда каждый из нас у себя на Родине будет с гордостью говорить: «Я БЫЛ В ГАЛЛИПОЛИ».

Однако не сбылось и это.

Обращение командира корпуса к населению на пяти местных языках

«Граждане Галлиполи! Год тому назад, в холодные осенние дни прибыли на греческую территорию русские войска, потерявшие после героической борьбы свою Родину. Но здесь, вдали от родных очагов, русские войска встретили радушный прием и теплое участие. Население города Галлиполи и его окрестностей, без различия национальностей и вероисповедания, отнеслось к пришельцам как гостеприимные хозяева. Вам, жители маленького полустрова, мы обязаны тем, что наше пребывание на чужбине было скрашено братским приемом и сердечным отношением. Покидая теперь Галлиполи, мы сохраним о вас теплое чувство признательности, которое мы привезем с собой в будущую восстановленную Великую РОССИЮ. Мы надеемся, что и у вас останется хорошая память о русских войсках и, оставляя на вашей земле дорогие нам могилы, мы уверены, что под вашим попечением они останутся в неприкосновенности. Будьте счастливы! Русское вас спасибо за кров и гостеприимство!»

Во время переезда пароход в Черном море неожиданно попал в минные поля, была пробита тревога, но капитану удалось благополучно выскочить из них, и мы подошли к Варне.

Описание прибытия Корниловского Ударного полка в Константинополь, Галлиполи и отъезд в Болгарию мною заимствовано из моих записок, из книги «Русские в Галлиполи» и из официальных бумаг.

ПАМЯТНИК

На склоне широком Галлиполи,
Где цепь убегает холмов,
Чужою землею засыпали
Последних российских бойцов.

Рука же родная им сделала,
Заснувшим неведомым сном,
Из камня и мрамора белого
Курган, осененный крестом.

Не раз перед ним собиралися
И Богу моленья несли
Все те, кто на страже осталися
Знамен и Российской Земли...

Обвеян церковным куреньем,
В венках от родимых частей,
Воздвигся он грозным виденьем
Для недругов русских людей.

И верим мы, вечные странники,
Мы чести своей не сдадим
И Родине нашей — изгнанники —
Родные Знамена сдадим.

И сколько бы терний ни сыпали,
Мы будем тверды, как гранит.
Мы помним, что там, у Галлиполи,
Наш памятник гордый стоит.

Константинополь, 2 января 1922 г.

В. ДАВАТЦ

Завещание генерала КУТЕПОВА

«Вы целый год несли крест. В память Галлиполийского сиденья теперь этот крест вы носите на своей груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей. Держите высоко русское имя и никому не давайте русского Знамени в обиду...»

Генерал К У Т Е П О В

* * *

Нижеприводимый материал из моего личного Галлиполийского журнала является как бы дополнением к уже написанному с целью ознакомить читателя с подробностями жизни 2-го Корниловского Ударного полка,

Галлиполи 1921 г.
Командный состав 2-го батальона Корниловского Ударного полка.

сведенного тогда во 2-й батальон. К глубокому сожалению, я не могу сделать того же в отношении 1-го и 3-го полков за неимением у меня данных об их составе.

Именной список чинов 2-го Корниловского Ударного полка, прибывших из Крыма в Галлиполи и состоящих теперь во 2-м батальоне

5-я рота

1) Полковник Левитов, Михаил Николаевич,
2) Полковник Иванов, Константин Васильевич,
3) Поручик Горонескул, Михаил Васильевич,
4) Капитан Трошин, Григорий Захарьевич,
5) Подпоручик Тушнов, Петр Апполинариевич,
6) Подпоручик Жуков, Петр Павлович,
7) Подпоручик Бондарь, Артем Потапович,
8) Поручик Котляр, Димитрий Иванович,
9) Подпоручик Гумен, Андрей Федотович,
10) Поручик Чернов, Владимир Николаевич,
11) Подпоручик Евсеев, Андрей Васильевич,
12) Подпоручик Попов, Михаил Яковлевич,
13) Штабс-капитан Толмачев, Василий Васильевич,
14) Подпоручик Бондарь, Артем Ефимович,
15) Подпоручик Муратов, Борис Михайлович,
16) Подпоручик Шедчишков, Василий Митрофанович,
17) Подпоручик Пивоваров, Алексей Дементьевич,
18) Подпоручик Боркевич, Дионисий Семенович,
19) Подпоручик Вакуленко, Петр Степанович,
20) Штабс-капитан Педаш, Петр Андреевич,
21) Подпоручик Шагин, Иван Николаевич,
22) Подпоручик Дудниченко, Алексей Ефимович,
23) Подпоручик Флоров, Михаил Иванович,
24) Поручик Шокин, Василий Евстафьевич,
25) Поручик Лобанов, Иван Спиридонович,
26) Коллежский Регистратор Бондарь, Константин Пот.,
27) Подпоручик Ясьянс, Георгий Павлович,
28) Врач Лавинский, Казимир Юльевич,
29) Премдин Горда, Димитрий Иосифович,
30) Штабс-капитан Канашевич, Филипп Андреевич,
31) Штабс-капитан Фуклев, Андрей Николаевич,
32) Подпоручик Шалдырьян, Илья Яковлевич,
33) Подпоручик Чельцов, Алексей Иванович,
34) Подпоручик Халанин, Димитрий Михайлович,
35) Подпоручик Хаджинов, Василий Гаврилович,
36) Подпоручик Яйленко, Георгий Андреевич,
37) Штабс-капитан Сименюк, Яков Семенович,
38) Подпоручик Харахаш, Василий Данилович,
39) Познахарев, Павел Емельянович,
40) Поручик Эмануэль 1-й, Николай,
41) Поручик Эмануэль 2-й, Марк Ст.
42) Поручик Хижняк, Даниил Павлович,
43) Подпоручик Симановский, Владимир Зах.,

44) Подпоручик Ковалькин, Григорий,
45) Подпоручик Доценко-Дар, Авксентий,
46) Подпоручик Решетняк, Василий,
47) Подпоручик Галушко, Алексей Сидорович,
48) Подпоручик Гоцкий, Андрей Захарьевич,
49) Поручик Корецкий, Михаил Вл.,
50) Подпоручик Сердобов, Михаил Алекс.,
51) Подпоручик Стыцюра, Василий,
52) Подпоручик Власов, Степан,
53) Подпоручик Попов, Степан Антонович,
54) Подпоручик Корнеенко, Василий Андреевич,
55) Штабс-капитан Шкатин, Константин Яковлевич,
56) Штабс-капитан Гослевский, Ипполит М.,
57) Подпоручик Журавлев, Павел К.,
58) Подпоручик Сподин, Николай Ив.,
59) Подпоручик Антипин, Иван М.,
60) Младший унтер-офицер Евстигнеев, Павел Вас.,
61) Подпоручик Трошин, Андрей Захарьевич,
62) Штабс-капитан Двитиренко, Иван Ив.,
63) Штабс-капитан Стожиловский, Андрей А.,
64) Подпоручик Никитченок, Иван Як.,
65) Подпоручик Лятузов, Александр Петрович,
66) Штабс-капитан Кучаков, Петр Иванович,
67) Подпоручик Черкасский, Михаил Михайлович,
68) Штабс-капитан Иордан, Константин Константинович,
69) Подпоручик Чернявский, Петр Антонович,
70) Подпоручик Новоселов, Иван Вас.,
71) Подпоручик Пирович, Осип Михайлович,
72) Подпоручик Красноперский, Митрофан Григ.,
73) Подпоручик Литвиненко, Иван Кузьмич,
74) Поручик Шашкин, Михаил Семенович,
75) Поручик Филиппов, Николай Степанович,
76) Подпоручик Тимошок, Борис Гаврилович,
77) Подпоручик Панин, Сергей Николаевич,
78) Младший унтер-офицер Шиндарев, Петр Ефимович,
79) Младший унтер-офицер Копейкин, Михаил Иванович,
80) Подпрапорщик Гнилецкий, Яков Захарьевич,
81) Ударник Тищенко, Леонид Петрович,
82) Ударник Васютченко, Василий Федорович,
83) Подпоручик Бабенко, Георгий Ильич,
84) Подпоручик Кучеренко, Георгий Степанович,
85) Подпоручик Дементиенко, Федор Егорьевич,
86) Подпоручик Бочковский, Христофор Мих.,
87) Подпоручик Бушков, Михаил Андрианович,
88) Подпоручик Черноусов, Борис Лукич,
89) Подпоручик Федченко, Владимир Антонович,
90) Подпоручик Сотников, Сергей Николаевич,

91) Подпоручик Ильин, Василий Николаевич,
92) Подпоручик Ильин, Иван Иванович,
93) Старший писарь Живаго, Филипп Дм.,
94) Младший унтер-офицер Колесников, Иван Никифорович,
95) Ударник Бартенев, Фаддей Григорьевич,
96) Ударник Васин, Иван Михайлович,
97) Ударник Зубков, Григорий Степанович,
98) Полковник Милославский, Владимир,
99) Младший унтер-офицер Гребенюков, Андр.,
100) Подпоручик Базилевич, Николай,
101) Капитан Димитриев, Петр А.,
102) Подпоручик Ольховский, Кирилл,
103) Подпоручик Биш, Василий,
104) Поручик Семерич, Григорий,
105) Подпоручик Синявский, Иван Петрович,
206) Поручик Никифоров, Николай,
108) Подпоручик Даниленко, Николай,
108) Подпоручик Печерский, Борис,
109) Подпоручик Бунгартен, Константин,
110) Подпоручик Павликовский, Адам,
111) Поручик Феногенов, Георгий,
112) Подпоручик Чепурин, Николай,
113) Подпоручик Кучеренко, Николай,
114) Подпоручик Конарев, Георгий,
115) Ударник Федченко, Михаил,
116) Капитан Гнояной,
117) Капитан Ростомов, Борис,
118) Старший унтер-офицер Кучаков, Николай,
119) Поручик Годовань, Георгий,
120) Штабс-капитан Сирица, Иван Васильевич,
121) Штабс-капитан Назаренко, Алексей,
122) Поручик Смирнов, Михаил,
123) Подпоручик Крупеня, Всеволод,
124) Подпоручик Надеенко, Иван,
125) Подпоручик Огиевич, Арсений,
126) Штабс-капитан Левицкий, Юрий,
127) Подпоручик Тимошев, Борис.

6-я рота

1) Полковник Алексеев, Евгений Сергеевич,
2) Подпоручик Астафьев,
3) Полковник Кондратьев, Иван Михайлович,
4) Штабс-капитан Зенчик, Яков Фомич,
5) Штабс-капитан Шустов, Спиридон Александрович,
6) Поручик Александров, Николай,
7) Штабс-капитан Розанов,
8) Подпоручик Згилев, Сергей,

9) Штабс-капитан Поповкин, Сергей,
10) Капитан Бессонов, Василий Димитриевич,
11) Подпоручик Приточкин, Петр,
12) Подпоручик Алпеев, Василий Григорьевич,
13) Подпоручик Смирнов, Михаил Ив.,
14) Подпоручик Мельников, Иван,
15) Штабс-капитан Емельяненко, Николай,
16) Поручик Мартынов, Леонид Михайлович,
17) Поручик Соколов, Вячеслав Алексеевич,
18) Поручик Самсонов, Владимир Ив.,
19) Поручик Воскресенский, Виктор Конст.,

Галлиполи 1921 г.
6-я рота Корниловского Ударного полка.

20) Подпоручик Яковлев, Матвей Николаевич,
21) Поручик Калекин, Владимир Михайлович,
22) Подпоручик Гайдым, Павел Спиридонович,
23) Поручик Андреенко, Михаил Герасимович,
24) Подпоручик Семенихин, Григорий Гр.,
25) Поручик Ганев, Димитрий Иванович,
26) Сафронов, Ефим Васильевич,
27) Поручик Монич, Георгий Адамович,
28) Поручик Савицкий, Александр Александрович,
30) Любов, Алексей Михайлович,

31) Подпоручик Томашевич, Игнатий Александрович,
32) Поручик Семенишин, Виктор А.,
33) Поручик Максимов, Федор Саввич,
34) Младший унтер-офицер Подзолкин, Алексей Ил.,
35) Младший унтер-офицер Ульченко, Григорий Аф.,
36) Ударник Копоров, Иван Семенович,
37) Ударник Козаченко, Терентий Осипович,
38) Ударник Кудрявцев, Борис Иванович,
39) Старший унтер-офицер Ковалев, Петр Авксентьевич,
40) Старший унтер-офицер Кириченко, Александр А.,
41) Младший унтер-офицер Соколов, Александр Васильевич,
42) Ударник Кобылин, Андрей Михайлович,
43) Ударник Волков, Иосиф Лукич,
44) Ударник Лысов, Иван Михайлович,
45) Ударник Рябцов, Василий Андреевич,
46) Кузьмин, Димитрий Николаевич,
47) Ударник Власенко, Иосиф Яковлевич,
48) Ударник Жуков, Прокофий Павлович,
49) Ударник Ефремов, Димитрий Архипович,
50) Ударник Гогарин, Николай Иванович,
51) Ударник Заярный, Павел Васильевич,
52) Ударник Никифоров, Кузьма Степанович,
53) Ударник Федоров, Илья Лентьевич,
54) Ударник Рожков, Виктор Сергеевич,
55) Ударник Беловодов, Петр Михайлович,
56) Ударник Белянин, Николай Иванович,
57) Ударник Базарин, Василий Сергеевич,
58) Ударник Дринет, Георгий Евфимович,
59) Соколов, Виктор Николаевич,
60) Фельдфебель Алешин, Илья Иванович,
61) Фельдфебель Таюлин, Павел Иванович,
62) Младший унтер-офицер Скупченко, Николай С.,
63) Младший унтер-офицер Кучеренко, Порфирий Григ.,
64) Ударник Безусов, Спиридон Григ.,
65) Ударник Поястов, Сергей Алексеевич,
66) Младший унтер-офицер Ущбенко, Иван,
67) Старший унтер-офицер Кухтенко, Иван Федорович,
68) Старший унтер-офицер Чириков, Николай Григорьевич,
69) Ударник Бондаренко, Иван,
70) Штабс-капитан Гусак, Федор Матвеевич,
71) Фельдфебель Косогоров, Николай Вас.,
72) Штабс-капитан Игнатьев, Лев Владимирович,
73) Подпоручик Сапранович, Николай Гаврилович,
74) Капитан Венден, Евгений Александрович,
75) Ударник Быковский,
76) Штабс-капитан Гайлевский,
77) Поручик Хавалджен, Димитрий Кириллович,

78) Ударник Пешецкий, Петр Иванович,
79) Вольноопределяющийся Шинкаренко, Александр,
80) Подпоручик Лозутко, Иосиф,
81) Подпоручик Стрелков, Сергей,
82) Подпоручик Игошин, Иван,
83) Поручик Чернявский, Павел,
84) Штабс-капитан Дисский, Андрей Георгиевич,
85) Штабс-капитан Нелюбов,
86) Чиновник Корошенко,
87) Ударник Курилов, Николай,
88) Поручик Соменко, Николай,
89) Штабс-капитан Галушкин,
90) Старший унтер-офицер Ромащенко, Емельян,
91) Младший унтер-офицер Абакумов, Василий,
92) Чиновник Пегус, Федор,
93) Старший унтер-офицер Черемичко, Андрей,
94) Поручик Каменев, Виктор,
95) Подпоручик Неаронский, Владимир Сергеевич.

7-я рота

1) Штабс-капитан Трофимюк,
2) Полковник Силин, Георгий,
3) Поручик Возовик, Димитрий Александрович,
4) Капитан Ржечицкий, Константин Степанович,
5) Капитан Кленовой, Трофим Васильевич,
6) Штабс-капитан Хитченко, Михаил,
7) Поручик Гриневский, Владимир,
8) Поручик Резников, Феодосий,
9) Поручик Варвянский, Иван,
10) Подпоручик Голодников, Павел,
11) Подпоручик Андрющенко, Варфоломей,
12) Подпоручик Добряк, Иван,
13) Подпоручик Роговцев, Александр,
14) Подпоручик Кузнецов, Михаил,
15) Подпоручик Паночина, Николай,
16) Подпоручик Едличко, Николай,
17) Подпоручик Жуковский, Николай,
18) Подпоручик Дмитриевский, Владимир,
19) Штабс-капитан Дмитриев, Александр,
20) Поручик Романов, Михаил,
21) Поручик Кулаков, Михаил,
22) Подпоручик Боров-Боровский,
23) Чиновник Шкуренко, Иван,
24) Чиновник Зинович, Николай,
25) Чиновник Шерихович, Емельян,
26) Штабс-капитан Рыбак, Емельян,

27) Подпоручик Макаренко, Иван,
28) Подпоручик Вальнер, Василий,
29) Ударник Буга, Константин,
30) Ударник Загарнусь, Василий,
31) Ударник Алина, Федор,
32) Ударник Бурлаченко, Антоний,
33) Ударник Луш, Спиридон,

Галлиполи 1921 г.

Командный состав 3-го батальона Корниловского Ударного полка.

34) Ударник Сидоров, Александр,
35) Подпрапорщик Туру, Сидор,
36) Вольноопределяющийся Белочкин, Александр,
37) Ударник Пичахчи, Федор,
38) Ударник Николаенко, Иван,
39) Подпоручик Ланин, Федор,
40) Старший унтер-офицер Смекало, Василий,
41) Ударник Колотов, Кузьма,
42) Ударник Буханцев, Нестор,
43) Ударник Власенок, Савелий,
44) Ударник Воробьев, Михаил,
45) Младший унтер-офицер Хомгоев, Магомет,
46) Поручик Филатов Владимир,

47) Штабс-капитан Онило, Иван,
48) Подпоручик Матвеев, Николай,
49) Фельдфебель Пасхов, Севастьян,
50) Вахмистр Диков, Яков,
51) Старший унтер-офицер Смаковский, Михаил,
52) Старший унтер-офицер Котлевский, Данил,
53) Старший унтер-офицер Продомчук, Александр,
54) Старший унтер-офицер Орлов, Георгий,
55) Ударник Лукьянов, Михаил,
56) Ударник Соколов, Николай,
57) Ударник Шмелев, Иван,
58) Ударник Кузьмин, Иван,

11-я рота Корниловского Ударного полка.
Галлиполи 1921 г.

59) Ударник Иваненко, Михаил,
60) Ударник Тимофеев, Матвей,
61) Ударник Щербина, Анисим,
62) Ударник Остальксевич, Аркадий,
63) Подпоручик Кужильный, Федор,
64) Поручик Армаш, Сергей,
65) Подпоручик Крыжановский, Николай,
66) Фельдшер Чуриков, Родион,
67) Фельдшер Черезников, Сергей,

68) Старший писарь Кишемы, Корнелий,
69) Чиновник Анзера, Евгений,
70) Старший унтер-офицер Петецкий, Герасим,
71) Ударник Малышев, Иван,
72) Ударник Губошенко, Михаил,
73) Ударник Горбик, Авксентий,
74) Ударник Чичиков, Павел,
75) Ударник Кругов, Василий,
76) Ударник Чернов, Димитрий,
77) Ударник Запорожец, Александр,
78) Ударник Куяров, Степан,
79) Ударник Демка, Федор,
80) Ударник Табунщиков,
81) Ударник Башкатов, Владимир,
82) Подпоручик Колекин,
83) Ударник Петецкий, Петр,
84) Подпоручик Баев, Сергей,
85) Младший унтер-офицер Колесников, Иван,
86) Подпоручик Жеготцкий, Евгений,
87) Ударник Николаш, Павел,
88) Подпоручик Поправко,
89) Штабс-капитан Гроза, Михаил,
90) Младший унтер-офицер Платов, Михаил,
91) Подпоручик Кузнецов, Михаил,
92) Младший унтер-офицер Колембед, Михаил,
93) Вольноопределяющийся Бородулин, Сергей,
84) Подпоручик Гончаров, Иван,
95) Младший унтер-офицер Кузнецов, Андрей,
96) Подпоручик Титов, Сергей,
97) Подпоручик Григорьев, Василий,
98) Подпоручик Тельпух, Григорий,
99) Поручик Позняков, Алексей,
100) Капитан Бажанов, Петр Карлович,
101) Приказной Шмычков, Яков,
102) Подпоручик Шпинур, Григорий Кондр.,
103) Ударник Безярин, Василий,
104) Подпоручик Кулаков, Николай.

8-я рота

1) Полковник Бржезицкий, Александр Иосифович,
2) Капитан Вержановский, Владимир,
3) Подпоручик Ляшко, Максим Максимилианович,
4) Подпоручик Муравьев, Григорий,
5) Штабс-капитан Лебедев, Степан,
6) Подпоручик Андреев, Димитрий,

7) Штабс-капитан Григуль, Петр Яковлевич,
8) Подпоручик Зубков, Александр,
9) Чиновник Бигос, Арсений,
10) Подпоручик Игнатьев, Марк,
11) Хрусталев, Александр,
12) Поручик Шуйский, Георгий,
13) Младший унтер-офицер Подейко, Казимир,
14) Капитан Серячковский, Алексей,
16) Подпоручик Плетнев, Алексей,
16) Подпоручик Проценко,
17) Подпоручик Варшавский, Николай,

Полковник Румянцев, Николай Кузьмич,
помощник командира 3-го Корниловского Ударного полка в 1920 г.

18) Подпоручик Захаров, Василий,
19) Подпоручик Буримов, Борис,
20) Вольноопределяющийся Зывет,
21) Вольноопределяющийся Духов, Георгий,
22) Вольноопределяющийся Павлов, Д.,
23) Вольноопределяющийся Орлов, Александр,
24) Вольноопределяющийся Вощин, Борис,
25) Капитан Калашников, Павел,
26) Штабс-капитан Русецкий, Иван,
27) Штабс-капитан Назаренко, Василий,
28) Подпоручик Белоконов, Яков,

29) Подпоручик Евдокимов, Александр,
30) Подпоручик Емельянов, Александр,
31) Штабс-капитан Микульский,
32) Штабс-капитан Остапцев, Александр,
33) Подпоручик Полников, Николай,
34) Ударник Тушинский, Людвиг,
35) Ударник Сметана, Селин,
35) Ударник Полозов, Петр,
37) Ударник Богданов, Иван.
38) Ударник Лысенко, Прокофий,
39) Ударник Григоренко, Михаил,
40) Ударник Череповский, Емельян,
41) Ударник Завадовский, Сергей,
42) Ударник Прошин, Иван,
43) Ударник Ковалев, Николай,
44) Ударник Хисматуллин Бай-Мухамов,
45) Ударник Балашов, Димитрий,
46) Поручик Жуков, Петр,
47) Подпоручик Чадаев, Федот,
48) Подпоручик Артомонов, Димитрий,
49) Младший унтер-офицер Белявский, Максим,
50) Младший унтер-офицер Шток, Иван,
51) Младший унтер-офицер Захурдаев, Федор,
52) Младший унтер-офицер Байбаш, Александр,
53) Младший унтер-офицер Науменко, Илья,
54) Ефрейтор Чебанов, Василий,
55) Ударник Ковалев, Димитрий,
56) Ударник Ростов, Петр,
57) Ударник Давнис, Борис,
58) Ударник Русинов, Николай,
59) Ударник Баранюк, Яков,
60) Ударник Антонов, Василий,
61) Ударник Гладченко, Ефим,
62) Ударник Лобов, Ефим,
63) Ударник Михальский, Лонгин,
64) Старший унтер-офицер Катцман, Михаил,
65) Ударник Василенко, Петр,
66) Ударник Калмыков, Георгий,
67) Вольноопределяющийся Селин, Петр,
68) Подпоручик Куриленко, Иосиф,
69) Поручик Православный, Виктор,
70) Подпоручик Палитура,
71) Подпоручик Байбаков, Владимир,
72) Штабс-капитан Петров, Василий,
73) Подпоручик Баумгартен, Константин Н.,
74) Подпоручик Козлов, Георгий,
75) Подпоручик Шаповалов, Павел,

76) Штабс-капитан Трофимюк,
77) Поручик Говоров, Федор,
78) Вольноопределяющийся Шкорупа, Димитрий,
79) Подпоручик Береговой, Иван Григорьевич,
80) Подпоручик Сташук, Николай Александрович,
81) Штабс-капитан Пилюгин, Федор Лукьянович,
82) Поручик Теске, Фридрих Генрихович,

Сестра 3-го Корниловского Ударного полка
Александра Николаевна Гети.

83) Ударник Казанцев, Иван Васильевич,
84) Подпоручик Балачев, Семен Платонович,
85) Младший унтер-офицер Тетеря, Давид,
86) Чиновник Теске, Константин.

* * *

Большой турецкий пассажирский транспорт «Ак-Дениз» стал отчаливать, — мы покидали Галлиполи. Провожавшие нас войска и жители города устроили нам торжественные проводы. Вышли в Дарданеллы, а до нас все еще доносились крики «ура» и сигнализация. «Кардаши» махали руками из своих домов, да и эти голые скалы стали как будто родными.

29 ноября на рассвете подошли к Константинополю, туман рассеивался и перед нами во всей красе предстал этот центр международного вни-

мания. Все выскочили на палубу и рассматривали достопримечательности. Погода стояла дивная. В 12 часов заметили на маленькой моторной лодке ехавшего к нам Главнокомандующего. Все выскочили из трюмов и полезли кто куда мог. Не успела его фигура обрисоваться, как грянуло такое «ура!», что его услышали на берегу наши и подхватили, выразив этим свою любовь Главнокомандующему. Вошел он по трапу под громовое «ура». Постарел и похудел он от переживаемого горя. Приехала и его супруга. Когда они говорили о возможности еще вернуться в Россию, то у многих показались слезы, от радости плакали, как дети. Провожали его тоже торжественно. Во время его пребывания сопровождавшие его французские офицеры стрельбой по чайкам и уткам выражали полное неуважение к генералу

Корниловский Ударный полк покидает Галлиполи.

Врангелю. Турки же были сплошной противоположностью. У свидетелей этого осталось до смерти чувство горечи от сознания принесенной Русской Армией жертвы в тяжелые моменты своих союзников и теперь получивших от них то, что любая РОССИЯ не должна забывать никогда.

В 16 часов прошли в Босфор. Проходили мимо военных кораблей Америки, Англии, Франции, Греции и всем наш оркестр играл их национальные гимны и они нам салютовали. Вышли из красавца Босфора, когда стало уже довольно темно, и пошли по родному Черному морю на Варну. Носились слухи, что нас караулят советские подводные лодки, и поэтому многие нервничали.

30 ноября 1921 г. Перед рассветом пароход попал между Бургасом и

Варной в минное поле и с большим трудом и риском ему удалось благополучно оттуда выбраться. В 10 часов подошли к Варне и стали на внешнем рейде на якорь и подняли флаг «КАРАНТИН». Невдалеке стояли Марковцы, — они еще не разгружались. Они устроили нам встречу криками «ура», а наш оркестр заиграл наш гимн. Потом и мы послали им наше громкое Корниловское «ура».

30 ноября 1921 г. Встречать нас вышли болгарские представители и представители русской колонии в Болгарии. Те и другие выразили свой восторг нашему приезду и преданности начатому делу, выражали надежды на скорое возвращение в РОССИЮ и обещали сделать для нас в отношении размещения все, что от них зависит. Военные представители официально сообщили, что оружие необходимо сдать, оставив только гг. офицерам шашки, а неофициально разрешили пронести все в закрытом виде. Все пулеметы и винтовки были тщательно упакованы в одеяла и в ящики и приготовлены к выгрузке с багажом. К вечеру на катере привезли мясо и хлеб. Предстоящая перемена пищи приободрила голодную публику и все как-то сразу почувствовали улучшение положения.

С 1 по 4 декабря. Отбываем карантин. Варка пищи идет в своих походных кухнях. Питаемся довольно сносно. Погода стоит отвратительная и портит всем настроение.

5 декабря. Пароход причалил к таможенному молу. Первыми выгрузились гвардейцы. Упакованное оружие проходит свободно, а проносимое открыто посылают обратно с просьбой запаковать. Для формы сдано только 64 винтовки и то самый хлам из корпусной мастерской. 8-го выгрузились 1-й и 3-й батальоны. Все идет отлично.

9 декабря. В 6 часов выгрузился 2-й батальон и направился в карантин, баню с дезинфектором. К болгарскому караульному помещению довел сам начальник эшелона Корниловского военного училища генерал Георгиевич. В 11 часов закончили баню и дезинфекцию и направились на ночлег на батареи № 24 и № 25. К этому времени выгрузился и 4-й батальон и разместились с нашим артиллерийским дивизионом. Разместились и ночевали отвратительно.

10 декабря. В 14 часов 2-й батальон выступил к месту погрузки в эшелон и в 21 час закончил погрузку. Затем погрузился и 1-й батальон, и эшелон отбыл к месту своего назначения, на станцию Тулово, в село Горно-Паничерево.

11 декабря. В дороге застал сильный снежный буран и только благодаря плотному размещению, по 60-65 человек на вагон, кое-как еще можно было переносить холод. Проезжали дивные горные картины. Вообще местность живописна.

13 декабря. В час эшелон прибыл на станцию Тулово. В 5 часов 2-й батальон разгрузился и тронулся в казармы, в 4 километрах от станции. Стоит морозная погода с ветром. В 8 часов батальон прибыл и разместился в одном бараке № 2-й. Помещение совершенно не отоплено, имеет в два ряда нары и отапливается четырьмя печками. Эти бараки были летними казармами болгарской гвардии, а потом здесь помещались военнопленные сербы. Дрова рубить не разрешалось, приходится все покупать по страшно

дорогой цене в 120 лева за кубический метр. Командир полка и начальник хозяйственной части приехали раньше полка и приложили все усилия к закупке всего, но все имелось в ограниченном количестве и не могло удовлетворить замерзшую публику. Некоторые стали понемногу ворчать на создавшееся положение.

14-31 декабря. Полк устраивается. Вымыли бараки, отопили, наладилось довольствие, все стали усиленно ходить мыться и стирать белье в горячий серный источник к полуверсте от казарм и как будто ожили. Сначала большинство не было довольно размещением полка в такой глуши, хотелось в город и там понемногу встряхнуться. А на какие коврижки можно

Казармы для Корниловского Ударного полка, с. Горно Паничерево. Болгария.

было это сделать, — этого молодежь не учитывала. Однако всем скоро пришлось столкнуться с действительностью жизни. Довольствовать полк без предварительных закупок было довольно трудно. Ближайшие города представляли из себя наши захудалые жидовские местечки западного края, и в них не брались даже печь хлеб на полк. При ограниченном складе и при отсутствии своих средств передвижения довольствие наладить было страшно трудно. Попутно с довольствием командир полка старался улучшить быт офицера, обставить его более или менее сносно и дать возмож-

ность каждому поработать над собой. Устраивается офицерское собрание, строится театр и имеется уже библиотека. Для солдат устроена чайная. Вообще жизнь налаживается, и желающие могут и имеют время для работы над самими собой. Лагерь расположен в 4 километрах от станции Горно-Паничерево, в долине «РОЗ», между старыми и новыми Балканами. Рядом с казармами имеется хороший серный источник с баней, и тут же проходит река. Кругом много леса, но рубить его на топку не разрешают и поэтому в дровах сильная нужда. Летом здесь должно быть очень жарко, но пока что стоят холода и отвратительная погода. Верстах в 12-15 имеются два города, Казанлык и Старая Загора, оба на город не похожи. Недалеко от Казанлыка знаменитая «Шипка» 1877 года. Там, на месте главных боев, на горе Св. Николая построен дивный храм в память побед русских воинов и построены госпиталя для инвалидов. Мой земляк, осмеливаюсь так просто выразиться, генерал Скобелев работал здесь и бил турок во славу русского оружия. И теперь здесь живут оставшиеся русские солдаты и вместе с болгарами-стариками рассказывают нам про благодеяния нашей матушки-РОССИИ и про ее былую мощь. Чтут все это болгары и в день Св. Пасхи и 9 января н ст., в день самых сильных боев русских с турками, ходят на гору Св. Николая на богомолье. Прием здесь нам был оказан радушный, хотя и здесь встречаются большевики, но это не русские, русские здесь здравого рассудка, живут жизнью зажиточных крестьян еще царской РОССИИ.

В это время произошла перемена командного состава полка согласно приказу от 24 декабря за № 358:

штаб полка: генерал-майор Скоблин — командир полка, полковник Гордеенко — помощник командира полка по строевой части, полковник Гавриленко — помощник командира полка по хозяйственной части, капитан Копецкий — полковой адъютант, штабс-капитан Дмитренко — помощник полкового адъютанта, подпоручик Каменский — заведующий судной частью, отец Аверкий Смиян — полковой священник.

1-й батальон: полковник Дашкевич — командир батальона, подполковник Челядинов — его помощник, подполковник Пух — командир 1-й роты, подполковник Ширковский — командир 2-й роты, капитан Филипский — командир 3-й роты, подполковник Федоров — командир 4-й роты.

2-й батальон: полковник Левитов — командир батальона, полковник Бржезицкий — его помощник, подполковник Лебедев — командир 5-й роты, полковник Ржечицкий — командир 6-й роты, капитан Трошин — командир 7-й роты, подполковник Алексеев командир 8-й роты, подполковник Вержановский — старший офицер 5-й роты.

3-й батальон: полковник Щеглов - командир батальона, полковник Румянцев — его помощник, полковник Зозулевский — командир 9-й роты, полковник Кондратьев — командир 10-й роты, полковник Гречко — командир 11-й роты, полковник Минервин — командир 12-й роты.

Пулеметная рота: подполковник Лысань, Антон Евтихиевич, — командир роты, капитан Клименко — его помощник.

Конный дивизион: ротмистр Копецкий — командир дивизиона, есаул

Абрамов — командир 1-го эскадрона, поручик Завать — командир 2-го эскадрона.

Команда пеших разведчиков: подполковник Граков, штабс-капитан Новиков.

Учебная команда: начальник команды полковник Будилович.

Команда связи: капитан Швидкий — ее начальник.

Комендантская команда: подполковник Воробьев.

Команда трубачей: капельмейстер Вейнер.

Нестроевая рота: штабс-капитан Королев, начальник хозяйственной части полковник Гавриленко, чиновник Беляков — делопроизводитель по хозяйственной части, чиновник Чуйков — казначей, заведующий информацией и библиотекой — полковник Терне, регент хора капитан Игнатьев, ктитор полковой церкви — капитан Поляков, хозяин собрания — капитан Морозов, заведующие: солдатской чайной — полковник Гречко, полковой лавкой — подпоручик Вдовин, сапожной мастерской — подпоручик Ковалев, слесарной — капитан Корвин-Павловский, хлебопекарней — корнет Рапп, оружием — п. Попов.

1 января 1922 года. Новый год празднуется по старому стилю.

2 января. Приказ по полку за № 2, § **2.**

Объявляю приказ начальника штаба Главнокомандующего Русской Армией от 22 декабря 1921 года за № 12:

«19 декабря прибыл в Варну последний эшелон 1-го армейского корпуса, расселяемого в Царстве Болгарском. Небольшая часть корпуса, на долю которой выпало последней выйти из тяжелых условий Галлиполийского существования, в ближайшее время будет переброшена в Сербию. После упорной борьбы, совместными усилиями Главного Командования и всех чинов Армии одержана блестящая моральная победа. После года в ужасных условиях жизни Армия переселена в славянские страны. И столько же времени неустанным трудом Главнокомандующего создалось это дело. Ныне тяжкий труд закончен. Почти весь 1-й армейский корпус собрался в Болгарии. С великою радостью я приветствую в Болгарии войска корпуса и прибывшего с последним эшелоном неизменно доблестного их командира генерала от инфантерии Кутепова и поздравляю с завершением переброски. Дай Бог вам сил так же честно творить великое дело любви к Родине здесь, как вы творили его в Галлиполийской пустыне. Пп. генерал от кавалерии Шатилов». Справка: приказ по дивизии № 337.

§ 3. Объявляю приказ 1-му армейскому корпусу от 22 декабря с. г. за № 965.

«Более года тому назад разрозненные остатки регулярных войск Русской Армии были высажены в Галлиполи и сведены в 1-й армейский корпус. За год пребывания на чужбине корпус стал стройной и могучей единицей, сплоченной одной идеей — беспредельной любви к Родине — и проникнутой высоким сознанием долга. Когда последний эшелон войск, назначенных в Болгарию, уезжал из Галлиполи, его провожало все местное население, все местные греческие и французские власти. Армия, которую весь мир считал беженцами, осознала себя и приобрела всеобщее уважение как Армия. Во время стоянки эшелона в Константинополе ко мне яви-

лись и поднесли адреса с приветом корпусу от 18 общественных организаций, объединяющих людей различных политических убеждений. Русские люди увидели в Русской Армии крепкое ядро государственности и своим приветом показали единение с нами. И проводы в Галлиполи иностранцами и приветствия русских людей в Константинополе я отношу не к себе, а к той стойкости, с которой все части поддержали честь Армии и достоинство русского имени на чужбине. Я уверен, что на новых местах все части, помня заветы основателя Армии генерала Алексеева, исполнят до конца свой долг и донесут незапятнанным на Родину наш трехцветный флаг, который мы гордо держали в Галлиполи, и честь Армии, которую мы свято блюли. Безраздельная преданность делу борьбы за счастье Родины и непоколебимая твердость духа при всех тяжелых испытаниях, проявленные нашим любимым Вождем генералом Врангелем, да будут для всех нас примером в наших переживаниях на пути к достижению нашей заветной цели — созданию Великой РОССИИ. Пп. генерал от инфантерии Кутепов». Справка: приказ по дивизии № 33.

Эти два приказа дают полную картину результатов нашего сидения в Галлиполи и цели нашего приезда в Болгарию. Поэтому Новый год был встречен довольно радостно, и у многих сердце забилось надеждой на скорый отъезд в РОССИЮ. Ударники встретили Новый год в своей чайной, а офицеры — в офицерском собрании, в количестве 450 человек. Столы были хорошо сервированы и всего было достаточно для скромной встречи. На встречу были приглашены: генерал Калитин, герой Эрзерума, и командир болгарской артиллерийской бригады. Они были страшно поражены видом такого стечения гг. офицеров в одном собрании. Хор своим пением так тронул генерала Калитина, — пели «Святая Русь», — что у старика из глаз брызнули слезы и он ходил целовать наши Знамена.

Однако это радостное и приподнятое праздничное настроение омрачалось мрачной действительностью. Всякого рода международные «ЛИГИ» нас травили, и эта отрыжка осуществлялась в Болгарии, где правительство большевика Стамбулийского разлагало нас открытой работой чекиста Чайкина, разбросавшего по всей стране «союзы возвращения на родину». Они грозили убить нашего командира полка, и нами предпринимались меры предосторожности: в черте лагеря выставлялось охранение, а в центры работы Чайкина подбрасывали наши предупреждения в таком духе, что и мы можем ответить тем же. Командир болгарской артиллерийской бригады был наружно в восторге, но нам было трудно поверить этому, так как болгары в эту войну были против нас, на стороне Германии. Быть может на этой почве разыгрался трагический эпизод: около города Кюстендиля был зверски убит генерал Покровский в прошлом командовавший Кубанской Добровольческой Армией. Большевики из СССР его преследовали. Для окружения дома, где жил генерал Покровский, им был придан батальон пехоты болгарской армии. Генерал отстреливался от нападавших, но один болгарин сбил его штыком, а русские чекисты втащили его в свой автомобиль, где его дорезал сам Чайкин.

26 января. В первые дни нашего приезда в Болгарию мне пришлось видеть большое кладбище пленных сербов, в 300 шагах от казарм, в лесу.

Грустная картина: среди лесной глуши, с частыми, едва обозначенными могилками, наскоро кем-то разбросанные кресты, — видимо, не успели поставить. Кладбище представляло из себя характерный результат бойни. Теперь их тоже усиленно фабрикует чека Ленина и говорильные аппараты союзников. Скорей всего они не видят этих кладбищ, а быть может искусственно замалчивают.

5 февраля. Открытие полкового театра. Спектакль, пение, музыка и танцы удивили болгар. Болгарский полковник Христов остался очень доволен.

6 февраля. Открылись курсы ротных командиров. Срок занятий — до 1 июля. В полк прибыли заказанные фуражки.

20 февраля. Приезд командира корпуса. Генерал Кутепов сделал смотр полку. Весь полк был в парадных фуражках. Из слов командира корпуса было видно, что он остался очень доволен полком. Смотр прошел удовлетворительно, а церемониальный марш хорошо. После смотра командир корпуса обошел все бараки и тоже остался доволен, — они все были побелены и украшены картинами. Кухни, офицерское собрание, церковь и нестроевая рота тоже произвели на него отличное впечатление. После обхода командиру корпуса был предложен командным составом обед, где он говорил, что рад был видеть Корниловцев снова в отличном состоянии и дружной спайке и надеялся скоро двинуться в РОССИЮ. В 18 часов его попросили на спектакль в театр, где трубачи и хор привели всех в восторг. После спектакля командир корпуса отбыл на станцию Тулово. Провожали его человек 300, с оркестром. Проводы были торжественными. На прощание он сказал всем, что и не из таких положений выходили, а из этого выберемся ОТЛИЧНО.

22 февраля. Первопоходники празднуют день выступления в 1-й Кубанский Генерала Корнилова поход, 22 февраля 1918 года.

Утром была отслужена заупокойная литургия, а потом перед полком — молебен. На молебен было вынесено старое Знамя в сопровождении полуроты только из первопоходников. Парад и доклад в полковом театре участников 1-го похода. Этот исторический день командир 1-го армейского корпуса генерал Кутепов отметил особым приказом: «9/22 февраля исполняется четвертая годовщина 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода. Четыре года тому назад, собранные великим русским патриотом генералом Алексеевым, слабые числом, но могучие беззаветной любовью к Родине Добровольцы, окруженные со всех сторон врагами и всеми брошенные, двинулись за доблестным РЫЦАРЕМ долга Генералом Корниловым и бессмертный Ледяной Поход.

Старые добровольцы не упустили родного трехцветного Знамени и гордо несли его вперед через смерть и лишения. Я верю, что, приняв это Знамя в свои руки, мы также его никогда не спустим и, несмотря ни на что, донесем его, гордое и прекрасное, до Родной Земли. Генерал от инфантерии К У Т Е П О В».

Все наши заграничные газеты отметили этот день и придали ему огромное значение, которое явилось самым большим, организованным и оставшимся еще до сего времени (Приложение: см. газету «Русское Дело» № 77).

Лагерь Горно-Паничерево. Болгария.
Баронесса Врангель, 2) Генерал Кутепов, 3) полковник Левитов, 4) подполк. Граков, 5) полковник Кондратьев и 6) полк. Иванов К. В 1923 г.

На банкете участников 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода в Париже полковник Левитов в своем слове от имени Объединения чинов Корниловского Ударного полка сказал: «Итак, ровно через 50 лет после этого приказа, отданного нам большим русским патриотом генералом Кутеповым, мы не должны забывать его содержания, а именно: приняв из рук Генерала Корнилова трехцветное Знамя РОССИИ, мы должны нести его до конца дней нашей жизни. Вечная слава и вечный покой нашим Вождям 1-го Кубанского похода: генералу Алексееву, Генералу Корнилову, генералу Деникину и их добровольцам, а ныне здравствующим, в лице Председателя Главного Правления Союза Первопоходников Генерального штаба полковника Ряснянского, Председателя его Отдела во Франции капитана Елачич и всем первопоходникам и первопоходницам наше громкое Корниловское Ударное «У р а !».

Полковник Левитов. Париж, 20 февраля 1972 г.

* * *

Этот праздник первопоходников в Болгарии закончился трагически. В этот момент я был временно за командира полка. Произошла стычка между двумя доблестными офицерами: подполковником Граковым, первопоходником, и капитаном Гнояным, тоже первопоходником. Подполковник Граков был полным инвалидом: на румынском фронте болгары выбили ему глаз, а в гражданскую войну, под Ставрополем, он лишился ноги. Утром мне доложил дежурный офицер, что подполковник Граков вызывает капитана Гнояного на дуэль и требует, чтобы она состоялась немедленно. В ответ на это капитан Гнояной уговаривает его отложить дуэль, так как он в данный момент пьян. Я предлагаю Председателю Суда Чести рано утром срочно разобрать это дело и предупреждаю, что без разбора дуэли не должно быть. А потом тот же дежурный офицер доложил мне, что подполковник Граков застрелился. Выстрелом из винтовки в рот он снес себе всю верхнюю часть головы. Так ушел от нас мой старый соратник по 1-му Кубанскому Генерала Корнилова походу, оставив в недоумении весь полк. В Болгарии законом дуэли были запрещены и в случае рокового исхода оправданием перед судом было одно только — это разбор дела Судом Чести. А без этого дуэль была просто «предумышленным убийством». До этого в полку было 9 дуэлей, проведенных достойно, а вот десятая вылилась в «самосуд» подполковника Гракова над самим же собой. Железная воля выдающегося по храбрости Корниловца на этот раз не выдержала. Как покончивший с собой подполковник Граков был похоронен тут же за лагерем, на кладбище военнопленных сербов.

10 марта 1922 г. Половина полка на работах, — **зарабатывают на сапоги.** За сапоги полку нужно было заплатить 525 тысяч лева, а наше интендантство отпускает только 125 тысяч.

Приезжали к нам в разное время профессора и читали лекции. Приятно было слушать дорогую всем нам профессорскую речь, но вместе с тем становилось больно от мысли: как же это так вышло, что во время

борьбы все это было разбросано и не помогало нам, и сидим вот теперь благодаря этому все мы у разбитого корыта.

Занятия временно приостановились.

4 марта. Командир полка и командиры батальонов были приглашены народно-прогрессивной партией в Старую Загору на праздник освобождения Болгарии от турецкого ига. Чествовали русских хорошо, всюду слышалось только пожелание видеть РОССИЮ могучей и только не советской. **Болгарские офицеры по приказу начальника гарнизона на торжестве не присутствовали.**

Пришла весна, все зеленеет, цветет. С весной зародились тысячи надежд на борьбу с большевиками и, через это, на возрождение РОССИИ. Большевистские газеты трубят о мобилизации русской эмиграции генералом Врангелем, о помощи ему со стороны Америки, Франции и славянских стран, и в то же время их прокламации предупреждают офицеров и солдат генерала Врангеля о наступающей «новой авантюре» и что рабоче-крестьянская армия даст хороший отпор. Официально известно, что начальником штаба Главнокомандующего назначен генерал Миллер. Этому придают большое значение, так как он хорошо ориентирован и про него говорят, что он пользуется хорошей репутацией среди французской дипломатии.

16 марта. С 16 марта по 25-ое половина полка на работах. К 25-му приказано всем быть в полку, так как начинаются занятия по случаю ожидающегося приезда в Болгарию генерала Врангеля. Большевики усилили свою деятельность и грозят террором. В России становится все хуже, голод увеличивается и цены за последний месяц поднялись втрое. На столько же пал и советский рубль на бирже.

26 марта. Были приглашены в Старую Загору на торжества по случаю празднования взятия Андрианополя. В этот же день был назначен и большевистский митинг, собралось на него человек 120, а весь город был на военном празднике. Нас отлично угощали и страшно были обижены, когда мы в 17 часов решили ехать в полк и не остались на вечер.

27 марта. Получили сообщение о смерти поручика Чернец и о месте его похорон в Старой Загоре, рядом с еврейским кладбищем.

2 апреля 1922 г. Большая часть болгарской печати занялась травлей нашей Армии, всюду руководят московские деньги и чекисты. В ответ на эту травлю получен приказ по корпусу за № 91 от 1 апреля 1922 года: § 1 «Объявляю приказ Главнокомандующего Русской Армией от 27 марта за № 243: «В последние дни вновь травят Армию, на нее клевещут, ей грозят. Сомкнув свои ряды, мы ответим презрением. Родных Знамен, пока мы живы, не вырвать из наших рук. Да помнят это те, кто дерзнет на них посягнуть. Пп. генерал Врангель, временно исполняющий должность начальника штаба Генерального штаба генерал-лейтенант Кусонский».

Такая пилюля заставит поперхнуться не одного большевика, а нас приободрит. А все-таки сильна наша Армия, есть еще порох в пороховницах, есть печать и силы для борьбы.

21 апреля. Праздник Св. Пасхи встретили в Болгарии и провели хорошо. На заработанное кое-что устроили и этим скрасили все неприятности,

причиняемые нам за последнее время коммунистами и болгарским правительством Стамбулийского. На второй день был спектакль в полковом театре, выступала Надежда Васильевна Скоблина и этим доставила большую радость очень многим. Началась Генуэзская конференция, а газет что-то нет. Случайно имеем только отчет за первый день и то в страшно сокращенном виде. Сразу определилось, что Чичерин (совдепия) и Барту (Франция) столкнулись с первых же слов. Ну и пускай грызутся, — нам легче будет.

1 мая 1922 г. Сегодня пресловутое число — первое мая. К этому числу коммунисты тоже прицепились и снова набросились на нас. Командиру полка было прислано несколько анонимок с предупреждением, что до

Группа Корниловского Ударного полка на Шипке, на горе Св. Николая. х — полк. Левитов. 1923 г. Орлиное гнездо. Болгария.

1-го его убьют. См. их «Призыв № 1-й». Вообще же кажется, что все это выльется в протест против нашей Армии. Генерального штаба полковник Захаров читает войну 1877-78 гг.

5 мая. Приехал генерал Шатилов. Для встречи полк был выстроен развернутым фронтом в полуротной колонне на передней линейке. Он передал нам привет от генерала Врангеля и сообщил, что генерал Врангель и сам бы приехал, да правительства Сербии и Болгарии просили его этого не делать, так как другие державы считают это вмешательством в их дела и могли бы поднять этот вопрос на Генуэзской конференции, что было бы нежела-

тельно. В свою очередь полк благодарил генерала Шатилова за его труды по размещению нас, а генералу Врангелю прокричали громкое «ура!» Между прочим генерал Шатилов сообщил, что финансы наши скудны и генерал Врангель уже теперь изыскивает их на 1923 год. В России же пока все притихло, все чего-то ждут.

7 мая. Я, Генерального штаба полковник Захаров и полковник Гавриленко по пути в город Габрово за получением сапог на полк осмотрели село Шипку и гору Св. Николая. В с. Шипка храм-памятник поражает своей красотой и изяществом. На стенах храма большие мраморные доски с надписями имен и общим списком погибших в войну 1877-78 гг., в боях за обладание Шипкинским перевалом. Потом мы добрались до Орлиного гнезда Св. Николая, где и поклонились праху великих борцов, положивших жизнь свою за идею славянства. Тяжело стало при мысли, что этот чудо-богатырь — Русская Армия — уже больше не существует и служит какому-то 3-му интернационалу, а не старой Великой РОССИИ. Памятники павшим героям не видят за собою ухода и имеют оборванный вид: бронзовые буквы и оправы кем-то отвинчены и украдены, икона, — подарок Ее Императорского Величества, — тоже исчезла. Портреты героев в памятниках — с проколотыми глазами или просто простреленными и т. д. Вообще чувствуется «теплая признательность» благодарной Болгарии. Это и ее выпады за последнее время заставляют сожалеть, что рано ее освободили и не мешало бы кое-кому из них еще потомиться в турецком плену и до сего времени.

10 мая. Эти дни профессор Соколов читал лекции о формах правления и о происходящем в Генуе. Профессорское разумное слово приободрило всех, и мы были благодарны ему за это.

За это время стали большими партиями отпускать на работы.

Приехавшие из гор. Тырново, места стоянки штаба нашего 1-го корпуса, сообщили о тяжелом положении генерала Кутепова. Болгары приступили к обыскам и объявили генералу Кутепову чуть ли не войну. В ответ на это он сказал им, что и их артиллерийские склады тогда будут выданы французам. Это как будто подействовало на них. Сам же генерал Кутепов поехал в Софию для дачи показаний в связи с арестом полковника Самохвалова.

15 мая 1922 г. Пусть помнит Великая РОССИЯ этот день и память о нем да передается из поколения в поколение. Сегодня гарнизоны гг. Старая Загора и Казанлык с кавалерийским эскадроном жандармов, при 16 пулеметах и двух орудиях заняли на рассвете позицию вокруг нашего лагеря, все оцепили и стали искать оружие, обвиняя нас в заговоре против правительства Стамбулийского (большевика). Во главе отряда стоял околийский начальник г. Казанлыка, отвратительная личность, сыщик и хам. Командовал же отрядом полковник Пятков, тоже сыщик, и майор, помощник начальника гарнизона Старой Загоры полковника Бояджиева. Сам полковник Бояджиев не приехал, ведь он обещал предупредить нас о таких случаях, и ему совесть не позволила бы смотреть нам в глаза. Обыск происходил в грубых формах и носил характер нападения на каких-то разбойников. При обыске в 3-м батальоне болгарин толкнул прикладом

временно командующего полком полковника Гордеенко, но тут чуть не произошла свалка и дело не обошлось бы без кровопролития, но болгарские офицеры стали извиняться и обещали наказать солдата.

По поведению сыщиков было видно, что наши склады они точно знают, а потому, где нами только предполагалось спрятать оружие, болгары там взламывали и производили настоящий обыск. Наконец они напали на главные склады оружия и началось спешное выбрасывание его. Оружие было в квартирах полковника Гордеенко, полковника Левитова и полковника Дашкевича. У полковника Левитова оружие найдено не было Всего было отобрано 360 винтовок и 30 легких пулеметов. Когда же мы указывали болгарским офицерам на ненормальность такого отношения к нам и на то, что оружие береглось не для переворота, иначе наши не уходили бы на работы, то один из болгарских офицеров ответил, что их дело — исполнить приказ полковника Пяткова. Сам же полковник Пятков чистосердечно сказал: «Не верьте вы тому, что будто бы болгары не хотели в бывшую войну воевать против России и что будто бы много наших было расстреляно, — это ложь. У нас — родина прежде всего, а дальше — цель оправдывает средства».

После этих слов я сказал нашему полковому адъютанту, что напрасны были наши жертвы за освобождение этих господ и нашему правительству следовало бы поучиться политике у болгар. Нападение на дружественно настроенных своих братьев-славян пришлось по пустому месту, так как они воочию убедились, для кого и для чего береглось оружие. Пусть же помнят болгарские гг. офицеры, что вероломство некоторых из них не пристало к лицу офицерского звания, и придут еще времена испытаний и для них. Этим поступком была вырыта пропасть между РОССИЕЙ и Болгарией и поставлено клеймо на очень и очень многих честных братьев-болгар.

После обыска полковник Гордеенко, полковник Дашкевич и полковник Челядинов под охраной с пулеметами и ручными гранатами были отправлены через станцию Тулово в Казанлык, а полковник Левитов вступил во временное командование полком.

Спустя некоторое время правительство Стамбулийского было свергнуто, и Его Величество Царь Борис восстановлен в своих правах.

Конечно, правительство Стамбулийского полностью подчинялось Ленину. Русские большевики были полными хозяевами в Болгарии. Поэтому, помимо угроз, нам открыто было запрещено передвижение, так что для связи с генералом Кутеповым мы должны были переходить Балканы, чтобы попасть в Тырново. Это исполняли чины нашего конного дивизиона из числа созданной полковником Пух группы «братства черно-красного Знамени». Однако не вся Болгария была за Ленина, она тогда переживала то же самое, что и мы, но с более счастливыми результатами. У них Союз офицеров разбил центр большевиков недалеко от города Казанлыка и восстановил в правах на престол Царя Бориса. Любовь к национальной Болгарии была сильна у болгар и в руководящих сферах. Так, уже после переворота, в кавалерийском полку Его Величества Царя Бориса был раскрыт заговор, который подавили следующим образом: командир полка собрал

гг. офицеров и унтер-офицеров и, объявив о раскрытом заговоре, обратился к бывшему на собрании офицеру-изменнику со словами: «Вы — командир красного полка?» Ответ: «Да, я согласился принять полк». Тогда командир полка командует: «Господа офицеры, шашки вон! Руби его!» и продолжает: «А уже арестованных по этому делу унтер-офицеров передать верным полку унтер-офицерам для исполнения над изменниками того же!»

Так сами же болгары решительно сбросили свою заразу большевизма. Я не знаю только, какая участь постигла отбиравших у нас оружие сыщиков, — явных сторонников Ленина.

Но большевики и после переворота некоторое время охотились за Царем Борисом и одним из самых варварских приемов для этого был взрыв в Софии старого их собора, куда Царь должен был приехать на отпевание своего шофера, убитого при нападении на него. Царь почему-то опоздал минут на 15, а заложенная мина была поставлена точно на время прибытия Царя, а потому взрывом был разрушен только собор, под развалинами которого было убито более ста человек и ранено несколько сот. Это окончательно озлобило болгар, ими были приняты радикальные меры и большевиков вычистили отовсюду. С этого времени и к нам резко изменилось отношение в лучшую сторону.

Для оценки создавшегося тогда к нам отношения в Болгарии привожу статью из газеты «Русское Дело», издававшейся в Софии, от 22 февраля за № 77, под заглавием «НАШИ ЗНАМЕНА».

«Вчера в Тырново мы переживали Галлиполи. На экране, одна за другой сменялись картины: развалины домов, где мы жили; наши ученья, наши парады, памятник, воздвигнутый над могилами умерших, маленькая церковь из ветвей кустарника... И наши Знамена, а рядом с ними, точно изваянный из камня, часовой. Затем кинематографическая лента: «Главнокомандующий в Галлиполи». Почетный караул на берегу и высокая фигура генерала Врангеля. Он идет так быстро, что за ним не поспевают другие. Точно сразу хочет захватить, впитать в себя все эти тысячи лиц, жадно устремленных на него. Лагерь... Вдали силуэты гор, в долине, как светлые блики, разбросаны палатки. Стройные, как окаменевшие, ряды войск, уходящие темной полосой вдаль. Главнокомандующий подъезжает. «Слушай на караул!» И ряды щетинятся штыками и далеко-далеко солнце золотит последний штык «левофлангового». А когда войска проходят церемониальным маршем, впереди несут наши Знамена. Вот она — «Кутепия»! Но почему так бодры и радостны лица галлиполийских «каторжан»? Почему часовой зорко охраняет Знамена? И почему улыбаются обитатели мрачной землянки? Господа из «Последних Новостей и «Воли России»! Экран — опасный свидетель для вас. Его показания более убедительны, чем все сочинения ваших корреспондентов. Лектор поясняет картины. Я не знаю, хорошо ли он говорит или плохо, вероятно хорошо, так как собравшиеся в большом количестве **болгары дружно аплодируют.** Но нам, галлиполийцам, чего-то нехватает в его словах. Мы сидим, смотрим картины и до того сильно, до того ярко охватывает прошлое, что слова кажутся бледными, как бледны картины на экране. Можно пока-

зать, как войска приветствуют Главнокомандующего, можно пояснить эту картину, но рассказать, что каждый из нас и с п ы т ы в а л во время его приезда, — нельзя. Это черезчур интимно. Это слезы радости одних, это чувство, доходящее до экстаза, у других. Ни кинематографический фильм, ни лектор передать этого не могут. А разве серая картина или лектор могут рассказать, что переживала семья, ютившаяся в мрачной землянке, в суровую непогоду? На экране они все улыбаются, ну а в зимнюю стужу не ползли ли у них из глаз слезы? Но это опять интимное. Молчит экран и ни слова не говорит лектор. Нет, Галлиполи нельзя уместить в рамках часовой лекции. О нем и рассказывать нельзя, его надо пережить. Я слежу за нашими гостями-болгарами. Они напряженно смотрят на экран. Правильные ряды марширующих войск вызывают их шумное одобрение. Они удивляются стройному памятнику, построенному, буквально, одними руками. Они сочувственно качают головой при виде развалин, в которых мы жили. Портрет генерала Кутепова встретили аплодисментами. При виде генерала Врангеля большинство встает и аплодисменты переходят в овацию.

Милые гости! Мы видим, что вас удивляет и трогает Галлиполи. Но сердцем своим поняли ли вы то, чего не сказал вам лектор: чем создавалось Галлиполи и почему галлиполийцы в Болгарии? Наши гости это поняли. Когда на экране появились Знамена, их встретили ДОЛГИМИ рукоплесканиями. Да, гостеприимные хозяева — наши сегодняшние гости, эти Знамена, воплощающие в себе «Белую идею», они — основа всего. Они создавали Галлиполи, вызывающее ваше удивление. Они помогали пережить холод, голод, все тягости галлиполийской жизни. Они, как зачарованных, ведут нас и на пустынный полуостров и в гостеприимную Болгарию, они наши путеводные звезды на Родину. И песня, которой закончился вечер и которая так понравилась вам, создана нашими Знаменами. Да, мы верим: «Господь за нас, мы победим! Да здравствует РОССИЯ!» Эта вера не разума, а сердца, милые гости, ибо разум ошибается, но сердце — НИКОГДА».

Сергей Ш е в л я к о в

* * *

В тревожные дни правления большевика Стамбулийского было получено из Софии приказание штаба нашего корпуса доставить наши Знамена для отправки их на хранение в Сербию. Временно тогда командовал полком полковник Левитов, который собрал старших гг. офицеров для обсуждения вопроса о **хранении Знамен Корниловского Ударного полка,** в результате чего было решено доложить, что Знамена, особенно в эти тревожные дни, должны быть с полком. Императорские же Знамена влитых к нам двух полков, Севастопольского и Симферопольского, мы обязывались отправить в Сербию. В ответ на это было получено вторично предложение сдать и наши Знамена, и опять нами была послана та же просьба с более подробными данными для того, чтобы Знамена были с полком. Согласно распоряжению генерала Кутепова в Сербию были отправлены только два Императорских Знамени, о судьбе которых мы можем только

предполагать, что, очевидно, они были во вторую войну захвачены советской армией в Сербии.

Наши же Знамена: Корниловское Ударное, Георгиевское, Николаевское 1-го полка, Николаевское 2-го полка и Николаевское 3-го полка были оставлены в распоряжении командира полка (см. зарисовку Знамен в с. Горно-Паничерево сестрой милосердия Левитовой).

Первое приказание о сдаче Знамен Корниловскому Ударному полку в с. Горно-Паничерево, Болгария

10 апреля 1923 г. № 2114, г. София. **Полковнику Левитову.**

Для отправки полковых Знамен и регалий в Сербию, согласно полученным от Главнокомандующего и генерала Кутепова указаниям, генерал-лейтенант Ронжин П Р И К А З А Л:

1) Все Знамена, отделив их от древков, но сняв с последних никелевые части, скобы, орденские знаки и ленты, орденские трубы и ленты к ним, с нарочитым доставить в Софию, где они будут переданы на временное хранение в Сербскую миссию для дальнейшей отправки на хранение в Белград, в цитадель.

2) Вследствие невозможности одновременно провезти все Знамена и регалии, Его Превосходительством установлена следующая очередь:

а) Знамена и регалии Гвардейского Отряда, Корниловского Ударного и Марковского пехотного полков надлежит доставить в Софию к 20 апреля, б) Знамена и регалии Дроздовского стрелкового и Алексеевского пехотного полков, Корниловского, Марковского и Дроздовского артиллерийских дивизионов — к 30 апреля и в) Орденские трубы с лентами Алексеевского и 5-го артиллерийских дивизионов, Александровского, Константиновского и Корниловского военных училищ — к 15 сего мая.

Генерального штаба полковник ЗАЙЦОВ

С подлинным верно: полковник Левитов, Париж, 13 - 2 - 72

* * *

Ответ генерала Ронжина на просьбу оставить Знамена в полку

26 апреля 1923 г., № 3047 3, г. София.

Полковнику Левитову

По поводу возбужденного вами ходатайства не сдавать знамен и регалий в Сербскую миссию для хранения их и перевозки в Королевство С.Х.С. я получил официальное письмо от генерала Кутепова, который предоставляет разрешение этого вопроса моему усмотрению. Высоко ценя чувства, побуждающие вас не расставаться с родными для всех Корниловцев Знаменами, я тем не менее считаю своим долгом указать вам, что сейчас есть возможность сохранить их в полной неприкосновенности, отправив через Сербскую легацию в г. Белград. Какие события ждут тут всех нас в дальнейшем и когда состоится переезд вашего полка в Сербию,

— неизвестно. Поэтому, принимая во внимание, что весь ваш полк разошелся на работы и около Знамен для их охраны и, в случае чего, защиты осталось немного лиц, я бы полагал более целесообразным, чтобы Корниловцы, подобно другим частям, отправили свои Знамена и реликвии теперь.

Если же, несмотря на приведенные мною доводы, вы пожелаете остаться при первоначальном решении вами этого вопроса, то разрешаю оставить Знамена и регалии во вверенной вам части и напоминаю, что вся ответственность за их полную сохранность ляжет целиком на вас.

Генерал-лейтенант РОНЖИН.

С подлинным верно: полковник Левитов, 13 - 2 - 72, Париж.

* * *

Положение Корниловского Ударного полка после свержения в Болгарии правительства большевика Стамбулийского и прихода к власти Царя Бориса.

Несмотря на то, что травля нас коммунистами прекратилась, наше положение все ухудшалось и полку пришлось разойтись в поисках работы, исключая штаба полка. Казармы в Горно-Паничереве были сданы, а штаб полка переехал в село Княжево, расположенное около Софии. Конечно, поначалу большая часть чинов полка устроилась в Болгарии, но потом персонально многие переехали во все страны мира.

Франция после изнурительной войны нуждалась в рабочих, чем и воспользовались Корниловцы. На втором месте по устройству на работы была Бельгия, откуда Наталья Лавровна Корнилова-Шапрон прислала на мое имя сто виз, но воспользоваться ими я не мог, так как генерал Скоблин увидел в этом «разложение полка», отобрал у меня эти визы и через несколько дней по ним же стал набирать партию в Бельгию. Небольшие группы устроились в Сербии, Греции и Люксембурге. На новых местах жительства были организованы группы и связь с полком была восстановлена. Сам генерал Скоблин переехал во Францию. Через некоторое время туда же выехал и полковник Гордеенко.

В дальнейшем, для сокращения, жизнь полка будет описываться в общих чертах.

Основным для Корниловцев было и остается — это продолжение борьбы за освобождение РОССИИ от диктатуры большевизма в любых условиях, по заветам их Вождя и Шефа полка Генерала Лавра Георгиевича КОРНИЛОВА. Осуществление этого во многом зависело не только от одного желания, но и от ряда возможностей в условиях беженства. В этом отношении произошло, по моему мнению, резкое расхождение во взглядах и методах ведения борьбы: одни видели ее только в поддержании связи с полком, с обязательными взносами для этого, другие — в усовершенствовании военного и общего образования и только небольшая часть оставила за собой право старой активной борьбы. Этот отдел не предавался гласности и иногда велся без одобрения его командиром полка. К этой категории нужно в первую очередь отнести группу, кото-

рая по прибытии нашем в Константинополь выехала в Грузию, а оттуда на Северный Кавказ. Этот отряд установил связь со мной еще в Болгарии. Сначала он действовал успешно, но потом общий террор убил вообще все живое на Родине, с этим пропала вера в успех и отряд, понеся потери, распылился по разным городам. Об этом знал генерал Кутепов, который всегда просил меня держать его в курсе дела. Вторым сильным отрядом против нападений на нас большевиков был батальон, сформированный на Пернике, по роте от каждого полка 1-го корпуса, командиром которого был я. Батальон был вооружен винтовками, которые я сохранил во время разоружения нас Стамбулийским. До появления этого батальона были нападения на русских на мине Перник и тогда же пострадал от них там генерал Витковский, прибывший с целью ознакомления с нашей жизнью. После сформирования батальона все это прекратилось и только в отдельных случаях батальону приходилось малыми группами содействовать

Группа Корниловцев сводного батальона на мине Перник.

болгарской администрации в предотвращении нападений. В один из приездов на Перник военного министра генерала Волкова состоялся парад, в котором принимал участие и этот батальон, без оружия, но в своих полковых формах. Командиры рот настолько удачно сделали подбор людей для парада, что вид здоровых, хорошо обмундированных чинов Русской Армии, включительно до парадных сапог, произвел на генерала Волкова большое впечатление и он в своем слове так представил нас болга-

рам: «Берите пример с русских, тогда мы разобьем головы большевикам». У меня до сего времени сохранились фотографии этого парада, где, действительно, батальон, быть может в последний раз, представился отлично. Мне кажется, что именно это официальное признание нашего участия в деле борьбы с большевиками, хотя бы только в районе мины Перник, вызвало успокоение, с одной стороны, и недружелюбное отношение лично

Сводный батальон полковника Левитова из рот Корниловского Ударного, Марковского, Дроздовского и Алексеевского полков по случаю приезда на мину Перник — Болгария — военного министра Генерала Волкова.
Х — полковник Левитов.

ко мне, с другой, как к лицу, которому болгары оказывали содействие. Все это привело к тому, что после переписки с генералом Кутеповым я по его совету оставил работу на Пернике и переехал во Францию.

Переход чинов Русской Армии на рабочее положение разрешался в зависимости от наличия профессии: имевшие ее устраивались сразу и хорошо, а не имеющие таковой оказывались на положении чернорабочих. В худшем положении оказались инвалиды, которые частично были устроены на Шипке и в Княжево, где был создан отдельный дом. Полк помогал им, чем мог. Так, неожиданно полученное на полк белье было решено не раздавать, а за небольшую плату продавать в пользу инвалидов. Из этого образовалась солидная сумма, к которой присоединился дар Надежды Васильевны Скоблиной. Хозяйственная часть и все, кто мог, не оказались в стороне и все это вместе взятое дало возможность нашим ин-

валидам иметь свой дом в Княжево и лавочку на мине Перник. С возвращением из Сербии полковника Гордеенко я сдал ему полк и тут же отправился на работу на Перник в качестве чернорабочего. Работали тогда рудники на полный ход, поставляя уголь в Сербию как контрибуцию, а потому рабочих было несколько тысяч. Русским были отведены двухэтажные бетонные казармы, для холостых комната на несколько человек, а для семейных были отдельные комнаты. Для охраны комнат для холостых администрация назначала сторожей из числа пожилых, роль которых была наблюдать за порядком и ходить получать жалование. Я не мог воспользоваться этим, потому что не мог бы прокормить семью на это жалование, и от нас на эти места поступили полковник Бржезицкий и полковник Рябинский. Плата за работу была неодинакова и зависела от продуктивности подачи угля, а потому каждый рабочий, взвесив свои возможности, стремился к достижению намеченной цели. Хорошо зная подрывное дело, я стал стремиться на работу в забоях, так называлась работа, где под землей пробивали галлереи для добычи угля. Мне, как «непригодному к занятию строевых должностей по ранениям с мая 1915 г.», было сначала очень тяжело, но потом я втянулся, окреп и под конец моей работы на Пернике, если простой рабочий за день имел 30-50 лева, я получал в три раза больше. На мине был свой госпиталь для бесплатного лечения, в центре была церковь, шикарная баня, был театр, полагался месяц платного отпуска и месяц бесплатного, но вот с питанием поначалу дело обстояло очень плохо. Рудники находились друг от друга на расстоянии 1-2 километров, работали в три смены, и перед началом работы, перед самым входом в галлерею, рабочий получал назначение, после этого получал в свой котелок порцию пищи, обычно густой суп из баранины, быстро проглатывал ее, иногда при морозе в 10-15 градусов, и бежал в галлерею, на свое место. На наше счастье, старшими инженерами были поначалу русские и только благодаря им все это изменилось в лучшую сторону. Семейным стали выдавать паек деньгами, при входе в рудник появились бараки-столовки, где рабочий мог иметь пищу в человеческих условиях. Общий вид русских рабочих был настолько хорош, что можно было подумать, что в казармах расположены военные части. Особенно усиливалось это впечатление в праздничные дни.

В дальнейшем жизнь каждого определялась им самим. Но шахты все же оставались ш а х т а м и. Имевшие возможность скопить кое-что для изменения своих условий жизни, часто добивались этого, но любители спиртного или прогулок в Софию всегда оказывались в худшем положении. Одним из признаков благополучия на Пернике было то, что в городе были хорошие русские рестораны, часто в театр приезжали русские артисты с определенной целью подзаработать, беспрерывно работало синема, читались доклады и поэтому многие из чинов Русской Армии связали свою судьбу с Перником до войны 1942-45 гг., то есть до прихода туда красной армии. Не могу не отметить еще одно положительное для рабочего на Пернике: эти рудники были государственными и именовались «шахтами Его Величества Царя Бориса», поэтому большая часть прибыли шла в казну, а какой-то остаток распределялся между всеми ин-

1 — Корниловского Ударного полка полк. Левитов М. Н., 2 — полк. Малых, 3 — Корн. Удар. п. сестра В. С. Левитова с Ириной, 4 — ген. Булюбаш, 5 — ротмистр кн. Н. П. Ухтомский, 6 — Корн. Удар. п. полк. Зозулевский, 7 — Корн. Удар. полка полк. Рябинский А. А., 8 — Корн. Удар. п. капитан Данилин. **Шахты «Мина Перник» Болгария.**

женерами и рабочими ежегодно, пропорционально их заработку. Так я, считавшийся за мои последние два года в числе лучших «копачей», имел месячный заработок в среднем 8 000 лева, а за годичный заработок при таком жаловании моя тантьема — наградные равнялись 12.000 лева. Такие «копачи» из болгар, да и из русских, работавших со мной, работали обычно ШЕСТЬ лет, после чего покупали на собранные деньги дом с землей и занимались чем-либо более легким. На других же шахтах условия были гораздо хуже.

* * *

1 сентября 1924 года генералом Врангелем был создан «Русский Обще-Воинский Союз», причем генерал Врангель высказался при этом так:

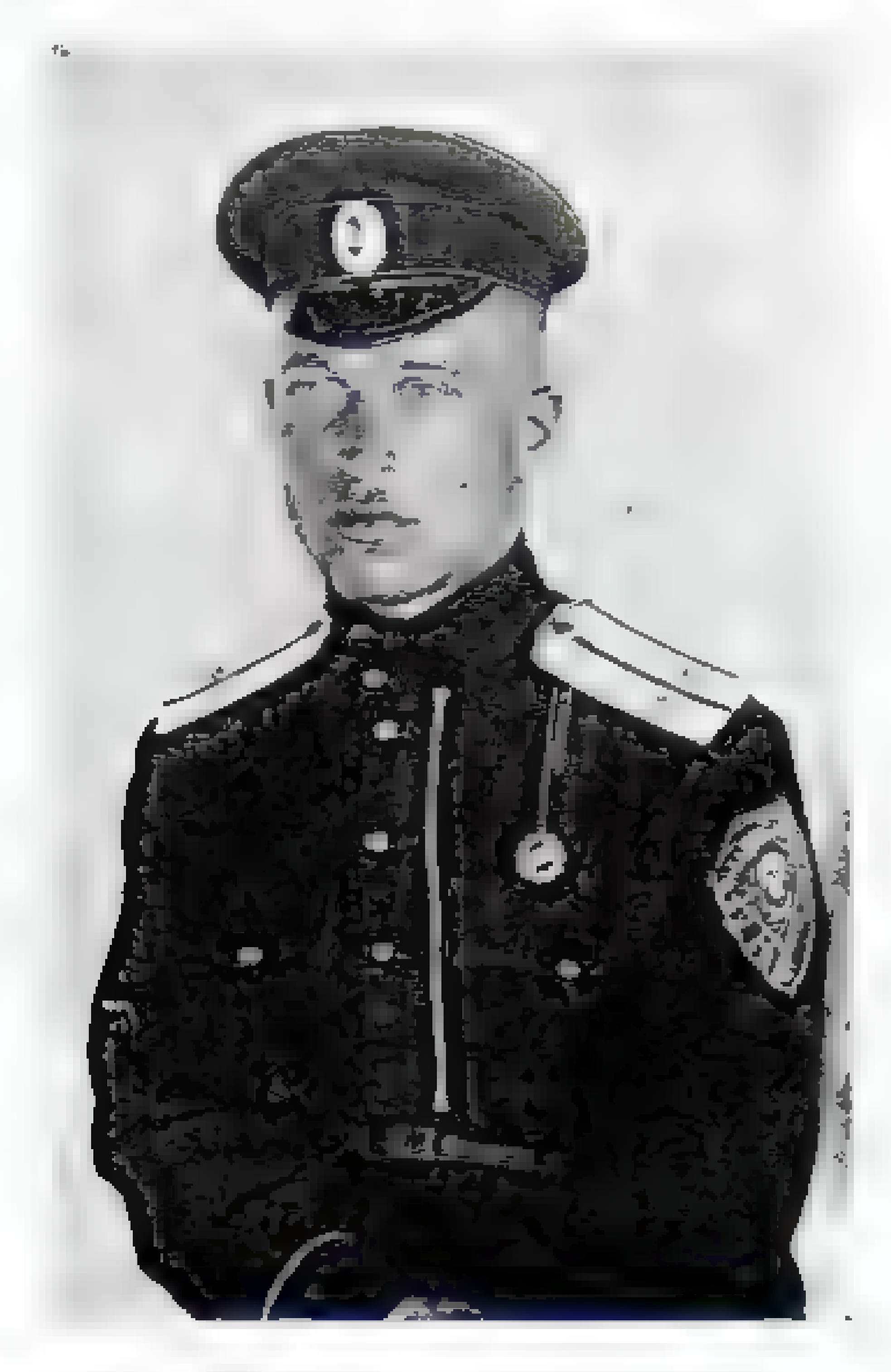
Корниловское Военное Училище в Болгарии

«То Знамя, которое из рук Генерала КОРНИЛОВА, генерала Алексеева и генерала Деникина перешло ко мне, я сохраню на чужбине. Я скорее сожгу это Знамя, чем изменю начертанное на нем слово: «ОТЕЧЕСТВО».

По его завету Русский Обще-Воинский Союз является единственным преемником Российской Императорской Армии и Армии БЕЛЫХ фронтов гражданской войны в РОССИИ и был образован приказом от 1 сентября 1924 года с целью объединить русских воинов, разбросанных по разным странам, и крепить связь между ними (далее идет всем известное содержание его положения).

25 апреля 1928 года генерал Врангель скончался, оставив потомству

память о своей блестящей службе в Императорской Армии, Добровольческой Армии Юга России и потом в созданной им в Крыму Русской Армии. Не судил ему Господь в Крыму победы, но все же он свое обещание вывести нас из создавшегося положения с честью выполнил. И потом в эмиграции, несмотря на грубо отрицательное отношение к нам так называемых наших «бывших союзников», он все же одержал моральную победу в момент перехода Армии на эмигрантское положение, оставив ее **организованной**.



От подпоручика Неаронского своему командиру полка:
родному учителю боевой славы полковнику Левитову от боевого питомца по 2-му Корниловскому Ударному полку, ныне подпоручика Неаронского.
14. 8. 1923 г. Горно-Джумая, Болгария.

Скончался генерал Врангель в Бельгии и там же был временно похоронен, а затем оттуда прах его был перевезен по его указанию на место вечного упокоения. Похороны были исключительно торжественными и подробно описаны в отдельной брошюре.

Вечная слава и вечный покой выдающемуся сыну РОССИИ болярину воину ПЕТРУ!

Корниловского Ударного полка полковник Левитов.

* * *

Самым большим событием, всколыхнувшим тогда нашу общественную жизнь, было участие в «Российском Зарубежном Съезде» в Париже. Детали этого съезда читатель может узнать из книги под тем же названием, изданной комитетом его в апреле 1926 года, в Париже. Я же коснусь только того, как это отразилось на русских, живших на Пернике. Большинство русских приняли участие в выборах на съезд их представителей, состоялось собрание, на котором избранными оказались инженер рудника Берладин, получивший 1 006 голосов, полковник Левитов — 997 голосов,

Париж Группа офицеров Корниловского Ударного полка: 1) полковник Щеглов, 2) кап. Григуль, 3) подполк. Марченко 1925 г.

Корниловского Ударного полка полковник Зозулевский и Корниловского военного училища полковник Керманов. Инженер Берладин отказался от своих голосов в пользу полковника Левитова, который и стал старшим от Перника. Были собраны средства и представители поехали в Париж. По дороге одновременно и туда же ехали представители и из других мест, и для усиления нашего представительства из Болгарии мы просили генерала Бредова быть нашим общим старшим, роль которого на съезде он и выполнял. Мой билет на съезде был за № 122, от 30 марта 1926 г. отель «Мажестик», Париж. Я, полковник Зозулевский и полковник Керманов представились сначала генералу Кутепову, с которым и снялись.

Эта фотография и общая Зарубежного съезда помещена в книге «Зарубежный съезд». Представители из Болгарии по окончании съезда представились Великому Князю Николаю Николаевичу, которого съезд просил возглавить нас. Начальник группы Корниловцев в Париже полковник Щеглов ознакомил нас с Парижем, и мы даже поднялись на Эйфелеву башню.

По возвращении на Перник мной был сделан доклад о результатах поездки, в котором главным было то, что Великий Князь Николай Николаевич согласился нас возглавить. Своим представителем в Русском Обще-Воинском Союзе он назначил генерала Кутепова.

* * *

В начале 1929 г. я покинул Перник и переехал во Францию, где остановился в Париже Из-за незнания языка пришлось остановиться на самой тяжелой работе, мойке машин по ночам, с минимальной оплатой

Парижская группа Корниловцев в 120 человек в Париже.

и работой с 19 до 7 часов. Вскоре скончался начальник группы полковник Щеглов, и я был назначен на его место. Несмотря на мою выносливость, я все же был вынужден через год просить генерала Скоблина освободить меня от этой должности, главным образом потому, что я не мог в незнакомой мне парижской обстановке проводить в жизнь то, что я до этого делал Командир полка мою просьбу удовлетворил и группу во Франции перевел в свое подчинение.

Париж — мировой город, кого только в нем нет, и потому жизнь

там бьет ключом, все покупается и продается оптом и в розницу, но разбрасываться нашему брату в такой обстановке и притом в положении рабочего в те времена, с добавлением клички «грязный иностранец», для нас было просто непосильно. Но несмотря на это, некоторые ради карьеры легкомысленно все же размениваться и через это стали отходить от

Юбилей Корниловского Ударного полка. Вынос Знамен из Собора на рю Дарю в Париже. 1) капитан Шинин, 2) капитан Кривошеев, 3) кап Туркин, 4) ударник Дегтярев и 5) вольноопределяющийся Сергей Романович Пух.

нашего прямого долга. Всюду скользило местное легкомыслие, где в первую очередь кумиром являлся его величество ф р а н к. Но так как он здесь даром не давался нам, то получалось: на общее дело его мало давали, а все шло на устройство личной жизни. Где в этом была правда и

где карьеризм, — разобраться было трудно, а потому я, оставшись в стороне от полковой жизни, восстанавливал нужные для меня связи и включался в работу по нашей старой линии. Ходил на собрания, на лекции, на благотворительные балы и почти забыл про театры и синема, — это было для меня роскошью. В это время состав парижской группы доходил до 193 человек (см. список и банкет). Видовой лоск еще сохранялся, но наша прямая работа сильно хромала, и в этот момент, среди бела дня 26 января 1930 г., в Париже, в 15-м его аррондисмане, недалеко от полицейского участка, был похищен генерал Кутепов. Думаю, что это было для всех нас роковым ударом. Разбор этого дела местными властями просто по-

Начальник Русского Обще-Воинского Союза,
похищенный большевиками в Париже генерал Миллер.

вис в воздухе, но все же он ясно указал на то, чьих рук оно было. На место генерала Кутепова вступил генерал Миллер. Здесь уже сразу было решено для его охраны установить дежурство на время выездов. В первое дежурство от Корниловцев я попросил назначить меня. После я написал в Болгарию оставшемуся там за старшего полковнику Кондратьеву с критикой этой неудовлетворительной системы, но это не помогло и все осталось по-старому.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЛИСТ № 7 группы Корниловского Ударного полка в Болгарии. Город Бургас, 31 мая 1931 года

Из жизни Корниловцев. Полковник Левитов сообщает из Франции о состоявшемся в Париже 16 апреля с. г. собрании всех начальников групп и партий, на котором генерал Шатилов подробно остановился на освещении обстановки ведения борьбы и нашей готовности к ней. Всесторонне разобрав этот вопрос, генерал Шатилов сообщил, что за генералом Миллером установлена слежка и что перехваченное в Риге радио заставляет нас быть настороже, так как генералу Миллеру грозит участь генерала Кутепова. Таким образом противник ведет с нами борьбу не одними словами, и недавний пример показывает, что многочисленные ажаны Парижа не предохранят нас от его ударов.

Вполне разделяю мнение полковника Левитова, что нам надо дать генералу Миллеру уверенность, что он в своей работе опирается на реальную силу и что, будучи предупреждены противником, мы должны быть готовы к отпору и нападению, дабы отбить у него охоту перевозить нас в клетках, как цирковых зверей, из Парижа на Лубянку. Прав полковник Левитов и в том, что неудобно махать кулаками после драки и что позорно думать, что, перенеся с исключительным спокойствием первую оплеуху, мы, Бог даст, перенесем и вторую. Прошу всех Корниловцев высказаться: какими мерами мы, по их мнению, могли бы парировать готовящийся удар и оградить нас от дальнейших покушений на нашу жизнь и свободу. Подписано: Начальник группы полковник Кондратьев.

Подлинный хранится в моем архиве.

С подлинным верно: Полковник Левитов

* * *

Полковник Кондратьев все же поместил мою критику в полковой информации.

Время шло, многомиллионная эмиграция все ожидала падения диктатуры большевиков на Родине и позабыла про свои обязанности бдительности за работой противника. Большевики этим воспользовались и 22 сентября 1937 года ими снова было произведено похищение, жертвой которого стал на этот раз генерал Миллер. Для Объединения Корниловцев это было двойным ударом: помимо самого факта похищения генерала Миллера. пало подозрение на Возглавляющего Объединение генерала Скоблина. которого старшие офицеры РОВС-а пригласили дать свои показания в комиссариате полиции, но он уклонился от этого бегством. Его жена, бывшая певица Надежда Васильевна Плевицкая, была по этому делу осуждена французским судом на двадцать лет каторжных работ.

Последствия поступка Скоблина и Надежды Васильевны Плевицкой для Объединения чинов Корниловского Ударного полка были очень тяжелы, помимо чисто моральных переживаний, еще и от того, что Возглавляющим Объединение был назначен бывший тогда в Бургасе (Болгария) полковник Кондратьев, прибывший во 2-й Корниловский Ударный полк

во время окончания боев в Крыму из Египта и был зачислен в полк только в Галлиполи, где был фельдфебелем 5-й роты. Послужного списка его я не видел, но он был, по его словам, Георгиевским кавалером. В войну 1941-45 гг. он боролся с большевиками в Сербии, где, будучи смертельно ранен и умирая, просил передать Корниловцам, что он «умирает за полк». Но, несмотря на это и помимо него, кандидатами на пост Возглавляющего тогда могли быть из числа старых Корниловцев: командир 1-го Корниловского Ударного полка полковник Гордеенко, командир 2-го полка полковник Левитов, генерал Силин, влившийся к нам со своим Севастопольским полком в Северной Таврии, полковник Бржезицкий, влившийся к нам в Новороссийске со своим Кавказским полком, полковник Зозулевский — первопоходник и ряд других доблестных штаб-офицеров — корен-

Полковой знак Корниловского Ударного полка.

ных Корниловцев. Но тогда почему-то они этого назначения не заслужили, хотя вины за собой по делу Скоблина не только не имели, но некоторые из них даже предупреждали начальство о его ненормальном поведении, но нам не верили.

* * *

Для освещения жизни всего Объединения того времени привожу информацию полкового адъютанта, капитана Григуль, Петра Яковлевича, за № 1, от мая 1932 года. Параграф первый содержит описание собрания для взаимных поздравлений в дни Святой Пасхи, на котором гостями были генерал Миллер и Корниловцы-артиллеристы во главе с полковником Петренко. После поздравлений подполковник Трошин и капитан Барделиус передали генералу Скоблину футляр с только что утвержденным полковым знаком под пение полкового гимна. Генерал Миллер радужно обрисовывает международное положение, начальник Корниловского военного училища полковник Керманов поздравляет телеграммой и далее читаются поздравления отовсюду.

ИЗ ЖИЗНИ НА МЕСТАХ

ФРАНЦИЯ

Париж. 12 марта 1932 г. Парижская группа Корниловцев устраивала свой ежегодный бал с целью пополнения средств помощи инвалидам. Прекрасная концертная программа во главе с Надеждой Васильевной и хо-

Банкет парижской группы.

1) полковник Левитов, 2) полковник Петренко, 3) полковник Иванов К. В и 4) подполковник Вержановский.

роший оркестр создали блестящий военный бал сезона. Бал посетили: Председатель РОВС-а генерал Миллер, адмирал Кедров с супругой генерал Репьев, генерал Фок, генерал Туркул, видные представители общественных организаций, профессуры и все лучшее русской колонии Несмотря на общий экономический кризис, материальный успех бала был прекрасным: 3.600 франков.

Расположение Парижской группы в центре мировых событий и ее численный состав сделали ее главной группой Объединения чинов Корниловского Ударного полка, начальником которой был тогда подполковник Трошин. Члены группы могли воспользоваться многим: Военно-научными курсами генерала Головина, курсами усовершенствования военных знаний, периодическими лекциями и т. п. для своего развития.

Лионская группа

Лионская группа Корниловцев по справедливости должна считаться в нашей семье наиболее организованной и дружной. Нравственные высо-

Банкет в годовщину 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода в Париже 19. 2. 1935 г.

1) Генерал Деникин, 2) Генерал Писарев и 3) Ксения Васильевна Деникина.

кие качества дисциплинированного полковника Киреева, начальника группы, дали совершенный образец воинской части в наших условиях. Группа имеет свое собрание, свой капитал, а главное — единую волю Корниловца в самом красивом и высоком смысле. Работа есть. Двое безработных не вызывают тревоги, так как каждый чин обеспечен на черный день

Марсель

Группа, десять человек, начальник группы подпоручик Котов, обещает стать на должную высоту и занять свое положение среди русской колонии. Существуют курсы военных знаний, читаются лекции. Вся группа успела обзавестись полковыми значками. Безработных нет.

Клермон-Ферран

Группа Корниловцев во главе с начальником группы штабс-капитаном Яремчуком 1-м, он же и начальник группы РОВС-а. Исключительные

Наталия Лавровна Корнилова в Париже в галлиполийском собрании

служебные качества штабс-капитана Яремчука 1-го подняли его личный авторитет, а с ним и Корниловцев, на первое место среди других частей. Все обязанности перед полком и РОВС-ом выполняются безотказно. Безработных нет.

Гренобль

Начальник группы поручик Гридин доносит: «В группе у нас неблагополучно: капитан Стороженко отправлен в дом умалишенных. Истрепанные его нервы не выдержали. Главная его мысль — это спасение России, и на этом он и сошел с ума. Сами создали кружок пополнения военных знаний, делаются доклады. Полковник Яхнов читает общую тактику, подполковник Павлов — пехотное дело и красную армию, поручик Гридин — военную географию. Группу посетил генерал Стогов, сделав доклад о событиях на Дальнем Востоке. Безработных нет.

ЛЮКСЕМБУРГ

Начальник группы подполковник Роман Филиппович ПУХ. Группа на должной высоте в исполнении своего служебного долга, твердости и единения Корниловцев. Безработных нет. 7-го умер поручик Молдавский, Иван Димитриевич. На могилу покойного возложен венок от полка.

БЕЛЬГИЯ

Шарлеруа. Все благополучно. Корниловцы живут дружно. Обязательства перед полком и сбор в Фонд Спасения РОДИНЫ полностью выполняются. Безработных почти нет.

Брюссель. После всякого рода треволнений и перетасовок, групповая жизнь Корниловцев мало-помалу налаживается и есть надежда, что, изжив все острые углы, Корниловцы вновь обретут себя, - порукой в том то, что они прежде всего Корниловцы.

Льеж. В группе все благополучно, связь со старшим всей Бельгийской группы прочно поддерживается.

Лувьер. Жизнь Корниловцев идет хорошо. Образована касса взаимопомощи. Группа работой обеспечена.

БОЛГАРИЯ

Обстоятельные сведения о жизни Корниловцев в Болгарии, рисующие полную картину быта в связи с общим положением страны, достойны особого внимания и рисуют полную картину, являясь примерными. Начальник группы полковник Кондратьев лично объехал большинство партий и на месте убедился в том, что есть:

Бургас: Группа, благодаря своей численности и сплоченности, является наиболее крепким ядром, руководя общественной деятельностью в русской колонии города. Ежемесячные членские взносы регулярно поступают. Общевоинские объединения наполовину составлены из Корниловцев, где докладчиками и лекторами являются полковник Кондратьев и полковник Голосов. Руководство для унтер-офицеров штудируется добросовестно. Безработных почти нет. Партия образцова во всех отношениях.

Софийская группа. Безработных, за исключением инвалидов, нет. Есть надежда, что и безработные инвалиды, подполковник Димитриев,

подполковник Федоров и подполковник Ширгановский скоро устроятся. Живут дружно, но в силу разбросанности местожительства собираются редко. К приезду начальника группы собрались все. 17 апреля в посольской церкви в Софии была отслужена панихида по Генералу Корнилову и полковнику Неженцеву. Присутствовала вся группа и все начальствующие лица.

Перник. Долгие годы жизни на руднике в примитивных условиях, при грубой работе неизбежно угнетают и понижают дух Корниловцев, но тем не менее начальник группы полковник Бржезицкий принимает все меры для поддержания достоинства Корниловцев.

Пловдив. Большинство чинов группы работают на каменоломнях. Безработных трое. Живут дружно и часто собираются.

Варна. С начальником группы постоянную связь поддерживают штабс-ротмистр Трухманов и корнет Писаный. Безработица полная, порт пустой. Собраний РОВС-а не бывает.

Габрово. Безработных нет. Собраний не бывает. Живут дружно.

Казанлык. Условия жизни тяжелые. Почти все не на постоянных местах. Особенно тяжело положение подпоручика Запорожского и Мушакова. Устраиваются собрания РОВС-а и читаются лекции по усовершенствованию военных знаний. Лекции из наших посещают штабс-капитан Кузьминов, поручик Егерь, подпоручик Запорожский и Тюрев. Остальные не интересуются. 23 ноября 1931 г. скончался поручик А. Стричинский.

Шуменская группа. Безработных нет. Обеспечены постоянной хорошей работой. Встречаются ежедневно. В городе армейских собраний не бывает. Информация РОВС-а получается редко, имеется только руководство для унтер-офицеров.

Мина «Черное море». Безработных пока нет. Условия жизни, особенно на канале и озере, очень тяжелые. Собраний не бывает.

Сливенская группа. Большинство работает на фабриках, живут особенно дружно, будучи окружены рабочими сплошь коммунистами. В колонии много организаций, направленных против РОВС-а. Собрания устраиваются каждый месяц и посещаются всеми чинами группы. Начальник группы поручик Игошин и поручик Димитриев учатся на курсах генерала Зинкевича и, кроме того, в группе полковника Малафеева, где проходится «руководство для унтер-офицеров».

Шипка. Такова звезда русского воина. Здесь непобедимый русский орел стяжал мировую славу и победные лавры, а ныне там горьким живым памятником наши инвалиды, больные... Полк не забывает их и не забудет, как бы ни была тяжела жизнь взявших перевал. Наши инвалиды — честь и долг каждого Корниловца. Несмотря на то, что им туда было послано 2.500 и 2.700 франков, их положение тяжелое. Полковник Кондратьев прямо пишет: «Положение на Шипке тяжелое». Шипкинская группа прислала фотографию, где все они сняты на фоне храма-памятника: капитан Грушо, старший унтер-офицер Цурупа, подпоручик Иванов с сыном на руках, жена подпоручика Иванова с сыном, казак Игнатов, подпоручик Пампура, священник отец Николай князь Ухтомский (в чине ротмистра первым прибыл в Корниловский Ударный батальон), капитан Кор-

тович, полковник Воронов, поручик Сустов, поручик Ноздрин, подпрапорщик Месяц, подхорунжий Дувакин, подпоручик Рухлов и капитан Селиванов.

Старозагорская группа. Начальник группы не может установить связь с начальником партии, и потому полк ничего о них не знает.

Общий вывод: В Болгарии Корниловцы живут дружно, но обособленно от других, сохраняя любовь к полку и верность его традициям.

ЮГОСЛАВИЯ

Судя по приказу группе от 23 марта с. г. видно, что Корниловцы в Югославии организованы в порядке службы и дисциплины. В свои ряды Корниловцы привлекают молодежь, внушают ей наши традиции и светлые идеалы. В Белграде и в Новом Саду, где преимущественно сосредоточены Корниловцы, командованием организованы курсы военных знаний, имеются все военные пособия, а главное — чины группы увлечены и охотно работают по усвоению всего нового, что дает современная военная наука. 5 марта Корниловцы устраивали в Белграде бал для усиления средств помощи нетрудоспособным и больным однополчанам. Бал посетили все старшие начальники РОВС-а и офицеры Югославской Армии.

ФИНЛЯНДИЯ

Начальник группы капитан Батуев на далеком севере работал, в полном смысле слова, по-корниловски. Состоящие в группе молодые люди прошли все уставы, а летом было предположено все это поставить на практическую ногу. Вся эта работа проводилась в исключительно тяжелых политических условиях, царящих как в самой стране, так и в среде русской колонии вследствие близости советов.

ПОЛЬША

Генерал Зумберов регулярно пишет командиру полка. Живется ему не легко, работая по сбору податей. Приводится резонный вопрос генерала Зумберова: «В Париже г. Керенский делает доклады при переполненном зале. Кто переполняет зал и кто слушает этого мерзавца?»

АМЕРИКА

Старший группы капитан Ткаченко пишет: «Живем дружно, без всяких недоразумений, крепко держимся друг за друга. Сейчас почти все без работы, но дух хороший, и кризис не пугает. Взносов не собираем, — кругом должны, но на охрану генерала Миллера выслали заказ. Если есть что светлого в жизни каждого из нас, так лишь воспоминания и долг перед полком и Армией. Капитан Трилевский путешествует по всей Америке, изучая ее возможности, и с головой ушел в организацию куриной фермы. При успехе можно думать, что в центре Америки будет крепкий Корниловский колхоз. **Дороже нашего прошлого ничего нет.**

АЛЖИР

Капитан Голик пишет, что устроился хорошо, зарабатывает прилично, а жизнь дешевая. Работой обеспечен. Русским можно работать только специалистами, ибо на трудной физической работе наш брат не устоит перед арабами.

ИНДОКИТАЙ

Поручик Козицкий пишет: «Вторично отбываю службу в Иностранном легионе. Суровая боевая обстановка сопутствует жизни в легионе все время. Русских осталось мало, но за последнее время прилив снова увеличился, — гонит безработица. Среди русских многие служат в офицерских чинах. Из Корниловцев я встретил здесь случайно капитана Дашкевича (подполковник), прибывшего в легион в 1930 году, капитана Киреева, прибывшего в 1931 г. и Мищеринова». И в дебрях, что называется «у черта на куличках», человек не забывает свой родной полк. Прислал за год свой членский взнос в полк и лепту на безработных. Пример достойный, а Корниловцу — честь и слава! Просит прочитанные газеты присылать по их адресам.

ВЕНГРИЯ

Начальник Отдела Общества Галлиполийцев в Королевстве Венгрии сообщает командиру полка, что 14 марта с. г. скончался и погребен на центральном городском кладбище поручик Корниловского полка Ростислав Владимирович Толпыго. В Будапеште умер в 1923 году корнет Николай Тимофеевич Рыбалка

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГАЛЛИПОЛИЙСКОГО ПАМЯТНИКА

Покидая Галлиполи, генерал Кутепов сделал два обращения: первое — к своему корпусу, а второе — к населению. Первое обращение генерала Кутепова зафиксировано у нас как **ЗАВЕЩАНИЕ** нам **генерала Кутепова:**

«Вы целый год несли крест. Теперь в память Галлиполийского сидения, этот крест вы носите на своей груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей, держите высоко русское имя и никому не давайте Русского Знамени в обиду. Генерал Кутепов».

Второе обращение на пяти языках с выражением благодарности населению за гостеприимство и с просьбой сохранить наше кладбище. Об этом заботилось и само Галлиполийское Общество, посылая жалование сторожу. Вторая война и последующие события прервали связь с ним. Потом из разных источников были сообщения о том, что будто бы Памятник разрушен землетрясением. И только в последующие годы наши туристы, побывавшие в Галлиполи, не нашли там и следов от него. При расспросах жителей о судьбе его было видно, что они даже избегали отвечать на них. Надо полагать, что во время второй войны он был просто

стерт с лица земли как свидетель любви Русской Армии к своей Родине Матери — РОССИИ.

Прошли года, но рассеянные по свету Галлиполийцы не забыли своего испытания в Галлиполи с его Памятником и приступили к восстановлению его с целью исполнения завещанного нам генералом Кутеповым.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГАЛЛИПОЛИЙСКОГО ПАМЯТНИКА ЗА ПАРИЖЕМ, НА КЛАДБИЩЕ СВ. ЖЕНЕВЬЕВЫ

Перепечатывается с официальных бумаг того времени Объединения чинов Корниловского Ударного полка

Общество Галлиполийцев
Комиссия по сооружению памятника
на русском кладбище Сан-Женевьев
. . . . 1958 года
г . Париж.

Для увековечения светлой памяти Вождей Белого Движения всех фронтов и русских воинов, за честь нашей Родины живот свой положивших, а также всех Галлиполийцев, на чужбине скончавшихся, Общество Галлиполийцев, по инициативе и в лице Отдела Общества во Франции, постановило для этой высокой цели соорудить памятник на Галлиполийском участке русского кладбища Сан-Женевьев, под Парижем.

По проекту, любезно разработанному художником А. А. Бенуа, памятник этот будет представлять собою в уменьшенном виде и с сохранением всех пропорций точную копию памятника, воздвигнутого частями Русской Армии в бытность их в Галлиполи на местном военном кладбище. По проекту памятник будет покоиться на цоколе достаточной высоты для того, чтобы на нем разместить мраморные доски, увековечивающие имена наших Вождей.

Правление Французского Отдела уже приступило к осуществлению этого проекта и приобрело на русском кладбище Сан-Женевьев необходимый для постановки памятника земельный участок.

Ввиду расширенного символического значения проектируемого памятника создается комиссия по его сооружению в составе:

1) Почетного Председателя — Начальника Русского Обше-Воинского Союза Генерального штаба генерал-майора фон Лампе,
2) полковника Протасовича, начальника 1-го Отдела РОВС-а и Возглавляющего Объединение Дроздовцев,
3) полковника Горбач, председателя Главного Правления Общества Галлиполийцев,
4) полковника Бояринцева, Возглавляющего Объединение Корниловцев,
5) полковника Левитова, бывшего командира 2-го Корниловского Ударного полка,
6) подполковника Ждановского, Возглавляющего Объединение Алексеевского пехотного полка,

Открытие копии Галлиполийского памятника под Парижем на кладбище Св. Женевьевы.

7) подполковника Мацевича, — по поручению Возглавляющего Объединение Марковского пехотного полка полковника Рябухина,
8) подполковника Шавинского, Возглавляющего Объединение Марковского артиллерийского дивизиона,
9) капитана Григуль, председателя Отдела Общества Галлиполийцев во Франции и члена Главного Правления Общества,

Могилы Корниловцев на Галлиполийском кладбище все с эмблемами полка.

10) полковника Нефедова, Возглавляющего Объединение 6-го бронепоездного дивизиона,
11) капитана Шинина, председателя Правления Отдела Общества Галлиполийцев во Франции и члена Главного Правления Общества.

12) капитана Канашевича, члена Главного Правления Общества и Правления Отдела Общества во Франции и
13) священника отца Стефана Книжникова, настоятеля Галлиполийской церкви и члена Правления Отдела Общества во Франции.

Приступая к выполнению своей миссии, комиссия обращается ко всем воинским и общественным организациям, а также и ко всем национально настроенным русским людям, с просьбой помочь в этом большом и трудном деле. Предлагая при сем подписной лист за №..., комиссия просит не отказать в вашем участии по его распространению.

Деньги по подписным листам просим вносить через местные Отделы РОВС-а и Отделы Общества Галлиполийцев (далее указывается их номер).

Председатель комиссии полковник Горбач,
секретарь капитан Шинин.

* * *

Как к этому отнеслось Объединение Корниловского Ударного полка? Привожу обращение к нему Возглавлявшего его тогда полковника Бояринцева:

ВНИМАНИЮ КОРНИЛОВЦЕВ

Комиссия, составленная из представителей Галлиполийского Общества и Возглавляющих воинские организации, приступает в ближайшее время к сбору средств для сооружения на Галлиполийском участке кладбища в Сан-Женевьев де Буа (под Парижем) Памятника Русской скорби и Русской гордости. В его структуру включается комбинированная идея: увековечение памяти Белых Вождей и Русских Воинов, погибших в борьбе за честь своей Родины, а также преклонение перед жертвенностью тех, чьи могилы остались беспризорными в далеком, суровом Галлиполи и во всем Русском рассеянии. Эта идея близка сердцу Корниловцев, внесших богатый «дар кровью» в белую борьбу. Израненное тело нашего Шефа, Генерала Л. Г. Корнилова, не нашло пристанища на Русской земле, за которую он отдал свою жизнь. Тысячи и тысячи могил наших соратников, как на русских просторах, так и на чужбине, не имеют православного креста и ласковой заботы своих родных и близких. Поэтому Объединение Корниловцев, в целом, принимает участие, моральное и материальное, в сооружении проектируемого памятника. Его лицевая сторона, по соглашению со строительной комиссией, предоставляется Корниловскому Ударному полку.

В ней мы увековечим славу доблести Лавра Корнилова и его ударников. Зову всех, кто связан в своем прошлом службой в Корниловской Ударной дивизии, принести свою трудовую лепту на это святое дело, как долг совести нашей.

Имеющиеся на эту цель суммы, собранные ранее, поступят в общий фонд Памятника, как символ коллективного нашего участия.

Пожертвования можно направлять в любую воинскую организацию в любой стране, а также в Отдел Галлиполийского Общества с соответ-

ствующей пометкой. Подписные листы имеются в распоряжении всех начальников групп Корниловцев во всех странах.

«Мы — Русские, — с нами Бог!»

Возглавляющий Объединение Корниловцев
Полковник Бояринцев.

Акт поверочной комиссии

13 декабря 1959 года поверочная комиссия Отдела Общества Галлиполийцев во Франции в составе: председателя капитана Савинова и членов — капитана Осипова и губернского секретаря Барабаша, на основании поставления Правления Отдела от 30 ноября произвела поверку представленного Председателем Правления Отдела капитаном Ивановым документального отчета по сбору средств на сооружение Галлиполийского Памятника с увековечением Вождей и Воинов, павших на всех фронтах Белой борьбы, У С Т А Н О В И В:

§ 4) Таким образом наличность собранных сумм на 13 декабря 1959 года выразилась в ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ОДНА ТЫСЯЧА ПЯТЬСОТ СОРОК ЧЕТЫРЕ французских франка (951.544).

15 декабря 1959 г. Париж. Верно: капитан Григуль.

* * *

16 декабря 1959 г. Возглавляющий Объединение Корниловцев полковник Бояринцев в таких выражениях объявил об окончании сбора: «Свыше двух третей собранной суммы представляет собой лепта Корниловцев. Стимулом этой жертвы была вера в то, что под кровом Галлиполийского памятника они увековечат память их соратников. Полковник Бояринцев».

НАШИ ВРАЧИ И СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Из юбилейной книги-памятки «КОРНИЛОВЦЫ» по материалам сестры милосердия Варвары Сергеевны Левитовой-Васильевой.

Знаю, как в годы войны наши раненые ценили работу сестер милосердия, подчас самоотверженную и иной раз связанную с личной опасностью под снарядами артиллерии и бомбами самолетов. В гражданскую же войну чины Армии не имели возможности проявить должного внимания к сестрам милосердия, а потому теперь с тем большей благодарностью мы хотим сохранить память об их добрых делах милосердия и героизма. Это были все молодые девушки. Самой старшей из них, — я говорю о Корниловских сестрах, — Нине Дюбуа (швейцарке по происхождению), было 25 лет, другим едва исполнилось 18-19 лет. Что побудило их бросить отчий дом, ученье и в качестве ротных фельдшеров идти в полк? Там ждало их все противоположное жизни дома, у мамы: воинская грубость нравов, жизнь и ночевки среди мужчин, походы, непосильные для молодых девушек переходы позади своей роты, недоедание, недосыпание и

вражеский огонь в передовых цепях, и ранения, и смерть, — в Корниловском полку было ранено 26 и убито 8 сестер милосердия. Энергия молодости и милость в русском женском сердце побуждали этих девушек - героинь идти с воинами, шедшими на смерть за РОССИЮ. Был в этих девушках и патриотизм, и вызов к подло нейтральному обществу, прятавшемуся от красных за спины белых, было и безрассудство молодости в сострадании к тем, кто страждет, была и рассудочность их маленького жизненного опыта: правда — на стороне белых.

С большой санитарной сумкой через плечо и бутылкой воды в кармане солдатской шинели, такая «карета скорой помощи», как шутливо называли сестер в походе, под огнем противника перевязывала раненого, с помощью кого-либо эвакуировала его до ближайшей телеги Красного Креста, бегом догоняла роту свою, чтобы снова перевязывать, снова эвакуировать, и так до конца боя. Если бой заканчивался взятием населенного пункта, сестра, хотя и утомленная за боевой день, меняла перевязки у оставшихся после ранения в строю, бинтовала растертые до крови ноги пехотинцев. За недостатком перевязочного материала сестра зачастую снимала с себя последнюю рубашку, чтобы разорвать ее на бинты. И в санитарном обозе не легка была служба сестры. Обоз этот нередко (в 1-м Кубанском походе постоянно) двигался, окруженный врагом и под перекрестным огнем, раненные вчера на поле битвы бывали сегодня убиты в телеге. А на биваке сестры размещали раненых по избам, меняли промокшие повязки, а подчас еще, разведя огонь в печи, готовили еду для своих беспомощных воинов. Припоминается такой случай в Каменноугольном районе: наши части, попавшие в окружение, быстро отступали к железной дороге. Перевязав раненых, сестра Таня и ее подруга по университету Варя погрузили их на пулеметные двуколки и за это должны были на себе тащить пулеметные ленты. Под огнем красных они выбивались из сил, но драгоценных лент не бросили. Варю ранило в бедро. К счастью, прикрывавшая отход пулеметная тачанка подобрала их вместе с лентами и вывезла к полковому резерву. Вскоре после этого была ранена в голову и сестра Таня, когда она перевязывала своего ротного командира полковника Румянцева (это было при прорыве красных на Купянск и Белгород). Умерла она в санитарном поезде Наталии Лавровны Корниловой, которая не только помогала раненым Корниловцам, но и снабжала полки обмундированием, а в эмиграции посылкой виз выручала их при переездах на работу в другие страны.

Тяжела была и работа врачей, из числа которых было трое убитых и двенадцать раненых в Корниловском Ударном полку. Доктора — Корниловцы: Буров, Чернявский, Крошечкин (три первопоходника), Удинцов, Полетаев, Н. Н., Касенко, Сорокин, Окороков, Красик, Иванов, Суяров, Финогенов, Ростовцев, Еременко, зубной врач Вера Урушадзе. Фельдшера: Федоров и Крылов.

Трагична была судьба первопоходника доктора Крошечника: в бою под Екатеринодаром 28 марта 1918 года, перевязывая раненых Корниловцев, он с наступлением темноты пошел с сестрами Таней Кунделековой и Варей Левитовой-Васильевой искать раненых на поле боя. Будучи окру-

жены красноармейцами, доктор не растерялся и на их вопрос: «Какой части?» назвал несуществующую летучку. Пока красные соображали, доктор выхватил револьвер, выстрелил и вместе с сестрами бросился бежать. Красные открыли огонь и ранили доктора в руку с раздроблением кости. Рана в походе загрязнилась и он скончался в Новочеркасске. Доктор Касенко — первый старший врач 2-го Корниловского Ударного полка — скончался в походе от тифа при отступлении от г. Орла. Доктор Иванов, тоже 2-го полка, был убит при налете конницы Жлобы в Северной Таврии, в колонии Орлово. Доктор Полетаев, Николай Николаевич, оставался врачом до самой своей смерти в Париже, со своими Корниловцами как полковой врач 2-го их полка.

Прошло полвека, в памяти не удержались имена сестер полка, в котором я была почти с момента зарождения Добровольческой Армии на Дону и с которыми пошла в 1-й Кубанский Генерала Корнилова поход. Фамилий многих сестер мы и не знали, звали их просто именем уменьшительным. Сестры 1-го Корниловского Ударного полка: старейшими сестрами-первопоходницами были: Шура — 1-й роты, — ее судьба мне неизвестна; 2-й роты — Таня Кунделекова, медичка, была ранена в 1-м походе и убита в 1919 году, у г. Короча; Варя Васильева-Левитова, тоже медичка, была три раза ранена, — 2-й роты, участвовала вместе с Таней в первых боях атамана Каледина у г. Ростова, потом обе поступили в партизанский офицерский имени Генерала Корнилова батальон полковника Симановского, влившийся в Корниловский Ударный полк при выступлении в 1-й поход, в Донецком бассейне была ранена, а при отступлении из-под Орла попала в плен, чудом была спасена в доме священника, возвратилась в Ростов к родителям и снова попала в полк, когда Ростов был взят Корниловцами на один день. Сестра Полина Федоровна Бойко-Бешенова участвовала в ростовских боях в составе Георгиевцев, в начале 1-го похода влившихся в Корниловский Ударный полк, с ним проделала все походы и теперь оказывает материальную поддержку наиболее обездоленным Корниловцам. Сестра Нина Дюбуа, 3-й роты, — первопоходница, ранена под ст. Георгие-Афипской, умерла в Париже в 1963 году. Первопоходницами были и сестры: Тамара, — убита у ст. Георгие-Афипской, Шура Александрова и Анна Константиновна Чубарина, поступившая в полк со своим братом штабс-капитаном, была убита при выходе Русской Армии с Перекопа в Северную Таврию 25 мая 1920 г. Полковник Бояринцев будучи очевидцем ее смерти, так описывает ее: сестры Анна Чубарина и Шура Александрова, перевязав своих раненых, направлялись в избу, чтобы перевязать и красноармейцев. В этот момент снаряд попадает в порог двери, смертельно ранит Анну, а с Шуры только срывает буквально всю ее одежду. Были в полку три сестры: Шура, медичка, Женя и Ася Гайдуковы. Они не успели выйти в 1-й поход на Кубань, с риском для себя и для семьи приютили в родительском доме в Ростове раненых Корниловцев, снабжали застрявших в городе офицеров продуктами и потом пробрались все три в полк, когда Добровольческая Армия уже возвращалась из похода. Шура была убита в станице Мечетинской, Женя, сопровождая раненых с фронта, погибла при крушении поезда, устроенном красными.

Сестра Ася была ранена в полку четыре раза и за подвиги была представлена к Георгиевской медали. В эмиграции она продолжала быть сестрой в Болгарии и во Франции, потом на старости лет жила в старческом доме, где скончалась и была похоронена на кладбище Св. Женевьевы, за Парижем, на Галлиполийском участке. Корниловцы и жители старческого дома в большом количестве и торжественно проводили ее на место ее вечного упокоения. Сестра Таня Романова-Заханевич была несколько раз ранена и контужена, живет в Париже. 5-й роты сестра Шура была тяжело ранена и умерла от ранения. 7-й роты сестра Зина при отступлении из под Орла была замучена и убита конницей червонного казачества красной армии. Сестра Лена, «маленький танк», прозванная так за невероятную выносливость и малый рост, — под санитарной сумкой ее не было и видно, была ранена под Орлом, эвакуирована и умерла от тифа. Сестра Муха, — Мария Николаевна Агабекова, маленькая, энергичная женщина, живет в Греции. Сестра Крошка, — Дора К. Мелихова, была великаном по службе Корниловцам: она с питательным пунктом прибыла в 1-й Ударный Отряд капитана Неженцева при 8-й Армии Генерала Корнилова в 1917 году, когда штаб Армии, отрицательно относившийся к формированию Отряда, не хотел зачислить его на довольствие. Потом, когда довольствие наладилось, она осталась сестрой уже в Корниловском Ударном полку. Сестра Мура Нечепор-Удинцова была ранена несколько раз и была убита в Болгарии. Сестра Сима Ситникова-Крылова работает сестрой в Париже.

Сестры 2-го полка: сестра Таня Донцова-Лысань поступила в полк вместе со своим братом, живет в Америке. Сестра Катя Глик умерла в Болгарии. Сестра Милица Георгиевна Полетаева умерла от желтой лихорадки в Африке. Сестра Нина убита при разгроме конного корпуса товарища Жлобы. Сестра Аня, родственница полковника Будиловича. Сестры Наталия и Елена Киселевские.

Сестры 3-го полка: Сестра Оля Весеновская-Мино, на ее руках умерла в Екатеринодаре жена Генерала Корнилова. Сестра Шура Есеновская-Пиоульская вступила в полк 17-летней. Работа этих сестер Оли и Шуры памятна Корниловцам. Шура, теперь Александра Николаевна Гетц, оказывает в Америке помощь Корниловцам. Были еще в полку сестры: Марианна Федоровна Перепелкина, Наталия баронесса Фредерикс, Вера Дутьнева, Галя Галицына, Ольга Литвиненко, Катя Карташева и Вера Архангельская, впоследствии бывшая сестрой у Великого Князя Николая Николаевича.

Кого не упомянула из живых, прошу меня простить. Кого не упомянула из убитых или скончавшихся, — тех помянул Господь во Царствии Своем, ибо в походах и боях они души свои посвящали милосердию и полагали их за воинов РОССИИ и за РОССИЮ.

По материалам сестры В. С. Васильевой-Левитовой.

К пятидесятилетию основания ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ и начала Белой Борьбы

ПРИКАЗ

Русскому Обще-Воинскому Союзу

г. Лейквуд, САСШ № 83 1 ноября 1967 г.

Прошло 50 лет с того момента, когда началась вооруженная борьба с захватившими власть в России большевиками, 50 лет со дня начала Белого Движения. Начало этой борьбы определяется днем прибытия (2/15 ноября 1917 г.) генерала Алексеева в Новочеркасск, где было положено начало «Алексеевской Организации», вскоре после прибытия Генерала Корнилова получивший название ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ, в командование коей он и вступил. С этого дня и начался ее крестный путь, по которому следовали Белые Воины на юге РОССИИ. Началось вошедшее в историю Белое Движение. В нем приняли участие Белые Воины и из Сибири, и на севере, и на западе, вступив в борьбу за освобождение РОССИИ сначала без всякой связи между собой.

В тяжелых условиях происходило формирование Добровольческой Армии, без средств и значительного притока добровольцев и все время в боях по обороне Дона. Спасая честь РОССИИ, познав сущность врага, Вожди наши призвали нас к исполнению долга, призвали к подвигу на пути служения Родине.

Вооруженная борьба продолжалась три года, боролись с врагом под Белым Знаменем, на котором было начертано слово « О Т Е Ч Е С Т В О ».

Обессиленные, обескровленные, белые воины принуждены были уйти в зарубежье, исполнив свой долг до конца. Поддержки в борьбе они не встретили, а с нею так легко было в то время справиться с этим злом. Теперь, по прошествии 50 лет, мы переживаем жуткое время, наблюдая, что происходит в мире и под какой угрозой находится часть этого мира.

Русский народ страдает все эти годы в жестоком рабстве. Мы верим: он освободится от него и решит свою судьбу.

В эти сложные времена останемся верными заветам наших Вождей и Белой Идее. Вспомним слова профессора И. А. Ильина о значении Белой Идеи, о религиозной сущности ее и о стойкости нашей веры и о нашей правде. «Кто не способен к этому, не выдерживают соблазнов и обсыпаются налево или направо...» Белый дух не нами кончится, он будет вести и строить РОССИЮ и тогда, когда нас не будет в живых. Ибо идея эта, Белая Идея, есть верная идея. И не будем смущаться тем, что находятся лица из числа «обсыпающихся», которые чернят имена творцов Белой Идеи и Белого Движения. Пройдем мимо этого явления, ибо в смутное время всякое бывает.

Предлагаю чинам Русского Обще-Воинского Союза, в рассеянии су-

шим, вспомнить пятидесятилетие Белого Движения молитвою об освобождении РОССИИ от безбожной власти, об упокоении душ ушедших в иной мир Белых Вождей и Воинов и о здравии живущих Белых Воинов, верных Белому Знамени, которому будем служить до конца. И где возможно — отметить это пятидесятилетие собраниями, посвященными этой годовщине и значению Белой Борьбы.

П. п. Начальник Союза генерал-майор ХАРЖЕВСКИЙ.

* * *

Наталия Лавровна Корнилова в Брюсселе на молебне в день полкового праздника Корниловского Ударного полка.

Юбилей пятидесятилетия Корниловского Ударного полка отмечался вместе с юбилеем Добровольческой Армии

Предсмертное распоряжение Начальника Обще-Воинского Союза генерала фон-Лампе от 19 мая 1967 г., г. Париж, № 78:

«10 сего июня исполняется полвека со дня сформирования Корниловского Ударного полка, событие особенно редкое, ибо оно влечет 50 лет одновременного пребывания в родном полку.

Доблестную и близкую моему сердцу семью Корниловцев сердечно поздравляю от имени РОВС-а и моего с этим днем торжества верности Родине и своему Знамени. Склоняю голову перед незабвенной памятью вашего Шефа, — Генерала Лавра Георгиевича КОРНИЛОВА, — и перед бесчисленными могилами павших соратников...

Сомкнем теснее ряды и будем достойными называться Добровольцами РОССИИ Великой».

П. п. Начальник Русского Обще-Воинского Союза
Генерального штаба генерал-майор ЛАМПЕ
Верно: Начальник канцелярии В. Попов.

Возглавляющему Объединение чинов Корниловского Ударного полка
полковнику Левитову

г. Лейквуд 18 июня 1967 г.

В предпоследнем приказе № 78 почившего Начальника РОВС-а генерала Лампе отмечен славный юбилей боевой работы и служения РОССИИ доблестных КОРНИЛОВЦЕВ в течение пятидесяти лет.

Присоединяю мои пожелания вам и всем Корниловцам твердо следовать Белому пути, указанному нам нашими Вождями и вашим Шефом. Будем всегда помнить последние слова нашего мудрого руководителя генерала Лампе, к нам, Белым Воинам, обращенные: «Сомкнем теснее свои ряды и будем достойны называться Добровольцами РОССИИ Великой».

П. п. генерал-майор Харжевский

* * *

Начальник 1-го Отдела РОВС-а и его представитель на Европу полковник Щавинский в своей информации в 16 страниц за № 16, ко дню нашего юбилея описал формирование нашего родоначальника, — 1-го Ударного Отряда при 8-й Армии, биографию Генерала Корнилова и полковника Неженцева и доказательства верности нашего полка заветам нашего Вождя и Шефа полка. Корниловцы! За столь трогательное отношение к нашему славному прошлому принесем полковнику Щавинскому нашу глубокую признательность.

П. п. полковник Левитов

* * *

Поздравления: От генерал-лейтенанта Писарева, командира нашего 1-го армейского корпуса в Русской Армии.

От полковника Леонтьева, начальника штаба нашего 1-го Ударного Отряда при 8-й Армии.

От генерала Куявского: «Дорогой Михаил Николаевич! Дружески приветствую вас и обнимаю с чувством особого уважения к вам и обращаюсь со следующими словами: «Сердечно приветствую вас, доблестных Корниловцев, с вашим 50-летним юбилеем. Пройденный вами путь сказочной боевой славы, пример, — как надо любить свою Родину. Для будущих поколений, когда РОССИЯ освободится от коммунистического ига, путь будет ясен — путь Корниловцев, отдавших свою жизнь за ее Величие и

1 — полковник Гетц на молебне в Нью-Йорке в день полкового праздника Корниловского Ударного полка.

Честь без размышления. Слава героям, живым КОРНИЛОВЦАМ! Вечная, незабвенная память чинам полка, отдавшим жизнь в борьбе за правое дело! Еще раз — слава вам, слава, слава!

Генерал-майор Куявский и с ним Галлиполийцы
Ментонского Отделения. 23 июня 1967 г. г. Ментона

* * *

Прислали свои поздравления: Начальник канцелярии РОВС-а В. В Попов, Начальник 2-го Отдела РОВС-а и председатель Отдела Общества Галлиполийцев полковник Беляков, полковник Лучанинов.

Возглавляющий Объединение Корниловского артиллерийского дивизиона полковник Гегела-Швили: «Приветствую Корниловцев-ударников с юбилеем зарождения полка. Всем нам, современникам «бескровной», подлинно известно, в какой анархии, неразберихе чувств и мыслей родилась у полковника Неженцева мысль, благословленная нашим Шефом, о создании Ударных частей с задачей восстановить в Армии высокий дух, дисциплину, доблесть, и быть тому примером. Это была одна из мер Генерала Корнилова в его стремлении вернуть РОССИИ боеспособную Армию. С предательством Генерала Корнилова Керенским разруха, естественно, углубилась. Однако части полковника Неженцева не разошлись, а в ноябре оказались на Дону, где послужили основой Добровольческой Армии. Вот, собственно, содержание юбилея».

Последний начальник штаба Корниловской Ударной дивизии, профессор, Генерального штаба полковник Месснер, Евгений Эдуардович:

«10 июня был отслужен молебен с многолетием РОССИИ, генералу Харжевскому, вам и всем Корниловцам, и с поминовением воинов Лавра, Митрофана, новопреставленного Алексия и всех Корниловцев, павших, умученных и скончавшихся. За этим состоялась трапеза с приглашением представителей воинских Объединений. Все прошло чинно, дружно, весело и для офицерских душ приятно. Собрали денег для подпоручика Дюженко, больного раком крови. В тот же день я выпустил номер «Русского Слова», посвященный полку. Для бесплатной раздачи он послан вам, в С.А.С.Шт., Бельгию и Испанию».

Капитан Григуль от лица Отдела Общества Галлиполийцев во Франции: «Поздравляю вас и всех здравствующих Корниловцев с знаменательной счастливой датой 50-летия основания Корниловского Ударного полка, ПЕРВОГО полка Добровольческой Армии. Незабвенное имя Вождя и Шефа полка, Генерала Лавра Георгиевича Корнилова, кровь которого вместе с потоками крови жертвенно павших Корниловцев в борьбе за благо Родины будут вечным ярким светочем Чести и Долга каждому русскому воину».

Выдержки из описания полковником Бялковским юбилейного торжества его группы в Лос-Анжелес: «В доме Русских Ветеранов Корниловцы и их гости отметили юбилей молебном и трапезой. Помещение было украшено флагами частей Цветной дивизии, в центре которых был помещен портрет Генерала Корнилова. Был сделан краткий доклад о формировании полка и о его ведущей роли в Белом Движении. Помимо гостей во главе с генералом Свищевым присутствовали следующие чины Корниловского Объединения: полковник Бялковский, подполковник Лисицын, капитан Чернов, поручик Ляшков, капитан Свидерский, полковник Пухальский, поручик Дудников, поручик Терских, поручик Бердник, Зайцев, В. М., поручик Вядро и вольноопределяющийся Георгий Лаврович Корнилов».

Начальник группы в Бельгии подполковник Собченко сообщает: «Отметили наш юбилей молебном, на котором были представители всех военных организаций с их флагами. После все были приглашены на скромную трапезу».

Из Испании штабс-капитан Яремчук 2-й поздравляет с юбилеем в та-

ких выражениях: «Труды, усилия и жертвы, принесенные Корниловцами, являются примером служения Родине. Хотя сатанинская власть и терзает нашу Россию вот уже пять десятков лет, но и ей придет конец, так как зло может торжествовать только временно. Правда восторжествует во всей своей красе, славе и силе и снова будет опорой мира и порядка на земле. Мадрид, 11 июня 1967 г. Штабс-капитан Яремчук 2-й, капитан Белин и еще пять человек».

Поздравления от начальника группы в Греции капитана Вершковского и от группы города Лиона, во Франции, капитана Белоцерковского. От полковника Нилова, объединяющего Дроздовцев во Франции, полковника Ждановского, Возглавляющего Алексеевский полк, капитана Парпути и от Объединения 5-го артиллерийского дивизиона, от Марковского пехотного полка и артиллерийского дивизиона, от Наталии Лавровны Корниловой, приехавшей на торжества. От капитана Туркина от лица группы Корниловцев в Париже, от капитана Веселова и группы Корниловского артиллерийского дивизиона во Франции, от капитана Осипова, Возглавляющего Алексеевский артиллерийский дивизион, от командира 1-го Корниловского Ударного полка полковника К. П. Гордеенко, приехавшего на торжество с сыном и внучкой, от полковника Рябинского, из Аргентины.

Наш полковник Киреев из старческого дома в своем большом поздравлении рисует картину возрождения РОССИИ во всем ее величии и славе. Полковник Иванов, К. В., командир офицерского батальона 2-го Корниловского Ударного полка, полковник Бржезицкий, А. И., полковник Горбач, отец Иоанн Малиженовский, — в прошлом капитан Корниловского Ударного полка, архимандрит Серафим, из Лиона, полковник Лысань, А. Е., капитан Данилин, из Венецуэлы, — один из первых добровольцев 1-го Ударного батальона при 8-й Армии в 1917 году, капитан Игнатьев, — регент хора нашего полка, А. Я. Запорожец, капитан Аджанов, по старости прикован к постели, поручик Смирнов, С. Н., поручик Дексбах, поручик Гриневский.

Поручик Восканьян прислал поздравление с верой в воскресение РОССИИ, на что я так ему ответил: «От души радуюсь тому, что дорогой Сергей Давидович до глубокой старости сохранил веру в наше правое дело борьбы за Честь РОССИИ, что он жертвенно проявлял еще до 1-го Кубанского Генерала Корнилова похода. Хочется верить, что вы, прочтя в информациях о торжестве духа собравшихся в необычайном для нас числе, не будете досадовать на свою старость и порадуетесь вместе с нами нашей вере в успех начатого Генералом Корниловым и Генералом Алексеевым дела. Спасибо вам от всех нас за память и внимание к Корниловской семье. Полковник Левитов».

Прислал поздравление и фельдфебель Тимченко.

К глубокому сожалению, за неимением места пропускаются поздравления вдов многих наших соратников и сочувствующих нам русских патриотов.

Краткое описание торжеств в Париже, в группе капитана Туркина

Парижская группа является центром нашего Объединения и потому ей пришлось уделить много внимания для того, чтобы юбилей полка был достойно отмечен. Первым усилием для этого было то, что она внесла на издание к этому дню книги «КОРНИЛОВЦЫ» самую большую сумму. А какое впечатление она произвела, можно судить по отзыву о ней капи-

Аргентина. Буенос-Айрес, 1962 г.

В день Полкового Праздника Корн. Удар. полка. 1) Майор Якимович, 2) полк. Рябинский, 3) профессор Ген.-Шт. полк. Месснер, 4) полк. Леонтьев, 5) г-жа Бигельгарт, 6) г-жа Алексеева, 7) Сестра милосердия Рябинская, 8) поручик Дадыкин, 9) г-жа Якимович, 10) пор. Чернов, 11) Ф. Асеев, 12) г-жа Леонтьева, 13) г-жа Борель — дочь Генерала Алексеева.

Фотографировал полк. Гегела-Швили.

тана Канашевича: «Так капитан Туркин побывал у больного (80 лет) капитана Канашевича и преподнес ему нашу книгу «КОРНИЛОВЦЫ». В ответ на это я получил от него письмо такого содержания: «Вчера меня навестил Ф. Г. Туркин. Трудно выразить словами чувства, что явились в результате его посещения. Он мне принес привет от Корниловцев и в знак расположения ко мне дал Памятку (то есть нашу книгу), говорящую о полустолетней верности Корниловцев матери-РОССИИ. Что я мог почувствовать? Я сейчас болен и пока ничем не могу быть полезен своим

братьям-Корниловцам. Моя жена, думаю, не меньше меня была взволнована и почувствовала себя близкой братьям-Корниловцам. Ваши Конашевичи».

Так, в пределах своих возможностей Корниловцы скрашивали дни стариков и больных.

Из-за больших расходов группе капитана Туркина пришлось отметить день юбилея только торжественным молебном в соборе св. Александра Невского в Париже без банкета, который был перенесен на день полкового праздника, отмеченного совместно с юбилеем Добровольческой Армии. Самый же молебен прошел исключительно торжественно, благодаря архиерейскому служению, прекрасному хору, исполнившему концертное «Тебе, Бога, хвалим», и содействию старосты собора, поручика Дроздовского стрелкового полка Владимира Николаевича Загоровского. На молебен были вынесены: траурная подушка с оставшимися нерозданными за смертью в боях чинам 2-го Корниловского Ударного полка сорока тремя Георгиевскими крестами и тринадцатью Георгиевскими медалями, черно-красное Ударное Знамя, Георгиевское Знамя, Николаевское Знамя 1-го полка и флаг штаба Корниловской Ударной дивизии, сопровождавший нас в боях. Особую торжественность создало внимание к нам наших соратников, заполнивших весь обширный храм и потом вместе с нами подходивших и целовавших наши Знамена. После окончания молебна Знамена и Парижская группа были сфотографированы, и многочисленные снимки были разосланы по группам.

Наш юбилейный полковой праздник слился с юбилеем Добровольческой Армии и поэтому прошел с особой торжественностью. Успех этого дня был подготовлен Начальником 1-го Отдела РОВС-а полковником Щавинским и его начальником канцелярии В. В. Поповым обширными информациями и организацией самого торжества, которое было разделено на молебен с банкетом в тот же день, 5 ноября, в шикарном помещении Аэроклуба, и на доклады, 12 ноября. На молебен 5 ноября от нас были вынесены: черно-красное Ударное Знамя, Георгиевское Знамя бывшего Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего в Великую войну, Николаевское Знамя 1-го Корниловского Ударного полка и прибывшее из Бельгии Николаевское Знамя 3-го Корниловского Ударного полка в сопровождении представителей от группы и Наталии Лавровны-дочери Генерала Корнилова. От Объединения Дроздовцев было их Николаевское Знамя с Флагом морской пехоты и от Русского Флота — Андреевский Флаг. Молящихся было столько, что стать на колени было невозможно. После молебна мой внук сделал на паперти снимки со всех Знамен, которые тоже были разосланы по группам.

После молебна состоялся банкет, собравший рекордное для Парижа число соратников в количестве 223 человек и это — несмотря на то, что билеты выдавались только членам РОВС-а.

От Объединения Корниловцев присутствовали: командир 1-го Корниловского Ударного полка полковник Гордеенко, Карп Павлович, командир 2-го Корниловского Ударного полка, он же и Возглавляющий Объединение Корниловцев, полковник Левитов, Наталия Лавровна Корнилова, сын пол-

ковника Гордеенко с дочерью, старшие сестры милосердия Полина Федоровна Бешенова и Варвара Сергеевна Левитова (Васса Яковлевна Гайдукова не могла быть по болезни). 46 офицеров и ударников и 11 — от Корниловского артиллерийского дивизиона. Настроение было приподнятое и, несмотря на ограниченное время для речей, все же ими было заполнено все время. Закончился банкет выражением общей радости от исполненного нами долга перед жертвами Добровольческой Армии в ее борьбе за Честь РОССИИ, которая была и остается путеводной звездой на нашем жизненном пути.

После банкета сестра В. С. Левитова пригласила к себе на чашку чая Наталию Лавровну Корнилову, полковника К. П. Гордеенко, представителей от бельгийской группы, капитана Григуль и капитана Туркина с супругой, где внук мой тоже снимал всех нас на память.

12 ноября состоялось продолжение юбилея Добровольческой Армии в частном синема, куда собралось более 500 человек. Присутствовало и высшее духовенство. Отлично пел хор г. Евец из молодежи. Вступительное слово сказал полковник Щавинский, общий обзор сделал затем издатель журнала «Часовой» капитан В. В. Орехов. Представитель Русского Флота осветил его действия во время великой войны и войны гражданской. За ним был доклад Возглавляющего Объединение Корниловцев полковника Левитова о службе их Ударного полка во время великой войны и гражданской, где он проявил в боях исключительную жертвенность, принеся в жертву за спасение РОССИИ 48.002 человека убитыми и ранеными. Если судить по тому, как отнеслись слушатели к изложению жертвенного служения Корниловского Ударного полка нашей многострадальной Родине, то можно вывести заключение о том, что русские патриоты до сего времени чтут память нашего Вождя и Шефа полка и его Корниловский Ударный полк, жизнь свою не щадивших в борьбе за Честь России.

Обращение Архиепископа Георгия к 50-летию основания Добровольческой Армии

«Верою спасется РОССИЯ». Эти вдохновенные слова были начертаны 50 лет тому назад на священных Знаменах первых полков Добровольческой Армии. В самом начале Белого Движения, в первые дни Белой Борьбы, при самом зарождении ее прозвучали эти слова. Они объединили славных российских полководцев, имена и победы которых были известны всему миру, участников первой мировой войны, доблестных воинов, украшенных боевыми лаврами, и юношей героев, стремившихся в Белые ряды из университетов и со школьной скамьи.

Сколько жизней положено за Святую РУСЬ! Сколько безымянных могил усеяло многострадальную русскую землю, орошенную кровью мучеников! Не напрасны были эти жертвы: спасена была ЧЕСТЬ РОССИИ, ограждена щитом веры русская душа.

Ныне, через 50 лет от начала доблестного Белого Движения, нам всем дано великое духовное утешение видеть, что здесь, вне пределов многострадальной Родины, Белый Подвиг продолжается как подвиг Веры и как свидетельство Верности.

Белые Воины объединены и осенены теми словами, начертанными на первых Белых Знаменах 50 лет тому назад, и мы знаем и непоколебимо верим, что эти слова: «Верою спасется РОССИЯ», — слова не только вдохновенные, но и пророческие... Так будет, и не может быть иначе, ибо сам Господь и Спаситель наш свидетельствует, что верующий спасен будет, и говорит нам: все возможно верующему. Богу нашему — слава!

Архиепископ ГЕОРГИЙ

Несмотря на нашу старость с ее недугами, на бедность, на боязнь репрессий со стороны друзей нашего врага, мы сделали все возможное для нас и достойно отметили наш юбилей и юбилей Добровольческой Армии.

Моему помощнику, капитану Григуль, начальникам всех групп и всем принесшим на это патриотическое дело свои средства и труд я от лица Объединения и своего приношу выражение чувства нашей признательности и благодарности. Особенно этого заслуживает наш глубокоуважаемый профессор, Генерального штаба полковник Месснер, Евгений Эдуардович, за издание нашей книги «КОРНИЛОВЦЫ» и брошюры на 8 страницах «Немеркнущий Светоч», 200 экземпляров которой были присланы в Париж для бесплатной раздачи.

Полковник Левитов.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На вышеизложенном я и заканчиваю свои материалы для истории Корниловского Ударного полка в надежде, что детали его жизни в эмиграции хорошо известны соратникам из полковых информаций и русских газет. Помимо этого, в 1936 году Объединением была выпущена книга «Корниловский Ударный полк», и к юбилею 50-летия вышла книга-памятка «Корниловцы», в которой кратко был обрисован крестный путь этого доблестного полка, пройденный им по заветам их Вождя и Шефа полка Генерала от инфантерии Лавра Георгиевича КОРНИЛОВА, завещавшего нам: «Все наши мысли, чувства и силы отдать нашей Родине — матери РОССИИ».

Корниловцы свято и до конца жизни хранят это завещание и не их вина, что мировые события за время их пребывания в эмиграции, звероподобная диктатура Ленина — Сталина и их подручных не дали возможности русскому народу стать на его исконный общечеловеческий путь жизни, а нам — принять в нем участие.

Несмотря на это, Корниловцы умирают с сознанием исполненного ими долга перед национальной Россией, с твердой верою в то, что она все же воскреснет во всем своем величии и славе.

Считаю своим долгом принести мою глубокую благодарность всем, кто помог мне своим участием или материально в издании материалов.

Париж, 1972 год.

Полковник Левитов

* * *

«Смертью смерть поправ...» гремит во храме,
И Корнилов этой смертию пал,
Защищая, первый между вами,
Родины священный идеал.

За грехи, по Божью попущенью,
Полстолетья властвует орда,
Но Корнилов вас учил уменью
Не сдавать позиций никогда.

Побеждать сердцами, не штыками
Суждено Корнилова полкам,
Рыцарям, что стали стариками,
Юношам, со славой павшим там...

Не давайте ж веры маловерам, —
Не забыт Корниловский поход:
Он остался мужества примером,
Верности, которой жив народ.

10-12 сентября 1970 г.

Николай Станюкович

* * *

Нас травили и справа и слева,
Нас встречали повсюду враги,
Но бессильной была их отрава,
Мы Знамена свои сберегли.

Мы несем их еще и сегодня
По наторенным тропам, во мгле.
По предательским падаю сходням
В этом мире, лежащем во зле.

В этом мире злом и кромешном,
Отвергнутые всеми идем.
Нас все меньше, все меньше и меньше,
Но мы Русское Знамя несем.

Париж, 1972 г.

Ударник Корниловского Ударного полка
Дегтярев, Михаил Павлович

ДОЛОГ ПУТЬ

Долог путь наш, — путь изгнанья,
Долог, горек и тяжел,
Но живет у нас сознанье:
К правде он ведет и вел.

Если жизнь не в хлебе белом,
А в идейном и большом, —
Мы гордиться можем смело
Неугасшим в нас огнем.

Два меча нетленны, остры,
Правду с волевым огнем
Через все преграды злостны
До конца мы пронесем.

С верой полной и глубокой
Победят они врага.
Над любимой, над широкой
Запоют колокола.

Долог путь РОССИИ крестный,
Жуток, страшен и в крови...
Близит время день Воскресный,
День свободы и любви.

Виленского военного училища
подполковник Л. Шаблыко

50 ЛЕТ

Печально видеть, что вот так
Случилось на беду:
У каждого прилип, как рак,
Кровавый знак на лбу.

И кто теперь поможет нам
Избавиться от бед?
Поймут ли здесь? Поймут ли там?
Какой кровавый след

Оставим мы на все века
Для будущих племен.
Поймут ли нас из далека,
Не зная всех имен?

А их была такая тьма,
Что всех никак не счесть,
Казалось — все сошли с ума,
Забыв закон и честь.

И вот, стоим мы у могилы,
Неся тяжелый гнет.
Кому-то праздник этот мил,
Но многим — нет, и нет!

Стихотворение ударника Дегтярева, Михаила Павловича, к юбилею 50-летия Корниловского Ударного полка, ноябрь 1967 года. Париж.

В КРЫМУ

Пусть наши ряды поредели,
Пусть многие в битвах легли,
Враги, пусть, отходную спели, —
Мы Знамя свое сберегли...

Цело наше Русское Знамя,
Ему наше сердце верно,
Надежды горячи, как пламя,
И жизненно наше зерно.

Как волны бы нас ни носили
И был лишь туман впереди,
В Вождя, в воскресенье России
Крепка у нас вера в груди.

«Безумцы» — нам крикнут, быть может,
Но искренне мы говорим,
Мы верим, что Бог нам поможет,
Мы ж правое дело творим.

Капитан Кривошеев

ВЕРНУВШИМСЯ ИЗ 1-го ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА КУБАНСКОГО ПОХОДА

О, как многих погубила
Беспримерная борьба,
Как немногих пощадила
Прихотливая Судьба!

Да, живыми мы остались.
А не в общих ли цепях,
Локоть в локоть, вместе дрались
И в станицах, и в степях?

Бог хранил... Судьба любила...
Что там, братья, разбирать.
Знать — минута не пробила,
Значит — рано умирать...

Мир душам, — кто там остался,
Кто дождался череды,
Будь здоров, — кто здесь собрался,
Будь счастлив! Алла Верды!

Капитан Кривошеев

ОГЛАВЛЕНИЕ ТЕКСТА

Страницы

Стр.

ФОТОГРАФИИ

Стр.